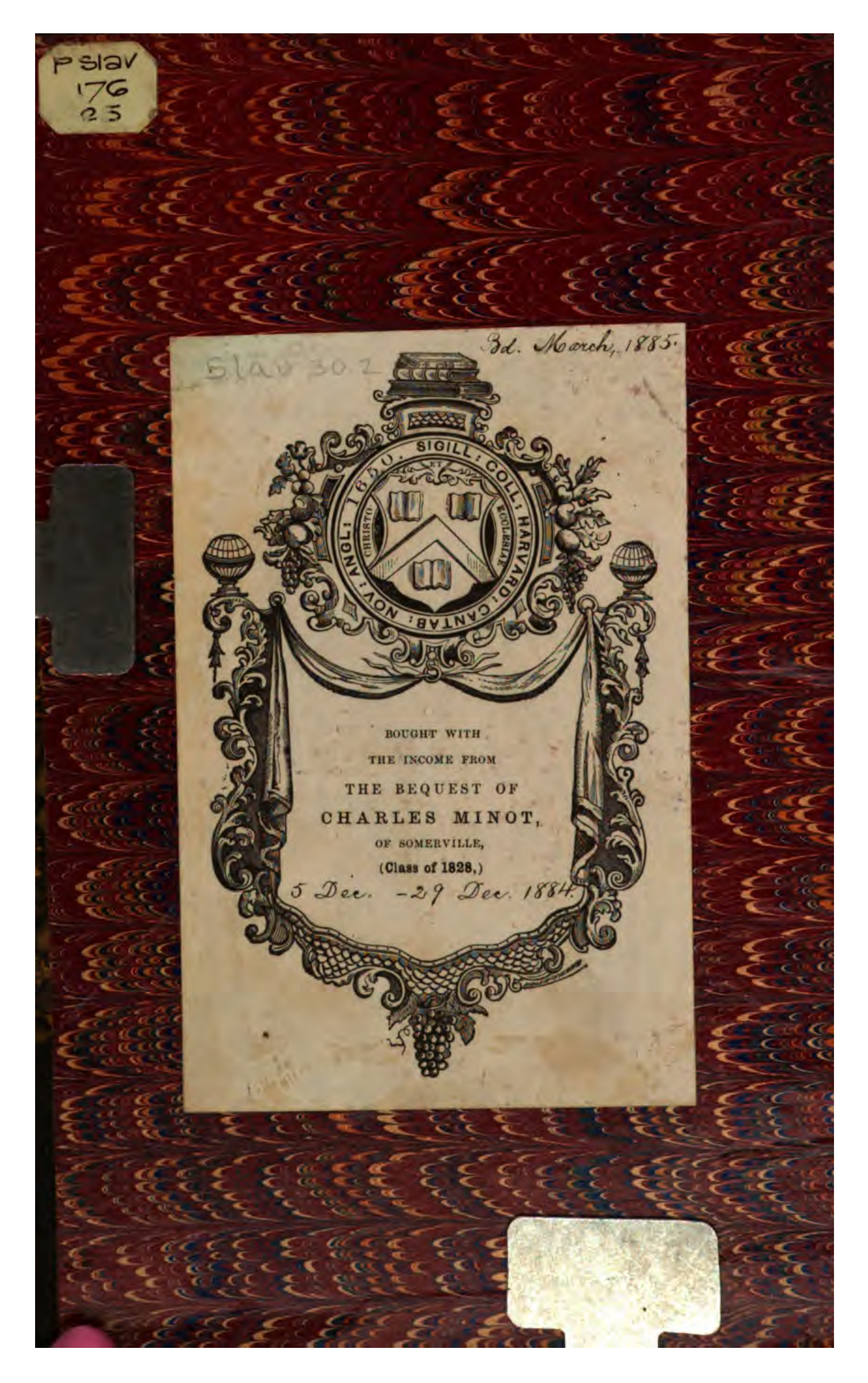
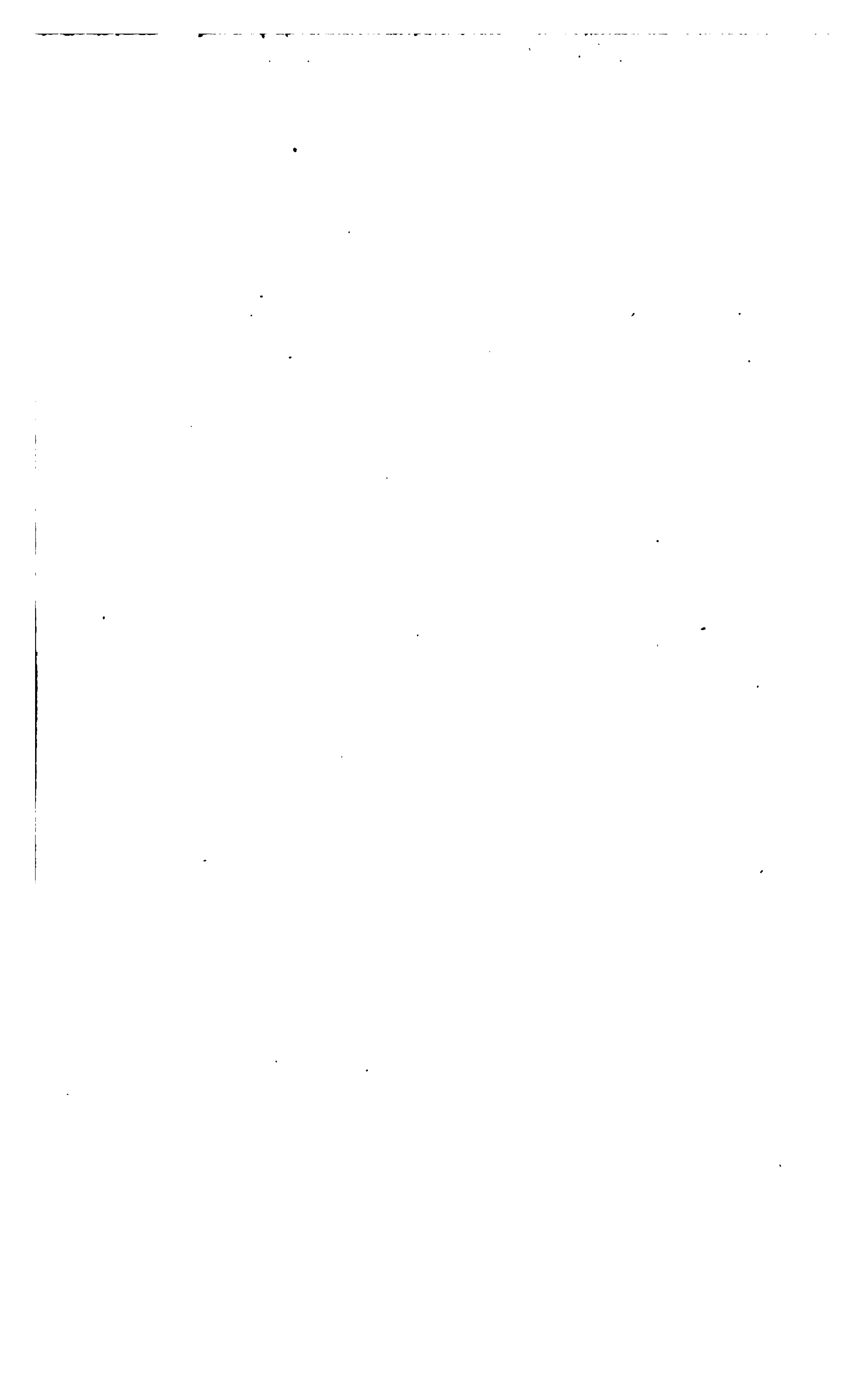

P Slav 176 25
3d. March, 1885.
Slav 302
SIGILL: COLL: HARVARD: CANTAB: NOV: ANGL: 1650.
CHRISTO ET ECCLESIAE
BOUGHT WITH
THE INCOME FROM
THE BEQUEST OF
CHARLES MINOT,
OF SOMERVILLE,
(Class of 1828,)
5 Dec. - 29 Dec. 1884.

Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 2 лин., 7.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІИ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВА.

КНИГА 11-я. — НОЯБРЬ, 1884.

Стр.

ОБЪЯВЛЕНІЯ см. ниже: XVI стр.

Объявленіе объ изданіи журнала „Вѣстникъ Европы“ въ 1885 г., см. ниже, на оберткѣ.

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ VI.

LVIII. — ТОМЪ CCLXXXIV. — 1/13 НОЯБРЯ, 1884.

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

СТО-ДЕСЯТЫЙ ТОМЪ

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ VI

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ": ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: на Васильевскомъ Острову, 2-я линія, № 7.

Экспедиція журнала: на Вас. Остр., Академ. переулокъ, № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
1884

(963)

ЗАДАЧИ ЭТИКИ

при

СОВРЕМЕННЫХЪ УСЛОВІЯХЪ ЗНАНІЯ.

III *).

Изложенныя мысли и соображенія пополняютъ, какъ мы думаемъ, нѣкоторые существенные пробѣлы въ современномъ научномъ міросозерцаніи, мѣшающіе установленію и развитію научной этики, какъ ученія о нравственности. Прежде чѣмъ перейти къ ней, укажемъ на эти пробѣлы и постараемся объяснить, чтó именно вызываетъ въ наше время необходимость коренного поворота въ основныхъ взглядахъ на жизнь и ея условія.

Больное мѣсто всѣхъ міровоззрѣній, научныхъ и ненаучныхъ, есть глубокій мракъ, которымъ до сихъ поръ окружена связь между единичнымъ, индивидуальнымъ, личнымъ существованіемъ и его объективными условіями. Раскрытіе этой связи есть высшая изъ всѣхъ задачъ науки, послѣднее слово всѣхъ научныхъ системъ, главная цѣль стремленій самыхъ свѣтлыхъ умовъ и благороднѣйшихъ сердецъ. Съ тѣхъ поръ, что люди начали думать надъ общими вопросами, они безпрестанно возвращаются къ этому основному вопросу, встрѣчаясь съ нимъ лицомъ къ лицу ежеминутно, не въ однихъ теоретическихъ соображеніяхъ, но и въ малѣйшихъ подробностяхъ ежедневной практической жизни и дѣятельности. Чтó такое я, человѣческая единица, посреди природы, другихъ людей, общества и въ своемъ собственномъ тѣлѣ? Мыслью я ихъ обнимаю, полетъ моихъ желаній и стремленій уноситъ меня далеко назадъ и впередъ, даже за пре-

*) См. выше: октябрь, 656 стр.

дѣлы міра; но въ то же время я чувствую и сознаю, что связанъ своей обстановкой и своимъ тѣломъ по рукамъ и ногамъ, подчиненъ имъ какъ ничтожнѣйшій рабъ, нахожусь въ полной, роковой зависимости отъ случайностей, которыя могутъ меня раздавить и уничтожить, какъ послѣдняго червяка. И единичный человѣкъ, и природа—несомнѣнныя реальности; но какъ онѣ между собою относятся, окружено непроницаемой тайной.

Еще таинственнѣе и непостижимѣе тѣ высшія силы, которыя, не будучи вовсе доступны чувствамъ, управляютъ судьбами и единичнаго человѣка и всего міра. Что онѣ такое, какая ихъ природа, какая связь между ними и единичнымъ человѣкомъ, какимъ образомъ онѣ дѣйствуютъ на него и на весь міръ? Что такія силы есть, что онѣ дѣйствительно существуютъ и дѣйствуютъ,—составляетъ глубочайшую, непоколебимую увѣренность всего человѣческаго рода, съ тѣхъ поръ, что онъ себя помнитъ.

Первымъ толчкомъ, разбудившимъ человѣка къ умственной и нравственной дѣятельности, была потребность жить, существовать. Окружающая среда давала къ тому средства и въ то же время представляла разныя препятствія. Надо было къ ней приспособиться и ее приладить такъ, чтобы она удовлетворяла нуждамъ. Эти заботы впервые заставили человѣка думать и соображать, пріобрѣтать познанія, изловчаться къ разнаго рода полезнымъ для него пріемамъ и навыкамъ.

Продѣлавъ эту первоначальную школу и нѣсколько устроивъ свое существованіе, человѣкъ добрался и до общихъ вопросовъ, сначала до тѣхъ, которые имѣли ближайшее отношеніе къ его жизни и потребностямъ, а потомъ, мало-по-малу, и до болѣе далекихъ. Два пути открывались передъ нимъ. Священные голоса, исходившіе какъ бы свыше, говорили ему: не пытайся узнать все; всевѣдущимъ ты никогда не будешь. Мы открываемъ тебѣ то, чтó тебѣ необходимо знать, чтобъ быть по возможности удовлетвореннымъ и счастливымъ на землѣ. Слѣдуй правиламъ, какія мы тебѣ даемъ, держись ихъ крѣпко, и ты найдешь въ нихъ желанное успокоеніе и точку опоры противъ осаждающихъ тебя со всѣхъ сторонъ бѣдъ и напастей. Другой голосъ, раздававшійся изъ собственной груди человѣка, властно приказывалъ: ищи, думай, изслѣдуй все своими усиліями и умомъ, не слушаясь никого. Тебѣ все доступно; никакая тайна не будетъ для тебя закрыта, если ты станешь самъ усиленно добиваться, опираясь на самого себя.—Человѣкъ раздвоился. Вѣра и знаніе служили ему помощными крыльями; взмахи ихъ поднимали его все выше и выше къ свѣтлой обители полнаго райскаго блаженства и къ горнымъ, лучезарнымъ высотамъ, гдѣ тайны міра скрыты отъ

бренныхъ глазъ. Вѣра отвѣчала на запросы его личной, индивидуальной душевной жизни, наука разъясняла ему условія его объективнаго положенія въ природѣ и въ человѣческомъ общежитіи.

Сначала оба пути лежали почти рядомъ, и люди могли идти обоими вмѣстѣ; но чѣмъ дальше, тѣмъ пути расходились больше и больше и наконецъ разошлись совсѣмъ. Знаніе, наука, постепенно расширяясь, захватили въ кругъ своихъ изслѣдованій и горніе предѣлы, и священные завѣты и ученія, проникли и въ сокровеннѣйшія тайны человѣческой души, всюду и во всемъ открывая неизмѣнныя условія и законы, управляющіе объективною стороною дѣйствительной жизни. Но индивидуальное, личное, единичное до сихъ поръ ускользало изъ ея рукъ, какъ Протей; оно всегда изъ нея выпадало и съ нимъ справиться или хотя бы только подойти къ нему наука не смогла. Причина этого лежитъ въ ея пріемахъ и въ свойствѣ единственнаго ея орудія — мышленія. Умъ разсѣкаетъ живое явленіе, чтобъ извлечь изъ него общее; наука и занимается только общимъ: индивидуальное, единичное отбрасывается ею, какъ ненужное для ея цѣлей; между тѣмъ оно-то и есть реальное, сама дѣйствительность, сама жизнь. Стало быть, наука въ самую жизнь проникнуть не можетъ. Что же она такое? И что такое это общее, которое она вырабатываетъ? къ чему оно служитъ?

Вотъ гдѣ причина недостаточности, неудовлетворительности знанія. На эту тэму со всѣхъ сторонъ слышатся безчисленныя и безконечныя іеремiады, часто поражающія своею эксцентричностью и нелѣпостью. Вмѣсто крокодиловыхъ слезъ и фарисейскихъ воздыханій надъ ограниченностью человѣческаго разума и тщетою научнаго знанія, слѣдовало бы приняться за рѣшеніе вопроса: что̀ такое объективное, научное знаніе, что̀ оно даетъ и можетъ дать, чего мы можемъ отъ него ожидать и требовать?

Вопросы эти давно поставлены и много разъ рѣшались, но до сихъ поръ рѣшенія оказывались неудовлетворительными, вовсе не по немощи человѣческаго разума, а потому, что матеріалъ для правильнаго рѣшенія не былъ достаточенъ, и тотъ, который имѣлся, не былъ довольно подработанъ. Эти препятствія постепенно устраняются. Философія, особливо въ Германіи, давно уже выяснила законы и формы мышленія. Въ послѣднее время психологія и физіологія, еще недавно враждовавшія между собою, усиленно и дружно, рука объ руку, работаютъ съ двухъ противоположныхъ сторонъ, но въ одномъ и томъ же направленіи и по одному и тому же точному методу изслѣдованія, надъ раскрытіемъ источниковъ умственной дѣятельности въ человѣкѣ. Бла-

годаря этимъ трудамъ, мы теперь можемъ предугадывать, къ какимъ они должны придти выводамъ.

Знаніе, думалось когда-то, есть нѣчто непосредственное и крайне простое, понятное само собою. Человѣкъ знаетъ предметъ, вотъ и все. Онъ узнаетъ его въ первый разъ такъ же просто, какъ признаетъ его при новой съ нимъ встрѣчѣ. Но оказывается, что знаніе—весьма сложный психическій актъ, и что предметъ знанія вовсе не то, что мы подъ нимъ разумѣемъ, а нѣчто совсѣмъ другое. Передо мною мой письменный столъ. Я его давно и хорошо знаю и воображаю, что знакомъ съ нимъ непосредственно. На самомъ же дѣлѣ это вовсе не такъ. Столъ производитъ во мнѣ впечатлѣніе, и я знаю это впечатлѣніе, а не самый столъ. Каждый разъ онъ производитъ на меня одно и то же впечатлѣніе, по которому я и узнаю, что передо мною тотъ же самый столъ, за которымъ я много разъ сиживалъ и прежде. Все, что̀ мы узнаёмъ или признаёмъ, мы знаемъ такимъ же образомъ. Ощущенія, мысли, которыя въ насъ родились или нами вычитаны, производятъ въ насъ впечатлѣнія, и эти впечатлѣнія мы узнаёмъ или признаёмъ. Значитъ, не одни внѣшнія явленія, а все на свѣтѣ можетъ быть предметомъ, объектомъ знанія, но только по впечатлѣніямъ, какія оно въ насъ производитъ; а такъ какъ всякое произведенное въ насъ впечатлѣніе находится въ насъ, то и оказывается, что знаніе не имѣетъ дѣла непосредственно съ предметами, а съ тѣми слѣдами, какіе эти предметы оставили въ нашей душѣ. Достовѣрность, несомнѣнность знанія основана на увѣренности, что одинъ и тотъ же предметъ производитъ въ насъ одно и то же впечатлѣніе.

Но способность получать впечатлѣнія можетъ быть у разныхъ людей весьма различна, а потому различно будетъ и ихъ знаніе, у каждаго—свое. Какое же изъ этихъ разныхъ знаній будетъ правильное? Для этого нѣтъ другой повѣрки, кромѣ отзыва или свидѣтельства большого числа людей, или тѣхъ, у которыхъ, по общему признанію, способность принимать впечатлѣнія нормально дѣйствуетъ и наилучше развита. Я могу сойти съ ума, и вообразить, что кресло, на которомъ я сижу, есть коляска, въ которой я ѣду; это заблужденіе тотчасъ же будетъ открыто и поправлено первымъ встрѣчнымъ, не лишеннымъ здраваго смысла; а чтобъ провѣрить діагнозъ болѣзни или правильность химическаго анализа, нуженъ знающій врачъ или химикъ.

Таковы элементы и дѣйствительное значеніе знанія; таково оно на низшихъ своихъ ступеняхъ и въ самыхъ высшихъ философскихъ спекуляціяхъ. Вездѣ и всегда человѣкъ знаетъ не са-

мый предметъ непосредственно, а впечатлѣніе на него предмета; достовѣрность и истина знанія покоятся на томъ, что предметъ производитъ одно и то же впечатлѣніе на большинство людей, имѣющихъ нормальныя умственныя способности.

Таково истинное, несомнѣнное значеніе для человѣка объективнаго, предметнаго міра и человѣческаго знанія объ этомъ мірѣ. Кантъ только приподнялъ завѣсу надъ фактомъ, который до него былъ скрытъ непроницаемой тайной. Если провести его мысль до конца, то всѣ наши взгляды на человѣка, его отношенія къ окружающей средѣ и на самое знаніе—должны измѣниться коренннымъ образомъ. Мы думали, что между мыслью человѣка и окружающей его средой проведена рѣзкая граница; на повѣрку выходитъ, что такой границы нѣтъ, что окружающая среда перенесена въ насъ въ тѣхъ впечатлѣніяхъ, которыя мы отъ нея получили. Мы были убѣждены, что окружающая насъ среда извѣстна намъ какъ нѣчто внѣ насъ существующее, безусловно объективное; оказывается, что мы знаемъ ее лишь настолько, насколько она производитъ на насъ впечатлѣніе. Стало быть, наше знаніе о ней не можетъ быть безусловно объективнымъ. Мы воображали, что, дѣйствуя на окружающую среду или подвергаясь ея дѣйствію и вліяніямъ, человѣкъ вступаетъ въ какія-то непонятныя и необъяснимыя непосредственныя отношенія съ предметами совсѣмъ ему чуждыми и съ нимъ разнородными; отъ этого взгляда приходится совсѣмъ отказаться: разнородное и совсѣмъ чуждое не можетъ вліять и дѣйствовать одно на другое; притомъ взаимнодѣйствіе человѣка и того, что́ его окружаетъ, не есть непосредственное. Дѣйствія на насъ объективнаго міра преобразуются въ психическія состоянія, и въ этомъ только видѣ становятся доступны человѣку. Поэтому-то и внѣшнія дѣйствія человѣка могутъ измѣнять существующія въ дѣйствительномъ предметномъ мірѣ комбинаціи условій, и тѣмъ производить измѣненія въ обстановкѣ людей.

Что же такое, послѣ всего сказаннаго, наша умственная дѣятельность и результатъ ея—знаніе? Вправѣ ли мы считать ихъ безусловными, признавать, какъ прежде выражались нѣмецкіе философы, абсолютными? Нѣтъ, наша умственная дѣятельность и наши знанія такъ же относительны и условны, какъ все въ мірѣ. Только отвлеченная логика придала имъ свойства, которыхъ они совсѣмъ не имѣютъ. Мышленіе, умъ, есть особая способность, которою одарены, въ большей или меньшей мѣрѣ, всѣ живые организмы, а человѣкъ, благодаря способности воспринимать свои психическія состоянія и подвергать ихъ новой переработкѣ, ода-

ренъ въ высшей степени. Мышленіе есть не болѣе, какъ особый, свойственный организмамъ способъ отношеній къ окружающей средѣ и явленіямъ. Оно вращается въ мірѣ впечатлѣній и переступить за ихъ область не можетъ. Мысли, представленія, предметы знанія суть результаты, продукты умственныхъ операцій надъ впечатлѣніями, полученными отъ дѣйствительныхъ явленій, и не заключаютъ въ себѣ ничего безусловнаго или абсолютнаго. Способность перерабатывать впечатлѣнія только расширяетъ кругъ дѣятельности человѣка и усиливаетъ его мощь, не измѣняя ея существа и способовъ дѣйствія. Вслѣдствіе этой способности, человѣческому уму открывается, при ея участіи, міръ психическихъ движеній, недоступныхъ умственной дѣятельности другихъ организмовъ и умственныя операціи отдѣльныхъ людей съ ихъ результатами выводятся изъ тѣснаго круга индивидуальности и возвышаются до степени общаго, коллективнаго продукта умственной дѣятельности людей. Непониманіе этихъ двухъ свойствъ человѣческаго ума, дѣлающихъ его способнымъ подыматься до высшихъ, самыхъ отвлеченныхъ спекуляцій, долго мѣшало точному знанію и ясному пониманію условій и законовъ умственныхъ процессовъ и ихъ продуктовъ. Теперь и эта тайна болѣе и болѣе разоблачается. Умъ есть лишь особый видъ психической дѣятельности, служащій, какъ и всѣ другія психическія отправленія, для развитія и улучшенія человѣческаго существованія во всѣ стороны и во всѣхъ направленіяхъ, соотвѣтственно его природѣ. Пареніе къ идеальнымъ высотамъ, отрѣшеніе отъ живой дѣйствительности, такъ же мало составляетъ цѣль и назначеніе умственныхъ отправленій, какъ и отрицаніе всего идеальнаго и стремленіе низвести человѣка въ разрядъ менѣе совершенныхъ организмовъ. Вдобавокъ и то и другое невозможно: умъ нельзя по произволу привести въ бездѣйствіе или отрѣшить отъ живого человѣка: мышленіе составляетъ его прирожденную принадлежность, которая дѣйствуетъ и заявляетъ себя и сознательно и безсознательно. Рѣчь можетъ идти только о выработкѣ этой способности, о направленіи ея дѣятельности на пользу людей и ихъ организованнаго сожительства, а это возможно лишь при правильномъ пониманіи этой способности, ея способовъ дѣйствія, ея роли въ психической жизни и въ экономіи жизни организма вообще.

Такой взглядъ, не получившій еще правъ гражданства въ наукѣ, но подготовленный и уже намѣченный всѣмъ ходомъ историческаго развитія знанія, переноситъ центръ тяжести изъ объективныхъ условій существованія людей въ психическую жизнь и дѣятельность живого лица, и на мѣсто господства логическихъ

отвлеченностей, механическихъ, безличныхъ, безстрастныхъ, и бездушныхъ законовъ ставитъ въ человѣческихъ дѣлахъ живую самодѣятельность людей. При такомъ взглядѣ жизнь человѣка не можетъ уже представляться жертвою случайностей, или безсильной и безплодной борьбы противъ слѣпого рока, безпощадно давящаго все на своемъ пути, заѣдающаго тысячи существованій во имя чуждыхъ ему математическихъ и логическихъ формулъ. Вся жизнь и дѣятельность отдѣльнаго лица и общества людей получаетъ, при такомъ взглядѣ, значеніе осмысленнаго труда, способнаго болѣе и болѣе приспособлять объективный міръ, какъ дѣйствительно внѣ его существующій, такъ и изъ него самого образовавшійся, къ потребностямъ психическаго и матеріальнаго существованія людей, личнаго и коллективнаго. Но что̀ еще гораздо значительнѣе,—при такомъ взглядѣ исчезаетъ непереступаемая граница, которая до сихъ поръ раздѣляла личную, индивидуальную жизнь отъ общей и коллективной, субъективную отъ объективной. Соединенныя усилія психологіи и естественныхъ наукъ проложили дорогу чрезъ кажущуюся пропасть, показавъ, что представляющійся объективнымъ міръ внѣшнихъ реальностей и идей есть продолженіе личнаго, индивидуальнаго, субъективнаго міра, а также и то, какъ и почему объективный міръ, съ развитіемъ субъективнаго и соотвѣтственно съ нимъ, измѣняется въ своихъ формахъ. Самый фактъ такой ихъ связи былъ уже давно извѣстенъ; теперь выясняются его условія и законы.

Та же органическая связь объективнаго міра съ субъективнымъ проливаетъ яркій свѣтъ на фактъ, нѣсколько разъ повторявшійся въ исторіи, именно на тотъ, что блестящее развитіе общественности и культуры обыкновенно шло, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, рука объ руку съ упадкомъ нравственной индивидуальной жизни и нравственной личности,—упадкомъ, который разрѣшался паденіемъ общественности и культуры, страшнымъ разочарованіемъ, уныніемъ и скорбью, посреди которыхъ зарождались ученія, имѣвшія задачею высвободить индивидуальнаго человѣка изъ нравственной тины и болота, въ которыхъ онъ погрязъ и задыхался, очистить и обновить его, поднять въ немъ упавшія силы и вызвать внутреннюю самодѣятельность и бодрость духа. Въ эпохи, подобныя нашей, человѣкъ, погруженный исключительно въ объективный міръ, въ убѣжденіи, что найдетъ въ немъ для себя твердую точку опоры, утрачиваетъ личные идеалы, а съ ними и смыслъ личной, индивидуальной жизни. Окончательно запутавшись и сбившись съ толку, человѣкъ въ такія эпохи всегда невыразимо страдалъ

и тяготился жизнью, какъ мы, европейцы, теперь. Развитіе древнихъ индусовъ завершилось ученіемъ Будды; въ Греціи, передъ ея разложеніемъ и упадкомъ, появился Сократъ; разслабленіе и паденіе римской жизни отозвалось въ ученіяхъ римскихъ стоиковъ и эпикурейцевъ. По странному недоразумѣнію, всѣмъ этимъ ученіямъ отводятъ мѣсто въ исторіи философскихъ системъ, съ которыми они не имѣютъ ничего общаго, хотя вліяніе ихъ на философію было чрезвычайно сильно и повело къ упадку прежнихъ и появленію на ихъ мѣсто новыхъ философскихъ системъ. Всякое философское ученіе представляетъ болѣе или менѣе связное и полное объективное міросозерцаніе, объясненіе основныхъ причинъ явленій. Таковъ былъ даже первый дѣтскій лепетъ философской мысли у іонійцевъ, не говоря о другихъ, гораздо болѣе зрѣлыхъ философскихъ міровоззрѣніяхъ мыслителей древняго и новаго міра. Ничего подобнаго не представляютъ ученія Будды, Сократа, римскихъ стоиковъ и эпикурейцевъ, вызванныя не потребностью дать новыя основанія наукѣ и знанію, а разрѣшить загадку личной, индивидуальной жизни, отвѣтить на потребность въ личномъ успокоеніи и удовлетвореніи.

По преданіямъ, Будда происходилъ если не изъ царскаго, то изъ знатнаго рода, воспитывался въ нѣгѣ и довольствѣ. Съ юношескою опрометчивостью, онъ, по его собственнымъ словамъ, записаннымъ впослѣдствіи, съ ужасомъ и отвращеніемъ смотрѣлъ на старость, болѣзнь и смерть. Но потомъ его взяло раздумье: только глупый простакъ чувствуетъ къ нимъ ужасъ и отвращеніе въ другихъ, когда самъ имъ подверженъ и несвободенъ отъ ихъ власти. Разсуждая такъ съ самимъ собою, онъ чувствовалъ, что въ немъ исчезала отвага, свойственная молодости. Двадцати девяти лѣтъ отъ роду онъ бросилъ отцовскій домъ, семью, родныхъ, разстался съ роскошной обстановкой и довольствомъ, и сталъ искать, откуда страданія въ мірѣ и какъ ихъ уничтожить? Послѣ многихъ лѣтъ искуса, ученія, скитанія и крѣпкой думы, сознаніе его прояснилось; онъ пришелъ къ слѣдующимъ мыслямъ:

Страданіе—вотъ удѣлъ человѣка на землѣ. Четыре истины относятся къ страданію, къ его происхожденію, къ его уничтоженію и къ средствамъ его уничтожить.

Рожденіе, старость, болѣзнь, смерть, соединеніе съ тѣмъ, чего не любишь, разлука съ тѣмъ, что любишь, недостиженіе того, чего желаешь, словомъ, привязанность къ земному въ пяти видахъ, есть страданіе. На широкомъ пути странствованій и блужданій, въ горѣ и плачѣ о томъ, что намъ на долю выпало то,

что мы ненавидимъ, и не выпало того, что любимъ, пролито слезъ больше, чѣмъ водъ въ четырехъ великихъ моряхъ.

Страданія происходятъ отъ жажды къ существованію, ведущей отъ возрожденія къ возрожденію, вмѣстѣ съ наслажденіемъ и желаніемъ, которое тамъ и здѣсь находитъ удовлетвореніе; жажды къ страстямъ, къ рожденію (zum Werden), къ власти.

Прекращеніе страданія есть уничтоженіе этой жажды, чрезъ совершенное уничтоженіе желанія, отказъ отъ него, отреченіе отъ него, разрывъ съ нимъ, неоставленіе ему мѣста.

Путь къ уничтоженію страданія—стезя въ восьми отдѣлахъ: истинные (rechtes) вѣра, рѣшимость, слово, дѣло, жизнь, стремленіе, помыселъ, погруженіе въ себя.

Тѣлесныя ощущенія, представленія, образы бытія, сознаніе—не сами мы и потому отъ нихъ должно отвращаться. Отвращаясь отъ нихъ, человѣкъ освобождается отъ желаній; прекращеніемъ желаній достигается избавленіе; въ избавленномъ возникаетъ знаніе о своемъ избавленіи: возрожденіе уничтожено, праведный путь совершенъ, долгъ исполненъ, нѣтъ болѣе возврата къ этому міру. Нирвана—такъ называется въ ученіи Будды такое душевное состояніе—есть наступающая при жизни безгрѣшность и отсутствіе страданій.

Сократъ всею своею личностью выражалъ поворотъ греческаго общества отъ объективной дѣйствительности къ внутренней, субъективной психической жизни. Онъ жилъ въ эпоху высшаго процвѣтанія греческой образованности и культуры и былъ современникомъ софистовъ, проводившихъ въ философіи и преподаваніи начало индивидуализма, разложившаго древне-греческій общественный и политическій бытъ,—съ смѣлостью, послѣдовательностью и односторонностью, которыя невольно напоминаютъ точку зрѣнія и дѣятельность римскихъ юристовъ въ области права.

Сократа, грека съ головы до ногъ по натурѣ, не прельщала ни политическая жизнь, ни поэтическія народныя вѣрованія, ни искусство, въ которомъ онъ искалъ только полезнаго; но въ то же время, онъ строго соблюдалъ законы своей страны и подчинялся требованіямъ религіи. Ничего похожаго на отвращеніе отъ людей или міра и его благъ въ Сократѣ не было; напротивъ, обращеніе съ людьми, дѣятельное участіе въ ихъ ежедневномъ быту, радостяхъ, печаляхъ, дѣлѣ, трудахъ и удовольствіяхъ, составляло для него живую потребность и наполняло его жизнь; только самъ онъ воздерживался отъ пороковъ и излишествъ, служилъ всѣмъ примѣромъ добродѣтели и воздержанія и училъ имъ

другихъ, особенно юношей, словомъ и дѣломъ. Ученіе его, какъ и Будды, не дало непосредственно ничего новаго, въ смыслѣ объективнаго знанія, а между тѣмъ приготовило и произвело переворотъ въ греческой философіи, потому что поколебало въ воззрѣніяхъ грековъ прежнее безусловное довѣріе къ міру объективныхъ явленій, которое уже ослабѣло и начало потухать въ ежедневномъ быту и жизни, и указалъ, вмѣсто него, на внутренній психическій міръ, на душевныя движенія и помыслы, какъ на источникъ и основаніе человѣческой жизни и дѣйствительности. Только узнавъ свою душевную жизнь, выработавъ и воспитавъ душу къ добру и правдѣ, человѣкъ, по ученію Сократа, и во внѣшнихъ своихъ поступкахъ будетъ добродѣтеленъ и станетъ счастливъ.

Съ переворотомъ, произведеннымъ въ міросозерцаніи грековъ указаніемъ Сократа на внутренній психическій міръ, открылась эра блистательнаго развитія объективнаго знанія, въ лицѣ Платона и Аристотеля. Но послѣ нихъ греческая мысль одряхлѣла и потухла. Въ ученіи стоиковъ и эпикурейцевъ она опять возвращается къ единичной индивидуальной жизни, ищетъ въ душевномъ состояніи человѣка мира, удовлетворенія, отдыха и точки опоры; но въ этихъ исканіяхъ не видно бодрости и увѣренности, съ которой прежніе греческіе мыслители самыхъ различныхъ направленій выходили на поиски истины. Усталостью и безнадежностью отзываются воззрѣнія стоиковъ и эпикурейцевъ. Они стоятъ на субъективной почвѣ, но не умѣютъ связать душевной жизни и стремленій съ положеніемъ человѣка въ окружающей его средѣ, которая живетъ какою-то особою жизнью, и безпощадно давитъ людей своею бездушною тяжестью. Что остается человѣку? Уйти въ себя и въ своемъ личномъ характерѣ или внутреннемъ равновѣсіи или наслажденіи искать точку опоры противъ чуждаго, холоднаго, рокового внѣшняго міра и его неизмѣнныхъ законовъ. Другого утѣшенія тогдашній человѣкъ не имѣлъ, и этотъ взглядъ выразился въ ученіяхъ стоиковъ и эпикурейцевъ. У римлянъ, въ концѣ греко-римскаго міра, стоицизмъ получилъ трагическій характеръ, эпикуреизмъ выродился въ распущенность и безцѣльность жизни. Ни то, ни другое направленіе не дало удовлетворенія глубоко скорбящему, растерявшемуся, скучающему міру.

Переродило человѣка христіанское ученіе. Никогда, ни прежде, ни послѣ, не было выражено съ такою ясностью, полнотою и убѣдительностью, что во внутреннемъ, душевномъ состояніи заключается весь смыслъ индивидуальнаго человѣческаго существованія;

что въ постоянной работѣ надъ самимъ собой, съ цѣлью очистить свои внутренніе помыслы и движенія, заключается задача, цѣль и смыслъ личной жизни человѣка, отъ рожденія до гробовой доски, и что только этимъ путемъ, узкимъ и тернистымъ, онъ можетъ достигнуть покоя, мира и удовлетворенія, которыхъ жаждетъ и къ которымъ вѣчно стремится. Къ принятію этихъ истинъ человѣкъ былъ подготовленъ ученіями древнихъ; но христіанство, кромѣ того, съ особеннымъ удареніемъ провозгласило, что такое удовлетвореніе доступно всѣмъ людямъ, кто бы они ни были, и достигается не однимъ погруженіемъ человѣка въ самого себя, а въ жизни съ людьми и между ними, въ какомъ бы то ни было положеніи.

Въ цѣли, указанной христіанскимъ ученіемъ индивидуальному человѣку, выраженъ полный, законченный смыслъ личной жизни, выше, совершеннѣе котораго нѣтъ и нельзя себѣ представить. Все что́ думалось и говорилось о томъ же прежде представляетъ блѣдные, отрывочные, разрозненные намеки на то, чему такъ связно, ясно, точно и сильно учитъ христіанство. Попытки отыскать въ буддизмѣ, у пиѳагорейцевъ, Сократа или Платона, этическія ученія, напоминающія, или превосходящія возвышенную нравственную проповѣдь христіанства, оказались несостоятельными. Что общаго между благорасположеніемъ, милосердіемъ и состраданіемъ къ людямъ, которому учитъ Будда, полагавшій, подобно стоикамъ, что высшее совершенство человѣка состоитъ въ полномъ безстрастіи и нечувствительности ко всякимъ возбужденіямъ извнѣ, и дѣятельною любовью къ людямъ, которая ставится христіанствомъ, наряду съ любовью къ Богу, во главу угла всѣхъ добродѣтелей? Какъ сопоставить чаяніе психическаго міра, которое впервые выразилось въ ученіи греческаго мудреца художественнымъ сліяніемъ знанія, соображеній практической пользы и внутреннихъ душевныхъ движеній, съ вполнѣ яснымъ, точнымъ, законченнымъ ученіемъ христіанства о томъ, что въ индивидуальной, личной жизни единственнымъ свѣточемъ и руководствомъ должны служить душевныя блага, и ихъ слѣдуетъ предпочесть всему на свѣтѣ, до пожертвованія имъ всякихъ другихъ благъ и самой жизни? Этическія ученія и системы, появившіяся у христіанскихъ народовъ, не создали ничего новаго, а либо истолковывали христіанскую этику, либо представляютъ болѣе или менѣе неудачныя усилія подыскать для нея теоретическія основанія. Она стоитъ неизмѣримо выше всего, что о ней когда либо было говорено и писано. По своей поразительной глубинѣ и въ то же время простотѣ, она—образецъ со-

вершенства, послѣднее слово этической мудрости, которой яснаго смысла и убѣдительности не могли затемнить ни вольныя и невольныя ошибки людей, ни измѣнявшіяся обстоятельства, ни расколы и вражды исповѣданій, ни предразсудки и вѣрованія народовъ, принявшихъ христіанство и перенесшихъ на него отчасти свои прежнія міровоззрѣнія. Какъ неприступная скала стоитъ христіанская этика непоколебимо и недосягаемо высоко посреди всѣхъ волненій и бурь историческаго развитія, и къ ней люди, въ концѣ-концевъ, возвращаются изъ своихъ душевныхъ скитаній, какъ къ единственному средству утоленія скорби и мукъ истерзанной души.

Какъ же объяснить то равнодушіе и забвеніе, которымъ христіанская этика подверглась въ XVIII и XIX вѣкѣ? Если она есть единственно вѣрное напутствіе личной душевной жизни, то какъ могло случиться, что мы его отбросили, отъ него отворотились и ищемъ на всѣхъ путахъ того, что у насъ передъ глазами и сіяетъ яркимъ свѣтомъ глубочайшей правды, проникающей человѣческую психическую природу до мозга костей? Многіе приписываютъ это врожденной грѣховности человѣка, суемудрію и гордынѣ, обуявшимъ человѣческій умъ до слѣпоты и ожесточенія. Мы не раздѣляемъ этого мнѣнія. Дурныя и порочныя наклонности отдѣльныхъ лицъ не могутъ объяснить повальнаго отступничества отъ истины и правды. Христіанская этика—такая же неопровержимая правда личной духовной жизни, какъ математическія, химическія, механическія и т. п. формулы въ области положительнаго, реальнаго знанія. Какъ же можно ихъ отвергать, или отъ нихъ отворачиваться людямъ съ здравымъ человѣческимъ смысломъ, которые во всѣхъ сферахъ и слояхъ общества составляютъ огромное большинство? Ссылка на врожденную грѣховность не имѣетъ, съ точки зрѣнія вѣры, никакой силы и убѣдительности, такъ какъ вѣроученіе прямо говоритъ, что Спаситель своею земною жизнью и крестною смертью побѣдилъ грѣхъ и смерть и искупилъ отъ нихъ человѣческій родъ. Мы думаемъ, что причины, почему христіанская этика временно померкла въ сердцахъ и убѣжденіи людей, должно искать гораздо глубже, — именно въ отношеніяхъ человѣка къ объективному міру, посреди и въ условіяхъ котораго совершается индивидуальная, личная жизнь. Живя подъ его вліяніемъ, испытывая на себѣ, на каждомъ шагу, его то благотворныя, то вредныя и губительныя дѣйствія и вліянія, человѣкъ, въ интересахъ своего личнаго существованія, вынужденъ былъ озаботиться о томъ, какъ бы приспособить свою обстановку къ себѣ и себя

приладить къ ней. Эти заботы общи человѣку со всѣми другими организмами; но сознаніе чрезвычайно усиливаетъ, расширяетъ и разнообразитъ средства и способы такого рода двоякой дѣятельности. Не оставаясь непосредственною, какъ у животныхъ, она у человѣка переходитъ въ знаніе; знаніе, въ свою очередь, ведетъ къ повѣркѣ и выработкѣ научныхъ пріемовъ, способовъ познаванія, словомъ—научнаго метода, а методъ послѣдовательно приводитъ къ изслѣдованію самыхъ источниковъ и основаній знанія, законовъ умственной дѣятельности и ея значенія и роли въ экономіи человѣческаго существованія. Такимъ образомъ, не простая любознательность, не идеальное, безцѣльное стремленіе, а потребность, нужда влекли и гнали человѣческій умъ отъ вопроса къ вопросу, до самыхъ отвлеченныхъ высотъ мышленія, на которой голова естественно кружится и человѣкъ также естественно и легко теряетъ нить, связующую первые робкіе и неопытные шаги въ области мысли съ самыми отвлеченными задачами ума, какъ онъ теряетъ связь между своимъ личнымъ существованіемъ и условіями среды, въ которой живетъ. Чтò такое этотъ объективный міръ, дѣйствующій на людей, самъ по себѣ, независимо отъ человѣка—вотъ вопросъ, который тотчасъ же задалъ себѣ человѣкъ, какъ только въ немъ пробудилось сознаніе, и этотъ вопросъ занималъ его столько же, сколько вопросъ о его личномъ существованіи. Оба, по самому существу дѣла, находились въ тѣснѣйшей взаимной связи, но въ то же время не смѣшивались, разрѣшались каждый особо и потому имѣютъ, каждый, свою историческую судьбу и развитіе. Изслѣдователи исторіи человѣческой мысли до сихъ поръ мало обращали вниманія на это коренное различіе двухъ параллельныхъ ея теченій. Не разглядѣвъ его посреди безпрестанныхъ, взаимно перекрещивающихся вліяній ихъ другъ на друга, они смѣшали оба ряда вопросовъ и оттого совсѣмъ спутали картину судебъ философіи. Чтобы возстановить ее въ настоящемъ свѣтѣ, необходимо строго различить усилія выяснить смыслъ, значеніе и законы объективной дѣйствительности, отъ попытокъ найти для индивидуальнаго лица точку опоры посреди окружающаго міра. Только сдѣлавъ это различеніе, мы поймемъ многое, чтò остается до сихъ поръ тёмнымъ и загадочнымъ въ исторіи человѣческой мысли. Оно покажетъ, что исходной точкой и движущей пружиной всего развитія рода человѣческаго всегда были насущныя жгучія потребности и—спѣшимъ прибавить—не однѣ матеріальныя, но и психическія; что превратности, которымъ человѣческая мысль подвергалась въ своемъ развитіи, объясняются не только общими

свойствами человѣческой природы, но и различными возрастами, въ какихъ народы и весь родъ человѣческій находился въ разные періоды и эпохи исторіи; наконецъ, оно откроетъ, что исканіе личнаго удовлетворенія и изслѣдованіе объективныхъ условій, развиваясь рядомъ, бокъ-о-бокъ, и непрерывно вліяя другъ на друга, рѣдко совпадали по времени: то одно, то другое опережало и выдвигалось впередъ, заслоняя и пріостанавливая другое и налагало на него свой характеръ и краски. Эпохи, когда субъективныя психическія потребности стояли на первомъ планѣ, смѣнялись періодами дѣятельныхъ преобразованій и изслѣдованій объективныхъ условій и пренебреженіемъ этическихъ требованій, и наоборотъ; но смѣняясь и какъ бы чередуясь въ исторіи, каждое изъ этихъ направленій пользовалось тѣмъ, что, благодаря другому, предшествовавшему, было выработано, изслѣдовано и уяснено. Мысль древнихъ индусовъ не подготовила орудій и средствъ для борьбы человѣка съ окружающей дѣйствительностью, и это отразилось на ученіи Будды, который искалъ удовлетворенія душевныхъ потребностей въ полномъ безстрастіи и отрѣшеніи отъ міра; напротивъ, Сократу предшествовали усилія грековъ понять законы жизни и природы; къ его времени старинныя условія греческаго быта, покоившіяся, какъ и вездѣ вначалѣ, на родовомъ и семейномъ началѣ, ослабѣли и выработался индивидуализмъ, нашедшій себѣ смѣлое и талантливое выраженіе въ ученіяхъ софистовъ. Оттого и въ этическомъ ученіи Сократа нѣтъ и тѣни отчужденія отъ міра; видны довѣріе къ знанію, усилія, посредствомъ размышленія и науки, водворить въ людяхъ нравственныя стремленія и тѣмъ сдѣлать ихъ пригодными для общественной и политической жизни. Послѣдовавшее затѣмъ объективное направленіе греческой мысли, въ лицѣ Платона и Аристотеля, уже стоитъ на почвѣ, впервые указанной Сократомъ, точно такъ же, какъ въ неудачныхъ попыткахъ стоиковъ и эпикурейцевъ снова стать на этическую точку зрѣнія и удовлетворить этическимъ потребностямъ, слышится подавляющій авторитетъ и свѣжія еще воспоминанія торжествующей объективной мысли, способной взглянуть на субъективныя психическія движенія лишь съ общей, а не индивидуальной, личной точки зрѣнія.

Ту же періодическую смѣну двухъ направленій мы замѣчаемъ и у новыхъ европейскихъ народовъ. Христіанство закончило развитіе нравственныхъ ученій, поставя отдѣльному лицу, его внутреннимъ движеніямъ, помысламъ, чувствамъ и дѣятельности совершеннѣйшій образецъ. Открытымъ для изслѣдованія и

дѣятельности людей оставался міръ объективныхъ условій и законовъ, которыхъ христіанское ученіе не коснулось. Въ эту область и направились всѣ силы европейскихъ народовъ, съ юношескою горячностью и увлеченіемъ. Укрѣпившись и возмужавъ въ усвоеніи опытовъ великихъ учителей, народовъ древняго міра, европейцы пустились въ широкое море научныхъ изслѣдованій и стали примѣнять сдѣланныя ими открытія ко всѣмъ сторонамъ своей жизни. Успѣхи были поразительны и превзошли самыя смѣлыя ожиданія. Изобрѣтенія, одно другого полезнѣе и благотворнѣе, потянулись вереницей. Перевороты въ общественномъ и политическомъ быту, мирные и насильственные, коренныиъ образомъ измѣнили и улучшили соціальныя условія человѣческаго существованія. Рука объ руку съ такою дѣятельностью, шли, непрерываясь, поиски основныхъ началъ и законовъ объективнаго міра. Точкой отправленія послужили сначала преданія и результаты науки древняго міра, затѣмъ самостоятельныя размышленія, которыя потомъ стали повѣряться наблюденіями и опытами въ области реальнаго знанія. Такимъ образомъ, явленія субъективнаго и объективнаго міра, сперва казавшіяся раздѣленными другъ отъ друга непереступаемой пропастью, стали мало-по-малу сближаться, рѣзкія и точныя границы между ними болѣе и болѣе стушевываться. Безусловное выдѣленіе человѣка изъ природы, психическихъ явленій изъ матеріальныхъ, которое сначала казалось такъ просто и легко, становилось все труднѣе и труднѣе. Трудности эти пробовали устранить, въ XVIII вѣкѣ, два геніальныхъ изслѣдователя — Локкъ и Кантъ. Первый обратилъ особенное вниманіе на содержаніе представленій и мыслей, и нашелъ въ основаніи ихъ внѣшнія впечатлѣнія; второй—на законы и формы умственной дѣятельности и приписалъ имъ, а не содержанію представленій и мыслей, знаніе объективнаго міра. Этимъ было положено первое начало научному объясненію связи между субъективнымъ и объективнымъ міромъ, человѣкомъ и окружающей его средой. Оно явилось въ двухъ противуположныхъ другъ другу направленіяхъ, изъ которыхъ одно, указанное Локкомъ, пустило корни въ Англіи и Франціи, другое, родоначальникомъ котораго былъ Кантъ—въ Германіи. Каждое выставило длинный рядъ выдающихся ученыхъ и мыслителей, создателей философскихъ ученій. Труды ихъ далеко раздвинули знаніе въ ширь и глубь, но не разрѣшили вопроса. Въ наше время самый вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ субъективнаго и объективнаго міра далеко не такъ живо занимаетъ умы какъ прежде, вѣра въ возможность рѣшить его какъ

будто охладѣла, и снова стали выступать на первый планъ интересы этическаго характера. Чему приписать это? Вялость мысли есть ли признакъ усталости, потребности во временномъ отдыхѣ, послѣ долгой, безпрерывной и кипучей дѣятельности, или же она знаменуетъ конецъ цѣлаго періода развитія рода человѣческаго и наступленія новаго? Намъ представляется послѣднее болѣе вѣроятнымъ. Расшатанность убѣжденій, хаотическое состояніе умовъ, оскудѣніе нравственной стороны въ ежедневной жизни и безсиліе теоріи поставить ее твердо и прочно указываютъ на потребность коренного переворота въ міровоззрѣніяхъ современныхъ людей. Блистательные успѣхи европейской жизни въ теченіе новой исторіи достигнуты, исключительно благодаря выработкѣ объективныхъ условій существованія, а такая выработка была результатомъ развитія объективнаго знанія. Все, что думалось и дѣлалось великаго въ Европѣ, впродолженіе четырехъ или пяти послѣднихъ вѣковъ, выходило изъ глубокаго, непоколебимаго убѣжденія, что все зло и всѣ страданія людей происходятъ единственно и исключительно отъ тѣхъ неблагопріятныхъ объективныхъ условій, посреди которыхъ они поставлены. Слѣдуетъ измѣнить эти условія,—и зло, страданія прекратятся сами собою; а для этого есть только одно вѣрное, безошибочное средство—это объективное знаніе и примѣненіе къ жизни полученныхъ имъ выводовъ. Слѣдовательно, умъ, мышленіе, единственное орудіе знанія, есть высшая способность человѣка и высшая сила, которая одна можетъ доставить побѣду надъ препятствіями и затрудненіями на пути къ возможному удовлетворенію и благополучію. Каждый шагъ, каждый новый успѣхъ науки и знанія болѣе и болѣе подтверждали правильность такого убѣжденія и придавали ему значеніе безусловной, непоколебимой истины. Сначала люди думали, что объективный міръ ограничивается одними реальными предметами, но скоро предѣлы объективности стали расширяться и въ него вошли явленія, лежавшія, по прежнимъ понятіямъ, внѣ предѣловъ объективнаго міра. Наблюденіямъ и изслѣдованіямъ удалось, послѣ долгихъ усилій, подмѣтить, что не одни явленія внѣшней природы, но и факты и событія психической и соціальной жизни, не зависятъ отъ личнаго усмотрѣнія и доброй воли людей, а совершаются съ извѣстною правильностью и послѣдовательностію, подлежатъ тоже извѣстнымъ условіямъ и неизмѣннымъ законамъ, подобно явленіямъ внѣшней природы, и потому, вмѣстѣ съ ними, должны быть отнесены къ объективному міру, составляютъ тоже своего рода объективныя условія существованія и

дѣятельности человѣка. Сдѣлавъ это великое открытіе, европейцы стали и относительно психическихъ и соціальныхъ явленій на ту же точку зрѣнія, на какой прежде стояли относительно однихъ явленій реальнаго міра, и естественно и послѣдовательно пришли къ убѣжденію, что и психическіе, и соціальные факты, подобно матеріальнымъ, могутъ быть измѣняемы и комбинируемы такъ или иначе, согласно съ потребностями и желаніями людей. Блистательные практическіе результаты этой мысли и ея примѣненій къ воспитанію и развитію человѣка, къ законодательству, администраціи, политикѣ, и экономической жизни народовъ, возвели ее на степень непреложной истины и повели, въ наше время, къ распространенію точнаго научнаго метода и на изслѣдованія психическихъ и соціальныхъ явленій, о чемъ, еще недавно, никто не смѣлъ и мечтать.

Громадное значеніе и дѣятельная роль объективнаго знанія въ устроеніи и улучшеніи человѣческаго быта упрочены и обезпечены практическими результатами. Умалять или отвергать объективное знаніе, объективную дѣятельность, какъ пытаются многіе, значитъ спорить противъ очевидности. Исторія есть послѣдовательный рядъ опытовъ рода человѣческаго улучшить положеніе людей, а развитіе наукъ есть лишь развитіе критической провѣрки опытовъ, накопленныхъ путемъ знанія. Если развитіе отклонилось отъ извѣстнаго направленія и въ продолженіе столѣтій идетъ по другому, противуположному, то это вѣрный признакъ, что передъ человѣкомъ открылись новыя перспективы, которыхъ онъ прежде не замѣчалъ, или съ прежней точки зрѣнія не могъ видѣть, — перспективы, манящія его на новыя попытки улучшить свое положеніе и свою судьбу. Сюда онъ и направляется, съ надеждою и вѣрою найти то, чего ищетъ. Успѣхъ его окрыляетъ и удвоиваетъ его силы. Въ упоеніи одержанныхъ на новомъ пути побѣдъ и сдѣланныхъ завоеваній, онъ мечтаетъ, что уже держитъ въ рукахъ ключъ, которымъ отврываются ворота, ведущія къ цѣли. Есть ли смыслъ бросать въ него камнемъ за то, что онъ обманулся въ своихъ надеждахъ, какъ ошибался и прежде, много разъ, и не ставить ни во что все чтó онъ узналъ и пріобрѣлъ на пройденномъ пути? Исторія есть накопленіе труда и опытности, безъ которыхъ шагу нельзя ступить ни въ мысли, ни въ практической жизни.

Если мы теперь уже не видимъ въ поступательномъ движеніи европейской жизни и мысли прежней, еще недавней увѣренности и твердости, если праздничное настроеніе мало-по-малу

уступаетъ мѣсто прозаической озабоченности и, рядомъ съ кликами торжества и побѣды, стали слышны и все чаще и чаще раздаются плачъ, стоны и вопли унынія и отчаянія, то это вовсе не значитъ, что все сдѣланное въ теченіе вѣковъ никуда не годится и можетъ быть безнаказанно выброшено и забыто, какъ ненужная ветошь: это только признакъ, что дальнѣйшее поступательное движеніе въ томъ направленіи не обѣщаетъ уже того полнаго удовлетворенія, какого человѣкъ надѣялся достигнуть, идя съ увѣренностью по пути, какой оно указывало. Открыть и выяснить, чтó именно ослабило эту увѣренность, вызвало колебанія и нерѣшительность, — вотъ задача нашего времени. Только ея правильное разрѣшеніе покажетъ, чего людямъ недостаетъ и въ какомъ направленіи имъ слѣдуетъ работать и трудиться далѣе, чтобъ все ближе и ближе подходить къ завѣтной цѣли.

Объективная истина, объективная правда, объективное благо —вотъ къ чему человѣкъ стремился безъ оглядки въ теченіе послѣднихъ вѣковъ; уяснить, выработать и воплотить объективное въ дѣйствительности,—вотъ что, въ продолженіе столѣтій, составляло главнѣйшую цѣль и задачу благороднѣйшихъ стремленій, усилій и трудовъ. Въ основаніи всей современной европейской жизни, въ ея общемъ и малѣйшихъ подробностяхъ, лежитъ, какъ предпосылка, непоколебимое, глубокое убѣжденіе, что объективныя цѣли и ихъ осуществленіе въ дѣйствительности суть единственно вѣрное средство доставить человѣку возможное благополучіе. Такое убѣжденіе проникло въ плоть и кровь европейца. Имъ пропитаны всѣ его мысли, стремленія и чувства, на что бы онъ ни направилъ свою дѣятельность.

Такое міросозерцаніе вѣрно, но оно недостаточно, односторонно, неполно. Теперь, пока, это только чувствуется и выражается въ какомъ-то неопредѣленномъ недовольствѣ и уныніи, котораго люди не умѣютъ объяснить. Объясненіе лежитъ въ томъ, что объективность не даетъ человѣку безусловно твердой и прочной точки опоры, потому что источникъ, корни ея лежатъ не внѣ человѣка, а въ немъ самомъ, въ его природѣ, какъ живого, единичнаго, индивидуальнаго организма. О безусловной объективности можно было говорить до изслѣдованій Канта; послѣ него она уже немыслима какъ живая и реальная дѣйствительность. Внѣ насъ несомнѣнно существуетъ реальный міръ; мы только часть его и потому вполнѣ, всецѣло подчинены его условіямъ и законамъ; но также несомнѣнно, что каждый человѣкъ въ отдѣльности старается устроиться въ этомъ мірѣ какъ можно

лучше и удобнѣе, точно такъ же, какъ люди въ совокупности, въ составѣ обществъ, народностей, государствъ, всего человѣческаго рода, имѣютъ свое особое существованіе, которое по возможности всячески отстаиваютъ посреди окружающей ихъ обстановки. Только съ той стороны, какою реальный міръ касается людей онъ и можетъ быть ему извѣстенъ. Мало того: люди знаютъ этотъ міръ лишь настолько, насколько вообще могутъ что-нибудь знать; а мы видѣли выше, что безусловнаго знанія нѣтъ. Слѣдовательно, для человѣка не можетъ быть и безусловно объективнаго міра. Отвлеченная логика создала эти понятія, которымъ нѣтъ соотвѣтствующихъ явленій и фактовъ въ дѣйствительности. Насъ вводитъ въ заблужденіе различіе личнаго мнѣнія отъ того, что мы признаемъ за объективную истину; но мы знаемъ, что это различіе выражаетъ только различіе между знаніемъ одного или нѣсколькихъ лицъ и знаніемъ большинства людей или знатоковъ и спеціалистовъ. Единичное, индивидуальное, или генерическое, коллективное,—вотъ къ чему, въ концѣ-концовъ, сводится различіе личнаго мнѣнія и несомнѣнной достовѣрности объективной истины. Выше генерическаго, коллективнаго знанія всѣхъ людей, всего человѣческаго рода, человѣкъ никакъ подняться не можетъ, а оно не есть безусловно объективное мѣрило истины. Отъ того-то умъ, мышленіе и неспособны, отрѣшившись отъ дѣйствительнаго міра и его явленій, построить науку и знаніе. Въ добрыя старыя времена люди были убѣждены, что можно такимъ образомъ вывести изъ чистой мысли математическія истины. Послѣдній и величайшій изъ метафизиковъ, Гегель, сдѣлалъ геніальную попытку создать логику какъ систему чистой мысли, развивающейся изъ самой себя, по законамъ, лежащимъ въ ней самой, по присущей ей внутренней необходимости. Такая логика была, по воззрѣніямъ Гегеля, прототипомъ дѣйствительнаго міра. Никогда, самая смѣлая мысль не парила такъ высоко; но критика разрушила эти иллюзіи, доказавъ, что математика оперируетъ, какъ и всѣ другія науки, надъ отвлеченіями отъ дѣйствительныхъ явленій; что въ логикѣ Гегеля есть скачки, стушевывающіе дѣйствительные факты, отъ которыхъ отвлечена такъ-называемая чистая мысль.

Итакъ, для человѣка ни безусловнаго знанія, ни безусловной объективности нѣтъ и не можетъ быть. Знаніемъ родъ человѣческій не можетъ подняться выше самого себя, вырваться изъ своей природы. То, что человѣкъ считаетъ объективнымъ міромъ есть или внѣшняя природа, которой часть онъ составляетъ, или другіе люди и человѣческое общество, посреди которыхъ онъ

живетъ, или явленія и факты его психической жизни и дѣятельности. Мышленіе и результатъ его — знаніе — есть не что иное, какъ лишь свойственный человѣку способъ относиться къ явленіямъ дѣйствительности, чтобъ прилаживать ихъ къ своимъ нуждамъ, а себя къ условіямъ, посреди которыхъ онъ поставленъ. Далѣе этой относительной и условной дѣятельности человѣческій умъ не идетъ и знаніе не простирается, не потому, чтобъ разумъ былъ слабъ, немощенъ, недостаточенъ, а потому, что такова его функція въ человѣческомъ организмѣ. Не приписываемъ же мы безсилію, немощи, несовершенству глаза, что онъ не слышитъ, уха — что оно не видитъ. Психическія способности и отправленія гораздо труднѣе поддаются точнымъ изслѣдованіямъ; оттого относительно ихъ и удерживаются дольше разныя ошибочныя представленія, сложившіяся путемъ отвлеченной логики и неправильныхъ обобщеній.

Что же такое и на чемъ основаны объективные идеалы, въ которыхъ люди думали найти якорь спасенія и въ несокрушимую силу которыхъ такъ долго и такъ горячо вѣрили? Чтобъ правильно отвѣтить на этотъ вопросъ, замѣтимъ прежде всего, что въ области теоретическаго знанія объективныхъ идеаловъ нѣтъ и быть не можетъ. Теоретическое знаніе оперируетъ надъ данными, которыя имѣетъ подъ руками, не задаваясь другими цѣлями, кромѣ критическаго установленія фактовъ и открытія ихъ условій и законовъ. Объективные идеалы возможны только въ прикладныхъ знаніяхъ и практической дѣятельности, т.-е. во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда имѣется въ виду, посредствомъ извѣстныхъ внѣшнихъ, механическихъ пріемовъ, произвести извѣстную желаемую комбинацію внѣшнихъ фактовъ и условій, разсчитанную на извѣстное матеріальное или психическое дѣйствіе. Такіе идеалы еще менѣе, чѣмъ знаніе и объективность, могутъ быть безусловными, абсолютными, потому что находятся въ полной зависимости и отъ явленій или фактовъ, которые приводятся въ извѣстныя сочетанія, и отъ цѣлей, которыя ими достигаются или имѣются въ виду. Совершеннѣйшей комбинаціей такого рода будетъ та, въ которой совокупное дѣйствіе сочетаемыхъ явленій и условій наилучшимъ образомъ достигаетъ предположенной цѣли. Такое совершенство можно назвать безусловнымъ, но безусловность его будетъ отвлеченная, потому что ни безусловной цѣли, ни безусловныхъ средствъ для ея достиженія, ни безусловно совершеннаго сочетанія условій и фактовъ нѣтъ и быть не можетъ. Что же касается объективныхъ идеаловъ, то ихъ источникъ лежитъ тоже въ человѣкѣ, ибо взаимнодѣйствіе явленій,

приведенныхъ между собою въ извѣстное сочетаніе, не составляетъ существа объективнаго идеала и подпадаетъ вполнѣ подъ законы объективнаго міра и его явленій. Идеальною можетъ быть названа только цѣль, мысль, которая преслѣдуется и осуществляется въ объективномъ мірѣ помощью той или другой комбинаціи, а эта цѣль или мысль есть фактъ, событіе психической жизни.

Такимъ образомъ, всѣ внѣшніе устои, на которыхъ люди надѣялись крѣпко и прочно построить свое существованіе, оказываются шаткими, колеблющимися и подъ ними мы открываемъ того же человѣка, который, какъ намъ думалось, всецѣло отъ нихъ зависитъ, безусловно имъ подчиненъ и долженъ, волей-неволей, ими руководиться въ своихъ дѣйствіяхъ и поступкахъ. Увлеченіе объективною стороною, чрезмѣрное довѣріе къ ея всемогуществу, долгое время отклоняло вниманіе европейскихъ народовъ и науки отъ внутренней индивидуальной психической жизни. Она была предоставлена самой себѣ и развивалась такъ или иначе, случайно, безъ всякаго руководства и дисциплины, такъ какъ объективное знаніе не интересуется индивидуальною жизнью и, по своимъ задачамъ и цѣлямъ, нигдѣ не можетъ натолкнуться на ея потребности и вопросы. Забытая и брошенная на произволъ случайностей, она покрылась плѣсенью, загрубѣла, ожесточилась и завяла. А такъ какъ личная, индивидуальная жизнь есть непосредственная основа общей и объективной, то и на послѣдней должна была, рано или поздно, отозваться неустроенность душевной жизни и дѣятельности.

Кто хотя издали слѣдилъ за тѣмъ, что́ происходитъ теперь въ мірѣ, тотъ не могъ не замѣтить, что рядомъ съ порчею нравовъ усиливается шаткость политическихъ и соціальныхъ порядковъ, запутывается экономическое и финансовое положеніе, останавливается научное и художественное творчество. Красные дни кипучей и плодотворной объективной дѣятельности проходятъ; наступили сумрачныя времена неизвѣстности и какого-то тревожнаго ожиданія. Неизвѣстность и тоскливая неопредѣленность заступили мѣсто ясно-опредѣленныхъ плановъ и цѣлей. Даже китайцы подмѣтили, что въ Европѣ люди чрезвычайно изобрѣтательны на удовольствія и развлеченія, а между тѣмъ скучаютъ. Скука—болѣзнь, неизвѣстная прежде европейцамъ.

Таково современное положеніе. Наблюденіе и опытъ поколебали безграничное довѣріе къ объективному міровоззрѣнію, указали на его односторонность, недостаточность, неполноту, и на необходимость исправить эти недостатки поднятіемъ и выра-

боткою личной психической жизни и дѣятельности. Въ этомъ заключается глубокій смыслъ кризиса, чрезъ который проходитъ современное человѣчество. Въ обращеніи всѣхъ лучшихъ силъ знанія и практической опытности на нравственное развитіе единичнаго, индивидуальнаго лица и будетъ состоять переходъ рода человѣческаго въ новый періодъ развитія.

Послѣ этихъ необходимыхъ разъясненій мы можемъ, не возбуждая недоразумѣній, перейти къ задачамъ этики.

IV.

Мы видѣли выше, что отличіе человѣка отъ остальныхъ животныхъ состоитъ въ томъ, что онъ дѣйствуетъ по сознаннымъ мотивамъ, то-есть вслѣдствіе побужденій, идущихъ отъ него самого, въ немъ заключающихся и прошедшихъ черезъ его сознаніе. Побужденій такого рода великое множество и они такъ же разнообразны, какъ и источники, изъ которыхъ они возникаютъ. Всякаго рода наклонности и потребности, матеріальныя и психическія, нажитыя и унаслѣдованныя, созданныя самимъ человѣкомъ, или вызванныя въ немъ, сознательно или безсознательно, внѣшней обстановкой, обстоятельствами и вліяніями, могутъ, пройдя черезъ сознаніе, обратиться въ психическіе мотивы дѣятельности. Мы знаемъ также, что между мотивами тѣ одерживаютъ верхъ, которые сильнѣе.

Еслибъ на всемъ земномъ шарѣ существовалъ всего одинъ человѣкъ и онъ былъ безплотный духъ, безусловно отрѣшенный отъ природы, а между тѣмъ, у него были бы мотивы дѣятельности, то при такихъ невообразимыхъ условіяхъ человѣкъ могъ бы беззавѣтно отдаваться сильнѣйшему мотиву и безразлично дѣйствовать по всевозможнымъ мотивамъ: въ опредѣленіи ихъ относительнаго достоинства не было бы никакой надобности.

Но человѣкъ есть часть природы, высшій изъ всѣхъ организмовъ на землѣ, живетъ между другими живыми людьми въ правильномъ съ ними сожительствѣ. Въ интересахъ своего личнаго сохраненія и существованія онъ не можетъ безъ оглядки дѣйствовать по первому встрѣчному, хотя бы и сильнѣйшему мотиву, а вынужденъ сдерживать одни, усиливать другіе. Такая необходимость одинакова въ примѣненіи къ мотивамъ, порождаемымъ и животными потребностями, и самыми идеальными стремленіями души. Меня мучитъ голодъ, но я вынужденъ сдерживать себя и не отнимать нужную мнѣ пищу у того,

кому она принадлежитъ; мнѣ до смерти не хочется оторваться отъ работы, которая занимаетъ и радуетъ меня; но у меня есть дѣла, которыми я долженъ заняться, или я знаю и чувствую, что мнѣ необходимо отдохнуть, и бросаю свою работу. Такимъ образомъ, къ механическому закону, управляющему мотивами въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, приводитъ извнѣ нѣчто такое, что́ ихъ регулируетъ, усиливаетъ одни, задерживаетъ или ослабляетъ другіе. Такимъ регуляторомъ мотивовъ являются, въ приведенныхъ примѣрахъ, разнаго рода соображенія, которыя обыкновенно, но ошибочно, не различаются отъ мотивовъ и считаются тоже мотивами. Побужденіе, пройдя чрезъ сознаніе и сдѣлавшись мотивомъ, теряетъ свою непосредственную принудительность. Этимъ оно и отличается отъ толчка или внѣшняго возбужденія, непосредственно переходящаго въ рефлективное движеніе. Если ничто сильнѣйшему мотиву не помѣшаетъ, онъ получитъ видъ цѣли и станетъ причиною цѣлесообразнаго дѣйствія. Соображенія, о которыхъ мы сказали, не даютъ сами по себѣ мотивовъ; они только дѣйствуютъ на нихъ, направляютъ ихъ сообразно съ потребностями, которыя мотивами не объясняются, лежатъ внѣ ихъ и выше ихъ.

Такой регуляторъ несомнѣнно существуетъ не въ однихъ людяхъ, но и въ другихъ организмахъ. У комара, напримѣръ, есть влеченіе напиться человѣческой крови, но оно не переходитъ у него непосредственно въ рефлективное движеніе; онъ боится за свою жизнь, высматриваетъ, не грозитъ ли ей опасность, описываетъ нѣсколько круговъ въ воздухѣ, то удаляясь, то приближаясь, и только убѣдившись, что опасности нѣтъ, опускается на мою руку или голову и вонзаетъ въ нихъ свой хоботъ. Но у животныхъ соображенія не идутъ выше ближайшей потребности самосохраненія и удовлетворенія непосредственной нужды. Человѣкъ, благодаря способности перерабатывать свои психическія состоянія въ новыя формы, подымается до самыхъ далекихъ соображеній, не имѣющихъ съ его мотивами никакой непосредственной связи, такъ что нужно внимательно прослѣдить цѣлый, иногда весьма длинный рядъ выводовъ и заключеній, чтобъ открыть отношеніе между ними и мотивами, которыми они управляютъ, которые регулируютъ.

Соображенія лежатъ въ основаніи того, что́ мы называемъ идеалами. Нѣтъ термина болѣе неопредѣленнаго. Имъ означаются самыя различныя понятія, и потому здѣсь необходимо остановиться и осмотрѣться подробнѣе.

Идеалъ есть то представленіе или понятіе, которое связы-

ваетъ разрозненные мотивы въ одно цѣлое и даетъ имъ одно общее направленіе. Смотря по мотивамъ, идеалы бываютъ очень различны. Есть идеалы близкіе, связывающіе въ одну группу одни наличные мотивы,—и болѣе отдаленные, сводящіе въ одинъ аккордъ не одни настоящіе мотивы, но и тѣ, которые являются потомъ. Есть идеалы личные, индивидуальные, дающіе мотивамъ строй въ интересахъ только даннаго индивидуальнаго лица, и болѣе или менѣе общіе, когда они отвѣчаютъ интересамъ какой-нибудь группы людей—фамиліи, племени, мѣстнаго общества, сословія, народа, государства, всего человѣческаго рода. По свойству мысли подыматься по лѣстницѣ обобщеній до самыхъ высшихъ отвлеченностей, каждый идеалъ, какъ бы онъ ни былъ узокъ и тѣсенъ, стремится подыскать для себя общія основанія, оправдаться общими соображеніями и тѣмъ постепенно обобщается. Но было бы ошибочно видѣть въ идеалѣ только одну эту сторону, именно общую мысль, продуктъ мышленія. Какъ предметъ созерцанія, возбуждающій въ насъ извѣстныя ощущенія или чувства, мысль, представленіе еще не есть идеалъ; идеаломъ они становятся, когда вызываютъ дѣятельность, даютъ мотивамъ извѣстный общій строй и руководятъ ими, направляя ихъ такъ или иначе, въ виду извѣстной цѣли.

Описанныя характеристическія черты показываютъ, что идеалъ служитъ посредникомъ и проводникомъ между мыслью и дѣятельностью. Чрезъ него результаты умственныхъ процессовъ и операцій осуществляются, другими словами, мысль, предметъ созерцанія, становится образцемъ, по которому данныя сочетанія явленій и фактовъ,—психическихъ или матеріальныхъ—измѣняются въ другія. Въ этомъ смыслѣ идеалъ и цѣль—синонимы; только словомъ цѣль означается ближайшій, непосредственный, практическій идеалъ, а словомъ идеалъ—болѣе отдаленная и обширная цѣль, съ удареніемъ на общую мысль, которая всегда лежитъ въ основаніи сознательной, осмысленной дѣятельности, но стушевывается въ ближайшихъ, практическихъ поступкахъ и все ярче выступаетъ впередъ, чѣмъ цѣль отдаленнѣе, общѣе и обширнѣе. Какъ бы то ни было, но идеалъ, во всякомъ случаѣ, служитъ камертономъ дѣятельности и этимъ существенно отличается отъ идей, предметовъ созерцанія, сопровождаемаго ощущеніями и чувствами. Мы, русскіе, въ особенности часто грѣшимъ, смѣшивая идеи съ идеалами и принимая первыя за послѣдвіе.

По различію предметовъ, на которые направлена сознательная дѣятельность, идеалы бываютъ субъективные и объективные.

Это различіе весьма существенно, но на него почти не обращается вниманія, что не мало способствуетъ путаницѣ понятій, заслоняющей смыслъ этическихъ ученій. Всякая сознательная дѣятельность можетъ быть направлена или на условія и обстановку человѣческаго существованія, или прямо и непосредственно на сознательные мотивы дѣятельности. Въ первомъ случаѣ цѣль ея—такая передѣлка условій и обстановки, чтобъ они отвѣчали желаніямъ человѣка, благопріятствовали, или хотя бы не мѣшали, или менѣе мѣшали его интересамъ, выгодамъ и пользамъ, какъ онъ ихъ понимаетъ; во-второмъ, задача—прямо, непосредственно дѣйствовать на самые мотивы, ослабить одни, усилить другіе, соотвѣтственно цѣли или идеалу. Конечный результатъ и объективной и субъективной дѣятельности одинъ и тотъ же—произвести нужное, полезное или желательное человѣку дѣйствіе; но способы и средства, которыми этотъ результатъ достигается, различны. Объективная дѣятельность косвенными путями дѣйствуетъ на мотивы, измѣняетъ ихъ, измѣняя условія, которыя ихъ рождаютъ или усиливаютъ, ослабляютъ или уничтожаютъ; субъективная дѣйствуетъ на нихъ прямо, приступаетъ къ нимъ какъ бы лицомъ къ лицу. Первая предполагаетъ знаніе и умѣніе, помощью его, производить или измѣнять явленія; вторая—личную силу и власть надъ мотивами, которая достигается упражненіемъ души въ непосредственномъ обращеніи съ ними и въ подчиненіи ихъ цѣлямъ или идеаламъ. Такимъ образомъ, и та и другая дѣятельность обращаетъ мотивы въ орудіе цѣлей, вырабатываетъ мотивы соотвѣтственно указаніямъ идеаловъ; но дѣятельность объективная прибѣгаетъ къ помощи ума, разсудка, теоретическихъ способностей, а субъективная опирается на непосредственную, живую личную мощь и доблесть. При большой неопредѣленности и сбивчивости терминовъ и выраженій, различіе между объективною и субъективною дѣятельностью легко можетъ быть ошибочно понято и пріурочено къ случайнымъ признакамъ. Такъ, мы склонны думать, что объективное есть то, что̀ доступно внѣшнимъ чувствамъ, или происходитъ во внѣшнемъ мірѣ, а субъективное то, что̀ совершается въ глубинѣ души. Но такое различеніе не выдерживаетъ критики и ведетъ къ важнымъ ошибкамъ. Дѣятельность человѣка во внѣшнемъ мірѣ есть всегда объективная; но далеко не всѣ явленія въ нашей душѣ имѣютъ источникомъ субъективную дѣятельность; напротивъ, очень многія изъ нихъ—результатъ объективной дѣятельности. Наглядно это можетъ быть объяснено слѣдующимъ примѣромъ: человѣкъ, имѣющій какую-нибудь слабость и со-

знающій ея вредъ, будетъ стараться отъ нея отдѣлаться. Для этого ему представляются способы двоякаго рода: бороться съ съ своею слабостью, воздерживаться отъ нея, побѣждать ее усиліями надъ самимъ собой, или же удалить отъ себя то, что способствуетъ слабости, самому отъ того удаляться, прибѣгнуть къ врачебной помощи, къ гигіеническимъ мѣрамъ, къ механическимъ пріемамъ, ослабляющимъ или уничтожающимъ вредную наклонность; первое будетъ дѣятельностью субъективной, вторыя мѣры—результатомъ объективной дѣятельности. Мысль зарождается и развивается въ душѣ человѣка, но это не дѣлаетъ ее субъективной, такъ какъ мышленіе, умственная дѣятельность, есть теоретическая и слѣд. объективная.

Субъективная дѣятельность есть самая внутренняя и присная человѣку, глубже всѣхъ затаенная въ человѣческой душѣ, и потому наименѣе доступная наблюденію и анализу. Каждый сознаетъ ее про себя, но рѣдкій обнаруживаетъ это сознаніе, по разнымъ практическимъ и житейскимъ соображеніямъ.

Субъективная дѣятельность безъ соотвѣтствующихъ ей идеаловъ также невозможна, какъ и объективная. Мы можемъ непосредственно знать свои мотивы, созерцать ихъ, не имѣя субъективныхъ идеаловъ; но дѣйствовать непосредственно на наши побужденія, руководить ими, направлять ихъ, сдерживать и ослаблять или развивать и усиливать мы можемъ не иначе, какъ имѣя передъ сознаніемъ образецъ или норму, каковы они должны быть; такою нормою и служатъ субъективные идеалы. Дѣятельное сознаніе этихъ идеаловъ есть совѣсть. Она тревожитъ насъ, когда мы дали волю побужденіямъ, несогласнымъ съ образцемъ или нормою, или когда оказываемся безсильными въ борьбѣ съ мотивами, отступающими отъ субъективнаго идеала.

Субъективная дѣятельность и есть нравственная; субъективные идеалы—нравственные идеалы. Ученіе о нравственной дѣятельности и нравственныхъ идеалахъ есть ученіе о нравственности, или этика.

Нравственность и знаніе ведутъ человѣка, разными путями, къ одной и той же главной, послѣдней цѣли—возможному его удовлетворенію и благополучію. Обѣ, въ отдѣльности взятыя, недостаточны и безсильны для достиженія этой цѣли; только идя рука объ руку они вмѣстѣ представляютъ дѣйствительную, непобѣдимую силу. Нравственность воспитываетъ и развиваетъ индивидуальнаго человѣка изнутри, въ самыхъ сокровенныхъ изгибахъ его психической природы; знаніе вырабатываетъ условія и обстановку жизни и дѣятельности индивидуальнаго человѣка. Связан-

ныя единствомъ главной задачи, нравственная и объективная дѣятельность работаютъ одна другой въ руку. Безъ объективной дѣятельности человѣкъ осужденъ на безсиліе и безплодное созерцаніе; его усилія овладѣть своими желаніями и страстями приводятъ къ отчужденію отъ дѣйствительной жизни и къ Нирванѣ. Объективная дѣятельность, безъ поддержки субъективной, безсильна осуществить идеалы человѣческаго благополучія, уходитъ въ отвлеченности и призраки, лживыя подобія человѣческаго счастія, и вертится въ пустотѣ, воображая, что имѣетъ дѣло съ живою реальностью. Наука, искусство, правда, истина сами по себѣ—вотъ послѣднее слово объективной дѣятельности, порвавшей органическую связь съ дѣйствительными людьми, нуждами, потребностями и стремленіями живыхъ личностей. Думая подняться до безусловнаго, объективное знаніе на самомъ дѣлѣ доходитъ только до самыхъ общихъ и отвлеченныхъ формулъ пониманія человѣкомъ своихъ отношеній къ природѣ, другимъ людямъ или обществу и къ самому себѣ, и далѣе этого шагу не можетъ ступить.

Такое же значеніе имѣютъ и идеалы, руководящіе субъективною и объективною дѣятельностью. Они не иное что, какъ регуляторы индивидуальной дѣятельности лица, сводящіе ее, чрезъ подведеніе мотивовъ подъ извѣстныя нормы, въ одинаковую и однообразную дѣятельность нѣсколькихъ, многихъ или всѣхъ людей. Приведеніе всѣхъ идеаловъ, субъективныхъ и объективныхъ, къ единству въ одной общей и строгой системѣ будетъ вѣнцемъ, послѣднимъ словомъ знанія, и возможное ихъ проведеніе и осуществленіе въ дѣйствительности, въ жизни,—вѣрхомъ человѣческой мудрости.

Такъ далеко задачи этики не идутъ. Она должна установить идеалы субъективной, нравственной дѣятельности, указать ихъ происхожденіе, объяснить ихъ точный смыслъ и значеніе и ихъ связь какъ между собою, такъ и съ объективной стороной человѣческаго существованія и дѣятельности. Представимъ нѣкоторыя мысли и соображенія по этимъ предметамъ.

V.

Мы сказали, что субъективные идеалы регулируютъ и нормируютъ мотивы сознательной дѣятельности. То и другое необходимо въ интересахъ и единичнаго, индивидуальнаго лица, и человѣческаго общества, котораго часть онъ составляетъ. Потреб-

ность регулировать и нормировать мотивы возникаетъ изъ того, что они, какъ уже замѣчено выше, не имѣютъ роковой принудительности непосредственныхъ явленій и фактовъ. Въ мотивахъ выражаются и психическія и физіологическія потребности человѣческой природы. Тѣ и другія, имѣя одинъ источникъ, находятся въ тѣсной, неразрывной между собою связи; физіологическая и психическая жизнь человѣка оказываютъ безпрестанное на нихъ дѣйствіе и вліяніе, втягиваютъ ихъ попремѣнно въ условія то той, то другой, и тѣмъ не даютъ имъ сложиться въ исключительно психическія или исключительно физіологическія, какъ мы ихъ еще недавно себѣ представляли, по правиламъ отвлеченной логики. По этой логикѣ выходило, что психическая и матеріальная жизнь и дѣятельность существуютъ какъ-то рядомъ, бокъ-о-бокъ, одна подлѣ другой, и идутъ паралельно, чѣмъ-то между собою связанныя, но это однако не стѣсняетъ ни той, ни другой. Естествознаніе сильно поколебало этотъ наивный взглядъ, доказавъ съ поразительною очевидностію, неопровержимыми доводами, огромное вліяніе матеріальной стороны на психическую жизнь. Теперь начинаетъ съ такою же убѣдительностью и очевидностью выясняться и наоборотъ,—сильнѣйшее вліяніе психическихъ состояній на тѣло и физіологическія отправленія. Богатый матеріалъ для научныхъ изслѣдованій въ этомъ направленіи представляютъ извѣстныя всѣмъ изъ ежедневныхъ наблюденій отклоненія отъ нормальныхъ физіологическихъ потребностей и ихъ естественнаго удовлетворенія подъ вліяніемъ воображенія, разныхъ душевныхъ состояній, силы воли и т. п. Въ человѣкѣ, вслѣдствіе сильнаго развитія центральнаго органа и нервной системы, физіологическія потребности и отправленія далеко не имѣютъ силы, принудительности, правильности и періодичности, какая замѣчается въ остальныхъ животныхъ. Вообще, чѣмъ менѣе развитъ организмъ, тѣмъ сильнѣе въ немъ преобладаніе физіологической жизни надъ психической, и наоборотъ: въ высшихъ организмахъ и тѣхъ, которые подпали подъ непосредственное продолжительное вліяніе человѣка, напримѣръ, въ домашнихъ животныхъ, чаще встрѣчаются отклоненія отъ свойственныхъ имъ формъ и условій физіологической жизни и отправленій, вслѣдствіе вліяній психическаго фактора. Кромѣ того, психическая жизнь и дѣятельность имѣютъ нѣкоторыя свойства, указывающія на близкое ихъ сродство съ физіологическими явленіями. Не говоря уже о безсознательности и непроизвольности многихъ умственныхъ операцій и чувствъ, на такое близкое сродство указываютъ привычки ума, чувствъ желаній и воли, способность психическихъ отправленій, долго и

много разъ направляемыхъ сознаніемъ въ одну и ту же сторону, получить извѣстную складку, которая удерживается и сохраняется, когда они уже обратились въ безсознательныя и непроизвольныя и стали какъ бы второй натурой. Эти свойства человѣческой природы дѣлаютъ для нея необходимыми субъективные идеалы, руководящіе его психическою и матеріальною жизнью. Человѣкъ долженъ поддерживать и оберегать свою матеріальную и психическую способность къ сознательной психической дѣятельности; сама эта дѣятельность должна быть согласована съ условіями правильнаго сожительства не въ однихъ внѣшнихъ поступкахъ, но и въ мотивахъ дѣятельности. Вотъ немногія основныя начала, къ которымъ сводится этика.

Матеріальная способность къ сознательной психической дѣятельности, насколько она зависитъ отъ насъ самихъ, оберегается объективными мѣрами — соблюденіемъ правилъ діэтетики и гигіены и возстановляется точно также объективными пріемами и средствами врачебной науки. Къ этикѣ ни тѣ, ни другія не относятся. Этика рекомендуетъ однѣ субъективныя мѣры, ведущія, другими путями, къ той же цѣли. Физіологическія потребности нашей природы, подъ вліяніемъ психическихъ элементовъ, могутъ извращаться и получить уродливое, неестественное развитіе, ведущее къ разстройству организма, а чрезъ него къ ослабленію психической жизни и дѣятельности; прямое же дѣйствіе на душу ненормальнаго удовлетворенія физіологическихъ потребностей состоитъ въ томъ, что ему отводится въ нашей психической жизни и дѣятельности слишкомъ много мѣста; что обратившись въ привычку, оно нарушаетъ равновѣсіе душевныхъ отправленій и лишаетъ насъ власти и господства надъ нашими психическими движеніями. Свобода воли въ объясненномъ нами выше смыслѣ невозможна, когда мы не въ состояніи владѣть нашими физіологическими потребностями, держать ихъ въ уздѣ и границахъ. Самыя непосредственныя изъ этихъ потребностей суть: голодъ, жажда и половыя влеченія. Они, какъ и всѣ физіологическія явленія, обыкновенно переходятъ въ сознаніе и обращаются въ осмысленные мотивы дѣятельности; удовлетвореніе ихъ облекается въ формы психическаго удовлетворенія и наслажденія, и мы легко поддаемся обману, принимая послѣднія за явленія и принадлежности высшей психической жизни образованныхъ слоевъ. Этика разъясняетъ дѣйствительное значеніе этихъ явленій и, рекомендуя воздержаніе и умѣренность, предостерегаетъ противъ опасностей невоздержности и излишествъ въ удовлетвореніи естественныхъ желаній. Она не проповѣдуетъ аскетизма, но имѣя

дѣло съ осмысленными мотивами, совѣтуетъ не возводить физіологическихъ потребностей и наслажденій въ принципы, а рекомендуетъ принимать ихъ за то, чтó они есть — за физіологическія стремленія, перешедшія чрезъ сознаніе. Точно также, и по тѣмъ же самымъ причинамъ, относится этика и къ менѣе непосредственнымъ, болѣе общимъ вліяніямъ ближайшей къ человѣку матеріальной среды и послѣдствіямъ ея вліянія на него — именно къ матеріальному довольству и богатству, роскоши, нѣгѣ, праздности, лѣни, любостяжанію, тщеславію и спѣси. Этика не ставитъ бѣдности въ число добродѣтелей и ученіе эбіонитовъ не возводится ею въ принципъ. Смыслъ этическихъ ученій въ отношеніи къ матеріальной обстановкѣ человѣка слѣдующій: не заполони ей своей души, не будь алченъ, корыстолюбивъ, чтобъ не стать рабомъ внѣшней матеріальной среды; она должна служить тебѣ, а не ты ей. Твоя психическая независимость и свобода должна быть для тебя дороже всѣхъ благъ міра.

Прецепты этики, оберегающіе психическую жизнь и дѣятельность отъ неблагопріятныхъ вліяній матеріальныхъ условій и обстановки, составляютъ собственно введеніе къ ней и могутъ быть названы гигіеной и діэтетикой нравственной жизни и дѣятельности.

Настоящая суть этики — это субъективные идеалы, которые она ставитъ сознательной жизни и дѣятельности человѣка. Характеристическая особенность всѣхъ этихъ идеаловъ та, что они имѣютъ задачею и цѣлью вывести человѣка изъ узкаго, тѣснаго круга обособленной индивидуальности и поднять его до идеальнаго типа человѣка, — типа, сложившагося чрезъ отвлеченіе и обобщеніе качествъ и свойствъ человѣческой природы, признаваемыхъ въ данное время, при извѣстныхъ обстоятельствахъ и по господствующимъ понятіямъ и взглядамъ, за самыя совершенныя. Нравственные идеалы появились вмѣстѣ съ первыми признаками сознанія, были чрезвычайно разнообразны и различны въ разныхъ человѣческихъ обществахъ, у разныхъ народовъ, въ разныя эпохи и постепенно развивались и совершенствовались, по мѣрѣ накопленія наблюденій и опытности и объединенія людей въ бóльшія и бóльшія группы. Идеальное совершенство христіанской этики въ томъ и состоитъ, что она не греческая, римская, семитическая или индійская, а общечеловѣческая, и несравненно дальше всѣхъ другихъ проникла въ причины и послѣдствія мотивовъ, таящихся въ человѣческой душѣ.

Въ числѣ этическихъ идеаловъ на первомъ планѣ стоитъ стремленіе прежде всего къ истинѣ, правдѣ и душевной красотѣ.

Въ объективномъ смыслѣ, истина, правда и красота являются какъ результатъ стремленія, какъ извѣстное сочетаніе явленій и данныхъ. Мы говоримъ о научныхъ или теоретическихъ истинахъ, о правдѣ въ законѣ, судѣ и управленіи, о красотѣ дѣйствительныхъ явленій и художественныхъ произведеній. Въ субъективномъ же смыслѣ, этими названіями означается то душевное расположеніе и настроеніе, съ которыми человѣкъ работаетъ въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ дѣятельности и безъ которыхъ нельзя произвести ничего прочнаго, значительнаго и полезнаго для себя и другихъ. Вездѣ, во всемъ, въ глубинѣ своей души и въ сношеніяхъ съ другими, стремись прежде всего къ истинѣ, правдѣ, душевной красотѣ. Ложь, обманъ, лицемѣріе, лукавство только кажутся самыми простыми, ближайшими средствами достиженія практическихъ цѣлей; на самомъ дѣлѣ, практическій результатъ, самъ по себѣ, какъ все объективное, не проченъ и легко измѣняется, если онъ не закрѣпленъ нравственной стороной дѣла.

Тучи недоразумѣній, иллюзій, софизмовъ, плодъ близорукости, непониманія и смѣшенія понятій, окружаютъ этотъ основный пунктъ нравственныхъ ученій и затемняютъ его смыслъ. Гдѣ и когда же, разсуждаютъ умники, видано или слыхано, чтобъ истина, правда, душевная красота вели къ счастію, къ достиженію цѣлей? Совсѣмъ напротивъ: достигаютъ ихъ только тѣ, которые не останавливаются, когда нужно, передъ этими призраками. Неисправимые чудаки, мечтатели и идеалисты, принимающіе ихъ на вѣру за чистыя деньги, самые несчастные неудачники на землѣ и погибаютъ жалкими и смѣшными жертвами ребяческихъ иллюзій. Оглянемся вокругъ себя: гдѣ же на цѣломъ земномъ шарѣ истина, правда, душевная красота въ чести и торжествуютъ, ложь, лицемѣріе, обманъ не процвѣтаютъ? Развѣ мы не видимъ, что самыя безсовѣстныя надувательства, безстыжія клятвопреступленія приводили къ результатамъ, благотворнымъ для множества людей, цѣлыхъ народовъ и всего человѣческаго рода? Если ложь, неправда, нравственное безобразіе могутъ быть полезны и даже благодѣтельны и для отдѣльныхъ лицъ и для массы людей, то согласно ли съ здравымъ смысломъ отвергать ихъ и клеймить ихъ печатью отверженія?

Съ тѣхъ поръ, что человѣкъ сталъ мыслить, дѣлаются эти возраженія, давно обратившіяся въ хроническія. Мы думаемъ, что они кажутся неопровержимыми только потому, что предпосылки тезисовъ и возраженій не достаточно выяснены. О чемъ собственно идетъ рѣчь: о душевномъ ли состояніи, какое произ-

водитъ постоянное, неизмѣнное стремленіе къ истинѣ, правдѣ и душевной красотѣ, или же объ объективномъ порядкѣ дѣлъ и вещей, посреди котораго живутъ люди и который можетъ быть для нихъ полезенъ или вреденъ, желателенъ или нежелателенъ? Это оставляется въ тѣни, неразрѣшеннымъ, вслѣдствіе чего такъ называемые идеалисты и ихъ противники перескакиваютъ съ почвы душевныхъ состояній на почву объективныхъ условій, какъ будто бы они были однородны. Стоитъ только подмѣтить эту ошибку, и условія спора тотчасъ же измѣнятся. Удовлетвореніе, благополучіе, счастіе—представленія личныя, индивидуальныя, субъективныя; никакого объективнаго мѣрила они не имѣютъ; каждый ощущаетъ удовлетвореніе, счастіе, благополучіе, въ томъ или другомъ, по своему. А если это такъ, то на какомъ основаніи могли бы мы заключить, что ищущіе истины, правды и душевной красоты лишены счастія и удовлетворенія потому только, что не имѣютъ ни богатства, ни даже достатка, ни виднаго положенія посреди другихъ людей? То, чтó есть лишеніе и тягость для одного, можетъ быть предметомъ наслажденія для другого. Что касается до объективнаго порядка дѣлъ или вещей, то онъ, самъ по себѣ, не хорошъ, и не дуренъ; эти качества или свойства онъ получаетъ только по отношенію къ людямъ. Самъ по себѣ онъ, во всякомъ случаѣ, есть необходимый результатъ данныхъ условій и обстоятельствъ — фактовъ объективной дѣйствительности. То, чтó есть, есть всегда, непремѣнно, равнодѣйствующее силъ. Измѣните факторовъ—и объективная дѣйствительность тотчасъ же измѣнится. Въ этомъ смыслѣ совершенно справедливо, что порокъ и преступленіе могутъ казаться благотворными и полезными для людей по своимъ результатамъ. Желѣзная дорога, положимъ, построена съ вопіющими неправдами; но она есть, по ней ѣздитъ множество людей дешево и удобно, провозится быстро множество товаровъ. Эта польза останется, а неправды, когда вымрутъ ихъ свидѣтели и пострадавшіе отъ нихъ—забудутся. Отъявленный негодяй и злодѣй, вопреки правдѣ, присужденъ къ висѣлицѣ по дѣлу, въ которомъ онъ ни тѣломъ, ни душой невиноватъ: все-таки общество отъ него отдѣлалось разъ навсегда: развѣ это не благо? Исторія показываетъ, что прогрессивное движеніе рода человѣческаго совершалось далеко не всегда безгрѣшными людьми. Изъ подобныхъ случаевъ выводятъ, что различія добродѣтели и порока, по отношенію къ объективному міру, сводятся почти къ нулю. Но такъ ли это? Мы дѣйствительно имѣемъ передъ глазами факты, совершенные съ нарушеніемъ правды, но оказавшіеся

для людей полезными и благотворными; но можно ли логически вывести отсюда, что тѣ же самые факты, совершенные безъ нарушенія правды, не были бы еще полезнѣе? Конечно, нѣтъ. Мы можемъ только, не грѣша противъ логики, констатировать фактъ и заключить изъ него, что къ объективному міру порокъ и добродѣтель непримѣнимы. Это будетъ справедливо и высказывалось многое множество разъ. Солнце освѣщаетъ и добрыхъ и злыхъ, дождь одинаково падаетъ на поля хорошихъ людей и негодяевъ, часто оплодотворяя пашни послѣднихъ и обходя нивы первыхъ. Кромѣ того, произвольно выводя изъ несомнѣннаго факта, будто бы добродѣтель и порокъ безразличны, мы смотримъ слишкомъ близоруко и въ упоръ, не принимая въ разсчетъ дальнѣйшихъ выводовъ и послѣдствій. Ребенокъ смѣло протягиваетъ рученку къ огню, и плачетъ, когда его заставляютъ выпить горькое лекарство; взрослый человѣкъ не дѣлаетъ ни того, ни другого, зная и предвидя послѣдствія. Чтобъ взвѣсить и оцѣнить участіе и результаты нравственной и безнравственной дѣятельности въ развитіи объективнаго порядка дѣлъ и вещей, мало указать на ея непосредственные, ближайшіе результаты: надо прослѣдить ихъ далѣе, до конца; только полная картина всего, что произошло вслѣдствіе такой или другой дѣятельности людей въ объективномъ мірѣ, даетъ возможность сдѣлать правильный выводъ, а такая картина рѣдко бываетъ у насъ передъ глазами; почти всегда мы судимъ только по отрывочнымъ и разрозненнымъ даннымъ.

Мы, съ своей стороны, тоже можемъ привести противъ взгляда, будто нравственность не имѣетъ никакого значенія въ устроеніи быта отдѣльныхъ лицъ, обществъ, народовъ и всего человѣческаго рода, многіе факты, доказывающіе противное. Развѣ нравственный характеръ лица не создаетъ ему между людьми, въ обществѣ, положенія, не менѣе вліятельнаго и авторитетнаго, чѣмъ объективная обстановка—богатство, знатность и власть? Развѣ мало мы видимъ въ исторіи примѣровъ, что созданное неправдою, обманомъ и ложью разсыпалось какъ карточный домикъ? XIX вѣкъ богатъ такими примѣрами, и они будутъ повторяться все чаще и чаще, по мѣрѣ того, какъ дѣйствительное значеніе объективнаго міра будетъ болѣе и болѣе выясняться и вѣра въ его безусловную объективность падать. Нельзя довольно настаивать на томъ, что объективное, которое мы знаемъ и съ которымъ имѣемъ дѣло, есть плодъ человѣческаго труда и усилій, индивидуальныхъ и коллективныхъ. Чѣмъ долѣе живетъ родъ человѣческій, тѣмъ болѣе этотъ объективный міръ прилаживается

къ потребностямъ и нуждамъ людей, которые, съ своей стороны, все болѣе и болѣе прилаживаются къ нему. Чѣмъ болѣе оба міра, объективный и субъективный, между собою такимъ образомъ сближаются, тѣмъ ихъ взаимная зависимость другъ отъ друга будетъ становиться сильнѣе, а слѣдовательно нравственные элементы будутъ играть тѣмъ бóльшую и бóльшую роль въ устроеніи объективнаго порядка дѣлъ и вещей. Прежде эта взаимная зависимость душевнаго строя и внѣшняго порядка мало выступала впередъ, вслѣдствіе того, что психическая жизнь была мало развита, и человѣкъ, принимавшій слабое участіе въ устроеніи своей обстановки, долженъ былъ подчиняться объективному міру, какимъ онъ былъ помимо него. Не смотря на то, никогда, въ самые тёмные періоды исторіи, не исчезала въ лучшихъ умахъ увѣренность, что рано или поздно истина и правда одержатъ верхъ надъ ложью и неправдой. Теперь, когда бóльшее знаніе и опытность даютъ намъ все бóльшую и бóльшую власть надъ обстановкой и внѣшними условіями, мысль о безучастіи стремленія къ истинѣ, правдѣ и красотѣ въ дѣлахъ внѣшняго міра оказывается все болѣе и болѣе несостоятельной и короткозоркой. Смѣнится еще нѣсколько поколѣній, и практическая мудрость умниковъ и дѣльцовъ станетъ и не практической и не мудрой.

Смиреніе и покорность тоже ставятся этикой въ число первыхъ добродѣтелей; но и около нихъ столпились безчисленныя недоразумѣнія, вольныя и невольныя лжетолкованія. Ихъ смѣшали съ холопствомъ, низкопоклонствомъ, угодничаньемъ изъ корыстныхъ и другихъ личныхъ видовъ, въ лучшемъ случаѣ ихъ зачисляли въ одинъ разрядъ съ неразвитостью и умственнымъ малолѣтствомъ. Однако всѣ мы ежеминутно смиряемся передъ обстоятельствами, ударами судьбы, невозможностью достигнуть желанной цѣли, покоряемся волей-не-волей законамъ природы и ихъ роковой неизбѣжности, вообще условіямъ объективнаго міра, которыхъ измѣнить не можемъ. Мало того, мы уступаемъ передъ людьми, ихъ капризами и самодурствомъ, когда это считаемъ почему либо полезнымъ или нужнымъ. Этика только возводитъ эти и подобные имъ случаи въ общій, руководящій принципъ. Рекомендуя смиреніе и покорность, указывая на гордость и самонадѣянность какъ на порокъ, она переводитъ въ сознаніе и возводитъ въ общее правило душевнаго настроенія и психической дѣятельности то, чтó мы безпрестанно испытываемъ и дѣлаемъ по необходимости. Чего мы отвратить не можемъ, тому должны мужественно подчиниться, не малодушествуя, не исто-

щаясь въ безполезныхъ сѣтованіяхъ, не убѣгая отъ дѣйствительности въ область пустыхъ иллюзій. Смиреніе и покорность, которымъ учитъ этика, не имѣютъ ничего общаго съ раболѣпствомъ и уничиженіемъ, подымаютъ, а не унижаютъ нравственное достоинство человѣка.

Смиреніе имѣетъ, кромѣ объясненнаго, еще и другое значеніе. Гордость, высокомѣріе, выставленіе себя впередъ, самовозвеличеніе, властолюбіе противорѣчатъ положенію индивидуальнаго лица посреди другихъ людей. Каждый не болѣе какъ членъ общежитія. Не имѣя въ немъ значенія въ качествѣ органа публичной власти, никто не можетъ и не долженъ добиваться первенства, авторитета, вліянія на другихъ людей; только послѣдніе сами могутъ цѣнить достоинства и заслуги, добровольно признать авторитетъ, вліяніе того или другого лица, выдвинуть его впередъ и поставить, въ мнѣніи, выше себя. Само собою разумѣется, что этика, рекомендуя смиреніе въ этомъ смыслѣ какъ добродѣтель, предполагаетъ, что оно должно стать душевнымъ настроеніемъ, а не быть фарисействомъ и личиной; она имѣетъ въ виду одни внутреннія, психическія движенія, а не поддѣлки подъ нихъ, разсчитанныя на достиженіе цѣлей, съ которыми нравственность не имѣетъ ничего общаго.

Въ тѣсной связи съ покорностью и смиреніемъ передъ неизбѣжнымъ находятся вѣра и надежда. Безъ нихъ сознательная психическая жизнь и дѣятельность невозможны, какъ жизнь организма невозможна безъ воздуха и питанія. Уныніе и отчаяніе парализуютъ дѣятельность; съ утратою вѣры и надежды, индивидуальная, личная жизнь подрѣзывается подъ корень. Подъ вѣрою и надеждою въ этикѣ разумѣется душевное настроеніе, а не объективная система убѣжденій или увѣренность, что извѣстная, предположенная цѣль будетъ непремѣнно достигнута. Въ этическомъ смыслѣ вѣра и надежда есть бодрость духа, уныніе и отчаяніе—упадокъ душевныхъ силъ. То или другое душевное состояніе, безъ сомнѣнія, существенно зависитъ отъ состоянія тѣлеснаго организма. Часто бываетъ, что люди чувствуютъ себя бодрыми и нравственно и физически, потому что здоровы и впадаютъ въ апатію и бездѣйствіе только вслѣдствіе того, что больны физически или душевно; но бываетъ также, что душевная бодрость и упадокъ душевныхъ силъ появляются и исчезаютъ подъ дѣйствіемъ психическихъ вліяній, внутреннихъ и внѣшнихъ. Указывая на вѣру и надежду, какъ на необходимыя условія психической бодрости, этика рекомендуетъ поддерживать вліянія, которыя ей полезны, устранять тѣ, которыя для нея неблаго-

пріятны. Въ числѣ послѣднихъ должны быть названы, въ первомъ ряду, иллюзіи, представляющія въ извращенномъ, обманчивомъ видѣ задачи и цѣли индивидуальной жизни, смѣшеніе этическихъ идеаловъ съ объективными, непривычка, неопытность въ распоряженіи собою и своими способностями и силами. Жизнь есть жизнь; она сопровождается радостями и горемъ, наслажденіями и страданіями, проходитъ въ трудѣ и отдыхѣ. Все это перемежается въ жизни, распредѣляется очень неравномѣрно, приходитъ и уходитъ обыкновенно нежданно, негаданно, безъ всякаго участія съ нашей стороны; хорошее, пріятное, счастливое рѣдко бываетъ подготовлено нашею дѣятельностью или предусмотрительностью; неожиданности и случайности играютъ въ индивидуальной жизни громадную роль и предупредить ихъ, а тѣмъ болѣе совсѣмъ устранить, нѣтъ возможности. Вмѣсто того, чтобъ выучиться какъ жить, какъ найтись въ жизни, сохраняя по возможности равновѣсіе и свободу, мы спасаемся изъ нея въ міръ отвлеченныхъ понятій, то фантазируемъ о счастіи и наслажденіи, которыя будто бы должны быть удѣломъ людей, то очнувшись, горько жалуемся на то, что наши воздушные зáмки не имѣютъ ничего общаго съ дѣйствительностью. Не находя въ ней, суровой и черствой, отвѣта на свои требованія, мы малодушно впадаемъ въ уныніе и отчаяніе. При такомъ настроеніи, жизнь не можетъ, конечно, представляться ничѣмъ инымъ, какъ юдолью непрерывныхъ мученій. «Скучно жить» —вотъ послѣднее слово и развязка недоразумѣній, изъ которыхъ только и есть два выхода: или самоубійство, или жизнь изо дня въ день, безъ стремленій, задачъ и цѣли, по волѣ обстоятельствъ, какъ и куда понесутъ волны житейскаго моря. Горе народу и смерть обществу, въ которомъ слишкомъ много расплодится такихъ людей! Они пустятъ по вѣтру умственныя и матеріальныя богатства, накопленныя знаніемъ и трудами прежнихъ людей.

Но не однѣ отвлеченности дѣйствуютъ губительно на индивидуальную психическую жизнь. Ее изводитъ и смѣшеніе объективной дѣятельности съ субъективной, внѣшнихъ задачъ и цѣлей съ внутреннею жизнью. Трудъ, обращенный на природу и на устройство общественныхъ дѣлъ, по своей непосредственной полезности и бросающимся въ глаза результатамъ, кажется ближе, необходимѣе и настоятельнѣе, чѣмъ то, что совершается въ тайникѣ души, невидимо и недоступно для постороннихъ,—и вотъ, вниманіе мало-по-малу отвлекается отъ внутренней психической жизни и сосредоточивается исключительно на внѣшней дѣятельности; подъ конецъ, этическіе идеалы совсѣмъ забываются и въ

нашихъ вѣрованіяхъ и убѣжденіи мѣсто ихъ заступаютъ идеалы объективной дѣйствительности, которые мы и принимаемъ за субъективные. Но объективная дѣйствительность совсѣмъ не то, что индивидуальная жизнь и дѣятельность людей; мѣрка той и другой—иная, пріемы для осуществленія субъективныхъ и объективныхъ идеаловъ тоже различны. Посвятивъ всѣ силы и всю дѣятельность внѣшнему, окружающему міру, люди оставляютъ внутреннюю психическую жизнь безъ всякаго ухода и развитія, вслѣдствіе чего она глохнетъ и атрофируется. Человѣкъ, до виртуозности выработанный и выдрессированный съ виду для жизни въ обществѣ, можетъ оказаться, въ то же время, презрѣннѣйшимъ негодяемъ и мерзавцемъ въ нравственномъ отношеніи, или, что всего чаще встрѣчается, быть, при большомъ знаніи и замѣчательномъ художественномъ развитіи, ничтожнѣйшимъ въ нравственномъ смыслѣ,—куклой, не имѣющей элементарныхъ нравственныхъ понятій. Быстро увеличивается число такихъ людей во всѣхъ слояхъ общества, въ Европѣ, Америкѣ и у насъ; рядомъ съ тѣмъ идетъ и оскудѣніе выдающихся талантовъ, упадокъ нравовъ и творчества. Это наглядно показываетъ, что развитіе объективной стороны безъ соотвѣтственнаго развитія этической жизни отдѣльныхъ лицъ недостаточно и не достигаетъ цѣли. Центръ тяжести всего развитія, всякаго успѣха человѣческихъ обществъ и народовъ, стержень, на которомъ вертится все общественное зданіе и все поступательное движеніе человѣческаго рода, есть нравственная личность: изъ нея все выходитъ и къ ней, въ концѣ концовъ, все сходится въ жизни людей; но она не можетъ быть нравственной, преслѣдуя исключительно одни объективные идеалы, такъ какъ послѣдніе, отдѣльно взятые, сами по себѣ, не имѣютъ смысла и значенія. Весь объективный міръ доступенъ и интересенъ для человѣка только съ той стороны, которой его касается; творчество человѣка, состоящее въ перестановкѣ условій и комбинацій объективнаго міра согласно съ нуждами и желаніями людей, служитъ имъ только средствомъ для достиженія ихъ цѣлей. Такимъ образомъ, всѣ нити знанія и дѣятельности сходятся къ индивидуальному лицу. Если въ немъ нѣтъ условій для поддержанія на своихъ плечахъ громадной тяжести, которая на нихъ лежитъ, то ходъ человѣческихъ дѣлъ не можетъ быть правиленъ; условія же индивидуальной жизни нормируются и регулируются этическими идеалами.

Однимъ изъ главнѣйшихъ условій нравственной жизни есть простота, по поводу которой еще недавно расточалось столько плоскихъ остротъ, приравнивавшихъ ее наивности и даже глу-

пости, несмотря на то, что высшимъ идеаломъ считается сочетаніе ея съ змѣиною мудростью, исключающею наивность и глупость. Простота, какъ ей учитъ этика, предполагаетъ полную, беззавѣтную преданность истинѣ, правдѣ, душевной красотѣ, безъ всякихъ заднихъ мыслей, разсчетовъ и соображеній, безъ такъ называемаго себѣ на умѣ, — и въ то же время непоколебимую увѣренность, что то, чему мы такъ всецѣло преданы, есть благо, которому можно и должно отдать всѣ свои душевныя силы, посвятить всю свою дѣятельность. Въ этомъ значеніи простота есть идеалъ субъективной жизни, и вмѣстѣ результатъ выдержанной, послѣдовательно проведенной этической дѣятельности, естественная принадлежность закаленнаго нравственнаго характера. Съ нею легко уживается житейская мудрость, которая вовсе не состоитъ, какъ многіе полагаютъ, въ преслѣдованіи внѣшнихъ цѣлей, съ отступленіемъ, въ случаѣ надобности, отъ внушеній нравственныхъ идеаловъ, а только въ чуткости къ затрудненіямъ, которыя могутъ встрѣтиться при осуществленіи нравственныхъ цѣлей въ дѣйствительности и въ умѣньи устранить препятствія, оставаясь вѣрнымъ этическимъ идеаламъ.

Наконецъ, въ числѣ высшихъ этическихъ идеаловъ есть еще одинъ, которому въ обыденномъ языкѣ и научной терминологіи трудно подыскать соотвѣтствующее названіе—именно, свѣтлое, спокойное и довѣрчивое отношеніе къ жизни, несмотря на возможныя тяжкія неожиданности, случайности и превратности, которыми она бываетъ порой такъ богата. Этотъ идеалъ даетъ человѣку, въ его личной, индивидуальной жизни и дѣятельности, точку опоры противъ страшнаго неизвѣстнаго, котораго онъ ни предусмотрѣть, ни впередъ разсчитать не можетъ, какъ бы ни былъ прозорливъ, дальновиденъ, остороженъ, опытенъ и практически уменъ. Душевное настроеніе, которое имѣется въ виду въ этомъ идеалѣ, не есть ни вѣра, ни надежда, ни простота, ни смиреніе и покорность, а родственный имъ всѣмъ, но особый строй духа, парализующій чрезмѣрную болѣзненную заботливость и боязливость, ослабляющія силы и дѣятельность раздумьемъ, которое ни на чемъ не основано, такъ какъ оно вызывается тѣмъ, что одинаково можетъ быть и не быть и не подлежитъ никакимъ разсчетамъ.

Мы говорили до сихъ поръ объ идеалахъ, которыми каждый человѣкъ долженъ руководиться въ своей личной жизни и дѣятельности. Высшій идеалъ отношеній его къ другимъ людямъ есть любовь. Какъ всѣ другіе этическіе идеалы, она ошибочно истолкована, искажена отвлеченной логикой и благодаря этому отвергнута и забыта. Пора возстановить настоящій ея смыслъ.

Любовь въ этическомъ смыслѣ не есть ни половое влеченіе, ни дружба и привязанность къ тому или другому лицу, ни восторженное созерцаніе отвлеченной идеи человѣка, которое, подъ названіемъ любви къ человѣчеству, такъ часто смѣшивается съ этическою любовью. Этика учитъ любить въ каждомъ живомъ человѣкѣ, будь онъ личный врагъ, или послѣдній изъ глубоко-павшихъ людей, не то, чтó онъ есть въ дѣйствительности, или по отношенію къ намъ, а то, чѣмъ бы онъ могъ и долженъ былъ быть въ качествѣ человѣка. Въ этическомъ смыслѣ, каждый человѣкъ, каковъ бы онъ ни былъ, по существу своему, по своей природѣ, есть живое воплощеніе идеи нормальнаго, идеальнаго человѣка и если онъ въ дѣйствительности почему либо уклонился отъ этого своего типа, то все же послѣдній въ немъ живетъ и его мы должны помнить, признавать и любить, подавляя въ своей душѣ отвращеніе, враждебность и гадливость, которыя въ насъ невольно возбуждаются уклоненіями дѣйствительнаго человѣка отъ живущаго въ немъ, но скрытаго, затаеннаго и обезображеннаго свѣтлаго и чистаго человѣческаго идеала.

Объясняя характеръ этической любви какъ можно нагляднѣе и осязательнѣе, мы можемъ быть слишкомъ подчеркнули ея объективное основаніе. Чтобъ предупредить недоразумѣнія, спѣшимъ оговориться. Въ этическомъ смыслѣ важно не то, что чрезъ отвлеченіе и обобщеніе отъ дѣйствительныхъ людей, мышленіе подымается до идеальнаго образа человѣка; важно то, чтобъ мы, въ сношеніяхъ съ дѣйствительными, живыми людьми, носили постоянно въ душѣ этотъ образъ и въ каждомъ, кто бы онъ ни былъ, предполагали его присутствіе. Такимъ образомъ, въ этической любви, какъ и во всѣхъ другихъ этическихъ идеалахъ, удареніе лежитъ не на объективной, а на субъективной сторонѣ отношенія. Сказаннымъ объясняются характеристическія черты любви, которую этика ставитъ людямъ какъ руководство и идеалъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ между собою. Незлобивость, прощеніе обидъ, сострadаніе, милосердіе, самоотверженіе на пользу другихъ, терпѣніе и кротость, снисходительность, готовность помочь и утѣшить, суть лишь проявленія и примѣненія любви. Она идеальна, но не даетъ человѣку оторваться отъ дѣйствительности, искать успокоенія и утѣшенія отъ ея треволненій и докукъ въ мірѣ отвлеченныхъ идей, къ чему всѣ мы такъ склонны. Этическая любовь крѣпко приковываетъ насъ къ жизни, заставляетъ постоянно и усиленно работать надъ собой, чтобъ выучиться въ единичномъ видѣть общее, идеальное, съ высоты идеала взвѣшивать и оцѣнивать дѣйствительныхъ лю-

дей, не теряясь въ индивидуальныхъ особенностяхъ и не уходя въ отвлеченности. Упражненіе въ этической любви есть поэтому высшая школа нравственной жизни, самая трудная, но зато и самая плодотворная по своимъ послѣдствіямъ для нравственнаго воспитанія и жизни. Не даромъ любовь называется высшею изъ всѣхъ добродѣтелей. Кто прошелъ школу этической любви и утвердился въ ней, тому ужъ сравнительно легче воспитать свои помыслы, желанія, движенія воли и душевныя привычки согласно съ другими этическими идеалами.

Этическія ученія весьма подробно опредѣляютъ отношенія отдѣльныхъ лицъ между собою и выяснили идеалъ этихъ отношеній; но они лишь мимоходомъ, слегка, коснулись этической стороны дѣятельности публичной—общественной, государственной, политической. Почему этотъ родъ дѣятельности представляется постороннимъ, чуждымъ, чуть-чуть не враждебнымъ этической точкѣ зрѣнія, объясняется исторіей. Этическія ученія возникали въ эпохи упадка и разложенія, когда живая связь публичной жизни съ частнымъ бытомъ была порвана, ихъ взаимодѣйствіе ослабѣло или прекратилось, и обѣ стороны, изъ которыхъ слагается организованное сожительство людей, были пропитаны порчею и развратомъ. Въ такія эпохи, потребность обновленія и очищенія чувствовалась прежде и больше всего въ непосредственномъ ежедневномъ быту, въ прямыхъ обыденныхъ людскихъ сношеніяхъ. Къ нимъ и обратились этическія ученія, какъ къ ближайшимъ, въ улучшеніи которыхъ были заинтересованы всѣ, отъ мала до велика. Въ наше время положеніе уже совсѣмъ другое, чѣмъ встарь. При условіяхъ нашей жизни, примѣненіе этическихъ ученій къ отношеніямъ публичнаго характера является насущною потребностью, тѣмъ болѣе, что при современной путаницѣ понятій для самыхъ произвольныхъ и странныхъ толкованій открывается по этому поводу обширное поле. За примѣрами и доказательствами ходить не далеко. Недавно выдающійся русскій писатель, которымъ всѣ мы восхищаемся и гордимся, соединившій славу первокласснаго художника съ подвигомъ правдивой исповѣди страданій души, утратившей этическіе идеалы, публично отказался отъ обязанностей присяжнаго засѣдателя на судѣ, въ убѣжденіи, что онѣ противурѣчатъ евангельской заповѣди: не суди. Эту тэму онъ развиваетъ въ особой запискѣ, которую намъ удалось видѣть. Постараемся же уяснить и опредѣлить отношеніе этическихъ ученій къ общественной, публичной дѣятельности.

Начнемъ съ установленія фактической стороны вопроса. Потребность въ устроенномъ сожительствѣ людей роковымъ образомъ, неизбѣжно, ведетъ къ правовому порядку, къ организаціи властей, закона, управленія и суда. Они — выше отдѣльныхъ, индивидуальныхъ личностей, но живутъ въ нихъ и ими представляются. Право, публичная жизнь имѣютъ дѣло не съ живыми, непосредственными людьми, а съ членами устроеннаго общежитія, лицами въ соціальномъ смыслѣ, юридическими и политическими, съ органами или носителями и представителями общественной, публичной организаціи. Тѣ и другіе имѣютъ свои права и обязанности,—аттрибуты, которыми опредѣляются ихъ многообразныя взаимныя отношенія. Мы видѣли, говоря объ этической любви, что предметъ ея тоже типъ человѣка, а не непосредственный человѣкъ. Такимъ образомъ, правовой порядокъ и точка зрѣнія, которую онъ съ собой приноситъ, безспорно болѣе отвлеченны, чѣмъ непосредственный фактъ, который они регулируютъ; но то же самое должно сказать и о нравственности, какъ ни различны ея задачи отъ тѣхъ, которыя разрѣшаетъ право, общественное и политическое устройство.

Какъ все отвлеченное, право, устройство общественное и политическое, имѣя корни въ живыхъ, непосредственныхъ, дѣйствительныхъ людяхъ, представляютъ систему объективныхъ условій, опредѣляющихъ, извѣстнымъ образомъ, жизнь каждаго человѣка, принадлежащаго къ составу организованнаго сожительства. Поэтому, вопросъ объ отношеніяхъ нравственности къ правовому порядку распадается на два слѣдующіе: во-первыхъ, согласно или несогласно съ этическими идеалами какое бы то ни было положеніе и дѣятельность, обусловленныя правовымъ порядкомъ? и во-вторыхъ, каковы должны быть, съ нравственной точки зрѣнія, отношенія индивидуальнаго человѣка къ правовому порядку, существующему въ обществѣ, къ составу котораго онъ принадлежитъ?

Рѣшеніе перваго вопроса можетъ казаться сомнительнымъ или спорнымъ только по недоразумѣнію. Этическая точка зрѣнія, какъ мы видѣли, не знаетъ объективной стороны жизни и не заботится о ней; она касается исключительно только отношеній дѣйствующаго лица къ его собственной дѣятельности. Общественное и правовое положеніе, въ этическомъ смыслѣ, безразличны, точно такъ же, какъ и родъ дѣятельности, лишь бы они не противурѣчили внутреннему убѣжденію человѣка, не считались имъ, по совѣсти, безнравственными. Мысль, будто званіе судьи противурѣчитъ заповѣди: не суди, основана на ошибочномъ ея толко-

ванія. Еслибъ въ нашу задачу входило подкрѣплять наши выводы и заключенія ссылками на священное писаніе, мы бы взялись доказать текстами его и ученіемъ церкви, что подъ словами: не суди, должно разумѣть: не осуждай, т.-е. будучи частнымъ человѣкомъ, непризваннымъ произносить судъ, не отзывайся съ укоризною о другомъ лицѣ и его поступкахъ. Совѣсти первоначальныхъ христіанъ не противурѣчило служить въ войскахъ и они шли на войну подъ знаменами языческихъ императоровъ; а христіане первыхъ вѣковъ были очень чутки и непреклонны въ своихъ убѣжденіяхъ.

Точно также безразличны, съ этической точки зрѣнія, общественные и политическіе порядки, составляющіе одно изъ внѣшнихъ, объективныхъ условій существованія индивидуальныхъ личностей. Оцѣнка этихъ порядковъ, ихъ измѣненіе и улучшеніе входитъ въ кругъ объективной дѣятельности, происходитъ по объективнымъ идеаламъ и не имѣетъ никакого отношенія къ нравственности, которая одинаково уживается съ самими противуположными гражданскими и политическими организаціями. Если совѣсть не велитъ жить въ какой-нибудь средѣ,—безнравственно въ ней оставаться: надо изъ нея уйти, отъ нея удалиться; но субъективные идеалы не даютъ мѣрила для опредѣленія сравнительнаго достоинства различныхъ гражданскихъ и политическихъ порядковъ.

Такъ рѣшаются оба вопроса. Они, и множество другихъ, съ ними сходныхъ, не могли бы возникнуть при сколько-нибудь ясномъ, отчетливомъ пониманіи нравственности. Но неточное разграниченіе субъективной и объективной дѣятельности производитъ прискорбную путаницу въ нашихъ понятіяхъ, а за ними и въ нашемъ образѣ дѣйствій. Смѣшивая различныя, хотя и соприкасающіяся между собою сферы, мы, сами часто того не замѣчая, перескакиваемъ изъ одной области знанія или дѣятельности въ другую, произвольно переносимъ пріемы, воззрѣнія и самую терминологію съ однихъ предметовъ на другіе и запутываемся все болѣе и болѣе.

Наглядными примѣрами такой путаницы могутъ служить взгляды на цѣли и задачи жизни, которые высказывались въ разное время и многими считаются и теперь за основаніе научной этики и этическихъ идеаловъ.

Съ легкой руки Бентама, необходимость этическихъ началъ и ихъ права гражданства передъ судомъ разума пробовали доказывать практическою полезностью добродѣтели и невыгодностью порока. Эта мысль высказывалась и въ древнемъ мірѣ, но до-

вольно неопредѣленно; утилитаризмъ разработалъ ее и возвелъ въ принципъ этики, но какъ мы думаемъ очень неудачно. Утилитаристы смотрятъ на этическія движенія только съ внѣшней стороны, какъ они проявляются во внѣшнихъ дѣйствіяхъ и поступкахъ, не касаясь ихъ внутренней, психической стороны, доступной только сознанію лица, въ которомъ совершаются психическія движенія и дѣятельность. Такая точка зрѣнія искажаетъ понятіе объ этической жизни. По этой точкѣ зрѣнія, человѣкъ, который во всѣхъ своихъ поступкахъ, всю свою жизнь, былъ безукоризненъ, будетъ добродѣтельнымъ и нравственнымъ. Очевидно здѣсь этическія и правовыя отношенія смѣшаны. Человѣкъ добродѣтельный и нравственный, по ученію утилитаристовъ, можетъ быть, съ этической точки зрѣнія, какъ мы ее понимаемъ, человѣкомъ отлично выдрессированнымъ для общественной жизни, но въ глубинѣ души или развращеннымъ, или посредственнымъ и ничтожнымъ. Съ личной, индивидуальной точки зрѣнія, ученіе утилитаристовъ тоже не выдерживаетъ критики. Практическую полезность нравственности и добродѣтели для отдѣльнаго лица можно одними примѣрами доказывать, а другими опровергать и доказывать, напротивъ, пользу порока. Примѣровъ въ подкрѣпленіе послѣдняго наберется пожалуй больше, чѣмъ въ доказательство практической выгодности добродѣтели. При преобладающемъ большинствѣ нравственныхъ людей и при превосходныхъ общественныхъ порядкахъ можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ окажется практически болѣе полезнымъ быть нравственнымъ и добродѣтельнымъ, чѣмъ быть безнравственнымъ и порочнымъ. Значитъ, практическіе результаты нравственности и порочности зависятъ отъ разныхъ посторонниxъ и случайныхъ обстоятельствъ и условій и слѣдовательно не могутъ служить исходной точкой и мѣриломъ для этическихъ идеаловъ.

Попытка основать ученіе о нравственности на пользѣ была позднѣе, и также безуспѣшно, возобновлена Дж. Ст. Миллемъ. Новѣйшій утилитаризмъ ищетъ принципа нравственности въ высшей пользѣ, въ пользѣ всѣхъ, и старается доказать, что къ этому естественно и необходимо стремятся всѣ развитые люди и что къ воспитанію ихъ въ этомъ чувствѣ неудержимо ведетъ ходъ человѣческой культуры. Ученіе Милля страдаетъ одними недостатками со всѣми другими этическими научными теоріями. Польза, какъ бы возвышенно и идеально мы ее ни понимали, принципъ съ одной стороны слишкомъ отвлеченный, а съ другой слишкомъ объективный, чтобы служить основаніемъ нравственности, какъ мы ее понимаемъ. Всѣ люди стремятся къ

благу, къ пользѣ; это признаетъ и Милль. Очевидно, такое общее всѣмъ людямъ стремленіе не можетъ, уже по одному этому, служить основаніемъ нравственности, которая далеко не всѣ стремленія признаетъ нравственными. Что же касается общаго блага, общей пользы, то они имѣютъ объективный, а не субъективный характеръ, опредѣляются объективными, а не субъективными идеалами и потому не могутъ быть мѣриломъ нравственности. Какъ всѣ современные мыслители, Милль не различаетъ идеаловъ субъективныхъ, служащихъ руководствомъ для личной, внутренней психической дѣятельности единичнаго человѣка, отъ идеаловъ объективныхъ, опредѣляющихъ его внѣшнюю дѣятельность по отношенію къ природѣ, другимъ людямъ и устроенному общежитію, и вслѣдствіе того путается въ опредѣленіи справедливости—идеала несомнѣнно объективнаго, а не субъективнаго,—и говоритъ о нравственномъ правѣ, понятіи столько же ошибочномъ, какъ выраженія: безнравственный поступокъ и законопротивный умыселъ. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что успѣхи культуры, рано или поздно, докажутъ практически, осязательно вредъ безнравственности и для единичнаго лица и для цѣлаго общества; но къ этому выводу люди придутъ не прежде, какъ убѣдившись путемъ опыта и знанія, что и общее и индивидуальное благо есть результатъ нравственнаго развитія единичныхъ людей, возможнаго только при настойчивомъ, выдержанномъ преслѣдованіи ими субъективныхъ идеаловъ внутренней, психической жизни и дѣятельности.

Точно также невозможно подойти къ этикѣ съ точки зрѣнія А. Конта и Спенсера. Ни позитивизмъ, ни теорія эволюціи не даютъ ключа къ нормированію психической жизни и дѣятельности живого, дѣйствительнаго лица, съ которымъ только и имѣетъ дѣло этика, потому что научныя, объективныя воззрѣнія имѣютъ въ виду не индивидуальное лицо, а обобщенное, отвлеченное, безличное понятіе о человѣкѣ, сопоставляютъ, сравниваютъ, комбинируютъ это общее понятіе съ другими, такими же обобщенными, отвлеченными и безличными понятіями о явленіяхъ природы и соціальной жизни и приходятъ къ неоспоримо вѣрнымъ и правильнымъ выводамъ; но эти выводы не могутъ быть непосредственно примѣнены къ живой дѣйствительности, которая изъ нихъ исключена. Великое значеніе научныхъ формулъ состоитъ въ томъ, что онѣ указываютъ общія условія, въ какія каждое единичное явленіе поставлено, выясняютъ общее направленіе, въ какомъ могутъ и должны быть сдѣланы комбинаціи, имѣющія цѣлью измѣнить эти явленія въ томъ или другомъ смыслѣ. Такое значеніе научныхъ выво-

довъ слишкомъ часто опускается изъ виду и друзьями и врагами научнаго знанія, только вслѣдствіе того, что не былъ съ достаточною опредѣлительностью разрѣшенъ основный, главный вопросъ—объ отношеніяхъ мысли и дѣйствительности. Теперь это рѣшеніе настолько уже намѣчено изслѣдованіями, что мы можемъ не впадать въ крайности безусловнаго, отвлеченнаго субъективизма или объективизма. Этимъ и открывается путь къ правильному взгляду на этику, ея назначеніе и задачи.

Наука, мысль, неправильно ставя вопросъ объ этикѣ, по крайней мѣрѣ пришли къ убѣжденію въ необходимости нравственныхъ основаній и руководства для индивидуальнаго лица. Это весьма знаменательно. Съ точки зрѣнія безусловной объективности подобный шагъ есть непослѣдовательность; но она доказываетъ, что этическіе интересы не могутъ быть заглушены и отброшены. Въ такой же непослѣдовательности упрекаютъ и Канта, признавшаго подчиненіе воли закону безусловнаго требованія (категорическому императиву), который у него виситъ на воздухѣ.

Что касается мнѣній и взглядовъ современнаго образованнаго общества, то въ нихъ также замѣтна величайшая путаница по вопросу о нравственности. Огромное большинство держится, если не духа, то буквы преданія и съ крайнимъ недовѣріемъ, иногда съ злобой, смотритъ на попытки науки подойти къ этической точкѣ зрѣнія, посмотрѣть на этику какъ на предметъ научнаго изслѣдованія. Подобныя попытки кажутся многимъ чуть не посягательствомъ на святыню, неприкосновенную для ума. Въ глазахъ большинства, вопросъ ставится обыкновенно такъ: этическая сторона жизни опредѣляется преданіемъ и вѣрой, отношенія къ окружающему объективному міру есть область науки и знанія. Этика, основанная на научныхъ началахъ, по меньшей мѣрѣ безполезна и излишня.

Мы не раздѣляемъ этого взгляда. Но не будемъ полемизировать съ противниками, а спросимъ ихъ только: на что же, по ихъ мнѣнію, осуждены всѣ тѣ, которые, по той или другой причинѣ, добровольно или недобровольно, не стоятъ на почвѣ преданія и вѣры? Вѣра есть дѣло личнаго убѣжденія, котораго нельзя требовать, которое нельзя приказывать. Если у кого нѣтъ вѣры, то никакія земныя силы ея не дадутъ и не внушатъ. Людей, отрѣшенныхъ и отрѣшившихся отъ вѣры и преданія, много. Какимъ же другимъ способомъ, кромѣ доводовъ ума, науки и знанія внушить имъ этическій взглядъ, убѣжденіе въ необходимости этическихъ началъ? Если эти начала суть истина

для всего рода человѣческаго — а въ этомъ у насъ нѣтъ разногласія съ нашими противниками — то къ нимъ, къ этимъ началамъ, должны вести всѣ пути, какимъ бы кто ни шелъ. Путь науки — длинный, сложный и тернистый; но и онъ, какъ мы старались доказать, приводитъ къ этикѣ, отвѣчая на вопросы, которые вѣра и преданіе обходятъ. Если наука, знаніе иногда становятся въ тупикъ, путаются, сбиваются съ дороги, то это происходитъ только отъ того, что критика, изслѣдованіе еще недостаточно проработали матеріалъ для правильныхъ и точныхъ научныхъ выводовъ, или, что также случается нерѣдко, отъ того, что люди науки останавливаются на полу-пути, не имѣютъ прозорливости, или мужества и смѣлости, вести свои выводы до конца. Недоконченность, половинчатость современныхъ научныхъ воззрѣній есть одно изъ главнѣйшихъ препятствій къ выясненію научныхъ основаній этики. Такъ или иначе, но мы считаемъ немыслимымъ открыть къ истинѣ одинъ путь и заказать другіе. Въ дѣлѣ личнаго убѣжденія это великое ослѣпленіе. Каждый путь имѣетъ свои сильныя и слабыя стороны, преимущества и недостатки и всякому должно быть предоставлено выбрать тотъ или другой, какой ему кажется лучше и вѣрнѣе.

Впрочемъ, исключительность, нетерпимость, фанатизмъ, въ самыхъ разнообразныхъ формахъ и съ самыхъ различныхъ, иногда противуположныхъ точекъ зрѣнія, не суть еще злѣйшіе враги этическаго развитія. Есть враги гораздо болѣе опасные—это современная безурядица въ головахъ, полная анархія въ мысляхъ и воззрѣніяхъ, прямо ведущая къ ослабленію и отрицанію всякихъ идеальныхъ стремленій и цѣлей. Извѣрившись въ нихъ, люди бросаются очертя голову въ наслажденіе жизнью; здѣсь имъ кажется и свободнѣй и привольнѣй. Смакованіе житейскихъ благъ, жизнь, не омраченная скучными заботами о какихъ-то сомнительнаго свойства и во всякомъ случаѣ очень далекихъ и туманныхъ принципахъ, связывающихъ душу человѣка по рукамъ и ногамъ — что же можетъ быть лучше на бѣломъ свѣтѣ, пока живется? Нс вотъ бѣда: чтобъ наслаждаться жизнью нужны средства. Хорошо, когда кто ихъ имѣетъ; а у кого ихъ нѣтъ, тому надо позаботиться ихъ пріобрѣсти. Такимъ-то образомъ, докучливые этическіе идеалы исподоволь замѣняются другими, болѣе близкими и практическими — идеалами наслажденія и наживы. Но и на этомъ пути есть свои печальныя неожиданности и помѣхи: недостатокъ средствъ, болѣзни, неудачи. Оказывается, что жить не стоитъ. Къ этому же результату приходятъ не одни жуиры, «сожигатели жизни съ обоихъ кон-

цевъ», но и благороднѣйшія сердца, чистѣйшіе идеалисты, обманувшіеся въ своихъ возвышенныхъ надеждахъ и помыслахъ. Зачѣмъ, для чего жить?—спрашиваютъ не одни праздные гуляки, но и разнаго разбора неудачники: если жизнь не даетъ удовлетворенія, радостей, то къ чему она? Лучше не жить. Такъ приходятъ къ одному и тому же заключенію люди самыхъ противоположныхъ направленій. Въ ихъ глазахъ весь смыслъ жизни—въ достиженіи извѣстныхъ цѣлей; это производитъ удовлетвореніе, а слѣдовательно и счастіе. Въ Германіи Шопенгауеръ длиннымъ рядомъ соображеній пришелъ къ выводу, что жизнь не есть благо, такъ какъ сумма неудовлетворенія и производимыхъ имъ страданій превышаетъ сумму удовлетворенія и проистекающихъ изъ него наслажденій и счастія.

Изъ всѣхъ этихъ выводовъ несомнѣнно слѣдуетъ одно: смыслъ жизни заключается въ достиженіи извѣстныхъ цѣлей; оно и доставляетъ удовлетвореніе, счастіе. Современный человѣкъ извѣрился въ возможность такого удовлетворенія и отъ того страдаетъ. Но почему онъ извѣрился? Въ правильномъ разрѣшеніи этого вопроса и заключается вся суть дѣла, ключъ къ объясненію глубокаго унынія, которое гложетъ всѣ сердца и подтачиваетъ подъ корень всѣ лучшія силы.

Мы смотримъ на дѣло такимъ образомъ: если смыслъ жизни есть достиженіе цѣлей, то отъ послѣднихъ и будетъ существенно зависѣть удовлетвореніе и прямое его послѣдствіе—счастіе. Но ставить правильно цѣли мѣшаетъ намъ отвлеченная логика, которая мало-по-малу вытѣсняется изъ научнаго знанія, но продолжаетъ безраздѣльно царить въ обыденной жизни и практической дѣятельности огромнаго большинства образованныхъ людей. Она представляетъ намъ все въ искаженномъ и извращенномъ видѣ, уродливо увеличиваетъ или уменьшаетъ размѣры и пропорціи предметовъ, покрываетъ явленіе причудливыми, фантастическими красками, произвольно перемѣщая фокусъ свѣта и тѣни. Подъ вліяніемъ призраковъ, производимыхъ отвлеченнымъ мышленіемъ, дѣйствительныя явленія измѣняютъ въ нашихъ глазахъ свой видъ такъ, что ихъ узнать нельзя, и мы, думая, что имѣемъ дѣло съ дѣйствительностью, гонимся за иллюзіями и воздушными замками. Чтобъ чутье дѣйствительности въ насъ снова ожило и вернуло насъ опять къ пониманію смысла жизни, мы прежде всего должны отдѣлаться отъ призраковъ, застилающихъ наше умственное зрѣніе обманчивой пеленой отвлеченностей. Астрономы при наблюденіяхъ принимаютъ въ разсчетъ измѣненія, которымъ подвергается лучъ при проходѣ чрезъ атмосферу; ме-

ханики, при построеніи машинъ, вычисляютъ треніе. То же должны дѣлать и мы, разсуждая о чемъ бы то ни было. Критическое отношеніе къ логическимъ обобщеніямъ, безъ которыхъ никакая операція ума немыслима, должно постоянно оберегать отъ самообмана, сторожащаго насъ на каждомъ шагу.

Цѣль человѣка, говорятъ, счастіе. Другіе думаютъ, что жизнь—юдоль печалей и скорбей. Но мы видѣли, что счастіе есть послѣдствіе удовлетворенія, которое, въ свою очередь, вытекаетъ изъ достиженія какой-нибудь цѣли. Очевидно, что счастіе есть отвлеченное понятіе, которое не можетъ непосредственно быть цѣлью или задачею. У одного и того же человѣка можетъ быть множество различныхъ задачъ или цѣлей, отвѣчающихъ различнымъ требованіямъ его психической и матеріальной природы; цѣли эти могутъ, смотря по обстоятельствамъ и условіямъ, измѣняться. Какой же смыслъ можетъ имѣть выраженіе: цѣль жизни? Жизнь не имѣетъ никакой цѣли; пока мы живемъ, мы задаемъ себѣ безпрестанно какія-нибудь цѣли. Жизнь есть только общая почва, общая предпосылка и канва нашей дѣятельности. Одною общею цѣлью жизни нельзя задаваться, потому что такой цѣли и представить себѣ нельзя.

Въ заключеніе, замѣтимъ еще слѣдующее. Ставя идеаломъ и цѣлью жизни счастіе, т.-е. то что есть послѣдствіе и обобщенное понятіе удовлетворенія, наступающаго по достиженіи цѣли, мы измѣняемъ, сами того не замѣчая, дѣятельное отношеніе въ теоретическое, созерцательное и требуемъ отъ послѣдняго непосредственно того, что можетъ быть только результатомъ перваго. Мы слишкомъ часто жалуемся на жизнь, что она не даетъ намъ счастья, не задаваясь цѣлями, не стремясь къ ихъ достиженію, другими словами, мы только мечтаемъ о счастіи, не дѣлая того, что̀ его даетъ. Не есть ли, при такихъ условіяхъ, исканіе счастія, убѣжденіе, что жизнь должна бы быть счастіемъ, а на самомъ дѣлѣ есть несчастіе, заколдованный кругъ странныхъ иллюзій? Въ дѣйствительности, человѣкъ то страдаетъ, то имѣетъ минуты удовлетворенія. Страданія и радости смѣняются и переплетаются самымъ разнообразнымъ и причудливымъ образомъ; то однихъ, то другихъ выпадаетъ на нашу долю больше. Кто дѣйствительно живетъ, то-есть ставитъ и преслѣдуетъ цѣли, а не фантазируетъ въ созерцательномъ бездѣйствіи, тотъ выучивается мужественно переносить страданія и вполнѣ цѣнить минуты радости. Жизнь есть трудъ, дѣятельность, борьба, а не праздныя грёзы.

К. Кавелинъ.

КОРДЕЛІЯ—ЗАМАРАШКА

Литературно-критическій отрывокъ.

Нѣсколько недѣль тому назадъ, человѣкъ съ шесть насъ, русскихъ путешественниковъ, собралось въ одномъ укромномъ мѣстечкѣ на берегу Генуэзскаго залива. У хозяина оказалась новая книжка петербургскаго «журнала» съ надѣлавшей шума статьей о народничествѣ. Какъ почти всегда бываетъ съ русскими извѣстнаго образованія и пошиба, разговоръ у насъ завязался не о мѣстныхъ дѣлахъ и событіяхъ и даже не о красотахъ природы, разстилавшихся передъ нашими «носами»,—а о нашей далекой родинѣ и ея литературѣ, которую мы всѣ бранимъ, но безъ которой уже существовать не можемъ,—въ данномъ случаѣ, объ этой статьѣ о народничествѣ, или лучше: по поводу этой статьи. Опять-таки, какъ всегда бываетъ съ русскими извѣстнаго пошиба, вопросъ мы захватили широко, и въ бока, и въ глубь временъ, и вдаль будущаго: заспорили мы и о «народѣ» и объ «интеллигенціи», и о націи и человѣчествѣ,—о частномъ и коллективномъ творчествѣ, словесномъ и бытовомъ, соціальномъ и политическомъ. Опять-таки,—простите, читатель, великодушно это повтореніе!—какъ всегда бываетъ съ русскими извѣстнаго пошиба, а, по признанію многихъ по-истинѣ знатныхъ, т.-е. знающихъ иностранцевъ, какъ бываетъ *только* съ русскими,—мы проспорили на эти возвышенныя темы часовъ съ четыре-пять, до изнеможенія. Разошлись, и спорили,—провожая другъ-друга подъ прекраснымъ свѣтомъ южной луны.

Добравшись до дому, я долго не могъ заснуть, все припоминая слышанное и подбирая новые аргументы, которые я бы

долженъ былъ сказать въ поддержку своихъ мнѣній, но которые не пришли мнѣ въ свое время въ голову.

— Этакъ и ночь пройдетъ!—сказалъ самъ себѣ я, и, чтобъ повыгнать изъ головы всякую современность, да еще россійскую, взялся за новенькій, только-что присланный мнѣ книгопродавцемъ томикъ,—XVI по счету,—коллекціи «Les littératures populaires de toutes les nations» (Traditions, légendes, contes, chansons, proverbes, devinettes, superstitions), которую съ недавняго времени издаетъ въ славу свою, и, вѣрно, не въ убытокъ, парижская фирма Maisonneuve et Cie. Въ томъ томикѣ помѣщены корсиканскія сказки (Les contes populaires de l'île de Corse, par J. B. Frédéric Ortoli). Пробѣжавъ нѣсколько сказочекъ о заколдованныхъ принцахъ и чудесныхъ кольцахъ, я началъ-было забывать всю взволновавшую меня «политику» и чувствовалъ, какъ начали съуживаться мои глаза, какъ вдругъ наскочилъ на № IX, «Marie la fille du roi,—и съ первыхъ же строкъ раскрылъ шире глаза, а дочитавъ, почувствовалъ опять охоту мысленно продолжать тотъ споръ, который мѣшалъ мнѣ заснуть.

Вотъ вамъ эта сказка, читатель, въ посильномъ переводѣ:

«У одного царя было двѣ дочки и сынъ. Чувствуя приближеніе старости, царь призвалъ дѣтей и сказалъ имъ:

— Я хочу сегодня раздѣлить между вами мое царство и все мое имущество; но сначала скажите мнѣ, какъ вы меня любите.

Первая дочка выступила впередъ и сказала:

— Я люблю васъ болѣе, чѣмъ свою жизнь и душу; я готова для васъ распять во второй разъ Іисуса Христа.

— Очень хорошо, моя дочка; иди, обними меня!

Молодой человѣкъ сказалъ въ свою очередь:

— Я люблю васъ, батюшка, болѣе, чѣмъ царство, которое вы мнѣ хотите дать; чтобъ быть вамъ пріятнымъ на мгновеніе, я готовъ броситься въ пылающій костеръ.

— И ты, сынъ мой, обними меня; отецъ твой не забудетъ тебя.

Меньшая дочка, которую звали Марія, приступила къ отцу и сказала ему:

— Я, батюшка, люблю васъ такъ, какъ покорная и преданная дочь должна любить такого отца, какъ вы.

При этихъ словахъ, старый король поблѣднѣлъ. Онъ подумалъ, что дочка его не любитъ, и пришелъ въ большой гнѣвъ.

— Прочь, прочь! неблагодарная дочь, которая не любитъ никого!

И несчастная дѣвушка должна была повиноваться, такъ какъ иначе отецъ убилъ бы ее.

Передъ уходомъ, Марія поднялась въ свою комнату и тамъ еще поплакала. Но такъ какъ время подвигалось, то она собрала всѣ свои прелестныя золотыя и серебряныя платья и сложила ихъ въ большую салфетку. Затѣмъ она ушла, взявъ первую попавшуюся ей дорогу.

Проходивъ цѣлую ночь, бѣдняжка встрѣтила ферму; но въ то время, когда она хотѣла постучать въ дверь, побоялась, что домашніе парни найдутъ ее слишкомъ красивой, и вернулась назадъ да и заблудилась въ большомъ лѣсу. Тамъ бѣдная дѣвочка только и ѣла, что дикіе плоды и только и пила что ключевую воду.

Проблуждавъ тамъ нѣсколько недѣль, она наконецъ вышла изъ лѣсу. На краю дороги она увидала мертваго осла. Царевна сняла съ него кожу своимъ ножемъ, высушила ее и одѣлась въ нее, такъ чтобъ ее приняли за простую служанку. Принарядившись такъ, она странствовала еще довольно долго, но всегда носила съ собой салфетку съ красивыми, вышитыми золотомъ, платьями.

Наконецъ она пришла къ прекрасному замку.

— Не нужна ли вамъ служанка?

— Да, намъ нужна пастушка для ковъ.

И царское дитя поступило на службу къ помѣщику. Каждый день Марія гоняла ковъ въ горы, но ослиная кожа, которою она прикрывалась, дѣлала ее такою безобразною, что никто на нее и взглянуть не хотѣлъ. А она была однакожъ опрятненькая, бѣдняжечка.

Вы понимаете хорошо, что Маріи не очень-то пріятно было въ такомъ печальномъ положеніи послѣ того, чѣмъ она была. Память объ отцѣ, котораго она все-таки любила очень, хоть онъ ее и прогналъ съ очей своихъ, а также о сестрѣ и братѣ, которыхъ, можетъ быть, ей нельзя будетъ увидѣть, наполняла сердце ея печалью.

Разъ молодая пастушка задумалась о своей землѣ, о своемъ отцѣ, о прекрасныхъ дняхъ своего дѣтства, — и захотѣлось ей еще разъ надѣть свои платья, обшитыя золотомъ и серебромъ. Она пригнала ковъ къ ручейку, который былъ тамъ въ горахъ — и тамъ распустила волосы, вымыла хорошо руки и ноги, потомъ одѣлась, какъ это она дѣлала въ домѣ своего отца.

Никогда грустная Марія не чувствовала себя такою хорошенькой. Ей захотѣлось спѣть родную пѣсенку и она пропѣла

ее такъ сладко, что козы перестали пастись и пить. Ночь приближалась,—и дѣвушка надѣла на себя старую ослиную кожу. Но въ это время показался молодой человѣкъ, который заблудился на охотѣ и который былъ не кто иной, какъ сынъ тамошняго царя. Онъ все видѣлъ и все слышалъ; какъ же ему послѣ этого было не полюбить такую прелестную дѣвочку?

Увидя, что она замѣчена, хорошенькая пастушка задрожала всѣмъ тѣломъ; затѣмъ, не думая больше о своихъ козахъ, она побѣжала къ хозяйскому двору. Къ несчастію, Марія, въ попыхахъ, забыла свой прекрасный башмачокъ. Онъ былъ такъ малъ, такъ малъ, что никогда и не видѣли подобнаго.

Съ этого самаго дня царскій сынъ влюбился отчаянно въ пастушку, которая показалась ему такою красивою и которая пѣла такимъ сладкимъ голосомъ. Онъ приказалъ искать ее повсюду, но все напрасно: нигдѣ не могли ее найти. Тогда объявлено было съ трубнымъ звукомъ, что царскій сынъ женится на той, которая сможетъ надѣть найденный имъ башмакъ.

Подумайте, какова была тогда толпа женщинъ! Каждая думала, что у нея ножка такая маленькая, что она непремѣнно выйдетъ замужъ за царевича, но ни одна не могла вдѣть въ этотъ башмачекъ даже и конца пальцевъ. Царскій сынъ былъ въ отчаяніи; онъ умиралъ отъ любви,—когда ему сказали, что пастушка съ сосѣдняго двора не приходила. Побѣжали за Маріей, которая все еще носила ослиную шкуру на головѣ, и привели ее къ царевичу. Диво! ея ножка пришлась точнехонько по башмачку!

— Здорово, царица!—кричали придворные; но они говорили это на смѣхъ.

Когда родители молодого царевича узнали, на кого упалъ выборъ ихъ сына, они очень разсердились и поклялись, что никогда не позволятъ сыну жениться на такой безобразной пастушкѣ. Но Марія, которая сама была царской дочерью,—сказала имъ:

— Если я теперь сторожу козъ, такъ не думайте, что это было моимъ занятіемъ съ дѣтства; мой отецъ царь—народа очень могучаго.

Всѣ придворные разсмѣялись, услышавъ такія слова. Но молодая дѣвушка попросила позволенія одѣться, какъ она одѣвалась прежде, и скоро появилась въ платьяхъ, расшитыхъ золотомъ и серебромъ.

Всѣ дивились. Нельзя было не восклицать:

— Ахъ, какъ она хороша! ахъ, какъ она хороша!

Внѣ себя отъ радости, царевичъ хотѣлъ вѣнчаться въ тотъ же день, но Марія сказала ему:

— Я выйду за васъ замужъ только тогда, когда мой отецъ оставитъ заблужденіе на мой счетъ и пріѣдетъ на мою свадьбу.

Послали гонцовъ къ старому царю; но, горе! они воротились скоро, печальные, какъ смерть.

— Отчего вы такъ печальны, добрые гонцы?—спрашивала ихъ Марія.

— Могучая царевна, царь вашъ отецъ помѣшался. Сынъ его и дочь, отобравъ у него все, чѣмъ владѣлъ онъ, оставили его въ нуждѣ, безъ самыхъ необходимыхъ вещей, а такъ какъ онъ жаловался, то они заперли его въ страшную тюрьму, куда никто не можетъ пройти.

Марія,—добрая и любящая дѣвушка,—заплакала, получивъ такія печальныя вѣсти.

— Успокойтесь,—сказалъ ей женихъ,—клянусь вамъ: отецъ вашъ будетъ отмщенъ,—и онъ старался утѣшить ее.

— Я выйду за васъ только тогда,—сказала опять бѣдная дѣвушка,—когда мой отецъ будетъ опять вовстановленъ на тронѣ и когда онъ, выздоровѣвъ тѣлесно и душевно, будетъ въ состояніи присутствовать на нашей свадьбѣ.

Узнавъ о такомъ рѣшеніи, родители молодого царевича объявили войну неблагодарнымъ дѣтямъ, которые такъ обидѣли стараго отца. Неблагодарные были скоро побѣждены, и несчастный старикъ возвращенъ на тронъ. Но къ несчастію, отецъ Маріи былъ въ самомъ дѣлѣ помѣшанъ и только черезъ годъ, ласками и безграничной преданностію, эта любящая дѣвушка успѣла возвратить ему разумъ.

Наконецъ не было препятствій къ браку царевича и прелестной царевны, и его отпраздновали съ пышностію вполнѣ необыкновенною. Отовсюду пришли гости къ церемоніи, равно какъ и къ брачному пиру, который за тѣмъ слѣдовалъ. Музыка играла на городскихъ площадяхъ и колокола звонили изъ всей силы.

Меня,—такъ какъ я ни принцесса, ни маркиза,—посадили подъ столъ и тамъ падала на мой носъ большая часть костей отъ пира». (Op. cit., стр. 48—56).

Не нужно быть большимъ знатокомъ сказочной литературы, чтобъ увидѣть, что мы имѣемъ дѣло съ варьянтомъ сказки, которая давно извѣстна всему литературному міру въ двухъ редакціяхъ, внесенныхъ еще въ XVII-мъ вѣкѣ въ знаменитый сборникъ сказокъ Перро (Perrault—Histoire ou contes du temps

passé. Contes de ma mère Loye). Одна изъ этихъ редакцій называется «Peau d'âne», а другая—«Cendrillon». Но что составляетъ особенность нашей корсиканской сказки, такъ это то, что въ ней къ исторіи, которая легла въ основаніе названныхъ сейчасъ двухъ варіацій сказки о дѣвушкѣ-изгнанницѣ присоединена исторія Корделіи и короля Лира, только безъ этихъ именъ.

Обстоятельство это объясняется очень просто,—тѣмъ, что тэма, которою воспользовался знаменитый англійскій драматургъ для своей трагедіи, принадлежитъ сама къ числу тѣхъ такъ называемыхъ странствующихъ исторій, къ которымъ принадлежитъ большая часть и такъ-называемыхъ народныхъ разсказовъ. Самъ Шекспиръ былъ далеко не первымъ авторомъ, который разработалъ эту тэму даже въ драматической формѣ. Трагедія Шекспира представлена была въ первый разъ въ 1606 г., а отдана въ печать въ 1607; а уже въ 1594 г. играна была, а въ 1605 году была напечатана драма неизвѣстнаго автора подъ заглавіемъ: «Правдивая хроника-исторія Лира и его трехъ дочерей» (The true Chronicle History of Leir and his three daughters Gonoril, Ragan and Cordella). Эта драма отличается отъ шекспировской меньшими достоинствами, а также нѣкоторыми подробностями, напр., отсутствіемъ сумасшествія Лира и счастливымъ для Лира и Корделіи концемъ. Обѣ же драмы имѣютъ себѣ источникомъ разсказъ Голиншеда (Holinshed), современника Елисаветы, который, въ свою очередь, пользовался старыми писателями и между ними въ первой линіи Готфридомъ, архидіакономъ въ Монмутѣ (Geoffrey of Monmouth), составившимъ въ половинѣ XII ст. хронику подъ названіемъ Historia Regum Britanniae. Эта хроника, для которой будто бы послужили основаніемъ старые кельтическіе манускрипты, вывезенные изъ Бретани оксфордскимъ архидіакономъ Вальтеромъ *Mapes*, давала баснословную исторію бриттовъ отъ временъ переселенія изъ Троады до саксонскаго завоеванія. Хроника понравилась норманно-французскому двору и аристократіи послѣднихъ покорителей Британіи, которымъ пріятно было видѣть англо-саксовъ представленными какъ узурпаторы, а самимъ чувствовать себя мстителями и какъ бы законными наслѣдниками британскаго короля Артура и его рыцарей,—а потому сказки этой хроники получили въ новой Британіи быстрое распространеніе, особенно когда ихъ изложилъ во французскихъ стихахъ *Wace*, родомъ съ Джерсея, въ 1155 г. въ романѣ «Le Roman de Brut». Въ числѣ предшественниковъ короля Артура въ «Historia Regum Britanniae» и въ романѣ «de Brut» выведенъ былъ и Лиръ (Leir),

какъ основатель города Leicester, по-кельтски Kaerleir, —отецъ трехъ дочерей: Gornorille, Ragan и Cordeille. Исторія этого короля и его дочерей разсказана здѣсь приблизительно такъ, какъ потомъ передалъ ее знаменитый драматургъ,—только конецъ иначе: Лиръ самъ уходитъ къ Корделіи во Францію (Галлію) и потомъ возстановляется на тронѣ съ помощью покорной дочери, которая и правитъ послѣ смерти отца въ его царствѣ, пока племянники не свергаютъ ее, послѣ чего она умираетъ въ тюрьмѣ. Со временъ романа *Wace* каждое столѣтіе въ англійской литературѣ давало новую переработку исторіи Лира, пока наконецъ Шекспиръ не сдѣлалъ ее на вѣки достояніемъ всего прикосновеннаго къ европейской цивилизаціи человѣчества.

Впрочемъ, уже и раньше не только Шекспира, но даже и авторовъ «Historia Regum Britanniae», основа исторіи Лира не составляла исключительнаго достоянія словесности народовъ британскихъ. Основа эта находится въ знаменитомъ, распространенномъ по всей Европѣ, средневѣковомъ сборникѣ «Gesta Romanorum» («Римскія дѣянія», какъ переводили это заглавіе компиляторы западно-европейскаго сборника на Руси въ XVII вѣкѣ.) Въ сборникѣ этомъ [1]) исторія Лира разсказана такъ:

«Былъ царемъ въ государствѣ римскомъ сильно мудрый и могучій Өеодосій, который имѣлъ трехъ дочерей, и сказалъ онъ старшей дочери: какъ ты меня любишь? А та ему: конечно больше, чѣмъ себя самое. Отецъ ей говоритъ: я тебя очень обогащу. Скоро онъ выдалъ ее за богатаго и могучаго царя. Потомъ приходитъ онъ ко второй дочкѣ и говоритъ: какъ ты меня любишь?—А та ему: какъ меня самое. Императоръ выдалъ ее за одного герцога (dux). А послѣ того пришелъ къ третьей дочери и говоритъ: какъ ты меня любишь?—А та ему: такъ, какъ ты того стоишь, ни больше, ни меньше. Отецъ ей и говоритъ: а если такъ, то я тебя выдамъ замужъ не такъ богато, какъ сестеръ твоихъ. И выдалъ ее за графа. Случилось послѣ того скоро, что императоръ воевалъ съ царемъ египетскимъ. Царь этотъ прогналъ императора изъ имперіи его, такъ что онъ не могъ найти тамъ убѣжища. И пишетъ онъ тогда письмо, запечатанное его печатью, къ первой дочери, которая говорила, что любитъ отца больше, чѣмъ себя,—чтобъ помогла ему въ его нуждѣ, что изгнанъ онъ изъ имперіи своей. Дочь, какъ только получила то письмо, первое—разсказала дѣло своему царю. Царь говоритъ: хорошо бы было помочь ему въ такой

[1]) „Gesta Romanorum", изд. Oesterley, 1872, стр. 273.

большой нуждѣ; соберу я войско свое и помогу ему всею силою моей.—А та ему и говоритъ: нельзя этого сдѣлать безъ большихъ расходовъ; будетъ довольно, если вы ему предоставите, на время, пока онъ будетъ внѣ своей имперіи, пять воиновъ, которые будутъ находиться при немъ. Такъ и сталось. Дочка отписала отцу, что другой помощи отъ нея онъ не можетъ имѣть, какъ только содержаніе на счетъ ея царя пяти воиновъ для свиты. Императоръ, услышавъ такое, сильно опечалился, и говорилъ самъ себѣ: «горе мнѣ! вся моя надежда была въ дочкѣ моей старшей, такъ какъ она говорила, что любитъ меня болѣе, чѣмъ самое себя, и за то я ее и возвелъ въ большее величіе. Написалъ онъ и второй дочкѣ, которая говорила: тебя люблю, какъ себя самое,—написалъ, чтобъ та помогла ему въ такой его нуждѣ. Но и та, когда услышала (просьбу отца), разсказала дѣло мужу и совѣтовала ему, чтобъ ничего не давалъ отцу, кромѣ пищи и одежи, пока онъ будетъ жить, какъ прилично такому царю, и такъ объ этомъ и отписала отцу. Императоръ, услышавъ такое, сильно опечалился, говоря: «обманулся я въ двухъ дочеряхъ; дай, попробую третью, которая сказала мнѣ: люблю тебя такъ, какъ ты того стоишь». Написалъ ей письмо, чтобъ помогла ему въ такой нуждѣ, и о томъ, какъ сестры ея отвѣтили ему. Третья дочь, какъ увидѣла бѣду отца своего, сказала мужу:—господинъ мой почтенный, помоги мнѣ въ такой нуждѣ; отца моего прогнали съ наслѣдія его. Мужъ говоритъ ей: что ты хочешь, чтобъ я сдѣлалъ?—А она ему: сбери войско и иди съ нимъ воевать врага отца моего.—Графъ говоритъ: исполню волю твою. Тотчасъ собралъ большое войско и на свой счетъ отправился съ императоромъ на войну, одержалъ побѣду и возстановилъ его во власти. Тогда говоритъ императоръ: «благословенъ часъ, въ который я родилъ меньшую дочь; я ее любилъ меньше другихъ дочерей, а она помогла мнѣ въ большой нуждѣ, а другія дочери меня оставили, а потому я откажу, послѣ смерти моей, имперію мою младшей дочкѣ моей. Такъ и сталось. По смерти отца, меньшая дочь царствовала и кончила дни свои съ миромъ».

По обычаю своему, составители сборника толкуютъ разсказанное аллегорически: императоръ—человѣкъ, старшая дочь—свѣтъ, средняя—семья, третья—Богъ, но, конечно, эти аллегоріи совершенно произвольны, и мораль разсказа, если нужно уже прибавлять къ нему мораль, совсѣмъ не та и гораздо проще.

Окончательная редакція «Gesta Romanorum», позже составленія хроники Монмута,—она завершилась только въ XIV в.

Но составные элементы «Gesta» обращались въ устной и письменной словесности европейскихъ народовъ уже давно, задолго до свода ихъ въ сборникъ. Теперь доказано, что большая часть разсказовъ, вошедшихъ въ «Gesta Romanorum», пришла въ Европу изъ Азіи, одни даже еще въ классическую эпоху, другіе въ началѣ среднихъ вѣковъ черезъ евреевъ, арабовъ, византійцевъ, итальянцевъ, испанцевъ. Доказано также, что значительная часть какъ этихъ разсказовъ, такъ и другихъ подобныхъ (сказокъ, новеллъ, басенъ, сатирическихъ апологовъ и т. д.) зародилась въ Индіи и оттуда двигалась, въ буддійскую и послѣдующую эпоху, на Европу, какъ прямо къ Средиземному морю черезъ Персію и Сирію, такъ и сѣвернымъ путемъ, черезъ тибетско-монголо-татарскіе народы, усвоившіе буддизмъ, къ финскимъ племенамъ и восточнымъ славянамъ. Поставленный въ необходимость имѣть дѣло съ какою-нибудь сказкою, новеллою, апологомъ, современный ученый не успокоится, пока не найдетъ ему предка, или хоть внучатаго родственника въ Индіи.

Королю Лиру и его дочерямъ найдены такіе родственники въ Индустанѣ. И теперь существуетъ тамъ на бенгальскомъ языкѣ слѣдующая сказка:

«Въ нѣкоторой землѣ жилъ царь, который имѣлъ семь дочерей; разъ онъ призываетъ ихъ къ себѣ и спрашиваетъ: дочки мои, какъ сильно вы меня любите?—Шестеро старшихъ дочерей отвѣчали: батюшка, мы васъ любимъ какъ конфетки и какъ сахаръ.—Но младшая сестра отвѣчала: батюшка, а я васъ люблю, какъ любятъ обыкновенно соль.—Царю очень понравился отвѣтъ шести старшихъ сестеръ, но онъ очень разсердился на меньшую дочку и приказалъ двумъ своимъ слугамъ вывести ее въ пустыню и тамъ оставить. Былъ вечеръ; дѣвушка боялась тигровъ и другихъ звѣрей, но наконецъ заснула. Проснувшись утромъ, она нашла около себя пищу и питье, которыя самъ Богъ ей доставилъ. Царевна встала и пошла вдаль и пришла къ прекрасному дворцу, съ прекраснымъ садомъ и прудомъ. Въ дворцѣ не было никого, но столъ былъ накрытъ,—а на великолѣпномъ ложѣ спалъ царевичъ, покрытый шалью. Царевна подняла шаль и увидала прекраснаго юношу; но онъ былъ мертвъ, такъ какъ множество булавокъ воткнуты были въ его тѣло. Дѣвушка въ теченіе цѣлой недѣли ни ѣла, ни пила, а только вынимала булавки изъ тѣла. Пока она такъ работала, пришелъ человѣкъ и предложилъ ей купить у него служанку. Царевна отдала за служанку свои золотые перстни. Черезъ три недѣли царевна вынула всѣ почти булавки изъ тѣла царевича; остались только бу-

лавки на глазахъ. Тогда, желая показаться передъ царевичемъ чистою и красивою, когда онъ проснется,—царевна приказала служанкѣ приготовить себѣ баню и, когда баня была готова, отправилась туда, наказавъ служанкѣ смотрѣть за царевичемъ, но не вынимать изъ глазъ его булавокъ, такъ какъ царевна предполагаетъ вынуть ихъ сама. Но пока царевна купалась, служанка не могла устоять противъ соблазна, вынула булавки изъ глазъ царевича. Царевичъ открываетъ глаза и, видя служанку, спрашиваетъ: кто ему возвратилъ жизнь, вынувъ булавки? Служанка присвоиваетъ себѣ всю заслугу, и царевичъ обѣщаетъ ей взять ее себѣ въ жены. Между тѣмъ, царевна выходитъ изъ бани. Царевичъ спрашиваетъ: кто это?—Это одна изъ моихъ прислужницъ,—отвѣчаетъ обманщица. Царевичъ, впрочемъ, не совсѣмъ вѣритъ этому и начинаетъ подозрѣвать свою нареченную. Разъ онъ заявляетъ, что ѣдетъ въ дорогу, и спрашиваетъ у коварной служанки, ставшей его женою, какой гостинецъ привезти ей? Та проситъ великолѣпныхъ платьевъ и украшеній изъ золота и серебра. Спрашиваетъ у царевны,—и та проситъ шкатулочку съ солнечными драгоцѣнностями, какія есть только у фей. Царевичъ не знаетъ, какъ достать такой подарокъ, но во снѣ онъ узнаетъ, что помочь ему можетъ одинъ факиръ, который живетъ въ пустынѣ и двѣнадцать лѣтъ спитъ, а двѣнадцать бодрствуетъ.

«Факиръ дѣйствительно указываетъ царевичу, какъ достать шкатулочку, въ которой будутъ солнечныя драгоцѣнности, т. е. флейта и семь куколокъ, которыя сами будутъ феями. Но шкатулочка должна быть открыта только тѣмъ лицомъ, которое имѣетъ въ ней нужду, въ извѣстное время и въ уединеніи.

«Царевна удаляется ночью въ пустыню и открываетъ коробочку. Куколки становятся прекрасными феями; одна играетъ на флейтѣ, другія танцуютъ и поютъ. Но царевна не веселится, а плачетъ. Утромъ феи спрашиваютъ ее о причинѣ ея горя. Та разсказываетъ исторію свою и служанки.—Не печалься такъ,—говорятъ феи,—все кончится хорошо.—Когда сама царевна заиграла на флейтѣ, феи превратились въ куколокъ и спрятались въ шкатулку. Три ночи такъ развлекалась царевна, пока дровосѣкъ не подсмотрѣлъ и не разсказалъ обо всемъ царевичу. Царевичъ самъ подсмотрѣлъ всю сцену, узналъ правду и женился на царевнѣ, которая, по добротѣ, простила служанку. Не показала она неудовольствія и къ отцу, а позвала его и сестеръ всѣхъ къ себѣ на свадьбу. Только она велѣла класть имъ въ пищу не соли, а сахару. Недѣлю такъ прокормила она ихъ, и наконецъ

велѣла посолить пищу. Отецъ тогда призналъ свою ошибку и сказалъ: дочь моя, ты хоть самая меньшая у меня, а самая умная. Я теперь понимаю, какъ ты меня любила, когда говорила, что любишь меня, какъ соль. Никто не можетъ ѣсть непосоленной пищи; день какой можно ѣсть подслащенную пищу, но ежедневная пища должна имѣть въ себѣ соль» [1]).

Такова сказка, которую и теперь разсказываютъ въ Бенгаліи. Но уже въ знаменитомъ собраніи древнихъ индійскихъ апологовъ, *Панчатантрѣ*, которое еще въ VI в. по Р. Хр. было переведено на персидскій языкъ и послѣ распространилось на западъ въ переводахъ и передѣлкахъ арабскихъ, еврейскихъ греческихъ, латинскихъ и т. п., находимъ другой варьянтъ, котораго мы приводимъ здѣсь только существенныя черты, нужныя намъ для основной цѣли настоящей статьи.

«Въ одномъ городѣ жилъ царь Девасакти. У его сына отпадали каждый день члены оттого, что внутрь его залѣзъ змѣй изъ тѣхъ, какіе живутъ въ муравьиныхъ кучахъ. Никакія лекарства не помогали, и царевичъ отправился странствовать. Такъ онъ пришелъ въ одно царство, гдѣ былъ царь Бали, имѣвшій двухъ дочерей-невѣстъ. Каждый день, при восходѣ солнца, дочери приходили къ ногамъ отца и отдавали ему свое почтеніе. Вотъ одна сказала: «да будешь ты побѣдоносенъ, о великій царь, отъ милости котораго исходятъ всѣ радости!» Но другая сказала: «да насладишься ты, о великій царь, тѣмъ, что тебѣ предназначено!» Услышавъ такое, царь страшно разсердился и сказалъ: «эй, министры! отдайте эту, неприличныя рѣчи говорящую, дѣвушку первому встрѣчному чужанину въ жены, чтобъ и она насладилась тѣмъ, что ей предназначено!» Дѣвушку отдали за больного нищаго царевича,—котораго она приняла съ радостію. Разъ ушла она за покупками, а царевичъ заснулъ, положивъ голову на муравьиную кучу. Змѣй и высунулъ голову изъ его рта, а тѣмъ часомъ вылѣзъ другой змѣй изъ муравейника, — и оба заспорили между собою. Въ спорѣ они открыли, чѣмъ каждаго можно истребить, и открыли, что въ муравейникѣ находится кладъ. Царевна, которая, возвращаясь, слышала рѣчи обоихъ змѣевъ, воспользовалась ихъ секретами, вылечила мужа и овладѣла большимъ богатствомъ».

Основа обѣихъ этихъ сказокъ, очевидно, одна и та же, но только въ каждой она выражена своеобразно и вмѣстѣ въ комбинаціи съ другими сказочными тэмами: въ первой—съ тэмою

---

[1]) A. De Gubernatis, Storia delle novelline popolari, 1883, 256—259.

подмѣны истинной невѣсты (или же жениха), а во второй—съ тэмою взаимной выдачи секретовъ двумя врагами (варьянтъ тэмы о подслушанныхъ секретахъ богато разработанной легенды о мудромъ царѣ или вообще о мудрецѣ въ восточныхъ сказаніяхъ, которыя, между прочимъ, прицѣпились и въ Соломонову циклу). Такъ какъ разныя части основной тэмы о царѣ и его скромной дочери встрѣчаются въ западныхъ отъ Индіи народныхъ сказаніяхъ въ комбинаціи и съ другими тэмами, которыя тоже находимъ въ индійской словесности, то мы вправѣ заключить, что уже въ глубокую старину, раньше редакціи Панчатантры, исторія Лира и Корделіи ходила въ Индіи въ разныхъ варьяціяхъ и что разныя эти варьяціи давно стали подвигаться изъ Индіи на Западъ, къ намъ въ Европу. Ниже мы упомянемъ объ интересной связи, какую обнаруживаетъ одна валашская сказка съ варіантомъ исторіи Лира и Корделіи, разсказанномъ въ Панчатантрѣ,—а теперь укажемъ на пармскую сказку, которая самымъ явнымъ образомъ привязывается къ вышеприведенной бенгальской.

Пармская сказка представляетъ собою варьянтъ Peau d'âne и Cendrillon, еще болѣе тѣсно примыкающій къ этимъ извѣстнымъ французскимъ исторіямъ, чѣмъ вышеприведенная корсиканская сказка, но въ то же самое время, еще болѣе близка къ бенгальской исторіи Лира, чѣмъ эта корсиканская сказка и чѣмъ повѣсть въ Gesta Romanorum и англійскія ея варіаціи. Начинается пармская сказка съ исторіи о царѣ, который имѣлъ трехъ дочерей и любилъ больше другихъ меньшую. Царь этотъ имѣлъ три трона: бѣлый, красный и черный, на которыхъ и садился сообразно состоянію своего духа. Дочки приходили къ нему по утрамъ привѣтствовать его и разъ застали его на черномъ тронѣ. На вопросъ, что съ нимъ? царь отвѣчалъ каждой дочкѣ порознь: ты не желаешь мнѣ добра,—не любишь меня. Старшая отвѣтила, что желаетъ отцу добра, какъ желаетъ съѣсть цыпленка; вторая—какъ кусокъ хлѣба, а третья—какъ кусочекъ соли. Отецъ приказываетъ отвезти эту дочку въ лѣсъ, убить и принести ему сердце ея и платье. Прислужникъ не рѣшается выполнить царское приказаніе, убиваетъ, вмѣсто царевны, овцу, а ей царевнѣ даетъ ослиную кожу для одежи и помѣщаетъ ее въ дупло. Тамъ находятъ ее феи и даютъ ей волшебную палочку. Тамъ-же открываетъ ее и отецъ, который беретъ ее въ дворъ свой, такъ какъ странная дѣвушка напоминаетъ ему дочку, и помѣщаетъ ее въ кухню для подметанія пеплу (Cenerentola). Слѣдуетъ за тѣмъ

троекратное появленіе замарашки на балѣ, любовь сосѣдняго царевича, потеря и проба башмака и счастливый конецъ.

Сравненіе всѣхъ этихъ варіантовъ вполнѣ достаточно для убѣжденія читателя въ томъ, что основа исторіи Лира и Корделіи, создавшись, по всей вѣроятности, въ Индіи, стала собственностію интернаціональною и, какъ таковая, явилась и въ Англіи. Здѣсь особенныя обстоятельства, а именно потребность норманскаго завоевательнаго класса выдвинуть противъ саксонскихъ историческихъ воспоминаній искусственный, будто бы кельтическій, британскій эпосъ, фиксировала это бродячее сказаніе около имени Лира,—и такимъ образомъ эта международная сказка получила видъ національнаго британскаго преданія и, какъ таковое, сдѣлалась однимъ изъ любимыхъ предметовъ англійской національной литературы. Великій геній Шекспира придалъ наивному средневѣковому роману значеніе великохудожественнаго и глубокопоучительнаго общечеловѣческаго психологическаго этюда, конечно, нарисованнаго англійскими національными красками [1]).

Впрочемъ, получивъ себѣ вѣковѣчную форму въ письменномъ произведеніи Шекспира, исторія Лира и его дочери не закончила своей жизни и развитія и въ устной словесности, даже въ Англіи. Еще въ XVIII вѣкѣ Перси напечаталъ въ своемъ знаменитомъ собраніи (Reliques of ancient english poetry, 1765) народную балладу о Лирѣ и его дочеряхъ. Баллада эта въ первой своей половинѣ близка къ стариннымъ, до-шекспировскимъ редакціямъ сказанія, но въ концѣ своемъ приближается къ Шекспиру въ особенности тою подробностію, что и въ ней Корделія умираетъ,—хотя въ битвѣ,—послѣ чего уми-

---

1) Интересъ исторіи Лира и его дочерей тѣмъ въ особенности высокъ, что характеръ и поведеніе Корделіи даетъ всей исторіи смыслъ очень сложный, а не только значеніе этюда о человѣческой неблагодарности. Такой сложный смыслъ имѣла, какъ мы видѣли, исторія эта уже въ индійскихъ ея первообразахъ. Тэма о неблагодарности дѣтей, воспользовавшихся наслѣдствомъ отца, и о томъ, какъ отецъ успѣлъ обезпечить за собою возобновленіе ихъ нѣжности надеждой на новое наслѣдство, спрятанное въ сундукѣ,—на самомъ дѣлѣ пустомъ, или набитомъ хламомъ,—была разработана въ европейской старинной литературѣ въ особомъ разсказѣ, который обработалъ между прочимъ и старшій современникъ Шекспира, нѣмецъ Гансъ Саксъ (1494—1578). Разсказъ этотъ проникъ и въ украинскую устную словесность (см. у Драгоманова, Малор. нар. преданія и разсказы, 177—181; у Чубинскаго, Труды экспедиціи въ Югозап. край, II, 558). Ср. Hagen, Gesammtabenteuer II, 408—451; Wenzel, Westslav. Märchenschatz, 86—87; Dunlop—Liebrecht, Gesch. der Prosadichtungen, 273. Разсказъ этотъ легъ въ основу „слезной комедіи“ (comédie larmoyante) Пирона, l'Ecole des Pères.

раетъ на ея груди и Лиръ [1]). Простонародная и вообще устная словесность не любитъ такихъ трагическихъ концовъ. Они слишкомъ печальны для простого общества, крестьянскаго, какъ и рыцарскаго. Только болѣе сложная культура съ одной стороны требуетъ болѣе сильныхъ ощущеній, а съ другой стороны способна умѣрять чувства печали мыслію о неумолимой логикѣ событій, поучительностію законченнаго психологическаго этюда. Даже ближайшее къ Шекспиру общество находило конецъ его трагедіи слишкомъ печальнымъ,—а потому еще во время Якова II конецъ этотъ былъ передѣланъ: Корделія оставлялась въ живыхъ; ее съ Лиромъ освобождалъ Эдгаръ; король шотландскій (Albany) отказывается отъ короны,—и Лиръ передавалъ царство Корделіи, которая выходила за Эдгара. Во всѣхъ его народныхъ варьяціяхъ, какъ мы видѣли, а равно и во всѣхъ писанныхъ старинныхъ редакціяхъ нашей исторіи, конецъ—благополучный: добродѣтель торжествуетъ, порокъ наказанъ. А потому мы имѣемъ полное основаніе считать конецъ баллады, напечатанной у Перси, навѣяннымъ Шекспировской трагедіей. Здѣсь мы видимъ примѣръ того, какъ устная, безъименная, народная словесность поддается вліянію письменной,—индивидуальнаго творчества, которое само взяло извѣстный сюжетъ изъ словесности устной и подвергло его своей переработкѣ.

На этомъ мы могли бы и остановиться,—такъ какъ сказаннымъ выше почти исчерпывается тотъ матеріалъ и тѣ ближайшія соображенія, какія мы хотѣли представить читателю по вопросу о Лирѣ и Корделіи собственно, какими они являются въ шекспировой трагедіи, въ ея отношеніи къ бродячимъ народнымъ сказаніямъ. Но мы считаемъ нужнымъ прибавить нѣсколько словъ по поводу тѣхъ частей въ этихъ сказаніяхъ, гдѣ царевна, соотвѣтствующая Корделіи, является въ видѣ Сандрильоны-Замарашки. Эти части собственно не являются органически-необходимыми въ исторіи стараго короля и его искренней дочери, а приклеились въ эту исторію изъ другой повѣсти о гонимой и странствующей дѣвушкѣ, повѣсти, которая получила въ устной словесности и въ старинной письменности еще большее распространеніе, чѣмъ первая исторія. Многочисленные варіанты ея могутъ быть подведены подъ два типа: первый—повѣсть о дѣвушкѣ, гонимой мачихою (типъ Cendrillon) и второй—о дѣвушкѣ,

---

[1]) „Но когда онъ услышалъ о смерти Корделіи, которая на дѣлѣ умерла изъ любви къ своему милому отцу, за дѣло котораго она подняла эту битву, безъ чувствъ упалъ онъ на ея грудь, отъ которой онъ уже и не поднялся; на груди ея онъ оставилъ свою жизнь, такъ сердечно любимую“.

убѣгающей отъ брачнаго посягательства отца, или брата (типъ Peau d'âne), при чемъ этотъ второй типъ перепутывается иногда съ разсказами особой, хотя родственной, тэмы — о дѣвушкѣ съ отрубленными руками. Разсказы перваго типа записаны на огромномъ пространствѣ отъ Индіи до Бретани; разсказы второго типа не подсмотрѣны еще восточнѣе сѣверной Сиріи и, за исключеніемъ сирійскаго разсказа, — въ которомъ начало дѣйствія происходитъ въ еврейской семьѣ, — найдены только у христіанскихъ народовъ. Между прочимъ поэтому, мы позволяемъ себѣ думать, что первый типъ есть основной и древнѣйшій, а что второй образовался изъ него черезъ приставку мотива искушенія отца или брата на кровосмѣшеніе, каковая приставка сдѣлана была христіанами при составленіи легендъ въ обличеніе язычниковъ и въ прославленіе терпѣнія мученицъ, въ родѣ легендъ о св. Димпнѣ, царевнѣ ирландской (она же и Елена константинопольская) и о св. Оливѣ, или Уливѣ, о которой существуютъ прекрасные труды д'Анконы и нашего соотечественника, пр. Веселовскаго [1].

Валашская сказка типа Сандрильоны (Schott, Walachische Märchen, № 4), въ которой встрѣчаемъ подробность разсказа Панчатантры о змѣѣ, живущей во внутренности, правда, не принца, а дѣвушки-героини (которой дала выпить эту змѣю мачиха) и объ извлеченіи этой змѣи лицомъ, подсмотрѣвшимъ секретъ ея (здѣсь принцемъ, который потомъ женится на гонимой дѣвушкѣ), даетъ намъ основаніе предполагать, что исторія типа Сандрильоны приклеилась къ исторіи типа Корделіи еще въ Индіи, чтó тѣмъ болѣе говоритъ въ пользу нашего предположенія о бóльшей древности типа Сандрильоны передъ типомъ Peau d'âne, а равно тѣмъ болѣе объясняетъ, почему исторія Корделіи и Сандрильоны слились въ разныхъ европейскихъ варіантахъ.

Впрочемъ, мы не станемъ здѣсь спеціально разбирать процессъ сліянія этихъ различныхъ исторій, ни даже пускаться въ состязаніе съ различными спеціалистами относительно объясненія происхожденія сказокъ на тэму Cendrillon и Peau d'ane, и подтверждать подробными соображеніями основательность нашего предположенія о позднѣйшемъ, христіанскомъ, происхожденіи типа Peau d'âne, въ которомъ даже г. Веселовскій признаетъ (или,

[1] La Rappresentatione di Sante Uliva, con prefazione del prof. Alessandro D'Ancona, 1863.—Novella della figlia del re di Dacia. Alessandro Wesselofsky. 1866. Интересно, что въ одной нѣмецкой переработкѣ исторіи Димпны-Елены-Оливы, героиня является дочерью короля русскаго (Des Reuszenkönigs Tochter. См. у Hagen, Gesammtabenteuer. II, 593—613).

быть можетъ, теперь слѣдуетъ уже сказать: признавалъ) миѳологическую основу, вмѣстѣ съ учеными Гриммовской, теперь уже сильно поколебленной, школы. Не теряя изъ виду главныхъ цѣлей настоящаго очерка, который вовсе не имѣетъ цѣлью спеціальное изслѣдованіе происхожденія тѣхъ или другихъ народныхъ повѣстей, мы обратимъ вниманіе читателя только на самый фактъ обширнаго распространенія разсказовъ о гонимой дѣвушкѣ, которая наконецъ находитъ себѣ счастливое и высокое замужество, у разныхъ народовъ отъ Индіи до Атлантическаго океана, не считая заатлантическихъ европейскихъ колоній, куда эти разсказы переѣхали, конечно, самымъ простымъ образомъ.

Напомнимъ читателю, что всѣ разновидности упомянутыхъ разсказовъ онъ найдетъ и въ Россіи, въ томъ числѣ и у русскихъ славянъ: у великоруссовъ, бѣлоруссовъ и малоруссовъ. Напр. разсказы типа Сандрильоны: великорусскіе у Аѳанасьева, Русскія народныя сказки, изд. 1873 г., № 162 (Золотой башмачекъ) и 163 (Чернушка); малорусскіе у Рудченка, Южнорусскія народныя сказки, II, № 16 (Золотый черевичокъ), у Драгоманова, Малорусскія народныя преданія и разсказы, отд. XIII, № 35 (Бычокъ-третячокъ). Разсказы типа Peau d'âne: великорусскій у Аѳанасьева, № 161 a (Свиной чехолъ); малорусскіе: у Аѳанасьева, № 162b (Свинячій кожухъ), у Чубинскаго, Труды экспедиціи въ юго-западный край, II, отд. 1, № 18 (Дівчина вошивий кожушохъ), у Драгоманова, отд. XIII, № 15 (Поповна въ лѣсу); бѣлорусскій у Аѳанасьева, № 164 (Царевна въ подземномъ царствѣ) [1]). Было бы очень любопытно сравнить въ подробностяхъ указанные варіанты съ греческими, румынскими, итальянскими, нѣмецко-скандинавскими и др., и погадать о путяхъ, какими каждый изъ этихъ варіантовъ зашелъ въ русскую область, но это опять составило бы предметъ спеціальной работы. Довольно будетъ, если мы замѣтимъ, что почти всѣ подробности, какія мы находимъ въ разсказахъ этого круга у разныхъ народовъ Азіи и Европы, мы находимъ и въ указанныхъ варіантахъ русской области, такъ что мы не можемъ назвать не только

[1]) При случаѣ замѣтимъ для русскихъ писателей, путешествующихъ за границей, что во Флоренціи они могутъ найти довольно полную коллекцію русскихъ изданій, особенно по народной словесности. Явленіе это, довольно неожиданное для многихъ, объясняется постояннымъ пребываніемъ тамъ профессоровъ Де-Губернатиса и Компаретти, принадлежащихъ къ числу лучшихъ знатоковъ народной словесности, знающихъ и русскій языкъ, а также временному пребыванію тамъ нѣсколькихъ *фольклористовъ* (folk-lore) изъ Россіи въ 60-е и 70-е годы.

ни одинъ образъ, но и ни одну комбинацію образовъ въ тѣхъ сказкахъ мѣстнымъ національнымъ достояніемъ.

Конечно, этого нельзя сказать обо всей устной народной словесности;—пѣсни напр. отличаются бо́льшей національностію. Но огромнѣйшій процентъ прозаической народной словесности и немалое количество эпическихъ пѣсенъ европейскихъ народовъ можетъ быть сведено къ числу странствующихъ, международныхъ сказаній, въ родѣ тѣхъ, съ какими мы имѣли дѣло въ настоящемъ очеркѣ.

Сдѣлаемъ же окончательные выводы изъ всего сказаннаго въ этомъ очеркѣ.

На отношеніи шекспировской драмы къ письменности старинной и къ устной словесности до-шекспировской и позднѣйшей можно видѣть всю неосновательность предположенія твердыхъ границъ и различій между творчествомъ личнымъ и коллективнымъ, между словесностію устною и письменною, между «народнымъ» и «интеллигентнымъ». Между всѣми этими категоріями человѣческаго творчества издавна существуетъ постоянный обмѣнъ и взаимодѣйствіе. Движеніе основной темы шекспировской драмы съ востока на западъ, а также распространеніе въ различныхъ переработкахъ темы, которая лежитъ въ основѣ сказокъ о гонимой дѣвушкѣ, показываютъ на неосновательность, или, по крайней мѣрѣ, на преувеличенность мнѣній о духовныхъ различіяхъ между національностями и между группами ихъ: племенными, вѣроисповѣдными, политическими. Сколько напр. у насъ говорится о различіяхъ востока и запада вообще, и востока и запада европейскихъ въ частности, о противуположности культуръ византійско-славянской и латино-германской, о противуестественности привитія послѣдней къ русскому племени и т. п. Что, казалось бы, есть «почвеннѣе», консервативнѣе и по всему національнѣе устной народной словесности, — а потому, что̀ должно бы болѣе подтверждать всѣ подобные толки, какъ не изученіе именно этой устной народной словесности?! А между тѣмъ это-то изученіе и подрываетъ упомянутые толки. Оно показываетъ, что дѣятельность человѣческаго творчества не только торжествуетъ надъ рамками соціологическаго порядка, раздѣляющими людей, но даже надъ преградами природными. Оно открываетъ намъ художественные образы, зародившіеся въ странахъ жаркихъ, какъ Индія, перенесенными къ народамъ полярнымъ, какъ остяки и лопари. Оно показываетъ намъ, какъ сказанія, выработанныя египтянами нѣсколько десятковъ вѣковъ тому назадъ, забавляютъ досуги бретонскихъ кельтовъ и енисейскихъ турокъ,

между тѣмъ, какъ другія, отечествомъ которыхъ была арійская Индія, проникли и къ народамъ китайскимъ, алтайскимъ и къ баскамъ, остаткамъ древнѣйшаго до-арійскаго населенія юго-западной Европы. Сравнительное изученіе народной словесности показываетъ намъ распространеніе пантеистической буддійской этики въ области монотеистическихъ и даже спиритуалистическихъ религій магометанскихъ и христіанскихъ, даетъ намъ примѣръ того, какъ миѳы языческіе передѣлывались въ легенды и житія христіанскія. Въ частности, оно показываетъ намъ, что громаднѣйшій процентъ того матерьяла, который питалъ воображеніе народовъ Европы, пришелъ къ нимъ изъ Азіи и Африки въ то время, когда эти страны въ общемъ были культурно выше странъ Европы, хотя въ свою очередь и эта послѣдняя отплатила въ эпоху македонскую нѣкоторую часть своего долга своимъ учителямъ, которыхъ она такъ рѣшительно обогнала въ послѣдніе два-три вѣка и которыхъ поэтому теперь становится сама учительницею. Что касается до вопроса о противоположности культурныхъ основъ востока и запада европейскихъ, то любопытно, что новѣйшее изслѣдованіе народной словесности и старинной письменности научаетъ насъ, что именно область культуры византійской и была тою средою, черезъ которую перешли съ азіатскаго востока на европейскій западъ значительная часть матеріала словесности народовъ этого запада: этическихъ апологовъ, сказокъ, легендъ, житій, романовъ, драмъ и т. п., и что въ то же время элементы этого, будто бы западнаго, матеріала переходили изъ той же византійской области и къ народамъ славянскимъ (какъ и литовскимъ, и далѣе финскимъ) европейскаго востока, и если у этихъ послѣднихъ не достигли въ свое время достаточно высокаго, подобнаго западному, развитія, то единственно вслѣдствіе неблагопріятныхъ мѣстныхъ обстоятельствъ, международныхъ и внутренно-политическихъ. Переходя еще частнѣе къ вопросу объ отношеніи культуры русской и западно-европейской, мы можемъ только выразить наше удивленіе при видѣ того, какъ мало проникли въ массу нашей публики и даже въ литературные круги результаты изслѣдованія народной словесности и старинной письменности и искусства, изслѣдованія, которое уже давно дало и въ Россіи солидныя работы гг. Буслаева, Тихонравова, Пыпина и др. ученыхъ, за которыми послѣдовали новѣйшія работы гг. Веселовскаго, Д. Ровинскаго и пр. Уже эти работы должны были научить нашихъ философовъ отечественной исторіи культуры, что такъ-называемая западно-европейская струя, которую у насъ привыкли пріуроч-

вать къ «петербургскому» періоду, давно стала проникать въ Россію съ юга, изъ Византіи и итальянскихъ колоній Чернаго моря по дорогѣ на Днѣстръ и на Днѣпръ, — а затѣмъ и съ запада, изъ Германіи и нѣмецкихъ колоній Балтійскаго моря, по дорогѣ на Вильно, Полоцкъ, Смоленскъ, Псковъ, Новгородъ, — и не только насытила весь западъ Россіи задолго до Петра Великаго, но даже и великорусско-московскій востокъ ея. Болѣе детальное изученіе народной словесности способно только подтвердить сейчасъ высказанныя соображенія.

Въ доказательство мы могли бы остановиться на детальномъ разборѣ напр. отношеній русскихъ варіантовъ упомянутыхъ выше сказокъ о Замарашкѣ къ варіантамъ южно- и западно-европейскимъ, еслибъ не боялись растянуть нашъ очеркъ и придать ему нежурнальный характеръ. Можно бы было взять и другія популярныя тэмы и прослѣдить ихъ движеніе и развитіе, какъ прослѣдили мы тэму о Корделіи и Замарашкѣ, — и всякая изъ нихъ убѣдила бы насъ, что между различными частями человѣчества, — классовыми, какъ и національными, племенными, вѣроисповѣдными, политическими, — существуетъ въ области словесности постоянный обмѣнъ, своего рода *эндосмосъ* и *эксосмосъ*, не останавливаемый никакими преградами. Подобное же открывается наблюденіями и надъ другими областями человѣческаго быта и дѣятельности, — областями жизни семейной, общественной, экономической, политической.

К. В.

ВОСПОМИНАНІЯ

о

СЕМЬѢ И. С. ТУРГЕНЕВА.

I.

Въ 1833 году, нѣсколькихъ дней отъ рожденія, я была, съ согласія моихъ родителей и по желанію Варвары Петровны Тургеневой, матери Ивана Сергѣевича Тургенева, принесена въ домъ ея и принята ею въ качествѣ воспитанницы, или вѣрнѣе, пріемной дочери, какъ то и будетъ видно изъ моихъ воспоминаній о семьѣ Тургеневыхъ. У Варвары Петровны я оставалась до дня ея кончины, послѣдовавшей 16 ноября 1850 года, въ Москвѣ, на Остоженкѣ, въ домѣ Лошаковскаго, противъ коммерческаго училища.

При постели умирающей было насъ двое: Николай Сергѣевичъ, старшій ея сынъ, и я.

Иванъ Сергѣевичъ былъ въ это время въ Петербургѣ. Покойный Ѳедоръ Ивановичъ Иноземцевъ еще заранѣе почти опредѣлилъ день кончины Варвары Петровны; почему не пріѣхалъ Иванъ Сергѣевичъ ранѣе, и былъ ли онъ своевременно извѣщенъ о близости кончины матери, не знаю.

Прибылъ онъ въ Москву вечеромъ, въ день похоронъ, когда мы уже вернулись съ кладбища Донского монастыря, гдѣ погребена Варвара Петровна.

Въ теченіе 17 лѣтъ, которыя я провела почти безотлучно при ней, многое пришлось мнѣ видѣть и слышать такого, чтб, какъ

близкое къ нашему общему любимцу Тургеневу, будетъ, надѣюсь, не лишено интереса для его почитателей.

У меня счастливо сохранились письма Варвары Петровны, писанныя ею мнѣ въ наши рѣдкія разлуки, письма ея сыновей ко мнѣ и письма близкихъ къ ихъ семейству лицъ.

Вся эта переписка и альбомъ съ замѣтками и обращеніями къ сыновьямъ (все рукою самой В. П.) послужили мнѣ великою помощью при составленіи настоящихъ записокъ и многое освѣжили въ моей памяти. Полнаго хронологическаго порядка соблюсти я, конечно, не могла: приходилось и забѣгать впередъ, и возвращаться назадъ, но точности и правдивости разсказа это препятствовать не могло.

Въ нѣкоторыхъ отрывочныхъ разсказахъ о Варварѣ Петровнѣ, попадавшихся мнѣ въ газетахъ и журналахъ текущаго года, довелось мнѣ прочесть, хотя и не всегда вѣрные о ней анекдоты, но изображающіе ее личностью далеко не симпатичною; таковою, по долгу правды, она, вѣроятно, покажется и изъ моихъ разсказовъ; но какъ близкая ей когда-то, какъ пользовавшаяся ея любовью и любившая ее сама безгранично, я считаю обязанностью своею указать на тѣ обстоятельства въ жизни ея, которыя могли бы пагубно подѣйствовать и не на такую пылкую и гордую натуру, каковою была натура Варвары Петровны. То было время—то были и нравы.

Дѣтство и молодость ея прошли при такихъ тяжелыхъ, возмутительныхъ условіяхъ, что неудивительно, если всѣ эти несчастія раздражили ея характеръ и заглушили въ ней тѣ хорошія наклонности, которыми ее природа надѣлила.

Въ ней текла кровь Лутовиновыхъ, необузданныхъ и, въ то время, почти полновластныхъ баръ. Родъ Лутовиновыхъ былъ когда-то знаменитъ въ уѣздѣ и въ губерніи помѣщичьимъ удальствомъ и самоуправствомъ, отличавшими во время ѻно и не однихъ Лутовиновыхъ.

Въ повѣсти «Три портрета» и въ разсказѣ «Однодворецъ Овсянниковъ», Иванъ Сергѣевичъ говоритъ именно о своихъ дѣдахъ. Мать Варвары Петровны, Катерина Ивановна Лутовинова тоже не отличалась мягкостью характера, и если признавать законъ наслѣдственности, то, что̀ называется *врожденнымъ*, то нравъ Варвары Петровны могъ и поэтому одному быть изъ крутыхъ; но его нельзя было назвать и злымъ, такъ какъ въ Варварѣ Петровнѣ обнаруживались иногда порывы нѣжности, доброты и гуманности, свидѣтельствовавшіе о сердцѣ далеко не безчувственномъ.

Ея эгоизмъ, властолюбіе, а подъ-часъ и злоба развились вслѣдствіе жестокаго и унизительнаго обращенія съ нею въ дѣтствѣ и юности, и подъ вліяніемъ горькихъ разочарованій въ старости.

Овдовѣвши еще почти молодою, мать Варвары Петровны вторично вышла замужъ за Сомова, тоже вдовца и отца двухъ взрослыхъ дочерей. Катерина Ивановна никогда не любила своей дочери отъ перваго брака и сдѣлалась, подъ вліяніемъ своего второго мужа, мачихой для Варвары Петровны и матерью для дѣвицъ Сомовыхъ, ея падчерицъ. Все дѣтство Варвары Петровны было рядомъ униженій и оскорбленій, были случаи даже жестокаго обращенія. Я слышала нѣкоторыя подробности, но рука отказывается повторять всѣ ужасы, которымъ подвергалась она. Сомовъ ее ненавидѣлъ, заставлялъ въ дѣтствѣ подчиняться своимъ капризамъ и капризамъ своихъ дочерей, билъ ее, всячески унижалъ и, послѣ обильнаго употребленія «ерофеича» и мятной сладкой водки, на Варварѣ Петровнѣ срывалъ свой буйный хмѣль. Когда же ей минуло 16 лѣтъ, онъ началъ преслѣдовать ее иначе— это былъ человѣкъ Карамазовскаго (старика) пошиба. Во избѣжаніе позора самаго унизительнаго наказанія за несогласіе на позоръ, Варварѣ Петровнѣ удалось, съ помощью преданной ей няни, Натальи Васильевны, бѣжать изъ дома вотчима.

Всѣхъ подробностей побѣга я не слыхала; извѣстно мнѣ только, что она пѣшкомъ, полуодѣтая, прошла верстъ шестьдесятъ и нашла убѣжище въ домѣ родного дяди своего Ивана Ивановича Лутовинова, тогда владѣльца села Спасскаго.

Дядя принялъ ее подъ свою защиту и, несмотря на требованія матери, не пустилъ ее обратно въ домъ вотчима.

Катерина Ивановна Сомова жила въ Холодовѣ; тамъ же она и умерла. Въ разсказѣ «Смерть» («Записки Охотника») описаны ея послѣднія минуты: барыня, заплатившая сама священнику за свою отходную, была родная бабка Ивана Сергѣевича.

Въ домѣ своего дяди Варвара Петровна отдохнула отъ оскорбленій и жестокостей. Дядя обращался съ нею хорошо, хотя и былъ человѣкъ весьма суровый и скупой. Онъ, что называется, держалъ ее въ ежовыхъ рукавицахъ, и она жила почти въ заперти въ Спасскомъ. Покоряться его волѣ и причудамъ пришлось Варварѣ Петровнѣ довольно долго. Ей было почти 30 лѣтъ, когда умеръ Иванъ Ивановичъ Лутовиновъ.

Смерть его была скоропостижная, о ней ходили странные слухи; я объ этомъ ничего вѣрнаго узнать не могла.

По смерти дяди, оставшись единственною наслѣдницею боль-

шого состоянія, Варвара Петровна вздохнула полною грудью свободнаго человѣка, и очевидно сказала себѣ:—теперь я все могу!

Такой сильный характеръ, такой горячій темпераментъ, какъ ея, вырвавшись на просторъ изъ долгихъ тисковъ, могъ легко проявить себя въ тѣхъ порывахъ, въ какихъ онъ и проявился. До сихъ поръ для нея не существовало ни ласки, ни любви, ни свободы; теперь ей досталась въ руки полная власть, и она могла все это имѣть.

Лично отъ Варвары Петровны, разсказовъ о ея жизни въ домѣ вотчима я не слыхала; но горькія воспоминанія о томъ, что она испытала тогда, прорывались у нея иногда въ разговорѣ. — «Ты не знаешь,—говаривала она мнѣ часто,—чтó значитъ быть сиротою; ты—сирота, но ты во мнѣ имѣешь мать, ты такъ окружена моею любовью и моими заботами, что не можешь сознавать своего сиротства». Или: — «Быть сиротою безъ отца и матери тяжело; но быть сиротой при родной матери ужасно; а я это испытала, меня мать ненавидѣла».

Вотъ что я нашла въ одномъ изъ ея писемъ ко мнѣ. Подлинникъ помѣченъ 15 декабря 1848 года:

«Сироты не бываютъ долго дѣтьми; я сама была сирота и очень чувствовала, прежде другихъ, свою пользу; я была болѣе сирота, нежели ты, потому что у тебя есть мать, а у меня не было матери; мать была мнѣ какъ мачиха; она была замужемъ; другія дѣти, другія связи, я была одна въ мірѣ»...

По смерти дяди и уже будучи лѣтъ тридцати слишкомъ, Варвара Петровна вышла замужъ за Сергѣя Николаевича Тургенева. О немъ я слышала только, что онъ былъ ангельской доброты, а о красотѣ его мнѣ нѣсколько упоминала сама Варвара Петровна.

Когда-то и гдѣ-то за-границей Сергѣй Николаевичъ Тургеневъ былъ представленъ одной изъ владѣтельныхъ принцессъ Германіи. Нѣсколько лѣтъ спустя, Варвара Петровна пила воды въ Карлсбадѣ; тамъ же находилась въ то время и та самая принцесса. У источника случилось имъ стоять невдалекѣ другъ отъ друга, и когда Варвара Петровна протянула съ кружкой руку, на которой былъ браслетъ съ портретомъ мужа, принцесса взяла ее за руку со словами: «Вы—жена Тургенева, я его помню; послѣ императора Александра I, я не видала никого красивѣе вашего мужа».

Вышедши замужъ, Варвара Петровна зажила тою широкою, барскою жизнью, какою живали наши дворяне въ былыя вре-

мена. Богатство, красота ея мужа, ея собственный умъ и умѣнье жить привлекли въ ихъ домъ все, чтò было только знатнаго и богатаго въ орловской губерніи. Свой оркестръ, свои пѣвчіе, свой театръ съ крѣпостными актерами, все было въ вѣковомъ Спасскомъ для того, чтобы каждый добивался чести быть тамъ гостемъ.

И настолько была умна и пріятна, — скажу даже больше, обаятельна, — Варвара Петровна, что не будучи ни красивою, ни молодою, даже съ лицомъ, нѣсколько испорченнымъ оспой, она при всемъ томъ всегда имѣла толпу поклонниковъ.

Послѣ долгихъ страданій и продолжительной неволи, сознаніе собственной силы развило въ Варварѣ Петровнѣ тотъ эгоизмъ и жажду власти, которые такъ многихъ изъ окружавшихъ ее заставляли страдать.

Но своими помѣщичьими правами она никогда не пользовалась такъ грубо, жестоко, какъ это дѣлали другіе.

Она давала мучительно чувствовать свою власть, тяготѣвшую надъ всѣмъ окружающимъ ее, но при этомъ была даже любима; можно сказать, что ея ласковый взглядъ, ласковое слово осчастливливали тѣхъ, на долю которыхъ они выпадали. Въ ней была смѣсь доброты съ постояннымъ желаніемъ испытывать на всѣхъ покорность ея волѣ; и горько доставалось тѣмъ, кто не безпрекословно повиновался ей.

У меня хранятся всѣ ея письма, наполненныя самыми горячими выраженіями любви и заботы обо мнѣ; самая нѣжная мать не могла бы сильнѣе выразить любви своей къ родной дочери, и со всѣмъ тѣмъ она и меня мучила, и мучила такъ же, какъ и всѣхъ, кто былъ близокъ къ ней. Не смотря на это, я ее страстно любила, и когда я, хотя и рѣдко, была въ разлукѣ съ ней, я чувствовала себя и одинокой, и несчастной. И тѣмъ, кто любилъ ее, кто былъ преданъ ей, доставалось горше всѣхъ.

Можно было думать, что она хотѣла выместить на другихъ свое несчастное дѣтство, свою, подавленную подъ гнетомъ семейной обстановки, молодость и дать другимъ испытать тѣ же страданія, какія сама испытала.

И какъ все это постоянно мучило Ивана Сергѣевича! — и мучило его главнымъ образомъ сознаніе того, что измѣнить онъ ничего не можетъ, и всякое его вмѣшательство или заступничество приведутъ еще къ худшему.

1838 годъ.

Воспоминанія мои о семействѣ Тургенева начинаются съ 1838 года,—года отъѣзда Ивана Сергѣевича въ Берлинъ; нѣкоторыя событія изъ этой эпохи особенно врѣзались въ моей дѣтской памяти.

Жили мы тогда въ Петербургѣ, въ домѣ Линева. Иванъ Сергѣевичъ кончилъ курсъ въ университетѣ, а Николай Сергѣевичъ былъ уже офицеромъ конно-гвардейской артиллеріи.

Семейство Тургеневыхъ составляли, кромѣ самой Варвары Петровны, деверь ея, Николай Николаевичъ Тургеневъ, по смерти мужа ея, Сергѣя Николаевича, завѣдывавшій до 1846 года всѣми ея имѣніями; два ея сына, Николай и Иванъ Сергѣевичи; я, какъ «fille adoptive», «l'enfant de la maison», и еще троюродная племянница Варвары Петровны, Мавра Тимоѳѣевна Сливицкая, бывшая замужемъ за профессоромъ харьковскаго университета Артюховымъ. Въ домѣ жили часто смѣняемыя гувернантки изъ иностранокъ, учителя и учительницы музыки для меня.

Приживалокъ при мнѣ у Варвары Петровны никогда не было. Да она и не принадлежала къ числу тѣхъ барынь, которыя могли довольствоваться подобострастіемъ людей, обязанныхъ ей кускомъ хлѣба. Ея властолюбіе и требованіе поклоненія ей простирались не на одну ея семью и не на одинъ ея крѣпостной людъ; она властвовала надъ всѣмъ, что̀ окружало ее и входило въ какія-либо сношенія съ нею, и при этомъ она обнаруживала въ себѣ ту рѣдкую и часто непонятную нравственную силу, покоряющую себѣ даже людей, не обязанныхъ ей подчиняться. Иногда достаточно было ея взгляда, чтобы на полусловѣ остановить говорящаго при ней то, что̀ ей не угодно было слушать. При ней своего мнѣнія, несогласнаго съ ея, никто высказывать и не смѣлъ. Одинъ только Иванъ Сергѣевичъ, ея любимецъ, и то въ самыхъ мягкихъ почтительныхъ выраженіяхъ, скорѣе съ мольбой, чѣмъ съ осужденіемъ, высказывалъ ей свои желанія и соболѣзнованія.

Гнетъ крѣпостного права, въ особенности тяготѣвшій въ домѣ его матери, скорбно отзывался въ душѣ, столь извѣстнаго по добротѣ своей, Ивана Сергѣевича, и ему было тѣмъ тяжелѣе, что бороться онъ отнюдь не могъ. Доброта его, однако, иногда и безъ всякой борьбы подчиняла волю даже и Варвары Петровны. При немъ она была совсѣмъ иная, и потому въ его присутствіи все отдыхало, все жило. Его рѣдкихъ посѣщеній ждали какъ блага. При немъ мать не только не измышляла

какой-нибудь вины за кѣмъ-либо, но даже и къ настоящей винѣ относилась снисходительнѣе; она добродушествовала какъ бы ради того, чтобы замѣтить выраженіе удовольствія на лицѣ сына. И какой это былъ нѣжный и любящій сынъ въ тотъ годъ, какъ я начала его помнить! Чувства его къ матери нѣсколько измѣнились впослѣдствіи, на моихъ еще глазахъ. Причины такой перемѣны выяснятся сами собою изъ дальнѣйшаго; въ началѣ же 1838 года, или въ концѣ 1837, когда Варварѣ Петровнѣ сдѣлали весьма серьезную операцію, я изъ устъ очевидцевъ слышала, какими нѣжными заботами онъ окружалъ мать, какъ просиживалъ ночи у ея постели.

Весь 1838 годъ, по болѣзненному состоянію Варвары Петровны, мы жили совсѣмъ уединенно. Ежедневными посѣтителями были Арендтъ и Громовъ, доктора-знаменитости того времени; весьма часто навѣщали насъ Родіонъ Егоровичъ Гринвальдъ, бывшій товарищъ покойнаго Тургенева-отца, и Василій Андреевичъ Жуковскій, котораго я тогда очень не любила за то, что почти къ каждому его пріѣзду я должна была выучивать стихи изъ его «Ундины» и декламировать предъ нимъ. При этомъ я обнаруживала самую черную неблагодарность, такъ какъ онъ привозилъ мнѣ всегда великолѣпныя конфекты, а я, уничтожая ихъ, тѣмъ не менѣе соображала своимъ пятилѣтнимъ разумомъ, что за нихъ придется опять вызубрить со словъ самой Варвары Петровны нѣсколько стиховъ изъ «Ундины».

Съ Иваномъ Сергѣевичемъ въ это время мы были въ величайшей дружбѣ. Онъ очень любилъ меня, игралъ со мной, бѣгалъ по огромной залѣ, носилъ меня на рукахъ, и самъ еще былъ такъ юнъ, что не прочь былъ, не ради одной моей забавы, но и для собственнаго своего удовольствія, и бѣгать, и школьничать; одно изъ нашихъ общихъ съ нимъ школьничествъ я живо помню.

Онъ почему-то тогда усиленно занимался греческимъ языкомъ. Каждое послѣ-обѣда кто-то приходилъ къ нему и, къ великому моему огорченію, въ эти часы входъ въ его комнату мнѣ воспрещался; я только за дверью слушала какіе-то непонятные звуки, выдѣлываемые то голосомъ Ивана Сергѣевича, то голосомъ его учителя или товарища. Но въ изученіи Аристофана и мнѣ пришлось принять участіе. Однажды онъ вздумалъ научить меня *лягушечьему греческому языку* (какъ онъ самъ выражался). Познанія мои заключались въ томъ, что онъ заставилъ

меня заучить слѣдующіе звуки: «Бре-ке-кс-ке-кексъ-коаксъ-коаксъ!»[1]) Получивъ эти свѣденія изъ quasi-греческаго языка, я была ставлена имъ на столъ, причемъ онъ придавалъ мнѣ какую-то, вѣроятно, классическую позу, съ весьма вытянутой рукой, и заставлялъ меня повторять заученное сначала протяжно, почти торжественно, а потомъ очень быстро и самымъ тонкимъ, визгливымъ голосомъ; при этомъ мы оба заливались такимъ громкимъ смѣхомъ, что представленіе наше часто обращало на себя вниманіе Варвары Петровны, выходившей насъ унимать: «Finissez donc, Jean, vous gâtez la petite, vous en ferez un virago!» Иногда же, въ моментъ нашихъ самыхъ шумныхъ увлеченій при представленіи, выходила насъ укрощать главная камеръ-фрейлина maman. Входила эта особа неслышною поступью, но строго и внушительно произносила: «Мамашенька приказали вамъ перестать!» Мы умолкали и, въ мое утѣшеніе, Иванъ Сергѣевичъ сажалъ меня къ себѣ на плечо и торжественно носилъ меня по комнатѣ.

Все это происходило въ то время, когда Иванъ Сергѣевичъ былъ совсѣмъ юноша; тогда онъ еще смѣялся тѣмъ беззаботнымъ, раскатистымъ, заразительнымъ смѣхомъ счастливаго человѣка, и смѣхъ его былъ иногда такъ громокъ, что мать весьма серьезно и строго останавливала его: «Mais cessez donc, Jean, c'est même mauvais genre de rire ainsi. Qu'est-ce que ce rire bourgeois!»[2]).

Часто послѣ Варвара Петровна вспоминала этотъ его rire bourgeois; но я такого смѣха по возвращеніи его изъ Берлина уже не слыхала. Говорятъ, онъ былъ очень веселый собесѣдникъ, т.-е. именно *веселый*. Дома же я очень рѣдко видала его такимъ.

День отъѣзда Ивана Сергѣевича за-границу я помню очень живо. Утромъ ѣздили мы всѣ въ Казанскій Соборъ, гдѣ служили напутственный молебенъ. Варвара Петровна сидѣла все время на складномъ креслѣ и горько плакала. На пароходъ провожали его: мать, Николай Сергѣевичъ и я. На обратномъ пути съ пристани, когда Варвару Петровну посадили въ карету, съ ней сдѣлался обморокъ.

Нѣсколько дней спустя мы уѣхали въ Спасское. Тамъ получались письма отъ Ивана Сергѣевича, служился благодарствен-

---

[1]) Благодаря знакомому мнѣ классику, я убѣдилась, что память мнѣ не измѣнила нисколько. Звуки, которыми мы такъ забавлялись съ И. С., повторяются въ комедіи Аристофана „Лягушки“.

[2]) „Перестань же, Иванъ, даже неприлично такъ хохотать! Что за мѣщанскій смѣхъ!“

ный молебенъ за избавленіе его во время пожара на пароходѣ, и наконецъ былъ присланъ изъ Берлина его портретъ, рисованный акварелью [1]). Сходство было поразительное; и теперь помню свой крикъ дѣтскаго восторга: «C'est Jean»! когда мнѣ показали портретъ. Варвара Петровна не разставалась съ нимъ, онъ всегда стоялъ на ея письменномъ столѣ и, когда она ѣздила по деревнямъ или на зиму въ Москву, она всегда собственноручно укладывала его въ свою дорожную шкатулку. Она очень грустила въ разлукѣ съ сыномъ. У меня хранится и теперь ея альбомъ, помѣченный 1839 и 1840 годами. Выписываю изъ него нѣсколько строкъ, выражающихъ ея любовь къ сыну и ея тоску по немъ.

«1839»—A mon fils, Jean.

«C'est que Jean c'est mon soleil à moi; je ne vois que lui et lorsqu'il s'éclipse, je ne vois plus clair, je ne sais plus, où j'en suis.

«Le coeur d'une mère ne se trompe jamais, et Vous savez, Jean, que mon instinct est plus sûr que ma raison».

Гдѣ-то я прочла, что Варвара Петровна оставила сыну свой дневникъ. Въ 1849 году, лѣтомъ, въ Спасскомъ, въ цвѣтникѣ, противъ оконъ того самаго Casino, имя и мѣсто котораго сохранились и при Иванѣ Сергѣевичѣ, весь дневникъ и вся переписка Варвары Петровны были, по ея приказанію и въ ея присутствіи, сожжены, и я лично присутствовала при этомъ auto-da-fé.

Въ 1849 и 50-мъ году, она продолжала писать свой дневникъ карандашомъ и на отдѣльныхъ листкахъ. Спустя нѣсколько дней послѣ ея смерти, листки эти Николай Сергѣевичъ принесъ въ кабинетъ покойной, затворилъ двери и прочелъ ихъ громко; слушателями были: его жена, Иванъ Сергѣевичъ и я. Гдѣ эти листки теперь, не знаю; но помню ихъ содержаніе, и думаю, что Иванъ Сергѣевичъ никогда бы не захотѣлъ предать ихъ гласности.

1839 годъ.

Бываютъ въ иныхъ семьяхъ происшествія, остающіяся навсегда въ памяти всѣхъ ея членовъ и близкихъ въ ней. Такого рода происшествіемъ былъ пожаръ большого Спасскаго дома. Онъ сдѣлался эрой въ Тургеневской семьѣ, и потому обыкно-

---

[1]) Копія съ этого портрета помѣщена въ январьской книгѣ „Вѣстника Европы“ 1884 года—а оригиналъ хранится у автора воспоминаній.—*Ред.*

венно говорили такъ: — это было до пожара, это было послѣ пожара.

Случился пожаръ 3-го мая 1839 года.

Николай Сергѣевичъ, старшій сынъ Варвары Петровны, служившій въ военной службѣ, былъ въ этомъ году назначенъ ремонтеромъ. Проѣздомъ въ Лебедянь, онъ заѣхалъ на нѣсколько дней къ матери, и въ ночь пожара долженъ былъ отправиться въ путь.

По случаю отъѣзда Николая Сергѣевича ужинъ велѣно было подать ранѣе обыкновеннаго. Въ 9 часовъ старый буфетчикъ, Антонъ Григорьевичъ [1]), уже накрылъ на столъ и вдругъ нѣсколько минутъ спустя вошелъ съ корзинкой и началъ въ нее обратно класть со стола все серебро—вилки, ножи и ложки.

— Что ты дѣлаешь, Антонъ?—спросила Варвара Петровна,—ты пьянъ?

— Никакъ нѣтъ, сударыня, кушать нельзя-съ.

— Какъ нельзя...—Но восклицаніе Варвары Петровны сопровождалось необыкновеннымъ свѣтомъ, озарившимъ всю комнату.

— Что это—молнія?..

Въ эту минуту вбѣжалъ Николай Сергѣевичъ.

— Maman, бери деньги, бриліанты, все цѣнное; мы горимъ!

— Такъ это пожаръ? — все еще не вѣрила Варвара Петровна.

— Да, да, скорѣй, maman,—торопилъ ее Николай Сергѣевичъ; я бросилась къ Васильевнѣ; а онъ выбѣжалъ изъ комнаты.

Оказалось, что первымъ загорѣлся лѣвый флигель дома, гдѣ жила весьма старая и безногая уже старуха, нянюшка Варвары Петровны, Наталья Васильевна, та самая, которая способствовала побѣгу ея изъ дома вотчима.

Въ тревогѣ пожара всѣ забыли о бѣдной старухѣ, одинъ Николай Сергѣевичъ вспомнилъ и поспѣшилъ ей на помощь. Вотъ что представилось глазамъ нашимъ, когда Варвара Петровна, держа меня за руку, вышла изъ загоравшагося уже дома: флигель былъ весь въ огнѣ, а съ крыльца Николай Сергѣевичъ выносилъ несчастную Наталью Васильевну.

— Ангелъ ты мой! спаситель ты мой!—кричала она:—брось ты меня! самъ сгоришь, брось, батюшка!

---

[1]) Извѣстный въ Муму подъ именемъ Дядя Хвостъ — человѣкъ замѣчательной трусости.

Но подвигъ Николая Сергѣевича окончился благополучно; почти изъ пламени удалось ему спасти несчастную.

Старушка жила еще нѣсколько лѣтъ послѣ, и любимымъ ея разсказомъ всегда былъ разсказъ о томъ, какъ «ангелъ-баринъ, ее, ни на что ненужную старуху, вынесъ, на своихъ барскихъ ручкахъ, изъ огня, и не далъ ей помереть мученическою смертью, безъ покаянія!»

Когда мы вышли изъ дома, Варварѣ Петровнѣ подали кресло, и она сѣла возлѣ паперти, и все, чтó выносилось изъ дома, клали возлѣ нея. Спасать барское имущество явилось много охотниковъ; но многіе при этомъ не забывали и себя: такъ, одинъ изъ крестьянъ совсѣмъ было унесъ шкатулку съ двадцатью тысячами казенныхъ денегъ, ввѣренныхъ Николаю Сергѣевичу на покупку лошадей.

1839-ый годъ, кромѣ пожара, остался памятнымъ въ семьѣ Тургеневыхъ и въ другомъ отношеніи. Въ этотъ самый годъ возникла любовь Николая Сергѣевича къ Аннѣ Яковлевнѣ Шварцъ (впослѣдствіи женѣ его), и сблизила ихъ вслѣдствіе того же самаго пожара: Николай Сергѣевичъ спасъ нянюшку матери изъ пламени, а Анна Яковлевна храбро вырвала изъ рукъ крестьянина похищенную имъ шкатулку съ 20-ю тысячами. Воспользовавшись суматохой, воръ успѣлъ убѣжать довольно уже далеко за чугунную ограду Спасской усадьбы. Анна Яковлевна догнала его, отняла у него шкатулку и съ этой, довольно тяжелой, ношей бросилась обратно къ мѣсту, гдѣ сидѣла Варвара Петровна, и тутъ же упала почти безъ чувствъ.

Много Лутовиновскаго добра погибло въ этотъ день. Почти всѣ фамильные портреты сгорѣли; многое было разграблено; наружная лѣстница кладовой, въ которой хранились драгоцѣнные сервизы, китайскаго и севрскаго фарфора, и все серебро, была забыта, а потому и уцѣлѣло всего этого весьма мало.

Впослѣдствіи, при расчисткѣ пожарища, найдено было нѣсколько слитковъ почернѣвшаго серебра. Слитки эти приняли весьма причудливыя формы и стояли потомъ въ видѣ украшеній на письменномъ столѣ Варвары Петровны.

Домъ горѣлъ долго, и долго сидѣли мы около паперти; когда крыша дома наконецъ рушилась, Николай Сергѣевичъ подъѣхалъ къ намъ съ фаэтономъ, запряженнымъ парою лошадей, усадилъ въ него мать и меня и самъ повезъ насъ въ Петровское, деревеньку версты за полторы отъ Спасскаго—мѣсто рожденія Варвары Петровны.

Въ то время маленькій Петровскій домикъ уже давно былъ

обращенъ въ богадѣльню, гдѣ оканчивали свой вѣкъ пять или шесть старушекъ разнаго званія.

И Варварѣ Петровнѣ пришлось теперь изъ своего богатаго, роскошнаго Спасскаго дома переселиться на время въ жилище ею же призрѣваемыхъ бѣдныхъ.

Въ залѣ этого домика, въ единственной незанятой комнатѣ, былъ одинъ только диванъ. Съ нѣжной заботой уложила меня Варвара Петровна на него, увѣряя меня, что пожара больше не будетъ, и положила возлѣ меня мою куклу, какимъ-то образомъ уцѣлѣвшую въ моихъ рукахъ.

Одинъ правый флигель дома не сгорѣлъ, и потому немедленно было приступлено къ отдѣлкѣ его для жилья; сдѣлано было къ нему нѣсколько пристроекъ, такъ что въ соединеніи съ уцѣлѣвшей каменной галереей, обращенной въ библіотеку, помѣщеніе сдѣлалось довольно просторное, и флигель получилъ даже названіе дома.

Когда Спасское, по смерти Варвары Петровны, перешло во владѣніе Ивана Сергѣевича, онъ проводилъ тамъ почти каждое лѣто, и наружный видъ дома нисколько не измѣнился до послѣдняго времени.

Когда мы въ первый разъ взошли въ такъ называемый новый домъ, меня поразила простота его внутренней отдѣлки, и я долго вспоминала нашу малую гостиную стараго дома съ картинами на стѣнахъ вмѣсто обоевъ и съ роскошною мебелью, обтянутою желтой кожей. Спинки дивановъ и креселъ этой мебели были чернаго дерева съ украшеніями бронзовой лѣпной работы. Украшенія имѣли символическій характеръ: цѣлая вереница амуровъ и львовъ; каждый амуръ велъ за собою льва на цѣпи, перевитой цвѣтами. И все это сгорѣло. Уцѣлѣло одно только огромное зеркало, да и тому, по громадности его, въ новомъ домѣ мѣста не нашлось; оно было перевезено въ Москву и до самой кончины Варвары Петровны помѣщалось въ залѣ, гдѣ часто по красотѣ и величинѣ своей было предметомъ удивленія гостей. Въ послѣдній разъ видѣла я это зеркало, уже послѣ смерти Николая Сергѣевича, въ домѣ г-жи Маляревской, племянницы жены Николая Сергѣевича.

1840 годъ.

Прежде чѣмъ перейти къ воспоминаніямъ о моей дальнѣйшей жизни въ домѣ Варвары Петровны, позволю себѣ небольшое отступленіе. Нѣкоторые разсказы о матери Тургенева, помѣщенные въ журналахъ и газетахъ по смерти Ивана Сергѣе-

вича, вынуждают меня нѣсколько остановиться на образѣ жизни Варвары Петровны и характерѣ ея. Надѣюсь, мои воспоминанія уяснять его болѣе и снимутъ съ Варвары Петровны ту тѣнь почти каррикатурной эксцентричности, которую набрасываютъ на нее разсказы, почерпнутые изъ невѣрныхъ источниковъ, отъ людей, не жившихъ съ нею, не знавшихъ или непонимавшихъ ея, разсказы, перешедшіе уже въ область легендъ, допускающихъ и преувеличеніе и добавленіе собственной фантазіи.

Судя по одному изъ подобныхъ разсказовъ, надо полагать, что съ 40-го года, съ котораго я въ общихъ чертахъ, за исключеніемъ только нѣкоторыхъ подробностей, все твердо и ясно помню,—надо полагать, что въ иномъ Варвара Петровна будто *опростилась* (какъ позже выражался ея сынъ въ «Нови»), а въ иномъ—*возвысилась*.

Но желанія изображать изъ себя владѣтельныхъ особъ я въ ней никогда и прежде не замѣчала.

Была она барыня - помѣщица, правда, властолюбивая и деспотка, давала себѣ волю капризничать, мучить, но въ ней бывали и порывы великодушія, доброты, свойственные самымъ гуманнымъ людямъ.

Держала она себя съ гордымъ достоинствомъ, требовала безпрекословнаго повиновенія своей волѣ, но и ласковымъ словомъ дарила нерѣдко своихъ любимцевъ.

Необыкновенно хладнокровно переносила она всякія матеріальныя потери: пожаръ Спасскаго былъ великимъ убыткомъ— но ни вздоховъ, ни стенаній отъ нея не слыхали. Однажды потонуло на перегруженныхъ баркахъ тысячъ на сорокъ хлѣба— она и бровью не повела. Комнатъ своихъ она «апартаментами» не называла, и кромѣ пристройки, прозванной «Casino», остальныя ея комнаты назывались самыми простыми именами. Внутреннія комнаты были: спальня, уборная и гардеробная. Входъ въ эти покои дозволялся изъ женской прислуги: ея главной горничной и двумъ ея помощницамъ; изъ мужской—только крѣпостному доктору Порфирію Тимоѳеевичу — и когда она была нездорова, то входилъ тоже туда дворецкій, главный конторщикъ и поваръ *для приказа*.

Сыновья входили къ ней иногда въ спальню, но предварительно спросясь, потому что Варвара Петровна была всегда необыкновенно чопорна и въ туалетѣ, и въ обращеніи. Въ безпорядкѣ она никому никогда не показывалась и даже больная въ постели надѣвала нарядные negligé. Смолоду она, говорятъ, была дурна, но, какъ старушку, я ее знала почти краси-

кою, всегда прекрасно, изящно одѣтою: чепчики изъ дорогого тюля, съ густой оборкой и кокетливымъ цвѣтнымъ бантомъ сбоку; капоты ея были причудливыхъ, но изящныхъ фасоновъ, а иногда даже такіе оригинальные, что надо было быть именно такой «grande dame», какъ она, чтобы быть при этомъ всегда distinguée, красивой и изящной.

Штатъ ея личной домовой прислуги былъ многочисленный, человѣкъ сорокъ; но никакихъ необыкновенныхъ названій никто не носилъ: былъ дворецкій, буфетчикъ, камердинеръ, конторщики, кассиръ, повѣренный по дѣламъ, были и мальчики—но не «казачки» и безъ сердецъ на груди. Обязанность ихъ состояла въ томъ, что они стояли по дежурству у двери и передавали приказанія барыни, или были посылаемы позвать кого-нибудь. Изъ женской прислуги одна только ея главная горничная носила названіе *фрейлины* или *камерфрейлины* госпожи; но это было въ то время весьма обыкновенное названіе; у всѣхъ помѣщицъ главная горничная называлась такъ; остальныя были: кастелянша, прачки, швеи, портнихи, пяличницы и просто *дѣвушки*.

Управляющіе были и нѣмцы, и русскіе, и назывались своими крещеными именами, а одного изъ грековъ просто звали Зосимычъ.—Позвать Зосимыча, говаривала Варвара Петровна.

Вся ея прислуга, окружавшая ее, должна была быть грамотною, и одну даже дѣвочку, вмѣстѣ со мной, учили по-французски, а именно: списывать съ книги, потому что Варвара Петровна, читавшая только французскіе романы, любила дѣлать изъ нихъ выписки. Для этого собственно учили дѣвочку французскому чтенію и письму—и она должна была выписывать изъ книгъ мѣста, отмѣченныя карандашомъ Варвары Петровны.

Пбчту два раза въ недѣлю отвозилъ и привозилъ форейторъ Гаврюшка. Правда, къ дому онъ подъѣзжалъ съ колокольчикомъ, но весьма не звонкимъ, такимъ, какой я теперь каждую недѣлю слышу при отъѣздѣ нашей земской почты.

А *возвысилась* Варвара Петровна, должно быть, относительно лицъ, допускаемыхъ въ ея присутствіе. Такъ напримѣръ: въ жизнь свою я у Варвары Петровны не видала ни одного станового. Пріѣзжали они по дѣлу—но только въ контору, при этомъ предварительно за версту или за полторы отвязывали колокольчикъ, чтобы не обезпокоить Варвару Петровну. Въ аристократическомъ домѣ ея для станового мѣста не было. Я, конечно, разумѣю становыхъ того времени, т.-е. становыхъ времени «Мертвыхъ Душъ» и «Губернскихъ очерковъ». Съ коло-

кольчикомъ подъѣзжалъ къ самому дому нашему только мценскій исправникъ Шп-скій, котораго Варвара Петровна очень любила; уѣздный лекарь Петръ Александровичъ Соколовъ подъѣзжалъ съ колокольчикомъ къ флигелю, потому что считался чиномъ ниже исправника, и уже изъ флигеля приходилъ въ домъ.

Въ домѣ и въ образѣ жизни Варвары Петровны соблюдался строгій порядокъ, все распредѣлялось по часамъ. Даже голуби, которыхъ она кормила и въ Спасскомъ, и въ Москвѣ, и тѣ знали свой часъ; въ 12 часовъ дня раздавался колокольчикъ, и они слетались получить свою порцію овса.

Варвара Петровна очень любила птицъ, но не куръ и вообще не дворовую птицу—эти пернатые имѣли свой птичный дворъ и довольно далеко отъ дома, чтобы своимъ кудахтаніемъ и гоготаніемъ не безпокоить ее. Птицъ—канареекъ, чижей, щегловъ и попугаевъ inseparables держала она въ домѣ въ изящныхъ клѣткахъ.

По-русски говорила она только съ прислугой, и вообще всѣ мы тогда читали, писали, говорили, думали и даже молились на французскомъ языкѣ. Русскія молитвы и катехизисъ Филарета я уже выучила, когда поступила въ пансіонъ г-жи Кноль, и готовилась къ экзамену. Мнѣ тогда было 14 лѣтъ.

Утро мое начиналось съ того, что я должна была, едва открывъ глаза, громко произнести слѣдующую молитву: «Seigneur, donnez-moi la force pour résister, la patience pour souffrir, et la constance pour persévérer». Эти безсмысленно, машинально тогда мною повторяемыя слова были какъ бы предреченьемъ къ моей жизни. Много понадобилось мнѣ force, patience и constance pour persévérer.

Кромѣ того я должна была каждое утро прочитывать громко главу изъ «Imitation de Jésus-Christ», Ѳомы Кемпійскаго, и когда я была въ разлукѣ съ Варварой Петровной, она въ письмахъ своихъ постоянно приказывала мнѣ читать всякій день эту книгу.

Настолько французскій языкъ и молитвы были у насъ въ употребленіи, что, когда мы говѣли, то послѣ «правилъ», читанныхъ намъ священникомъ на дому, я читала еще молитвы передъ св. причащеніемъ на французскомъ языкѣ.

Вскорѣ послѣ пожара, а именно въ концѣ іюня, поѣхали мы съ Варварой Петровной въ Воронежъ на богомолье. Проѣздомъ туда, въ Ельцѣ, на постояломъ дворѣ, я заразилась настоящей оспой, и по этому случаю мы прожили въ Воронежѣ около трехъ мѣсяцевъ, до моего совершеннаго выздоровленія.

Чуть ли не всѣ воронежскіе доктора были приглашены лечить меня; но жизнью и тѣмъ, что эта жестокая болѣзнь не оставила на мнѣ никакого слѣда, обязана я уходу за мной главной камеръ-фрейлины Варвары Петровны, «Агашеньки». Днемъ сама Варвара Петровна, Анна Яковлевна Шварцъ и еще кто-то безотлучно, попеременно сидѣли возлѣ моей постели, а ночью Агаѳья, тогда дѣвушка лѣтъ 20 съ небольшимъ, ни на минуту не засыпала, чтобы не дать мнѣ возможности тронуть лицо. Но это малѣйшая изъ заслугъ Агаѳьи относительно меня. Еслибъ я описывала свою собственную жизнь, многое сказала бы я о ней, моей дорогой старушкѣ; я разсказала бы все, чѣмъ она была для меня, какъ она своимъ примѣромъ жены и самоотверженной матери, повліяла благотворно на всю жизнь мою. Многое сказала бы я о тѣхъ жертвахъ, которыя она приносила мнѣ, одинокой сиротѣ, когда послѣ смерти Варвары Петровны я осталась одна въ мірѣ. Если не она, то пусть дѣти ея прочтутъ эти строки и еще больше полюбятъ ее за тѣ муки, которыя она изъ-за нихъ претерпѣла, и за то, что въ сердцѣ ея, переполненномъ любовью къ нимъ, нашлось еще мѣсто и для меня, питающей къ ней самыя горячія чувства любви и благодарности.

Агашенька и мужъ ея были самыми преданными слугами Варвары Петровны, а вмѣстѣ съ тѣмъ и первыми мучениками ея деспотизма. Но сыновья ея оба любили и уважали и Агаѳью и мужа ея, и въ особенности Иванъ Сергѣевичъ; до самой кончины своей онъ велъ переписку съ ними, и пріѣзжая въ Москву, уже послѣ смерти матери, всегда вызывалъ къ себѣ ихъ, дѣлалъ имъ щедрые подарки и требовалъ, чтобы даже всѣхъ дѣтей ихъ приводили къ нему. Хотя все семейство вполнѣ заслуживало расположеніе Ивана Сергѣевича, но, своими отношеніями къ нему, онъ точно хотѣлъ искупить и заставить забыть тѣ страданія, которыя они вынесли въ домѣ его матери. Агаѳья Семеновна и теперь жива, а мужъ ея умеръ въ 1879 году.

Агаѳья Семеновна, какъ звали ее всѣ, 19-ти лѣтъ поступила въ званіе главной камеръ-фрейлины Варвары Петровны. Въ то время у всѣхъ богатыхъ помѣщиковъ въ дворнѣ была своя аристократія, семьи которой изъ роду въ родъ были болѣе приближенными къ своимъ господамъ. Такой аристократіи въ числѣ дворовыхъ въ Тургеневскомъ домѣ было особенно много, а во главѣ ея стояла Агашенька и мужъ ея, Андрей Ивановичъ Поляковъ [1]), какъ секретарь и главный дворецкій. Поляковъ и нѣ-

[1]) По желанію дѣтей ихъ, въ моихъ воспоминаніяхъ даю этимъ лицамъ вымышленныя имена.

которые другіе, а въ томъ числѣ и Порфирій Тимоѳеевичъ Карташевъ, крѣпостной докторъ Варвары Петровны, тотъ самый дядька, который сопровождалъ Ивана Сергѣевича въ Берлинъ,—всѣ они выросли *при молодыхъ господахъ*, при Николаѣ и Иванѣ Сергѣевичахъ, не покидали ихъ классной комнаты во время уроковъ, и были болѣе чѣмъ грамотные,—почти образованные люди. Порфирій Тимоѳеевичъ прекрасно говорилъ по-нѣмецки, а Поляковъ говорилъ и писалъ по-французски, въ совершенствѣ зналъ русскій языкъ и даже когда-то писалъ стихи. Онъ былъ первымъ моимъ учителемъ русскаго языка, у него я выучилась читать и писать и четыремъ правиламъ ариѳметики, и во время уроковъ, происходившихъ тогда въ присутствіи моей гувернантки, француженки, m-lle Tourniard, онъ очень свободно объяснялся съ нею по-французски. Всѣ важныя бумаги по имѣньямъ, всѣ билеты и наличныя Тургеневскія деньги были всегда подъ сохраненіемъ у Андрея Ивановича. На рукахъ же у Агашеньки находились всѣ остальныя богатства Варвары Петровны. Бѣлье, серебро, кружева, цѣлые сундуки шитья по батисту и канвѣ, плоды трудовъ такъ называемыхъ *кружевницъ* и *пялечницъ*, которыя зимою пряли тальки неимовѣрной тонины, а лѣтомъ вышивали и плели кружева; всѣ брилліанты, жемчугъ, золотыя вещи, сундуки съ шалями, платками, шелковыми матеріями и проч., все хранилось подъ надворомъ честнѣйшей Агаѳьи Семеновны и предназначалось мнѣ въ приданое. Нѣсколько лѣтъ уже состояли они при своихъ должностяхъ, когда въ 1842 году Варварѣ Петровнѣ пришла фантазія сочетать бракомъ своихъ первыхъ по рангу и вѣрнѣйшихъ слугъ. Ни тому ни другому бракъ этотъ на умъ не приходилъ, нравились ли они другъ другу, этого Варвара Петровна и не потрудилась спросить—она этого пожелала, т.-е. въ переводѣ: *приказала*, слѣдовательно и быть тому.

Свадьба эта, однако, состоялась совсѣмъ не такъ, какъ прочія. Агашенькѣ была особая привилегія; ей шили приданое на деньги, подаренныя ей самой Варварой Петровной, шили все въ господскомъ домѣ, въ дѣвичьей. Въ честь жениха и невѣсты, въ пристройкѣ устраивались вечеринки, на которыя собирались дѣвушки и молодежь мужской прислуги. Пѣли пѣсни, танцовали, угощались пряниками, конфектами и орѣхами, все на счетъ самой барыни, и нерѣдко она сама выходила посмотрѣть на это веселье. Дѣвичникъ наканунѣ свадьбы отпраздновали на славу; соблюдены были всѣ церемоніи и обычаи, отъ жениха даже поднесена была невѣстѣ свадебная корзинка съ лентами, духами, помадой и прочими аттрибутами такого рода

подарковъ, и все отъ щедротъ Варвары Петровны. Къ вѣнцу благословляла *сама барыня* образомъ въ серебряной ризѣ, взятомъ изъ фамильной кіоты Лутовиновыхъ. Кромѣ приданаго невѣстѣ было подарено 500 руб. ассигнаціями. Вѣнчаніе было утромъ, и въ залѣ господскаго дома былъ накрытъ парадный столъ, весь убранный цвѣтами. За здоровье молодыхъ пили настоящее шампанское, и первый тостъ провозгласила сама Варвара Петровна. Всѣ эти щедроты, и весь этотъ блескъ были преддверіемъ долгихъ годовъ мученія и горя!

Бракъ этотъ, неожиданный и по приказу, оказался однако весьма счастливымъ. Оба они были умные, добрые и честные люди, и, вѣроятно, эти хорошія качества послужили къ полнѣйшему согласію между ними и повели ихъ къ завидному счастію въ ихъ супружеской жизни.

Когда у Агашеньки родилась первая дочь, Варвара Петровна очень заботилась о здоровьѣ матери, дала ей время поправиться, не велѣла спѣшить ей возвратиться къ ея обязанностямъ, но лишь только молодая мать появилась передъ своей госпожей, ее встрѣтило неожиданное горе.

— Какъ я рада, что ты опять при мнѣ, — было первымъ словомъ Варвары Петровны,—безъ тебя все не такъ идетъ, никто мнѣ не угодитъ, и я все недовольна. А теперь выбери себѣ въ деревняхъ любую бабу въ кормилицы своей дѣвочкѣ, и я ее отправлю въ Петровское. При себѣ я ребенка тебѣ держать не позволю; какая ты можешь мнѣ быть слуга съ нею? ты постоянно будешь рваться къ ней, ее надо отдать кормилицѣ, и я объ этомъ распоряжусь.

Бѣдная мать остолбенѣла при этихъ словахъ, но возразить не дерзнула, да и смѣлъ ли кто возражать? Приговоры Варвары Петровны были безапелляціонны.

Распоряженіе отправить ребенка съ кормилицей въ ближайшую деревню было сдѣлано—но не исполнено.

Къ счастью, а главное къ чести, всей многочисленной дворни Варвары Петровны, въ ней не было *наушниковъ*. Многое творилось не такъ, какъ она велѣла, многое отъ нея скрывалось, и не было случая, чтобы кто-либо донесъ ей о томъ, чтò могло вызвать ея гнѣвъ.

Такъ и на этотъ разъ: ребенокъ Агаѳьи Семеновны въ деревню отправленъ не былъ, и мать, находясь при барынѣ и день и ночь, сама кормила потихоньку свою дѣвочку. Днемъ ее приносили окольными путями черезъ садъ во флигель, а ночью ее держали въ пристройкѣ, отдѣлявшейся довольно большими

сѣнями отъ дома, такъ что при растворенныхъ дверяхъ и окнахъ, крики ребенка Варвара Петровна слышать не могла. Добрая моя гувернантка, miss Blackwood, занимала комнату въ этой же пристройкѣ, и часто сама вставала ночью, чтобы унять крикунью, или чтобы потихоньку, почти беззвучно отворивъ двери, позвать мать, которая спала черезъ комнату отъ спальни своей барыни.

Я разъ чуть не накликала великую бѣду. Maman была нездорова и обѣдала позже обыкновеннаго въ своей спальнѣ. Агашенька сама прислуживала ей, а я, узнавши, что дѣвочка въ комнатѣ англичанки моей, отправилась туда посмотрѣть на нее. Въ комнатѣ никого не было, а въ корзинкѣ неистово кричала малютка, требовавшая свою мать. Сама я еще была настолько глупа, что вообразила, что если ее вынести на крыльцо, она утѣшится. Дѣло было лѣтомъ, я мгновенно схватила ее на руки и вышла; крошка моя дѣйствительно на минуту умолкла; но, почувствовавъ обманутое ожиданіе, еще громче залилась. Дверь была отворена, Варвара Петровна услыхала крикъ.

— Что это такое?—И произнесено это было такимъ грознымъ голосомъ, и съ такимъ испытующимъ взглядомъ, устремленнымъ на Агаѳью, что бѣдная мать помертвѣла, растерялась, не зная, что̀ сказать. Отецъ же, какъ безумный, ринулся изъ дома, вырвалъ ребенка у меня изъ рукъ, зажалъ ей безжалостно ротъ рукою и стремглавъ бросился черезъ садъ во флигель. А я до того перепугалась, пришла въ такое отчаяніе, понявъ всю необдуманность своего поступка, что даже теперь не помню, какъ миновала гроза. Знаю только, что долго послѣ этого Варвара Петровна смотрѣла подозрительно и сурово на отца и на мать и въ пристройку стала ходить каждый день.

И вотъ такимъ-то образомъ, постоянно въ страхѣ и трепетѣ, когда на крыльцѣ, когда подъ дождемъ или на холодѣ, пришлось бѣдной Агаѳьѣ выкормить трехъ дѣтей. Для старшихъ Варвара Петровна дала няньку, а меньшого постоянно приказывала отдавать любой крестьянкѣ на прокормленіе. Несчастные малютки бывали больны, оставались въ чужихъ рукахъ, а бѣдная мать могла ихъ видѣть только раза два въ день, когда отпускалась обѣдать, ужинать или пить чай. И теперь живо передъ моими глазами лицо моей дорогой Агашеньки въ эти ужасные годы ея жизни. Сколько разъ видѣла я ея прекрасные, выразительные глаза, устремленные не то съ мольбой, не то съ укоромъ на иконы.—За что, за что?—казалось, хотѣли произнести ея крѣпко сжатыя губы.

Одна изъ ужаснѣйшихъ драмъ въ ея многострадальной жизни произошла послѣ рожденія ея третьей дочери.

Въ декабрѣ въ этотъ годъ Варвара Петровна выѣхала изъ Спасскаго въ Москву. Агаѳья Семеновна должна была послѣдовать за нею недѣли черезъ двѣ, при этомъ былъ отданъ строгій приказъ устроить дѣтей въ Спасскомъ и съ собою никого не привозить. Но наболѣвшее сердце бѣдной матери не могло уже перенести разлуку съ такими крошечными дѣтьми. Въ отчаяніи своемъ она рѣшила уже больше ничего не скрывать, не обманывать барыню, а взять съ собою дѣтей и открыто въ этомъ признаться Варварѣ Петровнѣ.

Зимой въ декабрьскіе морозы привезла она ихъ и поздно вечеромъ подъѣхала къ нашему московскому дому.

Варварѣ Петровнѣ пришли доложить:—Обозъ пріѣхалъ изъ Спасскаго.

— А Агаѳья?

— Пріѣхала-съ,—былъ краткій отвѣтъ.

— Скажи ей, пусть отдохнетъ, а завтра утромъ, чтобы къ моему одѣванію пришла.

На другой день утромъ, когда Варвара Петровна позвонила, на звонокъ ея взошла Агашенька.

Никогда не видала я на ней ни прежде, ни послѣ такого суроваго, рѣшительнаго лица, когда она, поцѣловавъ у барыни руку, отошла на нѣсколько шаговъ отъ ея постели.

— Ну, что, какъ пріѣхала, что привезла?—спросила Варвара Петровна.

Агашенька молча подала реестръ всѣхъ прошивокъ, кружевъ и всего сработаннаго въ этотъ годъ пяличницами и кружевницами.

Варвара Петровна посмотрѣла, положила бумагу на столъ. —Хорошо, ступай!—и взяла чашку въ руки.

Агаѳья сдѣлала нѣсколько шаговъ и остановилась у двери.

— Ступай,—повторила Варвара Петровна,—я позову.

— Сударыня,—произнесла Агаѳья, и голосъ ея дрогнулъ, она тяжело дышала.

— Что тебѣ?—досадливо вскрикнула Варвара Петровна.

— Варвара Петровна!—продолжала Агаѳья болѣе твердымъ, почти грубымъ, голосомъ:—я привезла съ собою всѣхъ своихъ дѣтей... воля ваша... я не могла...

— Какихъ дѣтей? Что такое ты мнѣ сказала?

— Сударыня!—вскрикнула Агашенька, и бросилась на колѣни,—ради самого Бога, позвольте мнѣ ихъ оставить здѣсь; я

вамъ буду служить, какъ служила, день и ночь буду при васъ, только оставьте... чтобы я только знала, что они тутъ...

— Вонъ!—раздался голосъ Варвары Петровны.

— Воля ваша, я не уйду, дѣлайте со мной, что хотите, Варвара Петровна! у васъ у самихъ были дѣти маленькія, могутъ ли они безъ матери? Бога ради, одной вашей милости прошу, не отнимайте у меня дѣтей!—и бѣдная женщина на колѣняхъ поползла къ постели барыни.

— Вонъ!—былъ ей отвѣтъ.

Я тутъ стояла, слезы лились у меня изъ глазъ, и я только могла произнести: Maman! maman!

— Comment osez-vous pleurer? Allez vous-en! [1])—обратился на меня гнѣвъ Варвары Петровны.

Я вышла, бросилась въ корридоръ и неудержимо рыдала.

А изъ спальни раздавался бѣшеный крикъ Варвары Петровны, онъ все усиливался, и я побѣжала въ смежную комнату.

...— Я все могу съ тобой сдѣлать, я тебя на поселеніе сошлю, дѣтей твоихъ я сейчасъ въ воспитательный домъ отправлю! —слышалось изъ спальной.

— Хоть въ Сибирь, хоть на поселеніе, а съ дѣтьми... дѣтей нельзя... я не дамъ дѣтей! — уже какъ-то безсвязно лепетала Агаѳья, все стоя на колѣняхъ.

Варвара Петровна сильно позвонила и закричала:—Дѣвушки!

На зовъ ея вошли двѣ горничныя.

— Возьмите ее, выведите ее, тащите!—приказывала барыня.

Но въ эту минуту Агаѳья уже ничего не сознавала, она была точно въ изступленіи.

Горничныя взяли ее подъ руки—но она быстро встала на ноги, рванулась отъ нихъ, и за ея рыданіями и за движеніемъ горничныхъ я разслыхала только слова:—Звѣри... и тѣ своихъ дѣтей...

— Молчать!—крикнула Варвара Петровна,—я тебя въ часть велю отправить, ты у меня въ острогѣ сгніешь.

— Куда хотите, а я ихъ лучше задушу своими руками, а не отдамъ,—чтó имъ безъ матери!..

— Въ часть, въ часть, вонъ!—почти съ пѣной у рта кричала Варвара Петровна.—Что же вы?..

Агаѳья все стояла, а призванныя горничныя точно окаменѣли...

---

[1]) „Какъ смѣешь ты плакать? Пошла вонъ!“

— Агаѳья Семеновна, пойдемте, — шепнула наконецъ одна изъ нихъ.

Несчастная женщина сдѣлала шагъ къ двери, но вдругъ опять повернулась лицомъ къ барынѣ; на ея добромъ лицѣ, въ ея прекрасныхъ глазахъ сверкнула злоба, и раздался уже опять звенящій, твердый голосъ:

— Были мы вамъ, сударыня, съ мужемъ вѣрные, усердные слуги, а теперь изъ-подъ палки мы не слуги!..

Тутъ я увидала ужасную сцену: Варвара Петровна захрипѣла, бросилась съ постели, одной рукой схватила Агаѳью за горло, а другою точно силилась разорвать ей ротъ... но тутъ же отпустила, почти упавъ на ближайшее кресло... съ ней сдѣлался нервный припадокъ.

Агаѳья вышла, стоявшія тутъ горничныя уложили свою барыню на постель. Взошелъ докторъ Порфирій Тимоѳеевичъ съ лавровишневыми каплями.

Долго отпивалась Варвара Петровна каплями и померанцевой водой, и наконецъ былъ призванъ главный конторщикъ Леонъ Ивановъ (деверь Агаѳьи и дядя гонимыхъ дѣтей).

Заложивъ руки за спину, явился онъ передъ лицомъ барыни.

— Напиши приказъ, — произнесла Варвара Петровна, — здѣсь!

Конторщикъ вышелъ и черезъ нѣсколько минутъ принесъ бумагу, чернила и перо и подъ диктовку самой госпожи сталъ писать на комодѣ, стоявшемъ тогда въ спальнѣ Варвары Петровны, и который въ настоящую минуту у меня передъ моими глазами, слѣдующее:

«Въ московскую домовую контору

«Приказъ.

«Сегодня же, на подводахъ, пріѣхавшихъ вчера изъ Спасскаго, отправить обратно въ Спасское Агашкиныхъ трехъ дѣтей. Для сопровожденія ихъ приказать собраться въ дорогу Александрѣ Даниловой, и о прибытіи ихъ на мѣсто немедленно извѣстить меня».

Затѣмъ слѣдовала подпись самой Варвары Петровны.

— Исполнить! — подтвердила она словесно.

Конторщикъ вышелъ.

Когда потомъ я явилась по зову Варвары Петровны, и она увидѣла мои заплаканные глаза, на меня посыпались ея упреки:

— Тебѣ всякая холопка дороже матери! Ты должна плакать о томъ, что меня не слушаются, до истерики меня доводятъ, безпокоятъ меня неповиновеніемъ, а ты о холопкѣ да о холопскихъ дѣтяхъ плачешь. Ты была и будешь безчувственная тварь!

Ты рада, когда меня терзаютъ, ты не жалѣешь, не любишь меня... я больна... а ты о холопкѣ... въ тебѣ ни любви, ни привязанности ко мнѣ нѣтъ...

И опять истерика, опять докторъ, капли, а я ужъ совсѣмъ была сбита съ толку и пришла въ отчаяніе, что опять разстроила maman своими слезами; и Агашеньку жаль, и точно сама себя въ чемъ-то виноватой чувствую.

Наконецъ, прогнанная за наказаніе изъ спальни съ глазъ долой за свою неблагодарность и нечувствительность, я бросилась въ дѣвичью и на груди своей доброй, дорогой Агашеньки выплакала свое горе.

Но насколько было полно любви сердце этой прекрасной женщины! При всемъ своемъ горѣ, у ней нашлись слова утѣшенія и ласки для меня.

На другой день утромъ, когда Агашенька пришла меня одѣвать въ комнатѣ смежной со спальней Варвары Петровны, я взглянула ей въ глаза—и мы безъ словъ поняли другъ друга. На мой нѣмой вопросъ, я прочла въ ея глазахъ отвѣтъ. Дѣти не были отправлены. Она кивнула мнѣ головой и рукою указала на флигель. Я вздохнула свободно.

При домѣ Лошаковскаго на Остоженкѣ, былъ большой флигель для помѣщенія дворни.

Поляковъ, какъ дворецкій, имѣлъ отдѣльную комнату, и въ этой-то комнатѣ прожили и зиму и весну бѣдныя три дѣвочки, въ заперти, безъ воздуха, но все же около матери и отца, которые урывками хотя нѣсколько разъ въ день могли видѣть ихъ.

Часто бѣгала я туда; меня всегда пускали потихоньку отъ maman посмотрѣть на нихъ.

Бывало всѣ три сидятъ на полу, въ розовыхъ сарпинковыхъ платьицахъ, возлѣ нихъ обломки кое-какихъ игрушекъ, и на личикахъ улыбка удовольствія при моемъ приходѣ. Всѣ онѣ и теперь живы и съ тою же радостною улыбкою встрѣчаютъ меня, когда мнѣ, хотя и рѣдко, приходится видѣть ихъ.

Не мало мученія было съ ними, когда настали весенніе, красные дни; старшая дѣвочка была уже особа съ нѣкоторымъ смысломъ и упорно просилась гулять. Выпускали ихъ, точно маленькихъ звѣрей изъ заточенія, въ тѣ часы, когда Варвара Петровна почивала, остальное же время держали ихъ подъ замкомъ и часто слышала я опасенія Агашеньки:—Помилуй Богъ, выскочатъ! Увидитъ!

Такъ жили бѣдныя дѣти, и никогда Варвара Петровна объ этомъ не знала.

Но впослѣдствіи объ этомъ узналъ Иванъ Сергѣевичъ, и его расположеніе ко всей семьѣ еще усилилось.

О томъ, какъ Поляковы обожали своего добраго «барина», свидѣтельствуютъ ихъ письма ко мнѣ, въ которыхъ они мнѣ говорятъ о каждомъ своемъ свиданіи съ нимъ, о каждомъ письмѣ, полученномъ отъ него.

Я нарочно ѣздила къ сыну Полякова, чтобы получить отъ него всѣ письма Ивана Сергѣевича, но къ несчастію ничего не нашла. Письма между 52-мъ и 54 годомъ были сожжены его отцемъ, а остальныя матерью по смерти мужа.

Андрей Ивановичъ Поляковъ пользовался до самой смерти своей полнѣйшимъ довѣріемъ обоихъ сыновей Тургеневыхъ и особенною любовью Ивана Сергѣевича, и сама Варвара Петровна была вполнѣ убѣждена, что вѣрнѣе его и его жены она слугъ не имѣла. Но это усиливало только постоянное ея стремленіе мучить тѣхъ, кто лучше и кто ближе къ ней. Изъ всѣхъ гоненій, которыя претерпѣли они оба, я только разсказала, что выстрадали отецъ и мать изъ-за дѣтей своихъ; я еще буду говорить о нихъ послѣ; и всегда на долю ихъ выпадали одни страданія и муки за неуклонную ихъ преданность своимъ господамъ.

Теперь возвращаюсь къ нашей поѣздкѣ въ Воронежъ.

Почти въ концѣ августа 1840 г., когда доктора рѣшили, что меня можно выпустить на воздухъ послѣ оспы, выѣхали мы изъ Воронежа, заѣхали на нѣсколько дней въ разрушенное и еще неустроенное Спасское и переселились въ Москву.

Тамъ у Варвары Петровны былъ собственный домъ на Самотекѣ, но онъ былъ такъ великъ, что она рѣшила его продать. Къ зимѣ 1840 года былъ нанятъ на Остоженкѣ домъ Лошаковскаго, и въ немъ, за исключеніемъ лѣтнихъ мѣсяцевъ и двухъ или трехъ зимъ, жили мы до самой кончины Варвары Петровны.

Въ 1840 году мнѣ было уже 7 лѣтъ, и съ этого возраста начались мои мученія за другихъ. Во мнѣ уже пробудилось чувство осмысленной любви и жалости къ окружающимъ меня. Я могла уже понимать и несправедливость, и жестокость, и во мнѣ постоянно происходила смутная борьба между любовью къ maman и жалостью къ тѣмъ, на кого она простирала свой гнѣвъ. Оплакивала я всѣхъ, но ей не смѣла даже взглядомъ выразить чувства, волновавшія меня. Самой же мнѣ жилось хорошо. Любила меня Варвара Петровна и баловала, говорятъ, даже больше чѣмъ сыновей своихъ въ дѣтствѣ. Наряжала меня роскошно, все

было изъ магазина Salomon—знаменитости тогда; куклы и игрушки мои возбуждали зависть моихъ маленькихъ гостей. Самыя лучшія дѣтскія книги высылались мнѣ Николаемъ Сергѣевичемъ изъ Петербурга. Мученіемъ же назвать нельзя заслуженные и незаслуженные иногда выговоры и наказанія за дѣтскіе проступки. Самымъ жестокимъ наказаніемъ была ссылка въ уголъ, гдѣ мнѣ ставили стулъ, на которомъ я должна была, по мѣрѣ вины, просидѣть 2 или 3 часа, а иногда и болѣе.

Если же мнѣ случалось очень ужъ прогнѣвать maman, то она меня обрекала на ссылку въ оранжерею или зимній садъ, гдѣ я должна была точно также просидѣть неподвижно весь день, и тогда я получала за обѣдомъ только 3 блюда и лишена была пирожнаго.

Мнѣ было 17 лѣтъ, когда умерла Варвара Петровна, и характеръ во мнѣ тогда еще не довольно окрѣпъ, для столкновенія или борьбы за свою личную жизнь и свободу. Чѣмъ бы все это кончилось, проживи она больше—не знаю, но въ послѣдній годъ и во мнѣ стали проявляться проблески явнаго протеста въ защиту гонимыхъ, а этого Варвара Петровна ни отъ кого не терпѣла.

Замѣчательная черта была въ характерѣ Варвары Петровны: лишь только она замѣчала въ комъ-нибудь изъ прислугъ нѣкоторую самостоятельность, признакъ самолюбія, или сознаніе своей полезности, она всячески старалась того унизить или оскорбить, и, если, несмотря на это, тотъ, на кого направлялись ея преслѣдованія, смиренно ихъ выносилъ, то опять попадалъ въ милость; если же нѣтъ, то горько доставалось за непокорность.

Въ домѣ было даже техническое названіе для такого рода испытаній, говорили: «барыня теперь придирается къ Ивану Васильеву»; или: «это было тогда, когда барыня придиралась къ Семену Петрову»; или: «а вотъ увидите, станетъ ужъ барыня придираться къ Петру Иванову—очень смѣло сталъ онъ съ ней говорить».

И вотъ настала разъ такая эпоха «придиранія» къ дворецкому Семену Кириловичу Тоболеву.

То былъ весьма красивый брюнетъ лѣтъ тридцати, со всей походкой и манерой слуги самаго аристократическаго покроя. По званію своему, онъ чаще другихъ имѣлъ случай разговаривать съ барыней о разныхъ домашнихъ дѣлахъ.

Замѣтила Варвара Петровна, что при нѣкоторыхъ ея предположеніяхъ о покупкахъ для дома, при назначеніи кого-либо въ одну изъ должностей при домѣ, Семенъ иногда возражалъ

и говорилъ съ ней довольно смѣло. Этого было достаточно: барыня начала «придираться» къ своему любимцу дворецкому. Въ день нѣсколько разъ его призывала то за тѣмъ, то за другимъ, и всякій разъ выражала ему свое неудовольствіе, безъ всякой съ его стороны вины. Но Семенъ былъ не изъ терпѣливыхъ, и въ дворнѣ слылъ гордецомъ.

Увидя себя предметомъ гоненій, Семенъ хотя и не возражалъ и ни слова не говорилъ въ свое оправданіе, но лицо его показывало, что онъ только крѣпился, и кончилось все это для него очень печально.

За обѣдомъ Семенъ стоялъ за кресломъ барыни, а передъ ея приборомъ стоялъ небольшой графинъ съ водою, которая называлась «барынина вода».

Когда Варвара Петровна произносила слово: «воды!»,—которое у насъ равнялось извѣстному «A boire au moi!»,—дворецкій долженъ былъ налить ей воды изъ этого графина. Составивъ себѣ планъ аттаки противъ Семена, Варвара Петровна всякій разъ, какъ только подносила стаканъ къ губамъ, находила въ водѣ разные недостатки: то мутна, то холодна, то тепла, то съ запахомъ.

Такъ продолжалось нѣсколько дней сряду. Семенъ бралъ графинъ со стола и черезъ нѣсколько минутъ являлся, повидимому, съ другою водою. Варвара Петровна пила молча; но на другой день опять то же: опять—воды! опять—нехороша—дворецкій бралъ воду и приносилъ другую.

Такъ и въ тотъ достопамятный день Варвара Петровна поднесла стаканъ къ губамъ, оттолкнула его и, обратясь лицомъ къ Семену, спросила:

— Что это такое?

Молчаніе.

— Я спрашиваю: что это такое?

Опять молчаніе.

— Добьюсь я, наконецъ, хорошей воды?—И мгновенно стаканъ съ водою былъ брошенъ почти въ лицо дворецкаго.

Семенъ поблѣднѣлъ, взялъ со стола графинъ и вышелъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся и въ чистый стаканъ налилъ барынѣ воды.

— Вотъ это вода! — сказала Варвара Петровна и отпила болѣе полстакана.

Тогда Семенъ, блѣдный, съ дрожащими губами, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, сталъ передъ образомъ, перекрестился широкимъ крестомъ и сказалъ:

— Вотъ ей-Богу, передъ образомъ клянусь, я ту же воду подалъ, не мѣнялъ!

Сказавъ это, онъ обернулся лицомъ къ госпожѣ своей и посмотрѣлъ ей прямо въ глаза.

Какъ ни мала я еще тогда была, но у меня замерло сердце, я уже понимала, что такъ maman противорѣчить нельзя.

Прошло нѣсколько секундъ страшнаго молчанія.

Варвара Петровна вдругъ, вставъ съ кресла, сказала:— Вонъ!—и вышла изъ-за стола, не окончивъ обѣда.

Все въ домѣ притихло, словно замерло, всѣ ходили на цыпочкахъ, всѣ перешептывались, а сама Варвара Петровна заперлась въ своей спальнѣ.

Какъ-то жутко было и мнѣ весь день, я и куклы свои бросила, прижалась на своей скамеечкѣ въ гостиной и все думала, что-то будетъ? Я Семена очень любила, мнѣ было и жаль его и страшно.

Но день прошелъ. Чай мы пили безъ maman, боялись даже загремѣть чашкой или ложечкой. Въ 9 часовъ подали мнѣ одной ужинъ, и гувернантка моя черезъ дверь тихо-тихо проговорила:

— Il est neuf heures, madame, la petite doit se coucher [1]).

Послышалось слово: Entrez [2]). Я вошла, подойдя къ Варварѣ Петровнѣ, сказала свое обычное: «Bonne nuit, maman, bénissez-moi» [3]), и, получивъ поцѣлуй и благословеніе, легла тутъ же въ ея спальнѣ, въ которой всегда съ нею спала, за исключеніемъ немногихъ годовъ.

На другой день я вышла гулять и, увидавъ на дворѣ Семена, залилась горькими слезами.

Вмѣсто щегольского, коричневаго, съ ясными пуговицами фрака, на Семенѣ была надѣта сермяга, а въ рукахъ у него была метла, которою онъ мёлъ дворъ.

Изъ дворецкаго, по приказанію барыни, онъ преобразился въ дворника и оставался въ этомъ званіи года три или четыре, пока не замѣнилъ его совершенно случайно появившійся въ штатѣ Варвары Петровны знаменитый ея нѣмой дворникъ Андрей, описанный въ «Муму» подъ именемъ *Герасима*.

Обѣ зимы 1840 и 1841 года жила Варвара Петровна въ Москвѣ, поддерживала знакомства, у ней были назначенные дни для пріема и для вечеровъ, сама она тоже изрѣдка ѣздила по вечерамъ играть въ карты къ знакомымъ.

---

[1]) „Девять часовъ, малютка должна спать“.

[2]) „Войдите“. [3]) „Покойной ночи, maman, благословите меня“.

Сынъ ея Николай Сергѣевичъ пріѣзжалъ изъ Петербурга повидаться съ матерью, но сильно подозрѣваю я, что въ Москву его больше привлекала любовь къ Аннѣ Яковлевнѣ, которая продолжала жить у насъ. Варвара Петровна, отъ глазъ которой ничто ускользнуть не могло, замѣчала все, но значенія этому она никакого не придавала. А сынъ, конечно, и подумать не смѣлъ просить согласія на бракъ. Вдругъ, зимою 1841 года Анна Яковлевна у насъ исчезла. Какъ это совершилось, никто не зналъ, — да если кто и зналъ, то говорить объ этомъ не смѣлъ. Варвара Петровна даже и не удивилась и даже ничего не спросила о ней; но съ этого времени окончательно перестала высылать сыну деньги на его содержаніе въ полку.

Николай Сергѣевичъ вышелъ въ отставку, и поступилъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ при Перовскомъ. Сначала его жалованья доставало на житье, но когда родился сынъ, а черезъ годъ дочь, и Анна Яковлевна очень заболѣла, они едва существовали на свои средства. Николай Сергѣевичъ принужденъ былъ искать какихъ-нибудь занятій; онъ нашелъ уроки французскаго языка, что̀ значительно увеличило его доходъ.

Мать продолжала съ нимъ переписываться, но на его робкія просьбы о пособіи всегда отвѣчала упорнымъ молчаніемъ.

Какъ узнала она, что сынъ ея обзавелся семьей, долго никому изъ насъ не было извѣстно; но она была вполнѣ увѣрена, что они не вѣнчаны, и надѣялась, что любовь остынетъ, и сынъ ея со временемъ сдѣлаетъ приличную партію.

Объ этихъ ея надеждахъ свидѣтельствуетъ все тотъ же ея альбомъ, сохранившійся у меня. Вотъ что я нашла въ немъ:

«A mon fils Nicolas.

«Cher enfant, il court un bruit sur toi qui me cause un poignant chagrin. Vous avez pu vous laisser entraîner à un coupable penchant.

Mon enfant, ne comptez pas sur les promesses des passions; elles s'évanouissent, et avec elles les serments, qui furent faits de bonne foi. S'il en est temps encore, renoncez à une faiblesse qui ne peut que vous entraîner à votre ruine. Je ne vous connais pas; vous si raisonnable, vous qui connaissez si bien les devoirs de la société et du rang où vous êtes placé» [1]).

---

[1]) „Милый сынъ, о тебѣ пронесся слухъ, глубоко огорчающій меня. Ты могъ дать себя увлечь преступной страстью! Не полагайся на обѣщанія страстей; онѣ

1841 годъ.

Въ 1841 году Иванъ Сергѣевичъ возвратился изъ-за границы и пріѣхалъ лѣтомъ въ Спасское. Тутъ привезъ онъ свое первое сочиненіе «Парашу».

Впечатлѣнія особеннаго это у насъ не произвело. Маленькая книга въ голубой оберткѣ валялась на одномъ изъ столиковъ кабинета его матери, и, сколько мнѣ помнится, толковъ мало было о ней. Единственное, чтó изъ нея было извлечено и повторялось, это гдѣ-то сказанныя слова: «въ порядочныхъ домахъ квасу не пьютъ». На основаніи этихъ словъ, квасъ былъ изгнанъ со стола, къ великому огорченію и прискорбію моей уважаемой гувернантки Катерины Егоровны Риттеръ, которая попробовала было потребовать квасу; но у Варвары Петровны требовать никто не смѣлъ, и квасъ подавали только въ пристройкѣ, гдѣ помѣщались мои гувернантки.

Радость Варвары Петровны при свиданіи съ сыномъ была великая, хотя, впрочемъ, при встрѣчѣ, «ура!» никого кричать она не заставляла. Только сама она вдругъ совершенно измѣнялась: ни капризовъ, ни придирокъ, ни гнѣва.

Чѣмъ это объяснить, какъ не обаятельностью и добротой Ивана Сергѣевича, которая будто распространялась на все окружающее его. Всѣ его любили, всякій въ немъ чуялъ *своего* и душой былъ преданъ ему, вѣруя въ его доброту, которая въ домѣ матери не смѣла однако проявляться открыто въ защиту кого-либо. Но тѣмъ не менѣе, когда онъ пріѣзжалъ, говорили: «Нашъ ангелъ, нашъ заступникъ ѣдетъ».

Зная характеръ своей матери, онъ никогда ей не высказывалъ рѣзко то, чтó его огорчало въ ея поступкахъ; онъ зналъ, что этимъ еще больше только повредишь тому, въ пользу кого будетъ произнесено слово защиты; и несмотря на это, Варвара Петровна при немъ и для него точно перерождалась; она, не боявшаяся никого, не измѣнявшая себя ни для кого, при немъ старалась показать себя доброй и снисходительной.

Охлажденіе Ивана Сергѣевича къ матери совершилось позже — постепенно. Да и охлажденіемъ этого назвать нельзя—онъ удалился только отъ нея. Борьба была невозможна, она повела бы къ худшему,—а видѣть и молчать было слишкомъ тяжело для его добраго сердца.

исчезаютъ, а съ ними и клятвы, данныя отъ чистаго сердца. Если еще время, откажись отъ чувства, которое поведетъ тебя только къ твоей гибели. Я не понимаю тебя! ты такъ благоразуменъ, ты знаешь хорошо обязанности, налагаемыя обществомъ и положеніемъ, въ которое ты поставленъ.

По пріѣздѣ изъ Берлина онъ былъ необыкновенно нѣженъ къ матери; онъ еще не успѣлъ вникнуть во все творившееся дома, —а прежнее, за три года отсутствія, изгладилось въ его незлобивой памяти.

Тѣ мелкія заботы другъ о другѣ, выражающія болѣе всего согласіе и дружбу въ семьяхъ, были обоюдны: Варвара Петровна цѣлые дни придумывала, чѣмъ бы угодить сыну—заказывались и обдумывались его любимыя кушанья, варенье, въ особенности крыжовенное, любимое его, посылалось большими банками въ его флигель, и надо правду сказать, что оно необыкновенно быстро истреблялось съ моею помощью и съ помощью разныхъ дворовыхъ ребятишекъ, которые смѣло подходили къ окну его флигеля. Для нихъ молодой баринъ былъ свой человѣкъ.

Кромѣ того, Варвара Петровна, не терпѣвшая собакъ, дозволяла Наплю, предшественнику извѣстной у насъ Діанки, постоянно присутствовать на балконѣ, потому только, что это была *Ваничкина собака*, и даже удостоивала изъ своихъ рукъ кормить Напля разными сластями.

Съ своей стороны Иванъ Сергѣевичъ часто откладывалъ охоту, которую такъ любилъ, чтобы пробыть съ матерью, и когда она изъявляла желаніе прокатиться въ своемъ креслѣ по саду, (ходить она не могла), то сынъ не позволялъ лакею управлять кресломъ и всегда исполнялъ это самъ.

Одинъ изъ вечеровъ этого лѣта особенно былъ замѣчателенъ. Въ этотъ день Иванъ Сергѣевичъ еще съ утра отправился на охоту, а maman часовъ въ 7 вечера поѣхала одна въ каретѣ осмотрѣть поля. Ее сопровождалъ только бурмистръ верхомъ. Часу въ девятомъ разразилась страшная гроза, одна изъ такихъ грозъ, которыхъ немного приходится кому-либо запомнить.

Я забилась въ самый темный уголъ гостиной и плакала, потому что всѣ въ домѣ были въ страшной тревогѣ. Ни барыни, ни барина молодого не было, и никто не зналъ, гдѣ они.

Первый пріѣхалъ Иванъ Сергѣевичъ.

Переодѣвшись въ своемъ флигелѣ, онъ прибѣжалъ въ домъ, не зная еще, что матери нѣтъ.

Увидя мои слезы и не зная причины ихъ, онъ началъ стыдить меня за то, что я боюсь грозы. А это дѣйствительно было со мною въ дѣтствѣ, и всегда меня за то журилъ Иванъ Сергѣевичъ. Онъ бралъ меня къ себѣ на колѣни, садился у окна и старался отъучить меня отъ этого страха, обращая мое вниманіе на красоту облаковъ и всей природы во время грозы.

На этотъ разъ, когда въ отвѣтъ на его ласковыя слова, я начала еще громче кричать:—Maman убило громомъ! Maman убило громомъ!—долго не могъ онъ понять моихъ безсвязныхъ словъ.

— Гдѣ же маменька?—обратился онъ къ кому-то.

— Барыня не возвращались. Они поѣхали кататься и не вернулись. Верховыхъ по всѣмъ дорогамъ разослали,—было ему отвѣчено.

Иванъ Сергѣевичъ бросился изъ комнаты.

Несмотря ни на дождь, ни на бурю, ничего на себя не накинувъ, побѣжалъ онъ на конный дворъ, схватилъ первую попавшуюся лошадь и выѣхалъ уже изъ воротъ, самъ не зная куда; но тутъ же былъ встрѣченъ бурмистромъ, котораго Варвара Петровна послала домой съ приказаніемъ никому ее не искать, и съ извѣстіемъ, что она въ безопасности въ сторожкѣ лѣсника. Осмотрѣвъ поля, она вздумала проѣхать въ лѣсъ, гдѣ ее и застигла гроза.

Долго, очень долго продолжалось наше томительное ожиданіе; наконецъ, услыхали мы стукъ колесъ. Иванъ Сергѣевичъ бросился на балконъ и на рукахъ вынесъ мать изъ кареты, донесъ ее до кресла, ощупывалъ ея платье и ноги.

— Не промокла-ли ты, maman? — безпокоился онъ и безпрестанно цѣловалъ ея руки. — Ну, слава Богу, слава Богу,— твердилъ онъ, — съ тобой ничего не случилось, какъ я боялся за тебя; лошади могли испугаться и понести, это не выходило у меня изъ головы.

И опять припадалъ къ матери и цѣловалъ ее.

Вотъ каковы были отношенія сына къ матери — и грустно, и тяжело было видѣть, какъ они измѣнились впослѣдствіи.

Для меня лично пріѣздъ Ивана Сергѣевича имѣлъ тоже большое значеніе. Исключая счастія видѣть его при моемъ къ нему обожаніи, много было и другихъ причинъ радоваться.

Во-первыхъ, прекращались всѣ уроки; онъ утверждалъ, что лѣтомъ дѣтямъ учиться вредно. Заступался онъ за меня и открыто, за дѣло ли, не за дѣло мнѣ доставалось, и еще чаще слышалось добродушное: «Vous gâtez la petite» [1]), изъ устъ Варвары Петровны. Но лучше всего было у насъ съ нимъ послѣобѣденное время, когда maman уходила отдыхать въ свою спальню.

Иванъ Сергѣевичъ ложился тоже на pâté.

---

[1]) „Ты балуешь ребенка“.

Такого рода мебели теперь, я думаю, уже нигдѣ не встрѣтишь, но въ Спасскомъ тогда эта четырехугольная громада, вышитая по канвѣ какими-то причудливыми арабесками, занимала всю середину небольшой гостиной новаго дома.

И вотъ на эту-то громаду ложился Иванъ Сергѣевичъ, причемъ его ноги все-же на немъ не умѣщались и, по крайней мѣрѣ, аршина на полтора вытягивались въ пространство; онъ ложился, а меня сажалъ возлѣ себя и тутъ разсказывались сказки.

Разсказывала, однако, я, а не онъ. И до сихъ поръ не пойму, какъ не надоѣла я ему весьма частымъ повтореніемъ все одной и той же, моей тогда любимой, сказки: «Голубой фазанъ». Иногда я разсказывала и другія, но онъ, вѣрно, замѣтилъ, что я эту люблю болѣе другихъ, и даже притворялся (какъ я послѣ это сообразила), что и самъ ее любитъ и забываетъ нѣкоторыя подробности изъ нея. И все это, чтобы доставить удовольствіе ребенку!

Но до укладыванія и усаживанія нашего на знаменитый pâté, происходили иногда хищническіе наши набѣги на бакалейный шкафъ. А въ Спасскомъ этотъ шкафъ имѣлъ историческое значеніе.

Къ дому примыкала уцѣлѣвшая отъ пожара каменная галерея; въ ней помѣщалась библіотека, а съ лѣвой стороны, при входѣ въ нее, стоялъ огромный шкафъ, находящійся въ вѣденіи старика-камердинера покойнаго отца Ивана Сергѣевича.

Михайло Филипповичъ, такъ звали его, былъ оставленъ, послѣ смерти барина своего, на покоѣ и на пенсіи. Чтобы дать ему какое-нибудь дѣло, ему отданы были ключи отъ библіотеки и отъ шкафа.

Упоминая о библіотекѣ, замѣчу, что Иванъ Сергѣевичъ, говоря о своемъ первомъ знакомствѣ съ русской литературой черезъ камердинера матери, говорилъ, вѣроятно, объ этомъ самомъ Михайлѣ Филипповичѣ, потому что когда я уже была постарше, я часто и, разумѣется, потихоньку отъ maman, выпрашивала у старика французскія книги для чтенія; онъ, бывало, отчаянно махнетъ руками (его привычный жестъ) и скажетъ:

— Эхъ, барышня! Все-то вы французскія книжки читаете, ну что въ нихъ? Вотъ вы бы Хераскова почитали: книжка хорошая!

Но я выше m-me de Genlis и переводовъ miss Radcliff ничего тогда не находила.

Михайло Филипповичъ былъ очень глухъ и, хотя въ то время мы никто этого не замѣчали, нѣсколько помѣшанъ. Его странности, его характеръ и впослѣдствіи трагическая смерть вполнѣ это доказали.

Помѣшательство его совершалось постепенно, вслѣдствіе его глухоты и наклонности къ уединенію послѣ смерти своего барина. Но видно было, что пережилъ онъ много такого, что̀ съ горечью таилось въ его душѣ. Оглохъ онъ съ 14 декабря 1825 года, кажется, вслѣдствіе контузіи. Какъ и почему, объ этомъ иногда говорилось шопотомъ и полусловами; но одинъ разговоръ, свидѣтельницей котораго я была, доказываетъ истину этого продположенія.

У покойнаго Сергѣя Николаевича Тургенева былъ другъ и сослуживецъ Родіонъ Егоровичъ Гринвальдъ; портретъ и біографія его были помѣщены въ журналѣ «Всемірная Иллюстрація», 1877 года (стр. 92—95). Гринвальдъ всегда и послѣ оставался другомъ Тургеневскаго семейства. При мнѣ раза четыре пріѣзжалъ онъ изъ Петербурга въ Спасское и почти всегда въ сентябрѣ мѣсяцѣ, потому что былъ страстный любитель псовой охоты. Проживалъ онъ у насъ въ Спасскомъ недѣлю и больше. Варвара Петровна дѣлала все возможное, чтобы угостить и потѣшить своего дорогого гостя. Сама выѣзжала въ каретѣ, чтобы слѣдовать за охотой; на извѣстныхъ пунктахъ ожидала охотниковъ, приглашенныхъ сосѣдей, съ роскошнымъ завтракомъ и прочими угощеніями.

Въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ, Гринвальдъ вмѣстѣ съ Варварой Петровной вошелъ въ библіотеку.

Михайло Филипповичъ всталъ, и лицо его озарилось не улыбкой, этого никто у него не видалъ, а какъ-то просіяло.

— Что, старикъ, живъ? Здравствуй! — обратился къ нему генералъ.

— Здравствуйте, батюшка, ваше превосходительство, живъ-то живъ, да вотъ глухъ сталъ — ничего не слышу.

— Il est sourd depuis le 14. Vous vous rappelez?[1]) — вмѣшалась Варвара Петровна.

— Да, старина, много мы съ тобой тогда страху видѣли,— кричалъ генералъ надъ ухомъ старика.

— Да, да, ваше превосходительство, палили, страсть, какъ палили!

---

[1]) 14 декабря Родіонъ Егоровичъ Гринвальдъ былъ дежурнымъ во дворцѣ, на половинѣ императрицы Александры Θеодоровны.

Разговоръ остановился на этомъ, но видно было, что Гринвальдъ, Варвара Петровна и старикъ хорошо другъ друга понимали.

Фактъ былъ тотъ, что глухота Михайла Филипповича была такъ сильна, что онъ, отвыкнувъ постепенно слышать другихъ, самъ говорилъ мало, жилъ особнякомъ, постоянно читалъ священныя книги и, предоставленный совершенно самому себѣ, создалъ себѣ idée fixe, предметъ мученія — *бакалейный шкафъ*. Для него это было хранилище барскаго добра, для молодой прислуги—предметъ потѣхи, а для меня—обѣтованной землей, текущей медомъ и млекомъ. Въ немъ заключалось все, что́ можетъ быть въ хорошей лавкѣ.

Все пудами покупалось и привозилось изъ Москвы отъ Андреева и сдавалось на руки Михайлѣ Филипповичу.

Скупость его была необычайная. Получая все купленное, онъ отчаянно вздыхалъ и драматически качалъ головою.

— И зачѣмъ всего столько навезли? — говаривалъ онъ. — Сколько ни навези — все скушаютъ!

Каждое утро приходилъ къ нему поваръ и требовалъ изъ шкафа все нужное для стола.

Со вздохомъ развѣшивалъ и отпускалъ все старикъ и, если требовалось $1/2$ фунта чего-нибудь, онъ, отвѣсивши, хоть щепотку, хоть нѣсколько зеренъ, въ утѣшеніе себѣ, положитъ обратно.

Когда же, къ великому его прискорбію, наѣзжали гости и требовалось провизіи особенно много, Михайло Филипповичъ вздыхалъ такъ громко и съ такимъ ужасомъ размахивалъ руками, что въ такіе дни и я, и многіе приходили смотрѣть на его отчаяніе, какъ на зрѣлище.

Но мы не знали еще тогда, что это было для него дѣйствительнымъ мученіемъ.

Каждый день послѣ обѣда я получала позволеніе идти къ Михайлу Филипповичу, и всякій разъ назначалось, сколько и чего я могла взять.

— Мамаша велѣла взять пять черносливенокъ, или двѣ винныя ягоды! — выкрикивала я торжественно.

Тогда старикъ надвигалъ на лобъ свои очки, долго, долго и подозрительно смотрѣлъ на меня, потомъ искалъ будто ключъ и, наконецъ, не отворялъ, а пріотворялъ только шкафъ, потому что моя хищническая рука всегда старалась оттуда что-нибудь стащить, не столько изъ желанія лакомиться, сколько для того, чтобы раздразнить старика, и тутъ онъ съ отчаяніемъ схваты-

валъ себя за голову, потомъ быстро, чуть не со мной вмѣстѣ, старался притворить шкафъ и безнадежно шепталъ: «Мамашенькѣ скажу... мамашенькѣ скажу».

Ложился спать онъ рано, тутъ же на деревянной широкой скамьѣ возлѣ шкафа. Но спалъ не покойно, потому что часто вечеромъ кто-нибудь изъ молодежи-прислуги нарочно шумѣлъ и гремѣлъ ключами около него. Но какъ ни глухъ былъ этотъ церберъ барскаго добра, онъ вскакивалъ и въ неописанномъ ужасѣ осматривался кругомъ, но, конечно, никого на мѣстѣ преступленія не находилъ.

Мнѣ кажется, для Михайла Филипповича пріѣздъ Ивана Сергѣевича даже и тотъ не былъ праздникомъ.

Со словами: «пойдемъ грабить», отправлялись мы съ нимъ къ шкафу. Иванъ Сергѣевичъ даже иногда при этомъ принималъ свирѣпый видъ, шелъ необыкновенно крупными шагами, причемъ я, держась за его руку, едва поспѣвала бѣгомъ за нимъ; такъ и предстанемъ мы, бывало, предъ лицо спасскаго Гарпагона.

— Отопри! — скажетъ Иванъ Сергѣевичъ.

Ему, какъ *большому* и какъ коренному барину, шкафъ отворялся настежъ, и онъ полновластно распоряжался въ немъ.

Сначала старикъ подопретъ щеку рукою и вздыхаетъ, усиленно вздыхаетъ.

Я въ восторгѣ, дергаю Ивана Сергѣевича за рукавъ и киваю на старика. Иванъ Сергѣевичъ искоса посмотритъ на него и продолжаетъ опустошать на верхней полкѣ, а я немного скромнѣе на нижней.

Михаилъ Филипповичъ качаетъ головой и размахиваетъ руками.

Намъ еще веселѣе!

Наконецъ, не вытерпитъ старикъ, подойдетъ, погремитъ ключами, даже почти сдѣлаетъ движеніе, чтобы затворить шкафъ.

— Погоди, погоди, Михайло Филипповичъ, — успокоиваетъ его баринъ, — я еще не кончилъ.

Я уже не ѣмъ, а умираю со смѣху.

А то бывало и такъ: ждетъ, ждетъ старикъ, пока мы насытимся и, наконецъ, умоляющимъ голосомъ скажетъ:

— Сударь! Пожалѣйте мамашеньку! Вѣдь у васъ животикъ заболитъ!

Послѣ нѣсколькихъ дней нашего такого опустошенія Михаилъ Филипповичъ являлся къ барынѣ.

Сперва, по особенно ему на то данному праву, подходилъ онъ къ ручкѣ.

— Ну, что скажешь? — спроситъ Варвара Петровна, знавшая заранѣе, что послѣдуютъ жалобы.

— Ничего, сударыня, не осталось.

— То-есть какъ ничего?

— Да такъ, сударыня, ничего,—разведетъ онъ руками,— ничего не осталось, все покушали...

— Ну что же,—спокойно и съ улыбкой, утѣшаетъ его барыня,—написать реестръ того, что нужно, и послать подводу въ Мценскъ или въ Орелъ.

— Опять вѣдь все скушаютъ, — съ отчаяніемъ и вразумительно повторитъ старикъ.

Варвара Петровна смѣется.

А Михаилъ Филипповичъ, не видя въ ней сочувствія, постоитъ, постоитъ, вздохнетъ и уйдетъ.

Смерть бѣднаго старика была трагическая. Года два послѣ смерти Варвары Петровны, пришла ко мнѣ моя Агашенька, тогда уже вольная, и объявила мнѣ, что Михаилъ Филипповичъ повѣсился на чердакѣ спасскаго дома.

Черезъ нѣсколько дней я обѣдала у Николая Сергѣевича, и на мой вопросъ о страшной смерти бѣднаго старика, Николай Сергѣевичъ мнѣ отвѣтилъ:

— Вы помните скупость Михаила Филипповича, надъ которой и вы, и я, и всѣ мы смѣялись. Надо полагать, что это было родъ помѣшательства у бѣдняги, потому что послѣ смерти маменьки, видя новые порядки въ Спасскомъ, всѣ траты денегъ и расхищеніе добра, по его мнѣнію: — et vous savez que Jean n'y va pas de main morte quand il s'agit de dépenses [1],—видя все это, старикъ все больше и больше задумывался и скучалъ, постоянно твердилъ: молодые господа по міру пойдутъ, по міру пойдутъ. Вотъ и не выдержалъ, покончилъ съ собою.

Болѣе всего огорчался старикъ тѣми наградами, которыя сыпались отъ Ивана Сергѣевича бывшимъ слугамъ его матери. И. С. давалъ и деньги, и цѣлые участки земли, назначалъ пенсіи годовыя и самому Михаилу Филипповичу отдалъ особое, болѣе удобное помѣщеніе—но все это только еще болѣе приводило старика въ отчаяніе.

— Нашъ братъ холопъ скоро лучше самихъ господъ заживетъ,—говаривалъ старикъ,—сами-то съ чѣмъ останутся?

---

[1]) А вы знаете, что братъ не стѣсняется, когда дѣло идетъ о тратахъ денегъ.

Говоря о наградахъ, такъ щедро расточаемыхъ Иваномъ Сергѣевичемъ, я должна сказать, что дѣйствительно, доброта его увлекала его, онъ давалъ иногда и недостойнымъ, но были и такіе, которые вполнѣ заслуживали искупленіе за долгое претерпѣніе подъ игомъ его матери. Въ числѣ подобныхъ былъ крѣпостной докторъ Варвары Петровны, Порфирій Тимоѳеевичъ Карташевъ.

Когда Иванъ Сергѣевичъ поѣхалъ въ первый разъ въ Берлинъ, Порфирій былъ посланъ съ нимъ въ качествѣ камердинера или, вѣрнѣе, дядьки. Съ тѣхъ поръ установились между нимъ и его бариномъ самыя пріятельскія отношенія. Когда Иванъ Сергѣевичъ бывалъ у насъ, часто видали ихъ вмѣстѣ въ самой дружеской бесѣдѣ, никогда никому это не казалось страннымъ, потому что для сыновей, для меня и для всѣхъ Порфирій Тимоѳеевичъ былъ докторъ и любимый человѣкъ; крѣпостнымъ онъ былъ только для Варвары Петровны.

На всѣ просьбы Ивана Сергѣевича дать Порфирію *«вольную»* мать его никогда не соглашалась; но за то изъ всѣхъ своихъ крѣпостныхъ единственно этого Варвара Петровна никогда не оскорбила ни словомъ, ни дѣломъ, и вѣрила въ него иногда даже больше, чѣмъ въ своихъ лучшихъ докторовъ.

Во всѣхъ трудныхъ минутахъ жизни, при всѣхъ настоящихъ и напускныхъ припадкахъ и болѣзняхъ своей барыни, Порфирій Тимоѳеевичъ являлся съ своими неизмѣнными лавровишневыми каплями и неизмѣнными словами:—Извольте, сударыня, успокоиться.

И право, кажется, одного взгляда на эту спокойную и мощную фигуру достаточно было, чтобы угомонить всякіе нервы.

Типична была наружность нашего милаго доктора: высокій, плотный, со слѣдами оспы на лицѣ, которые нисколько не мѣшали добродушному выраженію его лица, замѣчательно маленькіе при его почти колоссальномъ ростѣ глаза, но очень умные, ласковые глаза. Вся фигура его дышала невозмутимымъ спокойствіемъ. Варвара Петровна называла его flègme—toujours endormi [1]), но при всемъ томъ чувствовала себя спокойной только тогда, когда онъ былъ при ней.

Для Порфирія Тимоѳеевича не безполезно прошли годы, проведенные въ Берлинѣ. Онъ тамъ окончательно выучился совершенно свободно говорить по-нѣмецки, и побывавъ еще до этого въ фельдшерской школѣ въ Россіи, слушалъ въ Берлинѣ лекціи медицинскаго факультета, и пріѣхалъ оттуда съ позна-

[1]) Вѣчно сонный.

ніями изряднаго медика, за что и возведенъ былъ своей барыней въ званіе ея *собственнаго* домашняго доктора. Возвратясь въ Россію, Порфирій Тимоѳеевичъ продолжалъ читать и заниматься. На книги для него его барыня не жалѣла денегъ.

Въ Москвѣ другъ и домашній докторъ Варвары Петровны никогда не прописывалъ ни одного лекарства, не предпринималъ ни одного леченія въ домѣ, не поговоривъ съ Порфиріемъ и не выслушавъ его мнѣнія.

Самъ Ѳедоръ Ивановичъ Иноземцевъ, начавшій лечить Варвару Петровну съ 48-го года, обратилъ на него вниманіе, призналъ въ немъ и знаніе, и богатыя способности, и позволилъ ему, вмѣстѣ съ остальными своими учениками, каждое утро присутствовать при пріемѣ больныхъ и слушать наравнѣ съ другими его заключенія о болѣзняхъ. Такимъ образомъ, познанія Порфирія обогатились еще со словъ нашего знаменитаго доктора.

Въ Спасскомъ слава Порфирія Тимоѳеевича, какъ врача, распространилась далеко за предѣлы мценскаго уѣзда. Помѣщики присылали за нимъ экипажи, но увы!—какъ крѣпостной человѣкъ, онъ ѣздилъ только тогда, когда ему это позволяла барыня.

И какъ ни просилъ Иванъ Сергѣевичъ мать отпустить его на волю, всегда получалъ отказъ, за которымъ слѣдовало перечисленіе всѣхъ благъ и льготъ, которыми пользовался его любимецъ, и которыхъ, по ея мнѣнію, совершенно достаточно было, чтобы отличать его отъ остальныхъ слугъ: онъ имѣлъ свою собственную комнату, почти кабинетъ — въ самомъ домѣ; кушанье получалъ съ барскаго стола; жалованья получалъ вчетверо больше прочихъ; и въ Москвѣ даже могъ отлучаться изъ дому, не спрашивая позволенія.

— Все это прекрасно,—говорилъ Иванъ Сергѣевичъ,— да сними ты съ него это ярмо! Клянусь тебѣ, что онъ тебя не броситъ, пока ты жива. Дай ты ему только сознаніе того, что онъ человѣкъ, не рабъ, не вещь, которую ты можешь по своему произволу, по одному капризу упечь, куда и когда захочешь!

Но мать оставалась непреклонна. Порфирій Тимоѳеевичъ получилъ вольную уже отъ сыновей, по смерти матери.

Но онъ не разстался съ своимъ любимымъ бариномъ, поселился сначала въ Спасскомъ и занимался тамъ больными, потомъ, выдержавши экзаменъ, былъ земскимъ врачемъ въ Мценскѣ.

Я нарочно справлялась о его дальнѣйшей участи, и узнала, что онъ былъ долго и тяжко боленъ. Иванъ Сергѣевичъ взялъ его опять въ Спасское и окружалъ его всевозможными заботами и попеченіями до самой его смерти.

Одинъ только разъ пришлось-таки жутко Порфирію у своей барыни. Но и тутъ хладнокровіе его не покинуло. Замѣчательный примѣръ увѣренности въ себѣ и смѣлости въ крѣпостномъ человѣкѣ оказалъ онъ собою, не устрашась даже ужасной угрозы Варвары Петровны.

Мнѣ было лѣтъ 10, когда я заболѣла горячкою. Это было въ Спасскомъ. Maman была въ отчаяніи. Сначала лечилъ меня Порфирій Тимоѳеевичъ, но видя, что положеніе мое все ухудшается, Варвара Петровна хотѣла посылать за докторами въ Мценскъ и за Гутсейтомъ въ Орелъ. Но Порфирій этого не допустилъ. Съ своимъ невозмутимымъ спокойствіемъ, съ своею нѣсколько медвѣжьею походкой взошелъ онъ въ кабинетъ барыни, въ ту минуту, какъ она писала Гутсейту пригласительное письмо.

— Не извольте, сударыня, безпокоиться посылать ни за кѣмъ; я началъ лечить барышню, я и вылечу.

Варвара Петровна вскинула на него глаза... отложила письмо въ сторону, пристально посмотрѣла на этого смѣльчака и сказала:

— Помни! не вылечишь—Сибирь!..

Но и этимъ не смутился нашъ милый докторъ. Такъ же медленно и спокойно вышелъ онъ изъ кабинета, сѣлъ возлѣ моей кроватки и не покидалъ меня ни день, ни ночь, пока не произошелъ благопріятный кризисъ.

Тогда, все такъ же флегматически, не выражая ни торжества, ни радости (хотя и очень меня любилъ), вошелъ онъ въ тотъ самый кабинетъ, гдѣ ему была обѣщана Сибирь, и объявилъ:

— Теперь барышня останется жива, только поправляться будетъ долго.

Между 1842 и 1846 годомъ.

Вступленіе Ивана Сергѣевича на литературное поприще весьма не нравилось Варварѣ Петровнѣ.

По этому поводу происходили между матерью и сыномъ частые разговоры. Сидѣли мы разъ въ Спасскомъ на балконѣ. Варвара Петровна, Иванъ Сергѣевичъ, у ногъ котораго покоилась его извѣстная Діанка, замѣнившая умершаго Напля, и я.

Иванъ Сергѣевичъ былъ очень веселъ, разсказывалъ матери, какъ Михаилъ Филипповичъ убѣждалъ его поменьше кушать, и заговорилъ о «Скупомъ рыцарѣ» Пушкина.

Вдругъ Иванъ Сергѣевичъ вскочилъ и заходилъ скорыми шагами по балкону.

— Да! Имѣй я талантъ Пушкина!—съ досадой воскликнулъ онъ.—Вотъ тотъ бы и изъ Михаила Филипповича съумѣлъ бы сдѣлать поэму! Да! вотъ это талантъ! А я что? Я, должно быть, въ жизнь свою ничего хорошаго не напишу!..

— А я такъ постичь не могу,—почти съ презрѣніемъ начала Варвара Петровна: — какая тебѣ охота быть писателемъ? Дворянское ли это дѣло? Самъ говоришь, что Пушкинымъ не будешь... Ну еще стихи... такіе какъ его... пожалуй, а писатель! что такое писатель? По моему écrivain ou gratte-papier est tout un! [1]). И тотъ, и другой за деньги бумагу мараютъ... Дворянинъ долженъ служить и составить себѣ карьеру и имя службой, а не бумагомараніемъ. Да и кто же читаетъ русскія книги? Опредѣлился бы ты на настоящую службу, получалъ бы чины, а потомъ и женился бы, вѣдь ты теперь одинъ можешь поддержать родъ Тургеневыхъ!

Иванъ Сергѣевичъ шутками отвѣчалъ на увѣщанія матери, но когда дѣло дошло до женитьбы, онъ громко расхохотался:

— Ну ужъ это, maman, извини—и не жди — не женюсь! Скорѣй твоя спасская церковь на своихъ двухъ крестахъ трепака запляшетъ, чѣмъ я женюсь [2]).

И какъ мнѣ тутъ досталось за то, что я не выдержала и разсмѣялась на эти слова!—Comment osez-vous rire quand il dit des bêtises! [3])—зашумѣла на меня Варвара Петровна.—И какія ты, Jean, глупости при ребенкѣ говоришь,—обратилась она къ сыну.

Но послѣ этого, я весь день не могла безъ смѣху видѣть Ивана Сергѣевича.

— А я такъ вотъ чего не пойму,—продолжалъ Иванъ Сергѣевичъ,—почему ты, maman, съ такимъ презрѣніемъ говоришь о писателяхъ?—было время, что вы всѣ барыни бѣгали за Пушкинымъ—сама ты любила и уважала Жуковскаго!..

— Ахъ, это совсѣмъ другое дѣло—Жуковскій!—какъ было не уважать его—ты знаешь, какъ близокъ онъ былъ ко Двору!

Еще болѣе уяснитъ воззрѣнія Варвары Петровны на русскую литературу слѣдующее.

Удостоила она наконецъ прочесть «Мертвыя Души».

— Ужасно это смѣшно!—похвалила она по-русски, —mais

[1]) Писатель и писецъ, одно и то же!
[2]) Подлинныя слова Ивана Сергѣевича.
[3]) Какъ смѣешь ты смѣяться, когда онъ говоритъ глупости.

à vrai dire je n'ai jamais lu rien de plus mauvais genre et de plus inconvenant [1]),—окончила она по-французски.

Между 1841 и 1846 годами Иванъ Сергѣевичъ лѣтомъ, каждый годъ, бывалъ въ Спасскомъ, но и зимой часто пріѣзжалъ къ матери въ Москву; здѣсь чаще другихъ посѣщалъ его покойный Тимоѳей Николаевичъ Грановскій.

Иванъ Сергѣевичъ занималъ комнаты на верху. Къ нему мнѣ всегда былъ свободный доступъ, и я всегда бѣгала туда, когда maman отдыхала или когда она занята была гостями. Грановскій меня всегда ласкалъ. Прибѣжала я разъ на верхъ; оба, хозяинъ и гость, что-то очень громко говорили, Иванъ Сергѣевичъ быстро ходилъ по комнатѣ и повидимому очень горячился. Я остановилась въ дверяхъ, Грановскій знакомъ подозвалъ меня и посадилъ къ себѣ на колѣни. Долго сидѣла я, почти притаивъ дыханіе, и сначала ничего не понимала; но потомъ слова: *крѣпостные, вольные, поселеніе, несчастные, когда конецъ?* и пр., слова, столь мнѣ знакомыя и такъ часто слышанныя, сдѣлали ихъ разговоръ мнѣ почти понятнымъ. Какъ теперь, такъ и тогда я не могла бы отчетливо передать все слышанное; но смыслъ былъ мнѣ ясенъ. Въ разговорѣ ихъ такъ сильно высказывались надежды на что-то лучшее, что и я будто чему-то обрадовалась.

Вдругъ Иванъ Сергѣевичъ точно опомнился и обратился ко мнѣ: — Ты задремала? ступай внизъ, ты вѣдь тутъ ничего не понимаешь; тебѣ спать пора.

— Нѣтъ поняла, — обидѣлась я, — моя Агашенька будетъ скоро вольная, да?

— Да, когда-нибудь,—задумчиво произнесъ Иванъ Сергѣевичъ, и при этомъ поцѣловалъ меня такъ, будто за что похвалилъ.

Въ одну изъ этихъ зимъ пріѣзжалъ въ Москву Листъ.

Одинъ изъ своихъ концертовъ давалъ онъ не въ дворянскомъ собраніи, а въ чьемъ-то частномъ домѣ.

Варвара Петровна, выѣзжавшая весьма рѣдко, захотѣла однако послушать великаго артиста. Съ нею поѣхалъ Иванъ Сергѣевичъ. Лѣстница, ведущая въ концертную залу, была высокая, а кресло на ремняхъ, на которомъ обыкновенно лакеи вносили ее на лѣстницы, не было взято. Ноги Варвары Петровны тогда уже пухли и были слабы; взойти такъ высоко и думать нечего было.

---

[1]) Но по-правдѣ сказать, никогда я не читала ничего болѣе неприличнаго.

Глаза Варвары Петровны сверкнули гнѣвомъ на недогадливыхъ лакеевъ.

— Я тебя внесу на рукахъ, maman,—сказалъ Иванъ Сергѣевичъ, и не дождавшись ни согласія, ни возраженія матери, моментально схватилъ ее на руки, какъ ребенка, внесъ на лѣстницу и поставилъ почти у входа въ залу. Многіе изъ публики были свидѣтелями этой сцены. Поднялся шопотъ удивленія и умиленія. Нашлись многіе, которые подходили къ Варварѣ Петровнѣ и поздравляли ее съ счастіемъ имѣть такого внимательнаго и нѣжнаго сына.

Должно быть, и сама она была этимъ очень довольна, потому что выговора лакеямъ за забытое кресло не послѣдовало.

Въ этомъ же году у Ивана Сергѣевича сильно болѣли глаза. Зрачки такъ уходили, что иногда видны были почти одни бѣлки. Онъ лечился и прикладывалъ къ нимъ компрессы изъ какой-то зеленой жидкости.

Каждое послѣ обѣда ложился онъ на диванъ, я подавала ему компрессы, и такъ повторялось мое послѣобѣденное сидѣнье возлѣ него; но уже сказки о голубомъ фазанѣ я не разсказывала. Иванъ Сергѣевичъ былъ не веселъ. Говорили мы съ нимъ потихоньку объ Агашенькѣ, о ея дѣтяхъ, о томъ, какъ всѣ боятся maman; разсказывала я ему свои дѣтскія печали и печали другихъ и часто совершенно невинно наводила на него грусть. При моихъ разсказахъ, онъ часто вздыхалъ и видимо страдалъ; я тогда не могла понять того, что его терзало полнѣйшее безсиліе кому-либо помочь, и съ жестокимъ эгоизмомъ ребенка наслаждалась тѣмъ, что онъ мучился такъ же какъ я. Никому другому я не смѣла ничего разсказывать. Нѣкоторыхъ своихъ гувернантокъ я боялась, да и не довѣряла имъ—при случаѣ, пожалуй, на меня maman донесутъ, а мнѣ и безъ того часто за *хохотъ* доставалось.

Весьма оригинально выражался Иванъ Сергѣевичъ о моихъ урокахъ.

Обыкновенно, когда онъ пріѣзжалъ, ему разсказывались мои, будто бы, необыкновенные успѣхи въ наукахъ, и главное въ языкахъ.

Похвалила ему разъ Варвара Петровна мое знаніе французскаго языка.

— Вѣрю, вѣрю,—отвѣтилъ онъ,—болтаетъ прекрасно, слова нѣтъ...

— И пишетъ безъ ошибокъ,—добавила maman.

— Ну этому ни за что не повѣрю; ужъ въ *партиципіяхъ* [1]) вѣрно сильно хромаетъ. Но впрочемъ не ты одна, — утѣшилъ онъ меня, всѣ русскія барыни и барышни въ этомъ повинны. Все хорошо, а какъ до *партиципіевъ* дѣло дойдетъ, ну и конецъ! ужъ гдѣ нибудь или лишній *s*, или *e* недостаетъ.

Другой разъ, — я была уже лѣтъ двѣнадцати, — наняли мнѣ англичанку. Говоря уже до этого хорошо по-французски и по-нѣмецки, я дѣйствительно очень скоро выучилась говорить по-англійски.

Пріѣхалъ Иванъ Сергѣевичъ. Опять показывались мои тетрадки, опять похвалы моимъ успѣхамъ.

Единственное, къ чему Иванъ Сергѣевичъ относился всегда иронически, это къ моимъ успѣхамъ. Онъ видѣлъ только внѣшнее, такъ сказать салонное мое образованіе, болѣе всего основанное на знаніи языковъ.

Въ одно утро Варвара Петровна не выходила еще изъ своей спальни, а я должна была уже приняться за уроки. Напалъ на меня шаловливый день, болтаю безъ умолку, не сажусь за дѣло. Добрая моя miss Blackwood никакъ со мной не сладитъ.

Вдругъ съ хоръ, надъ самымъ учебнымъ моимъ столомъ, раздался голосъ Ивана Сергѣевича:

— А вотъ хвалили твои успѣхи, — а я тебѣ скажу, что ты хотя и выучилась болтать по-англійски, двухъ очень важныхъ фразъ не знаешь: Be quite and hold your tongue [2]).

Я и притихла.

Потѣшно еще говорилъ онъ о моей игрѣ на фортепіано. Каждое утро должна я была играть гаммы.

Наслушавшись ихъ вдоволь, Иванъ Сергѣевичъ однажды выразился такъ:

— Люблю я слушать твои гаммы. Первая льется какъ быстрый ручей по гладкому дну, ни одного камня претквовенья! Вторая уже изображаетъ нѣкоторую негладкость дна. Третья встрѣчаетъ по дорогѣ камни — четвертая и пятая бѣжитъ точно по кочкамъ, а Fa majeur вполнѣ изображаетъ днѣпровскіе пороги! [3])

Съ какимъ восторгомъ вспоминаю я всегда его милыя насмѣшки надъ моими познаніями и талантами, съ какою любовью храню въ памяти каждое его слово.

---

[1]) Причастіяхъ (подлинныя слова Ивана Сергѣевича).

[2]) Сиди смирно и держи языкъ за зубами.

[3]) Почти слово въ слово. Сравненія всѣ подлинныя его.

За годъ до Пушкинскаго праздника, въ 1879 г., въ одномъ изъ своихъ писемъ къ нему, напомнила я ему все это и даже окончательно успокоила его на счетъ *партиципіевъ*, и увѣрила его, что при своей долгой учительской практикѣ вполнѣ *произошла сію премудрость*. При послѣднемъ нашемъ свиданіи, онъ очень смѣялся этому выраженію.

Передъ отъѣздомъ Ивана Сергѣевича за границу, въ 1846 году, въ Москву пріѣзжала г-жа Віардо.

Она давала концертъ. Варвара Петровна знала уже о привязанности сына къ семейству Віардо и конечно не любила его, но слушать артистку поѣхала. Концертъ былъ утренній. Пріѣхавъ домой, она очень разсердилась за то, что Иванъ Сергѣевичъ къ обѣду не вернулся. Сидѣла она все время насупившись и не произнесла ни слова. Къ концу обѣда, она сердито стукнула ножемъ по столу и будто сама съ собою говоря, ни къ кому не относясь, сказала:—А надо признаться, хорошо проклятая цыганка поетъ! [1])

Лѣтомъ 1845 года Варвара Петровна поѣхала въ Петербургъ съ цѣлью отклонить старшаго сына отъ брака съ Анной Яковлевной Шварцъ, уже давно въ тайнѣ отъ нея совершившагося. Изъ писемъ, хранящихся у меня, я вижу что 1 іюня и 23 іюля этого года она была тамъ.

До сихъ поръ я еще ничего не сказала о Николаѣ Сергѣевичѣ, старшемъ братѣ Ивана Сергѣевича.

Насколько наружность Ивана Сергѣевича со всею его аристократичностью была чисто русская, настолько Николай Сергѣевичъ былъ джентльменъ совершенно не русскаго, но англійскаго типа. Когда я прочла Джени-Эйръ, романъ такъ всѣхъ плѣнившій тогда, я не могла иначе себѣ представить Рочестера, какъ въ лицѣ Николая Сергѣевича. И не я одна, многіе дали ему это прозвище.

Братья всегда были дружны между собою. Но разница въ ихъ характерахъ была огромная. Я говорю, конечно, о нихъ въ ихъ домашней жизни.

Иванъ Сергѣевичъ отличался необыкновенно добродушнымъ, безобиднымъ юморомъ.

Николай Сергѣевичъ былъ насмѣшливъ, и хотя не былъ золъ, но не прочь былъ при случаѣ уколоть и даже язвительно подсмѣяться.

---

[1]) Подлинныя слова.

Иванъ Сергѣевичъ искалъ кому бы сдѣлать добро—Николай Сергѣевичъ не отказывался его сдѣлать при случаѣ или по просьбѣ. И мнѣ пріятно при этомъ упомянуть, что ко мнѣ лично послѣ смерти матери Николай Сергѣевичъ былъ очень добръ всегда.

Рѣчь Ивана Сергѣевича была не совсѣмъ плавная, онъ пришепетывалъ и иногда точно подъискивалъ выраженія, но всегда была она ласковая; какая-то сердечность сквозила въ каждомъ его словѣ; голосъ его былъ необыкновенно мягкій, симпатичный, а когда горячился, нѣсколько визгливый, но не рѣзкій. Слышавшій его разъ, никогда его не забудетъ.

Рѣчь Николая Сергѣевича была необыкновенно цвѣтиста и громка. Никого никогда не слыхала я говорящимъ такъ на всѣхъ языкахъ, какъ онъ.

Разсказывалъ онъ какъ никто. Зналъ языки въ совершенствѣ и выговаривалъ каждый, какъ свой родной.

Положимъ, что мы русскіе необыкновенно способны усвоивать правильный чистый выговоръ иностранныхъ языковъ, но не всѣ могутъ достигнуть такого совершенства, какъ Николай Сергѣевичъ. И главное замѣчательно то, что это было безъ всякой аффектаціи.

Часто приходилось мнѣ слышать его. Періоды его были чисто классической долготы. Въ разсказахъ своихъ онъ иногда вводилъ столько эпизодовъ и анекдотовъ, и всѣ эти отступленія умѣлъ превосходно связать съ цѣлымъ, никогда не теряя нити и не запутывая слушателя въ лабиринтѣ своей блестящей рѣчи.

Какъ бы много и долго ни говорилъ онъ, мы только всегда поражались и восхищались его необыкновенною способностью представить все такъ картинно и живо. Нѣкоторые его длиннѣйшіе разсказы были полны юмористичнаго — впрочемъ скорѣй насмѣшливаго, но блестящаго ума, и когда онъ умолкалъ, всегда хотѣлось сказать: «Ну, еще что-нибудь!»

Варвара Петровна не разъ говорила:—Я ошиблась именами своихъ сыновей; мнѣ бы Николушку назвать Иваномъ: онъ-то у меня и есть настоящій Іоаннъ Златоустъ.

При этомъ надо замѣтить, что краснорѣчивъ и пріятенъ былъ Николай Сергѣевичъ только въ своей семьѣ и при самыхъ близкихъ знакомыхъ. Въ обществѣ, и въ особенности въ дамскомъ, скучнѣе и несноснѣе я никого не видала.

Молчаніе и саркастическая улыбка на губахъ; неловкость и крайняя конфузливость въ обращеніи, вотъ что въ немъ видѣло общество.

Итакъ, Варвара Петровна поѣхала въ Петербургъ. Она была вполнѣ убѣждена, что онъ не женатъ, но до нея дошли слухи, что у него есть дѣти. Она пожелала ихъ видѣть, но въ домъ къ себѣ не пустила и велѣла ихъ пронести и провесть мимо своихъ оконъ по улицѣ, что́ и было исполнено.

Бабушка изъ окна посмотрѣла на нихъ въ лорнетку и замѣтила, что старшій мальчикъ напоминаетъ Николая Сергѣевича въ дѣтствѣ. Тѣмъ навсегда и ограничился ея разговоръ о дѣтяхъ.

Чтобы еще болѣе склонить сына расторгнуть свою, какъ она предполагала тогда, связь съ Анной Яковлевной, Варвара Петровна убѣждала его переѣхать въ Спасское и управлять всѣми ея имѣніями, тѣмъ болѣе, что съ деверемъ своимъ Николаемъ Николаевичемъ она уже не такъ ладила, а сыну обѣщала чуть не золотыя горы; но Николай Сергѣевичъ твердо отказался и объявилъ матери, что пока еще не желаетъ бросить своей нажитой семьи. Такъ и прожилъ онъ безвыѣздно въ Петербургѣ, службою и уроками содержа свою семью до 1849 года, когда, наконецъ, мать согласилась на его бракъ.

Великое горе постигло Николая Сергѣевича и его жену. Всѣ ихъ трое дѣтей въ одну зиму умерли, и съ тѣхъ поръ другихъ у нихъ не родилось.

Было у меня одно весьма грустное свиданіе съ Николаемъ Сергѣевичемъ. Я была уже замужемъ, мы долго съ нимъ не видались; сидя въ кабинетѣ его пречистенскаго дома я ему разсказывала о своей жизни, о своей семьѣ и о своей маленькой дочери, и когда я выразила ему свои опасенія потерять ее, онъ вдругъ всталъ и продекламировалъ мнѣ извѣстные стихи Виктора Гюго: L'enfant.

Когда онъ дошелъ до послѣднихъ строфъ:

> Seigneur, préservez moi, préservez ceux que j'aime,
> Frères, parents, amis; et mes ennemis mêmes
> Dans le mal triomphants,
> De voir jamais, seigneur, l'été sans fleurs vermeilles,
> La cage sans oiseaux, la ruche sans abeilles
> La maison sans enfants.

Онъ горько заплакалъ, почти зарыдалъ.

Очень мнѣ грустно было, что я своимъ разговоромъ навела его на печальное воспоминаніе о его собственныхъ умершихъ дѣтяхъ. Успокоившись немного, Николай Сергѣевичъ началъ мнѣ разсказывать о своихъ пережитыхъ тогда страданіяхъ, о послѣднихъ дняхъ и рѣчахъ своихъ дорогихъ малютокъ и кончилъ этими словами:

— On dirait que c'est la malédiction de maman, qui a amené mes enfants au tombeau [1]).

Въ ту же минуту воскресъ въ памяти моей эпизодъ съ портретами дѣтей его, и я въ свою очередь ему его разсказала.

По пріѣздѣ изъ Петербурга, Варварѣ Петровнѣ пришла фантазія потребовать у сына портреты его дѣтей.

Видя въ этомъ, какъ онъ и сознался послѣ, проблескъ нѣжности и возлагая на это даже нѣкоторыя надежды, Николай Сергѣевичъ не замедлилъ исполнить приказаніе матери.

Портреты были сняты и по почтѣ высланы въ Москву.

Пришло объявленіе на посылку изъ Петербурга. Варвара Петровна подписала довѣренность на полученіе и на другой день утромъ приказала подать себѣ ее въ спальню.

Андрей Ивановичъ внесъ маленькій ящичекъ, зашитый въ холстину.

— Разрѣжь и раскрой,—былъ отданъ приказъ.

Поляковъ исполнилъ, вынулъ нѣсколько листовъ бумаги, наложенныхъ сверху, и не успѣлъ еще вынуть лежащаго въ рамкѣ перваго портрета, какъ Варвара Петровна сказала:

— Подай!

Весь ящикъ былъ поданъ и поставленъ на столъ передъ нею.

— Ступай!.. дверь затвори.

Рядомъ съ Агашенькой стояла я въ смежной комнатѣ, притаивъ дыханіе... Что-то будетъ?

При этомъ скажу, что мы всѣ домашніе по первому слову, произнесенному Варварой Петровной при ея пробужденіи, всегда знали, въ какомъ она духѣ и каковъ будетъ день.

На этотъ разъ все предвѣщало грозу, и мы со страхомъ чего-то ждали.

Черезъ нѣсколько времени мы услыхали стукъ какого-то предмета, брошеннаго объ полъ, и звукъ разлетѣвшагося въ дребезги стекла.

Потомъ ударъ опять чѣмъ-то по стеклу и что-то съ силою брошенное объ полъ, и все затихло.

Конечно, мы догадались, что бросались и разбивались дѣтскіе портреты.

— Агаѳья!—раздался грозный голосъ Варвары Петровны. Агаѳья вошла. Барыня указала на полъ. — Прибери это, да смотри, чтобы стекла не остались на коврѣ.—Потомъ двинула на столѣ ящикъ...

[1]) Можно сказать, что проклятіе маменьки свело дѣтей моихъ въ могилу.

— Выбросить это,—добавила она.

Въ эту же зиму всѣ трое дѣтей умерли.

Ни прежде, ни послѣ, кромѣ переданнаго мною, никогда Варвара Петровна больше не упоминала о семействѣ Николая Сергѣевича, съ своей стороны и онъ никогда не дѣлалъ даже никакихъ попытокъ, чтобы тронуть сердце матери въ пользу ея внучатъ. Онъ слишкомъ хорошо зналъ мать, чтобы не понимать всю безполезность просьбъ и напоминаній о бѣдныхъ малюткахъ.

Какой бы эпизодъ изъ жизни, проведенной мною у Варвары Петровны, ни взялась я описывать, каждый изъ нихъ имѣетъ грустный, иногда даже мрачный оттѣнокъ. Но такова и жизнь вся наша была. Радостнаго было мало.

Кто не читалъ «Муму»? Кто не знакомъ съ ея владѣльцемъ Герасимомъ? Весь разсказъ Ивана Сергѣевича объ этихъ двухъ несчастныхъ существахъ не есть вымыселъ. Вся эта печальная драма произошла на моихъ глазахъ, и я надѣюсь, что нѣкоторыя подробности о томъ, какъ Герасимъ или, вѣрнѣе, *Нѣмой Андрей* попалъ къ намъ въ домъ, не будутъ лишены интереса.

Каждое почти лѣто Варвара Петровна *отправлялась по деревнямъ* (техническій терминъ), т.-е. предпринималась на долгихъ поѣздка въ имѣнія орловской, тульской и курской губерній. Съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаю я эти путешествія, которыя обыкновенно совершались въ нѣсколькихъ экипажахъ. Карета самой Варвары Петровны, коляска съ моей гувернанткой и главной камеръ-фрейлиной госпожи, кибитка съ докторомъ, кибитка съ прачкой и моей горничной и, наконецъ, кибитка съ поваромъ и кухней. Поѣздки эти были продолжительныя и длились иногда цѣлый мѣсяцъ. Варвара Петровна обозрѣвала свои вотчины, повѣряла своихъ управляющихъ, при себѣ совершала продажу хлѣбовъ, сохраняемыхъ на гумнахъ, которыхъ громадныя скирды были расположены такъ, что карета, запряженная четвернею въ рядъ, свободно между ними проѣзжала. При этомъ надо замѣтить, что на такое гумно хлѣбъ свозился изъ нѣсколькихъ вотчинъ для продажи съ одного мѣста.

Въ одну изъ такихъ поѣздокъ, пріѣхали мы въ Сычево, принадлежащее, кажется, и теперь племянницѣ жены Николая Сергѣевича, г-жѣ Маляревской. Деревня эта была верстахъ въ 25-ти отъ Спасскаго; оттуда привозились часто къ столу живыя стерляди и налимы, которыми изобиловалъ Сычевскій прудъ.

Подъѣзжая къ деревнѣ, Варвара Петровна и всѣ мы были

поражены необыкновеннымъ ростомъ одного пашущаго въ полѣ крестьянина.

Варвара Петровна велѣла остановить карету и подозвать этого великана.

Долго звали его издалека, наконецъ, подошли къ нему ближе, и на всѣ слова и знаки, которые къ нему относились, онъ отвѣчалъ какимъ-то мычаніемъ.

Оказалось, что это былъ глухонѣмой отъ рожденія.

Призванный сычевскій староста объявилъ, что нѣмой Андрей трезвый, работящій и необыкновенно во всемъ исправный мужикъ, несмотря на свой природный недостатокъ.

Но мнѣ кажется, что, исключая роста и красоты Андрея, этотъ недостатокъ, какъ придающій ему еще болѣе оригинальности, и плѣнилъ Варвару Петровну. Она тутъ же рѣшила взять *нѣмого* во дворъ, въ число своей личной прислуги и въ званія дворника. И съ этого дня онъ получилъ имя *Нѣмой*.

Какъ совершилось это, охотно ли промѣнялъ Андрей свою крестьянскую работу на болѣе легкую при барскомъ домѣ—не знаю. Да и будь я старше въ то время, я бы тоже, вѣроятно, не особенно остановилась на этомъ. Тогда это было настолько обыкновенно: вдругъ, ни съ того, ни съ сего, помѣщику вздумается крестьянина преобразить въ двороваго, или отдать его въ сапожники, въ столяры, въ портные, въ повара, иногда это считалось даже особенною милостью, и никто и не заботился узнать, желаетъ ли онъ или его семья такой перемѣны участи.

Точно такъ же и я тогда, при всей своей любви и жалости къ крѣпостнымъ, я даже и не подумала пожалѣть объ Андреѣ, такъ внезапно оторванномъ отъ родной почвы и родныхъ полей, и, только прочитавъ «Муму», разспросила я очевидцевъ и узнала, что онъ дѣйствительно сначала сильно грустилъ.

Да! Надо было имѣть ту любовь и то участіе къ крѣпостному люду, которыя имѣлъ нашъ незабвенный Иванъ Сергѣевичъ, чтобы дорываться такъ до чувства и до внутренняго міра нашего простолюдина! Узналъ же онъ, однако, что Нѣмой скучалъ и плакалъ, а мы всѣ даже и вниманія не обратили.

Но утѣшительно то, что Нѣмой, вѣроятно, не долго печалился, потому что до несчастнаго случая съ Муму, онъ былъ всегда почти веселъ и изъявлялъ въ особенности очень сильную привязанность къ барынѣ своей, которая, въ свою очередь, была къ нему особенно благосклонна.

Варвара Петровна щеголяла своимъ гигантомъ-дворникомъ.

Одѣтъ онъ былъ всегда прекрасно, и кромѣ красныхъ кумачныхъ рубашекъ никакихъ не носилъ и не любилъ; зимой кра-

сивый полушубокъ, а лѣтомъ плисовая поддёвка или синій армякъ.

Въ Москвѣ зеленая блестящая бочка и красивая сѣрая въ яблокахъ заводская лошадь, съ которыми Андрей ѣздилъ за водой, были очень популярны у фонтана близъ Александровскаго сада. Тамъ всѣ признали Тургеневскаго Нѣмого, привѣтливо его встрѣчали и объяснялись съ нимъ знаками.

Замѣчательно огромное, но совершенно пропорціональное съ его гигантскимъ ростомъ, лицо Андрея всегда сіяло добродушной улыбкой. Сила его была необыкновенная, а руки такъ велики, что когда ему случалось меня брать на руки, я себя чувствовала точно въ какомъ экипажѣ; и вотъ такимъ-то образомъ была я однажды внесена имъ въ его коморку, гдѣ я въ первый разъ увидала Муму. Крошечная собачка, бѣлая съ коричневыми пятнами, лежала на кровати Андрея. Съ этого дня все чаще и чаще доставалось мнѣ отъ Агашеньки за крошки бѣлаго хлѣба и кусочки сахара, которые она вытрясала изъ моего кармана. То были остатки лакомствъ, передаваемыхъ мною потихоньку Андрею по адресу Муму. Очень мы съ нимъ любили эту собачку!

Всѣмъ извѣстна печальная участь Муму, съ тою только разницей, что привязанность Андрея къ своей барынѣ осталась все та же. Какъ ни горько было Андрею, но онъ остался вѣренъ своей госпожѣ, до самой ея смерти служилъ ей, и кромѣ нея никого своей госпожей признавать не хотѣлъ.

Но прежде чѣмъ совсѣмъ проститься съ такъ хорошо намъ всѣмъ знакомымъ Герасимомъ, разскажу еще о немъ забавный анекдотъ.

Въ 1850 году, въ первый день Пасхи, особа, не пользующаяся расположеніемъ Варвары Петровны, вздумала подарить Нѣмому голубого ситцу на рубашку.

Раздѣлялъ ли Андрей нелюбовь своей барыни къ этой особѣ, или то была его привычка носить только красныя рубашки, но Нѣмой съ презрѣніемъ посмотрѣлъ на ситецъ, произнесъ единственный ему свойственный звукъ:—уфаа! и бросилъ ситецъ на прилавокъ.

Въ то время здоровье Варвары Петровны было уже очень плохо, и при ней находилась постоянно, въ качествѣ сидѣлки и экономки, вдова изъ дворянокъ, Александра Михайловна Медвѣдева.

Одною изъ обязанностей ея было, по вечерамъ, передъ сномъ растирать ноги Варвары Петровны; опухоль и боль, въ нихъ происходящая отъ приближающейся водяной, отъ которой и скончалась Варвара Петровна, не давала ей заснуть.

Въ этотъ же вечеръ Медвѣдева, зная, что этимъ, конечно,

угодить своей барынѣ, не преминула разсказать поступокъ Нѣмого съ ситцемъ.

Голосъ Варвары Петровны даже дрогнулъ отъ удовольствія.

— Неужели онъ это сдѣлалъ?—переспросила она.

Медвѣдева разсказала при этомъ и то, что Нѣмой показалъ на свою красную рубашку и выразилъ жестомъ, что *его барыня* много такихъ ему даетъ.

На другой день въ 9 часовъ утра раздался колокольчикъ; барыня проснулась, открыли ставни.

Камеръ-фрейлина вошла, подала, какъ всегда, умыться на постели и внесла столикъ съ налитою чашкою чая.

— Позвать Нѣмого!—сказала Варвара Петровна.

Горничная остолбенѣла.

— Я говорю Нѣмого позвать, слышишь?

Горничная вышла, недоумѣвая, однако рѣшилась позвать.

Сначала нашъ гигантъ введенъ былъ въ дѣвичью. Пошли доложить:—Нѣмой пришелъ.

— Сюда въ спальню, ко мнѣ его позвать; только умойте его.

Тутъ въ дѣвичьей Нѣмой выдержалъ такую чистку, какой онъ съ роду не видывалъ.

Дѣвушки, которыхъ было чуть ли не десятокъ, каждая съ еле-сдерживаемымъ смѣхомъ, старалась приложить руки къ наведенію блестящаго лоска на Андрея.

Наконецъ его умыли, причесали и даже голову намазали моей помадой.

Ему объяснили знаками, что ему предстоитъ явиться къ самой барынѣ.

Въ продолженіе всего своего туалета, Нѣмой кряхтѣлъ чуть не на весь домъ и радостно улыбался.

Варвара Петровна позвала меня и велѣла мнѣ подать ей голубую ленту. Позванъ былъ тоже и дворецкій.

— Красненькую!—произнесла Варвара Петровна, чтó у ней, еще не привыкшей считать на серебро, значило десять рублей ассигнаціями (3 руб. сер.).

Принесена была и красненькая. И наконецъ торжественно введенъ былъ Нѣмой.

Всѣ стаканчики, флаконы, чашки въ спальнѣ и уборной Варвары Петровны, все заходило и задребезжало отъ тяжелыхъ шаговъ Андрея.

Отъ удовольствія и радости онъ оглушительно мычалъ и смѣялся; какъ ни махала на него руками, чтобы его унять, главная горничная, вводившая его въ аппартаментъ госпожи, онъ только еще живѣе поматывалъ головою и наконецъ ввалился,

предварительно нагнувъ голову, чтобы не удариться о притолоку.

Варвара Петровна, благосклонно улыбаясь, одной рукой показала на ленту, представила, какъ онъ плюнулъ на подарокъ, а другую руку протянула ему съ красненькой.

Стоявшая тутъ горничная указала ему, что онъ долженъ поцѣловать у барыни ручку, что онъ и исполнилъ довольно неловко, какъ не часто допускаемый до такой чести.

Уходя, онъ показалъ пальцемъ на свою барыню и ударилъ себя въ грудь, что на его языкѣ значило, что онъ ее очень любитъ. Онъ ей даже простилъ смерть своей Муму!

Но замѣчательно, что послѣ трагическаго конца своей любимицы, онъ ни одной собаки никогда не приласкалъ.

Вотъ какъ случилось, что наша поѣздка въ Сычево дала впослѣдствіи Ивану Сергѣевичу матеріалъ для прекраснаго разсказа.

Точно такъ же въ одну изъ нашихъ поѣздокъ по деревнямъ, пріѣхали разъ мы въ Холодово.

Не мило было Варварѣ Петровнѣ это мѣсто по воспоминаніямъ. Тутъ прошло ея тяжелое дѣтство въ домѣ вотчима.

Старый, нежилой барскій домъ былъ почти заброшенъ; кое-гдѣ даже и стекла были выбиты.

Отдохнувъ немного съ дороги, Варвара Петровна пошла по всѣмъ комнатамъ,—я, разумѣется, съ нею.

Вошли мы въ узкую, длинную и довольно темную залу. Фамильные кое-гдѣ портреты по стѣнамъ непривѣтливо смотрѣли на насъ изъ своихъ почернѣвшихъ золоченыхъ рамъ. На возвышеніи, въ глубинѣ залы, стояла бѣлая колонна и на ней бюстъ Петра Ивановича Лутовинова, отца Варвары Петровны. Среди портретовъ почему-то замѣшалась Грёзова головка: дѣвушки съ голубемъ.

Изъ залы вышли мы въ коррйдоръ или смежную комнату, и меня поразила крестъ-на-крестъ досками заколоченная дверь.

Не успѣла я къ ней подбѣжать и рукою дотронуться до стариннаго мѣднаго замка, торчавшаго изъ-за досокъ, какъ Варвара Петровна схватила меня за руку:

— Не трогай! Нельзя! Эти комнаты проклятыя!

Никогда не забуду я ея голоса и лица при этомъ. Столько страха, ненависти и злобы выразилось въ нихъ! Не успѣла я опомниться, какъ она меня скоро, скоро потащила дальше.

Страхъ ея сообщился мнѣ. Что представилось мнѣ? не знаю;

но я рада была сама убѣжать отъ чего-то и все оглядывалась, не преслѣдуетъ ли насъ кто.

Позже я узнала, что забитыя двери вели въ бывшія комнаты ея вотчима, отъ котораго она такъ много выстрадала.

Тутъ же въ Холодовѣ видѣла я то кресло, на которомъ скончалась бабка Ивана Сергѣевича, заплативъ предварительно священнику за свою отходную.

Перебирая въ памяти моей жизнь и поступки Варвары Петровны, помня при этомъ ея любовь ко мнѣ и то, чѣмъ она была для меня, я позволяю себѣ опять сказать нѣсколько словъ въ ея защиту. Нѣкоторые ея поступки могутъ возбудить негодованіе; сама я, еще не выйдя изъ-подъ ея всеподавляющаго авторитета, часто осуждала ее и была наканунѣ борьбы съ нею; но она сама была озлоблена жизнью. А многіе ли послѣ гоненій и бѣдствій не ожесточаются?

Дѣтство и молодость ея были ужасны! Бракъ ея—и тотъ не далъ ей того, чего ищетъ въ немъ каждая женщина — любви. При своемъ умѣ она хорошо понимала, что ея красавецъ-мужъ любилъ не ее, а ея состояніе, что она была для него хорошая, выгодная партія. Женѣ своей Сергѣй Николаевичъ измѣнялъ весьма часто—и она это знала.

Дѣти ея—не обвиняю ихъ, тоже не отвѣчали ея честолюбію, не оправдали ея надеждъ.

Старшій женился противъ ея воли. Младшій сдѣлался «писателемъ», что́ въ ея глазахъ равнялось всякому оплачиваемому ремеслу. Что же имѣла она для своей интимной, личной жизни? Одно богатство и силу крѣпостного права!..

Славы своего сына она не видала. «Хорь и Калинычъ» едва ли возбудили ея восторгъ. Да она и не читала этого.

Еще въ 1845 году Иванъ Сергѣевичъ началъ и писать, и говорить матери о своемъ намѣреніи опять ѣхать за-границу. Варвара Петровна была этимъ очень недовольна и сильно отговаривала его отъ этого.

Весь этотъ годъ прожили мы въ Спасскомъ, и каждый семейный и годовой праздникъ ознаменовывался какимъ-нибудь событіемъ, свидѣтельствовавшимъ о дурномъ расположеніи духа Варвары Петровны.

Стремленіе Ивана Сергѣевича за-границу, вѣсти о Николаѣ Сергѣевичѣ и поѣздка къ нему, ссоры съ деверемъ, очень дурно повліяли на Варвару Петровну. Всѣ такія свои неудачи и непріятности она вымещала на всѣхъ окружавшихъ ее.

В. Житова.

ДЕНИ ДИДРО

1713—1784.

Опытъ характеристики.

Окончаніе.

IV [1]).

Въ числѣ оригинальныхъ противоположностей, изъ которыхъ сотканъ былъ весь характеръ Дидро, не послѣднее мѣсто занимаетъ контрастъ между лихорадочной подвижностью его натуры и привычками домосѣда. Этотъ человѣкъ, который вѣчно рвался впередъ, заглядывалъ вдаль,—долго не выѣзжалъ изъ предѣловъ Франціи, да и въ ней лучше всего зналъ, послѣ своей родины, Парижъ, и нѣсколько помѣстій своихъ друзей, гдѣ гостилъ иногда лѣтомъ. А между тѣмъ старая французская неподвижность, порожденная гордымъ сознаніемъ своей культуры, лучше которой нигдѣ не найдешь, уже уступала мѣсто частнымъ попыткамъ знакомства съ другими странами. Вольтеръ полъ-жизни кочуетъ по Европѣ, Монтескьё то появляется въ Италіи, то въ Вѣнѣ и Бѣлградѣ, то учится политической мудрости у англичанъ, Бомарше шутя переносится изъ Мадрида въ Лондонъ, изъ Амстердама къ австрійскому двору, и изъ вѣнской тюрьмы опять въ омутъ парижской жизни,—о колоніяхъ французовъ въ Берлинѣ, Женевѣ, Петербургѣ и говорить нечего. Но на Дидро вліяла не

---

[1]) См. выше: октябрь, 561 стр.

жества. и удовлетворявшему ея внутреннимъ потребностямъ [1]). Наконецъ стремленіе къ знанію и безпокойная пытливость передалась его дѣтямъ, и сынъ его Дмитрій, сначала усвоившій себѣ новую науку, увлекаясь возможностью принести пользу въ новомъ свѣтѣ, въ нетронутой средѣ, перешелъ въ католичество, и почти полъ-вѣка (1799—1840) провелъ въ глуши Делавара, проповѣдуя, строя школы, стирая съ себя всѣ остатки аристократизма и пытаясь вліять на паству въ духѣ первобытной простоты [2]).

Такова была полу-русская, полу-иноземная семья, гдѣ съ годами Дидро привыкъ находить радушный пріемъ, гдѣ его и снарядили въ путь въ далекую Россію, гдѣ онъ отдыхалъ на возвратной дорогѣ, и написалъ нѣсколько лучшихъ своихъ произведеній. Но на Голицынѣ слишкомъ ярко лежалъ отпечатокъ полу-парижанина, нѣсколько отвыкшаго отъ родной своей обстановки. Появленіе во французской столицѣ Дашковой показало Дидро образецъ умной русской женщины, усвоившей себѣ многое изъ круга новыхъ воззрѣній, казалось, смотрѣвшей на все независимо и оригинально, и въ то же время еще полной свѣжихъ впечатлѣній пробуждавшейся русской жизни. Она щеголяла тѣмъ, что ни съ кѣмъ не хочетъ сближаться въ Парижѣ, кромѣ Дидро, и завладѣвала имъ совершенно, увлеченная сама его бесѣдой и въ свою очередь подчинившаяся его безконечнымъ разспросамъ. Характеръ русскаго народа, главныя начинанія новаго царствованія, взгляды на воспитаніе, литературу, искусство, все обсуждалось тутъ, и конечно, Дашкова была постоянно на готовѣ, чтобъ не отстать отъ собесѣдника, не дать себя застигнуть врасплохъ и слишкомъ не разоблачить темныхъ сторонъ русской жизни. Разговоръ долженъ былъ коснуться крѣпостного права, чье существованіе было въ глазахъ искреннихъ энциклопедистовъ, въ родѣ Дидро, необъяснимымъ противорѣчіемъ съ оффиціальною программой автора Наказа. Дашкова сама позаботилась записать въ подробности этотъ разговоръ, въ которомъ она съ большою отвагой забросала Дидро тѣми мнимо-практи-

---

[1]) Гёте высоко ставилъ ее, какъ женщину, находя, что въ ней соединяется искренняя религіозность, любовь къ добрымъ дѣламъ и умѣренность, съ интересами къ философіи и искусству. Ея кружокъ въ Мюнстерѣ былъ предметомъ обстоятельныхъ монографій.

[2]) Память о немъ очевидно хранится и до сихъ поръ. Въ нью-іоркскомъ журналѣ „Harpers Monthly", 1883, августъ, можно найти рисунокъ его могилы. Онъ основалъ среди Аллеганскихъ горъ городъ Лорето съ монастыремъ и двумя школами, и неподалеку отъ него другой городокъ, названный его фамильнымъ именемъ (his name survives in the neighbour—town of Galizin).

ческими ссылками на непомѣрныя трудности осуществленія реформы и доказательствами довольства крестьянскаго населенія, которыя такъ часто пускались въ ходъ защитниками стараго порядка. Открытый недавно и напечатанный г. Бартеневымъ [1]) болѣе исправный и полный текстъ записокъ Дашковой несравненно характеристичнѣе прежнихъ редакцій (въ лондонскомъ и нѣмецкомъ изданіяхъ) обрисовываетъ впечатлѣніе, произведенное этими искусными доводами на Дидро. «Онъ пораженъ былъ мѣткостью моего объясненія и въ припадкѣ страстнаго увлеченія сказалъ» и т.-д.—такъ читали мы до сихъ поръ. Совсѣмъ иная картина представляется теперь. «Онъ вскочилъ со стула, точно движимый какою-то механической силой, послѣ сдѣланнаго мною небольшого очерка; принялся ходить большими шагами, и плюнувъ на полъ, почти гнѣвный проговорилъ, не переводя духа: Что вы за женщина! Вы колеблете во мнѣ мысли, которыя я питалъ и лелѣялъ въ продолженіе двадцати лѣтъ!» (Quelle femme vous êtes! Vous bouleversez des idées que j'ai chéries et nourries pendant vingt ans). Не пассивную уступчивость человѣка, тотчасъ сдавшагося на опроверженіе, видимъ мы тутъ, но глубокое недовольство и досаду на аргументы, разсѣять которые онъ не можетъ, не зная близко русскихъ условій, и сожалѣніе, что тѣнь сомнѣнія все-таки закралась въ его любимыя идеи; двадцать лѣтъ, какъ видимъ, думалъ онъ объ этомъ вопросѣ, вѣроятно, надѣясь дожить до торжества новыхъ идей и въ освобожденіи русскаго крестьянства, и теперь остановился въ недоумѣніи передъ доводами, которые приводила эта умная и сильно интересовавшая его женщина. Но онъ не сдался, и въ Петербургѣ снова попытался разспросить объ истинномъ положеніи дѣлъ. Въ богатомъ сборникѣ анекдотовъ, острыхъ словъ и любопытныхъ происшествій, составленномъ извѣстнымъ острякомъ прошлаго вѣка Шанфоромъ, намъ встрѣтился записанный очевидно изъ первыхъ рукъ разговоръ Дидро съ Екатериной о томъ же предметѣ. «Дидро, увидавъ въ Россіи особый классъ крестьянъ-рабовъ, называемыхъ мужиками, отличающихся страшной бѣдностью, изъѣденныхъ насѣкомыми и т. д., описывалъ императрицѣ ихъ состояніе въ ужасающей картинѣ. Она отвѣчала ему:—какъ же вы хотите, чтобъ они заботились о своихъ домахъ, когда они въ нихъ только жильцы» (comment voulez vous qu'ils aient soin de la maison, ils n'en sont que locataires) [2]). Вмѣсто указанія на настоятель-

[1]) Архивъ князя Воронцова, XXI.

[2]) Oeuvres choisies de Chamfort, publ. par Lescure, 1879, II, 50. Этотъ разсказъ взятъ изъ только-что найденныхъ бумагъ Шанфора.

ность и близость реформы онъ услышалъ только уклончивыя общія мѣста; доводы Дашковой повторялись здѣсь неразъ въ улучшенной формѣ, перешли и въ переписку Екатерины съ Дидро; русское крестьянство съ его довольствомъ и добрыми помѣщиками являлось и здѣсь, какъ и въ письмахъ къ Вольтеру, безсмѣнной тэмой. Отмолчался и графъ Минихъ, котораго онъ попробовалъ спросить о томъ. Дидро никогда не узналъ всей истины.

Какъ бы то ни было, русскія дѣла все сильнѣе начинали интересовать его; посредничество Голицына и Дашковой облегчало сношенія, письма Екатерины звучали необыкновенно любезно, и вскорѣ Дидро, незамѣтно для себя, сталъ чѣмъ-то въ родѣ негласнаго русскаго уполномоченнаго въ Парижѣ по дѣламъ литературы, искусства, театра. Онъ указывалъ картины для эрмитажа, спеціалистовъ по разнымъ отраслямъ, Фальконета для петровскаго памятника, Мерсье де-ла Ривьера (и очень неудачно) для поправленія русскихъ финансовъ, актеровъ для французской сцены въ Петербургѣ [1]) и т. д. Когда же, стараніями Голицына, состоялась извѣстная покупка библіотеки Дидро, эта щедрота наложила извѣстныя обязательства на нашего философа, онъ становился какъ бы своимъ человѣкомъ, на него уже имѣли права, и съ этой минуты неотступно повторяли приглашеніе показаться лично въ Петербургѣ.

Какая нужда была въ этой выпискѣ? Хотѣли ли позаимствовать у человѣка съ такимъ всеобъемлющимъ умомъ политической мудрости,—но радикализмъ его воззрѣній въ этой области былъ давно извѣстенъ по наслышкѣ, такъ что не нужно было вызывать его, чтобъ назвать потомъ его обычныя теоріи утопіями, сбыточными лишь въ отдаленной будущности, какъ это сдѣлала Екатерина. Да и Дидро не особенно охотно шелъ на роль законодателя, которую въ прошломъ вѣкѣ такъ охотно навязывали философамъ, спрашивая у нихъ готовыхъ рецептовъ для леченія польскихъ, русскихъ и другихъ немощей [2]). Или быть можетъ, имѣлось въ виду заручиться его совѣтами при образовательныхъ и педагогическихъ реформахъ,—но уставы воспитательныхъ домовъ, Смольнаго, кадетскихъ корпусовъ, и т. д. были уже разработаны домашними средствами, преимущественно

---

[1]) Въ его перепискѣ упоминаются сношенія его съ „Митрескимъ", набиравшимъ французскую труппу для Россіи. Не подлежитъ сомнѣнію, что это извѣстный Иванъ Аѳанасьевичъ Дмитревскій, товарищъ Волкова, „первый россійскій актеръ", неразъ ѣздившій за границу и знакомый съ Гаррикомъ, также близкимъ къ Дидро.

[2]) Есть слухъ, будто прежде Руссо корсиканцы обращались къ Дидро за конституціей.

Бецкимъ, и Дидро пришлось скорѣе пересмотрѣть, регушировать ихъ и приготовить къ изданію въ Голландіи; соображенія относительно университетской реформы были весьма мало приняты во вниманіе, а нѣкоторые взгляды Дидро на женское образованіе показались слишкомъ крайними. Къ тому же пріѣздъ его въ Петербургъ совпалъ съ пугачевскимъ возстаніемъ, охладившимъ въ значительной степени преобразовательное рвеніе, и на слишкомъ настойчивыя напоминанія о необходимости реформъ отвѣтомъ бывала ссылка на затруднительное положеніе, переживаемое страной. Такимъ образомъ, главнымъ поводомъ вызова Дидро въ Петербургъ являлось скорѣе любопытство увидать у себя наконецъ первокласснаго европейскаго писателя (остальные какъ-то все предпочитали сноситься издали: Вольтера нельзя было соблазнить ни Петербургомъ, ни *Таганрогомъ*, чей климатъ ему непомѣрно расхваливали; Даламберъ не сдавался даже послѣ долгой осады) и доставить себѣ удовольствіе умной бесѣды съ завѣдомо-геніальнымъ діалектикомъ. Дидро не подозрѣвалъ этого, наивно вѣрилъ въ успѣхъ своей проповѣди, высказывался весь; въ минуту слабости взялъ-было на себя кстати передать порученіе французскихъ дипломатовъ, но запутался въ политическихъ тонкостяхъ, и самъ посмѣялся надъ своей неудачей, мечталъ-было о возрожденіи Энциклопедіи, набрасывалъ уже проекты и записки о русскихъ дѣлахъ, — но эти старанія оказались безплодными, и пять мѣсяцевъ, проведенныхъ, по его же словамъ, въ постоянной работѣ, днемъ и ночью, были потрачены даромъ. Къ нему уже поприглядѣлись, особенности его ораторской манеры извѣдали; нужно было подумать объ отъѣздѣ. Тогда выражено было удивленіе,—отчего онъ такъ торопится, къ кому рвется назадъ? Къ семьѣ? Но зачѣмъ же не выпишетъ онъ всю семью въ Россію...

Много любезностей было высказано имъ въ глаза и заочно, въ перепискѣ, Екатеринѣ и нѣкоторымъ изъ образованныхъ русскихъ, которые отнеслись къ нему радушно (особенно Нарышкинымъ, пріютившимъ его у себя и обходившимся съ нимъ *по братски*). Въ этихъ комплиментахъ, конечно, слѣдуетъ отвести значительную долю тѣмъ условнымъ, на нашъ взглядъ преувеличеннымъ, тонкостямъ обращенія, которыя продержались во французскомъ обществѣ съ середины XVII вѣка до революціи; отъ нихъ не свободенъ былъ ни одинъ изъ передовыхъ писателей,—не только Вольтеръ, постигшій всѣ тайны этого жаргона, но и Руссо, который въ ранніе годы далеко не безуспѣшно умѣлъ сочинять изысканно вѣжливыя посланія. Многое въ от-

вывахъ Дидро было дѣйствительно искренно; послѣ тяжелыхъ впечатлѣній безсмысленной травли на энциклопедистовъ, и отголосковъ полу-грамотнаго и безучастнаго ко всему двора Людовика XV, эффектно обрисовывалась личность покровительницы, которой можно было открывать всю душу, бесѣдуя запросто, къ великой досадѣ придворной челяди, почти вслухъ роптавшей, когда затворялись передъ нею двери кабинета для философскаго tête-à-tête. Но и условныя любезности, и искреннее удивленіе не помѣшаютъ намъ разглядѣть въ конечномъ результатѣ путешествія недовольство. Еще передъ отъѣздомъ онъ проситъ друзей повременить до его возвращенія съ требованіями разсказовъ о Россіи; они должны ожидать отъ него пока лишь «общихъ мѣстъ». Проходитъ пять мѣсяцевъ, во время которыхъ онъ старался присмотрѣться ко многому, и онъ признается въ письмѣ къ г-жѣ Неккеръ [1]), что, не смотря на это, его свѣденія очень скудны,—и не по его винѣ: «Быть можетъ, вы предпочли бы, чтобъ я разсказалъ вамъ что-нибудь о Россіи, *но я не видалъ ее.* Я пропустилъ случай побывать въ Москвѣ, и нѣсколько раскаиваюсь въ этомъ. Петербургъ—только дворъ, безсвязная смѣсь дворцовъ и избъ, большихъ баръ, окруженныхъ *мужиками* и подрядчиками». Ему показывали только то, чтó хотѣли показать,—подобно тому какъ Вольтеръ узнавалъ почти всегда одну лишь положительную сторону русскихъ дѣлъ. Дидро кой-о-чемъ догадывался; въ томъ же письмѣ онъ намекаетъ на доходившіе очевидно до него слухи о суровомъ самоуправствѣ помѣщиковъ; противорѣчія между духомъ *Наказа* и дѣйствительностью, которую онъ засталъ въ Петербургѣ, вѣроятно, слишкомъ били въ глаза, потому что въ любопытной запискѣ, найденной Морисомъ Турнэ въ 1880 году въ Парижѣ [2]), онъ комментировалъ (по возвращеніи изъ Россіи) *Наказъ* и вызывалъ Екатерину категорически заявить, желаетъ ли она пойти по старому пути своихъ предшественниковъ или намѣрена оставаться вѣрной основнымъ идеямъ своей инструкціи. Она не получила этой записки при жизни философа, прочла ее много лѣтъ спустя въ числѣ бумагъ купленной ею библіотеки, и съ неудовольствіемъ отозвалась о вѣчныхъ фантасмагоріяхъ, наполнявшихъ голову этого празднаго мечтателя.

Но при всѣхъ этихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, Дидро ви-

[1]) Caro. La fin du dixhuitième siècle, 1880, I, „Diderot inédit", p. 332; неизданное письмо, сообщ. Оссонвилемъ.

[2]) „Diderot législateur", p. Maurice Tourneux, Nouv. Revue, 1881, сент., 33—52.

димо заинтересовался страной, куда случайно занесла его судьба, и обстоятельность иныхъ свѣденій, которыя ему удалось собрать, навела даже новѣйшихъ его издателей на мысль, не задумывалъ ли онъ написать подробный этюдъ о Россіи, ея строѣ, соціальныхъ и экономическихъ нуждахъ,—въ родѣ того, который онъ посвятилъ голландскому быту. Снова проявлялась въ немъ рѣдкая дѣловитость, въ годы Энциклопедіи облегчившая ему изученіе и описаніе различныхъ отраслей труда или формъ быта. До насъ дошло нѣсколько серій запросовъ, съ которыми онъ обращался къ императрицѣ и ея приближеннымъ (напримѣръ, президенту коммерцъ-коллегіи Миниху), желая имѣть точныя свѣденія о разнообразнѣйшихъ предметахъ, о заработной платѣ и ея отношеніи къ цѣнности съѣстныхъ припасовъ, о правахъ господъ надъ крѣпостными и предѣлахъ власти землевладѣльцевъ, о положеніи разныхъ отраслей торговли и промысловъ. Сбивчивые отвѣты, старавшіеся выставить положеніе дѣлъ въ розовомъ свѣтѣ, и почти всегда недостаточно полные, помѣшали, быть можетъ, ему осуществить задуманную работу. Но этимъ дѣло не ограничилось, и отъ экономическихъ вопросовъ онъ перешелъ къ національнымъ особенностямъ, и въ его разнообразныхъ *русскихъ* проектахъ замолвилъ слово за развитіе нашей науки, литературы, искусства. Недруги нашего сближенія съ западомъ, и тѣ, кажется, найдутъ только симпатичныя черты въ высказанныхъ имъ пожеланіяхъ. У *такого* выходца изъ Европы дѣйствительно можно было кой-чему научиться. Въ «Планѣ университета», т.-е. въ общей системѣ низшаго, средняго и высшаго образованія (Université употреблено здѣсь во французскомъ смыслѣ этого слова) русскому языку и литературѣ отводится почетное мѣсто; Дидро узналъ, какъ важно для изученія живого языка знакомство съ церковно-славянскимъ, и потому онъ дѣлаетъ его безусловно обязательнымъ; историческій курсъ долженъ точно также, по его мнѣнію, начинаться съ исторіи родной земли; нужды науки, едва укоренявшейся тогда на Руси, онъ выставляетъ на первый планъ, и какъ въ университетахъ желалъ бы видѣть русскихъ профессоровъ, совѣтуя передъ тѣмъ отправлять ихъ за границу, такъ онъ называетъ совершенно безполезною академію, которая состояла бы изъ иностранцевъ. Нѣкоторымъ отраслямъ науки онъ предрекалъ у насъ великую будущность; наша анатомическая школа, по его мнѣнію, могла бы стать во главѣ европейской медицины, еслибы съумѣла воспользоваться преимуществами климата, гдѣ морозъ, сковывая трупы, дольше сберегаетъ ихъ для изслѣдованія. Мо-

лодому русскому искусству онъ указываетъ самостоятельный путь, научая его избѣгать изнѣженности или лести, и служить только возвышающимъ цѣлямъ, увѣковѣчивая дѣйствительно благородныя дѣянія русскихъ гражданъ, и, быть можетъ, придетъ время, говоритъ онъ, когда всего мрамора Каррары недостанетъ для этого воздаянія истиннымъ заслугамъ [1]). Наконецъ, онъ оцѣнилъ значеніе русскихъ народныхъ пѣсенъ, съ которыми познакомили его Дашкова и особенно Бороздина, и совѣтовалъ разработкой этихъ мелодій оживить русскую музыку.

И его, и Вольтера увѣряли, будто въ ту пору вѣротерпимость въ Россіи была полнѣйшая. Повѣрилъ ли онъ этому? Очевидно нѣтъ, потому что, заговоривъ о богословскомъ факультетѣ и исходя отъ мысли, что слѣдуетъ «или совсѣмъ не имѣть священниковъ или же имѣть дѣйствительно хорошихъ», онъ высказываетъ желаніе, чтобы каждый годичный курсъ на богословскомъ факультетѣ завершался нѣсколькими лекціями о свободѣ совѣсти. Эта вѣра въ силу внушительнаго слова совершенно въ духѣ слишкомъ довѣрчиваго подчасъ Дидро,—она еще ярче сказывается въ другой частности университетскаго проекта, гдѣ онъ выражаетъ желаніе, чтобы четыре раза въ годъ всѣ профессора приносили присягу въ томъ, что они будутъ передавать своимъ слушателямъ только истину;—ему серьезно кажется, что эта присяга не обратится въ формальность, а будетъ вѣрнымъ средствомъ предохранить преподаваніе отъ рутины. Но и въ этихъ заботахъ о томъ, чтобы молодежи въ чуждой ему странѣ школа давала только здоровую умственную пищу, отразился живой интересъ къ дѣлу, далеко не похожій на безучастное выполненіе принятаго порученія. Не разъ возвращается онъ къ разъясненію необходимости завести для Россіи хорошія учебныя руководства на понятномъ русскомъ языкѣ, и для этого считаетъ недостаточнымъ поручать ихъ составленіе педагогамъ-ремесленникамъ. Слѣдуетъ пристыдить передовыхъ ученыхъ, привыкшихъ смотрѣть свысока на подобное занятіе, и потребовать учебниковъ отъ лучшихъ знатоковъ, напр., для математики отъ Даламбера и т. д.; впослѣдствіи, конечно, народится и своя, русская педагогическая литература. Эта точка зрѣнія проходитъ черезъ всѣ проекты Дидро; онъ высоко ставитъ самодѣятель-

---

[1]) Съ великимъ сочувствіемъ слѣдилъ онъ за выполненіемъ Фальконетова памятника Петру и обдумывалъ съ художникомъ малѣйшія частности: какъ Генрихъ IV во французской исторіи, такъ Петръ былъ всегда идеальной личностью въ глазахъ Дидро. Его сердило, что Вольтеръ остался ниже сюжета въ своей исторіи Петра.

ность русскихъ интеллигентныхъ силъ [1]) и ведетъ все къ ея пробужденію, западная же наука является у него всегда надежной помощницей и руководительницей въ этой работѣ.

Народное образованіе въ Россіи представляется ему въ формѣ даровой и обязательной школы, и онъ горячо возстаетъ противъ возраженій, которыя предвидитъ. Главный источникъ противодѣйствія отгадываетъ онъ въ крѣпостничествѣ; труднѣе будетъ помѣщикамъ удержать за собой власть, когда масса станетъ просвѣщенною. Зато онъ ищетъ опоры для народной школы въ городскомъ населеніи. Въ примѣчаніи къ «плану университета» онъ сочувственно отзывается о новой еще тогда реформѣ, обезпечивавшей городамъ нѣкоторое самоуправленіе, и отъ будущихъ муниципалитетовъ ожидаетъ серьезнаго содѣйствія народному образованію. Хорошіе законы и хорошая школа казались ему вѣрнѣйшими средствами обновить страну; нравы являлись прямымъ результатомъ духа законодательства и политическаго строя, и потому въ своихъ соображеніяхъ о способѣ выработки и изданія законовъ онъ высказывалъ иногда взгляды, которые, конечно, были въ духѣ автора Наказа, но непріятно дѣйствовали на Екатерину, какъ правительницу, близко знавшую практическую сторону дѣла. Первымъ же условіемъ широкаго развитія всѣхъ производительныхъ силъ страны Дидро считалъ обезпеченіе мира; «необходимо, чтобы народъ былъ вездѣ просвѣщенъ, свободенъ и добродѣтеленъ» (il faut que partout un peuple soit instruit, libre et vertueux),—это же достижимо только при прочномъ мирѣ. И Дидро, вѣроятно, развивавшій эти мысли и въ своихъ бесѣдахъ съ императрицей, еще откровеннѣе повторяетъ ихъ въ письмѣ, написанномъ уже въ Гагѣ. «Кровь тысячи враговъ не возвратитъ вамъ потери ни одной капли русской крови. Частыя побѣды придаютъ блескъ царствованіямъ,—но дѣлаютъ ли онѣ ихъ счастливыми?.. Да позволено мнѣ будетъ замѣтить, что если хорошіе реформаторы вездѣ встрѣчаются не часто, они въ особенности рѣдки въ тѣхъ странахъ, гдѣ они всего необходимѣе» [2]). Онъ возсылаетъ мольбы, чтобы отнынѣ

---

[1]) Les livres classiques bien faits et traduits en langue vulgaire, Votre majesté ne sera plus dans le cas d'appeler des maîtres étrangers. Ils se trouveront parmi ses propres sujets. Въ другомъ случаѣ эта мысль высказана еще опредѣленнѣе: Appeler des étrangers pour former une académie de savants c'est négliger la culture de sa terre et acheter des grains chez ses voisins. Cultivez vos champs et vous aurez des grains.

[2]) Сборникъ Русск. Историч. Общества, томъ XXXIII, письмо отъ 13 сентября 1774 года.

Екатерина занялась упроченіемъ мира, болѣе чѣмъ какимъ-либо другимъ дѣломъ,—и въ этомъ опять онъ шелъ въ разрѣзъ съ дальновидными политическими комбинаціями, требовавшими постоянной смѣны войнъ, тѣшившей національную гордость и тормозившей реформы. Это было съ его стороны и послѣдовательнѣе, и достойнѣе тактики Вольтера, который находилъ возможность ободрять къ продолженію и развитію войнъ, торжествовалъ каждый успѣхъ въ турецкой кампаніи, угодливо осмѣивалъ султана Мустафу, являвшагося у него чѣмъ-то въ родѣ героя комической оперы, не скупился на шовинистскія выходки и даже одно время носился съ своимъ изобрѣтеніемъ какихъ-то огнестрѣльныхъ колесницъ...

Но, вѣроятно, частыя напоминанія о пользѣ реформъ вызывали иногда у Екатерины нетерпѣливый и насмѣшливый вопросъ,—*что* бы сдѣлалъ самъ Дидро, еслибы власть была въ его рукахъ, какъ бы взялся онъ за это дѣло. Отвѣтомъ на это можетъ служить любопытный, недавно изданный набросокъ, озаглавленный «Sur le luxe» [1]; на немъ еще теперь лежитъ отпечатокъ вызвавшей его минуты. Екатерина поставила философу этотъ вопросъ въ присутствіи Гримма,—они только втроемъ сидѣли въ одной изъ дворцовыхъ комнатъ, и, желая посмѣяться, предложила передать ему хоть на самомалѣйшій срокъ власть правителя въ Россіи ли или въ какой-нибудь воображаемой странѣ. Дидро не затруднился этимъ, и, точно герой старой общеевропейской легенды, превратившійся за ночь изъ плебея въ знатнаго барина или герцога, вообразилъ себя — королемъ.

Нужно, однако, спѣшить дѣйствовать,—волшебство долго не продержится, и «Дени первый» рѣшаетъ на пробу заняться хотя какою-нибудь одною отраслью государственныхъ заботъ, напримѣръ, вопросомъ о роскоши. Онъ не хочетъ болѣе терпѣть въ своей странѣ того вида роскоши, который «служитъ личиной для народной бѣдности»; онъ набрасываетъ неприглядную картину французскаго общества, зараженнаго жаждой внѣшняго блеска, гдѣ люди держатъ нѣсколько экипажей и ни чему не учатъ своихъ дѣтей, гдѣ у знатныхъ дамъ много кружевъ и дорогихъ платьевъ, и нѣтъ рубашки на тѣлѣ,—онъ хотѣлъ бы, чтобы роскошь въ его царствѣ была «признакомъ общаго благосостоянія и развитого вкуса». Для этого онъ издастъ декретъ, распадающійся на цѣлыхъ восемнадцать статей, и подойдетъ къ цѣли, начавъ съ различныхъ сбереженій и сокращеній. Передъ

[1]) La politique de Diderot, Nouv. Revue, 1883, 1 septembre, 10—25.

нами развивается пестрая картина этихъ суетливыхъ преобразованій «короля на часъ»: онъ продаетъ свои личныя помѣстья, которыя не приносятъ ничего и поглощаютъ массу денегъ на ихъ поддержаніе; въ его конюшняхъ не стоятъ уже пять тысячъ лошадей,—онѣ всѣ проданы, и оставлено всего 100—200; домашній штатъ сокращенъ, списки пенсій вельможамъ пересмотрѣны и доведены до скромныхъ размѣровъ; расходы на войско, флотъ, посольства убавлены; церковь привлечена къ участію въ общихъ издержкахъ, взносы на нужды папы прекращены; откуповъ болѣе нѣтъ, налоги распредѣляются примѣнительно къ состоянію плательщика,—а въ будущемъ онъ сбирается обезпечить вѣротерпимость, независимость печатнаго слова, интересы торговли, изобрѣтеній. И ему грезится уже народный приговоръ: вездѣ, гдѣ бы онъ ни показался, его встрѣчаютъ привѣтствія, шумъ, крики: «да здравствуетъ Дени!»—онъ выходитъ изъ экипажа, его обнимаютъ; «онъ кончаетъ жизнь мирно, оплаканный всѣми,—а, быть можетъ, его побиваютъ камнями... Но что за бѣда,—надо же когда-нибудь умереть!»

Срокъ миновалъ, шутка кончилась, и недавній властитель снова возвращается къ своей роли мечтателя о лучшемъ общественномъ строѣ. Пересказанный набросокъ даетъ живое понятіе о той непринужденной формѣ, въ которую облекалась его рѣчь въ бесѣдахъ съ Екатериной; за остротой, риторической фигурой или мѣткимъ литературнымъ сравненіемъ всегда скрывалась серьезная мысль, и не грезы только, въ буквальномъ смыслѣ, развивалъ онъ передъ своей слушательницей. Быстрый ходъ событій во Франціи и обострявшіяся политическія отношенія научили многому и его, и онъ начиналъ уже вглядываться въ будущее, предчувствуя тревоги и стараясь придумать средства мирнаго перерожденія. Какъ видно изъ разныхъ мѣстъ его *русскихъ* бумагъ, онъ высоко ставилъ англійскую политическую систему, желалъ ея приложенія на родинѣ, видѣлъ и во Франціи людей, стоявшихъ въ уровень съ задачей, въ особенности Тюрго, тогда еще лиможскаго интенданта, и подъ этими впечатлѣніями старался передать свои взгляды и молодой русской средѣ.

Въ его проектахъ, разумѣется, дѣло не обошлось безъ странныхъ и неприложимыхъ измышленій, всегда неразлучныхъ съ слишкомъ сильнымъ подъемомъ творческой изобрѣтательности въ общественныхъ вопросахъ. Онъ вѣрилъ, напр., въ возможность производства опытовъ надъ улучшенной административной системой въ одномъ лишь, изолированномъ округѣ, который былъ бы порученъ опытному правителю,—въ распространеніе здоро-

выхъ нравственныхъ воззрѣній посредствомъ правительственныхъ указаній тѣмъ трагическимъ и комическимъ поэтамъ и лирикамъ (онъ допускалъ даже, что Екатерина дастъ указанія въ этомъ родѣ «своему посредственному Сумарокову», à votre médiocre Soumarokoff, и, быть можетъ, сдѣлаетъ его человѣкомъ) [1]. Въ его университетскихъ планахъ найдутся также, конечно, подробности спорныя и устарѣвшія наряду съ мѣткими соображеніями. Но совокупность усилій, потраченныхъ имъ для разработки различныхъ домашнихъ русскихъ вопросовъ, окончательно оттѣняетъ его добросовѣстное отношеніе къ новому для него дѣлу. Ради университетской программы, вездѣ обставленной подробными списками руководствъ и авторитетныхъ сочиненій, онъ долженъ былъ много перечесть и собрать пропасть справокъ у спеціалистовъ. Въ области точныхъ наукъ онъ старался указать новѣйшіе результаты изслѣдованій и опытовъ, и научить воспитывать молодые умы для самодѣятельности; въ литературной теоріи и критикѣ подѣлился тѣми воззрѣніями, которыя обезпечивали ему роль реформатора въ тогдашней словесности [2]. Въ политическихъ и общественныхъ вопросахъ, насколько можно было намѣтить ихъ значеніе во время краткаго пребыванія въ Россіи, при отсутствіи серьезной помощи, онъ указалъ нѣсколько существенныхъ нуждъ и былъ защитникомъ мира и реформъ. Нельзя сказать, чтобы это была дурная отплата за предложенное ему гостепріимство; въ выраженіи, встрѣчающемся въ его

---

1) Въ числѣ такихъ довольно неожиданныхъ у него соображеній одно, вѣроятно, придется по сердцу сторонникамъ переноса столицы изъ Петербурга; наряду съ необходимостью проведенія большихъ дорогъ, установленія сообщеній со всѣми частями имперіи, пріученія знати жить въ своихъ помѣстьяхъ и т. д., Дидро считалъ дѣломъ мудрымъ перенесеніе столицы куда-нибудь въ центръ государства, находя пограничный городъ съ его спеціально-оборонительной ролью непригоднымъ для этого.

2) Изученіе поэзіи онъ желалъ освободить отъ схоластическихъ пріемовъ; профессоръ въ теченіе курса долженъ представлять слушателямъ нѣсколько критическихъ разборовъ, разъясняя, напримѣръ, основы поэзіи и искусства, говоря имъ объ Истинномъ, Правдоподобномъ и Вымышленномъ, о необходимости изучать природу и подражать ей въ извѣстныхъ предѣлахъ. Отдѣльныхъ писателей онъ группируетъ своеобразно. Первымъ слѣдуетъ изучать Гомера, которому онъ считаетъ себя безконечно обязаннымъ. Простота и безъискусственность Гомера служитъ первою ступенью къ познанію истиннаго творчества. Въ кругу древнихъ и новыхъ писателей онъ преимущественно останавливается на тѣхъ, которые внесли существенное въ умственную сокровищницу человѣчества. Искренность и реализмъ заставляютъ его предпочесть Ѳеокрита Виргилію, Эсхила Эврипиду и т. д. То же мѣрило прилагаетъ онъ и къ французскимъ авторамъ, дѣлая строгій выборъ между ними и останавливаясь на правдивыхъ живописцахъ быта. Изученіе литературы замыкало у него курсъ и требовало предварительнаго всесторонняго развитія.

письмахъ, гдѣ онъ называетъ себя уже чуть не на половину русскимъ, можно видѣть нѣчто поискреннѣе банальнаго комплимента, столь обычнаго въ устахъ французскаго туриста, желающаго выказать свою отмѣнную свѣтскость.

Въ Петербургѣ съ нимъ разстались любезно, удвоили цифру путевыхъ издержекъ, которую онъ самъ назначилъ (вмѣсто 1,500 руб. дали три тысячи), обнадежили относительно предстоявшаго возобновленія Энциклопедіи, усадили въ какую-то диковинную карету, спеціально для этого заказанную, гдѣ онъ могъ обѣдать, спать, принимать гостей,—и онъ съ радостнымъ чувствомъ понесся назадъ, къ своимъ, о которыхъ не переставалъ тосковать; нигдѣ не хотѣлъ онъ останавливаться; когда въ Ригѣ ледъ на Двинѣ подломился подъ грузнымъ экипажемъ, даже это не особенно смутило его, и, настроивъ лиру, что съ нимъ бывало очень рѣдко, онъ воспѣлъ это траги-комическое событіе въ одѣ «sur le passage de la Douina». Только дружескій пріемъ Голицына и корректуры екатерининскихъ уставовъ могли задержать его на время въ Гагѣ, но онъ почувствовалъ себя снова счастливымъ, лишь увидѣвъ издали громады домовъ, куполовъ и башенъ Парижа и заслышавъ немолчный шумъ и движеніе міроваго города, своей настоящей стихіи. Къ нему вышли на-встрѣчу близкіе люди, и когда неясныя сначала очертанія дорогихъ ему лицъ стали, наконецъ, опредѣленнѣе, неисправимо чувствительный Дидро бросился вонъ изъ экипажа, начались дружескія объятія, и не мало слезинокъ пролито было въ честь этого свиданія.

Поѣздка въ Россію была теперь за спиной, и снова начиналась обычная парижская дѣятельность. Только-что пережитой эпизодъ, съ его новыми впечатлѣніями, неожиданно врѣзался въ ровную жизнь его среди родныхъ условій, привлекавшихъ несмотря на всѣ вынесенныя прежде невзгоды. Велики ли были результаты поѣздки, предпринятой такъ поздно и расшатавшей здоровье Дидро,—въ этомъ онъ могъ вскорѣ отдать себѣ отчетъ. Проекты его остались на бумагѣ; лучшія, страстныя рѣчи были произнесены лишь съ тѣмъ эффектомъ, который производитъ виртуозное исполненіе художественной вещи; изъ переизданія Энциклопедіи ничего не вышло. Въ практическомъ отношеніи его жизнь также вовсе не улучшилась. Если всегда выносишь странное впечатлѣніе, видя, какъ человѣкъ, совершенно лишенный дѣлового чутья, не привыкшій цѣнить денегъ, неожиданно принимается за мнимо-тонкія соображенія и выкладки,—то одно изъ писемъ Дидро, отправленное домашнимъ подъ конецъ путеше-

ствія, можетъ служить этому новымъ, нагляднымъ примѣромъ. Обращаясь на этотъ разъ къ своей женѣ, скопидомкѣ и хозяйкѣ (а не къ матери, какъ почему-то полагаютъ нѣкоторые; матери его тогда не было въ живыхъ), онъ хочетъ какъ будто посвятить ее въ тонкія финансовыя соображенія, которыя покажутъ ей, что поѣздка можетъ оказаться полезной и въ матеріальномъ отношеніи. Но все это такъ непохоже на него и выходитъ такъ наивно, что невзначай проявившаяся заботливость объ обезпеченіи на черный день не приводитъ ни къ чему, тѣмъ болѣе, что его все время гложетъ мысль, какъ бы не сочли его искательнымъ. Онъ шелъ на новый рискъ, сбираясь опять надолго закабалить себя въ издательскую работу; прошлое достаточно научило его, чтобы съ возобновленіемъ Энциклопедіи ему представились новыя преслѣдованія и тревоги; онъ завелъ поэтому рѣчь о томъ, поддержатъ ли его въ случаѣ какихъ-либо «операцій» французскаго правительства. Его обнадежили на словахъ. Съ этимъ онъ вернулся въ Парижъ и опять забрался на свой пятый этажъ, въ прежнюю скромную квартирку (гдѣ прожилъ тридцать лѣтъ), изъ которой переѣхалъ по желанію Екатерины въ болѣе нарядное помѣщеніе лишь за нѣсколько дней до смерти.

V.

Уже въ «планѣ университета» сказался переломъ въ господствующихъ воззрѣніяхъ Дидро, давно уже надвигавшійся. Всѣ его старанія направлены къ тому, чтобъ, не разрывая связи общаго развитія юношества съ областью литературы и искусства, сдѣлать въ то же время невозможнымъ одностороннее филологическое или эстетическое образованіе. «Въ геометріи, говорилъ онъ, каждая теорема заканчивается словами—*что и требовалось доказать*; всякое разсужденіе, которое мы излагаемъ либо въ устной рѣчи, либо на письмѣ, должно бы заканчивать тѣмъ же способомъ, и каждый изъ насъ долженъ умѣть отстоять то, чтó утверждаетъ». Широкое примѣненіе математики къ потребностямъ программы оправдывалось у него ссылками на блестящіе примѣры, въ особенности на Даламбера, рано развившаго такимъ путемъ свои способности. За математикой слѣдуетъ естественная исторія и химія; вездѣ видна забота, чтобъ изученіе «словъ» (т.-е. языковъ) не заслоняло изученія «фактовъ». Человѣкъ, не только такъ думавшій, но и догматически устанавливавшій основы подобныхъ воззрѣній, очевидно, разставался уже съ своими литературными

привычками и переходилъ на другое поприще, къ болѣе трезвой и положительной дѣятельности. Дѣйствительно, Дидро все рѣже пробуетъ свои силы въ прежнихъ родахъ творчества; ода, драма, повѣсть почти покинуты имъ, — къ тому же онъ уже какъ-то отвыкъ отъ публичности. Прошли тѣ годы, когда, понявъ его популярность, издатели и разнощики-книгоносцы, промышлявшіе запретнымъ товаромъ, ловили у него на лету каждую брошюру или повѣсть; теперь они громко жаловались на его лѣнь, мѣшающую имъ заработать деньги. Сложена была даже и была въ ходу пѣсенка, составленная изъ діалога Дидро съ такимъ разнощикомъ; послѣдній комически сѣтуетъ на то, что Энциклопедія по своему объему совсѣмъ не годится для распространенія изъ-подъ полы,—а между тѣмъ и въ ней *есть* пребойкія вещи, которыя славно бы сошли съ рукъ [1])...

Но разрывъ съ творчествомъ осуществился не сразу. Въ двойственной натурѣ Дидро наряду съ положительными стремленіями къ научной трезвости никогда не вымирала эстетическая сторона, и когда онъ дѣйствительно не бралъ уже пера въ руки иначе, какъ для естественно-историческихъ изслѣдованій, его рѣчь, полная импровизацій и образовъ, все еще говорила о неугасшемъ вдохновеніи. Послѣ возвращенія изъ Россіи онъ въ послѣдній разъ увлекся литературными замыслами и, по его выраженію, написалъ нѣсколько «очень забавныхъ вещицъ». Такъ скромно называетъ онъ своего «Племянника Рамо», окончательно отдѣланнаго въ эту пору, и начало романа «Жакъ-фаталистъ», которое, повидимому, задумано было во время путешествія, да и по сюжету вращается на темѣ о странствіяхъ и дорожныхъ приключеніяхъ. Оба произведенія казались ему только забавными вещицами, и дѣйствительно полны веселости,—но сквозь остроумную оболочку первой изъ нихъ пробились черты глубокой общественной сатиры, а въ «Жакѣ» Дидро обнаружилъ разительнѣе, чѣмъ когда либо, богатые задатки истиннаго романиста.

---

[1]) Chansonnier historique du dix-huitième siècle, publ. par Emile Raunié, 1882, VII volume, chanson„ L'encyclopédie", pp. 201—203. Разнощикъ, говоря объ Энциклопедіи, сѣтуетъ о томъ, что ея форматъ слишкомъ неподкладистъ:

Si sa taille était plus petite,
J'en reprendrais incognito,
Car il a, dit-on, le mérite
De ce qu'on vend sous le manteau.
J'y voudrais pourtant une chose,
C'est qu'il eut été défendu;
Pour cela seul, sans autre cause,
Il serait alors bien vendu.

Кто читалъ «Салоны», тотчасъ узнаетъ то же перо и въ этомъ романѣ; безпрестанная смѣна предметовъ, отступленія и эпизоды, появленіе самого автора и собесѣдованіе его съ читателемъ и выводимыми лицами,—все это повторяется и здѣсь еще непринужденнѣе. Но романъ не водится безъ героя,—вы ищете его, и сотни характеровъ, прошедшихъ передъ вами, тѣснятся и напрашиваются на эту роль, — а откуда-то слышится добродушный смѣхъ. Это тѣшится надъ общимъ недоумѣніемъ авторъ. Герой его романа — онъ самъ; у него были свои счеты съ самимъ собой, и теперь онъ ихъ сводитъ. Всю жизнь анализируя свой характеръ, онъ томился не разъ избыткомъ чувствительности, отражавшейся въ патетическихъ рѣчахъ, быстрыхъ восторгахъ, объятіяхъ, слезахъ; при каждомъ случаѣ старался онъ предостеречь другихъ отъ этого недуга, затуманивающаго вѣрный взглядъ на жизнь, и потомъ незамѣтно самъ подпадалъ ему. Но ничто не можетъ такъ отрезвить человѣка въ состояніи разлада съ самимъ собою, какъ возможность созерцать свое подобіе, и въ его болѣзненныхъ странностяхъ, какъ въ зеркалѣ, видѣть отраженіе своихъ привычекъ. Дидро давно уже, иронизируя надъ собой, любилъ сравнивать себя съ Донъ-Кихотомъ, вѣчно возбужденнымъ, живущимъ въ призрачномъ мірѣ. Но судьба послала ему не книжную только, а живую копію въ лицѣ извѣстнаго англійскаго юмориста Лоуренса Стерна. Популярность автора *Тристрама Шанди* и *Сентиментальнаго Путешествія* была, можетъ быть, еще значительнѣе въ Парижѣ, чѣмъ на его родинѣ. Онъ былъ постояннымъ посѣтителемъ салоновъ, соперничая въ популярности съ другимъ баловнемъ, Давидомъ Юмомъ; его выходки и остроты передавались изъ устъ въ уста; произведенія его привлекали оригинальностью. Дидро сошелся съ нимъ.

То была необыкновенно нервная, впечатлительная натура, быстро охватываемая чувствомъ, — но чувствительность его не напоминала благонамѣренной сантиментальности Ричардсона (нѣкогда тоже любимца Дидро), который могъ быть образцовымъ хозяиномъ типографіи, исправно работать у станка, и въ то же время сочинять трогательные романы. Стернъ весь вѣкъ точно на иголкахъ, отъ одного аффекта переходитъ къ другому; то онъ слишкомъ веселъ, то вдругъ на него находитъ мрачная меланхолія, отъ которой онъ готовъ распрощаться съ свѣтомъ; такого болѣзненно-щекотливаго организма и не встрѣтишь. Онъ подвластенъ былъ сплину и тогда погружался въ плачевныя размышленія о себѣ и о другихъ, — и такъ до перваго луча солнца, который, озаривъ все вокругъ, прояснитъ и душу. Тогда

его воображеніе переходило къ такимъ сальто-мортале, неожиданнымъ шаловливымъ капризамъ и чуть не шутовскимъ выходкамъ, что недавнее уныніе разомъ превращалось въ вакханалію. Понявъ отчасти, до какой степени эта сторона характера можетъ заинтересовать читателя, и съ умысломъ разрабатывая ее въ себѣ, Стернъ въ то же время по большей части отдавался безсознательно влеченіямъ своей полубольной натуры и отразился въ своихъ романахъ и проповѣдяхъ (которыя тоже походили на страницы изъ какого-нибудь пикантнаго романа) со всѣми причудами своей фантазіи, постоянно играя вниманіемъ читателя, удивляя новизной, то плача, то улыбаясь, то мастерски пуская въ ходъ ѣдкую насмѣшку, вѣчно анализируя притомъ свои ощущенія и давая заглянуть въ лабораторію его ума, гдѣ мелькаютъ, сталкиваются и сплетаются всевозможныя мысли.

При значительныхъ чертахъ сходства, Дидро, конечно, не былъ вторымъ Стерномъ. Англійскому юмористу недоставало ни глубокаго развитія, ни руководящей роли въ общественномъ движеніи; служеніе своей личности часто заслоняло отъ него заботы о благѣ массы, которое у Дидро всегда на первомъ планѣ. Политическаго чутья у него было немного; и еслибъ пришлось зачислить его въ опредѣленную философскую школу, слѣдовало бы назвать его оптимистомъ; въ свѣтлыя минуты все кажется ему прекраснымъ и онъ готовъ обнять весь міръ. Только въ пароксизмѣ унынія подходитъ онъ къ вѣрному пониманію вещей, и тогда у него вырываются порою искреннія и глубоко захватывающія слова протеста.

Таковъ былъ человѣкъ, въ чьей вѣчно-трепещущей, возбужденной индивидуальности Дидро подчасъ могъ узнавать себя и свои слабости. Постепенно у него сложилась мысль пройти хоть разъ Стерновскимъ путемъ, усвоивъ себѣ всѣ капризы его писательской манеры, посмѣяться надъ ея излишествами и косвенно дать добрый урокъ и себѣ. У писателей съ сильно выработаннымъ сатирическимъ элементомъ бываютъ такіе возвраты на самого себя, порывы самобичеванія. «Жакъ Фаталистъ» играетъ именно такую роль въ творчествѣ Дидро. Онъ въ то же время— и подражаніе Стерну, переходящее въ пародію,—въ построеніи сюжета и характерахъ дѣйствующихъ лицъ видно вліяніе Донъ-Кихота, — но вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ сберeглись любопытныя автобіографическія черты.

Трудно сказать, есть ли опредѣленное содержаніе въ этомъ романѣ; въ немъ скорѣе безчисленное множество отдѣльныхъ сюжетовъ, которые къ тому же разработаны не подъ рядъ, въ видѣ

цѣлыхъ эпизодовъ, а появляются по временамъ, снова исчезаютъ, чтобъ раздразнить любопытство читателя, и возвращаются на мгновеніе, подвигая дѣйствіе впередъ на микроскопическое разстояніе. Два центральныхъ лица, слуга Жакъ и его господинъ (самый романъ повидимому сначала долженъ былъ называться «Jacque et son maître), странствующіе безъ цѣли, куда глаза глядятъ, образуютъ слабую связующую нить вереницы приключеній и разсказовъ. Въ нихъ, конечно, отразились безсмертные образы Ламанчскаго рыцаря и его оруженосца, только приближенные къ нашему времени и перенесенные въ среду, чуждую рыцарства и по преимуществу буржуазную. Отношенія между господиномъ и слугой совершенно особенныя, почти равныя, такъ что одинъ изъ нихъ прислуживаетъ другому скорѣе по добровольному согласію, и совсѣмъ не изъ-за денегъ. У нихъ все общее, и вкусы, и привычки; оба очень вспыльчивы и упрямы; изъ столкновенія ихъ характеровъ происходятъ иногда потѣшныя сцены, когда ни одна сторона не хочетъ уступить,—«ты спустишься внизъ съ бутылкой», кричитъ одинъ, «не спущусь» настаиваетъ другой (tu descendras,— je ne descendrai pas), пока не вмѣшивается хозяйка, уговорившая наконецъ Жака сдаться,—но едва дошелъ онъ до двери и оглянулся, какъ господинъ его бросился къ нему, заключилъ его въ свои объятія, а кстати обнялъ и смазливую хозяйку. Зато, когда Жакъ боленъ, его баринъ не спитъ по ночамъ, ухаживаетъ за нимъ и подаетъ лекарство. Оба они словоохотливы и въ свою очередь любятъ, чтобъ и другіе разсказывали имъ всякія диковинныя происшествія. Оба падки на сердечныя приключенія, и, какъ пожившіе люди, не прочь припоминать при случаѣ анекдоты въ этомъ родѣ съ черезчуръ крѣпкимъ букетомъ. Они столько видѣли и наблюдали на своемъ вѣку, что у Жака выработался своеобразный фатализмъ, который онъ постарался передать и своему спутнику. Онъ представляетъ себѣ жизнь безбрежнымъ моремъ случайностей, по которому его безпорядочно носитъ судьба. «Такъ было рѣшено свыше» (il était écrit là haut), вздыхаетъ онъ, когда его неожиданно метнетъ куда-нибудь въ сторону,— и по временамъ онъ нарочно принимается вычислять естественныя послѣдствія какого-нибудь происшествія, увѣренный, что и тутъ судьба подсмѣется надъ нимъ и пошлетъ совершенно противоположныя случайности.

Стоя за кулисами, авторъ пользуется этимъ, чтобъ въ духѣ Стерна забавляться изумленіемъ и нетерпѣніемъ читателя; чувствительная сцена неожиданно обрывается самымъ прозаическимъ образомъ или уступаетъ мѣсто смѣшному приключенію. Точно

перебивая своего Жака, Дидро поддразниваетъ самъ своего читателя; онъ конечно, увѣренъ, что теперь пойдутъ такія-то сцены, и уже придумалъ развязку,—ничуть не бывало, весь ходъ дѣйствія будетъ совершенно обратный,—и тотчасъ же какое-нибудь новое дѣйствующее лицо съ трескомъ и эффектомъ появляется на первомъ планѣ. Разсказы странниковъ слѣдуютъ одинъ за другимъ въ поразительномъ обиліи; источникъ ихъ неистощимъ у обоихъ. Для разнообразія введены по временамъ подробности самого пути, гдѣ поневолѣ имъ приходится сталкиваться со всевозможнымъ людомъ. Видное мѣсто въ романѣ занимаетъ описаніе долгой остановки путниковъ въ деревенской гостинницѣ подъ вывѣской «Большого Оленя». Вся эта гостинница, начиная съ хозяйки, еще красивой, бойкой и остроумной, и кончая гостями, обрисована въ духѣ «Сентиментальнаго Путешествія»; какъ здѣсь, такъ и вездѣ въ романѣ выступаетъ французская жизнь середины прошлаго столѣтія въ живыхъ бытовыхъ чертахъ. Стремленіе въ правдѣ окончательно взяло верхъ у Дидро надъ изліяніями чувствительности, которыя еще не задолго передъ тѣмъ, въ его драмахъ, нарушали естественность изложенія. И надъ этимъ онъ теперь посмѣялся. Хозяйка гостинницы, увлекаясь начатымъ его разсказомъ, входитъ въ психологическія тонкости и начинаетъ выражаться отборнымъ слогомъ. «Ты не замѣтилъ ничего, Жакъ? спрашиваетъ его господинъ, когда она вышла изъ комнаты.— Чего же именно.—А вѣдь эта женщина разсказываетъ гораздо лучше, чѣмъ можно ожидать отъ хозяйки корчмы»... Когда старшему изъ путниковъ, котораго Дидро надѣлилъ чуткимъ литературнымъ вкусомъ, приходится въ разговорѣ касаться вопроса о слогѣ и изложеніи, чувствуется окончательный разрывъ автора со всѣмъ, что еще уцѣлѣло отъ прежней патетической манеры. Нужно говорить онъ, искать опоры лишь въ правдѣ (la vérité), какъ это дѣлали Мольеръ, Реньяръ, Ричардсонъ, Седэнъ; въ ней всегда найдешь мѣткія краски,—если только надѣленъ талантомъ. Въ назиданіе же бесталаннымъ писателямъ, которые вымучиваютъ изъ себя свои творенія и создаютъ ложь и жеманство, онъ приводитъ разсказъ о молодомъ и бездарномъ стихотворцѣ, который принесъ ему на показъ невозможныя вирши; убѣдившись, что онъ никогда не будетъ въ состояніи написать что-нибудь сносное, онъ посовѣтовалъ юношѣ сѣсть на корабль и отправиться въ Пондишери, запасшись небольшимъ грузомъ драгоцѣнныхъ камней. Черезъ двѣнадцать лѣтъ путешественникъ вернулся богачемъ,—хотя въ тайнѣ не переставалъ кропать стихи.

Но устанавливая культъ реализма, Дидро хочетъ обезпечить себѣ вмѣстѣ съ тѣмъ свободу дѣйствій. Неразъ онъ заставляетъ читателей вмѣшиваться и при каждой недомолвкѣ спрашивать: а куда пошли теперь эти люди? Зачѣмъ они сдѣлали то или другое? — И онъ ворчливо имъ отвѣчаетъ: «вы уже второй разъ мнѣ задаете этотъ вопросъ, и я снова вамъ скажу: что вамъ за дѣло? Вѣдь какъ я примусь разсказывать вамъ подробности, проститесь съ исторіею о любовныхъ похожденіяхъ Жака». Иной разъ его, напротивъ, забавляетъ придумать, во что бы превратился его разсказъ въ рукахъ другого романиста, и онъ принимается изобрѣтать дальнѣйшія сцѣпленія происшествій, по обычаю безпечно тратя свою находчивость на планы и экспозицію романовъ, которые никогда не будутъ написаны. Но и въ этихъ фиктивныхъ планахъ онъ постарается избѣгать однообразія темъ, которыя у всѣхъ поэтовъ непремѣнно сводятся къ любви. «И такъ, читатель, вамъ нужны опять любовныя сказки? Вѣдь я ужъ разсказалъ, одну, двѣ, три, четыре такія сказки, нѣсколько другихъ васъ еще ожидаютъ. Это ужъ очень много. Впрочемъ съ другой стороны, если разъ пишешь для васъ, нужно или обходиться безъ вашихъ рукоплесканій, или поставлять подходящій товаръ. Всѣ ваши повѣсти въ стихахъ и прозѣ—любовныя сказки; почти всѣ ваши поэмы, элегіи, идилліи, комедіи, трагедіи, оперы—любовныя сказки,—и чуть ли не всѣ картины и статуи. Вамъ отведена эта пища съ тѣхъ поръ, какъ вы существуете, и она вамъ все еще не надоѣла. Васъ выдерживаютъ на этой діэтѣ, и долго еще будутъ держать, и мужчинъ и женщинъ, малыхъ дѣтей и взрослыхъ младенцевъ, и вы все будете терпѣть. По-истинѣ это просто непостижимо»! Въ своихъ бытовыхъ очеркахъ онъ старается поэтому избирать краски изъ другихъ сферъ жизни. Его героями будутъ типическіе ханжи-монахи, разбогатѣвшіе и простоватые крестьяне, авантюристы въ родѣ «Племянника Рамо» (превосходный образчикъ которыхъ обрисованъ имъ съ натуры въ лицѣ неотвязчиваго и безстыднаго monsieur Gousse, хладнокровно и даже философски обирающаго ближнихъ), хвастливые дуэлисты; у него выступитъ самоуправство, невѣжество и надменность руководящихъ общественныхъ слоевъ, стоявшихъ почти наканунѣ переворота; среди этого общаго нравственнаго паденія онъ останавливается вдругъ съ особеннымъ вниманіемъ на изученіи трагическаго столкновенія, порожденнаго этой нездоровой атмосферой. Такова «Исторія госпожи де-ла-Поммерэ и маркиза Des-Arcis», пространно пересказанная хозяйкой гостинницы,—центральный эпизодъ и лучшее украшеніе «Жака-Фа-

талиста»,—имѣющая во Франціи извѣстность классическаго произведенія и представляющая законченное цѣлое [1]).

Простота разсказа сочеталась здѣсь съ вѣрностью наблюденій и мастерствомъ обрисовки характеровъ. Старѣющая кокетка, тягостное разставанье ея съ увядающей красотой, досада и ревность ко всему, что свѣжо и молодо, жажда мести охладѣвшему любовнику,—вотъ несложный матеріалъ для этого психологическаго этюда. Лишь искусная рука могла построить изъ такихъ данныхъ глубоко художественное произведеніе. Героиня носитъ на себѣ отпечатокъ развращеннаго свѣтскаго общества, въ которомъ вращалась; оно ее испортило и ожесточило; настоящей фуріей становится она, когда замѣчаетъ, что пѣсня ея спѣта, и что послѣдній ея поклонникъ тяготится связью съ ней,—но она надѣваетъ непроницаемую личину, и не хуже Тартюффа ведетъ долгую интригу, чтобъ вывѣдать все и насладиться местью. Она сама принимаетъ томный и унылый видъ кающейся грѣшницы, взводитъ на себя небывалую невѣрность, незамѣтно заставляетъ и своего друга проговориться, и восхищаетъ его своимъ предложеніемъ отнынѣ установить только товарищескія отношенія, съ полной свободой и довѣріемъ. Онъ вдается въ ловушку и крѣпче прежняго подчиняется ея власти. Тогда съ утонченной предусмотрительностью выискиваетъ она среди подонковъ Парижа темную и продажную личность, когда-то пріѣхавшую въ столицу ради процесса и открывшую игорный притонъ, когда судьи разорили ее въ конецъ. Эта женщина вмѣстѣ съ ея дочерью, выросшей въ притонѣ и испытавшей уже всѣ его прелести, должна сдѣлаться сообщницей мести г-жи де-ла-Поммерэ. Она вырываетъ ихъ изъ грязи, соритъ на нихъ деньги, обставляетъ прилично, выдаетъ ихъ за обѣднѣвшее дворянское семейство; призвавъ ихъ, она даетъ имъ подробное житейское наставленіе,—онѣ не должны показываться въ публичныхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ узнаютъ, напротивъ, они облекутся въ смиренные наряды набожныхъ дамъ хорошаго тона, завяжутъ знакомства въ монастыряхъ, станутъ бла-

[1]) Единственный списокъ „Жака-Фаталиста" уцѣлѣлъ лишь въ бумагахъ принца Генриха прусскаго, большого любителя и собирателя неизданныхъ произведеній французскихъ мастеровъ прошлаго вѣка; романъ Дидро явился поэтому сначала въ нѣмецкомъ переводѣ, съ котораго былъ обратно переведенъ по-французски эпизодъ о г-жѣ де-ла-Поммерэ, изданный въ 1793 году въ Лондонѣ (полное изданіе текста состоялось лишь въ 1796 году). Замѣчательно, что эта часть романа была всего черезъ три года издана по-русски въ Петербургѣ подъ названіемъ „Удивительная месть одной женщины" (1796). Вообще въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго вѣка у насъ снова начали было переводить Дидро. Такъ въ Смоленскѣ издано было въ 1803 г. Жизнеописаніе Ричардсона съ похвальнымъ словомъ ему Дидро.

готворить, громить развращенность вѣка, называть Вольтера антихристомъ и т. д. Когда роли разучены, она какъ будто случайно сводитъ своего маркиза съ этими «старыми своими знакомыми», замѣчаетъ впечатлѣніе, которое произвела на него красота молодой дѣвушки, и съ этой поры систематически разжигаетъ эту любовь, то вторя похваламъ и восторгамъ, то охлаждая ихъ препятствіями; маркизъ доходитъ до безумнаго увлеченія, сыплетъ подарками, молитъ о бракѣ,—но безпощадной женщинѣ все мало, она еще не насладилась мщеніемъ и запрещаетъ своимъ креатурамъ слишкомъ скоро сдаваться. Наконецъ она даетъ свое разрѣшеніе, бракъ состоялся,—и на другой день съ лицомъ, обезображеннымъ злорадствомъ и негодованіемъ, она выходитъ къ своей жертвѣ съ краткимъ и желчнымъ поученіемъ: «маркизъ, теперь вамъ пора меня понять. Вы обладали честной женщиной, которую не съумѣли удержать,—то была я; она отомстила, заставивъ васъ жениться на презрѣнной личности достойной васъ. Пойдите отсюда прямо въ rue Traversière, въ Гамбургскую гостинницу,—тамъ вамъ разскажутъ, какимъ грязнымъ ремесломъ занимались десять лѣтъ и ваша жена, и ея мать». Только страданія молодой маркизы, которая и прежде съ отвращеніемъ и поневолѣ дѣлила позорную участь матери и искренно полюбила въ своемъ мужѣ избавителя, возвращаютъ присутствіе духа убитому стыдомъ молодому человѣку; онъ поднимаетъ плачущую передъ нимъ на колѣняхъ жену, прижимаетъ ее къ сердцу и увозитъ въ свои помѣстья.

Драматизмъ завязки и жизненность характеровъ въ этой вводной повѣсти необыкновенно нравились Шиллеру, который прочелъ ее одинъ изъ первыхъ. Лица стоятъ передъ нами какъ живыя, — мстительная и сильная духомъ женщина, шепчущая слова всепрощенія и любви, когда ее душитъ злоба, вѣтреный и увлекающійся маркизъ, падшая дѣвушка, сберегшая дѣтскія мечты о счастіи и впервые привязывающаяся отъ всего сердца,—изобразить ихъ такъ могъ только первоклассный романистъ. Какъ далеко было отъ этого произведенія до юношескихъ скоромныхъ разсказцевъ Дидро! Правда, два, три мѣста и здѣсь неожиданно напомнятъ о прежнихъ вкусахъ, которые естественнѣе было бы совсѣмъ пережить; и ради этихъ мѣстъ, слишкомъ уже непринужденныхъ, иной читатель и не остановится долго надъ романомъ, полнымъ истинныхъ достоинствъ. Но эти мѣста здѣсь въ незначительномъ меньшинствѣ, авторъ считаетъ уже необходимымъ оправдывать свою вольность, становясь подъ покровительство такого предшественника, какъ Монтэнь, и ссылаясь на то,

что разсказываетъ будто бы подлинныя происшествія, а не вымыселъ; что бы онъ ни говорилъ, не это придавало его роману и въ его собственныхъ глазахъ извѣстное значеніе. Много прожилъ онъ тогда на своемъ вѣку, прежняя веселая и легкомысленная шутка все рѣже посѣщала его, и среди пестраго разнообразія капризныхъ выходокъ во вкусѣ Стерна, шаловливыхъ отступленій и бесѣдъ съ читателемъ, бойкихъ картинокъ съ натуры, которыми полонъ «Жакъ фаталистъ», невольно чувствуется грустное настроеніе, постепенно берущее верхъ. Хозяинъ Жака какъ-то вскользь припомнилъ смерть Сократа.—«Кто это такой? спрашиваетъ слуга. — Сократъ былъ мудрецомъ въ Аѳинахъ, отвѣчаетъ его господинъ. Испоконъ вѣку роль мудреца была опасною среди глупцовъ», — вслѣдъ за тѣмъ идетъ горячо написанная страница, гдѣ звучитъ голосъ самого Дидро и гдѣ обрисована ненависть къ «философамъ» или вообще передовымъ людямъ всѣхъ слоевъ общества, начиная съ магнатовъ, которые не прощаютъ имъ ихъ независимости, и кончая приниженнымъ и отвыкшимъ разсуждать обывателемъ.

Пора для веселости проходила и подъ вліяніемъ личнаго опыта, и при видѣ общаго разложенія, деморализаціи и политическихъ ошибокъ. Дидро яснѣе, чѣмъ многіе изъ его современниковъ, предвидѣлъ будущія потрясенія и въ одномъ письмѣ къ Дашковой, порицая мѣры, подавлявшія дѣятельность провинціальныхъ парламентовъ, указывалъ на неизбѣжность крушенія всего порядка, если будутъ настойчиво идти по прежнему пути. Старѣющій и, послѣ поѣздки въ Россію, часто хворавшій, онъ сталъ держаться въ сторонѣ отъ политическаго водоворота. Постепенно сходили со сцены друзья его молодости; загадочною смертью погибъ и его великій недругъ Руссо, который изъ-за могилы въ своей «Исповѣди» не могъ все-таки не признать, несмотря на всѣ мнимыя вины [1]), въ Дидро, когда-то своемъ любимомъ «Аристархѣ», личность, выходящую изъ ряду вонъ. Тѣснѣе замкнулся нашъ философъ въ своемъ небольшомъ уже дружескомъ кружкѣ, и постепенно повидалъ свои прежнія широкія реформаторскія стремленія для ровнаго и тихаго дѣла, совсѣмъ приходившаго къ его старческому возрасту, для изученія естественныхъ наукъ. Онъ снова васѣлъ за книги, его стали

---

[1]) Авторъ только-что вышедшаго этюда о Руссо съ психіатрической точки зрѣнія (Dr. Julius Hildebrand. Jean-Jacques Rousseau vom Standpunkte der Psychiatrie, Berlin, 1884), составилъ по письмамъ Руссо сравнительные списки физическихъ страданій, на которыя онъ жаловался изъ года въ годъ, и соразмѣрно возраставшихъ подозрѣній и страховъ его.

видѣть на студенческихъ скамьяхъ, въ лабораторіяхъ,—и этотъ усиленный интересъ къ познанію природы, никогда въ немъ не замиравшій, но отстраняемый другими заботами, скрасилъ и освѣтилъ его послѣдніе годы.

VI.

Въ противоположность Сентъ-Бёву, который называлъ Дидро наиболѣе «нѣмецкимъ» изъ всѣхъ французскихъ писателей, а Гримма истиннымъ французомъ среди нѣмцевъ, извѣстный Дюбуа-Реймонъ, въ рѣчи, произнесенной минувшимъ лѣтомъ въ берлинской академіи [1]), видитъ у Дидро лучшія національныя свойства англичанина. Неизмѣнная приверженность къ точному знанію, преобладающій духъ критики и осязательной провѣрки, энергія въ осуществленіи разъ задуманнаго предпріятія, реалистическое направленіе, защищаемое имъ въ литературѣ и искусствѣ,—черты, скорѣе естественныя у мыслителя, выдвинутаго трезвой и практической англійской средой, и только блестящая и остроумная дикція, плодовитость и разнообразіе фантазіи налагаютъ на нихъ живую печать французскаго національнаго характера. Подъ старость, когда уже уходились силы, остатокъ прежней энергіи сосредоточился у Дидро на одномъ предметѣ, и съ прежнимъ успѣхомъ. Въ сравнительно короткій промежутокъ нѣсколькихъ лѣтъ онъ не только усвоилъ фактическій составъ науки, но начиналъ уже прозрѣвать ея будущія цѣли и результаты.

Онъ никогда не переставалъ пополнять свои скудныя сначала свѣденія по естествознанію и смежнымъ съ нимъ наукамъ. Случай далъ ему возможность, въ самый разгаръ издательской работы, прослушать основательный курсъ анатоміи съ практическими демонстраціями. Исторія этого курса, впервые раскрытая Морисомъ Турнэ, слишкомъ любопытна и въ жизни Дидро, и въ быту современнаго ему общества, и будетъ кстати разсказать ее здѣсь. Не разъ Дидро приходилось уже встрѣчаться съ женщинами, трудящимися и научно образованными, и съ особеннымъ сочувствіемъ останавливался онъ всегда на этихъ предшественницахъ женскаго движенія; онъ видѣлъ ихъ въ борьбѣ съ общественнымъ мнѣніемъ, видѣлъ и въ семейныхъ отношеніяхъ, гдѣ

---

[1]) Рѣчь эта, произнесенная 3 іюля, стало быть раньше французскихъ юбилейныхъ праздниствъ, напечатана теперь въ Deutsche Rundschau (September, 1884, „Zu Diderot's Gedächtniss").

женщина образованная самоотверженно кормила своимъ трудомъ слабаго характеромъ и легкомысленнаго мужа или содержала всю семью. Изъ числа этихъ новыхъ женщинъ выдѣлялась пожилая дѣвушка, mademoiselle Biheron, превосходно изучившая анатомію и поражавшая совершенствомъ своихъ препаратовъ первыхъ англійскихъ и французскихъ ученыхъ. Ей удалось побѣдить нерасположеніе факультета къ женщинѣ-медику и составить себѣ почетное положеніе въ парижскомъ медицинскомъ мірѣ; ее даже выдвигали впередъ, когда хотѣли блеснуть передъ знатными пріѣзжими. Въ торжественномъ засѣданіи трехъ академій, устроенномъ въ честь шведскаго короля Густава III, г-жа Біэронъ сдѣлала одну изъ своихъ лучшихъ демонстрацій. Но она не довольствовалась однимъ пріобрѣтеніемъ знаній; она стремилась распространять его въ массѣ, вліять на воспитаніе, не дѣлая разницы между полами. Для этого она организовала первые публичные медицинскіе курсы (лекціи по математикѣ, читанныя Премонвалемъ и посѣщавшіяся также женщинами, существовали уже тогда нѣсколько времени, и Дидро вспоминаетъ о нихъ въ «Жакѣ»). Ихъ посѣщали усердно: Дидро, Даламберъ и Гриммъ были одними изъ прилежнѣйшихъ слушателей; двадцать молодыхъ дѣвушекъ и сто замужнихъ женщинъ слушали отдѣльный курсъ, и Дидро посылалъ туда свою дочь; отцы приводили съ собой сыновей на курсъ мужской. Энтузіазмъ преподавательницы и умѣнье ея передавать свои свѣденія привлекли къ ней Дидро, и онъ принялъ близко къ сердцу ея судьбу. Когда ея извѣстность разрослась въ Парижѣ, такъ что «свѣденія по анатоміи стали въ обществѣ довольно обычнымъ явленіемъ», онъ подалъ ей мысль отправиться въ Англію, и неутомимая пропагандистка, не искавшая особенно значительнаго вознагражденія и никогда не вышедшая изъ бѣдности, два раза совершала трудное въ то время путешествіе въ Лондонъ. Въ Британскомъ Музеѣ недавно было найдено письмо, написанное по этому поводу Дидро къ извѣстному народному дѣятелю Джону Вильксу, съ которымъ онъ близко сошелся въ Парижѣ; онъ горячо рекомендуетъ «достопочтенному Гракху», симпатіями котораго видимо дорожилъ, свою пріятельницу и проситъ у «народнаго трибуна» содѣйствія ея пропагандѣ. Съ тою же заботливостью онъ старался доставить ей доступъ и въ Россію.

Порученіе Екатерины пересмотрѣть уставъ и программу Смольнаго монастыря доставило ему желанный поводъ. Изъ Гаги послалъ онъ императрицѣ записку «Sur l'école des jeunes demoiselles», гдѣ называлъ важнымъ недостаткомъ женскаго вос-

питанія отсутствіе правильнаго знакомства съ анатоміей. Пересказывая главнѣйшія данныя изъ дѣятельности г-жи Біэронъ и напоминая о ея успѣхахъ даже въ свѣтскихъ кругахъ Парижа, онъ настаивалъ на томъ, что здравыя понятія, пріобрѣтенныя въ этомъ отношеніи дѣвушками 16—17 лѣтъ, предохранятъ ихъ отъ жеманства, ошибокъ и невѣденія, которыя постоянно сопровождаютъ жизнь женщины, принося ей много вреда; только таинственное и запретное, говоритъ онъ, привлекаетъ ихъ съ молоду, и оно же станетъ безразличнымъ, когда озарится трезвымъ свѣтомъ. Въ примѣръ привелъ онъ свою дочь, которую онъ засталъ однажды съ *Кандидомъ* въ рукахъ; всѣ его опасенія были напрасны, такъ какъ циническія подробности этой повѣсти не произвели никакого впечатлѣнія на дѣвушку, и она съ неудовольствіемъ отбросила книгу. Для постановки преподаванія анатоміи онъ и тутъ указывалъ на mademoiselle Biheron, которая соглашалась на время пріѣхать въ Петербургъ, приготовить здѣсь нѣсколько учительницъ и оставить въ Россіи свои коллекціи, не заботясь объ ихъ судьбѣ и о вознагражденіи за пріѣздъ. Въ письмѣ къ Бецкому [1]) онъ съ высокими похвалами отзывается объ этой женщинѣ, которую Гриммъ изображалъ «очень некрасивой, очень ученой и крайне набожной»; но словамъ Дидро, «она отличается душевнымъ благородствомъ, кротостью, безупречной нравственностью и познаніями, рѣдкими даже среди мужчинъ». Онъ былъ почти увѣренъ въ успѣхѣ; г-жа Біэронъ готовилась отправить свои коллекціи моремъ, а сама по болѣзни и старости сбиралась ѣхать въ Россію сухимъ путемъ, — но изъ всѣхъ этихъ напоминаній ничего не вышло: на эту часть воспитательныхъ проектовъ Дидро, насколько извѣстно, не было даже отвѣта, и мысль о медицинскомъ образованіи женщинъ, заявленная у насъ такъ рано, очевидно сочтена была слишкомъ фантастической мечтой.

Своими свѣдѣніями въ химіи Дидро былъ обязанъ другой такой же энергической и впечатлительной натурѣ, профессору при Jardin des Plantes, Руэллю, которому посвятилъ сочувственный некрологъ [2]). Въ немъ онъ узнавалъ многія изъ сторонъ своего характера. Руэлль также вышелъ изъ низшихъ слоевъ, также добился всего самъ, рано выказывая тонкую наблюдательность, изучая природу въ поляхъ и ремесла на фабрикахъ,

---

[1]) Oeuvres compl. édit. Assézat-Tourneux, vol. XX, pp. 62—3.

[2]) Oeuvres, vol. VI, Notices sur le peintre Michel Vanloo et le chimiste Rouelle.

дѣлалъ первые свои опыты въ деревенской кузницѣ; явившись во Франціи «творцомъ химіи», какъ его называетъ Дидро, онъ двинулъ впередъ и другія отрасли естествознанія; до него въ Парижѣ было два-три кабинета, въ годъ его смерти ихъ было двѣсти. Увлекающійся, иногда вдругъ непостижимо разсѣянный, онъ не подчинялся ни служебной рутинѣ, ни требованіямъ грамматики, дѣлая въ разговорѣ грубыя ошибки, не желалъ поддерживать необходимаго ученаго декорума, до такой степени, что, начавъ лекціи въ традиціонной мантіи, онъ въ жару изложенія сбрасывалъ съ себя и ее, и парикъ, и профессорскій колпакъ, и засучивъ рукава принимался за опыты [1]). Въ рукахъ этого человѣка все спорилось, и его увлеченіе передавалось ученикамъ (лучшимъ изъ нихъ былъ Лавуазье). Дидро три года слушалъ его и значительно обновилъ свои свѣдѣнія; въ ту же пору онъ перечелъ два раза физіологію Галлера, съ карандашомъ въ рукѣ, изучалъ Линнея и Бюффона, при посредствѣ своего новаго друга Бордэ слѣдилъ за всѣми новостями медицинской литературы, собиралъ растенія и дѣлалъ надъ ними опыты. Располагая этимъ, уже довольно значительнымъ, запасомъ свѣденій, неполнота которыхъ въ иныхъ отдѣлахъ не переставала его мучить, онъ могъ теперь пересмотрѣть и передумать свои прежнія работы и догадки по физіологіи и философіи природы; отъ всякаго чтенія по этимъ предметамъ у него накопилось съ годами много отрывочныхъ замѣтокъ, которыя теперь пришлось собрать, провѣрить новыми опытами, убѣждаясь почти всегда, что первоначальныя предположенія были вѣрны и нуждались только въ подкрѣпленіи фактами. Дидро было шестьдесятъ-шесть лѣтъ, когда онъ принялся за этотъ пересмотръ, и результатомъ этой работы были его Eléments de physiologie.

Въ прежніе годы его привлекала къ изученію подобныхъ вопросовъ прикладная его сторона, возможность найти новое оружіе для борьбы съ метафизикой и теологіей; полемическое воодушевленіе не давало времени вглядѣться вглубь. Теперь страсти улегались, ученый арсеналъ его разростался, наставала пора опредѣленно формулировать и сложить въ систему свои воззрѣнія. Ему показались крайне односторонними теоріи его прежнихъ друзей, Гельвеція, Гольбаха, принадлежавшихъ къ одной съ нимъ школѣ; остроумными замѣчаніями разбилъ онъ посмертную книгу Гельвеція, проповѣдавшую равенство способностей у всѣхъ людей и могущество воспитанія, которое въ со-

[1]) Caro. Diderot inédit, p. 186.

стояніи довести эти дарованія до геніальности [1]); позднѣйшія работы Гольбаха казались ему тенденціозными и слабыми послѣ его «Системы природы». Но онъ по прежнему убѣжденъ былъ вмѣстѣ съ Гольбахомъ, что общественное перерожденіе обусловливается освобожденіемъ мысли, котораго можно достигнуть лишь вѣрнымъ познаніемъ природы, и сосредоточилъ всю свою энергію на изученіи ея. По вѣрному замѣчанію, высказанному послѣднимъ его біографомъ, — въ то самое время, когда Руссо проклиналъ науку и искусство во имя природы, Дидро съ увлеченіемъ отдался культу научнаго прогресса, чтобъ приблизиться къ природѣ и овладѣть ею. Свойственная ему порывистость покидаетъ его, уступая мѣсто строгой послѣдовательности и систематической связи, которую не могли не признать и его противники. Правда, его старая литературная манера по временамъ сказывается и тутъ; рядомъ съ «Элементами физіологіи» онъ избираетъ для выраженія своихъ взглядовъ любимую имъ форму діалоговъ, какъ всегда, оживленныхъ и типическихъ; въ одномъ изъ нихъ, «Entretien de Diderot et de D'Alambert», онъ выводитъ самого себя въ спорѣ съ своимъ другомъ и подъ конецъ этой бесѣды, поднявшей Богъ вѣсть сколько проблемъ, заставляетъ Даламбера утомиться и прилечь,—это образуетъ переходъ къ другому, еще болѣе оригинальному діалогу «Сонъ Даламбера». Усталый Даламберъ прилегъ, но заснулъ тяжелымъ сномъ и въ бреду произноситъ отрывочныя и несообразно-странныя вещи. Его пріятельница, m-lle de l'Espinasse, вслушиваясь въ эти безсвязныя рѣчи, пододвинула наконецъ столикъ въ кровати и принялась записывать ихъ, а сама послала за общимъ другомъ обоихъ философовъ, докторомъ Бордэ. Но медикъ, къ ея удивленію, не нашелъ никакого болѣзненнаго симптома и своими объясненіями сталъ возстановлять связь между отрывочными фразами Даламбера, какъ будто слышалъ весь его лихорадочный бредъ. Діалогъ удивленной и полной здраваго смысла молодой женщины, понемногу начинающей прозрѣвать новое ученіе, съ невозмутимо спокойнымъ и дѣловитымъ докторомъ прерывается по временамъ новыми возгласами мнимаго больного, у котораго во снѣ продолжаютъ развиваться тэмы ихъ недавняго разговора съ Дидро,—пока наконецъ Даламберъ не пришелъ въ себя и еще слабымъ отъ волненія голосомъ не принялъ участія въ

[1]) „Позвольте предложить вамъ небольшой вопросъ,—говорилъ онъ ему.—Вотъ пятьсотъ дѣтей, которыя только-что родились; ихъ отдадутъ вамъ, чтобъ вы воспитали ихъ по собственному усмотрѣнію. Скажите, сколько изъ нихъ вы сдѣлаете геніальными людьми? Отчего бы не всѣхъ пятьсотъ?"

спорѣ. Фантастичность этой обстановки діалога тѣшила самого автора,—«on ne peut pas être plus profond et plus fou», писалъ онъ г-жѣ Волланъ; — но она значительно облегчила его задачу: чего не допуститъ читатель, когда его введутъ въ комнату больного и онъ не съумѣетъ сразу разобраться между серьезными научными заявленіями и грезами возбужденнаго воображенія!

Историки дарвинизма, заинтересованные изученіемъ періода, подготовившаго эту теорію, считаютъ обыкновенно ранними предшественниками Дарвина, Ламарка и Гёте, не возводя такимъ образомъ исторіи своей школы раньше начала девятнадцатаго вѣка. Очень немногіе знаютъ имя Робинэ, высказавшаго нѣсколько предположеній того же характера въ своихъ многотомныхъ «Размышленіяхъ о природѣ», печатавшихся въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка въ Голландіи, гдѣ его догадки затерялись среди ненужнаго метафизическаго хлама. Полу-сказочная, полу-научная аллегорія второстепеннаго писателя Дю-Малье «Talliamed», написанная почти безъ книгъ и пособій, вдали отъ всего, на востокѣ, извѣстна только по насмѣшкамъ Вольтера,—который, вѣроятно, не пощадилъ бы и Дидро, еслибъ зналъ его позднѣйшіе взгляды на развитіе организмовъ. Въ кругу этихъ забытыхъ предшественниковъ современнаго естествознанія почетное мѣсто должно быть отнынѣ отведено Дидро, и не потому только, что онъ несомнѣнно повліялъ на ученыя работы Гёте, вообще сильно имъ увлекавшагося, и Ламарка; споры о старшинствѣ Робинэ и Дидро по времени выпуска ихъ главныхъ сочиненій по данному вопросу выяснили также, что «Размышленія» перваго изъ нихъ значительно предшествовали напримѣръ «Сну Даламбера». Гораздо знаменательнѣе тотъ фактъ, что идеи, позже развитыя у Дидро обстоятельно, высказаны были имъ, какъ мы показали въ свое время, въ первыхъ же выпущенныхъ имъ книгахъ, въ самые молодые годы. Въ «Письмѣ о слѣпыхъ» и въ «Interprétation de la nature» находятся уже въ зародышѣ всѣ его завѣтныя догадки

Онѣ должны были казаться странными не только подругѣ Даламбера, но и громадному большинству тогдашнихъ ученыхъ спеціалистовъ. Онъ утверждалъ, что рѣзкихъ разграниченій между царствами природы не существуетъ, что міръ растеній незамѣтно переходитъ къ животнымъ организмамъ, царство минераловъ къ растеніямъ, и съ любопытствомъ останавливался на промежуточныхъ явленіяхъ. Тогда только-что обращено было вниманіе науки на насѣкомоядное растеніе «Muscipula Dionoea», которое

въ 1769 году Джонъ Эллисъ получилъ отъ друга, жившаго въ Америкѣ, и описалъ въ письмѣ къ Линнею [1]);—Дидро воспользовался этимъ открытіемъ для подтвержденія своей теоріи, назвавъ Діонею «почти хищнымъ растеніемъ». Переходныя эти ступени еще болѣе укрѣпляли его убѣжденіе въ существованіи безконечно развивающейся «цѣпи организмовъ» (la chaîne des êtres). «Не нужно думать,—говорилъ онъ,—что эта цѣпь нарушается разнообразіемъ формъ; внѣшній видъ бываетъ часто лишь обманчивой маской, и звено, съ виду какъ будто недостающее, быть можетъ, находится въ какомъ-нибудь, всѣмъ извѣстномъ существѣ, которому успѣхи сравнительной анатоміи не могли еще опредѣлить его настоящее мѣсто. Этотъ способъ классификаціи очень труденъ и очень медленъ и можетъ быть лишь результатомъ послѣдовательныхъ работъ множества натуралистовъ. *Будемъ ждать, и не станемъ торопиться съ выводами*». Послѣднія слова, столь необычныя у человѣка, вѣчно спѣшившаго жить, особенно ярко обнаруживаютъ совершившуюся въ немъ перемѣну. Онъ все болѣе проникался вѣрой въ поступательное движеніе науки и сдавалъ ей свои надежды, осуществленія которыхъ не могъ уже увидать. Постепенно входилъ онъ въ подробности; задумывался надъ развитіемъ отдѣльныхъ органовъ и ихъ атрофіей подъ вліяніемъ существенной или слабѣющей потребности въ нихъ, надъ закономъ о наслѣдственности, надъ силой ассоціаціи идей (въ «Entretien de Diderot» etc.), надъ значеніемъ жизненной энергіи и соотношеніемъ физическихъ силъ, указывалъ уже на естественный подборъ; прибѣгнувъ къ аллегорическому сравненію съ роемъ пчелъ, густо покрывающимъ, по вылетѣ изъ улья, первую попавшуюся вѣтку сплошнымъ слоемъ, который весь состоитъ изъ маленькихъ крылатыхъ животныхъ и въ то же время кажется какъ бы однимъ существомъ, онъ высказалъ взглядъ на животное, какъ на собирательное цѣлое, образованное изъ безчисленныхъ мелкихъ организмовъ. По тѣмъ же слѣдамъ прошла впослѣдствіи увѣренною поступью наука, располагая тонкими микроскопическими и химическими наблюденіями, обогнавъ эти догадки и сравненія своими новыми данными; сложилась эволюціонная теорія, бросившая отраженія и на смежныя науки, выработанъ законъ о сохраненіи энергіи, изученіе наслѣдственности успѣло принять даже одностороннее направленіе, старое разграниченіе царствъ природы теряетъ свое значеніе, и тамъ, гдѣ Дидро изумлялся и

---

[1]) „Насѣкомоядное растеніе“, статья Фердинанда Кона, „Природа“, 1877.

радовался находкѣ Діонеи, сотни родственныхъ ей видовъ изслѣдованы и описаны,—и имя человѣка, грезившаго объ этихъ успѣхахъ слишкомъ за полтора вѣка тому назадъ, совсѣмъ забылось.

Если Розенкранцъ правъ, говоря, что Дидро, какъ философъ, отразилъ на себѣ всѣ противорѣчія своего времени, пережилъ всѣ главнѣйшія теченія, смѣнявшія другъ друга въ области мысли, то въ этотъ послѣдній, предсмертный періодъ онъ уже переходитъ въ кругъ научныхъ воззрѣній девятнадцатаго вѣка и, быть можетъ, ближе къ намъ многихъ изъ передовыхъ дѣятелей прошлаго столѣтія. Но это напряженіе старческихъ силъ, сосредоточенныхъ наконецъ на одномъ предметѣ, послѣ безпечнаго расточенія на множество нуждъ и всеобъемлющихъ порывовъ, настало слишкомъ поздно. Организмъ слабѣлъ, и только свѣтлая до послѣдней минуты голова напоминала прежняго Дидро. Такъ долго неразлучные, Дидро и Даламберъ одновременно стали угасать. «Чрезвычайно поразительно (записалъ Гриммъ въ «Gazette littéraire», сентябрь, 1783), что два человѣка, которые совмѣстно придали направленіе своему столѣтію, и вмѣстѣ же воздвигли монументальный трудъ, обезпечивающій имъ безсмертіе, какъ будто снова соединяются, чтобъ сойти въ могилу». Даламберъ умеръ раньше, постепенно превратившись изъ оживленнаго и за всѣмъ слѣдившаго собесѣдника и дальнозоркаго ученаго въ унылаго, сиротливаго и безучастнаго старца. Дидро не сдавался такъ легко. Не разъ и прежде вспоминалъ онъ о смерти, даже систематически пріучалъ себя къ этой мысли; въ тяжелыя эпохи преслѣдованій и неудачъ смерть казалась ему такимъ же желаннымъ отдыхомъ, какъ для человѣка много потрудившагося за день, возможность прилечь наконецъ на свою постель. Когда не стало Софи Волланъ, имъ овладѣло грустное настроеніе. За нѣсколько мѣсяцевъ онъ предвидѣлъ конецъ и подготовилъ къ нему семью; болѣзнь, казалось, пошла быстро; въ постоянномъ бреду онъ произносилъ любимые стихи Горація, грезилъ новыми работами,—и потомъ опять на нѣсколько мѣсяцевъ къ нему вернулась прежняя ясность мысли; пошли бесѣды съ друзьями о философіи, отстаиваніе своихъ убѣжденій передъ подосланнымъ аббатомъ, пытавшимся склонить его къ покаянію и отреченію отъ прежнихъ сочиненій. Дидро дорожилъ стойкостью своихъ взглядовъ, вѣрилъ, что съумѣетъ выдержать ихъ до конца, и, чувствуя приближеніе смерти, томился только мыслью, что настанетъ минута, когда онъ не будетъ болѣе владѣть собой, когда разумъ затмится, рѣчи станутъ безсвязны, и

чувство страха вызоветъ на его уста слова и мысли, идущія въ разрѣзъ съ его убѣжденіями. Быть можетъ, ему припоминались въ эту минуту преувеличенные молвою слухи о мучительной будто бы агоніи Вольтера. Но судьба была милосерднѣе къ нему; онъ тихо заснулъ и еще за мгновенье до конца слышался слабый голосъ, шептавшій что-то о будущности философіи.

Съ той поры (30 іюля 1784 г.) прошло сто лѣтъ. Тогда скромная группа друзей провожала его прахъ до церкви святого Роха,—теперь и въ Парижѣ (въ Трокадеро) и на родинѣ философа, въ Лангрѣ, происходили шумныя торжества, слышались похвальныя рѣчи, его чествовала и молодежь, литературныя и политическія знаменитости, актеры первыхъ театровъ, общества ремесленниковъ, масонскія ложи; его называли «первымъ наставникомъ французскаго народа», другомъ человѣчества и проповѣдникомъ знанія,—а въ маленькомъ его родномъ городкѣ, гдѣ прежде его старый отецъ былъ гораздо болѣе почетнымъ лицомъ, и гдѣ однажды незнакомый мастеровой сказалъ философу, встрѣтивъ его на улицѣ: «хорошій и вы человѣкъ, господинъ Дидро, но никогда ужь вамъ не сравняться съ вашимъ отцомъ»,—красуется теперь воздвигнутая по подпискѣ, собранной во всей Европѣ, статуя этого «младшаго Дидро», работа молодого и талантливаго скульптора Бартольди, котораго прославила уже колоссальная статуя «Свободы», которая будетъ возвышаться при въѣздѣ въ нью-іоркскую гавань. Философъ стоитъ на своемъ пьедесталѣ, не рисуясь, въ простой и непринужденной позѣ; его члены облекаетъ не классическая тога, а неразлучный его халатъ, а въ рукахъ у него книга, которую онъ какъ-будто только-что снялъ съ полки; голова немного наклонена, какъ ее изображаютъ всѣ бюсты, и точно во что-то вглядывается. Внизу, среди лучей свѣта, красуется заглавіе Энциклопедіи, окруженное именами всѣхъ главнѣйшихъ сотрудниковъ, сплотившихся вокругъ Дидро.

Въ юбилейныхъ рѣчахъ было, конечно, много доброй воли и искренности, но не мало и благонамѣренныхъ общихъ мѣстъ, какъ это водится на подобныхъ празднествахъ; ни одного могучаго ораторскаго слова не прозвучало тутъ, которое освѣтило бы значеніе минуты. Ласково улыбаясь, выслушалъ бы эти рѣчи самъ Дидро, этотъ великій мастеръ живого и огненнаго краснорѣчія. Чествованіе могло быть полнѣе и всенароднѣе. Или, быть можетъ, сто лѣтъ слишкомъ малый срокъ для глубокой и сочувственной оцѣнки, и Дидро правъ, отдавая себя со всѣми

своими слабостями, увлеченіями, богатыми дарованіями и неутомимой работой мысли на судъ отдаленнѣйшимъ поколѣніямъ?..

Шереръ, кончая свой этюдъ о нашемъ философѣ, не слишкомъ симпатизирующій ему, находитъ, что при имени Дидро всегда вспоминается извѣстный стихъ Лафонтена:

Un torrent tombait des montagnes.

Водопадъ этотъ,—говоритъ онъ,—несетъ въ своихъ волнахъ и золото, и иловатую землю, и по временамъ превращается въ широкій и бурный потокъ, въ которомъ никогда не отражается небо... Вспомнимъ и мы образъ, намѣченный Лафонтеномъ. Да, это водопадъ, шумно низвергающійся съ высоты; онъ непослушенъ, его не уложишь ни въ какое русло, но въ его брызгахъ алмазами искрятся солнечные лучи, и въ свѣтлой атмосферѣ, которую онъ распространяетъ, всегда вольно дышать.

Алексѣй Веселовскій.

У ХРАМА ИСКУССТВЪ

ПОВѢСТЬ.

Окончаніе.

XV *).

Съ нѣкотораго времени всѣ работавшіе въ «студіи» Подра
никова стали замѣчать, что онъ съ каждымъ днемъ дѣлается злѣе
придирчивѣе, мальчишекъ треплетъ за вихры такъ, что тѣ по цѣ
лымъ днямъ ходятъ точно въ угарѣ, на безнадежныхъ запивохъ к
сится съ нескрываемымъ презрѣніемъ и одного изъ нихъ даж
выгналъ вонъ прямо на улицу:—иди, молъ, куда хочешь н
всѣ четыре стороны, я тебѣ не препятствую. Тотъ бѣдняга з
мерзъ гдѣ-то подъ мостомъ. Когда потомъ черезъ нѣсколь
дней слухъ объ этомъ проникъ въ мастерскую, бабы на кухн
взвыли, высказывая въ причитаніяхъ своихъ жалобу на жесток
сердіе Павла Петровича, а безнадежные запивохи заволновались
заволновались, заворчали, сжимая свои дряблые, ослабѣвшіе от
пьянства кулаки, и грозя мщеніемъ за погибшаго товарища.

Павелъ Петровичъ хотя и зналъ, что стоитъ вполнѣ на з
конной почвѣ, и «въ правахъ своихъ властенъ», но однако ж
трухнулъ таки порядочно и забѣгалъ по мастерской изъ ком
наты въ комнату, точно подстрѣленный заяцъ.

— Пареньки... Послушайте... Вы только вникните пожалу
ста,—объяснялъ онъ,—чѣмъ же я-то причиненъ? Мало ли на

---

*) См. выше: октябрь, 517 стр.

роду мреть всячески, за всѣми не усмотришь. Я еще можно сказать, благодѣянія ему дѣлалъ. Онъ мѣсяца два болтался здѣсь на хлѣбахъ изъ милости... Бабы! Не войте! Ну что вы тамъ нюни-то распустили,—почти молитвенно просилъ онъ,—ахъ, бабы, бабы! Какъ вы глупы, ей Богу, глупы! Вотъ покойница жена тоже, прости ее Господи, бывало не хуже васъ причитала: того жалко, да другого жалко... А вѣдь подумайте, о всѣхъ плакать—слезъ не хватитъ. Ну, померъ—и Господь съ нимъ! Вѣдь всѣ помремъ, только не въ одно время. Что-жъ еще объ этомъ толковать. Помянемъ за упокой его грѣшную душу. Вотъ за обѣдомъ всѣмъ поднесу...

Но злость и придирчивость его однако же не уменьшились и послѣ трагическаго случая съ несчастнымъ запивохой. Они даже увеличились, потому именно, что положеніе одного изъ дѣлъ, сильно интересовавшихъ въ это время Павла Петровича, достигло, наконецъ, самой, такъ сказать, вершины опасности и грозило утратою надеждъ и пріятныхъ упованій...

Позвольте, однакоже. Нужно разсказать объ этомъ дѣлѣ коечто поподробнѣе.

Началось оно съ пустяковъ и совершенно неожиданно. Та извѣстная читателю горбунья, о которой не безъ страха и не разъ уже задумывался Ипатовъ, была всему причиной. Она зашла какъ-то въ сопровожденіи своей приживалки въ мастерскую Павла Петровича, съ намѣреніемъ отдать ему небольшую работу, именно поправить и покрыть лакомъ старинный образъ. Случилось такъ, что въ это самое время у Павла Петровича былъ Ипатовъ. Она сначала и не замѣтила его и, войдя, обратилась прямо къ дѣлу, что вотъ, молъ, такъ и такъ, сколько будетъ стоить и, пожалуйста, нельзя ли подешевле; но потомъ, случайно взглянувъ на Ипатова, нѣсколько смутилась и какъ бы испугалась. Ея смущеніе, само собой разумѣется, могло быть объяснено именно тѣмъ, что человѣкъ, присутствія котораго въ комнатѣ она никакъ не предполагала, вдругъ неожиданно оказался тутъ, около нея. Ипатовъ къ тому же сидѣлъ, можно сказать, недвижимо, грустно поникнувъ головой, и думалъ о томъ, дастъ ли ему Подрамниковъ работы, хотя бы рублика на два. Взгляда горбуньи онъ даже и не замѣтилъ; но зато Павелъ Петровичъ при этомъ взглядѣ сразу же навострилъ уши, какъ хорошій котъ, заслышавшій подозрительный шорохъ. Онъ зналъ, что горбунья—богатая, самостоятельное лицо, не имѣющее надъ собою никого старшихъ и, не теряя времени, ухватился за нее обѣими руками и не медля представилъ ей Ипатова. Ипатовъ

потомъ ушелъ отъ него не только съ работой, но даже съ нѣкоторой суммой денегъ, а на завтра самъ Павелъ Петровичъ, побрившись и пріодѣвшись по парадному, отправился въ квартиру горбуньи.

Когда, при неутомимой его дѣятельности, дѣло дошло, наконецъ, до того, что нужно было уже ковать горячее желѣзо, Ипатовъ вдругъ пересталъ къ нему ходить. Съ этого именно времени Павелъ Петровичъ сталъ золъ и раздражителенъ!

Утѣшая себя смутной надеждой на возможность женитьбы Ипатова, онъ намѣренно затягивалъ свои сношенія съ горбуньей, чтобы только выгадать время. По тѣмъ отвѣтамъ, которые онъ давалъ ей, оказывалось, что Ипатовъ былъ и изумительно робокъ, и до невозможности занятъ срочной работой, и боленъ былъ (такъ немножко и неопасно, однако же запрещено выходить!) и въ Москву уѣзжалъ (мать умерла—хоронилъ: очень печалился и искалъ уединенія!). Словомъ, Павелъ Петровичъ вралъ, чтó могъ. Отдѣлавшись отъ горбуньи, онъ корчился въ своемъ углу такъ, какъ корчится, по народному повѣрью, бѣсъ передъ заутреней и, потрясая въ воздухѣ кулаками, посылалъ мысленно Ипатову проклятія за то, что счастія своего не понимаетъ. Онъ ѣздилъ къ нему нѣсколько разъ на окраины Васильевскаго острова, шептался съ нимъ по цѣлымъ часамъ, сидя въ одной изъ уединенныхъ комнатъ «Лондона», и потомъ, возвратившись домой, ожесточеннѣе прежняго накидывался на своихъ мастеровыхъ.

XVI.

Ипатовъ, наконецъ, пришелъ къ нему. Избѣгая параднаго хода, онъ вошелъ въ домъ черезъ калитку въ воротахъ и поднялся на верхъ по черной лѣстницѣ.

Павелъ Петровичъ былъ въ это время въ пріемной комнатѣ и убѣждалъ какую-то старушку присѣсть на полчасика къ окну. Старушка хмурилась, вздыхала, изъ-подлобья косилась на Павла Петровича и просила о возвратѣ какихъ-то денегъ.

— Да вы что сомнѣваетесь? — уговаривалъ Павелъ Петровичъ,—портретъ вашъ будетъ похожъ, увѣряю васъ. Вѣдь я же вамъ говорю, что мнѣ самому еще не было времени его пройти. Вотъ присядьте—я сейчасъ же и пройду его весь—и сходство будетъ настоящее...

— Да сколько же разъ мнѣ еще мучиться?—ворчливо возразила старушка,—хожу, хожу, конца нѣтъ!

Ипатовъ заглянулъ-было въ двери пріемной, но войти не рѣшился и остался въ сосѣдней комнатѣ. Павелъ Петровичъ уговорилъ, наконецъ, старуху сѣсть къ окну. Взявъ въ руки палитру съ кистями и красками, онъ помѣстился за мольбертомъ и сталъ внимательно всматриваться, то въ ея лицо, то въ портретъ, стоявшій передъ нимъ на мольбертѣ, и протирать его легонько масломъ. Онъ дѣлалъ это протиранье съ такимъ, однако же, сосредоточеннымъ и серьезнымъ видомъ, какъ-будто бы дѣйствительно «проходилъ» работу вновь. Нужно замѣтить, что онъ и прежде-то, въ молодые годы, ни одного портрета схожаго съ оригиналомъ не написалъ, а теперь уже и о краскахъ всякое понятіе потерялъ. Онъ только помнилъ объ одномъ, что масломъ протереть работу никогда не вредно.

— Вотъ извольте теперь полюбоваться, какъ повеселѣлъ портретикъ-то!—наговаривалъ онъ,—живое лицо! Да! Разумѣется, мои пареньки—люди, хотя и талантливые (о, замѣчательные есть, далеко пойдутъ!), но все же еще у нихъ надлежащей опытности нѣту. Необходимъ, знаете, навыкъ, даже и при огромномъ талантѣ... Я, можетъ, въ свою жизнь не одну тысячу головъ переписалъ, такъ теперь, разумѣется, легко, сразу вижу... Вотъ полюбопытствуйте, какъ глазки-то теперь заблестѣли, а губки-то, вѣдь это—натура! Извините меня, убѣдительнѣйше васъ прошу, но я не могу не высказать, что вы, вѣроятно, въ молодости были замѣчательная красавица. Признаюсь вамъ отровенно, конечно, уже прежней свѣжести нѣтъ. Извините, я человѣкъ прямой и всегда говорю то, чтó думаю. Не скрывая скажу, прежней свѣжести нѣтъ, но слѣды красоты сохранились, замѣчательно сохранились. Убѣдительнѣйше васъ прошу, извините меня, но я рѣшительно не имѣю силы удержаться отъ восторга. Я человѣкъ прямой и художникъ въ душѣ... Другіе, знаете, есть тоже изъ нашего брата, простые ремесленники, такъ только, какъ говорится, маклачать съ хлѣба на квасъ... У васъ въ лицѣ, главное, знаете, благородство линій, это высокое спокойствіе, дума такая возвышенная и въ то же время тихая... Какъ вамъ угодно, а вѣдь этого скрыть нельзя и каждый благородный человѣкъ вамъ это скажетъ...

Пока старушка таяла отъ его сладкихъ рѣчей, онъ ее и отъ портрета отвлекъ подальше въ сторону, и остальныя деньги за него получилъ и мальчишку снарядилъ ей въ провожатые,—словомъ, такъ ловко и навѣрняка ее обработалъ, что она и опомниться не успѣла. Въ одну минуту, Богъ вѣсть откуда, у него подъ рукой и ящикъ подходящій нашелся, чтобы въ него

уложить портретъ и по угламъ укрѣпить шпеньками, чтобы крышка ящика не касалась его.

— Денька два-три, сударыня, не извольте трогать,—продолжалъ онъ наговаривать:—красочки еще сыроваты, а потомъ уже ничего... Мальчикъ, мальчикъ!—кричалъ онъ, услужливо отворяя дверь старухѣ,—иди впередъ, тамъ внизу двери поприддержи для ихъ милости. Вотъ здѣсь, сударыня, сдѣлайте одолженіе, поосторожнѣе, тутъ ступенька.

Старушка путалась въ своемъ длиннополомъ салопѣ и не могла секунды уловить для того, чтобы произнести одно слово, у ней уже голова кружилась отъ говора и ухаживаній Подрамникова. Задержи онъ ее еще минутъ пятокъ—и, пожалуй, потребовался бы нашатырный спиртъ, такъ, по крайней мѣрѣ, можно было предположить, судя по тѣмъ тревожнымъ взглядамъ, которыми она отвѣчала на льстивыя рѣчи Павла Петровича.

Какъ только затворилась за нею дверь изъ передней на лѣстницу, онъ хлопнулъ себя руками по бедрамъ и плюнулъ.

— Тьфу ты, старая дура! Какъ долго пришлось ее охаживать...

Въ это время въ дверяхъ сосѣдней комнаты показался Ипатовъ. Павелъ Петровичъ изумился и отступилъ даже назадъ, пытливо вглядываясь въ его лицо. Онъ старался понять изъ его выраженія, пришелъ ли къ нему Ипатовъ колеблющійся или ужъ совсѣмъ готовый «на дѣло»; но, должно быть, выраженіе это было не ясно, потому что Павелъ Петровичъ вдругъ нахмурился и холодно спросилъ.

— Неужели еще путаешься?...

— Нѣтъ!—коротко отвѣтилъ Ипатовъ.

— Значитъ, надумался.

— Да.

— Такъ-то лучше... Давно бы пора, милая душа. Сколько времени даромъ потеряно. Ну, поцѣлуемся что-ли?

Чрезъ полчаса они поѣхали куда-то на извощикѣ и вдругъ о чемъ-то заспорили. Заспорилъ, главнымъ образомъ, Ипатовъ. Онъ даже хотѣлъ выйти изъ саней посреди улицы. У Павла Петровича отъ гнѣва и досады ротъ покривило на сторону и на лбу выступилъ холодный потъ.

— Да куда же ты, опомнись!—шипѣлъ онъ,—развѣ можно такъ круто разговоръ вести?

— Отстаньте отъ меня, не хочу я ни круто, ни полого, когда такъ...

— Да ты подумай,—продолжалъ Павелъ Петровичъ, держа Ипатова обѣими руками за пальто,—да ты только сообрази, съ чего же я буду безплатно распинаться?..

— А съ чего же я-то вамъ буду обязательства давать, когда у меня нѣтъ ни гроша?

— Заплатишь потомъ... Все это можно обусловить ясно и подробно...

— Что-жъ, господа, — заворчалъ извощикъ, — либо ѣхать, либо давайте деньги, нѣшто такъ можно посередь улицы...

— Сейчасъ, паренекъ, сейчасъ!—ласково сказалъ Павелъ Петровичъ, продолжая держать Ипатова за рукавъ: — садись, садись! — шепталъ онъ ему, — поговоримъ по душѣ. Ишь вѣдь ты какой сталъ, даже руки трясутся... Подумай, милая душа, нельзя же такъ, среди бѣла дня обращать на себя общее вниманіе.

Ипатовъ тревожно оглянулся на тротуары и снова сѣлъ въ сани.

— Ты, голубчикъ, подумай,—вкрадчивѣе прежняго зашепталъ Подрамниковъ,—ты человѣкъ умный. Такіе люди какъ ты теперь рѣдки, нынче все больше лоботрясы. Извини, я русскій человѣкъ, люблю правду. Я прямо тебѣ скажу, самъ разсуди, нельзя же мнѣ такъ задаромъ хлопотать.

— Позвольте, пожалуйста, о чемъ хлопотать, дѣло простое... — прервалъ Ипатовъ, — я не понимаю даже, зачѣмъ мы въ эту сторону ѣдемъ. Если я говорю вамъ рѣшительно, что согласенъ жениться на Елизаветѣ Дмитріевнѣ, такъ поѣдемте прямо къ ней.

— Этого, милый человѣкъ, невозможно.

— Почему невозможно?

— А потому же, что невозможно, нельзя такъ вдругъ, сразу... Хе, хе!—шутливо добавилъ Подрамниковъ,—спервоначалу какъ слѣдуетъ нужно въ трактиръ, а потомъ въ магазинъ; надо же тебѣ пріодѣться... И по рюмочкѣ винца.

— Вы знаете, я не пью...

Однако же Павелъ Петровичъ затащилъ его въ свой любимый пріютъ «Трактиръ три озера купающихся лебедей» и сталъ опять, выражаясь его собственными словами, «охаживать нужнаго человѣка».

— Вотъ что, сердечный мой паренекъ,—шепталъ онъ, сидя съ нимъ бокъ-о-бокъ.—Ты человѣкъ съ большимъ разумѣніемъ. Этого вѣдь, братъ, не скроешь, дерево узнаютъ по плодамъ. Другой бы на твоемъ мѣстѣ обѣими руками давнымъ-давно ухватился, а ты вонъ сколько времени ощупываешь... Разсуди же, голубчикъ, зачѣмъ меня-то на бобахъ оставлять. Ну, родствен-

никъ, родственникъ, а все же надо кой-что и кромѣ родства. Будешь жить богато, подѣлись и со мной, милая душа. Сказано, и псы питаются отъ трапезы господъ... Не оставь меня. Я вѣдь человѣкъ бѣдный, — продолжалъ онъ, сильно понизивъ тонъ,—и дѣлишки мои очень, очень плоховаты, на волоскѣ, можно сказать, держусь...

Ипатовъ, подобно той старухѣ, которую Павелъ Петровичъ «охаживалъ» въ это утро, тоже чувствовалъ, что у него кружится голова и никакъ не могъ отдѣлаться отъ предложенія Павла Петровича выпить рюмку вина.

Послѣ первой пришлось выпить вторую, а потомъ и третью, дошло и до шампанскаго, и разговоръ принялъ уже совсѣмъ другой тонъ. Ипатовъ не раздражался, не смотрѣлъ въ полъ, не склонялъ уныло головы, а сидѣлъ въ небрежной позѣ человѣка, сознающаго себя счастливымъ и пользующимся жизнію. Свѣтлорусые волоса его были безпорядочно всклокочены, глаза получили нѣсколько сонное выраженіе. Павелъ Петровичъ тоже измѣнился. Онъ не кривилъ уже губъ, не хваталъ Ипатова руками за полы его сильно поношеннаго сюртука, а смотрѣлъ соколомъ. Оловянные глаза его бѣгали въ своихъ впалыхъ логовищахъ, какъ двѣ проворныя ищейки, почуявшія лакомый кусокъ, и костлявыя руки сильно жестикулировали.

— О, ты, Павелъ Егорычъ, умница!.. Я вижу! Я оч-чень хорошо вижу, молодчина ты, можно сказать, первый сортъ... И, разумѣется, ты правъ—зачѣмъ намъ ѣхать къ нотаріусу, ты мнѣ просто-за-просто дашь векселекъ въ четыре тысячи и конецъ, и никакого срока ненужно, а такъ по родственному: — будутъ, —отдашь, не будутъ не надо!

— Ну ужъ и въ че-тыре!—заплетающимся языкомъ возразилъ Ипатовъ,—л-ловокъ!

Минуту спустя въ бутылкѣ еще поубавилось вина. Волоса на головѣ Ипатова еще болѣе спутались, но взглядъ его кроткихъ глазъ былъ уже не сонный, а тревожный. Павелъ Петровичъ смотрѣлъ вкрадчиво и напоминалъ своей фигурой звѣря, притаившагося въ засадѣ.

— Вся сила во мнѣ,—шепталъ онъ: — захочу—будешь богатъ, не захочу—останешься какъ ракъ на мели... Чувствуешь ты это?

— И ты!.. Ты хочешь меня погубить? Ты желаешь всѣ мои упованія пустить въ трубу? Да?—заговорилъ Ипатовъ, клокоча волосы.

Подрамниковъ не замѣчалъ, что у него нижняя губа подер-

гивается, лѣвый глазъ подозрительно подмигиваетъ и пальцы тощихъ рукъ непривычно искривляются.

— И ты! Ты! — приставалъ онъ, возвышая тонъ голоса:— ты, значитъ, самый что ни на есть коварнѣйшій человѣкъ, ты хочешь опутать меня, удавку на шею накинуть... Хорошъ! Великолѣпно хорошъ!

— Пашенька, ты не кричи! Тише лучше! — уговаривалъ Подрамниковъ, садясь съ нимъ рядомъ:—какъ ты ни разсуждай,—шепталъ онъ близко, близко склонившись къ его лицу и почти касаясь лбомъ его волосъ,—все-таки вся сила въ моихъ рукахъ. Я могу пойти къ Елизаветѣ Дмитріевнѣ и все разрушить. Развѣ думаешь, долго?—двухъ минутъ достаточно. Наговорю ей всякихъ нелѣпостей — и злющій, молъ, и задорный, и чортъ его, молъ, знаетъ, какъ съ нимъ жить; я и самъ ему не радъ, хе, хе, хе!

— Я-до-вито! Оч-чень ядовито!—мрачно хмурясь, возразилъ Ипатовъ, и вдругъ, къ величайшему изумленію Подрамникова, забарабанилъ по столу обѣими руками.

— Что ты дѣлаешь, Павелъ Егорычъ? Перестань, слышишь, тебѣ говорю!

— Не перестану!—продолжалъ Ипатовъ, возвысивъ голосъ,—окаянная твоя душа, кровопійца проклятый!

— Зачѣмъ такъ раздражаться? — просилъ Подрамниковъ, хватая его за руки. Онъ только теперь понялъ, что напрасно тратился на вино для такого человѣка, котораго оно вовсе не располагаетъ къ благодушному настроенію, а только дѣлаетъ раздражительнымъ.

— Сколько ты, отвратительный человѣкъ, нашего брата на своемъ вѣку погубилъ!—кричалъ Ипатовъ.

Лицо его было красно, кроткіе глаза, недавно еще такъ благодушно моргавшіе въ отвѣтъ на льстивыя рѣчи Подрамникова, теперь налились кровью и сверкали гнѣвомъ. Павелъ Петровичъ то хваталъ его за руки, мѣшая стучать, то зажималъ ему ротъ, удерживая отъ крика. Въ комнату вошелъ лакей и съ заискивающей улыбкой обратился къ Павлу Петровичу.

— Буфетчикъ послалъ... Сдѣлайте одолженіе, нельзя ли какъ поблагороднѣе... Очень безобразно!

Но Ипатовъ уже ослабѣлъ отъ сильнаго нервнаго напряженія и, склонивъ голову на столъ, зарыдалъ такъ, что все его тщедушное тѣло задергалось.

Павелъ Петровичъ привезъ его къ себѣ домой и кой-какъ уложилъ наконецъ спать.—Утро вечера мудренѣе, думалъ онъ.

Дѣйствительно, утромъ все устроилось такъ, какъ желалъ

Павелъ Петровичъ, да и усилій съ его стороны никакихъ для этого не требовалось: Ипатовъ сдѣлался смирнѣе прежняго и, стыдясь своего вчерашняго поведенія, не смѣлъ взглянуть прямо въ глаза Павлу Петровичу. Павелъ Петровичъ, не говоря ни слова о вчерашнемъ, принесъ ему вексельный листъ въ три тысячи и коротко сказалъ: — Либо подписывай, либо... съ Богомъ по морозцу!..

Ипатовъ безпрекословно взялъ перо и, подписывая вексель, думалъ.

— Тону! Чувствую, что опускаюсь на самое дно!..

XVII.

Горбунья, Елизавета Дмитріевна Подшивалова, была дочь купца-апраксинца. Въ описываемое время ей было уже лѣтъ за двадцать-пять, пожалуй, даже и побольше, хотя, конечно, опредѣлять болѣе или менѣе точно женскія лѣта трудно. Можетъ быть, ей было и тридцать съ хвостикомъ—это уже ея тайна, и въ наше время, когда наука достигла, такъ сказать, вершины славы въ изобрѣтеніи различныхъ притираній и присыпаній, надо разъ навсегда отказаться отъ попытки опредѣлять женскія лѣта. Отецъ и мать ея умерли лѣтъ тому назадъ пятокъ. Они были люди благочестивые, одѣвались по старинному, строго соблюдали всѣ посты, среды и пятницы. Отецъ носилъ длиннополый кафтанъ, волосы стригъ въ кружало, а мать покрывалась шелковымъ платочкомъ. При жизни ихъ и Елизавета Дмитріевна одѣвалась тоже по старинному, о корсетахъ, шляпкахъ и перчаткахъ могла только развѣ помечтать, да и то лишь подъ великимъ секретомъ отъ родителей. Она была благоразумная и послушная дочь и ревностно слѣдила за тѣмъ, чтобы всѣ лампадки предъ образами въ квартирѣ ея родителей были всегда въ исправности, и неугасимо освѣщали святые лики съ утра до утра. Всего скорѣе, кажется, именно за это отецъ ей и наслѣдство богатое оставилъ.—«Она у меня,—думалъ онъ,—дѣвица благочестивая и при своемъ уродствѣ имѣнія не расточитъ, а вѣрнѣе, на благопотребныя цѣли его пріуготовитъ, будучи, такъ сказать, свыше предназначенною на цѣломудренное въ этомъ мірѣ житіе».

Когда отецъ и мать вскорѣ другъ за другомъ переселились въ лучшій міръ, то Елизавета Дмитріевна дѣйствительно молилась объ упокоеніи ихъ душъ, и главнымъ образомъ за то, что они имѣли терпѣніе прожить въ этомъ мірѣ до ея совер-

шеннолѣтія. — «Господи! — искренно и даже въ слезахъ взывала она,—что бы со мною было, еслибъ они раньше умерли? Вѣдь опекуны все бы мое наслѣдство до копѣйки растощили... Ущедри твое созданіе!..» Потомъ, недѣльки двѣ-три спустя послѣ ихъ похоронъ, она, согласно своему вкусу, кой-что въ домѣ поизмѣнила. Старинную мебель краснаго дерева сбыла на Апраксинъ, а вмѣсто нея накупила кушетокъ и козетокъ съ разными пестрыми балаболками. Лампадки лишнія поубрала и оставила только одну у себя въ спальной, замѣнивъ простого стекла лампадку хрустальной темно-малиноваго цвѣта. Такія лампадки всего чаще встрѣчаются въ пріемныхъ комнатахъ нотаріусовъ, адвокатовъ, врачей и т. п. практиковъ, имѣющихъ сношенія съ разноперстнымъ людомъ и предпочитающихъ темно-малиновыя лампадки простымъ, потому что огонекъ въ нихъ почти незамѣтенъ. Эти практики, какъ извѣстно, люди проницательные и умѣютъ, такъ сказать, ловить чорта за хвостъ. Они отлично понимаютъ, что тѣмъ, кто при входѣ въ комнаты не взглядываетъ въ передній уголъ, лампадный огонекъ не нуженъ и не зачѣмъ его совать имъ на глаза; но что все-таки онъ необходимъ для благочестивыхъ людей, какъ пріятная для нихъ неожиданность, могущая располагать ихъ къ щедрости. Елизавета Дмитріевна такими соображеніями при выборѣ лампадки, конечно, не руководствовалась и ни мало не заботилась о томъ, чтобы угождать, какъ говорится, «и вашимъ и нашимъ», однако же подмѣтила гдѣ-то, что «много благороднѣе», когда лампадный огонь не бросается рѣзко въ глаза при входѣ въ комнату.

Откровенно говоря, той искренней религіозности и скромности, которыя она усердно проявляла во время благоденственнаго и мирнаго житія ея родителей, теперь со смертію ихъ въ ней почти уже не было. Она, несмотря на свое уродство, съ каждымъ днемъ дѣлалась развязнѣе и смѣлѣе, и лишь только вступила во владѣніе наслѣдственнымъ имуществомъ, такъ тотчасъ же перетасовала всю прислугу въ домѣ. Кухарка Матрена, баба крупная и широкоплечая, съ рябымъ лицомъ и геркулесовскими кускулами рукъ, темныхъ и шероховатыхъ, какъ кожа поджаренной индѣйки, взвыла на всю комнату, когда Елизавета Дмитріевна объявила ей объ отказѣ отъ мѣста.

— Девять годовъ я, матушка Лизавета Митревна, при вашихъ родителяхъ трудилась, можно сказать, рукъ не покладывала... Дай имъ Господи царство небесное, добродѣтельные были люди, матушка ваша покойница была для меня какъ ангелъ, видѣла

она, сердешная, что я васъ люблю какъ дитю родную... И за что про что ваша теперь ко мнѣ немилость?

Причитая и голося, она повалилась предъ Елизаветой Дмитріевной въ ноги, силясь ухватиться обѣими руками за ея шелковое платье (такихъ при жизни родителей Елизавета Дмитріевна и не надѣвала), но ни милости, ни сожалѣнія отъ нея не дождалась. Цѣлый вечеръ потомъ она ворчала на кухнѣ, безцеремонно грозя геркулесовскимъ кулакомъ на дверь, ведущую въ комнату горбуньи.—«Всегда была и прежде безсердечная, притворщица проклятая, вся въ мать—такая же вѣдьма злющая».

Дворникъ Максимъ, жившій въ домѣ съ незапамятнаго времени, тоже полетѣлъ съ мѣста. Дворникъ Максимъ былъ мужикъ степенный и основательный, волосы носилъ въ скобку, бороду имѣлъ большую, сѣдую и лохматую, при входѣ въ комнату крестился большимъ крестомъ. Услышавъ о томъ, что ему грозитъ опасность, онъ по старой привычкѣ залѣзъ прямо въ залъ и уже взмахнулъ-было рукой, намѣреваясь осѣнить себя аршиннымъ крестомъ, но вдругъ смутился, увидя предъ собою разгнѣванную хозяйку.

— Зачѣмъ ты сюда лѣзешь? Зачѣмъ? Кто тебѣ позволилъ такъ прямо безъ зову входить?—визгливо закричала она, махая на него обѣими руками, и такъ близко къ его бородатому лицу, что онъ даже замигалъ.

— Мы таперича а...—началъ-было онъ,—какъ наслышаны, что-о...

— Ахъ, ты сиволапый мужикъ, топаешь сапожищами на всю квартиру! Что тебѣ нужно?—гнѣвно спрашивала Елизавета Дмитріевна.

— Мы, Лизавета Митревна, какъ, значитъ, намъ сказали, быдто отказываете отъ мѣста...

— Ну и отказываю. Ну и что же дальше?

— А дальше, значитъ, какъ мы завсегда вамъ служили...

— Завсегда ли, не завсегда ли, а ты мнѣ теперь ненуженъ, и дòрогъ, и знаю, что выпиваешь... Отецъ покойный этого не замѣчалъ, а я вижу и держать тебя не хочу. Иди въ свою конуру и жди разсчета.

Максимъ долго почесывалъ у себя въ затылкѣ, сидя потомъ въ дворницкой.

— Ну, баба!—ворчалъ онъ, такъ вотъ прямо вся и обозначилась, сорокà дёнъ еще не прошло со смерти родителя, а какъ закрутила!

Короче говоря, Елизавета Дмитріевна твердо взяла въ свои

руки бразды правленія домомъ и всѣмъ хозяйствомъ. Мѣсяца черезъ два послѣ смерти родителей, ни ея квартиры, ни ее самой не признали бы и они сами, еслибъ вздумали опять пожаловать на этотъ свѣтъ. Квартира уже была поставлена на барскую ногу — и ковры, и зеркала, и портьеры и трюмо въ спальной Елизаветы Дмитріевны (должно быть для того, чтобы она могла разсматривать въ него во всѣхъ подробностяхъ свое уродство). Сама Елизавета Дмитріевна стала одѣваться въ модные капоты съ длинными шлейфами и круто оборвала всѣ прежнія сношенія съ родней и знакомыми покойнаго ея отца. По Апраксину пошелъ говоръ. Родной братъ покойника, торговавшій такимъ же какъ и онъ, товаромъ, и послѣ его смерти купившій этотъ товаръ за полцѣны, билъ себя кулаками въ грудь, порицая ее за лицемѣріе и гордость.

— Ядъ она! Самый настоящій ядъ!—говорилъ онъ.—Всѣхъ насъ обошла, такіе турусы на колесахъ разводила о своемъ сиротствѣ и безпомощности, что вся родня, можно сказать, о ней плакала; а какъ только дѣло ея оправили и вошла она во владѣніе наслѣдствомъ—смотримъ, рыло отъ всѣхъ воротитъ. И откуда чего взялось, понять невозможно, даже и повѣрить нельзя, какая перемѣна произошла. Ну, будь еще человѣкъ настоящій, какъ слѣдуетъ, а то вѣдь уродъ американскій, въ музеяхъ такихъ показываютъ—и вдругъ на́ тебѣ!.. Бывало при покойникѣ слова отъ нея не добьешься, только и отвѣтовъ, что «я не знаю, да какъ угодно», а теперь рѣжетъ какъ бритва, барыней сидитъ въ креслахъ, книжечку читаетъ. Приживалокъ цѣлую тройку завела, безъ докладу до нея и не доберешься.

Апраксинцы слушали, охали, дѣлали замѣчанія въ родѣ напримѣръ: «ахъ, чтобы ее» или «вотъ дѣла-то!» Они не забывали однакоже стрѣлять глазами на-право и на-лѣво въ ожиданіи покупателя, а какъ только онъ появлялся вблизи ихъ лавокъ, тотчасъ же набрасывались на него со всѣхъ сторонъ, подобно стаѣ голодныхъ волковъ, и осаждали его предложеніями своихъ товаровъ. Самъ разсказчикъ, только-что бичевавшій себя въ грудь и жаловавшійся на невозможность продолжать торговыя дѣла при существованіи на свѣтѣ такой явной лжи и лицемѣрія, какія проявляла, будто бы на удивленіе всѣмъ, горбунья, тоже не уступалъ своимъ собратамъ въ зазываніи покупателя.

Когда прохожій отбивался, наконецъ, отъ совмѣстнаго ихъ нападенія, они продолжали прежній разговоръ, какъ будто онъ даже и не прерывался.

— Все профинтитъ! Все пойдетъ прахомъ,—предсказывалъ

братъ покойнаго Подшивалова:—ежели теперича она и Божіе милосердіе не пощадила и эстолько старинныхъ образовъ въ церкву отдала безъ ризъ, а ризы всѣ въ ломъ серебрянику сбыла, такъ что же еще добраго отъ нея послѣ этого ждать? Значитъ, у ней и вѣры родительской нѣтъ и не было, а замѣсто того одна фальшь...

— Да это ужъ что же... ежели такъ безъ Бога—что хорошаго.

— Намъ безъ Бога невозможно, потому, наше дѣло торговое,—подсказалъ кто-то изъ слушателей и, не переводя духа, продолжалъ, накинувшись вмѣстѣ съ собратами на прохожаго:

— Достопочтеннѣйшій господинъ! Пальто, фуражки... Товаръ достойный уваженія...

Нужно, однакожъ, замѣтить, что, несмотря на пророчество родныхъ и на рѣзкую перемѣну въ образѣ жизни Елизаветы Дмитріевны, едвали можно было предположить, что она проживетъ наслѣдство, такъ какъ ея обращеніе съ деньгами было весьма аккуратное и счетъ имъ она вела строго.

XVIII.

Она даже устояла противъ подходовъ Павла Петровича Подрамникова. Даже и ему, при всей его дальновидности и изворотливости, не удалось найти руководящихъ путей къ ея сердцу. Онъ, разумѣется, не отказался бы и самъ на ней жениться, еслибы только представилась для этого хотя малѣйшая возможность. Въ томъ-то и вся трудность заключалась, что не только перебить дорогу Ипатову, но даже временно проникнуть въ ея денежные карманы ему никакъ не удавалось. Только-что онъ появлялся у нея въ квартирѣ, какъ въ ту же минуту сыпались на его голову вопросы.

— Вы опять одни? Ахъ, Боже мой, это невыносимо! Я не могу больше вамъ вѣрить, вы наговариваете мнѣ разный вздоръ, выдумываете, сочиняете...

— Не сочинитель я, Елизавета Дмитріевна, я художникъ... Сочинители тѣ, знаете, того... любятъ, знаете, приврать, а я всегда по правдѣ, по истинѣ.

— Но когда же, наконецъ?

— Скоро, скоро... Повѣрьте—влюбленъ, т.-е. вотъ какъ, понимаете, по горло...

Но лишь только ему удавалось успокоить ее и придать раз-

говору такое направленіе, какое требовалось непосредственно для того, чтобы подобраться къ фразѣ:—«пустяки, и нужно-то всего три тысячи недѣльки на двѣ», какъ она круто обрывала его замыслы.

— Я вашихъ дѣлъ рѣшительно не понимаю, — возражала она,—и понимать мнѣ ихъ незачѣмъ.

— Конечно, хе, хе!.. дѣло женское и я только такъ, къ слову... — благоразумно отступалъ онъ, проклиная ее въ душѣ.

И какъ онъ за ней ни увивался и съ какой стороны ни подходилъ—чувствовалъ, что понапрасну теряетъ время. Только и удалось ему вытянуть отъ нея триста рублей, да и то лишь благодаря счастливой случайности, именно—упоминаніемъ о нуждахъ Ипатова. Для него Елизавета Дмитріевна расщедрилась, хотя и попросила все-таки росписочку «на память».

Павелъ Петровичъ при этихъ словахъ даже отскочилъ отъ нея въ сторону какъ мячикъ.

— Позвольте-съ, Елизавета Дмитріевна, удостойте вниманіемъ,—съ заискивающей улыбочкой проговорилъ онъ, — я не имѣю никакой надобности утруждать васъ обязательствомъ и брать эту сумму въ видѣ, напримѣръ, займа, я только имѣю честь заявить вамъ, что родственничекъ мой Павелъ Егоровичъ Ипатовъ, дѣйствительно, человѣкъ бѣдный, какъ вамъ и самимъ это не безъизвѣстно, и медлитъ собственно поэтому... Не скрывая, вамъ скажу... Я человѣкъ прямой, русскій, именно потому и медлитъ, что стыдится какъ красная дѣвица...

— Чего-жъ ему стыдиться, это удивительно... если, какъ вы говорите... у него истинное чувство ко мнѣ...

— О, увѣряю васъ!—убѣдительно прервалъ ея рѣчь Павелъ Петровичъ,—самое искреннѣйшее... даже плачетъ. Вѣрьте чести, своими глазами видѣлъ... Но костюмъ его... извините, сами изволили видѣть, недостаточно свѣжъ.

Только такимъ оборотомъ дѣла Павелъ Петровичъ ускользнулъ отъ выдачи росписки.

— Это глыба какая-то ледяная, чортъ ее возьми!—ворчалъ онъ, возвращаясь отъ нея съ деньгами.

Тройка приживалокъ Елизаветы Дмитріевны съ своей стороны тоже не дремала и, навостривъ уши, прислушивалась, куда дуетъ вѣтеръ. Замѣчая, что Подрамниковъ «съ ногъ сбился, а жениха все-таки не предоставилъ», приживалки стали задаваться соблазнительной мыслію пристроить къ Елизаветѣ Дмитріевнѣ кого-нибудь другого, лишь бы положить конецъ мучительнымъ ожиданіямъ и возникавшимъ отъ этого домашнимъ непріятно-

стямъ. Представленъ былъ Елизаветѣ Дмитріевнѣ, какъ бы случайно, прикащикъ изъ колоніальнаго магазина, свѣженькій, румяный, съ черненькими усиками и съ подобающими его званію манерами. Онъ оказался въ передней ея квартиры съ корзинкою грушъ, присланныхъ будто бы хозяиномъ на пробу, и при ея появленіи затораторилъ такъ, что изъ его рѣчи она не могла понять ни одного слова.

— Имѣю честь, сударыня, представить вамъ и всепокорнѣйше просить,—говорилъ онъ, глотая слова, — нашъ хозяинъ изволили вамъ прислать и всенижайше просить почтить своимъ вниманіемъ. Товаръ только-что полученъ, самаго перваго сорта, удивительнаго качества и высшаго достоинства.

— Что это такое? Я не понимаю...—изумилась Елизавета Дмитріевна.

Одна изъ приживалокъ, длинная, сухая и тонкая, въ черномъ платьѣ и бѣломъ чепцѣ, льстивымъ бѣсомъ увивавшаяся за ея спиной, услужливо наклонилась къ ея уху и вкрадчиво зашептала.

— Конечно, сударыня, я не смѣю думать... Но, кажется, груши-то только предлогъ... Извольте обратить вниманіе, молодой человѣкъ, кажется, влюбленъ... Посмотрите, какіе глаза...

— Ахъ, подите вы! — возразила Елизавета Дмитріевна, и даже не захотѣла удостоить взглядомъ херувимскаго личика прикащика.—Что это за выдумки!—ворчливо заговорила она, гнѣвно сверкнувъ на приживалку.—Скажите ему, пусть передастъ своему хозяину, что я сама знаю дорогу въ магазинъ.

Послѣ этого неудавшагося представленія кандидата на мѣсто Ипатова, между приживалками произошла размолвка. Двѣ изъ нихъ настаивали, что надо попробовать еще одного изъ женихов, благо такіе въ виду были цѣлыми десятками. На этотъ разъ предпочтенъ былъ всѣмъ другимъ департаментскій чиновникъ, молодой, гладко прилизанный, чисто выбритый, съ пухлыми щеками, схожими по цвѣту съ крупичатымъ хлѣбомъ, и съ круглыми глазами на выкатѣ, ничего не выражавшими, кромѣ готовности дѣйствовать неукоснительно, на основаніи начальническихъ циркуляровъ. Этого жениха не одобряла третья приживалка, старуха тучная, апатичная, отличавшаяся большой наклонностію къ дремотѣ. На тайномъ совѣщаніи, происходившемъ какъ-то вечеромъ въ то время, когда Елизавета Дмитріевна была въ театрѣ, старушка эта, отличавшаяся, несмотря на свою тучность и сонность, большою въ житейскихъ дѣлахъ опытностью, высказала основательные доводы на счетъ того, что съ чиновни-

комъ шутить нельзя — у него и орденъ, и мундиръ и, что Боже сохрани, если привяжется, отъ него не отдѣлаешься.

Но извѣстно — чему быть, того не миновать, — и чиновникъ съ пухлыми щеками въ одно изъ воскресеній явился къ Елизаветѣ Дмитріевнѣ съ визитомъ. Съумѣй онъ себя повести съ должнымъ достоинствомъ, соотвѣтствующимъ и его чину титулярнаго совѣтника и ордену Станислава третьей степени, ему, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ удалось бы добиться расположенія Елизаветы Дмитріевны; но, увы, онъ не догадался поступить такъ, какъ требовалось по обстоятельствамъ дѣла, и только тутъ, въ роковую минуту своей жизни, понялъ, что ничему доброму разъяснительные циркуляры и предписанія его не научили.

Знакомый съ жизнью только по сценѣ Александринскаго театра, онъ, подражая талантливымъ актерамъ этой замѣчательной сцены, грохнулся предъ Елизаветой Дмитріевной на колѣни, прижалъ руку къ сердцу, даже такъ неловко, что, по нечаянности, закрылъ ею и орденъ св. Станислава, и зашепталъ:

— Я люблю васъ, я готовъ на все, меня самъ генералъ Ѳедоръ Карловичъ фонъ-Шпигель отъ всѣхъ сослуживцевъ отличаетъ. Если пожелаете, я буду служить, дослужусь до мѣста въ сенатѣ... Не пожелаете, останусь титулярнымъ и завтра же подаю прошеніе объ отставкѣ съ мундиромъ. Я человѣкъ смирный, трезвый, вина въ ротъ не беру. Къ вамъ я буду всегда почтителенъ, клянусь вамъ!

Елизавета Дмитріевна даже фыркнула, взглянувъ на него, и замахала руками, прося замолчать, а онъ, чувствуя, что земля подъ нимъ проваливается, подбавилъ еще жару, возвысилъ тонъ голоса и даже поползъ на колѣняхъ за нею, продолжая увѣрять въ своей любви. Дѣло дошло до того, что нужно было прибѣгнуть къ увѣщаніямъ и просить, по крайней мѣрѣ, дня два на размышленіе. Но и потомъ, когда, наконецъ, этого чиновника выпроводили и когда длинная, сухощавая приживалка заявила ему съ нескрываемымъ злорадствомъ, что онъ забракованъ, онъ еще нѣсколько разъ пытался предстать предъ лицомъ Елизаветы Дмитріевны и кончилъ тѣмъ, что запилъ горькую. Самъ генералъ Ѳедоръ Карловичъ фонъ-Шпигель, когда услышалъ о печальной участи любимаго чиновника, на котораго весь департаментъ смотрѣлъ какъ на будущаго автора разъяснительныхъ циркуляровъ, пожалѣлъ его и поинтересовался узнать, что за неприступная такая невѣста, госпожа Подшивалова. Однакожъ, къ его чести нужно заявить, что когда онъ узналъ о средствахъ Елизаветы Дмитріевны и о томъ, что у ней всего доходовъ отъ

капитала и отъ дома не болѣе шести тысячъ рублей, выразилъ удивленіе, какъ можно продавать свою свободу за такую ничтожную сумму.

Но такъ, должно быть, отъ начала міра предопредѣлено, что ревностно ищущіе, всего чаще менѣе находятъ, чѣмъ тѣ, которые совсѣмъ не ищутъ, и пока въ винномъ туманѣ рисовалось предъ огорченнымъ чиновникомъ богатство Елизаветы Дмитріевны и сама она, съ своими столь очаровавшими его горбами на спинѣ и на груди, Ипатовъ уже всецѣло владѣлъ ея сердцемъ.

XIX.

Онъ сто разъ готовъ былъ отказаться отъ нея, даже и въ послѣднюю роковую минуту, когда ѣхалъ къ ней вмѣстѣ съ Подрамниковымъ. При его появленіи въ квартирѣ Елизаветы Дмитріевны произошла такая суматоха, что, казалось, приживалки всѣ три одновременно съ ума сошли. Онѣ заметались по комнатамъ изъ одной въ другую съ шипящими восклицаніями: «пріѣхалъ, пріѣхалъ, Елизавета Дмитріевна, онъ пріѣхалъ!» Сама Елизавета Дмитріевна тоже смутилась, кидаясь то къ своему огромному трюмо, то къ притвореннымъ дверямъ, ведущимъ изъ спальной въ гостиную, куда были приглашены Ипатовъ съ Подрамниковымъ. Когда она, облачившись, наконецъ, въ наряды и по возможности прикрывъ пышными буфами и кружевами горбы, вышла въ гостиную, то не знала о чемъ заговорить. Обратившись непосредственно къ Ипатову, она сказала сначала, что очень рада, но потомъ вдругъ смутилась, потупила глаза и понизивъ тонъ, добавила, вспыхнувъ при этомъ до ушей:

— Я передала тогда... господину Подрамникову... Вы получили?

Ипатовъ самъ былъ не менѣе ея смущенъ и смотрѣлъ тоже въ полъ, держа въ обѣихъ рукахъ шляпу-цилиндръ. Онъ чувствовалъ себя въ положеніи человѣка, хотя и одѣтаго въ новую черную пару и лаковые сапоги, но все-таки приговореннаго, если не къ смертной казни, то по меньшей мѣрѣ къ вѣчной каторжной работѣ. Онъ ни слова не понялъ изъ вопроса горбуньи, не зналъ, что̀ на него отвѣчать, только искоса взглянулъ на Подрамникова и глубоко вздохнулъ.

Подрамниковъ, однако-же, не дремалъ и поспѣшно отвѣтилъ за него.

— Получилъ-съ... Конечно-съ, получилъ. Я тогда же и передалъ ему. Павелъ Егоровичъ, что же ты, братецъ мой, молчишь? Если Елизавета Дмитріевна изволитъ къ тебѣ самолично обращаться, то слѣдуетъ немедленно удовлетворить ихъ отвѣтомъ.

Павелъ Егоровичъ опять покосился на Подрамникова и пожалъ плечами.

— Я прошу извиненія,—смущенно проговорилъ онъ,—я собственно потому не могу отвѣчать, что не понимаю вопроса.

— Ахъ, какой странный!—перебилъ Подрамниковъ.—Елизавета Дмитріевна изволитъ спрашивать о тѣхъ деньгахъ...

— О какихъ деньгахъ?

— Какъ о какихъ? Ахъ, какой разсѣянный! О тѣхъ именно деньгахъ, которые я тебѣ передалъ тогда... Помнишь, триста рублей...

Ипатовъ еще болѣе смутился и, чувствуя, что Подрамниковъ дергаетъ его за фалды фрака, съ такою силою, что какъ бы хочетъ ихъ оборвать, поспѣшно отвѣтилъ:

— Ахъ, да, да. Припоминаю...

— Ну, вотъ, вотъ... Онъ, извините, Елизавета Дмитріевна, въ послѣднее время очень разсѣянъ, хе, хе!.. И я знаю причину, хе, хе...

Съ каждымъ словомъ Ипатова Елизавета Дмитріевна все болѣе и болѣе смущалась.

— Ахъ,—начала, наконецъ, она,—я сама не знаю, чтб говорю. Съ моей стороны это даже неприлично, съ перваго слова о деньгахъ. Я, повѣрьте, только такъ спросила, въ смыслѣ лишь вступленія въ разговоръ...

Ея фіолетовое лицо горѣло заревомъ солнечнаго заката; голова, казалось, еще глубже ушла въ плечи и смущенный взглядъ искалъ предмета, на которомъ можно-бъ было ему подольше остановиться и сосредоточиться. Безъ сомнѣнія, ее волновали не тѣ триста рублей, которые Подрамникову удалось отъ нея вытянуть, а именно любовь, приходъ милаго сердцу человѣка, котораго она желала имѣть своимъ спутникомъ жизни; но все-таки и въ самомъ смущеніи своемъ она остановилась не на чемъ другомъ, а именно на мысляхъ о деньгахъ и прежде всего спросила о нихъ.

Подрамниковъ въ эти минуты окончательно понялъ ее и чуть ли не въ первый разъ въ жизни возблагодарилъ Бога за то, что старъ и гарантированъ этимъ отъ брачныхъ узъ.—«Она вѣдьма, безъ сомнѣнія, вѣдьма и въ самомъ дурномъ смыслѣ этого слова»,—думалъ онъ.

Елизавета Дмитріевна была неузнаваема и никакъ не могла овладѣть своимъ волненіемъ; куда дѣвалась ея самоувѣренная смѣлость и самодовольное сознаніе независимости. Приживалки, тѣснившіяся около дверей, открывавшихъ входъ изъ спальной въ гостиную, и тормошившія другъ друга въ нетерпѣливомъ желаніи посмотрѣть на жениха, шептались потомъ въ столовой, не столько о немъ, сколько о самой Елизаветѣ Дмитріевнѣ, находя, что она «овечкой сидитъ, возьми ножницы и стриги». Когда въ отвѣтъ на это мнѣніе, толстая приживалка, отличавшаяся большой житейской мудростію, укоризненно покачала головой, то обѣ ея товарки вдругъ притихли, глубоко вздохнули, сознавъ, вѣроятно, свое заблужденіе и вспомнивъ, что Елизавета Дмитріевна особа не изъ тѣхъ, которыхъ стригутъ.

И дѣйствительно, пока приживалки шептались въ столовой, Елизавета Дмитріевна, мало-по-малу овладѣвая своимъ волненіемъ, вошла въ обычную роль самовластной хозяйки, сознающей свое независимое положеніе. Она уже не потупляла болѣе глазъ въ полъ и пересѣла съ кресла на диванъ, сложивъ обѣ мясистыя руки на столъ съ локтями. Привычка такъ сидѣть осталась у ней еще отъ временъ родительскихъ и относилась, такъ сказать, къ до-реформенному періоду ея жизни. Чай, между тѣмъ, не подавали и даже признаковъ его скораго появленія не было, изъ столовой не доносилось никакихъ звуковъ разставляемой посуды, ни шипѣнія самовара, ни шаговъ прислуги, точно во всей квартирѣ, кромѣ Елизаветы Дмитріевны и ея гостей, никого не было. Павелъ Петровичъ Подрамниковъ, шнырявшій пытливымъ взглядомъ во всѣ углы комнаты, точно высматривая, не лежитъ ли гдѣ что-нибудь подходящее для его «фирмы», сталъ уже подумывать о томъ, не благоразумнѣе ли будетъ отправиться пить чай въ трактиръ. Но вотъ откуда-то донеслись пріятно-оживляющіе звуки, кто-то грузно прошагалъ въ сосѣдней комнатѣ направо отъ передней. Павелъ Петровичъ пріободрился и сталъ прислушиваться.—«Это самоваръ!» — соображалъ онъ,—«значитъ, изъ передней дверь направо въ столовую, и тотъ свѣтъ, который давеча при входѣ я замѣтилъ, отъ висячей лампы, несомнѣнно надъ обѣденнымъ столомъ». Онъ услышалъ потомъ легкое звяканье посуды и даже шумъ воды, лившійся изъ самоварнаго крана въ чайникъ.—«Самоваръ! Несомнѣнно самоваръ, и вѣроятно чай будетъ съ закуской, нельзя же теперь въ девятомъ часу наливать однимъ чаемъ... И прекрасно! Значитъ, я и въ трактиръ не пойду, а прямо отсюда домой—и баиньки».

Пока онъ такъ соображалъ и пытливо посматривалъ на обстановку комнаты, Елизавета Дмитріевна уже усадила Ипатова около себя на сосѣднее съ диваномъ кресло, и кидая на него влюбленные взгляды, вела тихій разговоръ, больше, впрочемъ, въ формѣ вопросовъ о его лѣтахъ, о занятіяхъ, о его родныхъ, не обращая никакого вниманія на Павла Петровича. Ипатовъ, въ какомъ смущеніи вошелъ въ комнату, въ такомъ и оставался во все время разговора съ Елизаветой Дмитріевной. Замѣчая, что на столахъ есть какія-то книжки, на стѣнахъ картинки, онъ подавлялъ вздохи и не смѣлъ ни къ книжкамъ прикоснуться, ни на картинки свободно посмотрѣть.

Откровенно говоря, ни книжки, ни картинки, украшавшія комнату, не стоили вниманія. Книжки состояли изъ собранія иностранныхъ романовъ, преимущественно такого содержанія, въ которомъ главную роль играютъ таинственные замки, подземелья, ядъ, кинжалы и любовь, и русскихъ иллюстрированныхъ изданій, въ родѣ «Чернозема» и «Зазывателя», въ которыхъ вмѣсто яда и кинжала составляютъ для читателей чудесный интересъ дешевизна изданія, дающаго за какой-нибудь грошъ сто тысячъ строкъ текста «высокодаровитыхъ и первоклассныхъ писателей», сто тысячъ рисунковъ и модныхъ выкроекъ, исполненныхъ тоже высокодаровитыми художниками, и такую удивительную олеографическую картину, какихъ, по словамъ издателей, еще никто, никогда и нигдѣ со временъ міросозданія не видывалъ.

Подрамниковъ тоже покосился разъ-другой на книжки и листки иллюстрированныхъ изданій и подумалъ: «книжекъ у ней довольно, а чаю что-то не даютъ». Въ дверяхъ показалась, наконецъ, темная фигура одной изъ приживалокъ и нарушила тихую бесѣду Ипатова съ горбуньей, громкимъ вопросомъ:

— Чай гдѣ будете кушать, Елизавета Дмитріевна?

Отъ этого громкаго вопроса встрепенулись не только она и Ипатовъ, но даже Подрамниковъ, соображавшій что-то о дѣлахъ своей «фирмы», вздрогнулъ.

— Ахъ, какія вы несносныя, дикія!—воскликнула Елизавета Дмитріевна, всплеснувъ руками,—когда я васъ научу вести себя прилично!

— Да что же я такое, матушка Елизавета Дмитріевна, сказала непозволительное?—заговорила въ свое оправданіе приживалка, но на полусловѣ оборвалась и сжалась какъ-то вся, точно ее кипяткомъ въ это мгновеніе ошпарили. Она увидѣла, какъ вдругъ исказились черты лица Елизаветы Дмитріевны, какъ задрожали ея губы, и мгновенно поняла, что оправдываться въ

такую минуту опасно; это значило бы подливать масло въ огонь.

Елизавета Дмитріевна, однако, скоро овладѣла собой, и силясь придать вспыхнувшему гнѣвомъ лицу пріятное выраженіе, сказала, обратившись къ Ипатову.

— Пойдемте въ столовую. Такія онѣ у меня всѣ... справиться не могу.

Бѣдный Павелъ Егоровичъ сидѣлъ понуря голову. Онъ замѣтилъ, какъ струсила и растерялась приживалка, и готовъ былъ стремглавъ броситься на улицу, лишь бы только быть подальше отъ любезно улыбавшейся хозяйки дома.

Однако же, онъ не убѣжалъ, а послушно поднявшись съ кресла, пошелъ вслѣдъ за нею, сопровождаемый Павломъ Петровичемъ, который, улучивъ удобную минуту, одобрительно подмигнулъ ему и сдѣлалъ кислую рожу, передразнивая приживалку.

XX.

Не убѣжалъ онъ отъ Елизаветы Дмитріевны и на другой день и на третій, и такъ далѣе, чувствовалъ только, что сердце его ноетъ, точно больной зубъ, и не даетъ ему ни на одну минуту покоя, а въ голову лѣзутъ дикія несообразныя мысли... Казалось бы теперь, когда онъ былъ уже, такъ сказать, у тихой пристани, въ видѣ которой всегда до сихъ поръ представлялъ себѣ всякое мало-мальски обезпеченное въ матеріальномъ отношеніи существованіе,—теперь, казалось бы, слѣдовало ему радоваться, держать голову высоко и смотрѣть на всѣхъ съ сознаніемъ собственнаго достоинства: «я, молъ, не бѣднякъ какой-нибудь бездомный», а онъ, напротивъ, дѣлался съ каждымъ днемъ грустнѣе и задумчивѣе. Между тѣмъ, Елизавета Дмитріевна, не подозрѣвая его тайныхъ думъ, млѣла отъ сознанія собственнаго счастія, отъ удовольствія видѣть около себя любимаго человѣка, ходить съ нимъ подъ руку изъ магазина въ магазинъ, выбирая и заказывая себѣ свадебные наряды. Только изрѣдка, замѣтивъ его грустный взглядъ, она любовно прижималась къ его рукѣ и ласково шептала.

— Ахъ, какой вы, право!.. Зачѣмъ вы такъ... Нехорошо. Не смотрите такъ кисло...

Онъ вздрагивалъ, старался пріободриться и торопливо извинялся.

— Я такъ немного задумался объ одномъ дѣлѣ.

— Не нужно, не нужно, не задумывайтесь. Какія тамъ еще у васъ дѣла! Я просто начинаю сомнѣваться, что вы вовсе не такъ меня любите, какъ говорилъ Подрамниковъ.

— Ахъ, пожалуйста, не сомнѣвайтесь... Увѣряю васъ!—поспѣшно возражалъ онъ, даже не безъ оттѣнка пугливости.

— Зачѣмъ увѣренія на словахъ, нужно на дѣлѣ. Я не однихъ увѣреній хочу... Я счастлива и хочу, чтобъ и вы были счастливы. Скажите мнѣ, вы счастливы? Да?

— О да, конечно!—отвѣчалъ онъ и даже прижималъ локтемъ ея руку къ своему боку.

Проходило пять-шесть минутъ и онъ опять впадалъ въ задумчивость, не замѣчая, что вмѣсто необходимой бодрости и оживленія, приличествовавшихъ ему по роли, имѣетъ видъ человѣка, идущаго за гробомъ друга. Онъ замѣчалъ только одно, что чѣмъ ласковѣе и нѣжнѣе смотритъ на него Елизавета Дмитріевна, тѣмъ сильнѣе ноетъ его сердце. Короче говоря, онъ все еще не угомонился и хотя сознавалъ, что возврата уже нѣтъ, что вексель, выданный Подрамникову, связалъ его по рукамъ и по ногамъ, но все еще не могъ пересилить себя. Ему противно было смотрѣть не только на Елизавету Дмитріевну, но даже на тѣ дорогія матеріи, кружева, ленты, шелкъ и бархатъ, которые торговцы грудами наваливали предъ нею въ магазинахъ и съ притворною угодливостію и любезностью нахваливали.

Такъ цѣлые дни съ утра до поздняго вечера онъ неотступно состоялъ при Елизаветѣ Дмитріевнѣ въ качествѣ безсмѣннаго адъютанта, и чѣмъ пристальнѣе она къ нему присматривалась, тѣмъ больше онъ ей нравился, именно своею скромностію и уступчивостію. Когда, наконецъ, наступало время его ухода къ Подрамникову (у котораго онъ на нѣсколько дней до свадьбы пріютился), Елизавета Дмитріевна подолгу держала его руки въ своихъ рукахъ и, не сводя глазъ съ его блѣднаго лица, нѣжно спрашивала:

— Скажи мнѣ, доволенъ ли ты?

— О, конечно!..

— Такъ до свиданія! До утра, да?

— Хорошо... Я, какъ и сегодня, тоже въ одиннадцать часовъ приду,—говорилъ онъ едва слышно и потупившись.

— О, мой милый, несравненный!—тихо шептала она,—притягивая мясистыми руками его тощую фигуру ближе къ себѣ.

Когда затворялась за нимъ дверь, она восторженно кидалась на шею первой подвернувшейся ей приживалкѣ и визгливо восклицала:

— Это чудо чудесное, а не женихъ.

— Что говорить, матушка, Елизавета Дмитріевна, ужъ вы плохого не выберете, съ вашимъ-то умомъ, да при вашемъ-то капиталѣ еще бы не найти такого,—подсказывала приживалка.

Остальныя двѣ точно изъ земли выростали предъ Елизаветой Дмитріевной и спѣшили тоже высказать свои похвалы на счетъ необыкновенныхъ достоинствъ Ипатова. Не разъ въ эти дни посѣщенія жениха случалось такъ, что приживалки одновременно всѣ три получали и денежные подарки, и обѣщаніе новыхъ подарковъ послѣ свадьбы, и вообще всѣ три ликовали такъ, какъ будто Ипатовъ, долженствовавшій быть мужемъ Елизаветы Дмитріевны, предназначался и въ ихъ общее владѣніе.

— Это, матушка Елизавета Дмитріевна, вамъ Господь за вашу добродѣтель такого тихаго ангельчика послалъ,—угодливо наговаривали онѣ.

Случалось, впрочемъ, и такъ, что Елизавета Дмитріевна, слушая льстивыя рѣчи, вдругъ нежданно, негаданно обрывала ихъ крутымъ замѣчаніемъ:

— Да долго ли еще вы будете вздоръ молоть? Шитья одного теперь сколько.—Господи, вотъ несносный народъ! Подарки берете, а работать лѣнь!..

Вообще она знала всему мѣру и зорко слѣдила за тѣмъ, чтобы приживалки сложа рукъ не сидѣли. Не замѣчала она только одного и, какъ всего чаще бываетъ съ женщинами, самаго главнаго, именно душевнаго настроенія Павла Егоровича, который съ каждымъ днемъ дѣлался унылѣе, хотя и старался эту унылость скрывать.

Уходя отъ нея вечеромъ, онъ чувствовалъ, что у него голова кругомъ идетъ отъ всего видѣннаго и слышаннаго въ теченіе дня. Его возмущала и лесть приживалокъ, и приниженное ихъ положеніе, и та грубость, съ какою иногда обращалась Елизавета Дмитріевна съ ними.

«Помыкаетъ ими какъ животными,—думалъ онъ,—вотъ и мной также точно будетъ помыкать... Видно по глазамъ, что злая, хотя и ласкается... Господи, какъ противны ея ласки! Но какъ же мнѣ быть, куда броситься. Чувствую, что сдѣлалъ ужасный, непоправимый промахъ, и не вижу изъ него выхода... Неужели въ самомъ дѣлѣ такъ и погибать?.. А какъ я когда-то мечталъ о такой жизни, гдѣ тепло, сытно, уютно... Глупый, хотѣлъ пристроиться къ такому житью и не подумалъ о томъ, какою неволей надо за него заплатить... И тепло станетъ противно, и кусокъ въ ротъ не пойдетъ, когда душа томится... Ахъ, еслибы

можно воротить прошлое! Съ какимъ бы удовольствіемъ я убѣжалъ туда, къ прежней независимой жизни... Спокоенъ душой, свободенъ какъ птица... Ну, не доѣлъ, не доспалъ, ну, немножко и озябъ—что за бѣда!.. Ахъ, какъ-то тамъ теперь живутъ товарищи? Что Мельниковъ?.. Вѣдь половина ноября прошла и медали уже выданы... Что съ Латкинымъ?.. Несчастный онъ, а все таки счастливѣе меня. Безумецъ я, не понималъ тогда, живя съ ними, что значатъ слова: «не однимъ хлѣбомъ живъ будетъ человѣкъ»... Но что же дѣлать мнѣ теперь, какъ выйдти изъ этого ужаснаго положенія? Бѣжать? Разумѣется бѣжать, непремѣнно и немедленно... Будь что будетъ—убѣгу! А вексель? Какъ-же мнѣ быть съ векселемъ? Попаду я съ нимъ въ неволю къ Подрамникову и заклюетъ онъ меня какъ коршунъ цыпленка... Куда же кинуться? Вотъ тьма-то когда меня окружила, ужасъ! ужасъ!»

Такое его душевное состояніе Павелъ Петровичъ давно уже подмѣтилъ и не безъ озабоченности сталъ наблюдать за нимъ.

«Дѣло не ладно!—соображалъ онъ, — парень смотритъ волкомъ, какъ бы не выскользнулъ».

— Ты, паренекъ, здоровъ ли? — спрашивалъ онъ Ипатова.

— Голова болитъ,—сухо отвѣчалъ тотъ.

— То-то я смотрю, не простудился ли, думаю... А то выпей малины, если хочешь...

— Ничего, пройдетъ и такъ...

«Не въ малинѣ дѣло! — соображалъ про себя Павелъ Петровичъ,—вся бѣда отъ женщинъ. И какія же онѣ всѣ глупыя! Обрадовалась, уродина, парню и ухватилась за него обѣими руками раньше времени».

XXI.

«Надо ее все-таки предупредить!—думалъ онъ, — помилуй Богъ, сбѣжитъ парень, тогда какой мнѣ прокъ отъ его векселя? Селедку въ него завертывать, что ли? Но какъ предупредить— вотъ задача! Она распустила уши, вообразила, что въ самомъ дѣлѣ можетъ быть любима. Какъ, подумаешь, человѣкъ можетъ вдругъ ума лишиться! Теперь какими окольными путями подбираться къ ней? Сказать развѣ на счетъ родственниковъ, что разстраиваютъ, молъ, парня... Да нѣтъ, нельзя. Самъ же я увѣрялъ ее, что онъ сирота и недавно мать схоронилъ. Вотъ не кстати заврался! Теперь бы мать-то пригодилась въ самый разъ».

Но Павелъ Петровичъ былъ въ нѣкоторомъ родѣ магъ и ча-

родѣй, онъ умѣлъ находить лазейки тамъ, гдѣ другой уткнулся бы лбомъ въ стѣну! Лазейка и въ этотъ разъ была счастливо найдена, и обрадовавшись ей, онъ отправился къ Елизаветѣ Дмитріевнѣ.

— Я не могу, многоуважаемая Елизавета Дмитріевна,—говорилъ онъ, разводя съ подобающею ловкостію бобъ безъ огорода:—я не смѣю что-либо вамъ совѣтовать или дѣлать какія-либо указанія, вы сами женщина огромнаго ума; но я не могу удержаться, чтобы не сказать на счетъ того, что̀ слышалъ. Къ нему, знаете, повадились тутъ товарищи, двое или трое, навѣрно не знаю,—кажется трое. Самъ я не видалъ, мнѣ мой служащій говорилъ. Признаюсь, онъ бы мнѣ и сказать не рѣшился, потому что я не допускаю этого, то-есть, чтобы у меня между мастерами была тайная, напримѣръ, полиція и чтобы подслушивать, кто что̀ говоритъ. Но, видите ли, этотъ служащій такой правдивый человѣкъ (о, замѣчательно честный и мнѣ преданъ!). Ну вотъ онъ собственно и передалъ. Товарищи, говоритъ, Богъ знаетъ какой вздоръ ему внушаютъ. Разумѣется, Павелъ Егорычъ очарованъ вами, можно сказать безъ ума отъ васъ, я это отлично знаю,—однакожъ, Елизавета Дмитріевна, все-таки... Извините, душевно васъ прошу...

Такъ говорилъ онъ, а самъ глазъ съ нея не сводилъ, и только что подмѣтилъ на ея лицѣ тревожное выраженіе, какъ тотчасъ же поддалъ жару.

— Но что такое они говорятъ?—смущенно возразила Елизавета Дмитріевна,—вы точно какія-то притчи разсказываете.

Онъ немедленно прижалъ руки ладонями къ груди и умоляющимъ тономъ продолжалъ.

— Тайна! Ради Бога, ему ни слова!

— Но говорите же, что за разговоръ?—почти закричала Елизавета Дмитріевна, охваченная уже подозрѣніемъ.

«Ага! Ну вотъ такъ-то лучше!» думалъ онъ, торжествуя въ душѣ побѣду.

Онъ, нарушившій покой ея души, самъ же и возвратилъ его ей. Наговоривъ всякихъ нелѣпостей о несуществующихъ товарищахъ Ипатова, онъ выставилъ его въ лестной и пріятной для нея роли влюбленнаго и твердаго въ своей любви.

— Онъ какъ скала, Елизавета Дмитріевна, или какъ утесъ, напримѣръ, вѣковой на океанѣ; но вѣдь и утесъ, знаете, можетъ податься, волны и его могутъ подточить... И къ чему вамъ отдалять дни счастія? Вы полюбили другъ друга взаимно... Не томитесь...

Противъ такихъ доводовъ, конечно, трудно было устоять, и какъ ни мало значенія придавала Елизавета Дмитріевна словамъ Павла Петровича, однако, все-таки задумалась и затормошила своихъ приживалокъ, портнихъ и модистокъ. Предполагая приготовиться къ свадьбѣ не торопясь, она укоротила болѣе чѣмъ на половину назначенный срокъ. Павелъ Петровичъ торжествовалъ и весело потиралъ руки.

— Дѣло кипитъ!—радостно думалъ онъ,—заплатишь, матушка, за муженька три тысячи, не отдѣлаешься. Цѣна недорогая и парень такихъ денегъ стоитъ. А если добровольно не отдашь, тогда я и Павлушу, и тебя буду таскать по судамъ. Замотаю, матушка! Вмѣстѣ вѣдь жить-то будете, въ одной квартирѣ. Ну вотъ на первый разъ за мебель ухвачусь, тамъ, молъ, судъ разберетъ, чья она, а пока все-таки судебный приставъ пусть ее опишетъ, потомъ можно будетъ, въ случаѣ чего, объявить муженька-то на основаніи закона несостоятельнымъ должникомъ и тормошить его раза по три въ недѣлю. Измаешься, матушка, устанешь и заплатишь, хе, хе, хе!

Въ день свадьбы утромъ онъ внушилъ своимъ бабамъ, что въ этотъ день обѣдать дома не будетъ и долго что-то ворчалъ на нихъ, тыкаясь по кухнѣ изъ угла въ уголъ.

— Тухлая солонина! Какая тамъ тухлая солонина!—бормоталъ онъ,—что вы вздоръ-то выдумываете! Ну, ежели немножко и съ душкомъ, отмочи ее съ вечера въ кисломъ квасѣ,—за первый сортъ пойдетъ. Ахъ, бабы, бабы, какой вы народъ темный! Развѣ другая солонина когда бываетъ? Солонина всегда немножко попахиваетъ. Только глядите вы у меня,—зашепталъ онъ, грозя пальцемъ,—языкамъ-то волю не давайте, а то опять непріятности съ полиціей выйдутъ и новые расходы...

Поднявшись изъ кухни въ верхній этажъ своей квартиры, онъ озабоченно заглянулъ въ комнату Ипатова, тутъ ли молъ и каковъ на взглядъ; но ничего подозрительнаго онъ въ немъ не замѣтилъ.

XXII.

Въ это утро въ передней его квартиры какъ нарочно не умолкалъ звонокъ, то приходили заказчики на мелкія работы, то позолотчики и мастера, исполнявшіе столярныя части въ иконостасахъ,—лица, съ которыми онъ имѣлъ постоянныя дѣла.

Онъ былъ веселъ, можетъ быть, даже въ предвкушеніи предстоящаго дарового обѣда, и надъ нѣкоторыми изъ посѣтителей

своихъ посмѣивался. Какой-то позолотчикъ, очевидно недавно еще разбогатѣвшій, съ чувствомъ самодовольствія посмѣивался, оглядывая себя въ зеркало. Его видимо занималъ и короткополый сюртукъ, неловко на немъ сидѣвшій, и цвѣтной жилетъ, и толстая серебряная цѣпь, которою онъ игралъ, хихикая въ отвѣтъ на вопросы Павла Петровича.

— Ну что, какъ дѣла? грабишь народъ потихоньку?—разспрашивалъ его Павелъ Петровичъ.

— Хи, хи, хи! Зачѣмъ вы такъ неосновательно выражаетесь! Мы по благородному...

— Да какъ же не грабишь! Съ барина-то, что противъ Исакія живетъ, двѣ тысячи сорвалъ за поправку позолоты въ комнатахъ, а вся работа двухъ сотъ не стоила.

— Хи, хи, хи! Мы по уговору. Оно, конечно, баринъ въ эфтомъ дѣлѣ человѣкъ слѣпой и деньгамъ счету не знаетъ, только мы не грабили, онъ по доброй волѣ отдалъ, честно, благородно.

— Да-а, отъ этого самаго благородства тебя и разноситъ, вишь рожа-то разбухла, съ тарелку стала!

— Что вы, Богъ съ вами, говорите! — Я даже нездоровъ, простудился и кашляю...

— Ишь ты!—смѣясь, замѣтилъ Павелъ Петровичъ,—даже простужаться началъ, значитъ, дѣла хорошо идутъ. Прежде въ подвалѣ-то въ холоду, въ сырости жилъ и понятія не имѣлъ о простудѣ.

Павелъ Петровичъ посмѣялся надъ позолотчикомъ, вызывая въ немъ своимъ смѣхомъ ничуть не гнѣвъ, а такое же благодушное хихиканье и самодовольное сознаніе своей ловкости «обдѣлывать дѣла».

Потомъ зашелъ одинъ изъ старыхъ знакомыхъ Павла Петровича, художникъ Захаровъ, тоже работавшій образа для иконостасовъ, но работавшій уже не при помощи наёмныхъ мастеровъ, а лично самъ одинъ.

— А-а! Душа моя милая! Сидоръ Карпычъ!—радушно воскликнулъ Подрамниковъ, протягивая ему обѣ руки.—Вотъ удружилъ-то! Сто лѣтъ со днемъ не видались.—Какими это попутными вѣтрами тебя занесло?

Захаровъ имѣлъ видъ унылый и началъ говорить прямо о томъ дѣлѣ, по которому пришелъ.

— Вотъ что, братъ Павелъ Петровичъ, я къ тебѣ по старой дружбѣ, больше некуда кинуться. Очень, очень ужъ стѣснительныя мои обстоятельства, до того дошло, что вотъ даже какъ...

Захаровъ взялъ себя обѣими руками за горло, показывая этимъ свое безвыходное положеніе.

— Маялся я, братъ, мѣсяца четыре безъ работы сидѣлъ,—продолжалъ онъ,—самъ знаешь, легко ли ее найти. Бѣгалъ, бѣгалъ по городу-то, какъ собака, которая когда ежели потеряетъ хозяина. Все перезаложилъ, ну думаю, приходится умирать съ голоду... Наконецъ того... вчера Господь сжалился, послалъ заказикъ, и порядочный заказикъ, иконостасикъ.

— Куда, куда?—поспѣшно спросилъ Подрамниковъ.

— Тутъ къ одному купцу, въ богаделенскую церковь... Оно, конечно, для другого даже стыдно говорить о такой работѣ, вѣдь цѣна-то за весь иконостасъ двѣсти пятьдесятъ рублей. Чуть не по красненькой за образъ... Ну да мнѣ и то слава Богу.

— Что жъ, дѣло хорошее. Дай Богъ, дай Богъ!—задумчиво подсказалъ Павелъ Петровичъ и потеръ рукой свой щетинистый подбородокъ, соображая про себя: зачѣмъ же ко мнѣ-то ты пожаловалъ?

— Помоги мнѣ, Павелъ Петровичъ,—просилъ Захаровъ,—дай двѣ красненькихъ. Понимаешь, какое положеніе-то, впередъ не даютъ, а у меня ни красокъ, ни досокъ, ни масла... Даже въ мелочной лавочкѣ въ долгъ уже не даютъ. Семья голодаетъ... Ты знаешь, я человѣкъ честный, за мной не пропадетъ.

Голосъ его вдругъ оборвался и слезы брызнули изъ глазъ.

— Тамъ вотъ двадцать лѣтъ хуже послѣдняго мастерового колочусь. И къ чему только насъ поощряли, преміи тамъ разныя, медали, стипендіи... Когда теперь не знаешь, гдѣ работы найти...

— Да ты бы, братецъ мой, въ комитетъ общества взаимнаго порабощенія обратился, вѣдь ты членъ тамъ,—посовѣтовалъ Павелъ Петровичъ.

Захаровъ, съ выраженіемъ отчаянія, отмахнулся рукой.

— Ахъ,—сказалъ онъ,—тамъ ничего не добьешься. Члены готовы другъ другу горло перегрызть изъ-за работы, одинъ у другого рвутъ ее и хитростью, и насиліемъ. Въ позапрошлый разъ дежурный въ пріемной комнатѣ получилъ заказъ отъ имени общества и скрылъ его отъ членовъ, самъ крадучись выполнилъ работу и деньги взялъ себѣ. Крику сколько было...

— Хе, хе!—засмѣялся Павелъ Петровичъ,—и меня еще осуждаютъ, промышленникъ, говорятъ, а сами до чего дошли!

— Работы нѣтъ!—со вздохомъ сказалъ Захаровъ,—развелось нашего брата не въ мѣру.

— Ну ты бы обратился въ общество, что на Морской... Тамъ вѣдь поощряютъ, хе, хе!

— Да, смѣйтесь. Хорошо поощреніе! Разводятъ нашего брата нищихъ, изъ другого бы, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ вышелъ какой прокъ, въ плотники бы пошелъ или въ маляры что-ли, ну образа бы малевалъ по-суздальски, если ужъ Господь наказалъ страстью къ живописи; а они его тащатъ въ художники, толкаютъ въ омутъ головой. Выучатъ, съ разными школами европейскими познакомятъ, вкусъ разовьютъ, а потомъ и пустятъ на всѣ четыре стороны—ты, молъ, теперь свободный художникъ—иди и твори. Да для кого творить-то? Для кого вкусъ-то развивать, когда во всей Россіи настоящихъ цѣнителей художественныхъ произведеній найдется какая-нибудь одна сотня душъ, а остальные всѣ въ искусствѣ тѣ же татары и не смыслятъ въ немъ, какъ говорится, ни уха, ни рыла. Бывалъ я тутъ съ поисками работъ у многихъ сильныхъ міра: обстановка драгоцѣнная, ковры, тюль, бархатъ, бронза, портьеры на дверяхъ по двѣсти рублей штука, а картинки — грошевыя олеографіи въ дорогихъ рамахъ. Ну, если у нихъ такія картины, такъ у купцовъ-то что же можетъ быть? У купцовъ, разумѣется, даровыя преміи журналовъ—лубокъ вмѣсто картины, а зеркала на стѣнахъ саженныя, рублей по триста штука. Для чего же тратить долгіе годы на развитіе художественнаго образованія, когда оно въ Россіи пока не нужно? Покойный родитель мой, царство ему небесное, былъ кожевникъ, свой заводикъ имѣлъ, здѣсь же около Питера; держись я за него крѣпче и жилъ бы теперь припѣваючи; такъ нѣтъ, вишь ты, соблазнительно: медали тамъ всякія, за границу... а потомъ и зубы на полку.

Разговоръ наконецъ закончился слѣдующимъ:

— Я тебѣ,—предложилъ Павелъ Петровичъ,—дамъ, голубчикъ, двѣ красненькихъ, конечно, дамъ, ты человѣкъ хорошій и знаю, что честный... Только вотъ что: ты мнѣ за это образокъ напиши. Тутъ есть, признаться, давнишній заказъ у меня... Мои-то ребята, знаешь, мастера неважные...

Захаровъ, разумѣется, согласился. Впослѣдствіи онъ не только самый долгъ заплатилъ, но и образъ безплатно написалъ, а за этотъ образъ Подрамниковъ получилъ потомъ отъ заказчика пятьдесятъ рублей.

Такъ «помогалъ» онъ товарищамъ въ нуждѣ.

Только-что ушелъ Захаровъ, на смѣну ему пришли двое. Повидимому, это были купцы, одинъ постарше, съ сѣдой длинной бородой, другой помоложе. Этотъ послѣдній имѣлъ бороду свѣтлорусую и покороче, чѣмъ у перваго. Оба они были одѣты по старинному, въ длиннополые кафтаны, волосы носили въ кру-

жало и сапоги съ высокими голенищами, бутылками. Войдя въ комнату, оба помолились на образъ, висѣвшій въ переднемъ углу, и потомъ почему-то не безъ подозрительности оглянули Павла Петровича съ головы до ногъ. Павелъ Петровичъ уже понялъ, кого ему Богъ послалъ, и принялъ соотвѣтствующія обстоятельствамъ дѣла мѣры. Онъ вдругъ, какъ только посѣтители показались въ дверяхъ пріемной, сгорбился, поникъ головой, глазамъ придалъ скорбное выраженіе и голосъ свой сократилъ до небывалыхъ размѣровъ.

— Усерднѣйше прошу, досточтимые благодѣтели, садиться,— предложилъ онъ, низко кланяясь.

Оба посѣтителя молча сѣли, погладили еще разъ бороды, и окинувъ Павла Петровича снова пытливымъ взглядомъ, вздохнули.

— Мы теперича,— началъ первый,— пришли къ вамъ по нужному дѣлу...

Павелъ Петровичъ низко поклонился и тономъ смиреннаго постника сказалъ:

— Радъ служить, радъ служить...

— Мы, признаться, съ первоначалу хотимъ, значитъ, освѣдомиться, не могите ли вы намъ образокъ написать, и только не такой, какіе вообще пишутъ... Мы какъ, то-есть, значитъ, живемъ по старой вѣрѣ и потому желательно бы намъ и образокъ по старинному письму.

— Къ сожалѣнію, досточтимые господа,—скорбно заговорилъ Павелъ Петровичъ,—самъ я не могу такого святого дѣла исполнить... Есть у меня мастерокъ хорошій, можно сказать, настоящій древній изографъ, вотъ онъ можетъ написать... Только вѣдь этого дѣла скоро выполнить нельзя: онъ за работу не принимается прежде чѣмъ не поговѣетъ и не причастится св. тайнъ, а для этого всегда двѣ недѣли ему нужно. Да самый образъ въ писаніи своемъ требуетъ недѣльки тоже двѣ...

Посѣтители задумались, пошептались о чемъ-то между собой и уже значительно дружелюбнѣе прежняго оглянули Павла Петровича.

Онъ, не торопясь, сохраняя скорбное выраженіе на лицѣ и медленность во всѣхъ своихъ движеніяхъ, досталъ откуда-то съ полки толстую книгу въ довольно богатомъ переплетѣ, положилъ ее на столъ и, перекрестившись, раскрылъ.

— Вотъ-съ, досточтимые господа, — продолжалъ онъ, приглашая посѣтителей подойти поближе къ книгѣ, — вотъ здѣсь изображенія св. угодниковъ божіихъ, преподобныхъ и богонос-

ныхъ—новаго и стариннаго письма. Изображенія сіи просмотрѣны, одобрены и утверждены къ производству высшимъ правительствомъ.

Посѣтители смотрѣли на утвержденные образцы, не подозрѣвая, что въ лицѣ высшаго правительства Павелъ Петровичъ имъ представляетъ самого себя.

— А нѣтъ ли у васъ образка изъ старинныхъ? — спросилъ одинъ изъ посѣтителей.

— Есть!—многозначительно отвѣтилъ Павелъ Петровичъ,—я сейчасъ принесу...

Онъ вернулся съ нимъ, бережно неся въ обѣихъ рукахъ какую-то темную доску.

— Вотъ-съ образокъ весьма древняго письма и одного святой жизни изографа... Нынче, знаете, такіе уже рѣдкость, вотъ у меня еще есть два-три человѣка примѣрной жизни, а въ другихъ мастерскихъ нѣтъ... Нынче, достолюбезнѣйшіе господа, изъ нашего брата больше все промышленники, пыль въ глаза пускаютъ обстановкой, вывѣски саженныя дѣлаютъ, на большія улицы лѣзутъ, мастеровъ своихъ въ однообразнаго цвѣта и фасона халаты одѣваютъ и все только для видимости, только пыль въ глаза пускаютъ, а настоящаго благочестія, какое требуется для этого святого дѣла, у нихъ нѣту...

Онъ однако же не добавилъ, что тотъ самый образъ, который онъ выдавалъ за древній, написанъ въ его же собственной «студіи» и имъ самимъ прокопченъ въ дымовой трубѣ до предѣловъ той черноты, какая требовалась для того, чтобы придать ему видъ древняго образа.

Но только-что разговоръ съ гостями достигъ самаго интереснаго мѣста, именно цѣны за образъ, какъ оба они отшатнулись отъ Павла Петровича, чуть не съ выраженіемъ ужаса на лицахъ.

— Да вы, батюшка, что же это, шутите, что ли, надъ нами? —сказалъ старшій,—развѣ можно такую цѣну просить!

Павелъ Петровичъ сложилъ руки на животѣ такъ, какъ будто почувствовалъ въ немъ рѣзкую боль, и отвѣсилъ имъ низкій поклонъ.

— Простите по великодушію вашему...

— Господь проститъ, только цѣна не соотвѣтственная...

— Какъ угодно... Хотя я и могу вамъ на этомъ святомъ образѣ сдѣлать уступочку, но незначительную. Если изволите желать пріобрѣсти его, то соблаговолите сами назначить цѣну.

— Да какъ же торговаться, если вы сразу заломили полтораста!

— Конечно, святыня не допускаетъ барышничества,—скромно отвѣтилъ Павелъ Петровичъ,—я бы съ душевною готовностью и въ даръ вамъ его приподнесъ, но, многолюбезные мои господа, самъ я человѣкъ бѣдный, неимущій, десятый годъ вдовствую и притомъ одержимъ недугами...

Въ это время вошелъ въ комнату мальчикъ, одинъ изъ тѣхъ несчастныхъ, которые, Богъ вѣсть за чьи прегрѣшенія, находились въ безусловномъ рабствѣ у Павла Петровича.

— Что тебѣ? Зачѣмъ ты сюда лѣзешь?—прошипѣлъ Павелъ Петровичъ, едва удерживаясь въ принятой на себя роли смиреннаго постника.

— Тамъ пришли... къ Павлу Егорычу, къ Ипатову, значитъ,—безсвязно забормоталъ мальчикъ, испуганно пятясь спиной къ дверямъ.

— Ну такъ что же? Пришли, такъ и проведи къ нему въ комнату.

— Я провелъ туда... къ Павлу Егорычу... только его, значитъ, нѣту.

Павелъ Петровичъ вдругъ измѣнился въ лицѣ.

— Нѣту? Какъ нѣту?

— Такъ теперича нѣту... Старушка эта, которая отъ Подживаловыхъ, тамотка на кухнѣ... При ней и записка.

— Простите, достолюбезные, — едва проговорилъ Павелъ Петровичъ, обращаясь къ гостямъ, — обождите малость. Я сейчасъ...

Онъ поспѣшно вышелъ изъ пріемной, заглянулъ въ комнату, гдѣ помѣщался Ипатовъ, и выраженіе тревоги еще сильнѣе отразилось на его лицѣ.

Ипатова въ комнатѣ не было. Павелъ Петровичъ кинулся въ другія комнаты, спустился по лѣстницѣ въ кухню, обѣжалъ нижній этажъ, спрашивалъ, не видалъ ли кто изъ мастеровъ Ипатова, но получалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ:

— Не знаемъ, не видали!

Возвратившись въ пріемную, онъ едва проговорилъ дрожащимъ голосомъ, обращаясь къ заказчикамъ:

— Достопочтенные! Сдѣлайте божеское одолженіе, извините: сынокъ у меня заболѣлъ. Убѣдительнѣйше васъ прошу, нельзя ли какъ-нибудь на дняхъ зайти...

Проводивъ гостей, онъ бросился опять въ комнату Ипатова и закричалъ, призывая всѣхъ мастеровъ.

— Ивановъ, Мироновъ, Григорьевъ! Идите же ко мнѣ. Гдѣ Ипатовъ? Говорите, чортъ васъ побери, гдѣ Ипатовъ? Куда ему

ѣхать, зачѣмъ, о, Господи? Сказано было ему еще вчера съ вечера и сама Елизавета Дмитріевна говорила, чтобы сидѣлъ дома и никуда не выходилъ до самаго отъѣзда въ церковь. Ахъ, ахъ, ахъ!

Ипатовъ, не подозрѣвая вызванной его отсутствіемъ тревоги, плелся въ это время на извощикѣ на Васильевскій Островъ по направленію къ квартирѣ Демьяна Иваныча Мельникова.

XXIII.

Мельниковъ бѣгалъ по своей комнатѣ изъ угла въ уголъ, точно звѣрь въ клѣткѣ, и ораторствовалъ во всю силу звучнаго голоса. Онъ то широко размахивалъ руками, точно силился заключить въ свои объятія всю вселенную, то страстно прижималъ ихъ къ могучей груди и шепталъ трагическимъ тономъ, смотря упорно на Ипатова, сидѣвшаго въ унылой позѣ около входной двери.

— Дружище! — кричалъ онъ, — не вѣсь головы, не печаль хозяина. Я хвалю и одобряю твою рѣшимость. Это, чортъ возьми, энергическій шагъ съ твоей стороны. И превосходно ты сдѣлалъ, что рѣшился жениться. Плюнулъ, значитъ, общественному мнѣнію прямо въ рожу. Неужели лучше гнуть спину передъ разными скотами-промышленниками. По моему тотъ и герой, тому и слава, кто съумѣетъ стать на твердую ногу и ни отъ кого независимъ. Молодецъ Павлуха, ей Богу, молодецъ. Я всегда говорилъ, что въ тебѣ есть сила. Что въ самомъ дѣлѣ поддаваться и давать себя стричь. Вѣдь насъ стригутъ, ей Богу стригутъ. Вѣдь они, эти самые магазинщики, что съ нашимъ братомъ выдѣлываютъ —позоръ! Возьметъ, напримѣръ, картину на коммиссію (я испыталъ), сорокъ процентовъ уступки возьметъ, да еще и самъ цѣну за картину назначитъ, и съ условіемъ—сколько сверхъ этой цѣны получится—все въ его пользу. Какъ это называется? Ась? Эхъ, чортъ ихъ побери всѣхъ!.. Вчера меня еще обстригли и такъ ловко, что опомниться не могу. Сами мы ослы, не можемъ ничего путнаго устроить. Общества заведемъ—перессоримся, интриговать начнемъ сами противъ себя, что называется на суку сидимъ, да его же и рубимъ. И именно для того рубимъ, чтобы потомъ торчмя головой внизъ полетѣть. То ли дѣло такое положеніе, когда человѣкъ независимъ и свободенъ отъ всякихъ матеріальныхъ непріятностей. Главное, отъ матеріальныхъ... Теперь вотъ я, напримѣръ... Эхъ, досада, досада, досада!

Мельниковъ всклокочилъ свои густые черные волосы и такъ глубоко вздохнулъ, точно только-что вывезъ на гору возъ въ пятьдесятъ пудовъ тяжести.

— О чемъ же вамъ-то, Демьянъ Иванычъ, досадовать? — робко спросилъ Ипатовъ,—вы, кажется, человѣкъ обезпеченный, у мамаши вашей усадьба есть.

— Усадьба-то была да сплыла,—мрачно хмурясь, отвѣтилъ Мельниковъ, — все съ молотка пошло. Теперь и мать, и сестры на мою шею... Да если бы не онѣ,—продолжалъ онъ, возвышая голосъ и волнуясь, — да развѣ бы я такъ заговорилъ съ академіей-то? Да я бы имъ всѣмъ такъ всю правду-матку въ глаза и выпалилъ, что они меня на одну доску поставили съ прохвостомъ и дали ему тоже первую золотую медаль... Что мнѣ ихъ первая золотая, когда такую же дали ослу вислоухому... тому, помнишь, папенькиному сынку?.. Да еще и въ газетахъ его хвалятъ, и тамъ, каналья, прикормилъ кого-то, бутылкой пива угостилъ... Критики тоже, будь они прокляты! Да у насъ вообще нѣтъ художественной критики. У насъ либо ругня, либо кумовство. Развѣ ты не читалъ газетныхъ статей о выставкахъ? Да возможное ли дѣло, чтобы у однихъ все огуломъ превозносить, у другихъ все топтать въ грязь? Понимаешь, все безъ исключенія?

— Разумѣется, я, Демьянъ Иванычъ... извините, въ этомъ дѣлѣ мало понимаю,—робко возразилъ Ипатовъ,—только я хотѣлъ сказать, что вѣдь и академію-то тоже не очень можно одобрять...

— Да развѣ я оправдываю академію, чудакъ человѣкъ! — закричалъ Мельниковъ,—да у меня въ горлѣ поперекъ остановится первое же слово, которое бы я рѣшился сказать въ ея защиту. Разумѣется, она сама главнымъ образомъ виновата въ томъ, что довела искусство до такого раскола, до такого, такъ сказать, шатанія умовъ. Разбрелись изъ нея художники во всѣ стороны, точно тараканы, и въ одиночку дохнутъ...

Ипатовъ молчалъ, озабоченный личнымъ своимъ положеніемъ. Онъ почти не слышалъ, что̀ говорилъ Мельниковъ про академію и ловилъ его слова только изъ пятаго на десятое, лишь для того, чтобы не быть пойманымъ какимъ-нибудь вопросомъ врасплохъ. Въ то время, когда Мельниковъ, размахивая руками, какъ крыльями, кричалъ—«развѣ я не правду говорю про академію, не правду», Ипатовъ отвѣчалъ: «правда, Демьянъ Иванычъ, разумѣется, правда», а самъ въ это время думалъ о томъ, что колебаться на счетъ женитьбы нечего.

— Но вотъ мнѣ что обидно,—продолжалъ Мельниковъ, —

семья меня связала. Я бы медали не принялъ, я на стѣну бы полѣзъ: не оскорбляй закона, не ровняй меня съ бездарностями!.. А теперь приходится хвостъ прижать: родительница съ сестрами уже плетутся сюда въ Питеръ на мою шею. Червонцы-то, которые изъ академіи получу на поѣздку за-границу, придется здѣсь оставить, а самому какъ-нибудь съ куска на кусокъ перебиваться... Ну, какъ же послѣ этого я тебѣ не позавидую, счастливецъ! Завидую, сейчасъ умереть, завидую! Ну, что за бѣда, что она горбунья! Велика важность! Зато ты теперь можешь свободно крыльями взмахнуть и взвиться.

Ипатовъ, ѣхавшій къ нему за совѣтомъ, какъ убѣжать отъ невѣсты, теперь не только не смѣлъ заикнуться объ этомъ, но даже пригласилъ Мельникова на свадьбу.

— Я собственно, Демьянъ Иванычъ, для этого къ вамъ и заѣхалъ,—объяснилъ онъ, какъ всегда васъ уважалъ и дорожилъ вами; не откажитесь, я тамъ одинъ среди чужихъ.

— Отчего же?—воскликнулъ Мельниковъ,—благодарю, отъ души благодарю и даю слово, что пріѣду. Скажи только, въ какой церкви вѣнчанье и въ которомъ часу?

— Но, Демьянъ Иванычъ, — робко добавилъ Ипатовъ,— я хотѣлъ васъ просить на обѣдъ.

— Ха, ха, да разумѣется! Неужели я, чортъ возьми, ломаться буду и не удостою тебя, такъ сказать, чести хлѣба-соли откушать, ха, ха, ха!

Возвращаясь къ Подрамникову, Ипатовъ былъ точно въ туманѣ и рѣшительно утратилъ способность понимать, что вокругъ него дѣлается.

Когда Павелъ Петровичъ увидалъ въ окно приближающіеся сани, и въ нихъ Ипатова, то припрыгнулъ отъ восторга такъ, точно ему было всего двадцать лѣтъ отъ роду, и кинулся въ дальнюю комнату квартиры, чтобы не дать замѣтить своего восторженнаго душевнаго состоянія.

— Пріѣхалъ паренекъ-то, пріѣхалъ милѣйшій мой! — шепталъ онъ, прикурнувъ въ уголкѣ дальней комнаты и едва удерживаясь, чтобы не пуститься въ плясовую.

XXIV.

Свадебный пиръ былъ въ полномъ разгарѣ. Гости ѣли, пили, предлагали тосты и шумно разговаривали. Въ небольшомъ залѣ квартиры Елизаветы Дмитріевны было тѣсно отъ стола, занявшаго

шаго всю комнату отъ одной стѣны до другой, и ярко отъ свѣчей и лампъ, горѣвшихъ во множествѣ на столѣ и на стѣнахъ. Сама Елизавета Дмитріевна въ бѣломъ атласномъ платьѣ, въ цвѣтахъ и тюлѣ, раскраснѣлась до того, что фіолетовый отливъ ея лица перешелъ уже въ сине-багровый. Ипатовъ, сидѣвшій, какъ и требовалось по обычаю, рядомъ съ нею, былъ подозрительно румянъ, но не столько отъ жары, бывшей въ комнатѣ, сколько отъ вина, съ непривычки сильно его отуманившаго. Мельниковъ сидѣлъ рядомъ съ нимъ и ежеминутно приставалъ съ предложеніями выпить «здравицу». Елизавета Дмитріевна уже косилась на него и на своего новобрачнаго. Она замѣчала, что Павелъ Егоровичъ нервно мнетъ свои тоненькіе пальцы, но никакъ не могла догадаться, къ чему это можетъ повести. Мельниковъ, между тѣмъ, выпивалъ стаканъ за стаканомъ, не разбирая, чтó пьетъ, и дѣлался все свободнѣе и свободнѣе въ обращеніи съ сосѣдями. Около него сидѣлъ какой-то старичекъ, тихій, степенный, чисто выбритый, съ гладко-прилизанными сѣдыми волосами, въ бѣломъ галстукѣ и жилетѣ и съ орденомъ на шеѣ. Въ началѣ обѣда Мельниковъ не обращалъ на него никакого вниманія и даже намѣренно сидѣлъ къ нему бокомъ,—не хочу, молъ, знать тебя,—но потомъ, по мѣрѣ того какъ убывало вино въ стоявшихъ передъ нимъ бутылкахъ, онъ все чаще и чаще засматривался на него и вдругъ брякнулъ.

— Давай, братъ старина, выпьемъ за русское искусство, чего чваниться-то!

Старичекъ немножко какъ бы оробѣлъ и пугливо покосился на него, однако-жъ предложеніе принялъ, чокнулся съ его стаканомъ своимъ и отхлебнулъ изъ него вина, видимо только изъ приличія.

— Нѣтъ, пить такъ пить, ужъ если согласился выпить здравицу за русское искусство, такъ отказываться нельзя!—приставалъ Мельниковъ.

— Я не могу, извините, сколько въ силахъ...

— А за начальство свое... за него можно?

— И за начальство свое не могу.

— Вотъ ужъ неправда это! — растянулъ Мельниковъ, — да за начальство свое ты, старичекъ, если оно прикажетъ, не только вина, купороснаго масла выпьешь...

Старичекъ смутился и вопросительнымъ взглядомъ окинулъ всѣхъ сидѣвшихъ за столомъ, какъ бы спрашивая, чтó ему дѣлать. Елизавета Дмитріевна поспѣшила къ нему на помощь и, стараясь казаться веселой, бойко приподняла свой бокалъ.

— Позвольте, господинъ Мельниковъ, предложить тостъ за ваши художественные успѣхи.

— Извольте, отчего же, можно. Благодарю за вниманіе.. Но только предложеніе это въ видѣ тоста я принять не могу,—отвѣчалъ Мельниковъ,—а здравицу, если угодно — съ удовольствіемъ. Мы—русскіе настоящіе, кровные русскіе и надо, чтобы у насъ все было русское, до послѣдней нитки.

— И прекрасно!—отвѣтила хозяйка,—и будемъ мы съ вами пить «здравицу»!

Она чокнулась съ нимъ своимъ бокаломъ и такимъ оборотомъ дѣла отвлекла его отъ разговора со старичкомъ. Старичекъ, какъ видно, былъ не изъ прозорливыхъ и имѣлъ неосторожность сказать что-то на счетъ того, что желаніе имѣть все русское неисполнимо.

— Какъ неисполнимо!—возразилъ Мельниковъ,—да еслибы только не вы, наши тѣлохранители, мѣшали, такъ тогда бы мы показали себя.

— Чѣмъ же мы мѣшаемъ?

— Какъ чѣмъ? Да мы у васъ, такъ сказать, въ кулакѣ сжаты и пыхтимъ...

— Однако-жъ это не отвѣтъ на вопросъ.

— А, вы меня къ отвѣту хотите притянуть, ха, ха! Слово и дѣло, значитъ!.. Павелъ Егорычъ, слышишь?—громко сказалъ онъ, обращаясь къ Ипатову,—старичекъ-то каковъ? Надо, братъ, выпить...

— Выпьемте, Демьянъ Иванычъ, отчего не выпить!—отвѣтилъ Ипатовъ съ необычною и незнакомою Елизаветѣ Дмитріевнѣ развязностію.—За хорошихъ людей!—добавилъ онъ, приподнимая бокалъ.

Елизавета Дмитріевна покосилась на него, но не сказала ни слова.

— За хорошихъ русскихъ!—пояснилъ Мельниковъ,—именно за хорошихъ русскихъ! Слава! — воскликнулъ онъ, — и чтобы правда была на Руси. Слава! Краше солнца свѣтла! Слава! Вотъ какъ по нашему нужно, да-съ!

Два-три купца апраксинца, родственники Елизаветы Дмитріевны, сидѣвшіе на дальнемъ концѣ стола, толкнули другъ друга локтями въ бока, кивая на Мельникова.

— Смѣлая башка, гляди, какъ чешетъ!

— Медаль, говорятъ, получилъ, самъ князь ему изъ рукъ въ руки передалъ. Ну вотъ теперь чванится по этому по самому... Медаль имъ дороже денегъ.

— А пьетъ здорово! Ровно какъ на каменку въ банѣ поддаетъ себя виномъ-то!

— Опытный человѣкъ, это видно сразу.

Жены этихъ купцовъ, разодѣтыя въ свѣтлые пышные наряды, съ огромными серьгами въ ушахъ и съ нитями жемчуга на шеѣ, тоже порядочно раскраснѣвшіяся и отъ вина, и отъ жары, сначала хихикали, посматривая на Мельникова, а потомъ, замѣчая, что онъ начинаетъ смотрѣть звѣремъ, поникли головами и стали тихо перешептываться.

— Лютъ, должно быть, во хмѣлю-то!

— И черный же какой, совсѣмъ какъ есть эѳіопъ!

— Ордена носить, достопочтеннѣйшій вельможа, на свадьбѣ не слѣдуетъ!—заговорилъ опять Мельниковъ, обращаясь къ старичку.

— Можетъ быть, можетъ быть! — уклончиво отвѣтилъ старичекъ.

Въ разговоръ вступился священникъ, сидѣвшій противъ Мельникова.

— Позвольте, господинъ художникъ, освѣдомиться, какую собственно мысль вы пожелали выразить сими вашими словами?

— А собственно такую мысль, ваше благословеніе, преподобный отецъ, я имѣлъ дерзновеніе изложить,—заговорилъ Мельниковъ, впадая въ его тонъ, — именно ту мысль, что не удобоблагопріятно и не удобоблагопотребно возлагать на себя сіи вещественные знаки, когда шествуешь на брачное пиршество, ибо здѣсь начальства нѣтъ и финтить ни передъ кѣмъ не нужно...

Священникъ смутился и, подобно старичку, окинулъ сидѣвшихъ за столомъ тоже вопросительнымъ взглядомъ, но однако-жъ продолжалъ:

— Я предполагаю, достопочтеннѣйшій художникъ, имени-отчества не имѣю чести знать,—я предполагаю, что если коль скоро мы за общею трапезою вступаемъ въ бесѣду, то надлежитъ ее вести благоприлично...

— Со тщаніемъ,—добавилъ Мельниковъ.

— Да, и со тщаніемъ, и ничего въ этомъ нѣтъ смѣшного,—продолжалъ священникъ,—я во всякомъ случаѣ,—добавилъ онъ,—нахожусь внѣ сомнѣнія на счетъ того, что мирное наше торжество не надлежитъ омрачать подобными словопреніями.

— Ахъ, оставьте, пожалуйста!—брезгливо сморщившись, возразилъ Мельниковъ, — всѣ эти ваши слова и рѣчи, церковнославянскія поученія приберегите для завтрашней обѣдни.

— Однако-жъ извините, это не благоприлично съ вашей

стороны. Позволяю себѣ замѣтить, что не токмо я могу и имѣю право на васъ обижаться, но и новобрачные, хозяева дома сего, и все собраніе гостей.

— Да кто такіе тутъ собрались!—возразилъ Мельниковъ,—неужели Подрамникова считать порядочнымъ человѣкомъ, ха, ха? Подрамниковъ, порядочный человѣкъ! Что вы — перекреститесь! Подрамниковъ, это—паукъ, извѣстный всему Петербургу паукъ, въ паутинѣ котораго томились и теперь томятся сотни погибающихъ силъ.

Подрамниковъ, мирно сидѣвшій во все время обѣда рядомъ съ апраксинцами и слѣдившій только за тѣмъ, чтобы не прозѣвать какого-нибудь блюда, сразу понялъ, какъ слѣдуетъ вести себя по отношенію къ оскорбительнымъ отзывамъ Мельникова.

— Выпиваетъ паренекъ-то!—сказалъ онъ сосѣду.—А жаль, съ огонькомъ человѣкъ и пропадетъ такъ попусту. Говорили мнѣ въ академіи, что жалѣютъ паренька...

— А вѣдь какъ садитъ о начальствѣ-то—страсть!

— Это вѣдь не мудрено!..

— Ежели теперича человѣкъ слабъ,—замѣтилъ сосѣдъ,—и ежели онъ въ пьяномъ видѣ, напримѣръ, буйствуетъ, въ такомъ развѣ завсегда слѣдуетъ отъ него сторониться.

— А тѣ вонъ, что въ концѣ-то стола сидятъ,—продолжалъ Мельниковъ, тыкая пальцемъ въ сторону купцовъ,—бороды свои разглаживаютъ, широкія красныя лица на меня уставили, они-то кто? Неужели тоже представители образа и подобія божескаго? Вотъ вздоръ-то... Скорѣе, это дѣти тьмы, царства кулебякъ и блиновъ... Эхъ, Павлуха, другъ, куда ты меня затащилъ? И самъ-то ты залѣзъ въ омутъ головой. Еслибы я зналъ, еслибы я только заранѣе могъ предвидѣть, куда ты, ангелъ мой, стремишься—на погибельный, такъ сказать, апраксинъ дворъ, я бы тебя за шивороть оттащилъ въ сторону, такъ бы вотъ взялъ и отбросилъ, пятки бы только засверкали, вотъ что!..

Елизавета Дмитріевна сидѣла какъ на иголкахъ, кусала губы, косилась то на Ипатова, то на гостей, не зная, какія мѣры принять противъ расходившагося Мельникова.

Наемные лакеи въ бѣлыхъ галстукахъ и черныхъ фракахъ, сновавшіе вокругъ стола съ бутылками и кушаньями, озабоченно взглядывали по временамъ то на Елизавету Дмитріевну, то на Ипатова, выжидая, не будетъ ли сдѣлано съ ихъ стороны какого-либо распоряженія относительно Мельникова, въ видѣ, напримѣръ, подачи ему сельтерской воды и т. под.

Елизавета Дмитріевна, къ удивленію своему, вдругъ замѣтила, что свѣтлорусые волосы Павла Егорыча, часъ тому назадъ за-

витые въ лучшей парикмахерской, уже всклокочены, и самъ онъ смотритъ такъ же дико, какъ Мельниковъ.

Она строго взглянула на него и прошептала:

— Не пейте больше вина—вамъ вредно.

— Почему вы знаете?—громко спросилъ Ипатовъ, взявшись снова за бутылку и видимо желая доказать, насколько вредно ему вино.

— Прошу слушать, что я говорю,—прошептала она.

И только-что Павелъ Егорычъ хотѣлъ вновь налить себѣ вина, какъ бутылка изъ его рукъ быстро выскользнула. Елизавета Дмитріевна безцеремонно проявила свою обычную, до сихъ поръ сдерживаемую, рѣшимость и намѣренно отставила бутылку подальше отъ Павла Егорыча. Онъ, однако-жъ, не успокоился и потянулся за бутылкой. Елизавета Дмитріевна взяла его за руку, намѣреваясь что-то шепнуть ему. Онъ рѣзко отдернулъ руку и видимо хотѣлъ повторить тотъ барабанный бой по столу кулаками, который съ успѣхомъ исполнялъ когда-то въ заведеніи, извѣстномъ подъ названіемъ «Трактиръ три озера купающихся лебедей». Но теперь этого ему неудалось сдѣлать. По этому случаю произошло съ нимъ и вообще за столомъ что-то непонятное...

Многіе изъ гостей при громкомъ говорѣ и спорахъ и въ особенности благодаря мѣткимъ и рѣзкимъ выраженіямъ Мельникова, даже не замѣтили, какъ оба мѣста, занимаемыя новобрачными, вдругъ опустѣли. Старичекъ съ орденомъ вопросительно взглянулъ на священника, священникъ же, судя по его глазамъ, должно быть видѣвшій кое-что, подозрительно подмигнулъ старичку на дверь въ гостиную. Другіе гости, сидѣвшіе за столомъ, вдругъ какъ-то смолкли, стали переглядываться, перешептываться. Даже Мельниковъ смутился, не понимая, куда это вдругъ исчезли изъ-за стола новобрачные, точно сквозь землю провалились.

Священникъ, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ ни общаго смятенія, ни исчезновенія хозяевъ, сталъ всматриваться въ висѣвшій на стѣнѣ, какъ разъ противъ того мѣста, гдѣ онъ сидѣлъ, портретъ Елизаветы Дмитріевны и тономъ знатока сказалъ:

— Хорошая работа, тонкой кисти, но польщено! Могу сказать, даже очень польщено!..

— Вы, батюшка, зубы не заговаривайте,—возразилъ Мельниковъ,—и не въ портретѣ сила, а гдѣ хозяева-то? Что за Овидіевы превращенія?

Оказалось, что кой-кто изъ сидѣвшихъ вблизи новобрачныхъ замѣтилъ, какъ Елизавета Дмитріевна быстро поднялась изъ-за стола, и крѣпко схвативъ за руку своего маленькаго тщедушнаго мужа, увлекла его въ другую комнату. Никто не зналъ,

что она ему тамъ говорила и куда именно упрятала; всѣмъ было ясно только одно, что при такой капризности, какую проявилъ Павелъ Егорычъ, Елизавета Дмитріевна не могла его уговорить и вновь привести къ гостямъ, такъ сказать, въ исправленномъ видѣ.

Она дѣйствительно возвратилась къ гостямъ одна и какъ ни въ чемъ не бывало заявила:

— Павелъ Егорычъ извиняется: у него голова разболѣлась...

При благоразумной сдержанности она не нашла нужнымъ добавить, что не тратя словъ на увѣщанія, безцеремонно заперла его на ключъ у себя въ спальной.

— Прошу гостей не стѣсняться. Господинъ Мельниковъ, позвольте съ вами «здравицу».

Мельниковъ какъ будто этого и ждалъ. Онъ весело поднялся изъ за-стола, кинувшись съ бутылкой къ хозяйкѣ. Слѣдомъ за нимъ стали оставлять столъ и другіе гости.

— Здравицу?—возгласилъ онъ,—извольте. Отчего-же... Это дѣло всегда возможное... А Павлуха что?—Свалился, ослабѣлъ? Ну, ничего. Это съ непривычки. Привыкнетъ, будетъ пьянствовать отлично, ха, ха, ха! Ну, здравицу. Слава! Эй, старичекъ почтенный, честнѣйшій отецъ іерей, слава!—возглашалъ онъ, высоко поднимая бокалъ.

Онъ уже забылъ и о томъ, что наговорилъ дерзостей гостямъ, и ко всѣмъ приставалъ съ радушнымъ предложеніемъ чокнуться.

— Мы—русскіе и надо по-русски! Вы, господа коммерсанты! обратился онъ къ купцамъ,—Бокль говоритъ о васъ, что вы сила...

— То-есть какъ это, въ какомъ смыслѣ?—спросилъ кто-то изъ купцовъ.

— Сила, понимаете, настоящая сила. Могучее, говоритъ, среднее сословіе.

— Не знаемъ, можетъ статься...

— Во всякомъ случаѣ выпьемъ... Возлюбимъ другъ друга... Батюшка, отецъ іерей, помиримся. Двинемъ по стаканчику за здоровье архипастыря... Ну, поспорили, наговорили другъ другу дерзостей и пора забыть.

— Могу ли я злопамятовать!—отвѣчалъ священникъ, — если уже вы такъ добросердечны, то мнѣ по сану моему достойно и праведно склониться къ примиренію. Художниковъ я всегда душевно чтилъ...

— Въ родѣ какъ бы, напримѣръ, отца благочиннаго,—весело подсказалъ Мельниковъ.

— Ну вотъ вы опять на задирательную линію, хе, хе!

— Не буду, не буду! Выпьемъ и попляшемъ! Эхъ, у хозяюшки нѣтъ ничего такого музыкальнаго. Приходится на гу-

бахъ дѣйствовать. Вотъ бы, батюшка, намъ съ вами тронуть!— смѣясь подмигнулъ онъ священнику и, пошевеливая плечами, тихонько запѣлъ:

„Ахъ, барыня, барыня!
Сударыня—барыня".

— Нѣтъ, ужъ увольте. Мнѣ не подобаетъ...

— Ну, вотъ, разговаривать надо! Будьте благонадежны: изъ избы сору не вынесемъ. Неужели сердитесь? Ну, поцѣлуемтесь, и дамъ ти лобзанія не яко Іуда... Такъ что ли?..

— И не яко разбойникъ на большой дорогѣ съ дубиной, хе, хе!—смѣясь, подсказалъ священникъ.

Гости тоже смѣялись и тѣснились въ кружокъ около Мельникова. Въ сторонѣ остались только старичекъ съ орденомъ и Подрамниковъ. Старичекъ усѣлся въ уголкѣ съ сигарой и уже замѣтно поклевывалъ носомъ, а Подрамниковъ юлилъ около Елизаветы Дмитріевны, потиралъ руки и расшаркивался. По гладко-выбритому лицу его скользила улыбка самодовольствія и блаженной сытости. Елизавета Дмитріевна, однако же, почему-то была съ нимъ непривѣтлива и хмуро отъ него отвернулась, идя по направленію къ той группѣ, которая тѣснилась около Мельникова.

«Заплатишь, матушка, — думалъ Павелъ Петровичъ,—подмигивая самому себѣ,—на этой же недѣлѣ я тебя встряхну...

Мельниковъ шутилъ, хохоталъ и смѣшилъ гостей своими остротами.

— Шелевѣкъ! изволитъ видѣть, — ораторствовалъ онъ, стоя въ профессорской позѣ и пародируя нѣмца,—кажны шелевѣкъ имѣитъ два полевинъ: хорошій полевинъ и гадкій полевинъ. Перный полевинъ назвайется надпупіе, а второй полевинъ назвайется подпупіе...

Апраксинскія барыни закрывались платочками и хихикали, толкая одна другую.

— Ахъ, что онъ говоритъ,—хи, хи, хи!

Но какъ ни былъ оживленъ Мельниковъ и какъ Елизавета Дмитріевна ни старалась поддержать веселье гостей, гости эти послѣ исчезновенія Ипатова никакъ не могли войти въ прежнее настроеніе.

Свадебный пиръ кончился все-таки тѣмъ, что Мельниковъ опять сталъ ко всѣмъ придираться и мрачно хмуриться. Только потомъ, когда онъ вышелъ въ переднюю, вдругъ приливъ хохота охватилъ его до изнеможенія. Онъ сѣлъ въ швейцарской на стулъ и, покачиваясь изъ стороны въ сторону, говорилъ:

— Вотъ попался, дуралей, ха, ха, ха! Она его навѣрное въ

кутузку посадила... Ай да баба!.. Взять, значить, онъ подъ сумлѣніе, ха, ха, ха!

XXV.

Прошелъ годъ и полгода минуло другого.

Въ Обуховской больницѣ умиралъ отъ чахотки художникъ Латкинъ. Блѣдный, едва живой съ тусклыми впалыми глазами онъ въ послѣдніе дни жизни почти ничего не могъ уже говорить посѣщавшимъ его товарищамъ, только слабо пожималъ ихъ руки, оставаясь большею частію съ закрытыми глазами; но въ день смерти онъ, полулежа на своей кровати, съ видимымъ любопытствомъ всматривался въ своихъ сосѣдей. Въ немъ, не смотря на угасавшія силы, все еще жилъ художникъ, тонкій, наблюдательный, уловлявшій въ каждомъ встрѣченномъ имъ лицѣ типичныя черты.

Въ это утро привели или, вѣрнѣе сказать, принесли въ палату какого-то маленькаго тщедушнаго человѣка молодыхъ лѣтъ и положили на кровать, сосѣднюю съ кроватью Латкина. Онъ долго не сводилъ съ него глазъ и потомъ, подозвавъ къ себѣ сидѣлку, слабымъ голосомъ сказалъ:

— Спроси, кто... Лицо знакомое.

Сидѣлка подошла къ кровати молодого человѣка, но не рѣшилась его безпокоить, такъ какъ онъ былъ въ забытьѣ и лежалъ недвижимо. Взглянувъ на изнуренное его лицо и глубоко впалыя вѣки закрытыхъ глазъ, она усумнилась, живъ ли онъ и, остановившись у изголовья его кровати, даже прислушалась, дышетъ-ли. Онъ еще дышалъ и по временамъ болѣзненно, едва слышно стоналъ.

Изъ свѣденій, собранныхъ въ пріемной, оказалось, что онъ подобранъ на набережной Васильевскаго Острова, гдѣ лежалъ тамъ у подножія академическихъ сфинксовъ, и привезенъ въ больницу въ безсознательномъ состояніи. По бумагамъ, найденнымъ въ карманахъ его ветхой и рваной одежды, узнали, что онъ— бывшій ученикъ академіи художествъ, Павелъ Егоровичъ Ипатовъ.

Латкинъ, узнавъ объ этомъ, затрепеталъ отъ охватившаго его волненія и, собирая послѣднія силы, приподнялся на подушкѣ.

— Дружокъ... Павлуша!.. Ты какъ... сюда.

Ипатовъ открылъ глаза.

— Кто зоветъ меня?—слабо спросилъ онъ.

— Я... Латкинъ... Помнишь, Латкинъ...

— Леонидъ Иванычъ!.. голубчикъ... Узнаю, узнаю...

— Господи!—плачевно произнесъ Латкинъ,—какъ это случилось съ тобой?.. Вѣдь ты, сказывали, женился на богатой.

Ипатовъ ничего не отвѣтилъ, только приподнялъ правую руку и сдѣлалъ ею слабое движеніе, какъ бы отстраняясь отъ разговора о своемъ прошломъ.

Долго длилось тяжелое молчаніе. На тусклыхъ глазахъ Латкина показались слезы.

Ипатовъ, видимо собравшись съ силами, тихо добавилъ:

— Отъ жены я убѣжалъ... Невозможно было жить... Грызла... Долго бѣдствовалъ, голодалъ... Нищъ и убогъ...

— Отчего къ товарищамъ не шелъ?.. И опять въ академію, авось выбился-бы...

— Стыдно было... Избѣгалъ. Да и куда выбьешься!

— Какъ, куда? Ну, въ огарки просвѣщенія—учителемъ рисованія въ уѣздное училище... Ты вѣдь не пилъ, какъ я...

— Занято... давно и вездѣ все занято... Нѣтъ дороги, умирать надо...

Голова Латкина едва держалась на плечахъ при его необычайной слабости. Взволнованный встрѣчей съ своимъ собратомъ по искусству и пораженный его печальной судьбой, онъ могъ проговорить только:

— Да, адъ здѣсь на землѣ... Мы въ аду!

И свалился на подушку.

Въ этотъ день къ вечеру онъ умеръ. На другой день рано утромъ умеръ и Ипатовъ.

Мельниковъ, прожившій уже полтора года за границей, былъ въ это время въ Петербургѣ съ своими картинами, которыя, какъ пансіонеръ академіи, онъ привезъ изъ-за границы и выставилъ въ ея залахъ. Петербургская публика ахала, хвалила и восхищалась; но покупателей ждали почему-то изъ Москвы и насчитывали ихъ цѣлую пару.

— Да, картины хороши!—слышалось въ публикѣ,—очень хороши! Только за входъ тридцать копѣекъ дорого...

Мельниковъ тоже провожалъ вмѣстѣ съ товарищами Латкина и Ипатова къ ихъ послѣднему жилищу на Смоленское кладбище. Онъ долго стоялъ съ поникшей головой надъ могилами собратовъ и смотрѣлъ, какъ ихъ засыпали землей. Весеннее солнце золотило вершины деревьевъ, травка пробивалась изъ-подъ таявшаго снѣга и беззаботныя птицы весело щебетали въ воздухѣ...

Д. Стахѣевъ.

ПРОСТАЯ ИСТОРІЯ

SINGLEHEART AND DOUBLEFACE.

Повѣсть Чарльза Рида.

I.

Матью Брентъ, мелкій лавочникъ въ Зеленой улицѣ, въ Ливерпулѣ, былъ вдовецъ съ двумя дочерьми. Старшая, Дебора, умная и рѣчистая, ни за что на свѣтѣ не хотѣла учиться грамотѣ. Младшая, Сара, была прилежна и внимательна съ дѣтства.

Отецъ поощрялъ въ ней эти качества, такъ какъ зналъ, что въ нихъ заключается корень всякаго превосходства. Онъ отдалъ дѣвочку въ школу и тамъ она пріобрѣла обычныя, поверхностныя знанія, но при этомъ кое-что и болѣе важное, а именно: способность къ самообученію. Съ этой счастливой способностью она научилась писать какъ клеркъ, вести отцовскія книги, помнить цѣны всѣхъ предметовъ, продаваемыхъ въ мелочной лавочкѣ, помогать отцу отпускать товаръ покупателямъ, когда ихъ наберется заразъ очень много въ лавкѣ, и читать для собственнаго удовольствія и образованія. Въ восемнадцать лѣтъ она была правой рукой Брента и по вечерамъ—его чтицей.

Дебора, которая могла съ грѣхомъ пополамъ разобрать по складамъ «The Mercury» и отлынивала отъ этого всякій разъ, какъ ей удавалось заставить Салли прочитать газету для себя вслухъ, была за то отличной кухаркой, хозяйкой и торговкой. Двадцати лѣтъ она была высокой, гибкой, сильной дѣвушкой, недурной наружности, хотя въ веснушкахъ и рыжая; кожа у

нея была очень бѣла, но легко загорала, и о природной красотѣ ея можно было судить только по шеѣ и затылку. Этотъ затылокъ, бѣлоснѣжный и могучій, да два ряда перламутровыхъ зубовъ — были ея главной прелестью. Она скоро выскочила замужъ за двоюроднаго брата своего отца, мелкаго фермера, и поселилась въ Беркширѣ, своей родинѣ.

Сара Брентъ была на два вершка почти ниже своей сестры, но изящнѣе сложена; овальное личико ея было скромно и выражало кроткое достоинство. Кожа у ней была тоже очень бѣла, какъ объ этомъ можно было судить по ея красивымъ рукамъ и алебастровой шеѣ. Волосы у ней были темные, а также и глаза, безстрашно глядѣвшіе въ лицо людямъ, не будучи нескромными. Когда ей минуло девятнадцать лѣтъ, одинъ достойный молодой человѣкъ, по имени Джозефъ Пиндеръ, влюбился въ нее и сталъ за ней ухаживать. Онъ ухаживалъ издалека и очень почтительно, такъ какъ смотрѣлъ на нее, какъ на высшее существо. Она не умѣла болтать, хотя всегда отвѣчала вѣжливо и разумно; это, вмѣстѣ съ личикомъ какъ у Мадонны, внушало Джозефу Пиндеру великое къ ней почтеніе. Ея отецъ былъ высокаго о немъ мнѣнія и поощрялъ его визиты, такъ что они часто видались и были на очень дружеской ногѣ; но когда онъ наконецъ прямо объяснился ей въ любви, она спокойно объявила ему, что можетъ быть только его другомъ.

— Къ тому же, — прибавила она, — я не оставлю батюшку ни для какого молодого человѣка въ свѣтѣ.

Джозефъ Пиндеръ зналъ, что такія увѣренія часто предшествуютъ бракосочетанію, а потому продолжалъ свое ухаживаніе, и молодые люди часто возвращались изъ церкви вдвоемъ: онъ, сіяя отъ счастья, что идетъ рядомъ съ ней, она спокойная, хотя и дружелюбная.

Бренты вели, какъ уже сказано, мелочную торговлю, а почитатель Сары былъ маляръ изъ тѣхъ, что пишутъ вывѣски и благодаря искусной растушевкѣ заставляютъ плоскія буквы казаться выпуклыми или вогнутыми, смѣло выскакивать изъ стѣны или вывѣски и возвѣщать имя и спеціальность лавочника. Разъ ему пришлось отлучиться за этимъ дѣломъ въ Манчестеръ, гдѣ онъ проработалъ цѣлыхъ двѣ недѣли. Оттуда онъ отправился въ Престонъ и тамъ пробылъ столько же времени. Спустя мѣсяцъ онъ вернулся назадъ домой съ биткомъ набитымъ деньгами кошелькомъ и съ радостью въ сердцѣ, что увидитъ снова Сару.

Онъ засталъ Брентовъ за ужиномъ и въ гостяхъ у нихъ молодого человѣка, необыкновенно разговорчиваго и пріятнаго;

онъ имѣлъ даръ смѣшить старика, и молодая дѣвушка часто взглядывала на него украдкой, съ нескрываемой благосклонностью. То былъ троюродный братъ м-ра Брента, нѣкто Джемсъ Мансенъ, тоже маляръ и декораторъ, поселившійся въ Ливерпулѣ во время отсутствія Пиндера.

При видѣ его у Пиндера упало сердце въ груди, и вмѣсто того, чтобы соперничать съ пришельцемъ въ пріятности разговора, онъ становился тѣмъ молчаливѣе и унылѣе, чѣмъ болтливѣе былъ Джемсъ Манселъ; короче сказать, онъ сдѣлался непріятнымъ собесѣдникомъ отъ того, что тотъ былъ пріятнымъ.

Спустя нѣкоторое время, онъ сказалъ:

— Прощайте.

Кокетка проводила бы его до дверей и умилостивила; но Сара Брентъ была на это неспособна; она отвѣтила: «прощайте», очень дружелюбно, но не тронулась съ мѣста, и языкъ Джемса Мансела продолжалъ молоть безъ умолку.

Эта сцена повторялась съ тѣхъ поръ много и много разъ. Сара постоянно была добра, но холодна съ своимъ старымъ поклонникомъ и очевидно увлекалась новымъ. Въ концѣ концовъ вышло такъ, что Пиндеру уже больше никогда не удавалось погулять съ ней наединѣ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда онъ провожалъ ее изъ церкви домой.

Разъ онъ рѣшился мягко ей замѣтить:

— Если бы вы не сказали мнѣ, что ни для кого не покинете своего батюшку, я бы почти боялся, что *этотъ* Джемсъ Манселъ отниметъ васъ у всѣхъ насъ.

— У всѣхъ, но только не у батюшки.

Кажется, ясно; однако Джозефъ никакъ не могъ съ этимъ освоиться и продолжалъ допрашивать ее: неужели же она рѣшится бросить такого стараго друга, какъ онъ, для пришельца?

Она спокойно отвѣчала:

— Развѣ я перемѣнилась относительно васъ? Я всегда васъ уважала и теперь уважаю.

— Это утѣшительно, Сара. Но если такъ будетъ идти и дальше, то я боюсь, что вы полюбите другого человѣка гораздо болѣе меня, хотя бы вы меня и уважали по прежнему.

— Это мое дѣло,—твердо замѣтила она.

— И мое также, Сара. Вѣдь мы два года водили компанію.

— Какъ друзья, не болѣе. Я никогда не обманывала васъ, и если вы благоразумный человѣкъ, то выберете себѣ теперь другую дѣвушку. Вы легко найдете другую, не хуже меня.

— Только не въ здѣшнемъ свѣтѣ.

— Глупости, Джо; и кромѣ того...

— Что такое?

— Я предусмотрительна и боюсь, что вы будете упрекать меня и сами будете мучиться и когда-нибудь мы разстанемся поссорившись, а это было бы жаль.

— Ничто кромѣ смерти не разлучитъ насъ.

— А до тѣхъ поръ вотъ эта дверь. Батюшка сегодня не совсѣмъ здоровъ.

Дверь, о которой шла рѣчь, вела въ ея собственный домъ. Пиндеръ понялъ намекъ и ласково простился съ ней.

Онъ пошелъ погулять одинъ за городъ, размышляя о томъ: можетъ ли онъ надѣяться на то, чтобы Сара когда-либо стала его женой. Его отвергли, но онъ не пришелъ въ отчаяніе. Въ томъ сословіи, къ которому онъ принадлежалъ, мужчины и женщины часто имѣютъ нѣсколько увлеченій, прежде, нежели вступятъ въ бракъ. Сара была не изъ такихъ, но Джемсъ Манселъ, вѣроятно, уѣдетъ изъ Ливерпуля и забудетъ и думать о Сарѣ Брентъ. Въ его профессіи человѣкъ сегодня здѣсь, а завтра тамъ, а онъ не похожъ на человѣка, способнаго помнить объ отсутствующихъ.

Пиндеръ возвращался домой по Зеленой улицѣ, чтобы въ послѣдній разъ взглянуть на раковину, скрывавшую его жемчужину. Въ то время, какъ онъ проходилъ по другой сторонѣ улицы, показался Джемсъ Манселъ и постучался въ дверь дома м-ра Брента. Пиндеръ ждалъ съ ревнивымъ удовольствіемъ, что его спровадятъ, какъ и его. Сара отворила дверь и вступила въ переговоры; вѣроятно, она говорила ему, что ея отецъ нездоровъ. Пиндеръ прошелъ немного дальше и затѣмъ оглянулся.

Переговоры продолжались. Они казались нескончаемыми. Женщина, которую онъ любилъ, теперь, очевидно, совсѣмъ не торопилась вернуться къ больному отцу, а когда наконецъ собралась къ нему идти, то что же произошло? Манселъ былъ приглашенъ войти въ домъ и дверь рая закрылась, пропустивъ его, вмѣсто того, чтобы запереться передъ его носомъ.

Свидѣтель стоялъ преображенный отравленной стрѣлой ревности. Онъ по очереди и злился, и горевалъ, и наконецъ испугался самого себя и рѣшилъ держаться отнынѣ подальше отъ Джемса Мансела, съ которымъ бороться безполезно. Предпочтеніе Сары слишкомъ очевидно.

Но онъ такъ сильно любилъ ее, что не могъ отказаться отъ

проводовъ изъ церкви, и Сара никогда не протестовала и даже приглашала его ужинать. Но онъ былъ увѣренъ, что встрѣтитъ у ней своего соперника и будетъ изображать изъ себя нуль.

Такъ шли дѣла. Онъ не видѣлъ того, что̀ происходило между Манселомъ и Сарой Брентъ: открытаго ухаживанья мужчины и скромнаго разцвѣта женщины, восхищенной, увлеченной, согрѣтой солнцемъ любви. Но все же онъ замѣчалъ многое: она точно выскальзывала у него изъ рукъ тихо и постепенно, но неумолимо. Она такъ же дружески-холодно относилась къ нему, какъ и прежде, но не обращала на него никакого вниманія.

Она была постоянно разсѣянна и какъ будто думала о чемъ-то другомъ, даже во время прогулокъ изъ церкви, единственнаго знака ихъ вялой, хотя и неизмѣнной дружбы.

Но вотъ пришло время, когда даже эта привилегія была отнята. Разъ въ воскресенье Джемсъ Манселъ пришелъ въ Зеленую улицу раньше обыкновеннаго, ему сказали гдѣ Сара и онъ пошелъ ей на-встрѣчу. Она шла съ Пиндеромъ. Манселъ немного выпилъ и, можетъ быть, не зналъ, какъ мало основаній ему ревновать. Онъ грубо сталъ между Пиндеромъ и миссъ Брентъ и взялъ ее подъ руку, тогда какъ Пиндеръ только шелъ съ нею рядомъ.

— Это еще что за манеры?—спросилъ Пиндеръ.

— Мои собственныя,—отвѣчалъ тотъ надменно.—Ей совсѣмъ не зачѣмъ гулять съ вами.

— По крайней мѣрѣ не оскорбляйте *ее*. Она гуляла со мной три года.

— А теперь ступайте и гуляйте съ другой дѣвушкой.

— Не по твоему ли приказу, скотина?

— О! тебя надо, я вижу, проучить.

— Нѣтъ, не меня, а тебя.

Джемсъ Манселъ отвѣчалъ ударомъ, который захватилъ Пиндера въ расплохъ и отъ котораго онъ пошатнулся.

Джемсъ хотѣлъ снова ударить его, но Пиндеръ уклонился на этотъ разъ и въ свою очередь ударилъ его, крича:

— Трусъ! нападаетъ на человѣка, не предупредивши.

Сара въ ужасѣ всплеснула руками.

— О, ради Бога не ссорьтесь *изъ-за меня*.

— Отойдите! — закричалъ Манселъ повелительно. — Этому надо положить конецъ.

Сара повиновалась человѣку, котораго очевидно признавала своимъ господиномъ, но умоляла его не бить Джо Пиндера, такъ какъ онъ ей только пріятель. Дѣло въ томъ, что Манселъ

столько насказалъ про свою силу и ловкость, что благодаря его хвастовству и своей слѣпой любви, она воображала, что никакой человѣкъ въ мірѣ съ нимъ не справится.

Онъ хорошо бился на кулачкахъ и нѣсколько разъ стукнулъ Пиндера, хотя и не сильно.

Оба вскорѣ пришли въ ярость и драка началась не на шутку.

При подобныхъ обстоятельствахъ Виргиліева телка щипала траву съ безмятежнымъ спокойствіемъ, довольствуясь сознаніемъ, что въ супруги ей достанется самый сильный изъ двухъ быковъ.

Не то было съ Сарой Брентъ. Она ломала руки и кричала, умоляя своего героя смиловаться. Совѣсть подсказывала ей, что ея ни въ чемъ неповинный другъ обиженъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Но вотъ ея герой, нанеся нѣсколько сильныхъ ударовъ своему противнику, получилъ въ свою очередь весьма здоровый тумакъ. Обезумѣвъ отъ ярости, онъ набросился на Пиндера, чтобы истребить его. Но Пиндеръ былъ самъ малый непромахъ. Онъ отскочилъ на цыпочкахъ назадъ и встрѣтилъ Джемса Мансела такимъ страшнымъ ударомъ кулака, что онъ заставилъ Мансела растянуться на землѣ у самыхъ ногъ Сары Брентъ.

Въ одну минуту декораціи перемѣнились; она бросилась къ повергнутому на земь человѣку и прикрыла его своимъ тѣломъ отъ дальнѣйшихъ ударовъ, потому что въ Ливерпулѣ драка обыкновенно бываетъ, какъ говорится «не на животъ, а на смерть».

— Негодяй!—закричала она,—ты убилъ человѣка, котораго я люблю!

И тутъ Пиндеръ въ свою очередь пошатнулся при видѣ ея блѣднаго лица, сверкающихъ глазъ и при звукѣ этихъ роковыхъ словъ.

— Человѣка, котораго вы любите?—повторилъ онъ.

— Люблю! люблю! люблю!—закричала она съ женскимъ инстинктомъ, вонзая единственный ножъ, который былъ у нея въ распоряженіи, въ чудовище, сразившее ея любовь.

Пиндеръ отступилъ назадъ обезоруженный, со вздохомъ отчаянія; она стала на колѣни, приподняла голову Джемса Мансела и истерически разрыдалась надъ ней.

Подошелъ тѣмъ временемъ народъ. Но съ Пиндеромъ въ эти нѣсколько секундъ произошла полная перемѣна, онъ выступилъ впередъ, растолкалъ народъ, сталъ на колѣни, поднялъ Джемса Мансела и взялъ его подъ руку.

— Предоставьте его мнѣ, Сара,—сказалъ онъ.

— Вамъ?—рыдая, спросила она.

— Да; неужели вы думаете, что я когда-нибудь трону его пальцемъ, послѣ того какъ вы мнѣ сказали, что любите его.

Онъ такъ выразительно проговорилъ это, что она повѣрила ему. Послѣ того онъ послалъ за губкой и водкой, а тѣмъ временемъ Манселъ, который былъ малый здоровый, пришелъ въ себя; вода и водка окончательно возвратили его обществу. Пиндеръ обмылъ губкой его лицо и ноздри и отвелъ его въ домъ Брента, Сара бѣжала возлѣ, точно насѣдка за своими цыплятами. Она отворила дверь ключемъ и впустила въ нее своего любимца, а затѣмъ мягко, но рѣшительно заперла ее. Но Джо Пиндеръ и самъ не вошелъ бы къ ней въ домъ, еслибы даже она и пригласила его. Онъ даже не рѣшился сказать ей:—прощайте. Все было кончено между ей и имъ, и онъ это зналъ.

Введя Джемса Мансела въ домъ, она уложила его на маленькомъ диванѣ, и усѣвшись возлѣ него, прикладывала холодные компрессы къ его распухшимъ щекамъ и къ царапинѣ на лбу, произведенной кулаками Пиндера.

Пришелъ ея отецъ, ходившій навѣстить больного пріятеля, и при видѣ этой группы, спросилъ, что все это значитъ.

— Его отколотилъ жестокій Джо Пиндеръ, батюшка. Я думала, что онъ его убьетъ.

— За что?

Сара покраснѣла и молчала; она не хотѣла сознаться, что Джемсъ былъ зачинщикомъ, но не могла и соврать.

— Джо Пиндеръ? — переспросилъ старикъ.—Онъ никогда не былъ драчуномъ. Во всемъ городѣ нѣтъ добрѣе и порядочнѣе молодого человѣка. Скажи мнѣ, изъ-за чего вышла ссора?

— О, батюшка,—отвѣчала Сара смущенно.

— Ай! ай! вижу, что нечего и спрашивать. Они поссорились изъ-за женщины, да? Вы могли бы лучше провести субботній вечеръ всѣ трое.

— Сара ничего не сдѣлала; она только возвращалась изъ церкви съ нимъ вдвоемъ, — вмѣшался Манселъ:—что до меня касается, то я столько же виноватъ, какъ и Пиндеръ, и потому не будемъ больше объ этомъ говорить.

Сара шепнула ему:

— Вы очень великодушны.

Разговоръ перевели на другое, пока старикъ не ушелъ спать, а тогда Джемсъ Манселъ, все о чемъ-то задумывавшійся, высказалъ слѣдующее:

— Онъ не дурной малый, этотъ Джо Пиндеръ. Но или онъ, или я здѣсь лишній; поэтому вы должны сегодня вечеромъ рѣшить, кого вы выбираете себѣ въ мужья, а остального отправить на всѣ четыре стороны.

Это была мужественная рѣчь и заслуживала женскаго отвѣта. Онъ немедленно и воспослѣдовалъ, не на словахъ, но въ дѣйствіи; а именно: бѣлая рука обвилась вокругъ шеи побѣдителя и красивая головка легла на его плечо.

Джозефъ Пиндеръ грустилъ и наблюдалъ; но больше не мѣшалъ влюбленнымъ. Джемсъ Манселъ приставалъ, чтобы Сара назначила день. Она протестовала. Здоровье ея отца все ухудшалось и она не хотѣла его покидать. Манселъ настаивалъ; она не сдавалась. Онъ укорялъ ее въ томъ, что она недостаточно его любитъ. Она дивилась, какъ онъ можетъ это говорить, и вздыхала, но была непоколебима.

Мало-по-малу отецъ узналъ, въ чемъ дѣло. Онъ немедленно послалъ за нотаріусомъ и совершилъ дарственную запись на имя Сары на домъ и лавку. Затѣмъ объявилъ, что она не должна ждать его смерти: что онъ предпочитаетъ видѣть ее счастливой съ человѣкомъ, котораго она выбрала, и радъ помочь ей въ дѣлѣ совѣтомъ въ тѣ немногіе дни, какіе ему еще осталось прожить на свѣтѣ.

Такимъ образомъ помолвка была оглашена, и Джозефъ Пиндеръ молча услышалъ объ этомъ, а затѣмъ Джемсъ Манселъ и Сара Брентъ сочетались законнымъ бракомъ.

Бракъ этотъ, повидимому, обѣщалъ быть вполнѣ благополучнымъ, не смотря на смиренную долю молодыхъ. Мужу было двадцать семь лѣтъ, женѣ двадцать и она была разсудительна не по лѣтамъ.

Оба были здоровы, любили другъ друга и были отличные работники. Кромѣ того, работа мужа постоянно разлучала мужа съ женой и они видѣлись только за обѣдомъ и по вечерамъ. Между тѣмъ ничто такъ не украшаетъ брачной жизни и не разбиваетъ ея монотонность и ennui, какъ эти ежедневныя разлуки и свиданія. У Мансела было три профессіи, и въ одной изъ нихъ: въ искусствѣ поддѣлки подъ дерево, онъ могъ считаться даже артистомъ. Никто лучше его не могъ поддѣлать что угодно подъ красное дерево, американскій орѣхъ и пр. Сара была необыкновенно ловкая продавщица, вѣжливая, расторопная, услужливая и красивая,—все такія качества, которыя привлекаютъ покупа-

телей. Она отпускала въ кредитъ только на недѣлю, а сама ничего не брала въ долгъ.

Во всѣхъ слояхъ общества хорошо, если оба супруга участвуютъ въ пріобрѣтеніи средствъ къ жизни. Это счастливое обстоятельство чаще всего встрѣчается въ среднихъ классахъ. Большинство крестьянскихъ женъ занимается только домоводствомъ, и немногія жены джентльменовъ въ состояніи заработать одинъ пенни.

Поэтому Манселы находились въ особенно счастливыхъ условіяхъ.

Насталъ день, когда ихъ постигло большое горе, но не неожиданное. Матью Брентъ мирно скончался, благословивъ своихъ дочерей и зятя.

На слѣдующій день произошло счастливое событіе. У Сары родился ребенокъ: хорошенькая дочка.

Могучая природа утѣшила осиротѣвшую дочь, и вскорѣ домъ сталъ такъ же веселъ, какъ и прежде.

Только на третій годъ ея замужества появилось облачко, показавшееся въ началѣ совсѣмъ незначительнымъ.

Джемсъ Манселъ началъ приходить домой въ субботу вечеромъ, а не днемъ. И причина была слишкомъ очевидна: отъ него несло водкой и хотя онъ и не бывалъ пьянъ, но языкъ у него частенько заплетался.

Сара, какъ предусмотрительная женщина, встревожилась и сейчасъ же приняла мѣры. Она припомнила, какъ отецъ ея — человѣкъ наблюдательный — говаривалъ ей не разъ, что искусные работники, такъ называемые артисты-ремесленники, часто бываютъ склонны къ пьянству.

Со всѣмъ тѣмъ эта осторожная женщина сочла за лучшее не поднимать вопроса о винѣ. Она просто заявила мужу, что по субботамъ и днемъ, и вечеромъ, посѣтители осаждаютъ лавку и она не можетъ обойтись безъ его помощи. Не будетъ ли онъ такъ добръ помочь ей? Онъ охотно согласился, и съ тѣхъ поръ суббота стала для нея счастливѣйшимъ днемъ. Онъ самъ, казалось, былъ радъ и дѣлу, и наплыву публики, и обществу жены.

Но-мало-по-малу онъ сталъ приходить очень поздно по понедѣльникамъ и со всѣми признаками опьянѣнія.

Тогда она замѣтила ему это и стала умолять его не дѣлать этого, но не позволила себѣ ни одного упрека. Онъ согласился, что поступаетъ дурно, и не разсердился на жену. Но все же одинъ день въ недѣлю возвращался домой поздно вечеромъ, и языкъ его сильно заплетался. Сара огорчилась и встревожилась,

но все же надѣялась, что дальше этого не пойдетъ. Однако, не тутъ-то было. Въ одну прекрасную субботу онъ не пришелъ помочь ей въ лавкѣ, не пришелъ даже къ ужину, а она-то приготовила его съ такимъ стараніемъ.

Она сѣла у окна и мучилась. То отойдетъ отъ него и пойдетъ взглянетъ на свою спящую дѣвочку, то опять сунется къ окну.

Въ полночь, когда шумъ на улицѣ совсѣмъ затихъ, раздались шаги по мостовой. Она выглянула въ окно и увидѣла двухъ людей, которые вели подъ руки третьяго.

Она выбѣжала изъ дому и приняла своего мужа изъ рукъ двоихъ мужчинъ, которые были совсѣмъ трезвы. Одинъ изъ нихъ отвернулся и быстро ушелъ, завидя ее. Но она его узнала, хотя не видѣла передъ тѣмъ три года.

То былъ Джозефъ Пиндеръ.

II.

М-ръ Манселъ началъ карьеру пьяницы съ такимъ качествомъ, которое чаще можно встрѣтить въ Россіи, чѣмъ въ Англіи: онъ былъ добръ во хмѣлю. Онъ ласково встрѣтилъ жену и только по инерціи сопротивлялся, когда она толкала его впередъ, наконецъ, уложила на диванѣ въ пріемной комнатѣ. Послѣ того она развязала ему галстухъ, вымыла ему лицо лавендовой водой и поднесла соли къ носу. Очутившись въ лежачемъ положеніи, онъ скоро заснулъ и громко храпѣлъ, въ то время, какъ она сидѣла на отцовскомъ креслѣ и горько, и грустно глядѣла на него.

Сначала его тяжелое дыханіе тревожило ее и она сидѣла, опасаясь, чтобы съ нимъ не сдѣлался апоплексическій ударъ.

Но подъ утро сонъ осилилъ ее. Солнечный свѣтъ разбудилъ ее и она оглядѣлась кругомъ. Комната въ безпорядкѣ, мужъ спитъ пьяный, а она сама провела ночь въ отцовскомъ креслѣ, а не на супружескомъ ложѣ.

Ея первой мыслью было:—Охъ! еслибы батюшка могъ насъ видѣть теперь!

Она грустно встала и затопила печку. Потомъ пошла наверхъ; вымыла и одѣла свою дочку и заставила ее сказать молитву. Потомъ не желая, чтобы дочь видѣла отца въ его настоящемъ видѣ, сошла внизъ, разбудила мужа и заставила умыть лицо и прибраться. Онъ попросилъ водки; она поглядѣла ему прямо въ лицо, говоря:—Нѣтъ, ни одной капли.

Но онъ чувствовалъ себя очень дурно, и сталъ ее упрашивать. Она дала ему столовую ложку водки, и сваривъ чашку крѣпкаго кофе, заставила его выпить его горячимъ.

Она не была вспыльчива, и хотя лицо ея было уныло и серьезно, но она не высказывала ему своего мнѣнія объ его поведеніи. Поэтому онъ самъ заговорилъ о немъ.

— Это мнѣ хорошій урокъ.

— Надѣюсь,—серьезно отвѣчала она.

— Не понимаю, какъ это я такъ попался.

— Зачѣмъ пошелъ, то и нашелъ. Еслибы ты помогалъ мнѣ въ лавкѣ, гдѣ твоя помощь необходима, было бы лучше для тебя и для меня.

— Хорошо, я теперь такъ и сдѣлаю. Это мнѣ послужитъ урокомъ.

Она смягчилась.

— Хорошо, Джемсъ, если ты принимаешь это къ сердцу, я не буду упрекать тебя. Какой смыслъ пилить человѣка, который самъ сознается, что неправъ? Но, Джемсъ, еслибы ты зналъ, какая это мнѣ обида! Ты помнишь ли, кто привелъ тебя домой?

Онъ пытался припомнить, но не могъ.

— Человѣкъ, котораго я бы изъ всего Ливерпуля меньше всего хотѣла въ свидѣтели твоей слабости: Джо Пиндеръ.

— Я и не замѣтилъ его. Что, онъ тоже былъ пьянъ?

— Нѣтъ; еслибы онъ былъ пьянъ, мнѣ не такъ было бы обидно. Онъ былъ трезвъ, а ты...

Мужъ никакъ не могъ понять чувствъ жены и безпечно замѣтилъ:

— О, такъ это онъ привелъ меня домой? Онъ славный, однако, малый.

Сара только глаза вытаращила при такомъ разумномъ отношеніи къ поведенію ея стараго поклонника. Она больше многихъ другихъ женщинъ старалась быть справедливой, но женская натура брала верхъ. Она умолкла и обдумывала взглядъ Мансела на это дѣло, но вернулась къ своей точкѣ зрѣнія.

— Я надѣюсь,—сказала она,—что ты больше не напьешься такъ какъ вчера. Подумай о своемъ ребенкѣ! Но если и напьешься, то не приходи подъ руку съ этимъ человѣкомъ. Я бы на твоемъ мѣстѣ лучше ползкомъ добралась до дому.

— Хорошо,—неопредѣленно сказалъ онъ.

Тутъ она воспользовалась случаемъ и попросила его пойти съ ней въ церковь. До сихъ поръ онъ всегда отказывался, но

сегодня очень охотно согласился. Онъ радъ былъ идти на компромиссъ.

— Салли,—говорилъ онъ,—кто прегрѣшилъ, тотъ долженъ быть наказанъ.

Дѣло въ томъ, что онъ ожидалъ, что поведеніе его будетъ посрамлено съ каѳедры. Ничуть не бывало! Каѳедра не настолько практична и рѣдко посвящаетъ какихъ-нибудь десять минутъ пороку, который губитъ страну. Джемсъ Манселъ наслушался общихъ мѣстъ и вернулся домой самодовольный.

Жена была имъ тоже довольна, въ особенности, когда онъ взялъ ее съ Люси на прогулку вечеромъ и они поочередно несли дитя.

Послѣ этого мужъ держался въ границахъ приличія. Онъ попивалъ, но всегда приходилъ домой безъ посторонней помощи. Но вотъ бѣда; онъ круглую недѣлю пребывалъ въ полпьяна. Это очень огорчало его добрую жену и привело къ такимъ результатамъ, которые встревожили въ ней мать и дѣловую женщину. Манселъ все еще оставался первымъ маляромъ въ городѣ, и мѣстные лавочники предпочтительнѣе передъ другими обращались бы къ нему, еслибы на него можно было положиться. Но онъ былъ такой ненадежный человѣкъ; пойдетъ обѣдать и застрянетъ въ пивной, назначитъ часъ для начала работъ, и просидитъ его въ кабакѣ. Одинъ за другимъ давальцы отставали отъ него. Потому доходы семьи очень убавились, а расходы, какъ это всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, увеличились, такъ какъ миссисъ Манселъ, не видя помощи отъ мужа, вынуждена была нанять служанку.

Зачастую вечеромъ, заперевъ пораньше лавку и поручивъ своего ребенка служанкѣ, она ходила розыскивать мужа по кабакамъ и тамъ уговаривала и убѣждала его, пока не приводила домой.

При всемъ томъ она была вѣрна ему, какъ сталь. Она даже никогда не соглашалась допустить, что онъ пьяница. Самое большое, въ чемъ она могла согласиться съ разсерженными заказчиками, да и то свысока, это, что онъ иногда выпиваетъ лишнюю рюмочку, чтобы прогнать запахъ масляной краски.

Но наединѣ съ нимъ она не была такъ снисходительна. Она упрашивала, уговаривала его, упрекала и иногда приходила въ отчаяніе отъ его поведенія и горько плакала.

Все это произвело свое дѣйствіе. Упреки задѣвали самолюбіе м-ра Мансела, слезы надоѣдали ему; все вмѣстѣ приводило его въ дурное расположеніе духа и убивало въ немъ привязан-

ность къ женѣ. Обиженная жена охотно прощала, но обидчикъ-мужъ—нѣтъ. Такъ какъ онъ ни въ чемъ не могъ упрекнуть жену, то вскорѣ началъ ее ненавидѣть. Но ея любовь оставалась столь же непоколебима, какъ и его пороки.

Мужъ Деборы внезапно умеръ отъ апоплексическаго удара. Сара не рѣшилась ѣхать утѣшать сестру и не хотѣла открыть ей причину. А потому пригласила вдову пріѣхать къ себѣ.

Дебора пріѣхала, и сестры, обнявшись, долго плакали. Хотя характеры у нихъ были и разные, но онѣ искренно любили другъ друга.

Мало-по-малу Дебора сообщила ей съ новымъ взрывомъ слезъ и горя, что мужъ, умирая, ничего ей не оставилъ, кромѣ долговъ. Ей оставалось идти по міру.

— Нѣтъ, пока я жива,—былъ спокойный отвѣтъ.—Переѣзжай жить ко мнѣ.

По просьбѣ Деборы служанку отпустили; Дебора говорила, что должна работать или умереть съ тоски. Согласно этому она и плакала, и работала, и вскорѣ всѣ мѣдныя и стальныя вещи въ домѣ заблестѣли отъ того, что въ домѣ была неутѣшная вдова.

Сестра была во всѣхъ отношеніяхъ большой подмогой Сарѣ; она могла спокойнѣе уходить изъ дому, когда ея возлюбленнаго мужа приходилось вытаскивать изъ кабаковъ. Ей легче стало переносить собственное горе теперь, когда приходилось жалѣть и сестру. Но пока она не говорила той о своихъ заботахъ и эта черта достаточно, полагаю, характеризуетъ ея характеръ.

Что касается Деборы, то она скоро выплакала всѣ свои слезы и разъ утромъ Сара услыхала, какъ она смѣется, болтая съ приказчикомъ хлѣбопека, смѣется грудью какъ велятъ молодымъ дѣвицамъ пѣть (но чего имъ не дозволяетъ господинъ корсетъ), и октавой ниже своего обыкновеннаго голоса, которымъ она разговаривала съ сестрой.

Сара была удивлена и почти скандализирована. Но она сказала себѣ:—бѣдная Дебъ, она осталась такой же легкомысленной какъ и была; да и съ какой стати ей убиваться по немъ? Вѣдь *онъ* не сталъ бы убиваться по ней!

Мало-по-малу Дебора повадилась уходить изъ дому, окончивъ работу, если Сара оставалась дома. Она не любила читать, слѣдовательно должна была ходить въ гости и разговаривать. Она не прочитала ни одной книги за послѣднія пять лѣтъ; но способность къ болтовнѣ въ ней очень развилась. Она продавала сельскіе продукты еженедѣльно на двухъ ярмаркахъ и нахваталась множества народныхъ пословицъ и поговорокъ.

Вскорѣ она стала посѣщать своихъ прежнихъ знакомыхъ и дѣятельно работать языкомъ. И подивитесь слѣдующему явленію: весь ея словарь состоялъ изъ какихъ-нибудь девяти сотъ словъ, между тѣмъ какъ мы съ вами знаемъ ихъ, можетъ быть, десять тысячъ, и даже больше. Но она могла бы заткнуть насъ съ вами за поясъ своей болтовней.

Такъ какъ весь ея разговоръ вертѣлся на сплетняхъ, то она вскорѣ узнала про Манселовъ больше, чѣмъ они сами знали, и услышала, что Манселъ пьетъ и живетъ на счетъ жены.

Это ее просвѣтило. Теперь она поняла причину періодическихъ отсутствій Сары изъ дому и ея возвращеній съ мужемъ, оправившимся на нее и безсловеснымъ. Она не брякнула объ этомъ сразу сестрѣ, а также и не обидѣлась за отсутствіе довѣрія съ ея стороны. Она знала характеръ Сары и скорѣе восхищалась въ ней тѣмъ, что она не хотѣла ни передъ кѣмъ изобличать своего мужа. Но все же, зная ея тайну, она не могла не намекать на нее время отъ времени, такъ что бѣдняжка Сара, нуждавшаяся въ сочувствіи, наконецъ со вздохомъ открылась сестрѣ.

Дебора утѣшала ее тѣмъ, что мужъ остепенится, и Сара радовалась, что открылась ей, тѣмъ болѣе, что Дебора хотя и болтала, но не проговаривалась. Она была способна болтать какъ сорока и однако ни за что не выдать тайны. Она передавала Сарѣ все, что̀ слышала въ людяхъ, но не переносила въ люди того, что̀ дѣлалось и говорилось въ домѣ.

Разъ она сказала Сарѣ:

— Знаешь ли ты человѣка по имени Варней, Дикъ Варней?

Сара отвѣчала, что никогда не слыхивала такого имени.

— Ну, такъ тебѣ слѣдовало бы узнать его.

— Зачѣмъ?

— Затѣмъ, что когда знаешь своего врага, то можешь остерегаться его, а онъ въ нѣкоторомъ родѣ твой врагъ, потому что это онъ сбиваетъ съ толку твоего мужа, какъ мнѣ сказалъ одинъ молодой человѣкъ.

— Какой молодой человѣкъ?

— Кажется, его фамилія Спенсеръ и кто-то называлъ его Джо; онъ очень красивый молодой человѣкъ. Кажется, онъ былъ пріятелемъ съ Джемми Манселомъ. Кто-то похвалилъ тебя и сказалъ, что ты была доброй дочерью и теперь стала доброй женой, но что ты сдѣлала плохой выборъ. Это послужило сигналомъ для всѣхъ, чтобы напасть на Джемми Мансела. Я не стану передавать тебѣ того, что̀ они говорили. Но этотъ красивый молодецъ

вступился за него и говорилъ, что онъ первый работникъ въ мірѣ и добрый малый, но что его сбиваетъ съ толку Дикъ Варней. Поэтому, когда я сказала ему, кто я такая, онъ, кажется, былъ доволенъ и сообщилъ мнѣ, что слышалъ обо мнѣ. Конечно, я подтвердила то, что онъ говорилъ: я сказала, что Джемсъ Мансeлъ отличный мужъ и прекраснѣйшій человѣкъ, но что одна бѣда... это водка.

Сара поблагодарила ее, но сказала:

— Ахъ, какъ печально, что про насъ сплетничаютъ.

— Милая, сплетничаютъ про всѣхъ рѣшительно, а ты лучше слѣди за этимъ Варнеемъ.

— Какъ я могу, когда я его не знаю?

— Да и я также; и какая я глупая, что не спросила у этого красиваго молодаго человѣка про него. Желала бы я знать, кто онъ самъ такой; я спрошу у Джемса.

— Не надо.

— Отчего?

— Опиши мнѣ его.

— Хорошо; онъ высокаго роста и широкоплечій; волосы у него свѣтлые, темно-сѣрые глаза точно звѣзды, а зубы бѣлѣе молока, и обращеніе у него мягкое и пріятное. Онъ немного грустенъ, какъ человѣкъ, которому не повезло въ любви, хотя этого не можетъ быть; неужели нашлась такая дура, что его не оцѣнила. Онъ очень чисто и хорошо одѣтъ, какъ человѣкъ уважающій себя, и когда говоритъ съ женщиной, то понижаетъ голосъ. Такой душка!

Сара немного удивилась такому восторженному описанію. Однако, подумавъ немного, нашла, вѣроятно, что въ немъ есть правда, хотя она этого прежде и не замѣчала. Она безпечно спросила:

— Чѣмъ онъ занимается?

— Кажется тѣмъ же, чѣмъ и Джемсъ.

— Его зовутъ Пиндеръ—Джозефъ Пиндеръ?

— Да, въ этомъ родѣ. Фамилію не помню, но имя навѣрное Джозефъ.

— Ну да, это Джозефъ Пиндеръ. Пожалуйста не знакомься *съ нимъ*. Ты очень легко знакомишься для женщины въ твоемъ положеніи.

— Мое положеніе,—отвѣчала Дебора,—именно таково, что я должна работать или разговаривать. Я бѣгу отъ своихъ мыслей. Съ твоей стороны очень не хорошо попрекать меня моимъ положеніемъ.

— Я не хотѣла попрекнуть тебя, Дебъ. Прости меня.

— Отъ всего сердца. Тебѣ тоже не легко живется. Но только объясни мнѣ, почему я не должна разговаривать съ этимъ Джозефомъ — какая у него иностранная фамилія — съ красивымъ Джо?

— Потому что онъ когда-то ухаживалъ за мной.

— Ага! Вотъ въ чемъ дѣло?

— Мы гуляли съ нимъ, какъ двое дѣтей, пока не пріѣхалъ мой мужъ. Тогда они поссорились и этотъ Пиндеръ поколотилъ его и я не могу ему этого простить. А въ первый разъ какъ Джемсъ напился, его привелъ домой опять-таки Пиндеръ, и это мнѣ было ножемъ въ сердце.

— Бѣдная Салли! ты увидѣла, что ошиблась въ выборѣ.

— Ошиблась въ выборѣ!—закричала презрительно Сара.—Я не промѣняю мизинца моего Джемса, пьянаго или трезваго, на тысячу Джозефовъ Пиндеровъ. Съ тобой не стоитъ разговаривать. Ты не понимаешь меня. Но только прошу тебя, не знакомься съ этимъ человѣкомъ и не передавай ему о томъ, что̀ у насъ въ домѣ дѣлается.

— Разумѣется, нѣтъ, Салли, если ты этого не хочешь. Что мнѣ за дѣло до этого человѣка! Твоя воля для меня удовольствіе, а твое слово—законъ.

Такой отвѣтъ, да еще отъ старшей сестры, заслуживалъ поцѣлуя и она получила очень нѣжный.

Наконецъ, дошло до того, что никто въ городѣ, кто зналъ Джемса Мансела, не хотѣлъ нанимать его.

Вмѣсто того, чтобы самому зарабатывать деньги, онъ жилъ на счетъ жены и жилъ худо. И вотъ домъ раздѣлился на двое. Мужъ, работникъ на семью въ теоріи, дѣлалъ все, чтобы разорить ее; двѣ мужественныхъ женщины изо всѣхъ силъ трудились, чтобы ее спасти. Деньги мало-по-малу уплывали и это очень тревожило Сару. Но у нея было отложено шестьдесятъ фунтовъ въ желѣзномъ сундукѣ съ крѣпкимъ замкомъ. Она ни слова объ этомъ не говорила мужу. Для его же пользы. Сундукъ былъ невеликъ, но прикрѣплялся толстыми цѣпями къ стѣнѣ и она прикрывала его обыкновенно различными товарами, чтобы онъ не былъ на виду.

Поведеніе Мансела она выносила грустно и терпѣливо, но не безъ упрековъ, это ожесточало его. Тщеславіе этого человѣка равнялось его дрянности.

Въ то время какъ стойкая жена и мать боролась съ незаслуженнымъ несчастіемъ, ее постигла новая бѣда.

Такъ какъ ей никто не помогалъ въ лавкѣ, то она имѣла обыкновеніе заранѣе отвѣшивать и приготовлять пакеты съ сахаромъ, чаемъ, содой и другими вещами. Разъ она вынула изъ бочки брусокъ ирландскаго масла вѣсомъ въ пять фунтовъ и оставила его на прилавкѣ. Ежедневно утромъ приходилъ за нимъ покупатель и ему отвѣшивали фунтъ. Когда на слѣдующее утро она отвѣсила ему обычный фунтъ, то увидѣла, что въ остающемся брускѣ не болѣе полутора фунта.

Сначала она сама себѣ не повѣрила; но дѣло было ясно. Она спросила Дебору съ напускной безпечностью, сколько вчера онѣ отвѣсили масла, Дебора отвѣчала безъ запинки:

— Пять фунтовъ.

Послѣ этого она стала внимательнѣе смотрѣть за товаромъ и убѣдилась, что въ немъ большіе недочеты. Безпрестанно пропадало то то, то другое: разъ кусокъ свиного жира, другой— жестянка съ мясными консервами; короче сказать, происходило организованное воровство. Но это слово пугало ее, и она хотѣла объяснить себѣ недостачу просто безпечностью и излишней расточительностью Деборы въ употребленіи продуктовъ по хозяйству. Она сказала ей о своемъ открытіи и спросила ее такъ деликатно, какъ только можно, не беретъ ли она изъ лавки товаръ для кухни.

Дебора вспыхнула какъ порохъ, къ которому поднесли зажженый фитиль:

— Я стану брать что-нибудь изъ твоей лавки въ мою кухню!

— Господи! да вѣдь и кухня, и лавка—мои. Не все ли это равно, что перекладывать изъ одного кармана въ другой.

Но ту не такъ-то легко было успокоить.

— Я стану брать то, чтó мнѣ не принадлежитъ! О! до чего я дожила, что моя родная сестра меня подозрѣваетъ! Я скорѣе отрѣжу себѣ руку, нежели возьму чужое. Я во всю свою жизнь копѣйки не утянула ни у кого. Отпусти меня домой. Отпусти меня въ рабочій домъ. Если мнѣ не вѣришь!.. Охъ! охъ! охъ!

И она сѣла и завыла.

— Ну же, ну, успокойся! — закричала Сара, усаживаясь рядомъ съ ней.—Ну что за бѣда, еслибы ты взяла товаръ, чтобы употребить его на насъ же? И кромѣ того, развѣ я не должна спросить тебя, прежде нежели заподозрѣть худое? О, Дебора! неужели у меня мало горя, что ты еще такъ огорчаешь меня? Охъ! охъ! подумай и обо мнѣ также, а не объ одной только себѣ! Развѣ тебѣ все-равно, что меня обворовываютъ? Развѣ у

меня мало горя и безъ того? Ну перестань же, милая, и я сегодня же подарю тебѣ новое ситцевое платье.

Дебора моментально перестала плакать и чувства ея перемѣнились, какъ вѣтеръ.

— Желала бы я знать, кто обворовываетъ тебя,—сказала она и съ угрозой протянула свою большую, длинную и сильную руку.

— Мы должны день и ночь сторожить, милая,—отвѣчала миссисъ Манселъ, мрачно и съ утомленнымъ видомъ. Все это она принимала близко къ сердцу, такъ же и огорченіе, причиненное ею Деборѣ, хотя съ той все скатывалось, какъ съ гуся вода и она черезъ десять минутъ уже позабыла обо всемъ, чтò было сказано. Не то было съ болѣе глубокой натурой ея сестры. Миссисъ Манселъ все время думала объ этомъ, пока не закрыла лавку, и тогда, усѣвшись въ пріемной, думала и страдала. Джемса Мансела по обыкновенію не было дома. Она сидѣла и глядѣла на Люси, размышляя, какова-то будетъ ея судьба и судьба ея ребенка въ результатѣ этой отчаянной борьбы. Наконецъ, съ ней сдѣлалась истерика, чтò бывало съ ней очень рѣдко, и Дебора нашла ее на прежнемъ мѣстѣ, но внѣ себя. Ее всю подергивало и горячія слезы бѣжали по ея щекамъ.

Это былъ припадокъ женскаго отчаянія и Дебора, хорошо знавшая женскую натуру, усѣлась рядомъ съ сестрой и взяла ее за руку. Сара уцѣпилась за ея руку и время отъ времени конвульсивно ее сжимала. Она говорила прерывистымъ голосомъ:

— Судьба противъ меня. Мнѣ не справиться. Тутъ пьянство, тамъ воровство. Мы пойдемъ по міру. Иначе быть не можетъ. Я рада, что батюшка умеръ! Бѣдный батюшка! вотъ до чего я дожила, что радуюсь его смерти.

Болтливая Дебора ни слова не говорила и Сара мало-помалу начала успокоиваться.

Къ несчастью, прежде чѣмъ она совсѣмъ успокоилась, Манселъ постучался въ дверь. Сара знала наизусть его манеру стучать, и его походку, и каждое его движеніе. Лицо ея просвѣтлѣло. Часъ былъ еще не очень поздній. Онъ былъ, значитъ, трезвъ и она подѣлится съ нимъ своимъ новымъ горемъ.

Дебора побѣжала отворить дверь. Сара стояла и ждала мужа.

Онъ ввалился въ комнату, пьяный какъ стелька, съ развязанымъ галстухомъ, налитыми кровью глазами; онъ едва держался на ногахъ.

Сара схватила свою дочку точно львица, бросила взглядъ, полный презрѣнія и отвращенія на своего мужа, и величественно вышла изъ комнаты, унося ребенка на рукахъ.

Какъ онъ ни былъ пьянъ, однако, замѣтилъ этотъ выразительный взглядъ и краснорѣчивый уходъ. Онъ ткнулся объ каминъ и повѣсилъ носъ.

Дебора подбоченилась.

— Вы ужъ слишкомъ часто повадились приходить въ такомъ видѣ,—замѣтила она, ухмыльнувшись и зло глядя на него.

— Не ваше дѣло,—отрѣзалъ онъ.—Чего она удрала отъ меня?

— Потому, конечно, что не хочетъ, чтобы Люси видѣла васъ пьянымъ. Ну, не будемъ ссориться. Хотите ужинать?

— Не хочу ужинать; хочу, чтобы жена ко мнѣ пришла. Ступайте и немедленно приведите ее.

Онъ былъ раздраженъ, и Дебора, желая сохранить миръ, пошла въ комнату Люси передать порученіе мужа Сарѣ.

Сара вся задрожала и отвѣчала отказомъ.

— Я не смѣю,—говорила она,—я въ такомъ состояніи, что могу сказать или сдѣлать что-нибудь такое, въ чемъ послѣ раскаюсь, потому что я все-таки его люблю. Я жалѣю, что встрѣтилась съ нимъ, но я люблю его. Поди и успокой его. Я буду спать здѣсь съ моей дочерью.

Дебора сошла внизъ и нашла Мансела сидящимъ въ креслахъ съ разсерженнымъ лицомъ. Она сказала ему, что Сара не совсѣмъ здорова и не можетъ сойти внизъ.

— Вздоръ!—заревѣлъ Джемъ Мanселъ.—Она притворяется. Я пойду и приведу ее сюда,—и онъ всталъ, качаясь, съ кресла.

Дебора заслонила собою дверь.

— Пустите меня,—и онъ хотѣлъ оттолкнуть ее.

Но она схватила его обѣими руками за воротникъ, тряхнула нѣсколько разъ, какъ собака трясетъ пойманную крысу, потомъ съ такой силой отбросила его въ кресло, что послѣднее ударилось объ стѣну, а Манселъ полетѣлъ головой внизъ, ногами вверхъ.

Сначала онъ не могъ понять, въ чемъ дѣло. Ему казалось, что какая-то сверхъестественная сила распорядилась съ нимъ такимъ образомъ. Онъ долго не могъ представить себѣ, чтобы у женщины могла оказаться такая сила.

— Я никогда не подниму руки на женщину,—мрачно сказалъ онъ, наконецъ.

— Я не такъ добра,—отвѣчала Дебора, выпрямившись передъ нимъ во весь ростъ и подперевшись руками въ бокъ.—Я подниму руку на мужчину для его же добра. Мнѣ случалось это не разъ и прежде.

Затѣмъ помолчавъ немного, дружески посовѣтовала ему:

— Джемми, милый мой, женщины—удивительныя созданія. Онѣ бываютъ по временамъ сами не свои. У нашей Салли разстроены нервы. Она способна пырнуть тебя ножемъ, если ты станешь ее мучить теперь, когда она плачетъ надъ своимъ ребенкомъ. Послушайся меня; вѣдь я желаю добра вамъ обоимъ. Оставь ее въ покоѣ. Если ты не будешь приставать къ ней сегодня, *чего я тебѣ, впрочемъ, и не позволю,* то завтра она будетъ попрежнему ласкова съ тобой.

— Можетъ быть, она,—мрачно отвѣтилъ Мансель,—но не я. Если она нынѣшнюю ночь проспитъ отдѣльно отъ меня, то я цѣлый годъ и даже больше буду спать отдѣльно отъ нея, замѣть себѣ это.

— Гдѣ это? въ кабакѣ?

— Нѣтъ. Ты хочешь этимъ, должно быть, сказать, что я живу на ея счетъ.

— А развѣ нѣтъ? откуда ты берешь деньги, которыя пропиваешь?

— Мнѣ предлагаютъ работу.

— Работу? У себя въ носу?

— Не здѣсь, но въ Америкѣ. Тамъ мое мастерство хорошо оплачивается и я могу разбогатѣть и никто не посмѣетъ попрекать меня тѣмъ, что я живу на счетъ женщины.

Дебора не удостоила отвѣтомъ такую похвальбу. Она предложила ему лучше отдохнуть послѣ понесенныхъ имъ тяжкихъ трудовъ: шутка сказать, сколько штофовъ и кружекъ съ виномъ перетаскалъ онъ, бѣдняжка, отъ прилавка ко рту. Насилу свела она его на верхъ, сняла съ него жилетъ и разстегнула воротъ рубашки. Потомъ вышла изъ комнаты, и подождавъ, пока онъ уляжется въ постель, вернулась и унесла отъ него свѣчку, точно отъ ребенка. Онъ позвалъ ее:

— Выслушай мое послѣднее слово.

— Такого благополучія не дождаться,—сухо отвѣтила она.

— Держи языкъ за зубами.

— Если я буду держать его за зубами, то сломаю зубы.

— Не можешь ты развѣ выслушать меня.

— Ну, говори.

— Ну такъ вотъ что. Если она меня бросаетъ такимъ образомъ, то и я ее брошу. Я не позволю женщинѣ шутить съ собой.

— Я передамъ ей это,—сказала она, чтобы его успокоить. И унеся съ собой свѣчку, пошла внизъ, взяла свою перину и снесла ее къ Сарѣ въ комнату, гдѣ и постлала ее на полу.

— Онъ угомонился,—объявила она ей.

Потомъ сошла внизъ въ кухню, гдѣ обыкновенно спала, и завила въ папильотки свои рыжіе волосы. Она кокетничала напропалую со всѣми мужчинами, такъ какъ № 1 уже полгода какъ лежалъ въ могилѣ. Потомъ уснула богатырскимъ сномъ на жесткомъ матрацѣ, не болѣе, впрочемъ, крѣпкомъ, чѣмъ ея собственное здоровое тѣло.

III.

Какое удивительное лекарство крѣпкій, продолжительный сонъ и дневной свѣтъ! Они укрѣпляютъ тѣло и освѣжаютъ умъ. Они разсѣеваютъ тоску и страхъ, нагоняемыя ночью, и озаряютъ не только всю природу, но и наши личныя надежды. Свѣтлый день, встающій передъ нашими отдохнувшими очами и подкрѣпленными тѣлами, подобенъ трубѣ, взывающей: «Nil desperandum».

Миссисъ Манселъ была изъ числа многихъ людей, которыхъ сонъ и день воодушевили и примирили съ своей долей въ это утро. Она проспала въ чистой атмосферѣ, не зараженной дыханіемъ пьяницы. И проснулась съ успокоившимися нервами и ободреннымъ сердцемъ.

Жизнь ея должна была быть борьбой—это ясно. Но у ней были силы и вѣрная союзница. Силы ея были: рѣдкое здоровье, физическая крѣпость, благоразуміе и трезвость. Союзницей ея была Дебора. Она начала борьбу въ это утро съ яснымъ духомъ и надеждой въ сердцѣ. Она встала раньше всѣхъ, опрятно, какъ и всегда, одѣлась, надѣла большой фартукъ, грубый, но чистый, и сошла въ пріемную. И позвала, открывъ дверь на витую лѣстницу:

— Джемсъ!

Нѣтъ отвѣта.

Она прошла въ лавку, и отворивъ дверь на лѣстницу, которая вела въ кухню, кликнула сестру. Сестра тоже не отозвалась.

— Лѣнтяи, — сказала Сара. Она зажгла свѣчу въ лавкѣ и глаза ея остановились на большомъ ручномъ колоколѣ. Она взяла его и позвонила на лѣстницѣ, которая вела въ кухню. Въ кухнѣ немедленно послышалась отчаянная зѣвота. Потомъ она побѣжала въ пріемную и, отворивъ дверь на витую лѣстницу, которая вела на верхъ, тоже позвонила. Послѣ этого вернулась со свѣчей въ лавку и стала ее подметать, убирать, пересчитала и прибрала товаръ и вымыла прилавокъ.

Тутъ пришла Дебора изъ кухни, съ волосами въ папильоткахъ и зѣвая во весь ротъ.

— Что, у насъ пожаръ что ли?

— Нѣтъ. Но кто растопитъ печку въ кухнѣ и приготовитъ завтракъ мужу, когда я отворю лавку? Тебѣ не стыдно самой себя?

— Мнѣ слишкомъ хочется спать (зѣвая), чтобы стыдиться чего бы то ни было!

— Ну такъ проснись и принимайся за дѣло.

Дебора потянулась, и ея длинныя руки напоминали крылья вѣтреной мельницы. Послѣ этого она принялась за работу. Обѣ сестры скоро убрали пріемную, и затѣмъ Сара пошла въ лавку и отперла дверь; но патентованныя оконныя ставни были тяжелы и громоздки, и она позвала Дебору.

— Отвори-ка ставни; ты сильнѣе меня, хоть и расплылась точно желѐ.

Дебора отступила въ смущеніи.

Какъ я пойду на улицу? я еще не одѣта!

— Красиво сложенныя женщины интересны въ дезабилье. Еще, гляди, подцѣпишь себѣ мужа на мостовой.

— Я лучше поддѣплю его въ церкви въ новой шляпкѣ.

И чтобы ее не заставляли больше идти на улицу и выставить на показъ свои папильотки,—потому что въ этомъ и заключалась причина ея нежеланія, чтобы ее видѣли,—она побѣжала въ пріемную и крикнула, отворивъ дверь на витую лѣстницу:

— Хозяинъ, ступайте сюда! Джемсъ Манселъ, васъ зовутъ!

— Молчи,—сказала Сара, покраснѣвъ,—онъ тебѣ не лакей. Вовсе не дѣло хозяина открывать ставни для жены.

— А я думаю, что это его дѣло, если онъ мужчина; это мужское дѣло.

Не успѣла Дебора проговорить это, какъ чьи-то мужскія руки открыли ставни и впустили дневной свѣтъ.

— Не говорила я тебѣ?—нашлась Дебора.—Вотъ и мужчина свалился для этого съ неба.

— Да это Джозефъ Пиндеръ, — сказала миссисъ Манселъ, отступая отъ окна.

— Эге! твой прежній милый!

— Никогда въ жизни! стыдись! не говори пустяковъ!

Дебора съ восторгомъ хихикнула и бросилась вонъ изъ пріемной, чтобы стащить папильотки и слушать, что̀ будетъ говориться. Сара пошла за прилавокъ и занялась своимъ дѣломъ. Она была увѣрена, что Пиндеръ пойдетъ дальше своей дорогой, послѣ того, какъ оказалъ имъ эту услугу.

Вмѣсто того онъ медленно и застѣнчиво вошелъ въ дверь и

сталъ у прилавка напротивъ нея. Онъ былъ одѣтъ въ сьютѣ изъ бѣлой бумажной матеріи, который очень шелъ къ его темнымъ волосамъ, и вообще имѣлъ видъ щегольской и опрятный.

— Здравствуйте, миссисъ Манселъ,—сказалъ онъ почтительно.

— Здравствуйте, м-ръ Пиндеръ,—отвѣчала она. Затѣмъ сухо прибавила:—напрасно такъ безпокоились.

Пиндеръ удивился и не понялъ, въ чемъ дѣло.

— Я говорю, напрасно безпокоились открывать ставни. У меня есть прислуга.

— О! я слышалъ, какъ кто-то говорилъ, что это дѣло мужчины.

Сара поспѣшно объяснила:

— О! это говорила моя сестра.

— Дебора?

— Дебора,—сухо и коротко отвѣчала она, давая этимъ знать, что разговоръ конченъ.

Но Пиндеръ не уходилъ. Онъ мялъ шляпу и, наконецъ, проговорилъ, что приходъ его не случайный, что онъ хотѣлъ ее видѣть.

— Зачѣмъ?—широко раскрыла она глаза.

— По дѣлу.

Сара покраснѣла и сухо промолвила:

— Чѣмъ могу служить вамъ?

— Мое дѣло не къ вамъ, а къ вашему мужу.

— Вотъ какъ,—почти подозрительно замѣтила она.

— Досталъ ему работу.

— Вы очень добры,—перешла она вдругъ въ сатирическій тонъ.—У моего мужа работы пропасть.

— Было, да сплыло; всѣ лавочники въ городѣ теперь противъ него; говорятъ, что онъ небреженъ въ работѣ.

Сара воспользовалась случаемъ, чтобы отдѣлаться отъ м-ра Пиндера.

— Развѣ вы пришли затѣмъ, чтобы бранить моего мужа мнѣ въ глаза?—надменно спросила она.

— Неужели вы считаете меня на это способнымъ?—въ свою очередь обидѣлся Пиндеръ.—Я пришелъ оказать услугу человѣку, не разсчитывая даже на благодарность.

Сара покраснѣла и притихла. Онъ попалъ съ ней въ настоящій тонъ. Но этому добряку трудно было выдержать характеръ съ нею, и онъ прежнимъ дружескимъ тономъ объяснилъ, что новый ректорскій домъ отдѣлывается одной лондонской фирмой, но что ихъ собственный маляръ и декораторъ заболѣлъ и онъ, Пиндеръ, сказалъ главному приказчику, что знаетъ отличнаго

маляра и декоратора, Джемса Мансела, а прикащикъ такъ за него и ухватился обѣими руками.

— Я сторговался съ нимъ, Сара. Лондонская цѣна. Тридцать фунтовъ стерлинговъ.

И онъ съ гордостью поглядѣлъ на нее.

— Тридцать фунтовъ?—воскликнула Сара.

— Да; домъ большой, комнаты съ панелями, прихожая и лѣстница, все должно быть отдѣлано подъ дерево, кромѣ того двери и ставни. Но только, помните, что эти выжиги, лондонскіе торговцы, терпѣть не могутъ неаккуратности. Гдѣ вашъ мужъ?

— О! онъ дома.

— Такъ пустите меня къ нему.

— Нѣтъ, сейчасъ нельзя.

Дебора, слышавшая все отъ перваго слова до послѣдняго, нашла моментъ удобнымъ, чтобы появиться изъ пріемной. Она употребила папильотки на растопку печки и пришла причесанная и въ хорошенькомъ чепчикѣ и отвѣсила поклонъ.

— Дайте ему полчаса срока, чтобы одѣться, м-ръ Пиндеръ,—мягко сказала она,—онъ еще въ постелѣ.

Пиндеръ поглядѣлъ на часы и сказалъ, что не можетъ ждать полчаса; ему пора идти на работу. Но онъ написалъ карандашомъ записку, которую Манселъ долженъ былъ передать прикащику, и снявъ шляпу, проговорилъ:

— Прощайте, сударыни.

— Прощайте сэръ,—ласково отвѣчала Дебора.

— Благодарю васъ, Джозефъ,—мягко сказала Сара.

— Не стоитъ благодарности.

Когда онъ ушелъ, искусственное спокойствіе Сары исчезло въ одинъ моментъ. Она побѣжала въ пріемную и, отворивъ дверь на витую лѣстницу, стала звать:

— Джемсъ! Джемсъ! хорошія вѣсти! Скорѣе вставай и иди сюда!

— Что тамъ еще?—спросилъ заспанный голосъ.

Сара сказала Деборѣ:

— Очень нужно тебѣ было объяснять, что онъ еще въ постелѣ.

— Правда глаза колетъ, но шила въ мѣшкѣ не утаишь,—твердо отвѣчала Дебора.

Пословицы неопровержимы, и Сара перемѣнила разговоръ:

— И зачѣмъ это ты надѣла мой новый чепчикъ!

На это у Деборы не нашлось подходящаго отвѣта, а потому она смиренно сказала:

— Душечка Салли, онъ такой интересный молодой человѣкъ.

Ты не можешь его терпѣть, но вкусы бываютъ разные. Какъ ты думаешь: придетъ онъ опять? Я намѣрена рѣшительно за нимъ ухаживать.

— Но только не въ моихъ перьяхъ, слышишь, — и Сара, которая рѣдко бывала въ шутливомъ расположеніи духа, сбила въ одинъ моментъ чепецъ съ головы сестры.

— Потише! не растрепли мнѣ волосъ! — завизжала Дебора. — Вѣдь они у меня свои собственные.

— Значитъ, ты отстала отъ моды,—былъ быстрый отвѣтъ. — Ну, Дебъ, довольно болтать; это утро у насъ выходитъ дѣловое и счастливое въ награду за прошлый вечеръ. Теперь, милочка, свари мужу кофе покрѣпче.

— Хорошо.

— И вычисти ему сапоги.

— Нечего дѣлать, вычищу,—отвѣтила Дебора съ внезапной вялостью.

Она никакъ не могла понять, почему женщины должны чистить сапоги мужчинамъ.

— И выглади ему рубашку.

— Это все?—спросила Дебора съ притворнымъ удивленіемъ.

— Пока все,—отвѣчала хозяйка сухо.

— Неужели? а развѣ не надо застегнуть ему штаны, причесать волосы, вычистить зубы.

— Убирайся, пока цѣла,—пригрозила ей весело Сара щеткой.

У ней было легко на сердцѣ. Пришли тѣмъ временемъ кое-кто изъ покупателей. Она быстро и вѣжливо отвѣшивала имъ товаръ.

Наконецъ, супругъ ея медленно спустился съ винтовой лѣстницы. Она побѣжала въ пріемную встрѣтить его. Про вчерашній вечеръ ни слова; вся она цвѣла улыбкой и нѣжно поцѣловала его.

— Хорошія вѣсти, милый,—ликуя объявила она.

Онъ принялъ ея извѣстіе съ обезкураживающей вялостью.

— Ну, что тамъ еще?

Но ее нельзя было такъ легко обезкуражить.

— Милый Джемми, тебя работа дожидается и за нее тебѣ заплатятъ тридцать фунтовъ стерлинговъ.

— Тридцать фунтовъ! Должно быть, анаѳемски долгая работа!

Она покачала на это головой.

— Отчего же долгая? конечно, въ одинъ день ее не кончишь. Ахъ! еслибы я умѣла такъ хорошо работать и была бы такъ умна, какъ ты, я скоро справилась бы съ ней. Пойдемъ,

вонъ Дебора несетъ тебѣ кофе и поджареный хлѣбъ. Нѣтъ, Дебъ, не неси его въ пріемную, подай сюда, чтобы не терять времени. Поставь его на прилавокъ. Я люблю смотрѣть, какъ онъ ѣстъ.

М-ръ Манселъ, поощренный такимъ образомъ, поднесъ кофе къ губамъ. Но тотчасъ же отставилъ чашку, не отхлебнувъ даже, и объявилъ, что не можетъ пить.

— Попробуй, милый, это тебѣ будетъ здорово.

— Не могу, Салли; мнѣ очень нездоровится; голова кружится и грудь вся въ огнѣ,—и м-ръ Манселъ прислонился къ прилавку и громко застоналъ.

Испуганная Сара приказала Деборѣ бѣжать за докторомъ.

Но Дебора не тронулась съ мѣста и совершенно равнодушно внимала стонамъ паціента.

— Доктора? вотъ еще, очень нужно! Отъ него только хуже заболѣешь.

Она сложила руки и разглядывала жертву.

— У него голова трещитъ съ похмѣлья,—сказала она.—Ему нужно крошечку того самаго лекарства, отъ котораго онъ заболѣлъ.

— Да, Дебъ, Христа ради, —застоналъ больной, — Христа ради, капельку водки!

Еслибы Дебора была хозяйка, то немедленно исполнила бы его желаніе, но теперь она прежде взглянула на сестру.

Сара отвѣчала на этотъ взглядъ съ большой рѣшимостью.

— Ни за что, если ты называешься мнѣ сестрой. Что-жъ это за манера такая: напиться, чтобы заболѣть и затѣмъ опять напиться, чтобы выздоровѣть, а затѣмъ опять напиться и заболѣть, и опять за водку, и такъ безъ конца, пить, пить, пить, пока не сопьешься съ круга и не пойдешь по міру.

И затѣмъ съ твердостью прибавила:

— Слушай, выпей кофе безъ разговоровъ и ступай работать на свою дочь, какъ мужчина. Вотъ!

Она подала ему чашку съ повелительнымъ видомъ, хотя сердце у нея колотилось въ груди, и онъ, будучи въ ту минуту въ покорномъ настроеніи духа, смиренно взялъ чашку и проглотилъ нѣсколько капель. Но тутъ пришелъ покупатель. Однако, Сару трудно было сбить съ ея поста. Она приказала Деборѣ присмотрѣть за тѣмъ, чтобы кофе былъ выпитъ. Дебора скрестила свои обнаженныя руки и зорко слѣдила за Джемсомъ. Онъ выпилъ двѣ трети чашки, но затѣмъ взглянулъ на нее такъ жалобно, что она сжалилась надъ нимъ, взяла чашку изъ его рукъ и залпомъ выпила остатокъ кофе, и затѣмъ сунула чашку ему

обратно въ руки. Все это совершилось почти моментально, и Сара была обманута.

— Вотъ и отлично,—сказала она,—крѣпкій кофе, говорятъ, самое дѣйствительное противоядіе, а работа и того лучше. Ступай въ ректорскій домъ и оставайся тамъ до часу. А тѣмъ временемъ Дебора состряпаетъ тебѣ вкусный, горячій обѣдъ.

Она подала ему его рабочіе инструменты, собранные и вычищенные, хотя онъ забросилъ ихъ грязными.

При видѣ ихъ нѣчто въ родѣ благодарности проснулось въ немъ. Онъ сказалъ:

— Ты хорошая женщина. На тебя стоитъ работать.

— И на нашего ребенка тоже, Джемсъ,—отвѣчала она.— Помни про насъ обѣихъ. О, милый Джемми! если тебя станутъ опять соблазнять, ты подумай только: любятъ ли тебя тѣ, кто влечетъ тебя къ погибели, такъ, какъ мы тебя любимъ.

— Довольно, Салли. Я сталъ другимъ человѣкомъ. Поцѣлуй меня.

И они нѣжно поцѣловались.

Дебора глядѣла на нихъ и пошутила:

— У меня, бѣдной вдовы, слюнки текутъ.

— Прощайте,—сказалъ Джемсъ, уходя. — Капли во рту у меня не будетъ до тѣхъ поръ, пока я не принесу домой тридцать фунтовъ.

Съ этимъ рѣшеніемъ онъ вышелъ изъ лавки.

Сара вышла за дверь и глядѣла ему вслѣдъ, пока онъ не повернулъ въ другую улицу, затѣмъ вернулась въ лавку вся сіяющая.

— Спаси его Богъ!—закричала она.—Въ цѣлой Британіи не найти лучшаго человѣка, работника и мужа, только держи отъ него вино подальше. Не правду развѣ я говорю? — обратилась она къ Деборѣ.

— Ну, Сара, почемъ я знаю? Я его не видала трезвымъ два дня сряду. Ты говоришь, что онъ былъ хорошимъ для тебя мужемъ. Ну, кто знаетъ, можетъ, онъ и исправится, если сдержитъ слово.

— И сдержитъ, вотъ увидишь. Онъ сегодня сталъ другимъ человѣкомъ и я опять счастливѣйшая женщина.

— А я пойду готовить ему обѣдъ.

И Дебора ушла въ кухню, гдѣ слышно было, какъ она принялась возиться, напѣвая веселыя и забористыя пѣсенки. Въ этомъ ее не перещеголялъ бы никакой кузнецъ или деревенскій батракъ.

Миссисъ Манселъ занялась своими покупателями. Пришла кухарка и купила три фунта свиного сала по 8 шиллинговъ за фунтъ для барыни и столько же лучшаго лимерикскаго сала для кухни, по 11 шиллинговъ, причемъ цѣны эти обозначила навыворотъ въ своей приходо-расходной книжкѣ. Она также уплатила недѣльный счетъ и потребовала гостинецъ. Сара покорно подала ей полкроны, такъ какъ въ противномъ случаѣ она уговорила бы свою госпожу покупать все въ другой лавкѣ.

Затѣмъ пришла горничная за содой, сахаромъ, крахмаломъ и ваксой.

Пришли и другіе покупатели, между прочимъ, дѣти, и большинство изъ нихъ безмолвно показывало деньги, а Сара должна была догадываться, чего имъ надо. Но она уже привыкла къ нимъ и ей стоило только поглядѣть на рожицу каждаго и его монету, чтобы узнать, чтó ему требуется. Одному она дала табаку для его отца, другому — свѣчку, завернутую въ бумагу, третьему леденцу. Когда наступилъ часъ обѣда, толпа покупателей замѣтно порѣдѣла и изъ кухни донесся вкусный запахъ кушанья. Доброй женѣ приличествуетъ наблюсти за мужнинымъ обѣдомъ. Она заперла лавку и побѣжала въ кухню, и когда пробилъ часъ, вернулась въ лавку, отперла дверь, накрыла столъ чистой скатертью въ пріемной и разодѣла Люси какъ куколку, такъ чтобы новообращенный мужъ и работникъ нашелъ все въ порядкѣ во время заслуженной имъ трапезы.

Спустя нѣкоторое время Дебора заглянула съ красными, какъ и ея волосы, щеками и объявила, что бифштексъ пережарится, если его не подать скоро на столъ.

— А ты постарайся, чтобы онъ не пережарился, — строго замѣтила Сара.—Теперь Джемсъ скоро долженъ быть... да вотъ и онъ,—прибавила она, такъ какъ мужская фигура показалась въ дверяхъ.—Нѣтъ! это не онъ; это Джозефъ Пиндеръ.

То былъ дѣйствительно онъ и на этотъ разъ угрюмый и мрачный. Онъ держалъ въ рукахъ небольшой оловянный пузырекъ съ узкимъ горлышкомъ и съ нѣкоторымъ шумомъ поставилъ его на прилавокъ, какъ бы желая сказать: теперь я пришелъ какъ покупатель и ничего болѣе. Миссисъ Манселъ и приняла его какъ покупателя и, зайдя немедленно за прилавокъ, дожидалась его приказаній.

— Полъ-литра скипидару,—сказалъ онъ почти грубо. Миссисъ Манселъ сейчасъ же взяла его пузырекъ и налила въ него изъ небольшого боченка съ краномъ.

Но Дебора, которая никогда не читала книгъ, всегда чи-

тала лица. Она поглядѣла на Пиндера и проговорила: Вы, кажется, не въ духѣ? Что съ вами?

— Многое,—отвѣчалъ онъ,—больше, нежели мнѣ пріятно пересказывать. Но все-равно рано или поздно она узнаетъ. Подѣломъ мнѣ за то, что рекомендовалъ...

Онъ во-время остановился, и отвернувшись отъ Сары къ Деборѣ, горько произнесъ:—Онъ совсѣмъ не приходилъ на работу. Онъ въ этой самой улицѣ набрелъ на своего соблазнителя и немедленно пошелъ съ нимъ въ кабакъ.

Сара всплеснула руками и не сказала ни слова, но такъ холодно и удивленно вскрикнула, что гнѣвъ Пиндера немедленно перешелъ въ состраданіе и онъ началъ оправдывать виновнаго и валить всю вину на Дика Варнея, опаснаго негодяя, съ льстивымъ языкомъ, вора и безсовѣстнѣйшаго человѣка. Онъ обратился теперь къ самой Сарѣ и перечислялъ ей пороки этого негодяя, который уже два раза сидѣлъ въ тюрьмѣ и губилъ Джемса Мансела.

Но Сара перебила его, говоря:

— Богъ съ нимъ. Гдѣ теперь мой бѣдный мужъ?

— Въ кабакѣ.

— Подай мнѣ шляпу и шаль, Дебора.

— Зачѣмъ?—спросилъ Пиндеръ съ безпокойствомъ.

— Чтобы идти за мужемъ.

Доселѣ скрываемая правда вышла наружу.

— О! мнѣ не въ первый разъ приходится разыскивать его по кабакамъ и уводить оттуда домой на глазахъ у всѣхъ пьяницъ и выслушивать ихъ насмѣшки. Онъ самъ не разъ ругалъ меня при нихъ, но еще ни разу не билъ. Можетъ, дойдетъ и до этого. Можетъ, сегодня онъ и прибьетъ меня, потому что въ прошлый разъ онъ былъ сердитѣе, чѣмъ когда-либо. Но мнѣ все-равно, лишь бы привести его домой.

— Но не изъ того кабака, гдѣ онъ теперь; пожалуйста, туда не ходите. Вы не знаете, что это за мѣсто; тамъ собираются не только дурные мужчины, но и дурныя женщины. По просту говоря, это притонъ воровъ и потаскушекъ. Увести отъ нихъ мужчину. Да онѣ выцарапаютъ вамъ глаза и чего добраго на вѣки васъ обезобразятъ. Оставайтесь съ сестрой. Я самъ пойду за нимъ. Разъ въ жизни брошу работу и приведу вашего мужа домой.

Это растрогало обѣихъ сестеръ, въ особенности Сару, которая до тѣхъ поръ была такъ холодна съ своимъ прежнимъ поклонникомъ.

— О! благодарю васъ, Джозефъ,—заплакала она,—Боже васъ благослови.

— Не плачьте, Салли,—отвѣчалъ взволнованный добрякъ,—пожалуйста, не плачьте! Я не могу выносить вашихъ слезъ.

И онъ почти бѣгомъ пустился изъ лавки, боясь, что скажетъ что-нибудь болѣе нѣжное, нежели слѣдуетъ. Его подмастерье дожидался на улицѣ. Онъ послалъ его въ лавку взять скипидаръ, а самъ пошелъ въ кабакъ, гдѣ засѣдалъ Манселъ, и засталъ его ссорящимся съ тремя изъ его посѣтителей разбойниковъ. Прежде нежели онъ успѣлъ опомниться, одинъ изъ нихъ ударилъ Мансела кулакомъ по носу, изъ котораго кровь хлынула ручьемъ. Въ слѣдующій моментъ онъ уже лежалъ на спинѣ, сбитый съ ногъ Джо Пиндеромъ. Двое другихъ набросились-было на него, но отретировались передъ его здоровенными кулаками. Пиндеръ схватилъ Мансела за руку и сказалъ:—негодяи васъ поранили; пойдемъ лечиться.

И не давая ему времени опомниться, вытащилъ его изъ кабака и повелъ домой.

Тѣмъ временемъ Сара сидѣла печальная и говорила, что ея счастливые дни скоро прошли и что она желала бы умереть. Дебора сидѣла около нея и утѣшала.

— Хорошо, что у тебя нашелся другъ какъ разъ тогда, какъ въ немъ явилась нужда. И подумать только, что ты могла бы выдти замужъ за Джозефа Пиндера и предпочла ему Джемса Мансела.

Сара вспылила:

— И теперь предпочитаю, не смотря на всѣ его недостатки. Я бы не промѣняла его ни на Джо Пиндера, ни на кого другого.

— Тѣмъ лучше, такъ какъ ты съ нимъ связана,—замѣтила Дебора.

— Какъ ты думаешь, приведетъ его Джозефъ домой?

— Я думаю. На этого человѣка можно положиться. Его слово свято.

— Ну такъ похлопочи, чтобы обѣдъ былъ готовъ.

Дебора покорно пошла хлопотать для недостойнаго мужа. Сара угадала, что это ей не по нутру и захотѣла позолотить пилюлю.

— Ты добрая сестра,—замѣтила она.

— Это святая истина,—откровенно созналась Дебора.—Но вѣдь и ты также, и кромѣ того я всегда любила тебя, какъ корова своего теленка.

— А я не позабыла про ситецъ; но ты видишь, какъ меня шпигуютъ. Я не открою своего желѣзнаго сундука даже для тебя; но вотъ тутъ въ выручкѣ есть у меня полкроны. Возьми ее прежде, чѣмъ новая бѣда заставитъ меня о ней позабыть.

Глаза Деборы засверкали, но она стала отказываться отъ денегъ, говоря, что и безъ того у Сары много расходовъ.

— Это правда, но они меня не разорятъ. Не говори только никому, а я много денегъ зарабатываю въ своей лавкѣ. Я бы не продала своей субботы за 5 фунтовъ.

И почти шопотомъ добавила:

— У меня отложено цѣлыхъ 60 фунтовъ въ желѣзномъ сундукѣ, а сундукъ прибитъ къ стѣнѣ. Я не должна трогать этихъ денегъ. Я ихъ берегу для моей дорогой Люси. Но вотъ въ выручкѣ есть полкроны для тебя. У Коверлея получены чудные ситцы.

Разъ рѣчь коснулась нарядовъ, то разговоръ такъ и полился. Тѣмъ временемъ она взяла ключи и отперла выручку. Въ ней было гораздо меньше денегъ, чѣмъ она думала. Она перебрала всю мелкую монету; полкроны не набиралось.

— Боже, Боже!—вскрикнула она, выручку обворовали.

— Сара, не можетъ быть!—закричала Дебора.

— Говорю тебѣ, да; здѣсь не наберется и шиллинга.

— Когда ты въ послѣдній разъ открывала ящикъ?

— Вчера въ шесть часовъ вечера я насчитала полкроны и восемнадцать шиллинговъ серебромъ. Что со мной теперь будетъ? у насъ въ домѣ завелись воры. Ужъ куда товаръ дѣвается, Богъ его вѣдаетъ, а это дѣло мужскихъ рукъ.

— Желала бы я, чтобы воръ попался мнѣ въ руки,—проговорила Дебора и выставила впередъ свои длинныя, мускулистыя руки и свои здоровенные кулаки.

Не успѣла она произнести этихъ словъ, какъ Джемъ Макселъ въ рубашкѣ и панталонахъ, залитыхъ кровью, былъ введенъ въ комнату Джозефомъ Пиндеромъ: бѣлый и опрятный нарядъ послѣдняго тоже пострадалъ отъ этого соприкосновенія.

Обѣ женщины подняли вопль при видѣ обоихъ, и Сара закричала:

— О! они убили его!

Пиндеръ поспѣшно замѣтилъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, большой бѣды не случилось; ему только расшибли носъ.

— Значитъ, онъ дешево отдѣлался,—заключила Дебора.

— Да, но я подоспѣлъ во-время, увѣряю васъ: на него напало цѣлыхъ трое человѣкъ.

— О!—вскричала Сара,—какіе трусы!

М-ръ Манселъ поймалъ слово: трусы, и закричалъ:—пойдемъ и поколотимъ ихъ.

— Ни, ни,—отвѣчалъ Пиндеръ, останавливая его и держа точно въ клещахъ своими сильными руками.

— Неужели и ты обратился въ труса? Представьте, онъ ихъ всѣхъ троихъ разметалъ, точно щепки.

— И пусть ихъ себѣ валяются,—объявилъ разсудительный герой.

— Ну такъ я одинъ пойду, и задамъ имъ,—хорохорился безразсудный.

Но при первомъ же шагѣ къ двери м-ръ Манселъ свалился съ ногъ, и Пиндеръ бросился поднимать его съ полу и читать наставленія:

— Тебѣ теперь нужно вымыться и лечь спать, а не идти въ драку.

Сара предложила поправку:

— Ему еще нужнѣе этого, м-ръ Пиндеръ, обрѣсти снова сердце и совѣсть.

— Еще чего?—заявилъ нераскаянный грѣшникъ.

Дебора сжала кулаки. Но м-ръ Манселъ лучше бы сдѣлалъ, еслибы придержалъ языкъ за зубами. Долготерпѣливая жена обратилась къ нему съ такой нотаціей:

— Послѣ того, какъ ты мнѣ сегодня обѣщалъ и клялся, ты пошелъ и напился, какъ свинья. Тебѣ доставилъ выгодную работу человѣкъ, который намъ ни съ какой стороны не родня, у тебя покойный домъ, тебя ждетъ вкусный обѣдъ, добрая жена и дочь, считали всѣ минуты до твоего возращенія, а ты... Что ты за человѣкъ послѣ этого? Ты не мужъ, и не отецъ, и не мужчина.

IV.

— Молчи,—заоралъ виновный.

Но ея кровь разошлась, и вмѣсто того, чтобы отступить отъ него, она накинулась на него, какъ львица.

— Нѣтъ: я слишкомъ долго молчала и покрывала твои вины и таила отъ свѣта свои горести. Какое право имѣютъ подобные мужчины жениться и имѣть дѣтей, которыхъ они ненавидятъ и

рады сдѣлать нищими, такъ же какъ и своихъ несчастныхъ женъ?

Она поднесла внезапно руку къ лбу, точно ощутивъ въ немъ острую боль.

— Онъ меня съ ума сведетъ. Если ты мнѣ сестра, убери его съ моихъ глазъ долой.

Она топнула ногой о полъ и глаза ея засверкали.

— Слышишь? убери его прежде нежели сердце у меня разорвется въ груди и я прокляну часъ, когда я его впервые увидѣла.

Дебора потащила его въ пріемную, говоря:

— Пойдемъ, Джемми, благоразумный человѣкъ никогда не связывается съ разсерженной женщиной.

Что касается Сары, то она упала на стулъ въ изнеможеніи, и послѣ грома, полилъ дождь.

Пиндеръ съ инстинктивной деликатностью повернулся-было, чтобы уйти. Но не могъ. Женщина, которую онъ всегда любилъ и которая причинила ему столько горя, сидѣла и рыдала въ безусловномъ отчаяніи. Онъ поглядѣлъ на нее и душа у него замерла: онъ не зналъ, чѣмъ помочь и что сдѣлать, но не могъ и уйти. Онъ мягко сказалъ: — не отчаявайтесь; пока человѣкъ живъ, надежда не потеряна.

Она печально покачала головой.

— Для меня нѣтъ больше надежды.

— О! да; еслибы только удалить этого Варнея, онъ могъ бы образумиться. Онъ не дурной человѣкъ, а только слабый.

— Въ чемъ же разница; если оба поступаютъ одинаково. Но вы слишкомъ добры, что заступаетесь за него.

Она вынула изъ кармана бѣлый носовой платокъ и вытерла имъ глаза; потомъ встала и сказала серьезнымъ, степеннымъ — своимъ прежнимъ, какъ онъ нашелъ — голосомъ:

— Дайте мнѣ поглядѣть на васъ.

Она направилась къ нему, но онъ не пошелъ ей навстрѣчу. Напротивъ того, онъ стоялъ неподвижно и конфузился, и когда она взглянула на него, онъ опустилъ голову.

— Нѣтъ, поглядите на меня, — сказала она, — вы ничего не сдѣлали такого, чего бы вамъ слѣдовало стыдиться.

Вызванный такимъ образомъ, онъ взглянулъ на нее, но не такъ прямо, какъ она. Особенность этой женщины заключалась въ томъ, что она могла глядѣть въ лицо мужчины, не краснѣя, и не казаться безстыдной. Не спуская глазъ съ Пиндера, она проговорила, медленно и задумчиво, какъ бы изучая его лицо:

— Вы, должно быть, очень хорошій человѣкъ. Нѣсколько

лѣтъ тому назадъ, вы ухаживали за мной, а я была съ вами только вѣжлива.

Пиндеръ мягко отвѣчалъ:

— Вы никогда меня не обманывали.

— Нѣтъ, но и не цѣнила васъ, какъ слѣдуетъ. Теперь, когда я стала старше, я замѣтила, что ничто такъ не озлобляетъ мужчину противъ женщины, какъ если она отвергнетъ его. Боже мой! только оскорбите его самолюбіе и вся его хваленая любовь немедленно превратится въ ненависть; вы же, напротивъ, всегда хорошо отзывались обо мнѣ, какъ мнѣ это передавали; и благоразумно держались поодаль отъ меня до тѣхъ поръ, пока я не попала въ бѣду, и тогда пришли и оказали мнѣ самую цѣнную услугу, помогая моему несчастному мужу. Такихъ, какъ вы, одинъ на тысячу, и Боже васъ благослови!

Въ это время Пиндеръ опустилъ глаза передъ спокойнымъ взглядомъ и разумной похвалой женщины, которая все еще была ему дорога.

— Вы кончили?—сухо произнесъ онъ, разсматривая полъ.

— Да,—отвѣчала она,—я высказала то, чтó думала.

— Хорошо, въ такомъ случаѣ и я съ своей стороны скажу вамъ кое-что. Мужчина дѣлается лучше, если полюбитъ хорошую женщину, хотя бы даже она и не отвѣчала ему взаимностью. Я изучалъ васъ, когда вы были дѣвушкой, и это удержало меня отъ многихъ грубыхъ пороковъ. Съ тѣхъ поръ, какъ вы вышли замужъ, я постоянно слѣдилъ за вами и сталъ еще сильнѣе уважать васъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и добродѣтель. У васъ есть опасный врагъ въ лицѣ Дика Варнея. Чтобы бороться съ нимъ, вамъ нуженъ другъ, и мнѣ кажется иногда, что я призванъ быть этимъ другомъ. И увѣряю васъ, Сара, что я уже не такъ неблагоразуменъ, какъ во время óно. Я чувствовалъ бы себя вполнѣ счастливымъ, еслибы жизнь ваша шла тихо и гладко. Но не все еще пропало. Не могу ли я чѣмъ еще служить вамъ?

Въ виду такого дружескаго участія, осаждаемая затрудненіями и уже сознавая, какое рѣдкое удобство и поддержку можетъ найти въ другѣ-мужчинѣ, она созналась, что у нея есть еще одна бѣда, ничтожная сравнительно, но все же при всемъ остальномъ очень непріятная. Ее обокрали. Она разсказала ему все и онъ просилъ дать ему осмотрѣть замокъ у выручки.

Онъ внимательно осмотрѣлъ его и сейчасъ же увидѣлъ, что онъ былъ отпертъ отмычкой, а не ключемъ. Онъ такъ ей и сказалъ, но это ей ничего не объяснило.

— Но мнѣ это многое объясняетъ,—сказалъ онъ.—Это до-

казываетъ, что никто въ домѣ этого не сдѣлалъ. Это дѣло профессіональныхъ рукъ. Я не удивлюсь, если это сдѣлалъ Варней. Онъ старый воръ и мастеръ въ этихъ дѣлахъ. Приходитъ онъ когда въ вашу лавку?

— Можетъ быть. Я его не знаю въ лицо.

Пиндеръ соображалъ.

— Джемсъ Манселъ все ему говоритъ, можете быть въ этомъ увѣрены, а онъ какъ разъ такой негодяй, чтобы въ одно и то же время обворовывать жену и губить мужа.

Опять онъ задумался, но вдругъ съ довольнымъ видомъ ударилъ себя по колѣнкѣ: ему показалось, что онъ нашелъ способъ выпутаться изъ затрудненія.

— Еслибы только мы могли поймать этого Варнея съ поличнымъ и упрятать его лѣтъ на пять въ тюрьму—дешевле онъ навѣрное не отдѣлается, потому что попадался уже не разъ— Манселъ освободился бы отъ своего соблазнителя и тогда послушался бы нашихъ совѣтовъ, бросилъ пить и началъ работать, и опять сталъ бы счастливымъ человѣкомъ, а вы счастливой женщиной.

— О! какъ вы меня утѣшаете!—проговорила бѣдная Сара.— Но какъ мнѣ поймать негодяя?

— Другіе это сдѣлаютъ. Ступайте въ полицію и подайте жалобу надзирателю. Я пойду послѣ васъ и переговорю съ м-ромъ Стилемъ, сыщикомъ; онъ мой пріятель и скоро развѣдаетъ все дѣло. Пьяный воръ—такой же болтунъ, какъ и всѣ прочіе смертные. Но вы должны держать это въ секретѣ; сестра ваша добрая женщина, но болтушка и каждый вечеръ бѣгаетъ по гостямъ. Мнѣ не хочется идти вмѣстѣ съ вами, потому что у меня запачкано кровью платье, но если вы сейчасъ же отправитесь, я успѣю переодѣться и застану васъ еще въ полиціи, а оттуда провожу домой.

Сара послѣдовала этимъ инструкціямъ съ обычной своей пунктуальностью. Она удостовѣрилась, что мужъ ея крѣпко спитъ; надѣла шляпку и шаль, поручила Люси и лавку Деборѣ, и когда эта послѣдняя спросила:—куда она идетъ, то сухо отвѣчала:

— Туда и назадъ.

Съ этими словами она исчезла.

— Благодарю васъ, м-ръ Пиндеръ,—сказала Дебора,—этимъ я вамъ обязана.

— Какъ такъ?

— Когда у женщины явится повѣренный, красивый молодой человѣкъ, то она считаетъ лишнимъ разговаривать съ сестрой.

— Ну чтоже, не завидуйте мнѣ,—отвѣчалъ онъ.—Вѣдь уже цѣлыхъ пять лѣтъ я не слыхалъ отъ нея ласковаго слова.

И тоже ушелъ, а Деборѣ осталось разговаривать только съ покупателями и маленькой Люси.

Покупатели, привыкшіе къ степенной, скромной Сарѣ, были, должно быть, немножко удивлены веселостью ея помощницы.

Первымъ изъ удивленныхъ былъ одинъ охотникъ. Онъ явился, облеченный въ бархатную куртку и кожаные штиблеты, прямо изъ деревни. И вытаращилъ глаза на Дебору, отчасти потому что она какъ разъ въ эту минуту насвистывала пѣсню браконьера.

— Гдѣ же хозяйка?—спросилъ онъ.

— Пошла за хозяиномъ.

— А хозяинъ?

— Ушелъ раньше хозяйки.

— Мнѣ нужно фунтъ пороху.

Дебора встрепенулась:

— Я ни за какія сокровища до него не дотронусь.

Охотникъ разсмѣялся.

— Какая же вы прекрасная лавочница.

— О, сэръ,—кокетливо отвѣчала Дебора,—я увѣрена, что вы прекрасный охотникъ.

Онъ не сразу понялъ, въ чемъ соль ея отвѣта; но когда, наконецъ, сообразилъ, то сказалъ:

— Ладно, будемъ торговать. Вы побьете меня на словахъ. Порохъ вѣдь держатъ не безъ покрышки. Его держатъ въ жестяныхъ ящикахъ.

— О!—замѣтила Дебора:—вы кажется отлично знаете все, что̀ касается пороха, хотя его и не выдумали. Гдѣ она его держитъ?

— Да вонъ, подъ самымъ вашимъ носомъ.

— Къ несчастію, я не вижу носомъ.

Она неохотно взяла ящикъ и поставила на прилавокъ.

— Теперь прежде нежели онъ выпалитъ и отправитъ насъ всѣхъ на тотъ свѣтъ, скажите, пожалуйста, что̀ онъ стоитъ?

— Вотъ прекрасно! Цѣну назначаетъ продавецъ.

— Когда такъ, то—десять шиллинговъ.

— Хозяйка всегда продаетъ за пол-кроны.

— Ай! какая она скупая женщина. Дайте мнѣ шиллингъ, и я продамъ вамъ за восемнадцать пенсовъ.

Въ то время, какъ онъ считалъ деньги, послышался тонкій свистъ, Дебора своимъ чуткимъ слухомъ тотчасъ же услышала его.

— Это предназначается для васъ?—спросила она.

— Нѣтъ; скорѣе для васъ.

— Тѣмъ лучше: «посвисти, и я выйду къ тебѣ на свистъ, мой милый», какъ говорится въ пѣснѣ.

— Еслибы я могъ этому повѣрить, то сейчасъ вышелъ бы на улицу и засвисталъ,—объявилъ охотникъ.—Я попробую.

— Пожалуйста.

„It's a man's part to try,
„And a woman's to deny,
And now you'd better fly [1]),

потому что вотъ идетъ наша фамильная губка. Ну по крайней мѣрѣ онъ скоро отрезвляется, это я должна признать за нимъ.

Джемсъ Манселъ появился изъ пріемной чисто вымытый и прилично одѣтый.

— Миссисъ Сморгъ,—вѣжливо сказалъ онъ.

— М-ръ Манселъ, надѣюсь, что вы хорошо себя чувствуете, сэръ. Для головы, очевидно, полезно, когда носомъ кровь идетъ, —замѣтила Дебора,—равно какъ послѣ выпивки и драки хорошо соснуть.

— Я хорошо вздремнулъ.

— Прекрасно, сэръ, а теперь, когда вы отдохнули, чтб прикажете еще? Чашку кофе, гарантированнаго, что въ немъ небольшая примѣсь цикорея, и большая жженой пробки, тряпокъ и навоза?

— Нѣтъ, послѣ послѣдняго опыта я на вѣки отказался отъ всякихъ жидкостей, кромѣ сочной говядины и жаренаго картофеля. И я былъ бы очень вамъ обязанъ, еслибы вы соблаговолили сжарить мнѣ хорошенькій бифштексъ съ лукомъ, какъ вы одна умѣете его готовить.

— Послѣ такихъ любезныхъ словъ только и остается, что повиноваться, — отвѣчала Дебора и отправилась въ кухню, попросивъ его посидѣть за нее въ лавкѣ. Она не подозрѣвала, что главной его цѣлью было отъ нея отдѣлаться.

Онъ подождалъ, пока она выйдетъ, и затѣмъ пошелъ къ входной двери и выглянулъ изъ нея. Свистъ Варнея привлекъ его;—этотъ достойный джентльменъ дожидался на улицѣ, а по приглашенію Мансела осторожно вошелъ въ лавку. Никогда еще воръ не былъ болѣе явственно отмѣченъ природою. Его маленькая, худенькая, подвижная фигурка напоминала хорька, а брови точно выскакивали изъ висковъ и сходились на переносицѣ.

---

[1]) Мужчинѣ прилично пробовать, а женщинѣ отказывать, а теперь вамъ лучше уходить.

Глаза, окаймленные такимъ образомъ, не могли минуту пробыть покойными. Они, какъ уши у зайца, вѣчно были на-сторожѣ. Между этимъ человѣкомъ и Манселомъ завязался оживленный, торопливый и не шумный разговоръ, котораго никто не могъ слышать, кромѣ ихъ самихъ. Но всякій, кто бы увидѣлъ собесѣдниковъ, навѣрное заключилъ бы, что они замышляютъ недоброе.

Очевидно они успѣли даже въ такое короткое время въ чемъ-то сговориться и тогда Варней, которому тутъ было не по себѣ, сталъ звать Мансела съ собой.

Манселъ возражалъ, что онъ голоденъ и что ему готовятъ обѣдъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, — протестовалъ тотъ, — я тутъ не останусь. Пойдемъ со мной въ кухмистерскую Бука и, смотри, не давай мнѣ больше пить сегодня. А не то все пойдетъ къ чорту.

Онъ юркнулъ въ двери, а Манселъ взялъ шляпу и крикнулъ съ лѣстницы въ кухню:—миссисъ Смортъ, Дебора, пожалуйста придите сюда и побудьте въ лавкѣ. Меня зовутъ по дѣлу.

Дебора не спорила, но тутъ же порѣшила, что бифштексъ, который она въ два пріема готовила сегодня глупцу, будетъ съѣденъ разумнымъ существомъ, а для того, чтобы быть въ томъ вполнѣ увѣренной, она съѣстъ его сама. Поэтому она накрыла салфеткой поднось, поставила на него бифштексъ съ картофелемъ и понесла все это на верхъ и только-что поднесла первый кусокъ ко рту, какъ явилась одна изъ тѣхъ крошекъ, о которыхъ я упоминалъ выше и понимать которыхъ умѣла только Сара. Крошка стала возить пенни по прилавку. Дебора оторвалась отъ бифштекса и поглядѣла на него:

— Чѣмъ могу служить вамъ, сэръ?

Крошка застучалъ монетой по прилавку точно молоткомъ.

— О, да,—сказала Дебора,—я вижу, *что* должна получить съ васъ, но что *вы* желаете получить за такую кучу денегъ?

Она наклонилась къ ребенку:

— Табаку? мыла? еслибы я была твоей матерью, то непремѣнно купила бы мыла, чтобы вымыть тебѣ рожицу, поросенокъ ты эдакій! Чтожъ? такъ и не скажешь? Это такой страшный секретъ? Надо иначе попытаться.

И она стала подавать ребенку одинъ за другимъ разные товары.

— Вотъ, табачку для папаши; вотъ мыла на пенни; вотъ ячменнаго сахару на пенни.

Дитя въ одно мгновеніе схватило сахаръ и положило мо-

нетку на прилавокъ, а Дебора вернулась къ своему бифштексу, бормоча:

— Салли догадалась бы, чтó ему нужно, по цвѣту его волосъ.

Въ лавку приходили покупатели одинъ за другимъ. Не успѣвала она разжевать кусочекъ бифштекса, какъ уже являлся покупатель съ пенни въ рукахъ. Дебора справлялась съ ними, какъ умѣла, и опять къ своему бифштексу, но все напрасно: то было безконечное «va et vient». Послѣднимъ явился дюжій мальчуганъ, стукнулъ пенни о прилавокъ и изумительнымъ для своего роста басомъ прокричалъ: леденцовъ.

Дебора удовлетворила его желаніе, бросила пенни въ ящикъ для мѣди, и поспѣшила къ бифштексу. — О, Боже! — сказала она, — я бы желала лучше сразу получить шиллингъ, чѣмъ этотъ непрерывный потокъ грязныхъ мѣдныхъ монетъ.

Она еще не доѣла бифштекса, какъ м-съ Манселъ и Пиндеръ вернулись.

— Какъ онъ себя теперь чувствуетъ? — былъ первый вопросъ Сары.

— Трезвъ какъ судья и ушелъ на работу; и если вамъ все-равно, то я попрошу дать мнѣ спокойно поужинать.

И Дебора, забравъ подносъ, убѣжала въ кухню.

Не успѣла она уйти, какъ явился сыщикъ переодѣтый, и шопотомъ сказалъ, что есть новенькое. Женщина - сыщикъ приставлена была къ Варнею съ удивительнымъ успѣхомъ; она подслушала въ кухмистерской цѣлую исторію: кухня Сары стояла по вечерамъ пустая, служанка ходила по гостямъ, Варней прошелъ въ лавку черезъ кухню и обчистилъ выручку, а сегодня ночью собирается опять обокрасть и выручку, и желѣзный сундукъ или что-то въ этомъ родѣ.

— Теперь, — продолжалъ Стиль, — надо ввести сюда моихъ молодцовъ, такъ чтобы служанка объ этомъ не знала, затѣмъ ее удалите подъ какимъ-нибудь предлогомъ и мы захватимъ вора на мѣстѣ.

Пиндеръ одобрялъ этотъ планъ, но Сара колебалась: — Боже мой! — говорила она, — воры, полиція въ моемъ домѣ, и чего добраго съ пистолетами.

Стиль шепнулъ Пиндеру:

— Отошлите ее или она испортитъ намъ все дѣло.

Пиндеръ убѣдилъ ее идти въ комнату Джемса и побыть тамъ съ ребенкомъ, пока они не пошлютъ за ней. Она очень охотно согласилась. Послѣ того Стиль впустилъ полисмена и спряталъ его за ширмами въ пріемной. Двое другихъ были спря-

таны въ пустомъ домѣ напротивъ, чтобы наблюдать за всѣмъ, что произойдетъ.

Послѣ того Пиндеръ закрылъ ставни и въ лавкѣ стало темно. Теперь оставался вопросъ: какъ выпроводить Дебору изъ дому. Пиндеръ пошелъ спросить Сару, нельзя ли это устроить?— Въ одну минуту,—отвѣчала она. Она спустилась внизъ, прошла въ кухню и, подавая Деборѣ десять шиллинговъ, сказала, что она получитъ свое ситцевое платье наперекоръ всѣмъ и всему. Тогда Дебора сама стала рваться вонъ изъ дому, чтобы успѣть купить ситецъ прежде нежели лавки закроются, и вскорѣ союзники услышали, какъ она ушла и заперла дверь кухни снаружи.

Нельзя было положительно знать: сторожитъ Варней ея уходъ или нѣтъ. Если да, то онъ могъ предпринять свое дѣло черезъ какихъ-нибудь пять минутъ, равно какъ могъ переждать часъ или два. Такъ какъ онъ былъ опытный воръ, то по всей вѣроятности обойдетъ прежде кругомъ дома, чтобы видѣть, нѣтъ ли какой опасности. Всѣ огни въ домѣ потушили и закрыли ставни. Они заперли дверь въ пріемную и спрятались въ ней.

— Но какимъ образомъ мой мужъ пройдетъ въ домъ? — шопотомъ спросила Сара.

Одна изъ темныхъ фигуръ, разглядѣть лица которой нельзя было, отвѣчала:

— Очень просто, но только надо надѣяться, что онъ не вернется раньше двухъ часовъ; иначе онъ испортитъ все дѣло.

— Не вернется къ ужину! — но вѣдь это будетъ значить, что онъ нетрезвъ. Я вся дрожу.

— Тсс...

— Что? воры?

— Нѣтъ; но пожалуйста не разговаривайте. Тотъ, кого мы ждемъ, хитеръ какъ бѣсъ. Чу!

— Что такое?

— Кухонное окно скрипнуло,—шепнулъ Стиль.

Сара умолкла и тяжело дышала въ темнотѣ.

Мало-по-малу послышались шаги на лѣстницѣ. Затѣмъ замолкли... и опять тѣ же крадущіеся шаги. Сторожившіе люди притаились за ширмами.

О томъ, чтό теперь происходило, они могли судить лишь по догадкѣ.

Но я опишу, какъ оно было по другую сторону двери пріемной.

Человѣкъ осторожно отворилъ дверь кухни и прокрался въ нее тихо и неслышно, какъ кошка.

Въ рукахъ у него былъ потайной фонарь и онъ на минуту открылъ его, чтобы оглядѣться кругомъ себя. Въ эту минуту оказалось, что на лицѣ у него небольшая черная маска. Какъ ни была она мала, она совсѣмъ измѣняла его лицо, а глаза, сверкавшіе преступнымъ огнемъ, казались отъ нея еще страшнѣе. Онъ отворилъ дверь въ пріемную, освѣтилъ ее на минуту фонаремъ, затѣмъ заперъ дверь. Эта минута была мучительна для засады. Они боялись, что онъ станетъ осматривать комнату.

Послѣ того человѣкъ осторожно вернулся къ кухонной двери, отворилъ ее и прошепталъ:—Мѣсто чистое; входи!—Другой человѣкъ вошелъ на цыпочкахъ. Первый подалъ ему фонарь.

— Нѣтъ,—прошепталъ тотъ,—держи ты фонарь, а мнѣ дай ключъ.

Тогда первый навелъ свѣтъ фонаря прямо на сундукъ и подалъ второму блестящій новый ключъ, очевидно нарочно сфабрикованный на этотъ случай. Сундукъ былъ отпертъ вторымъ пришельцемъ. Онъ заглянулъ въ сундукъ и у него вырвалось восклицаніе удивленія. Затѣмъ онъ засунулъ въ него обѣ руки, и послышался музыкальный звонъ, который былъ услышанъ и понятъ въ комнатѣ рядомъ, изъ которой вышли сторожившіе тамъ люди.

— Выкладывай деньги на прилавокъ!—закричалъ одинъ изъ воровъ и высыпалъ туда первую пригоршню денегъ. Но въ эту самую минуту яркій свѣтъ фонаря озарилъ сверкающую груду золота. Человѣкъ остался какъ былъ на мѣстѣ. Другой съ крикомъ бросился къ кухонной двери и растворилъ ее, но въ ту же минуту былъ озаренъ свѣтомъ другого фонаря. Онъ бросился назадъ и въ одну минуту очутился у дверей лавки и отворилъ ее; ключъ оставленъ былъ въ замкѣ, для того, чтобы Джемсъ могъ войти, когда вернется домой. Другой фонарь встрѣтилъ тамъ его, въ рукахъ у полисмена, который вошелъ въ лавку, приказавъ своему товарищу оставаться на улицѣ.

Теперь лавка была ярко освѣщена всѣми этими яркими лучами, сосредоточенными на украденномъ золотѣ и время отъ времени озарявшими замаскированныя лица, блѣдныя щеки и сверкающіе глаза грабителей.

Стиль мрачно созерцалъ въ продолженіе двухъ или трехъ секундъ захваченныхъ воровъ. Онъ сознавалъ, что побѣгъ для нихъ невозможенъ.

— Ну, Дикъ Варней,—сказалъ онъ,—по тебѣ тюрьма плачетъ. Надѣть на него колодки.

Маленькая фигурка не сопротивлялась.

— А теперь говори, кто твой сообщникъ? Не знаю его по виду. Ну, любезный, долой эту маску и покажи намъ твою харю.

Онъ готовился снять съ него маску, но человѣкъ схватилъ ножъ, забытый Деборой на прилавкѣ.

— Посмѣйте только тронуть меня!

— О! такъ ты вотъ какъ? — сказалъ рѣшительно Стиль.— Молодцы, выньте кистени. Ну, любезный, не пытайся мнѣ сопротивляться. Брось-ка ножъ и покорись закону, или же тебѣ мигомъ раскроятъ черепъ.

Человѣкъ бросилъ ножъ съ яростью на полъ.

— А теперь скажи намъ, кто ты таковъ?

Человѣкъ сорвалъ маску и съ бѣшенствомъ провозгласилъ:

— *Я хозяинъ здѣшняго дома!*

Онъ съ тріумфомъ возгласилъ эти слова, точно изъ трубы протрубилъ, и въ отвѣтъ на нихъ слабый стонъ послышался въ пріемной.

— Штуки!—сказалъ Стиль презрительно.

— Спросите Дика Варнея; спросите вонъ Джо Пиндера,— отвѣчалъ человѣкъ. Спросите, кого хотите.

— Меня спросите, — проговорила несчастная жена, внезапно появляясь передъ ними.—Онъ мой мужъ, сэръ, спаси меня Богъ!

— Слышите? — заоралъ негодяй, чувствуя себя и униженнымъ до глубины души и вмѣстѣ съ тѣмъ торжествуя, что можетъ отомстить.—Этотъ домъ—*мой*! эта лавка—*моя*! эта женщина—*моя*! и деньги—*мои*!

Онъ взялъ золото пригоршнями и нахально набилъ имъ себѣ карманы.

— Долой руки съ этого человѣка, Бобби!

— Какъ бы не такъ! — отвѣчалъ Стиль. — Воръ, пойманный на мѣстѣ преступленія.

— Воръ?—Онъ мой слуга и исполнялъ мои приказанія. Онъ одинъ изъ моихъ слугъ и только. Вотъ моя жена—она тоже моя служанка по закону, захватила мои деньги и припрятала ихъ отъ меня; я приказалъ другому моему слугѣ открыть сундукъ и вынуть оттуда то, что̀ мнѣ принадлежитъ. Онъ здѣсь съ моего вѣдома и приказа.

— Но зачѣмъ же вы были въ маскахъ, безстыжій негодяй? —спросилъ Стиль.

— О, пожалуйста не сердите его, сэръ,—проговорила бѣдная Сара.—Да, Джемсъ, ты здѣсь хозяинъ. Все это произошло по ошибкѣ; мы не имѣли понятія... О!—и она запнулась, приложивъ руку ко лбу.

Стиль посадилъ ее на стулъ. Такой ничтожный эпизодъ не могъ остановить краснорѣчія ея господина.

— Уважайте законъ, говорите вы? Сами вы хороши, представители закона, вы развѣ не знаете, какъ законъ опредѣляетъ отношенія между мужемъ и женой?

Давно уже Стиль спохватился, что попался въ просакъ.

— Мы хорошо знаемъ законъ,—замѣтилъ онъ кисло.—Хоть онъ и остороженъ, а все же законъ. Ну, молодцы, отпустите этого бродягу.

— Онъ подастъ жалобу за неправильный арестъ.

— Нѣтъ, не подастъ.

— Почему нѣтъ? Законъ на его сторонѣ.

— А на нашей его маска и кое-какіе прежніе грѣшки.

Варней выскользнулъ на улицу, и въ то же самое время Дебора отперла дверь кухни и остановилась въ изумленіи.

— Идемъ, молодцы,—скомандовалъ Стиль,—дѣлать нечего. Мы только ссоримъ мужа съ женой и ей, бѣдняжкѣ, придется за это расплачиваться.

— Нѣтъ,—сказалъ Джемсъ Манселъ съ авторитетомъ.—Я хозяинъ, и такъ какъ вы выслушали одну исторію, то прошу васъ выслушать и другую. Жертва во всемъ этомъ—я одинъ. Меня ограбили, у меня отняли деньги, любовь жены и доброе имя.

— О, Джемсъ! — вскричала Сара, — пожалуйста, не говори этого. Ты не можешь такъ думать.

Онъ не обращалъ на нее никакого вниманія, ни разу не взглянулъ на нее, но подойдя къ сыщику, сказалъ:

— Моя жена спрятала отъ меня мои деньги.

— Чтобы платить аренду за домъ, въ которомъ жилъ мой хозяинъ, и воспитывать его дочь,—объяснила Сара.

— А теперь она и ея прежній возлюбленный...

— Возлюбленный! Ты одинъ былъ моимъ возлюбленнымъ; у меня никогда не было другого.

— Они заклеймили меня воромъ въ здѣшнемъ городѣ. Ладно же. Я покину его на вѣки. Я отправлюсь въ Америку.

Онъ пошелъ къ выходной двери и оглянулся, чтобы послать свою послѣднюю стрѣлу:

— *Вмѣстѣ съ моими деньгами*, — онъ хлопнулъ себя по карману,—и съ *моей* свободой...—и онъ помахалъ шляпой.

— Но прежде я убью тебя, — заревѣлъ Пиндеръ и направился къ нему, съ угрозой въ глазахъ.

Но Сара Манселъ, сидѣвшая точно раздавленная и какъ бы нечувствительная ко всему окружающему, въ одну минуту вскочила на ноги и схватила Пиндера съ невѣроятной силой.

— Посмѣй только его тронуть! — закричала она.

И повѣрите ли вы, мужчины, что послѣ того, какъ она проявила такую силу, она вдругъ опять вся ослабѣла, у нея подкосились ноги и она принуждена была, чтобы не упасть, ухватиться за человѣка, котораго только-что удержала желѣзной рукой. Ему ничего не оставалось, какъ поддержать ее, и остановленный женской силой, проявляющейся лишь на одну минуту, побѣжденный женской слабостью, которая непреодолима, онъ нѣжно довелъ, или, вѣрнѣе, донесъ ее до стула. Эта защита ею своего обидчика была послѣднимъ подвигомъ непобѣдимой любви въ этотъ день.

Полисмены потихоньку ушли съ мужественнымъ соболѣзнованіемъ, оглядываясь назадъ.

Вскорѣ послѣ оглушительнаго удара наступила агонія обиженной, брошенной, но все еще любящей жены. Но Дебора вбѣжала съ Люси на рукахъ и заставила мать поцѣловать своего ребенка, потомъ охватила ихъ обѣихъ своими длинными руками, и онѣ, по-деревенски, принялись плакать и причитать въ одинъ голосъ.

Честный Джо Пиндеръ прислонился лицомъ къ стѣнѣ, но на этомъ и покончилось его самообладаніе; онъ громко и отъ всего сердца зарыдалъ.

А. Э.

ОБЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ СКЛАДѢ РУССКОЙ НАРОДНОСТИ

Историко-критическія замѣтки.

VIII *).

Принятіе христіанства составило такой переворотъ въ народной жизни, что съ нимъ едва ли можно сравнить какое-либо иное событіе во всей остальной исторіи народа. Его вліяніе отразилось на всѣхъ сторонахъ народной жизни, не только религіозной, но государственной и практическо-бытовой. Исполненъ глубокаго интереса вопросъ о томъ, какъ совершался переходъ отъ одного быта къ другому, какъ одно міровоззрѣніе смѣнялось другимъ. Между тѣмъ, при всемъ громадномъ трудѣ, какой до сихъ поръ потраченъ былъ русской наукой на изслѣдованіе первыхъ началъ нашей исторіи, этотъ вопросъ до сихъ поръ представляетъ много темнаго. Во многихъ случаяхъ, можно сказать, что наша наука только въ самое послѣднее время приходитъ къ точному представленію вещей, въ пониманіи которыхъ была до сихъ поръ слишкомъ большая доля произвола: съ медленностью успѣховъ науки въ объясненіи старины связаны были, конечно, и пробѣлы въ развитіи нашего историческаго самосознанія.

Вообще въ христіанствѣ выставленъ былъ для народной жизни совершенно новый принципъ и прошедшее было отвергнуто са-

*) См. выше: октябрь, 688 стр.

нымъ радикальнымъ образомъ: этотъ историческій фактъ, неподлежащій никакому сомнѣнію, важенъ, между прочимъ, какъ историческое поученіе,—онъ даетъ полное противорѣчіе и опровержені е тому взгляду, который полагаетъ основнымъ началомъ національной жизни сохраненіе принциповъ старины и развитіе народа, со всѣмъ его нравственно-общественнымъ и даже умственнымъ содержаніемъ, изъ самого себя. Здѣсь, напротивъ, это содержаніе, ранѣе совсѣмъ невѣдомое, пришло цѣликомъ извнѣ, какъ всеобщее и принудительное требованіе. Этотъ поразительный историческій фактъ обходятъ обыкновенно тѣмъ, что даютъ ему чисто религіозное значеніе, принимая его, какъ необходимый, самъ собою подразумѣвающійся фактъ вступленія народа на единственный путь истинной вѣры; но это религіозное обновленіе народа было вмѣстѣ съ тѣмъ величайшимъ переворотомъ во всей его культурѣ.

Въ старину, отъ первыхъ вѣковъ нашего христіанства и до тѣхъ самыхъ поръ, когда возникаетъ первая научная историческая мысль, этотъ вопросъ о значеніи перехода отъ язычества къ христіанству совсѣмъ не ставился. Разъ было рѣшено, что народъ покинулъ «поганство» и принялъ истинную вѣру, и люди книжные, т. е. по преимуществу церковные, заботились только о томъ, чтобы это поганство было скорѣе забыто и всѣ слѣды его истреблены. О немъ не любили даже говорить; самыя обличенія «двоевѣрія», какъ увидимъ, составлялись темно, книжно и двусмысленно, повторяя чужія обличенія, къ которымъ, какъ будто боялись или гнушались прибавлять ясно русскіе факты,—почему мы и имѣемъ теперь такъ мало точныхъ свѣденій о нашемъ древнемъ язычествѣ. Старое поганство было предметомъ ненависти и отвращенія; его именемъ клеймился недостатокъ благочестія и всякая бытовая старина, носившая слѣдъ языческаго преданія. Новѣйшіе этнографы и археологи скорбятъ теперь, что, благодаря этому остракизму, у насъ не сохранилось почти никакихъ слѣдовъ древней народной поэзіи: и дѣйствительно, наша старая книжность осталась чрезвычайно скудна всякими живыми проявленіями народнаго творчества, за что именно впослѣдствіи и пришлось расплачиваться долгими годами тѣхъ подражаній западу, за которыя такъ сурово осуждается XVIII и еще XIX вѣкъ,—когда на дѣлѣ это былъ именно результатъ недостатковъ старины и расплата за подавленіе народнаго творчества въ до-петровскомъ періодѣ, вслѣдствіе чего у насъ не образовалось тогда истинно національной литературы, и къ ней надо было идти путемъ европейскаго примѣра и опыта.

Новое, книжное, представленіе о древнемъ язычествѣ явилось въ XVI—XVII вѣкѣ въ писаніяхъ южно-русскихъ ученыхъ. Воспитанные въ латино-польскихъ школахъ и въ школахъ южно-русскихъ, устроенныхъ на тотъ же схоластическій образецъ, они хотѣли видѣть въ нашей древности такой же славяно-русскій Олимпъ, о какомъ начитались въ классической миѳологіи. Явилось цѣлое собраніе языческихъ божествъ, отчасти набранныхъ изъ нашей старой лѣтописи или изъ средневѣковыхъ западныхъ свѣденій о другихъ славянскихъ племенахъ, отчасти придуманныхъ на основаніи народныхъ обрядовъ и повѣрій (въ родѣ бога «Коляды» и т. п.). Эта манера изображать древнюю старую миѳологію съ помощью произвольныхъ книжныхъ выдумокъ продержалась до самаго конца XVIII-го и даже до XIX-го вѣка, у писателей въ родѣ Михайлы Попова, Чулкова, Глинки и даже Кайсарова. Сахаровъ еще въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ изощрялъ свою критику надъ этой миѳологіей, опровергая Иннокентія Гизеля, Чулкова и т. п.

Съ другой стороны, въ томъ же XVIII вѣкѣ начинается и болѣе здравый взглядъ на дѣло, напр., у Болтина, гдѣ въ основаніе свѣденій о старой миѳологіи полагаются подлинныя свидѣтельства старины и сохранившіеся народные повѣрья и обычаи въ ихъ дѣйствительномъ, не прикрашенномъ видѣ. Пріемы Шлёцеровской критики должны были принести свои плоды, и съ Карамзина становится обязательнымъ руководиться достовѣрными источниками, выясняя ихъ точное значеніе. Характеръ общаго взгляда Карамзина достаточно извѣстенъ. Картина древняго славянства, составляющая введеніе къ исторіи русскаго государства, написана съ извѣстной сантиментальной идеализаціей, унаслѣдованной отъ XVIII-го вѣка; язычество и его нравы представлялись, какъ заблужденіе, частію грубое, частію наивно-патріархальное; оно исчезло съ принятіемъ истинной вѣры и затѣмъ оставалось только указывать постепенное распространеніе просвѣщенія.

Новые успѣхи въ изученіи первыхъ вѣковъ нашего христіанства и послѣднихъ вѣковъ стараго язычества, открываются съ тѣхъ поръ, какъ началось первое внимательное изслѣдованіе памятниковъ старой письменности (труды Калайдовича, Востокова; изданія археографической коммиссіи отъ 30-хъ до 50-хъ годовъ и пр.), началось знакомство съ ученой литературой другихъ славянскихъ народовъ: съ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ у насъ становятся извѣстны имена и труды Шафарика, Палацкаго, Караджича, Копитара, Суровецкаго, Мацѣевскаго и др. Это знакомство расширяется въ особенности съ основаніемъ славян-

скихъ каѳедръ въ университетахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ возникаетъ первое знакомство съ нѣмецкой миѳологіей въ трудахъ Гримма и его современниковъ. Съ тѣхъ поръ (въ сороковыхъ годахъ) въ объясненіе русской миѳологической старины широко вводится сравненіе съ славянской древностью и народнымъ обычаемъ (причемъ, между прочимъ, большую роль получили извѣстные памятники чешской литературы: «Судъ Любуши» и «Краледворская рукопись», въ которыхъ теперь все болѣе начинаютъ признавать грандіозный подлогъ). Въ этихъ условіяхъ явились труды Костомарова, Касторскаго, Бодянскаго и особливо Срезневскаго [1]). Это была первая попытка полнаго обзора миѳологическихъ фактовъ и критическаго ихъ объясненія. Дальнѣйшая ступень въ этомъ дѣлѣ приведена была болѣе полнымъ изученіемъ Гримма и примѣненіями сравнительнаго языкознанія въ трудахъ Буслаева, Аѳанасьева, Ор. Миллера и пр.,—о которыхъ мы имѣли случай говорить въ другомъ мѣстѣ.

Въ этихъ трудахъ явилась цѣлая опредѣленная теорія и новый взглядъ на первобытную эпоху народнаго быта и народности. Мы говорили ранѣе, какъ этотъ взглядъ опредѣлился теоріей Гримма и его послѣдователей: она отразилась у насъ романтической идеализаціей, гдѣ старина являлась въ чертахъ, хотя первобытно грубыхъ, но вмѣстѣ исполненныхъ глубокой сердечной поэзіи. Мы объясняли также, какъ эта точка зрѣнія приводилась собственными условіями нашей литературы, гдѣ она была противовѣсомъ или дополненіемъ къ извѣстной эстетической теоріи тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ и вмѣстѣ была выраженіемъ глубокаго интереса къ народу и защитой его поэтическаго творчества, когда другая точка зрѣнія, защищая соціальное право народа, относилась всегда недовѣрчиво къ его ум-

[1]) Касторскій, Начертаніе славянской миѳологіи. Спб. 1841.

— Костомаровъ, Славянская миѳологія. Кіевъ, 1847. 4° (изданіе, не вышедшее въ свѣтъ, цитируемое Аѳанасьевымъ, Котляревскимъ и другими).

— Срезневскій, Святилища и обряды языческаго богослуженія древнихъ славянъ по свидѣтельствамъ современнымъ и преданіямъ. Харьковъ, 1846; Изслѣдованіе о языческомъ богослуженіи древнихъ славянъ („Финскій Вѣстн." 1847, и отдѣльно, Спб. 1848); Объ обожаніи солнца у древнихъ славянъ (Ж. Мин. Просв. 1846); Рожаницы у славянъ и другихъ языческихъ народовъ (въ „Архивѣ" Калачова, 1855, II, I), и друг.

— Бодянскій, о тождествѣ Хорса и Дажьбога, въ Чтеніяхъ Моск. Общ. 1846, № 2. Обозрѣніе изслѣдованій и существовавшихъ понятій о славянской миѳологіи за прежнее время сдѣлано было Срезневскимъ въ „Дополнит. замѣчаніяхъ на статью А. О. Патеры: Чешскія глоссы въ Mater Verborum", Сборникъ II Отд. Акад. Наукъ, 1878, т. XIX, и объ этомъ см. также Ламанскаго, „Новѣйшіе памятники древнечешскаго языка", въ Журн. Мин. Пр. 1879.

ственному и поэтическому содержанію или даже не давала ему никакого значенія. Впрочемъ, новая точка зрѣнія уже вскорѣ слишкомъ увлеклась въ крайности миѳологическаго пріема, которыя заслоняли ея лучшія стороны. Не говоря о преувеличеніяхъ миѳологическихъ, все представленіе старины получило чрезвычайно искусственный характеръ: изслѣдователи съ великимъ усердіемъ разыскивали слѣды и отголоски первобытныхъ до-христіанскихъ временъ и, исходя почти исключительно изъ народно-поэтическихъ преданій, которыя они щедро дополняли собственными услужливыми комментаріями, создали изъ этой отдаленной старины романтическую идиллію; становилось почти жаль, что христіанство пришло разрушать этотъ первобытный патріархальный и поэтическій міръ. На дѣлѣ этотъ древній міръ былъ не совсѣмъ таковъ. Историческая дѣйствительность тѣхъ до-христіанскихъ вѣковъ и первыхъ вѣковъ по принятіи христіанства была гораздо болѣе сложная: было, конечно, и тогда поэтическое созерцаніе природы, было теплое сердечное чувство, отголоски котораго достигли и до современной поэзіи, но были и грубыя представленія о природѣ, и грубые практическіе нравы. Поэтически настроенные изслѣдователи забывали объ этихъ сторонахъ дѣйствительности: нѣкоторый произволъ Гриммовой теоріи и недостаточное изученіе исторической стороны преданія помогли построить воздушный замокъ древней славяно-русской миѳологіи, какимъ является извѣстная книга Аѳанасьева, имѣвшая потомъ многоразличныя отраженія въ популярной, учебной и ученой литературѣ. Книга Аѳанасьева, какъ обширная законченная работа, въ особенности способствовала распространенію этого идеалистическаго представленія о нашей старинѣ: учебники, которые имѣютъ обыкновеніе запаздывать за дѣйствительнымъ ходомъ науки, до сихъ поръ повторяютъ положенія Аѳанасьева.

Реакція этому направленію была необходима и дѣйствительно явилась. На первый разъ рѣзкій споръ повелся по вопросу о былинной поэзіи, на которую особенно были распространены миѳологическія толкованія, потому между прочимъ, что собственная миѳологія, засвидѣтельствованная памятниками, была слишкомъ небогата.

Романтическая теорія построила цѣлую связную систему, объяснявшую весь генезисъ былины, на подобіе того, какъ о томъ учила исторія древняго нѣмецкаго эпоса. Въ нашей былинѣ отысканы были три главныя ступени развитія или три главные слоя содержанія: въ самой глубинѣ былины лежалъ древнѣйшій, чисто миѳическій слой, предметомъ котораго были ми-

хожденія и борьба божественныхъ существъ и преданія котораго восходили къ представленіямъ обще-арійскимъ, а въ особенности имѣли много общаго съ преданіями германскими; на второй ступени эта миѳическая основа преобразовывалась въ эпосъ героическій, гдѣ старыя божества, сведенныя на землю, являются въ роляхъ богатырей; наконецъ, проходитъ и богатырская эпоха и эпосъ становится историческимъ. Искусство ученаго комментарія состояло въ томъ, чтобы раскрыть эти превращенія и отыскать въ герояхъ новѣйшей былины ихъ первобытную миѳическую основу, что и было исполнено. Владиміръ—«Красное-Солнышко» названъ такъ не случайно; этотъ эпитетъ указывалъ, что за кіевскимъ княземъ скрывалось первоначально дѣйствительно солнечное божество; «Илья-Муромецъ», извѣстный намъ теперь въ видѣ богатыря, былъ богъ-громовникъ, перелицованный Перунъ; остальные богатыри, ведущіе борьбу съ сверхъестественными чудовищами, вмѣстѣ съ этими чудовищами сами были миѳическія существа, переодѣтыя потомъ въ богатырей. Повидимому, для эпоса была уже отвоевана достаточная древность, когда его богатыри возведены были въ область языческаго миѳа; но миѳологи не остановились на этомъ и за цикломъ владиміровыхъ богатырей поставленъ былъ кругъ героевъ еще болѣе древнихъ (Святогоръ, Микула Селяниновичъ). Довольно было, что народные пѣвцы, не умѣя опредѣлить хронологіи этихъ послѣднихъ (въ дѣйствительности эти богатыри совсѣмъ не имѣли никакого историческаго пріуроченія), назвали ихъ «старшими», чтобы и ученые миѳологи приняли особый циклъ старшихъ богатырей. Эти старшіе богатыри открыты были не такъ давно и ихъ мнимо-первобытной символикѣ особенно посчастливилось въ ученой и популярной литературѣ. Приходилось только недоумѣвать, къ какой отдаленной древности они могли быть причислены и какъ объяснить въ древнѣйшемъ миѳѣ явно сословное пріуроченіе и морализирующую подкладку.

Извѣстно, какой переполохъ произвели статьи г. Стасова о происхожденіи русскихъ былинъ, не только отвергавшія древность и миѳическій смыслъ былинъ, но объяснившія ихъ прямымъ заимствованіемъ съ востока, и притомъ не столько съ древняго востока индѣйскаго или персидскаго (это все еще были арійцы), сколько съ поздняго востока монгольскаго и татарскаго. Теорія г. Стасова была сочтена за настоящее святотатство. Сколько, однако, ни предавали ее строгимъ осужденіямъ, она произвела свое дѣйствіе: г. Стасовъ съумѣлъ подобрать миѳологическія несообразности прежнихъ толкованій и нашелъ такую массу близкихъ

параллелей и сравненій въ области совершенно неожиданной, что это охладило романтическій пылъ прежней теоріи и указало необходимость болѣе осмотрительной критики. Очень возможно, что при ближайшемъ изученіи подтвердятся и нѣкоторыя изъ положительныхъ указаній Стасова.

Но если на первыхъ порахъ статьи г. Стасова имѣли за немногими исключеніями (какъ, напримѣръ, объясненіе сказки объ Еруланѣ) только отрицательное значеніе, нашлись и положительныя опроверженія романтической миѳологіи въ новомъ сравнительно-историческомъ изученіи древней литературы и народной поэзіи въ ихъ естественной туземной и международной исторической обстановкѣ. Въ статьяхъ объ изученіи русской народности [1]) мы указывали эту новую точку зрѣнія, выразившуюся особенно въ трудахъ Веселовскаго, Ягича, Тихонравова, Кирпичникова, Жданова и др., и которая установила какъ въ народномъ эпосѣ, такъ и въ поэтическихъ памятникахъ старой письменности тѣсную связь преданій и разсказовъ, совершавшуюся путемъ чисто книжныхъ заимствованій и устной передачи—тамъ гдѣ предполагалось дѣйствіе исконнаго арійскаго миѳа. Не повторяя сказаннаго, остановимся на нѣсколькихъ примѣрахъ, гдѣ эти изслѣдованія касаются чистой миѳологіи.

Мы упоминали выше, что русское язычество представляется на глазахъ исторіи въ весьма неразвитомъ состояніи. Скудость свѣденій о древнемъ язычествѣ представляла странный контрастъ съ широкими выводами романтической школы. Новѣйшая критика, ставя себѣ правиломъ не выходить за предѣлы того, что можетъ быть извлечено изъ положительныхъ свидѣтельствъ, нашла нужнымъ новый пересмотръ самыхъ источниковъ. Прежняя школа, какъ извѣстно, для построеніи своей системы брала безъ особеннаго разбора всякій матеріалъ: довольно было какого-нибудь совпаденія (часто совершенно внѣшняго и случайнаго) между темными словами стараго памятника, современнымъ преданіемъ, тѣмъ или другимъ оборотомъ народной пѣсни и т. п., чтобы намекъ обращался въ фактъ, и, обставляя его произвольными сравненіями, сомнительными словопроизводствами, миѳологъ рисовалъ наглядную картину древняго миѳа. Это дѣлалось нерѣдко съ такой увѣренностью, какъ будто изслѣдователь имѣлъ передъ собой богатые источники въ родѣ тѣхъ, какіе существуютъ для греческой или германской миѳологіи, — нашихъ изыскателей и въ самомъ дѣлѣ соблазнялъ примѣръ этого рос-

---

[1]) „Вѣстн. Евр." 1883.

юшняго миѳологическаго развитія. Но при этомъ не дѣлалось самаго необходимаго: источники оставались не выяснены, тогда какъ первое правило исторической критики требуетъ, чтобы прежде всего было опредѣлено состояніе источниковъ, ихъ истинный смыслъ и относительная важность.

Основные источники нашей миѳологіи небогаты. Это, во-первыхъ, лѣтопись, которая нѣсколько разъ, но всегда очень кратко говоритъ о языческихъ божествахъ и кумирахъ, стоявшихъ въ Кіевѣ [1]); во-вторыхъ, случайное извѣстіе въ болѣе поздней лѣтописи, гдѣ въ выпискѣ изъ византійскаго хронографа Малалы имена египетско-греческихъ божествъ растолкованы славянскими названіями [2]); въ третьихъ, упоминанія языческихъ божествъ—Дажьбога, Хорса, Велеса, Стрибога—въ Словѣ о полку Игоревѣ;

---

[1]) Лаврент. лѣтопись, подъ 907 г., о походѣ Олега на Царьградъ и о договорѣ съ греками: „Царь же Леонъ съ Олександромъ миръ створиста съ Ольгомъ, имъшеся за дань и ротѣ заходивше межи собою, цѣловавше сами крестъ, а Ольга водиша на ротѣ и мужій его на роту; по рускому закону кляшася оружьемъ своимъ, и *Перуномъ* богомъ своимъ, и *Волосомъ* скотьимъ богомъ, и утвердиша миръ“.

945 г., въ договорѣ Игоря съ греками: „И иже помыслитъ отъ страны Рускія разрушити таку любовь, и елико ихъ крещенье пріяли суть, да пріимутъ месть отъ Бога Вседержителя, осужданіе на погибель въ весь вѣкъ, въ будущій, и елико ихъ не хрещено, да не имуть помощи отъ Бога, ни отъ *Перуна*, да не ущитятся щиты своими, и да посѣчени будутъ мечи своими, отъ стрѣлъ и отъ иного оружья своего, и да будутъ раби въ весь вѣкъ, въ будущій... Мы же, елико насъ хрестилися есмы, кляхомъся церковью святаго Ильѣ въ сборнѣй церкви, и предлежащемъ честнымъ крестомъ и харатьею сего... А некрещеная Русь полагаютъ щиты своя и мечи своѣ наги, обручя своя и прочая оружья, да кленутся о всемъ, яже суть написана на харатьи сей. Аще ли же кто отъ князь или отъ людій рускихъ, ли хрестеянъ, или нехрестеянъ, преступитъ се, еже есть писано на харатьи сей, будетъ достоинъ своимъ оружьемъ умрети, и да будетъ клятъ отъ Бога и отъ *Перуна*, яко преступи свою клятву“.

971 г., въ договорѣ Святослава съ греками: „Аще ли отъ тѣхъ самѣхъ преже реченныхъ не съхранимъ, азъ же и со мною и подо мною: да имѣемъ клятву отъ бога, въ его же вѣруемъ, въ *Перуна* и въ *Волоса* скотья бога, и да будемъ золоти (золоти) яко золото, и своимъ оружьемъ да исѣчени будемъ.

980 г. о Владимірѣ: „И нача княжити Володимеръ въ Кіевѣ единъ, и постави кумиры на холму внѣ двора теремнаго: *Перуна* древяна, а главу его сребрену, а усъ златъ, и *Хорса Дажьбога*, и *Стрибога*, и *Симарьгла*, и *Мокошь*. Жряху имъ, нарицающе я бога, привожаху сыны своя и дъщери, и жряху бѣсомъ, оскверняху землю теребами своими, и осквернися кровьми земля руска и холмъ-отъ“.

988 г., по крещеніи: „Яко приде, повелѣ кумиры испровреци, овы осѣчи, а другіе огневи предати; *Перуна* же повелѣ привязати коневи къ хвосту и влещи съ горы по Боричеву на Ручай“ и проч.

[2]) Ипатьевская лѣтопись подъ 1114 г.: имя „Феоста“ (т.-е. Ифестъ, Вулканъ) переведено Сованогъ или Сварогъ; сынъ „Феости“, Солнце (Геліосъ) названо такъ: „Солнце царь сынъ Свароговъ, еже есть Дажьбогъ“.

наконецъ упоминанія о народныхъ суевѣріяхъ и предметахъ языческаго поклоненія въ древнихъ обличительныхъ словахъ противъ язычества. Извѣстія лѣтописи, какъ мы видѣли, даютъ голыя имена и только одному Волосу придано обозначеніе скотьяго бога; Слово о полку Игоревѣ даетъ лишь темныя указанія, гдѣ русская земля является внукомъ Дажьбога, вѣтры—внуками Стрибога, пѣвецъ Боянъ—внукомъ Велеса, и гдѣ является «великій Хорсъ» въ роли солнца. Что касается обличительныхъ словъ [1]), то они поражаютъ одной странностью, которая однако мало обращала на себя вниманіе прежнихъ изслѣдователей, а именно: смѣшеніемъ русскихъ суевѣрій съ «еллинскими», т.-е. древне-греческими. Составители этихъ обличеній не относились къ дѣлу просто, а увлекались книжничествомъ, такъ что, осуждая русское язычество, приплетали къ нему и такія божества и языческія суевѣрія, какихъ въ немъ никогда не бывало и о которыхъ они просто вычитали въ своихъ образцахъ, т.-е. обличеніяхъ греческихъ церковныхъ писателей противъ язычества античнаго. По всей вѣроятности, самая мысль обличеній возникла по этому чужому образцу и на первый разъ они были только добавкой къ греческимъ проповѣдямъ (Григорія Богослова, Златоуста и пр.). Слово «еллинъ», по тому же примѣру, издавна стало въ нашемъ старомъ языкѣ синонимомъ язычника, и русскій книжникъ иногда могъ, пожалуй, простодушно думать, что то же самое «еллинское зловѣріе», о которомъ онъ вычитывалъ у греческихъ проповѣдниковъ, продолжается и у его собственныхъ соотечественниковъ, еще не отставшихъ отъ своихъ старыхъ нехристіанскихъ обычаевъ. По этимъ обличеніямъ выходило, что русскіе виновны были въ поклоненіи не только Перуну, Хорсу и Мокоши, въ моленіи огню и въ «рощеньи» (т.-е. въ лѣсахъ), но и «вилу» или «виламъ» (которые у насъ неизвѣстны), и какъ будто даже въ принесеніи жертвъ древнимъ греческимъ божествамъ — Дыю (т.-е. Дію, Зевсу), Артемиде (т.-е. Палладѣ; и кромѣ того небывалому «Артемиду»), «проклятой Деомиссѣ» (т. е. Діонису, Вакху) и т. д. Словомъ, въ этихъ обличеніяхъ мы имѣемъ передъ собой не малую книжническую путаницу; между тѣмъ и на этомъ непрочномъ фонѣ были сплетаемы прихотливые узоры мнимаго древне-русскаго міросозерцанія.

Однимъ изъ основныхъ божествъ древняго славянства, в

[1]) Изъ нихъ особенно извѣстно „Слово Христолюбца", указанное въ первый разъ Востоковымъ, гдѣ обличается поклоненіе огню подъ именемъ Сварожича.

томъ числѣ и русскаго, считается «Сварогъ» и въ качествѣ его сына «Сварожичъ»; подъ первымъ разумѣется небо, подъ вторымъ—огонь и вмѣстѣ солнце; послѣднее называется еще Дажьбогомъ (а также и Хорсомъ). Первое извѣстіе о такомъ божествѣ отыскалось у средневѣкового западнаго лѣтописца, говорившаго о язычествѣ балтійскихъ славянъ [1]); затѣмъ въ русскомъ обличеніи XIV вѣка упомянуто, что люди, живущіе двоевѣрно, между прочимъ «молятся огню, называя его сварожичемъ»; далѣе, какъ мы упоминали выше, имя Сварога названо въ Ипатьевской лѣтописи, въ эпизодѣ о греческо-египетскомъ язычествѣ, гдѣ имя Сварога употреблено для перевода имени Ифеста; наконецъ найденъ былъ самый текстъ славянскаго перевода Малалы, гдѣ имя Сварога употреблено для перевода имени Ифеста такъ же какъ въ лѣтописи [2]). Въ результатѣ получалось несомнѣнное славянское божество: имя его возведено было къ арійскому первоисточнику, слѣдовательно было сочтено за обще-славянское; и такъ какъ его сыномъ названо солнце — Дажьбогъ, то получилась мифическая генеалогія: «небо» было отцомъ «огня» и «солнца».

Новѣйшая критика нашла не мало затрудненій принять эту генеалогію. Имени Сварога совсѣмъ нѣтъ въ другихъ славянскихъ преданіяхъ, и къ удивленію, этого столь важнаго божества не оказывается даже въ томъ, такъ сказать, оффиціальномъ спискѣ языческихъ божествъ, который нѣсколько разъ перечисленъ въ лѣтописи. Изъ молчанія древнѣйшей лѣтописи, составившейся на югѣ, новая критика заключала, что Сварогъ, какъ и «сварожичъ» (упоминаемый только въ гораздо болѣе позднихъ обличеніяхъ) на югѣ не были вовсе извѣстны. Что касается извѣстія Ипатьевской лѣтописи, совпадающаго съ текстомъ перевода Малалы, то Ифестъ—съ его толкованіемъ—приплетенъ здѣсь къ баснословному разсказу, дѣйствіе котораго происходитъ на сѣверѣ, въ Новгородской области, и самый разсказъ принадлежитъ несомнѣнно новгородскому жителю [3]),—такъ что и вставка объ

[1]) У Титмара мерзебургскаго: Zuarasici; другое извѣстіе въ письмѣ епископа Бруно къ имп. Генриху II.

[2]) Какъ произошло сходство текстовъ, т. е. было ли взято лѣтописцемъ готовое толкованіе Ифеста Сварогомъ изъ перевода Малалы, или поздній переписчикъ послѣдняго внесъ это толкованіе изъ другого источника, напр. изъ самой лѣтописи,— до сихъ поръ остается нерѣшеннымъ; для оцѣнки этого извѣстія было бы важно именно знать, гдѣ и при какихъ условіяхъ могъ появиться подобный переводъ имени греческаго божества. Тексты Ипатьевской лѣтописи и греческаго хронографа сопоставлены у Гедеонова: „Варяги и Русь", Спб. 1876, II, стр. LVIII—LIX.

[3]) Въ Ипат. лѣт. подъ 1114 годомъ передается именно разсказъ о томъ, какъ въ Ладогѣ послѣ большой тучи выпадали „глазки стеклянные, провертаные", а за Югрой и Са-

Ифестѣ произошла видимо на сѣверѣ. Далѣе, если у балтійскихъ славянъ дѣйствительно существовалъ «сварожичъ», то Ипатьевская лѣтопись все-таки его не знаетъ, и «солнце» въ разсказѣ объ Ифестѣ названо не патронимически, а просто «сынъ Свароговъ». Могло быть, что «сварожичъ» [1]) сталъ извѣстенъ въ Новгородѣ по близкимъ связямъ съ балтійскимъ славянствомъ; могло быть, что сѣверный лѣтописецъ слышалъ и имя Сварога (или вывелъ его изъ патронимическаго «сварожича»), но примѣненіе къ Ифесту сдѣлалъ самъ, по собственному соображенію, — именно осмыслилъ это слово, передавая сказаніе объ Ифестѣ, который «впервые сталъ ковать оружіе» и «впервые установилъ браки»: русское слово «сварить» значитъ именно «ковать», а «сварьба» въ областныхъ нарѣчіяхъ [2]) значитъ свадьбу. Далѣе, «солнце» названо сыномъ Сварога только повторяя греческій оригиналъ, гдѣ Геліосъ является сыномъ Ифеста. Такимъ образомъ «Сварогъ» и сынъ его солнце-Дажьбогъ исчезаютъ изъ русской миѳологіи, и остается только свидѣтельство Титмара и Бруно о западно-славянскомъ сварожичѣ [3]).

Относительно Дажьбога нѣтъ, повидимому, никакихъ сомнѣній, что онъ принадлежалъ къ древне-русскому Олимпу: о немъ говоритъ лѣтопись, и говоритъ Слово о полку Игоревѣ. Но критика тѣмъ не менѣе сомнѣвается въ томъ значеніи, какое до сихъ поръ давали ему наши миѳологи: они возводили имя его опять къ санскриту, гдѣ предполагаемый корень его первой части имѣлъ значеніе свѣта и сіянія, или вторая его часть означала благо, богатство, и опять давали ему роль божества обще-славянскаго. Ягичъ, напротивъ, думаетъ, что имя Дажьбога происходитъ всего скорѣе и проще отъ повелительной формы «даждь боже», и означаетъ не dans divitias (дарующій богатства), какъ переводили другіе, а просто deus dator (дающій, дарующій богъ); онъ полагаетъ далѣе, что первоначально, какъ можно судить по тексту лѣтописи, это имя было, вѣроятно, только объяснительнымъ словомъ, синонимомъ Хорса (Хорсъ-Дажьбогъ), подъ которымъ разумѣлось солнце [4]), и уже послѣ получило отдѣльность.

Наконецъ, тотъ же критикъ полагалъ, что это имя могло имѣть литературное происхожденіе, на этотъ разъ съ юга. Бо-

---

моядью выпадали малыя вѣверицы (бѣлки) и малые оленцы, и затѣмъ добавляются разныя чудесныя исторіи изъ хронографа.

[1]) Соотвѣтствующій Титмарову Zuarasici.

[2]) А также и въ нынѣшнемъ сербо-лужицкомъ языкѣ.

[3]) Ягичъ, Mythologische Skizzen, въ Archiv für slavische Philologie, IV, 412—427.

[4]) Этотъ смыслъ очевиденъ по употребленію въ Словѣ о полку Игоревѣ.

жество такого имени существовало, повидимому, у южныхъ славянъ, какъ можно судить по сохранившемуся до нынѣ сербскому народному сказанію, гдѣ является божество съ именемъ «Дабогъ», получившее уже оттѣнокъ богомильскій [1]).

Въ сороковыхъ годахъ найдены были свидѣтельства о новыхъ лицахъ русской миѳологіи: это были «Родъ» и «Роженицы». Они были объясняемы Срезневскимъ, Соловьевымъ, Аѳанасьевымъ, какъ олицетвореніе рода въ эпоху родового быта, какъ поклоненіе предкамъ и какъ предвѣщательство будущей судьбы человѣка при рожденіи. Новая критика, сличая различныя данныя бытовой археологіи и народной поэзіи, видитъ здѣсь также поклоненіе роду, но находитъ въ немъ не столько романтическій оттѣнокъ отвлеченнаго поклоненія предкамъ, сколько болѣе первобытный и грубый культъ, чтó, вѣроятно, и въ самомъ дѣлѣ болѣе отвѣчало дѣйствительности. Данныя для этого новаго толкованія представились въ свадебныхъ пѣсняхъ и обрядахъ и въ сличеніи ихъ съ подобными фактами у другихъ народовъ.—Свадебные обряды и пѣсни давно обратили на себя вниманіе, между прочимъ, и нашихъ изслѣдователей: еще въ сороковыхъ годахъ въ замѣчательномъ для своего времени изслѣдованіи г. Кавелинъ указывалъ, что народный обычай своими нынѣшними формами вообще намекаетъ на настоящую дѣйствительность тѣхъ отдаленныхъ временъ, въ которыя онъ произошелъ; что напр. свадебная обрядность, на нынѣшній взглядъ произвольная, имѣла нѣкогда совершенно серьезный смыслъ и, такимъ образомъ, сохранила до нашего времени память о древнѣйшемъ родовомъ бытѣ и формахъ первобытнаго брака [2]). Новые изслѣдователи, изъ пересмотра этихъ фактовъ, приходятъ къ заключенію о существованіи въ нашей древности брака общинно-родового: на это наводятъ не только указанія общей антропологіи, собранныя теперь въ большомъ изобиліи въ европейской наукѣ, и названія родства, но и прямыя извѣстія древнихъ писателей—напримѣръ что въ славянскомъ быту дѣвушкѣ предоставлялась полная свобода любовныхъ отношеній, которыя кончались, когда она выходила замужъ. Впослѣдствіи, въ кругу общинно-родового брака выработалась новая ступень—полигамія одного лица, а именно старѣйшины, царя; затѣмъ являются еще новыя формы брака—умы-

[1]) Ягичъ, Archiv, V, стр. 1—14.

[2]) Съ тѣхъ поръ свадебныя пѣсни и обряды не разъ истолковывались въ подобномъ смыслѣ; см. изслѣдованія Аѳанасьева, г. Ореста Миллера, Сумцова и др.

каніемъ, куплей и проч. [1]). Намеки на эти первобытныя формы брака сохранились такимъ образомъ даже въ современной пѣснѣ и обрядѣ, хотя, конечно, остаются только намекомъ; въ первые вѣка нашей исторической жизни эти намеки должны были быть свѣжѣе и яснѣе. Къ числу вѣрованій древняго общинно-родового быта принадлежало и поклоненіе «Роду». Какъ было еще живо это представленіе, указываетъ одно старое свидѣтельство, которое говоритъ въ настоящемъ времени, что «дѣти бѣгаютъ Рода». Вѣрованіе заключалось въ слѣдующемъ. Въ понятіяхъ древняго рода-общины дѣвушка была собственностью рода, естественнымъ представителемъ котораго былъ старѣйшина, родоначальникъ: этотъ родоначальникъ былъ жрецъ, блюститель родового культа и предводитель; ему предоставлялось прежде всего сожительствовать съ дѣвушкой. Древній русскій «родъ» былъ именно символомъ, обобщеніемъ и обоготвореніемъ мужской силы; этотъ символъ обнималъ всѣхъ производителей рода-племени, его родителей, дѣдовъ, какъ живущихъ, такъ и пребывающихъ въ «домовинѣ», въ общеніи съ живыми. Въ его честь празднуется радуница на могилахъ умершихъ родичей (странное теперь празднество, до сихъ поръ чрезвычайно любимое въ народѣ) и ему кладется треба у домашняго очага, — какъ у древнихъ именно Пріапъ является стражемъ могилъ и играетъ извѣстную роль въ брачномъ обрядѣ. Въ современныхъ повѣрьяхъ преемникомъ «рода» сталъ «дѣдушка» — домовой. Въ связи съ нимъ объясняются и «рожаницы»: это были именно матери молодого поколѣнія, которыми древнѣйшій родъ владѣетъ сообща. «Вѣрованіе въ миѳическихъ Рожаницъ, дѣвъ судьбы, опредѣляющихъ долю новорожденнаго, явилось на субстратѣ дѣйствительныхъ, бытовыхъ отношеній. Не Родъ, а Рожаницы выступаютъ въ значеніи одаряющихъ счастливой или несчастной долей — не потому-ли, что въ условіяхъ общинно-родового брака связь новорожденныхъ съ цѣлымъ родомъ была, по необходимости, менѣе тѣсна, чѣмъ съ извѣстной рожаницей?» [2]).

[1]) Извѣстія Аль-Бекри и другихъ авторовъ о Руси и славянахъ. Спб. 1878, стр. 54—56; лѣтопись, о древлянахъ: „живяху звѣриньскимъ образомъ, живуще скотьски, брака у нихъ не бываше, но умыкиваху у воды дѣвиця“; о радимичахъ, вятичахъ и сѣверянахъ: „живяху въ лѣсѣ, якоже всякій звѣрь... срамословье въ нихъ предъ отьци и предъ снохами; браци не бываху въ нихъ, но игрища межю селы. Схожахуся на игрища, на плясанье, и на вся бѣсовская игрища, и ту умыкаху жены собѣ, съ нею же кто съвѣщашеся; имяху же по двѣ и по три жены“.

[2]) Веселовскій, Отчетъ о „Трудахъ этногр. - статистической экспедиціи“ и проч. Чубинскаго, въ присужденіяхъ Уваровскихъ премій, 1880, стр. 57—60. Ср. статьи Кулишера о символикѣ права и древнемъ положеніи женщины, Вѣстн. Евр. 1883—84.

Далѣе. Въ ряду свѣденій о старомъ русскомъ языческомъ обычаѣ великое значеніе придавалось, со временъ книги Френа, разсказу арабскаго писателя X вѣка Ибнъ-Фоцлана [1]), который самъ видѣлъ «руссовъ» на Волгѣ. Френъ, издавшій его разсказы, особенно хвалитъ въ немъ добросовѣстнаго и внимательнаго наблюдателя. Ибнъ-Фоцланъ, по словамъ его, даетъ самое обстоятельное описаніе руссовъ. «Онъ говоритъ о ихъ тѣлосложеніи, одеждѣ, вооруженіи, женскихъ украшеніяхъ, рисуетъ ихъ нравы и обычаи, указываетъ на существованіе у нихъ письменности, знакомитъ насъ съ предметами ихъ торговли, съ ихъ религіозными обрядами, и вмѣстѣ съ тѣмъ, представляетъ живую, необыкновенно интересную картину ихъ похоронныхъ обрядовъ» [2]). Съ тѣхъ поръ показанія Ибнъ-Фоцлана постоянно повторялись въ описаніяхъ древней Руси, какъ норманистами, такъ и противниками норманской теоріи: черты быта и вѣрованій, имъ сообщаемыя, считались то за норманскія, то за славянскія, и въ обоихъ случаяхъ за русскія. На дѣлѣ, нѣкоторыя показанія Ибнъ-Фоцлана, какъ напр. о престолѣ «царя руссовъ», о погребальныхъ обрядахъ, были черезчуръ странны, если ихъ относить къ русскимъ славянамъ или даже къ варягамъ; съ другой стороны имя Руси въ тѣ вѣка имѣло весьма обширное, неясное и растяжимое значеніе,—подъ нимъ разумѣлись не только сами русскіе славяне, не только варяги, но несомнѣнно и сѣверо-восточные финны, такъ какъ со времени основанія государства русскіе славяне были наиболѣе сильнымъ и дѣятельнымъ племенемъ страны и имя ихъ употреблялось огуломъ, быть можетъ и безъ особой географической точности [3]). Наконецъ, заявлено было сильное сомнѣніе въ принятомъ толкованіи разсказовъ Ибнъ-Фоцлана: и дѣйствительно, послѣ изслѣдованія г. Стасова едва ли остается возможность относить эти разсказы къ русскимъ славянамъ или норманнамъ [4]). Г. Стасовъ, обративъ вниманіе на неопредѣленное употребленіе имени руссовъ у арабскихъ писателей и внимательно пересмотрѣвъ всѣ подробности разсказовъ Ибнъ-Фоц-

---

[1]) Ibn-Foszlan's und anderer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit, etc., von C. M. Frähn. Petersb. 1823.

[2]) Стр. LVII—LVIII.

[3]) Въ разсказѣ о призванія варяговъ рядомъ съ новгородцами называются и финскія племена; но наши историки уже нападали на мысль, очень вѣроподобную, что эти племена въ то время были уже подъ сильнымъ русскимъ вліяніемъ, если не подъ властью, т. е. что имена Чуди, Веси, Мери обозначали не столько племя, сколько область.

[4]) Замѣтки о „русахъ“ Ибнъ-Фоцлана и другихъ арабскихъ писателей, Ж. М. Просв. 1881, CCXVI, стр 281 и слѣд.

лана, пришелъ къ увѣренности, что арабскій путешественникъ X вѣка подъ именемъ руссовъ описывалъ именно какихъ-то финнотюрковъ. Эти странные идолы въ видѣ высокихъ столбовъ съ одной изсѣченной головой, окруженные другими меньшими столбами для развѣшиванія жертвоприношеній; это «награжденіе» боговъ за исполненіе ими желанія просящаго; эти погребальные обычаи, частью только сходные, а больше совсѣмъ не сходные съ похоронными обычаями русскихъ славянъ, какъ, напр., погребеніе въ сидячемъ положеніи; далѣе, странное описаніе «царя руссовъ», сидящаго на большомъ и богато украшенномъ престолѣ, гдѣ вмѣстѣ съ нимъ могли помѣститься сорокъ наложницъ, и т. д.,—все это очень трудно приладить къ тому, чтѡ мы знаемъ о русскомъ бытѣ X вѣка изъ своихъ современныхъ свидѣтельствъ, изъ позднѣйшаго преданія и изъ новѣйшихъ изслѣдованій, и весьма вѣроятно мнѣніе г. Стасова, что описаніе Ибнъ-Фоцлана относится не къ русскимъ славянамъ и не къ норманнамъ, а именно къ племенамъ финскимъ и тюркскимъ [1]).

Итакъ, когда послѣ первыхъ изслѣдованій, довѣрчиво ожидавшихъ найти факты древне-русской жизни въ каждомъ словѣ памятника, въ каждомъ упоминаніи о руссахъ и славянахъ, возникли болѣе строгія требованія критики, старая постройка русской миѳологіи становится все болѣе неудовлетворительною: однѣ части ея разрушаются совсѣмъ, другія требуютъ передѣлки; отъ миѳологическаго зданія, воздвигнутаго романтиками, остается почти только матеріалъ, который долженъ быть сложенъ часто совсѣмъ инымъ образомъ. Надо отказаться отъ многихъ представленій, какія создавались до сихъ поръ съ такимъ участіемъ фантазіи, и тѣмъ больше обратить вниманіе на факты, которые могутъ быть опредѣлены съ большей увѣренностью, чтѡ и ставятъ себѣ задачей новые изслѣдователи въ исторіи и литературѣ.

IX.

Такимъ образомъ, недостаетъ еще многаго для опредѣленія языческой миѳологіи, составляющей именно исходный пунктъ

[1]) Не вдаваясь въ дальнѣйшія подробности о древней миѳологіи, прибавимъ еще, что Ягичъ (тамъ же) находилъ возможнымъ книжное происхожденіе имени „Мокоши“, а Веселовскій думалъ, что скотій богъ Волосъ могъ выработаться изъ св. Власія, покровителя животныхъ (Слав. сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ. Спб. 1872, стр. XIV). Такъ мало вѣроятной казалась имъ принятая миѳологія.

въ развитіи народнаго міровоззрѣнія. Много неяснаго остается и въ другихъ областяхъ старины — въ общественныхъ ея отношеніяхъ, бытовомъ обычаѣ, международныхъ связяхъ и т. п.

Разыскивая древнюю народность, у насъ, какъ мы уже говорили, особую опору для этого находили въ былинномъ эпосѣ, о которомъ предполагалось, что онъ, будучи привязанъ къ историческимъ лицамъ и эпохамъ, въ то же время связанъ съ отдаленнѣйшимъ преданьемъ до-историческимъ. Между тѣмъ, надо было убѣждаться, что различныя отдѣльныя части былиннаго преданія несравненно новѣе, чѣмъ полагалось, и иногда возводятся къ завѣдомо позднему, даже чисто книжному источнику. Вмѣстѣ съ тѣмъ, былинный эпосъ имѣлъ какой-то странный недостатокъ связи съ тѣмъ преданіемъ, остатки котораго документально засвидѣтельствованы древней лѣтописью. Лѣтопись въ своей вводной части, разсказывающей о началѣ русскаго народа, о первыхъ князьяхъ, и даже въ послѣдующихъ частяхъ, болѣе положительно историческихъ, наполнена сказаніями, имѣющими явно-эпическій характеръ. Нѣкоторые думали, что этотъ эпическій элементъ заставляетъ видѣть въ этихъ отдѣлахъ лѣтописи эпическое воспоминаніе, а не исторію, и даже сомнѣваться во многихъ фактахъ этого первоначальнаго періода [1]). Въ самомъ дѣлѣ, съ первыхъ страницъ первоначальной лѣтописи мы встрѣчаемся съ цѣлымъ рядомъ преданій, которыя лѣтописецъ передаетъ обыкновенно какъ положительный фактъ, но которыя во многихъ случаяхъ носятъ чисто эпическій характеръ. Таковы преданія о переселеніи славянъ съ Дуная, преданія объ обрахъ, уграхъ и хазарахъ, о призваніи князей, объ Аскольдѣ и Дирѣ, о дѣяніяхъ Олега и Игоря, о мщеніи Ольги древлянамъ и ея крещеніи въ Константинополѣ, о Святославѣ и междоусобіяхъ его дѣтей, о дѣяніяхъ Владиміра язычника, о крещеніи Руси, о Владимірѣ послѣ крещенія, о Рогнѣдѣ, о Всеславѣ полоцкомъ, объ осадѣ Бѣлгорода печенѣгами и т. д. [2]). Только очень немногое изъ этихъ преданій можно услышать въ эпосѣ былинъ, какъ, напр., память о пирахъ князя Владиміра или объ Олегѣ

---

[1]) Извѣстная скептическая школа даже совсѣмъ подвергала сомнѣнію первые вѣка нашей исторіи, не только считая поддѣлкой Слово о полку Игоревѣ, но сомнѣваясь въ самой лѣтописи.

[2]) Подробный разборъ древнѣйшихъ изъ этихъ сказаній, съ точки зрѣнія исторической достовѣрности, сдѣланъ былъ г. Костомаровымъ: „Преданія первоначальной русской лѣтописи". Вѣсти. Евр. 1873, январь—мартъ; см. также Сухомлинова, „О преданіяхъ въ др. рус. лѣтописи" (въ Основѣ, 1861), и раньше, Погодина, Изслѣдованія, зам. и лекціи, 1846, I, стр. 173--195.

и Всеславѣ, слитыхъ въ одно лицо какого-то миѳическаго волшебника (Волхъ Всеславьевичъ), какъ память о нѣкоторыхъ богатыряхъ, напр., Добрынѣ и Алешѣ Поповичѣ (причемъ послѣдній отнесенъ ко временамъ Владиміра изъ XIII вѣка), отраженіе исторіи объ Янѣ Усмошвецѣ, и т. п.; можно найти въ лѣтописи нѣкоторыя имена; въ особенности можно отмѣтить общее воспоминаніе о чертахъ быта княжескихъ временъ, — но въ цѣломъ остается странное отсутствіе связей между несомнѣннымъ древнимъ эпосомъ, отмѣченнымъ лѣтописью, и послѣдующимъ былиннымъ эпосомъ, тэмы котораго возводятся однако даже во времена до-историческія. Откуда же это разногласіе и этотъ пробѣлъ въ нашей былинѣ? Одни сказали бы, что упомянутыя преданія были норманскія и оттого остались чужды народу, — но кое-что однако осталось въ былинѣ, наконецъ, и лѣтописецъ принадлежалъ къ тому же народу; другіе могли бы думать, что это были преданія чисто дружинныя, — но очевидно, что эпическіе богатыри былины принадлежали также къ дружинѣ князя Владиміра. Надо просто думать, что эти преданія, еще памятныя во времена составленія первой лѣтописи, были забыты народомъ, что древнѣйшій слой эпоса былъ заслоненъ его дальнѣйшимъ развитіемъ точно такъ же, какъ на югѣ пѣсни о богатыряхъ князя Владиміра были заслонены позднѣйшими казацкими думами. — Съ другой стороны давно уже (со временъ Шлёцера) замѣчено было, что многія изъ этихъ преданій стоятъ неодиноко въ нашей лѣтописи, а, напротивъ, имѣютъ свои параллели въ сказаніяхъ другихъ, иногда отдаленнѣйшихъ, народовъ, европейскихъ и азіатскихъ, начиная съ тэмы призванія трехъ братьевъ на царство и продолжая сказаніями объ Олегѣ, Ольгѣ, о выборѣ вѣръ при Владимірѣ и т. д., причемъ, напр. сказанія о взятіи Искоростеня имѣютъ свою параллель еще въ легендахъ объ Александрѣ Македонскомъ [1]).

Для нашихъ историковъ это сходство преданій бывало однимъ изъ спорныхъ пунктовъ въ вопросѣ о норманствѣ варяговъ, и одинъ изъ послѣднихъ ратоборцевъ этого вопроса, Гедеоновъ, оспаривая норманство, объяснялъ это сходство только тѣмъ, что норманны, много странствовавшіе по разнымъ землямъ, повторяли и присвоивали себѣ чужія сказанія и даже «обкрадывали» самихъ себя, прилагая одну и ту же легенду къ разнымъ лицамъ

[1]) Изъ новыхъ изслѣдованій объ этихъ предметахъ укажемъ: Васильевскаго, „Варяго-русская и варяго-англійская дружина въ Константинополѣ XI и XII вѣковъ“, Ж. Мин. Прос., 1874, ноябрь и д., ст. 2-я (ч. CLXXVII, стр. 402 и слѣд.); Гедеонова, „Варяги и Русь“, Спб. 1876, II, стр. LXV—LXXV.

своей исторіи. Но дѣло объясняется, конечно, иначе: мы встрѣчаемся здѣсь съ обычнымъ явленіемъ международныхъ эпическихъ сказаній. Сходство преданій не говоритъ ни за, ни противъ норманства варяговъ и не зависитъ отъ него потому уже, что простирается гораздо дальше скандинавскихъ сагъ и доходитъ съ одной стороны до крайняго запада, съ другой — до востока. Оно указываетъ на общую эпическую почву, на давнія международныя связи и сношенія, которыя помогли распространенію этихъ сказаній точно такъ же, какъ издавна распространялись въ Европѣ древніе сказочные мотивы и какъ позднѣе расходились и проникали въ народъ сказанія книжныя. Какъ именно шло ихъ распространеніе въ данномъ случаѣ, пока еще не выяснено,—они могли быть заимствованы скандинавскими эпиками у насъ, какъ и наоборотъ, и могли быть заимствованы обѣими сторонами изъ третьяго источника.

Иноземныя связи русскаго славянства до начала писанной исторіи и въ первые ея вѣка до сихъ поръ также не вполнѣ опредѣлены. Чѣмъ больше дѣлается изслѣдованій въ этой области, тѣмъ больше открывается фактовъ, указывающихъ, что русское славянство имѣло къ началу исторіи болѣе или менѣе оживленныя связи съ народами юга и запада Европы, и азіатскаго востока. Находки кладовъ и раскопка кургановъ и могилъ давно уже представили въ этомъ отношеніи любопытнѣйшіе факты: римскія монеты, находимыя въ Кіевѣ, огромные клады въ сотни и тысячи англо-саксонскихъ и арабскихъ монетъ, относящіеся къ первымъ вѣкамъ нашей исторіи, металлическія издѣлія иноземной работы и т. п., указывали, что въ тѣ вѣка шли уже дѣятельныя международныя сношенія, и что обмѣнъ былъ не только торговый, но и культурный. Одинъ изъ новыхъ изслѣдователей этой старины, г. Забѣлинъ, справедливо замѣчаетъ: «Торги и торговыя связи всегда служили наилучшими проводниками всяческой культуры. Вмѣстѣ съ иноземными вещами и различными предметами торговли они разносили въ глухія страны и иноземныя понятія, иноземныя вѣрованія, обычаи и вообще всякія формы, образы иной жизни, начиная съ простого гвоздя и оканчивая религіознымъ вѣрованіемъ. Самая монета съ ея изображеніями, понятными или непонятными, доставляла уже матеріалъ для новой мысли. Если исторія торговыхъ связей нашей равнины касается еще первыхъ вѣковъ христіанскаго лѣтосчисленія, то, конечно, къ тѣмъ же временамъ должны быть относимы и очень многія наши, такъ называемыя, культурныя заимствованія. Поэтому горизонтъ нашихъ ученыхъ разысканій о происхожденіи и первомъ появленіи въ

нашемъ быту того или другого обычая, того или другого предмета въ ремеслѣ и художествѣ, въ уборѣ и одеждѣ, въ вооруженіи и даже въ яствахъ и т. д., этотъ горизонтъ долженъ распространиться не только за предѣлы татарскаго, но даже и норманскаго вліянія, потому что и то и другое пріобрѣли у насъ значеніе и вѣсъ единственно только по случаю нашего крайняго незнакомства съ настоящею нашей древностью. Многое и очень многое въ нашемъ старомъ быту происходитъ или, чтò одно и то же, объясняется изъ такихъ источниковъ, которые, по своей отдаленности, никогда не принимались въ разсужденіе, но которые, тѣмъ не менѣе, по своимъ вліяніямъ всегда находились ближе къ намъ, чѣмъ пресловутые норманны» [1]).

Для древнѣйшихъ временъ онъ указываетъ въ особенности связи съ востокомъ. Русское славянство, по его словамъ, послѣднимъ пришло въ Европу и, остановившись на крайнемъ европейскомъ востокѣ, по необходимости сохранило связи съ востокомъ азіатскимъ, въ то время богатымъ и гораздо болѣе развитымъ въ государственномъ и культурномъ отношеніи. Прямо или посредственно, черезъ другіе народы, русское славянство едва ли когда покидало связи съ этимъ востокомъ. Древній востокъ, имѣвшій вліяніе на русское славянство, это были не тѣ дикіе кочевники, которые представляютъ собственно востокъ новѣйшій, падшій или разлагавшійся,—отъ нихъ заимствовать было нечего,—а востокъ древности мидійской и персидской. Древнія черты русско-славянской жизни носили, по необходимости, восточный обликъ. Такъ, по словамъ г. Забѣлина, мы совсѣмъ отдѣлились отъ запада своей восточной длиннополостью, которая идетъ вовсе не отъ татаръ, а скорѣе отъ древняго Черноморья и изъ Малой Азіи, отъ византійскихъ грековъ, которые сами взяли ее съ востока. Древніе греки считали длинную одежду и вообще скрываніе тѣла варварствомъ; у римлянъ оно считалось постыднымъ, какъ женская изнѣженность; между тѣмъ на востокѣ, еще по свидѣтельству Геродота, носить короткую одежду считалось за великій стыдъ. Такимъ образомъ, европейская короткая одежда идетъ отъ римскаго преданія, а длиннополая произошла отъ древнихъ восточныхъ идей и послѣ поддержана была вліяніемъ христіанскихъ понятій и самымъ климатомъ страны. Къ числу принадлежностей костюма, идущихъ съ востока, авторъ причисляетъ, напр., древнее «корзно» (плащъ, который носили русскіе X—XI вѣка на лѣвомъ плечѣ, оставляя правую руку свободною), сарафанъ,

[1]) Ист. русской жизни, II, стр. 399—400.

шаравары, широкіе рукава женскихъ и мужскихъ одеждъ, красный цвѣтъ мужскихъ рубахъ и женскихъ платьевъ. Къ востоку относитъ онъ обычай цѣловаться при встрѣчѣ или бить челомъ, при встрѣчѣ съ властнымъ человѣкомъ; одна серьга въ ухѣ Святослава напоминаетъ автору такую же серьгу, и также съ жемчугомъ, въ правомъ ухѣ персидскаго царя Пероза (V вѣка); меряне ростовской области также носили серьгу въ правомъ ухѣ.

Въ этихъ замѣчаніяхъ есть много справедливаго и къ нимъ можно было бы еще прибавить предположенія (или точнѣе, категорическія утвержденія) г. Стасова объ исконномъ восточномъ характерѣ народнаго русскаго орнамента,—но въ данномъ случаѣ возможны и нѣкоторыя оговорки. Приходъ славянъ послѣдними съ востока, какъ мы видѣли раньше, составляетъ теперь еще вопросъ—по той новой теоріи, которая считаетъ арійцевъ туземцами Европы; и еслибы теорія была доказана, присутствіе восточныхъ бытовыхъ элементовъ объяснялось бы болѣе поздними встрѣчами съ востокомъ, когда, напр., иранцы—въ образѣ скиѳовъ—жили на югѣ нынѣшней Россіи, гдѣ ихъ смѣнили потомъ другія племена, частью, вѣроятно, также восточно-арійскія, частью финно-тюркскія, и когда само русское населеніе, еще на глазахъ исторіи, очень близко надвигалось къ Кавказу. Съ другой стороны длиннополость русской одежды въ древнія времена, кажется, еще недостаточно опредѣлена: «корзно», упоминаемое г. Забѣлинымъ, было, повидимому, одѣяніе спеціально княжеское и притомъ заимствованное позднѣе изъ Византіи (такъ что, напр., въ изображеніи княжескаго семейства въ Святославовомъ Сборникѣ 1073 г. одинъ Святославъ изображенъ въ плащѣ, а дѣти безъ него, а обычная нижняя одежда состояла изъ недлинной рубахи). Припомнимъ, что древній Святославъ, при встрѣчѣ съ императоромъ Цимисхіемъ, одѣтъ былъ не въ какую-нибудь длиннополую одежду, а просто въ одну рубаху. Далѣе, «сарафанъ» и шаравары принадлежали, вѣроятно, также къ болѣе позднимъ заимствованіямъ съ востока.

Къ числу не вполнѣ выясненныхъ вопросовъ стараго убора принадлежитъ и знаменитый чубъ Святослава. Ему приписываютъ то восточное, то обще-славянское происхожденіе. Одинъ изъ новыхъ изслѣдователей южно-русской древности склоненъ считать обычай брить головы и оставлять клокъ волосъ на лѣвой сторонѣ обычаемъ средне-азіатскимъ, именно тюркскимъ (у жителей Тмутаракани этотъ обычай, по болѣе позднимъ упоминаніямъ, былъ общимъ подъ вліяніемъ половцевъ) и подтверждаетъ это предположеніе извѣстнымъ описаніемъ походныхъ обычаевъ Святослава,

представляющихъ чистый типъ кочевника [1]). Съ другой стороны, Гедеоновъ собираетъ свидѣтельства о бритьѣ головы, указывающія, что это былъ обычай все-славянскій [2]).

Не менѣе обширны и, быть можетъ, не менѣе древни были связи русскаго славянства съ скандинавскимъ сѣверомъ, западомъ и югомъ Европы. За то время, когда мы не имѣемъ прямыхъ извѣстій исторіи, остаются свидѣтельства языка, которыя еще въ эпоху обще-славянскую указываютъ на обильный притокъ культурныхъ знаній всякаго рода, которыя шли отъ народовъ германскихъ, изъ классическаго Рима и Греціи. Нѣтъ сомнѣнія, что если не прямо, то черезъ другія руки этотъ культурный обмѣнъ продолжался и въ послѣдующіе вѣка. Указаніе на торговыя связи было, конечно, и указаніемъ на подобныя вліянія. Древніе лѣтописцы были заняты обыкновенно фактами, бросавшимися въ глаза, дѣяніями князей, войнами и т. п., и только случайно упоминаютъ о фактахъ обычной жизни, считая ихъ общеизвѣстными; но изъ ихъ косвенныхъ указаній не трудно заключать о значительной обширности международныхъ связей въ древнемъ періодѣ. Таковы, напр., упоминанія о бракахъ князей. Князья брали женъ преимущественно въ своемъ родѣ, но нерѣдко вступали въ родственный союзъ съ иноземными владѣльческими домами, напр., съ скандинавскими, англо-саксонскимъ, польскимъ, чешскимъ, венгерскимъ, византійскимъ, какъ съ другой стороны роднились съ половцами (князья женились на половчанкахъ и княгини выходили за половецкихъ хановъ), иногда находили женъ у прикавказскаго народа ясовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ княжеская дружина собиралась изъ храбрыхъ витязей какого бы они ни были происхожденія; здѣсь бывали наравнѣ съ славянами, варяги, по скандинавскимъ сагамъ настоящіе норманны. Въ торговыхъ сношеніяхъ русская земля уже въ тѣ времена была посредницей между востокомъ и западомъ. Въ Новгородѣ живали постоянно нѣмецкіе купцы, у которыхъ была своя особая церковь (варяжская боженица). Въ Кіевѣ упоминается въ числѣ жителей «латина»; были лядскія ворота, указывающія на польскій кварталъ; было населеніе еврейское; съ другой стороны были города, гдѣ жили торки и черные клобуки. Но главныя сношенія, отражавшіяся культурными послѣдствіями, шли на югъ въ Константинополь. Съ началомъ христіанства сюда тяготѣла русская церковь со всѣми ея учрежденіями: че-

---

[1]) Голубовскій, „Печенѣги, торки и половцы", стр. 188—191.
[2]) „Варяги и Русь", I, стр. 360—365.

резъ южное славянство или. прямо изъ источника приходили богатые запасы византійской литературы; изъ Константинополя распространялись пріемы новаго искусства; церкви строились и украшались греческими художниками, архитекторами и живописцами, какъ на сѣверѣ работали художники нѣмецкіе (уже въ XII столѣтіи упоминается въ лѣтописи, что епископъ при обновленіи одной церкви могъ обойтись собственными, не нѣмецкими мастерами). Упоминаются уже вскорѣ и русскіе иконописцы, какъ св. Алимпій печерскій, который выучился этому искусству у греческихъ мастеровъ, строившихъ печерскую церковь и, кажется, занимался также мозаикой. Лѣтописи нерѣдко упоминаютъ о роскошномъ украшеніи церквей: церкви украшаются иконами и «писаніемъ» т.-е. стѣнной живописью, серебряными паникадилами; иконы украшались золотомъ, «финиптомъ» и драгоцѣнными каменьями; главы церквей золотились. Кромѣ зданій церковныхъ дѣлались и другія каменныя постройки, княжескіе терема, городскія стѣны и т. п. Западные лѣтописцы говорятъ о великолѣпіи тогдашняго Кіева: по словамъ Титмара мерзебургскаго, въ его время въ Кіевѣ было четыреста церквей и восемь торговъ; Адамъ бременскій называетъ Кіевъ соперникомъ Константинополя.

Какъ дальше увидимъ, эти разнообразныя международныя связи отразились и въ народно-поэтическихъ произведеніяхъ древней Руси.

Переходя къ послѣднимъ, надо будетъ убѣдиться, что языческая миѳологія, о которой такъ мало данныхъ сохранила лѣтопись, и въ дѣйствительности быстро исчезала передъ христіанствомъ. Переводъ писанія, какъ мы видѣли, показывалъ значительно высокую степень культуры и хотя языкъ перевода не былъ собственно нашъ языкъ, но большая и несомнѣнная близость языка русскаго къ церковному предполагала и близость въ культурномъ уровнѣ. Быстрое усвоеніе христіанства сопровождалось такимъ устраненіемъ языческаго преданія, что мы имѣемъ только самые неясные слѣды языческой космогоніи. Мы знаемъ нашу старину въ формѣ, сильно окрашенной христіанскими преданіями, и старое язычество уже вскорѣ откликается только отрывочнымъ обрядомъ, пѣсней, смыслъ которыхъ болѣе и болѣе забывался. Остановимся опять на нѣсколькихъ примѣрахъ. Стараніе романтиковъ связать нашу древнюю поэзію непосредственно съ языческимъ миѳомъ, какъ мы видѣли, должно быть признано неосуществимымъ. Теорія развитія сказанія изъ миѳа въ эпосъ героическій и историческій не прилагается къ существующимъ произведеніямъ нашего эпоса и могла быть про-

водима только съ помощью натянутыхъ и произвольныхъ обобщеній. Новая критика приступаетъ къ дѣлу съ иными, въ сущности, противоположными, пріемами. Она не думаетъ, что ей извѣстны «законы» народно-поэтическаго творчества, и полагаетъ, что они еще должны быть отысканы; она не ставитъ впередъ готовой теоріи и не склонна понимать народно-поэтическія преданія цѣльною массой, измѣняющейся только путемъ внутренняго роста и физіологическаго превращенія одного и того же матеріала, и напротивъ видитъ здѣсь сложное накопленіе разнороднаго матеріала, накоплявшагося иногда чисто механически въ теченіе многихъ вѣковъ и сроставшагося уже только позднѣе, и полагаетъ, что изслѣдователь долженъ здѣсь «вскрывать пластъ за пластомъ, выдѣляя черты смѣшенія и поздняго вліянія, болѣе *разчленяя* сложившееся вѣками единство, чѣмъ добираясь до *единства первичнаго*» [1]. «Необходимо помнить,—говоритъ тотъ же авторъ,—что не все миѳическое, или кажущееся таковымъ, есть необходимо древнее, исконное, принадлежащее къ сути того или другого эпическаго лица или образа, а могло приклеиться къ нему и впослѣдствіи, случайно, и тѣмъ болѣе, чѣмъ дальше, въ порядкѣ хронологіи или географически, пѣсня или преданіе отошли отъ своего источника. Переселившись на новое мѣсто, оторванная отъ живыхъ корней, пѣсня легче подвергается превращеніямъ, особливо, когда она полюбилась, пришлась къ дому; въ такихъ случаяхъ она не только обростаетъ сказочными и миѳическими подробностями, но пріурочивается на-ново: захожаго богатыря начинаютъ считать своимъ» [2]. Такимъ образомъ органическое въ развитіи народнаго эпоса заключается не въ единствѣ основного сюжета, проходящаго черезъ послѣдовательные фазисы саморазвивающагося преданія, какъ думали прежде, а въ единствѣ народной фантазіи, сплетающей самый разнообразный матеріалъ, если онъ подходитъ къ народному вкусу и понятіямъ, не заботясь объ его происхожденіи, свободно пользуясь своимъ и чужимъ, старымъ и новымъ, часто совсѣмъ забывая старое и сосредоточивая на новомъ свои украшенія. Задача изслѣдованія и состоитъ дѣйствительно въ разчлененіи этого сложнаго собранія разнородныхъ тэмъ и красокъ, при чемъ въ концѣ анализа каждая отдѣльная черта должна выдать свое происхожденіе, мѣсто и время.

---

[1]) Веселовскій, Разысканія въ области русскихъ духовныхъ стиховъ, I—II, стр. 125.

[2]) Тамъ же, VI—X, стр. 350.

Очевидно, этотъ способъ—единственный вѣрный и, насколько онъ примѣненъ до сихъ поръ къ народно-поэтическому преданію, оказывается, что его подкладка можетъ быть названа исконной и языческой развѣ только по извѣстной первобытности антропоморфическихъ представленій, по пріемамъ народной фантазіи, (составляющихъ обще-человѣческую черту, при данной ступени развитія), но вовсе не по содержанію самыхъ сказаній.

Церковные историки давно отмѣтили фактъ, что первые проповѣдники христіанства въ своихъ заботахъ объ удаленіи язычества вообще старались пріурочивать христіанскіе праздники ко времени прежнихъ языческихъ праздниковъ, чтобы замѣнить послѣдніе первыми, не нарушая народныхъ привычекъ отдыха и веселья, но давая имъ иное направленіе. Такое совпаденіе, въ самомъ дѣлѣ, имѣло мѣсто повсюду: языческія празднества вездѣ мало-по-малу или исчезали совсѣмъ или принимали христіанскую окраску, а гдѣ язычество не выработалось въ опредѣленный культъ, не подкрѣплялось художественной обработкой и всенароднымъ торжествомъ (какъ было напр. у грековъ и какъ не было у насъ), тамъ язычество еще скорѣе уступало христіанству и народная фантазія тѣмъ легче усвоивала новыя тэмы вѣрованій и сказаній, и направляла на нихъ работу своего творчества. Такъ это случилось въ нашихъ условіяхъ. Давно указано подобное значеніе праздниковъ Рождества (коляды), Ивана «Купалы», святого Власія (замѣнившаго собою древняго Волоса, въ покровительствѣ стадъ), святого Ильи, святого Георгія и друг.; но не должно преувеличивать этого преемства и находить въ немъ продолженіе будто бы мало тронутаго стараго преданія. Христіанская замѣна была такъ дѣйствительна, что не только часто совсѣмъ терялся смыслъ языческой старины, но новые предметы поклоненія создавали новый кругъ вполнѣ самостоятельныхъ преданій. Миѳологія легендарно-апокрифическая, порожденная прямо христіанствомъ, большею частью безъ остатка устраняла миѳологію языческую.

Прежніе миѳологи желали видѣть продолженіе и вмѣстѣ замѣну Перуна въ популярномъ почитаніи Ильи-пророка и дальнѣйшее отраженіе религіознаго миѳа въ миѳѣ богатырскомъ—въ Ильѣ-Муромцѣ. Недавно одинъ греческій ученый (Политъ), изслѣдуя греческое народно-церковное почитаніе Ильи-Пророка, сближалъ его съ отдаленной памятью о древнемъ миѳѣ Геліоса (который и по имени сближался съ Иліей) и, повторяя по книгѣ Рамбо (La Russie épique) выводы русскихъ миѳологовъ, находилъ, что у славянъ, къ которымъ почитаніе святого Ильи перешло

отъ грековъ, и у которыхъ Илья былъ также властителемъ молніи и подателемъ дождя, въ Илью-громовника перешелъ древнеславянскій богъ грома, Перунъ, и что самый богатырь русскихъ былинъ Илья есть не что иное какъ олицетвореніе солнца. Пересматривая вновь эти миѳы, г. Веселовскій подвергаетъ эти сопоставленія большому сомнѣнію. Допуская, что греческое отождествленіе Ильи и Геліоса имѣетъ за себя нѣкоторые факты, г. Веселовскій находитъ однако, что всего больше играло здѣсь роль чисто внѣшнее сопоставленіе по созвучію именъ; что же касается самаго представленія Ильи, совершающаго путь въ небесной колесницѣ, производящаго громъ и посылающаго дождь, то оно совершенно достаточно объясняется извѣстнымъ библейскимъ сказаніемъ. Достаточно перечитать это сказаніе въ книгахъ Царствъ, чтобы найти основаніе большей части миѳовъ объ Ильѣ-пророкѣ: чтó въ нихъ не покрывается библейской легендой, все это, по мнѣнію Веселовскаго, можетъ быть отнесено къ народному пониманію явленій дождя, грома и молніи. Такъ библейскимъ разсказомъ объясняется общее представленіе объ Ильѣ, какъ заключающемъ и подающемъ небесную влагу: это представленіе сообщаетъ уже Апостолъ, который читается на Ильинъ день; церковная пѣсня молитъ святого Илью объ отверстіи неба и ниспосланіи дождя; въ соотвѣтствіе съ этимъ, въ древнемъ Новгородѣ къ церкви Ильи Сухого совершался крестный ходъ съ мольбою о ясной погодѣ, къ Ильѣ Мокрому обращались съ молитвами о дождѣ. Примѣты о дождѣ, соединяющіяся съ именемъ Ильи, опредѣляются не столько значеніемъ его, какъ властителя дождя, сколько календарнымъ пріуроченіемъ его праздника. Далѣе, какъ податель дождя, Илья есть вмѣстѣ съ тѣмъ и плододавецъ: онъ даетъ плодородіе хлѣба, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ есть покровитель скота; земледѣльческія повѣрья смѣшиваютъ въ одномъ суевѣрномъ обычаѣ имена святого Ильи, святого Николы и память о древнемъ Волосѣ, «скотьемъ богѣ». Примѣты земледѣльческія, связанныя у насъ съ именемъ Ильи, опять опредѣляются календаремъ, т.-е. временемъ празднованія; на Илью начинаютъ жать и оттуда присловья: Илья - пророкъ въ полѣ копны считаетъ, или: новый хлѣбъ на Ильинъ день,—то и веселье ильинскимъ ребятамъ, что новый хлѣбъ. Наконецъ, какъ податель дождя, Илья есть вмѣстѣ и громовникъ: Илья грозы держитъ—по народному присловью. Это представленіе являлось естественно по связи грома и дождя, но дѣйствовала здѣсь и библейская легенда: низведеніе небеснаго огня пророкомъ Ильею на жертву и на пятидесятниковъ, посланныхъ къ нему царемъ Охозіей, могло

быть истолковано какъ низведеніе молніи; огненная колесница, на которой Илья возносится на небо, могла легко представиться молніеносной, и громъ казаться шумомъ ея колесъ и т. п. Такое представленіе о гремящей колесницѣ кромѣ русскаго народа существуетъ у эстовъ, южныхъ славянъ, ново-грековъ,—какъ молитвы о дождѣ обращаются къ св. Ильѣ на Кавказѣ и въ южной Италіи, очевидно, подъ вліяніемъ библейскаго сказанія и греческаго культа. Къ библейскимъ чертамъ присоединялись потомъ и другія, какъ варіяція и дополненіе, и въ числѣ ихъ особенно извѣстно представленіе, распространенность котораго, по замѣчанію Веселовскаго, указываетъ на его психологическую законность при извѣстномъ уровнѣ умственнаго развитія,—именно, что молнія и громъ—отголосокъ и слѣдъ ударовъ, наносимыхъ громовникомъ какой-нибудь вражеской силѣ, демону, змѣю и т. п. Какъ въ византійскомъ житіи Андрея юродиваго и въ ново-греческомъ повѣрьѣ Илья-пророкъ изображается поражающимъ дракона и это повѣрье отзывается также и въ различныхъ апокрифическихъ сказаніяхъ. Въ русскихъ повѣрьяхъ молнія есть стрѣла, бросаемая Богомъ или пророкомъ Ильей въ змѣя или діавола, который укрывается отъ нея въ разныхъ животныхъ и гадовъ, и т. п.

Эти общія представленія развивались, какъ мы замѣтили, множествомъ различныхъ варіантовъ, сопоставленій и смѣшеній съ другими преданіями, но главная ихъ основа несомнѣнно дана библейскимъ разсказомъ, разработаннымъ подъ вліяніемъ представленія грозы борьбою; съ другой стороны въ подобномъ смыслѣ сставлялись миѳологическія изображенія святого Георгія и архангела Михаила. Такимъ образомъ народный образъ Ильи-пророка является результатомъ сложнаго процесса, въ которомъ однако нѣтъ надобности искать ни Геліоса, ни Перуна. Точно также не имѣетъ сюда никакого отношенія и Илья-Муромецъ. Если имя Ильи-пророка пользовалось у насъ издавна особенной популярностью (припомнимъ, что церковь во имя пророка существовала въ Кіевѣ еще во времена Игоря, задолго до оффиціальнаго принятія христіанства), то эта популярность его была всеобщая во всемъ восточномъ христіанствѣ и даже тамъ, гдѣ оно дѣйствовало только временно, напр. въ Сициліи и южной Италіи. По миѳологической теоріи, въ Ильѣ-Муромцѣ, по однимъ, скрывается солнце, по другимъ—Илья-пророкъ, громовникъ, оборонявшій Владиміра (солнце) отъ Соловья-разбойника; а этотъ Соловей, по объясненію Аѳанасьева, есть первоначально «исполинская птица, затемняющая все небо, въ образѣ которой фан-

тазія воплотила неудержимо несущійся буйный вихрь, который, нагоняя на небо черныя тучи, потемняетъ солнечный свѣтъ, волнуетъ моря и съ корнемъ вырываетъ столѣтнія деревья». Но въ подтвержденіе этого солнечнаго или громового значенія Ильи-Муромца не было однако дано никакихъ, сколько-нибудь прочныхъ, доказательствъ: ключъ, выбитый конемъ богатыря на мѣстѣ нынѣшней часовни святого Ильи близъ Мурома, есть, по замѣчанію Веселовскаго, черта слишкомъ мало типическая, чтобы на ней можно было основать какой-нибудь положительный выводъ; то же самое разсказывается и о разныхъ другихъ герояхъ, напр. о святомъ Георгіи, и надо просто думать, что преданіе объ Ильѣ-Муромцѣ получило позднѣе мѣстное пріуроченіе, какъ опять случалось это со многими другими героями народнаго эпоса. Другое превращеніе произошло, по объясненію Веселовскаго, съ богатыремъ-разбойникомъ Соловьемъ: его имя представляется русской формой имени Славъ. Былина знаетъ другого героя этого имени, Соловья Будимировича; еще въ другомъ случаѣ онъ явно замѣняетъ собой сказочнаго Соломона. Затѣмъ этотъ богатырь, живущій въ лѣсу, сталъ представляться чудовищной птицей, сидящей на семи дубахъ; но изображеніе птицей является тутъ же невыдержаннымъ,—та же былина рядомъ съ гнѣздомъ изображаетъ «палаты» Соловья-разбойника, говоритъ о его дѣтяхъ—вовсе не птицахъ, а людяхъ; Илья говоритъ съ нимъ какъ съ человѣкомъ и т. д. Образчикомъ развитія, какое получаетъ въ народной фантазіи та или другая черта сказанія, можетъ служить чувашскій разсказъ объ Ильѣ-Муромцѣ, гдѣ богатырь Соловей является огромнымъ соловьемъ, изъ частей его тѣла рождаются птицы, а Илья называется богомъ, который, совершивши свой подвигъ, уѣхалъ на небо, гдѣ гоняетъ и бьетъ шайтановъ. Здѣсь богатырь дѣйствительно смѣшивается съ богомъ-громовникомъ, но очевидно, что это не имѣетъ уже ни малѣйшаго отношенія къ старинѣ. Прибавимъ наконецъ, что само муромское и крестьянское происхожденіе Ильи подвергается большому сомнѣнію: по различнымъ старымъ свидѣтельствамъ, Илья является довольно знатнымъ богатыремъ (это, по всей вѣроятности, и было первоначальное представленіе) и старыя записи называютъ его не Муромецъ, а «Муравленинъ», «Моровлинъ», «Муровецъ» [1].

Мы остановились подробно на этомъ эпизодѣ новыхъ изслѣдованій для образчика того, какъ мнимая первобытная миѳоло-

[1]) Веселовскій. Разысканія, VI—X, 1883, стр. 293—353; „Исполинъ Илья Муромецъ у Луиса-де-Кастильо", въ Ж. М. Пр. 1883, май, и др.

ія устраняется болѣе внимательнымъ изслѣдованіемъ фактовъ: на примѣрѣ Перуна—Ильи-пророка—Ильи-Муромца можно видѣть, что на переходѣ отъ древняго язычества къ христіанству старина забывалась иногда столь основательно, что отъ нея не оставалось никакого слѣда; напротивъ, въ народномъ преданіи мы теперь имѣемъ дѣло съ формаціями, исходившими изъ чисто-христіанскаго источника, и прежняя ступень отражалась не столько какимъ-нибудь положительнымъ остаткомъ стараго миѳа, сколько первобытнымъ уровнемъ умственнаго развитія, складомъ фантазіи, эпическимъ пріемомъ, который однако разработывалъ уже новое содержаніе. Хранилась, конечно, и старина, продолжали совершаться обряды, пѣлись старыя пѣсни, производились даже моленія, но во всемъ этомъ не было уже никакого цѣльнаго міровоззрѣнія, старина жила только инерціей и пища народнаго творчества стала все больше почерпаться изъ новыхъ понятій и образовъ, все сильнѣе овладѣвавшихъ народнымъ чувствомъ и воображеніемъ.

Чѣмъ дальше идутъ новыя изслѣдованія, тѣмъ болѣе въ области народной поэзіи открываются эти, мало прежде замѣчаемыя, нити христіанскаго вліянія. Какимъ именно путемъ совершалось это вліяніе и создавало въ сущности совершенно новый ...ость, недостаточно выяснено и до сихъ поръ; но чрезвычайно вѣроятно, что это не былъ путь одной оффиціальной церкви: ...домъ съ ея, очень сильнымъ, авторитетомъ, видимо, шло иное ...иженіе—христіанства популярнаго и сектантскаго. Только этимъ послѣднимъ путемъ удобно объясняется какъ книжное распространеніе апокрифическихъ, «отреченныхъ» сказаній, обрядовой ...рали и суевѣрій, такъ и переходъ устныхъ преданій, несомнѣнно также имѣвшій мѣсто. Изъ русской земли шли паломники въ Константинополь, на Аѳонъ, въ Святую землю и, конечно, приносили съ собой массу разсказовъ, сомнительныхъ преданій и «худыхъ номоканунцевъ», осужденіе которыхъ встрѣчается ...же очень давно; чѣмъ первобытнѣе были понятія, тѣмъ сильнѣе работала фантазія, тѣмъ крѣпче усвоивались чудесныя исторіи и таинственныя наставленія, скрывавшіяся отъ церковниковъ,—хотя надо прибавить, что апокрифическое преданіе имѣло не малую силу и въ средѣ самихъ церковниковъ.

Такимъ популярно-христіанскимъ вліяніемъ объясняются, напримѣръ, народное празднество коляды, происходящей отъ римско-греческихъ календъ; празднованіе русальи; церковное почитаніе и особливо фантастическое народное возвеличеніе и воспѣваніе святого Георгія, святого Ильи, Параскевы-Пятницы, Николая Чудо-

творца и множества другихъ святыхъ, которые надѣлены были отъ народа своими особенными миѳическими чертами и спеціальнымъ чудотвореніемъ. Отсюда шелъ богатый запасъ народной легенды, часто выходящей далеко за предѣлы обычной церковной легенды и иногда поражающей своей реалистической простотой. Отсюда, наконецъ, шло то новое народно-христіанское міросозерцаніе, съ своеобразной космогоніей (иногда носящей слѣды богомильства), съ особымъ представленіемъ о жизни и силахъ природы, о средствахъ дѣйствовать на нее при помощи тайныхъ заклинаній, молитвъ и заговоровъ.

Если обширный переворотъ произведенъ былъ введеніемъ христіанства во всѣхъ главныхъ сторонахъ народнаго быта, въ понятіяхъ религіозныхъ, нравственныхъ, юридическихъ, то подобный переворотъ произошелъ и въ области народнаго поэтическаго творчества. Старый миѳъ былъ забытъ; на его мѣсто являются новые мотивы, данные исторической дѣйствительностью и новымъ запасомъ эпическаго матеріала, между прочимъ, въ изобиліи пришедшаго изъ византійскаго источника. Нечего искать въ эпическомъ князѣ Владимірѣ миѳологическаго существа: единственное основаніе къ этому исканію далъ его эпитетъ «красное солнышко»; но теперь надо убѣдиться, что въ этомъ названіи нѣтъ никакой миѳологической символики и подобные эпитеты нашлись въ эпосѣ другихъ народовъ, какъ простое поэтическое украшеніе. Точно также нечего искать миѳическихъ существъ и въ богатыряхъ Владимірова круга: скудость старой лѣтописи не даетъ возможности услѣдить съ точностью область и способъ образованія этихъ эпическихъ фигуръ; извѣстно также, что народъ очень нерѣдко выбираетъ своими эпическими героями лицъ, о которыхъ мало знаетъ исторія. Съ теченіемъ времени, сосредоточивая на нихъ свои симпатіи все больше и больше, народъ идеализируетъ и украшаетъ своихъ героевъ до неузнаваемости ихъ исторической основы,—въ родѣ того, какъ чувашское сказаніе сдѣлало Илью-Муромца, перенятаго отъ русскихъ, настоящимъ богомъ грома,—тѣмъ не менѣе эта историческая основа для нашей былины несомнѣнно существовала [1]). Какъ и слѣдуетъ ожидать, въ народномъ эпосѣ эта основа покрылась поэтическимъ наслоеніемъ, но не изъ того матеріала языческой миѳологіи, какого до сихъ поръ въ немъ искали, а изъ того,

---

[1]) Послѣ изслѣдованія Л. Майкова („О былинахъ Владимірова цикла". Спб. 1863), эту историческую основу разыскивалъ не безъ успѣха (но не безъ преувеличеній) г. Квашнинъ-Самаринъ, въ послѣднее время Дашкевичъ, Голубовскій.

какой давала миѳологія христіанская и условія историческія. Напримѣръ, Добрыня, по всѣмъ вѣроятіямъ, былъ въ основѣ лицо историческое, но когда въ былинѣ онъ является змѣеборцемъ, то здѣсь надо искать не отраженій первобытной миѳологіи, а напротивъ представляется болѣе естественнымъ сличеніе съ народно-христіанскими легендами, перенесенными на русскаго богатыря [1]).

Такими же историческими лицами были несомнѣнно и другіе богатыри, напр. самъ Илья или Алеша Поповичъ; но о первомъ не осталось никакихъ точныхъ свидѣтельствъ, а лишь рядъ темныхъ историческихъ преданій, доселѣ неразъясненныхъ и частью не сходящихся съ былиной, въ которой мы очевидно находимъ это лицо уже послѣ долговременной поэтической переработки въ нѣсколько пріемовъ. Что касается Алеши Поповича, то едвали сомнительно, что это—исторически извѣстный богатырь начала XIII вѣка, который вслѣдствіе такой же переработки зачисленъ былъ въ кругъ Владиміровыхъ богатырей, и post-facto получилъ ту сословную и личную характеристику жадпаго человѣка и беззастѣнчиваго гуляки и хвастуна, съ какою является въ современной былинѣ. Наконецъ, иные богатыри никогда не были историческими лицами и составляютъ чистое созданіе народной фантазіи на тэму книжную. Таковъ небывалый «богатырь» Дунай Ивановичъ, представляющій народно-поэтическую варіацію на тэму сказаній о Соломонѣ; таковы такіе же небывалые «сорокъ каликъ со каликою», являющіеся пересказомъ библейскаго эпизода объ Іосифѣ и поэтически прилаженные къ русскому быту и т. д. Съ другой стороны народная поэзія перезабыла не мало другихъ сюжетовъ. Выше мы упомянули объ отсутствіи въ ней тѣхъ эпическихъ сказаній, которыя внесены въ первоначальную лѣтопись и относятся особенно къ эпохѣ до-христіанской; кромѣ того отсутствуютъ въ ней многія другія лица и событія болѣе позднихъ вѣковъ, разсказъ о кото-

[1]) Разбирая сказанія о святомъ Георгіи, г. Веселовскій отмѣчаетъ эпитетъ „аникитовъ“, „аникіевъ“ (т.-е. непобѣдимыхъ), который придавался у грековъ святому Георгію и родственнымъ ему святымъ; святой Георгій былъ змѣеборецъ по преимуществу. „Въ русскомъ былинномъ эпосѣ,—продолжаетъ Веселовскій,—спеціальность змѣеборства принадлежитъ Добрынѣ. Его былины относятся къ наиболѣе смѣшаннымъ и запутаннымъ. Я выдѣляю изъ нихъ лишь нѣкоторыя черты. Отечество Добрыни: Никитичъ; отецъ его Никита является въ былинахъ съ блѣдными очертаніями, естественно ведущими къ догадкѣ, что онъ отвлеченъ отъ прозвища сына (Никитичъ-Никита) и едва-ли пользовался, когда бы то ни было, болѣе реальнымъ бытіемъ“.—Авторъ думаетъ, что отечество Добрыни есть именно греческое „аникитъ“. См. „Разысканія“, II, стр. 158—159.

рыхъ въ лѣтописи носитъ видимо поэтическій колоритъ и заставляетъ съ большой вѣроятностью предполагать существованіе народныхъ пѣсенъ. Извѣстно указаніе объ этомъ въ словѣ о полку Игоревѣ, по которому Боянъ пѣлъ пѣсни «старому Ярославу (т.-е. въ честь его, пѣсни о его дѣяніяхъ), храброму Мстиславу, что зарѣзалъ Редедю передъ полками касожскими, красному Роману Святославичу». Описаніе поединка Мстислава съ Редедею въ лѣтописи можетъ указывать на такія пѣсни. Преданіе о Рогнѣдѣ (событія X вѣка) сообщается лѣтописью въ разсказѣ о ссылкѣ полоцкихъ князей въ Грецію (въ первой половинѣ XII вѣка) и разсказу предшествуетъ ссылка на людей «вѣдущихъ», въ которыхъ не безъ основанія находятъ «вѣщихъ пѣснотворцевъ», т.-е. эпическихъ пѣвцовъ [1]), что́ въ самомъ дѣлѣ подтверждается поэтическимъ складомъ всего разсказа [2]). Лѣтописные разсказы о Владимірѣ Мономахѣ или Романѣ Галицкомъ и другіе подобные эпизоды, особливо разсѣянные въ волынской лѣтописи, невольно наводятъ на мысль объ эпической основѣ. Описаніе самаго похода Игоря противъ половцевъ въ лѣтописи сопровождается поэтическими эпизодами въ тонѣ Слова о полку Игоревѣ. Извѣстно далѣе загадочное мѣсто въ волынской лѣтописи, гдѣ вспоминаются подвиги Романа Галицкаго и его дѣда Мономаха, который «погубилъ поганыхъ измаильтянъ, рекомыхъ половцевъ, изгналъ (какого-то) Огрока въ Обезы (въ Абхазію) за Желѣзныя врата (Дербентъ), и пилъ Донъ своимъ золотымъ шлемомъ», и затѣмъ сообщается поэтическій разсказъ, гдѣ видимо повторяется преданіе половецкое. Одинъ изъ половецкихъ вождей, Сырчанъ,—«остался на Дону и при немъ былъ только одинъ пѣвецъ; по смерти Владиміра, Сырчанъ послалъ этого пѣвца въ Абхазію къ брату и поручилъ сказать: Владиміръ умеръ, воротись, братъ, приди въ свою землю,—и прибавилъ посланному: скажи ему мои слова, пой ему пѣсни половецкія, а если онъ все-таки не послушаетъ, то дай ему понюхать зелья именемъ евшанъ. Но Отрокъ не захотѣлъ воротиться и не хотѣлъ слушать; тогда пѣвецъ далъ ему зелья и когда тотъ понюхалъ, то заплакалъ и сказалъ: лучше на своей землѣ лечь костьми, чѣмъ быть славнымъ на чужбинѣ. И пришелъ онъ въ свою землю и родился отъ него Кончакъ (извѣстный потомъ половецкій ханъ), который снесъ Сулу (?), ходилъ пѣшкомъ и

---

[1]) Гедеоновъ, „О варяжскомъ вопросѣ“, Записки Академіи Наукъ, т. III, кн. 1, стр. 259.

[2]) Лаврент. лѣтопись, стр. 131, подъ 1128 годомъ.

носилъ котелъ за плечами» [1]). Что русскимъ знакомы были половецкія сказанія, подтверждаетъ и «Слово о полку Игоревѣ» [2]).

Въ другомъ мѣстѣ мы указывали, какимъ образомъ въ былинномъ эпосѣ раскрыты были другія отраженія иноземныхъ связей, вслѣдствіе которыхъ въ русской былинѣ являются чужеземные франкскіе герои и въ особенности повторенія и развитія сюжетовъ византійскихъ [3]).

Генетическая исторія собственно русскихъ богатырей Владимірова цикла до сихъ поръ разъяснена мало по недостатку или полному отсутствію свѣденій о нихъ въ старой лѣтописи и литературѣ. Любопытный образчикъ такого изслѣдованія сдѣланъ былъ г. Дашкевичемъ относительно извѣстнаго богатыря этого цикла, Алеши Поповича: на этотъ разъ извѣстія объ его богатырствѣ даетъ и лѣтопись, старая и позднѣйшая, относя однако его подвиги то къ X-му, то къ первой четверти XIII-го вѣка.—Замѣтимъ кстати, что старая лѣтопись не знаетъ «богатырей»: она говоритъ, когда случится, о мужахъ «сильныхъ» и «храбрыхъ», но слово «богатырь» примѣняется собственно къ вождямъ и бойцамъ татарскимъ. Это слово объяснялось у насъ двумя совершенно разными способами: одни приписывали ему происхожденіе арійское (въ русскомъ языкѣ въ связи съ словами «богъ», «богатый»), другіе считали его словомъ явно татарскимъ, которое могло быть заимствовано не только у татаръ, но еще у половцевъ, но упомянутое спеціальное употребленіе этого слова лѣтописью (первоначально только въ примѣненіи къ храбрецамъ татарскимъ) заставляетъ считать его скорѣе татарскимъ, позднѣе осмысленнымъ въ связи съ русскимъ однозвучнымъ корнемъ.

Къ числу такихъ «храбрыхъ» принадлежалъ по лѣтописи Алеша или собственно Александръ Поповичъ. Сличая обстоятельно упоминанія объ Алешѣ Поповичѣ въ лѣтописяхъ и въ былинѣ, г. Дашкевичъ пришелъ къ такому весьма вѣроятному опредѣленію историческаго факта и его народно-

---

[1]) Ипат. лѣтопись, стр. 155, подъ 1201 годомъ. Ср. Бестужева-Рюмина, „О составѣ русскихъ лѣтописей". Спб. 1868, стр. 41—44; Голубовскій, стр. 220—221. Послѣдній называетъ половецкаго пѣвца „Оревъ"; но въ лѣтописи стоитъ дательный падежъ „Ореви" (dat. absol.), слѣд. именительный „Оръ" или „Орь".

[2]) „Се бо готьскыя красныя дѣвы въспѣша на брезѣ синему морю, звоня рускымъ златомъ; поютъ время Бусово, лелѣютъ месть Шаруканю". Это объясняютъ такъ: рѣчь идетъ о пѣсняхъ половецкихъ, перешедшихъ къ азовскимъ готамъ, которые были тогда покорены половцами.

[3]) „Вѣстн. Евр." 1883, ноябрь, стр. 321—328. О „сурожанахъ" см. также замѣчаніе Дашкевича, „Былины объ Алешѣ Поповичѣ", стр. 37.

поэтическаго развитія. Въ дѣйствительности, Александръ Поповичъ былъ храбрымъ дружинникомъ первой четверти XIII столѣтія въ ростовской области. Очень вѣроятенъ лѣтописный разсказъ, что этотъ витязь, уже совершившій много подвиговъ въ военныхъ дѣлахъ своего края, созвалъ однажды своихъ ближайшихъ сподвижниковъ и рѣшилъ перейти съ ними на службу къ кіевскому князю, за нѣсколько лѣтъ до перваго татарскаго нашествія. Затѣмъ лѣтопись упоминаетъ о погибели Александра Поповича и семидесяти храбрыхъ богатырей въ битвѣ при Калкѣ. Лѣтописныя сказанія вообще представляютъ сильное смѣшеніе фактовъ и преданій: въ однихъ случаяхъ лѣтописцы, безъ сомнѣнія, имѣли въ виду дѣйствительныя событія, болѣе или менѣе вѣрно передаваемыя молвой; въ другихъ, лѣтописцы (а именно болѣе поздніе) очевидно не имѣли никакихъ фактовъ, а записывали только преданіе, въ которомъ дѣйствовала уже поэтическая фантазія; наконецъ воитель XIII вѣка, о которомъ, конечно, ничего не могли знать лѣтописцы болѣе ранніе, по лѣтописямъ позднимъ оказывается богатыремъ Владимірова цикла (такъ въ никоновской лѣтописи),—очевидно, что здѣсь въ основаніи лежитъ прямо былина, уже успѣвшая по своему обработать старое преданіе объ этомъ богатырѣ. Ходъ этой обработки былъ таковъ. «Въ XIII—XVI столѣтіяхъ,—говоритъ г. Дашкевичъ, — въ суздальской землѣ и преимущественно въ Ростовѣ обращались народныя эпическія (пѣсенныя и прозаическія) сказанія о ростовскомъ «храбромъ» первой четверти XIII вѣка— Александрѣ Поповичѣ. Эти сказанія представляли Александра мѣстнымъ удальцомъ, стоявшимъ во главѣ цѣлой дружины храбрыхъ. Онъ былъ извѣстенъ подвигами личнаго мужества, какъ выдающійся дружинникъ ростовскаго князя. Имя Александра было прикрѣплено къ могильнымъ насыпамъ въ различныхъ мѣстахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ суздальскія преданія считали важнымъ подвигомъ Александра участіе въ калкской битвѣ и гибель за обще-русское дѣло въ сонмѣ храброй дружины, съ которою раньше онъ отправлялся на югъ служить кіевскому князю. То былъ единственный не мѣстный подвигъ Александра.—Популярность его имени и народныя преданія подали поводъ къ занесенію имени Александра въ суздальскія лѣтописи. Невозможно опредѣлить, когда это случилось впервые, тотчасъ ли, вскорѣ ли послѣ калкскаго боя, или же позднѣе... Во всякомъ случаѣ въ XV-мъ столѣтіи (какъ можно судить по хронологіи лѣтописныхъ сборниковъ) въ суздальской землѣ держалось еще отчетливое преданіе о гибели цѣлой дружины суздальскихъ богатырей на

Калкѣ, и, слѣдовательно, они не отождествлялись еще съ богатырями Владиміра. Съ этимъ какъ бы согласуется то обстоятельство, что, повидимому, первенствующее значеніе въ этой дружинѣ усвоялось не Ильѣ, но Александру, а за нимъ Добрынѣ». Затѣмъ въ памятникахъ Александръ упоминается вмѣстѣ съ Добрыней. «Это упоминаніе обоихъ богатырей рядомъ показываетъ, что къ началу XVI-го столѣтія Александръ вошелъ во Владиміровъ циклъ и былъ поставленъ въ связь съ общерусскою дружиною богатырей Владимірова времени, которые были представлены также погибшими на Калкѣ» [1]). Впослѣдствіи—трудно сказать, когда именно—начинается спеціальное пріуроченіе богатыря къ церковному сословію: онъ — поповичъ, именно сынъ ростовскаго попа, и этого исходнаго пункта было достаточно, чтобы привязать къ его имени тѣ качества, съ какими представлялись народу церковники средняго, да и позднѣйшаго періода; соотвѣтственно тому, Алешѣ приписываются весьма невысокія нравственныя свойства, за одной чертой прибавляются другія и наконецъ изображеніе богатыря въ новѣйшей былинѣ становится бытовымъ типомъ, нравоописательнымъ изображеніемъ. Прежніе историки нашего эпоса относили обыкновенно и всѣ эти бытовыя черты въ далекую древность, восхищаясь въ старомъ эпосѣ этимъ разнообразіемъ богатырскихъ типовъ, гдѣ находили мѣсто всякія сословія стараго русскаго народа и всякія стороны личныхъ характеровъ: едва ли не справедливѣе предположить, что этотъ нравоописательный элементъ не существовалъ въ древнихъ редакціяхъ былины и, напротивъ, былъ результатомъ позднѣйшаго эпическаго досужества, когда у пѣвцовъ уже не было новыхъ свѣжихъ темъ и оставалось варьировать, развивать и украшать старыя.

Укажемъ еще любопытное и вѣроятно справедливое соображеніе г. Дашкевича объ исторической основѣ знаменитой былины о томъ, какъ «не осталось на Руси богатырей». Объ этой исторической основѣ догадывались уже и прежде; новый изслѣдователь доказываетъ фактическими сопоставленіями, что былины о гибели богатырей относятся не къ чему иному какъ къ побоищу при Калкѣ. Богатыри погибли въ битвѣ съ татарами; даже въ тѣхъ варіантахъ былины, гдѣ упоминается «сила нездѣшняя», называются и татары; до куликовской битвы, калкское сраженіе было единственное, гдѣ русскія силы являлись нѣсколько сплоченными; лѣтопись относитъ именно къ этому

[1]) Дашкевичъ, стр. 23—26.

сраженію погибель множества сильныхъ богатырей. Былина создалась подъ впечатлѣніемъ этой битвы въ мрачныя времена татарскаго ига. «Народная поэзія,—говоритъ г. Дашкевичъ,—не знаетъ точной хронологіи и оставляетъ безъ вниманія теченіе лѣтъ. Во времена злой татарщины княженіе Владимира I представлялось въ народной памяти самымъ свѣтлымъ моментомъ прошлаго и продолжало быть притягательнымъ центромъ другихъ эпическихъ сказаній. Съ другой стороны, слушая пѣсни о славныхъ подвигахъ богатырей стараго времени и сравнивая съ нимъ холопство своего, народъ не разъ могъ задаваться вопросомъ, куда же дѣвались его старые защитники, его любимые герои, куда исчезла богатырская застава, бывшая нѣкогда на границахъ русской земли? Этотъ вопросъ нерѣдко вызывала суровая дѣйствительность, такъ неприглядно отличавшаяся отъ дней славы и силы. Отвѣтъ на него давало сказаніе о гибели всѣхъ лучшихъ богатырей русской земли въ битвѣ при Калкѣ. Тамъ должны были погибнуть и славные витязи Владиміра на ряду съ богатырями, дѣйствительно легшими въ ней... Народная память не различала рѣзко время, въ которое жили богатыри Владиміра, отъ момента калкскаго побоища: вѣдь и витязи Владиміра вели борьбу, по народнымъ сказаніямъ, съ Цареградомъ, съ идолищами, со зміями, быть можетъ также — съ печенѣгами и половцами» [1])...

Остановимся, наконецъ, на внѣшней сторонѣ древняго народно-поэтическаго обихода. Кто были авторы, носители и распространители эпической пѣсни? Старое преданіе называетъ «вѣщихъ» пѣвцовъ, которыхъ видимо ставитъ очень высоко: по всей вѣроятности, это были люди, не только знавшіе эпическія преданія, но и сами авторы пѣсенъ въ родѣ того, какъ доселѣ эпическое авторство живо въ Сербіи и Черногоріи, гдѣ бывало, что на другой день битвы о ней поется уже длинная, эпически законченная пѣсня, какъ у насъ до сихъ поръ самостоятельно варьируется былина и создаются новыя пѣсни въ олонецкомъ краѣ [2]). Первоначально такіе люди бываютъ сами свидѣтелями событій, они—члены дружины, въ средѣ которой совершаются и богатырскія событія. Сколько ни говорилось о «земскомъ» характерѣ былины, ея сюжеты вращаются исключительно на тэмахъ дружинныхъ и «земскій» элементъ сообщился ей только въ поздніе вѣка вслѣдствіе долгаго обращенія въ народѣ. Дру-

[1]) Тамъ же, стр. 32—41.

[2]) См. разсказы и самые сборники Рыбникова, Гильфердинга, Е. Барсова.

гими носителями преданій были, какъ мы упоминали, паломники, бывшіе посредниками въ передачѣ народно-христіанскихъ, часто апокрифическихъ сказаній и обычаевъ, и другіе странники по чужимъ землямъ, такъ же какъ чужіе пришельцы и торговые люди. Наконецъ, въ ряду пѣвцовъ и распространителей своихъ и чужихъ сказаній были скоморохи. Этимъ послѣднимъ г. Веселовскій посвятилъ недавно обширное изслѣдованіе, объясняющее ихъ роль въ связи съ судьбою этого любопытнаго класса въ Европѣ [1]).

Его исторію въ Европѣ возводятъ къ старинѣ классическаго міра, къ греко-римскимъ «мимамъ». Уже въ древности мимы являлись не только на театрѣ, но и на пирахъ и попойкахъ, на улицахъ и площадяхъ: они представляли разныя шутовскія и часто скандальныя сцены; они являются потѣшниками всякаго рода и между прочимъ вожаками медвѣдей. Упадокъ правильнаго театра увеличилъ ихъ значеніе, какъ общественныхъ увеселителей, но вмѣстѣ и понизилъ ихъ положеніе, такъ какъ они слишкомъ много вращались въ низменной средѣ и не отличались добрыми нравами. Вмѣстѣ съ тѣмъ сценическій шарлатанъ сблизился и смѣшивался съ шарлатанами другого рода— съ магами, кудесниками и знахарями, представителями отживавшаго языческаго культа. Отождествленіе мима, т.-е. шута, потѣшника, съ бывшимъ жрецомъ, колдуномъ и знахаремъ началось, вѣроятно, еще на классической почвѣ и продолжалось впослѣдствіи: въ этомъ двойственномъ значеніи въ старыхъ церковно-славянскихъ памятникахъ являются «скомрахъ» и «кудесникъ». Въ этихъ обоихъ смыслахъ, и какъ исполнители языческаго обычая, и какъ люди дурныхъ нравовъ, отвращавшіе народъ отъ благочестія, эти люди тѣмъ болѣе подвергались церковному осужденію, чтб не мѣшало народу любить ихъ представленія. На ряду съ запрещеніями соборовъ, свидѣтельства объ этихъ народныхъ увеселеніяхъ сохранились у писателей первыхъ вѣковъ христіанства, описывавшихъ празднованіе календъ, и любопытно, что въ этихъ обличеніяхъ встрѣчаются подробности, совершенно сходныя съ нашими святочными народными увеселеніями (напр., мимъ, бодающійся съ бараномъ, и нашъ «Антонъ», бодающійся съ козой). Послѣ паденія римской имперіи и древняго быта, въ ряду остатковъ его сохранились эти обычаи народнаго увеселенія: мимы и гистріоны являются

---

[1]) Разысканія въ области дух. стиховъ, VI—X, стр. 128—222: святочныя маски и скоморохи.

при дворахъ первыхъ германскихъ владѣльцевъ; они сохраняютъ остатокъ прежней организаціи, дѣйствуютъ и странствуютъ обществами и носятъ свои греко-римскія названія, изъ которыхъ, мало-по-малу, образовались ихъ средневѣковыя названія (напр., jongleur изъ joculator). Издавна они отличались своимъ особымъ костюмомъ: въ Германіи «шпильманы» должны были стричь волосы и бороду (которые считались украшеніемъ свободнаго человѣка) и носить короткое платье; наши старые лѣтописцы также говорятъ презрительно о «кротополіи» скомороховъ. «Безправные юридически, — говоритъ г. Веселовскій, — гонимые церковью, эти бродячіе пѣвцы были тѣмъ не менѣе вхожи въ народъ, являлись на его игрища, свадьбы, пиры, турниры, похороны и т. п.; носители культурнаго преданія, чуждаго, заповѣднаго и вмѣстѣ близкаго по уровню къ духовному кругозору народа, эти потѣшные люди не могли не повліять на его содержаніе; къ ихъ почину восходитъ, быть можетъ, не одна заговорная формула, сложившаяся на почвѣ римско-византійскаго міра и доживающая свой вѣкъ въ сѣверной Европѣ» [1]). Одни пристроивались при дворахъ, какъ забавники и исполнители разныхъ порученій (почему и церковно-славянское «глумецъ» означаетъ и mimus, и nuntius); другіе вели бродячую жизнь, ходили въ одиночку и цѣлыми толпами, какъ и наши скоморохи. По старому провансальскому описанію, жонглёръ, какъ, вѣроятно, и нашъ скоморохъ, долженъ умѣть играть на разныхъ инструментахъ, вертѣть на двухъ ножахъ мячи, показывать маріонетокъ, прыгать черезъ четыре кольца; онъ надѣваетъ рыжую приставную бороду, чтобы пугать дураковъ, пріучаетъ собаку стоять на заднихъ лапахъ, водитъ обезьянъ, потѣшаетъ зрителей смѣшнымъ изображеніемъ человѣческихъ слабостей, ходитъ по канату; вмѣстѣ они разыгрываютъ шутовскія сцены и т. д.; наконецъ, они поютъ пѣсни и разсказываютъ исторіи. Это, вѣроятно, во многомъ совпадало и съ репертуаромъ русскихъ скомороховъ.

Въ древней Руси люди подобнаго рода извѣстны были подъ различными наименованіями, отчасти, видимо, народными, отчасти книжными, которыя не легко распредѣлить по смыслу, такъ какъ часто они бываютъ однозначительны. Такъ, любопытно, что уже въ древне-славянскомъ переводѣ «Кормчей» греческое слово, означающее мима или плясуна, переведено нѣмецкимъ словомъ «шпильманъ», которое Востоковъ относилъ къ X — XI вѣку.

---

[1]) Разысканія, VI—X, стр. 153.

Очевидно, что это слово могло быть поставлено здѣсь только по живому употребленію. Далѣе въ подобномъ смыслѣ ставятся названія: игрецъ, плясецъ, глумецъ, ликственникъ и друг. и, наконецъ, наиболѣе употребительное въ старомъ и средне-русскомъ языкѣ слово: «скомрахъ» или въ русской формѣ «скоморохъ». Слово «шпильманъ» впослѣдствіи выходитъ изъ употребленія или ставится въ формѣ «шпиль», изъ котораго потомъ вышло слово «шпынь», въ смыслѣ шута, потѣшника. Слово «скоморохъ», издавна принадлежавшее къ народному языку, до сихъ поръ служитъ предметомъ ученыхъ недоумѣній: для него пріискивались различныя словопроизводства, которыя снова отвергались другими [1]). Упоминанія о скоморохахъ начинаются очень рано, еще съ XI столѣтія [2]).

Затѣмъ извѣстія о нихъ не прерываются въ лѣтописи, въ грамотахъ, церковныхъ обличеніяхъ, которыя у насъ, какъ въ Византіи и въ западной Европѣ, строго карали ихъ за безстыдное отвлеченіе народа отъ благочестія. Почти всегда они упоминаются не въ одиночку, а толпой, бродячей артелью, которая уже творила насилія надъ сельскими жителями. Скоморохи, повидимому, были весьма обычными людьми въ древней Руси: о нихъ не рѣдко говоритъ народная пословица; о нихъ нашли нужнымъ упоминать и иностранные путешественники по Россіи,— на рисункѣ у Олеарія изображены представленія скомороховъ; о нихъ знаетъ и эпосъ былинъ, какъ увидимъ.

Итакъ, происхожденіе скомороховъ подъ этимъ ихъ именемъ остается неясно; бывали, безъ сомнѣнія, свои туземные потѣшники и весельчаки, но, судя по тому, что уже издавна люди этого рода обозначаются и чужимъ названіемъ [3]), и что лѣтописецъ

---

[1]) Разысканія, стр. 179—183. Веселовскій, кажется, не имѣлъ въ виду толкованія, предложеннаго г. Голубинскимъ, который находитъ источникъ имени скомороха въ народномъ греческомъ skommarchos. Ист. русск. церкви, т. I, полов. 2-я, стр. 755, прим.

[2]) Древнѣйшее упоминаніе въ лѣтописи подъ 1067 г. Объясняя, что нашествія иноплеменниковъ (половцевъ) бываютъ въ наказаніе отъ Бога за грѣхи, лѣтописецъ говоритъ о народныхъ языческихъ суевѣріяхъ: „но сими дьяволъ льститъ, и другыми нравы, всячьскыми лестьми превабляя ны отъ Бога—трубами и скоморохы, гусльми и русальи“ и проч. (Лаврент. лѣт., стр. 73). Свѣденія изъ лѣтописей и актовъ собраны были Ильею Бѣляевымъ (во „Временникѣ“ моск. общ. ист. и древн.) и теперь у Веселовскаго.

[3]) Выше мы привели слово „шпильманъ“ въ старомъ языкѣ; въ языкѣ новомъ распространены другія названія потѣшниковъ, также взятыя изъ чужихъ языковъ, напр.: „гаеръ“ (съ нѣмецкаго Geiger), „фокусникъ“, „паяцъ“ (французскій paillasse), „балагуръ“ (?), наконецъ, и самый „Петрушка“, переведенный съ Pierrot.

приписываетъ имъ латинскій костюмъ и «кротополье», т.-е. короткую одежду, надо полагать, что это бывали и захожіе люди, которые приходили, вѣроятно, и съ юга, и съ запада [1]). Судя по старымъ описаніямъ, въ обиходѣ ихъ искусства было очень много сходнаго съ искусствомъ ихъ западныхъ собратій; отъ иноземцевъ научались, конечно, и свои домашніе потѣшники, какъ, наоборотъ, русскіе вожаки медвѣдей въ XVI столѣтіи попадали въ западную Европу. Нѣкоторыя шутовскія пѣсни, до сихъ поръ уцѣлѣвшія въ обращеніи, могли принадлежать къ репертуару скомороховъ, какъ, вѣроятно, и тѣ пѣсни изъ сборника Кирши Данилова, которыя не вошли въ свое время въ печатное изданіе и, къ сожалѣнію, потеряны. Не безъ основанія думаютъ, что именно скоморохи бывали немаловажными посредниками въ передачѣ поэтическихъ сказаній отъ одного народа къ другому.

Скоморохи являются иногда дѣйствующими лицами въ нашей былинѣ, наприм., въ извѣстной былинѣ о гостѣ Терентьищѣ, которая своимъ сюжетомъ напоминаетъ fabliaux. Добрыня возвращается изъ долгой отлучки къ женѣ, переодѣтый скоморохомъ; скоморохъ является пѣвцомъ, и притомъ пѣвцомъ, знающимъ разныя иностранныя манеры игры и пѣсни:

„Струну натягивалъ будто отъ Кіева,
Другу отъ Царя-града,
И третью отъ Еросолима,
Тонцы онъ повелъ-то великіе,
Припѣвки-то онъ припѣвалъ изъ-за синя-моря“.

или по другому варіанту:

„Первый разъ игралъ отъ Царя-града,
Другой разъ отъ Іерусалима,
Третій разъ сталъ поигрывати,
Все свое похожденіе разсказывати“.

Въ другой былинѣ говорится о Ставрѣ:

„Сыгришъ сыгралъ Царя-града,
Тонцы навелъ Іерусалима,
Величалъ князя со княгинею,
Сверхъ того игралъ еврейской стихъ“.

Эти и подобныя подробности самой былины указываютъ на объемъ нашей старой эпической поэзіи и вмѣстѣ свидѣтель-

---

[1]) Отъ XVII столѣтія извѣстны фактическія указанія на нѣмецкихъ скомороховъ (канатный плясунъ-нѣмчинъ въ 1629 году). См. Ровинскаго, „Рус. нар. картинки“, IV, стр. 392.

ствують объ участіи захожихъ скомороховъ въ сложеніи эпоса и того народнаго обряда, который подвергался суровымъ осужденіямъ церкви.

X.

Мы не останавливались на внѣшнихъ историческихъ событіяхъ древняго періода, на княжескихъ и вѣчевыхъ отношеніяхъ, на фактахъ быта, управленія, торговли и т. п., считая ихъ болѣе или менѣе извѣстными; мы имѣли въ виду указать нѣкоторыя черты, отличавшія внутреннюю жизнь, судьбу народныхъ понятій, склада народно-поэтическаго творчества. Мы видѣли, что въ объясненіи этой внутренней жизни до сихъ поръ недостаетъ еще многихъ изслѣдованій, которыя установили бы точное пониманіе даже тѣхъ фактовъ, о какихъ говоритъ положительная исторія. Таковы, напр., вопросы о древней миѳологіи, о переходѣ народа отъ язычества къ христіанству, объ этнологическомъ составѣ русскаго племени въ древнемъ періодѣ, объ иноземныхъ связяхъ, о древнемъ состояніи народнаго эпоса и т. д. Неудивительно, что по этимъ и подобнымъ вопросамъ существуютъ самыя противоположныя мнѣнія и еще ведутся оживленные споры.

Что же можно сказать о характерѣ древней русской народности, насколько онъ доступенъ историческому наблюденію? Опредѣлять «народный характеръ» бываетъ трудно даже тамъ, гдѣ мы имѣемъ предъ собой вполнѣ сложившіяся націи, и тѣмъ болѣе трудно для далекихъ и темныхъ временъ, когда еще только возникали и не успѣли окрѣпнуть условія историческаго развитія, когда въ самомъ народѣ совершался еще процессъ этнологическаго формированія и жизнь складывалась среди трудной исторической обстановки. Въ опредѣленіи народнаго характера, бываетъ всегда не легко разобраться въ необозримой массѣ явленій, которыя съ одной стороны несомнѣнно идутъ отъ самаго антропологическаго типа и условій внѣшней природной обстановки, съ другой—составляютъ результатъ историческаго опыта, приносящаго новыя знанія, бытовыя формы и стремленія; явленій постоянныхъ и органическихъ, или случайныхъ и временныхъ. Трудно указать и народныя «свойства», которыя могутъ существовать, но могутъ не проявляться и, подавленныя въ одинъ историческій моментъ, могутъ раскрыться и возобладать въ другой... Наши историки и общественное мнѣніе до сихъ поръ, напр., не могутъ окончательно уразумѣть личности Петра

Великаго и его реформы: какъ согласить то и другое съ тѣмъ мелочно консервативнымъ строемъ жизни, изъ котораго они вышли? Чѣмъ они были для послѣдующей исторіи? Когда одни видятъ въ характерѣ и дѣлѣ Петра именно глубочайшее выраженіе національнаго характера, другіе проклинаютъ ихъ какъ измѣну народу. На этотъ разъ, мы имѣемъ возможность исторической провѣрки. Въ той части народа, на которую простиралось дѣйствіе реформы (путемъ образованія), на мѣсто стараго темнаго консерватизма высказалось несомнѣнное стремленіе къ новому знанію и преобразованію жизни, обнаружившееся у людей всѣхъ слоевъ и общественныхъ положеній, и послѣдствіями реформы были громадное новое развитіе государства и широкая просвѣтительная дѣятельность самого общества. Очевидно, что здѣсь только вышли наружу издавна принадлежавшія народу, но таившіяся подъ давленіемъ обстоятельствъ свойства: какъ скоро давленіе было снято, эти свойства сказались замѣчательнымъ проявленіемъ умственныхъ силъ и практическаго творчества. Этотъ великій историческій примѣръ указываетъ ясно, что народныя силы могутъ существовать и въ явномъ, и въ скрытомъ состояніи, что счастливыя условія даютъ имъ просторъ, и наоборотъ, обстоятельства неблагопріятныя подавляютъ ихъ дѣйствіе. Продолжительное существованіе неблагопріятныхъ условій, очевидно, должно дѣйствовать на народный характеръ и способности угнетающимъ образомъ: бездѣятельность способна ослаблять и заглушать эти способности. Такимъ образомъ, историческія условія прямо вліяютъ на народный характеръ, развивая или подавляя народныя способности, давая то или другое направленіе нравственному складу народа.

Въ этомъ смыслѣ нашимъ историкамъ уже представлялась мысль о различіи древняго и средняго періода нашей исторической жизни. И дѣйствительно, различенъ былъ весь обликъ историческаго движенія: въ древнемъ періодѣ быстрое завоевательное и колонизаціонное расширеніе племени, воинственная предпріимчивость, героическое удальство князей и дружины, свободная вѣчевая жизнь народа, широкія иноземныя связи, культурная воспріимчивость, своеобразное поэтическое творчество. Въ послѣдующемъ періодѣ, подъ тяжелымъ гнетомъ полудикой орды, послѣ страшныхъ національныхъ потерь, эти свободныя движенія народной природы видимо падаютъ, на мѣсто прежнихъ международныхъ связей становится крайняя національная исключительность и религіозная нетерпимость народа, отдѣленнаго и отдѣлявшагося китайской стѣной отъ сосѣдей и—ихъ знаній;

прежнія народныя учрежденія падаютъ: въ народномъ характерѣ сказывается порча, народно-поэтическое творчество вращается на старыхъ эпическихъ преданіяхъ и не дѣлаетъ никакихъ попытокъ къ литературному развитію, чему, однако, полагалось начало въ древности. Государство складывалось въ восточныхъ формахъ, и его сила не вознаграждала недостатка въ просвѣтительныхъ средствахъ и въ воспитаніи народнаго характера. Въ новомъ центрѣ государственной жизни образовывался новый оттѣнокъ племенного типа и народности, который едвали можно смѣшать съ чертами народнаго характера въ старомъ періодѣ.

Русское племя позднѣе новыхъ западныхъ народовъ выступило на историческую сцену, и это обстоятельство, давно указываемое историками, дѣйствительно было одной изъ важныхъ причинъ различія въ ихъ культурной судьбѣ. Тамъ, варварскія стихіи многими вѣками раньше примкнули къ преданіямъ античной цивилизаціи и подъ ихъ вліяніемъ раньше начали собственную работу. Русскій народъ слагался позднѣе и уже на первыхъ порахъ долженъ былъ потратить много силъ на борьбу съ неизвѣстными западной Европѣ элементами варварства восточнаго и также на ихъ ассимиляцію.

Это былъ историческій фатумъ, падавшій на народъ безъ его воли и выбора; но существенно было то,—и въ этомъ проявлялась уже его собственная природа,—что въ этихъ условіяхъ онъ уже въ древнемъ періодѣ показалъ себя народомъ европейскимъ, съ положительными инстинктами европейскаго просвѣщенія. Таково было принятіе христіанства и стремленіе къ образованію; таковы были общественные и личные идеалы свободы, героической доблести, христіанскаго благочестія. Много было говорено о различіи между русскимъ и западными народами въ основаніи государства (путемъ добровольнаго призыва власти, а не путемъ завоеванія), объ отсутствіи у насъ феодализма и т. п., но теперь, кажется, уже возобладало представленіе, что напротивъ, наши древнія государственныя формы (княжеская власть, вѣчевое право, формы суда и пр.) были тѣ же европейскія, только въ болѣе ранней ступени ихъ образованія. Словомъ, въ русскомъ народѣ мы видимъ историческій народъ съ европейскимъ характеромъ и стремленіями, но поставленный въ особыя условія внѣшней судьбы.

«Народность» стараго періода не представляла еще единаго цѣлаго: Кіевъ, Новгородъ, сѣверо-востокъ представляли различія и по племенамъ, еще не довольно объединеннымъ, и по сте-

пени культурности; но основной складъ былъ одинъ, и единство русской христіанской земли было общимъ идеальнымъ представленіемъ. Древній періодъ является героическимъ періодомъ народной жизни, которому и дѣйствительно соотвѣтствуетъ древній героическій слой нашей былины.

Состояніе русской культуры въ древнемъ періодѣ оцѣнивалось нашими историками весьма различно. Одни ставили его весьма не высоко, напр., Соловьевъ. Разсматривая бытовые факты, представляемые «Русской Правдой» и лѣтописью, онъ извлекаетъ изъ нихъ заключеніе о большой дикости нравовъ. «Кровавая месть, частая возможность убійства въ ссорѣ, на пирахъ, поступки Игоря съ древлянами и древлянъ съ нимъ, мщеніе Ольги, умноженіе разбоевъ при Владимірѣ, поступки Добрыни въ Полоцкѣ съ семьею Рогволода, потомъ съ Ярополкомъ, поведеніе Святополка—вотъ нравы языческаго общества. Скорость къ обидѣ и скорость къ мести, преобладаніе физическихъ стремленій, мало сдерживаемыхъ религіозными и нравственными законами; сила физическая на первомъ планѣ — ей весь почетъ, всѣ выгоды; богатырь, котораго сила доведена въ народномъ воображеніи до чудовищныхъ размѣровъ — вотъ герой эпохи. Въ битвахъ личная, матеріальная сила преобладаетъ, отсюда видимъ частыя единоборства, въ которыхъ оружіе не употребляется» [1]. Русскій народъ представляется историку полу-кочевымъ: переселенія совершались очень легко; кіевляне говорили Ярославичамъ, что они зажгутъ свой городъ и уйдутъ въ Грецію; «наши деревянные города представляли переходъ отъ вежи половца и торчина къ каменнымъ городамъ западной Европы, и народонаселеніе древней Руси, не смотря на свою осѣдлость, не могло имѣть сильной привязанности къ своимъ деревяннымъ, не прочнымъ городамъ, которые не могли рѣзко отличаться другъ отъ друга; природа страны была также одинакова (?), вездѣ былъ просторъ» [2]. Но западные нравы начала среднихъ вѣковъ (съ которыми правильно было бы сравнивать древнюю Русь) не были мягче; наши города остаются деревянными и до сихъ поръ; условія простора даны были природой и малолюдствомъ, — но тонъ жизни все-таки не былъ ни кочевой, ни азіатскій. Историкъ замѣчаетъ далѣе, что грубый пріемъ единоборства предпочитаютъ особенно восточные варвары [3]), печенѣги, вызывающіе русскаго на

[1]) Исторія Россіи, I, стр. 240.

[2]) Тамъ же, III, стр. 57.

[3]) Припомнимъ, однако, еще одинъ вызовъ на единоборство, сдѣланный Цимисхіемъ и отвергнутый Святославомъ.

единоборство, касожскій князь Редедя; но въ борьбѣ высказываются характеристическія черты обѣихъ сторонъ: со стороны Азіи выходитъ громадный печенѣгъ, со стороны Руси Янъ Усмошвецъ, который обыкновенностью своего вида вызываетъ насмѣшки великана; Мстиславъ побѣждаетъ своего противника духовнымъ качествомъ—вѣрой; высшую богатырскую природу выставляетъ Европа въ лицѣ Святослава. «При господствѣ матеріальной силы, при необузданности страстей, при стремленіи юнаго общества къ расширенію, при жизни въ постоянной борьбѣ, въ постоянномъ употребленіи матеріальной силы—нравы не могли быть мягки; когда силою можно взять все, когда право силы есть высшее право, то, конечно, сильный не будетъ сдерживаться предъ слабымъ: «съ дружиною пріобрѣту серебро и золото», говоритъ Владиміръ, и тѣмъ указываетъ на главное, вѣрнѣйшее средство къ пріобрѣтенію серебра и золота; они пріобрѣтались оружіемъ, пріобрѣтались сильнымъ на счетъ слабаго». Эти дружинныя, эпическія черты не были принадлежностью однихъ русскихъ; точно также онѣ долго властвовали въ жизни западно-европейской, въ самомъ рыцарствѣ. Лѣтопись даетъ еще болѣе сильныя свидѣтельства о грубости древней жизни, когда разсказываетъ о бытѣ разныхъ русскихъ племенъ, стоявшихъ видимо на самой грубой степени развитія.—Не будемъ приводить извѣстныхъ взглядовъ г. Костомарова, по мнѣнію котораго древнѣйшая исторія наша была исторіей разбойничьей шайки, занимавшейся обирательствомъ славяно-русскихъ племенъ.

Другіе историки выносятъ болѣе благопріятныя впечатлѣнія о состояніи древней жизни. Не сомнѣваясь, что начало писанной исторіи не было началомъ русской народной культуры, они видятъ, напротивъ, замѣчательное развитіе народнаго промысла, торговли, стремленіе къ общественной организаціи и просвѣщенію; дѣятельность самихъ князей-завоевателей кажется имъ выполненіемъ ясно сознаваемой цѣли народнаго интереса, какъ напр., самое богатырство Святослава. Это представленіе дѣла кажется болѣе близкимъ къ истинѣ. Несторова лѣтопись, разсказывая (въ концѣ XI и началѣ XII столѣтія) о дикости русскихъ племенъ, кромѣ полянъ, безъ сомнѣнія, говоритъ о старинѣ, хотя современная дѣйствительность не была лишена примѣровъ первобытной грубости; и рядомъ съ этой картиной варварства мы имѣемъ обильные факты, указывающіе на значительное развитіе матеріальной культуры и на проявленія разумной человѣчности. Сосѣдство съ Византіей издавна оказывало свое вліяніе: если и оставить въ сторонѣ темное преданіе о «русскомъ

евангелія», которое найдено было Кирилломъ въ Корсуни въ IX столѣтіи, остается фактомъ раннее проникновеніе христіанства въ русскую среду. Въ договорѣ Игоря русскіе христіане являются уже признанной частію дружины и народа: у нихъ была своя церковь въ Кіевѣ, въ церкви было, конечно, богослуженіе и необходимыя для него книги; т.-е. великое нравственное и просвѣтительное начало вступало въ русскую жизнь независимо отъ воли князей, долго еще отвергавшихъ его, вступало по собственному пониманію и выбору этихъ первыхъ прозелитовъ. Прочное усвоеніе христіанства, отразившееся въ учрежденіяхъ, бытѣ, литературѣ, народной поэзіи, указываетъ, что для всего этого была воспріимчивая почва.

Въ общемъ, положеніе народной культуры представляло, конечно, тѣ же неровности, тѣ же различныя ступени и противорѣчія, какія можно наблюдать даже и въ настоящее время: были дикія захолустья, куда едва проникала культура и самое христіанство; были оживленные центры, гдѣ сходилась бойкая народная жизнь, гдѣ пускали корень образованіе и искусство, гдѣ шли дѣятельныя сношенія съ болѣе развитымъ иноземнымъ міромъ юга и запада. Здѣсь наиболѣе высказывался народный характеръ, свободолюбивая городская жизнь, смѣлая предпріимчивость, торговая и промышленная дѣятельность, поэтическая религіозность, положившая основаніе новому эпическому творчеству и свободная отъ узкой исключительности послѣдующихъ временъ. «Больше всего чтите гостя,—говорилъ Мономахъ въ знаменитомъ поученіи,—откуда бы онъ къ намъ ни пришелъ, добрый или простой человѣкъ, или посолъ; не можете одарить его, угостите хорошенько, напойте, накормите; гость по всѣмъ землямъ прославляетъ человѣка либо добрымъ, либо злымъ». Авторъ Слова о полку Игоревѣ даетъ чрезвычайно любопытное указаніе, до сихъ поръ не разъясненное, но безъ сомнѣнія правдивое: «нѣмцы и венеціанцы, греки и морава воспѣваютъ славныя дѣянія Святослава»; теперь, съ новыми изслѣдованіями все болѣе начинаютъ подтверждаться эти древнія связи русскаго міра съ европейскимъ югомъ и западомъ. Слова Мономаха говорятъ о духѣ общенія съ другими народами, особливо, вѣроятно, европейскими, какъ въ числѣ своихъ героевъ, былина считаетъ и западныхъ иноземцевъ, и какъ вообще старый русскій эпосъ по новымъ изысканіямъ является важнымъ звеномъ въ развитіи средневѣковой западно-европейской эпопеи.

А. Пыпинъ.

ФРАНЦУЗСКІЙ РОМАНЪ
въ 1884 г.

A. Daudet, „Sapho". — E. de Goncourt, „Chérie".—E. Zola, „La joie de vivre".

Первое мѣсто, завоеванное Франціей, лѣтъ десять-пятнадцать тому назадъ, въ области романа, остается за нею безспорно и въ истекающемъ году. Толпа подражателей, послѣдователей, поклонниковъ, попрежнему идетъ за Додэ, Зола, Гонкуромъ; за ними слѣдуетъ и масса читающей публики. Одной модѣ этого приписать нельзя, хотя небольшая доля вліянія должна быть признана и за нею. Перевѣсъ свѣжести, силы, ширины размаха продолжаетъ быть на сторонѣ французскихъ романистовъ; двое изъ нихъ — Додэ и Зола — отличаются, вдобавокъ, производительностью, свободною отъ всякаго ремесленнаго оттѣнка. Вниманіе къ нимъ поддерживается постоянно; еще не успѣетъ исчезнуть впечатлѣніе, вызванное однимъ ихъ романомъ, какъ уже выступаетъ на сцену другой, въ свою очередь дѣлающійся событіемъ минуты. Не повторяя самихъ себя, вожди новой французской школы не повторяютъ и другъ друга. Каждый изъ нихъ имѣетъ свою оригинальную авторскую физіономію, каждый идетъ своей дорогой, говоритъ своимъ языкомъ, преслѣдуетъ свои особыя цѣли. Реалистами они могутъ быть названы всѣ, но только въ самомъ общемъ смыслѣ слова; они всѣ стремятся къ точному наблюденію и вѣрному изображенію дѣйствительности, но въ исполненіе этой задачи вносятъ самые различные пріемы. Никогда, можетъ быть, своеобразность каждаго изъ трехъ кори-

феевъ современнаго французскаго романа не выражалась такъ ярко, какъ въ послѣднихъ ихъ произведеніяхъ, появившихся въ свѣтъ почти въ одно и то же время и давно уже извѣстныхъ русскимъ читателямъ.

«Сафо» Додэ—романъ рѣшительно и откровенно тенденціозный; его можно назвать даже морализирующимъ, дидактическимъ. Онъ посвященъ сыновьямъ автора, «когда они достигнутъ двадцати лѣтъ»; съ такимъ же точно правомъ его можно было бы посвятить всей современной молодежи, французской и не-французской. Ультра-натуралистическій кодексъ проповѣдуетъ полный нейтралитетъ романиста, запрещаетъ ему говорить отъ собственнаго имени, предписываетъ ему тщательно прятаться за дѣйствіемъ и дѣйствующими лицами. Додэ игнорируетъ всѣ эти требованія; не довольствуясь систематическимъ подборомъ фигуръ и фактовъ, онъ прямо формулируетъ практическій выводъ, къ которому они приводятъ. Де-Поттеръ, даровитый композиторъ, безсильный освободиться отъ унизительнаго рабства, въ которомъ держитъ его отцвѣтшая, грубая, пошлая Роза Санкезъ, разсказываетъ герою романа печальную исторію своего двадцатилѣтняго плѣна, — разсказываетъ ее на берегу рѣки, за черной работой, навязанной ему взбалмошною его госпожею. «Мимо нихъ, — читаемъ мы вслѣдъ за этимъ разсказомъ, — проѣзжали лодки, набитыя студентами и женщинами, полныя пѣсенъ, пьянаго веселья и молодого смѣха; *какъ многимъ изъ числа этихъ беззаботныхъ слѣдовало бы остановиться, прислушаться къ ужасному уроку!*» Это восклицаніе автора—смертный грѣхъ противъ новоявленныхъ реалистическихъ скрижалей; намъ оно кажется не чѣмъ инымъ, какъ совершенно законнымъ протестомъ противъ избытка регламентаціи. Остановимся на этомъ вопросѣ нѣсколько подольше; его ставитъ ребромъ не только натуралистическая школа, въ лицѣ Зола и золаистовъ, — французскихъ, итальянскихъ и русскихъ, — но и молодая нѣмецкая критика, далекая отъ преклоненія передъ золаизмомъ. Представителями послѣдней могутъ служить братья Гартъ, выпустившіе въ свѣтъ, въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ, цѣлую серію бойко написанныхъ брошюръ, подъ общимъ заглавіемъ: «Kritische Waffengänge». Въ одной изъ нихъ, посвященной Шпильгагену, мы находимъ цѣлую теорію обязательнаго и безусловнаго объективизма, внѣ котораго нѣтъ и не можетъ быть спасенія для романа. Неумолимо послѣдовательные теоретики отыскиваютъ и казнятъ ненавистный имъ субъективизмъ даже въ формахъ рѣчи,

въ отдѣльныхъ фразахъ. Если въ романѣ сказано, напримѣръ: «есть слуги, которые сообщаютъ дому извѣстный характеръ, по которымъ можно составить себѣ понятіе о самихъ хозяевахъ», то романисту дѣлается строгій выговоръ; ему слѣдовало бы, по мнѣнію критиковъ, выразиться такимъ образомъ: «характеръ дома отражался уже въ слугѣ, по которому можно было составить себѣ понятіе о хозяевахъ». Вмѣсто размышленія: «часто повторенные удары научаютъ молчаливости», нужно было сказать въ повѣствовательномъ тонѣ: «часто испытавъ удары, онъ научился молчаливости». «Эпосу, — утверждаютъ гг. Гартъ,— свойственно прошедшее время (die Form der Epik ist das Imperfekt); настоящая его почва — конкретный случай. Вывести изъ этого случая общее правило—дѣло читателя; рефлектирующій поэтъ воспитываетъ умственно-лѣнивыхъ, несостоятельныхъ читателей». Въ этихъ разсужденіяхъ, какъ и въ предшествующихъ имъ примѣрахъ, теорія объективизма доведена до абсурда,—доведена до него не вслѣдствіе логической ошибки авторовъ, а вслѣдствіе истинно-нѣмецкой ихъ основательности [1]). Въ послѣднемъ счетѣ требованія объективистовъ коренятся именно на почвѣ грамматики или реторики; подобно Кальвину, заканчивающему свою реформаторскую дѣятельность сожженіемъ Серве, мятежные отрицатели старыхъ правилъ обращаются въ школьныхъ учителей и провозглашаютъ господство формализма. И въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ, кромѣ формализма, можно объяснить войну противъ Praesens во имя Imperfectum, противъ перваго лица во имя третьяго? Не все ли равно, выражаетъ ли романистъ поразившую его мысль прямо отъ себя или устами одного изъ своихъ героевъ, вводитъ ли онъ ее въ составъ разсказа или высказываетъ ее мимоходомъ, въ видѣ афоризма? Предписаніе, открыто формулируемое нѣмецкими критиками, но вытекающее, въ сущности, изъ положеній, общихъ всѣмъ приверженцамъ объективизма, напоминаетъ страуса, прячущаго голову подъ крыло и думающаго, что его никто не видитъ. Роль крыла играетъ здѣсь форма рѣчи, непрозрачная развѣ только для очень сильной близорукости. Не нужно большого усилія ума, чтобы между строками фразы: «часто испытавъ удары, онъ научился молчаливости», прочитать мнѣніе автора объ одномъ изъ источниковъ

[1]) Авторы „Критическихъ походовъ“ — писатели, безспорно, даровитые; въ reductio ad absurdum, до которой они доходятъ, мы видимъ только результатъ прямолинейности, часто свойственной литературнымъ дебютантамъ.

молчанія. Самый строгій систематикъ эпическаго безстрастія и безпристрастія не откажется признать за романистомъ право группировать, освѣщать факты съ такимъ разсчетомъ, чтобы достигнуть ими извѣстнаго, опредѣленнаго эффекта. Еслибы Додэ, въ приведенномъ нами мѣстѣ «Sapho», ограничился тѣмъ, что заставилъ бы лодки съ веселой, разгульной молодежью появиться на сцену какъ-разъ во время разсказа де-Поттера, никто не вмѣнилъ бы ему этого въ вину; такіе контрасты встрѣчаются сплошь и рядомъ и у Зола, и у Флобера. А между тѣмъ, читателямъ несомнѣнно была бы подсказана, почти навязана та самая мысль, которая у Додэ вылилась въ патетическое восклицаніе. Неужели разница между обоими способами выраженія такъ велика, чтобы изъ-за нея стоило поднимать шумъ, толковать о нарушеніи законовъ искусства?.. Говорятъ о просторѣ, который долженъ быть оставленъ для самодѣятельности читателей, о необходимости поддерживать иллюзію, несовмѣстную съ прямымъ вмѣшательствомъ автора. Но развѣ чтеніе романовъ—нѣчто въ родѣ умственной гимнастики, развѣ оно имѣетъ цѣлью развитіе догадливости и сообразительности? Что касается до иллюзіи, то не въ ней заключается условіе и источникъ дѣйствія, производимаго романомъ. Романъ—не театральное представленіе, вся обстановка котораго направлена къ тому, чтобы зритель забылъ о дѣйствительности; если успѣху драматической сцены можетъ повредить взглядъ, брошенный за кулисы, то отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы такая же опасность угрожала и роману. Дѣло не въ томъ, чувствуютъ ли читатели романа присутствіе автора,—дѣло въ томъ, *какъ* они его чувствуютъ. Это вопросъ мѣры, вопросъ такта, а не вопросъ принципа. Само собою разумѣется, что безпрестанный перерывъ разсказа разсужденіями, связанными съ нимъ, вдобавокъ, на живую нитку, не можетъ не вліять охлаждающимъ образомъ на читателей—но вѣдь точно также могутъ вліять на нихъ и крайности противоположнаго метода: мелочность детальныхъ описаній, изысканно-сухой тонъ, совершенное отсутствіе психологическаго элемента. Точныхъ границъ между различными областями искусства нѣтъ и быть не можетъ; сквозь эпическую оболочку романа всегда будутъ прорываться — не уменьшая однимъ этимъ его цѣны—лирическія отступленія, юмористическія замѣтки, философскіе взгляды. Торжеству объективизма мѣшаетъ—и будетъ мѣшать — то избытокъ чувства (Диккенсъ), то преданность идеѣ (Ж. Зандъ, Шпильгагенъ), то сильно развитая сати-

рическая жилка (Тэккерей). Скажемъ болѣе: есть писатели, соединяющіе въ себѣ, повидимому, всѣ условія для объективнаго творчества — сдержанные, спокойные, свободные отъ увлеченій, не принадлежащіе ни къ какой партіи, взвѣшивающіе, чеканящіе и шлифующіе каждое слово, — и все-таки далеко не всегда исчезающіе безслѣдно въ своей книгѣ. Любопытнымъ примѣромъ этому служитъ послѣдній романъ Эдмона Гонкура — «Chérie».

Если отношеніе ультра-реалистической школы къ Додэ нѣсколько отзывается терпимостью, если она не столько признаетъ его *своимъ*, сколько зачисляетъ его, on sufferance, въ свою свиту, то о Гонкурѣ этого сказать никакъ нельзя; ему отводится мѣсто между первостепенными созвѣздіями школы, рядомъ съ Стендалемъ и Бальзакомъ, съ Зола и Флоберомъ. И что же? Вставокъ, идущихъ отъ самого автора, въ «Chérie» гораздо больше, чѣмъ въ какомъ бы то ни было романѣ Додэ. Здѣсь отводится цѣлая страница даннымъ и размышленіямъ, касающимся критическаго періода въ физическомъ развитіи парижскихъ дѣвочекъ; тамъ разсказъ прерывается диссертаціей о значеніи модъ въ парижской промышленности, о значеніи туалета въ жизни женщины; дневнику Шери предпосылается длинное авторское предисловіе, трактующее о *влюбленности* (amourette), какъ о психологическомъ курьезѣ. Этого мало: рядомъ съ остановками, съ отступленіями, съ личными оговорками (oserai-je le dire, ce qu'on ne croirait guère и т. п.), мы встрѣчаемъ у Гонкура совершенно открытое выраженіе чувствъ, питаемыхъ имъ къ героинѣ романа, встрѣчаемъ даже ея защиту отъ воображаемыхъ нападеній. Сравнивъ Шери съ такъ называемымъ article de Paris, авторъ заранѣе протестуетъ противъ возможныхъ выводовъ изъ этого сравненія. «Развѣ женщина, — восклицаетъ онъ, — только тогда заслуживаетъ быть любимой, когда она — выразимъ нашу мысль непочтительно — обладаетъ умомъ мужеподобнымъ (une intelligence hommasse)? Нѣтъ, женщина гораздо болѣе привлекаетъ насъ женскими качествами ума, остроумной веселостью, игривой ироніей, наблюдательностью болѣе тонкой чѣмъ глубокой, мечтательною воспріимчивостью къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ, красивыми словами, отражающими въ себѣ истинно женскія ощущенія, непредвидѣннымъ, оригинальнымъ проявленіемъ антипатіи или энтузіазма—однимъ словомъ, такими выраженіями мысли, въ которыхъ чувствуется грація, прелесть, даже нервность женской натуры. Не очаровательно ли иногда, Боже мой, даже невѣжество цивилизованной женщины — да, невѣже-

ство, съ его наивно-вопрошающимъ взглядомъ?» Болѣе явнаго пренебреженія правилами, предписываемыми теоріей натурализма, нельзя себѣ и представить; *такое* неповиновеніе, идущее изъ *такого* источника, достаточно для полнаго дискредитированія закона. Измѣна въ собственномъ лагерѣ всегда опаснѣе, чѣмъ нападеніе извнѣ. Съ нашей точки зрѣнія Гонкуръ, конечно, не совершилъ никакого преступленія; онъ пользуется только той свободой, которая составляетъ неотъемлемое право каждаго писателя. Романъ, по мнѣнію Гонкура (см. предисловіе къ «Chérie»)—«произведеніе чистаго анализа» (une oeuvre de pure analyse), сборникъ наблюденій почти научнаго свойства; обращаясь непосредственно къ уму читателя, онъ очевидно не обязанъ заботиться объ иллюзіи, не обязанъ подчиняться требованіямъ чистаго искусства. Какъ *общее опредѣленіе*, формула Гонкура слишкомъ узка и не исчерпываетъ всей сферы романа, всѣхъ естественныхъ разновидностей его; какъ опредѣленіе *одной* изъ этихъ разновидностей, она имѣетъ свою raison d'être — и доказываетъ какъ нельзя лучше тщету усилій, направленныхъ къ регулированію неподвижными, для всѣхъ одинаковыми нормами творческой дѣятельности романиста.

Возвратимся къ «Сафо», субъективизмъ которой мы хотѣли оправдать примѣромъ Гонкура. Романъ Додэ, повторяемъ еще разъ, не только субъективенъ, но и тенденціозенъ. Законность тенденціи въ романѣ мы предполагаемъ доказанной; важенъ, въ нашихъ глазахъ, только выборъ ея и способъ проведенія. Серьезность зла, преслѣдуемаго Додэ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію; много разъ затронутое романомъ, оно тяготѣетъ надъ современнымъ обществомъ съ прежнею силой, по прежнему составляетъ предметъ, достойный вниманія мыслителей и художниковъ. Корни его раскинуты широко и проникаютъ въ самую глубь почвы; перенести ихъ цѣликомъ въ одну небольшую картину трудно, едва ли даже возможно. Нельзя, поэтому, упрекать Додэ за то, что онъ остановился на результатахъ, почти не коснувшись причинъ. Прошедшее, въ особенности *раннее* прошедшее его героини могло быть оставлено имъ въ тѣни уже потому, что среда, благопріятствующая зарожденію «ядовитыхъ мухъ», еще недавно была изображена съ такою образностью и силой въ «Assommoir» Зола (разсматриваемомъ какъ предисловіе къ «Nana»). Несправедливо было бы, конечно, негодовать на мухъ, питавшихся гнилью и поневолѣ несущихъ съ собой сѣмена заразы. Додэ и не негодуетъ на нихъ; онъ только сл

дить за фазисами болѣзненнаго процесса, вызываемаго ихъ уколомъ. Правда, онъ не сохраняетъ при этомъ хладнокровія врача, изъ-за болѣзни забывающаго о больномъ; онъ принимаетъ къ сердцу страданія своего героя, скорбитъ о его униженіи, его паденіи—но не вступается за него ни съ усердіемъ обвинителя, ни съ строгостью судьи. Сафо не имѣетъ ничего общаго съ тѣми «мраморными женщинами» (les filles de marbre), типъ которыхъ былъ созданъ въ французской беллетристикѣ, лѣтъ тридцать тому назадъ, реакціей противъ идеализированныхъ «дамъ съ камеліями»; она вовсе не воплощеніе разврата и порока, вовсе не олицетвореніе безсердечія. Она любитъ, по своему, Госсена, какъ любила и раньше поэта Ла-Гурнери, гравера Флажана; она любитъ *самою* Госсена, а не тѣ—болѣе чѣмъ скромныя—матеріальныя выгоды, которыя онъ можетъ ей доставить. Она мучитъ другихъ, но мучится и сама; въ ея послѣднемъ письмѣ къ Госсену слышится смертельная усталость, неутолимая жажда успокоенія. Это не Роза Санкезъ, систематически топчущая ногами своего де-Поттера, предпочитающая ему какую-то уродливую ящерицу; это скорѣе несчастная женщина, много грѣшащая противъ другихъ, потому что и противъ нея много грѣшили. Безпристрастіе Додэ выразилось еще ярче въ фигурѣ Алисы, выступающей на сцену только мимоходомъ, но глубоко врѣзывающейся въ память. Сойдясь съ Дешелеттомъ, Алиса въ первый разъ узнала не любовь, не уваженіе — объ этомъ она не могла и мечтать,—а просто вѣжливость, деликатность, ласковое, человѣчное обхожденіе. Мимолетный, слабый лучъ чего-то похожаго на счастье освѣтилъ ея прошлое такимъ ослѣпительно яркимъ свѣтомъ, что возвращеніе назадъ, хотя бы на самое короткое время, сдѣлалось для нея невозможнымъ; моментъ разлуки съ Дешелеттомъ былъ моментомъ ея добровольной смерти. Кто съумѣлъ создать такой образъ, тотъ понимаетъ и чувствуетъ весь ужасъ положенія такъ называемой падшей женщины [1]). Если Госсенъ—жертва Сафо, то Сафо, въ свою очередь—жертва глубоко ненормальныхъ общественныхъ условій. Нельзя не замѣтить, однако, что сочувствіе Додэ принадлежитъ первой жертвѣ

---

[1]) Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только прочесть слѣдующую, почти непереводимую фразу: „Ramassée par Déchelette sur l'asphalte du Skating, parmi les grossièretés, les brutalités de la traite, les tourbillons de fumée que l'homme crache, avec un chiffre, dans le maquillage de la fille, la politesse de celui-ci l'avait attendrie et surprise: *elle se retrouva femme, de pauvre bétail à plaisir qu'elle était*“.

въ гораздо бо̀льшей степени, чѣмъ послѣдней. Объясняется это, по всей вѣроятности, тѣмъ, что значительная часть молодежи, гибнущей, физически и нравственно, въ когтяхъ Нана, Сафо и имъ подобныхъ, принадлежитъ къ одной общественной группѣ съ авторомъ, живетъ—до паденія—одной съ нимъ жизнью, раздѣляетъ его стремленія и вкусы. Между хорошими знакомыми, между друзьями Додэ было, очевидно, много Госсеновъ, де-Поттеровъ, Каудалей; онъ наблюдалъ вблизи постепенное, медленное засасываніе ихъ полипомъ, напрасно старался вырвать ихъ изъ цѣпкихъ объятій. Отсюда возвращеніе къ тэмѣ, уже разработанной братьями Гонкурами въ «Manette Salomon», затронутой самимъ Додэ въ «Les femmes d'artiste»; отсюда запасъ горечи, увеличиваемый страхомъ за будущее подрастающихъ поколѣній. «Склеиваніе» (le collage), посредствомъ котораго случайная связь пріобрѣтаетъ рѣшающее значеніе для цѣлой жизни—явленіе особенно распространенное въ средѣ писателей, художниковъ, въ рядахъ парижской интеллигенціи. Показать именно ей, какъ въ зеркалѣ, что̀ она для себя готовитъ—такова главная задача «Sapho»; въ цѣломъ романѣ нѣтъ ни одного эпизода, который бы не тяготѣлъ именно къ этой цѣли. Впечатлѣніе получается сильное, благодаря искусству, съ которымъ авторъ вводитъ насъ въ душевную жизнь дѣйствующихъ лицъ. Нельзя читать безъ волненья такія страницы, какъ описаніе ощущеній Госсена въ отцовскомъ домѣ, въ комнатѣ больной матери, въ бесѣдѣ съ Дивонной; дѣйствіе яда, проникающаго въ самыя лучшія, самыя чистыя чувства, изображено здѣсь съ поразительною силой. Или припомнимъ, напримѣръ, пробужденіе Госсена послѣ рѣшительнаго, послѣдняго паденія. «Онъ какъ будто бы находилъ облегченіе въ мысли, что не выйдетъ больше изъ этой грязи; онъ испытывалъ жалкое успокоеніе раненаго, который, истекая кровью, влача свою рану, улегся наконецъ, чтобы умереть, на кучѣ навоза, и усталый отъ борьбы, отъ боли, съ наслажденіемъ утопаетъ въ мягкой теплотѣ своего смраднаго ложа».

Достигнетъ ли «Sapho» своей практической цѣли? Какъ ни естественно, повидимому, возникаетъ подобный вопросъ, ошибочно было бы измѣрять вѣроятностью утвердительнаго отвѣта достоинство самаго произведенія. Тенденціозный романъ—это, въ большинствѣ случаевъ, неудержимый крикъ, вырвавшійся при видѣ торжествующаго зла. Послужитъ ли этотъ крикъ сигналомъ усиленной тревоги, послѣдуетъ ли за нимъ дѣятельная, успѣш-

ная борьба—это зависитъ отъ тысячи посторонпихъ обстоятельствъ. Онъ раздался не напрасно, если въ немъ отразились художественно и ярко существенныя черты вызвавшей его картины. Этому условію романъ Додэ соотвѣтствуетъ безспорно. Если онъ остановитъ хоть одну ногу, занесенную надъ пропастью, тѣмъ лучше; но достаточно уже и того, что онъ лишній разъ освѣтилъ положеніе дѣлъ, настоятельно требующее перемѣны. Общество, въ которомъ ежедневно и безплодно тратятся силы Госсеновъ, де-Поттеровъ, Каудалей, Дешелеттовъ, поражено тяжелымъ недугомъ—недугомъ неизлечимымъ, пока оно постоянно поставляетъ изъ своей среды новыхъ Сафо и Розъ Санкезъ. Если послѣдній романъ Додэ не можетъ быть поставленъ на ряду съ лучшими его произведеніями, то причину этому слѣдуетъ искать не въ тенденціозности его, а въ недостаточной обрисовкѣ одного изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Мы знакомимся съ Госсеномъ лишь настолько, насколько на него вліяетъ связь съ Сафо; основныя качества его натуры остаются въ тѣни, намъ трудно составить себѣ понятіе о томъ, чѣмъ сдѣлался бы онъ безъ роковой встрѣчи. Мы видимъ его паденіе, но не знаемъ, съ какой высоты оно происходитъ; мы чувствуемъ, что его гнететъ общество супруговъ Геттема, но не можемъ опредѣлить силу этого гнета, потому что не имѣемъ данныхъ для сравненія новой обстановки съ прежней, потерянной Госсеномъ изъ-за Сафо. Рельефнѣе Госсена не только сама Сафо, но и многія второстепенныя, эпизодическія фигуры романа.

«Сафо», какъ и все вообще написанное Додэ, выступаетъ на сцену безъ шуму, безъ претензій на «новое слово», на переворотъ въ литературѣ. Нельзя сказать того же самаго о «Chérie», Эдмона Гонкура. Въ предисловіи къ «Братьямъ Земганно» шла рѣчь о романѣ изъ жизни большого свѣта, который могъ бы окончательно упрочить побѣду новой школы. Такимъ именно романомъ является, повидимому—конечно, въ глазахъ самого автора—«Chérie», это «литературное завѣщаніе» Гонкура. Онъ не разсчитываетъ, правда, на громкій успѣхъ—но только потому, что онъ не захотѣлъ отступить отъ истины, не рѣшился сдѣлать изъ своей героини «неземное, отвлеченное, лживо-идеальное существо вчерашнихъ и сегодняшнихъ модныхъ романовъ». Одобренію публики онъ не придаетъ никакой цѣны, потому что ея вкусы измѣняются каждыя тридцать-сорокъ лѣтъ, подъ вліяніемъ трехъ-четырехъ новаторовъ-революціонеровъ, на долю которыхъ выпадаетъ сначала скандалъ, потомъ—побѣда. Причисляя

себя и покойнаго брата къ разряду этихъ новаторовъ, Гонкуръ сожалѣетъ только о томъ, что ему не дано было довести реформу до конца, создать романъ чисто-аналитическій, столь же свободный отъ компликацій, какъ свободна отъ нихъ, въ большинствѣ случаевъ, дѣйствительная жизнь. Смерть, какъ развязка романа, кажется ему нѣсколько болѣе приличной (un peu plus comme il faut), чѣмъ бракъ—но еслибы онъ былъ помоложе, онъ обходился бы и безъ нея, потому что все-таки видитъ въ ней театральное средство, не соотвѣтствующее достоинству высокой литературы (un moyen théâtral d'un emploi méprisable dans de la haute littérature). Въ этихъ разсужденіяхъ чрезвычайно много страннаго. Прежде всего насъ поражаетъ ихъ запоздалость. «Лживо-идеальныя, неземныя существа» давно вышли изъ моды; меньше всего ихъ можно найти именно въ *шикарныхъ* романахъ не только сегодняшняго, но и вчерашняго дня. Паденію ихъ курса способствовали, въ свое время, и братья Гонкуры, лучшіе романы которыхъ—въ особенности «Germinie Lacerteux»—дѣйствительно были тѣмъ, чѣмъ напрасно силится стать «Chérie»: революціоннымъ событіемъ въ области литературы. Аналитическій романъ, которому Гонкуръ хочетъ проложить дорогу, вовсе не нуждается въ этой услугѣ. Его *возможность* не требуетъ доказательствъ, потому что онъ уже существуетъ—существуетъ между прочимъ, и въ той формѣ, о которой только мечтаетъ Гонкуръ, т.-е. безъ обязательной развязки смертью или бракомъ; назовемъ, для примѣра, хотя бы «Сантиментальное воспитаніе» Флобера, «Брюхо Парижа», Зола (не говоримъ уже о «Мертвыхъ Душахъ», содержаніе которыхъ, по всей вѣроятности, извѣстно Гонкуру, если не изъ перевода Віардо, то изъ разсказовъ Тургенева). Занимаясь, такимъ образомъ, пріисканіемъ фундамента для возведеннаго уже зданія, замышляя ниспроверженіе ниспровергнутыхъ уже предразсудковъ, авторъ «Chérie» впадаетъ еще въ другую ошибку: онъ строитъ новыя клѣтки взамѣнъ старыхъ, готовитъ новыя стѣсненія только-что завоеванной свободы. *Высокая литература*, о которой онъ говоритъ, напоминаетъ *высокій слогъ* старой реторики; осужденіе брака и смерти, какъ *презрѣнныхъ театральныхъ эффектовъ*, ничуть не лучше псевдо-классическаго запрета на все тривіальное, т.-е. на все будничное, житейское. Изъ области «высокой литературы» пришлось бы исключить, если слѣдовать рецепту Гонкура, чуть ли не всего Шекспира, большинство греческихъ трагедій, «Вертера» и «Фауста», «Père Goriot» и «Madame Bovary», «Н

канунѣ» и «Отцовъ и дѣтей», «Войну и миръ» и «Анну Каренину». Такъ ли, наконецъ, рѣдко встрѣчается смерть или бракъ, въ качествѣ послѣдняго слова житейской комедіи или драмы, чтобы мимо нихъ могъ и долженъ былъ проходить реализмъ, претендующій на вѣрное и полное отраженіе жизни? Безусловно изгонять ихъ изъ романа—такая же крайность, какъ и считать ихъ безусловно необходимымъ его заключеніемъ. Не оригинально ли, что теоретической ошибкѣ Гонкура соотвѣтствуетъ, на практикѣ, другая, противоположная, что онъ иногда *безъ всякой надобности*, въ ущербъ избранной задачѣ, заканчиваетъ романъ смертью героя или героини? Гордіевъ узелъ, завязанный въ «la Faustin»—борьба между любовью и страстью къ театру—не развязывается, а разсѣкается смертью лорда Аннанделя; психологическая исторія молодой парижанки насильственно прерывается смертью и въ «Chérie», и въ «Renée Maupérin».

Посмотримъ теперь, насколько содержаніе «Chérie» оправдываетъ претензіи предисловія. «Въ основаніи моего романа,—говоритъ Гонкуръ,—лежатъ такія же изслѣдованія, на какихъ строются историческія сочиненія... Я старался передать миловидное и изящное (le joli et le distingué) моего сюжета; я трудился надъ возсозданіемъ *элегантной дѣйствительности* (j'ai travaillé a créer de la réalité élégante)». Въ этихъ двухъ фразахъ заключается разгадка и сильныхъ, и слабыхъ сторонъ романа. Готовясь къ исполненію задуманной задачи, Гонкуръ держался той системы, которая принята въ послѣднее время біографами недавно умершихъ дѣятелей. Они просятъ всѣхъ знавшихъ покойнаго сообщать матеріалы для его характеристики, оглашая эту просьбу, въ случаѣ надобности, и путемъ печати; тоже самое сдѣлалъ и Гонкуръ—но такъ какъ его героиней должна была быть французская свѣтская дѣвушка *вообще*, то и воззваніе его было обращено ко всѣмъ свѣтскимъ женщинамъ Франціи. Мы узнаемъ изъ предисловія къ «Chérie», что воззваніе это было услышано, что въ распоряженіе автора поступила масса интимныхъ, конфиденціальныхъ сообщеній. Разобраться въ нихъ было нелегко—еще труднѣе было воспользоваться ими, извлечь изъ нихъ все пригодное для данной тэмы и переработать извлеченное согласно съ требованіями сюжета. Нельзя сказать, чтобы Гонкуръ вышелъ побѣдителемъ изъ этихъ затрудненій. Если пріемъ, имъ употребленный, украсилъ «Chérie» нѣсколькими тонкими, драгоцѣнными наблюденіями (назовемъ, для примѣра, прелестную характеристику дѣтской памяти, дѣтскихъ ночныхъ страховъ, картины первой дѣт-

ской любви и перваго бала, исторію подготовки къ первому причащенію, нѣсколько штриховъ, рисующихъ отношеніе Шери къ прислугѣ, къ бѣднымъ, которымъ она помогаетъ), то ему же, по крайней мѣрѣ отчасти, слѣдуетъ приписать наводненіе романа вводными фигурами и сценами, ничѣмъ несвязанными съ дѣйствіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ слишкомъ отрывочными, слишкомъ неопредѣленными для самостоятельной роли. Въ первой главѣ передъ нами проходитъ цѣлая коллекція дѣвочекъ, вслѣдъ за тѣмъ исчезающихъ безвозвратно и безслѣдно; въ другомъ мѣстѣ (гл. 51) столь же мимолетно и безцѣльно мелькаютъ на горизонтѣ деревенскія сосѣдки Шери, въ третьемъ (гл. 62, 64, 65) —ея парижскія подруги, въ четвертомъ (гл. 79)—подруги одной изъ ея подругъ. Само собою разумѣется, что во всѣхъ этихъ сценахъ попадаются черты характеристическія для среды, въ которой развивается и живетъ Шери—но онѣ тонутъ въ массѣ ненужныхъ деталей. Чтобы понять и оцѣнить по достоинству тѣ страницы, которыя посвящены туалетамъ Шери, нужно быть модисткой или дамскимъ портнымъ. Авторъ, очевидно, провелъ много времени въ пріемныхъ комнатахъ Ворта, много потрудился надъ приведеніемъ въ извѣстность цвѣтовъ, фасоновъ, даже духовъ, бывшихъ въ модѣ лѣтъ пятнадцать тому назадъ; у него можно найти и полный списокъ пьесъ, шедшихъ на парижскихъ театрахъ въ зиму 1867—68 г., и перечисленіе красавицъ, блиставшихъ въ то же самое время въ парижскихъ салонахъ. Изъ-за всѣхъ этихъ деревьевъ не всегда хорошо виденъ самый лѣсъ —не всегда, другими словами, рельефно обрисовывается тотъ своеобразный міръ, который сложился, къ концу второй имперіи, въ оффиціальныхъ и полу-оффиціальныхъ сферахъ высшаго парижскаго общества. Шери—одно изъ произведеній этого міра, но печать его лежитъ на ней не вполнѣ отчетливо и опредѣленно. Такою же или почти такою же могла быть дочь крупнаго чиновнаго туза въ послѣдніе годы Людовика-Филиппа или даже въ эпоху президентства Макъ-Магона; такою же или почти такою же могла быть и современница Шери изъ предмѣстья Сентъ-Оноре или изъ примкнувшей къ наполеонидамъ части Сенъ-Жерменскаго предмѣстья. Героиня Гонкура—любимая внучка военнаго министра, съ дѣтства привыкшая видѣть кругомъ себя лесть, искательство, преклоненіе предъ властью. Такъ или иначе подобная обстановка должна отразиться и на дѣвочкѣ, и на молодой дѣвушкѣ—но у Гонкура мы едва видимъ ея вліяніе, спеціальныя черты положенія Шери почти совершенно заслоняются

общими. Подъ концомъ романа эти общія черты уступаютъ мѣсто частнымъ, но такимъ, которыя зависятъ отъ болѣзненныхъ сторонъ темперамента Шери, отъ наслѣдственнаго предрасположенія ея къ психозу. Въ самый критическій моментъ ея жизни, когда она начинаетъ чувствовать усталость отъ салонной пустоты и суеты, пресыщеніе отъ банальныхъ удовольствій, авторъ отдаетъ ее во власть умственнаго и физическаго разстройства, быстро оканчивающагося смертью. Многое остается, такимъ образомъ, только намѣченнымъ, неразвитымъ; типичность приносится въ жертву эксцентричности, и вмѣсто галлереи портретовъ, знаменующихъ эпоху, образъ Шери попадаетъ въ коллекцію психопатическихъ фигуръ, надъ обогащеніемъ которой слишкомъ ужъ усердно работаетъ современный французскій романъ. Прибавимъ ко всему этому обычную манеру Гонкура вставлять въ свои романы понравившіеся ему анекдоты, курьезы и т. п. (см., напримѣръ, въ гл. 49-ой загадку, сочиняемую дѣдомъ Шери; въ гл. 62-ой—разсказъ Жермены, въ гл. 79-ой — разсказъ Madame Мальвезенъ)—и мы поймемъ, почему «Chérie» не можетъ занять выдающагося мѣста въ передовомъ отрядѣ французскаго натурализма. Разсматриваемая съ точки зрѣнія содержанія, она составляетъ рѣшительный шагъ назадъ не только въ сравненіи съ послѣдними романами братьевъ Гонкуровъ («Germinie Lacerteux», «Madame Gervaisais»), но и въ сравненіи съ «Fille Elisa» самого Эдмона.

Предисловіе къ «Chérie» настаиваетъ, и съ полнымъ основаніемъ, на громадной важности формы для романа, на правѣ романиста писать своимъ особымъ, *личнымъ* слогомъ, стремиться къ тщательной, по возможности совершенной отдѣлкѣ фразы. «Старательное письмо» (l'effort d'écrire), въ которомъ авторъ «Chérie» видитъ коренное отличіе литературы отъ репортерства, не должно, однако, требовать слишкомъ замѣтныхъ усилій; своеобразная манера не должна переходить въ манерность. Никогда, кажется, демаркаціонная черта между той и другой не нарушалась Гонкуромъ такъ часто, какъ въ послѣднемъ его романѣ. Изысканность языка мы оставляемъ въ сторонѣ, потому что степень ея можетъ быть опредѣлена только французскою критикою; но желаніе «передать миловидное, изящное сюжета», «возсоздать элегантную дѣйствительность» повлекло за собою употребленіе такихъ пріемовъ, ошибочность которыхъ очевидна и для иностранца. Сколько бы разъ и какъ бы подробно ни былъ нарисованъ портретъ Шери, сколько бы ни было нагромождено съ

этою цѣлью тончайшихъ сравненій, ласкательныхъ и громкихъ эпитетовъ, многоэтажныхъ фразъ («ses yeux étaient de cette coloration marron indescriptible, qui lui mettait sous ses noirs cils comme une chaude clarté irisée du violacement d'un morceau de cristal de roche fumé»), автору все чего-то не достаетъ; онъ боится, что впечатлѣніе все-таки получится не то, котораго онъ домогается—и кончаетъ тѣмъ, что проситъ читателей повѣрить ему на слово. «Шери,—таковы заключительныя слова длиннаго описанія героини,—Шери никогда не была похожа на другихъ женщинъ; *Шери была существомъ рѣдкимъ*» («Chérie était la femme, qui n'est jamais tout le monde, Chérie était l'être rare»). Что онъ влюбленъ въ свою героиню, въ этомъ мы еще не видимъ большой бѣды; бѣда въ томъ, что онъ, во что бы то ни стало, хочетъ передать другимъ свою влюбленность—и не достигаетъ этой цѣли, между прочимъ, потому, что слишкомъ ужъ усердно къ ней стремится. Man merkt die Absicht und man ist verstimmt. Лучи электрическаго свѣта падаютъ на Шери такъ обильно, что значительный—слишкомъ значительный—ихъ запасъ остается и на долю ея обстановки. Возьмемъ, напримѣръ, сцену у Жантилья; всякій жестъ портного, одѣвающаго Шери, окрашивается поэтическимъ колоритомъ, невольно вызывающимъ улыбку—такъ мало общаго между описываемымъ дѣйствіемъ и характеромъ описанія. Не смѣшна ли въ самомъ дѣлѣ хоть слѣдующая фраза, написанная авторомъ совершенно серьёзно: «et, encore du farfouillemet de ses doigts, il (Gentilly) entourait l'aisselle d'un enveloppement pudique, de quelque chose comme la tombée ombreuse d'une blanche aile d'oiseau qui pendrait au-dessus de la mousse d'un nid». Вѣдь это слогъ Виктора Гюго, примѣненный къ содержанію модной картинки!

Отъ вымученнаго изящества «Chérie» отрадно перейти къ здоровой силѣ «La joie de vivre». Подобно «Дамскому Базару» «Радость жизни» знаменуетъ собою рѣшительный поворотъ къ лучшему въ творчествѣ Зола. Разбирая, года полтора тому назадъ, первый изъ этихъ двухъ романовъ, мы выразили надежду, что крайности экспериментализма будутъ оставлены самими вождями школы, что успѣхъ, наконецъ завоеванный ими, положитъ конецъ той утрировкѣ, которая зависѣла отчасти именно отъ ожесточенія битвы. Наше ожиданіе исполняется; «Радость жизни» почти свободна отъ двухъ недостатковъ, составлявшихъ, начиная съ «Curée» и вплоть до «Pot-Bouille», слабую сторону всѣхъ

романовъ ругонъ-маккаровскаго цикла: отъ ненужнаго накопленія грязи, отъ избытка детальныхъ описаній. Нѣкоторыя сцены между Лазаремъ и Полиной слишкомъ еще напоминаютъ двукратную борьбу Ругона съ Клориндой (въ «Son Excellence Eugène Rougon»), изображеніе родовъ Луизы слишкомъ богато клиническимъ матеріаломъ и могло бы быть сокращено на половину безъ всякаго ущерба для романа, особенно въ виду того, что картина разрѣшенія отъ бремени встрѣчается уже на страницахъ «Pot-Bouille»; но эти небольшія пятнышки не измѣняютъ общаго характера книги. Описаній въ ней весьма немного, и они всѣ отличаются сжатостью, сдержанностью. Соблазнъ посвятить морю, по крайней мѣрѣ, столько же длиннѣйшихъ протоколовъ, сколько посвящено ихъ, напримѣръ, Парижу въ «Страницѣ любви» или столичному рынку въ «Брюхѣ Парижа»—былъ весьма великъ, потому что море принадлежитъ какъ бы къ числу дѣйствующихъ лицъ романа; но Зола устоялъ противъ искушенія—и постоянная близость мощной силы, то грозной, то мягкой и нѣжной, чувствуется нами отъ этого не менѣе живо. Иногда только желаніе избѣжать одной крайности приводитъ Зола къ другой, противоположной; стремленіе сказать многое въ немногихъ словахъ выражается, изрѣдка, въ вычурныхъ фразахъ, напоминающихъ то ходульность В. Гюго, то изысканность Гонкура. «Морской берегъ,—читаемъ мы въ первой главѣ,—эта голая равнина, замаранная лужами, запятнанная трауромъ, становился ужасно меланхоличнымъ, подъ сумерками, падающими отъ испуганнаго бѣгства облаковъ» (la plage, cette plaine rase, salie de flaques, tachée de deuil, prenait une mélancolie affreuse, sous le crépuscule tombant de la fuite épouvantée des nuages). *Замаранная лужами*—это чистокровный реализмъ; другой, рядомъ стоящій эпитетъ (*запятнанная трауромъ*) точно взятъ на прокатъ у поэта романтической школы, вмѣстѣ съ заключительнымъ сравненіемъ... Наступаетъ ночь; море, въ непроглядномъ мракѣ, сливается съ землею. «Ни одного проблеска свѣта; даже блѣдность пѣны не выдѣляется изъ хаоса тѣней; ничего кромѣ галопа волнъ, бичуемаго бурей, въ глубинѣ этой пропасти» (нашъ переводъ не вполнѣ точенъ; но можно ли перевести точнѣе слѣдующія слова: «Plus une lueur, pas même une pâleur d'écume, sur le chaos des ombres; rien que le galop des vagues, fouetté par la tempête, au fond de ce néant»). Погонѣ за эффектомъ, въ родѣ той, которая встрѣчается такъ часто въ «Travailleurs de la mer» или «l'Homme qui rit», принесена

здѣсь въ жертву даже правда: въ такой темнотѣ, которую хотѣлъ изобразить авторъ, не можетъ быть хаоса *тѣней*. Въ нѣкоторыхъ другихъ описаніяхъ громко звучитъ субъективная нота, которую прежде такъ усердно преслѣдовалъ Зола. «Море, движимое приливомъ, звучало словно отдаленной жалобой (lamentation lointaine), какъ толпа, оплакивающая свое несчастіе; земля точно жаловалась, подавляемая тяжестью неисчислимыхъ звѣздъ». Поэзія осталась побѣдительницей въ борьбѣ, которую велъ противъ нея авторъ Ругонъ-Маккаровъ; чтобы наказать побѣжденнаго, она вторгается къ нему, по временамъ, въ той своей формѣ, которая всего ближе граничитъ съ аффектаціей. Мы сказали: *по временамъ*, потому что въ «Радости жизни» безспорно есть страницы поэтическія въ лучшемъ смыслѣ слова, страницы, напоминающія молодую горячность нѣкоторыхъ главъ «Fortune des Rougon». Припомнимъ, напримѣръ, моментъ наибольшей близости Лазаря и Полины, когда жизнь послѣдней виситъ на волоскѣ. «Они постоянно прощались другъ съ другомъ, въ продолжительной ласкѣ встрѣчающихся взглядовъ. Въ особенности ночью, когда онъ бодрствовалъ рядомъ съ нею, самая мысль одного изъ нихъ становилась точно слышной для другого; даже въ молчаніи ихъ чувствовалась нѣжная грусть, навѣваемая угрозой вѣчной разлуки. Ничего нельзя было себѣ представить болѣе жестокаго и болѣе сладкаго; никогда ихъ существа не сливались до такой степени въ одно цѣлое».

Какъ и въ «Дамскомъ Базарѣ», наслѣдственность—этотъ первый (мнимый) краеугольный камень ругонъ-маккаровской эпопеи —не играетъ въ «Радости жизни» почти никакой роли. Полина не похожа ни на своего отца, жирнаго, тупого эгоиста Кеню, ни на свою мать, безсердечную, холодную Лизу. Правда, авторъ хочетъ насъ увѣрить, что Полина заимствовала отъ родителей расположеніе къ скупости, уваженіе къ богатству, боязнь остаться безъ денегъ—но, на самомъ дѣлѣ, мы видимъ въ ней преобладаніе свойствъ прямо противуположныхъ. Какимъ образомъ за ними осталась побѣда, какъ и чѣмъ сознаніе взяло верхъ надъ инстинктомъ—этого мы не узнаемъ. Отъ болѣе отдаленныхъ предковъ къ Полинѣ перешла вспыльчивость, ревность, выражающаяся по временамъ въ бурныхъ гнѣвныхъ порывахъ; но достиженіе умственной зрѣлости навсегда кладетъ конецъ этимъ порывамъ, и Полина кончаетъ тѣмъ, что спокойно живетъ рядомъ съ своей счастливой соперницей. Это натура по преимуществу уравновѣшенная, и ея кровная связь съ истеричною Аделаидой Фукъ

съ испорченнымъ до мозга костей Маккаромъ, съ психически-надорванной Жервезой не только ничего въ ней не объясняетъ, но возбуждаетъ неразрѣшенный авторомъ вопросъ, какимъ образомъ такой плодъ могъ созрѣть на такомъ деревѣ? Другая сторона задачи, преслѣдуемой авторомъ Ругонъ-Маккаровъ—изображеніе «странной эпохи безумія и позора»—не затронута въ «Радости жизни» почти вовсе. Хронологія событій, наполняющихъ романъ, можетъ быть возстановлена только путемъ сличенія его съ «Брюхомъ Парижа»; рамкой для нихъ точно такъ же могла бы служить іюльская монархія, какъ и вторая имперія и третья республика [1]). Едва соединенная, такимъ образомъ, съ почвой, выбранной Зола для возведенія монументальной постройки, «Радость жизни» отъ этого ничего не теряетъ; она имѣетъ самостоятельное значеніе, какъ внутренняя исторія маленькаго уголка земли и небольшой семейной группы. На первомъ планѣ стоитъ фигура Полины, удавшаяся еще лучше, чѣмъ Дениза въ «Дамскомъ Базарѣ»—сильная, свѣжая, энергическая фигура, бодро выносящая на своихъ плечахъ, не колеблясь и не спотыкаясь, всѣ мелкія по виду, рѣзко гнетущія на самомъ дѣлѣ тягости будничной жизни. Ничто не подтачиваетъ ея здороваго организма, ничто не нарушаетъ ея простого, задушевнаго отношенія ко всему окружающему—ни систематическая несправедливость тетки, ни равнодушіе Шанто, въ которомъ состраданіе къ собственнымъ мукамъ не оставляетъ мѣста для сочувствія, даже для вниманія къ чужому горю, ни дряблость и неустойчивость любимаго человѣка, ни неблагодарность деревенской бѣдноты, ни мертвящее однообразіе скучной обстановки. «Она все отдала; ея громкій смѣхъ звучалъ счастьемъ»—въ этой коротенькой фразѣ, не безъ намѣренія, конечно, помѣщенной Зола въ самомъ концѣ книги, выражается вся Полина. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что въ ней же выражается и главная тенденція романа—да, *тенденція*, потому что нельзя назвать иначе основную мысль, не только косвенно вытекающую изъ дѣйствія, но и прямо подчеркиваемую авторомъ. Болѣзненному пессимизму Лазаря противопоставленъ сердечный, безсознательный оптимизмъ Полины, страху смерти—наслажденіе жизнью, какъ она есть, наслажденіе

---

[1]) Полина родилась въ началѣ пятидесятыхъ годовъ; слѣдовательно дѣйствіе „Радости жизни“ начинается около 1860 г. и доходитъ, приблизительно, до конца истекшаго десятилѣтія (Лазарь, которому въ началѣ романа девятнадцать лѣтъ, въ концѣ приближается къ сорока годамъ или даже переходитъ за эту грань).

ею въ другихъ, если бѣдно радостью собственное существованіе. «Онъ будетъ принадлежать, можетъ быть, къ менѣе глупому поколѣнію,—говоритъ Полина о маленькомъ сынѣ Лазаря;—онъ пойметъ, что можно жить даже и съ сознаніемъ неизбѣжности смерти». Поставимъ рядомъ съ этими словами заключительное восклицаніе Шанто—Шанто, въ которомъ «жизни хватало только на то, чтобы кричать отъ боли» (ce lamentable reste d'homme, dont le peu de vie n'était plus qu' un hurlement de douleur): «Faut-il être bête pour se tuer!» — и мы получимъ цѣлую profession de foi, ярко окрашенную «субъективнымъ» элементомъ.

Въ другой главной фигурѣ—Лазарѣ Шанто—восторженные поклонники Зола видятъ одно изъ лучшихъ, капитальнѣйшихъ созданій реалистическаго романа. Боязнь смерти, доходящая у Лазаря почти до мономаніи, возводится на степень душевнаго настроенія, типичнаго для цѣлой эпохи. Съ этимъ взглядомъ трудно согласиться вполнѣ. Задуманный, быть можетъ, какъ одинъ изъ представителей своего времени, Лазарь вышелъ изъ рукъ автора психически больнымъ, и притомъ такимъ больнымъ, страданія котораго слишкомъ исключительны, чтобы быть типичными. Допустимъ, что боязнь смерти распространена въ наше время съ особенною силой; допустимъ, что другой отличительный его признакъ—наклонность къ пессимизму. Стóитъ только сопоставить эти понятія, чтобы убѣдиться въ логической ихъ противоположности. Не вѣрить въ цѣнность земныхъ благъ, значитъ, вообще говоря, не дорожить жизнью; въ глазахъ послѣдовательнаго пессимиста, смерть—тотъ «предѣлъ мученій», о которомъ говоритъ поэтъ, тотъ выходъ, на доступность котораго указывалъ, въ видѣ утѣшенія, древній философъ (patet exitus). Само собою разумѣется, что логика и дѣйствительность—не одно и то же, что можно быть (или, лучше сказать, считать себя) пессимистомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отчаянно цѣпляться за унижаемую и презираемую жизнь; но такое сочетаніе контрастовъ во всякомъ случаѣ ненормально, и его носитель — скорѣе интересный психопатическій субъектъ, чѣмъ выразитель одного изъ господствующихъ нравственныхъ теченій. «Неврозъ» Лазаря, «психозъ» Шери, «смѣющаяся агонія» лорда Аннанделя — все это явленія одного и того же порядка, явленія, къ которымъ французскіе нео-реалисты чувствуютъ «влеченье, родъ недуга»; обойтись безъ чего-нибудь подобнаго имъ такъ же трудно, какъ трудно было одному изъ героевъ Ауэрбаха не вставлять въ свои рѣчи какихъ-либо «gelehrte

Curiositäten». Мы далеки отъ мысли упрекать ихъ за это; мы хотимъ только напомнить, что матеріалъ для *типовъ* добывается не изъ клиникъ. Крупнымъ недостаткомъ разбираемаго нами романа кажется намъ не выборъ героя, а отсутствіе данныхъ, которыми объяснялось бы происхожденіе и развитіе его болѣзни. Мы застаемъ его уже больнымъ; пароксизмы паническаго страха передъ смертью овладѣваютъ имъ еще раньше, чѣмъ началась для него напрасная растрата силъ, въ погонѣ за счастьемъ и успѣхомъ. Вторженіе пессимизма въ міросозерцаніе Лазаря также совершается за кулисами; обѣ idées fixes, взаимно исключающія другъ друга, укореняются въ немъ безъ видимой борьбы между собою. Свѣтлые промежутки и обостренія недуга чередуются между собою, служа поводомъ, по временамъ, къ превосходнымъ картинамъ, но все же внося оттѣнокъ однообразія въ дѣйствіе романа. Повтореніе—одинъ изъ любимыхъ пріемовъ Зола; иногда усиливая впечатлѣніе, оно чаще приводитъ къ противоположному результату. Побѣда, одерживаемая реальною близостью смерти надъ страхомъ передъ призракомъ ея, изображена чрезвычайно ярко и рельефно въ исторіи болѣзни Полины—и не представляетъ никакого интереса, появляясь вновь въ исторіи болѣзни madame Шанто.

Вокругъ Лазаря и Полины группируются съ одной стороны супруги Шанто, Вероника, собака и кошка, составляющія точно часть семейства, съ другой стороны — жители деревни, вѣчно угрожаемой морскимъ прибоемъ. Madame Шанто достойна стать наряду съ крупными фигурами Бальзака; враждебное чувство къ Полинѣ, усиливающееся параллельно съ извлекаемой изъ нея пользой — это цѣлый психологическій этюдъ, полный правды и силы. Превосходно изображенъ и Шанто, въ которомъ интенсивность жизни возрастаетъ, если можно такъ выразиться, по мѣрѣ уменьшенія ея объема. Самоубійство Вероники недостаточно мотивировано, въ исторіи ея поворотовъ отъ madame Шанто къ Полинѣ и отъ Полины къ памяти madame Шанто,—правдивость принесена въ жертву симметріи; характеристика Минуши испорчена безчисленными повтореніями, но собака Матьё—одно изъ лучшихъ дѣйствующихъ лицъ романа. Послѣ Шпейгана въ «Verlorene Handschrift» Фрейтага, послѣ обезьяны въ «Manette Salomon» Гонкуровъ, послѣ попугая въ «Dombey and Son» Диккенса — ограничиваемся первыми примѣрами, пришедшими намъ на память—введеніе животныхъ въ область романа, конечно, не составляетъ ни новизны, ни особой заслуги; но достоинство

художественнаго созданія—какимъ кажется намъ Матьё—не обусловливается тѣмъ, можно ли найти для него прецедентъ въ исторіи искусства. Несравненно слабѣе тѣснаго кружка, окружающаго Лазаря и Полину, нарисованъ другой, болѣе обширный—населеніе Боннвилля. Это не рисунокъ, а просто мазня; деревня, вся цѣликомъ, покрыта однимъ густымъ слоемъ черной краски. Не говоримъ уже о нищихъ, являющихся за помощью къ Полинѣ, въ видѣ трижды повторенной выставки всѣхъ нечистотъ и всѣхъ пороковъ—выставки, въ которой измѣняется только возрастъ выставляемыхъ; всѣ жители Боннвилля одинаково упрямы, одинаково тупоумны, одинаково испорчены, какъ и всѣ жители деревни, выведенной на сцену въ «Проступкѣ аббата Муре». Это не люди, это какія-то животныя, равнодушныя даже къ своему физическому благосостоянію. «Пускай море опрокидываетъ ихъ хижины—они все-таки любятъ его боязливою, полною обожанія любовью, и были бы лично оскорблены, еслибы его удалось укротить первому попавшемуся господчику, съ помощью четырехъ бревенъ и двухъ дюжинъ гвоздей». А между тѣмъ, укрощеніе моря было бы равносильно устраненію зла, постоянно висящаго надъ Боннвиллемъ! Вѣроятно ли, возможно ли подобное отношеніе цѣлой деревни къ вопросу о жизни ея или смерти? Если бы въ основѣ пассивнаго противодѣйствія, встрѣченнаго планами Лазаря, лежало убѣжденіе въ ихъ ненужности, въ несуществованіи опасности для Боннвилля, тогда оно было бы еще понятно; но нѣтъ, крестьяне сами боятся катастрофы—и все-таки желаютъ паденія охраны, воздвигнутой Лазаремъ! Этого мало; когда море осуществило часть своей угрозы, когда оно разрушило нѣсколько домовъ въ Боннвиллѣ, крестьяне продолжаютъ смѣяться надъ попытками борьбы съ чудовищемъ, продолжаютъ радоваться его неодолимой силѣ—радоваться ей въ самый моментъ причиненія ею новыхъ бѣдствій! Весьма любопытно было бы познакомиться съ содержаніемъ и свойствомъ «документовъ», на которыхъ Зола построилъ изображеніе Боннвилля; еще любопытнѣе было бы опредѣлить степень доказательной ихъ силы. Едва ли, во всякомъ случаѣ, они были подвергнуты той повѣркѣ, которой требовала бы теорія протокольной точности и научнаго экспериментализма.

Титулъ «центральнаго человѣка своей эпохи», присвоиваемый Зола восторженными его послѣдователями, едва ли принадлежитъ ему по праву. Онъ не стоитъ ни въ самомъ разгарѣ борьбы, знаменующей наше время, ни настолько вдали отъ нея, чтобы

обнимать взглядомъ всѣ ея перипетіи. Міръ страсти знакомъ ему больше, чѣмъ міръ мысли, да и не всѣ изгибы перваго изведаны имъ съ одинаковою полнотою. Чтобы подняться до той высоты, на которую его преждевременно возносятъ, ему остается сдѣлать еще многое — расширить кругъ своихъ наблюденій, отказаться отъ высокомѣрнаго взгляда на политическія движенія, отъ пренебреженія къ массамъ, отъ одностороннаго возвеличенія «писанной мысли». И теперь, однако, ему принадлежить выдающееся мѣсто въ первомъ ряду современныхъ романистовъ. Читая «La joie de vivre», «Sapho» или даже «Chérie», невольно вспоминаешь о странномъ заблужденіи, въ силу котораго нѣмецкіе писатели—конечно не всѣ, но даже такіе крупные, какъ Шпильгагенъ, — продолжаютъ смотрѣть сверху внизъ на область французскаго романа. Повторяемъ еще разъ сказанное нами по поводу «Проповѣдницы» и «Дамскаго Базара»: нѣмецкая литература давно уже не производила ничего, могущаго сравниться съ лучшими вещами Зола, Додэ, Гонкуровъ. Возьмемъ хотя бы послѣдній романъ самого Шпильгагена, «Uhlenhans»; какая утрировка въ характеристикѣ дѣйствующихъ лицъ, какое нагроможденіе мало вѣроятныхъ событій, какая погоня за внѣшними эффектами, какая искусственность формы! Никто больше насъ не цѣнитъ Шпильгагена, какъ автора «In Reih'und Glied» —но тѣмъ прискорбнѣе видѣть, что ему не удается возвратиться даже къ тому уровню, на которомъ стоятъ «Hammer und Amboss» или «Allzeit voran». Дѣйствіе «Филина» происходитъ на островѣ Рюгенѣ, въ тридцатыхъ годахъ—но напрасно было бы искать въ романѣ картины нравовъ тогдашняго захолустнаго дворянства, съ его магнатами и шляхтичами, съ рѣдкими попытками протеста, возникавшими въ его средѣ. Матеріалъ для картины былъ на лицо; князь Прора—это царекъ между придворными, самъ Гансъ и Карло Лиліенъ—бѣлые голуби въ стаѣ черныхъ воронъ; но возможныя, уже намѣченныя столкновенія между старымъ и новымъ, между рутиной и движеніемъ уступаютъ мѣсто романтически-ужасной драмѣ, напоминающей самыя слабыя страницы первыхъ, юношескихъ произведеній Шпильгагена. Тридцатые годы понадобились автору, повидимому, только для того, чтобы вывести на сцену фантастическую фигуру Явеи, похожденія которой соприкасаются, внѣшнимъ образомъ, съ борьбою за независимость Греціи.

Мы старались доказать, что дорога, по которой идетъ современный французскій романъ, въ дѣйствительности гораздо шире,

чѣмъ на планахъ, чертимыхъ эстетиками натурализма; мы видѣли, что она не исключаетъ ни психологическаго анализа, ни тенденціозности, ни субъективнаго элемента. Увлеченія теоріи смягчаются практикою; примѣръ нарушенія законовъ подаютъ сами законодатели. Натурализму, какъ и всякой силѣ, принадлежитъ широко распространенное вліяніе; лучшія его созданія пріобрѣтаютъ значеніе образцовъ, изучаемыхъ далеко за предѣлами французской литературы. Это фактъ неизбѣжный и вполнѣ законный; остается только пожелать, чтобы приверженцы новой школы не были болѣе роялистами, чѣмъ король или короли, чтобы они не возводили въ принципъ крайности направленія, мало-по-малу откидываемыя самими его вождями.

К. Арсеньевъ.

ПЕСТРЫЯ ПИСЬМА

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, я совершенно неожиданно лишился употребленія языка. Не то, чтобъ даръ слова совсѣмъ оставилъ меня, но языкъ мой сдѣлался способенъ произносить только служительскія слова. «Чего изволите», «какъ прикажете», «не погубите!»—вотъ и все. А прежде я говаривалъ довольно-таки смѣло. Напримѣръ: «коли я ничего не сдѣлалъ, стало быть, и бояться мнѣ нечего», или: «коли я никого не трогаю, стало быть, и меня никто не тронетъ»... И вдругъ, словно съ цѣпи сорвался: «не погубите!»

Сначала я испугался. Ежели простое физическое косноязычіе можетъ отравить человѣку жизнь, то еще болѣе отравляющихъ элементовъ заключаетъ въ себѣ косноязычіе нравственное. Со страхомъ спрашивалъ я себя: ужели изреченія, въ родѣ «ежели я ничего не сдѣлалъ» и т. д. заключаютъ въ себѣ такой угрожающій смыслъ, для прекращенія котораго требовались бы натискъ и быстрота? Но ежели это такъ, то кто же можетъ поручиться, что со временемъ и такое изреченіе, какъ «ваше превосходительство, не погубите!» не будетъ сочтено равносильнымъ призыву къ оружію?

Очевидно, это было новое и совсѣмъ особенное проявленіе внезапности, котораго я еще не испыталъ.

Внезапность не составляетъ для меня новости. Я родился на лонѣ ея, воспитывался подъ ея сѣнью и до такой степени съ ней освоился, что даже никогда не спрашивалъ себя, ушибетъ она меня, или помилуетъ. Но я долженъ сказать, что до послѣдняго времени внезапность имѣла несовершенный, переходный характеръ, и это въ значительной мѣрѣ помогало уживаться съ нею. Внезапностей было много, и онѣ постоянно другъ друга

побивали. Нелегко было оріентироваться въ этомъ разнообразіи смѣняющихся внезапностей, но при извѣстномъ навыкѣ все-таки можно было нѣчто угадать. Это называлось «ловить моментъ». Поймалъ моментъ — пользуйся! Не поймалъ — пеняй на себя! Игра была не весьма нравственная, но настолько замысловатая, что могла заинтересовать. Нынѣ—эта переходная форма, очевидно, исчерпала все свое содержаніе. Внезапность окончательно отказалась отъ экскурсій въ сферу случайныхъ вѣяній, которыя своею противорѣчивостью подрывали ее; она сдѣлалась единою, неизмѣнною, сама себѣ довлѣющею. «Моменты» упразднены; ловить больше нечего.

Но это-то именно и пугало меня. Перспектива внезапнаго пріуроченія къ служительскимъ словамъ, безъ надежды, что придетъ другая внезапность и разрушитъ чары колдовства — эта перспектива казалась черезъ-чуръ ужъ суровою. Неясная тревога сжимала сердце мучительными предчувствіями; душа тосковала, мысль безнадежно искала просвѣта...

Однако, прошелъ мѣсяцъ, прошелъ другой—и пелена сама собой спала съ моихъ глазъ. Недоразумѣнія исчезли, тревога утихла, а положеніе до такой степени выяснилось, что въ какую сторону ни оглянись—вездѣ лучше не надо быть.

Прежде всего, я привыкъ, или, говоря точнѣе, обжился и обшлифовался, такъ что всѣ факторы моей жизнедѣятельности сами собой начали работать примѣнительно къ новой атмосферѣ и подчиняясь ея давленію.

Я очень хорошо знаю, что привычка играетъ въ жизни человѣка роль, по преимуществу безсознательную, и что слѣдовательно она въ большинствѣ случаевъ служитъ источникомъ безчисленныхъ недомыслій и даже безнравственностей, но вѣдь для того, чтобъ чувствовать себя вполнѣ удобно въ атмосферѣ служительскихъ словъ, именно это и нужно.

Нужно такое счастливое стеченіе обстоятельствъ, которое отняло бы у человѣка способность отличать добро отъ зла, и заглушило бы въ немъ всякое представленіе объ отвѣтственности. Вотъ эту-то именно задачу и выполняетъ привычка. И при этомъ она выполняетъ ее совершеннѣе и съ несравненно меньшей суровостью, нежели другіе факторы, въ томъ же смыслѣ споспѣшествующіе, какъ напримѣръ: трусость, измѣна, предательство и т. п.

И трусость, и измѣна, и предательство, предполагаютъ извѣстную долю насильства и боли, и—что всего важнѣе — ни мало не обезпечиваютъ отъ мучительныхъ пробужденій совѣсти, тогда

какъ привычка обвиваетъ человѣка бархатной рукой и бережно и ласково погружаетъ его въ мягкое ложе безпечальнаго служительскаго житія...

Любо дремать, зарывшись по уши въ пуховики, любо сознавать, что эти пуховики представляютъ своего рода твердыню. Забравшись въ нее, человѣкъ не только освобождается отъ обязанности относиться критически къ самому себѣ и къ окружающей средѣ, не только становится на недосягаемую высоту патентованной благонамѣренности, но и дѣлается безотвѣтственнымъ передъ судомъ своей собственной совѣсти. Ибо о какомъ же судѣ совѣсти можетъ быть рѣчь, коль скоро самая совѣсть, вмѣстѣ со всѣми прочими опредѣленіями человѣческаго существа, потонула въ омутѣ привычки...

Но, кромѣ привычки, въ дѣлѣ умиротворенія—мнѣ много помогъ и опытъ. Опытъ—это, такъ сказать, консолидированный сводъ привычекъ прошлаго. Всѣ уступки, компромиссы, соглашенія, которыми такъ богата исторія личная и общая, всѣ малодушія, обходы и каверзы—все это складывается, по мѣрѣ осуществленія, въ кучу, надпись на которой гласитъ: опытъ или мудрость вѣковъ. Дѣйствія героическія, безкорыстныя, факты, свидѣтельствующіе о беззавѣтной преданности идеѣ—все это не болѣе, какъ красивыя безумства, отъ которыхъ никакихъ подспорій въ жизни ожидать нельзя. Правда, что эти безумства освѣщаютъ тьму будущаго, и что плодами ихъ несомнѣнно воспользуются грядущія поколѣнія, но вѣдь, съ одной стороны, подвижничество необязательно и не всякій можетъ его вмѣстить, а съ другой стороны, какъ еще на эти красивыя безумства поглядѣть: иное, быть можетъ, пользительно, а другое, пожалуй, и неблаговременно, тогда какъ въ той кучѣ, которая именуется мудростью вѣковъ, за что ни возьмись—все пользительно. Трудность только въ томъ развѣ состоитъ, какъ разобраться въ кучѣ, чтобы вытащить именно ту бирюльку, которая какъ разъ впору. Но во-первыхъ, всѣ бирюльки болѣе или менѣе впору, а во вторыхъ, въ данномъ случаѣ изъ затрудненія выручаютъ очень простые пріемы, которые тоже освящены опытомъ, напримѣръ: загадъ, навыкъ, наметка, глазомѣръ...

Итакъ, привычка приготовила мягкое ложе, а опытъ обставилъ его всевозможными подтвержденіями прошлаго. Тѣ боли, которыя чувствовались въ началѣ, очень скоро утратили свою жгучесть въ виду цѣлой массы преданій, фактовъ и анекдотовъ, которые въ одинъ голосъ вопіяли, что искони въ основѣ человѣческаго счастья лежали служительскія мысли и служительскія

слова. Сущность этихъ мыслей и словъ формулируется кратко: спасай себя!—и человѣкъ, который серьезно посвятилъ себя осуществленію этой задачи и безъ заднихъ мыслей призналъ законность ея, можетъ быть заранѣе увѣренъ, что благополучіе его обезпечено. И, что всего важнѣе, обезпечено безъ особыхъ усилій. Ибо стоитъ только отдать себя во власть волнѣ современности, и она сама собой устроитъ такую блаженную обстановку, при которой во истину ничего другого не остается, какъ воскликнуть (не съ мысленными оговорками, какъ бывало нѣкогда, а по сущей совѣсти и отъ полноты душевной): ежели я ничего не дѣлаю, стало быть, и бояться мнѣ нечего!

«Ничего не дѣлаю» — это идеалъ; но его все-таки не слѣдуетъ понимать буквально. Всмотримся ближе въ его содержаніе, и мы убѣдимся, что понятіе это не равносильно отсутствію дѣятельности, но, напротивъ, вмѣщаетъ въ себѣ безконечное множество разнообразнѣйшихъ подробностей, которыя свидѣтельствуютъ о несомнѣнной и неусыпающей суетѣ. Заправскій идеалъ истиннаго «ничего недѣланія» таковъ: сегодня, поютъ дѣвки въ «Аркадіи»; завтра—будутъ пѣть въ «Ливадіи»,—послѣ-завтра—въ «Jardin des familles russes». И вездѣ надо поспѣть. Сегодня, пьянство у Донона, завтра—у Дюссо, послѣ завтра—у Бореля. И опять-таки надо вездѣ поспѣть. Изрѣдка—газетные столбцы, отъ которыхъ несетъ исподнимъ бѣльемъ Чичиковскаго Петрушки...

Вотъ это-то именно и разумѣютъ, когда говорятъ: ежели я ничего не дѣлаю, стало быть...

И совсѣмъ не такъ подла эта жизнь, какъ думаютъ унылые люди. Мудрость вѣковъ самымъ несомнѣннымъ образомъ свидѣтельствуетъ, что съ незапамятныхъ временъ такъ жили люди, и не только не считали себя посрамленными, но даже, отъ времени до времени, восклицали: не постыдимся во вѣкъ! Во истину обольщаютъ себя тѣ, которые думаютъ, что такъ-называемое общество когда-нибудь волновалось высшими вожделѣніями. Въ сущности, волновались только немногіе, и ужъ, конечно, никто не скажетъ, чтобъ существованіе этихъ немногихъ сколько-нибудь напоминало о благополучіи. Почвенный же и русловой людъ всегда и неизмѣнно имѣлъ въ виду только служительское благополучіе. И онъ былъ, по-своему, правъ, ибо какая надобность изнывать надъ отыскиваніемъ новыхъ жизненныхъ идеаловъ, рискуя при этомъ прогнѣвать и насмѣшить массу однокорытниковъ, тогда какъ существуютъ идеалы вполнѣ формулированные, ни отъ кого не возбраненные и для всѣхъ однокорытниковъ равно любезные?

Я знаю, что унылые люди все-таки не убѣдятся моими доводами и будутъ продолжать говорить: стыдно! Но что такое стыдъ?—спрашиваю я васъ. По моему мнѣнію, стыдъ есть вывороченная на изнанку наглость. Или, говоря иными словами, и стыдъ, и наглость—игра словъ, въ которой то или другое выраженіе употребляется, глядя по дѣлу. Поэтому, когда до слуха моего доходитъ слово «стыдъ», то мнѣ всегда кажется, что мимо пролетѣла муха и, никого не обезпокоивъ, исчезла въ пространствѣ.

Итакъ, будемъ благополучны, и не постыдимся. Къ этому приглашаютъ насъ привычка и опытъ, а наконецъ, и разсужденіе... Да, хоть и кажется съ перваго взгляда, что въ атмосферѣ служительскихъ словъ для разсужденія нѣтъ мѣста, однако, это справедливо лишь отчасти.

Разсужденіе бываетъ большое и среднее (малое, какъ черезъчуръ обидное, пускай останется въ сторонѣ). Большое разсужденіе въ служительскомъ дѣлѣ не только не имѣетъ приложенія, но даже прямо препятствуетъ. Собственно говоря, его слѣдуетъ даже предварительно покорить, если хочешь удачно разрѣшить задачу: кто истинно счастливый человѣкъ? Случается, конечно, что и большое разсужденіе можетъ служить источникомъ чистѣйшихъ наслажденій, но тутъ уже предполагаются особенные люди и особенная споспѣшествующая обстановка. Для людей среднихъ и при средней обстановкѣ потребно разсужденіе среднее. Оно одно укажетъ человѣку въ перспективѣ безопасное служительское счастіе, одно поможетъ примириться съ этимъ счастіемъ и преподастъ средства для его осуществленія.

Это среднее разсужденіе какъ разъ кстати явилось ко мнѣ на помощь. Оно убѣдило меня, что прежде всего слѣдуетъ обезпечить безопасность процесса своего личнаго существованія. Жажда жизни, независимо отъ всякихъ обстановокъ (дурныхъ или хорошихъ), сама по себѣ столь существенна, что ей вполнѣ естественно подчиняются всѣ другія жизненныя стремленія и опредѣленія. Жить надо—вотъ главное, хотя бы слово: «жить», было равносильно выраженію: «маяться». Люди, которые годами изнемогаютъ подъ бременемъ непосильныхъ физическихъ страданій, люди, у которыхъ судьба отняла не только радости, но и самое обыкновенное спокойствіе, — и тѣ омертвѣлыми руками цѣпляются за жизнь и коснѣющимъ языкомъ твердятъ: жизнь есть ликованіе. Жизнь — это жестокая неизбѣжность, и не всякому дано поднять противъ нея знамя бунта. Но поэтому-то именно, самая простая справедливость и требуетъ, чтобы существа, надъ которыми вѣчно виситъ этотъ Дамокловъ мечъ, имѣли,

по малой мѣрѣ, возможность принимать его удары безъ особеннаго изумленія.

Услуги средняго разсужденія въ этомъ случаѣ неоцѣненны. Оно съ необыкновенною ясностью убѣждаетъ, что жизнь обязательна, и затѣмъ указываетъ, для соглашенія съ нею, именно на тѣ средства, которыя въ данную минуту благовременны. Оно не поведетъ въ область эмпиреевъ, заблужденій и риска, а прямо предложитъ оголенное отъ всякихъ экскурсій существованіе, не блестящее и не особенно интересное, но зато общепризнанное и вполнѣ защищенное. Но, главное, оно докажетъ, что все старое, колеблющееся, дававшее только кажущійся просторъ, исчезло навсегда! Да-съ, навсегда-съ. Что корабли сожжены, и слѣдовательно, ничего другого не остается, какъ совсѣмъ забыть о томъ, что они когда-то были...

Такимъ образомъ, привычка—воспитываетъ и предрасполагаетъ; опытъ—свидѣтельствуетъ и подтверждаетъ; разсужденіе—убѣждаетъ и преподаетъ нужныя средства. Совокупность всѣхъ этихъ функцій производитъ въ результатѣ психологическій моментъ.

Именно этотъ психологическій моментъ и выручилъ меня въ трудную минуту.

Во-первыхъ, онъ ввелъ меня въ заколдованный кругъ патентованныхъ русскихъ пословицъ.

Во-вторыхъ, онъ убѣдилъ меня, что жизнь обязательна, и что сохранить и обезпечить спокойное теченіе ея можно только при помощи приспособленій, вполнѣ отвѣчающихъ требованіямъ современности.

Въ-третьихъ, онъ доказалъ, что какія бы усилія я лично ни употреблялъ, какъ бы широко ни захватывалъ, хотя бы даже «жегъ сердца глаголомъ» (на что, впрочемъ, ни малѣйше не претендую)—все-таки изолировать меня можно во всякое время, безъ всякихъ усилій, и никто этого не замѣтитъ.

Таковы три элемента, при помощи которыхъ достигается современное человѣческое благополучіе. Но для того, чтобы послѣднее не оставалось только возможностью, но получило практическое осуществленіе, необходимо, чтобы упомянутые сейчасъ элементы были восприняты не только сознательно, но и вполнѣ искренно. «Мало обличать,—любить надо»,—прорицали когда-то наши «почвенники», тонко инсинуируя, что обличеніе равносильно отсутствію патріотизма и измѣнѣ. Я же отъ себя, въ

превосходной степени, прибавляю: «Мало любить; надо, сверхъ того, представить несомнѣнныя таковой любви доказательства». Разъ эти доказательства представлены, можно смѣло глядѣть въ глаза будущему.

Я не стану говорить здѣсь ни о пользѣ русскихъ пословицъ, въ качествѣ жизненнаго подспорья, ни о томъ, что принципъ самосохраненія искони служилъ главнымъ регуляторомъ поступковъ и дѣйствій подневнаго человѣка — все это вещи общеизвѣстныя. Но не могу не остановиться нѣсколько подольше на вопросѣ о человѣческой изолированности.

Я личнымъ опытомъ основательно и безповоротно убѣдился, что человѣку, который живетъ и дѣйствуетъ внѣ сферы служительскихъ словъ, ни откуда поддержки для себя ждать нечего. Сколько разъ, въ теченіе моей долгой трудовой жизни, я взывалъ: гдѣ ты, русскій читатель? откликнись! — и, право, даже, сію минуту не знаю, гдѣ онъ, этотъ русскій читатель. По временамъ, правда, мнѣ казалось, что гдѣ-то просвѣчиваютъ какіе-то признаки, свидѣтельствующіе о самосознаніи и движеніи впередъ, но чѣмъ глубже я уходилъ въ ту страну терній, которая называется русской литературой, тѣмъ болѣе и болѣе убѣждался въ безплодности моихъ чаяній. Нѣтъ тебя, любезный читатель! еще не народился ты на Руси! Нѣтъ тебя, нѣтъ и нѣтъ.

Русскій читатель, очевидно, еще полагаетъ, что онъ самъ по себѣ, а литература—сама по себѣ. Что литераторъ пописываетъ, а онъ, читатель, почитываетъ. Только и всего. Попробуйте сказать ему, что между нимъ и литературной профессіей существуетъ извѣстная солидарность—онъ взглянетъ на васъ удивленными глазами.—Ахъ, нѣтъ! скажетъ онъ, лучше я совсѣмъ не буду «связываться», чѣмъ добровольно наложу на себя какое-то обязательство!

И какъ скажетъ, такъ и сдѣлаетъ. И когда за тѣмъ для писателя наступитъ трудная минута, то читатель въ подворотню шмыгнетъ, а писатель увидитъ себя въ пустынѣ, на пространствѣ которой тамъ-и-сямъ мелькаютъ одинокіе сочувствователи изъ команды слабосильныхъ.

Это не вѣроломство, не предательство и даже, пожалуй, не трусость; но во всякомъ случаѣ, несомнѣнное безсиліе.

Мнѣ скажутъ, быть можетъ, что у писателя должны быть въ запасѣ свои личныя силы, въ которыхъ онъ обязывается почерпать для себя устойчивость... Да, но какія же это силы, коль скоро самой простой мышеловки достаточно, чтобы обратить ихъ въ прахъ!

Спрашивается, теперь: ежели ни изнутри, ни извнѣ нельзя ожидать для жизни защиты—гдѣ же ее искать?...

Именно такъ я и поступилъ. Сначала испугался, но затѣмъ очень быстро очнулся, и безпрекословно погрузился въ пучину служительскихъ словъ.

Теперь я жуирую. Цѣлое лѣто провелъ въ переѣздахъ изъ Аркадіи въ Ливадію, и кончилъ тѣмъ, что получилъ флюсъ. Это загнало меня на зимнія квартиры, гдѣ, въ ожиданіи открытія «Palais de Cristal», я перехожу отъ Дюссо къ Донону, и отъ Донона къ Борелю. И хотя, по прежнему, «ничего не дѣлаю», но понимаю, что между прежнимъ моимъ ничего «не дѣланіемъ» и нынѣшнимъ—цѣлая бездна. Прежнее мое «ничего не дѣланіе» означало фырканье, фордыбаченье, фарсъ, озорство; нынѣшнее—ровно ничего не означаетъ, но зато пользу приноситъ. Ибо ни въ Аркадію, ни къ Дюссо, ни въ «Palais de Cristal»—никуда я не могу придти безъ кошелька, а разъ кошелекъ при мнѣ, я тутъ же воочію вижу, какъ, благодаря ему, кругомъ расцвѣтаетъ промышленность и оживляется торговля.

И я чувствую, какъ довѣріе, которое я совсѣмъ было утратилъ, вновь постепенно ко мнѣ возвращается. И дружественные мнѣ тайные совѣтники (въ теченіе длинной жизни я ихъ цѣлую уйму наловилъ), которые еще такъ недавно, при встрѣчахъ, обдавали меня холодомъ и говорили притчами, теперь вновь начинаютъ одобрительно кивать въ мою сторону, какъ бы говоря: еще одно усиліе—и... ничего въ волнахъ не будетъ видно.

Н. Щедринъ.

ПРОМЫСЛЫ и ЗАНЯТІЯ
ПЕТЕРБУРГСКАГО НАСЕЛЕНІЯ
по переписи 1881 года.

При разработкѣ данныхъ о занятіяхъ населенія статистика преслѣдуетъ весьма разнообразныя цѣли. Прежде всего, статистика выдѣляетъ населеніе самостоятельное отъ несамостоятельнаго, т.-е. лицъ, занимающихся заработкомъ, отъ лицъ, живущихъ на ихъ счетъ и съ ними, составляющихъ ихъ семью въ смыслѣ хозяйства, а за тѣмъ распредѣляетъ самостоятельное и несамостоятельное населеніе по главнѣйшимъ группамъ и классамъ промысловъ и источниковъ существованія. Въ каждомъ промысловомъ занятіи выдѣляются дающіе и берущіе работу, т.-е. хозяева, административный персоналъ крупныхъ предпріятій, рабочіе и одиночки; въ отношеніи всѣхъ берущихъ работу, кромѣ, конечно, одиночекъ, интересно знать число тѣхъ лицъ, которые въ день переписи не имѣли въ дѣйствительности заработка (были безъ мѣста). Изъ числа несамостоятельнаго населенія въ статистикѣ обыкновенно выдѣляются лица, не достигшія 10-лѣтняго возраста, а вся личная прислуга распредѣляется по группамъ хозяевъ, у коихъ она находилась въ услуженіи въ день переписи. Наконецъ, статистика обязана выдѣлить во всѣхъ занятіяхъ, въ самостоятельномъ населеніи, населеніе туземное отъ пришлаго. Только такимъ образомъ можно получить, при помощи статистики, очень подробную и въ высшей степени интересную картину промысловаго и экономическаго склада населенія.

Въ западно-европейскихъ государствахъ, за исключеніемъ Берлина и немногихъ другихъ большихъ городовъ Германіи, всѣ указанныя задачи статистики населенія вполнѣ нигдѣ не достигаются. Населе-

ніе городовъ входитъ въ общую группировку населенія государства, которая не бываетъ такъ детальна, потому что общая статистика задается менѣе широкими цѣлями. При сводкѣ данныхъ петербургской переписи 1881 года было, конечно, принято во вниманіе все, что должна давать и къ чему должна стремиться статистика большого города; а потому и въ изданномъ недавно томѣ занятій населенія разработка хозяйственнаго и общественнаго склада населенія сдѣлана самая подробная и всесторонняя. Но въ настоящемъ очеркѣ мы приведемъ одни самые общіе результаты и выводы изъ объемистаго тома таблицъ, наполняющихъ вторую часть перваго тома: „Петербургъ по переписи 15 декабря 1881 года".

а) Населеніе самостоятельное и несамостоятельное.

Прежде всего представляется существенно характернымъ соотношеніе самостоятельнаго и несамостоятельнаго населенія вообще и по главнымъ группамъ занятій.

Всего самостоятельнаго населенія въ Петербургѣ сосчитано: муж. 390,709 и женщинъ 197,520; несамостоятельнаго: муж. 82,520, женск. 190,548. Слѣдовательно въ числѣ петербургскаго населенія считается почти 68,3%, т.-е. болѣе двухъ третей такого, которое имѣетъ самостоятельныя средства существованія, и 31,7% живущихъ на средства перваго. Для мужчинъ эти отношенія будутъ: 82,5 и 17,5, для женщинъ 50,9 и 49,1%. Изъ валовыхъ итоговъ самостоятельнаго населенія слѣдуетъ, однако, исключить нѣкоторыя группы лицъ, которыя, въ строгомъ смыслѣ слова, не должны быть принимаемы въ разсчетъ при такой группировкѣ населенія, какъ, напр., воспитанники закрытыхъ заведеній, больные и арестанты. Безъ этихъ трехъ группъ численность самостоятельнаго населенія опредѣлится:

Мужчинъ. . . .	374,256	81,9%	на 100	сам. 22	не самост.
Женщинъ . . .	186,417	49,4	„ 100	„ 102	„ „
Обоего пола. . .	560,673	66,1	„ 100	„ 52	„ „

Такимъ образомъ, Петербургъ въ отношеніи распредѣленія населенія на самостоятельное и несамостоятельное находится въ положеніи болѣе благопріятномъ, нежели Москва, гдѣ на 100 самостоятельныхъ приходится только 40 несамостоятельныхъ, но уступаетъ Парижу, гдѣ на 100 самостоятельныхъ насчитывается почти 66 несамостоятельныхъ, и еще болѣе Берлину, гдѣ обѣ группы населенія почти одинаковы: 95 на 100.

Соотношеніе самостоятельнаго и несамостоятельнаго населенія въ отдѣльныхъ группахъ „занятій" представляется намъ въ слѣдующемъ видѣ:

	Самостоят. об. пола.	Несамостоят. об. пола.	На 100 самостоят. несамостоят.
Промышленность	187,912	92,312	49
Торговля	111,418	69,481	62
Свободныя профессіи	60,869	59,002	97
Войско	33,406	5,559	16
Прислуга личная	87,675	9,676	11 } 18
„ домовая	18,957	9,950	52 }
Лица, не имѣющія личнаго заработка	46,630	25,763	55

Въ частностяхъ разница между группами занятій по отношенію къ количеству самостоятельнаго и несамостоятельнаго населенія еще значительнѣе. Возьмемъ наиболѣе многочисленныя въ Петербургѣ группы занятій:

	Самост.	Несамост.	На 100 самост. несамост.	% дѣтей въ несам. насел.
Торговля въ собств. смыслѣ	58,350	41,477	71	40,8
Производство одежды и обуви	45,907	20,554	45	44,1
Перевозная пром.	29,973	16,339	54	40,9
Трактирная пром.	22,473	10,559	47	43,2
Строительная пром.	21,842	9,110	41	39,4
Произв. предметовъ потребл.	18,104	5,446	30	43,3
Обработка металловъ	17,579	12,228	69	41,7
Обработка дерева	15,734	8,296	52	41,5
Содерж. въ чистотѣ тѣла и одеждъ	14,361	4,938	34	57,4
Произв. машинъ и орудій	12,262	9,597	78	43,4
Обраб. волокнистыхъ веществъ	12,034	3,545	29	48,1
Чиновники админ. учрежд.	12,623	17,686	140	36,6
„ судебн. вѣд.	1,473	2,050	139	41,1
Казенная прислуга админ. учр.	9,053	9,840	108	33,2
Богослуженіе	1,805	2,668	148	38,4
Учебная и воспитательная дѣятельность	8,460	5,225	61	39,5
Врачебная дѣятельность	5,462	4,530	83	39,2
Живущіе доходами съ имущ.	11,216	12,209	108	32,5
„ пенсіею	11,290	8,768	76	26,6

Степень обремененія, такъ сказать, самостоятельнаго населенія несамостоятельнымъ, конечно, этими отношеніями не выражается вполнѣ точно: множество работниковъ, живущихъ въ столицѣ, имѣютъ семью на сторонѣ. Зато эти отношенія выражаютъ степень осѣдлости, если можно такъ выразиться, даннаго промысла и степень обезпеченности матеріальной, даваемой данною группой занятій. Только что приведенная таблица въ послѣднемъ столбцѣ даетъ % дѣтей до 10 л. въ общемъ составѣ семействъ самостоятельныхъ лицъ въ каждой взя-

той въ таблицѣ группѣ занятій. Эти отношенія чрезвычайно характерны. Изъ нихъ видна огромная разница между промысловымъ и не промысловымъ населеніемъ. Въ то время какъ промысловое населеніе сравнительно менѣе „семейно“ — въ числѣ лицъ составляющихъ семью дѣти представляютъ около 40%, рѣдко меньше 40 (въ среднемъ 42,4%); населеніе непромысловое, напротивъ, имѣетъ болѣе численныя семьи, но дѣтей въ этихъ семьяхъ меньше (въ средней для своб. профессій 38,7%). Среди пансіонеровъ совершенно понятно число дѣтей въ семьяхъ понижается до 26,6%.

Возьмемъ теперь въ промысловомъ населеніи отдѣльно группы хозяевъ, служащихъ, рабочихъ и одиночекъ. Администрація представляетъ впрочемъ мало интереса сама по себѣ, потому что имѣется только въ крупныхъ предпріятіяхъ, и по зажиточности и складу жизни подходитъ близко къ группѣ хозяевъ, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ.

Отношеніе самостоятельнаго и несамостоятельнаго населенія и отношеніе числа дѣтей къ несамостоятельному, по группамъ занятій и по группамъ соціальнымъ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

ГРУППЫ ЗАНЯТІЙ.	Хозяева.		Администр.		Работники.		Одиночки.	
	На 100 самост. несамост.	% дѣтей въ семьѣ	На 100 самост. несамост.	% дѣтей въ семьѣ	На 100 самост. несамост.	% дѣтей въ семьѣ	На 100 самост. несамост.	% дѣтей въ семьѣ
Торговля	235	40	115	40	31	43	53	39
Пр. одежды и обуви	209	42	56	49	15	50	64	43
Перевозная пром.	223	40	124	38	37	42	34	41
Трактирная пром.	125	44	89	44	18	40	83	37
Строительная пром.	235	40	108	35	22	38	55	41
Произв. предм. потребл.	266	38	149	41	16	48	38	64
Обработка металловъ	267	41	128	44	50	41	120	40
„ дерева	208	40	190	45	20	41	109	39
Содерж. въ чистотѣ тѣла и одежды	174	40	127	34	26	62	63	59
Пр. машинъ и орудій.	252	42	150	39	64	44	142	47
Обработка волокнистыхъ веществъ	268	37	164	42	22	51	33	49
Всего въ промышл. занятіяхъ	**207**	**40**	**127**	**39**	**29**	**44**	**59**	**43**

Итакъ, среди хозяевъ на каждые 100 самостоятельныхъ лицъ мы находимъ 207 несамостоятельныхъ, въ администраціи промышленныхъ предпріятій—127, у одиночекъ 59, а у рабочихъ только 29. Огромное большинство рабочихъ, слѣдовательно, безсемейные. Если считать нормальную семью изъ трехъ только лицъ (какъ у хозяевъ), то отсю-

будетъ слѣдовать, что семейныхъ рабочихъ не болѣе 10% всего рабочаго населенія.

Среди хозяевъ среднее отношеніе сохраняется въ большинствѣ главныхъ промысловыхъ группъ: оно падаетъ довольно значительно только въ трактирной промышленности, гдѣ мы встрѣчаемъ, между прочимъ, группу лицъ, занимающихся отдачею въ наемъ квартиръ, въ которой, на 3,877 хозяевъ, имѣемъ болѣе 83% хозяевъ, и на 100 самостоятельныхъ только 86 несамостоятельныхъ, что даетъ основаніе думать, что большинство торгующихъ квартирами люди безсемейные. Точно также между содержателями прачешныхъ заведеній, мало семейныхъ или, вѣрнѣе сказать, лицъ, имѣющихъ на своихъ рукахъ не рабочихъ членовъ семьи. Несравненно болѣе рѣзкія уклоненія встрѣчаемъ въ группѣ администраціи: тутъ относительное число несамостоятельныхъ падаетъ до 56 въ приготовленіи одежды и обуви до 89 въ трактирной промышленности. Въ группѣ одиночекъ столяры, слесаря, ремесленники, золотыхъ дѣлъ мастера и часовщики имѣютъ наибольшее число семейныхъ, также какъ портные и портнихи, родичіе музыканты (въ трактирной промышленности). Между рабочими относительное число несамостоятельныхъ значительно только въ тѣхъ промыслахъ, гдѣ рабочій элементъ является наиболѣе постояннымъ, такъ какъ работа требуетъ значительныхъ техническихъ качествъ отъ работника—обработка металловъ, машинное производство, и очень низко падаетъ въ трактирной промышленности, а также тамъ, гдѣ женщины составляютъ значительный процентъ рабочихъ: портняжное производство (портнихи, швеи), табачное (отнесенное въ группу производства предметовъ потребленій). Замѣчательно, что число дѣтей среди несамостоятельнаго населенія остается чрезвычайно постояннымъ между хозяевами, работниками и одиночками. Исключеніе представляютъ только среди рабочихъ и одиночекъ группы—содержаніе въ чистотѣ тѣла и одежды, обработка волокнистыхъ веществъ, производство предметовъ потребленія, производство одежды и обуви. Обращаясь къ матеріаламъ переписи для объясненія большого числа дѣтей въ указанныхъ группахъ занятій, мы находимъ тамъ совершенно ясныя указанія на то, что въ нѣкоторыхъ изъ производствъ этихъ группъ особенно великъ процентъ женщинъ съ семьями, хотя и малочисленными, но состоящими изъ большого числа дѣтей (незаконныхъ?). Такъ на 4,967 бѣлошвеекъ, работницъ и одиночекъ, найдемъ 1,243 несамостоятельныхъ (25 на 100) и изъ нихъ болѣе 51% дѣтей, на 13,156 швей — 2,651 несамостоятельныхъ и 52% дѣтей, на 11,467 прачекъ—3,374 несамостоятельныхъ и 65% дѣтей. Въ обработкѣ хлопка находимъ 41% работницъ на 100 ра-

ботинковъ об. пола и 54% дѣтей (на 100 несамостоятельныхъ); въ табачномъ производствѣ мы имѣемъ 72% работницъ и столько же дѣтей въ числѣ несамостоятельныхъ.

б) Численность личной прислуги въ отдѣльныхъ группахъ занятій.

Количество личной прислуги можетъ служить едва ли не лучшимъ указателемъ на имущественную обезпеченность, зажиточность и на домашній бытъ любой группы населенія. Въ этомъ отношеніи матеріалъ переписи далъ довольно интересные факты.

Вотъ таблица, показывающая на сколько самостоятельныхъ и несамостоятельныхъ лицъ приходится 1 личная прислуга въ промысловыхъ занятіяхъ:

Главнѣйшія группы занятій.	Хозяева.	Администр.	Работники	Одиночки.
	1 прислуга на 0,0		самостоят. и несамостоят.	
Торговля	3,2	3,4	34,7	77,6
Пр. одежды и обуви .	6,6	6,0	132,6	36,0
Перевозная пром. . .	9,6	4,2	138,1	441,4
Трактирная пром. . .	6,4	7,2	114,3	9,6
Строительная пром. .	7,2	4,5	320,1	69,4
Произв. предм. потребл.	3,1	4,4	160,8	367,0
Обработка металловъ .	5,3	5,6	195,7	36,0
„ дерева . .	9,5	117,2	398,1	85,4
Содерж. въ чистотѣ тѣла и одежды . .	4,0	12,0	228,9	52,9
Пр. машинъ и орудій .	4,5	4,5	155,9	15,2
Обработка волокнистыхъ веществъ . .	2,6	3,0	215,4	70,0
Промысловыя занятія вообще	4,5	3,8	101,0	50,5

Въ непромысловыхъ классахъ населенія мы находимъ слѣдующее отношеніе числа прислуги къ числу хозяевамъ:

	1 прислуга на:	
Чиновники	2,7	хозяевъ.
Казенная прислуга	29,8	„
Богослуженіе. , ...	4,3	„
Учебная и воспит. дѣятельн.	3,7	„
Врачебная дѣятельность . .	3,3	„
Доходъ съ имущества . . .	1,6	„
Пенсія	4,2	„
Свободныя профессіи вообще.	2,4	„

Такимъ образомъ по степени матеріальной обезпеченности и культурности главныя группы населенія идутъ въ такомъ порядкѣ:

	1 прислуга на:
Лица, живущія доходами съ имущества.	1,6 чел.
Лица свободныхъ профессій	2,4 „
Администрацій промышленныхъ предпріятій . . . . , ...	8,8 „
Лица, живущія пенсіею.	4,2 „
Хозяева промышленныхъ предпріятій .	4,5 „
Прислуга казенныхъ мѣстъ	29,8 „
Одиночки въ промысловыхъ занятіяхъ .	50,5 „
Работники.	101,0 „

в) Занятія самостоятельнаго населенія.

Самостоятельное населеніе, какъ показано выше, равняется 588,235 ел. об. пола. Изъ этого числа въ промысловыхъ занятіяхъ 308,332, ли 52,5%, занимаются профессіями, 94,295 или 15,8% состояли прис-угой личной и домовой 106,631, или 18,2%, не имѣютъ личнаго работка 74,193, т.-е. 12,7% и не означили своего занятія 4,784 ли 0,8%.

Отдѣльныя группы промысловыхъ занятій даютъ заработокъ слѣ-ующему проценту самостоятельнаго населенія:

Торговля	8,9%
Производство одежды и обуви	7,8
Перевозная промышленность.	5,1
Содержаніе въ чистотѣ тѣла и одежды. .	4,1
Строительная промышленность	3,7
Трактирная промышленность.	3,7
Производство предметовъ потребленія . .	3,0
Обработка металловъ	2,9
Производство машинъ и орудій.	2,8
Обработка дерева	2,7
Обработка волокнистыхъ веществъ	2,1
Кожевенное и писчебумажное производство	1,6
Полиграфическія производства	1,3
Посредничество торговое	0,9
Проституція	0,4
Сельское хозяйство и рыболовство	0,3
Добываніе и обработка камней и земель. . .	0,3
Химическія производства	0,2
Обработка соли	0,1
Страхованіе	0,1

Въ отдѣлѣ профессіональныхъ занятій по отношенію къ общему слу самостоятельнаго населенія составляютъ:

Личная прислуга	14,9%
Военно-служащіе.	5,7
Прислуга при разныхъ учрежденіяхъ . .	3,9
Домовая прислуга	3,3
Чиновники административныхъ учрежд. .	2,2

Учебный и воспитательный персоналъ. .	1,4
Врачебный персоналъ	0,9
Полицейскіе чины	0,7
Занимающ. наукой, литерат. и искусств.	0,5
Занимающ. богослуженіемъ и связанными съ нимъ занятіями	0,3

Наконецъ между лицами, не имѣющими личнаго заработка, составляютъ:

Призрѣваемые	2,4%	всего	самост.
Живущіе доходами съ имущ. .	1,9	"	"
" пенсіею	1,9	"	"
" на средства родствен.	1,6	"	"
Больные въ больницахъ . . .	1,3	"	"
Арестованные.	0,4	"	"
Содержанки	0,07	"	"

Среди лицъ, не означившихъ своего занятія, вовсе не дали отвѣта 3,707 человѣкъ, а обозначили занятіе, которое не было возможности отнести ни въ какую рубрику—1,077 человѣкъ.

Не безъинтересно для характеристики занятій населенія взять нѣкоторыя его группы по отношенію не къ самостоятельному населенію, а къ общему числу жителей города. Располагая относительную численность самостоятельнаго населенія этихъ нѣкоторыхъ группъ занятій, получимъ, что 1 самостоятельный приходится на слѣдующее число жителей:

	Жители:		Жители:
1 работникъ въ промысловыхъ заведеніяхъ. . . на	3[1]	1 живущій на средства родныхъ . . . . "	89
1 личная прислуга. . . . "	10	1 портной . . . . "	90
1 учащійся (или —щаяся) . "	12	1 больной . . . . "	107
1 военный . . . . "	25	1 бѣлошвейка. . . . . . "	163
1 хозяинъ промышл. предпр. "	30	1 типографщикъ и литографъ "	166
1 призрѣваемый. . . . . "	61	1 учительница . . . . . "	168
1 чиновникъ . . . . . . "	61	1 торгующій напитками. . "	170
1 модистка, швея . . . . "	62	1 полицейскій. . . . . . "	208
1 сапожникъ. . . . . . . "	67	1 отдающій квартиры . . "	223
1 извощикъ . . . . . . "	72	1 слесарь . . . . "	232
1 прачки . . . . "	73	1 булочникъ . . . . . . "	236
1 торгующій съѣст. припас. "	73	1 учитель . . . . "	291
1 живущій доходами . . . "	76	1 арестантъ . . . . . . "	308
1 " пенсіею . . . "	76	1 кузнецъ . . . . "	315
1 столяръ . . . . "	78	1 художникъ, артистъ . . "	417
1 трактиро-промышлен. . "	84	1 публичная женщина . . "	462[2]

[1]) Во всѣхъ послѣдующихъ названіяхъ разумѣются всѣ самостоятельные даннаго наименованія, т.-е. хозяева, администрація, работники и одиночки.

[2]) 1 публичная женщина на 59 холостыхъ въ возрастѣ 20—50 л.

1 кандитеръ	478	1 адвокатъ	„ 1261
1 врачъ	„ 657	1 колбасникъ	„ 1369
1 баньщикъ	„ 681	1 аптекарь	„ 1538
1 пивоваръ	„ 689	1 банкиръ, мѣняла	„ 1846
1 акушерка	„ 738 [1]	1 перчаточница	„ 2079
1 продавецъ табаку	„ 823	1 ученый, литераторъ	„ 2121
1 мусорщикъ	„ 946	1 фотографъ	„ 2254
1 парикмахеръ	„ 985	1 торговецъ книгами	„ 2321
1 огородникъ	„ 1168	1 закладчикъ	„ 2489
1 молочница	„ 1223	1 судья	„ 2700

Раздѣляя участниковъ въ промысловыхъ занятіяхъ на дающихъ и берущихъ работу, мы отбросимъ одиночекъ и вычислимъ сколько на каждаго хозяина или работодателя приходится, въ разныхъ группахъ, производствъ подчиненныхъ ему лицъ управляющаго и рабочаго персонала:

	Число хоз.	Число упр. и раб.	На 1 хоз. упр. и раб.
Сельское хоз. и рыболовство	767	1,443	2,1
Добыв. и обраб. земель и камней	146	1,517	10,4
Обработка металловъ	1,157	15,520	13,4
Произв. машинъ и орудій	576	11,483	19,2
Химическое производство	28	1,392	49,7
Обработка соли	30	516	17,2
Кожевенное и писчебумажное производство	356	8,912	25,0
Обработка волокнистыхъ вещ.	233	11,221	48,1
Обработка дерева	1,610	11,967	7,4
Произв. предметовъ потребл.	749	16,698	22,3
Произв. одежды и обуви	3,647	28,422	7,7
Содерж. въ чистотѣ тѣла и одежды	551	22,844	41,4
Строительная промышленность	1,601	17,697	11,0
Полиграфическое произв.	560	7,658	13,6
Торговля	7,789	36,459	4,6
Посредничество въ торговлѣ	1,069	4,597	4,3
Перевозная промышленность	1,595	22,793	14,2
Трактирная промышленность	5,867	16,318	2,7

Перепись населенія, конечно, не можетъ дать точныхъ свѣденій о размѣрѣ промысловыхъ или торговыхъ предпріятій, потому что она не имѣетъ возможности выдѣлить во всѣхъ случаяхъ акціонерныхъ и вообще товарищескихъ предпріятій отъ личныхъ, и въ общихъ итогахъ будетъ давать всегда нѣсколько ложное представленіе о числѣ рабочихъ на 1 предпріятіе (напр., въ перевозной промышленности извощики хозяева сравниваются съ админ. и рабочими не

[1] 1 акушерка на 23 родильницы.

только извощиковъ, но и желѣзныхъ дорогъ, пароходныхъ компаній, число хозяевъ коихъ остаются неизвѣстными), хотя выдѣленіе одиночекъ въ особую рубрику значительно ослабляетъ сказанный недостатокъ. Такъ что приведенныя отношенія могутъ имѣть значеніе не для экономической, а для соціальной оцѣнки данной группы занятій, давая отвѣтъ на вопросъ, какъ велико соотношеніе между болѣе обезпеченной и менѣе обезпеченной частью участвующихъ въ ней.

Въ классахъ и подклассахъ выдѣленіе единоличныхъ предпріятій отъ сложныхъ и опредѣленіе размѣровъ первыхъ дѣлается болѣе возможнымъ, по соображенію вообще съ характеромъ промысла, хотя и не во всѣхъ случаяхъ. Въ желѣзныхъ дорогахъ, паровыхъ и конныхъ, въ страхованіи мы имѣемъ дѣло только съ сложными предпріятіями, равно какъ и въ нѣкоторыхъ видахъ посредничества въ торговлѣ; въ нѣкоторыхъ отрасляхъ обрабатывающей промышленности или встрѣчаются предпріятія казенныя (пушечно-литейное, снаряжательное, писчебумажное — эксп. загот. госуд. бумагъ) или частныя сложныя (обработка хлопка, вагонное произв., механическіе заводы и пр.); но несомнѣнно, что въ большинствѣ промысловъ, приготовляющихъ пищу, одежду, инструменты и орудія и пр. мы имѣемъ дѣло съ предпріятіями единоличными, размѣры коихъ прямо опредѣляются числомъ работниковъ и служащихъ на 1 хозяина. Но и тутъ, для нѣкоторыхъ производствъ, зима, когда производилась перепись, время вовсе неблагопріятное для оцѣнки ихъ размѣровъ, потому что они наиболѣе развиваютъ свою производительность лѣтомъ (напр., кирпичное, огородное).

Для тѣхъ классовъ промысловъ и торговли, въ которыхъ единоличныя предпріятія являются преобладающими или исключительными, и которыя имѣютъ въ то же время наибольшее значеніе въ промышленности города (по числу лицъ, къ нимъ принадлежащихъ) мы имѣемъ слѣдующее отношеніе служащихъ и рабочихъ на 1 предпринимателя:

	Раб. на 1 хоз.		Раб. на 1 хоз.
Костеобжигательное и клееваренное произв.	87,0	Трактиры, рестораны	15,6
Прачешныя заведенія	64,2	Садоводство	14,7
Гончарное производство	46,3	Произв. скульптурныхъ издѣлій	12,[illegible]
Производство обоевъ	36,3	Монументное производство . .	12,[illegible]
Кожевенное производство . . .	34,7	Кузнечное производство	11,[illegible]
Произв. физич. и матем. инстр.	28,7	Экипажное производство	10,[illegible]
Произв. канатное и веревочное	28,1	Коробочное и футлярное произв.	10,1
Кондитерское произв.	23,1	Произв. извести, цемента. . . .	9,[illegible]
Механическія мастерскія . . .	17,5	Чулочное и вязальное произв. .	9,[illegible]
		Произв. бронзовыхъ издѣлій . .	9,[illegible]

Произв. бѣлошвейное.	9,2	„ мочальныхъ издѣлій . .	5,7
„ корзинное (плет. издѣл.)	9,0	„ портняжное	5,7
„ пробочное.	7,9	„ бочарное	5,5
Торговля изъ мелочныхъ лавокъ	7.9	„ обуви.	5,2
Произв. колбасное.	7,8	„ иконописное.	5,2
„ кислощейное и квасное	7,7	Рыболовство	4,5
„ переплетное.	7,7	Мѣнялы, банкиры.	4,5
„ шляпное и фуражечное	7,3	Произв. вывѣсочное	4,4
„ мѣдныхъ издѣлій (дом. потребл.)	7,2	Торговля напитками.	4,4
		Гостинницы, меблиров. комнаты	4,1
„ шорное	7,1	Огородничество	3,7
„ булочное	7,0	Произв. басонное и тесемочное	3,5
„ столярное и мебельное.	6,8	„ гробовъ	3,1
„ золотыхъ и серебр. изд.	6,6	„ парикмахерское	3,1
„ офицерскихъ вещей . .	6,5	Питейныя заведенія, портерныя	2,7
„ перчаточное.	6,5	Произв. часовое.	2,5
„ жестяныхъ издѣлій . .	6,3	Молочное хозяйство.	1,0
„ скорняжное	5,9	Торговля табакомъ.	1,0

г) Занятія уроженцевъ Петербурга.

Между занятіями петербургскихъ уроженцевъ и занятіями пришлаго населенія существуетъ довольно замѣтная разница не только въ частностяхъ, но и въ общемъ.

Такъ на 100 самостоятельныхъ числится:

	Уроженцы Петербурга:	Пришлые:
Въ промысловыхъ занятіяхъ. . .	43,1	54,2
„ свободныхъ профессіяхъ. . .	20,2	6,8
„ личной прислугѣ	9,1	16,0
Между живущихъ доходами. . .	4,7	1,7
„ „ пенсіею . . .	5,3	1,3

Между хозяевами промышленныхъ предпріятій туземцы составляютъ 4,7 на 100 самост. вообще, пришлые 4,8, въ администраціи пром. предпріятій туземцы 3,2, пришлые 1,2, между рабочими первые 28,6, вторые—41,9, между одиночками туземцы 6,6, пришлые 6,3. Вообще изъ 95,120 самостоятельныхъ лицъ, уроженцевъ Петербурга и 493,120 такихъ же пришлыхъ въ главныхъ группахъ занятій считалось:

	Въ % самост. насел. туземцы.	пришлые.	Или въ % къ группѣ туземцы.	пришлые.
Сельск. хозяйство и рыболовство	0,02	0,4	9,6	90,4
Добыв. и обраб. камней и земель	0,01	0,3	8,4	91,6
Обработка металловъ	2,7	3,0	14,6	75,4
Произв. машинъ, орудій и инструм.	1,9	2,1	14,4	85,6
Химическія произв.	0,06	0,3	4,5	95,5
Обработка соли	0,4	0,1	7,3	92,7

Кожевенное произв.	0,2	0,6	5,2	94,8
Произв. бумаги и издѣлія изъ нея	1,2	0,6	29,0	71,0
Обработка волокнистыхъ вещ.	1,4	2,2	11,4	88,6
Обработка дерева	1,2	2,9	7,9	92,1
Произв. предметовъ потребленія	2,0	3,2	11,1	88,9
Произв. одежды и обуви	11,8	7,0	24,5	75,5
Содерж. въ чистотѣ тѣла и одежды	1,3	2,5	15,1	84,9
Строительная промышленность	1,0	4,2	4,7	95,3
Полиграфическое произв.	1,9	1,3	32,1	67,9
Торговля товарами	3,3	8,7	7,2	92,8
Посредничество въ торговлѣ	1,5	0,6	26,2	73,8
Перевозная промышленность	1,4	5,8	4,9	95,1
Трактирная промышл.	1,5	4,2	6,6	93,3
Страхованіе	0,02	0,08	42,1	57,9
Проституція	0,03	0,4	15,0	85,0
Чиновники администр. учреж.	5,1	1,3	39,2	60,8
Прислуга администр. учрежд.	1,6	1,4	17,5	82,5
Судебное вѣдомство	0,4	02,	28,5	71,5
Полиція	0,4	0,7	10,9	89,1
Богослуженіе	0,6	0,4	23,5	76,5
Учебная и воспитат. дѣятельн.	2,9	1,1	30,2	69,8
Врачебная дѣятельность	1,6	9,8	29,0	71,0
Занятія наукой, литературой и искусствомъ	1,1	0,5	30,1	69,9
Прислуга личная	9,1	16,0	9,9	90,1
„ домовая	0,5	3,8	3,0	97,0
Живущіе доходами съ имущ.	4,7	1,7	39,6	60,4
„ пенсіею	5,3	1,3	44,6	55,4
„ на счетъ благотворит.	5,7	1,8	31,5	68,5
„ на счетъ родныхъ	2,2	1,5	21,9	78,1
Больные въ больницахъ	1,3	1,4	15,7	84,3
Арестанты	0,4	0,5	16,4	83,6
Все самостоятельное населеніе	100,0	100,0	16,2	88,8

Изъ этихъ рядовъ цифръ видно, что при значительномъ преобладаніи пришлаго населенія надъ туземнымъ, степень этого преобладанія различна въ разныхъ слояхъ населенія: она доходитъ до 90 и болѣе % въ нѣкоторыхъ производствахъ, спускаясь до 60 и 55 между рентьерами и пансіонерами (столбцы 4 и 5). Столбцы 2 и 3 этой таблицы ясно указываютъ преобладающія профессіи кореннаго населенія. Предпочтительно передъ пришлымъ населеніемъ уроженцы Петербурга оказываются, изъ промысловыхъ занятій, только въ приготовленіи одежды и обуви (1,7 : 1), въ приготовленіи бумаги и издѣліи изъ нея (2 : 1) и въ полиграфическихъ производствахъ (1,3 : 1). Напротивъ въ большинствѣ непромысловыхъ занятій и среди лицъ, не имѣющихъ личнаго заработка, мы вездѣ видимъ относительное преобладаніе уроженцевъ Петербурга (по отношенію, конечно, къ общему числу самостоятельныхъ лицъ, родившихся въ Петербургѣ).

Такъ, среди чиновниковъ отношеніе будетъ какъ 4 къ 1, т.-е., что изъ 100 самост. родившихся въ Петербургѣ вчетверо болѣе чиновниковъ, чѣмъ изъ 100 самостоятельныхъ не родившихся въ Петербургѣ. То же отношеніе получается для лицъ, живущихъ пенсіею. Слѣдующее мѣсто занимаютъ лица, живущія на счетъ благотворительности —3,1 : 1; потомъ идутъ:

Живущіе доходами съ имущества. . . .	2,8 : 1
Занимающіеся педагогич. дѣятельностью.	2,6 : 1
„ наукой, литерат. и искуств.	2,2 : 1
„ врачебной дѣятельностью.	2,0 : 1
„ богослуженіемъ	1,5 . 1
Живущіе на средства родныхъ	1,4 : 1
Прислуга административныхъ учрежденій.	1,1 : 1

д) Служащіе и работники безъ мѣста.

Если къ числу лицъ, обозначившихъ свое занятіе и указавшихъ, что они „безъ мѣста", прибавить поденщиковъ, безъ всякаго другого обозначенія, то всѣхъ, жившихъ безъ работы въ день переписи, насчитывалось въ Петербургѣ 22,125 чел. обоего пола, что составитъ 3,8% самостоятельнаго населенія, а именно:

Мужч. безъ мѣста.	6944	Поденщ. безъ мѣста	4957	Всего 11,901	3,1%	сам. нас.
Женщ. „ „ .	7569	Поденщ. „ „	2658	„ 10,224	5,3	„ „
Об. пола „ „ .	14510	Об. пола „ „	7515	„ 22,125	3,8	„ „

Эта, сама по себѣ значительная масса лицъ, не имѣвшихъ обезпеченнаго заработка, распредѣляется между промысловыми и непромысловыми занятіями такъ:

	Мужч.	Женщ.	Об. пола.	Отношеніе къ числу берущихъ работу.
Въ сельскомъ хозяйствѣ . . .	53	—	53	3,7
„ промышленномъ	6,996	3,322	10,318	6,3
„ торговлѣ	1,004	59	1,063	2,7
„ перевоз. и трактирн. пром. .	493	5	498	1,2
„ свободныхъ профессіяхъ . .	913	194	1,107	1,4
„ казенной прислугѣ	56	1	57	0,3
„ личной прислугѣ	1,679	6,643	8,322	9,4
„ домовой прислугѣ	707	—	707	5,0
Всего . . .	11,901	10,224	22,125	5,0

Итакъ, наибольшее число мужчинъ безъ заработка приходится на долю промышленности (58,9%), наибольшее число женщинъ на долю личной прислуги (65,4%). По группамъ занятій наибольшее число безмѣстныхъ — въ личной прислугѣ (болѣе 9%), затѣмъ въ промышленности обрабатывающей, въ домовой прислугѣ и сельскомъ

хозяйствѣ, наименьшее—среди казенной прислуги. По полу безмѣстные представляютъ такое отношеніе къ соотвѣтствующему самостоятельному населенію, берущему работы (Arbeitnehmer):

	Мужч.	Женщ.
Сельское хозяйство	4,2%	—
Обрабатывающая промышл. . .	6,0	8,0%
Торговля	2,7	7,2
Перевозная и трактирная пром.	2,4	0,2
Свободныя профессіи	1,3	2,2
Казенная прислуга	0,4	0,02
Личная прислуга	1,2	9,0
Домовая прислуга.	3,8	—

Собственно между рабочими въ промысловыхъ занятіяхъ безмѣстные мужчины (8307) составляютъ 4,4%, женщины (717)—1,5%; въ администраціи: мужчины 3,2% (279), женщины (11)—2,6%.

По отдѣльнымъ группамъ обрабатывающей промышленности наибольшее число безмѣстныхъ служащихъ и рабочихъ мы находимъ въ обработкѣ металловъ—3,4%, затѣмъ:

Въ приготовленіи одежды и обуви . . .	2,1%
„ полиграфическомъ промыслѣ	1,9
„ строительномъ производствѣ	1,7
Содержаніи въ чистотѣ тѣла и одежды. .	1,6
Производствѣ предметовъ потребленія . .	1,5
Производствѣ машинъ и орудій.	1,4
Обработкѣ дерева	1,3
Обработкѣ ископаемыхъ продуктовъ. . .	0,5

и по 0,4% въ производствахъ химическомъ, кожевенномъ и въ обработкѣ волокнистыхъ веществъ.

в) Сравненіе результатовъ переписи занятій 1881 года съ такою же переписью 1869 года.

Сравненіе результатовъ двухъ указанныхъ переписей можетъ быть сдѣлано въ болѣе или менѣе общихъ чертахъ, такъ какъ форма свода обѣихъ переписей различна. Не смотря на желаніе обработать матеріалъ переписи 1881 года такъ, чтобы сравненіе съ 1869 годомъ было возможно, пришлось въ сводкѣ занятій допустить значительныя уклоненія отъ формъ 1869 года, которыя представляютъ много несовершенствъ какъ въ классифицированіи занятій, такъ и въ распредѣленіи разныхъ группъ населенія по отношенію къ их взаимному хозяйственному положенію. Разработка переписи 1881 гораздо подробнѣе, чѣмъ переписи 1869 года, и только благодаря этому, можно изъ ея данныхъ построить такую же приблизитель-

систему распредѣленія, какая была принята для переписи 1869 года. Но при этомъ все-таки нѣкоторыя занятія, въ особенности непромысловыя, но также отчасти и промысловыя, не могутъ быть введены въ соотвѣтствующія рубрики занятій по схемѣ 1869, по неизвѣстности какія именно занятія вошли въ каждую изъ нихъ. Нѣкоторыя занятія, не раздѣленныя одно отъ другого при разработкѣ 81 года, раздѣлены въ 1869 и разнесены въ разныя графы. Во всякомъ случаѣ всю сводку 1881 года, для, сравненія съ 1869, слѣдовало перестроить, чтобы получить группы занятій, возможно болѣе сходныя по своему содержанію; передѣлать сводку 69 г. подъ систему 81 года почти невозможно въ виду меньшей дробности ея подраздѣленій [1]).

Результаты всей этой очень кропотливой работы даютъ слѣдующее:

1) Самостоятельное и несамостоятельное населеніе въ своемъ взаимномъ количественномъ соотношеніи почти не измѣнилось:

	мужч.		женщ.		об. пола.	
			1869 годъ.			
Самостоят. насел. . .	317,597	84,7%	145,693	50,2%	205,476	69,2%
Несамостоят. насел. .	59,783	15,9	144,134	49,8	461,731	30,8
Итого .	377,380	100,0	289,827	100,0	667,207 [2])	100,0
			1881 годъ [3]).			
	мужч.		женщ.		об. пола.	
Самостоят. насел. . .	386,971	81,8%	196,420	50,6%	282,678	67,2%
Несамостоят. насел. .	86,258	18,2	191,654	49,4	578,625	32,8
Итого. .	473,229	100,0	388,074	100,0	861,303	100,0

Итакъ несамостоятельное населеніе въ 1881 году представляется только немного бо̀льшимъ процентомъ, чѣмъ двѣнадцать лѣтъ тому назадъ. Въ то время какъ общее населеніе возрасло на 29,1%, самостоятельное увеличилось на 23,1, несамостоятельное на 37,5%. При этомъ мужское самостоятельное населеніе дало увеличеніе на 21,8, женское на 30,2%.

Для соотношенія обоихъ видовъ населенія по отдѣльнымъ видамъ занятій по перениси 1869 года мы можемъ взять только крупные

[1]) Прислуга учрежденій казенныхъ и общественныхъ въ сводкѣ 69 года, напр. совершенно скрылась, тогда какъ въ 1881 году, она рѣзко выдѣлена и разнесена по соотвѣтствующимъ графамъ. Несамостоятельное населеніе не разнесено по мелкимъ дѣленіямъ занятій самостоятельною, личная прислуга тоже. Часть населенія въ 69 году перечислена перечневымъ порядкомъ, причемъ не всѣ занятія выдѣлены одно отъ другого и пр.

[2]) Кромѣ того, дѣтей безъ опредѣленія пола 756 (воспитательный домъ).

[3]) Всѣ послѣдующія цифры за 1881 годъ не сходятся съ вышеизложенными, потому что онѣ иначе сгруппированы—для сходства съ сводомъ 1869 года.

виды (обрабатывающую промышленность, торговли и пр.). На 100 самостоятельныхъ приходилось въ 1869 и 1881 годахъ:

	1869 г.	1881 г.
	несамостоят.	
Въ промышленности обрабатывающей.	43	49
„ торговлѣ	94	62
„ перевозной и трактирной пром. .	46	51
„ классѣ живущихъ доход. съ имущ.	104	108
Между чиновниками	138	140
„ заним. воспитаніемъ и образов.	34	61
„ „ врачебнымъ дѣломъ . .	81	83
„ „ наукой, литературой . .	77	108
Во всемъ населеніи	45	52

Такимъ образомъ увеличеніе относительной численности коснулось почти всѣхъ группъ занятій, исключая торговли. Но сравненіе здѣсь не можетъ быть установлено съ достаточной точностью, такъ какъ матеріалъ 1869 года даетъ несамостоятельное населеніе въ слишкомъ общихъ итогахъ.

2) Распредѣленіе самостоятельнаго населенія по занятіямъ:

По тремъ главнымъ раздѣламъ самостоятельнаго населенія процентное распредѣленіе въ 1869 и 1881 годахъ представляется въ слѣдующемъ видѣ: на 100 м., ж. и об. п.—

	1869.			1881.		
	м.	ж.	об. п.	м.	ж.	об. п.
Промысловое населеніе	57,0	33,9	50,0	63,0	33,9	53,3
Насел. съ непромысл. заработкомъ.	34,1	45,4	37,6	29,3	45,6	34,7
Насел. не имѣющее личн. заработка	8,9	20,7	12,4	7,7	20,5	12,0

Изъ сравненія этихъ величинъ вытекаетъ, что процентъ лицъ съ непромысловымъ заработкомъ понизился въ пользу промысловаго населенія, которое настолько же увеличилось,—такъ какъ относительное число лицъ, не имѣющихъ заработка, не измѣнилось. Распредѣленіе женскаго насенія измѣнилось очень мало; тѣмъ рѣзче было это измѣненіе въ населеніи мужскомъ, гдѣ число лицъ съ непромысловымъ заработкомъ съ 34% упало до 29, лицъ, не имѣющихъ личнаго заработка съ 9 на 8, а въ промышленности и торговлѣ поднялось съ 57 на 63.

Въ наиболѣе многочисленныхъ группахъ занятій можно констатировать слѣдующія измѣненія.

Относительно уменьшилось число самостоятельныхъ:

	1869. об. пола.	1881. об. пола.	Уменьш. въ %
Занимающіеся наукой, литературой и искусствомъ	5,120	3,133	38,7
Чиновники администр. (гражданск. служба, вмѣстѣ съ каз. присл.).	20,707	14,945	38,5
Служащ. въ судебномъ вѣдомствѣ, адвокаты и пр.	2,326	2,055	11,6
Военная служба.	38,010	37,487	1,4

Въ этихъ четырехъ группахъ непромысловыхъ занятій, вмѣстѣ взятыхъ, число самостоятельныхъ упало съ 66,163 на 57,620, т.-е. на 13,1%.

Въ занятіяхъ промысловыхъ абсолютно уменьшилось число торгующихъ съ ларей—съ 482 на 89 (это, впрочемъ, надобно полагать, не вѣрно, и произошло случайно отъ того, что не всѣ занимающіеся торговлей дали точное показаніе о себѣ) и занятыхъ въ химическихъ производствахъ съ 1366 на 1350. Во всѣхъ остальныхъ группахъ число занятыхъ въ нихъ лицъ возрасло въ обоихъ полахъ за исключеніемъ личной прислуги. Этотъ классъ занятій представляетъ въ высшей степени характерное измѣненіе и своей численности, и своего состава. Число мужской прислуги понизилось съ 19,236 на 14,134, т.-е. на 36,1%; количество женской прислуги, напротивъ возрасло съ 57,663 на 73,541, т.-е. на 27,5%. Общее количество прислуги хотя и увеличилось (на 14%), но увеличеніе это было вдвое слабѣе возрастанія населенія (29%), вслѣдствіе чего отношеніе прислуги къ нанимателямъ измѣнилось такъ: въ 1869 году 1 прислуга приходилась на 7,9 человѣкъ населенія (безъ прислуги), въ 1881 г. на 8,9 человѣкъ [1]).

Наибольшій % прироста дала въ промысловыхъ занятіяхъ группа торговли деньгами и посредничества въ торговлѣ, а именно: 82,0. За нею слѣдуютъ въ нисходящемъ порядкѣ:

Писчебумажное и переплетное произ. . .	71,4%
Произв. по продовольствію	61,1
Торговля изъ лавокъ и оптовая	49,1
Строительная промышленность	40,8
Кожевенная „	40,5
Произв. по убранству жилищъ.	32,1
„ по одеждѣ	28,2
„ металлическихъ издѣлій	27,1
Разносная торговля	22,9
Произв. перевозн. средствъ, судостроеніе	10,3
Содержаніе въ чистотѣ тѣла и одежды .	7,2

[1]) Выше число прислуги взято по отношенію ко всему населенію, здѣсь за вычетомъ самой прислуги.

Въ непромысловыхъ занятіяхъ, за исключеніемъ служащихъ въ благотворительныхъ учрежденіяхъ, которые неизвѣстно куда причислены въ обработкѣ переписи 1869 года, отъ maximum'а къ minimum'у приростъ населенія идетъ въ такомъ порядкѣ:

Служеніе у частныхъ лицъ . . .	245,2%
Врачебная дѣятельность	100,0
Домовая прислуга. . . . , . .	100,0
Педагогическая дѣятельность . .	61,4
Богослуженіе	56,9
Почты и телеграфы	47,4
Полиція	22,7
Личная прислуга	14,0

Между лицами, не имѣющими личнаго заработка увеличилось: число призрѣваемыхъ на 108,7%, воспитанниковъ закрытыхъ заведеній на 41,2, больныхъ въ больницахъ—на 34,8, арестантовъ — на 32,4, живущихъ пенсіею—на 17,1; число живущихъ доходами съ имущества осталось совершенно неизмѣннымъ, даже въ своемъ распредѣленіи по полу.

ж) Занятія еврейскаго населенія.

Евреевъ въ средѣ петербургскаго населенія считается 16,826 чел. об. пола, что составляетъ около 2% (1,95). По отношенію къ самостоятельному населенію ихъ меньше — 1,3%, благодаря тому, что между ними несамостоятельное населеніе намного превышаетъ самостоятельное: на 100 самостоятельныхъ у евреевъ приходится 121,5 несамостоятельныхъ, тогда какъ въ населеніи Петербурга, вообще, отношеніе это будетъ всего 46,4. Если же изъ общаго числа еврейскаго и нееврейскаго населенія исключить воспитанниковъ закрытыхъ заведеній, больныхъ и арестантовъ, то на 100 самостоятельныхъ получимъ несамостоятельныхъ: между евреями 126, между неевреями — 52. Такимъ образомъ, тогда какъ въ населеніи Петербурга лица, не имѣющія самостоятельныхъ средствъ къ жизни, составляютъ только 34%, среди евреевъ они даютъ почти 56%, и евреи, несмотря на своеобразныя условія жизни большого города, сохраняютъ и при нихъ свою характерную особенность — массу потребительнаго населенія.

Самостоятельное еврейское населеніе Петербурга представляетъ цифру въ 7,606 человѣкъ обоего пола. Изъ нихъ 5,662 мужчины и 1,944 женщины. Это даетъ около 3 мужч. на 1 женщину, между тѣмъ какъ среди неевреевъ мы имѣли около 2 мужч. на 1 женщ.; отсюда сравнительно меньшее между евреями участіе женщины въ производительной дѣятельности.

Чѣмъ же занимаются, и какія средства къ жизни имѣютъ эти 7,606 самостоятельныхъ евреевъ и въ какой степени они соперничаютъ съ нееврейскимъ населеніемъ въ разныхъ отрасляхъ занятій?

Прежде чѣмъ отвѣтить цифрами на эти вопросы слѣдуетъ замѣтить, что получить отъ евреевъ точныя и опредѣленныя показанія о занятіи или средствѣ къ жизни при переписяхъ вообще очень трудно: они или вовсе оставляютъ такой вопросъ безъ отвѣта или отвѣчаютъ неопредѣленно, часто ложно. Этотъ общеизвѣстный фактъ повторился и при петербургской переписи 1881 года. Вовсе неопредѣлили своего занятія 183 еврея (86 муж. и 87 жен.), дали неопредѣленныя показанія 406 (390 муж. и 16 жен.), всего 589 человѣкъ самостоятельнаго населенія, что составляетъ 7,6% этого населенія (2,4% вовсе не опредѣлили занятія и 5,2% дали показанія недостаточно точныя для разнесенія по роду занятій). Между неевреями, вовсе не опредѣлили занятія 4,601, или 0,7%, дали показанія, дающія возможность отнести ихъ только въ крупныя группы занятій 18,577 или 3,2% самостоятельнаго населенія, всего, слѣдовательно 3,9%, или относительно вдвое менѣе чѣмъ у евреевъ. Изъ давшихъ неопредѣленные отвѣты принадлежали къ группѣ промышленности 12,909 неевреевъ и 72 еврея (2,3% и 0,8% самостоятельнаго населенія) и къ группѣ торговли 5,669 неевреевъ и 334 еврея (0,9% и 4,4% самостоят. населенія). Сколько затѣмъ осталось умышленно ложныхъ показаній, скрывающихъ настоящее занятіе евреевъ, конечно, нѣтъ возможности опредѣлить. Мы укажемъ только, что 581 еврей показали себя живущими на средства родныхъ и родственниковъ, что составляетъ 7,7% самостоятельнаго населенія, тогда какъ между неевреями такое показаніе дали 9,035 чел., т.-е. только 1,5% самостоятельнаго населенія (въ пять разъ меньше).

Обратимся теперь къ распредѣленію 7,606 самостоятельныхъ евреевъ обоего пола по занятіямъ и прежде всего возьмемъ три основныя дѣленія: населеніе промысловое, непромысловое и неимѣющее личнаго заработка. На 100 самостоятельныхъ принадлежатъ:

Къ промысловому населенію. . . .	64,8
„ непромысловому населенію . . .	17,2
„ не имѣющимъ личнаго заработка.	15,6

По группамъ занятій процентъ евреевъ къ общему числу самостоятельныхъ евреевъ идетъ въ такой послѣдовательности (въ нисходящемъ порядкѣ).

1) Промысловыя и торговыя:

Производство по одеждѣ	21,0
Торговля . . . . , .	14.1

Обработка металловъ	5,6
Полиграфическія производства . . .	4,3
Посредничество въ торговлѣ. . . .	3,6
Произв. машинъ и инструментовъ. .	2,5
Произв. предметовъ потребленія . .	2,3
Трактирный промыселъ.	1,8
Строительная промышленность . . .	1,7
Обработка дерева.	1,4
Перевозная промышленность. . . .	1,1
Обработка волокнистыхъ веществъ .	1,0
Остальныя 8 группъ промысл. занят.	4,4

Изъ 64,8% занятыхъ въ промыслахъ и торговли евреевъ 28,7% суть хозяева, 3,9% лица административнаго персонала, 41,7% работники и 25,7%—одиночки.

Между неевреями процентное распредѣленіе того же промысловаго населенія такое: хозяевъ 8,9, администрація предпріятій—29, работники 76,4, одиночки 11,8% [1]).

Отсюда видно, до какой степени евреи, сравнительно съ другими, захватываютъ себѣ въ промышленности и торговлѣ привилегированное положеніе хозяевъ, одиночекъ и администраціи. На 100 хозяевъ мы находимъ 4,6% евреевъ, на 100 служащихъ 2,0%, на 100 работниковъ 0,9, на 100 одиночекъ 3,4 евреевъ.

2) Непромысловыя занятія:

Врачебная дѣятельность.	5,0
Прислуга личная	3,1
Педагогическая дѣятельность . . .	2,8
Военная служба	1,4
Занятія литературой и искусствомъ .	1,2
Судебная дѣятельность	1,1
Административная дѣятельность . .	1,1
Служба у частныхъ лицъ.	0,5
Церковная служба.	0,4
Полиція	0,3
Домовая прислуга	0,2
Письменныя и чертежныя работы. .	0,1

3) Лица, не имѣющія личнаго заработка:

Живущіе на средства родныхъ. . .	7,7
„ доходами съ имущества . .	2,4
Больные въ больницахъ	1,7

[1]) Абсолютныя цифры:

хозяева	неевреи	27,148	служащіе	8,990
	евреи	1,317		188
работники	неевреи	231,251	одиночки	36,010
	евреи	2,158		1,270

Воспитанники закрытыхъ заведеній .	1.4
Призрѣваемые	0,9
Живущіе пенсіею	0,7
Арестанты	0,7
Содержанки	0,1

Изъ приведенныхъ цифръ слѣдуетъ, что производство одежды и торговля даютъ заработокъ болѣе чѣмъ $^1/_3$ петербургскихъ евреевъ, и болѣе чѣмъ половина—тѣхъ, которые заняты промышленностью и торговлей; врачебная и педагогическая дѣятельность занимаютъ почти половину евреевъ, принадлежащихъ къ непромысловымъ занятіямъ, и половина, не имѣющихъ личнаго заработка, живетъ на средства родныхъ.

Гораздо яснѣе опредѣлится значеніе евреевъ въ экономической жизни Петербурга, если мы разсмотримъ отношеніе числа ихъ къ общему числу населенія даннаго занятія.

Самостоятельное еврейское населеніе составляетъ, какъ сказано, 1,3% всего самостоятельнаго населенія. Для населенія промысловаго процентъ этотъ поднимается до 1,5, для непромысловаго падаетъ до 0,6.

Въ промысловыхъ занятіяхъ, разсматриваемыхъ по группамъ, этотъ же процентъ колеблется между 3,7 и 0,2. Нисходящій порядокъ группъ слѣдующій:

	% всего самост. насел. группы.
Полиграфическія производства. . .	3,7
Производство одежды и обуви . . .	3,4
Обработка соли, смолы и пр. . . .	3,3
Химическое производство	2,6
Обработка металловъ	2,5
Страхованіе.	2,4
Торговая промышленность	2,2
Проституція.	2,0
Производство машинъ и инструмент. .	1,5
Производство предметовъ потребленія	0.9
Обработка дерева	0,7
Кожевенное производство	0,7
Обработка волокнистыхъ веществъ .	0,6
Строительная промышленность. . .	0,6
Трактирный промыселъ	0,6
Обработка земель и камней. . . .	0,3
Перевозная промышленность . . .	0,2
Содержаніе въ чистотѣ тѣла и одежды	0,2
Сельское хозяйство.	0,2

Въ отдѣльныхъ наименованіяхъ занятій относительное число евреевъ идетъ еще выше, чѣмъ въ группахъ, и доходитъ до 52,4

на 100. Не перечисляя всѣхъ названій занятій (которое помѣщено во 2 части 1-го тома изданія переписи) ограничимся спискомъ тѣхъ изъ нихъ, въ которыхъ участіе евреевъ представляется наиболѣе значительнымъ.

Названіе занятій.	% евреевъ.	Названіе занятій.	% евреевъ
Произв, чернилъ и ваксы . . .	52,4	Шапочники, фуражечники . . .	3,5
Коммиссіонеры по торговлѣ. . .	43,4	Мѣдно-котельное производство .	3,5
Касса ссудъ, закладъ имущ. . .	40,7	Бродячіе музыканты	3,4
Часовщики	18,4	Проститутки одиночки	3,3
Содержаніе домовъ терпимости.	16,1	Торговля готовымъ платьемъ. .	3,2
Скорняки	13,9	„ безъ означенія	3,1
Служащіе въ торговыхъ контор.	12,4	„ табакомъ	3,1
Торговля мѣхами	9,0	„ въ разносъ	3,0
Маклера, агенты	8,3	Слесаря.	3,0
Вязальное производство	8,3	Водо- и газо-проводчики . . .	2,5
Жестяники	7,1	Торговля тряпьемъ	2,4
Бѣлошвейное производство. . .	5,6	Маляры	2,0
Переплетчики	5,6	Сапожники и башмачники . . .	1,9
Отдача комнатъ жильцамъ . . .	4,6	Водочные заводы	1,9
Кухмистерскія, трактиры . . .	4,6	Булочники	1,5
Золотыхъ дѣлъ мастера	4,5	Произв. табачныхъ издѣлій . .	1,1
Парфюмерное и мыловарн. пр.	4,4	Обойщики.	1,1
Типографіи, хозяева и рабочіе.	4,0	Служащіе на желѣзныхъ дорог.	0,9
Служащіе въ банкахъ	3,9	Кузнецы	0,9
Портные и портнихи	3,6		

Въ этихъ 39 занятіяхъ числится 3,886 евреевъ изъ 4,933 занятыхъ промыслами и торговлей (т.-е. 78,6%). Остальные 1,047 распредѣляются между 115 другими наименованіями занятій.

Въ непромысловыхъ занятіяхъ, евреевъ, относительно всего числа несамостоятельныхъ, болѣе всего въ судебномъ вѣдомствѣ—5,1%. Затѣмъ идутъ:

Врачебная дѣятельность	4,3%
Служба у частныхъ лицъ	4,2
Занятія литературой, искусствомъ	2,7
Педагогическая дѣятельность	1,2
Церковная служба	1,0
Чиновники и прислуга администр. учрежд. . .	0,7
Переписка и чертежныя работы	0,6
Служба въ полиціи	0,5
Военная служба (нижніе чины)	0,3
Личная прислуга	0,2
Служба въ благотворительныхъ учрежд. . . .	0,1
Прислуга домовая	0,07

Въ частности евреевъ находимъ:

Между	аптекарями, провизорами	20,0%
„	зубными врачами	10,8
„	адвокатами, ходатаями по дѣламъ . .	10,8
„	врачами	8,0
„	женщинами-врачами и акушерками .	5,9
„	литераторами	4,6
„	артистами, художниками	2,9
„	настройщиками	2,5
„	фельдшерами	2,5

всего самостоятельнаго населенія соотвѣтствующаго занятія.

Наконецъ, въ группѣ лицъ, не имѣющихъ личнаго заработка, приходится евреевъ:

Между	живущими на средства родныхъ . .	6,0%
„	содержанками	2,8
„	арестантами	1,9
„	живущими доходами съ имуществъ. .	1,5
„	больными въ больницахъ.	1,4
„	воспитанниками закрытыхъ заведеній.	0,8
„	получающими пенсію	0,5
„	призрѣваемыми	0,4

в) Занятія лицъ съ физическими недостатками:

Большинство лицъ, отмѣченныхъ физическими недостатками (слѣпыхъ, глухонѣмыхъ, безрукихъ и безногихъ), живетъ или на счетъ общественной и частной благотворительности или на попеченіи своихъ родныхъ; обѣ группы вмѣстѣ составляютъ 61% всего числа увѣчныхъ, распредѣляясь между ними почти по ровну (29,8% природныхъ и 31,2% призрѣваемыхъ). Затѣмъ болѣе 22,7%, несмотря на свое увѣчное состояніе, еще зарабатываетъ себѣ средства къ жизни разными промыслами.

Пенсіею существуютъ 6,2%, лежатъ въ больницахъ—3,1%, живутъ на средства, доставляемыя родными и родственниками, 2,7%, доходомъ съ капитала—1,8, нищенствующихъ 1,7%. Средства существованія 0,8% (15 человѣкъ) остались неизвѣстными. Эти общія отношенія для всѣхъ видовъ увѣчныхъ очень сильно, конечно, измѣняются въ зависимости отъ рода увѣчья съ одной стороны, отъ возрастнаго состава каждой группы увѣчныхъ, съ другой. Такъ, между слѣпыми стариковъ и дѣтей 49,2%, между глухонѣмыми 40,6%, и въ этихъ двухъ группахъ мы находимъ высшій % живущихъ на чужія средства, призрѣваемыхъ своими и посторонними—73,5 и 66,9%; Между лишенными обѣихъ рукъ, несмотря на то, что между ними 81,2% въ рабочемъ возрастѣ, 68,9% не имѣетъ своихъ средствъ къ жизни (самое число такихъ увѣчныхъ составляетъ всего 16 чел. обоего пола). Не имѣющіе одной ноги, за исключеніемъ 19,6%,

всѣ принадлежатъ къ рабочему возрасту, и между ними наименѣе живущихъ чужими средствами—32,2%; между лишенными одной руки 79,6% въ рабочемъ возрастѣ и 36,5% живутъ чужими средствами; въ немногочисленной группѣ совершенно безногихъ 30,8% нерабочаго возраста и 56% живущихъ на чужой счетъ.

Всѣхъ лицъ, несмотря на увѣчье, имѣющихъ личный заработокъ числилось въ 1881 году 443 изъ 1948 об. пола, въ томъ числѣ мужчинъ 340, женщинъ 103, т.-е. 32,8% мужчинъ и 11,3% женщинъ, 22,7% обоего пола.

Наибольшее относительное число лицъ, имѣющихъ заработокъ числятся между лишенными одной ноги 46,9%, затѣмъ между лишенными одной руки 43,6%. Абсолютное число первыхъ состоитъ изъ 90 мужчинъ и 18 женщинъ, число вторыхъ изъ 65 мужчинъ и 10 женщинъ. Эти цифры составляютъ для мужчинъ въ первомъ случаѣ 55,2%, во второмъ 53,7%, для женщинъ—26,8% и 19,6% общаго итога м. и ж., а по отношенію къ взрослымъ увѣчнымъ 53,8% для не имѣющихъ ноги и 56,2 для не имѣющихъ руки.

Между лишенными одной ноги мужчинами принадлежатъ къ группамъ:

Обрабатывающей промышленности . . .	57
Службы государственной	7
Торговли	6
Свободныхъ профессій	6
Трактирной промышленности	5
Перевозной промышленности.	4
Прислуги домовой	4
Прислуги личной	1

Между женщинами, къ—

обрабатывающей промышленности. . . .	10
личной прислугѣ	4
свободнымъ профессіямъ	3
трактирнымъ промышленникамъ	1

Въ частности изъ 57 мужчинъ и 10 женщинъ, занятыхъ въ обрабатывающей промышленности, приходится наибольшее число на слѣдующія занятія:

Мужчины:		Женщины:	
Сапожниковъ.	15	Швей и портнихъ	4
Портныхъ	13	Бѣлошвеекъ	2
Булочниковъ	3	Работ. на табачныхъ фабр. .	2
Фабр. рабочихъ безъ означенія.	3	Цвѣточницъ	1
Переплетчиковъ	2	Поденщицъ	1
Кровельщиковъ	2		
Рабоч. патроннаго завода .	2		

Остальные 17 мужчинъ встрѣчаются въ стольких же названіяхъ занятій, а именно слѣдующихъ: шлифовщикъ у оптика, коробочникъ, мѣдникъ, каретный обойщикъ, бронзовщикъ, столяръ, водопроводчикъ, раб. на бумагопрядильной, токарь, иконописецъ, живописецъ вывѣсокъ, кузнецъ, шорникъ, тряпичникъ, серебрянникъ, чугунолитейщикъ и чернорабочій.

Изъ шести мужчинъ, причисленныхъ къ торговой промышленности, трое разнощики, одинъ торгуетъ щетиной, одинъ агентъ торговаго дома и одинъ необозначившій родъ торговли. Въ трактирной промышленности двое сдаютъ комнаты жильцамъ, одинъ работникъ на постояломъ дворѣ, одинъ въ трактирѣ и одинъ въ пирожной. Въ перевозной промышленности: одинъ рабочій у ломового извощика и трое служатъ при желѣзныхъ дорогахъ. Въ домовой прислугѣ—трое стражей и одинъ дворникъ. Въ числѣ 6 мужчинъ въ свободныхъ профессіяхъ находимъ: учителей и преподавателей троихъ, настройщика одного, техника одного и служащаго въ больницѣ одного.

Между женщинами: двѣ служатъ при больницахъ, одна при аптекѣ, три прислуги безъ обозначенія, одна кухарка, одна сдаетъ комнаты жильцамъ.

Между не имѣющими руки мужчинами находимъ:

Обрабатывающая промышленность 28, а именно:

Рабочихъ необозначенныхъ фабрикъ	5
„ чугунныхъ заводовъ	3
„ резиновой фабрики	2
„ бумагопряд. фабрики	2
„ кожевенныхъ завод.	2
„ типографій	2
Портныхъ (безъ мѣста)	2
Поденщиковъ	2
Плотниковъ (безъ мѣста)	1
Рабочихъ водочнаго завода	1
Токарей	1
Рабочихъ оружейной мастерской	1
Рабочихъ ситцевой фабрики	1
Сапожниковъ	1
Рабочихъ писчебумажной фабрики	1
Рабочихъ пивоваренного завода	1

Торговля 12:

Разнощиковъ	7
Торгующихъ старьемъ	1
Посыльныхъ	3
Артельщиковъ	1

Трактирная промышленность 4:

Рабочихъ въ трактирахъ	3
Хозяевъ портерной	1

Перевозная промышленность 2:

Метельщиковъ кон. жел. дор. . 1
Извощиковъ ломовыхъ. . . . 1

Между женщинами:

Обрабатывающая промышленность 2:

Работницъ бумагопряд. фабрики . . 1
Цвѣточницъ 1

Трактирная промышленность 2:

Отдають комнаты жильцамъ 2

Кромѣ того, между мужчинами безъ одной руки встрѣчаемъ: чиновниковъ — 6, дворниковъ безъ мѣста—5, сторожей—4, швейцара—1, читальщика по усопшимъ—1, коровника—1, сторожа въ присутственномъ мѣстѣ—1. Между женщинами: личной прислуги 5 и ключницу дома терпимости 1.

Слѣдующая, послѣ двухъ разсмотрѣнныхъ по относительно[му] числу имѣющихъ промысловый и непромысловой заработокъ, ес[ть] группа глухонѣмыхъ—28,6%. Въ числѣ ихъ мужчинъ 143 или 36,5% и женщинъ 59 или 18,7% общаго числа глухонѣмыхъ, или 48,1% взрослыхъ обоего пола.

Промысловыя занятія глухонѣмыхъ, понятно, болѣе разнообразн[ы], чѣмъ безногихъ и безрукихъ. Вотъ списокъ ихъ въ нисходящем[ъ] порядкѣ для мужчинъ и для женщинъ:

Мужчины:

Сапожниковъ	27
Портныхъ	14
Наборщиковъ	10
Рабочихъ въ типографіяхъ . . .	7
Столяровъ.	7
Токарей	6
Служащихъ въ банкахъ	4
Переплетчиковъ	4
Извощиковъ ломовыхъ.	4
Коробочниковъ.	3
Раб. на писчебумажной фабр. . .	3
Рабочихъ на желѣзн. дорогахъ. .	
Поденщиковъ	
Слесарей	
Ретушеровъ	
Фотографовъ рабочихъ	

Женщины:

Портнихъ и швей	
Бѣлошвеекъ	
Прачекъ	
Папиросницъ	

и по одному мужчинѣ: обойщикъ, ксилографъ, землекопъ, олов[ян]щикъ, ткачъ, бочаръ, раб. на бумагопрядильной, на чугунно-лит[ей]номъ заводѣ, плотникъ, позолотчикъ, золотыхъ дѣлъ мастеръ, шо[r]никъ, жестянникъ, литографъ, механикъ, раб. на патронномъ завод[ѣ] и на табачной фабрикѣ, работникъ на лѣсной биржѣ, раб. п[ри] книжной лавкѣ, торговецъ, коровникъ и огородникъ.

По одной женщинѣ: шляпочница, работница на шеколадной фабрикѣ, на писчебумажной, резиновой, бумагопрядильной, неизвѣстной фабрикѣ, башмашница, перчаточница, ретушерка, коровница и торговка (безъ означенія).

Всего въ промысловыхъ заведеніяхъ мужчинъ—131, женщинъ—38. Въ непромысловыхъ занятіяхъ:

Мужчины:		Женщины:	
Чиновниковъ	16		
Личной прислуги	8 [1]	Личной прислуги	19 [1]
Учителей	2	Учительницъ	2
Дворниковъ	1		

Увѣчные, лишенные обѣихъ рукъ или ногъ, представляютъ наименьшія по численности группы—9 м. и 7 ж. въ первой и 30 м. 22 ж. во второй. При такой силѣ увѣчья, конечно, очень немногіе изъ нихъ могутъ имѣть какой-нибудь личный или промысловый заработокъ. Еще для безногихъ, но сохранившихъ руки, есть бо́льшая возможность заработка; но для совершенно безрукихъ его не существуетъ вовсе. Дѣйствительно, въ переписи встрѣтились между совершенно безрукими 1 хозяинъ сапожникъ и 1 хозяинъ токарь, да торговецъ, и тотъ безъ мѣста. Между безногими только 8 мужчинъ показали себя имѣющими заработокъ, а именно: сапожниковъ—1, башмачниковъ—2, портной 1, сдающій комнаты жильцамъ—1, разносщикъ (?) 1 и одинъ состоящій на государственной службѣ (?). Два изъ этихъ показаній, хотя отчетливо обозначены въ переписномъ бланкѣ, сомнительны. Изъ безрукихъ и даже безногихъ женщинъ ни одна не имѣла личнаго заработка.

Наконецъ, что касается слѣпыхъ, то относительное число ихъ, имѣющихъ заработокъ, самое незначительное—31 мужч. и 16 женщинъ, или 9,7% первыхъ и 3,5% вторыхъ, что́ даетъ около 12% взрослыхъ обоего пола; но и изъ этого числа слѣдуетъ исключить очень много такихъ, которые, по всему вѣроятію, не имѣли заработка и хотя обозначили его при переписи, но не пояснили, что были „безъ мѣста". По крайней мѣрѣ, многіе показали такія занятія, которыя для слѣпыхъ едва-ли выполнимы. Приводимъ здѣсь списокъ занятій слѣпыхъ по показанію переписи:

---

[1]) Поваровъ 2, лакей 1, одной прислугой женщинъ 10, горничныхъ 3, кухарокъ 2, прачекъ 2, судомоекъ 1, экономка 1.

Мужчины:

Таперовъ	6
Сапожниковъ (?)	3
Портныхъ (?)	2
Плетеніе корзинъ	2
Настройщиковъ	2
Сдача комнатъ	2
Торговля желѣзомъ (хозяинъ)	1
Щеточникъ (?)	1
Столяръ (?)	1
Рабочихъ пивоваренаго завода	1
Брозовщикъ (вертитъ колесо)	1
Золотыхъ дѣлъ мастеръ (хозяинъ)	1
Мусорщикъ (?)	1
Молотобоецъ (?)	1
Рабочій арсенала (?)	1
Пилка дровъ	1
Чернорабочій (?)	1
Ломовой извощикъ (?)	1
Рабочій въ аптекѣ (?)	1
Дворникъ безъ мѣста	1

Женщины:

Молочницъ хозяекъ	3
Вязанье чулокъ	3
Прислугъ безъ мѣста	3
Сдача комнатъ	2
Папиросницъ	2
Швея (?)	1
Раб. на бумагопрядильной фабр.	1
Поденщица	1

Несомнѣнно имѣющими промысловый доходъ можно считат 16 мужчинъ и 10 женщинъ.

и) Населеніе пригородныхъ участковъ по занятіямъ.

Пригородные участки столицы образуютъ обширное простран-ство въ 17,968 [1]) десятинъ земли съ 66,713 жителями, прилегающе къ ней по обѣ стороны р. Невы. Наибольшій изъ этихъ участко есть Шлиссельбургскій, пространствомъ въ 6,166,7 дес.; онъ ж есть и самый населенный (36,831 чел.); за нимъ слѣдуетъ Лѣсно 4,960 дес., Петергофскій — 3,939,6 дес., и наконецъ Полюстро скій—2,901,7 дес. Наименѣе густо населенъ участокъ Лѣсной, гд на 1 человѣка приходится болѣе 1868 кв. саж. пространства; выше Лѣсного стоитъ по населенности Полюстровскій участокъ—920,5 кв. саж. на 1 жителя и Петергофскій—593,2 кв. саж. на 1 жителя. Такимъ образомъ правая сторона Невы за чертой города оказываетс вдвое слабѣе населенной, чѣмъ лѣвая (въ первой 1263 кв. саж. въ послѣдней 567 кв. саж. на 1 жителя). Относительно распредѣ-ленія поземельной собственности, рѣдкую противуположность обра-зуютъ участки Шлиссельбургскій и Полюстровскій съ одной и Лѣс-ной и Петерргофскій съ другой, т.-е. участки, лежащіе по обѣ сто-роны Невы выше Петербурга, и участки, лежащіе ближе къ усть Невы, въ первыхъ двухъ участкахъ земли крестьянскихъ обществ составляютъ 63 и 65% всей земли, въ послѣднихъ—34 и 31%.

---

[1]) Данныя о пространствѣ, строеніяхъ и пр. пригородныхъ участковъ заимство-ваны изъ изданія Спб. уѣзднаго земства „Недвижимыя имущества и населенія при-городныхъ участковъ С.-Петербурга, 1883 г.“

По всѣмъ этимъ даннымъ можно было бы ожидать, что пригородные участки имѣютъ болѣе сельскій, чѣмъ городской характеръ. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи состава населенія по занятіямъ оказывается, что пригородные участки составляютъ продолженіе города въ отношеніи склада своего населенія, не исключая даже Лѣсного участка. Изъ самостоятельнаго населенія занимаются сельскимъ хозяйствомъ:

въ Лѣсномъ	участкѣ . .	26,7%
„ Полюстровскомъ	„ . .	9,0
„ Шлиссельбургскомъ	„ . .	5,8
„ Петергофскомъ	„ . .	4,6

въ то время, какъ промышленностью и торговлею занимаются: въ Шлиссельбургскомъ уч., 79,0%, въ Петергофскомъ—71,5, въ Полюстровскомъ—47,3 и Лѣсномъ 26,4% самостоятельнаго населенія [1]). Хлѣбопашествомъ, т.-е. тою промышленностью, которая составляетъ преобладающее занятіе сельскаго населенія, занимаются и того меньше:

въ Петергофскомъ	1,9%	самостоятельнаго населенія
„ Шлиссельбургскомъ	5,0	„ „
„ Полюстровскомъ	5,9	„ „
и Лѣсномъ	22,7	„ „

Слѣдовательно, болѣе отмѣчены городскимъ характеромъ пригородные участки лѣваго берега Невы, нежели праваго. Это выражается и въ соотношеніи самостоятельнаго и несамостоятельнаго населенія. На 100 самостоятельныхъ приходится несамостоятельныхъ въ участкахъ [2]):

Лѣсномъ	101	Шлиссельбургскомъ	65
Полюстровскомъ . .	76	Петергофскомъ . .	57

Наконецъ и взаимное соотношеніе половъ указываетъ на городской характеръ пригородовъ, потому что на 100 мужчинъ приходится женщинъ:

Петергофскій уч. . . .	60,1	Полюстровскій уч. . . .	83,0
Шлиссельбургскій уч. . .	77,7	Лѣсной уч.	91,6

---

[1]) Фабрикъ и заводовъ, по земскимъ даннымъ, дѣйствовало въ 1882 году: въ Шлиссельбургскомъ уч. 40, въ Полюстровскомъ—10, въ Петергофскомъ—8, въ Лѣсномъ ни одного.

[2])

Участки.	Самостоятельнаго. муж.	жен.	Несамостоятельнаго. муж.	жен.
Шлиссельбургскій	16422	5824	4316	10269
Полюстровскій	3132	1180	1005	2254
Лѣсной	2369	808	956	2238
Петергофскі	8305	1838	1646	4151

Распредѣляя самостоятельное населеніе по главнымъ группамъ занятій, получаемъ слѣдующую табличку:

		Пригороды			
Городъ.	Группы занятій.	Шлиссел.	Полюстр.	Лѣсной.	Петергоф.
0,3	Сельское хозяйство . .	5,8	9,0	26,7	4,6
32,8	Обрабатыв. промышл. .	70,3	40,5	12,3	58,9
10,1	Торговля	3,8	3,5	7,5	4,3
5,2	Перевозная пром. . . .	2.6	1,8	1,9	4,5
3,8	Трактирная промышл. .	2,3	1,5	4,7	3,8
12,2	Свободныя профессіи .	1,8	3,2	4,5	2,1
3,9	Прислуга учрежденій .	1,0	8,0	8,3	3,3
14,9	Прислуга личная . . .	4,3	8,0	6,3	5,3
3,3	Прислуга домовая . .	2,5	3,6	10,7	3,9
12,7	Лица не им. личн. зар. .	3,9	17,4	15,8	7,3
0,8	Лица съ неизв. занят. .	1,7	3,5	1,3	2,0

Изъ этой таблицы, чрезъ сравненіе послѣднихъ четырехъ столбцовъ съ первымъ, вытекаетъ сильно промысловый характеръ населенія пригородовъ. Въ то время, когда въ городѣ всѣ группы, стоящія внизъ, начиная съ свободныхъ профессій, даютъ 47,0% самостоятельнаго населенія, а вверхъ — 52,2%, въ пригородныхъ онѣ составляютъ:

Въ шлиссельбургскомъ участкѣ . .	13,5	и 84,8
„ полюстровскомъ участкѣ . . .	40,2	„ 56,3
„ лѣсномъ участкѣ.	45,6	„ 53,1
„ петергофскомъ	21,9	„ 76,1

Останавливаясь на населеніи, занимающемся обрабатывающей промышленностью, выдѣлимъ преобладающія въ ней группы и тогда получимъ, что въ Шлиссельбургскомъ участкѣ 42,2% самостоятельнаго населенія, занятаго въ обрабатывающей промышленности, принадлежитъ къ группѣ по обработкѣ волокнистыхъ веществъ (шерстопрядильная, бумагопрядильная и набивная промышленность), 13,3% къ группѣ по обработкѣ металловъ (рельсовое и сталелитейное), 7,0% къ группѣ производства машинъ (механическій заводъ) — итого въ этихъ трехъ группахъ 62,5% промышленнаго населенія. Въ Петергофскомъ участкѣ болѣе 60% промышленнаго населенія принадлежитъ къ двумъ группамъ: 35,4% къ группѣ „обработка металловъ" (чугунно-литейное и рельсовое производство) и 25,3% къ обработкѣ волокнистыхъ веществъ (бумаготкацкая и прядильная промышленность). Промышленность Полюстровскаго участка болѣе чѣмъ на половину принадлежитъ къ группамъ: химическихъ производствъ (порохъ) 21,2%, обработки дерева—18,2% (столярное производство) и обработки земель 16,5% (фаянсовое производство). Наконецъ въ Лѣсномъ участкѣ преобладающей отраслью промышленности является

строительная 37,0% (плотники) затѣмъ производство одежды—19,1% (сапожники) и обработка дерева—15,1% (столярное производство), такъ что это есть участокъ земледѣльческо-ремесленный по преимуществу.

Въ участкахъ Полюстровскомъ и Лѣсномъ кромѣ того обращаютъ на себя вниманіе крупныя относительныя величины числа лицъ, не имѣющихъ личнаго заработка — 17,4% самостоятельнаго населенія въ первомъ и 15,8 во второмъ. Составъ этой группы въ обоихъ участкахъ является очень различнымъ, какъ видно изъ слѣдующаго:

	Полюстр. уч.	Лѣсной уч.
Живущіе доходами съ имущества . .	50,6	24,5
„ пенсіею	4,9	4,7
Призрѣваемые	20,8	18,7
Больные	15,3	44,1
Воспитанники закрытыхъ заведеній .	7,4	—
Живущіе на средства родныхъ . . .	1,0	8,0

Значительнымъ числомъ бѣдныхъ отличаются и два другіе пригородные участка: въ Шлиссельбургскомъ ихъ 33,1% неимѣющихъ личнаго заработка, въ Петергофскомъ — 7,0%. Въ послѣднемъ призрѣваемые составляютъ болѣе $^2/_3$ (67%) неимѣющихъ личнаго заработка.

Классъ личной прислуги во всѣхъ участкахъ сравнительно вдвое малочисленнѣе чѣмъ въ самомъ городѣ. Болѣе всего личной прислуги въ Полюстровскомъ участкѣ (гдѣ 8,8% самостоятельнаго населенія мелкіе рентьеры) — 1 прислуга на 11 чел.; затѣмъ въ Лѣсномъ 1 на 14 чел.; въ Петергофскомъ 1 прислуга на 29 чел., а въ Шлиссельбургскомъ 1 на 363 чел. Домовая прислуга, въ видѣ дворниковъ многочисленныхъ дачъ (1734 дачи, отдаваемыя на лѣто, а зимой пустыя), особенно сильно представлена въ Лѣсномъ участкѣ, гдѣ она составляетъ болѣе 10,7% самостоятельнаго населенія (въ 4 раза больше относительно населенія, чѣмъ въ Петербургѣ).

і) Сравненіе Петербурга съ другими городами.

Складъ жизни большого города, внутренніе, такъ сказать, распорядки, и общественные, и экономическіе опредѣляются не только потребностями его собственнаго быта: они находятся въ зависимости отъ множества внѣшнихъ условій и въ томъ числѣ отъ значенія города въ жизни цѣлой страны. Въ особенности это обстоятельство имѣетъ значеніе по отношенію къ столицамъ. Географическое положеніе столицы можетъ опредѣлять степень и торговаго и отчасти

промышленнаго значенія, и такимъ образомъ вліять на численность вообще промысловыхъ классовъ населенія; система государственнаго устройства можетъ опредѣлять большую или меньшую численность служащихъ, войскъ и проч. и проч. Не мудрено поэтому, что сравненіе Петербурга съ другими столичными городами Европы должно представить въ результатѣ много особенностей въ хозяйственномъ и бытовомъ складѣ населенія. Но статистика населенія столицъ почти нигдѣ въ Европѣ, за исключеніемъ Россіи и Германіи, не служитъ предметомъ особенно тщательнаго анализа. По большей части столицы включаются въ общую перепись населенія въ государствѣ, и данныя о нихъ, хотя и показываются особыми итогами, но сама статистика населенія государства не разрабатывается по отношенію къ занятіямъ такъ подробно, какъ того требуетъ статистика городская. Статистика Парижа и Лондона болѣе подробна, чѣмъ статистика другихъ столицъ, но въ ней принята, какъ извѣстно, такая группировка матеріала, которая не даетъ никакой возможности сравнительнаго изученія.

Такимъ образомъ, намъ остается только сравненіе Петербурга изъ городовъ Западной Европы, съ однимъ Берлиномъ. Что же касается большихъ городовъ Россіи, то здѣсь тоже мало выбора для сравнительнаго изученія. Одна Москва, по своей послѣдней переписи может дать достаточный матеріалъ; но онъ въ полномъ видѣ еще не изданъ; другіе большіе города, гдѣ были переписи (Харьковъ, Кіевъ), или не даютъ статистики занятій вовсе (Харьковъ) или даютъ такую группировку промысловыхъ и соціальныхъ классовъ, которая не можетъ быть подведена подъ одну систему съ Петербургомъ и Берлиномъ. Какъ видно, слѣдовательно, не только международная статистика большихъ городовъ, но даже статистика большихъ городовъ отдѣльнаго государства лишена до сихъ поръ того единства въ своей разработкѣ, которое такъ необходимо для положительнаго знанія въ области общественныхъ наукъ.

Попытаемся однако сдѣлать нѣкоторыя сопоставленія, и начнемъ съ Москвы.

Группировка занятій московскаго населенія, за исключеніемъ многихъ и незначительныхъ частностей, довольно близка къ принятой для Петербурга. Но нѣкоторые классы населенія въ ней т[...]ются. Такъ напр. домашняя прислуга соединена въ одно съ по[...]щиками, и личная прислуга не выдѣлена отъ домовой; нѣтъ гру[...] лицъ, живущихъ отдѣльно отъ родителей и родственниковъ, но [...] ихъ средства и проч. Размѣщеніе же соціальныхъ группъ, въ краткой сводкѣ, которая только въ настоящее время и напеча[...]

(см. Извѣстія московской городской думы 1884 г., приложеніе къ докладу стат. отдѣленія № 34), заставляетъ желать очень многаго. Такъ не выдѣлены въ отдѣльныя группы рабочіе и одиночки, не показано число дѣтей въ общихъ итогахъ самостоятельнаго населенія; личная прислуга не разнесена по классамъ занятій хозяевъ; не показаны рабочіе и прислуга безъ мѣста въ день переписи. Такимъ образомъ, для сравненія Петербурга съ Москвою можно взять только самостоятельное и несамостоятельное населеніе по крупнымъ группамъ занятій.

Прежде всего изъ сравненія Петербурга съ Москвой, по отношенію къ экономическому складу населенія, вытекаетъ тотъ, отчасти противорѣчащій общему представленію о Москвѣ, выводъ, что Москва еще менѣе, такъ сказать, семейный городъ, чѣмъ Петербургъ. Несамостоятельное населеніе, сѣмьи, составляетъ только 28,6%, тогда какъ въ Петербургѣ оно образуетъ 31,7%, такъ что на 100 самостоятельныхъ приходится несамостоятельныхъ въ Петербургѣ 52, въ Москвѣ 38. Этотъ бóльшій перевѣсъ, въ Москвѣ, самостоятельнаго населенія надъ несамостоятельнымъ повторяется и по пóламъ, и по крупнымъ группамъ занятій, за исключеніемъ одной торговли. Между мужчинами въ Москвѣ 85%, въ Петербургѣ 82% самостоятельныхъ; между женщинами въ Москвѣ 53%, въ Петербургѣ 49%. На каждые 100 самостоятельныхъ приходится несамостоятельныхъ:

въ промышленности, въ Москвѣ	33,	въ Петербургѣ	49
„ торговлѣ „	67	„	62
„ свободныхъ профессіяхъ (кромѣ войскъ)	34	„	97
„ населен. не имѣющ. личн. заработка	43	„	55

По распредѣленію самостоятельнаго населенія Москва болѣе промышленный городъ, чѣмъ Петербургъ; лицъ, занимающихся свободными профессіями, личными услугами, лицъ, живущихъ доходами, въ Москвѣ меньше, чѣмъ въ Петербургѣ. Промысловое населеніе составляетъ въ Москвѣ почти 62% всего самостоятельнаго, въ Петербургѣ только 52½%; напротивъ, свободными префессіями и личными услугами занято въ Петербургѣ 34%, въ Москвѣ 28%; живутъ доходами въ Петербургѣ почти 13%, въ Москвѣ 9%.

При бóльшемъ развитіи промысловъ сравнительно съ Петербургомъ, Москва представляетъ значительное иное распредѣленіе самостоятельнаго населенія между отдѣльными группами промысловыхъ занятій. Слѣдующія группы занятій представлены въ Москвѣ сильнѣе, чѣмъ въ Петербургѣ:

	Москва.	Петербургъ.
	% самост. насел.	
Обработка волокнистыхъ вещ.. .	10,8	2,1
„ металловъ	3,7	2,9
„ соли, смолы, воска . .	0,3	0,1
Произв. одежды и обуви и содерж. въ чистотѣ тѣла и одежды. .	12,2	11,9
Произв. пищи и напитковъ. . .	3,2	3,0
Обработка дерева	2,9	2,7
Произв. кожев. и писчебумажн. .	1,8	1,6

Въ Петербургѣ сильнѣе, чѣмъ въ Москвѣ, за то представлены занятія:

	Москва.	Петербургъ.
	% самост. насел.	
По произв. машинъ и орудій . .	1,9	2,8
„ строительной промышл. . .	2,1	3,7
„ полиграфич. производствомъ .	0,9	1,3

Торговлею товарами въ обѣихъ столицахъ занимается почти одинаковый % самостоятельнаго населенія (М., 86, П. 89), точно также какъ и трактирной промышленностью (3,5 М. 3,7 П.); перевозной промышленностью и торговымъ посредничествомъ въ Москвѣ больше чѣмъ въ Петербургѣ (7,1 М., 6,0 П.); проституціею въ Петербургѣ вдвое большій, чѣмъ въ Москвѣ (М. 0,2, П. 0,4). Въ отдѣлѣ непромысловыхъ занятій (въ профессіяхъ) Москва рѣзко отличается от Петербурга сравнительно меньшимъ числомъ чиновниковъ: въ Петербургѣ ихъ 6, 8% самостоят. населенія, въ Москвѣ 2, 1, %; точно также въ Петербургѣ больше военнослужащихъ (4,2. М, 5,7 П.), прислуги (М. 16,9, П. 18,1, къ тому же въ Москвѣ въ прислугѣ [illegible] считаны и занимающіеся поденными работами). Въ Москвѣ за [illegible] больше лицъ, занимающихся педагогической, врачебной дѣятельностью и особенно литературой, науками и искусствами (М. 1,6, 1, 1,1—П. 1,4, 0.9, 0,5).

Не безъинтересно также сравненіе занятій московскаго и петербургскаго населенія съ занятіями кіевскаго. Въ Кіевѣ, этомъ мѣстномъ административномъ центрѣ, самая крупная группа самостоятельнаго населенія есть группа не промысловая, а профессіональная: къ ней принадлежитъ 40 % всего самостоятельнаго населенія, тогда какъ въ П. 34%, въ М. 28%; лица, неимѣющія личнаго заработка, составляютъ въ Кіевѣ 13,5% самост. населенія, въ М. 9, въ П. 12,7, такъ что на долю промысловаго остается въ Кіевѣ только 39,4%, тогда какъ въ М. 61, въ П. 52,5%. Главную составную часть профессіональной группы въ Кіевѣ составляютъ военно-служащіе: 14% самостоятельнаго населенія (въ М. 4,2 въ П. 5,7); остальные

составныя части этой группы представляютъ мало различія по своей относительной численности:

	Кіевъ.	Петерб.	Москва.
Личное услуженіе . .	18,8	18,1	16,9
Чиновники	2,4	6,8	2,1
Врачебная дѣятельн. .	0,7	0,9	1,0
Педагогич. дѣятельн. .	1,9	1,4	1,6
Занят. наукой, литерат.	0,8	0,5	1,1
Богослуженіе	1,4	0,3	1,2

Больше все-таки сходства между Кіевомъ и Москвой, нежели между Кіевомъ и Петербургомъ.

Лица, живущія доходами съ имущества и пенсіею, составляютъ въ Кіевѣ одинъ изъ самыхъ многочисленныхъ классовъ населенія— ,7% самостоятельнаго, т.-е. вдвое больше чѣмъ въ Петербургѣ, и почти трое болѣе, чѣмъ въ Москвѣ. Точно также сравнительно очень много въ Кіевѣ живущихъ на счетъ благотворительности, помѣщенныхъ въ больницахъ, богадельняхъ и пр. (въ К. 5,8, въ М. 3,2 въ П. 3,7).

Такимъ образомъ, Кіевъ представляется дѣйствительно не экономическимъ, а административнымъ и интеллигентнымъ центромъ для иного района. Обрабатывающая и торговая промышленность представлены въ немъ на столько, на сколько необходимо для удовлетворенія потребностей 127 тысячнаго его населенія, и въ промысловыхъ занятіяхъ выдаются дѣйствительно такія, которыя имѣютъ въ виду и именно потребности. Самая крупная группа самостоятельнаго населенія въ отдѣлѣ промысловыхъ занятій—не обработка волокнистыхъ веществъ, какъ въ Москвѣ, и не торговля, какъ въ Петербургѣ, а производство одежды и обуви (8,4% сам. нас.); за нею идетъ торговля товарами (7,4%), потомъ строительная промышленность (4,2%), обработка дерева (2,4%), извозная промышленность (2,3%). Самые размѣры промысловыхъ предпріятій въ Кіевѣ указываютъ на отсутствіе крупной промышленности: на 1 хоз. приходится всего 3 служащихъ работника, тогда какъ въ Петербургѣ болѣе 8,5. Торговая промышленность, благодаря еврейскому элементу, представляется въ Кіевѣ особенности характерной, по отношенію числа рабочихъ къ числу хозяевъ: на 1 хозяина приходится менѣе одного рабочаго, большинство торговцевъ ихъ не имѣютъ, особенно занимающіеся торговымъ посредничествомъ.

Для сравненія Кіева съ Петербургомъ по отношенію къ промысловому населенію можетъ служить слѣдующая табличка, гдѣ показано каждой группы самостоятельнаго населенія въ общей суммѣ этого населенія и отношеніе числа рабочихъ къ числу хозяевъ:

	% самост. насел.		Рабоч. и служащ. на 1 хоз.	
	Кіевъ.	Петерб.	Кіевъ.	Петерб.
Сельское хозяйство	1,1	0,3	2,5	2,1
Обработка земель и камней.	0,1	0,3	4,8	10,4
Обработка металловъ . . .	2,2	2,9	2,4	13,4
Произв. машинъ и орудій .	0,7	2,8	19,4	19,2
Химич. произ. и обраб. сала	0,2	0,3	14,2	32,9
Обраб. волокнистыхъ вещ. .	0,1	2,1	6,8	48,1
Кожевен. и писчебум. произв.	0,2	1,6	11,7	25,0
Обработка дерева	2,4	2,7	8,4	7,4
Произв. пищи и друг. предм. потребленія.	2,5	3,0	10,5	22,3
Произв. одежды и обуви . .	8,4	7,8	6,0	7,7
Содер. въ чист. тѣла и одежд.	1,0	4,1	5,2	41,4
Строительная промышл. . .	4,2	3,7	9,7	11,0
Полиграфич. произв. . . .	0,9	1,3	7,0	13,6
Поденщики	4,0	1,3	—	—
Торг. товарами	7,4	8,3	0,7	4,6
„ книгами и пр. искус.	0,0	0,6	1,4	4,0
Посредничество въ торговлѣ	0,4	0,9	0,2	4,3
Перевозная промышленность	2,3	5,1	2,2	14,2
Трактирная промышл. . .	1,2	3,7	2,0	2,7
Страхованіе	0,0	0,1	—	—

Возьмемъ теперь, въ сравненіе съ Петербургомъ и Москвою, Берлинъ.

Все берлинское населеніе по переписи 1875 года (перепись 1880 еще вполнѣ не издана) распадается на 501,948 самостоятельныхъ лицъ и 464,910 несамостоятельныхъ, такъ что самостоятельное населеніе составляетъ тамъ 51,9% жителей, въ частности 72,7% въ мужскомъ населеніи и 30,9 въ женскомъ. На 100 самостоятельныхъ приходится 92 несамостоятельныхъ: въ Петербургѣ 52, въ Москвѣ 38. Большинство самостоятельнаго населенія въ Берлинѣ, какъ и въ Петербургѣ, суть люди пришлые: уроженцы Берлина составляютъ около 24% всего самостоятельнаго населенія; въ Петербургѣ они составляютъ всего 16%.

Будучи болѣе семейнымъ городомъ и съ населеніемъ болѣе туземнымъ, чѣмъ Петербургъ, столица Германіи имѣетъ гораздо болѣе промышленно-торговый характеръ, чѣмъ Петербургъ и даже Москва. Къ промысловымъ занятіямъ принадлежитъ въ Берлинѣ около 67% (66,9) самостоятельнаго населенія—въ Петербургѣ 52,5, въ Москвѣ 60,7%. Занятія непромысловыя даютъ средства къ жизни въ Берлинѣ 24,9%, въ Петербургѣ 33,9, въ Москвѣ 28,1% самостоят. населенія; лицъ, неимѣющихъ личнаго заработка, въ Берлинѣ 6,1%, въ Петербургѣ 12,7%, въ Москвѣ 9,2% самост. населенія. Слѣдовательно, Берлинъ считаетъ въ своихъ стѣнахъ менѣе чиновниковъ, войска, лицъ,

занимающихся свободными профессіями, прислуги, чѣмъ Петербургъ и даже менѣе, чѣмъ Москва; гораздо болѣе значительное большинство берлинскаго населенія занято производствомъ матеріальныхъ цѣнностей и промышленныхъ услугъ. Личная прислуга составляетъ въ Берлинѣ 15,2% самостоят. населенія, въ Петербургѣ 18,1, въ Москвѣ 16,9%: одна прислуга приходится въ Берлинѣ на 12 человѣкъ, въ Петербургѣ на 10 человѣкъ; чиновники въ Берлинѣ 3,6% въ Петербургѣ 6,8%, въ Москвѣ 2,1%; военныхъ въ Берлинѣ 3,9% въ Петербургѣ 5,7, въ Москвѣ 4,2%; въ другихъ свободныхъ профессіяхъ (педагогическая, ученая и врачебная дѣятельность) въ Берлинѣ 2,2—въ Петербургѣ 3,1, въ Москвѣ 4,9% самостоят. населенія.

Лицъ, живущихъ доходами, въ Берлинѣ 2,2%, въ Петербургѣ 1,9%, пенсіею 0,8 въ Берлинѣ, 1,9 (вдвое сравнительно болѣе) въ Петербургѣ; тѣхъ и другихъ въ Берлинѣ 3%, въ Москвѣ 2,8%. Лицъ живущихъ на счетъ благотворительности, въ богадельняхъ и больницахъ, въ Берлинѣ 1,3%—въ Петербургѣ 4,1%, въ Москвѣ 3,2%.

Въ группѣ промышленнаго населенія тѣ производства, которыя имѣютъ въ виду удовлетвореніе потребностей преимущественно мѣстнаго населенія, во всѣхъ трехъ сравнительныхъ городахъ представлены почти одинаковыми процентами самостоятельнаго населенія, а именно:

	Берлинъ.	Петерб.	Москва.
Произв. одежды и содерж. въ чист. тѣла и одежды	13,5	11,9	12,2
Строительная промышленность . .	4,9	3,7	2,1
Произв. пищи и напитковъ. . . .	2,7	3,0	3,2
Итого	21,1	18,6	17,5

Одинъ производитель въ этихъ трехъ классахъ занятій приходится такимъ въ Берлинѣ почти на 9, въ Петербургѣ и въ Москвѣ почти на 8 человѣкъ населенія: отношеніе это, повидимому, есть отношеніе нормальное для большого города. Остальныя отрасли промышленныхъ занятій, которыя не имѣютъ въ виду только мѣстнаго потребленія, собственно и сообщаютъ городу болѣе или менѣе промышленный характеръ. Эти промысловыя занятія представлены въ населеніи слѣдующими относительными цифрами самостоятельнаго населенія:

	Берлинъ.	Петерб.	Москва.
Обработка металловъ. . .	5,0	2,9	3,7
Произв. орудій и машинъ.	1,7	2,8	1.9
Обработка дерева	5,0	2,7	2,9
Обраб. волокнистыхъ вещ.	1,8	2,1	10,8
Произв. кожевен. и писчебумажное.	2,0	1,6	1,8

Полиграфическое произв. .	1,8	1,3	0,9
Обраб. земель и камней .	0,5	0,3	0,3
Химич. произв. и обраб. сала	0,2	0,3	0,2

Въ отдѣлѣ торговаго населенія мы находимъ, тоже въ процентахъ самостоятельнаго населенія:

	Берлинъ.	Петерб.	Москва.
Торговля товарами . . .	9,1	8,9	8,6
Посреднич. въ торговлѣ .	1,0	0,9	1,2
Перевозная промышл. . .	3,4	5,1	6,4
Трактирная промышл. . .	2,4	4,1	3,5
Страхованіе	0,1	0,1	0,1
Всего	16,0	19,1	19,8

Сходство въ расположеніи матеріала переписей Берлина и Петербурга даетъ возможность сдѣлать еще нѣкоторыя сопоставленія. Такъ, напримѣръ, можно опредѣлить размѣры промысловыхъ предпріятій въ разныхъ группахъ занятій, взявши отношеніе между числомъ хозяевъ и числомъ рабочихъ, насколько, конечно, такое отношеніе можетъ служить выраженіемъ величины средняго предпріятія въ данной группѣ занятій, особенно если, какъ это сдѣлано въ обработкѣ берлинской переписи, одиночки соединены съ хозяевами, имѣющими рабочихъ. Раздѣляя число служащихъ и рабочихъ на число хозяевъ и одиночекъ, получимъ въ Берлинѣ на 1 хозяина 2,4 рабочихъ, въ Петербургѣ 4,9 рабочихъ, другими словами, въ Берлинѣ вся промышленность, обрабатывающая и торговля, имѣетъ болѣе ремесленный, мелкій характеръ, чѣмъ въ Петербургѣ. Этотъ чисто ремесленный характеръ берлинской промышленности отражается и на соотношеніи самостоятельнаго и несамостоятельнаго населенія въ группѣ рабочихъ: тамъ среди рабочихъ на 100 самост. приходится 72 несамост., тогда какъ въ Петербургѣ только 29. Несамостоятельныхъ больше въ Берлинѣ и въ группѣ хозяевъ, и въ группѣ служащихъ—163 и 162; въ Петербургѣ только 125 и 127 на 100 самостоятельныхъ. Только немногія производства въ Берлинѣ имѣютъ болѣе крупные размѣры, чѣмъ въ Петербургѣ. Къ нимъ принадлежитъ производство одежды и обуви: на 1 хозяина въ Берлинѣ 5,6 раб., въ Петербургѣ 2,9; строительная промышленность: 7,4 и 4,2; перевозная промышленность: 5,7 и 3,1; во всѣхъ остальныхъ группахъ занятій число рабочихъ и служащихъ на 1 хозяина болѣе чѣмъ на половину меньше, чѣмъ въ Петербургѣ.

Группировка населенія въ переписи города Парижа такъ несовершенна, что почти невозможно никакое сравненіе экономическаго и соціальнаго состава его съ Берлиномъ, Москвою или Петербургомъ.

Мы говоримъ о переписи 1872 года, потому что результаты послѣдней переписи еще не изданы.

Самостоятельное населеніе Парижа въ 1872 году равнялось 1.098,587, что составляло 61,1% всего числа жителей, и на каждые 100 самостоятельныхъ приходилось 63 несамостоятельныхъ, т.-е. болѣе, чѣмъ въ Петербургѣ и Москвѣ (52 и 38), но менѣе чѣмъ въ Берлинѣ (92). Населеніе самостоятельное дѣлится только на 12 слѣдующихъ группъ, въ которыя для сравненія сведено, приблизительно одинаково, и населеніе остальныхъ сравниваемыхъ городовъ:

	На 100 самостоятельныхъ			
	Парижъ.	Берлинъ.	Петерб.	Москва.
Земледѣліе	0,2	0,5	0,3	0,8
Промышленность	44,9	50,4	33,5	40,1
Торговля	18,4	10,1	9,8	9,8
Перевозная промышленность	4,5	3,4	5,1	6,4
Разныя другія промыслы	1,5	2,5	3,8	3,6
Свободныя профессіи	3,7	2,1	3,7	3,7
Военная сила	4,2	3,9	5.7	4,2
Администрація	1,6	3,6	6,1	2,1
Духовенство	0,7	0,1	0,3	1,2
Собственники и рентьеры и ост. не имѣющ. личнаго зараб.	6,9	8,2	13,5	10,4
Домовая прислуга	3,2	15,2	3,3	16,9
Личная прислуга	10,2		14,9	

Слѣдовательно, въ промышленности и торговлѣ занято въ Парижѣ 9,5%, въ Берлинѣ 66,9%, въ Москвѣ 60,7 и въ Петербургѣ 52,5% его самостоятельнаго населенія. Свободныя профессіи составляютъ: ь Парижѣ 10,2%, въ Берлинѣ 9,7%, въ Москвѣ 11,2% и въ Петербургѣ 15,8% самост. населенія; домовая и личная прислуга: въ рижѣ 13,4, въ Берлинѣ 15,2, въ Москвѣ 16,9 (собственно меньше) въ Петербургѣ 18,2% самостоятельнаго населенія.

Отношеніе самостоятельнаго и несамостоятельнаго населенія въ нныхъ группахъ населенія представляется въ такомъ видѣ:

	На 100 самостоят.—несамостоят.			
	Парижъ.	Берлинъ.	Петерб.	Москва.
Промышленность	63	101	49	33
Торговля	85	130	62	67
Перевозная промышленность	109	155	54	56
Свободныя профессіи	83	104	70	78
Администрація	111	131	127	96
Хозяева предпріятій	105	163	125	107
Управляющіе, служащіе	74	162	127	26
Рабочіе	57	72	29	

Можно еще сопоставить Парижъ, Берлинъ и Петербургъ по количеству личной прислуги, приходящейся на нанимателей въ главныхъ группахъ занятій. Получаются слѣдующія отношенія:

	Одна прислуга на—человѣкъ:		
	Парижъ	Берлинъ	Петерб.
Промышленность	68	28	25
Торговля . . , ...	16	62	7
Перевозная промышл. . . .	19	40	20
Свободныя профессіи . . .	7	6	3
Администрація	6	93	3
Духовенство	7	5	4
Собственники и рентьеры .	3	4	2
Все населеніе	15	15	10

Приведенными сопоставленіями исчерпывается почти все, что въ настоящее время по вопросу о хозяйственномъ составѣ населенія сравнительная статистика большихъ городовъ можетъ дать. Сравненія эти интересны просто какъ факты, характеризующіе крупными штрихами отличительныя свойства экономическаго и общественнаго склада разныхъ группъ населенія, живущаго подъ разными бытовыми, хозяйственными и политическими условіями. Едва ли изъ нихъ можно дѣлать какія-нибудь обобщенія: слишкомъ они отрывочны, и самыя данныя, на которыхъ основаны, мало однородны.

Вообще нужно сказать, что огромную массу труда должна еще вложить статистика и въ наблюденія, и въ обработку своего матеріала, чтобы дать прочныя начала общественной анатоміи и физіологіи, такъ много труда, что чувствуется сомнѣніе, достигнетъ ли когда-нибудь общественная наука той степени положительности, о которой мечтаютъ теперешніе ея дѣятели. Мы анализируемъ, разчленяемъ, соединяемъ, сопоставляемъ массу фактовъ, накопляемъ огромное количество всякихъ матеріаловъ для будущаго зданія. Явится ли скоро геніальный зодчій, который озаритъ одной идеей всю эту груду матеріала, соединитъ въ стройное цѣлое всѣ разбросанные камни, вдохнетъ въ нихъ „душу живу"?

Ю. Янсонъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е ноября, 1884.

Возобновленіе засѣданій Кахановской коммиссіи.—Предположенія ея относительно сельскаго общества и волости.—Отчетъ фабричнаго инспектора московскаго округа.—Необходимость дальнѣйшаго развитія фабричнаго законодательства.—Нападенія на крестьянскій поземельный банкъ.—Отчеты департамента неокладныхъ сборовъ и оберъ-прокурора св. синода.

Въ первыхъ числахъ истекшаго мѣсяца начались засѣданія такъ-называемой Кахановской коммиссіи, въ новомъ, усиленномъ ея составѣ —въ сущности, какъ мы имѣли уже случай замѣтить [1]), очень мало отличающемся отъ прежняго. Въ печати возобновленіе дѣятельности коммиссіи вызвало самые противорѣчивые отзывы. По мнѣнію одной газеты, къ коммиссіи всѣ относятся *страстно*, съ надеждами или опасеніями; другая газета говоритъ, наоборотъ, о всеобщемъ индифферентизмѣ, мало соотвѣтствующемъ важности предпринятаго дѣла. Ближе къ истинѣ, во всякомъ случаѣ, послѣднее мнѣніе. Со времени учрежденія коммиссіи исполнилось уже три года—а она еще не пошла дальше „намѣтокъ", составляющихъ нѣчто среднее между „основными положеніями" и „выработаннымъ законопроектомъ"; вотъ первая причина охлажденія, неизбѣжно слѣдующаго за долгимъ ожиданіемъ. Обстоятельства настоящей минуты не благопріятствуютъ широкой реформѣ, если понимать это слово въ общепринятомъ его смыслѣ—въ смыслѣ прогресса, улучшенія; сохраненіе status quo, даже весьма неудовлетворительнаго, представляется меньшимъ изъ двухъ золъ, сравнительно съ поворотомъ назадъ, къ учрежденіямъ и порядкамъ, претерпѣвшимъ уже однажды заслуженное крушеніе. Такова вторая причина настроенія, отличительная черта котораго можетъ быть выражена однимъ словомъ: недовѣріе. Молчаніе главнаго

[1]) См. Внутреннее Обозрѣніе въ № 6 „Вѣстника Европы" за текущій годъ.

органа реакціи въ печати, для котораго Кахановская коммиссія какъ будто не существуетъ, такъ же знаменательно, въ своемъ родѣ, какъ и требованія, прямо выражаемыя другою реакціонной газетой. Коммиссіи ставится въ обязанность „устраниться отъ мысли", что ея задача —продолженіе прежде предпринятыхъ реформъ. „Достаточно было бы малѣйшаго намека на такую реформаторскую задачу — восклицаетъ наиболѣе откровенный изъ реакціонеровъ-публицистовъ — чтобы испортить главное дѣло: провѣрку результатовъ реформъ на практикѣ. Вмѣсто безпристрастнаго правительственнаго взгляда на прошедшее и на настоящее положеніе порядка вещей въ Россіи, явились бы пристрастіе и тенденція законодателя въ духѣ прежнихъ реформъ, въ ущербъ и затемненіе жизненной правды... Явись только въ замыслахъ коммиссіи интересъ отвлеченнаго прогресса, правительству немедленно пришлось бы стать въ оборонительное положеніе къ своему же учрежденію критики и провѣрки прошедшаго, и дѣло удовлетворенія мѣстныхъ народныхъ нуждъ или внимательнаго ихъ изученія, отходя на второй планъ, превратилось бы въ поединокъ изъ-за захватовъ власти съ одной стороны, изъ-за уступокъ или отраженій захватовъ съ другой стороны". Итакъ, преобразованіе прежде всего не должно быть преобразованіемъ; оно должно сразу стать въ отрицательное отношеніе къ реформамъ минувшаго царствованія. И этотъ, въ высшей степени пристрастный и тенденціозный образъ дѣйствій рекомендуется коммиссіи для того, чтобы въ дѣятельности ея не было пристрастія, не было тенденціи! А что̀, если „критика и провѣрка прошедшаго" докажетъ именно необходимость продолженія реформъ, сведетъ недостатки мѣстнаго управленія именно къ неполному согласованію его съ новымъ жизненнымъ строемъ, созданнымъ, но не довершеннымъ въ памятное двадцати-пятилѣтіе? Напрасно, безъ сомнѣнія, обращаться съ такими вопросами къ нашимъ „преобразователямъ на оборотъ"—leur siège est fait, и о безпристрастіи, о критикѣ, они упоминаютъ только для красоты слога. Въ нашихъ глазахъ особенно характеристична та увѣренность, съ которою они говорятъ объ „оборонительномъ положеніи" правительства по отношенію къ „интересу отвлеченнаго прогресса". Сопоставьте эту увѣренность съ раздавшейся недавно фразой: „правительство идетъ, правительство возвращается"—и вы найдете, быть можетъ, разгадку того равнодушія, съ которымъ принята была вѣсть о возобновленіи занятій Кахановской коммиссіи.

Понимая это равнодушіе, мы думаемъ, однако, что оно не должно переходить въ невниманіе. Вопросы, затрогиваемые Кахановскою коммиссіею, слишкомъ важны, чтобы можно было молча присутствовать при ихъ обсужденіи. Работа, совершающаяся теперь, во всякомъ слу-

чаѣ не пройдетъ безслѣдно; она многое разъяснитъ, многое подготовитъ, ко многому проложитъ дорогу. Самая продолжительность ея позволяетъ думать, что условія, при которыхъ она окончится, настолько же—если не болѣе—будутъ отличны отъ настоящихъ, насколько послѣднія отличны отъ тѣхъ, при которыхъ она началась. Каковъ бы ни былъ, наконецъ, ея результатъ, обязанность печати—слѣдить за ея фазисами. Мы узнаёмъ изъ газетъ, что первый предметъ, на которомъ остановилась коммиссія въ новомъ своемъ составѣ—устройство сельскаго общества. Понятіе о сельскомъ обществѣ отдѣляется коммиссіею отъ понятія о крестьянской поземельной общинѣ и о поземельномъ союзѣ крестьянъ, владѣющихъ землею, по одному акту укрѣпленія, на наслѣдственно-участковомъ правѣ; затѣмъ она разсматриваетъ сельское общество какъ мельчайшую государственно-общественную единицу и расширяетъ личный его составъ, отчасти узаконяя, отчасти допуская вступленіе въ его среду лицъ не-крестьянскаго сословія [1]). *Обязательно* должны войти въ составъ сельскаго общества всѣ имѣющіе на его территоріи осѣдлость, недвижимое имущество или какое-либо заведеніе на правѣ собственности или иномъ долгосрочномъ правѣ; *могутъ* (а при небольшомъ размѣрѣ владѣнія — обязаны) приписываться къ нему, съ его согласія, владѣльцы земель и иныхъ угодій, лежащихъ внѣ территоріи общества. Всѣмъ полноправнымъ членамъ общества, чѣмъ бы ни обусловливалась ихъ къ нему принадлежность, предполагается дать одинаковое участіе въ рѣшеніи дѣлъ на сельскомъ сходѣ и въ избраніи сельскаго старосты. Для того, чтобы понять значеніе этихъ предначертаній, необходимо имѣть въ виду, что коммиссія проектируетъ упраздненіе крестьянской волости и образованіе волости территоріальной, обнимающей собою всѣхъ жителей даннаго участка, но не самоуправляющейся, а управляемой (волостелемъ, по выбору уѣзднаго земскаго собранія). Итакъ, всесословность вводится въ сельское общество, но вводится въ него не вполнѣ, а съ весьма существенными ограниченіями. Волость становится всесословной только въ томъ смыслѣ, въ какомъ можетъ быть и теперь названъ всесословнымъ полицейскій станъ; вмѣстѣ съ сословнымъ характеромъ она теряетъ и самоуправленіе. Въ результатѣ получается, такимъ образомъ, уменьшеніе числа самоуправляющихся единицъ, не уравновѣшиваемое сближеніемъ сословій. Посмотримъ, что могло бы выйти изъ этого на практикѣ. Для огромного большинства личныхъ землевладѣльцевъ, живущихъ внѣ территоріи сельскаго общества, присоединеніе къ нему—разъ что оно не требуется, а только разрѣшается

[1]) Мы говоримъ здѣсь только о мнѣніи большинства коммиссіи.

закономъ—было бы прежде всего вопросомъ разсчета. Имъ предстояло бы взвѣсить невыгоду обложенія сельскими сборами и выгоду участія въ распоряженіи дѣлами и имуществами общества. Насколько очевидна первая, настолько проблемматична послѣдняя—помимо развѣ тѣхъ случаевъ, когда на ту же чашку вѣсовъ упадала бы возможность достиженія, съ помощью участія на сходѣ, какихъ-либо особыхъ, личныхъ цѣлей. Мы говоримъ: *личныхъ* цѣлей, потому что для стремленія къ цѣлямъ болѣе общимъ и широкимъ сельское общество рѣдко даетъ достаточно простора. Отсюда одно изъ двухъ: или—какъ правило—отказъ личнаго землевладѣльца вступить въ сельское общество, или—какъ исключеніе—вступленіе въ его среду изъ-за мотивовъ, идущихъ въ разрѣзъ съ интересами общества. Намъ могутъ возразить, что сельскому сходу ввѣряется охраненіе благоустройства и благочинія на территоріи общества, и что слѣдовательно побудительной причиной къ вступленію въ общество будетъ служить желаніе пользоваться этой охраной; но охрана предполагаетъ надзоръ, предполагаетъ право требовать подчиненія принятому порядку—а много ли найдется землевладѣльцевъ, готовыхъ безропотно исполнять *требованія* сельскаго старосты? Въ той простѣйшей своей формѣ, въ какой охрана сельскаго общества можетъ быть пріятна для землевладѣльца—напр. въ формѣ защиты противъ „лихихъ людей"—она существуетъ, притомъ, уже теперь, и вѣроятно будетъ существовать и впредь, независимо отъ включенія или невключенія землевладѣльцевъ въ составъ общества.

Пойдемъ далѣе: предположимъ, что одна, меньшая часть землевладѣльцевъ добровольно приписалась къ обществамъ, другая, большая—не приписалась. Между обществами, лежащими, быть можетъ, одно подлѣ другого, установится, такимъ образомъ, существенная разница. Одни будутъ покрывать часть своихъ расходовъ взносами сосѣдей-помѣщиковъ, другіе—не будутъ. Примирятся ли послѣднія съ такимъ порядкомъ вещей, расположитъ ли онъ ихъ въ пользу лицъ, не желающихъ облегчить лежащее на обществахъ бремя? Едва ли. Теперь неприкосновенность землевладѣльцевъ къ сельскимъ (и волостнымъ) сборамъ—фактъ, данный извнѣ, независящій отъ ихъ воли; тогда она будетъ сознательнымъ и намѣреннымъ уклоненіемъ отъ возможнаго, по закону, участія въ общемъ дѣлѣ. Еще менѣе справедливымъ было бы такое разрѣшеніе вопроса, при которомъ вступленіе въ общество сдѣлалось бы обязательнымъ для мелкихъ землевладѣльцевъ, оставаясь факультативнымъ для крупныхъ; неудовольствіе противъ послѣднихъ было бы тогда господствующимъ чувствомъ не только въ средѣ крестьянства, но и между личными собственниками, произвольно выдѣленными въ непривилегированную

группу. Да и въ чемъ можно найти разумное основаніе для такого выдѣленія?—Въ трудности пріискать норму обложенія, одинаково примѣнимую къ мелкимъ и къ крупнымъ собственникамъ? Но трудность—еще не невозможность, и притомъ нужно же будетъ опредѣлить такую норму на тотъ случай, если крупные собственники сами пожелаютъ примкнуть къ обществу.—Въ трудности установить modus vivendi между слишкомъ разнообразными элементами? Но способность ужиться съ сельскимъ обществомъ обусловливается не числомъ десятинъ, а личными свойствами и взглядами, умѣньемъ отрѣшиться отъ сословныхъ и другихъ предразсудковъ. Этимъ условіямъ мелкіе землевладѣльцы соотвѣтствуютъ далеко не всегда въ большей степени, чѣмъ сравнительно крупные.

Каковы бы ни были его послѣдствія, право личныхъ землевладѣльцевъ (всѣхъ или нѣкоторыхъ) вступать или не вступать въ составъ сельскаго общества кажется намъ совершенно несовмѣстнымъ съ тѣмъ понятіемъ о сельскомъ обществѣ, которое выработано коммиссіею. Проектируемое ею сельское общество — не добровольный союзъ,—цѣль, объемъ и самое существованіе котораго зависятъ отъ усмотрѣнія его членовъ; это, какъ мы уже видѣли, государственно-общественная единица, организуемая въ видахъ общей пользы и входящая, какъ необходимое звено, въ цѣпь административныхъ учрежденій. Какимъ же образомъ можно допускать случайность въ его составѣ, оставлять его предѣлы, его личныя и матеріальныя силы на произволъ отдѣльныхъ лицъ? Слѣдуетъ ли вводить въ сельское общество личныхъ землевладѣльцевъ и вообще не-крестьянъ—это вопросъ сложный и спорный; всего менѣе желательнымъ, всего менѣе раціональнымъ представляется, во всякомъ случаѣ, тотъ средній путь, который предлагается коммиссіей. Если личнымъ землевладѣльцамъ *можно* открыть доступъ въ сельское общество, то они *должны* быть его членами; и наоборотъ, если участіе ихъ въ сельскомъ обществѣ представляетъ серьезныя неудобства, то они вовсе не должны быть допускаемы въ его среду. Правда, вступленіе личныхъ землевладѣльцевъ въ составъ сельскаго общества предполагается поставить въ зависимость, кромѣ личнаго ихъ желанія, отъ согласія общества; но кто же не знаетъ, что пріобрѣсти это согласіе, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, крайне легко; что приговоръ общества, изложенный на бумагѣ, далеко не всегда выражаетъ собою настоящее его мнѣніе? Сильнымъ побужденіемъ къ принятію землевладѣльцевъ въ составъ общества будетъ, притомъ, разсчетъ на то подспорье, которымъ послужатъ для общества ихъ денежные взносы. Или, можетъ быть, положеніе сельскаго общества въ ближайшемъ будущемъ представляется коммиссіи въ такомъ

видѣ: всесословность общества провозглашена закономъ, но на самомъ дѣлѣ все остается по старому; двери общества открыты, но никто въ нихъ не входитъ? Мы убѣждены, что картина получилась бы иная, что нашлись бы желающіе вступить въ общество, изъ-за личныхъ видовъ; но еслибы все и устроилось именно по ожидаемому шаблону, то оставалось бы еще доказать необходимость и пользу такого разлада между дѣйствительностью и закономъ. Къ чему установлять порядокъ, которому суждено быть только мертвой буквой? Основательно ли отвергать всесословную самоуправляющуюся волость ссылкою на всесословное самоуправляющееся сельское общество, разъ что всесословность послѣдняго—пустая фраза?

Допустимъ теперь, что вопросъ о всесословности сельскаго общества поставленъ рѣшительно и прямо, что рѣчь идетъ не о томъ, кому *позволить* вступленіе въ сельское общество, а о томъ, *должны* ли принадлежать къ нему *всѣ* жители мельчайшей территоріальной единицы. На вопросъ, такимъ образомъ поставленный, мы отвѣтили бы отрицательно, по слѣдующимъ главнымъ основаніямъ. Чѣмъ тѣснѣе область дѣйствій, тѣмъ труднѣе совмѣстная дѣятельность разнородныхъ, чуждыхъ другъ другу элементовъ, тѣмъ больше шансовъ столкновеній между ними или подчиненія однихъ другимъ, при чемъ вѣроятность побѣды зависитъ не столько отъ численности, сколько отъ иныхъ условій, меньшинству, нерѣдко, болѣе доступныхъ, нежели большинству. Лучшая сторона слiянія сословій — это возможность для людей болѣе развитыхъ и болѣе образованныхъ трудиться на общую пользу. Въ какой формѣ они могли бы предложить свой трудъ сельскому обществу? Званіе сельскаго старосты едва ли кто-либо изъ нихъ согласился бы принять, да едва ли оно и требуетъ тѣхъ качествъ, которыя больше распространены въ средѣ личныхъ землевладѣльцевъ, чѣмъ въ средѣ крестьянъ. Въ предсѣдательство на сельскомъ сходѣ представитель образованной среды внесъ бы такіе пріемы, которые шли бы въ разрѣзъ съ обычаями и особымъ складомъ крестьянскихъ собраній. Какъ членъ схода, онъ могъ бы сдѣлать весьма немногое уже вслѣдствіе неизбѣжной ограниченности задачъ и средствъ сельскаго общества. Много ли у насъ найдется сельскихъ обществъ, которыя были бы въ состояніи завести свою собственную (правильно организованную) школу, свой пріютъ для престарѣлыхъ и убогихъ, свой пріемный покой, свою читальню и т. п.? Настоящая почва для всѣхъ подобныхъ учрежденій—т.-е. именно для всего того, въ чемъ можетъ пригодиться крестьянамъ помощь интеллигентнаго класса — это волость, участокъ или вообще территоріальная (самоуправляющаяся) единица болѣе крупная, чѣмъ сельское общество. Въ сельскомъ об

шествѣ личный землевладѣлецъ часто очутился бы одинъ или почти одинъ, не поддерживаемый—и, что еще важнѣе, не сдерживаемый—другими однородными элементами; въ волости личные землевладѣльцы уравновѣшивали бы другъ друга. Въ сельскомъ обществѣ личный землевладѣлецъ былъ бы, большею частью, или безсиленъ, или всесиленъ; въ волости, соединяющей въ себѣ всѣ сословія, землевладѣльческой группѣ гораздо легче было бы пріобрѣсти *вліяніе*, гораздо труднѣе—сдѣлаться *властью*. Съ другой стороны, всесословность сельскаго общества положила бы конецъ *крестьянскому* самоуправленію, нежелательному на второй (волостной) ступени, но въ высшей степени цѣнному и едва ли замѣнимому на низшей. Правда, коммиссія отдѣляетъ отъ понятія о сельскомъ обществѣ понятіе о поземельной общинѣ и о поземельномъ союзѣ крестьянъ, владѣющихъ землею на наслѣдственно-участковомъ правѣ; но община и поземельный союзъ—единицы чисто хозяйственныя, учрежденія гражданскаго права, не могущія замѣнить для крестьянъ сельскаго общества въ нынѣшнемъ его значеніи. Въ большинствѣ случаевъ, притомъ, сельскій сходъ является теперь и сходомъ хозяевъ-общинниковъ или участковыхъ владѣльцевъ; раздвоеніе его, проектируемое коммиссіею, не скоро было бы усвоено жизнью, и личные землевладѣльцы, проникнувъ въ сельское *общество*, сдѣлались бы, de facto, участниками въ управленіи *общиною*, что было бы странною и весьма вредною аномаліей. По отношенію къ волости всѣ эти соображенія не существуютъ; ничто не мѣшаетъ ей обратиться изъ учрежденія крестьянскаго въ учрежденіе всесословное. Самоуправленіе *вообще* не потеряетъ, при такой перемѣнѣ, ни одной изъ пріобрѣтенныхъ имъ позицій; крестьянское самоуправленіе *въ частности* сохранится именно тамъ, гдѣ оно соотвѣтствуетъ требованіямъ жизни; сліяніе сословій совершится не только на словахъ, и совершится, вдобавокъ, на единственной почвѣ, для него благопріятной.

Чтобы удержать за сельскимъ обществомъ сословный крестьянскій характеръ, необходимо оставить его закрытымъ не только для сосѣднихъ личныхъ землевладѣльцевъ, но и для всѣхъ постороннихъ лицъ, живущихъ на территоріи общества. Вступленіе послѣднихъ, ipso jure, въ члены сельскаго общества, а слѣдовательно и сельскаго схода, извратило бы характеръ общества въ еще большей степени, чѣмъ присоединеніе къ нему личныхъ землевладѣльцевъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только припомнить, изъ кого слагается масса пришлаго населенія деревни. Самые вліятельные представители его—это кабатчики и лавочники, сплошь и рядомъ являющіеся главными эксплуататорами сельскаго люда. Значеніе ихъ

въ деревнѣ и безъ того уже через-чуръ велико; неужели необходимо увеличить его правомъ голоса на сходѣ и прямымъ участіемъ въ выборѣ сельскаго старосты? Нельзя отрицать, однако, что настоящее положеніе деревенскихъ „чужаковъ", пользующихся выгодами сельскаго самоуправленія, но не участвующихъ въ его тягостяхъ, настоятельно требуетъ перемѣны, особенно въ большихъ селахъ, пришлое населеніе которыхъ въ нѣсколько разъ, иногда, превышаетъ коренное. Намъ кажется, что положить конецъ этой несправедливости вовсе не трудно. Для того, чтобы привлечь чужаковъ къ участію въ расходахъ деревни, нѣтъ надобности дѣлать ихъ членами общества; достаточно признать ихъ плательщиками сельскихъ сборовъ, съ предоставленіемъ имъ права голоса въ томъ собраніи схода, на которомъ установляется сельская смѣта и раскладка. Для бо́льшей осторожности можно было бы установить, чтобы въ этомъ собраніи предсѣдательствовало должностное лицо волостного управленія и не рѣшалось никакихъ другихъ дѣлъ и вопросовъ. Столь же легко устранить другое возраженіе, которое можетъ быть сдѣлано противъ замкнутости и сословности сельскаго общества—возраженіе, основанное на томъ, что услугами сельскаго общественнаго управленія пользуются, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, всѣ жители территоріи, ближайшей къ обществу. При существованіи всесословной самоуправляющейся волости, волостной сходъ могъ бы рѣшать, въ какихъ именно размѣрахъ (ограниченныхъ, во избѣжаніе злоупотребленій, извѣстными нормами, минимальной и максимальной) личные землевладѣльцы волости должны быть обложены сборомъ на содержаніе сельскихъ общественныхъ ея управленій. Возможно было бы, также, предоставить рѣшеніе этого вопроса уѣздному земскому собранію, на основаніи матеріаловъ, получаемыхъ отъ волостныхъ сходовъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ вступилъ въ дѣйствіе законъ 1 іюня 1882 г. о фабричной работѣ малолѣтнихъ, дополненный правилами 5 іюня 1884 г. объ отвѣтственности за его нарушеніе и правилами 12 іюня 1884 г. о школьномъ обученіи малолѣтнихъ рабочихъ, о продолжительности ихъ работы и о фабричной инспекціи. Дѣятельность фабричной инспекціи началась еще раньше, вслѣдъ за обнародованіемъ закона 1882 г.; первымъ нагляднымъ ея результатомъ является отчетъ инспектора московскаго округа, профессора И. И. Янжула, за періодъ времени съ сентября 1882-го по сентябрь 1883 г. Этотъ отчетъ—не заурядная оффиціальная бумага; это цѣлое изслѣдованіе, отвѣчающее всѣмъ требованіямъ экономической науки и вмѣстѣ съ тѣмъ въ высшей степени цѣнное въ практическомъ

отношеніи. Если выборъ лица для завѣдыванія московскимъ фабричнымъ округомъ—не счастливая случайность, а плодъ обдуманной системы, и если развитіе этой системы ничѣмъ не будетъ ни остановлено, ни извращено, то успѣхъ новаго закона можно считать обезпеченнымъ, и за нимъ, безъ сомнѣнія, послѣдуютъ дальнѣйшія, настоятельно необходимыя реформы фабричнаго законодательства. Благопріятнымъ, съ этой точки зрѣнія, признакомъ кажется намъ еще другое назначеніе, о которомъ мы узнали изъ отчета г. Янжула — назначеніе инспекторомъ владимірскаго округа доктора Пескова, заслужившаго почетную извѣстность именно работами по изученію московскихъ фабрикъ (одновременно съ гг. Погожевымъ и Эрисманомъ, по порученію московскаго губернскаго земства). Въ виду такихъ фактовъ, позволительно ожидать, что и другіе фабричные инспектора будутъ болѣе чѣмъ исправными чиновниками, что ввѣренное инспекціи дѣло сразу будетъ поставлено на правильную дорогу. При хорошемъ составѣ инспекціи менѣе опасны пробѣлы самаго закона — и наоборотъ, даже идеально-совершенный фабричный законъ останется мертвой буквой, если въ исполненіе его будетъ внесена канцелярская, формалистическая рутина. Какъ бы велика, однако, ни была рабочая сила, какъ бы глубока ни была преданность ясно сознанной и прочувствованной задачѣ, тяжесть этой задачи не должна быть увеличиваема usque ad infinitum. Разбирая, года два тому назадъ, законъ 1 іюня 1882 г. [1]), мы указали на близость инспекціи къ фабрикамъ, какъ на необходимое условіе дѣйствительности надзора, достижимое, въ свою очередь, только при значительномъ числѣ инспекторовъ и при призывѣ къ нимъ на помощь дѣятелей городского, земскаго, а впослѣдствіи—и волостного самоуправленія. Въ отчетѣ г. Янжула мы находимъ данныя, неопровержимо доказывающія вѣрность этой мысли — и вмѣстѣ съ тѣмъ крайнюю недостаточность инспекціи, организованной закономъ 12 іюня 1884 г. На основаніи этого закона, губерніи, въ которыхъ существуетъ фабричная, заводская или мануфактурная промышленность, раздѣлены на девять фабричныхъ округовъ; въ каждомъ округѣ полагается по *одному* инспектору и по *одному* его помощнику. Въ составъ московскаго округа входятъ губерніи московская, тверская, смоленская, калужская, тульская и рязанская. По свѣдѣніямъ, собраннымъ г. Янжуломъ, въ одной московской губерніи существуетъ не менѣе *тысячи-пятисотъ* фабрикъ, изъ которыхъ г. Янжулу уда-

¹) См. Внутреннее Обозрѣніе въ № 8 „Вѣстника Европы" за 1882 г., а также статьи о книгахъ гг. Погожева и Прилежаева въ Литературномъ Обозрѣніи №№ 6 и 11 „В. Е." за 1883 г.

лось посѣтить, въ продолженіе года, только *сто-семьдесять-четыре*, хотя онъ употребилъ на это 120 дней, т.-е. цѣлую треть года. Въ пяти уѣздахъ московской губерніи онъ не былъ вовсе; въ тверской губерніи онъ видѣлъ только одну фабрику, въ остальныхъ четырехъ губерніяхъ округа не видѣлъ ни одной. Изъ 174 осмотрѣнныхъ имъ фабрикъ на долю самой Москвы и московскаго уѣзда приходится 97, на долю всѣхъ остальныхъ (восьми) уѣздовъ—77. Пополнять данныя, собираемыя самою инспекціей, данными, доставляемыми полиціею или фабрикантами, оказывается совершенно немыслимымъ. Полиція не могла дать инспекціи вѣрныхъ свѣденій даже о числѣ фабрикъ; промышленники, за рѣдкими исключеніями, не понимаютъ важности точныхъ данныхъ, или не хотятъ сообщать ихъ, по тѣмъ или другимъ причинамъ. Не очевидно ли, что при такомъ положеніи дѣлъ можно разсчитывать только на *личные* осмотры фабрикъ агентами инспекціи—и не очевидно ли, вмѣстѣ съ тѣмъ, что для *двухъ* лицъ непосильно ежегодное посѣщеніе всѣхъ или хотя бы только бо́льшей части фабрикъ, раскинутыхъ въ шести губерніяхъ? Допустимъ, что общее число фабрикъ въ пяти подмосковныхъ губерніяхъ только равняется ихъ числу въ губерніи московской—и мы получимъ громадную цифру 3,000 фабрикъ, т.-е. въ среднемъ выводѣ, по пяти фабрикъ на каждый рабочій день инспектора и его помощника. Само собою разумѣется, что посѣщеніе пяти фабрикъ въ день было бы физически невозможно даже въ такомъ случаѣ, еслибы всѣ фабрики были сосредоточены въ мѣстѣ жительства агентовъ инспекціи, и если бы у послѣднихъ не было никакихъ кабинетныхъ занятій (въ родѣ группировки выводовъ и наблюденій, составленія отчетовъ и т. п.). Правда, особенно затруднительными и продолжительными осмотры фабрикъ представляются именно въ началѣ, когда еще не выработаны для нихъ пріемы, когда къ нимъ не привыкли ни фабриканты, ни сами инспектора, когда на каждомъ шагу встрѣчается противодѣйствіе, возникаютъ недоумѣнія и спорные вопросы; но переходное время окончится еще не скоро, да и по окончаніи его трудности только уменьшатся, но не исчезнутъ. Примѣръ Германіи, во всѣхъ отношеніяхъ поставленной въ несравненно лучшія условія, чѣмъ Россія, свидѣтельствуетъ о томъ, что цѣли надзора могутъ быть достигнуты только путемъ *часто повторяющагося* посѣщенія фабрикъ, возможнаго, въ свою очередь—особенно въ виду нашихъ огромныхъ разстояній и дурныхъ путей сообщенія—только при значительномъ числѣ *мѣстныхъ* агентовъ инспекціи. Какъ увеличить ея составъ, безъ чрезмѣрнаго возвышенія требуемыхъ ею расходовъ—объ этомъ мы уже говорили. Подъ руководствомъ такихъ авторитетныхъ и уважаемыхъ лицъ, какъ гг. Янжулъ и Песковъ, безъ сомнѣнія согла-

сились бы работать, въ небольшомъ районѣ — безвозмездно или за небольшое вознагражденіе—многіе земскіе врачи, земскіе и городскіе гласные, народные учители, землевладѣльцы, живущіе у себя въ имѣніи и т. п. Они могли бы доставлять инспекціи необходимый матеріалъ, по даннымъ ею программамъ, и сообщать ей о всѣхъ замѣченныхъ ими нарушеніяхъ фабричныхъ правилъ. Выѣзды инспекторовъ и ихъ помощниковъ на мѣсто не сдѣлались бы отъ этого менѣе частыми, но перестали бы быть единственнымъ средствомъ наблюденія надъ фабриками. Прибавимъ ко всему этому, что кругъ дѣйствій фабричной инспекціи можетъ быть распространенъ, на основаніи закона 1-го іюня, и на ремесленныя заведенія, необходимость контроля надъ которыми еще разъ, и такъ рельефно, выставилъ на видъ недавній московскій процессъ (супруговъ Фельдманъ); отсюда новая задача, неразрѣшимая, въ полномъ своемъ объемѣ, при нынѣшнемъ количественномъ составѣ инспекціи [1]).

Положеніе нашихъ фабричныхъ рабочихъ вообще—и малолѣтнихъ рабочихъ въ особенности—было выяснено, въ общихъ чертахъ, отчасти столичною администраціей, отчасти—въ бо́льшей еще степени—трудами земствъ (преимущественно владимірскаго и московскаго). Интереса безусловной новизны факты, собранные г. Янжуломъ, имѣть, поэтому, не могутъ, но составленной изъ нихъ картинѣ принадлежитъ, тѣмъ не менѣе, весьма важное значеніе. Оно даетъ опредѣленный отвѣтъ на всѣ главные вопросы, возникавшіе при изданіи и введеніи въ дѣйствіе закона 1 іюня, доказываетъ его настоятельную необходимость, констатируетъ принесенные имъ плоды, устраняетъ опасенія и ложные страхи противниковъ реформы. Первая часть отчета посвящена фабричной работѣ малолѣтнихъ. На 158 фабрикахъ, результаты изслѣдованія которыхъ подробно разработаны г. Янжуломъ, малолѣтнихъ рабочихъ оказалось 8,112, изъ общаго числа 84,606, т.-е. около 9,6%; дѣтей, не достигшихъ десятилѣтняго возраста между ними было 241, дѣтей десяти- и одиннадцатилѣтнихъ—1,374, дѣтей двѣнадцати-, тринадцати- и четырнадцатилѣтнихъ — 6,497. Между отдѣльными производствами малолѣтніе рабочіе распредѣляются весьма неравномѣрно; процентное отношеніе ихъ къ общему числу рабочихъ колеблется между 2% и 38%. Всего больше (свыше 20%) ихъ насчитывается въ производствахъ обойномъ, мельномъ, стеклянномъ, табачномъ, токарномъ и рогожномъ; дѣтей до десяти лѣтъ особенно много въ производствахъ рогожномъ, сте-

[1]) Изъ отчета г. Янжула видно, что онъ осмотрѣлъ нѣсколько ремесленныхъ заведеній въ Москвѣ, по спеціальному порученію главнаго инспектора.

клянномъ и обойномъ (отъ 8½ до 5%), дѣтей до двѣнадцати лѣтъ— въ производствахъ обойномъ, стеклянномъ, мебельномъ и табачномъ (отъ 12½ до 6½%). Какъ благодѣтеленъ законъ, закрывающій дѣтямъ до 12 лѣтъ доступъ къ фабричной работѣ, объ этомъ можно судить по слѣдующимъ даннымъ: на рогожныхъ фабрикахъ, гдѣ всего больше число рабочихъ самаго младшаго возраста, работа идетъ днемъ и ночью, продолжаясь до шестнадцати и даже до *восемнадцати* часовъ въ сутки! Въ смѣнѣ, состоящей изъ мужика, бабы и двухъ малолѣтнихъ рабочихъ и начинающей работу въ 9 часовъ вечера, одинъ изъ малолѣтнихъ работаетъ непрерывно до 9 ч. утра, другой—до часу дня; проспавъ часа три-четыре, они опять принимаются за работу, продолжающуюся непрерывно часовъ десять. Не вѣрится глазамъ, когда читаешь, что между малолѣтними, осужденными на такую по-истинѣ каторжную работу, встрѣчаются иногда не только дѣти, но даже *малютки*, не достигшіе четырехъ лѣтъ. По выраженію хозяина одной изъ рогожныхъ фабрикъ, взрослые рогожники, передъ прекращеніемъ работъ на лѣто, до того ослабѣваютъ физически, что ихъ „вѣтромъ качаетъ"; не трудно себѣ представить, что дѣлается съ помогающими имъ дѣтьми. Работа на стеклянныхъ заводахъ продолжается не такъ долго, но все-таки доходитъ, въ среднемъ выводѣ, до двѣнадцати часовъ и принадлежитъ, притомъ, къ числу наиболѣе вредныхъ. На обойныхъ фабрикахъ продолжительность работы превышаетъ тринадцать часовъ въ сутки.

Между обычными аргументами противъ ограниченія дѣтской фабричной работы, большую роль играли указанія на невозможность безъ нея обходиться, особенно въ нѣкоторыхъ производствахъ, напр. хлопчато-бумажномъ. Изслѣдованія г. Янжула обнаруживаютъ наглядно всю неосновательность подобныхъ указаній. Число малолѣтнихъ рабочихъ на хлопчато-бумажныхъ фабрикахъ, весьма высокое абсолютно, вслѣдствіе распространенности самаго производства, *относительно* меньше, чѣмъ на многихъ другихъ, меньше даже средняго числа: отношеніе его къ общему числу рабочихъ далеко не вездѣ одно и то же, сильно падая на однихъ хлопчато-бумажныхъ фабрикахъ, сильно поднимаясь на другихъ. Такъ, напримѣръ, въ прядильномъ отдѣленіи Раменской фабрики процентъ малолѣтнихъ достигаетъ 26%, а въ соотвѣтствующемъ отдѣленіи тверской мануфактуры составляетъ не болѣе 1½%. Директоръ-распорядитель послѣдняго отдѣленія, предполагая, по ошибкѣ, что законъ 1 іюня запрещаетъ принимать на фабрики малолѣтнихъ до 14 лѣтъ включительно, отпустилъ, еще задолго до вступленія закона въ окончательную силу, до двухсотъ малолѣтнихъ рабочихъ. Такой образъ дѣйствій—да и

самая ошибка, его вызвавшая [1])—былъ бы немыслимъ, еслибы потеря малолѣтнихъ рабочихъ была сопряжена для фабрикъ съ большими трудностями и убытками. Въ хлопчато-бумажномъ производствѣ, какъ и во многихъ другихъ, однородныя работы исполняются, по наблюденіямъ г. Янжула, и дѣтьми, и подростками, и женщинами, и даже взрослыми мужчинами; возможность замѣнить рабочихъ первой категоріи не подлежитъ, такимъ образомъ, никакому сомнѣнію, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ существуетъ большое предложеніе рабочихъ рукъ. Благопріятнымъ условіемъ для осуществленія новаго закона г. Янжулъ считаетъ не окончившійся еще понынѣ фабричный кризисъ; примѣръ Англіи показываетъ, что всѣ законы, ограничивающіе такъ или иначе трудъ рабочихъ на фабрикахъ, примѣнялись всего легче и удобнѣе именно во времена промышленнаго застоя.

На основаніи закона 1 іюня 1882 г., владѣльцы фабрикъ, заводовъ и мануфактуръ обязаны тѣмъ изъ числа работающихъ въ ихъ заведеніяхъ малолѣтнихъ, которые не имѣютъ свидѣтельства объ окончаніи курса по крайней мѣрѣ въ одноклассномъ народномъ или равномъ ему училищѣ, предоставлять возможность посѣщенія означенныхъ учебныхъ заведеній не менѣе трехъ часовъ ежедневно или восемнадцати часовъ въ недѣлю. По закону 12 іюня 1884 г., обученіе малолѣтнихъ рабочихъ производится либо въ школахъ, открываемыхъ при фабрикахъ, либо ближайшихъ къ фабрикамъ народныхъ училищахъ. Открытіе школъ при фабрикахъ не обязательно для фабрикантовъ; оно только *предоставляется* имъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда для обученія малолѣтнихъ рабочихъ не могутъ быть „приспособлены" ближайшія къ фабрикамъ народныя школы—т.-е. когда вблизи фабрики вовсе нѣтъ школы или она переполнена учащимися. Фабричная инспекція сообщаетъ о такихъ случаяхъ мѣстному учебному начальству, которое „принимаетъ всѣ зависящія мѣры къ учрежденію училища и входитъ по сему предмету въ сношенія съ подлежащими земствами, городскими или сельскими обществами, церковно-приходскими попечительствами и тѣми частными лицами, отъ которыхъ возможно ожидать содѣйствія дѣлу начальнаго образованія". А что, если всѣ эти сношенія окажутся тщетными? У „мѣстнаго учебнаго начальства" нѣтъ средствъ для открытія новыхъ школъ, и подъ именемъ „зависящихъ" отъ него мѣръ нельзя разумѣть ничего опредѣленнаго. Мы остаемся при выраженномъ нами уже давно мнѣніи, что *единственной* гарантіей обученія малолѣтнихъ рабочихъ—при отсутствіи вблизи фабрики начальнаго училища, съ

[1]) Директоръ другого отдѣленія той же фабрики понялъ законъ совершенно иначе и не принялъ никакихъ мѣръ къ сокращенію числа малолѣтнихъ рабочихъ.

достаточнымъ числомъ свободныхъ мѣстъ — было бы *обязательное* устройство школы при самой фабрикѣ, на счетъ фабриканта (за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда такой расходъ былъ бы рѣшительно несоразмѣренъ съ величиною фабрики и числомъ рабочихъ), или принятіе мѣръ, косвенно, но неизбѣжно приводящихъ къ той же цѣли (таково, напримѣръ, запрещеніе фабрикамъ, на которыхъ и вблизи которыхъ нѣтъ доступной для малолѣтнихъ рабочихъ школы, принимать въ работу малолѣтнихъ, не имѣющихъ свидѣтельства объ окончаніи курса въ начальномъ училищѣ). Подтвержденіемъ этого мнѣнія служитъ отчетъ г. Янжула. „Нѣкоторые промышленники,— говоритъ почтенный инспекторъ,—отзовутся сочувственно къ приглашенію содѣйствовать образованію малолѣтнихъ; но большинство, отличающееся до сихъ поръ полнымъ равнодушіемъ ко всѣмъ улучшеніямъ въ бытѣ фабричнаго люда, и здѣсь, я убѣжденъ, не измѣнитъ этому равнодушію, *если только не увидитъ для себя никакихъ особыхъ неудобствъ или ограниченій, или прямого къ заведенію школъ обязательства*" (курсивъ въ подлинникѣ). И дѣйствительно, на 174 осмотрѣнныхъ г. Янжуломъ фабрикахъ оказалось не болѣе тридцати двухъ фабричныхъ школъ—цифра тѣмъ болѣе краснорѣчивая, что окончившихъ курсъ въ начальной школѣ на ста фабрикахъ было найдено всего *восемдесятъ-девять*. Между учащимися въ фабричныхъ школахъ малолѣтніе рабочіе составляютъ меньшинство (съ небольшимъ одну четверть); остальные ученики—приходящіе со стороны или дѣти служащихъ на фабрикахъ. На нѣкоторыхъ фабрикахъ школы существуютъ только номинально, на другихъ—обставлены и помѣщены крайне плохо; есть и такія фабрики, которыя отбиваютъ охоту учиться высокой платой за ученье или вычетомъ, за каждое посѣщеніе школы, половины изъ ежедневнаго заработка. Въ двухлѣтній промежутокъ, истекшій со времени изданія закона 1 іюня, улучшеніе школьной части замѣчается лишь въ немногихъ, единичныхъ случаяхъ; громадное большинство фабрикъ по прежнему ничего съ этою цѣлью не предпринимаетъ. Недостаточность закона 12 іюня 1884 г.—насколько онъ касается школьнаго обученія малолѣтнихъ— не требуетъ, кажется, дальнѣйшихъ доказательствъ; онъ составляетъ, въ этомъ отношеніи, шагъ назадъ сравнительно съ закономъ 1 іюня, самая неопредѣленность котораго давала просторъ толкованіямъ, болѣе выгоднымъ для малолѣтнихъ рабочихъ.

Тяжелое впечатлѣніе, производимое первою частью отчета г. Янжула, смягчается, до извѣстной степени, мыслью о перемѣнѣ къ лучшему, уже наступившей въ положеніи малолѣтнихъ рабочихъ. Читая вторую часть отчета, посвященную фабричнымъ рабочимъ вообще, можно утѣшаться только надеждой на будущія реформы.

Картина, нарисованная г. Янжуломъ, крайне безотрадна. Безправность рабочихъ, скудная заработная плата, уменьшаемая съ одной стороны произвольными вычетами и штрафами, съ другой — эксплуатаціей фабричныхъ лавокъ и ростовщичествомъ артельныхъ старостъ, дурныя, нездоровыя помѣщенія, недостаточное огражденіе рабочихъ отъ опасностей, представляемыхъ работой, слабое развитіе учрежденій, направленныхъ къ улучшенію быта фабричныхъ рабочихъ—вотъ главныя ея черты, доказывающія на каждомъ шагу необходимость и неотложность новаго фабричнаго законодательства, построеннаго (только съ бо́льшею послѣдовательностью и рѣшительностью) на тѣхъ же началахъ, какія положены въ основаніе закона 1 іюня 1882 г. Отсылая читателей къ самому отчету, остановимся только на нѣкоторыхъ сторонахъ его, особенно интересныхъ. Есть законъ, въ силу котораго каждая фабрика, если въ ней болѣе ста рабочихъ, должна имѣть свою больницу. Внѣшнимъ образомъ этотъ законъ исполняется, но на самомъ дѣлѣ существуютъ, бо́льшею частью, только *такъ называемыя* больницы, представляющія собою не что иное, какъ обходъ закона. „Подъ именемъ больницъ,—говоритъ г. Янжулъ,—на многихъ фабрикахъ разумѣются пріемные покои изъ двухъ, чаще—изъ одной комнаты, съ одной или двумя постелями, гдѣ, въ самомъ лучшемъ случаѣ, больной можетъ пролежать одинъ или два дня, пока фабрика не придумаетъ того или иного способа отъ него избавиться, отвезти его въ ближайшую больницу или разсчесть и отправить домой. Обыкновенно рабочіе подобными *покоями* никогда не пользуются, исключая развѣ травматиковъ (т.-е. потерпѣвшихъ наружное поврежденіе). Очень часто пріемный покой имѣетъ совершенно заброшенный видъ, помѣщается гдѣ-нибудь назади фабрики, въ коморкѣ, которая ни на что иное не понадобилась“. Иногда при больницахъ или пріемныхъ покояхъ нѣтъ даже фельдшера, или фельдшерскія обязанности связаны съ какою-нибудь другою должностью на фабрикѣ. Въ двухъ случаяхъ обязанности фельдшеровъ исправляли *фабричные лавочники*, которыхъ нужно было вызвать изъ лавки, чтобы показать г. Янжулу пріемный покой! Своего постояннаго доктора имѣютъ, изъ числа 174, только десять фабрикъ; на восьми фабрикахъ заведены срочные пріѣзды доктора, не менѣе двухъ разъ въ недѣлю. Этими исключеніями и ограничивается серьезно организованная медицинская помощь. Обыкновенно врачемъ больницы числится уѣздный, иногда городской, иногда земскій врачъ, получающій отъ фабрики 100—200 рублей за посѣщеніе ея нѣсколько разъ въ годъ или за простую повѣрку фельдшерскихъ записей. Есть врачи, соединяющіе, такимъ образомъ, въ своемъ фиктивномъ завѣдываніи по четыре, по пяти крупныхъ фабрикъ. Отсутствіе заботливости о

здоровьѣ рабочихъ простирается до того, что на большинствѣ фабрикъ фельдшера не имѣютъ даже опредѣленныхъ часовъ для пріема больныхъ; въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ рабочій долженъ упрашивать фельдшера, чтобы онъ занялся его болѣзнью. На многихъ фабрикахъ существуетъ обычай немедленно увольнять сифилитиковъ, вмѣсто того, чтобы ихъ лечить. Понятно, что вслѣдствіе этого больные скрываютъ болѣзнь, пока возможно, запускаютъ ее, заражаютъ другихъ, и наконецъ уносятъ заразу въ свои деревни. Таково положеніе дѣлъ, сложившееся прямо вопреки намѣреніямъ законодателя—по той простой причинѣ, что некому было наблюдать за примѣненіемъ закона. Предоставленные самимъ себѣ, фабриканты, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, ограничились тѣмъ, что кое-какъ соблюли форму, вовсе не помышляя о добросовѣстномъ исполненіи возложеннаго на нихъ долга. Какъ бы хорошъ ни былъ законъ, все зависитъ, очевидно, отъ органовъ, которымъ ввѣрено его охраненіе; центръ тяжести новыхъ правилъ, повторяемъ еще разъ, лежитъ именно въ фабричной инспекціи, въ ея организаціи, ея составѣ и такой *численности* ея, при которой для нея была бы физическая возможность справиться съ своей работой.

Если фабриканты съумѣли обойти прямое требованіе закона, то нетрудно угадать, много ли сдѣлано ими въ тѣхъ сферахъ, которыхъ вовсе не касалась и не касается правительственная регламентація. Богадельни для престарѣлыхъ и убогихъ рабочихъ г. Янжулъ нашелъ на двухъ фабрикахъ, библіотеки — на трехъ, сберегательныя или вспомогательныя кассы—на четырехъ, колыбельни—на четырехъ, отдѣльныя спальни для малолѣтнихъ рабочихъ—на восьми. Особенно поразительна послѣдняя цифра. Отдѣльныя помѣщенія для малолѣтнихъ—не роскошь, а насущная необходимость, хорошо понимаемая и самими фабрикантами. Сплошь и рядомъ, однако, на фабрикахъ господствуетъ не только смѣшеніе возрастовъ, но и смѣшеніе половъ; г. Янжулъ называетъ, *въ видѣ примѣра*, десять фабрикъ, въ которыхъ женатые и холостые, дѣти и взрослыя дѣвушки спятъ вповалку вмѣстѣ, безъ всякихъ перегородокъ, въ крайне тѣсной и грязной обстановкѣ, иногда даже по два человѣка на одной кровати. Спятъ рабочіе и рядомъ съ сушильней, при двадцати-пяти градусной температурѣ, спятъ на станахъ и рабочихъ столахъ, въ атмосферѣ, пропитанной ядовитыми красками, спятъ въ холодныхъ балаганахъ, продуваемыхъ вѣтромъ, въ мокромъ послѣ работы платьѣ. Положеніе инспекціи, осужденной смотрѣть на все это сложа руки, по-истинѣ трагическое —слишкомъ трагическое, надѣемся, чтобы быть продолжительнымъ; оффиціально констатировать зло и не принять никакихъ мѣръ къ его устраненію или уменьшенію — было бы противорѣчіемъ черезъ-

чуръ вопіющимъ. Еще тяжелѣе, быть можетъ, роль инспекціи въ виду крайней небрежности, съ которою охраняется на большинствѣ фабрикъ не только здоровье, но и жизнь рабочихъ. Можно ли, напримѣръ, прочесть безъ ужаса слѣдующее мѣсто въ отчетѣ г. Янжула: „въ опальнѣ или палильнѣ между двумя машинами съ множествомъ зубчатыхъ колесъ, вращающихся въ разныхъ направленіяхъ, существуетъ проходъ всего, примѣрно, въ три четверти аршина, через который въ теченіе сутокъ проходятъ сотни рабочихъ, и въ томъ числѣ малолѣтніе; малѣйшая неосторожность, особенно при господствующемъ шумѣ и жарѣ въ этомъ отдѣленіи, одинъ нетвердый шагъ или толчокъ—и человѣкъ въ этомъ проходѣ легко можетъ зацѣпиться за ту или другую шестерню и быть изуродованнымъ. Я обратилъ на этотъ опасный пунктъ вниманіе мастера или старшаго рабочаго въ отдѣленіи, и онъ мнѣ хладнокровно отвѣтилъ, что для прикрытія машинъ есть у нихъ деревянные футляры, но у одного изъ нихъ, недѣли двѣ тому назадъ, оторвалась крышка, и никакъ не соберутся ее исправить. Оказалось, что у крышки оторвана обыкновенная петля, для исправленія которой нужны лишь молотокъ да нѣсколько гвоздей — и никакого умѣнья". Изъ-за такой ничтожной причины ежедневно, въ теченіе двухъ недѣль, подвергалась опасности жизнь нѣсколькихъ сотенъ людей! По всей вѣроятности, г. Янжулъ настоялъ на немедленной установкѣ охранительнаго футляра — но формальнаго права на это онъ не имѣлъ, потому что надзоръ за соблюденіемъ на фабрикахъ мѣръ предосторожности, хотя бы самыхъ необходимыхъ, не отнесенъ, пока, къ числу обязанностей фабричной инспекціи.

Еслибы положеніе рабочихъ было болѣе или менѣе одинаково на *всѣхъ* фабрикахъ, можно было бы, пожалуй, допустить мысль, что инымъ оно и быть не можетъ, что устройство школъ, больницъ, просторныхъ и здоровыхъ помѣщеній и т. п. превышаетъ средства фабрикантовъ. На самомъ дѣлѣ мы видимъ совсѣмъ не то; есть фабрики —правда, весьма немногія,—которыми еще до введенія въ дѣйствіе новаго закона, до учрежденія фабричной инспекціи сдѣлано немало для улучшенія быта рабочихъ [1]). Самое почетное мѣсто принадле-

---

[1]) Ошибочно было бы думать, однако, что для такихъ фабрикъ законъ 1-го іюня представляется какъ бы ненужнымъ; на одной изъ лучшихъ мануфактуръ—Раменской —существовала, напримѣръ, ночная работа малолѣтнихъ рабочихъ, продолжавшаяся иногда шесть часовъ сряду (законъ 1 іюня допускаетъ ночную работу малолѣтнихъ, достигшихъ 12 лѣтъ лишь въ видѣ исключенія, и притомъ не болѣе какъ на четыре часа), а днемъ maximum непрерывной работы доходилъ для малолѣтнихъ до девяти часовъ (законъ 1 іюня ограничиваетъ дневную работу малолѣтнихъ *восемью*, непрерывную работу—*четырьмя* часами).

жить, въ этомъ отношенiи, Раменской—ткацкой и бумаго-прядильной—мануфактурѣ гг. Малютиныхъ (въ бронницкомъ уѣздѣ). Здѣсь давно уже существуютъ настоящая больница, образцовая школа, съ нѣсколькими сотнями учащихся, правильно устроенныя колыбельни, богадельня для престарѣлыхъ и убогихъ, чистыя, хорошо вентилируемыя помѣщенiя для рабочихъ. Положимъ, что это одно изъ самыхъ крупныхъ фабричныхъ заведенiй, съ 4,714 рабочими; но съ одной стороны, мы видимъ мануфактуру еще болѣе крупную (тверскую хлопчато-бумажную, съ 5,344 рабочими), принадлежащую, по санитарной обстановкѣ помѣщенiй для рабочихъ, къ числу наихудшихъ, съ другой стороны — фабрики весьма небольшiя и тѣмъ не менѣе усердно пекущiяся о благосостоянiи своихъ рабочихъ. Таковъ, напримѣръ, химическiй заводъ тѣхъ же гг. Малютиныхъ (въ богородскомъ уѣздѣ), имѣющiй, при 191 рабочемъ, прекрасно устроенную школу, ежегодный расходъ на содержанiе которой достигаетъ 6,000 рублей. Отсюда ясно, что расходы, необходимые для правильной постановки дѣла, не могутъ быть признаны непосильными для фабрикъ, даже въ настоящее время, когда производство этихъ расходовъ одними, непроизводство—другими затрудняетъ для первыхъ конкурренцiю съ послѣдними. *Обязательность* извѣстныхъ расходовъ представляется, слѣдовательно, и осуществимою, и справедливою — осуществимою въ виду опыта нѣсколькихъ фабрикъ, справедливою не только по отношенiю къ рабочимъ, но и по отношенiю къ фабрикантамъ. Сохраненiе status quo было бы явнымъ поощренiемъ индифферентизма, ничего не знающаго и не желающаго знать кромѣ своихъ личныхъ выгодъ. Фабриканты, усвоившiе себѣ другое, болѣе правильное отношенiе къ дѣлу, уже теперь жалуются на проистекающую отсюда неуравнительность издержекъ производства—и если поводъ къ жалобамъ не будетъ устраненъ, то можно ожидать закрытiя многихъ изъ числа существующихъ фабричныхъ школъ, колыбелenъ и т. п. „До тѣхъ поръ—таково мнѣнiе, слышанное г. Янжуломъ въ средѣ самихъ фабрикантовъ — пока не будетъ со стороны правительства общаго для всѣхъ (фабрикантовъ) требованiя, строго соблюдаемаго, до тѣхъ поръ не будетъ у насъ большинство фабрикъ устроено какъ слѣдуетъ въ санитарномъ, медицинскомъ и учебномъ отношенiи". Итакъ, усиленiе регламентацiи не только не пугаетъ лучшихъ изъ числа фабрикантовъ, но напротивъ, признается ими единственнымъ правильнымъ разрѣшенiемъ наболѣвшаго вопроса. Приведемъ еще одинъ отзывъ фабриканта, весьма характеристичный. Владѣлецъ суконной фабрики просилъ г. Янжула довести до свѣдѣнiя правительства о необходимости законодательнаго запрещенiя *кнопа*, т.-е. подмѣси къ сукну шерстяной пыли, что сильно развилось

въ послѣднее время, наноситъ огромный ущербъ потребителямъ (преимущественно низшимъ классамъ народа) и въ то же время подрывъ многимъ производителямъ, которые не рѣшаются или не желаютъ работать съ кнопомъ. „Это заявленіе,—прибавляетъ г. Янжулъ,—тѣмъ болѣе замѣчательно, что само лицо, его сдѣлавшее, работаетъ сукно съ кнопомъ, но не считаетъ единичными усиліями возможнымъ, благодаря конкурренціи, оставить это производство, пока правительство не постановитъ для того общаго запрещенія“.

Благодаря трудамъ г. Янжула, настоящему и прежнимъ [1]), благодаря цѣлому ряду земскихъ и административныхъ изслѣдованій, благодаря книгамъ гг. Погожева, Прилежаева, Федорова, вопросъ о реформѣ фабричнаго законодательства разъясненъ и разработанъ со всѣхъ сторонъ; ничто не мѣшаетъ, повидимому, приступить къ продолженію дѣла, начатаго закономъ 1 іюня. Скажемъ болѣе: условія переживаемой нами эпохи, вообще неблагопріятныя для движенія, не заключаютъ въ себѣ ничего несовмѣстнаго съ успѣшнымъ окончаніемъ фабричной реформы. Политическаго характера эта реформа не имѣетъ; группа, интересамъ которой (эгоистически понятымъ) она угрожаетъ, не принадлежитъ къ числу обрѣтающихся въ „случаѣ“, въ особомъ авантажѣ; теоріи, принципіально отвергающія экономическое „вмѣшательство“ законодательной власти, сбиты съ одной позиціи и не успѣли еще занять другую; органы печати, наиболѣе равнодушные къ трудящейся массѣ или даже, въ сущности, ей враждебные, слишкомъ недавно еще притворялись ея друзьями, чтобы рѣшительно стать на сторону фабрикантовъ противъ рабочихъ. Въ русской литературѣ послѣдняго времени — періодической и неперіодической — трудно найти что-нибудь прямо направленное къ защитѣ фабричнаго status quo; еслибы кому-нибудь вздумалось запастись аргументами въ этомъ смыслѣ, ему пришлось бы, пожалуй, обратиться къ иностраннымъ сочиненіямъ,—напр., къ переведенному недавно на русскій языкъ „Грядущему рабству“, Герберта Спенсера. Осуждая все клонящееся къ расширенію круга дѣйствій правительственной власти, знаменитый философъ предостерегаетъ противъ всякаго шага въ этомъ направленіи, какъ противъ опаснаго прецедента. Составители закона 1834 г. о регулированіи въ нѣкоторыхъ фабричныхъ производствахъ дѣтскаго и женскаго труда — восклицаетъ

[1]) Въ изданномъ недавно сборникѣ статей г. Янжула („Очерки и изслѣдованія“, 2 тома, Москва 1884) мы находимъ не менѣе четырехъ этюдовъ, отчасти весьма обширныхъ, посвященныхъ различнымъ сторонамъ фабричнаго вопроса; сверхъ того г. Янжулъ принималъ дѣятельное участіе въ трудахъ коммиссіи, учрежденной московскимъ генералъ-губернаторомъ для осмотра фабрикъ и заводовъ, и результаты этихъ работъ также облечены въ форму, доступную для публики.

Спенсеръ — не воображали, что эта мѣра впослѣдствіи приведетъ къ ограниченію и инспекціи труда во всякаго рода промышленныхъ заведеніяхъ, гдѣ имѣется болѣе пятидесяти человѣкъ рабочихъ... Парламентскіе акты, ограничивающіе продолжительность рабочаго дня и опредѣляющіе обращеніе предпринимателя съ рабочими, получая постепенно все бо̀льшее и бо̀льшее распространеніе на новыя и новыя промышленныя предпріятія, теперь уже примѣняются даже и къ занятію простою торговлею". Итакъ, отсутствіе регламентаціи —единственное спасеніе противъ ея крайностей. Такова новая формула, придуманная для стараго принципа: laissez faire, laissez aller. Предположимъ, что въ ней есть доля правды, что правительственное вмѣшательство — нѣчто въ родѣ наклонной плоскости, на которой трудно или невозможно остановиться. Даже въ такомъ случаѣ оставалось бы еще доказать, что избытокъ регламентаціи—хуже абсолютнаго невмѣшательства, что равнодушное отношеніе къ несправедливости — меньшее изъ двухъ золъ, сравнительно съ попытками ее исправить. Спенсеръ порицаетъ „практическихъ политиковъ", не принимающихъ въ разсчетъ отдаленныхъ результатовъ проводимой ими мѣры; намъ кажется, что гораздо опаснѣе была бы та „теоретическая политика", которая мирилась бы съ настоящимъ, *несомнѣннымъ* зломъ въ виду *возможныхъ*, въ будущемъ, послѣдствій предлагаемаго лекарства. Въ занимающемъ насъ вопросѣ приверженцу Спенсеровской формулы пришлось бы разсуждать такъ: „положеніе рабочихъ на фабрикахъ безспорно тяжело, но помогать ему законодательными мѣрами, значило бы укрываться отъ дождя прямо въ воду. Грустно видѣть десятилѣтнихъ дѣтей, работающихъ днемъ и ночью, по двѣнадцати часовъ сряду; но положить конецъ такой работѣ нельзя, потому что одно запрещеніе неизбѣжно повлекло бы за собою цѣлый рядъ другихъ и привело бы, въ концѣ-концовъ, къ настоящему *рабству*. Нечего дѣлать, пускай дѣти задыхаются въ душныхъ помѣщеніяхъ, уродуются неогражденными машинами, портятся въ обществѣ взрослыхъ рабочихъ, растутъ безъ обученія, безъ отдыха, безъ надзора; это все-таки лучше, чѣмъ ограниченіе свободы фабрикантовъ". Теорія, ведущая въ такія дебри, должна быть отвергнута безусловно, какъ бы авторитетно ни было имя ея изобрѣтателя. Афоризмъ Спенсера: не давать ничего, потому что иначе придется отдать все—въ сущности, впрочемъ, не новъ; онъ вдохновлялъ уже давно противниковъ свободы, противниковъ образованія, съ которыми, конечно, не солидаренъ авторъ „Грядущаго рабства". „Стòитъ только власти поступиться однимъ своимъ правомъ — отъ нея потребуютъ уступки всѣхъ остальныхъ; стоитъ только дать народу грамотность— онъ захочетъ научнаго знанія и отвернется отъ физическаго труда";

кому незнакомы подобныя разсужденія, и кто не замѣтитъ сходства между ними и аргументаціей Спенсера? Каково бы ни было ея ближайшее родство, во всякомъ случаѣ ей едва ли удастся остановить теченіе, полвѣка тому назадъ начавшееся въ Англіи, обошедшее почти всю Европу и проникшее, наконецъ, и въ наше отечественное законодательство.

Съ перваго взгляда можетъ показаться страннымъ, что изъ двухъ, почти одновременно изданныхъ законовъ—правилъ 1-го іюня 1882 г., о фабричной работѣ малолѣтнихъ и положенія 18-го мая того же года о крестьянскомъ поземельномъ банкѣ — первый вызываетъ гораздо менѣе открытыхъ нападеній, чѣмъ послѣдній. Ограниченіе фабричной работы малолѣтнихъ прямо затрогиваетъ интересы фабрикантовъ, заставляя ихъ, притомъ, ожидать дальнѣйшихъ мѣръ того же свойства; учрежденіе крестьянскаго поземельнаго банка вредитъ развѣ тѣмъ скупщикамъ земли, которые эксплуатировали въ одно и то же время безденежье помѣщиковъ и безденежье крестьянъ, за безцѣнокъ покупая у первыхъ, съ барышемъ перепродавая купленное или отдавая его въ наемъ послѣднимъ. Напряженность противодѣйствія соотвѣтствуетъ обыкновенно силѣ удара; здѣсь мы наблюдаемъ, повидимому, обратное явленіе. Объясненіемъ кажущейся странности служитъ то обстоятельство, что съ основною мыслью крестьянскаго поземельнаго банка, точно такъ же какъ и съ его реальною дѣятельностью, не могутъ примириться печальники дворянскаго, помѣщичьяго землевладѣнія, стоящіе во главѣ „торжествующихъ“ органовъ нашей печати. У фабрикантовъ также есть свои присяжные защитники, выступающіе на сцену въ тѣхъ же, отчасти, газетахъ; но они сосредоточиваютъ свои усилія преимущественно на другомъ пунктѣ—поддержаніи и распространеніи протекціонизма—и кричатъ не такъ громко, потому что не настолько увѣрены въ своей силѣ. Ничѣмъ не стѣсненный, многимъ поощряемый, походъ въ пользу дворянъ-землевладѣльцевъ ведется съ распущенными знаменами и барабаннымъ боемъ. Крестьянскому банку не прощается, во-первыхъ, самое его существованіе, въ то время, когда не организованъ еще *дешевый* поземельный кредитъ для крупныхъ землевладѣльцевъ. Вторая его вина — это мнимое содѣйствіе, оказываемое имъ переходу земли отъ помѣщиковъ къ крестьянамъ (*мнимое* потому, что земли, покупаемыя крестьянами при посредствѣ банка, и безъ его помощи были бы проданы помѣщиками, не въ помѣщичьи руки). Нигдѣ ненависть извѣстной группы къ крестьянскому банку и ко всему связанному съ нимъ не выразилась такъ наглядно и такъ ярко, какъ въ одной изъ недавнихъ петербург-

скихъ корреспонденцій „Московскихъ Вѣдомостей". „Министерство финансовъ, — говоритъ корреспондентъ,—находится у насъ, какъ извѣстно, подлѣ безконечной дворцовой площади. Тутъ было когда-то большое поле, чрезъ которое ночью не всѣ отваживались пройти. Что бы значило министерству финансовъ, такъ сильно заботящемуся о своемъ любимомъ дѣтищѣ—крестьянскомъ банкѣ, вспомнить о поляхъ безконечной Россіи, на которыя оно накладываетъ банкомъ этимъ свою руку... Банкъ не даетъ землевладѣльцу возможности такъ или иначе подумать о себѣ. При безотрадномъ положеніи нашего хлѣбнаго рынка, землевладѣлецъ вынуждается продавать земли, и скупщиками являтся непремѣнно крестьяне, такъ какъ на то существуетъ ихъ банкъ. Землевладѣлецъ явиться ихъ конкуррентомъ не можетъ, потому, во-первыхъ, что не можетъ достать денегъ на такихъ выгодныхъ условіяхъ, какъ крестьянинъ, а во-вторыхъ, не можетъ разсчитывать, подобно послѣднему, и на личный трудъ свой... Печальна судьба земель, попадающихъ въ крестьянскія руки. Земля изнуряется, усадьбы сносятся, земство крестьянизируется. Это цѣлая аграрная революція потихоньку, совершающаяся подъ шумокъ путемъ крестьянскаго банка, на одномъ изъ угловъ той большой площади, бывшей когда-то полемъ, которое не всѣ отваживались пройти". Чего только нѣтъ въ этой прелестной тирадѣ! Страшныя слова à la жупелъ („аграрная революція") чередуются съ вновь выдуманными ad hoc („крестьянизированіе", „крестьянизируется"); дважды напоминается, по поводу министерства финансовъ, о полѣ, „которое не всѣ отваживались пройти"—точно дворцовая площадь, съ учрежденіемъ крестьянскаго банка, сдѣлалась столь же опасной для помѣщиковъ, какъ прежде была для прохожихъ; заявляется мысль объ открытіи землевладѣльцамъ дешеваго государственнаго кредита уже не только на предметъ сохраненія за ними принадлежащихъ имъ земель, но и на предметъ пріобрѣтенія новыхъ! Было время, когда область личнаго землевладѣнія расширялась путемъ еще болѣе льготнымъ для землевладѣльцевъ—путемъ предоставленія земли въ личную собственность безвозмездно или на самыхъ выгодныхъ условіяхъ (припомнимъ раздачу земель въ царствѣ польскомъ, на Кавказѣ, въ губерніяхъ самарской, уфимской, оренбургской и т. п.). Много ли выиграло отъ этого сельское хозяйство—скажемъ болѣе, многимъ ли увеличилось черезъ это число усадьбъ, о поддержаніи и пріумноженіи которыхъ такъ заботится корреспондентъ? Не перешло ли большинство пожалованныхъ участковъ въ тѣ же руки, въ которыя, до учрежденія крестьянскаго банка, переходило большинство продаваемыхъ помѣщичьихъ имѣній? Такъ ли, съ другой стороны, ведется земское хозяйство въ губерніи не-

реимуществу крестьянской (вятской), чтобы слѣдовало противодѣй-ствовать во что бы то ни стало „крестьянизированію" земства? Мо-жетъ ли быть рѣчь объ „аграрной революціи" при добровольной, въ полномъ смыслѣ слова, продажѣ земель лицами одного класса лицамъ другого? Верхъ безпристрастія со стороны корреспондента—то увѣреніе, что „аграрная революція" совершается банкомъ *по-тихоньку, подъ шумокъ*; во всей Россіи нѣтъ ни одного оффиціаль-наго учрежденія, дѣятельность котораго окружена была бы большею гласностью, чѣмъ дѣятельность крестьянскаго банка. Усердіе кор-респондента доводитъ его до галлюцинацій; ему чудится, что у насъ существуетъ какое-то „министерское veto", которое и могло бы быть положено министерствомъ государственныхъ имуществъ на дѣятель-ность министерства финансовъ, по отношенію къ крестьянскому банку. Или, быть можетъ, въ этихъ словахъ заключается какой-то тайный смыслъ, и толкованіе ихъ наши потомки прочтутъ, лѣтъ черезъ двадцать пять, на страницахъ „Русскаго Архива" или „Рус-ской Старины"?.. Покамѣстъ, къ счастью, крестьянскій банкъ про-должаетъ безпрепятственно идти прежней дорогой, широко раздви-гая сферу своихъ дѣйствій. По послѣднимъ свѣдѣніямъ, доходя-щимъ до 1-го октября, разрѣшенныхъ банкомъ ссудъ было 853, на сумму $10^1/_2$ милліоновъ рублей. Менѣе чѣмъ въ полтора года общая цифра ссудъ превысила ту сумму, которая была назначена примѣрно на два года (по пяти милліоновъ въ годъ). Отсюда яв-ствуетъ, что на расширеніе дѣятельности банка (возможность кото-рого была заранѣе предусмотрѣна закономъ) воспослѣдовало особое высочайшее соизволеніе, и что слѣдовательно судьбѣ банка, по крайней мѣрѣ въ ближайшемъ будущемъ, не угрожаетъ столь усердно накликаемая на него опасность.

Министерству финансовъ принадлежитъ, съ нѣкоторыхъ поръ, монополія хорошо составленныхъ, полныхъ интереса и своевременно оглашаемыхъ отчетовъ. Къ отчету крестьянскаго поземельнаго банка, о которомъ мы говорили въ іюньскомъ обозрѣніи, къ отчету фабрич-наго инспектора московскаго округа, съ которымъ мы только что ознакомили нашихъ читателей, слѣдуетъ присоединить недавно обнародованный отчетъ департамента неокладныхъ сборовъ за 1883 годъ. Менѣе замѣчательный уже потому, что учрежденія, которымъ онъ посвященъ, не принадлежатъ къ числу молодыхъ, только что вступающихъ въ жизнь, онъ все-таки заслуживаетъ вниманія по полнотѣ и разнообразію данныхъ, по важности реформъ, отчасти

подготовляемыхъ, отчасти уже совершенныхъ въ области акцизныхъ сборовъ. Злоупотребленія, глубоко вкоренившіяся въ питейной торговлѣ, указаны отчетомъ весьма рельефно. „Оптовые склады“, читаемъ мы въ первой части отчета, „во многихъ случаяхъ препятствуютъ возникновенію винокуренныхъ заводовъ, такъ какъ складчики, монополизируя питейную торговлю въ своихъ рукахъ, чтобы избавиться отъ конкурренціи заводчиковъ, нерѣдко привозятъ вино издалека, продавая его по такимъ цѣнамъ, при которыхъ мѣстные заводы не могутъ съ ними соперничать. Во многихъ крупныхъ центрахъ спиртовой торговли она пріобрѣла характеръ совершенно спекулятивный и часто принимаетъ форму биржевой игры, отъ которой страдаютъ винокуренные заводчики“. Въ другомъ мѣстѣ отчета констатируется ненормальное увеличеніе, за послѣднее время, числа трактировъ, а также такъ называемыхъ „погребовъ русскихъ виноградныхъ винъ“, въ которыхъ, подъ видомъ вина, продается подкрашенная хлѣбная водка [1]). Съ цѣлью предупредить первое изъ этихъ злоупотребленій, патентная плата за трактиръ повышена, въ 1883 г., до уровня патентной платы за питейное заведеніе; что касается до мнимыхъ погребовъ русскихъ виноградныхъ винъ, то размноженію ихъ, впредь до изданія новаго питейнаго закона, противопоставлены административныя преграды. Чего можно достигнуть даже этимъ путемъ, съ помощью надлежащей строгости и энергіи, показываетъ примѣръ оренбургской губерніи, гдѣ число вышеупомянутыхъ погребовъ уменьшилось, за одинъ годъ, съ 402 до 39. Остается только удивляться, какимъ образомъ такъ долго могли процвѣтать грубая фикція продажи для народнаго употребленія, въ *оренбургскомъ краѣ*, *русскихъ виноградныхъ* винъ! Констатируется отчетомъ и громадный вредъ отъ фактической монополіи, установленію которой способствуетъ теперешній порядокъ сдачи питейныхъ заведеній сельскими обществами. „Торговецъ-монополистъ, оградивъ себя отъ конкурренціи и продавая по дорогой цѣнѣ недоброкачественное вино, нисколько, въ то же время, не противодѣйствуетъ тайной продажѣ вина, а скорѣе покровительствуетъ ей, лишь бы тайные корчемники снабжали себя виномъ у него и такимъ образомъ бы увеличивали сбытъ вина изъ его же заведеній или складовъ“. Хорошей иллюстраціей нынѣшнихъ порядковъ служитъ также продажа водки и спирта подъ видомъ фруктовыхъ морсовъ и одеколона. Нужно надѣяться, что законодательная сессія 1884—85 г.

[1]) На этотъ послѣдній способъ обхода закона мы указывали уже больше трехъ лѣтъ тому назадъ (см. Внутр. Обозрѣніе въ № 9 „Вѣстника Европы“ за 1881 г.).

принесетъ съ собою, наконецъ, столь давно ожидаемую коренную питейную реформу.

Къ числу немногихъ учрежденій, отчеты которыхъ не остаются всецѣло канцелярской тайной, принадлежитъ вѣдомство православнаго исповѣданія. Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ напечатано недавно извлеченіе изъ отчета оберъ-прокурора св. синода за 1882 г. Та часть этого документа, которая касается духовно-учебныхъ заведеній, заставила насъ еще разъ пожалѣть о томъ, что уже столь давно прекращено печатаніе отчетовъ министерства народнаго просвѣщенія. Оглашеніе такихъ фактовъ, какъ напримѣръ печальное положеніе духовныхъ училищъ грузинскаго экзархата, устраняетъ возможность предполагать, что все обстоитъ благополучно, и поддерживаетъ вниманіе къ слабымъ сторонамъ существующихъ порядковъ.—Мало замѣченною прошла небольшая, но характеристичная реформа, совершившаяся, въ 1882 г., въ епархіальныхъ женскихъ училищахъ духовнаго вѣдомства. „Усмотрѣвъ“, сказано въ отчетѣ, „что назначеніе по избранію съѣздовъ духовенства ставитъ начальницъ училищъ въ зависимость отъ колеблющихся на съѣздахъ мнѣній и служитъ поводомъ къ разнаго рода неумѣстнымъ со стороны съѣздовъ притязаніямъ, подрывающимъ авторитетъ начальницъ и ограничивающимъ ихъ на столько, что онѣ не могутъ иногда распорядиться самыми мелочными расходами“, Св. Синодъ нашелъ необходимымъ предоставить выборъ начальницы училищному совѣту, съ тѣмъ, чтобы мѣстный преосвященный, въ случаѣ несогласія съ этимъ выборомъ, имѣлъ право указать другое лицо, а окончательное утвержденіе той или другой кандидатки на званіе начальницы зависѣло отъ Синода. Составъ училищнаго совѣта опредѣленъ, въ то же самое время, слѣдующимъ образомъ: предсѣдатель, избираемый преосвященнымъ изъ среды мѣстнаго духовенства, инспекторъ училища, также назначаемый преосвященнымъ, начальница училища и два члена по выбору духовенства. Большинство голосовъ въ училищномъ совѣтѣ всегда, слѣдовательно, обезпечено за мѣстнымъ архіереемъ, и выборъ начальницы совѣтомъ представляется равносильнымъ назначенію ея преосвященнымъ. Намъ кажется, что устраненіе неудобствъ, проистекавшихъ изъ „неумѣстныхъ притязаній“ съѣздовъ, было вполнѣ возможно и безъ отнятія у съѣздовъ права выбирать начальницу училища [1]); достаточно было бы точнѣе опредѣлить отношенія съѣзда къ начальницѣ и обезпе-

---

[1]) Необходимо замѣтить, что епархіальныя женскія училища духовнаго вѣдомства содержатся на счетъ мѣстнаго духовенства, представляемаго съѣздомъ.

чить послѣднюю противъ безпричиннаго увольненія отъ должности. Сущность реформы сводится къ новому ограниченію выборнаго начала въ средѣ духовенства: это новый шагъ въ томъ направленіи, первымъ выраженіемъ котораго послужило, въ 1881 г., прекращеніе выбора благочинныхъ. По странному стеченію обстоятельствъ, стѣсненіе самодѣятельности духовенства идетъ рука объ руку съ возложеніемъ на него новыхъ, важныхъ задачъ, съ расширеніемъ его правъ и обязанностей по отношенію къ другимъ сословіямъ. Духовенство признается въ одно и то же время какъ бы незрѣлымъ для самоуправленія—и вмѣстѣ съ тѣмъ способнымъ вынести на своихъ плечахъ такое тяжелое бремя, какъ завѣдываніе церковно-приходской и крестьянской школой. Одна изъ газетъ, наиболѣе расположенныхъ къ духовенству, выражала недавно надежду, что церковно-приходскія школы будутъ устраиваться не путемъ „предписаній", а по доброй волѣ, но искреннему усердію самихъ священниковъ. Мѣры, подобныя той, о которой мы только что говорили, заставляютъ сомнѣваться въ осуществимости этой надежды; условія времени очевидно не благопріятствуютъ свободной, личной иниціативѣ въ духовной сферѣ. Мы нисколько не удивились, прочитавъ въ газетахъ, что въ одной изъ епархій (если не ошибаемся—орловской) сдѣлано уже „распоряженіе" о возможно скорѣйшемъ открытіи церковно-приходскихъ школъ.

Законъ о введеніи въ остзейскихъ губерніяхъ мировыхъ учрежденій, обнародованный лѣтомъ 1880 г., долженъ былъ вступить въ дѣйствіе годъ спустя, по окончаніи перевода судебныхъ уставовъ на мѣстныя нарѣчія. Со времени изданія закона прошло болѣе четырехъ лѣтъ—а между тѣмъ судебная часть въ прибалтійскомъ краѣ до сихъ поръ остается въ прежнемъ видѣ. Теперь мы узнаемъ, по крайней мѣрѣ, о причинѣ отсрочки; введеніе мировыхъ судебныхъ установленій въ губерніяхъ Лифляндской, Эстляндской и Курляндской отложено до изданія правилъ о новомъ устройствѣ въ этихъ губерніяхъ крестьянскихъ судовъ. Объясняется это, по всей вѣроятности, тѣмъ, что нѣкоторыя изъ нынѣ дѣйствующихъ въ остзейскомъ краѣ учрежденій, подлежащихъ замѣнѣ мировыми судами, вѣдаютъ, между прочимъ, спеціально-крестьянскія судебныя дѣла. Что касается до правилъ о новомъ устройствѣ въ остзейскомъ краѣ крестьянскихъ судовъ, то они проектированы уже давно; мы имѣли случай говорить о нихъ года три тому назадъ [1]). Неужели движеніе ихъ по ступенямъ

---

[1]) См. Внутреннее Обозрѣніе въ № 12 „Вѣстника Европы" за 1881 г.

законодательной лѣстницы—до сихъ поръ, повидимому, еще не оконченное—не могло совершиться нѣсколько скорѣе, разъ что отъ утвержденія ихъ зависитъ осуществленіе реформы, подготовляемой, не смотря на всю ея неотложность, цѣлыхъ два десятка лѣтъ? Къ этому вопросу можно прибавить другой, еще болѣе важный: неужели необходимо частное преобразованіе крестьянскихъ учрежденій въ остзейскомъ краѣ, когда ожидается общая ихъ реформа во всей имперіи? Въ остзейскомъ краѣ сословность держится несравненно крѣпче, чѣмъ въ Россіи; поколебать ее можетъ только примѣненіе къ прибалтійскимъ губерніямъ новыхъ общерусскихъ узаконеній, а отнюдь не развитіе или видоизмѣненіе мѣстныхъ законовъ, по необходимости вѣрное той почвѣ, на которой оно происходитъ.

ПИСЬМА ИЗЪ ПРОВИНЦІИ.

Саратовъ. — Октябрь.

Позволительно допустить, что въ той мѣстности, гдѣ, по общему выводу, на одного рабочаго причитается болѣе 12-ти десятинъ удобной для культуры земли, и гдѣ, по тому же выводу, на одного рабочаго причитается только одна лошадь—сельское хозяйство вообще и земледѣліе въ особенности подвигается по пути преуспѣянія не быстрыми шагами. Общность взятыхъ выводовъ, понятно, не примѣнима къ частностямъ, къ отдѣльнымъ хозяйствамъ, ни въ отношеніи размѣра земельныхъ угодій, ни въ отношеніи количества рабочаго скота; но въ какомъ бы видѣ ни распредѣлялась частность, сколько бы ни переставлялись фигуры съ одной клѣтки шахматной доски на другую,—общій итогъ наличной рабочей силы, которою можетъ располагать сельское хозяйство нашего края, нисколько отъ этого не измѣняется. Сосредоточиваніе силы въ одномъ мѣстѣ обезсиливаетъ другое, успѣхъ одного хозяйства обусловливается малоуспѣшностію другого и т. д., и потому, весьма естественно, если конечные результаты, въ общемъ ихъ выводѣ, остаются одни и тѣ же.

Таковы основныя положенія, на которыхъ, можно сказать, зиждется теперь сельское хозяйство. И это далеко не все. Дальше выступаетъ цѣлый рядъ сложныхъ и запутанныхъ контрастовъ, вытекающихъ частію изъ практики краткосрочной аренды земель и хищническаго способа ихъ эксплоатаціи, частію изъ той взаимной неурядицы, которая существуетъ между нанимателемъ и рабочимъ, частію изъ непостоянства хлѣбнаго рынка, и, наконецъ, изъ множества другихъ условій, неотвратимость которыхъ влечетъ къ постояннымъ разочарованіямъ и представляетъ множество примѣровъ обманутыхъ надеждъ и несбывшихся ожиданій.

При первомъ взглядѣ, можетъ показаться непонятнымъ — почему такое вѣковѣчное дѣло, какъ сельское хозяйство, въ краю, предназначенномъ самою природою по преимуществу для земледѣлія и скотоводства, держится на весьма шаткой почвѣ и не имѣетъ никакой основательно выработанной программы, при помощи которой представлялось бы возможнымъ вести хозяйство правильно и устойчиво. Но удивляться въ этомъ случаѣ нечему. При внимательномъ изученіи тѣхъ экономическихъ комбинацій, которыя совершаются въ послѣд-

ній періодъ, странность встрѣчающихся явленій устраняется сама собою, и получается убѣжденіе, что существующій порядокъ вещей —или безпорядокъ, какъ хотите,—несмотря на всю его ненормальность, есть не что иное какъ продуктъ своего времени. Старые пріемы отжили свой вѣкъ, а новаго, общаго для всего хозяйства, не создалось еще вовсе.

Года, въ которые совершился экономическій переворотъ для бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ и послѣ того для крестьянъ удѣльныхъ и государственныхъ, поставившій въ совершенно новыя условія хозяйство какъ землевладѣльца, такъ и крестьянина, еще не такъ далеки, что бы въ столь короткій промежутокъ могло выработаться что-либо прочное. Не мало ушло времени на то только, что бы присмотрѣться къ новости положенія, познакомиться съ нимъ и затѣмъ примѣниться къ тѣмъ требованіямъ, которыя вызваны этимъ положеніемъ къ жизни и начали вводиться въ практику. Не слѣдуетъ забывать при этомъ и того весьма важнаго обстоятельства, что земли, оставшіяся, за надѣломъ крестьянъ, въ непосредственномъ владѣніи казны и удѣла, несмотря на послѣдовавшія реформы, эксплоатировались старымъ порядкомъ, и при сдачѣ ихъ въ аренду съ торговъ, если и попадали въ руки крестьянскихъ общинъ, то не иначе какъ посредствомъ конкурренціи, страшно возвышавшей аренду.

Фискальная цѣль, преслѣдовавшаяся въ означенномъ способѣ эксплоатаціи земель, несомнѣнно значительно увеличивала получавшійся отъ нихъ доходъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ служила причиною къ развитію и усиленію арендаторства, что́ имѣло весьма замѣтное вліяніе на ходъ сельскаго хозяйства, если не всего вообще, то, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ находились подобныя земли. Только въ недавнее время послѣдовали измѣненія въ правилахъ сдачи въ аренду означенныхъ земель, устраняющія арендатора-кулака и обязывающія давать преимущество крестьянскимъ общинамъ, и измѣненія эти можно считать первымъ шагомъ на пути продолженія мѣропріятій въ духѣ освободительной реформы. Послѣ того, какъ извѣстно, послѣдовали: сокращеніе выкупныхъ платежей, начало уничтоженія подушной подати, учрежденіе крестьянскихъ поземельныхъ банковъ. Все это свидѣтельствуетъ о томъ, что переходное время въ экономической области еще продолжается и вызываетъ соотвѣтствующія перемѣны и въ жизни, и въ хозяйствѣ. Въ свою очередь перемѣны эти даютъ такъ много новыхъ неожиданныхъ указаній, что на основаніи ихъ не представляется возможнымъ сдѣлать общіе выводы и создать правильную систему. Начальные опыты могутъ служить хорошимъ указателемъ для будущей сельскохозяйственной практики;

но регламентировать ихъ въ непреложный законъ, по меньшей мѣрѣ, преждевременно.

Существующее положеніе, можетъ быть, не тормазило бы движенія впередъ на столько сильно, какъ оно задерживается теперь, и вполнѣ допустимо, что сельское хозяйство въ нашихъ предѣлахъ развивалось бы при новыхъ условіяхъ несравненно быстрѣе, если бы на своемъ пути не встрѣчало еще и другихъ неожиданностей, изъ которыхъ однѣ стоятъ внѣ власти человѣка, другія представляютъ для него непосильную борьбу.

Извѣстно, что сельское хозяйство не мало терпитъ отъ такъ называемыхъ климатическихъ условій, и случавшійся у насъ „нѣкоторый недородъ въ хлѣбѣ" и какъ прямое послѣдствіе его — „нѣсколько стѣсненное положеніе населенія"—происходили въ большинствѣ случаевъ отъ засухи и бездождія: минувшее лѣто подарило какъ разъ обратнымъ явленіемъ, и настоящія „нѣкоторыя" и „нѣсколько" происходятъ отъ сырости и обилія дождя.

По моимъ отмѣткамъ видно, что съ 1-го апрѣля по 15-е іюля насчитывается 51 дождливыхъ дней, при довольно свѣжей погодѣ. Промежуточные дни тоже не отличались особенною ясностію, солнце если и показывалось, то не надолго, и небо вновь заволакивалось безконечными тучами. Изнѣженные обиліемъ влаги и среднею температурою, хлѣба дали очень хорошій ростъ и прекрасный наливъ; ожидался обильный урожай. Но опытные земледѣльцы не особенно восхищались такою благодатью: страшились—что сдѣлаетъ солнце, когда вступитъ въ свои права. Опасенія оправдались. Ясная погода наступила съ 16-го іюля, и ясное солнце на безоблачномъ небѣ засвѣтило будто для того только, чтобы разрушить надежды земледѣльца. Послѣ очень чувствительной прохлады, вдругъ наступилъ зной, переходившій за 40°, подулъ горячій южный вѣтеръ, воздухъ наполнился удушливою мглою, державшеюся въ теченіе цѣлой недѣли, и—все, что росло на поляхъ, начало созрѣвать разомъ, и покосъ, и жнитво хлѣбовъ ранняго посѣва поспѣли въ одно время. Для сельскаго хозяина наступилъ самый критическій сезонъ: земледѣлецъ не зналъ куда бросаться, за что взяться. Это былъ пожаръ, въ которомъ все жгло и горѣло въ одинъ пріемъ, и изъ котораго спасали то, что успѣвали выхватить. Между тѣмъ, спасать и выхватывать было некому. Въ письмѣ, помѣщенномъ въ іюльской книжкѣ „Вѣстн. Евр.", я сообщалъ уже, что наступленіе весны запоздало у насъ почти на мѣсяцъ; на столько же задержался ходъ полевыхъ работъ и созрѣваніе хлѣбовъ. Рабочіе, нахлынувшіе къ извѣстному сроку для покосовъ и жнитва, т.-е. около Петрова дня, не нашли здѣсь работы—и косить и жать было еще рано. Поэтому, весь при-

лый людъ, всѣ эти пензенцы и тамбовцы, съ котомками на спинахъ, косами на плечахъ и обернутыми въ тряпицы серпами въ рукахъ, отправились внизъ по Волгѣ; и послѣ того, на безлюдьи — вдругъ зажгло! Трава начала желтѣть, зерно въ колосѣ, пораженное мглою, замерло, не достигнувъ полнаго развитія, зной „вертѣлъ" и палилъ все... Приливъ новыхъ рабочихъ помогъ бѣдѣ, за то и цѣны на работы были высоки. Впрочемъ, эта высота цѣнъ только кажущаяся. Для земледѣльца, нанимающаго косаря или жнеца, она высока, а если взглянуть на то, при какихъ условіяхъ приходилось работать, вознагражденіе за трудъ можно счесть незначительнымъ. Открытая, безводная мѣстность, зной свыше 40°, горячій вѣтеръ и удушливая мгла—это въ полномъ видѣ паровая баня, изъ которой нѣтъ выхода ни на минуту для того, чтобы вздохнуть чистымъ воздухомъ и сколько-нибудь освѣжиться. Работать приходилось не менѣе 16-ти часовъ въ наклоненномъ положеніи; необходимо обладать необыкновенною выносливостію, чтобы перенести такой трудъ безъ вреда здоровью. Одинъ знакомый сельскій хозяинъ разсказывалъ мнѣ, что у него на полевой работѣ, въ теченіе какихъ-нибудь получаса, упало одинъ за другимъ восемь человѣкъ, которые пролежали въ болѣзненномъ состояніи до поздняго вечера.

Вотъ какія картины встрѣчаются на полевыхъ работахъ. Онѣ представляютъ собою одинаковыя невыгоды—въ смыслѣ разсчета—какъ для нанимателя, такъ и для наемника. Остановимся хоть на только что разсказанномъ примѣрѣ. Изъ небольшой артели еще дополудня упало 8 рабочихъ; значительная часть работы осталась не исполненной, и наверстать ее нѣтъ никакой возможности, потому что замѣнить упавшихъ не кѣмъ, а солнце не ждетъ: убытки для нанимателя очевидны. Но въ данномъ случаѣ ни въ чемъ невиновенъ и рабочій. Онъ рисковалъ погибнуть отъ солнечнаго удара, а между тѣмъ получить плату только за то сколько сработалъ. Но, кромѣ такихъ случаевъ, возможны и другіе, клонящіеся къ невыгодѣ и той и другой стороны. Отсюда безконечныя недоразумѣнія, ропотъ, жалобы... Но въ нашихъ мѣстахъ это вопросъ мудреный и распространяться о немъ не стану.

Итакъ, работы въ поляхъ кипѣли, и, какъ оказалось вскорѣ, люди спѣшили не напрасно. Съ 1-го августа пошли опять дожди и суровый холодъ. Какъ незначительны были перерывы въ этомъ морѣ ливней, можно судить потому, что въ теченіе августа было только 6 дней безъ дождя, хотя все-таки пасмурныхъ. По случаю наступившаго ненастья полевыя работы остановились на самомъ разгарѣ, въ томъ положеніи какъ застигло ихъ первое число, и потому все, что осталось въ поляхъ неубраннымъ, большею частію погнило и проросло.

Ненастье это дало рядъ новыхъ картинъ, изъ которыхъ укажу на одну. Крестьяне сушили снопы въ избныхъ печахъ, молотьбу дѣлали на печкѣ и добытое такимъ образомъ зерно размалывали на муку, на насущный хлѣбъ.

Изъ этого видно, что надежды на обильный урожай, который, можно сказать, былъ въ рукахъ, не оправдались: хлѣба пострадали частію отъ мглы, частію отъ ненастья.

Вотъ одна изъ неожиданностей, которую ни предупредить, ни предотвратить было нельзя. Теперь другая, не менѣе тяжкая и гибельная для хозяйства—эпизоотія.

Падежъ скота въ нашихъ мѣстностяхъ не составляетъ новости, и исторія его, какъ кажется, забытая теперь многими, слѣдующая. Страшный для сельскаго хозяйства врагъ этотъ составляетъ наслѣдіе голодныхъ лѣтъ 1879 и 80-го, когда номады заволжскихъ степей, вслѣдствіе безкормицы, гнали свои табуны въ смежный съ ними новоузенскій уѣздъ и потомъ черезъ Волгу на нагорный берегъ ея, и усѣяли весь путь трупами павшаго скота. Перегонъ этотъ совершался позднею осенью и зимою, непозволявшими зарывать павшій скотъ; весною же хотя и были приняты къ тому энергическія мѣры, но, по причинѣ громадности пространства, а такъ же и по случаю наступленія полевыхъ работъ, множество труповъ осталось на поверхности, разложилось на мѣстѣ, пропитало почву вредными соками и отравило корма. Вотъ начальная причина появленія чумы рогатаго скота; продолженіе же ея поддерживалось тѣмъ, что скотопромышленники, закупая скотъ въ степяхъ, прогоняли его зараженными мѣстностями къ тѣмъ пунктамъ на Волгѣ, чрезъ которые проходятъ скотопрогонные тракты. Вслѣдствіе этого, чума появлялась въ разныхъ мѣстахъ ежегодно; нынѣшнимъ же лѣтомъ она дѣйствовала съ необыкновенною силою, распространившись на значительное пространство и захвативъ нѣсколько губерній.

Противъ чумы, разумѣется, принимаются мѣры, какъ, напримѣръ, самарскимъ земствомъ, но о мѣрахъ этихъ и о вызванныхъ ими послѣдствіяхъ такъ много сообщалось газетами, что повторять объ этомъ здѣсь нѣтъ надобности. Если ветеринарная наука не обладаетъ средствомъ, излечивающимъ такую болѣзнь какъ чума, то единственными орудіями для борьбы съ нею остаются мѣры предупредительныя—карантинныя и санитарныя. Въ этихъ видахъ, на мой по крайней мѣрѣ взглядъ, казалось бы удобнымъ закупаемый въ степяхъ скотъ направлять не на сѣверъ въ новоузенскій уѣздъ, а на югъ, и прогонять тѣми же степями на Ахтубу къ владиміровской пристани. Здѣсь ставить его на особыя баржи и буксировать ихъ вверхъ по Волгѣ до Нижняго-Новгорода, а отсюда перевозить въ Москву и

дальше въ вагонахъ. Стоимость перевозки по такому способу обошлась бы ни сколько не дороже того, что платится теперь за перевозку въ вагонахъ отъ Саратова до Москвы; самое же устройство или только приспособленіе готовыхъ уже баржъ обошлось бы не особенно дорого. Въ виду тѣхъ бѣдствій, которыя терпитъ отъ падежа цѣлый край, нечего задумываться надъ расходами въ сотни тысячъ, а въ данномъ случаѣ, на пріобрѣтеніе баржъ потребовался бы капиталъ не больше какъ въ нѣсколько десятковъ тысячъ. Израсходовало же самарское земство на выдачу вознагражденія за разстрѣлянный скотъ полмилліона, и цифра эта не предѣльная, а между тѣмъ чума отъ этого не прекратилась, тогда какъ перерывъ сношеній со степями и воспрещеніе пригонять изъ нихъ гуртовой скотъ принесло бы очевидную пользу. Но кромѣ того, способъ доставки скота по Волгѣ выгоденъ еще и въ томъ случаѣ, что самый скотъ, во время нахожденія въ пути, выдерживалъ бы болѣе или менѣе продолжительный карантинъ и не имѣлъ бы возможности сообщаться съ берегами. Скотъ, павшій на баржахъ, можно зарывать на любомъ изъ песчаныхъ островов, которыхъ теперь на Волгѣ очень много.

Впрочемъ, оговариваюсь. Высказываю мою мысль не какъ лицо, компетентное для рѣшенія подобныхъ вопросовъ, а просто какъ человѣкъ, ищущій выхода изъ того положенія, которое такъ гибельно отражается на народномъ благосостояніи. Потеря продуктивнаго скота лишаетъ дневного пропитанія, а рабочаго—отнимаетъ необходимыя для земледѣлія силы и сокращаетъ запашки. Если же сообразить, что падежъ достигаетъ высшаго развитія всегда въ рабочее время, „въ страду", можно легко догадаться какъ отзывается онъ на хозяйствѣ.

Для того, чтобы правильно судить, — какое впечатлѣніе производить подобное несчастіе на потерпѣвшихъ, нужно находиться на мѣстѣ и видѣть это своими глазами. Понятнымъ становится ихъ горе, когда видишь, что, не зная, гдѣ и въ чемъ искать спасенія, они довѣрчиво прибѣгаютъ ко всякому средству, лишь бы спасти „кормилицу-коровушку" или „работничка-бычка". Въ такомъ крайнемъ отчаяніи идутъ въ дѣло и заговоры, и опахиванія, и все, что только можетъ изобрѣсти опасеніе лишиться послѣдняго достоянія. Понятно, почему тѣ же крестьяне, которые утромъ совершали молебствіе съ водосвятіемъ и крестный ходъ вокругъ села, съ наступленіемъ ночи впрягали въ плугъ 18 дѣвокъ босыхъ, съ распущенными косами и одѣтыхъ въ бѣлыя рубахи и опахивали село съ разными заклинаніями и наговорами; понятно, почему вѣрили „лекарю", совѣтовавшему поить скотъ водкой, не забывая и себя; понятно, вслѣдствіе какихъ причинъ видѣли въ селахъ „безголовыхъ вѣдьмъ", но,

несмотря на отсутствіе головъ, нелишенныхъ способности разговаривать. Повторяю—все это понятно, потому что здѣсь говорило одно только безвыходное горе, затмѣвавшее разсудокъ...

Но вотъ цифры, цифры статистики; пусть онѣ скажутъ о народномъ лишеніи.

Съ 1877 по 82 г., т.-е. въ теченіе 6 лѣтъ, народонаселеніе въ уѣздахъ нашей губерніи увеличилось на 159 т. человѣкъ, а общее количество скота уменьшилось на 271 т. головъ. За 1883 г., во время котораго былъ тоже падежъ скота, статистическій отчетъ еще не вышелъ въ свѣтъ, а на сколько убавитъ скотоводство настоящій годъ—о томъ узнаемъ въ будущемъ году.

Такія невзгоды приходится испытывать сельскому хозяйству, и это въ періодъ переходнаго состоянія. При всемъ томъ оно держится, находитъ силы переносить постигающія его несчастія и даже дѣлаетъ попытки на пути къ улучшенію. Выразителемъ такихъ попытокъ служитъ, напримѣръ, усиливающееся съ каждымъ годомъ, пріобрѣтеніе сельскохозяйственныхъ орудій новѣйшихъ системъ, стремленіе къ замѣнѣ ручного труда машиннымъ. Дѣло такой серьезной важности предоставлено личному усмотрѣнію покупателя, иногда неопытнаго, часто неграмотнаго. Пріобрѣтая за дорогую цѣну орудія и машины у различныхъ агентовъ, покупатель нерѣдко встрѣчаетъ затрудненія въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится работать ими на мѣстѣ. Почему на это дѣло не обратитъ вниманія земство, почему оно — какъ было уже заявлено о томъ изъ вольскаго уѣзда—не приметъ на себя трудъ, исполняемый нынѣ агентами — и не откроетъ при управахъ складовъ орудій и машинъ—не знаю и объяснять не берусь. Возможно предполагать, что при живомъ и дѣятельномъ участіи со стороны земства дѣло пошло бы несравненно успѣшнѣе, хотя бы и потому только, что принятое на себя земствомъ посредничество внушало бы бо́льшее довѣріе. Теперь усовершенствованія въ хозяйствѣ достигаются путемъ тяжелаго и продолжительнаго опыта и распространяются чрезъ подражаніе тѣмъ сельскохозяйственнымъ піонерамъ, которые прокладываютъ новый путь въ разбросъ и въ одиночку. Разбросанность эта происходитъ не по косности массы, не по недостатку въ ней стремленія къ лучшему, а скорѣе по отсутствію авторитетной иниціативы—земской, напримѣръ,—по недостатку матеріальныхъ средствъ. Возьмемъ хоть нынѣшній годъ. Народное хозяйство перенесло ужъ достаточно тяжкія испытанія, а между тѣмъ требованіе на хлѣбъ до сихъ поръ очень не значительное, и цѣны, предлагаемыя скупщикамъ продуктовъ, слишкомъ умѣренныя. Отсюда недостатокъ у сельскаго хозяина въ деньгахъ и невозможность предпринять что-либо для будущихъ улучшеній.

Въ послѣднее время всѣми уже сознана необходимость въ кредитѣ, и печать, довольно подробно обсуждала этотъ предметъ, потому мнѣ, провинціальному корреспонденту, можно было бы обойти его молчаніемъ. Но съ мѣстной точки зрѣнія есть основанія пріостановиться на минуту и тоже сказать нѣсколько словъ. Обращаю вниманіе на два трактовавшіяся въ печати предположенія, изъ которыхъ одно упоминало о долгосрочномъ кредитѣ для помѣщиковъ, другое о временномъ кредитѣ для крестьянъ, съ цѣлію „подожданья" возвышенныхъ цѣнъ на хлѣбъ, въ такіе моменты въ хлѣбной торговлѣ, какой переживается, напримѣръ, теперь.

Позволяю себѣ сказать, что никакой разницы для кредита существовать не должно. Кредитъ имѣетъ въ виду только одну цѣль—улучшеніе *сельскаго хозяйства*, а не единичную поддержку того или другого производителя. По такому соображенію, юридическимъ лицомъ должно признать не помѣщика или крестьянина, а сельское хозяйство, и право на кредитъ предоставить землѣ, представляющей вѣрную гарантію сдѣланной ссудѣ; кому-же принадлежитъ земля—это безразлично. Только равноправность на кредитъ и можетъ послужить къ равномѣрному подъему сельскаго хозяйства и къ общему его улучшенію. Отъ климатическихъ условій, отъ падежей, отъ паденія цѣнъ на продукты—одинаково терпятъ, въ извѣстной, разумѣется, пропорціональности,—и помѣщикъ, и крестьянинъ, существующіе какъ тотъ, такъ и другой, сельскимъ хозяйствомъ, и раздѣленіе ихъ правъ на кредитъ едва-ли поможетъ достиженію главной цѣли—улучшенія сельскаго хозяйства. Если для кого и необходимъ кредитъ на общихъ началахъ, то именно для насъ, для нашихъ мѣстностей черноземныхъ, существующихъ однимъ только земледѣліемъ и за тѣмъ, кромѣ земледѣлія, не имѣющихъ ничего, рѣшительно ничего.

Закончу письмо извѣстіемъ о катастрофѣ, постигнувшей Саратовъ въ концѣ сентября, катастрофѣ, на которую безъ душевнаго волненія и безъ страха нельзя смотрѣть. Я говорю о разрушеніи сѣверо-восточнаго угла Саратова, послѣдовавшемъ вслѣдствіе повторившагося обвала такъ-называемой „Соколовой" горы. Гора эта высокимъ и отвѣснымъ обрывомъ возвышается надъ узкимъ берегомъ Тарханки — небольшимъ протокомъ изъ Волги, протекающимъ у подножія Саратова, и въ томъ мѣстѣ, гдѣ случился обвалъ, высота горы достигаетъ, можетъ быть, ста саженъ. Гора, по склону ея къ Саратову, равно и тотъ, нѣсколько возвышенный, береговой уступъ, на который она опирается, заняты постройками, по большей части, бѣднѣйшаго населенія, состоящаго изъ мастеровыхъ и рабочихъ, добывающихъ пропитаніе тѣмъ трудомъ, который предоставляютъ удобства береговой жизни; кромѣ того, на упомянутомъ выше ниж-

немъ уступѣ берега, существовало нѣсколько большихъ заводовъ, на которыхъ изъ числа мѣстныхъ жителей работало нѣсколько сотъ человѣкъ. По топографическимъ условіямъ мѣстности, обывательскія постройки на этомъ уступѣ расположены были чрезвычайно тѣсно, съ такими узенькими переулочками, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ трудно было разъѣхаться встрѣчнымъ экипажамъ. Впрочемъ, и ѣзда въ этой мѣстности происходила только къ двумъ пунктамъ—къ заводамъ, да къ находящейся противъ нихъ пристани перевознаго чрезъ Волгу парохода; все, что обитало между этимъ трактомъ и подошвою Соколовой горы, ходило пѣшкомъ, выѣзда и не имѣлось.

Первый обвалъ горы въ этомъ мѣстѣ случился въ 1783 г., въ нынѣшнемъ столѣтіи повторялся нѣсколько разъ; обвалъ 1869 года засыпалъ окончательно, а частію разрушилъ до 150 жилыхъ домовъ. Но даже и этотъ обвалъ, не смотря на такія послѣдствія, никакъ нельзя сравнивать съ настоящимъ, потому что онъ не имѣлъ еще такого разрушательнаго характера, какъ послѣдній обвалъ 20 сентября, совершенно измѣнившій топографію мѣстности. Это было нѣчто въ родѣ землетрасенія, до того исковерковшаго почву, что нѣкоторыя мѣста признаются только по воспоминаніямъ о нихъ. Тамъ, гдѣ были возвышенности, образовались пропасти, гдѣ были впадины—воздвиглись холмы. Вся мѣстность, начиная отъ подошвы горы и до самой Тарханки, покрыта безчисленнымъ множествомъ трещинъ по всѣмъ направленіямъ; трещины очень глубоки и встрѣчаются почти на каждомъ шагу, такъ что ходить тамъ нужно съ осторожностію, тѣмъ болѣе, что почва продолжаетъ трескаться еще и теперь. Какой невѣроятный видъ приняли устоявшія на этой разрушившейся мѣстности постройки—не въ состояніи представить никакое воображеніе. Воображеніе, какъ бы оно ни было живо и фантастично, все же ограничивается предѣлами возможнаго, а здѣсь—именно невозможное, хаосъ какой-то, неукладывающійся ни въ какія рамки. Представьте переулокъ. Средина его тамъ, гдѣ была дорога, провалилась, а зады дворовъ поднялись; противоположныя постройки столкнулись и грудою своихъ обломковъ засыпали провалъ. Въ другомъ мѣстѣ, на косогорѣ, видна куча мелкихъ щепъ—это остатки отъ бывшей постройки. Въ третьемъ, на вышкѣ, незыблемо стоитъ чисто выбѣленная печь и вокругъ нея—ничего больше. Спрашивается: какимъ образомъ уцѣлѣла печь, очевидно стоявшая въ жиломъ строеніи, когда отъ строенія этого не сохранилось ничего? Но тамъ, на мѣстѣ катастрофы, можно было встрѣтить и не такія чудеса, доказывающія силу дѣйствовавшей природы, не подчиняющейся никакимъ правиламъ, никакимъ формамъ. Замѣчательнѣе всего то, что оторвавшаяся отъ горы масса, скатившись на уступѣ, надавила его

своею тяжестію по направленію къ рѣкѣ; между тѣмъ, у воды видишь, что на берегу, или правильнѣе изъ берега, прежде ровнаго и отлогопокатаго, образовалось шесть волнъ, совершенно правильной формы, даже съ завернувшимися гребнями, уже въ обратномъ направленіи, т.-е. отъ воды къ горѣ. Пролегавшая въ этомъ мѣстѣ дорога къ пристани—подвинулась къ водѣ; въ одномъ мѣстѣ поднялся на ней бугоръ, въ видѣ „сурчины", вершина которой истрескалась и вдоль и поперегъ, точно она покрыта плитами квадратной формы; невдалекѣ отъ бугра образовалась длинная и глубокая впадина съ узкимъ и острымъ дномъ. Стоявшіе на рѣкѣ рыбные садки, или, какъ называютъ ихъ здѣсь „исады", обмелѣли. Пароходная конторка отведена тоже дальше. Общій видъ мѣстности, въ первое послѣ катастрофы время, представлялъ большое сходство съ тѣмъ, когда останавливается ледъ на Волгѣ неправильными глыбами.

Обвалъ горы начался въ 11 часовъ утра, унося съ собою въ бездну пять дворовъ, стоявшихъ на гребнѣ ближе къ обрыву, и продолжалъ разрушительный ходъ свой до 8 часовъ вечера. Благодаря тому, что несчастіе застигло днемъ, когда всѣ бодрствовали, жители остались цѣлыми, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ не слышно о чей-либо гибели. Случись подобная бѣда ночью, послѣдствія были бы другія. Но даже и теперь, при дневномъ свѣтѣ, спасеніе представлялось до того затруднительнымъ, что обитатели во время бѣгства изъ разрушающейся мѣстности, по колеблющейся и проваливающейся почвѣ, выбирались на безопасныя мѣста съ помощію досокъ, перебрасываемыхъ черезъ разсѣлины, которыя образовались на каждомъ шагу. По разсказу нѣкоторыхъ потерпѣвшихъ, во время катастрофы, они чувствовали сильное головокруженіе и тягость въ головѣ, какъ бы отъ угара.

Сколько домохозяевъ пострадало отъ этого несчастія, въ извѣстность еще не приведено. Коммиссіею, избранною думою для оказанія помощи пострадавшимъ, записано 125 домохозяевъ; но можно съ увѣренностію сказать, что это далеко не всѣ. Есть такія лица въ числѣ потерпѣвшихъ, которыя не нуждаются въ благотворительности, какъ напримѣръ, владѣльцы заводовъ; есть, говорятъ, не мало такихъ, которые намѣренно скрываютъ о своемъ бѣдствіи, изъ боязни, что отъ нихъ потребуютъ переселенія на новыя мѣста. Отъ переселенія отказываются также и внесенные въ списки коммиссіи. Такова, не скажу—сила привычки къ мѣсту, а сила необходимости, сила нужды. Мѣсто это представляетъ извѣстныя удобства для добыванія насущнаго хлѣба, и этого вполнѣ достаточно, чтобы объяснить привязанность къ нему. Переселеніе на новое мѣсто связано для пострадавшихъ съ перемѣною образа жизни. Если бы на дру-

гихъ мѣстахъ существовалъ свойственный для нихъ промыселъ и заработокъ, они давно ушли бы туда сами, не дожидаясь постигшей ихъ гибели; при настоящихъ же условіяхъ имъ и погибель не страшна. Лучшимъ доказательствомъ тому можетъ служить то, что несчастіе случилось не внезапно. Еще за мѣсяцъ до катастрофы начали образовываться трещины на горѣ, но обыватели старательно засыпали ихъ землею и скрывали грядущую бѣду отъ всѣхъ.

Положеніе потерпѣвшихъ очень бѣдственно. Они лишились всего и спаслись кто въ чемъ былъ. Къ увеличенію ихъ несчастія, работы на берегу прекращаются; работы на полуразрушенныхъ заводахъ тоже прекратились. Приближается зима; бѣдняки не имѣютъ ни платья, ни обезпеченнаго куска хлѣба. Мѣстная помощь очень незначительна; до сихъ поръ въ пользу пострадавшихъ поступило только съ небольшимъ 3 т. рублей.

Причину обвала молва относитъ къ дѣйствію подземныхъ ключей.

Н. И.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е ноября, 1884.

Сближеніе Франціи съ Германіею и предстоящая конференція въ Берлинѣ.—Австро-германскій союзъ и его значеніе.—Брауншвейгское наслѣдство.—Клерикалы и либералы въ Бельгіи.—Англійскія дѣла.—Президентскіе выборы въ Соединенныхъ Штатахъ.

Самымъ благопріятнымъ признакомъ современнаго настроенія въ Европѣ слѣдуетъ считать сближеніе Франціи съ Германіею,—сближеніе, подавшее даже поводъ къ слухамъ о дѣйствительномъ союзѣ. Нѣкоторыя парижскія газеты, въ томъ числѣ солидный „Journal des Débats“, сообщали о секретной поѣздкѣ французскаго министра-президента, Жюля Ферри, въ Берлинъ, для личныхъ переговоровъ съ княземъ Бисмаркомъ. Хотя этотъ слухъ оказался невѣрнымъ, тѣмъ не менѣе онъ можетъ служить характеристикою новѣйшаго поворота въ политическихъ чувствахъ Франціи: онъ не вызвалъ уже тѣхъ враждебныхъ толкованій и возраженій, которыя были бы неизбѣжны нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Французская печать гораздо чаще и рѣзче нападаетъ теперь на Англію, чѣмъ на Германію; во многихъ важныхъ вопросахъ европейской политики проявляется замѣчательное единодушіе между кабинетами Парижа и Берлина, между органами французскими и нѣмецкими. Колоніальныя предпріятія обѣихъ странъ сблизили ихъ настолько, что мысль о союзѣ никому не казалась уже особенно странною или неправдоподобною. Обѣ державы очутились въ одинаковомъ положеніи относительно Англіи; для нѣмцевъ и французовъ было чрезвычайно выгодно дѣйствовать сообща противъ британскихъ притязаній, основанныхъ на традиціонномъ исключительномъ господствѣ на моряхъ. Германія оказывала дипломатическую поддержку французскому правительству въ столкновеніяхъ его съ Англіею по дѣламъ Египта, Тонкина и Китая, а Франція, въ свою очередь, поддерживала нѣмецкія попытки пріобрѣтенія колоній въ Африкѣ. Взаимный обмѣнъ услугъ получаетъ теперь формальное выраженіе въ созывѣ международной конференціи для устройства африканскихъ дѣлъ. Заручившись согласіемъ такой первоклассной колоніальной державы, какъ Франція, берлинскій кабинетъ надѣется достигнуть своихъ цѣлей помимо Англіи, которая даже вовсе не приглашена на предположенную конференцію. Конференція соберется въ Берлинѣ, и въ основу ея занятій будетъ положено предварительное соглашеніе, состоявшееся

между Германіею и Франціею. Говорятъ, что Жюль-Ферри намѣревъ былъ лично участвовать въ совѣщаніяхъ этого дипломатическаго съѣзда, чтобы вступить въ непосредственныя сношенія съ руководящими государственными людьми Европы; но событія въ Китаѣ помѣшали осуществленію этого плана, который долженъ былъ торжественно засвидѣтельствовать рѣшимость Франціи занять подобающее мѣсто въ общемъ европейскомъ „концертѣ“. Какъ бы то ни было, франко-прусская вражда все болѣе смягчается подъ вліяніемъ текущихъ политическихъ заботъ, и идея о возмездіи, столь популярная при Гамбеттѣ, становится чѣмъ-то отвлеченнымъ и далекимъ отъ дѣйствительности. Конечно, Эльзасъ и Лотарингія долго еще будутъ предметомъ французскихъ надеждъ и стремленій; колоссальныя боевыя силы, содержимыя французскою республикою, стоятъ на готовѣ не для Китая или Тонкина, а для болѣе близкихъ интересовъ въ Европѣ. Но важно уже то, что французы и нѣмцы мало-по-малу привыкаютъ къ мирному сожительству, что они перестали думать о войнѣ и начали толковать о „дружбѣ по разсчету“.

Вѣрные выразители политическаго настроенія въ Берлинѣ, оффиціозные нѣмецкіе публицисты, обращаются теперь къ французской націи съ дружескими предложеніями и помимо колоніальныхъ вопросовъ. Между прочимъ „Всеобщая газета“ (мюнхенская) находитъ удобную почву для „научнаго соглашенія по чрезвычайно важному предмету“, а именно, по соціальному вопросу,—такъ какъ французы мало знакомы съ работами нѣмецкихъ ученыхъ въ этой области. „Даже при громѣ орудій,—говоритъ газета,—нѣмцы признавали все то, что сдѣлано французами въ точныхъ и опытныхъ наукахъ; всяс... нимъ только торжественный протестъ Либиха противъ нѣмецкаго шовинизма, высказанный имъ въ засѣданіи мюнхенской академіи тотчасъ по окончаніи войны. Французы были вообще сдержаннѣе въ этомъ отношеніи и слишкомъ часто дѣлали уступки толпѣ, противъ своего лучшаго убѣжденія. Взывая къ этому лучшему убѣжденію образованныхъ французовъ и къ ихъ благороднѣйшимъ инстинктамъ, мы настоятельно предлагаемъ имъ соціальную задачу, какъ тэму для международнаго обсужденія. Такое обсужденіе, подъ руководствомъ серьезныхъ людей въ печати или даже на конгрессѣ, было бы для обоихъ народовъ и для Европы гораздо полезнѣе и почетнѣе, чѣмъ запоздалые мелкіе споры объ Эльзасъ-Лотарингіи. Во Франціи найдутся люди, которые поймутъ насъ“. Какъ далеко ушли мы отъ тѣхъ недавнихъ еще временъ, когда побѣдители-нѣмцы, даже ученые и серьезные, не находили у французовъ ничего другого, кромѣ канкана и оперетки, легкомыслія и разврата! Завидное процвѣтаніе Франціи, не только матеріальное, но и умственное и политическое

открыло нѣмцамъ глаза и показало имъ наглядно, что военныя неудачи не служатъ еще доказательствомъ упадка народовъ, имѣющихъ предъ собою будущее.

Скерневицкое свиданіе ни въ чемъ не измѣнило этого положенія вещей; напротивъ, оно утвердило Германію въ ея миролюбіи, ибо отняло у нея поводъ опасаться Россіи. Истинный характеръ новаго „тройственнаго союза", о которомъ столько говорилось въ послѣднее время, начинаетъ выясняться по немногу.

Россія сблизилась съ Германіею и Австріею; но австрійская имперія состоитъ изъ двухъ разнородныхъ половинъ, изъ которыхъ одна — венгерская — рѣшительно отвергаетъ русскую дружбу. Въ тронной рѣчи, которую прочиталъ лично императоръ Францъ-Іосифъ при открытіи венгерскаго сейма (въ концѣ сентября), не упоминалось вовсе о сближеніи съ Россіею, а указано было только на прежнюю тѣсную связь съ Германіею и на дружественныя отношенія съ остальными державами. Это умолчаніе породило неожиданные толки въ австрійской печати. Венгерскія газеты съ удовольствіемъ останавливались на этомъ новомъ доказательствѣ уваженія къ патріотическимъ чувствамъ мадьярскаго народа. Между тѣмъ, какъ Вѣна торжествовала по поводу свиданія трехъ императоровъ въ Скерневицахъ, въ столицѣ Венгріи замѣтно было, напротивъ, раздраженіе и негодованіе. Венгерцы потому и дорожили союзомъ съ могущественною нѣмецкою имперіею, что видѣли въ немъ надежный оплотъ противъ Россіи; они разсчитывали на будущія комбинаціи, въ которыхъ имъ досталась бы счастливая роль побѣдителей. Венгрія, въ лицѣ своихъ политическихъ дѣятелей, твердо вѣритъ еще въ возможность отомщенія за вмѣшательство русскихъ войскъ въ 1849 году; память о Виллагошѣ побуждаетъ мадьярскихъ патріотовъ неуклонно держаться анти-русскаго направленія во внѣшней политикѣ. Пока Германія находилась въ союзѣ съ Россіею, венгерцы по необходимости довольствовались пассивнымъ выжиданіемъ событій, способныхъ измѣнить группировку державъ; но когда ихъ предположенія осуществились, благодаря турецкой войнѣ и берлинскому конгрессу, они открыто выступили врагами Россіи и успѣли придать австро-русскимъ отношеніямъ весьма натянутый характеръ. И вдругъ всѣ усилія и надежды оказались бы напрасными, съ возстановленіемъ русско-германской дружбы. Какой смыслъ имѣлъ бы спеціальный союзъ съ Германіею, если бы къ этому союзу примкнула и Россія? Для чего и объ чемъ хлопотали бы венгерцы? Понятно, что скерневицкій съѣздъ долженъ былъ вызвать сильное безпокойство среди мадьяръ. Но въ съѣздѣ участвовалъ и венгерскій министръ-президентъ Тисса, испытанный патріотъ, присутствіе котораго гарантировало интересы Вен-

гріи отъ всякихъ дипломатическихъ случайностей. Безпокойство прошло и совершенно разсѣялось во время преній въ венгерской палатѣ депутатовъ, по поводу отвѣтнаго адреса на тронную рѣчь. Либеральное большинство палаты, въ составленномъ имъ проектѣ адреса, выразило полное удовлетвореніе въ виду того, что „тѣсная связь съ Германіею, имѣющая характеръ двойственнаго союза, не подверглась никакой перемѣнѣ, ни по внѣшнему своему объему, ни по внутренней своей природѣ". Этотъ прозрачный намекъ на нежелательность сближенія съ Россіею послужилъ сигналомъ къ усиленному газетному походу противъ русскаго правительства и народа. Съ своей стороны, вѣнскія газеты находили поведеніе мадьяръ крайне безтактнымъ и старались загладить ихъ враждебныя выходки своими дипломатическими комментаріями. Наконецъ, министръ Тисса объяснилъ въ палатѣ депутатовъ, что никто не желалъ сказать что-либо обидное для Россіи и что миролюбіе этой державы можетъ только радовать Венгрію. „Задача австро-германскаго союза, — по словамъ министра, — заключается въ сохраненіи европейскаго мира, и это дѣйствіе его выражается фактически въ той притягательной силѣ, которую проявляетъ союзъ по отношенію къ иностраннымъ державамъ, проникнутымъ тѣми же чувствами. Чѣмъ больше такихъ державъ, тѣмъ лучше для общаго мира, и уже одного этого соображенія достаточно было бы для того, чтобы избѣгать вызывающихъ или оскорбительныхъ замѣчаній относительно такой державы. И если Россія въ свою очередь заявляетъ, что хочетъ также идти вмѣстѣ съ нами для поддержанія мира на основахъ существующаго порядка, установленнаго международными договорами, то этому долженъ быть радъ каждый искренній сторонникъ мира. Въ этомъ смыслѣ было понято спорное мѣсто адреса составителями его, и такъ оно будетъ принято, конечно, и большинствомъ". Тисса коснулся затѣмъ болѣе интереснаго вопроса о самомъ свойствѣ этихъ союзовъ и сближеній. „Сущность союза между Германіею и нашею имперіею, — говорилъ онъ въ томъ же засѣданіи 16 (4) октября, — состоитъ въ тѣсномъ единеніи обѣихъ державъ на случай внѣшнихъ опасностей; но главною цѣлью союза остается миръ, а не война. Съ этой точки зрѣнія было очень важно поддерживать добрыя дружественныя отношенія съ прочими государствами и въ томъ числѣ съ Россіею. Нужно признать, что оба союзныя правительства встрѣтили большую предупредительность со стороны русской дипломатіи, что и выразилось въ скерневицкомъ свиданіи; а такъ какъ дѣло шло только о рѣшимости не допускать нарушенія мира, то въ Скерневицахъ не понадобилось никакого протокола, никакой письменной сдѣлки, никакого договора... Таково положеніе дѣлъ послѣ свиданія, и такъ понимается

оно и въ Германіи, а именно—подтвержденіе союза *двухъ* имперій и усиленіе мирныхъ тенденцій этого союза".

Такимъ образомъ, мы узнаемъ изъ словъ венгерскаго министра-президента, что между Австріею и Германіею существуетъ настоящій союзъ, оборонительный и наступательный; Россія-же примкнула только къ миролюбивымъ стремленіямъ обѣихъ имперій, безъ всякаго участія въ болѣе интимныхъ сдѣлкахъ и безъ всякаго письменнаго договора. Остается слѣдовательно двойственный союзъ, заключенный формально пять лѣтъ тому назадъ и возобновленный нынѣ на неопредѣленное время; сближеніе съ Россіею установилось внѣ этого союза и независимо отъ него. Австро-Венгрія и Германія гарантировали себя взаимно противъ „внѣшнихъ опасностей"; а такъ какъ внѣшнею политикою обѣихъ имперій руководитъ въ сущности одинъ берлинскій кабинетъ, то отъ него будетъ зависѣть созданіе или устраненіе тѣхъ опасностей, противъ которыхъ должна выступить Австрія въ случаѣ надобности. Австрійцы и особенно венгерцы кажутся твердо увѣренными въ томъ, что союзъ съ Германіею предназначенъ спеціально для охраны австрійскихъ интересовъ и для обезпеченія торжества ихъ надъ возможными врагами на востокѣ; но въ дѣйствительности гораздо вѣроятнѣе другое предположеніе,—что нѣмцы потребуютъ содѣйствія Австріи въ тотъ моментъ, когда они признаютъ это нужнымъ, для своихъ собственныхъ надобностей, а сами не пойдутъ далѣе обѣщаній, отлагая исполненіе ихъ до неопредѣленнаго будущаго. Германія можетъ не допускать столкновеній, въ которыхъ замѣшана одна Австрія, и тогда обязательство въ пользу австрійцевъ не будетъ имѣть случая осуществиться на дѣлѣ. Германія можетъ подготовить событія, желательныя для нея одной, и тѣмъ не менѣе Австрія принуждена будетъ принять въ нихъ участіе, въ качествѣ вѣрной союзницы. Подобный союзъ активной, руководящей силы съ пассивною, довѣрчивою,—всегда приводитъ къ одинаковымъ результатамъ. Нѣтъ ничего наивнѣе той добродушной и гордой вѣры, съ какою мадьяры располагаютъ могуществомъ союзной германской имперіи, въ надеждѣ на безпрекословное ея содѣйствіе своимъ будущимъ планамъ. Они ревниво оберегаютъ нѣмецкую дружбу отъ постороннихъ вліяній, ссорятся съ прочими сосѣдями изъ-за своихъ дорогихъ союзниковъ и разсчитываютъ на князя Бисмарка гораздо болѣе самихъ нѣмцевъ австрійскихъ. Ослѣпленіе мадьяръ тѣмъ страннѣе, что даже въ предѣлахъ Австріи ожиданія и чувства ихъ не раздѣляются доброю половиною монархіи—нѣмцами и славянствомъ. Любопытно, что опытъ 1866 года прошелъ безслѣдно для австрійцевъ; они ждутъ какихъ-то великихъ благодѣяній отъ союза съ державою, которая находилась съ ними въ союзѣ наканунѣ войны, приведшей къ Кениггрецу.

Двадцать лѣтъ тому назадъ Австрія по крайней мѣрѣ знала положительно, для чего и противъ кого соединилась она съ Пруссіею; теперь она и этого не знаетъ, ибо въ договорѣ 15 октября 1884 ничего не сказано разумѣется о тѣхъ державахъ, съ которыми можетъ возникнуть борьба. Австрія можетъ имѣть въ виду только Россію или Италію, а Германія—одну лишь Францію, къ которой австрійцы питаютъ несомнѣнную симпатію,—такъ что между союзниками неизбѣжны еще недоразумѣнія относительно возможныхъ будущихъ враговъ, и неосновательныя надежды могутъ окончиться печальнымъ разочарованіемъ. Воображая, что общія силы будутъ направлены на Востокъ, австрійцы могутъ очутиться въ необходимости сражаться съ державою, скорѣе сочувственною, чѣмъ враждебною имъ,—напримѣръ съ Франціею,—безъ существенныхъ для себя выгодъ. Такое крайне обоюдоострое значеніе имѣетъ для Австріи оборонительный и наступательный союзъ, на который австрійскіе патріоты возлагаютъ столько одностороннихъ упованій. Австрійцы, не зараженные военнымъ честолюбіемъ, а также миролюбивые сосѣди ихъ, могутъ утѣшиться только сознаніемъ, что австро-германскій союзный договоръ останется мертвою буквою, и что тѣ „внѣшнія опасности“, ради которыхъ союзъ заключенъ, пройдутъ мимо Европы и ея трехъ имперій.

Смерть одного изъ мелкихъ германскихъ государей, брауншвейгскаго герцога Вильгельма, напомнила нѣмецкому народу, что національное объединеніе Германіи далеко еще не завершилось, и что оно обставлено весьма своеобразными условіями, могущими получить неудобное значеніе при какихъ-либо внутреннихъ или внѣшнихъ замѣшательствахъ. Герцогъ Вильгельмъ не оставилъ потомства; законные наслѣдники его принадлежатъ къ Ганноверскому королевскому дому, который лишенъ своихъ владѣній Пруссіею въ 1866 году. Извѣстно, что къ тому-же Ганноверскому дому принадлежитъ и нынѣшняя англійская династія; самый Ганноверъ былъ соединенъ съ Англіею и отдѣлился отъ нея только при вступленіи на британскій престолъ царствующей королевы Викторіи, 20 іюня 1837 года, такъ какъ по ганноверскимъ законамъ верховная власть переходитъ только по мужской линіи. Племянникъ покойнаго брауншвейгскаго герцога и ближайшій наслѣдникъ его, герцогъ Кумберлендскій Эрнестъ-Августъ есть въ то же время старшій сынъ и наслѣдникъ бывшаго Ганноверскаго короля, Георга V, скончавшагося въ изгнаніи; онъ въ свое время заявилъ свои права на Ганноверъ въ оффиціальномъ письмѣ къ германскому императору и къ прочимъ членамъ германскаго союза, въ іюлѣ 1878 года, послѣ смерти своего отца. Герцогъ Эрнестъ-

Августъ занимаетъ положеніе претендента относительно части Германіи; онъ не признаетъ новаго устройства имперіи и однако долженъ былъ-бы сдѣлаться членомъ германскаго союза, въ качествѣ брауншвейгскаго герцога. Пруссія заранѣе приняла свои мѣры противъ подобной случайности; тотчасъ послѣ кончины герцога Вильгельма, въ Брауншвейгѣ обнародована была прокламація прусскаго генерала фонъ-Гильгерса, въ которой отъ имени императора заявлено, что въ виду отсутствія законныхъ наслѣдниковъ союзный имперскій совѣтъ немедленно займется вопросомъ о дальнѣйшей судьбѣ герцогства, согласно мѣстной и общей конституціи. Населеніе встрѣтило эту прокламацію весьма недружелюбно; оно ждало какого-либо заявленія отъ мѣстной власти, въ оффиціальномъ ея органѣ, а не отъ прусскаго генерала, не имѣющаго въ сущности никакого отношенія къ Брауншвейгу. Ни одинъ экземпляръ прокламаціи не остался цѣлъ на стѣнахъ домовъ города; всѣ они были сорваны или запачканы въ тотъ же день, причемъ враждебныя выходки противъ пруссаковъ не допускали сомнѣнія относительно преобладающаго настроенія жителей. Уже на слѣдующій день появился „манифестъ" совѣта регентства, учрежденнаго въ силу закона 1879 года и во главѣ которыхъ стоитъ графъ Герцъ-Врисбергъ, ближайшій совѣтникъ умершаго герцога.

Населеніе Брауншвейга имѣетъ мало поводовъ желать герцога Эрнеста-Августа или кого-либо другого изъ членовъ его фамиліи; но оно дорожитъ своею автономіею и боится потерять свою мѣстную самостоятельность и свободу, по случаю внезапнаго открытія герцогскаго наслѣдства. Герцогъ Вильгельмъ умеръ 78 лѣтъ отъ роду; онъ не былъ образцовымъ правителемъ, заботился больше о балетѣ, чѣмъ о политикѣ, предавался всякимъ эксцентричностямъ, но въ среднемъ выводѣ былъ хорошимъ и добросовѣстнымъ герцогомъ, строго соблюдалъ законы, не пытался нарушать общественныя права и вольности, внимательно относился къ просьбамъ и желаніямъ своихъ подданныхъ. Онъ занялъ престолъ въ смутное время, въ 1830 году, когда его старшій братъ, знаменитый своею роскошью и излишествами „брильянтовый герцогъ" Карлъ Брауншвейгскій, вынужденъ былъ удалиться за-границу. Герцогъ Вильгельмъ признанъ былъ правителемъ, съ согласія своего дяди, англійскаго короля Вильгельма IV, и по рѣшенію германскаго союзнаго сейма, въ декабрѣ 1831 года. Онъ управлялъ, такимъ образомъ, болѣе полустолѣтія и, помня судьбу своего брата, никогда не отступалъ отъ обязанностей конституціоннаго государя. Представительное собраніе герцогства, въ силу конституціи 1832 года и позднѣйшихъ ея дополненій, состоитъ изъ 21 депутата,—10 отъ городовъ, 12 отъ сель-

скихъ общинъ и 4 отъ духовенства. Общественныя вольности настолько процвѣтали въ Брауншвейгѣ, что консервативныя нѣмецкія правительства смотрѣли на это герцогство, какъ на гнѣздо опасной демократіи; еще въ пятидесятыхъ годахъ тогдашній представитель Пруссіи въ Франкфуртѣ на Майнѣ, Отто фонъ-Бисмаркъ, жаловался на необузданность брауншвейгской печати. Одного только не могли добиться добрые брауншвейгцы отъ своего герцога,—чтобы онъ женился и имѣлъ законныхъ дѣтей. Они выбрали, наконецъ, депутацію для представленія формальной петиціи по этому щекотливому предмету; герцогъ очень любезно принялъ почтенныхъ гражданъ и обѣщалъ дать скорый отвѣтъ, который и получился въ видѣ экстреннаго распоряженія играть въ театрѣ старинную пьесу подъ заглавіемъ: „Я остаюсь холостякомъ". Говорятъ, что въ молодости герцогъ Вильгельмъ мечталъ о своей двоюродной сестрѣ, королевѣ Викторіи, которая, однако, предпочла ему принца Саксенъ-кобургскаго, Альберта (въ 1840 году); эта неудача и послужила поводомъ къ тому неизмѣнному рѣшенію, которое такъ огорчало вѣрныхъ подданныхъ герцога. Покойный герцогъ никогда не показывался въ Берлинѣ, такъ-же какъ и король баварскій; онъ не любилъ Пруссіи, хотя и примкнулъ въ 1866 году къ ея сѣверо-германскому союзу. Онъ не хотѣлъ подчиниться прусскому военному режиму и сохранилъ въ своей маленькой арміи многія особенности, въ томъ числѣ оригинальный брауншвейгскій костюмъ. Онъ не былъ военнымъ человѣкомъ и не имѣлъ политическаго честолюбія; въ этомъ отношеніи онъ не унаслѣдовалъ качествъ и наклонностей своихъ предковъ. Его отецъ убитъ былъ въ сраженіи при Катръ-бра̀, наканунѣ Ватерло̀; его дѣдъ былъ тотъ знаменитый неудачный полководецъ, который собирался укротить революцію во Франціи въ концѣ прошлаго столѣтія, и который своею прокламаціею 1792 года ускорилъ гибель злополучнаго короля Людовика XVI. Въ лицѣ герцога Вильгельма прекратилась старшая линія Вельфовъ, Брауншвейгъ-Люнебургъ,— одна изъ самыхъ старинныхъ феодальныхъ фамилій въ Европѣ; младшая линія, ганноверская, будетъ, вѣроятно, устранена отъ наслѣдованія въ силу политическихъ соображеній. Герцогъ Эрнестъ-Августъ, ведущій жизнь „короля" in partibus infidelium выпустилъ изъ своей австрійской резиденціи въ Гмюнденѣ надлежащій „патентъ", въ которомъ извѣщаетъ о вступленіи своемъ во владѣніе брауншвейгскимъ герцогствомъ. Патентъ начинается обычною формулою: „Мы, божіею милостью", и пр. и адресованъ спеціально къ вѣрнымъ подданнымъ Брауншвейга; такое же извѣщеніе послано императору Вильгельму и всѣмъ нѣмецкимъ государямъ. Берлинскія оффиціозныя газеты ограничились краткимъ указаніемъ, что этотъ

смѣлый шагъ герцогъ Эрнеста подтверждаетъ только невозможность передачи ему наслѣдства. Брауншвейгскій совѣтъ регентства также не принялъ „патента" и препроводилъ его къ князю Бисмарку, предоставивъ претенденту доказывать свои права передъ трибуналомъ германской имперіи. Предводитель католической партіи центра въ нѣмецкомъ перламентѣ, бывшій ганноверскій министръ Виндгорстъ, поспѣшилъ въ Гмюнденъ, чтобы подготовить примиреніе герцога съ Пруссіею; но самъ Виндгорстъ считается настолько подозрительнымъ въ глазахъ приверженцевъ нѣмецкаго единства, что его посредничество едва ли можетъ поправить дѣло. Прусское правительство имѣетъ полное основаніе не довѣрять запоздалымъ заявленіямъ о желаніи ганноверской династіи подчиниться законамъ имперіи, тѣмъ болѣе, что наслѣдникъ короля Георга V признаетъ постыднымъ для себя отречься формально отъ всякихъ правъ на Ганноверъ. Небольшая часть владѣній герцога Вильгельма поступила уже въ завѣдываніе Пруссіи;—это замокъ Эльсъ съ окрестностями, доставшійся брауншвейгскому дому отъ Гогенцоллерновъ, на правѣ лена.

Относительно судьбы Брауншвейга высказываются теперь различныя мнѣнія. Берлинскіе патріоты проповѣдуютъ прямое присоединеніе къ Пруссіи, причемъ ссылаются не только на мотивы удобства и политики, но и на нѣкотораго рода права; дѣло въ томъ, что наслѣдованіе въ Брауншвейгѣ связано съ правомъ на Ганноверъ, а такъ какъ Ганноверъ присоединенъ къ Пруссіи, то къ послѣдней перешли и права наслѣдованія въ Брауншвейгѣ. Другими словами, изъ факта завоеванія выводится право наслѣдованія,—очевидный абсурдъ, на которомъ не могутъ серьезно остановиться нѣмецкіе юристы. Присоединивъ къ себѣ Ганноверъ по праву войны, Пруссія не могла этимъ пріобрѣсть права наслѣдственныя, принадлежащія бывшей ганноверской династіи; такія права не пріобрѣтаются завоеваніемъ. Болѣе умѣренные публицисты доказываютъ, что Брауншвейгъ долженъ получить значеніе особой имперской области, подъ непосредственною властью императора, подобно тому какъ это сдѣлано относительно Эльзаса-Лотарингіи. Это послѣднее рѣшеніе считается наиболѣе правдоподобнымъ. Во всякомъ случаѣ герцогъ Эрнестъ-Августъ останется при своихъ титулахъ и правахъ, а дѣйствительное содержаніе послѣднихъ перейдетъ къ германскому правительству.

Если бы даже не было законныхъ препятствій къ занятію брауншвейгскаго престола наслѣдниками покойнаго герцога, то и тогда возникшіе нынѣ вопросы не потеряли бы своего общаго интереса и значенія. Предположимъ, что герцогъ Кумберлендскій не имѣетъ за

собою компрометирующаго прошлаго, т.-е что онъ не сынъ низложеннаго короля, а просто членъ англійской королевской династіи. Удобно-ли было бы для Германіи допустить иностраннаго принца къ господству надъ частью нѣмецкой территоріи? Вѣроятно, и тогда высказаны были бы соображенія, подобныя тѣмъ, которыя помѣшали переходу власти въ руки герцога Эрнеста. Нѣмецкая нація чувствуетъ себя теперь въ довольно странномъ положеніи; достигнувъ политическаго единства, она вдругъ видитъ, что отдѣльныя части ея могутъ легко ускользнуть отъ общихъ національныхъ связей, благодаря случайностямъ наслѣдственнаго перехода отдѣльныхъ государствъ Германіи. Противъ такихъ случайностей существуютъ, конечно, извѣстные способы дѣйствія, которые и примѣнялись Пруссіею весьма успѣшно въ Шлезвигѣ, въ Ганноверѣ и въ другихъ мѣстахъ. Но право силы, примѣняемое противъ принципа законной наслѣдственной власти, колеблетъ въ глазахъ населенія тѣ основы, на которыхъ покоится власть въ самой Пруссіи. Понятно поэтому, что строго-консервативные элементы въ Германіи возстаютъ противъ широкаго толкованія началъ государственной пользы въ ущербъ монархическимъ традиціямъ. А между тѣмъ интересы государственнаго единства несомнѣнно требуютъ нарушенія этихъ традицій, и могущественный домъ Гогенцоллерновъ вынужденъ руководствоваться идеями чисто-національными и демократическими, не заботясь о точномъ соблюденіи наслѣдственныхъ правъ, когда эти права идутъ въ разрѣзъ съ общимъ благомъ имперіи.

Бельгія пережила своеобразный политическій кризисъ, за послѣдніе четыре мѣсяца: изъ рукъ либераловъ власть неожиданно перешла въ руки клерикальной партіи, которая, послѣ шумнаго и безпокойнаго владычества, вновь уступила мѣсто умѣренно-либеральнымъ элементамъ бельгійскаго общества. Въ іюнѣ текущаго года парламентскіе выборы дали клерикальное большинство, и кабинетъ Фрера-Орбана вышелъ въ отставку. Въ Бельгіи существуетъ только ограниченное избирательное право, обусловленное довольно значительнымъ имущественнымъ цензомъ, такъ что небольшая часть націи имѣетъ исключительное вліяніе на государственныя дѣла. Передовая часть либеральной партіи подняла вопросъ о расширеніи избирательныхъ правъ; привилегированные цензисты поспѣшили свергнуть неудобныхъ для нихъ „радикаловъ“, вмѣстѣ съ министерствомъ и съ палатою. Результатъ получился болѣе серьезный, чѣмъ думали и желали противники всеобщаго голосованія. Новый кабинетъ Малу принялъ на себя задачу очищенія страны отъ либерализма. Прежде

всего отмѣненъ былъ изданный недавно законъ о школахъ, и вмѣсто него составленъ проектъ болѣе благонадежный, направленный къ передачѣ учебнаго дѣла въ руки католическаго духовенства. Установлено было правило, что въ тѣхъ городскихъ и сельскихъ обществахъ, гдѣ духовенство пожелаетъ содержать народныя училища на свой счетъ, прежнія общинныя школы подлежатъ упраздненію, съ согласія мѣстныхъ выборныхъ властей, въ видахъ экономіи. Многія общины воспользовались щедрыми предложеніями іезуитскихъ коллегій, и повсюду стали учреждаться новыя религіозныя школы, взамѣнъ свѣтскихъ. Масса народныхъ учителей выброшена была на улицу; родители, посылавшіе своихъ дѣтей въ свѣтскія училища, подвергались разнымъ притѣсненіямъ и непріятностямъ, а наиболѣе упорные противники іезуитскаго воспитанія преслѣдовались за нарушеніе общественной тишины и порядка. Вся Бельгія охвачена была движеніемъ, которое во многихъ мѣстахъ доходило до кровавыхъ сценъ; въ главныхъ городахъ королевства и особенно въ столицѣ происходили шумныя демонстраціи, во главѣ которыхъ фигурировали наиболѣе почетныя лица либеральнаго направленія. Особая депутація представлялась королю еще до утвержденія новаго школьнаго закона, выработаннаго министерствомъ Малу и принятаго клерикальною палатою; но просьба объ отказѣ въ утвержденіи реформы была отклонена королемъ по вполнѣ основательной причинѣ—въ виду безспорнаго права большинства палаты составлять проекты законовъ и въ виду отсутствія поводовъ къ сомнѣнію въ согласіи палаты съ большинствомъ избирателей. Крутыя мѣры произвола и насилія, которыми ознаменовало себя правительство „нравственнаго и религіознаго порядка", вызвали волненіе даже въ тѣхъ слояхъ общества, которые относились равнодушно къ спорнымъ вопросамъ. Разрозненныя либеральныя фракціи оставили въ сторонѣ свои разногласія и дружно сплотились передъ общею опасностью. Приближались общинные выборы, и министерство употребило всѣ свои усилія, чтобы достигнуть торжества во что бы то ни стало. Всѣ предвидѣли, что общинная избирательная кампанія, относящаяся въ сущности къ кругу мѣстныхъ дѣлъ и интересовъ, будетъ имѣть на этотъ разъ важное политическое значеніе. Нужно замѣтить, что мѣстное право голоса принадлежитъ въ Бельгіи гораздо большей массѣ лицъ, чѣмъ парламентское избирательное право; поэтому мѣстные выборы могли служить какъ бы провѣркою результатовъ, добытыхъ при болѣе ограниченныхъ рамкахъ голосованія. Лихорадочная выборная агитаціи привела къ побѣдѣ либераловъ, не смотря на всевозможныя мѣры министровъ и духовенства. Составъ парламента оставался тотъ же, и вышедшее изъ его среды министерство могло считать себя закон-

нымъ представителемъ власти; но общинные выборы ясно выразили дѣйствительное настроеніе избирателей, и король Леопольдъ II немедленно далъ понять главѣ кабинета, Малу, что дальнѣйшее пребываніе его у кормила правленія оказывается уже неудобнымъ. Клерикальное правительство, послѣ „энергическаго" четырехмѣсячнаго хозяйничанья, скромно сошло со сцены, и на его мѣсто назначены другіе дѣятели, съ Бернаэртомъ во главѣ. Общее волненіе улеглось, но слѣды его изгладятся не скоро.

Бельгійскіе консерваторы и клерикалы на долго лишились господства, которое легко могли сохранить, при нѣкоторомъ запасѣ терпимости, самообладанія, уваженія къ чужимъ правамъ и мнѣніямъ. Больше всего жалѣютъ объ этомъ сами виновники столь быстраго разгрома; но они, по обыкновенію, обвиняютъ всѣхъ и вся, нападаютъ на невозможный духъ времени, на опасности либерализма, на слабость полиціи и войска въ укрощеніи безпорядковъ, наконецъ на малодушіе исполнителей, отступившихъ пред фантомомъ общественнаго мнѣнія. Для этого рода реакціонеро все составляетъ лишь призракъ,—вся текущая дѣйствительность с ея настоятельными потребностями, вся лучшая интеллигенція стран весь народъ въ его выборныхъ и фактическихъ представителях реальнымъ кажется имъ только неосуществимый образъ фантастиче скаго прошлаго, идеалъ безжизненнаго наружнаго спокойствія, не подвижности и безсилія. Бельгійскіе охранители поставили себѣ цѣ невозможную: они захотѣли повернуть въ другую сторону все умстве ное направленіе общества и народа, заглушить инстинкты правд и свободы, навязать всѣмъ и каждому однообразную мѣрку чувствъ воззрѣній, поставить католичество на мѣсто науки, пассивное смирен —на мѣсто живой энергіи, мертвящую іезуитскую опеку—на мѣс плодотворнаго духа самостоятельности. Такія обширныя задачи осуществляются въ нѣсколько мѣсяцевъ или въ нѣсколько лѣ еслибы даже считать ихъ вообще удобоисполнимыми въ настоящ время. Чтобы закрыть Бельгію отъ окружающихъ европейскихъ вл ній, пришлось бы прежде всего уничтожить желѣзныя дороги телеграфы, запретить сношенія съ французами и англичанами, пр кратить пагубный обычай книгопечатанія, упразднить газеты и жу налы: только въ такомъ случаѣ водворилась бы та самобытная ты о которой мечтаютъ бельгійскіе іезуиты. Либеральные плеве исчезли бы со временемъ; безплодная почва перестала бы тать ихъ, и мертвенное благополучіе царствовало бы въ стра нѣкогда жившей полною человѣческою жизнью. Разумѣется, идеа Малу и его приверженцевъ не идутъ такъ далеко; клерикальн дѣятели Бельгіи, какъ и другихъ государствъ, суть люди прос

щенные и даже ученые; намѣренія ихъ, быть можетъ, даже хороши съ извѣстной точки зрѣнія, но давно уже извѣстно, что хорошими намѣреніями усѣянъ адъ. Теорія крѣпкой и неусыпной опеки надъ обществомъ, въ послѣднемъ своемъ логическомъ результатѣ, приводитъ къ такому режиму, котораго не выноситъ страна, вкусившая плодовъ истиннаго и свободнаго просвѣщенія, и самая мысль водворить крайній замкнутый клерикализмъ въ Бельгіи, въ сосѣдствѣ Франціи, Англіи и Германіи, должна быть признана по меньшей мѣрѣ безполезною. Незначительная доля охранительной программы могла бы исподволь получить практическое примѣненіе, еслибы министры вѣрнѣе сознавали свою роль и не смотрѣли на общество какъ на tabula rasa, на которой позволительно чертить какіе угодно узоры. Малу и его товарищи упустили это изъ виду; они желали достигнуть слишкомъ многаго и потеряли все. Замѣчательно, что неудовольствіе клерикаловъ направляется теперь противъ короля, и что во многихъ городахъ они высказываются громко въ пользу республики! Для охранителей это ужъ слишкомъ радикально. Повидимому, король Леопольдъ возбудилъ ихъ неудовольствіе слишкомъ замѣтнымъ вниманіемъ къ общественному мнѣнію, выразившемуся рѣзко и шумно противъ проектовъ министерства. Но какимъ образомъ можно въ одно и то же время отрицать важность общественнаго мнѣнія, и угрожать королю республикою, которой никто не требуетъ въ Бельгіи,—это одна изъ тѣхъ логическихъ загадокъ, которыя составляютъ специальную принадлежность крайняго консерватизма въ различныхъ европейскихъ государствахъ.

Осенняя сессія англійскаго парламента открылась 23 (11) октября, при обстоятельствахъ довольно затруднительныхъ для министерства Гладстона. Коротенькая тронная рѣчь упоминала о предстоящемъ требованіи кредита на военныя дѣйствія въ Суданѣ и о вторичномъ внесеніи закона объ избирательной реформѣ, отвергнутаго палатою лордовъ. Для парламентской борьбы открывается широкое поле, оппозиція готовится къ рѣшительному нападенію на внѣшнюю политику кабинета, по поводу суданской экспедиціи, а избирательный билль вновь поднимаетъ вопросы, которые остались не разрѣшенными въ прошлую сессію. Вакаціонное время употреблено было обѣими партіями не безплодно. Никогда еще не произносилось столько политическихъ рѣчей въ разныхъ городахъ Англіи, какъ въ этотъ періодъ обязательнаго затишья; министры и выдающіеся государственные люди объѣзжали страну, возбуждали или успокоивали общественное мнѣніе, объясняли свои взгляды, краснорѣчиво

громили противниковъ и доказывали основательность своихъ дѣйствій.

Лордъ Салисбюри былъ безспорно героемъ сезона; онъ былъ центральною фигурою, около которой вертѣлся весь этотъ рядъ манифестацій, споровъ, рѣчей и заявленій. Какъ предводитель большинства въ палатѣ лордовъ, онъ считается единственнымъ виновникомъ кризиса, приведшаго къ настоящему движенію противъ верхней палаты. На него направлены всѣ удары либеральной партіи, противъ него негодуютъ народныя массы, лишенныя еще избирательныхъ правъ; объ немъ разсуждаютъ на митингахъ и въ печати, связывая его имя съ сущностью англійскаго аристократическаго консерватизма. Нужно сказать, что лордъ Салисбюри храбро выдержалъ этотъ общій напоръ; въ своихъ талантливыхъ и остроумныхъ рѣчахъ онъ ловко отражалъ нападки, переходя отъ обороны къ наступленію и подвергая министровъ самой ѣдкой критикѣ. Авторитетъ его укрѣпился въ его собственной партіи, и изъ вождя консерваторовъ въ палатѣ лордовъ онъ сдѣлался вождемъ всѣхъ вообще торіевъ въ странѣ. Сэръ Стаффордъ Норскотъ и лордъ Рандольфъ Черчилль подчинились его руководству, и въ организаціи оппозиціонныхъ элементовъ возстановилось прочное единство, при которомъ становится уже возможнымъ образованіе однороднаго консервативнаго кабинета на случай удаленія Гладстона. Лордъ Салисбюри не отступилъ передъ угрозою либераловъ поднять вопросъ о самомъ существованіи палаты лордовъ или по крайней мѣрѣ о коренномъ ея преобразованіи; онъ заявилъ, что ничего не имѣетъ противъ постановки такой радикальной задачи, ибо попытка измѣнить существенныя основы конституціи можетъ только ускорить паденіе либеральнаго министерства. Господствующій средній классъ не расположенъ къ крутымъ реформамъ, а большинство рабочаго населенія не имѣетъ достаточнаго вліянія на законодательство, чтобы съ успѣхомъ домогаться подобныхъ перемѣнъ. Радикализмъ нѣкоторыхъ министровъ, особенно Чамберлэна, начинаетъ пугать болѣе робкую часть общественнаго мнѣнія, а вождямъ оппозиціи удалось увѣрить публику, что они возстаютъ вовсе не противъ расширенія избирательныхъ правъ, а противъ предполагаемаго намѣренія кабинета воспользоваться реформою для усиленія шансовъ продолжительнаго либеральнаго господства.

Отношенія обѣихъ партій обострились до того, что въ нѣкоторыхъ городахъ не могли состояться назначенные митинги вслѣдствіе уличныхъ столкновеній и стычекъ между враждующими лагерями. Въ Бирмингамѣ толпа народа буквально разгромила помѣщеніе, гдѣ должны были говорить консервативные ораторы, сэръ Норскотъ и лордъ

Черчилль; а между тѣмъ нѣсколькими часами ранѣе восторженные поклонники лорда Рандольфа Черчилля выпрягли лошадей изъ его коляски и чуть не носили его на рукахъ по городу; въ его честь выбита была даже особая медаль устроителями празднества. Лордъ Салисбюри въ одной изъ своихъ поѣздокъ встрѣченъ былъ каменьями и долженъ былъ скрыться на станціи желѣзной дороги. Наиболѣе шумныя оваціи достались на долю престарѣлаго премьера, который удивлялъ жителей Шотландіи своимъ энергическимъ краснорѣчіемъ. Второе мѣсто послѣ Гладстона занимаетъ министръ торговли Чамберлэнъ, по популярности и значенію; въ немъ видятъ будущаго оффиціальнаго предводителя либеральной партіи.

Вновь назначенный вице-король Остъ-Индіи, лордъ Дюфферанъ, высказалъ на банкетѣ въ Бельфастѣ нѣсколько интересныхъ замѣчаній объ отшеніяхъ Англіи къ Россіи. „Я имѣю счастіе,—говорилъ онъ между прочимъ,—быть связаннымъ узами личной дружбы и уваженія съ русскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Нѣтъ въ Европѣ государственнаго человѣка болѣе умѣреннаго и миролюбиваго, чѣмъ онъ. Его искреннее желаніе—поддерживать дружбу между Россіею и Англіею и устранять поводы къ взаимнымъ несогласіямъ и подозрѣніямъ въ Средней Азіи. Онъ не разъ заявлялъ мнѣ, что смотритъ съ сожалѣніемъ на расширеніе русскихъ предѣловъ въ направленіи къ юго-востоку, и что онъ очень желалъ бы установить такія условія, которыя ввели бы это расширеніе въ естественныя и постоянныя границы. Я радуюсь, что мнѣ придется дѣйствовать вмѣстѣ съ моимъ личнымъ другомъ для достиженія этого желательнаго и необходимаго результата“. Пріятно слышать такія рѣчи изъ устъ высшаго представителя Англіи въ Остъ-Индіи.

Въ началѣ ноября предстоятъ въ Соединенныхъ Штатахъ выборы делегатовъ для избранія президента. Обычное возбужденіе, сопровождающее предварительную избирательную кампанію, усиливается теперь тѣмъ обстоятельствомъ, что въ первый разъ за послѣднее двадцатипятилѣтіе великая республиканская партія должна опасаться за свое господство, въ виду неблагопріятнаго для нея поворота въ общественномъ мнѣніи американской націи. Противъ республиканцевъ все сильнѣе поднимаются демократы, непрерывно возрастающіе въ числѣ и значеніи. Съ обѣихъ сторонъ обѣщаются народу разныя реформы и улучшенія; но „республиканцы“ испортили свою репутацію многолѣтнею административною рутиною, допущеніемъ значительныхъ безпорядковъ и злоупотребленій въ финансовыхъ дѣлахъ, солидарностью съ крупными желѣзнодорожными и

биржевыми интересами, упорною оппозиціею противъ преобразованія сложной бюрократической машины. Шансы демократовъ казались весьма серьёзными, когда кандидатомъ ихъ избранъ былъ популярный нью-іоркскій губернаторъ, генералъ Клевелэндъ. Но кандидатъ республиканцевъ, бывшій министръ Блэнъ, блестящій ораторъ и публицистъ, начинаетъ склонять вѣсы на свою сторону. Онъ предпринялъ теперь поѣздку по различнымъ штатамъ Союза, повсюду произноситъ горячія и талантливыя рѣчи, ловко обходитъ щекотливые вопросы и держится въ области общихъ національныхъ требованій, касающихся покровительства американской торговлѣ и энергической внѣшней политики. Путешествіе его превратилось въ цѣлый рядъ торжествъ; его встрѣчаютъ вездѣ какъ тріумфатора, а не какъ скромнаго гражданина, облеченнаго довѣріемъ своей партіи. Съ особеннымъ напряженіемъ ожидались результаты мѣстныхъ законодательныхъ выборовъ въ двухъ сомнительныхъ штатахъ — въ Мэнѣ и въ Огайо. Полагали, что рѣшеніе избирателей въ этихъ штатахъ послужитъ точнымъ указателемъ будущей побѣды той или другой партіи. Въ обоихъ штатахъ побѣдили республиканцы, къ великому восторгу многочисленныхъ приверженцевъ Блэна. Отъ демократовъ отпадаютъ многіе сторонники вслѣдствіе недостатка единодушія въ ихъ заявленіяхъ и дѣйствіяхъ, а также потому, что республиканцы включили въ свою программу главнѣйшіе пункты демократическихъ требованій. На Блэна возлагаютъ большія надежды люди всѣхъ партій, и торжество его на предстоящихъ выборахъ считается весьма возможнымъ.—Объ американскихъ дѣлахъ намъ придется говорить подробно въ слѣдующемъ обозрѣніи, послѣ того какъ будетъ извѣстенъ окончательный исходъ нынѣшняго избирательнаго движенія.

ПИСЬМО ИЗЪ НЬЮ-ІОРКА.

Похороны Макъ-Гахана въ Америкѣ.

Мнѣ довелось быть свидѣтелемъ не крупнаго, но характернаго для американскаго общества и его нравовъ событія: дѣло шло о перенесеніи останковъ хорошо извѣстнаго, особенно въ Россіи, военнаго корреспондента А. Макъ-Гахана изъ Турціи въ Соединенные-Штаты, во время послѣдней восточной войны.

Макъ-Гаханъ скончался еще въ 1878 г. въ Константинополѣ, гдѣ и былъ погребенъ. Родственники покойнаго не были въ состояніи перевезти его тѣло на родину. Такъ прошло нѣсколько лѣтъ. Казалось, что праху американскаго журналиста приходилось остаться навсегда въ турецкой землѣ. Но несмотря на то, и по истеченіи шести лѣтъ его сограждане вспомнили о немъ.

Въ законодательномъ собраніи штата Огаіо, гдѣ родился Макъ-Гаханъ, еще въ прошломъ мартѣ былъ поднятъ вопросъ о томъ, что слѣдовало бы позаботиться о перенесеніи останковъ его на родину и тѣмъ „оказать должную почесть одному изъ знаменитѣйшихъ граждань штата Огаіо". Законодатели горячо отнеслись къ этому предложенію; тотчасъ же избрали изъ своей среды комитетъ и отправили его въ Вашингтонъ для переговоровъ съ морскимъ министромъ; 300 дол. было ассигновано на издержки комитета. Съ разрѣшенія президента, министръ объявилъ комитету, что будетъ приказано одному изъ американскихъ военныхъ пароходовъ взять останки Макъ-Гахана и доставить въ Соединенные-Штаты. По возвращеніи членовъ комитета, законодательное собраніе немедленно ассигновало требуемую сумму и отправило ее американскому консулу въ Константинополѣ. Министръ иностранныхъ дѣлъ, съ своей стороны, поручилъ тому же консулу, по сношеніи съ мѣстными властями, выкопать останки Макъ-Гахана, переложить ихъ въ металлическій гробъ, запечатать и потомъ доставить на американскій пароходъ. Все это было исполнено съ точностію.

Для встрѣчи и доставки гроба Макъ-Гахана на мѣсто родины законодательное собраніе штата Огаіо отправило въ Нью-Іоркъ трехъ своихъ членовъ—одного сенатора и двухъ членовъ собранія; къ нимъ присоединился братъ покойнаго, секретарь города Толидо. „Нью-іоркскій клубъ прессы" счелъ своимъ долгомъ воздать почести своему по-

койному члену. На спеціальномъ митингѣ, созванномъ по этому дѣлу, клубъ поставилъ слѣдующія резолюціи:

„Такъ какъ тѣло Януарія А. Макъ-Гахана теперь находится въ Бруклинской пристани флота—на пути отъ временной могилы въ Константинополѣ къ постоянному мѣсту успокоенія въ Огаіо; такъ какъ мистеръ Макъ-Гаханъ, будучи журналистомъ, пріобрѣлъ славу своими трудами, честностью, способностью, мужествомъ и привязанностію къ принципамъ національной свободы, что очевидно было доказано его пребываніемъ во время войны на швейцарской границѣ, его походомъ въ Хиву, его дѣятельной симпатіей къ угнетеннымъ національностямъ въ Европейской Турціи и его примѣрнымъ выполненіемъ обязанностей газетнаго корреспондента въ арктическихъ снѣгахъ, въ азіатскихъ пустыняхъ и въ горныхъ мѣстностяхъ Европы; такъ какъ „нью-іоркскій клубъ прессы" признаетъ блистательныя услуги, оказанныя профессіи журналиста важными трудами этого выдающагося корреспондента, цѣнитъ его скромность, его безупречный характеръ и его высокія достоинства, какъ человѣка, и почитаетъ его добродѣтели,—поэтому *рѣшено*, что этотъ клубъ съ удовольствіемъ пр метъ тѣло въ свое вѣденіе, пока оно будетъ оставаться въ это городѣ, находясь въ городской ратушѣ, и проводитъ его въ полно собраніи отъ ратуши до станціи желѣзной дороги; залы этого клу предлагаются къ услугамъ комитета законодательнаго собра штата Огаіо друзьямъ и родственникамъ покойнаго, пока они б дутъ оставаться въ этомъ городѣ; городской ратушѣ выражается бл годарность за ея предложеніе губернаторской залы для пріема о танковъ покойнаго".

Гробъ Макъ-Гахана былъ доставленъ изъ Константинополя Лиссабонъ на американскомъ военномъ пароходѣ „Quinnebang" и редавъ другому пароходу „Powhatan", отправлявшемуся въ Нью-Іор 21 августа этотъ пароходъ прибылъ сюда и передалъ гробъ ко дору Филлербрауну. 26 августа, утромъ, состоялась торжествен траурная процессія. Почетная стража, состоящая, исключитель изъ корреспондентовъ, участвовавшихъ въ послѣдней граждан войнѣ, отправилась на верфь флота и привезла гробъ въ Нью-Іор гдѣ у баттареи его встрѣтили комитетъ законодательнаго собра штата Огаіо, братъ покойнаго и члены клуба прессы въ полно составѣ. Гробъ украсили вѣнками—подарокъ журналистовъ—и пр цессія тронулась по направленію городской ратуши. Между тѣмъ, приказанію мэра, флагъ надъ ратушей былъ спущенъ на полма Гробъ былъ поставленъ въ губернаторской залѣ,—честь, которой сихъ поръ ни одинъ журналистъ не былъ удостоенъ.

Толпа гражданъ, мужчинъ и женщинъ шли вереницей, чтобы

клониться праху своего согражданина, въ продолженіе 18 лѣтъ поддерживавшаго заграницей честь американскаго имени при самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ. На гробу, покрытомъ чернымъ бархатнымъ покрываломъ, лежали два вѣнка; отъ одного изъ нихъ спускалась бѣлая лента съ словами: „отъ нью-іоркскихъ журналистовъ", на лентѣ другого вѣнка была надпись: „отъ нью-іоркскаго клуба прессы". Тутъ же, на гробу, стоялъ портретъ покойнаго, въ его походномъ нарядѣ, съ русскимъ крестомъ на груди.

Въ 4 ч. по-полудни гробъ былъ поставленъ на погребальную колесницу и, въ сопровожденіи членовъ клуба прессы, отправленъ на станцію желѣзной дороги. Комитетъ изъ Огаіо и братъ покойнаго поѣхали вмѣстѣ съ гробомъ.

Въ главномъ городѣ штата Огаіо, Колумбусѣ, прахъ Макъ-Гахана ожидали новыя почести. Въ день встрѣчи гроба, улицы Колумбуса, ведущія отъ желѣзно-дорожной станціи къ капитолію, были переполнены народомъ. Губернаторская гвардія, „великая армія" республики, милиція, артиллерія и пѣхота разныхъ полковъ принимали участіе въ процессіи. Почти всѣ газеты штата Огаіо послали своихъ представителей принять участіе въ церемоніи. Четыре бѣлыхъ лошади везли погребальную колесницу. Гробъ былъ привезенъ въ капитолій и поставленъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ 1865 г. стоялъ гробъ Линкольна.

Послѣ молитвы, произнесенной пасторомъ, генералъ Уолкетъ, мэръ города Колумбуса, произнесъ:

„Отъ лица жителей этого города, столицы штата, я имѣю честь принять это тѣло. Макъ-Гаханъ принадлежалъ къ числу благороднѣйшихъ людей. Хорошо умирать тому, кто, какъ онъ, умиралъ съ сознаніемъ, что хорошо исполнилъ свой долгъ. Онъ жилъ честно и благородно, и умеръ, какъ надлежитъ мужественному человѣку. Я радъ, что его прахъ теперь близокъ къ мѣсту своей родины".

Затѣмъ губернаторъ штата, Годли, принялъ тѣло отъ лица штата, со словами:

„Огаіо принимаетъ прахъ своего сына, умершаго въ молодости, но въ нѣкоторомъ смыслѣ не преждевременно. Рано онъ умеръ, но не прежде нежели заслужилъ славу. Онъ былъ лучшимъ цвѣтомъ журналистики. Штатъ Огаіо доставилъ его домой, гдѣ онъ будетъ покоиться, благословляемый своими соотечественниками".

На слѣдующій день гробъ былъ отправленъ въ городъ Занесвилль, гдѣ, съ приличными обстоятельствамъ церемоніями, и былъ поставленъ въ склепъ. Только 11 сентября гробъ былъ преданъ землѣ въ Нью-Лексингтонѣ, гдѣ покойный родился и провелъ дѣтскіе годы.

При этомъ присутствовали мать и вдова съ сыномъ покойнаго журналиста, какъ извѣстно, русская [1]).

Маленькій городъ Нью-Лексингтонъ никогда прежде не видалъ такихъ пышныхъ и торжественныхъ похоронъ, какими граждане штата Огайо почтили память Макъ-Гахана. Въ Нью-Лексингтонѣ считается жителей всего 1,700, а на похороны съѣхалось до пятнадцати тысячъ человѣкъ!

Въ день похоронъ гробъ былъ торжественно перенесенъ изъ Занесвилля, въ сопровожденіи процессіи изъ милиціи, солдатъ, журналистовъ и гражданъ. Заупокойную обѣдню служилъ римско-католическій епископъ Колумбуса, Уаттерсонъ, вмѣстѣ съ десятью патерами и монахами; въ томъ числѣ былъ патеръ Гигчинсъ, первый и единственный въ Америкѣ „master of theology". Въ церкви не могла помѣститься и сотая часть публики. По окончаніи службы епископъ сказалъ слово, длившееся часъ съ четвертью, о великомъ значеніи прессы вообще и о громадномъ вліяніи индивидуальнаго писателя въ частности; талантливый публицистъ, одушевленный высокими и чистыми принципами, можетъ имѣть самое сильное вліяніе на своихъ современниковъ, какое едва ли выпадаетъ на долю людей всякой другой профессіи. Въ подтвержденіе своихъ словъ онъ ссылался на дѣятельность покойнаго.

За тѣмъ погребальная процессія двинулась по направленію къ кладбищу и растянулась на цѣлую милю; впереди двигалось войско въ полной формѣ, съ саблями, опущенными внизъ; оркестръ музыки, нѣсколько полковъ милиціи въ мундирахъ; члены законодательнаго собранія и должностныя лица штата Огайо; представители прессы и т. д.

Надъ могилой возвышалась арка изъ живыхъ цвѣтовъ съ надписью „Rest in thy Native Land" (покойся въ родной землѣ). Гробъ былъ опущенъ въ каменную, непромокаемую могилу. Начались рѣчи. М-ръ Колборнъ говорилъ „о жизни и характерѣ Макъ-Гахана" приблизительно въ такихъ выраженіяхъ: „Въ наше время вниманіе человѣчества не поглощается цѣликомъ дѣлами однихъ знатныхъ людей; вотъ предъ нами человѣкъ, безъ громкихъ титуловъ, безъ богатствъ, которыми онъ могъ бы снискать себѣ улыбки и вниманіе людей. И однако, при помощи электричества, весь міръ будетъ немедленно извѣщенъ о томъ, какъ онъ сегодня былъ почтенъ нами. Всюду телеграфная проволока понесетъ вѣсть, что другъ Болгаріи былъ цѣнимъ и любимъ въ своемъ родномъ штатѣ Огайо не менѣе, чѣмъ и въ чужихъ странахъ, гдѣ онъ трудился, гдѣ пріобрѣлъ себѣ почетное имя

---

1) Урожденная Елагина.

и гдѣ такъ рано скончался. Мы гордимся тѣмъ, что Макъ-Гаханъ родился въ этой мѣстности; что на этихъ холмахъ онъ игралъ въ дѣтствѣ; что въ здѣшней школѣ онъ получилъ первоначальное свое обученіе, — въ школѣ, быть учителемъ которой было его скромной амбиціей".

Упомянувъ потомъ объ участіи покойнаго въ различныхъ войнахъ и полярной экспедиціи, ораторъ продолжалъ:

„Макъ-Гаханъ не былъ простымъ описателемъ сраженій, варварскихъ обычаевъ и жестокостей; нѣтъ, своимъ перомъ онъ всегда служилъ высшимъ идеаламъ. Всего болѣе онъ сдѣлался извѣстенъ въ эпоху освобожденія Болгаріи. Англичане крайне неохотно признаютъ заслуги американцевъ, однако, мы имѣемъ высшій авторитетъ въ Англіи—Гладстона, подтвердившаго, что никогда прежде письма корреспондентовъ не производили такого глубокаго и могучаго вліянія на общественныя и государственныя дѣла, какое имѣли письма Макъ-Гахана. Довольно сказать, что его письма произвели перемѣну министерства въ Англіи и ускорили войну между Россіей и Турціей,— войну, которая освободила Болгарію. Въ то время болгарскія письма Макъ-Гахана были перепечатаны во всѣхъ газетахъ міра, и такимъ образомъ онъ имѣлъ такую великую аудиторію, какой не имѣютъ всѣ каѳедры, взятыя вмѣстѣ"... „Вліяніе Макъ-Гахана не прекратилось съ его смертію; его примѣръ будетъ вдохновлять тысячи журналистовъ, здѣсь и въ другихъ странахъ, дѣлать свое дѣло такъ же честно, смѣло и благородно, какъ дѣлалъ онъ".

Затѣмъ полковникъ Тэйлоръ прочиталъ свою поэму въ честь Макъ-Гахана, героя, журналиста и освободителя".

Судья Райтъ говорилъ о Макъ-Гаханѣ, какъ о „газетномъ корреспондентѣ". Онъ началъ такъ:

„Древняя печать, лежавшая на каждомъ родѣ знанія, сломана и стерта. Теперь нѣтъ такого уголка, гдѣ темныя науки могли бы найти убѣжище; нѣтъ болѣе мѣста мистеріямъ. Дельфійскіе оракулы спустились съ горныхъ вершинъ и могутъ быть видимы вездѣ, гдѣ движутся люди. Жрецы одѣваются теперь попросту и изрекаютъ свою мудрость предъ тысячной аудиторіей или отпечатываютъ ее на листкахъ, распространяемыхъ по всѣмъ материкамъ и островамъ".

Ораторъ перебралъ всѣ области знанія, небеса, земли и нѣдра земли — и все это, по его словамъ, сдѣлалось доступнымъ всѣмъ и каждому, благодаря печати. Говоря о значеніи репортера въ различныхъ отрасляхъ жизни, онъ сказалъ:

„Между нашими журналистами есть не мало ученыхъ, ораторовъ, артистовъ, государственныхъ людей. Часто они пишутъ тѣ рѣчи, которыя мы слышимъ отъ законодателей; часто они внушаютъ на-

шему правительству тѣ или другія государственныя мѣры; они лучше понимаютъ внѣшнюю политику, чѣмъ наши присяжные дипломаты, которыхъ они часто выводятъ изъ дипломатическаго лабиринта. Великое дѣло нашего законодательства и внѣшней политики главнымъ образомъ совершается безплатно безвѣстными, неоцѣненными газетными и журнальными сотрудниками. Лучшія работы въ свѣтѣ никогда не оплачиваются деньгами и рѣдко дѣлаются изъ-за денегъ"...

„Корреспондентъ долженъ обладать четырьмя свойствами: любовью къ правдѣ, энергіей въ отысканіи правды, горячимъ желаніемъ сообщать ее публикѣ и, наконецъ, талантливымъ изложеніемъ ея. Не всѣ, конечно, корреспонденты обладаютъ всѣми этими свойствами; но Макъ-Гаханъ принадлежалъ къ числу истинныхъ избранниковъ журнализма".

Вдова покойнаго явилась только на похороны; по чувству деликатности, она не принимала никакого участія въ тѣхъ торжественныхъ оваціяхъ, какими американцы почтили память ея мужа, начиная отъ Нью-Іорка и кончая Нью-Лексингтономъ. Какъ отнеслись американцы къ вдовѣ Макъ-Гахана, можно видѣть изъ ея письма къ пишущему эти строки: позволю себѣ сдѣлать изъ него только тѣ выдержки, которыя обрисовываютъ энтузіазмъ янки, а потому надѣюсь, что авторъ письма не посѣтуетъ за то на меня.

„Когда мы ѣхали,—пишетъ вдова покойнаго, — въ похоронной процессіи—моя свекровь, деверь, сынъ мой и я,—толпа буквально осаждала нашу карету; каждый домогался быть мнѣ представленнымъ и получить shake hands. Я никогда не воображала возможности такой демонстративности со стороны постороннихъ... Все время, пока двигалась процессія, шли представленія новыхъ и новыхъ лицъ—лицъ, знавшихъ моего мужа"...

„Предъ зданіемъ суда висѣлъ русскій флагъ... По возвращеніи съ похоронъ моя свекровь и я остановились въ домѣ распорядителя церемоніи, мистера Ferguson (члена законодательнаго собранія), открывшаго на этотъ разъ свой домъ публикѣ. Сюда устремились всѣ лэди, всѣ представители прессы,—всего мнѣ было представлено въ это время до 600 человѣкъ... Послѣ обѣда явилась вся мѣстная милиція и представители „великой арміи республики"—и затѣмъ, передо мной, прошла вся милиція маршемъ, руку подъ козырекъ, а многіе привѣтствовали меня легкимъ поклономъ. Милиція съ музыкой прошла черезъ домъ и вышла на другую улицу.

„Со дня похоронъ, 11 сентября, и по сію пору, домъ нашъ осаждаютъ посѣтители, такъ что у меня рука заболѣла отъ рукопожатій. Я никогда не воображала возможности такого теплаго чувства и гостепріимства въ американцахъ. Одинъ старикъ, знавшій моего мужа

ъ дѣтствѣ, нарочно пріѣхалъ на похороны изъ Небраски! Разспро-ямъ про Россію нѣтъ конца.

„Третьяго дня я ѣздила въ Сомерсетъ — отдать визитъ женѣ истера Грейнера (члена законод. собр.), а вчера—въ Занесвилль, сенатору Онелю: въ обоихъ городахъ меня встрѣтили демонтраціями. Особенно радушно ко мнѣ относятся представители ечати...

„Проповѣдь епископа Уаттерсона была превосходна; жаль только то онъ говорилъ экспромптомъ и потому не осталось точныхъ за-ѣтокъ о ней. Въ прошлую пятницу мы ужинали у него; намъ при-уживали французскія монахини...

„Здѣсь же меня берутъ просто съ боя, выражаютъ свою симпа-ію въ такой формѣ, что она могла бы заставить улыбнуться, если не была такъ искренна... Конечно, всѣ эти оваціи дѣлаются не нѣ, а памяти моего мужа"...

Я не преувеличу, если скажу, что для печати Макъ-Гаханъ былъ любимымъ „дѣтищемъ". Говоря о покойномъ, здѣшнія газеты и урналы называютъ его „освободителемъ Болгаріи", „величайшимъ военнымъ корреспондентомъ", „героемъ двухъ континентовъ", писа-лемъ, перо котораго дѣйствительно было „могучѣе сабли", „храб-ымъ, какъ солдатъ", „правдивымъ, какъ апостолъ", „яркою звѣздою урналистики" и т. д. Трудно было бы передать всѣ отзывы аме-иканскихъ газетъ о характерѣ и заслугахъ Макъ-Гахана, высказан-ыхъ въ стихахъ и прозѣ по случаю перенесенія его останковъ на одину. Но нельзя не остановиться на короткой характеристикѣ окойнаго, напечатанной въ „N. Y. Herald'ѣ".

Капитанъ Гринъ, извѣстный многимъ русскимъ офицерамъ, въ Геральдѣ" высказалъ о Макъ-Гаханѣ мнѣніе, вполнѣ заслуживаю-ее вниманія:

„Я зналъ многихъ военныхъ корреспондентовъ,—писалъ онъ,—но нѣ кажется, что Макъ-Гаханъ превосходилъ ихъ всѣхъ. Прежде сего, онъ всегда былъ правдивъ; онъ никогда не приносилъ фак-овъ въ жертву блистательнымъ картинамъ пера. Во-вторыхъ, онъ ылъ вполнѣ честенъ; не разъ ему довѣряли планы будущихъ дви-еній войска, сообщали о предстоящихъ сраженіяхъ, и никогда онъ е злоупотреблялъ такимъ довѣріемъ, хотя такія вѣсти дали бы озможность его газетамъ выпустить экстренное изданіе въ 50,000 омеровъ; онъ только вносилъ такія вѣсти въ свою памятную книжку ля своего будущаго историческаго труда. Въ-третьихъ, онъ былъ еустрашимъ — въ дѣлѣ и словѣ. Онъ не боялся самыхъ горячихъ итвъ, если ему требовалось описать сраженіе; онъ не боялся кри-иковать ошибки офицеровъ, не обращая вниманія на то, какого

чина и происхожденія они были. Его замѣтки, впрочемъ, не дѣлали ему враговъ, потому что онъ всегда старался быть справедливымъ и безпристрастнымъ. Наконецъ, онъ располагалъ къ себѣ всѣхъ, съ кѣмъ ему приходилось сталкиваться; онъ былъ скроменъ, безъ притензій, хотя и пользовался знакомствомъ съ высокими государственными людьми Англіи и Россіи; онъ былъ прекраснымъ товарищемъ.

„Макъ-Гаханъ возвелъ дѣло военнаго корреспондента до высшей точки совершенства. Сколько мнѣ извѣстно, военные корреспонденты впервые появились въ крымскую войну и затѣмъ на нашей гражданской войнѣ. Это дѣло чрезвычайной важности; съ театра войны вѣсти посылаются по телеграфу и быстро достигаютъ милліоновъ читателей. Въ настоящее время, во время войны военный корреспондентъ считается настолько же важнымъ и нужнымъ, насколько генералъ. Военные корреспонденты—недолговѣчны; десять, много пятнадцать лѣтъ—вотъ періодъ ихъ дѣятельности. Сомнительно, чтобы корреспондентъ, пріобрѣтшій имя въ войну 1870 или 1877 г., былъ бы въ силахъ совершить еще одну кампанію. Пріятно сознавать, что до высшей точки въ этой профессіи достигъ американецъ, хотя годы своей зрѣлости онъ провелъ въ чужихъ краяхъ. Теперь, когда его останки прибыли подъ національнымъ флагомъ къ роднымъ берегамъ, его соотечественники должны воздать ему должныя почести, имѣя въ виду, что онъ съ честью поддерживалъ американское имя во все время своего пребыванія за границей".

Епископъ Уаттерсонъ закончилъ свою погребальную рѣчь словами: „Изучайте урокъ такой жизни". Многія газеты восклицали: „Какой романическій разсказъ представляетъ собою исторія жизни Макъ-Гахана!" И дѣйствительно, жизнь покойнаго, будучи кратковременной, крайне богата событіями. Въ исторіи журналистики Макъ-Гахану, конечно, будетъ дано почетное мѣсто.

Макъ-Гаханъ родился, въ штатѣ Огайо, 12-го іюня, 1844 г. Его отецъ былъ ирландецъ, а мать хотя и родилась въ Америкѣ, но также происходила изъ ирландской фамиліи. Его родители были очень бѣдны; впервые онъ увидалъ свѣтъ въ избушкѣ, на маленькой фермѣ; его дѣтство ничѣмъ не отличалось отъ дѣтства дѣтей бѣдныхъ фермеровъ. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ сельской школѣ въ Pigeon Roost (Голубятня—такъ называлось село отъ множества обитающихъ тамъ голубей). На 14 году отъ роду, по бѣдности родителей, онъ принужденъ былъ оставить школу; съ тѣхъ поръ, помогая родителямъ своей работой, онъ самостоятельно продолжалъ свое образованіе. 17-ти лѣтъ онъ хотѣлъ сдѣлаться учителемъ школы Голубятни, но ему отказали по молодости. От-

нязъ сильно огорчилъ юношу, и онъ оставилъ родное село навсегда. Онъ много читалъ; историческія сочиненія были его любимымъ чтеніемъ. Затѣмъ онъ пробовалъ свои силы въ журналистикѣ (въ С. Луисѣ) и началъ изучать законы. Въ 1868 г., онъ отправился въ Европу (въ Бельгію), чтобы продолжать свое образованіе. Оттуда онъ иногда писалъ корреспонденціи въ „N.-Y. Herald". Вскорѣ безденежье заставило его подумать о возвращеніи на родину; но „Herald", уже успѣвшій оцѣнить талантъ молодого писателя, пригласилъ его въ регулярные корреспонденты и послалъ его на прусско-французскую войну. Съ тѣхъ поръ, до самой смерти, въ продолженіе 18 лѣтъ, Макъ-Гаханъ велъ лихорадочную, богатую событіями жизнь. Одинъ перечень его трудовъ показываетъ, что онъ работалъ, что называется, за десятерыхъ.

Онъ описывалъ франко-прусскую войну; во время „коммуны", въ Парижѣ, онъ чуть не поплатился жизнію за свою смѣлость; только вмѣшательство американскаго посланника спасло его отъ смерти. Далѣе онъ отправляется въ Россію гдѣ (въ Крыму) ему удалось завести связи съ высокопоставленными лицами. Онъ ѣздилъ съ Шерманомъ на Кавказъ. Въ 1872 г. онъ былъ въ Женевѣ, гдѣ описывалъ извѣстный „алабамскій спорь". Въ слѣдующемъ году онъ былъ посланъ въ хивинскую экспедицію, въ которую онъ попалъ только благодаря своей отчаянной рѣшимости. Затѣмъ онъ писалъ изъ Кубы и изъ Испаніи (война карлистовъ). Въ 1875 г. онъ принималъ участіе въ полярной экспедиціи. До тѣхъ поръ онъ состоялъ корреспондентомъ „Herald'а"; но съ 1876 г. онъ перешелъ въ лондонскій „Daily News"; въ связи съ этой газетой его имя сдѣлалось еще болѣе извѣстнымъ, чѣмъ въ связи съ „Herald'омъ: теперь онъ является не только талантливымъ корреспондентомъ, но даже силой въ международныхъ вопросахъ. Его болгарскія письма нанесли смертельный ударъ турецкому владычеству въ Европѣ, измѣнили англійскую политику по отношенію къ восточному вопросу, причинили паденіе Дизраэли и возвышеніе Гладстона и ускорили русско-турецкую войну. Никогда прежде корреспондентъ не имѣлъ такого громаднаго вліянія. Макъ-Гаханъ умеръ въ Константинополѣ 9-го іюня, 1878 г.

Макъ-Гаханъ ничего не писалъ кромѣ корреспонденцій; но его письма были на столько талантливы и правдивы, настолько живо и вѣрно характеризовали людей и событія, очевидцемъ которыхъ онъ былъ, что они составляютъ цѣнный вкладъ не только въ литературу, но и въ исторію. Нѣкоторыя его письма вышли отдѣльнымъ изданіемъ. Такъ его письма о хивинской экспедиціи напечатаны отдѣльной книгой подъ заглавіемъ: „Campaigning on the Oxus"

(Кампанія на Оксусѣ). Полярную экспедицію на пароходѣ „Pandora", въ которой онъ принималъ участіе, онъ описалъ въ книгѣ—„Under the Northern Lights" (подъ сѣвернымъ свѣтомъ). Его знаменитыя письма изъ Болгаріи изданы отдѣльной брошюрой подъ заглавіемъ: „Bulgarian Question" (Болгарскій вопросъ), а въ другомъ памфлетѣ „Atrocities in Bulgaria" (Жестокости въ Болгаріи) онъ собралъ свои письма объ ужасахъ, видѣнныхъ имъ въ несчастной Болгаріи, беззащитной отъ насилія баши-бузуковъ.

Можно надѣяться, что въ непродолжительномъ времени всѣ письма Макъ-Гахана будутъ собраны и изданы отдѣльной книгой.

Закончу этотъ бѣглый очеркъ жизни Макъ-Гахана словами Гладстона,—прямо относившимися къ письмамъ Макъ-Гахана. Въ своей статьѣ, озаглавленной: „Болгарскіе ужасы и восточный вопросъ", Гладстонъ писалъ:

„Я вполнѣ признаю важныя услуги свободной журналистики дѣлу гуманности, свободы и справедливости; но изъ всѣхъ такихъ услугъ, насколько мнѣ извѣстно, услуги, оказываемыя газетой „Daily News" ея иностранными письмами, представляются въ данномъ случаѣ самыми вѣскими и самыми блистательными. Очень возможно, что, еслибы не мужество, рѣшимость и способность этого единственнаго органа печати, то мы до сихъ поръ пребывали бы въ потемкахъ, и несчастная Болгарія, быть можетъ, до сихъ поръ оставалась бы безъ всякой надежды на улучшеніе своей участи".

П. П.

19 сентября (1 октября) 1884.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-е ноября, 1884.

— Сэръ *Генри Сомнеръ Мэнъ*. Древній законъ и обычай. Изслѣдованія по исторіи древняго права. Переводъ съ англійскаго подъ редакціею *Максима Ковалевскаго*. Изданіе редакціи „Юридическаго Вѣстника". Москва, 1884.

Очень немногіе изъ иностранныхъ ученыхъ писателей пользуются у насъ такимъ успѣхомъ и авторитетомъ, какъ сэръ Генри Мэнъ. Каждое сочиненіе и каждая статья его переводятся на русскій языкъ вслѣдъ за появленіемъ въ оригиналѣ; на него ссылаются при всякомъ вопросѣ, имѣющемъ связь съ сравнительно-историческимъ изученіемъ права. Книги о „Древнемъ правѣ", о „Деревенскихъ общинахъ на Востокѣ и Западѣ", „Древнѣйшая исторія учрежденій" и этюдъ объ устройствѣ семьи у южныхъ славянъ извѣстны у насъ обширному кругу читателей. Это объясняется не только новостью предметовъ и воззрѣній, излагаемыхъ авторомъ, но и привлекательною ясностью изложенія, обиліемъ интересныхъ фактовъ и сопоставленій, точностью и осторожностью въ выводахъ, обстоятельностью и полнотою литературныхъ указаній. Сэръ Генри Мэнъ соединяетъ въ себѣ качества, которыя рѣдко встрѣчаются вмѣстѣ; широкая эрудиція и глубина мысли совмѣщаются у него съ замѣчательною простотою и общедоступностью.

Сравнительно-историческое изученіе обычаевъ и законовъ даетъ ключъ къ надлежащему пониманію существующаго нынѣ права, расширяетъ общій нашъ кругозоръ и ставитъ юридическіе законодательные вопросы на реальную почву общественнаго и культурнаго развитія. То, чтó могло казаться преимуществомъ одного народа, находится одновременно у различныхъ племенъ на извѣстной ступени соціальнаго быта; наша сельская община воспроизводитъ въ существенныхъ чертахъ общину индусскую и древне-англійскую. Прежняя вѣра въ отвлеченныя формулы права уступаетъ мѣсто изслѣдованію дѣйствительныхъ, постоянно развивающихся, условій и

явленій юридической жизни. Въ этомъ благотворномъ научномъ движеніи значительная заслуга принадлежитъ трудамъ Мэна и его послѣдователей, въ числѣ которыхъ видное мѣсто занимаетъ также русскій переводчикъ вышедшей нынѣ книги, московскій профессоръ Максимъ Ковалевскій.

Насколько интересно содержаніе сочиненія, изданнаго теперь редакціею „Юридическаго Вѣстника", можно видѣть уже изъ одного перечисленія предметовъ, трактуемыхъ авторомъ; въ различныхъ главахъ книги говорится подробно о священныхъ законахъ индусовъ, о связи религіи съ правомъ, о культѣ предковъ, о престолонаслѣдіи, о королевской власти въ связи съ правосудіемъ, о теоріяхъ первобытнаго общества, о восточно-европейскихъ семейныхъ общинахъ, о распаденіи феодальной собственности во Франціи и Англіи, о деревенскихъ общинахъ и помѣстьяхъ, о классификаціи собственности и правовыхъ нормъ. Между прочимъ, по вопросу о семейныхъ общинахъ у славянъ, авторъ опирается преимущественно на наблюденія профессора Богишича.

— *Н. Карѣевъ.* Моимъ критикамъ. Защита книги „Основные вопросы философіи исторіи". Варшава, 1884.

Авторъ этой брошюры поставилъ себѣ цѣлью доказать, что его сочиненіе о философіи исторіи не было правильно понято критикою. Такъ какъ въ „Вѣстникѣ Европы" былъ помѣщенъ въ свое время подробный разборъ двухтомнаго трактата г. Карѣева (см. ноябрь 1883), то въ настоящемъ случаѣ мы ограничимся лишь замѣчаніемъ, что авторская защита книги едва-ли удовлетворитъ безпристрастныхъ читателей. Для публики должно казаться страннымъ увѣреніе автора, что ни одинъ изъ критиковъ не понялъ его; ибо нѣтъ основанія предполагать, что люди, писавшіе объ этомъ предметѣ, нарочно сговорились не понять г. Карѣева. При болѣе справедливомъ отношеніи къ себѣ и къ другимъ, авторъ долженъ былъ бы признать, что общее непониманіе книги прямо свидѣтельствуетъ о присущихъ ей недостаткахъ—неясности, сбивчивости или противорѣчивости. Но авторъ твердо отрицаетъ недостатки, указанные рецензентами, и отстаиваетъ безошибочность своихъ теорій и критическихъ пріемовъ, —хотя отъ личнаго мнѣнія его нисколько не измѣняется дѣйствительное содержаніе книги и цѣнность ея въ глазахъ читателя.

Возражая критикамъ, г. Карѣевъ вновь впадаетъ въ недоразумѣнія и ошибки. Мы приведемъ здѣсь только два примѣра. Изъ того, что его идеалы хороши и человѣчны, онъ выводитъ заключеніе, что слѣдуетъ перенести ихъ въ теоретическую науку, взамѣнъ анализа

и обобщенія фактовъ; онъ не хочетъ понять, что можно вполнѣ одобрять извѣстные принципы и въ то же время находить ихъ неумѣстными въ спеціальномъ трудѣ, претендующемъ на объективную научность. Въ другомъ мѣстѣ авторъ находитъ противорѣчіе между „теоретическимъ" и „конкретнымъ"; „теоретическая наука, — говоритъ онъ,—есть ученіе объ общемъ и, слѣдовательно, абстрактномъ; какимъ же образомъ можетъ она сдѣлаться конкретною?" (стр. 16). Изъ этого видно, что г. Карѣевъ не успѣлъ ближе познакомиться съ вопросомъ о классификаціи наукъ; онъ узналъ бы тогда, что „теоретическое" противоположно „практическому", прикладному (а не конкретному), и что наука можетъ быть вполнѣ теоретическою, будучи конкретною по своему предмету. Этотъ промахъ тѣмъ болѣе страненъ со стороны г. Карѣева, что, по его словамъ, „съ ученіемъ Конта" онъ „теперь (?) обстоятельно познакомился" (стр. 48). Очевидно, можно быть хорошимъ историкомъ и плохимъ философомъ, въ чемъ еще болѣе убѣждаетъ насъ защитительная брошюра г. Карѣева.

— *Г. Ф. Блюменфельдъ.* О формахъ землевладѣнія въ древней Россіи. Одесса, 1884.

Исторія русскаго землевладѣнія представляетъ еще много неяснаго и спорнаго, несмотря на значительную литературу; количество разработаннаго матеріала далеко еще недостаточно для составленія полной и безошибочной картины историческихъ судебъ поземельной собственности въ Россіи. Недавно еще г-жа Александра Ефименко собрала новыя данныя по исторіи землевладѣнія на сѣверѣ и, на основаніи этихъ данныхъ, пришла къ самостоятельнымъ выводамъ, несогласнымъ съ теоріями другихъ писателей (см. „Вѣстникъ Европы" іюнь, „Литературное обозрѣніе"). Мнѣнія о сельской общинѣ установились уже прочно, благодаря новѣйшимъ изслѣдованіямъ, научнымъ и практическимъ; но взгляды на происхожденіе и развитіе общины, а также на ея вѣроятное будущее, продолжаютъ вызывать серьезныя разногласія. Къ вопросу объ общинѣ у насъ долго относились слишкомъ теоретично, съ предвзятымъ желаніемъ провести и доказать ту или другую идею; на точное наблюденіе и собираніе фактовъ употреблялось гораздо меньше силъ и вниманія, чѣмъ слѣдовало бы, въ виду необычайной важности предмета. Вмѣсто осторожнаго и всесторонняго изученія дѣйствительности въ ея настоящемъ и прошедшемъ, писатели пребывали въ болѣе удобной сферѣ общихъ разсужденій и усердно разрабатывали неуловимыя особенности „народнаго духа". Это отвлеченное направленіе отразилось

невыгоднымъ образомъ и на историческихъ изысканіяхъ, придавая имъ оттѣнокъ односторонности и недосказанности; въ исторію переносилась полемика, исключавшая научную объективность и безпристрастіе. Новѣйшіе изслѣдователи пошли по другому, болѣе плодотворному пути; они принялись старательно анализировать явленія, разбирать имѣющіеся источники и отыскивать новые, сопоставляя добытые результаты съ однородными явленіями другихъ странъ. Труды проф. Посникова, Ковалевскаго, Соколовскаго, г-на и г-жи Ефименко и др., поставили вопросъ объ общинѣ на положительную почву; практически для того же вопроса трудилась съ большимъ успѣхомъ земская статистика, давшая уже не мало почтенныхъ работъ, въ родѣ книги г. Орлова о крестьянскомъ землевладѣніи въ московской губерніи. Къ тому же направленію принадлежитъ историческое изслѣдованіе г. Блюменфельда, представляющее весьма добросовѣстный и интересный сводъ громадной массы данныхъ относительно формъ землевладѣнія въ Россіи отъ древнѣйшихъ временъ до XVII и отчасти до XVIII вѣка.

Книга г. Блюменфельда, довольно значительная и по объему (34[illegible] стр.), заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что она написана авторомъ повидимому еще въ бытность его въ университетѣ: на заглавномъ листкѣ значится, что „сочиненіе удостоено золотой медали совѣтомъ императорскаго новороссійскаго университета“. Авторъ держится того взгляда, что наша деревенская община образовалась изъ семейной, задружной, путемъ медленныхъ и сложныхъ измѣненій, въ которыхъ видную роль играло вмѣшательство государства и крѣпостное право. Представленіе объ исконномъ существованіи земельной общины отвергается, какъ совершенно произвольное. „Созидая свою теорію на мистическомъ началѣ самобытнаго народнаго духа, —говоритъ авторъ,—славянофилы сами преграждали себѣ путь къ дальнѣйшему плодотворному изученію бытовой исторіи русскаго народа. Разъ изслѣдователь имѣетъ дѣло съ духомъ, онъ не долженъ думать объ объясненіи встрѣчающихся ему новыхъ явленій: „духъ все объясняетъ, за все дѣлается отвѣтственнымъ“. Возникновеніе частной поземельной собственности, по мнѣнію автора, фактически совершилось въ высшихъ слояхъ народа; и только впослѣдствіи, съ упроченіемъ ея идеи и распространеніемъ вотчиннаго владѣнія, образованіе частной собственности на землю стало возможно и для работника-земледѣльца, путемъ заимки собственнымъ трудомъ (стр. 1[illegible] и др.). Авторъ пользовался въ своемъ трудѣ существующими сборниками историческихъ актовъ и множествомъ сочиненій, русскихъ и иностранныхъ; онъ останавливается прежде всего на первичныхъ формахъ поземельныхъ отношеній у арійскихъ народовъ вообще, а

тѣмъ переходитъ къ вопросу о древнѣйшихъ условіяхъ землевладѣнія въ Россіи и излагаетъ въ трехъ большихъ главахъ исторію русскаго поземельнаго устройства. Наиболѣе интересна глава о крестьянскомъ землевладѣніи (стр. 223—325), гдѣ приводятся свѣденія о волостной и деревенской общинѣ, о передѣлахъ, о причинахъ сохраненія у насъ общиннаго начала. Не соглашаясь даже съ нѣкоторыми выводами и замѣчаніями г. Блюменфельда, необходимо во всякомъ случаѣ признать, что книга его будетъ съ удовольствіемъ прочитана всѣми интересующимися вопросомъ объ историческихъ судьбахъ русскаго землевладѣнія.—Л. С.

— Генералиссимусъ князь Суворовъ. *А. Петрушевскаго.* Въ трехъ томахъ. Спб. 1884.

Читатели „Вѣстника Европы" знакомы отчасти съ трудомъ г. Петрушевскаго по нѣсколькимъ главамъ, которыя являлись въ „Вѣстн. Евр." за послѣдніе годы. Книга г. Петрушевскаго вышла теперь въ своемъ полномъ составѣ, въ трехъ обширныхъ томахъ, съ нѣсколькими портретами и факсимиле Суворова и географическими картами. Нечего говорить о томъ, какого интереса исполненъ этотъ многолѣтній трудъ почтеннаго автора. Суворовъ былъ и остается популярнѣйшимъ военнымъ дѣятелемъ нашей исторіи и одною изъ самыхъ своеобразныхъ личностей прошлаго вѣка: о немъ существуетъ цѣлая обширная литература, спеціально военная и популярная, и— почти черезъ сто лѣтъ—имя его не забыто въ народѣ. При всемъ томъ, онъ до сихъ поръ еще не имѣлъ своей исторіи, или біографіи: только отдѣльные походы его были разработаны съ должной полнотой, какъ напр. война 1799 г. въ извѣстной книгѣ Д. А. Милютина; для біографіи не было всѣхъ необходимыхъ матеріаловъ, и его жизнеописаніе наполнялось нерѣдко анекдотическими свѣденіями, которыя свидѣтельствовали о большой популярности героя, но не отличались особой достовѣрностью. Нужно было наконецъ собрать весь доступный матеріалъ положительныхъ свѣденій и дать цѣльную картину этой оригинальной и исторически славной жизни. Такой трудъ предпринялъ г. Петрушевскій. О планѣ своей книги онъ говоритъ: „Въ попыткѣ изобразить Суворова въ видѣ нелегендарнаго богатыря, а живого историческаго лица, невозможно ограничиться военною его дѣятельностью, какъ бы она ни преобладала въ его жизни. Нужно познакомиться съ нимъ съ разныхъ сторонъ, узнать въ немъ внутренняго человѣка. Въ такомъ смыслѣ книга и писалась, съ этою цѣлью и собиралось для нея какъ можно больше матеріаловъ. Правда, военное поприще Суворова занимаетъ въ ней боль-

шую часть, но обстоятельство это не должно пугать не-военнаго читателя. Во-первыхъ, преимущественно въ боевомъ Суворовѣ видѣнъ особый внутренній человѣкъ, не похожій на другихъ; во - вторыхъ, прилагалось все стараніе, чтобы при изложеніи его боевоей дѣятельности избѣгать технической стороны военнаго дѣла, гдѣ только возможно. Книга составлялась для образованнаго класса русскаго общества, не различая военныхъ отъ не-военныхъ; причемъ авторъ постоянно имѣлъ въ виду, чтобы содержаніе ея, будучи серьёзнымъ, какъ того требуетъ цѣль труда, излагалось доступно для каждаго, имѣющаго извѣстное образованіе".

Авторъ отнесся къ своей задачѣ самымъ добросовѣстнымъ образомъ. Первое, что̀ необходимо надо было сдѣлать, было — собрать, сколько можно полнѣе, біографическій матеріалъ, и авторъ цѣной многолѣтняго труда и архивныхъ поисковъ нашелъ этого матеріал столько, сколько не было до сихъ поръ ни у одного изъ прежних историковъ его героя. Кромѣ обширнаго собранія фамильныхъ бумаг разнаго рода, полученныхъ отъ покойнаго князя А. А. Суворов авторъ имѣлъ въ распоряженіи важные оффиціальные документы из казенныхъ учрежденій, какъ напр. военный ученый архивъ въ Пе тербургѣ, московскій архивъ главнаго штаба, московскій архивъ ми нистерства иностранныхъ дѣлъ, государственный архивъ въ Петер бургѣ, сенатскій и синодскій архивы въ Петербургѣ, рукописн отдѣленіе имп. публ. библіотеки, собраніе одесскаго общества исто ріи и древностей, наконецъ матеріалы частныхъ лицъ—барона Бюлер Д. А. Милютина, Дубровина. Матеріалъ печатный былъ, конеч также сполна пересмотрѣнъ авторомъ.—Новый архивный матеріал поставилъ автора въ возможность впервые дать достовѣрное излож ніе многихъ событій изъ жизни Суворова, которыя до сихъ пор передавались по разсказамъ не вполнѣ достовѣрнымъ или даже пол чали легендарный характеръ. Въ книгѣ г. Петрушевскаго біограф Суворова впервые является основанной на положительныхъ исто никахъ и съ обширными подробностями. Изложеніе таково, како и хотѣлъ авторъ достигнуть; оно вполнѣ общедоступно.

Излишне говорить объ историческомъ интересѣ труда г. Петруше скаго. Суворовъ, какъ мы замѣтили, есть одно изъ оригинальнѣ шихъ лицъ нашего восемнадцатаго вѣка, и его жизнеописаніе, испо ненное съ такой добросовѣстностью, есть настоящая заслуга д нашей исторической литературы.—А. П.

— *Гербертъ Спенсеръ*. Грядущее рабство. Переводъ съ англійскаго. Спб. 1884.

Объ этой брошюрѣ сказано уже нѣсколько словъ выше, во „Внутреннемъ Обозрѣніи"; но самое имя автора, вмѣстѣ съ важностью предмета, требуетъ болѣе подробнаго разбора. Систематически вооружаясь противъ правительственнаго вмѣшательства въ экономическую жизнь, осуждая всякую попытку регламентаціи, какъ вредный прецедентъ, какъ шагъ впередъ по дорогѣ, на которой трудно остановиться, Спенсеръ показываетъ въ концѣ пути страшилище соціализма, равносильнаго рабству; отсюда и заглавіе брошюры. Забывается, при этомъ, только одно: что движеніе по наклонной плоскости, если оно не совершается медленно, осторожно и постепенно, можетъ произойти въ видѣ внезапнаго паденія—а паденіе съ большой высоты немыслимо безъ катастрофы. Для того, чтобы убѣдить читателей, автору слѣдовало бы прежде всего доказать, что европейское общество еще не вступило на фатальную покатость или что отъ него зависитъ подняться по ней обратно и больше не подходить къ ней. О первомъ не можетъ быть и рѣчи; факты, приводимые Спенсеромъ, свидѣтельствуютъ именно о томъ, что опасный спускъ уже начался и продолжается довольно долго. Что касается до обратнаго подъема, то для него, по сознанію самого автора, необходима сущая бездѣлица—коренная перемѣна въ господствующихъ чувствахъ и взглядахъ. Теперь созерцаніе того или другого вопіющаго зла неизбѣжно возбуждаетъ мысль о его устраненіи,—а такъ какъ личная дѣятельность, въ большинствѣ случаевъ, для этого безсильна, то на помощь призывается дѣятельность коллективная, могущественнѣйшимъ орудіемъ которой служитъ правительство. Правительственное вмѣшательство является, такимъ образомъ, только *результатомъ*; *причина* — извѣстное настроеніе общества и отдѣльныхъ лицъ. Какъ и слѣдовало ожидать, Спенсеръ направляетъ свои усилія прямо къ искорененію причины. „Существуетъ,—восклицаетъ онъ,—мнѣніе, которое всегда было болѣе или менѣе распространено, но которое въ настоящее время выражается съ особенною энергіей, что всякое общественное зло можетъ быть удалено и что удаленіе его составляетъ чью-то непремѣнную обязанность. Но и то, и другое предположеніе совсѣмъ невѣрны. Стараться отдѣлить страданіе отъ дурного поведенія, значитъ идти противъ самаго существа вещей и подготовлять этимъ еще худшія бѣды... Страданіе часто бываетъ полезно и дѣйствуетъ на страдающаго какъ лекарство; слѣдовательно, уничтожая страданіе, вы тѣмъ самымъ лишаете больного возможности излечиться. Вслѣдствіе несовершенства человѣческой

природы, большинство золъ можетъ быть только или перемѣщено съ одного мѣста на другое или превращено изъ одной формы въ другую". Въ другомъ мѣстѣ Спенсеръ комментируетъ въ томъ же смыслѣ извѣстное изреченіе: „кто не хочетъ работать, тотъ не долженъ ѣсть". Не ясно ли, однако, съ перваго взгляда, что частный случай возводится здѣсь на степень общаго правила, и возводится именно какъ *случай,* безъ всякой попытки опредѣлить его происхожденіе? Безспорно, страданіе бываетъ *иногда* послѣдствіемъ дурного поведенія; но остается еще узнать, послѣдствіемъ чего бываетъ иногда дурное поведеніе. Лондонскіе нищіе и проститутки, конечно, не образцы нравственности; но что сдѣлало многихъ изъ нихъ нищими и проститутками?.. Кромѣ праздношатающихся, не желающихъ работать, есть же, наконецъ,—это признаетъ и Спенсеръ,—„чрезмѣрно отягощенные труженики"; ихъ „страданія" уже ни въ какомъ случаѣ нельзя приписать „дурному поведенію" — а ихъ-то именно, въ большинствѣ случаевъ, и имѣетъ въ виду порицаемая Спенсеромъ правительственная регламентація. Восьми-девятилѣтнія дѣти, работающія по шестнадцати часовъ сряду, при самой тяжелой обстановкѣ, на какомъ-нибудь рогожномъ заводѣ, едва ли искупают этимъ свою вину; едва ли кто-нибудь рѣшится повторить, въ примененіи къ нимъ, восклицаніе поэта: „вѣдь въ наши дни спаситель страданье!" При всей своей неумолимой логичности, Спенсеръ все-таки останавливается, въ одномъ отношеніи, на полъ-дорогѣ: онъ признаетъ неизлечимымъ не всякое зло, а только „большинство золъ". Установить точную демаркаціонную черту между большинствомъ и меньшинствомъ золъ онъ самъ едва ли возьмется—а въ виду неопредѣленности ея, стремленіе „устранить зло" представляется вполнѣ законнымъ. Старый, но глубоко вѣрный юридическій афоризмъ: quilibet praesumitur bonus, donec probetur contrarium примѣнимъ, mutatis mutandis, и къ занимающему насъ вопросу: всякое зло должно считаться устранимымъ, пока не будетъ доказано противное. Необходимо прибавить, что доказать неустранимость зла гораздо труднѣе, чѣмъ виновность человѣка; сколько бы ни было сдѣлано неудачныхъ попытокъ, всегда остается возможность предлагать, что причина неудачи—неправильный выборъ средствъ, а не безусловная недостижимость цѣли.

Главная задача Спенсера — съузить, какъ можно больше, районъ правительственнаго вмѣшательства; но аргументація его выходитъ далеко за предѣлы этой задачи. Она налагаетъ запретъ не только на коллективную, но и на *личную* помощь, признаетъ обязательнымъ равнодушія не только для общества и государства, но и для отдѣльныхъ лицъ. Въ самомъ дѣлѣ, если „страданіе часто бываетъ поле-

и дѣйствуетъ на страдающаго какъ лекарство", если бороться противъ зла—значитъ „подготовлять еще худшія бѣдствія", то гораздо лучше сложить руки и спокойно смотрѣть на самыя печальныя зрѣлища, утѣшаясь мыслью, что „нѣтъ худа безъ добра". Борьба противъ регламентаціи переходитъ, такимъ образомъ, въ проповѣдь эгоизма, не лишенную притягательной силы. Сбросить съ себя всякую отвѣтственность за чужое несчастье, убѣдиться, разъ на всегда, что страданіе неизбѣжно и даже полезно—весьма соблазнительная перспектива. Не думаемъ, однако, чтобы ученіе Спенсера нашло много адептовъ; оно идетъ въ разрѣзъ не только съ альтруистическими инстинктами, глубоко коренящимися въ современномъ человѣкѣ, но и съ фактами, число и убѣдительность которыхъ растетъ постоянно. Возьмемъ, для примѣра, хотя бы новѣйшее фабричное законодательство, противъ котораго такъ горячо протестуетъ Спенсера. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что оно уменьшило сумму зла и страданій. Дѣти и женщины, освобожденныя отъ непосильной, изнурительной работы, стали крѣпче, здоровѣе; это подтверждается самымъ краснорѣчивымъ свидѣтелемъ—статистическими цифрами. До введенія въ дѣйствіе парламентскихъ актовъ о фабричной работѣ малолѣтнихъ, въ 1835 г., средній вѣсъ тѣла десятилѣтнихъ дѣтей составлялъ, въ фабричныхъ городахъ Англіи, 57 англійскихъ фунтовъ; въ 1874 г. онъ дошелъ до $62^3/_4$ фунтовъ и уступалъ только на $1^1/_2$ фунта вѣсу дѣтей земледѣльческаго населенія [1]). Такихъ примѣровъ можно было бы привести еще много, но для нашей цѣли достаточно и одного. Если зло поддается правительственнымъ мѣрамъ, то законность послѣднихъ не требуетъ дальнѣйшихъ доказательствъ. *Устраненіе* зла, насколько оно зависитъ не отъ неизмѣнныхъ законовъ человѣческой природы—это *идеальная* цѣль альтруистическихъ стремленій, личныхъ и коллективныхъ, достижимая, быть можетъ, только въ отдаленномъ, весьма отдаленномъ будущемъ; *уменьшеніе* суммы зла—это цѣль *практическая*, достижимая, въ большей или меньшей степени, въ настоящемъ. Между обѣими цѣлями существуетъ та связь, что вѣрою въ первую поддерживаются и вдохновляются усилія, направленныя къ осуществленію послѣдней. На этомъ пути возможны, даже неизбѣжны увлеченія, крайности, ошибки—но не ошибается и не увлекается только тотъ, кто ничего не дѣлаетъ. Es ist der Mensch, so lang' er strebt; но развѣ въ этихъ словахъ заключается приговоръ надъ всякимъ „Streben"? Не служатъ ли они, наоборотъ, извиненіемъ

[1]) Мы заимствуемъ эти цифры изъ книги И. И. Янжула, о которой будемъ говорить ниже.

ошибокъ, вызванныхъ „стремленіемъ" — мирнымъ стремленіемъ впередъ и вверхъ, къ общему благу?

— *И. И. Янжулъ*, Очерки и изслѣдованія. Сборникъ статей по вопросамъ народнаго хозяйства, политики и законодательства. Въ двухъ томахъ. Москва, 1884.

Статьи, вошедшія въ составъ настоящаго сборника, были напечатаны, за послѣднія восемь лѣтъ, въ разныхъ журналахъ. Посвященныя, бо́льшею частью, очереднымъ вопросамъ дня, онѣ, однако, ничуть не потеряли своего первоначальнаго значенія, какъ потому, что многіе изъ этихъ вопросовъ еще не сошли со сцены или могутъ возникнуть вновь, такъ и потому, что способъ обработки ихъ авторомъ—вполнѣ научный. Всего больше мѣста занимаетъ въ сборник вопросъ о фабричной реформѣ, надъ которымъ г. Янжулъ много по трудился теоретически, прежде чѣмъ быть призваннымъ къ участі въ практическомъ его разрѣшеніи. Изъ четырехъ статей, спеціаль относящихся къ этому предмету [1])—„Дѣтскій и женскій фабричн трудъ", „Кто отвѣчаетъ за несчастья съ рабочими?", „Промышле ная статистика и фабричное законодательство" и „Женщины-матер на фабрикахъ", — послѣднія двѣ написаны весьма недавно, отчас на основаніи свѣденій, собранныхъ г. Янжуломъ уже въ качест фабричнаго инспектора московскаго округа; двѣ первыя статьи, с ставляющія, вмѣстѣ взятыя, цѣлую половину второго тома, прина лежатъ къ числу тѣхъ литературныхъ работъ, которыя всего боль способствовали правильной постановкѣ и поступательному движені у насъ въ Россіи, фабричнаго вопроса. Реформы, намѣченныя и совершены, даже проектированы еще далеко не всѣ; выясняя нео ходимость уже сдѣланнаго, изслѣдованія г. Янжула остаются, вмѣс съ тѣмъ, программой того, что̀ еще предстоитъ сдѣлать. Дополн мыя оффиціальнымъ отчетомъ о состояніи московскихъ фабрикъ они въ свою очередь дополняютъ его, содержатъ въ себѣ тѣ пре посылки, изъ которыхъ онъ исходитъ. Другой циклъ статей г. Я жула касается современной Англіи, освѣщая преимущественно стороны ея общественной и государственной жизни, которыя вс меньше обращаютъ на себя вниманіе нашей, да и западно-европ ской континентальной публики. „Новый типъ англійскаго ради лизма" знакомитъ насъ съ дѣятельностью Брэдло, теперь, какъ четыре года тому назадъ, извѣстнаго преимущественно своей борь съ палатой общинъ, но въ Англіи давно уже завоевавшаго себѣ

---

[1]) Отчасти затрогиваетъ его и статья о конгрессѣ англійскихъ рабочихъ союз

[2]) См. выше, Внутреннее Обозрѣніе.

ложеніе, не лишенное ни своеобразности, ни силы. Статья о „возрожденіи мальтузіанства въ современной Европѣ" даетъ подробный очеркъ оригинальнаго ученія, пролагающаго себѣ дорогу вопреки рѣшеніямъ англійскихъ уголовныхъ судовъ и фарисейскому замалчиванію большинства англійскаго общества. Мы видимъ уже здѣсь, какъ широко развита между англичанами привычка къ коллективной дѣятельности, какъ быстро организуются у нихъ добровольные союзы, готовые плыть даже противъ сильнаго теченія. Другой примѣръ такого союза, въ высшей степени благодѣтельнаго, представляетъ статья: „Торговля людьми въ современной Европѣ". Въ статьѣ: „Вопросъ о городскихъ общественныхъ библіотекахъ" ярко выступаетъ на видъ хорошая сторона англійскаго строя; въ статьяхъ объ англійской торговой политикѣ въ Ирландіи, о британскихъ интересахъ на Востокѣ, объ англійскихъ кабатчикахъ показана другая, непривлекательная сторона медали. До какой степени преклоненіе передъ господствующей силой Англіи отражается даже на лучшихъ представителяхъ науки, объ этомъ можно судить по ошибкѣ, въ которую впадаетъ Фоссеттъ (см. рецензію г. Янжула на его книгу: „Свободная торговля и покровительственная система"), отождествляющій интересы англійскаго рабочаго класса съ интересами англійской промышленности и торговли, какъ будто бы процвѣтаніе послѣднихъ было вполнѣ равносильно благосостоянію перваго. Третью группу въ сборникѣ г. Янжула составляютъ этюды о табачной монополіи и о причинахъ и послѣдствіяхъ отмѣны соляного налога. Они могутъ служить образцами сравнительнаго метода, въ примѣненіи его къ финансовымъ вопросамъ. Основываясь на опытѣ другихъ странъ — въ одномъ случаѣ Франціи и Австріи, въ другомъ Англіи,—авторъ старается показать, къ чему привело бы въ Россіи установленіе табачной монополіи, къ чему можетъ привести отмѣна соляного акциза. Мысль о введеніи у насъ табачной монополіи имѣла одно время, повидимому, нѣкоторые шансы успѣха; не знаемъ, способствовала ли ея крушенію статья г. Янжула, но не сомнѣваемся въ томъ, что она могла способствовать ему. Противъ перенесенія къ намъ порядковъ, далеко несовершенныхъ и въ мѣстѣ первоначальнаго своего происхожденія, но поддерживаемыхъ тамъ отчасти условіями, сравнительно благопріятными, отчасти силою привычки, приведено авторомъ столько вѣскихъ аргументовъ, столько неопровержимыхъ фактовъ, что смѣлому „прожекту" трудно будетъ подняться изъ уготованной для него могилы. Статья о соляномъ акцизѣ появилась въ самый разгаръ надеждъ и ожиданій, вызванныхъ отмѣной этого акциза въ Россіи (осенью 1880 г.); она имѣла характеръ предостереженія противъ излишняго оптимизма. Въ какой степени оправдались предположенія

автора — объ этомъ теперь судить еще рано; очевидно, покамѣсть, только одно,—что они не были лишены основанія. Нельзя не пожелать, чтобы самъ г. Янжулъ взялъ на себя, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, трудъ повѣрки высказанныхъ имъ догадокъ съ дѣйствительностью. Весьма можетъ быть, что къ данному случаю окажется примѣнимымъ афоризмъ: savoir, c'est prévoir.

— *А. Θедоровъ*, Фабричное законодательство цивилизованныхъ государствъ. О работѣ малолѣтнихъ и женщинъ на фабрикахъ. Спб., 1884.

Трудъ г. Θедорова является весьма кстати, въ особенности какъ справочная книга для всѣхъ интересующихся вопросомъ о фабричной реформѣ. Указавъ, въ общихъ чертахъ, важнѣйшія стороны этого вопроса, авторъ переходитъ къ изложенію дѣйствующихъ фабричныхъ законодательствъ, присоединяя къ нему иногда свѣденія и объ историческомъ ихъ развитіи. Особенно подробенъ обзоръ законодательствъ англійскаго, германскаго, французскаго и швейцарскаго. Послѣдняя часть книги посвящена Россіи. Весьма интересна здѣсь исторія первыхъ попытокъ преобразованія, начавшихся еще въ царствованіе императора Николая. Въ всеподданнѣйшемъ представленіи министра финансовъ (графа Канкрина), относящемся къ тридцатымъ годамъ, была намѣчена необходимость такихъ нововведеній, которыя остаются неосуществленными до настоящей минуты. Правда, тогда предполагалось дѣйствовать только путемъ внушеній, производимыхъ „съ кротостью и должною осторожностью, дабы не возбудить въ работникахъ преждевременныхъ притязаній, духа неповиновенія и ропота“; важно, однако, уже и то, что правительство сознавало ненормальность существующихъ порядковъ и намѣревалось настаивать на ихъ измѣненіи. Проектировалось даже нѣчто въ родѣ фабричной инспекціи, въ лицѣ членовъ московскаго отдѣленія мануфактурнаго совѣта (представленіе гр. Канкрина касалось собственно Москвы, и впослѣдствіи времени предполагалось поступать такимъ же образомъ и въ другихъ губерніяхъ). Внушенія должны были, между прочимъ, имѣть предметомъ: 1) чтобы фабриканты не дозволяли рабочимъ оставаться на ночлегъ въ мастерскихъ и рабочихъ палатахъ, а имѣли для того отдѣльные покои; 2) чтобы мужчины и женщины имѣли для ночлега отдѣльныя и не слишкомъ тѣсныя помѣщенія, равно какъ и малолѣтнія дѣти, если не живутъ съ родителями; 3) чтобы малолѣтнія дѣти не были изнуряемы слишкомъ продолжительною дневною работою (о ночной работѣ не говорится, вѣроятно потому, что она въ то время вовсе не практиковалась или, по крайней мѣрѣ, оффиціально признавалась несуществующею); 4) чтобы

хозяева, по мѣрѣ удобности, пеклись объ ученіи малолѣтнихъ рабочихъ, состоянію ихъ свойственномъ. Изъ этихъ четырехъ требованій только два послѣднія удовлетворены, наконецъ—хотя и не совсѣмъ такъ, какъ можно было бы желать—закономъ 1 іюня 1882 г.; первыя два принадлежатъ до сихъ поръ къ числу pia desideria. Фабричные рабочіе сплошь и рядомъ спятъ тамъ же гдѣ работаютъ, на столахъ и станахъ, безъ различія возраста и пола. Тщета „внушеній" слишкомъ хорошо, такимъ образомъ, доказана почти полувѣковымъ опытомъ.—Весьма интересны, далѣе, въ книгѣ г. Өедорова свѣденія о различныхъ проектахъ, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ, начиная съ конца пятидесятыхъ годовъ, и о возраженіяхъ, встрѣченныхъ ими со стороны фабрикантовъ. Отмѣтимъ только одинъ курьезъ, превосходящій всѣ остальные: это—отзывъ нѣсколькихъ фабрикантовъ, что „воспрещеніе ночной работы дѣтей было бы вредно для нихъ самихъ, пріучая ихъ къ праздности"! Самые проекты во многомъ далеко расходились между собою; послѣдующіе не всегда были лучше предъидущихъ. Какой бы изъ нихъ мы ни сравнили съ закономъ 1 іюня 1882 г., преимущество окажется не во всемъ на сторонѣ послѣдняго; не говоря уже о его неполнотѣ, онъ ограждаетъ интересы рабочихъ только до четырнадцатилѣтняго возраста (включительно), между тѣмъ какъ въ проектахъ предѣльнымъ срокомъ охраны принималось достиженіе 16, 17 или даже 18 лѣтъ. Заканчивается книга г. Өедорова изложеніемъ закона 1 іюня 1882 г. и составленныхъ обществомъ для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ основныхъ положеній устава страховыхъ и пенсіонныхъ кассъ для трудящихся. Нельзя не пожалѣть, что мы ничего не узнаемъ изъ нея о дальнѣйшихъ предположеніяхъ министерства финансовъ по предмету фабричной реформы.

— Eugène Onéghine. Traduit du russe par Wladimir Mikhaïlow. Paris, 1884.

Перевести „Евгенія Онѣгина" французскими стихами и сохранить при этомъ поэтическую прелесть подлинника, оставаясь къ нему, по возможности, близкимъ — задача едва-ли удобоисполнимая; справиться съ нею оказался бы въ силахъ развѣ даровитый французскій поэтъ, отлично знающій русскій языкъ, русскую исторію, русскіе нравы. Пока такая комбинація остается мечтою, переводъ „Онѣгина" можетъ быть почтеннымъ, добросовѣстнымъ трудомъ, не болѣе — и въ этихъ качествахъ нельзя отказать г. Михайлову. Онъ, очевидно, работалъ съ любовью, работалъ далеко не безъ умѣнья — но усердіе его разбивалось на каждомъ шагу о трудности

предмета. Мы едва-ли ошибемся, если скажемъ, что онъ познакомилъ французскую публику съ содержаніемъ поэмы, но далеко не со всѣмъ тѣмъ, что̀ составляетъ ея особенность и силу. Сжатость пушкинскаго стиха почти вездѣ уступаетъ мѣсто расплывчатости, простота часто замѣняется дѣланностью; за нѣсколькими удачными строками слѣдуетъ невѣрная нота, неловкое выраженіе — и впечатлѣніе, только-что начинавшее слагаться, опять исчезаетъ. Общій тонъ перевода напоминаетъ, по временамъ, псевдо-классическую манеру, т. е. нѣчто прямо и безусловно противоположное духу пушкинской поэмы. Возьмемъ, для примѣра, начало письма Татьяны къ Онѣгину. „Ne sais-je pas que cette lettre, que cet écrit une fois lu, vous allez m'accuser, me mépriser peut-être.... Mais écoutez. D'abord je voulais, j'espérais, oui, j'avais la ferme assurance de pouvoir céler à jamais le secret de mon coeur, sa honte et sa souffrance". Не чистая ли реторика — всѣ эти повторенія, направленныя къ усугубленію эффекта (cette lettre, cet écrit — je voulais, j'espérais, j'avais la ferme assurance)? У Пушкина, конечно, нѣтъ ничего подобнаго; къ словамъ: „сначала я молчать хотѣла", не прибавлено никакой амплификаціи. То же самое мы видимъ и дальше, когда слова Татьяны: „и потомъ все думать объ одномъ и день, и ночь до новой встрѣчи", передаются переводчикомъ такъ: et puis m'en souvenir, y repenser, attendre, et vivre et me nourrir de cet unique espoir, d'un instant de bonheur, d'une heure de revoir". Подобныхъ мѣстъ можно было бы привести еще не мало. Выраженія въ родѣ „indigne flamme", „brûlant d'un noble feu", особенно рѣжутъ ухо, когда встрѣчаются въ отвѣтѣ Онѣгина на письмо Татьяны, въ ихъ бесѣдѣ передъ послѣдней разлукой. Не свободенъ переводъ г. Михайлова и отъ неточностей, иногда искажающихъ смыслъ подлинника. Не говоримъ уже о томъ, что слова Татьяны въ прощальномъ разговорѣ: „Онѣгинъ, я тогда моложе, я *лучше*, кажется, была", нельзя переводить словами: alors j'étais plus jeune, et *meilleure* peut-être; гораздо важнѣе измѣненія, допущенныя переводчикомъ въ характеристикѣ Онѣгина. „Мнѣ нравились его черты, — читаемъ мы у нашего поэта, — мечтамъ невольная преданность, неподражательная странность и рѣзкій, охлажденный умъ.... Страстей игру мы знали оба: томила жизнь обоихъ насъ; въ обоихъ сердца жаръ погасъ". „Car bientôt je compris, — переводитъ г. Михайловъ, — que cette âme à la fois froide et passionnée, cet esprit insoumis, tranchant comme l'épée, renfermait des trésors au-dessus de tout prix.... Ayant fait tous les deux des épreuves sans nombre du jeu des passions, et déjà réfroidis, ne gardant plus de foi, reniant l'espérance, nous étions vieux de coeur au sortir de l'enfance". Не ясно ли, что это два совершенно различ-

ныхъ лица, что Онѣгинъ г. Михайлова гораздо больше подходитъ къ Рене, къ байроновскимъ героямъ, чѣмъ пушкинскій Онѣгинъ? Въ душѣ послѣдняго не хранится никакихъ „неоцѣнимыхъ сокровищъ", онъ вовсе не „непокорный умъ, потерявшій вѣру, отказавшійся отъ надежды"; великій нашъ поэтъ и не думалъ ставить его на такіе ходули, но зато очертилъ его нѣсколькими своеобразными сторонами (мечтамъ невольная преданность, неподражательная странность), отъ которыхъ въ переводѣ не осталось и слѣда. Болѣе чѣмъ вольнымъ слѣдуетъ назвать и переводъ послѣднихъ строкъ 11-ой строфы первой главы, гдѣ идетъ рѣчь объ умѣньѣ Онѣгина „добиться тайнаго свиданья, и послѣ, ей наединѣ давать уроки въ тишинѣ". Эти уроки, не требующіе комментаріевъ, обращаются у г. Михайлова... въ уроки морали (puis tout-à-coup changeant de ton et de système, il se montrait soudain d'une rigueur extrême, et reprenant l'enfant en rigide censeur de lui prêcher morale avait encore le coeur. Отступленіе отъ подлинника здѣсь тѣмъ болѣе неумѣстно, что образъ дѣйствій Онѣгина относительно Татьяны является послѣ такого предисловія точно результатомъ разъ навсегда принятой системы, точно повтореніемъ прежде случавшихся пассажей. Спѣшимъ прибавить, что многое передано г. Михайловымъ хорошо, вѣрно и даже изящно. Укажемъ, для примѣра, на знаменитое мѣсто: „а счастье было такъ возможно, такъ близко", на нѣкоторыя части описанія дуэли Онѣгина съ Ленскимъ.—К. К.

ОТВѢТЪ АВТОРУ

книги: „Физіологическое объясненіе нѣкоторыхъ элементовъ чувства красоты".

Въ іюльской книжкѣ журнала „Русское Богатство", г. Оболенскій, авторъ „Физіологическаго объясненія нѣкоторыхъ элементовъ чувства красоты", возражаетъ на замѣчанія объ этомъ сочиненіи, помѣщенныя мною въ статьѣ: „По вопросу о прекрасномъ" [1]).

Г-нъ Оболенскій утверждаетъ, что „красотой человѣчество считаетъ свой зоологическій типъ съ его внѣшней и внутренней стороны". Въ статьѣ, напечатанной значительно позже названной книжки, тотъ же авторъ говорилъ, что „типичность явленій не есть особенность въ художественномъ смыслѣ". Я нашелъ это положеніе несогласнымъ съ другою мыслью г. Оболенскаго, а именно: „искусство—утверждалъ онъ,—имѣетъ дѣло не съ исключительными явленіями, а съ явленіями типичными, характерными для данной среды". И вотъ онъ разъясняетъ теперь, „что мною было неправильно понято выраженіе: *особенность;* авторъ хотѣлъ указать этимъ выраженіемъ на то, что типичность явленій не составляетъ признака одного только искусства (наука имѣетъ дѣло съ подобными же явленіями). Въ такомъ случаѣ я, дѣйствительно, ошибся; однако, мою вину долженъ раздѣлить самъ авторъ, употребившій слово, допускающее двоякое толкованіе и недостаточную опредѣленность мысли. Но къ этому я долженъ прибавить слѣдующее.

Для опредѣленія недостаточно брать такія слова, такіе признаки, которые не составляютъ *особенности* даннаго явленія, а служатъ признакомъ, общимъ этому и другому явленію. Сказать, что кипарисъ имѣетъ стволъ и вѣтви—не значитъ вовсе опредѣлить именно кипарисъ. Я продолжаю думать, что вышеприведенное опредѣленіе, данное красотѣ г. Оболенскимъ, грѣшитъ подобнымъ недостаткомъ; но я не отрицаю того, что въ немъ заключается часть истины. Многіе писатели высказывали такое же мнѣніе, какъ и г. Оболенскій. Напримѣръ, Либманнъ [2]), приведя слова Цейзинга о законахъ симметріи и такъ-называемаго золотого разрѣза „die horizontale Gliederung von dem Gesetz der Symmetrie, die verticale von dem des

---

[1]) „Вѣстникъ Европы", іюнь, стр. 740.

[2]) Liebmann: Zur Analysis der Wirklichkeit, 1876, 526—527.

goldnen Schnitts beherrscht und regulirt werde"), замѣчаетъ, что это происходитъ потому, что *такъ* организовано наше тѣло. Но подобныхъ опредѣленій, повторяю, недостаточно: они, съ одной стороны, слишкомъ общи, относясь къ явленіямъ и не эстетическимъ, и слишкомъ узки, не охватывая нѣкоторыхъ эстетическихъ явленій. Въ отвѣтѣ на мое замѣчаніе: почему же прекрасны Альпы, если красотой человѣчество считаетъ свой зоологическій типъ съ внѣшней и внутренней стороны,—г. Оболенскій, мнѣ кажется, чрезмѣрно расширяетъ понятіе: *типъ человѣка* (нѣсколько странно звучитъ: *зоологическій* типъ съ *внутренней* стороны; но спѣшу прибавить, что странность заключается лишь въ непривычномъ сочетаніи словъ). Конечно, всѣ ощущенія и сужденія совершаются *въ человѣкѣ*, но океанъ, страсбургскій соборъ или симфонія Бетховена имѣютъ мало общаго съ зоологическимъ типомъ человѣка въ строгомъ смыслѣ этого слова. Думается мнѣ, что г. Оболенскій смѣшиваетъ отчасти типъ съ идеаломъ, нормальное съ прекраснымъ. Картины Рафаэля, произведенія Гёте или Байрона являются исключительными въ ряду художественныхъ произведеній, далеко оставляя за собою среднія (типичныя) изъ нихъ,—и такія-то произведенія прекрасны по преимуществу. Подъ опредѣленіе г. Оболенскаго подойдутъ дѣйствующія лица въ романахъ Зола̀, но, конечно, не подойдетъ Фаустъ или маркизъ Поза. Многіе, и весьма справедливо, полагаютъ, что всякое художественное произведеніе есть не только изображеніе предмета, но и сужденіе о немъ, такъ что идеально прекрасное, будучи понятіемъ относительнымъ, находится въ тѣсной связи съ идеалами нравственности, добра, умственной мощи. Въ эстетическое сужденіе входятъ поэтому и утилитарные элементы, хотя нельзя не согласиться съ Либманномъ, что въ отсутствіи интереса, въ практическомъ смыслѣ этого слова, лежитъ *субъективный* критерій прекраснаго. По мѣрѣ развитія человѣчества, эстетическое сужденіе становится богаче (въ этомъ мы не расходимся съ г. Оболенскимъ), вкусъ изящнѣе, и мрачное предсказаніе Ренана, что красота исчезнетъ передъ наукой [1]), не имѣетъ за себя убѣдительныхъ доказательствъ.

Пользуюсь настоящимъ случаемъ, чтобъ указать на интересное сочиненіе A. W. Holmes-Torbes: „The Science of beauty: an analytical inquiry into the laws of Aesthetics, 1881. На этотъ трудъ не было, сколько мнѣ извѣстно, обращено вниманіе въ нашей литературѣ о прекрасномъ, а книга заслуживаетъ вниманія.

---

[1]) La beauté disparaitra à l'avénement de la Science.—Противъ этой мысли Ренана возражалъ Гюйо („L'antagonisme de l'art et de la Science, „Revue de deux-mondes, 1883, 15 novembre"). Гюйо говоритъ: „La beauté doit s'intellectualiser pour ainsi dire".

Авторъ возстаетъ противъ отождествленія полезнаго и прекраснаго, и говоритъ, что послѣднее существуетъ въ полезныхъ предметахъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ цвѣтъ существуетъ въ вещахъ, теплота въ огнѣ, сладость въ сахарѣ. Красота есть относительное выраженіе—и заключаетъ въ себѣ, во-первыхъ, объективное качество вещества и, во-вторыхъ, субъективное волненіе духа (admiration). Эти термины, конечно, соотносительны, точно такъ же, какъ возвышенному (sublimity) соотвѣтствуетъ благоговѣйный страхъ (awe). Немыслимо, чтобы какое-либо качество вещества могло непосредственно вызвать волненіе восхищенія, которое принадлежитъ къ интеллектуальнымъ чувствованіямъ (ideal, mental, sentimental feelings) и развивается въ соотвѣтствіи съ развитіемъ разума, подвергающаго переработкѣ наши ощущенія. Только въ дѣтствѣ мы можемъ относиться къ предметамъ внѣшняго міра съ полнымъ безпристрастіемъ, вслѣдствіе недостатка идей и слабости ихъ ассоціаціи. Умъ перерабатываетъ пріятныя ощущенія въ эстетическія, хотя не слѣдуетъ забывать, что развитіе ума можетъ быть очень одностороннимъ, и многіе образованные люди бываютъ почти лишены способности восхищаться (въ эстетическомъ смыслѣ слова) или испытывать благоговѣйный страхъ передъ возвышеннымъ. Кромѣ того, одинъ и тотъ же красивый предметъ вызываетъ у разныхъ людей различныя волненія.

Какъ прекрасному противоположно безобразное (ugliness), вызывающее отвращеніе (disgust),—такъ возвышенное, которое неразрывно связано съ представленіемъ о мощи, противополагается низкому (Meanness), въ основѣ котораго лежитъ малосильное. Просто безсильное, отсутствіе силы не вызываетъ презрѣнія (contempt): это чувство пробуждается не при видѣ, напримѣръ, букашки, сметаемой легкимъ дуновеніемъ, а при видѣ человѣка, у котораго *недостаетъ силы*, чтобъ сохранить свое достоинство, а между тѣмъ извѣстный запасъ этой силы существуетъ у каждаго, и ея обыкновенно хватаетъ и должно доставать въ случаяхъ подобнаго рода. Такимъ образомъ, тѣсная связь эстетическихъ и нравственныхъ сужденій высшаго порядка не подлежитъ, въ глазахъ англійскаго писателя, ни малѣйшему сомнѣнію. Произведенія искусства,—говоритъ онъ,—должны возбуждать добрыя и доблестныя чувства, иначе они не вызовутъ восхищенія. Holmes-Forbes впадаетъ даже въ преувеличеніе въ этомъ отношеніи, слишкомъ настаивая на моральномъ значеніи прекраснаго. Добродѣтель и прекрасное, по его мнѣнію, охватываютъ другъ друга, и первая является высшею формою красоты.

В. Гольцевъ.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1-е ноября, 1884.

Толки о „возвращеніи правительства“, въ связи съ университетской реформой и съ послѣдними студенческими безпорядками.—Дѣла Федорова и Свиридова.—Два типа народной школы.—Посмертная вражда.—Отмѣняемая на половину привилегія.—„Русь“ о „Вѣстникѣ Европы“.

..„Господа, встаньте: правительство идетъ, правительство возвращается!.. Не вѣрите“?.. Это восклицаніе, благодаря особымъ акустическимъ условіямъ нашей прессы, раздалось чрезвычайно громко и сдѣлалось центральнымъ событіемъ истекшаго мѣсяца. Итакъ, правительство только теперь возвращается изъ продолжительнаго безвѣстнаго отсутствія? Мы прожили чуть не два десятка лѣтъ безъ правительства, сами того не зная и не замѣчая? Открытіе по-истинѣ поразительное, стоющее того, которое сдѣлалъ Мольеровскій bourgeois gentilhomme, когда узналъ, что всю жизнь безсознательно говорилъ прозой. Правда, съ словомъ: *правительство*—московскіе пророки соединяютъ понятіе совершенно особаго рода, мало сходное съ общепринятымъ. Правительство, въ ихъ глазахъ—это по преимуществу сила пресѣкающая, запрещающая и карающая, сила, сфера дѣйствій которой исчерпывается, если можно такъ выразиться, XIV-мъ и XV-мъ томами свода законовъ, съ прибавкой развѣ заботливости объ интересахъ той или другой излюбленной группы. Но и съ этой спеціальной точки зрѣнія, однако, представленіе о „возвращающемся правительствѣ“ не перестаетъ быть чѣмъ-то крайне фантастичнымъ. Началомъ „системы упраздненія государственной власти“ признается университетскій уставъ 1863 года. Возьмемъ его и мы за исходную точку нашего ретроспективнаго взгляда и спросимъ себя, отсутствовало ли правительство—правительство въ смыслѣ „Московск. Вѣдомостей“—когда, по выраженію поэта, преобразовательныя мѣры, одна за другой, „теряли должные размѣры и съ трескомъ пятились назадъ“? Отсутствовало ли оно, когда измѣнялась подсудность сначала для дѣлъ печати, потомъ для дѣлъ политическихъ, потомъ для дѣлъ о неповиновеніи власти и объ оскорбленіи должностныхъ лицъ, когда административная ссылка принимала все болѣе и болѣе обширные размѣры, когда ограничивалась и de facto, и de jure новорожденная свобода печати, когда упразднялось земство въ петер-

бургской губерніи и принимались общія мѣры противъ гласности и свободы преній въ земскихъ собраніяхъ? Отсутствовало ли оно, когда совершилась, въ семидесятыхъ годахъ, реформа среднихъ учебныхъ заведеній и начальныхъ училищъ? Отсутствовало ли оно, когда каждая изъ такъ-называемыхъ „университетскихъ исторій" влекла за собою рядъ строгихъ взысканій, когда увольнялись безъ прошенія университетскіе профессора и временно закрывались двери того или другого университета? Отсутствовало ли оно—переходимъ къ эпохѣ сравнительно недавней—и когда издавалось положеніе о чрезвычайной и усиленной охранѣ, и когда вступали въ силу и получали широкое примѣненіе „временныя" правила о печати 1882 года? Не трудно было бы доказать „присутствіе правительства" даже въ унижаемую, поносимую теперь, за его отсутствіе, эпоху „новыхъ вѣяній" или „диктатуры сердца"; достаточно припомнить, что административныя взысканія по дѣламъ печати не прекращались и въ періодъ времени съ августа 1880 по апрѣль 1881 года.

Итакъ, не по разуму усердный глашатай ошибся: судъ, передъ обратнымъ шествіемъ котораго насъ приглашаютъ встать, вовсе не удалялся съ своего мѣста. Или, быть можетъ, подъ именемъ „возвращенія правительства" слѣдуетъ понимать возвращеніе къ правительственнымъ порядкамъ давно минувшаго времени—времени, окончившагося за нѣсколько лѣтъ до изданія университетскаго устава 1863 г.? „Новый университетскій уставъ,—говорятъ намъ,—важенъ не для одного учебнаго дѣла; онъ предначинаетъ собою возобновленіе правительства, возвращеніе властей къ ихъ обязанностямъ. Или только въ учебной сферѣ, а не повсюду правительство должно возвратиться къ своимъ обязанностямъ? Зло созданнаго уставомъ 1863 г. положенія университетовъ обнаружило свою природу лишь при дальнѣйшемъ движеніи законодательства, которое продолжало начатое этимъ уставомъ дѣло. Въ свою очередь, и новый университетскій уставъ не можетъ приносить плоды свои, если все вокругъ будетъ насмѣшкой надъ нимъ и отрицаніемъ его. Законодательство начало свое врачующее дѣйствіе съ учебныхъ заведеній, и поступило мудро; здѣсь начало. Но оно очутилось бы въ противорѣчіи съ самимъ собою, еслибы осталось при началѣ ничего не начинающемъ". Другими словами, судьба университетскаго устава 1863 г. должна постигнуть и всѣ послѣдующія преобразованія: независимость судей, судъ присяжныхъ, земское и городское самоуправленіе, безцензурная печать—все это должно исчезнуть или радикально видоизмѣниться, все должно быть приведено къ одному новому знаменателю. Чтó же, невозможнаго тутъ нѣтъ ничего; весь вопросъ въ томъ, что изъ этого выйдетъ. Въ спискѣ реформъ, обреченныхъ

на паденіе, недостаетъ одной, самой важной. Моментъ, къ которому слѣдуетъ возвратиться, не даромъ помѣченъ 1863-мъ годомъ; университетская реформа, очень мало, въ сущности, связанная со всѣми другими, не даромъ поставлена во главу угла. Это позволило обойти настоящую исходную точку преобразовательной работы—Положенія 19 февраля 1861 г. Отъ *нихъ*, а не отъ устава 1863 г., пошло движеніе, предаваемое теперь анаѳемѣ; *ихъ* естественнымъ, неизбѣжнымъ результатомъ было созданіе новаго судебнаго и административнаго устройства, новаго русскаго общества. *Ихъ* нужно было бы поколебать, чтобы воскресить старину,—а на это не поднимется рука у самаго смѣлаго изъ нашихъ Геростратовъ. До-реформенные суды, справлявшіеся кое-какъ съ дѣлами высшихъ и среднихъ сословій, сразу оказались бы несостоятельными, еслибъ поставить ихъ лицомъ къ лицу съ освобожденной массой народа; до-реформенная администрація, имѣвшая тысячи добровольныхъ и не оплачиваемыхъ агентовъ въ лицѣ помѣщиковъ, сразу почувствовала бы себя безпомощной и безсильной, еслибы возложить на ея плечи наслѣдство земскаго, городского и крестьянскаго самоуправленія. Возстановить учрежденія можно однимъ почеркомъ пера,—но чѣмъ и какъ возстановить обстановку, съ которой они были неразрывно связаны? Насъ пугаютъ „всеобщимъ упадкомъ дисциплины и политической нравственности"; намъ совѣтуютъ заглянуть, чтобъ убѣдиться въ этомъ, „въ наши суды, въ нашу литературу цензурную и безцензурную, *въ наши правительственныя* и неправительственныя *учрежденія, отъ низшихъ до высшихъ включительно*". Положимъ, что мы увидѣли бы тамъ все, что насъ хотятъ заставить видѣть; что же слѣдовало бы отсюда, какъ не абсолютная невозможность отыскать для старыхъ формъ старое, нигдѣ не существующее болѣе содержаніе? Цѣлый строй жизни рухнулъ, четверть вѣка тому назадъ, въ уготованную имъ самимъ могилу; поднять изъ нея можно только его призракъ. Онъ будетъ, можетъ быть, *казаться* живымъ—но оптическій обманъ разсѣется, рано или поздно, при соприкосновеніи съ дѣйствительностью, и отъ продолжительности его будетъ зависѣть только число вызванныхъ имъ ошибокъ.

Существуетъ англійская поговорка: кто желаетъ убить собаку, тотъ сначала называетъ ее дурнымъ именемъ (т.-е. обвиняетъ ее въ дурномъ дѣлѣ). Этой поговоркой руководствуются, повидимому, наши газетные реакціонеры, по отношенію къ осуждаемымъ ими на смерть реформамъ. Реформѣ приписываются разные вредные результаты, сплошь и рядомъ зависящіе отъ совершенно другихъ причинъ—и добытый такимъ образомъ матеріалъ обращается въ основаніе смертнаго приговора. Эта процедура продолжается даже тогда, когда приговоръ

исполненъ—отчасти для того, чтобы предупредить попытки оживленія умершаго, отчасти для того, чтобы подготовить осужденіе слѣдующей серіи обвиняемыхъ. На могилѣ только-что почившаго университетскаго устава можно было бы уже теперь соорудить цѣлый памятникъ изъ каменьевъ, набросанныхъ его врагами. Нетрудно себѣ представить, какую службу сослужили, въ этомъ отношеніи, кіевскіе студенческіе безпорядки. Они являются „итогомъ двадцатилѣтняго періода", послѣднимъ словомъ деморализаціи, внесенной этимъ періодомъ въ среду профессоровъ и студентовъ. А студенческія исторіи 1861 г., въ Петербургѣ и Москвѣ—онѣ также были порожденіемъ періода, который тогда еще не наступалъ, послѣдствіемъ устава, который не былъ еще ни изданъ, ни даже написанъ? Между этими „исторіями" и недавними безпорядками проходитъ соединительная нить, не прерывающаяся ни на минуту, и уже по этому одному сотканная не „безконтрольною властью" самоуправлявшихся профессорскихъ коллегій... Уставу 1863 г. ставится въ вину, что онъ не вдохнулъ въ кіевскихъ профессоровъ и студентовъ силу противодѣйствія вреднымъ элементамъ. Но вѣдь нашлась же такая сила, по словамъ самихъ обвинителей, въ московскомъ университетѣ, и между студентами, и между профессорами; отчего же октябрьскія событія въ Москвѣ не вносятся въ активъ прежнихъ порядковъ, подобно тому, какъ поспѣшно и радостно внесены были въ ихъ пассивъ сентябрьскія событія въ Кіевѣ? Оба университета жили одинаково долго подъ властью одного и того же закона; если отношеніе ихъ къ безпорядкамъ оказалось существенно различнымъ, то не ясно ли, что причину безпорядковъ нельзя видѣть въ тлетворномъ вліяніи похороненнаго устава? И въ самомъ дѣлѣ, уставъ оказывается тутъ рѣшительно ни при чемъ. Если онъ не благопріятствовалъ развитію между студентами духа товарищеской солидарности, то столь же мало благопріятствуетъ этому и новый уставъ, наравнѣ съ прежнимъ не допускающій ни студенческихъ корпорацій, ни другихъ проявленій товарищеской жизни. Если авторитетъ профессоровъ не вездѣ достаточно силенъ, общеніе ихъ съ студентами—недостаточно тѣсно, то слишкомъ наивно было бы ожидать въ этомъ отношеніи перемѣны къ лучшему отъ одного только упраздненія выборнаго начала. Не на повѣрочныхъ испытаніяхъ, не путемъ правилъ о зачетѣ полугодій установляется близость между преподавателями и слушателями—та близость, въ которой дѣйствительно заключается лучшая гарантія противъ студенческихъ безпорядковъ. И эта гарантія, однако, не можетъ быть признана безусловной. Въ тысячной массѣ всегда могутъ найтись отдѣльныя единицы, не подчиняющіяся господствующему настроенію.

Сойтись между собою такимъ единицамъ тѣмъ легче, чѣмъ слабѣе связь между всѣми членами массы—а собравшись въ десятки, онѣ могутъ уже нарушить правильное теченіе университетской жизни. За нарушенія, идущія изъ этого источника, масса студентовъ отвѣтственна столь же мало, какъ масса народа—за преступленія нѣсколькихъ безумцевъ. Чего можно требовать отъ студентовъ, не желающихъ смуты? Рукопашной расправы съ ея зачинщиками? Такъ далеко не идутъ даже самые рьяные адвокаты круговой отвѣтственности. Протеста противъ намѣреній меньшинства? Но такой протестъ, какъ видно изъ примѣра Москвы, безсиленъ, самъ по себѣ, для предупрежденія безпорядковъ. Да и кто же, наконецъ, уполномоченъ на заявленіе протеста въ такой формѣ, которая могла бы дать ему внушительную силу, сдѣлать его оплотомъ спокойствія и тишины?

Весьма любопытно, съ этой точки зрѣнія, сравнить, по оффиціальнымъ даннымъ, послѣднія „студенческія исторіи" въ Москвѣ и въ Кіевѣ. О числѣ студентовъ, активно участвовавшихъ въ кіевскихъ безпорядкахъ, мы не имѣемъ столь точныхъ свѣденій, какъ о числѣ студентовъ, производившихъ безпорядки въ Москвѣ; въ правительственномъ сообщеніи, относящемся къ кіевской смутѣ, встрѣчается только одна цифра (200—300), опредѣляющая приблизительно размѣръ толпы, собравшейся около университета 5 сентября (за три дня до печально окончившагося юбилейнаго празднества). Много ли было въ этой толпѣ *студентовъ*—объ этомъ, конечно, ничего сказать нельзя. О толпѣ, стоявшей утромъ 8-го сентября близъ зданія университета, говорится уже прямо, что она состояла изъ студентовъ и *любопытныхъ*; впослѣдствіи къ ней присоединился, по словамъ сообщенія, *всякій сбродъ*. О размѣрѣ и составѣ толпы, совершившей, вечеромъ 8-го числа, нападеніе на домъ ректора, мы не узнаемъ изъ сообщенія ровно ничего; по частнымъ свѣденіямъ, приводимымъ „Русью", въ ней было около *ста* человѣкъ, изъ которыхъ большинство разбѣжалось послѣ кошачьяго концерта, а швырять каменья въ окна стало человѣкъ *тридцать* [1]). Не подлежитъ никакому сомнѣнію,

[1]) Свѣденіями, полученными „Русью", оспаривается упоминаемое въ правительственномъ сообщеніи бросанье камней и полѣньевъ, утромъ 8-го сентября, въ экипажи нѣкоторыхъ лицъ, проѣзжавшихъ на актъ. Возможность ошибки въ оффиціальныхъ свѣденіяхъ подтверждается тѣмъ, что въ первомъ сообщеніи о московскихъ безпорядкахъ (Прав. Вѣст. № 223) главнымъ ихъ виновникомъ названъ студентъ Рождественскій, а во второмъ (Прав. Вѣст. № 227) мы читаемъ: „до сихъ поръ нѣтъ никакихъ данныхъ къ тому, чтобы утвердителено сказать, кто былъ главнымъ руководителемъ уличнаго безпорядка".

что не всѣ окружившіе домъ ректора, тѣмъ болѣе—не всѣ произведшіе отвратительное буйство—были студенты; если допустить ту же пропорцію, которая оказалась въ Москвѣ (66: 110), то въ кошачьемъ концертѣ участвовало до 60, въ разбитіи оконъ—до 20 студентовъ. Правда, студентовъ въ Кіевѣ втрое меньше, чѣмъ въ Москвѣ, но во всякомъ случаѣ пропорція 60: 1000 не такъ велика, чтобы оправдать отвѣтственность большинства за меньшинство. А что, если на самомъ дѣлѣ пропорція была еще гораздо меньше, если въ худшемъ изъ всего сдѣланнаго—въ разбитіи оконъ, въ бросаніи каменьевъ, участвовалъ почти исключительно тотъ *сбродъ*, наличность котораго въ утренней толпѣ констатируется правительственнымъ сообщеніемъ? Самый характеръ произведеннаго буйства дѣлаетъ это предположеніе весьма вѣроятнымъ. Но можетъ быть, разница между кіевскими и московскими событіями, объясняющая и разницу вызванныхъ ими мѣръ, заключается въ томъ, что въ Москвѣ обузданію безпорядковъ или ограниченію ихъ размѣровъ способствовали сами студенты, а въ Кіевѣ, наоборотъ, большинство студентовъ оказалось виновнымъ по меньшей мѣрѣ въ сочувствіи меньшинству, въ одобреніи его дѣйствій? Ничего подобнаго мы не видимъ. Въ правительственномъ сообщеніи, относящемся къ московскимъ безпорядкамъ, говорится только о заявленномъ студентами, *въ слѣдующіе послѣ безпорядковъ дни*, желаніи, чтобы въ университетѣ былъ сохраненъ полный порядокъ. Все различіе между Кіевомъ и Москвой сводится, такимъ образомъ, къ тому, что въ Кіевѣ полиція и администрація не сдѣлали ровно ничего для предупрежденія и прекращенія безпорядковъ, а въ Москвѣ —остановили ихъ въ самомъ началѣ. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что случись въ Москвѣ безпорядокъ раньше, чѣмъ въ Кіевѣ, то закрытъ былъ бы не кіевскій, а московскій университетъ. Исключительность мѣры, принятой по отношенію къ первому, сдѣлалась особенно очевидной, когда возникъ вопросъ о возможности ея повторенія.

Чрезвычайно характеристичны тѣ доводы, которыми реакціонная печать защищаетъ увольненіе изъ кіевскаго университета *всѣхъ* студентовъ, съ воспрещеніемъ ихъ пріема въ другіе университеты. О первомъ изъ этихъ доводовъ—ссылкѣ на пассивную вину большинства, не противодѣйствовавшаго безпорядкамъ—мы уже говорили; прибавимъ только, что онъ очевидно не касается студентовъ, вообще не бывшихъ въ Кіевѣ съ 5-го по 8-ое сентября—а между тѣмъ для такихъ студентовъ не сдѣлано исключенія изъ общаго правила. „Во все время господства университетской автономіи, — таковъ слѣдующій доводъ, — студенты не только не посѣщали лекцій, а весьма часто живали въ другихъ городахъ“. Но развѣ доказано, что отсут-

ствовали изъ Кіева, въ несчастные сентябрьскіе дни, именно такіе систематическіе абсентеисты? Что общаго между тѣми—во всякомъ случаѣ немногими—студентами, которые не хотѣли заниматься, и тѣми, которые и хотѣли бы, да не могутъ? „Случись въ университетскихъ зданіяхъ,—читаемъ мы дальше,—истребительный пожаръ, лекціи закрылись бы сами собою; а развѣ въ кіевскомъ университетѣ, въ день его юбилея, не произошелъ пожаръ? Развѣ послѣ того, что тамъ случилось, могла на другой день возобновиться и пойти нормальнымъ порядкомъ мирная академическая жизнь?" На послѣдній вопросъ отвѣчаетъ утвердительно примѣръ Москвы; но и помимо этого, можно ли сравнивать стихійное несчастье съ обдуманною, сознательною мѣрой? Можно ли упускать изъ виду, что для продолженія лекцій послѣ пожара нужно только найти временное помѣщеніе, всегда имѣющееся на лицо въ большомъ городѣ, что пожаръ не лишилъ бы студентовъ пріобрѣтенныхъ ими правъ—напримѣръ, права пользоваться стипендіями?

Отъ глубоко-печальнаго зрѣлища, представляемаго софизмами реакціонной прессы, перейдемъ, въ видѣ отдыха, къ комическому эпизоду, также имѣющему отношеніе къ университетскому вопросу. „Торжество побѣдителей" принимаетъ у насъ двѣ главныя формы: форму надругательства надъ прежнимъ, отмѣненнымъ или отмѣняемымъ порядкомъ, и форму восхваленія того, что ставится или предполагается поставить на его мѣсто. Образцы перваго мы уже видѣли; образцемъ послѣдняго можетъ служить попытка доказать, что новый университетскій уставъ—этотъ Геркулесъ, давящій змѣя уже въ колыбели—устранитъ, между прочимъ, неудобства, обусловливаемыя... недостаточностью университетскихъ помѣщеній! „Извѣстно,—читаемъ мы въ одной газетной статьѣ,—что по новому уставу никто не обязанъ слушать всѣ факультетскіе предметы; поэтому нѣтъ надобности для каждаго, даже третье-степеннаго предмета имѣть аудиторію на 50—70 человѣкъ. Затѣмъ, за слушаніе лекцій, по новому университетскому уставу, приходится платить деньги, а такъ какъ никто не пожелаетъ платить за слушаніе въ такой аудиторіи, куда даже и попасть нельзя, то очевидно, что каждый профессоръ будетъ имѣть только то число слушателей, которое позволяетъ устройство заведенія". Нѣтъ, ничуть не очевидно. Слушаніе лекцій, при дѣйствіи новаго устава, будетъ регулироваться учебными планами или *учебнымъ планомъ*; другими словами, учебный планъ можетъ быть по каждому факультету одинъ, обязательный для всѣхъ слушателей, и слѣдовательно не уменьшающій ихъ наплыва въ данныя аудиторіи. Далѣе: недостаточность помѣщеній, какъ видно изъ приводимыхъ тою же

статьею фактовъ, обнаруживалась въ особенности при преподаваніи главныхъ предметовъ (напр. физики и химіи), слушаніе которыхъ и при новыхъ порядкахъ останется, безъ сомнѣнія, обязательнымъ для студентовъ. Разъ что оно обязательно, нельзя уклоняться отъ него подъ предлогомъ недостатка мѣста въ аудиторіи. Тѣсна ли она или просторна—записаться въ число слушателей и внести гонораръ все равно необходимо. На лекціи по интересному предмету, читаемому даровитымъ преподавателемъ, будутъ приходить, въ добавокъ—по даруемому имъ новымъ уставомъ праву—студенты другихъ факультетовъ. Правда, одинъ и тотъ же предметъ можетъ читаться нѣсколькими преподавателями, выборъ между которыми предоставляется новымъ уставомъ на усмотрѣніе студентовъ; но распредѣленіе слушателей между преподавателями (если и предположить, что у насъ скоро явится *фактическая* возможность выбора) конечно будетъ неравномѣрнымъ, и рядомъ съ переполненными аудиторіями окажутся почти пустыя. Увеличится только, вмѣстѣ съ числомъ преподавателей, число необходимыхъ аудиторій, т.-е. недостаточность помѣщеній—гдѣ она существуетъ—сдѣлается не менѣе, а болѣе замѣтной. Мы далеки отъ мысли видѣть въ этомъ слабую сторону новаго устава; мы хотимъ только доказать недомысліе его присяжныхъ хвалителей. Пора, въ самомъ дѣлѣ, прекратить неудачные панегирики реформѣ и предоставить ей говорить самой за себя; возбужденіе слишкомъ большихъ ожиданій просто не практично, потому что оно увеличиваетъ шансы разочарованія.

Замолкшіе было громы противъ судебныхъ уставовъ раздались недавно съ новою силой. Поводомъ къ этому послужилъ процессъ бывшаго судебнаго слѣдователя одного изъ столичныхъ (петербургскихъ) участковъ, Ѳедорова, присужденнаго с.-петербургскою судебною палатою (съ участіемъ присяжныхъ) къ уголовному наказанію за цѣлый рядъ тяжкихъ судебныхъ преступленій. Многія изъ этихъ преступленій были бы раскрыты уже давно и вредныя ихъ послѣдствія отчасти предупреждены, еслибы дѣятельность Ѳедорова находилась, согласно требованію закона, подъ болѣе бдительнымъ надзоромъ окружнаго суда, прокуратуры и министерства юстиціи. Въ справедливости упрека, дѣлаемаго этимъ учрежденіямъ, не можетъ быть никакого сомнѣнія; весь вопросъ въ томъ, вытекаетъ ли изъ него какое-либо заключеніе, неблагопріятное для *несмѣняемости* слѣдователей и судей. Разъ что дѣйствія Ѳедорова никѣмъ серьезно не контролировались и не повѣрялись, онъ могъ бы, оче-

видно, спокойно оставаться на своемъ мѣстѣ, еслибы и не пользовался правомъ несмѣняемости — и наоборотъ, какъ только его злоупотребленія были раскрыты, такъ называемая несмѣняемость не спасла его отъ потери мѣста, свободы и правъ состоянія. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что шансовъ безнаказанности за обнаруженное преступленіе существуетъ всего меньше именно для должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства. Или, можетъ быть, аргументомъ противъ несмѣняемости судей служитъ слабость надзора, благодаря которой Өедоровъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ нагромождалъ преступленіе на преступленіе? Но въ этой слабости повинны не одни несмѣняемые судьи—или, лучше сказать, они повинны въ ней менѣе всего. Непосредственный надзоръ за Өедоровымъ принадлежалъ представителямъ прокуратуры, смѣняемымъ наравнѣ съ чиновниками любого административнаго вѣдомства. Намъ говорятъ, что „не поступи въ 1883 г. настоятельныхъ жалобъ отъ частныхъ лицъ, *несмѣняемый* Өедоровъ и понынѣ получалъ бы казенное жалованье за бросаніе слѣдствій въ чуланъ и дополнительное содержаніе отъ присвоенія вещественныхъ доказательствъ“. А въ другихъ вѣдомствахъ злоупотребленія никогда не раскрываются путемъ „настоятельныхъ“ жалобъ отъ частныхъ лицъ? Гдѣ то стоокое начальство, которое моментально подавляло бы самыя сѣмена преступленія? Мало ли „дополнительныхъ содержаній“ получается въ разныхъ, видахъ и въ продолженіе многихъ лѣтъ, въ самыхъ различныхъ шеренгахъ громадной бюрократической арміи? Нигдѣ принесеніе жалобъ не составляетъ такого обычнаго явленія, нигдѣ разсмотрѣніе ихъ не обставлено такими солидными гарантіями, какъ именно въ области новаго суда, и уже по этому одному мы никакъ не можемъ согласиться съ тѣми, по мнѣнію которыхъ „процессъ Өедорова раскрываетъ общее положеніе у насъ слѣдственнаго дѣла“. Гораздо правильнѣе назвать этотъ процессъ явленіемъ исключительнымъ и искать объясненіе ему, между прочимъ, въ томъ—умалчиваемомъ врагами судебной реформы—фактѣ, что Өедорову вовсе не подобало быть судебнымъ слѣдователемъ, такъ какъ онъ не получилъ ни юридическаго, ни общаго высшаго образованія. Не лишено значенія, конечно, и то ненормальное положеніе, въ которое у насъ поставленъ слѣдственный институтъ, — положеніе, поправимое безъ всякаго отступленія отъ основныхъ началъ судебныхъ уставовъ. Вопросъ о преобразованіи слѣдственной части разрабатывается уже весьма давно, но не подвигается впередъ въ силу той инерціи, тѣхъ недостатковъ нашего законодательнаго механизма, которыми задерживаются многія другія, существенно необходимыя реформы.

Почти одновременно съ процессомъ Ѳедорова окончилось въ Кіевѣ столь извѣстное дѣло Свиридова—окончилось, на этотъ разъ, обвиненіемъ подсудимаго. О новомъ приговорѣ присяжныхъ молчатъ именно тѣ газеты, которыя всего больше кричали о первомъ. Это вполнѣ понятно; имъ было бы не совсѣмъ удобно сознаться, что исправленіе судебныхъ ошибокъ вполнѣ возможно и при дѣйствующемъ судебномъ строѣ. Отмѣна оправдательнаго вердикта, произнесеннаго присяжными по дѣлу Свиридова, осужденіе Свиридова новымъ составомъ присяжныхъ — все это такіе факты, которые не говорятъ въ пользу ломки судебныхъ уставовъ и судебныхъ учрежденій; а систематикамъ реакціи нужна именно ломка, ломка во что бы то ни стало. Они заботятся уже теперь о пріисканіи новыхъ матеріаловъ для продолженія агитаціи (см. напримѣръ харьковскую корреспонденцію „Московскихъ Вѣдомостей" и замѣтку самой редакціи по дѣлу Жилинскаго)—но это не такъ легко, и есть основаніе надѣяться, что позиція, такъ сильно, повидимому, укрѣпленная ими въ началѣ нынѣшняго года, потеряна ими безвозвратно.

Разбирая недавно новыя правила о церковно-приходскихъ школахъ, мы отмѣтили, какъ лучшую ихъ черту, совершенно правильное отношеніе ихъ къ свѣтской начальной школѣ, которую онѣ призваны не упразднить, не замѣнить, а только дополнить. Судя по нѣкоторымъ признакамъ, такое назначеніе церковно-приходской школы удовлетворяетъ не всѣхъ ея ревнителей, и опасность, угрожавшая съ этой стороны свѣтской школѣ, еще не миновала. Такой простой фактъ, какъ открытіе (въ павловскомъ посадѣ) начальнаго училища съ учителями изъ крестьянъ и съ программой, ставящей на первое мѣсто изученіе церковно-славянскаго языка, возводится въ великое событіе, прославляется не только корреспондентомъ, но и редакціею „Руси". „Народъ-таки взялъ свое,—читаемъ мы въ редакціонной замѣткѣ, — переупрямилъ, добился, наконецъ, открытаго признанія права гражданства, наравнѣ съ прочими рекомендованными учебными книгами, за дорогими ему часословомъ и псалтыремъ, совсѣмъ было обезславленными и изгнанными изъ школы новѣйшими русскими педагогами". Сколько фальши въ этихъ немногихъ словахъ! Частное лицо открыло на свой счетъ начальную школу, и она, наравнѣ со всякой другой, тотчасъ же переполнилась учениками — на языкѣ „Руси" это значитъ, что „*народъ* взялъ свое, переупрямилъ"! Инспекторъ народныхъ училищъ, пользуясь предоставленнымъ ему по закону правомъ, утвердилъ учителями крестьянъ, не имѣющихъ свидѣ-

тельства на званіе народнаго учителя; этотъ заурядный фактъ, повторявшійся много разъ, съ самаго изданія положенія 1874 г., во всѣхъ концахъ Россіи, выставляется чуть не перемѣной учебной системы, чуть не покаяніемъ со стороны учебной администраціи! Часословъ и псалтырь принимаются во вновь открытой школѣ за основаніе ученья; но вѣдь они никогда не переставали играть эту роль во всѣхъ раскольническихъ школахъ, въ громадномъ большинствѣ крестьянскихъ школъ грамотности, разрѣшенныхъ правилами 1882 г. Справедливо ли, наконецъ, что эти книги были изгнаны изъ земской школы? Нѣтъ; народные учителя и учительницы, безъ понужденія сверху, убѣдились сами въ необходимости усилить изученіе церковно-славянскаго языка, преимущественно, правда, путемъ чтенія Евангелія, но отчасти и путемъ чтенія богослужебныхъ книгъ. Ссылаемся, въ подтвержденіе нашихъ словъ, на постановленія учительскихъ съѣздовъ въ Москвѣ, въ Твери, въ Лугѣ; на послѣднемъ рѣшено было, еще въ 1882 г., снабдить каждую школу именно псалтыремъ и часословомъ. Весьма можетъ быть, что подъ вліяніемъ естественной реакціи противъ старой школы церковно-славянское чтеніе отодвинуто было сначала, въ большинствѣ земскихъ начальныхъ училищъ, на слишкомъ дальній планъ; но это время давно миновало, и на знаніе церковно-славянскаго языка обращается повсемѣстно все большее и большее вниманіе. Само собою разумѣется, что начинается преподаваніе, въ земскихъ школахъ, съ *русской* грамоты—но протестовать противъ этого можно только во имя рутины или фанатизма. Корреспондентъ „Руси" увѣряетъ, что научившись читать по-славянски, очень легко научиться читать по-русски; но каждый изъ насъ испыталъ на себѣ, что столь же легко научиться читать по славянски, научившись читать по-русски. Весь вопросъ въ томъ, что легче для начинающаго ученика, особенно малолѣтняго—обученіе читать по-славянски или по-русски? Объ этомъ вопросѣ едва ли можно даже и спорить, если относиться къ нему безъ предвзятой мысли. Допустимъ, однако, что оба способа обученія одинаково хороши или даже старый методъ лучше новаго; слѣдуетъ ли отсюда, что послѣдній долженъ быть насильственно вытѣсняемъ первымъ? О такомъ вытѣсненіи, равносильномъ уничтоженію свѣтской школы, очевидно мечтаютъ любители старины. Корреспондентъ „Руси" (за которымъ недавно послѣдовалъ корреспондентъ *изъ крестьянъ* въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ") прямо утверждаетъ, что „учить народъ можетъ *только* церковь"; редакція „Руси" выражается не такъ рѣшительно, но за фигурой умолчанія, употребляемой ею, настоящая ея мысль виднѣется довольно ясно. „Мы лично,—говорится въ той

же редакціонной замѣткѣ,—не настаиваемъ на непремѣнномъ, повсемѣстно-обязательномъ употребленіи псалтыря и часослова и вообще всѣхъ чисто-народныхъ пріемовъ обученія,—*лучше сказать, оставляемъ пока здѣсь этотъ вопросъ въ сторонѣ*". Это: *пока*—весьма характеристично; оно даетъ понятіе о борьбѣ, которую предстоитъ еще выдержать нашей свѣтской школѣ. Мы желали бы только одного — чтобы эта борьба велась равнымъ оружіемъ. Пускай будетъ предоставленъ полный просторъ обоимъ главнымъ типамъ начальной школы, пускай сама жизнь рѣшитъ, долженъ ли одинъ изъ нихъ уступить мѣсто другому, или они могутъ мирно существовать другъ подлѣ друга. Наше сочувствіе — и наша надежда, хотя и смѣшанная съ страхомъ—всецѣло на сторонѣ послѣдняго рѣшенія.

Ожесточеніе чаще свойственно побѣжденнымъ, чѣмъ побѣдителямъ; у насъ теперь можно наблюдать исключеніе изъ этого общаго правила. При одномъ звукѣ нѣкоторыхъ именъ „торжествующіе" органы нашей печати теряютъ самообладаніе, хотя бы носители этихъ именъ давно уже покоились въ могилѣ. Такимъ было и продолжаетъ быть для „Московскихъ Вѣдомостей" имя Тургенева, такими же являются для нихъ, и не для нихъ однихъ, имена барона Н. А. Корфа и Кошелева. Вотъ, напримѣръ, заключительныя слова только что упомянутой нами редакціонной замѣтки „Руси": „Приходится намъ со смиреніемъ поучиться у самого народа—*какъ его учить*, и поставить на новыхъ началахъ наше образовательное дѣло, откинувъ въ сторону педагогическое колобродство покойнаго барона Корфа и всей однородной съ нимъ плеяды нашихъ „знаменитыхъ педагоговъ", съ ихъ патентованными министерствомъ учебными руководствами". Какъ объяснить, что изъ „плеяды знаменитыхъ педагоговъ", между которыми большинство благополучно здравствуетъ и теперь, выбрано только одно имя — имя умершаго Корфа? Разгадку этой странности слѣдуетъ, повидимому, искать въ томъ, что изъ всѣхъ „знаменитыхъ педагоговъ" одинъ Корфъ былъ не только авторомъ учебниковъ и книгъ для народнаго чтенія, но и земскимъ дѣятелемъ, активнымъ насадителемъ и распространителемъ новой, земской школы. Inde irae! отсюда ненависть, преслѣдовавшая Корфа при жизни, преслѣдующая его и послѣ смерти. Раздраженіе противъ Кошелева вытекаетъ отчасти изъ того же источника, отчасти изъ другихъ, болѣе сложныхъ. Соединительною нитью между Корфомъ и Кошелевымъ служитъ не только почти одновременная ихъ смерть, не только одновременное чествованіе ихъ памяти и столь извѣстный протестъ, вызванный этимъ чествованіемъ въ Казани. Кошелевъ трудился, между прочимъ, надъ тѣмъ же дѣломъ, которому посвятилъ полъ-жизни баронъ Корфъ —

онъ былъ безсмѣннымъ членомъ своего уѣзднаго училищнаго совѣта, защитникомъ земской школы передъ губернскимъ земскимъ собраніемъ и передъ центральной администраціей. Это было, однако, только одною стороной его дѣятельности; другія стороны ея увеличивали число враговъ покойнаго или по крайней мѣрѣ усиливали вражду, новымъ матеріаломъ для которой послужили „Записки“ Кошелева, изданныя за-границей послѣ его смерти. Подобно другимъ заграничнымъ изданіямъ покойнаго, онѣ не могутъ быть обсуждаемы *нашею* русскою печатью; но это обстоятельство не останавливаетъ тѣхъ, чье нерасположеніе къ Кошелеву пережило его кончину. Чѣмъ больше ограничена возможность отпора, тѣмъ удобнѣе нападеніе—и этимъ удобствомъ спѣшатъ пользоваться нѣкоторые органы нашей печати. Въ одномъ изъ нихъ появилась цѣлая характеристика Кошелева, ищущая для себя основаніе въ его „Запискахъ“; политико-литературная дѣятельность покойнаго клеймится именемъ „очень любопытнаго сочетанія практики кулачества и честолюбія съ теоріею славянофильства и ученіями либерализма“. Для такого приговора нужно было бы привести весьма вѣскіе мотивы,—но авторъ статьи предоставляетъ самимъ читателямъ отыскивать ихъ въ книгѣ, недоступной для громаднаго большинства. Судя по тѣмъ отрывкамъ изъ „Записокъ“, которые были приведены въ другихъ газетахъ, съ Кошелева долженъ быть снятъ по меньшей мѣрѣ одинъ упрекъ—упрекъ въ честолюбіи, какъ въ стремленіи къ почестямъ и власти *изъ-за нихъ самихъ*, а не изъ-за возможности дѣлать дѣло. Человѣкъ честолюбивый, въ банальномъ смыслѣ этого слова, не отказался бы самъ отъ положенія, которое Кошелевъ занималъ въ Варшавѣ, и не преградилъ бы себѣ обратную дорогу въ высшія правительственныя сферы цѣлымъ рядомъ заграничныхъ изданій, нимало, конечно, не преступныхъ, но принадлежащихъ къ неудобной для честолюбца категоріи „непріятныхъ“. Настоящая вина Кошелева, въ глазахъ его скороспѣлыхъ судей, заключается, впрочемъ, не въ честолюбіи и не въ „кулачествѣ“, а въ томъ, что онъ „пребывалъ сначала въ чистой струѣ славянофильства, потомъ — въ мутныхъ водахъ либерализма“. Переходъ отъ славянофильства къ либерализму и затѣмъ вѣрность послѣднему при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ —явленіе настолько рѣдкое и знаменательное, что нельзя, въ самомъ дѣлѣ, не наказать его всѣми наличными орудіями насмѣшки и негодованія, „дабы другимъ не повадно было“ слѣдовать вредному примѣру. Кошелевъ напоминаетъ намъ, нѣкоторыми своими сторонами, столь извѣстнаго Фарнгагена фонъ-Энзе, преданность котораго преобразовательнымъ идеямъ также, вопреки обычному теченію жизни, крѣп-

чала по мѣрѣ приближенія къ старости. Конечно, Фарнгагенъ былъ человѣкъ бóльшихъ дарованій и болѣе широкаго образованія, чѣмъ Кошелевъ; но зато послѣдній никогда не скрывалъ своего образа мыслей, между тѣмъ какъ оппозиціонный духъ Фарнгагена обнаружился вполнѣ только въ „Дневникахъ" (Tagebücher), изданныхъ послѣ его смерти.

Намъ случалось уже нѣсколько разъ говорить о ненормальномъ положеніи, занимаемомъ, въ нашей учебной системѣ, александровскимъ лицеемъ и училищемъ правовѣдѣнія. Газеты сообщили недавно, что предполагается положить конецъ одной изъ привилегій, присвоенныхъ этимъ учебнымъ заведеніямъ, уравнявъ права выпускаемыхъ ими лицъ съ правами окончившихъ курсъ въ университетѣ. Чѣмъ меньше устарѣлыхъ, ни на чемъ болѣе не основанныхъ привилегій—тѣмъ лучше; ошибочно было бы думать, однако, что съ принятіемъ вышеупомянутой мѣры училище правовѣдѣнія и александровскій лицей перестанутъ быть заведеніями привилегированными. Для достиженія этой цѣли необходимо не только подчинить правовѣдовъ и лицеистовъ, наравнѣ съ студентами, дѣйствію новыхъ правилъ о государственныхъ экзаменахъ, но и ввести въ низшихъ классахъ обоихъ учебныхъ заведеній гимназическую программу, въ полномъ ея объемѣ, а высшіе классы поставить во всѣхъ отношеніяхъ на одинъ уровень съ университетами. Разъ, что такъ-называемое испытаніе зрѣлости признается безусловно-необходимымъ для доступа въ университетъ, нѣтъ никакой разумной причины освобождать отъ него молодыхъ людей, готовящихся перейти къ слушанію, хотя бы и не въ университетѣ, университетскихъ предметовъ; разъ, что для университетскаго курса требуется восемь полугодій, т.-е. четыре года, нѣтъ никакой разумной причины ограничивать соотвѣтствующій курсъ въ училищѣ правовѣдѣнія и александровскомъ лицеѣ тремя годами. О расширеніи программы и увеличеніи времени ученья въ училищѣ правовѣдѣнія шла рѣчь уже въ 1880 г. [1]); только въ связи съ этой перемѣной—конечно, распространенной и на александровскій лицей—получитъ надлежащій смыслъ и та, которая проектируется въ настоящее время. Тогда останется разрѣшить одинъ только вопросъ: необходимо ли совмѣстное существованіе въ Петербургѣ трехъ юридическихъ факультетовъ, ничѣмъ не отличающихся одинъ отъ другого? Нѣсколько лѣтъ тому назадъ вопросъ не могъ бы быть поставленъ въ этой формѣ, потому что училище правовѣдѣнія и лицей

[1]) См. Внутреннее Обозрѣніе въ № 3 „Вѣстника Европы" за 1880 г.

были тогда заведеніями закрытыми, и самое преподаваніе въ высшихъ классахъ, съ своей системой экзаменовъ и репетицій, съ постояннымъ наблюденіемъ за занятіями учащихся, было устроено не по образцу университетскаго. Теперь значительная часть правовѣдовъ и лицеистовъ живетъ дома, приходя въ училище и лицей только на лекціи—а съ другой стороны, въ занятія студентовъ проникаетъ тотъ отчасти принудительный, отчасти наблюдательный элементъ, котораго въ нихъ не было до введенія въ дѣйствіе новаго университетскаго устава. Различіе, такимъ образомъ, падаетъ съ обѣихъ сторонъ, а вмѣстѣ съ нимъ отходятъ въ исторію послѣдніе изъ тѣхъ причинъ, которыя вызвали учрежденіе лицея и училища правовѣдѣнія и долго служили для нихъ достаточною raison d'être.

Въ прекрасной, во многихъ отношеніяхъ, статьѣ, которую посвятила „Русь“ вопросу объ университетскихъ безпорядкахъ, редакція московской газеты не могла, къ сожалѣнію, обойтись безъ обычныхъ „боковыхъ ударовъ“ (Seitenhiebe) въ сторону „либерализма“. Повторяя, уже далеко не въ первый разъ, но по прежнему безъ всякихъ доказательствъ (нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, считать доказательствомъ ссылку на одну изъ недавнихъ повѣстей В. Крестовскаго-псевдонима), побѣдную пѣснь на тэму: „нашего полку прибыло“, газета г. Аксакова сѣтуетъ о томъ, что „поворотное движеніе“ въ средѣ молодежи встрѣчаетъ такъ мало поддержки въ мірѣ „знанія и науки“ (кавычки въ подлинникѣ, долженствующія, вѣроятно, намекнуть на то, что рѣчь идетъ о *мнимомъ* знаніи, мнимой наукѣ). „Если всѣ идеалы болѣе или менѣе отрицательнаго или безнароднаго, антинаціональнаго характера—восклицаетъ редакція „Руси“—разсыпались въ прахъ, обличились или обличаются теперь во всей своей ничтожности, кто же подастъ имъ (молодымъ людямъ) идеалы положительные, свои, народные, которые бы творили изъ нихъ мужей русской земли и народа? Увы! некому, или почти некому, ни научить, ни подать! Наши педагоги, за малыми, очень малыми исключеніями, въ лучшемъ своемъ видѣ представляютъ изъ себя... ну, допустимъ, тотъ же типъ, что и „Вѣстникъ Европы“, очень вѣдь приличный и благообразный, чопорный, точно съ послѣдней картинки европейскихъ модъ снятый,—такъ что и сравненіе не обидное. Но журналъ сей съ сотрудниками—это своего рода Бурбоны сороковыхъ годовъ или, правильнѣе—легитимисты буржуазнаго общеевропейскаго „либерализма“, которые хвалятся тѣмъ, что ничего не забыли и ничему не научились въ послѣдніе полвѣка ни изъ

исторіи Европы, ни тѣмъ менѣе изъ исторіи нашего отечества,—у которыхъ шея закостенѣла въ подобострастномъ наклонѣ къ западу и которыхъ существеннѣйшій догматъ символа вѣры — отрицаніе правъ русской народности на бытовую и духовную самобытность, и вожделеннѣйшая забота—вытравить изъ русской души всякое вѣрованіе кромѣ единаго: въ „европейскую цивилизацію". Тутъ какъ ни ныряй, никакой живой силы, пригодной для бодраго служенія своему народу, не выловишь, никакой живой воды цѣлительной для измученной русской души не зачерпнешь".

Еслибы дѣло шло только о „Вѣстникѣ Европы" и его сотрудникахъ, мы ограничились бы простой перепечаткой этого отрывка: у нашихъ читателей есть всѣ данныя для того, чтобы рѣшить, нарисованъ ли „Русью" удачный портретъ нашего журнала или неудачная его каррикатура. Дѣло идетъ, однако, не о насъ однихъ; „Вѣстникъ Европы" выведенъ на сцену какъ типичный представитель нашихъ педагоговъ, нашего „либерализма", нашего міра „знанія и науки". Мы можемъ говорить, такимъ образомъ, не pro domo sua. Итакъ, у насъ—у *насъ* въ обширномъ смыслѣ этого слова—„закостенѣла шея въ подобострастномъ наклонѣ къ Западу". Къ *какому* Западу? Къ тому ли, который во многомъ сходится съ Востокомъ (или даже отстаетъ отъ него, если припомнить недавнія событія въ Японіи), который создаетъ „анти-семитское" движеніе, предпочитаетъ Штеккера—Вирхову, замѣняетъ графа Шамбора донъ-Карлосомъ, вдохновляется папскими энцикликами или рѣчами Виндгорста, мѣшаетъ въ Испаніи постройкѣ протестантскихъ церквей, въ Бельгіи—организаціи свѣтскихъ школъ? Къ тому ли, который недавно увлекался „имперскою" политикой Биконсфильда и продолжаетъ идти по стопамъ князя Бисмарка, сегодня исповѣдуя вмѣстѣ съ нимъ ученіе „желѣза и крови", завтра слѣпо вѣруя въ его соціальные эксперименты? Къ тому ли, который дѣйствуетъ динамитомъ и возводитъ въ догматъ анархію?.. Пора, давно пора понять, что упрекъ въ преклоненіи передъ „Западомъ", какъ и самое названіе: „западникъ", не имѣетъ, въ настоящую минуту, ровно никакого смысла. Уже во второй половинѣ сороковыхъ годовъ, когда только что успѣли войти въ моду эти выраженія, группа такъ-называемыхъ западниковъ заключала въ себѣ такіе различные, почти противоположные элементы, какъ Грановскій и Герценъ. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ западникомъ былъ г. Катковъ, былъ и Добролюбовъ. Теперь оттѣнки, которые можно соединить подъ общимъ именемъ западничества, еще многочисленнѣе, разстояніе между ними—еще гораздо больше. Они видоизмѣняются, становятся болѣе или менѣе рѣзкими,

сближаются въ одномъ, расходятся въ другомъ—и среди этого броженія едва ли остается мѣсто для неподвижнаго пьедестала, на которомъ могъ бы быть прочно водворенъ идолъ „западной“ или „европейской“ цивилизаціи.

Но, можетъ быть, идоловъ нѣсколько, и каждый олицетворяетъ собою одну изъ сторонъ „Запада“, вокругъ каждаго группируется, въ слѣпомъ обожаніи, особая группа поклонниковъ? Это уже сильно измѣняетъ картину „закостенѣлыхъ въ наклонѣ шей“, потому что при множествѣ идоловъ необходимъ выборъ между ними, а выборъ предполагаетъ извѣстную долю критики и свободы. Разсмотримъ, однако, и эту смѣну декорацій, тѣмъ болѣе, что намъ указываютъ, вмѣстѣ съ главнымъ нашимъ богомъ—Западомъ, и нашего спеціальнаго божка: „буржуазный общеевропейскій либерализмъ“. Подъ большимъ сомнѣніемъ находится, прежде всего, самое существованіе этого божка. Свѣденія московской газеты немного запоздали: буржуазный общеевропейскій либерализмъ дѣйствительно процвѣталъ на западномъ Олимпѣ лѣтъ пятьдесятъ, сорокъ тому назадъ, дѣйствительно имѣлъ, въ то время и даже позже, почитателей и у насъ въ Россіи (назовемъ, для примѣра, хотя бы редакторовъ „Русскаго Вѣстника“—конечно „Русскаго Вѣстника“ *первой манеры*), но онъ давно уже пониженъ въ званіи или, лучше сказать, вынужденъ былъ раздѣлить свою власть между нѣсколькими божками, меньшаго калибра. Нѣтъ уже болѣе общеевропейскаго либерализма, въ томъ смыслѣ, въ какомъ можно было говорить о немъ въ эпоху общаго увлеченія французскимъ конституціонализмомъ или англійскимъ парламентаризмомъ; прусскіе націоналъ-либералы мало похожи на англійскихъ виговъ (если только виги еще существуютъ), французскій лѣвый центръ—далеко не то же, что лѣвый центръ австрійскаго сейма. То общее, что встрѣчается еще въ программахъ западно-европейскихъ либеральныхъ партій, гораздо менѣе важно, чѣмъ особенности каждой отдѣльной программы.

Если одинъ изъ эпитетовъ божка потерялъ свое значеніе, то не остается ли въ силѣ другой: *буржуазный?* Не обладаетъ ли обрывокъ знамени тою притягательною силой, которою прежде пользовалось цѣлое знамя? Безъ сомнѣнія—нѣтъ. Обрывокъ знамени въ свою очередь разорванъ на части. На одной сохранились однѣ буквы, на другихъ—другія, въ разныхъ сочетаніяхъ. Съ интересами буржуазіи, въ собственномъ смыслѣ слова, вездѣ или почти вездѣ переплелись другіе. Есть, пожалуй, послѣдніе могикане, цѣпляющіеся за каждую іоту старой доктрины—но ихъ немного, число ихъ постоянно уменьшается, то тѣ, то другіе изъ нихъ признаютъ необходимость

уступокъ. Меньше всего ихъ найдется именно у насъ, въ нашемъ современномъ мірѣ „знанія и науки"—можетъ быть потому, что у насъ теорія, исключительно благопріятная буржуазіи, меньше всего имѣла подъ ногами реальную почву. Какъ бы то ни было, пускай намъ укажутъ—въ нашемъ ли журналѣ, въ тѣхъ ли сферахъ, которыя признаются къ нему близкими—признаки тѣхъ тенденцій, которыми характеризуется „общеевропейскій буржуазный либерализмъ"; пускай намъ укажутъ статьи или рѣчи, направленныя въ защиту имущественнаго ценза, неограниченныхъ правъ капитала или поземельной собственности, безусловнаго невмѣшательства власти въ экономическіе вопросы, покровительства меньшинству въ сферѣ земледѣлія или фабричнаго производства, въ сферѣ финансовой, въ сферѣ мѣстнаго самоуправленія. Стоять за крестьянскій поземельный банкъ, за налогъ на наслѣдства, за дополнительное обложеніе крупной промышленности и торговли, за скорѣйшее введеніе прогрессивнаго подоходнаго налога, за радикальную реформу фабричнаго законодательства, въ смыслѣ возможно бо̀льшей охраны рабочихъ, за такое устройство мѣстнаго самоуправленія, которое не дѣлало бы его монополіей одного класса и не отдавало бы его въ распоряженіе „властной" помѣщичьей руки, за широкій правительственный контроль надъ акціонерными обществами, за право законодательной власти измѣнять банковые и желѣзно-дорожные уставы, установлять, въ видахъ общественной пользы, ограниченія частной собственности—это значитъ быть „легитимистомъ общеевропейскаго буржуазнаго либерализма"?—Повторяемъ еще разъ, мы говоримъ здѣсь не объ одномъ лишь „Вѣстникѣ Европы". Сто̀итъ только раскрыть сочиненія или лекціи любого изъ нашихъ молодыхъ профессоровъ, сто̀итъ только прислушаться къ преніямъ громаднаго большинства нашихъ земскихъ собраній, чтобы убѣдиться въ томъ, что всѣ намѣченные выше вопросы разрѣшаются и здѣсь не въ смыслѣ „буржуазнаго легитимизма".

Легитимистами называютъ тѣхъ, которые „ничему не научились и ничего не забыли". Научились ли чему-нибудь представители русскаго „либерализма"—объ этомъ можно судить по всему сказанному до сихъ поръ. Что они не забыли многаго, забытаго другими—это правда, и въ этомъ, быть можетъ, главная разгадка взводимыхъ на нихъ обвиненій. Они не забыли, что самыя существенныя черты „либеральной" программы—черты, о которыхъ „Западъ" больше не споритъ, потому что онѣ имъ всѣ осуществлены—виднѣются передъ нами развѣ „въ прекрасномъ далекѣ"; они не забыли, что̀ такое свобода печати, свобода вѣрованія и мысли, свобода личности — и не забыли значенія этихъ благъ для общественной и народной жизни.

Если это признаки легитимизма, то „либераловъ" можно, пожалуй, назвать легитимистами — только легитимистами „либерализма" вообще, а не „общеевропейскаго буржуазнаго либерализма". Заключается ли въ мысли о свободѣ, какъ объ орудіи мирной борьбы за общее благо, „живая сила, пригодная для бодраго служенія своему народу" — это вопросъ, не допускающій одного, общаго для всѣхъ рѣшенія. Мы не послѣдуемъ примѣру нашихъ противниковъ, не станемъ утверждать — или намекать — что одни обладаемъ „живой водою, цѣлительною для измученной русской души"; мы допускаемъ вполнѣ возможность честнаго и даже плодотворнаго служенія народу, вдохновляемаго основными началами славянофильства — лишь бы только проведеніе этихъ началъ шло дальше фразъ и не искажалось сдѣлками съ реакціей. Несовмѣстны съ такимъ служеніемъ только тѣ доктрины, которыя не знаютъ или не хотятъ знать или интересовъ, или идей и чувствъ народа, которыя или жертвуютъ всѣмъ въ пользу сословія, группы, кружка, или не видятъ деревьевъ изъ-за лѣса, личности—изъ-за массы. Свобода, понимаемая не какъ цѣль, а какъ средство, не какъ фактическая привилегія немногихъ, а какъ одно изъ условій, необходимыхъ для общаго благосостоянія, не потеряла значенія „живой воды" для всѣхъ тѣхъ, кто вѣритъ въ ея цѣлительную силу.

Къ вопросу о „либерализмѣ" „Русь" примѣшиваетъ еще болѣе старый вопросъ о „самобытности" русскаго народа, упорно игнорируя и здѣсь настоящее, такъ часто и, кажется, такъ ясно высказанное мнѣніе своихъ противниковъ. Все дѣло въ томъ, какъ понимать слово „*самобытность*". „Народъ" — восклицаетъ „Русь" въ другой статьѣ, перифразируя извѣстные стихи Тютчева („умомъ Россію не понять, аршиномъ общимъ не измѣрить; въ Россію можно только вѣрить")—„организмъ особаго рода, *надѣленный особымъ мистическимъ, ни для какого анализа неуловимымъ процессомъ умственныхъ и душевныхъ отправленій*, раскрывающимся лишь въ ходѣ самой жизни и въ историческихъ результатахъ". Съ такимъ опредѣленіемъ *самобытности* согласиться, разумѣется, нельзя—нельзя уже потому, что оно содержитъ въ себѣ явное внутреннее противорѣчіе; если народный духъ „раскрывается въ ходѣ жизни и въ историческихъ результатахъ", то онъ, слѣдовательно, „уловимъ для анализа", распространяющагося на всѣ явленія исторіи и современной жизни. На *мистическую* самобытность, „непонятную для ума и доступную только вѣрѣ", русская народность—*какъ и всякая другая* — дѣйствительно, въ нашихъ глазахъ, „не имѣетъ права"; но такая мнимая самобытность не имѣетъ ничего общаго съ настоящей самобытностью —

съ самобытностью, составляющею не догматъ, а просто результатъ своеобразныхъ условій, при которыхъ совершался вѣковой ростъ народа. Мистическая самобытность—это идолъ, допускающій только поклоненіе, это нѣчто данное разъ навсегда и не подлежащее измѣненію; реальная самобытность—это сложный, видоизмѣняющійся фактъ имѣющій свои сильныя и свои слабыя стороны. Сильною стороной русской самобытности является, напримѣръ, поземельная община. Было время, когда противъ нея шла походомъ одна часть русскаго „либеральнаго“ лагеря, руководившаяся ученіемъ „буржуазной“ политической экономіи и не хотѣвшая вѣрить, чтобы община могла уцѣлѣть у насъ, послѣ того какъ она исчезла въ западной Европѣ; но это время давно прошло, и достаточно было бы самой небольшой дозы литературной добросовѣстности, чтобы замѣтить, откуда идутъ— и въ печати, и въ земствѣ—*современныя* нападенія противъ общиннаго землевладѣнія. Но литературная добросовѣстность требуетъ нѣкотораго вниманія къ мнѣніямъ противника; гораздо легче и удобнѣе повторять зады, настаивать на старыхъ обвиненіяхъ, какъ бы они ни были неумѣстны при данныхъ внѣшнихъ условіяхъ. Неужели „Русь“ не видитъ, съ кѣмъ она становится солидарной, обвиняя „либераловъ“ въ „вытравливаніи изъ русской души всякаго вѣрованія, кромѣ единаго—въ европейскую цивилизацію“?...

Наша хроника была уже окончена, когда появилась вторая статья „Московскихъ Вѣдомостей“ на тэму о „возвращеніи правительства“. Мы не ошиблись, прочитавъ въ этихъ словахъ угрозу полнѣйшей реакціи во всѣхъ сферахъ, преобразованныхъ реформами прошедшаго царствованія. Особенной заботливости газета г. Каткова удостоиваетъ, какъ и слѣдовало ожидать, новые суды, земское и городское самоуправленіе и печать, не отступая, въ своемъ усердіи, даже передъ полнѣйшимъ извращеніемъ истины. Можно ли назвать иначе увѣреніе, что „судебная корпорація, такъ же какъ доселѣ университетскія коллегіи, *сама себя пополняетъ*“? Неужели „Московскимъ Вѣдомостямъ“ неизвѣстно, что судебнымъ мѣстамъ дано только право представлять кандидатовъ, и то далеко не на всѣ должности, а назначеніе судей зависитъ, de facto, отъ высшей судебной администраціи, столь же часто, по меньшей мѣрѣ, не принимающей, какъ и принимающей во вниманіе представленія суда? Какая это доктрина утверждаетъ, что „суды не должны стѣсняться законами въ рѣшеніи вопросовъ, касающихся собственности, чести, свободы, жизни людей“? Мы всегда думали, что допускаетъ нѣчто подобное только та теорія

или, лучше сказать, та практика—въ силу которой вопросы о собственности и свободѣ людей рѣшаются вовсе безъ участія суда. „Рѣшенія судебной корпораціи безапелляціонны, въ дѣйствіяхъ своихъ она безотвѣтственна, на ея произволъ кромѣ Бога жаловаться некому“. Въ основаніи всѣхъ этихъ чудовищныхъ положеній лежитъ, очевидно, нѣчто выдуманное—лежитъ выдуманная „судебная корпорація“, обнимающая собою, будто бы, всѣ суды, начиная съ мировыхъ учрежденій до кассаціоннаго сената. Ничего подобнаю, конечно, на самомъ дѣлѣ не существуетъ; соединительною нитью между сенаторами и судьями разныхъ степеней служитъ только общность занятій, и ни для кого понятіе объ „отвѣтственности“ не является болѣе жизненнымъ и реальнымъ, чѣмъ именно для лицъ судебнаго вѣдомства. Допустить жалобы или протесты на рѣшенія кассаціонныхъ департаментовъ, значило бы de facto, создать, подъ тѣмъ или другимъ именемъ, еще одну судебную инстанцію, перемѣстить на одинъ шагъ дальше предѣльную точку судебнаго производства; достаточнымъ доказательствомъ этому служитъ въ прошедшемъ—департаментъ гражданскихъ дѣлъ государственнаго совѣта, въ настоящемъ—только что учрежденное временное присутствіе при государственномъ совѣтѣ.

Самоуправленіе, въ глазахъ московскихъ мудрецовъ—это отдача одной части населенія въ управленіе другой. Не ясно ли, что здѣсь смѣшивается одинъ изъ возможныхъ результатовъ самоуправленія — самоуправленія, дурно устроеннаго, основаннаго на фальшивой избирательной системѣ — съ самой идеей, выражающейся въ словѣ: self-government? „Всякому законному интересу предоставить голосъ, сообразить его труды съ другими законными интересами и каждому дать возможное удовлетвореніе, это можетъ быть дѣломъ только государственной власти.... Предоставить каждому въ своемъ дѣлѣ свободу, это хорошо, это должно; совсѣмъ иное—предоставить частному интересу власть надъ другими“. Трудно представить себѣ большую путаницу понятій; здѣсь и знаменитое опредѣленіе свободы, какъ возможности для каждаго заниматься своимъ особымъ, личнымъ дѣломъ, и смѣшеніе борьбы партій съ борьбою „частныхъ интересовъ“, и игнорированіе того, что органами „государственной власти“ могутъ быть и выборныя учрежденія. Ограничимся однимъ, послѣднимъ замѣчаніемъ. Если каждому „законному интересу“ долженъ быть „предоставленъ голосъ“, безъ обращенія къ выборному началу, то способъ для подачи голоса остается только одинъ: свобода печати. Что же дѣлаютъ „Московскія Вѣдомости“ съ этою свободой? Онѣ признаютъ ее только за „честными мнѣніями“, не

установляя никакихъ признаковъ, по которымъ можно было бы отличить честное мнѣніе отъ нечестнаго. Или нѣтъ, мы ошиблись, одинъ признакъ ими косвенно указанъ: это *извѣстность говорящаго правительству* (извѣстность, вѣроятно, „съ хорошей стороны"). „Ежедневно,—читаемъ мы въ концѣ статьи, — раздаются по всей странѣ голоса неизвѣстныхъ правительству людей, которымъ, однако, же дается отъ правительства полномочіе заставлять (!?) весь читающій міръ (значитъ, всѣ читаютъ одно и то же?), въ одинъ и тотъ же моментъ, думать такъ или иначе о томъ или другомъ предметѣ". Итакъ, изгнаніе изъ печати „неизвѣстныхъ правительству людей"— вотъ новый лозунгъ, провозглашенный московскимъ фанатизмомъ. „Сдается мнѣ,—читаемъ мы въ вышедшей на дняхъ новой книгѣ нашего сатирика,—что не будь этой надежды (надежды на снисходительность начальства), не было бы, пожалуй, и русской литературы, а были бы однѣ Московскія Вѣдомости". Нѣчто подобное носится, очевидно, передъ умственнымъ взоромъ московской редакціи: пускай-молъ не будетъ русской литературы — „Московскія Вѣдомости" во всякомъ случаѣ останутся, а больше вѣдь ничего и не нужно!

ИЗВѢСТІЯ.

О преміи имени князя А. И. Васильчикова,

отъ Спб. Отдѣленія комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ.

С.-Петербургское Отдѣленіе комитета о сельскихъ, ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ собрало капиталъ въ память литературной и общественной дѣятельности покойнаго своего предсѣдателя князя Александра Илларіоновича Васильчикова, изъ котораго, на основаніи утвержденнаго министерствомъ государственныхъ имуществъ положенія, предполагается выдавать преміи на слѣдующихъ основаніяхъ:

По конкурсу, премія 1,500 руб., срокъ представленія 1 февраля 1886 г. сочиненіе на слѣдующую тэму:

Въ раіонѣ цѣлой губерніи, группы соприкасающихся уѣздовъ разныхъ губерній или даже одного уѣзда—изслѣдовать разнородныя повинности, сборы и налоги, падающіе на сельское населеніе, для нуждъ государственныхъ, земскихъ и сословныхъ, губернскихъ, уѣздныхъ, волостныхъ и мірскихъ.

Отъ участвующихъ въ конкурсѣ желательно получить труды, основанные на мѣстномъ изслѣдованіи предмета и значеніи его для многоразличныхъ нуждъ населенія. Желательно также, чтобъ данныя о повинностяхъ, сборахъ и налогахъ извлечены были изъ документовъ подлежащихъ учрежденій и сгруппированы по роду ихъ, по мѣстностямъ ихъ взиманія, по свойству нуждъ, для коихъ они служатъ, и по сословіямъ ихъ уплачивающихъ. Для полнаго освѣщенія данныхъ, представляемыхъ о повинностяхъ, сборахъ и налогахъ, желательно, чтобъ собраны были также данныя о числѣ плательщиковъ, объ ихъ распредѣленіи по мѣстностямъ, о количествѣ принадлежащей имъ земли, объ ихъ рабочей силѣ, объ ихъ заработкахъ и иныхъ платежныхъ средствахъ—въ каждомъ изъ административныхъ подраздѣленій изслѣдуемой мѣстности: сельскомъ обществѣ, волости, уѣздѣ, группѣ уѣздовъ или губерній.

Собранныя данныя должны сопровождаться обстоятельнымъ критическимъ разсмотрѣніемъ существа описываемыхъ сборовъ, повинностей и налоговъ, дѣйствующаго о нихъ законодательства, со всѣми къ нему дополнительными распоряженіями правительства, постановленіями земства и приговорами общественными. Такому же разсмотрѣнію должны быть подвергнуты какъ собранныя данныя, такъ и значеніе описанныхъ сборовъ, повинностей и налоговъ для благосостоянія населенія; ихъ соотвѣтствіе платежнымъ силамъ, раскладка, порядки взиманія и взысканія, порядки управленія и оказываемое вліяніе на бытъ населенія.

Наконецъ требуется, чтобъ указаны были всѣ тѣ мѣры, которыя были бы желательны въ интересахъ наиболѣе настоятельныхъ нуждъ населенія.

Рукописи въ вышеозначенному сроку должны быть доставлены въ С.-Петербургское Отдѣленіе Комитета о сельскихъ, ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ, С.-Петербургъ, Мойка, № 93, и быть обозначены особымъ девизомъ; имя же автора и мѣстожительство его должны быть означены въ особомъ запечатанномъ конвертѣ, вмѣстѣ съ рукописью доставляемомъ и имѣющемъ одинаковый съ рукописью девизъ.

Отдѣленію предоставляется употребить назначенные на выдачу въ премію по конкурсу 1,500 р. на одну премію полностью или раздѣлить эту сумму на нѣсколько премій по степени достоинства представленныхъ сочиненій.

Внѣ конкурса, премія 500 руб., срокъ представленія или изданія 1 февраля 1886 г., за напечатанныя на русскомъ языкѣ оригинальныя сочиненія, касающіяся хозяйственныхъ условій жизни сельскаго населенія вообще и особенно вопросовъ мелкаго хозяйства, причемъ сочиненія должны имѣть задачею не одни теоретическія изслѣдованія, но и заключать въ себѣ практическія указанія способовъ и средствъ къ удовлетворенію современныхъ нуждъ и потребностей населенія, въ связи съ предметомъ сочиненія.

Желающіе представить таковыя сочиненія на премію *внѣ конкурса* приглашаются присылать по одному экземпляру своего сочиненія по вышеприведенному адресу къ вышеозначенному сроку.

Для оцѣнки представленныхъ сочиненій на преміи по конкурсу и внѣ конкурса Отдѣленіемъ избирается коммиссія изъ пяти членовъ Отдѣленія, которой предоставляется приглашать извѣстныхъ спеціалистовъ, причемъ таковые пользуются одинаковымъ съ членами коммиссіи правомъ голоса.

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Государственные долги. Историко-статистическое изслѣдованіе. Н. Бржескаго. Спб. 1884. Стр. 283, съ таблицами.

О важности предмета, избраннаго авторомъ для своего изслѣдованія и до сихъ поръ не разработаннаго у насъ во всей его цѣлости, можно судить уже потому, что изъ 750 милліоновъ ежегоднаго бюджета Россія уходитъ на платежи по государственнымъ долгамъ болѣе чѣмъ 200 милліоновъ, соотвѣтствующихъ капитальной суммѣ почти въ $5^1/_2$ милліардовъ рублей. При сравненіи съ общею капитальною суммою всѣхъ государственныхъ долговъ Европы, эта цифра составляетъ около $^1/_5$, такъ какъ первая дошла къ концу 1883 г. до 107,304 мил. франк., или 26,826 милл. металлическихъ рублей. Самое изслѣдованіе подраздѣлено авторомъ на пять главъ, изъ которыхъ первыя двѣ посвящены обозрѣнію древнихъ займовъ московскаго государства, съ ихъ кризисами мѣдныхъ денегъ, и историческому очерку текущихъ государственныхъ долговъ Россіи. Послѣдующія двѣ главы заключаютъ въ себѣ такой же очеркъ консолидированныхъ долговъ и картину движенія ихъ съ 1860 по 1884 г. Особенно любопытна послѣдняя глава, названная „итогами"; она представляетъ въ краткихъ чертахъ всю исторію быстраго наростанія нашего государственнаго долга, начавшагося сто лѣтъ тому назадъ, при Екатеринѣ II, весьма скромною цифрою въ 8 милл. голл. гульденовъ или 4 милл. рублей, съ выпускомъ ассигнацій на 20 милл., и дошедшаго къ 1884 г. почти до $5^1/_2$ милліардовъ; изъ нихъ: консолидированный=2 милліардамъ, 370 милл.; текущій=1,393 милл.; желѣзно-дорожный=1,071 милл.; и по выкупной операціи около $^1/_2$ милліарда. Въ заключеніе своего изслѣдованія, подкрѣпленнаго массою таблицъ, авторъ приводитъ краткія соображенія, какъ относительно общаго характера нашего финансоваго положенія, такъ и тѣхъ мѣръ, которыя могли бы содѣйствовать, по его мнѣнію, къ его исправленію.

Очеркъ морскихъ сношеній и войнъ европейцевъ съ Китаемъ по 1860 г. Соч. Д. Мертваго. Съ 14 планами и картами. Спб. 1884. Стр, 655. Ц. 4 р.

Авторъ, какъ видно изъ приводимыхъ имъ источниковъ, имѣлъ подъ рукою лучшія изъ иностранныхъ сочиненій по этому предмету, и преслѣдовалъ, главнымъ образомъ, одну цѣль, а именно—пополнить пробѣлъ въ нашей литературѣ и дать нашимъ морскимъ офицерамъ болѣе легкое средство ознакомиться съ общимъ характеромъ морскихъ сношеній китайцевъ съ западными народами, въ виду того факта, что въ послѣдніе 30 лѣтъ мы уже не остаемся при однихъ сухопутныхъ сношеніяхъ съ Срединною имперіею; нашъ флотъ имѣетъ теперь на крайнемъ востокѣ постоянную эскадру изъ нѣсколькихъ крейсеровъ и около десятка коммерческихъ пароходовъ. Ограничиваясь изложеніемъ однихъ военныхъ операцій у береговъ Китая, со стороны европейскихъ народовъ, авторъ въ своемъ предисловіи пришелъ къ нѣсколько одностороннему выводу, а именно, что успѣхи европейцевъ въ Китаѣ объясняются будто „мудростью центральной власти" въ европейскихъ государствахъ, „не скупившейся" въ доставленіи средствъ флоту, дѣйствовавшему у береговъ Китая. Если бы авторъ присоединилъ къ своему труду о военныхъ сношеніяхъ Европы съ Китаемъ обзоръ несравненно болѣе важныхъ коммерческихъ ихъ сношеній, то увидѣлъ бы, что западныя правительства только поддерживали общественныя силы, расчищающія путь для военныхъ дѣйствій, и частная иниціатива общественныхъ силъ, въ колоніальной политикѣ, всегда шла впереди правительственныхъ силъ: послѣднія всегда и вездѣ являлись на готовое мѣсто. Русская торговля и предпріимчивость не представляютъ такого подспорья, а потому то, что составляетъ, по словамъ автора, „мудрость центральной власти" въ З. Европѣ, не было бы тѣмъ же самымъ въ нашей колоніальной политикѣ. Въ концѣ обширнаго труда прилагается небольшой сборникъ важнѣйшихъ русско-китайскихъ договоровъ, начиная съ XVII вѣка до послѣдняго договора въ 1881 г., и нѣсколько общихъ и спеціальныхъ картъ китайскихъ береговъ.

Нидоконченныя бесѣды (Между дѣломъ). Соч. М. Е. Салтыкова. (Щедринъ). Спб. 1885. Стр. 206. Ц. 1 р. 25 к.

Въ настоящее изданіе вошло десять этюдовъ, изъ которыхъ послѣдній является въ печати въ первый разъ; первые девять хотя и принадлежатъ къ различнымъ эпохамъ и годамъ, но, можно сказать, не утратили своей свѣжести, какъ благодаря извѣстному таланту автора, такъ и тому, что общественная жизнь наша не подвигается съ такою быстротою, и „злобы дня" остаются все тѣ же; во многомъ же наши нравы пожалуй пошли до того вспять, что сатирическіе этюды Щедрина, писанные 3—4 года тому назадъ, появляясь теперь въ особомъ изданіи, пріобрѣтаютъ даже вящшую силу. При случаѣ, мы возвратимся къ этому новому изданію, съ цѣлью дополнить уже помѣщенный у насъ общій обзоръ всей литературной дѣятельности М. Е. Салтыкова.

Курсъ уголовнаго судопроизводства. И. Я. Фойницкаго. Т. I. Спб. 1884. Стр. 624. Ц. 4 руб.

Къ довольно уже богатой юридической литературѣ, но посвященной или отдѣльнымъ частямъ уголовнаго судопроизводства, или комментированію законодательства 20 ноября, авторъ настоящаго труда имѣлъ въ виду присоединить полное научное изложеніе уголовно-судебнаго права, чего именно недоставало до сихъ поръ. Вышедшій нынѣ томъ содержитъ въ себѣ пока введеніе въ курсъ, гдѣ разъясняются понятія и основныя начала уголовнаго судопроизводства, съ указаніемъ историческихъ въ немъ различій и источниковъ, и первую часть о судебныхъ установленіяхъ или судоустройствѣ; съ наибольшею подробностью разсмотрѣнъ здѣсь судъ присяжныхъ, возбуждающій въ настоящее время столько преній. По мнѣнію автора, опасность суда присяжныхъ заключается не столько въ высокомъ процентѣ оправдательныхъ приговоровъ, сколько въ легкой возможности неосновательныхъ обвиненій.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ

НА 1885 Г.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ.

	Годъ:	Полгода:	Четверть:		Годъ:	Полгода:	Четв…
Безъ доставки . .	15 р. 50 к.	8 р.	4 р.	Съ пересылкою . .	17 » — »	10 »	[illegible]
Съ доставкою . . .	16 » — »	9 »	5 »	За-границей	19 » — »	11 »	[illegible]

Нумеръ журнала отдѣльно, съ доставкою и пересылкою, въ Россіи — 2 р. 50 к., за-границей — 3 руб.

Книжные магазины пользуются при подпискѣ обычною уступкою.

ПОДПИСКА принимается — въ Петербургѣ: въ Главной Конторѣ журна… «Вѣстникъ Европы» въ С.-Петербургѣ, на Вас. Остр., 2-я лин., 7, и … ея Отдѣленіи, при книжномъ магазинѣ Э. Меллье, на Невскомъ пр… пектѣ; — въ Москвѣ: при книжныхъ магазинахъ Н. И. Мамонтова, на Кузн… комъ Мосту; Н. П. Карбасникова, на Моховой, д. Коха, и въ Конторѣ Н. Пе… ковской, Петровскія линіи. — Иногородные обращаются по почтѣ въ редак… журнала: Спб., Галерная, 20, а лично — въ Главную Контору. Тамъ же пр… нимаются частныя извѣщенія и ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ журна…

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція отвѣчаетъ вполнѣ за точную и своевременную доставку городскимъ подписчи… Главной Конторы и ея Отдѣленій, и тѣмъ изъ иногороднихъ и иностранныхъ, которые … подписную сумму *по почтѣ* въ Редакцію «Вѣстника Европы», въ Спб., Галерная, 20, съ сооб… щеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ … *допущена* выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адреса просятъ извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежн… мѣстожительства; при перемѣнѣ адреса изъ городскихъ въ иногородные доплачивается 1 р. … изъ иногороднихъ въ городскіе — 50 коп.; и изъ городскихъ или иногороднихъ въ иностран… недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію, если подписка была сдѣлана въ … указанныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже, какъ … лученія слѣдующаго нумера журнала.

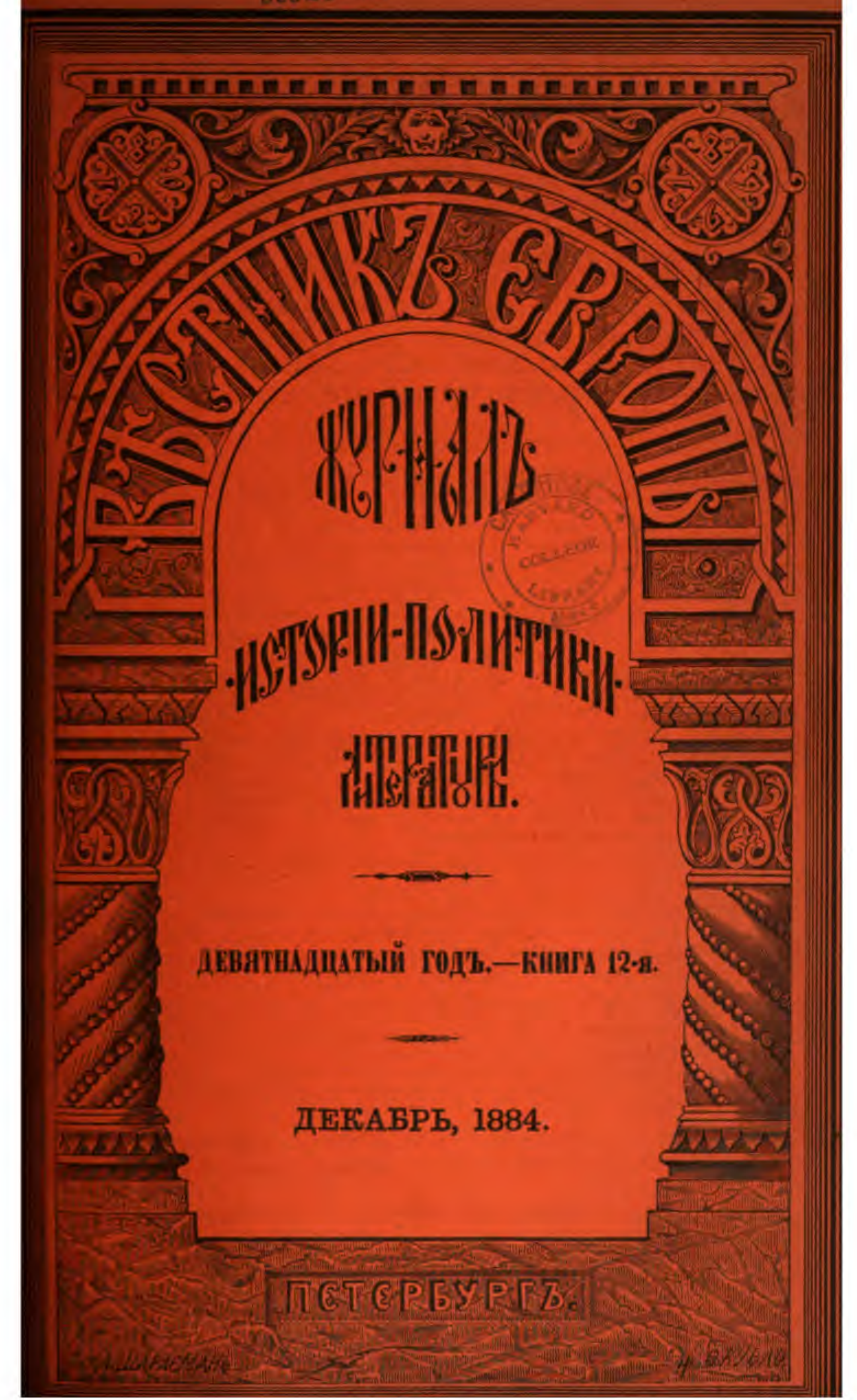
Билеты на полученіе журнала высылаются особо тѣмъ изъ иногороднихъ, … приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. СТАСЮЛЕВИЧЪ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ":
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 2 л., 7.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Академ. пер., 7.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ
ЖУРНАЛЪ
ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ-
ЛИТЕРАТУРЫ.
ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 12-я.
ДЕКАБРЬ, 1884.
ПЕТЕРБУРГЪ.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВА.

КНИГА 12-я.—ДЕКАБРЬ, 1884.

ОБЪЯВЛЕНІЯ см. ниже: XXIV стр.

Объявленіе объ изданіи журнала „Вѣстникъ Европы" въ 1885 г., см. ниже, на обертк

ЗАДАЧИ ЭТИКИ

при

СОВРЕМЕННЫХЪ УСЛОВІЯХЪ ЗНАНІЯ.

Окончаніе.

VI [1]).

Представленный общій и бѣглый очеркъ главнѣйшихъ этическихъ идеаловъ далеко не исчерпываетъ предмета. Но мы и не задавались задачею его исчерпать. Единственною нашею цѣлью было показать, что этическая точка зрѣнія вовсе не противорѣчитъ научной, что этическіе идеалы совсѣмъ не общія мѣста, а такъ же важныи дѣйствительны, въ практической жизни, какъ и объективные, и что нравственное развитіе и дѣятельность составляютъ такую же настоятельную практическую потребность людей, какъ и всѣ другія стороны развитія и роды дѣятельности.

Но не одни научные предразсудки мѣшаютъ людямъ проникнуться этическими идеалами и руководиться ими въ своей дѣятельности. Нравственнымъ идеаламъ стоятъ поперегъ дороги, въ ежедневномъ быту, предразсудки другого рода. Разсмотримъ нѣкоторые изъ нихъ.

М[illegible]ихъ смущаетъ и лишаетъ бодрости слѣдовать этическимъ идеал[illegible] мысль, что они, по ихъ совершенству, недостижимы для л[illegible]ей. Развѣ, думаютъ многіе, не несбыточная мечта осуществ[illegible] такіе идеалы на дѣлѣ, или хотя бы только сколько ни-

---

[1]) [illegible]ніе: ноябрь, 5 стр.

будь къ нимъ приблизиться? У самыхъ рьяныхъ и добросовѣстныхъ людей при этой мысли руки опускаются.

Сколько отъ такихъ малодушныхъ разсужденій пропадаетъ у насъ даромъ живыхъ силъ! А откуда отчаяніе? Только вслѣдствіе привычки останавливаться на пассивномъ созерцаніи, неумѣнья переходить отъ мысли къ дѣлу, непониманія дѣйствительныхъ отношеній между идеаломъ и дѣломъ. У нашего простого народа ясный и правильный взглядъ на эти отношенія выразился очень мѣтко въ пословицѣ: глазамъ страшно, а рукамъ не страшно; т.-е. съ виду неосуществимое осуществляется, когда примешься за дѣло. Точно такое же идеальное совершенство и недосягаемую высоту представляютъ и объективные идеалы. Развѣ осуществимы въ дѣйствительности въ чистомъ видѣ математическая точка, линія, трехугольникъ, кругъ, алгебраическая, механическая, химическая формула, физическій или біологическій законъ? Правило кодекса развѣ можетъ осуществиться въ дѣйствительной жизни въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ оно намъ представляется въ книгѣ? Никакая мысль, формула, истина, плодъ умственной дѣятельности и операцій мышленія, неосуществимы въ дѣйствительности въ ихъ отвлеченной формѣ. Отвлеченія отъ дѣйствительныхъ явленій указываютъ только условія и направленіе человѣческой дѣятельности въ ея стремленіи къ той или другой цѣли. Если высота и идеальность механическихъ формулъ не ослабляетъ энергіи и ревности инженера, то мы не видимъ причины, почему бы возвышенность этическихъ идеаловъ, если они правильны, могла бы отпугивать отъ нихъ и охлаждать къ нимъ людей? Какой добросовѣстный составитель географической карты или топографическаго чертежа рѣшится увѣрять, что передалъ съ идеальною точностію данную мѣстность на бумагѣ или doскѣ? Тоже и съ осуществленіемъ этическихъ идеаловъ: къ нимъ можно только приближаться, идеальное ихъ осуществленіе немыслимо; но изъ этого никакъ не слѣдуетъ, что они безполезны, или что нельзя или не для чего стараться осуществлять ихъ, по возможности, на дѣлѣ. Въ нравственномъ смыслѣ для каждаго обязательно не достиженіе этическаго совершенства, чтó не зависитъ отъ людей, а дѣйствительное, постоянное, добросовѣстное стремленіе его достигнуть. Субъективная сторона, въ этомъ отношеніи, стоитъ въ этическихъ задачахъ на первомъ планѣ.

Люди съ чрезмѣрно развитою чувствительностію или болѣзненнымъ воображеніемъ считаютъ себя безнравственными, недостойными и падаютъ духомъ при мысли, что дурные помыслы,

побужденія и низкія страсти зарождаются и гнѣздятся въ ихъ душѣ. Въ этическомъ смыслѣ такой взглядъ весьма опасенъ и происходитъ тоже вслѣдствіе преобладанія пассивной созерцательности надъ дѣятельнымъ душевнымъ настроеніемъ. Появленіе и присутствіе порочныхъ наклонностей и стремленій, когда мы сами ихъ не вызываемъ, не лелѣемъ и не поощряемъ, принадлежатъ къ области объективныхъ фактовъ, въ которыхъ мы не властны. По этому они намъ и не вмѣняются; на нашу отвѣтственность падаетъ, въ нравственномъ смыслѣ, только наше внутренне отношеніе къ такимъ фактамъ. Мы не должны ограничиваться однимъ знаніемъ, что они, въ нравственномъ смыслѣ, дурны, довольствоваться однимъ теоретическимъ ихъ неодобреніемъ, но обязаны дѣятельно съ ними бороться, направить всѣ наши умственныя и нравственныя силы на ихъ подавленіе и искорененіе, или по крайней мѣрѣ всячески стараться ихъ ослабить. Въ этомъ есть большая аналогія между дѣятельностью внѣшней и внутренней. Садовникъ не виноватъ въ томъ, что сорныя травы растутъ на грядкахъ, клумбахъ и въ парникахъ, что сухія сучья появляются на плодовыхъ деревьяхъ, мхи и грибки мѣшаютъ имъ развиваться; но онъ виноватъ, если не приметъ противъ нихъ во-время никакихъ мѣръ. Психологія и этика, какъ и объективныя науки, выясняютъ условія и законы дѣйствительныхъ явленій и тѣмъ даютъ средство придумать мѣры, какъ ихъ измѣнять полезнымъ или желательнымъ для человѣка образомъ. Только добросовѣстная дѣятельность, по мѣрѣ силъ и пониманія, и есть нашъ нравственный долгъ, лежитъ на нашей нравственной отвѣтственности.

Есть не мало людей, разсуждающихъ такъ: вѣдь весь міръ добродѣтельнымъ не сдѣлаешь, такъ какая же польза отъ нравственности? Негодяи и подлецы никогда не переведутся, какъ ни проповѣдуй нравственность. Изъ чего же хлопотать? Добрые люди, думающіе такъ, забываютъ, что преступленія и болѣзни тоже никогда не переводятся, однако изъ-за этого право и медицина не выбрасываются за бортъ. Этика, конечно, не есть ни панацея, ни безусловное средство противъ золъ, удручающихъ родъ людской; но она дѣйствительное и благотворное средство противъ извѣстнаго рода ненормальностей, мѣшающихъ людямъ достигать возможнаго развитія и удовлетворенія.

Но праздныхъ мечтателей, запутавшихся въ отвлеченностяхъ и грёзахъ, немного на свѣтѣ. Племя ихъ, въ наше время, почти перевелось и о Маниловыхъ что-то уже не слышно. Чувство дѣйствительности все болѣе и болѣе развивается, но на пер-

вый разъ въ самой простѣйшей формѣ грубой, сырой непосредственности. Герои Островскаго, съ ихъ девизомъ: «нраву моему не препятствуй», распложаются съ поразительной быстротой и овладѣли позиціей. Эти не теряются въ абстракціяхъ, отлично умѣютъ ставить и достигать цѣли, и не жалуются на то, что жизнь—юдоль скорбей и печалей. Всѣ ихъ силы и вся ихъ дѣятельность направлены на окружающій міръ; они превосходно умѣютъ и его себѣ покорить, и сами къ нему приладиться. Но эти люди, соединяющіе въ себѣ столько условій, чтобы правильно смотрѣть на жизнь и правильно къ ней относиться, суть злѣйшіе враги этики. Этическіе идеалы представляются имъ сумазбродствомъ непрактическихъ мечтателей, помѣхою въ достиженіи практически полезныхъ цѣлей, какимъ-то совсѣмъ ненужнымъ стѣсненіемъ свободы дѣйствій, только парализующимъ личную дѣятельность, широкій размахъ личнаго почина. Привычка видѣть практическое только въ томъ, что передъ глазами, и считать за утопіи и иллюзіи отдаленныя причины явленій, къ которымъ приводитъ лишь длинный рядъ сложныхъ соображеній и выводовъ, мѣшаютъ этимъ людямъ оцѣнить и взвѣсить какъ должно громадную роль и значеніе этическихъ элементовъ въ человѣческихъ дѣлахъ. Дѣйствительность — такъ разсуждаетъ большинство практиковъ, — представляетъ людямъ столько средствъ улучшить свое положеніе, развить свои силы и таланты; эти средства у нихъ подъ руками: стоитъ только за нихъ приняться; а тутъ имъ противупоставляютъ какія-то туманныя, весьма сомнительнаго достоинства правила нравственности, пренебрегающія, во имя Богъ знаетъ чего, дѣйствительными благами. И добро бы можно было переродить весь человѣческій родъ и изъ людей подѣлать ангеловъ. Нравственность и ея законы,—все это пустыя слова, столько же древнія какъ міръ и давно перешедшія въ прописи, на поученіе ребятишкамъ! Что за бѣда въ томъ, что строитель желѣзной дороги прикарманилъ милліонъ казенныхъ и акціонерныхъ денегъ: по выстроенной имъ дорогѣ ѣздятъ удобно десятки тысячъ пассажировъ, перевозятся сотни милліоновъ пудовъ клади. Торговля и промышленность чрезъ это разцвѣли, край разбогатѣлъ, сотни тысячъ людей нашли себѣ заработокъ и средство зашибить копѣйку! О томъ, что у строителя дороги пальцы были немножко длиннѣе, чѣмъ бы слѣдовало, скоро забудется, а сдѣланное имъ полезное дѣло навсегда останется.

Таковъ ходячій взглядъ практическихъ людей. Огромное большинство склоняется передъ ихъ житейскою мудростью. Это назы-

вается принимать жизнь какова она есть, не увлекаться мечтами и иллюзіями. По немногу всѣ привыкаютъ смотрѣть на нравственность какъ на утопію идеалистовъ, дѣтски относящихся къ суровой, черствой и неумолимой правдѣ жизни.

Но полно, правы ли житейскіе мудрецы и практики этого разбора? Такъ ли этика непрактична, виситъ на воздухѣ, какъ объ ней многіе думаютъ? Станемъ на минуту на ихъ точку зрѣнія и прослѣдимъ ихъ аргументацію отъ начала до конца.

Представимъ себѣ такой случай: практическій человѣкъ тяжко боленъ и терпитъ отъ того большую помѣху въ своихъ занятіяхъ, разстройство и убытки въ дѣлахъ. Практически говоря— болѣзнь обстоятельство крайне непрактическое. Однако дѣлать-то съ нимъ нечего и приходится, волей-неволей, ему покориться.

А вотъ другой случай: практическій человѣкъ, повидимому, совсѣмъ здоровъ; а врачъ, которому онъ довѣряетъ, предупреждаетъ его, что если онъ не измѣнитъ обычнаго образа жизни и занятій, не броситъ свое дѣло на время или навсегда, то роковыя послѣдствія для его здоровья или жизни неминуемы. Что дѣлать, какъ поступить? Практическій человѣкъ сообразитъ все, и если найдетъ возможнымъ и полезнымъ послѣдовать совѣту врача, то оторвется отъ дѣла, покинетъ мѣсто жительства, перемѣнитъ свои привычки, словомъ, подвергнется ограниченіямъ и стѣсненіямъ всякаго рода. Значитъ, и при практическомъ взглядѣ приходится, даже въ ежедневныхъ дѣлахъ, приносить непосредственное, ближайшее въ жертву ожидаемому лучшему будущему, т.-е. идеѣ, отвлеченному понятію.

Возьмемъ другую сторону жизни. Практическій человѣкъ смотритъ равнодушно, или иронически, когда одинъ обижаетъ или проводитъ другого: вѣдь до него это не касается, какое же ему дѣло? Если человѣкъ проведенъ умно и ловко, практическій мудрецъ вполнѣ оцѣнитъ смѣтливость и догадку обидчика или плута. Зайди рѣчь о его интересахъ, онъ и самъ, глубоко презирая идеалистовъ, не остановится передъ нравственными соображеніями, когда это можно сдѣлать безнаказанно. Но вотъ, его самого обидѣли или надули, и онъ негодуетъ, тащитъ обидчика или обманщика въ судъ и горько жалуется, если не получитъ удовлетворенія. Значитъ и практическій человѣкъ тоже понимаетъ, что надо ограничить волю, нельзя никому предоставить дѣлать все, что ему вздумается; но онъ понимаетъ это, когда дѣло идетъ о его собственной кожѣ. Взглядъ его, какъ и у животныхъ, непосредственный, съ тою только разницею, что животныя и не взывают къ совѣсти, справедливости и суду, а

онъ ихъ понимаетъ и чувствуетъ потребность въ ихъ посредничествѣ, но только въ примѣненіи къ самому себѣ и своимъ интересамъ, насколько онъ или они страдаютъ, и не въ состояніи подняться до мысли, что если идеальные принципы справедливости и совѣсти необходимы для огражденія его личности и интересовъ, то они точно также необходимы и для обезпеченія интересовъ другихъ, хотя бы и противъ несправедливыхъ притязаній его самого. Что же это показываетъ? А то, что такъ называемые практическіе люди, смотрящіе на нравственность свысока, на самомъ дѣлѣ очень близоруки, что ихъ ума хватаетъ только на ближайшіе общіе выводы, что они неспособны понять то, чѣмъ сами на каждомъ шагу пользуются въ своихъ интересахъ. Этика рекомендуетъ всѣмъ и каждому быть, по своимъ душевнымъ стремленіямъ, помысламъ, чувствамъ, тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть по своимъ наружнымъ дѣйствіямъ и поступкамъ. Этическіе идеалы и правила насъ стѣсняютъ и ограничиваютъ не болѣе, чѣмъ законы природы, правовыя отношенія и тысячи соображеній практическаго и житейскаго характера, которыя ежеминутно налагаютъ на насъ всякаго рода лишенія. Если мы ихъ выносимъ не только скрѣпя сердце, недобровольно, но очень часто и добровольно и сознательно, понимая ихъ необходимость и пользу, а требованія этики кажутся намъ безполезно стѣснительными, то это доказываетъ только неумѣнье думать. Не мудрѣе того были дѣятели первой французской революціи, не согласившіеся отсрочить казнь Лавуазье до окончанія начатаго имъ химическаго анализа по ребячески-нелѣпому соображенію, что республика не нуждается въ химикахъ; слѣпымъ и практически близорукимъ оказался и геніальный ненавистникъ идеологовъ, Наполеонъ первый, неумѣвшій оцѣнить практическую пользу изобрѣтенія Фультона. Самыя высокія и отвлеченныя идеи, если онѣ вѣрны, такъ же практически полезны, какъ и то, что у насъ непосредственно подъ руками; только мы рѣдко даемъ себѣ трудъ прослѣдить длинный рядъ колецъ и звеньевъ, которыми онѣ неразрывно связаны съ дѣйствительнымъ міромъ. Этимъ прежде и больше всего грѣшатъ практическіе мудрецы, смотрящіе свысока на этическіе идеалы. Ихъ близорукость больше странна и смѣшна, чѣмъ опасна для несомнѣнности и дѣйствительной практичности нравственныхъ идеаловъ.

До сихъ поръ мы говорили объ этическихъ идеалахъ какъ о предметахъ знанія. Но не будемъ себя обманывать. Наука есть плодъ мышленія, которое только опредѣляетъ условія явле-

ній. Зная и правильно понимая этическіе идеалы, мы будемъ знать и понимать какъ дѣйствовать, куда слѣдуетъ направить жизнь, чтобъ достигнуть желаемыхъ цѣлей и результатовъ; самое же дѣйствіе, направленіе жизни въ ту или другую сторону, не есть дѣло науки, лежитъ внѣ ея круга. Наука можетъ и должна довести людей до порога дѣйствительной жизни, дать руководство, какъ въ ней поступать; но на этомъ она останавливается и не идетъ далѣе, предоставляя каждому жить и дѣйствовать по своему желанію и крайнему разумѣнію. Жизнь, дѣятельность есть искусство, которое пріобрѣтается опытомъ, упражненіемъ, навыкомъ. Это давнымъ давно всѣмъ извѣстная истина, но—странное дѣло — совсѣмъ забытая въ примѣненіи къ нравственности. Относительно любой отрасли практической, художественной или научной дѣятельности всѣ убѣждены, что знаніе даетъ только руководство, указаніе, но что его одного мало: что надо упражненіемъ пріобрѣсти опытъ, навыкъ, умѣнье, ловкость, сноровку примѣнять знаніе къ дѣлу. Это же начало вполнѣ прилагается и къ этикѣ. Задача ея какъ науки—выяснить значеніе и необходимость нравственности, опредѣлить ея условія и законы; но водворить нравственность въ жизни, ввести ее въ житейскій обиходъ, выработать ее въ дѣйствительныхъ, живыхъ людяхъ, есть дѣло прикладной этики, практическая задача этики какъ искусства. Убѣдившись въ необходимости нравственныхъ элементовъ жизни, узнавъ въ чемъ они состоятъ, какими условіями и законами они опредѣляются, мы должны озаботиться о томъ, чтобъ перейти отъ разсужденій къ дѣлу, отъ отвлеченныхъ понятій къ ихъ осуществленію.

Какъ и всякое искусство и умѣнье, практика этическихъ началъ распадается на подготовку, посредствомъ воспринятія впечатлѣній извнѣ, и на самодѣятельность, на отношеніе къ дѣлу пассивное и активное, на воспитаніе и творчество. Пассивное воспринятіе нравственныхъ началъ не состоитъ, какъ многіе думаютъ, только въ обученіи нравственнымъ правиламъ которое даетъ одно знаніе, далеко еще недостаточное для подготовленія къ нравственной самодѣятельности. Нужно чтобъ весь человѣкъ, вся его психическая природа, строй помысловъ и чувствъ, были направлены въ сторону нравственныхъ идеаловъ и породили въ немъ охоту, желаніе и рѣшимость быть нравственнымъ, вести пр[illegible]чь. Для достиженія этой цѣли человѣкъ имѣетъ [illegible]женіи богатыя, неистощимыя средства и уже [illegible]льзовался въ примѣненіи къ умственному, [illegible] техническому образованію; остается примѣнить

ихъ и къ нравственному развитію. Такими средствами являются: руководство и живой примѣръ окружающихъ людей, чтеніе, произведенія искусства, настраивающія душу на нравственный ладъ, вообще вся обстановка, способствующая развитію нравственныхъ душевныхъ движеній и привычекъ и парализующая ростъ противуположныхъ имъ наклонностей и расположеній; наконецъ, упражненія, приготовляющія къ нравственной самодѣятельности. Эти способы воспитанія давно уже съ успѣхомъ практикуются во всѣхъ другихъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности, и только непримѣнены къ нравственному развитію. Не имѣя о нравственности правильныхъ понятій, смѣшивая умственное, художественное и практическое развитіе съ нравственнымъ, выработку объективной стороны съ выработкой душевныхъ движеній, мы не умѣемъ поставить нравственнаго воспитанія какъ слѣдуетъ, смѣшиваемъ внѣшнюю дисциплину съ внутренней, принимаемъ внѣшнюю выправку и дрессуру, наружную благопристойность и приличіе за мѣрило нравственныхъ качествъ, терпимъ около дѣтей индиферентовъ, черствыхъ, бездушныхъ, нравственно неразвитыхъ и даже порочныхъ людей, если только они соединяютъ въ себѣ требуемыя условія знанія и школьной педагогіи, и воображаемъ, что успѣхи въ наукахъ и хорошое внѣшнее поведеніе обезпечиваютъ нравственность будущихъ гражданъ. Какъ часто уже теперь приходится серьезно задумываться надъ практическими результатами такой путаницы понятій, ведущей къ нравственному упадку цѣлыхъ поколѣній и у насъ и въ Европѣ!

За воспитаніемъ наступаетъ періодъ самодѣятельности. Спросите любого практическаго человѣка, въ какой бы отрасли онъ ни работалъ,—всякій скажетъ, что безпрестанныя упражненія въ дѣлѣ составляютъ необходимое условіе поддержанія таланта, умѣнья, постепеннаго совершенствованія и успѣха. Безъ нихъ и знанія теряютъ свою свѣжесть и живость и обращаются въ туманныя отвлеченности, или пустыя слова и фразы. Но если это правда въ примѣненіи ко всѣмъ безъ изъятія видамъ объективной дѣятельности, то въ примѣненіи къ нравственности и подавно. Безъ непрерывной практики, ежеминутной повѣрки и направленія своихъ душевныхъ движеній соотвѣтственно этическимъ идеаламъ, нравственность есть слово безъ смысла, голая отвлеченность, понятіе безъ соотвѣствующаго ему факта. Только практика нравственности переводитъ слово въ дѣло, постепенно создаетъ нравственный складъ помысловъ и желаній, намѣреній и цѣлей, привычку нравственно думать, чувствовать и жить. Такая привычка обращается со временемъ во вторую натуру, которая облег-

чаетъ борьбу съ дурными наклонностями и создаетъ то, чтó есть верхъ нравственнаго развитія — нравственный характеръ.

VII.

Сбивчивыя и ошибочныя понятія о нравственности и нравственныхъ идеалахъ, характеризующія наше время, отразились и во взглядахъ на отношенія этики къ близкимъ и смежнымъ къ ней областямъ религіи, права и изящнаго искусства. Каждая изъ этихъ областей одними считается вполнѣ замѣняющей и упраздняющей нравственность, а другими, наоборотъ, излишней и ненужной рядомъ съ нею. Тѣ, которые допускаютъ ихъ сосуществованіе съ нравственностью, не могутъ столковаться между собою въ томъ, гдѣ лежатъ раздѣляющія ихъ границы. Такое разнообразіе сужденій показываетъ, до какой степени спутались и перемѣшались мысли о важнѣйшихъ предметахъ вѣденія. Чтобъ точнѣе опредѣлить для читателей нашу точку зрѣнія на нравственность, мы считаемъ необходимымъ изложить наши мысли объ отношеніяхъ этики къ религіи, праву, изящному искусству и художественному творчеству, касаясь ихъ лишь настолько, насколько необходимо для нашей цѣли.

Начнемъ съ отношеній религіи и нравственности. Цѣль ихъ одна и та же — нравственное развитіе и совершенствованіе каждаго человѣка; но къ этой общей задачѣ вѣроученіе и этика идутъ совершенно различными путями.

Вѣроученіе ставитъ предпосылкою, что разумъ человѣческій ограниченъ и неспособенъ обнять всей истины; что она доступна ему лишь настолько, насколько открыта свыше; открывается же она ему не вся, а въ той мѣрѣ, какъ это необходимо для благочестивой и нравственной жизни на землѣ. Поэтому, единственный источникъ вѣроученія есть откровеніе и священное преданіе, переходящее изъ рода въ родъ, отъ которыхъ нельзя и не должно отступать ни на іоту. Съ точки зрѣнія религіи, ученіе о нравственности есть систематическое изложеніе того, чему учитъ откровеніе, священныя преданія и ихъ святые истолкователи о нравственной жизни и нравственномъ совершенствованіи человѣка.

Иными путями идетъ научная этика, составляющая особую отрасль знанія. Она, какъ и вся наука вообще, основана на предпосылкѣ, что самостоятельному изслѣдованію человѣка доступны всѣ, самыя сокровенныя тайны міра и бытія и что слѣдовательно ученіе о нравственности, какъ предметъ знанія, мо-

жетъ быть построено собственными, свободными усиліями человѣка.

Мы старались показать, что относительно нравственности высшая изъ всѣхъ религій, христіанская, и послѣдовательно проведенное до конца научное міровоззрѣніе, въ главномъ и существенномъ, приводятъ, разными путями, къ однимъ и тѣмъ же результатамъ. Поэтому мы глубоко убѣждены, что людямъ вѣрующимъ и людямъ науки и знанія, горячо принимающимъ къ сердцу нравственное развитіе и совершенствованіе людей не на однихъ словахъ, а на самомъ дѣлѣ, нѣтъ причины и повода враждовать между собою въ области этики. Коренное и существенное ихъ разногласіе лежитъ внѣ этой области; слѣдовательно, въ ней они могутъ, оставаясь себѣ вѣрными, подать другъ другу руку и вмѣстѣ, сообща, стремиться къ одной и той же желанной цѣли. Необходимость ограничить разномысліе его естественными предѣлами и тѣмъ, если можно такъ выразиться, локализировать борьбу между религіей и наукой, вызывается не только самымъ существомъ дѣла, но и практическими соображеніями величайшей важности. Конечная цѣль этическихъ ученій, основанныхъ на религіи или на научныхъ изслѣдованіяхъ, заключается въ томъ, чтобъ убѣдить людей ступить на путь нравственнаго развитія и совершенствованія и идти по немъ твердо. Но люди чрезвычайно различны между собою, и дѣйствовать на всѣхъ одними и тѣми же доводами невозможно: для однихъ доступны и убѣдительны доводы вѣроученія, для другихъ аргументы науки и знанія. Отбрасывать тотъ или другой путь значило бы отвращать отъ истины и правды массы людей только потому, что они способны принять ее лишь въ томъ, а не въ другомъ видѣ. Одни предпочитаютъ всему строгіе выводы ума и логики; другіе не придаютъ имъ особенной цѣны и важности, слѣдуя голосу непосредственныхъ сердечныхъ ощущеній. Пусть каждый и выберетъ путь, какой ему кажется лучше.

Къ сожалѣнію, глубокое взаимное отчужденіе людей вѣры и науки замѣчается и въ дѣлѣ нравственности, какъ и во всемъ остальномъ. Чѣмъ объяснить это? Согласно съ тѣмъ, что сказано выше, мы приписываемъ это, съ одной стороны, крайнему, преувеличенному довѣрію къ объективной точкѣ зрѣнія, которое проникло даже въ воззрѣнія и міросозерцаніе вѣрующихъ, а съ другой—непослѣдовательности поборниковъ науки и знанія, которые часто останавливаются на полудорогѣ, не рѣшаясь принять всѣхъ выводовъ и заключеній, вытекающихъ изъ научнаго міровоззрѣнія. Чтобъ дойти до субъективныхъ идеаловъ, на ко-

торыхъ держится этика, чтобъ связать въ сознаніи индивидуальную жизнь съ общей и объективной, безъ чего этика не мыслима, надо смѣло, безъ страха, пройти, шагъ за шагомъ, до конца, весь путь отрицаній. Очень многіе этого не дѣлаютъ и, сбившись съ дороги, путаются въ построеніяхъ, не выдерживающихъ строгой и научной критики. Намъ теперь кажется, будто религія и наука, стоя на одной и той же почвѣ, исключаютъ другъ друга. Исторія не подтверждаетъ такого взгляда. Религія и наука появились одновременно, вмѣстѣ съ пробужденіемъ сознательности, но сначала существовали рядомъ, занимая, каждая, свое особое мѣсто въ жизни и понятіяхъ людей. Областью религіи была внутренная субъективная жизнь и дѣятельность людей, областью науки—внѣшняя, объективная. Чѣмъ менѣе была развита индивидуальность, тѣмъ болѣе религія и наука смѣшивались и не различались между собою. Но по мѣрѣ того, какъ сознаніе росло и крѣпло и индивидуализмъ выдвигался все болѣе и болѣе впередъ, религія и наука все болѣе и болѣе различались и отдалялись другъ отъ друга. У новыхъ европейскихъ народовъ обѣ долго существовали мирно одна подлѣ другой, съ преобладаніемъ религіозныхъ вѣрованій надъ знаніемъ; но потомъ, между ними произошелъ рѣшительный и рѣзкій разрывъ, и началась борьба, которая наполняетъ собою всю новую европейскую исторію и окончилась полной побѣдой науки надъ вѣрованіями. Отголоски этой вѣковой борьбы слышатся до сихъ поръ и ея слѣды глубоко проникли въ воззрѣнія и бытъ современныхъ европейскихъ народовъ. Все что думается и дѣлается въ Европѣ, пропитано воспоминаніями этой борьбы, пораженія и побѣды. У насъ, развитіе индивидуализма, личности едва только начинается. Въ умственной жизни Европы мы не принимали участія, но какъ ея ученики, горячо усвоившіе себѣ всѣ ея интересы и взгляды, не всегда отдаемъ себѣ ясный отчетъ въ ея урокахъ, и повторяемъ, часто наобумъ, безъ разсужденія, мысли и слова, дѣйствительнаго смысла которыхъ надо искать въ историческомъ развитіи и его фазисахъ.

Если, какъ мы старались показать, внутренняя психическая жизнь составляетъ такой же постоянный живой интересъ человѣческаго существованія, какъ и умѣнье и искусство найтись и устроиться въ данной внѣшней обстановкѣ и условіяхъ, то отсюда слѣдуетъ, что ни то, ни другое, отдѣльно взятыя, не могутъ дать человѣку полнаго удовлетворенія; оно достижимо только при ихъ соглашеніи. Но какъ согласить двѣ столько различныя задачи? Помирить и свести къ одному душевныя стремленія и

потребности съ объективными условіями и законами существованія уже потому кажется невозможнымъ, что обѣ эти стороны дѣйствительности находятъ въ человѣческой природѣ свое особое выраженіе и вызываютъ въ душѣ различные идеалы. Такого примиренія и соглашенія долго искали въ логикѣ. Мы привыкли, по старымъ преданіямъ, думать, что логика одна. Она дѣйствительно одна въ тѣхъ выспреннихъ отвлеченіяхъ, на высотѣ которыхъ улетучиваются и испаряются всѣ различія дѣйствительной жизни; но въ примѣненіи къ разнымъ предметамъ и задачамъ она такъ же неодинакова, какъ неодинаковы думающіе люди и обсуждаемыя явленія. Это всего больше бросается въ глаза при сравненіи религіознаго міросозерцанія съ научнымъ. Первое, вытекая изъ потребностей душевной жизни, кладетъ ихъ въ основаніе своихъ построеній, оставляя въ сторонѣ и тѣни доводы, недоумѣнія и сомнѣнія объективнаго характера и свойства; наоборотъ, наука, точное знаніе, опуская изъ виду личную, индивидуальную жизнь и сосредоточивъ все вниманіе исключительно на взаимныхъ отношеніяхъ явленій, по своимъ задачамъ и цѣлямъ безлична. Вотъ къ чему, въ концѣ концевъ, сводится различіе религіозныхъ и научныхъ воззрѣній; этимъ же опредѣляется достоинство, сила и заслуга тѣхъ и другихъ. Упрекать то или другое міровоззрѣніе въ недостаткѣ логики было бы безсмысленно. Все ихъ глубокое различіе лежитъ въ ихъ задачахъ и предпосылкахъ, которыхъ нельзя согласить путемъ мышленія.

Наука долго искала единаго начала, къ которому бы сводилось все существующее, и послѣ вѣковыхъ, напрасныхъ усилій должна была отказаться отъ разрѣшенія этой задачи. Между тѣмъ, мы носимъ въ душѣ непоколебимую увѣренность, что единство и единое въ дѣйствительности есть; въ этомъ насъ удостовѣряютъ и непосредственные факты. Каждый отдѣльный организмъ есть единый, всѣ явленія природы, не смотря на ихъ разнообразіе, совершаются на одномъ и томъ же земномъ шарѣ, изъ него развиваются и потому несомнѣнно имѣютъ одинъ источникъ, связаны единствомъ происхожденія, котораго однако, при всѣхъ усиліяхъ, мы никакъ открыть не можемъ. Что же это значитъ? Многіе видятъ въ этомъ очевидное доказательство ограниченности человѣческаго ума и на этомъ основаніи заподозриваютъ его компетентность понять множество явленій. Мы объясняемъ себѣ причину этого кажущагося противорѣчія неправильной постановкой самой задачи, вслѣдствіе того, что не даемъ себѣ яснаго отчета въ значеніи и роли мышленія, недостаточно вникаемъ въ его условія и способы дѣятельности. Нельзя слышать глазами,

обонять ухомъ, узнать вкусъ осязаніемъ и т. п., а мы задаемъ уму именно такого рода задачу, требуя отъ него указанія единаго начала всего существующаго, когда это совсѣмъ не его дѣло. Умственная дѣятельность претворяетъ полученныя впечатлѣнія въ новыя формы, придаетъ имъ другой видъ въ сравненіи съ тѣмъ, какой они имѣли передъ тѣмъ. Начинаетъ умъ свою дѣятельность съ того, что разлагаетъ впечатлѣніе на составныя его части, при помощи сопоставленія и сравненія съ другими, полученными прежде, отбрасываетъ все единичное и индивидуальное, а общее, генерическое, извлеченное изъ впечатлѣній, располагаетъ въ другомъ порядкѣ, видѣ и сочетаніяхъ, чѣмъ какія оно имѣло въ впечатлѣніи, подвергнутомъ умственной операціи. Вотъ что дѣлаетъ умъ и вотъ что онъ только и можетъ дѣлать. Наибольшую аналогію съ умственными операціями представляетъ, изъ физіологическихъ процессовъ, претвореніе въ желудкѣ пищи, которая тоже получаетъ въ немъ новый видъ чрезъ разложеніе, частью отбрасывается, а частью поступаетъ на обновленіе организма. Вотъ почему единство и не есть задача и цѣль умственной дѣятельности. Какъ бы ни былъ обширенъ кругъ умственной операціи, какъ бы высоко ни поднимались его обобщенія и комбинаціи, онъ не выходитъ изъ условій своей дѣятельности — анализа, сравненія и частичнаго синтеза. Значитъ ли это, что онъ ограниченъ, потому что не можетъ обнять единства? Совсѣмъ нѣтъ! Это только значитъ, что единство не есть предметъ умственной дѣятельности. Много есть и другихъ такихъ предметовъ; напримѣръ, умъ не схватываетъ индивидуальности, чувства, перехода объективнаго въ субъективное и т. д. Не ограниченность человѣческаго ума, а наше собственное неумѣніе его примѣнять и имъ орудовать, виновато въ въ томъ, что онъ не можетъ совладать съ тѣмъ, къ чему вовсе не призванъ.

Единство, гармонію, единеніе силъ даетъ не умъ, а непосредственное ощущеніе дѣйствительности. Умъ просвѣтляетъ ощущеніе, подымаетъ его, дѣлаетъ тонкимъ и чуткимъ, но замѣнить его своими комбинаціями никакъ не можетъ. Непосредственное ощущеніе есть особая психическая функція, требующая, подобно уму, особаго ухода, упражненія и развитія, чтобъ окрѣпнуть и совершенствоваться. Непосредственное сознательное ощущеніе и есть почва этической, нравственной жизни и вмѣстѣ религіознаго міросозерцанія.

Сказаннаго вполнѣ достаточно, чтобъ понять, что религія и наука — двѣ различныя области, отвѣчающія двумъ различнымъ

потребностямъ человѣческой природы. Ихъ столкновеніе и борьба были естественнымъ послѣдствіемъ ихъ первоначальной слитности и необходимости размежеваться. Пока раздѣляющія ихъ границы не выяснены вполнѣ—а этого и до сихъ поръ еще не сдѣлано—взаимные захваты въ чужой, смежной области были неизбѣжны, и они происходили тѣмъ въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ меньше люди понимали дѣйствительное призваніе религіи и науки въ жизни человѣка. Только этимъ и объясняется, почему религіозныя стремленія могли облекаться въ форму философскихъ и научныхъ системъ и почему, съ другой стороны, наука, одно время, считала возможнымъ упразднить религію и занять ея мѣсто. Будучи несоизмѣримы и отвѣчая различнымъ потребностямъ, религія и наука, вслѣдствіе незнанія и недоразумѣній, становились на одну почву, считали подлежащими своему вѣденію одни и тѣ же явленія, воображали, что могутъ располагать одними и тѣми же средствами дѣйствія. Неправильная постановка взаимныхъ отношеній религіи и науки неизбѣжно повлекла за собою ихъ столкновеніе и вражду. Ставъ на одну доску, каждая естественно стремилась къ исключительному господству надъ умами и старалась вытѣснить соперницу. Сначала религія держала науку въ цѣпяхъ, потомъ наука отбросила религію. Ни то, ни другое не рѣшило вопроса и результатомъ вѣковой борьбы было истощеніе силъ и глубокое разочарованіе. Но теперешняя половинчатость, парализующая самую жизнь, не можетъ быть послѣднимъ словомъ. Впродолженіе вѣковой борьбы люди многому научились и многое поняли, чего прежде не знали и не понимали. Рано или поздно, они должны придти къ убѣжденію, что извѣстная односторонность свойственна обоимъ направленіямъ, по ихъ различному назначенію; но она не можетъ и не должна вызывать непріязни между ними, такъ какъ оба равно сильны и отвѣчаютъ равно насущнымъ и неотложнымъ потребностямъ человѣческой природы. Пока міръ стоитъ, всегда будутъ люди различнаго строя и стремленій: одни болѣе склонные къ внутренней, душевной жизни и нравственному личному совершенствованію, другіе къ внѣшней дѣятельности и объективному мышленію. Согласно съ такими различными расположеніями, въ однихъ сложится болѣе или менѣе религіозное, въ другихъ болѣе или менѣе объективное міросозерцаніе. Возражать противъ того и другого, съ общей, отвлеченной точки зрѣнія, конечно, можно; но зная источники обоихъ, ихъ сильныя и слабыя стороны, мы будемъ осторожно касаться послѣднихъ, отнесемся къ нимъ снисходительно, вполнѣ оцѣнимъ первыя и отдадимъ имъ должную

справедливость. Такъ на самомъ дѣлѣ и бываетъ обыкновенно въ жизни. Кто же не питаетъ глубокаго уваженія къ лицамъ, которыхъ образа мыслей не раздѣляетъ, за ихъ высокій нравственный характеръ, и наоборотъ, не чувствуетъ отвращенія и презрѣнія къ негодяямъ, съ которыми сходится во взглядахъ? Мы, конечно, разумѣемъ не личныя симпатіи и антипатіи, которыя часто бываютъ дѣломъ личнаго вкуса и разныхъ случайныхъ причинъ, а оцѣнку личнаго характера. То, что теперь есть дѣло неосмысленнаго чутья должно быть возведено въ принципъ, въ постоянное правило. Нельзя, не нарушая самыхъ элементарныхъ понятій о справедливости, топтать въ душѣ ногами то, на чемъ человѣкъ построилъ высокія правила нравственной личности, во имя чего онъ выработалъ и воспиталъ себя въ строгомъ, неуклонномъ выполненіи этихъ правилъ. Точно также невозможно обвинять или подозрѣвать человѣка въ безнравственности или испорченности за то только, что онъ въ своихъ выводахъ и заключеніяхъ остается равнодушнымъ къ непосредственнымъ ощущеніямъ и смотритъ на все съ одной объективной точки зрѣнія. Уклоненіе отъ этихъ правилъ одинаково пагубно для людей и ихъ развитія. Оба направленія даны человѣческой природой и только при совокупномъ и одновременномъ ихъ дѣйствіи и вліяніи другъ на друга ведутъ къ созданію возможно полной гармонической жизни. Перенося нравственныя стремленія и требованія изъ внутренней психической жизни въ міръ объективныхъ явленій, и наоборотъ, подводя первыя подъ условія и мѣрило послѣднихъ, мы спутываемъ понятія, перемѣшиваемъ то, что не имѣетъ между собою общаго, и вмѣсто гармоніи водворяемъ нескончаемую вражду и хаосъ.

Область права и соціальныхъ отношеній такъ же мало отграничена отъ этики, какъ и область вѣроученія, но совсѣмъ по другимъ причинамъ. Предметъ религіи и научной этики одинъ и тотъ же—душевная жизнь людей и нравственные идеалы; только пути и подходы къ нимъ въ вѣроученіи и этикѣ различны. Соціальныя науки имѣютъ съ этикой разные предметы, но стремятся, какъ и вѣроученіе, къ одной съ нею цѣли.

Выше мы видѣли, что предметъ этики—внутреннія душевныя движенія и дѣятельность людей, а предметъ права и соціальныхъ ученій—внѣшнія отношенія людей въ составѣ организованнаго сожительства. По такимъ яснымъ и осязательнымъ признакамъ разграничить этику отъ соціальныхъ наукъ, казалось бы,

гораздо легче и проще, чѣмъ отъ вѣроученія, отношенія къ которому, вдобавокъ, еще осложнены обстоятельствами историческаго развитія и фазисами, черезъ которыя проходила человѣческая мысль. Отчего же, несмотря на то, взаимныя отношенія этики и соціальныхъ наукъ являются такими запутанными и сбивчивыми? Объясненія слѣдуетъ искать въ пріемахъ отвлеченной логики и въ чрезмѣрномъ преобладаніи объективнаго міровоззрѣнія. То и другое затемнило этику и исказило, до неузнаваемости, дѣйствительный смыслъ и значеніе правовыхъ и соціальныхъ отношеній.

Право, въ смыслѣ нормы правовыхъ порядковъ, и соціальныя учрежденія суть несомнѣнно явленія объективнаго характера. Они—естественный и необходимый результатъ и вмѣстѣ принадлежность организованнаго сожительства людей. Существенными его условіями являются извѣстный, правильный порядокъ, организація, обезпечивающая каждому неприкосновенность и свободу дѣйствій—и удовлетвореніе общихъ потребностей. Все это ставитъ всѣмъ людямъ вообще и каждому члену общежитія въ особенности извѣстныя границы, которыя ихъ стѣсняютъ и налагаютъ на нихъ извѣстныя обязанности. То же самое видимъ и у другихъ существъ, живущихъ группами; но болѣе развитая психическая жизнь и сознаніе, которыя выражаются въ своеобразныхъ явленіяхъ жизни и дѣятельности человѣка, придаютъ особенныя черты отношеніямъ, возникающимъ изъ сожительства людей. Эти отношенія возводятся сознаніемъ въ принципы, становятся руководящими правилами поступковъ и постепенно измѣняются, развиваются и совершенствуются, вмѣстѣ съ развитіемъ и измѣненіемъ самихъ людей. Поднятыя мышленіемъ до высшей степени обобщенія, они обращаются въ отвлеченную идею права. Правовыя отношенія, послужившія ей основаніемъ и матеріаломъ, представляются уму ея осуществленіемъ или воплощеніемъ.

Такой же трансформаціи, благодаря преобладающему объективному міровоззрѣнію, подверглась и нравственность. На нее, играющую роль регулятора душевныхъ движеній и дѣятельности, начали смотрѣть какъ на обязательное правило для извѣстнаго рода внѣшнихъ поступковъ, т.-е. превратили ее въ отдѣлъ или отрасль права. Оставалось опредѣлить, какіе же именно внѣшніе поступки относятся къ области права, какіе къ области нравственности? Надъ этой неблагодарной и невозможной задачей потрачено много труда, ума и учености совершенно понапрасну. Она такъ и осталась неразрѣшенной; но смыслъ и зна-

ченіе нравственности были, вслѣдствіе такой ошибки, совершенно искажены и утрачены.

Къ смѣшенію понятій, которое отсюда произошло, прибавился еще и ошибочный взглядъ на характеристическія особенности, свойства и принадлежности правовыхъ отношеній,—взглядъ, корни котораго скрываются глубоко въ исторіи образованія и развитія науки права. Мы невольно и безсознательно смѣшиваемъ право съ положительнымъ закономъ и свойственными ему способами осуществленія своего авторитета и власти въ обществѣ и государствѣ. Благодаря этой ошибкѣ, мы переносимъ на всѣ виды правовыхъ отношеній то, что составляетъ лишь особенность нѣкоторыхъ изъ нихъ, и вслѣдствіе того не замѣчаемъ правовыхъ отношеній тамъ, гдѣ они на самомъ дѣлѣ существуютъ. Подъ правомъ подразумѣваются обыкновенно общія начала, извлеченныя изъ постановленій, изданныхъ законодательною или высшею административною властью, огражденныя судомъ и карательными мѣрами, или изъ законовъ, установленныхъ обычаемъ, но такого же характера и съ такою же обстановкой, или, наконецъ, изъ обязательныхъ правилъ, изданныхъ, съ согласія и иногда утвержденія законодательной или административной власти. Вслѣдствіе того, сложился взглядъ, что то только и относится къ области права, что̀ охраняется судомъ и наказаніемъ. Но ограничивать такимъ образомъ область правовыхъ отношеній значитъ перемѣшать видовое понятіе съ родовымъ и безъ причины съузить предметъ. Все, что опредѣляетъ внѣшнія отношенія людей и установляетъ правила и способы такихъ отношеній, должно быть отнесено къ сферѣ права, хотя бы соблюденіе ихъ и не было обезпечено правильно организованнымъ судомъ и опредѣленными наказаніями. Въ этомъ смыслѣ, къ области права должны быть отнесены и такъ называемые общественные нравы и свѣтскія приличія и правила, принятыя безъ предварительнаго соглашенія, въ разныхъ кружка́хъ, хотя бы относились лишь къ пріятельской бесѣдѣ, игрѣ или вообще къ пріятному препровожденію времени. Всякій, не будучи тонкимъ наблюдателемъ, легко замѣтитъ, что и эти правила, возникающія и измѣняющіяся какъ-то сами собою, имѣютъ большую власть надъ людьми, что ихъ нарушенія изслѣдуются и обсуждаются весьма строго и влекутъ за собою наказанія своего рода, иногда болѣе чувствительныя, нежели опредѣляемыя правильнымъ судомъ. Чѣмъ же отличаются такого рода правила, по существу, отъ тѣхъ, которыя считаются правовыми? Только способомъ и формами установленія, изслѣдованія, обсужденія и на-

казанія. Опуская это изъ виду, мы не знаемъ, куда причислить отношенія, не подходящія подъ мѣрку такъ называемыхъ правовыхъ; въ нашихъ понятіяхъ они сливаются съ нравственными, съ которыми, на самомъ дѣлѣ, не имѣютъ ничего общаго. Чтобъ разобраться въ хаосѣ, созданномъ пріемами отвлеченной логики, крайностями и односторонностью объективной точки зрѣнія и обветшалыми научными преданіями, надо обратиться къ дѣйствительнымъ, живымъ явленіямъ и попытаться, при ихъ помощи, опредѣлить роль и значеніе права и нравственности и ихъ взаимныя отношенія.

Мы знаемъ, что этика имѣетъ задачею дать душевнымъ движеніямъ и внутренней дѣятельности лица извѣстное направленіе, которое и опредѣляется идеалами, названными нами субъективными. Право и соціальныя науки, напротивъ того, опредѣляютъ начала и правила, по которымъ должны быть устроены внѣшнія отношенія людей въ организованномъ сожительствѣ. Соприкосновеніе и тѣсная связь между этикой, правомъ и соціальными науками вытекаютъ изъ того, что всѣ онѣ опредѣляютъ жизнь и дѣятельность человѣка, но только съ различныхъ сторонъ и подъ различнымъ угломъ зрѣнія. Этика имѣетъ въ виду индивидуальное лицо и нормальныя условія его душевныхъ состояній; внѣшніе поступки людей входятъ въ кругъ ея задачъ только въ той мѣрѣ, какъ они отражаютъ на себѣ душевныя состоянія и факты душевной дѣятельности. Право и соціальныя науки занимаются положеніемъ и дѣятельностью людей въ составѣ общежитія и условіями, при которыхъ послѣднее можетъ быть устроено правильнымъ образомъ; внутренняя душевная жизнь принимается правомъ и соціальными науками въ соображеніе лишь настолько, насколько она имѣетъ или можетъ имѣть вліяніе на внѣшній бытъ и внѣшнія отношенія людей въ обществѣ. Многіе думаютъ, что предметы и задачи этики и прáва тождественны; только этика разсматриваетъ ихъ съ внутренней субъективной, а право и соціальныя науки—съ внѣшней, объективной стороны. Но это не совсѣмъ такъ. Этика, правда, даетъ руководящія начала для взаимныхъ отношеній людей, но лишь съ точки зрѣнія личной, душевной жизни и дѣятельности; главная же ея задача — указать индивидуальному лицу путь нормальнаго духовнаго развитія и совершенствованія. Право и соціальныя науки, съ своей стороны, принимаютъ въ соображеніе нравственную сторону отношеній между людьми; но главная ихъ цѣль—устроить правильное общежитіе, опредѣлить и создать условія, которыя ему благопріятствуютъ. Потому-то въ кругъ права и соціальныхъ наукъ вхо-

дить множество предметовъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ задачамъ этики, или имѣющихъ съ ними очень далекія и слабыя связи. То же самое должно сказать и объ этикѣ.

Есть также мнѣніе—и оно очень распространено въ наше время—будто единственное назначеніе общежитія есть, въ концѣ-концовъ, благо отдѣльныхъ лицъ. Въ такомъ взглядѣ есть большая доля правды, но и нѣкоторое преувеличеніе и крайность. Общество состоитъ изъ индивидуальныхъ лицъ, которыя, чрезъ общеніе между собою, вмѣстѣ, совокупными силами, достигаютъ цѣлей, полезныхъ для каждаго человѣка въ отдѣльности. Но это справедливо лишь въ общемъ смыслѣ и никакъ не примѣнимо къ каждому отдѣльному лицу и данному единичному случаю. Правильное общежитіе, доставляя людямъ множество благъ, матеріальныхъ и духовныхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, ограничиваетъ каждаго человѣка, налагаетъ на него обязанности, подвергаетъ его лишеніямъ и жертвамъ, нерѣдко самымъ тяжелымъ. По этому нельзя непремѣнно требовать отъ общежитія блага для каждаго отдѣльнаго лица, тѣмъ болѣе, что представленія о благѣ чрезвычайно различны и каждый понимаетъ его по своему. Сожительство людей, представляя равнодѣйствующую всѣхъ соціальныхъ элементовъ, имѣетъ, по необходимости, свои условія и законы, задачи и цѣли, которыхъ никакъ нельзя и не должно смѣшивать съ условіями и законами, задачами и цѣлями индивидуальныхъ лицъ.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что этика, право и соціальныя науки, составляя особыя, независимыя области, въ то же время, въ нѣкоторыхъ пунктахъ, соприкасаются между собою, вплетаются взаимно и вслѣдствіе того дѣйствуютъ и вліяютъ другъ на друга. Остается разсмотрѣть ихъ взаимныя отношенія, насколько разныя эти области между собою соприкасаются.

Когда нравственные идеалы и начала права и соціальныхъ наукъ правильно поставлены, они дополняютъ и поддерживаютъ другъ друга. Нравственно развитый человѣкъ есть наилучшій изъ гражданъ, членовъ организованнаго общежитія, потому что по внутреннему убѣжденію исполняетъ обязанности и приноситъ жертвы, необходимыя для правильнаго сожительства людей. Точно также и правовой порядокъ работаетъ въ руку нравственному развитію, сдерживая внѣшними мѣрами, принужденіемъ и карами, хотя бы только внѣшнія проявленія безнравственности и тѣмъ внѣдряя добрыя привычки и нравы въ большинствѣ колеблющихся, шаткихъ, слабыхъ и увлекающихся людей. Этимъ подго-

товляется и значительно облегчается нравственное развитіе, такъ какъ, въ глазахъ большинства, практическая полезность всегда была, есть и будетъ мѣриломъ достоинства и правильности отвлеченныхъ началъ и идеаловъ.

Если дѣйствительность не подтверждаетъ правильности такого взгляда, то въ этомъ виноватъ не онъ, а превратныя понятія о нравственности и правѣ, и хаосъ въ нашихъ воззрѣніяхъ, въ которомъ все получаетъ извращенный видъ. Не умѣя различить и разграничить точными чертами нравственный и правовый порядокъ, мы перемѣшиваемъ идеалы субъективные съ объективными, переносимъ правовыя отношенія въ область нравственности, а нравственныя требованія—въ область права, обращаемся къ той и другой области съ вопросами и задачами, которыхъ она рѣшить не можетъ, и не находя на нихъ отвѣта, запутываемся. Погруженные исключительно въ объективный міръ и преслѣдуя только объективные идеалы, люди нашего времени утратили смыслъ къ нравственнымъ явленіямъ и требованіямъ. Правовыя и соціальныя формы возведены въ самостоятельный міръ, отрѣшенный отъ дѣйствительныхъ явленій и фактовъ, изъ которыхъ возникъ и, утративъ съ ними живую связь, обратился въ какую-то чуждую имъ силу, которая безучастно тяготѣетъ надъ людьми; этой силѣ почему-то приписывается власть упразднить нравственные идеалы и водворить благосостояніе и счастіе людей на землѣ. Ослѣпленные безграничнымъ довѣріемъ къ всемогуществу объективныхъ формулъ и идеаловъ, мы совсѣмъ забыли, что правовой и соціальный порядокъ относится только къ внѣшней сторонѣ дѣятельности людей и не проникаетъ далѣе; что за этою внѣшнею стороною есть еще внутренняя жизнь, которая можетъ расходиться и часто расходится съ внѣшнею; что на послѣдней можно построить крѣпкое и прочное зданіе общественности только подъ условіемъ, что она поддержана внутреннимъ убѣжденіемъ, а безъ такой поддержки общественность становится шаткой, колеблющейся и призрачной. Чему же удивляться, что нравственность и право представляются намъ какъ двѣ враждебныя силы, взаимно исключающія одна другую; что право и соціальные порядки, въ глазахъ ихъ исполнителей и органовъ, являются не средствомъ водворенія справедливости и общественной пользы, а механизмомъ, приводимымъ въ движеніе исполненіемъ извѣстныхъ формальностей, въ глазахъ же руководителей—орудіемъ для осуществленія взглядовъ, программъ и цѣлей; что нравственность забыта, перешла въ дѣтскія и прописи, гдѣ только еще и считается полезной, а между взрослыми пре-

образилась въ политическіе и соціальные идеалы и раздѣляетъ, смотря по обстоятельствамъ, ихъ блестящую или горькую судьбу? Ничего другого и не могла породить современная путаница понятій, которая уже привела къ утратѣ нравственныхъ идеаловъ, а за ними должна послѣдовательно привести и къ упадку правовыхъ и соціальныхъ порядковъ.

Намъ остается еще показать отношенія этики къ міру изящнаго искусства и художественнаго творчества. Что такія отношенія существуютъ и что они весьма близки—это доказывается глубокимъ отчужденіемъ и враждебностью первоначальныхъ христіанъ къ греко-римскому искусству, глубокимъ различіемъ художественнаго творчества древнихъ и новыхъ христіанскихъ народовъ, наконецъ, давно уже подмѣченнымъ упадкомъ художественнаго творчества вмѣстѣ съ упадкомъ нравственныхъ идеаловъ. Но въ чемъ заключается тѣсная связь нравственности съ областью искусства—это еще не выяснено. Наше время особенно благопріятно для изслѣдованія этого вопроса, потому что представляетъ обильный и богатый матеріалъ для наблюденій и изслѣдованій. Никогда еще художественное творчество, во всѣхъ его отрасляхъ и видахъ, не располагало такими громадными средствами, никогда прежде художественная техника не достигала до такого совершенства, какъ въ наше время; а между тѣмъ со всѣхъ сторонъ слышатся въ публикѣ и между компетентными знатоками и судьями жалобы, что творчество въ области изящнаго искусства изсякаетъ и мельчаетъ. Присматриваясь внимательно, нельзя не замѣтить существенной перемѣны и въ отношеніяхъ публики къ художественнымъ произведеніямъ. Интересъ къ нимъ весьма великъ, гораздо больше, чѣмъ когда-либо прежде; но вмѣсто наслажденія и восторга, художественныя произведенія вызываютъ оцѣнку и критику, сужденіе, а не непосредственное ощущеніе; опредѣленіе техническихъ достоинствъ и недостатковъ играетъ первенствующую роль; въ удовольствіи, какое намъ доставляетъ художественное произведеніе, чуть ли не самое видное мѣсто занимаетъ чувство удовлетворенія, производимое совершенствомъ художественной формы. Словомъ, въ области изящнаго искусства, какъ и во всемъ остальномъ, объективное отношеніе выдается впередъ, оттѣсняя субъективное на второй планъ. Умъ удовлетворенъ, а чувство и воля не возбуждаются. Цѣльнаго дѣйствія на человѣка предметы художественнаго творчества не производятъ въ наши дни, и потому оно скользитъ по душѣ, не остав-

ляя глубокихъ слѣдовъ. Великое воспитательное значеніе изящнаго искусства померкло; художественныя произведенія стали принадлежностью, украшеніемъ и пріятнымъ развлеченіемъ ежедневнаго быта, предметами комфорта, роскоши и моды. Многіе, не отдавая себѣ отчета въ дѣйствительныхъ причинахъ ослабленія художественнаго творчества и упадка живого чувства къ изящному, приписываютъ ихъ выбору художниками тэмъ и сюжетовъ художественныхъ произведеній, и упрекаютъ художниковъ, зачѣмъ они трактуютъ одни реальные, а не идеальные предметы. Неудачныя попытки обратиться къ идеальнымъ тэмамъ—лучшій отвѣтъ на такіе незаслуженные упреки. Дѣло вовсе не въ сюжетахъ и тэмахъ, а въ другомъ, о чемъ мы не даемъ себѣ труда подумать,—именно въ одностороннемъ, исключительномъ развитіи объективнаго міросозерцанія, въ преувеличенномъ, чрезмѣрномъ довѣріи къ объективной точкѣ зрѣнія. Чтобъ пояснить нашу мысль, необходимо напомнить читателямъ нѣкоторыя общеизвѣстныя истины изъ области изящнаго искусства и художественнаго творчества.

Прежде всего, различимъ съ возможною строгостью и точностью художественное ощущеніе отъ художественнаго творчества. Ихъ нельзя и не должно смѣшивать.

Художественное ощущеніе есть сложный продуктъ сознательнаго и созерцательнаго отношенія къ предмету и тѣхъ чувствъ, какія возбуждаетъ въ душѣ такое отношеніе.

О сознаніи мы уже говорили. Оно выше знанія. Предметы знаютъ и животныя, но безсознательно; и у человѣка много такихъ знаній. Сознаніе состоитъ въ томъ, что мы отдаемъ себѣ отчетъ въ нашемъ знаніи предмета, и тѣмъ преобразуемъ это знаніе въ новый предметъ, другими словами идеализируемъ его, подымаемъ на степень выше. Ребенокъ хорошо знаетъ множество предметовъ, съ которыми освоился, но не знаетъ того, что ихъ знаетъ. Толковое чтеніе развиваетъ въ немъ мало-по-малу сознательное къ нимъ отношеніе. Художественное отношеніе предполагаетъ такую первую идеализацію предмета чрезъ сознаніе.

Кромѣ сознанія, въ художественное ощущеніе входитъ созерцательное, а не дѣятельное отношеніе къ предмету. Дѣятельность, какова бы она ни была, предполагаетъ извѣстную цѣль, намѣреніе. Приспособляя предметъ къ себѣ или прилаживаясь къ нему, мы относимся къ нему дѣятельно—теоретически или практически—все равно. Созерцаніе исключаетъ всякую другую дѣятельность и цѣль, кромѣ сознательнаго воспринятія впечатлѣнія.

Въ этомъ и состоитъ идеальный характеръ художественнаго отношенія къ предмету.

Наконецъ, въ составъ художественнаго ощущенія входитъ чувство, вызываемое сознательнымъ созерцаніемъ,—чувство, еще не перешедшее въ мотивъ дѣятельности и не успѣвшее преобразоваться, по законамъ ассоціаціи, въ другое чувство, менѣе общее, идеальное, болѣе личное, индивидуальное.

Идеальное чувство, вызванное сознательнымъ созерцаніемъ и не перешедшее въ желаніе или другія ощущенія, мы называемъ чувствомъ красоты. Оно бываетъ весьма различно, смотря по человѣку и его душевному строю. Многіе его вовсе лишены, потому что сознательное созерцаніе не возбуждаетъ въ нихъ чувства; во многихъ чувство красоты остается неразвитымъ, по недостатку вниманія и сосредоточенности, или по неумѣнію воспринимать впечатлѣнія, такъ какъ и это требуетъ навыка и частаго обращенія съ предметами художественнаго созерцанія. Много было попытокъ открыть объективныя основанія чувства красоты, но онѣ не привели къ положительнымъ результатамъ. Источники этого чувства, какъ и мышленія и дѣятельности человѣка, скрыты въ особенностяхъ человѣческой природы. Характеръ объективности придаетъ имъ только одинаковость психической природы у огромнаго большинства людей.

Совсѣмъ другое представляетъ художественное творчество. Оно есть такое сочетаніе внѣшнихъ фактовъ, которое возбуждаетъ въ людяхъ художественное ощущеніе. Художественное творчество есть актъ чрезвычайно сложный, гораздо болѣе сложный, чѣмъ художественное ощущеніе, и вполнѣ принадлежитъ къ сферѣ объективной дѣятельности. Источникъ его тоже скрывается въ нашей душѣ, въ художественномъ ощущеніи: человѣкъ, неспособный къ такому ощущенію, не способенъ и къ художественному творчеству, потому что не можетъ составить себѣ понятія объ ощущеніи, производимомъ тѣмъ или другимъ сочетаніемъ внѣшнихъ фактовъ. Но чувство красоты служитъ художественному творчеству только точкой отправленія; все остальное въ немъ относится къ объективной дѣятельности и выводитъ художника изъ міра внутреннихъ психическихъ движеній въ область внѣшней дѣятельности. Художественное произведеніе предполагаетъ въ художникѣ знаніе того, чтó производитъ художественное ощущеніе и умѣнье такъ сочетать внѣшнія данныя, чтобъ они производили такое ощущеніе. Шопенгауэръ, съ этой точки зрѣнія, вполнѣ правъ, относя изящное искусство къ теоретической дѣятельности человѣка. Подобно врачу, государствен-

ному человѣку, ученому, художникъ долженъ, во время творчества, подавить въ себѣ личныя чувства и волненія, чтобъ вполнѣ отдаться творческой дѣятельности, обусловленной объективнымъ знаніемъ и практическимъ умѣньемъ.

Что касается художественныхъ произведеній, то они носятъ на себѣ всѣ признаки, свойственные вообще созданіямъ объективной дѣятельности человѣка, но кромѣ того, имѣютъ и свои особенные, зависящіе отъ того, чтó вызываетъ человѣка на художественное творчество и чтó имъ выражается. Приспособляя къ себѣ природу и прилаживаясь къ ней, человѣкъ создаетъ массу предметовъ и явленій, разсчитанныхъ на удовлетвореніе разныхъ его матеріальныхъ потребностей. Творчество, вызываемое потребностью знанія, уже имѣетъ болѣе отвлеченный, идеальный характеръ, въ томъ смыслѣ, что полезность и пригодность создаваемыхъ имъ предметовъ и явленій объясняется только научными цѣлями. Художественныя произведенія выражаютъ во внѣшнихъ явленіяхъ душевныя настроенія и чувства художника, вызываемыя въ немъ сознательнымъ созерцаніемъ не только внѣшнихъ предметовъ и явленій, но и событій и фактовъ его душевной жизни. Изъ всѣхъ видовъ объективной дѣятельности, художественное творчество есть поэтому самое отвлеченное, самое идеальное; художественныя произведенія, изъ всѣхъ созданій человѣка, всего менѣе отвѣчаютъ цѣлямъ непосредственной полезности, и всего менѣе связаны условіями дѣйствительности, — гораздо менѣе произведеній практическаго и даже научнаго творчества. Истина и правда художественныхъ созданій заключается не въ соотвѣтствіи съ дѣйствительно существующимъ оригиналомъ (музыкальныя и архитектурныя созданія почти никогда его и не имѣютъ), а въ полномъ и точномъ выраженіи чувства или ощущенія художника. Геніальными и великими признаются художественныя созданія наиболѣе объективныя, т.-е. тѣ, въ которыхъ художникъ воспроизвелъ съ возможнымъ совершенствомъ и полнотою ощущенія, раздѣляемыя, при созерцаніи его произведенія, огромнымъ большинствомъ людей разныхъ эпохъ, народностей и воззрѣній.

Сказаннаго, мы думаемъ, достаточно, для опредѣленія взаимныхъ отношеній этики и міра изящнаго искусства. Оно является однимъ изъ могущественнѣйшихъ средствъ для воспитанія, т.-е. возбужденія, развитія и укрѣпленія въ человѣкѣ чувствъ и ощущеній въ извѣстномъ направленіи. Художественныя созданія, въ этомъ смыслѣ, незамѣнимы ничѣмъ, такъ какъ они даютъ возможность вызывать въ душѣ самыя разнообразныя ощущенія и

слѣд. отъ такого или другого подбора произведеній искусства въ значительной степени зависитъ строй душевныхъ ощущеній, привычка чувствовать такъ или иначе, играющая такую важную и рѣшительную роль въ нашихъ желаніяхъ и мотивахъ дѣятельности. Не даромъ изящное искусство, въ развитіи человѣческаго рода, всегда находилось въ тѣсной связи съ религіей; не даромъ подъемъ нравственной жизни и нравственныхъ идеаловъ всегда вызывалъ подъемъ изящнаго искусства и художественнаго творчества, и наоборотъ: за упадкомъ этической стороны, шли по стопамъ порча вкуса и смысла въ изящному и увяданіе творчества. Подводнымъ камнемъ, о который разбивались и этика и искусство, вездѣ и всегда было перенесеніе центра тяжести изъ человѣка и его душевной жизни въ міръ объективныхъ явленій, которыя сами по себѣ, взятыя отдѣльно отъ человѣка, его интересовъ, задачъ и цѣлей, ни худы ни хороши и совершаются, при данныхъ условіяхъ и обстановкѣ, съ роковою необходимостью. Въ объективномъ мірѣ, взятомъ отдѣльно отъ человѣка, нѣтъ ни субъективныхъ, ни объективныхъ идеаловъ и потому въ немъ нѣтъ условій для развитія нравственности и искусства; вотъ почему они и замираютъ, по мѣрѣ того, какъ человѣкъ начинаетъ искать твердой точки опоры не въ себѣ, не въ своей психической жизни, а въ окружающемъ и обстановкѣ, въ условіяхъ своего существованія, и изъ властелина ихъ становится ихъ рабомъ и игралищемъ. Такой переходъ совершается въ исторіи не вдругъ и сначала незамѣтно. Долго люди продолжаютъ еще жить преданіями и привычками предшествующей эпохи, когда центръ тяжести находился въ самомъ человѣкѣ, а не внѣ его. Лишь постепенно идеалы субъективные угасали и вытѣснялись объективными. Эта новая фаза вездѣ заявляла себя блистательнымъ развитіемъ общественныхъ учрежденій, соціальнаго быта и художественныхъ формъ; но потомъ и онѣ медленно увядаютъ, какъ цвѣтокъ, у котораго подрѣзаны корни.

Мы живемъ въ одну изъ такихъ эпохъ упадка; но она далеко не такъ безнадежна, какими могли казаться современникамъ прежнія, подобныя нашей. Знаніе и опытъ, накопленные вѣками, ярче чѣмъ когда-либо освѣщаютъ путь, по которому намъ слѣдуетъ идти и на который, волей-неволей, направляетъ насъ весь ходъ исторіи. Путь этотъ—развитіе и укрѣпленіе нравственной личности, нравственнаго характера людей. По этому пути мы можемъ теперь идти не ощупью, какъ шли прежніе люди, а прямо, смѣло, вполнѣ сознательно. Все остальное, чего мы такъ

ищемъ и не находимъ, придетъ какъ естественное, необходимое послѣдствіе нравственной возмужалости и крѣпости.

VIII.

Мы старались объяснить въ настоящемъ этюдѣ возможность и необходимость этики, основанной на началахъ науки, и представили общій ея очеркъ. Во всякой работѣ такого рода, особливо когда идетъ рѣчь о предметѣ такомъ сложномъ, спорномъ и трудномъ какъ нравственность, важны не столько выводы и заключенія, сколько критика и постановка вопроса; они—необходимая предпосылка, отъ которой зависитъ все дальнѣйшее. Вотъ почему мы намѣрены, въ заключеніе, чтобъ облегчить читателей, представить, въ связномъ изложеніи, чтó побудило насъ въ теченіе многихъ лѣтъ думать о задачахъ этики и какъ мы пришли къ теперешнимъ нашимъ взглядамъ на ученіе о нравственности.

Всѣ, въ Европѣ и у насъ, жалуются на пустоту и безцѣльность жизни. Она изсякаетъ, цвѣтъ ея поблекъ, она не даетъ человѣку никакихъ радостей—вотъ что слышится отовсюду, на разные лады и во всевозможныхъ варьяціяхъ. А отъ чего это? Оттого что нѣтъ идеаловъ, или они недостижимы.

Отвѣтъ совершенно вѣрно указываетъ на причину страданій и отчаянія современнаго человѣка. Пока люди имѣли идеалы и надѣялись видѣть ихъ осуществленными, они не жаловались на то, что жизнь не имѣетъ смысла, бодро и радостно жили для нихъ, мужественно перенося всякія страданія и лишенія, которыхъ прежде было не меньше, чѣмъ теперь. Вѣра и надежда служили имъ твердой опорой и поддержкой. Въ наше время вѣра въ идеалы и надежда ихъ достигнуть исчезли, а съ ними и бодрость духа. Уныніе и безсиліе овладѣли нами и жизнь опостылѣла.

Значитъ, вся сила въ идеалахъ и, въ томъ, что мы въ нихъ горячо вѣримъ и глубоко убѣждены, что они могутъ быть достигнуты и осуществлены.

Но идеалъ идеалу рознь и каждый понимаетъ его по своему. Мы часто называемъ идеалами то, о чемъ только праздно мечтаемъ и фантазируемъ, не давая себѣ труда палецъ-о-палецъ ударить, чтобъ ихъ достигнуть или осуществить. Это не идеалы, а мечты и фантазіи, предметы представленія, чувства, пожалуй

желаній; но если они не вызываютъ насъ къ дѣятельности, то и не могутъ быть названы идеалами.

Есть идеалы чисто личные—разбогатѣть, вступить въ бракъ съ тѣмъ или другимъ лицомъ, по склонности или изъ какихъ-нибудь разсчетовъ и выгодъ, добиться того или другого положенія между людьми, извѣстности, славы, почета, сохранить свое здоровье и т. п. Каждый человѣкъ ихъ имѣетъ и преслѣдуетъ, какъ знаетъ и можетъ. Общаго интереса они не представляютъ, развѣ какъ матеріалъ для науки и сюжетъ для произведеній искусства.

Но есть идеалы болѣе общіе и отвлеченные. Таковы являются тѣ, которые имѣютъ предметомъ не особенное личное благо индивидуальнаго лица, а идеальныя задачи и цѣли, въ которыхъ единичное, индивидуальное отходитъ на второй планъ и стушевывается. Въ основаніи стремленій къ личному совершенствованію, или къ разрѣшенію какихъ-нибудь задачъ, теоретическихъ или практическихъ, лежатъ такого рода идеалы. Высшей степени обобщенія и отвлеченія достигаютъ они въ религіи, чистой наукѣ и изящномъ искусствѣ. Религія ставитъ высшіе идеалы внутренней душевной жизни и дѣятельности, чистая наука—высшіе идеалы объективнаго знанія; область изящнаго представляетъ въ художественномъ ощущеніи высшее обобщеніе и отвлеченіе чувства, а въ художественномъ творчествѣ—высшую ступень теоретической дѣятельности, направленной къ воспроизведенію художественнаго ощущенія.

Современный человѣкъ изжѣрился въ общіе и отвлеченные идеалы. Въ удѣлъ ему остались одни личные, индивидуальные; но ими онъ не можетъ удовлетвориться и глубоко страдаетъ.

Какъ и почему это сдѣлалось?

Отвѣтомъ служитъ исторія новыхъ христіанскихъ народовъ, въ которой повторилось, въ громадныхъ размѣрахъ, и при совершенно иныхъ условіяхъ, то, что происходило и въ древнемъ мірѣ. Въ ней мы можемъ прослѣдить шагъ за шагомъ, въ мельчайшихъ подробностяхъ, не только ходъ постепеннаго развитія высшихъ идеаловъ, отъ ихъ перваго появленія, до разложенія и упадка, но и движущія пружины, толкавшія людей на этомъ пути отъ одного шага къ другому.

Христіанство дало новымъ народамъ высшіе нравственные идеалы готовыми, какъ руководство для жизни и дѣятельности. Люди стали объ нихъ думать и разсуждать, обратили предметъ вѣры въ предметъ знанія. Но жить и знать не одно и то же. Рядомъ съ христіанскою жизнью появилась наука.

Она была, впрочемъ, вызвана не однимъ перенесеніемъ хри-

стіанскаго ученія въ область знанія. Кромѣ личной, внутренней, душевной жизни, человѣкъ живетъ и внѣшней. Онъ поставленъ посреди природы, самъ носитъ ее въ себѣ въ своемъ тѣлѣ и въ его потребностяхъ, и обращается съ другими людьми, съ которыми связанъ кровью, личными отношеніями и общими интересами, отъ дня рожденія до гробовой доски. Чтобъ найтись и устроиться въ этой внѣшней обстановкѣ, пришлось въ нее всмотрѣться и съ нею ознакомиться. Родились науки свѣтскія—юридическія и политическія, математика, естествознаніе.

Такъ появились, рядомъ съ интересами внутренней, духовной жизни, интересы внѣшніе. Тѣ и другіе начали сближаться и объединяться чрезъ знаніе, на почвѣ науки. Она явилась такимъ образомъ нейтральной средой, судьей и посредникомъ между внутренней и внѣшней жизнью и дѣятельностью человѣка, росла, крѣпла, овладѣла мало-по-малу всей позиціей и все подчинила своей власти. Первымъ послѣдствіемъ такого значенія науки было ослабленіе довѣрія къ истинѣ, полученной помимо знанія. Она должна была предстать предъ ея судъ, пройти чрезъ ея критику, чтобъ получить права гражданства.

Что дало наукѣ такое первенствующее положеніе, создало ей роль верховнаго трибунала истины?

Ея орудіе есть умъ, мышленіе. Сначала онъ считался единственнымъ источникомъ знанія. Его выводы и заключенія признавались за единственное и безусловное мѣрило истины. Логика и метафизика заняли между науками первое мѣсто.

Это было высшимъ торжествомъ мыслящей способности человѣка; но и съ нею произошло потомъ то же, что съ развѣнчанной ею непосредственно данной истиной.

Сперва противъ безусловнаго авторитета разума и мышленія возстало опытное знаніе, которое доказало, что мышленіе, само по себѣ, безсильно и впадаетъ въ ошибки, что оно есть дѣйствительная сила и даетъ въ результатѣ истину только тогда, когда оперируетъ надъ данными,—явленіями, фактами. Отсюда пришли къ заключенію, что для полученія истины надо повѣрять выводы и заключенія ума наблюденіями, опытомъ.

Это былъ сильный ударъ, нанесенный авторитету ума. Онъ, привлекавшій все къ своему суду, самъ былъ призванъ къ суду фактовъ и опытныхъ наблюденій.

Съ этого времени всемогущество ума было поколеблено. Съ разныхъ сторонъ онъ началъ терпѣть пораженіе за пораженіемъ. Прежде всего отъ него отложились естественныя науки, потомъ психологія, право и науки соціальныя. Метафизика сошла со

сцены и забыта. Наступаетъ пора критической переработки и логики по началамъ опытной психологіи.

Въ наше время, всемогущество разума и мышленія обратилось уже въ преданіе, которое скоро совсѣмъ забудется. Циклъ полнаго его развитія совершился и ему подводятся итоги. Выяснилось, что мышленіе не все для человѣка; что умъ есть одна изъ способностей психической человѣческой природы, мышленіе— одна изъ ея функцій; что рядомъ съ нею есть и другія, которыхъ она замѣнить не можетъ; что въ общей экономіи человѣческаго существованія она занимаетъ особое мѣсто, имѣетъ свое особое назначеніе, свой кругъ дѣйствія, свои сильныя и слабыя стороны.

Пока опытное знаніе доканчивало дѣло съ безусловной властью мышленія и вытѣсняло ея слѣды изъ всѣхъ отраслей науки, казалось, будто возникаетъ новая сила, которая овладѣетъ умами и такъ же будетъ руководить ими, какъ прежде вѣра, потомъ чистый разумъ. Но скоро пришлось въ этомъ разубѣдиться. Опытное знаніе есть, по принципу, то же знаніе, какъ и прежнее, чисто логическое, метафизическое, выдававшее себя за обладателя безусловной истины,—но знаніе приближенное къ людямъ, менѣе отвлеченное, болѣе для нихъ полезное и практическое. И логическое и опытное знаніе одинаково объясняютъ общія условія и общіе законы бытія, объективнаго міра. Противники знанія поняли это ихъ сродство, но не поняли того, что борьба опытнаго, индуктивнаго знанія съ логическимъ и метафизическимъ была междоусобіемъ и громаднымъ шагомъ впередъ къ развѣнчанію злѣйшаго ихъ врага — разума и мышленія, къ обращенію его изъ безапелляціоннаго судьи, безусловнаго распорядителя и устроителя человѣческихъ, судебъ въ одно изъ прирожденныхъ свойствъ человѣческой природы. Новаго руководящаго принципа опытное знаніе съ собою не несло и не поставило; но приблизивъ отвлеченное мышленіе къ дѣйствительному, живому человѣку, стало служить ему, удовлетворять его разнообразнымъ нуждамъ и потребностямъ и открыло широкую дверь развитію прикладныхъ наукъ, техники и техническаго искусства по всѣмъ отраслямъ, въ которыхъ прежде о раціональномъ примѣненіи знанія никто не думалъ и даже не смѣлъ мечтать.

Въ такихъ условіяхъ стоитъ человѣкъ у порога двадцатаго столѣтія. Они обрисовываютъ его положеніе и ближайшія задачи будущаго.

Обстановка человѣка посреди природы, благодаря знанію, въ особенности опытному, и развитію осмысленной техники,

значительно улучшилась. Много остается еще работать въ этомъ направленіи, но путь и пріемы выяснены и установились окончательно.

Гораздо менѣе обозначилось положеніе человѣка между другими людьми, въ обществѣ, государствѣ и въ международныхъ отношеніяхъ. Съ этой стороны горизонтъ еще не расчистился и призраки прошедшаго, старыя воспоминанія, отголоски громадныхъ катаклизмовъ, посреди которыхъ рушился прежній быть и зародился новый, продолжаютъ тревожить людей и тормазять правильное и мирное развитіе гражданственности. Но и въ эту область начинаетъ болѣе и болѣе проникать опытное знаніе, съ его объективными пріемами и индуктивнымъ методомъ. Оно, рано или поздно, внесетъ и сюда свѣтъ, уберетъ обломки, очиститъ почву, выяснитъ условія и законы нормальной жизни и развитія. Соціальныя науки еще въ зародышѣ, но ихъ развитіе стоитъ на первой очереди. Имъ открывается громадная и благодатная роль въ судьбахъ народовъ и всего человѣчества.

Въ самомъ неустроенномъ и безотрадномъ видѣ находится лишь внутренній міръ человѣка. Все вокругъ людей дѣлается очевидно для ихъ блага, все болѣе и болѣе направляется къ удовлетворенію ихъ нуждъ, потребностей и желаній. Отчего же самъ человѣкъ такъ нерадостенъ, такъ глубоко несчастливъ?

Отвѣтъ въ цѣломъ ходѣ историческаго развитія. Посреди громаднаго движенія, наполнившаго міръ зрѣлищемъ небывалыхъ битвъ, побѣдъ и пораженій, единичный, индивидуальный человѣкъ былъ забытъ, оставленъ на произволъ судьбы и случайностей. Религія давала ему точку опоры, руководство въ жизни, утѣшеніе въ скорби и страданіяхъ. Мышленіе, знаніе отняло у него эту путеводную нить, тихое пристанище и, занявшись человѣкомъ вообще, бросило дѣйствительнаго, единичнаго, индивидуальнаго человѣка, сираго и немощнаго, посреди кипучаго омута жизни, безъ всякой поддержки. Идея человѣка, общее благо, поглотили все наше вниманіе, всѣ наши интересы; а къ дѣйствительному, живому, единичному человѣку мы безучастны и равнодушны.

Мысль и жизнь, наука, знаніе и дѣйствительность, общее и единичное, индивидуальное, объективное и субъективное остались, послѣ побѣды знанія надъ вѣрой, раздѣленными такой же непереступаемой бездной, какъ и прежде. Но прежде мы и не обольщались надеждой открыть связующія ихъ звенья; мы вѣрили, что это тайна, непостижимая для ума. Умъ не останавливается передъ тайнами. Мы повѣрили ему, пошли путемъ знанія и

опять остановились передъ той же самой тайной; но по ту сторону бездны, которая насъ останавливаетъ, находится не любящій, благой промыселъ, который о каждомъ изъ насъ заботится, каждаго изъ насъ руководитъ и невѣдомыми намъ путями ведетъ къ блаженству и счастію, а безличная и безсердечная сила, страшная и чуждая намъ, которая, какъ колоссальный механизмъ, правильно, однообразно дѣйствуетъ по присущимъ ему законамъ, и безучастно, немилосердно давитъ все, что попадаетъ подъ его колеса. Трижды счастливъ тотъ, кто не искусился послѣдовать призыву ума и, не пускаясь далеко отъ берега, мирно плаваетъ около него, освѣщаемый надежнымъ свѣтомъ маяка; но кто отважился идти подъ знаменемъ ума отыскивать неизвѣстное, сожегши за собой корабли, тому ужъ нѣтъ возврата; онъ долженъ идти до конца, не останавливаясь ни передъ какими препятствіями, не страшась никакихъ чудовищъ.

Движеніе науки въ Европѣ, въ теченіе вѣковъ, указываетъ направленіе, въ какомъ должно пойти далѣе рѣшеніе задачъ, поставленныхъ мышленіемъ и знаніемъ. Съ виду чуждый намъ объективный міръ, дѣйствующій съ необходимостью и безличностью машины и въ которомъ намъ такъ непривѣтно и жутко, оказывается все болѣе и болѣе роднымъ намъ и близкимъ. Это—мысль индивидуальнаго лица, живого, дѣйствительнаго человѣка, прошедшая чрезъ критику и повѣрку массы людей и поколѣній и ставшая, вслѣдствіе того, всеобщей и объективной для каждаго человѣка въ отдѣльности. Вотъ почему объективный міръ, который мы считаемъ роковымъ и неподвижнымъ, какъ оказывается на самомъ дѣлѣ, тоже движется и измѣняется вмѣстѣ съ измѣненіемъ въ понятіяхъ, зависящимъ отъ накопленія наблюденій, опытности и знанія. Этотъ міръ даже не одинъ и тотъ же для различныхъ народовъ, существующихъ одновременно, и для разныхъ слоевъ одного и того же человѣческаго общества. Чтò можетъ быть объективнѣе внѣшней природы, дѣйствіе которой такъ осязательно для каждаго извнѣ и въ нашемъ собственномъ тѣлѣ? Но и этотъ реальный міръ, несомнѣнно существующій внѣ насъ, совсѣмъ не такъ объективенъ, неподвиженъ и чуждъ намъ, какъ кажется. Мы непосредственно соприкасаемся съ внѣшней природой, потому что составляемъ часть ея и находимся въ ней, а не внѣ ея; мы знаемъ ее чрезъ посредство получаемыхъ отъ нея психическихъ впечатлѣній, которыя подвергаются въ насъ сознательной переработкѣ и получаютъ, вслѣдствіе того, въ нашей мысли, совсѣмъ иной видъ; наконецъ, мы дѣлаемъ въ условіяхъ жизни и дѣя-

тельности внѣшней природы перестановки и сочетанія, производящія явленія, какихъ она сама по себѣ, помимо человѣка, не представляетъ, не говоря о томъ, что реальный міръ измѣняется независимо отъ человѣка, по присущимъ ему законамъ, и потому далеко не такъ неподвиженъ, какъ намъ кажется. Въ этомъ насъ убѣждаетъ исторія земного шара, геологія и палеонтологія, и новѣйшія астрономическія наблюденія.

Эти результаты знанія подготовляютъ коренную перемѣну въ современномъ научномъ міровоззрѣніи, не дающемъ отвѣта на запросы личной индивидуальной жизни. Они убѣждаютъ, что источникъ мнимаго объективнаго міра есть психическая жизнь самого единичнаго, индивидуальнаго человѣка. Продукты этой жизни, возведенные въ мысль и пройдя чрезъ новую переработку въ сознаніи и мышленіи другихъ людей, получаютъ видъ такъ называемаго объективнаго міра, столь непривѣтнаго и чуждаго каждому человѣку въ отдѣльности. А если это такъ, то не въ однихъ объективныхъ условіяхъ существованія, а вмѣстѣ съ ними и въ жизни индивидуальнаго единичнаго лица, слѣдуетъ искать причины золъ, удручающихъ человѣческій родъ; слѣдовательно, не одинъ объективный міръ долженъ быть улучшенъ и исправленъ, а вмѣстѣ съ нимъ, въ то же время и единичный, дѣйствительный человѣкъ. Понявъ настоящее значеніе объективнаго міра и то, въ чемъ заключается тѣсная его связь съ единичнымъ, живымъ человѣкомъ, мы должны, рано или поздно, убѣдиться, что самъ по себѣ, отдѣльно взятый, оторванный отъ почвы, на которой выросъ, т.-е. отъ психической жизни индивидуальнаго лица, для которой онъ существуетъ, объективный міръ не имѣетъ смысла и не можетъ самостоятельно существовать въ понятіяхъ человѣка, какъ собственная его тѣнь, или какъ облака и тучи, съ дождями, грозами и градами, образуемыя испареніями суши и водъ.

Но специфическое, то, что отличаетъ человѣка отъ природы и отъ него самого, какъ животнаго организма—это его сознательная психическая жизнь и дѣятельность, рождаемая способностью перерабатывать внѣшнія впечатлѣнія и внутреннія ощущенія въ новыя формы и приводить ихъ въ новыя сочетанія. Условія, вносимыя этою способностью, неизвѣстны остальному міру; только человѣку доступны формы и комбинаціи, рождаемыя сознательностію. До сихъ поръ мы имѣли дѣло съ продуктами сознательности какъ съ объективными явленіями; наступаетъ пора обратить вниманіе на роль этой способности въ жизни и дѣятельности индивидуальнаго лица и въ устроеніи его личной

судьбы посреди внѣшней природы и другихъ людей, въ организованномъ сожительствѣ.

Такимъ образомъ, развитіе самаго знанія приводитъ насъ снова къ религіи и научной этикѣ. Обѣ, сначала отвергнутыя, оказываются двумя различными путями къ устроенію личной судьбы, жизни и дѣятельности единичнаго, дѣйствительнаго человѣка, какъ выработка такъ-называемаго объективнаго міра есть лишь путь для устроенія судьбы, жизни и дѣятельности рода человѣческаго, или людей вообще. Опускаясь изъ міра обобщеній и отвлеченностей въ жизнь и дѣйствительности, мы не можемъ остановиться ни на религіи, какъ на догматическомъ ученіи, ни на этикѣ, какъ на научной системѣ, а должны опуститься еще ниже, сдѣлать еще одинъ, послѣдній шагъ,—осуществить въ жизни, на самомъ дѣлѣ, то, чему учатъ религія и этика. Только воспитаніемъ и безпрестаннымъ упражненіемъ мысль обращается въ дѣйствительность и ихъ различіе исчезаетъ совсѣмъ: идеалъ становится дѣйствительностью, дѣйствительность идеаломъ.

Обратимся назадъ. Длиненъ и тяжекъ былъ путь знанія, которымъ шли новые европейскіе народы; но они совершили великое дѣло и великій подвигъ. Они окончательно, безповоротно и блистательно разрѣшили вопросъ о мышленіи, его условіяхъ, законахъ его дѣятельности и участіи въ жизни человѣка и людей. Въ сравненіи съ тѣмъ, что сдѣлано по этому вопросу христіанской Европой, всѣ усилія и попытки древняго міра и востока кажутся ребяческими начинаніями, младенческимъ лепетомъ. Соблазнившись древомъ познанія добра и зла и повторивъ исторію грѣхопаденія, христіанскіе народы Европы разгадали загадку мышленія, разсѣяли его миражи, выяснили механику, которая ихъ производитъ. Въ этомъ великая заслуга европейцевъ. Благодаря результатамъ, достигнутымъ ихъ неимовѣрными усиліями и тяжкими жертвами, дальнѣйшій путь указанъ и облегченъ. Будущіе дѣятели и двигатели развитія рода человѣческаго, кто бы они ни были, могутъ, зная то, что̀ уже сдѣлано и выяснено, идти далѣе, не смущаясь тѣмъ, что̀ такъ долго и такъ мучительно сбивало его съ толку на пути къ возможному улучшенію положенія, быта и дѣятельности человѣка посреди природы и другихъ людей.

К. Кавелинъ.

ИДИЛЛІЯ

РАЗСКАЗЪ.

Полковникъ Гавришевъ сидѣлъ на своемъ обычномъ мѣстѣ у окна и исполнялъ свой «режимъ». — «Режимъ» полковника состоялъ въ томъ, что выспавшись послѣ ранняго обѣда съ той особенной основательностью, съ которой обыкновенно высыпаются безнадежные холостяки, онъ вставалъ, умывался, одѣвался и, плюхнувшись на свой трепанный кожанный диванъ, приступалъ къ обряду чаепитія. Обрядъ этотъ тянулся добрые два часа и сопровождался обильнымъ воскуриваніемъ «Папы Кріона», смакованіемъ «Русскаго Инвалида» и болѣе или менѣе частыми проявленіями гарнизонной меланхоліи: протяжными вздохами, чесаніемъ затылка и медленными плевками на сторону. Завзятый служака, придирчивый мучитель самого себя и своихъ подчиненныхъ, Гавришевъ почти весь день торчалъ въ казармѣ и это двухчасовое ничегонедѣланье было чуть-ли не единственнымъ развлеченіемъ его одинокой брюзгливой старости. Зато же и придерживался онъ своего «режима» наистрожайшимъ образомъ и въ продолженіе десятилѣтняго командованія баталіономъ к—ой крѣпостной артиллеріи еще ни разу не измѣнилъ ему.

Такъ и теперь — съ верченой папиросой въ зубахъ и свѣжимъ нумеромъ «Инвалида» въ рукахъ, медленно прихлебывая изъ стоявшаго передъ нимъ стакана мутнаго жиделяя, полковникъ чувствовалъ себя въ самомъ снисходительномъ расположеніи штабъ-офицерскаго духа, когда одно совсѣмъ незначительное обстоятельство неожиданно нарушило его послѣобѣденный режимъ. Имѣя похвальную привычку начинать чтеніе «Инвалида» съ «Внѣшнихъ извѣстій» и «Телеграммъ», оставляя отдѣлъ «При-

казовъ», какъ самый животренещущій, подъ конецъ, полковникъ, добравшійся наконецъ до лакомой страницы, вдругъ испустилъ короткій болѣзненный всхлипъ и впился своими сѣрыми, жесткими глазами въ одну точку. Извѣстіе, такъ взволновавшее полковника, состояло всего изъ двухъ строкъ: «*Умершіе* исключаются изъ списковъ: командиръ ** подвижного парка полковникъ *Агишевъ*»... «Агишевъ! Яшка Агишевъ... не можетъ быть?..» пробормоталъ Гавришевъ и, какъ бы желая удостовѣриться, не ошибся ли онъ, приблизилъ газету къ самому носу... Газета выскользнула изъ его рукъ, и полковникъ, смахнувъ съ заморгавшаго глаза что-то въ родѣ слезы, безцѣльно отвернулся къ окну...

А на дворѣ стоитъ непривѣтная осень и въ окно смотритъ до тошноты знакомый гарнизонный пейзажъ: громадный плацъ, превращенный обильными дождями въ сплошное кисельное озеро, скучливая физіономія крѣпостной гауптвахты въ концѣ его—съ порыжѣвшими колоннами караулки, двумя обнаженными акаціями по бокамъ, и подмоченной фигурой часоваго, уныло измѣряющаго караульную платформу, и надо всѣмъ,—на подобіе мокрой заношенной простыни, которую только-что вывѣсили на просушку,—клочекъ мутнаго, слезливаго неба... фу, мерзко!.. Полковникъ всталъ, покосился на валявшуюся въ углу дивана засыпанную табакомъ потухнувшаго окурка газету и принялся мѣрять комнату своимъ нетвердымъ, но мѣрнымъ, чисто фронтовымъ шагомъ.

Часы въ кухнѣ давно пробили 7—время, когда полковникъ обыкновенно отправлялся «по казармамъ»,—давно замолкъ его болтливый собесѣдникъ треногій коротышъ самоварчикъ, и вѣстовой полковника не разъ выставлялъ въ двери свое недоумѣвающее обличье, а Гавришевъ все продолжалъ бродить... Наконецъ вѣстовой рѣшительно переступилъ порогъ и доложилъ полковнику, что пришелъ дежурный по батальону «за приказаніями».—Полковникъ задумчиво оглядѣлъ вытянувшагося передъ нимъ вѣстового, молча кивнулъ ему на дверь и, заложивъ руки за спину, принялся еще съ большею сосредоточенностью измѣрять свою обширную, но пустынную обитель, убранную съ той экономной незатѣйливостью, которая составляетъ обычную черту всѣхъ холостыхъ полковниковъ, угнетенныхъ служебной лямкой и мечтающихъ объ отставкѣ на полномъ пенсіонѣ... Вдругъ, точно вспомнивъ что-то, остановился онъ передъ стоявшимъ въ простѣнкѣ комодомъ, на которомъ была развѣшана небольшая коллекція фотографій, большею частью все сослуживцевъ Гав-

ришева, и уперся грустно-неподвижнымъ взглядомъ въ одну маленькую, пожелтѣвшую отъ времени карточку, вставленную безъ стекла въ простую черную рамку. Фотографія изображала двухъ юныхъ прапорщиковъ—одного сидѣвшаго, облокотившись у стола, и другого стоявшаго за стуломъ товарища. Стоявшій офицеръ былъ высокаго роста и стройный, съ смѣлымъ взглядомъ и мужественными чертами худощаваго лица; онъ снятъ былъ въ кителѣ и бѣлой фуражкѣ, небрежно заломленной на бекрень; правой рукой онъ держался за стулъ, а лѣвой красиво подбоченился:—это — прапорщикъ *Агишевъ*. Офицеръ, который сидѣлъ, былъ въ пальто и безъ фуражки, онъ держалъ въ рукахъ книгу и чему-то улыбался. Онъ былъ небольшого роста, довольно плотенъ, съ лицомъ одутловатымъ и добродушнымъ. Это... это—*прапорщикъ Гавришевъ*. Да, онъ самъ своей собственной персоной, Евгеній Васильевичъ Гавришевъ, каковъ онъ былъ тридцать лѣтъ тому назадъ, когда онъ проживалъ съ Агишевымъ въ С* (счастливѣйшіе два года!), служа въ —ой бригадѣ... Боже мой, сколько «говоритъ» ему этотъ потускнѣвшій портретъ, какъ-то странно забытый имъ въ ряду тутъ же толпящихся старыхъ и молодыхъ сослуживцевъ... Да, вотъ она вся тутъ передъ нимъ, какъ въ рамкѣ, его быстро-мелькнувшая юность, вся эта милая, оберъ-офицерская идиллія,—единственный просвѣтъ его долголѣтняго гарнизоннаго прозябанія!..

I.

На углу Безлюднаго переулка и Безъимянной улицы, какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ кончается собственно городъ и начинается слободка, стоитъ низенькій одноэтажный домикъ изъ бѣлаго мѣстнаго камня, съ двумя крошечными окнами на улицу и тонкой какъ почтовый листокъ гонтовой крышей; къ домику прилегаетъ небольшой, всегда чисто выметенный дворикъ,—съ каменнымъ крылечкомъ передъ самымъ домомъ, боковой пристройкой для кухни, косымъ сарайчикомъ посереди и — въ углу, у забора — маленькой нескромной буточкой, выкрашенной изъ приличья на манеръ военной караулки. Передъ самыми окнами робко трепещутъ двѣ молодыя акаціи съ тонкимъ гибкимъ стволомъ и прозрачными какъ морская волна лепестками, что̀ придаетъ всему домику веселый и вмѣстѣ съ тѣмъ какой-то наивный видъ.

Принадлежитъ этотъ домикъ Лизаветѣ Даниловнѣ Цыпиной,

вдовѣ капитана-лейтенанта Онисифора Цыпина, убитаго при штурмѣ Севастополя осколкомъ гранаты въ лѣвую ягодицу. Лизаветѣ Даниловнѣ Цыпиной далеко за шестьдесятъ, но на видъ это такая бодрая, пріятная и хлопотливая старушка, что по чистой совѣсти ей нельзя никакъ дать болѣе пятидесяти. Въ своемъ будничномъ черномъ чепцѣ, почтительно оттѣняющемъ ея приглаженныя волосокъ къ волоску пожелтѣвшія сѣдинки, въ выцвѣтшей стеганной кацавейкѣ и неизмѣнныхъ нитяныхъ митенкахъ, она весь день съ самаго ранняго утра шушкается въ своемъ укромномъ уголочкѣ: то кормитъ на дворѣ куръ и индюковъ, то варитъ на кухнѣ варенье или какую иную премудрость, то ищетъ ключи, которые она, какъ истая хозяйка, теряетъ по десяти разъ на дню—или же, если ужъ нѣтъ рѣшительно никакого дѣла, сидитъ на завалинкѣ у воротъ и вяжетъ чулокъ. Голосъ у ней слабый, дребезжащій, но необыкновенно пріятный и когда она что-нибудь разсказываетъ, около ея подслѣповатыхъ глазъ появляются такія забавныя лучистыя морщинки, точно у ея любимицы Рыжки (рыжая кошечка Цыпиной), когда та жмурится отъ солнца, и это придаетъ какую-то милую своеобразность ея рѣчи, обильно приправленной особенностями мѣстнаго говора. Будучи отъ природы весьма добропорядочнаго здоровья, Лизавета Даниловна постоянно страдаетъ тѣми мелкими, большею частью воображаемыми болѣзнями, которымъ подвержены почти всѣ оберъ-офицерскія вдовы:—то у ней дѣлается «дурная голова» (мигрень), то начинаютъ «скучать» ноги, то принимаются «тосковать» зубы и т. д. Она пьетъ на ночь декоктъ изъ кизиловыхъ листьевъ, боится до смерти мышей и лягушекъ, каждодневно ходитъ ко всенощной и въ великомъ посту пріобщается два раза—на первой недѣлѣ и на послѣдней. Словомъ, это такая добродушная, богобоязненная старушка, которую нельзя не полюбить съ перваго взгляда.

Живетъ Цыпина вотъ уже второй годъ, можно сказать, «на бивуакахъ»—въ крошечной коморкѣ съ узенькимъ оконцемъ во дворъ, съ тѣхъ поръ какъ въ двухъ большихъ комнатахъ поселились два свѣжеиспеченные прапорщика, два друга, офицеры стоящей въ С* артиллерійской бригады: Евгеній Васильевичъ Гаврншевъ и Яковъ Ивановичъ Агишевъ. Обѣ жилыя комнаты сданы послѣднимъ за десять рублей въ мѣсяцъ и составляютъ главные и единственные апартаменты господъ офицеровъ. Первая комната съ окнами на улицу замѣняетъ гг. прапорщикамъ зало, кабинетъ и столовую; вторая съ венеціанскимъ окномъ, выходящимъ въ коррндоръ — спальню. И не смотря на скром-

ность размѣра и обстановки, обѣ комнаты выглядываютъ такимъ уютнымъ наряднымъ гнѣздышкомъ, точно въ нихъ живутъ не два храбрые воина, а счастливая парочка только-что поженившихся супруговъ.

При входѣ въ залъ, первое, что бросается въ глаза, это старинное на коротенькихъ ножкахъ фортепіано, все изъ краснаго дерева, съ чрезвычайно затѣйливой инкрустаціей, купленное Гавришевымъ по случаю у мѣстнаго старожила и извѣстное, вслѣдствіе своей старческой безголосицы, больше подъ именемъ «тринжалки». Прямо противъ «тринжалки»—этой главной гордости квартиры—у противуположной стѣны съ двумя окнами во дворъ, спѣсиво громоздится массивный четырехъ-этажный комодъ Лизаветы Даниловны, живописно уставленный всѣми наличными драгоцѣнностями обитателей. Самыя почетныя мѣста между драгоцѣнностями занимаютъ: во-первыхъ, альбомъ Гавришева съ застежками въ видѣ лапокъ и эффектной картиной изверженія Везувія на лицевой сторонѣ, подаренный ему въ день ангела Агишевымъ, и во-вторыхъ,—голубой, шелковый, вышитый бисеромъ кисетъ Агишева, полученный послѣднимъ въ его имянины отъ Гавришева;—по бокамъ этихъ «эмблемъ» нѣжной дружбы, блестятъ два хрустальные подсвѣчника съ необожженными свѣчами въ самодѣльныхъ бумажныхъ розеткахъ. Далѣе обращаетъ вниманіе оловянная спичешница, купленная Агишевымъ у заѣзжаго жида и представляющая изъ себя коротенькаго ехиднаго чортика съ горбомъ «для спичекъ»; тутъ же о-бокъ съ заграничнымъ остроуміемъ, чопорно смотритъ фамильная чашка Лизаветы Даниловны, огромная, фарфоровая кружка съ золоченой крышкой, блюдечкомъ, изображающимъ лебединое озеро и какимъ-то длиннымъ, но совершенно выцвѣтшимъ нравоученіемъ по краямъ. Бонбоньерка, превращенная въ рабочій несессеръ, колода пожелтѣвшихъ картъ и глиняная вазочка съ увядшими васильками довершаютъ красу выставки. Какъ разъ надъ серединой комода возвышается двухъ-этажная полка для книгъ, подвѣшенная однако такъ высоко, что оказалось удобнымъ заставить книгами лишь одну нижнюю полку. Комодъ и «тринжалка» составляютъ единственныя претензіи офицерской пріемной: всѣ остальныя подробности отличаются самой безхитростной простотой. Примостившійся, въ простѣнкѣ между окнами, выходящими на улицу, маленькій турецкій диванчикъ — результатъ долгихъ экономій Гавришева,—обтянутъ веселенькимъ, но совсѣмъ дешевымъ ситцемъ, такъ же какъ и поставленный передъ нимъ ломберный столъ накрытъ самой простецкой, хотя и глянцовато-чистой пеньковой

скатерткой. По стѣнкамъ залы размѣщены въ строго симметричномъ порядкѣ шесть старинныхъ громоздкихъ стульевъ; стѣны безъ обой, но безукоризненно выбѣлены, и на всѣхъ окнахъ горшки гвоздики и герани. — Входъ въ спальню со стороны залы предусмотрительно маскированъ портьерой изъ того самаго дешеваго ситца, которымъ обтянутъ турецкій диванчикъ, равно какъ и венеціанское окно спаленки, выходящее въ корридоръ, до половины завѣшено занавѣской изъ зеленаго каленкору. Сама спальня, длинная и узкая, въ убранствѣ своемъ не представляетъ ничего достопримѣчательнаго: двѣ желѣзныя кровати, по стѣнамъ коврики надъ постелью, вѣшалки съ платьемъ, чемоданы съ бѣльемъ, въ углу двѣ сабли, и на поддонникѣ, въ числѣ умывальныхъ принадлежностей, всякая офицерская дрянь: старые погоны и грязныя перчатки, обломанныя шпоры, обкуренные мундштуки, коробочки отъ пилюль и т. п. Зато, отдернувъ занавѣску, весело взглянуть въ корридоръ, стеклянная стѣна котораго вся уставлена по низу кадками пышныхъ олеандровъ, а вверху по карнизу перевита плющемъ дикаго винограда.

И какая чистота повсюду, какая непомѣрная чистота въ наисекретнѣйшихъ уголкахъ квартирки! Такой чистоты ужъ конечно не встрѣтить ни у одного офицера въ С*. И юные прапорщики обязаны въ этомъ отношеніи не кому иному какъ собственному деньщику, двадцатилѣтнему парню изъ малороссовъ, Θедору Антипуку.

Этотъ Θедоръ или, какъ онъ себя упорно величаетъ, Хведоръ Антипукъ, назначенный прямо изъ новобранцевъ въ услуженіе къ Гавришеву, замѣчательный въ своемъ родѣ человѣкъ: — онъ изумительно честенъ, невообразимо глупъ и работящъ, какъ добрая пара воловъ. Кромѣ того, онъ обладаетъ двумя, въ хозяйственномъ отношеніи незамѣнимыми, достоинствами: во-первыхъ, онъ не пьетъ, ничего, никогда и ни подъ какимъ видомъ; а во-вторыхъ, такъ невыразимо искусно зажариваетъ картофель, что даже Лизавета Даниловна, сама опытнѣйшая хозяйка, рѣшительно недоумѣваетъ: «откуда вдругъ такой талантъ человѣку!» Единственно въ чемъ пожалуй можно упрекнуть Антипука, — это развѣ въ чрезмѣрной чувствительности. Чувствителенъ онъ до такой степени, что даже такого обыденнаго явленія какъ восходъ солнца не можетъ видѣть безъ слезъ.

Выходитъ однажды Лизавета Даниловна рано утромъ на крыльцо и видитъ Антипука, сидящаго у воротъ и созерцающаго восходъ солнца; сидитъ онъ и горько плачетъ.

— Что ты, Ѳедюкъ, кая шкода приключилась?—безпокойно освѣдомляется заботливая хозяйка.

— Не могу *ихъ* равнодушно видѣть! — отвѣчаетъ Федюкъ, утирая рукавомъ свою заспанную физіономію...

А физіономія Антипука тоже замѣчательность въ своемъ родѣ, если только дозволено назвать физіономіей лунообразный оваль, изобильно усѣянный веснушками, съ двумя всегда удивленными голубыми глазищами и уморительнымъ сморчкомъ вмѣсто носа. Добавьте сюда—безпорядочную копну льна на головѣ, большое туловище при низкомъ ростѣ, и вы будете имѣть довольно сходное понятіе о наружномъ видѣ вѣрнаго слуги. Голосъ у Антипука тихій и сладкій какъ у застѣнчиваго ребенка и говоритъ онъ съ какой-то особой медовой робостью, безпощадно растягивая слова и заполняя образующіеся антракты усиленнѣйшимъ сопѣніемъ. Но это вѣчно сопящее, пучеглазое и простодушное существо до того предано интересамъ своихъ господъ, что кажется еслибъ нашелся дерзкій, вздумавшій похитить изъ кухни пару «сѣрничковъ», онъ-бы убилъ его на мѣстѣ преступленія той самой мокрой шваброй, съ которой онъ никогда не разлучался на своемъ деньщицкомъ посту.

Лизавета Даниловна души не чаетъ въ Ѳедюкѣ и, послѣ Рыжки, онъ имѣетъ самое существенное значеніе въ ея обиходѣ. Что до «Рыжки», то она играетъ въ бѣленькомъ домикѣ роль счастливой наперсницы: Рыжка обѣдаетъ вмѣстѣ съ господами, Рыжка ходитъ съ барыней на базаръ, Рыжка вертится въ кухнѣ, когда варится варенье, и спитъ на постелѣ у Гавришева или у Антипука, Рыжка вездѣ и всегда. Это очень пухленькая, очень умненькая и очень ласковая кошечка, съ смѣтливыми зелеными глазками, рыжей, пушистой шерсткой и, по странной игрѣ природы, съ единственнымъ бѣлымъ пятнышкомъ вдоль шейки, весьма похожимъ издали на маленькій бѣленькій ошейникъ; необыкновенно красивая, придающая какой-то интеллигентный оттѣнокъ всей физіономіи, линія рта и строгіе, длинные заправскіе мышеловные усики дополняютъ портретъ Рыжки. Это вовсе не изъ тѣхъ чердачныхъ авантюристокъ, прожигающихъ свою короткую кошачью жизнь въ путешествіяхъ по чужимъ крышамъ и въ ночныхъ серенадахъ передъ слуховымъ окошкомъ, или изъ тѣхъ кухонныхъ чумичекъ съ вѣчно замазаннымъ сажей носомъ и тревожнымъ взглядомъ угнетенной приживалки; ни тѣмъ менѣе какая-нибудь пустая вертушка, только и знающая, что забавлять свою барыню, а въ отсутствіе барыни блудить въ коридорѣ между шкафами съ провизіей,—домовитость, сознаніе собственнаго до-

стоинства и спокойно практическій взглядъ на вещи — вотъ черты, отличающія Рыжку. Эти черты нисколько не исключаютъ въ ней веселости и нѣкотораго невиннаго плутовства: Рыжка далеко не прочь иногда взобраться на шкафъ, чтобъ подлизать съ невытертаго подноса пролитое молочко и тутъ же притвориться крѣпко спящей добронравной кошечкой, а легкость и грація Рыжки въ прыжкахъ, при ея относительной толщинѣ, по-истинѣ изумительны; но эту игривую сторону Рыжка умѣетъ обнаружить всегда во время и въ мѣру, отлично понимая, что суть кошачьяго достоинства состоитъ вовсе не въ этихъ житейски-необходимыхъ финтифлюшкахъ, а въ умномъ и добромъ участіи во всѣхъ мелочахъ окружающаго ея общежитія.

Само собой разумѣется, что Рыжка любимица обоихъ прапорщиковъ: Гавришевъ любитъ ее не меньше Лизаветы Даниловны и даже приручилъ спать съ собой, а Агишевъ въ минуты особеннаго расположенія поднимаетъ съ ней такую возню, что у Лизаветы Даниловны подъ конецъ представленія всегда сдѣлается «дурная голова». Агишевъ-же и новое названіе придумалъ кошечкѣ. Съ перваго же разу какъ онъ увидѣлъ ее, всю свернувшуюся въ пышный золотистый клубокъ, онъ невольно воскликнулъ: «Экая *Бомба*!» и съ тѣхъ поръ Рыжка безвозвратно была перекрещена въ «Бомбочку».

Стоитъ-ли прибавлять, что добрая старушка привязалась какъ къ роднымъ къ своимъ юнымъ квартирантамъ; въ особенности любитъ она Гавришева, благодушіе котораго и самое имя «Генечка» напоминаютъ ей ея собственнаго сына, служившаго гдѣ-то на Кавказѣ юнкеромъ и десять лѣтъ не писавшаго матери. Она и зоветъ ихъ не иначе какъ «сыночками», а они въ свою очередь милуютъ ее именемъ «Цыпочки», и течетъ жизнь въ этой малюсенькой халупинькѣ такъ беззатѣйно мирно, такъ наивно весело точно въ какой-то Аркадіи...

Утро, ослѣпительно-лучезарное майское утро. Солнце только-что взошло и лучи его, прокравшіеся сквозь оконную ставень въ залу бѣленькаго домика, играютъ бойкими золотыми зайчиками на крышкѣ «тринжалки», на глянцовитомъ полу, на верху альбома съ Везувіемъ... «Пора вставать» точно говорятъ они, — «господа офицеры, вставать пора?

Но господамъ офицерамъ, повидимому, нѣтъ никакого дѣла до непрошенныхъ будильщиковъ: прапорщикъ Агишевъ лежитъ на кровати навзничь, глубоко зарывшись въ подушку, и не чув-

ствуя ни малѣйшаго угрызенія, что низко съѣхавшее одѣяло и короткая ночная рубаха представляютъ постороннему глазу довольно стѣснительное зрѣлище; прапорщикъ Гавришевъ спитъ на спинѣ, подложивъ руки подъ голову и согнувъ колѣни такимъ удивительнымъ манеромъ, что изъ накрывающаго ихъ одѣяла образовалось нѣчто въ родѣ весьма уютнаго шалашика, подъ навѣсомъ котораго расположилась съ полнѣйшимъ комфортомъ его фаворитка Бомбочка. И Бомбочка, и Гавришевъ, и Агишевъ, всѣ трое находятся подъ обаяніемъ сладкаго утренняго сна, и лѣниво тиликающіе на стѣнахъ офицерскіе часики показываютъ безъ двѣнадцати минутъ пять часовъ.

Но вотъ большая стрѣлка часиковъ остановилась на цифрѣ V, и одновременно, минута въ минуту, въ корридорѣ слышится усиленно-приближающееся сопѣніе... Дверь залы осторожно тихо звѣваетъ и на порогѣ ея появляется Антипукъ въ своемъ полномъ утреннемъ парадѣ: босой, въ сѣро-желтой толстѣйшаго холста рубахѣ и нѣкогда черныхъ, но до того заношенныхъ и зачиненныхъ портахъ, что ихъ по справедливости можно-бы было признать живой поэмой солдатскаго обихода; замѣтно узкіе въ шагу, украшенные по колѣнкамъ двумя квадратными заплатками, спереди они имѣли довольно заурядный видъ, но зато противоположная часть, ненатурально оттопыре́нная вслѣдствіе своей несоразмѣрности въ видѣ курдюка, представляла рѣшительное торжество мозаичнаго искусства,—цѣлую хитроумнѣйшую систему разной величины и оттѣнковъ—латокъ, надшивокъ, подшивокъ и заштопокъ.

Физіономія Антипука имѣетъ такое неопредѣленно-мутное выраженіе, что трудно сказать съ достовѣрностью: проснулся-ли онъ и двигается сознательно или-же все еще спитъ и двигается машинально, повинуясь одному, такъ сказать, дисциплинарному сомнамбулизму, въ силу котораго исправный деньщикъ встаетъ и выполняетъ свои деньщичьи обязанности съ точностью во всякое время дня и ночи, послушный голосу своей солдатской половины и мало заботясь о томъ, какія требованія предъявляетъ одновременно другая его половина—человѣческая. Антипука повидимому совсѣмъ не интересовало обстоятельство,—проснулась ли достаточно его человѣческая половина. Что-то толкнуло его сильно въ самое «нутро», когда онъ безпечнѣйшимъ образомъ сопѣлъ на своемъ протухломъ «туфлякѣ»—онъ моментально вскочилъ съ койки и, не открывая глазъ, «почувствовалъ», что ровно пять часовъ; и съ этимъ инстинктивнымъ чувствомъ связанъ былъ для него цѣлый строго послѣдовательный рядъ другихъ такихъ

же инстинктивныхъ стремленій: 1) надо выпустить на дворъ Бомбочку, 2) надо вычистить двѣ пары сапогъ и «мундёрную одёжу», 3) освободить «курей» изъ курятника и 4) вымести дворъ, и все это, пока не проснулась барыня. Тогда надо напялить «при-пу» (казенный мундиръ), достать съ верхней кухонной полки большую плетеную корзину и отправиться съ барыней на ба-ръ за провизіей. Вслѣдствіе всего означеннаго, Антипукъ, пя и кряхтя, прокрадывается въ спаленку и съ чисто деньщицкой ловкостью, забираетъ лѣвыой всѣ обреченные чисткѣ редметы: два сюртука онъ перекидываетъ черезъ плечо, двѣ пары брюкъ перевѣшиваетъ черезъ локоть и двѣ пары сапогъ обираетъ въ самую руку. Этотъ маневръ служитъ условнымъ накомъ Бомбочкѣ, что пора вставать. Она выползаетъ изъ-подъ алашика, вытягивается во всю длину, потомъ горбообразно выгибляетъ спину и сонливо, точно въ раздумьѣ оглядѣвшись, соскакиваетъ на полъ. Тогда Антипукъ чуть-чуть наклоняется къ олу и, бормоча какое-то неразборчивое утреннее привѣтствіе, обираетъ Бомбочку правой рукой себѣ подъ мышку такъ же фамильярно, какъ-бы онъ взялъ подъ мышку кусокъ холста или рый картузъ. Но Бомбочка, очевидно привыкшая къ своеобразной нѣжности Антипука, не подаетъ ни малѣйшаго знака удовольствія, и когда Антипукъ, проходя въ кухню, спускаетъ на крыльцо, она тихонько трется головой объ его «мозаику», сильно выражая тѣмъ свою кошачью признательность. Антипукъ скрывается въ кухню чистить офицерское имущество, а Бомба, какъ вполнѣ благовоспитанная кошечка, тихонько удаляется на нѣсколько минутъ въ маленькій проулокъ между заборомъ и «караулкой» и, выйдя оттуда съ видомъ совершенной вінности, садится и принимается за свой утренній туалетъ. Окончивши утреннее мытье, она вспоминаетъ, что было-бы теперь недурно позавтракать печенкой, и ни мало не сомнѣваясь, что барыня не позабыла распорядиться на этотъ счетъ, сходитъ съ крылечка и направляется по слѣдамъ Антипука. Такъ проходитъ полчаса. Солнце подымается все выше и выше...

Антипукъ вновь появляется на крыльцѣ съ офицерскимъ имуществомъ, въ достаточной мѣрѣ вытрушеннымъ и вываксшеннымъ. Оставивъ вещи въ спаленку, онъ спускается во дворъ и выпускаетъ изъ заточенія «курей», которыя, точно выпущенные изъ пансіона школьники, съ пискомъ и клохтаньемъ разсыпаются по двору. Даровавъ свободу многочисленному семейству любимицы Елизаветы Даниловны курочки «Линочки», онъ освобождаетъ изъ особой секретной клѣтушки большого черваго индюка, прозван-

наго почему-то за свой неуживчивый нравъ «Кузьмичемъ»; за тѣмъ, раздобывъ изъ сарайчика основательную метлу, онъ принимается энергично за очистку дворика.

Въ это время занавѣсочка крошечнаго оконца, что во[...] кухни, отдергивается и сквозь зелень герани просвѣчиваетъ [...] большое сморщенное, но чрезвычайно доброе лицо—это прос[...]лась Цыпочка. Она растворяетъ окно и здоровается съ Ѳедюко[...]

— Здравія желаю,—отвѣчаетъ Ѳедюкъ, благодушно ух[...]лясь во весь свой широкій ротъ.

— Что, паничи, поди, еще не просыпались?

— Никакъ нѣтъ.

— А Бомбочка ѣла свою печенку?

— Такъ тошно.

Лизавета Даниловна остается совершенно довольна полу[...]ными свѣдѣніями и нѣкоторое время созерцаетъ молча, сж[...] щурясь отъ ярко бьющаго солнца, свое маленькое хозяйское [...]ство.

— А что, Ѳедюкъ,—я думаю, пора намъ податься на ба[...]

— Пора, ваше б—іе,—соглашается Ѳедюкъ.

— Такъ я, Ѳедюкъ, одѣнусь, а ты пока покорми ку[...] гречневыми катышками.

Цыпочка задергиваетъ оконную занавѣску, а Ѳедюкъ в[...]ситъ изъ кухни рѣшето съ гречневыми катышками и начи[...] разбрасывать катышки проголодавшемуся народу, постоянно [...] крикивая на черномазаго обжору Кузьмича: «я тебѳ, ахъ [...] «гарапъ» паскудный!»

Ровно въ 6 часовъ изъ калитки бѣленькаго домика по[...]вается процессія: впереди Антипукъ въ своей вылинявшей «[...]сягѣ», въ бѣломъ сморщенномъ отъ недавней стирки карту[...] смазныхъ скрипучихъ «корабляхъ»; черезъ локоть у него [...]вѣшена большая плетеная корзина. За нимъ медленно по[...] опираясь на широкій матерчатый дождевикъ, Лизавета Дани[...] въ высокомъ черномъ чепцѣ, съ обтрепаннымъ полосатымъ [...] дикюльчикомъ въ рукѣ—и сзади Бомбочка, лѣнивымъ ша[...] основательно позавтракавшей кошечки...

А гг. прапорщикамъ ровно нѣтъ никакого дѣла до всей [...] исторіи и они остаются въ тѣхъ-же позахъ и въ 7 часовъ, [...] процессія появляется обратно... Порядокъ процессіи уже [...] впереди всѣхъ Бомбочка, въ умненькихъ глазкахъ которой [...] отлично прочесть: «я исполнила свой кошачій долгъ и за то [...] часъ получу за свои труды отъ барыни молочка»; барыня [...]тала отъ жары и ходьбы, еле поспѣваетъ за своей путеводи[...]

...щей; Антипукъ слѣдуетъ позади въ почтительномъ отдаленіи ...ъ распухшимъ ридикюлемъ въ одной рукѣ и корзиной, изъ ко...рой заманчиво выглядываютъ свѣжіе бублики, красныя головки ...медоровъ и внушительный кочанъ капусты. Тотчасъ по воз...щеніи, Антипукъ отправляется на кухню ставить самоваръ, Лизавета Даниловна уединяется въ спальню и садится на ни...зкій рундучекъ возлѣ двери, чтобы нѣсколько отдохнуть и ...бразить нѣкоторыя ариѳметическія выкладки. Но вспомнивъ, ...о пора будить «панычей», она вскорѣ охая подымается и при...зываетъ Ѳедюку отворить ставни. Ставни отворяются, одна на ...цу также и въ залу врываются веселые снопы свѣта вмѣстѣ ... горячимъ дыханіемъ южнаго утра, ароматомъ цвѣтущей ака...ціи, съ радостнымъ щебетаніемъ пріютившихся подъ крышей лас...точекъ, со всѣмъ привѣтнымъ лепетомъ весенняго праздника... Да, ...пора будить сыночковъ!

Лизавета Даниловна подходитъ къ спаленкѣ и тихонько сту...читъ въ дверь. Никакого отвѣта. Тогда она растворяетъ двери ...ежь, входитъ въ спаленку и начинается хлопотливая исто...бужденія. Первымъ дѣломъ она прикрываетъ Агашева, ле...жащаго все въ той же предосудительной позѣ, затѣмъ подни...маетъ съ полу одѣяльце Гавришева, и не видя возможности на...кинуть его, такъ какъ Гавришевъ продолжаетъ спать, задравши ..., аккуратно складываетъ одѣяльце и вѣшаетъ его на спинку ...вати. Исполнивъ скромныя требованія житейскаго приличья, ...авета Даниловна останавливается посреди между двухъ кро...ватъ и начинаетъ правой рукой дергать за одѣяло Агишева, ...вой слегка теребитъ вихры Гавришева, приговаривая добро...душно дребезжащимъ голосомъ: «Дѣтки, вставать пора!.. Пора ...вать! сыночки, скоро 8 часовъ!..» Дѣтки не двигаются. «Генька, ...—слышите, что я говорю—8 часовъ!» возвышаетъ голосъ ...почка и энергично треплетъ одѣяло Агишева. Агишевъ по...шилъ головой, что-то сердито пробурчалъ и, внезапно пере...нувшись на спину,—такъ высоко задралъ ноги, что чуть не ...нулъ съ мѣста Цыпочкинъ чепецъ. Лизавета Даниловна, ...нувъ рукой на Агишева, поворачивается къ своему любим... Генечкѣ и начинаетъ ерошить его бѣлокурую мерлушку: ..., ты, кудлатый, чего не встаешь?.. Вѣдь пора, вѣдь опоз...шь—опять суетиться будешь... Вставай, вставай, сыночекъ!» ...ечекъ издаетъ какой-то жалобный свистъ, перевертывается ...ъ тормашки и зарываетъ голову глубоко въ подушку.— ...ъ наказанье!»—охаетъ Цыпочка, опуская безнадежно руки, и ...дитъ изъ спальни въ корридорчикъ, чтобъ повѣрить ...ою

неудачу Өедюку, которому она неизмѣнно повѣряетъ всѣ мелочи домашняго обихода.

Тамъ, въ уютномъ уголкѣ между дверью залы и окномъ спаленки, уголкѣ, исполняющемъ обыкновенно роль «чайной», а въ слишкомъ жаркіе дни «столовой»,—на приземистомъ кухонномъ столѣ уже распѣваетъ свои утреннія рулады на диво вычищенный самоваръ; Өедюкъ уже ерзаетъ въ своей мозаикѣ съ скоблилкой и ветошкой по полу коррилора, и Бомбочка, вобравшаяся на хозяйское мѣсто, въ ожиданіи утренней порціи молочка, ревниво облизывается на носатое рыльце молочника.

«Каждый день—то же самое», жалуется Лизавета Даниловна Антипуку:—«будишь, будишь—никакъ не добудишься. Спятъ ровно мертвые!» Антипукъ, чтобы нѣкоторымъ образомъ выразить свое сочувствіе обращеннымъ къ нему словамъ, оставляетъ на минуту ветошку и скоблилку и самъ оправляетъ съѣхавшія отъ усиленнаго ерзанія портки... «Мaay?»—прерываетъ сѣтованіе Лизаветы Даниловны тоненькій протяжный крикъ, похожій на крикъ голоднаго ребенка. Старушка поворачиваетъ голову и замѣчаетъ Бомбочку, искательно увивающуюся въ подолѣ ея платья... «Ахъ, ты моя проказница, ахъ, ты моя баловница!»—грозитъ, улыбаясь, Лизавета Даниловна.—Молочка хочешь, да? Мурлысенька молочка хочетъ!..» «Мaay!» подтверждаетъ жалобно мурлысенька. Цыпочка беретъ со стола носатый молочникъ и наливаетъ на завѣтное мѣсто подъ столомъ молочка, и Бомбочка, истомившаяся въ долгомъ ожиданіи, тотчасъ же жадно присасывается къ молочной лужицѣ. Отпустивъ Бомбочкѣ обычную порцію молочка, Цыпочка, не менѣе голодная, чѣмъ ея кошечка, «запариваетъ» чай и, отложивъ ломтикъ свѣжаго бублика, вторично отправляется въ спаленку будить своихъ безпросонныхъ квартирантовъ.—«Ну, дѣтки, поднимайтесь, а то самоваръ простынетъ!»—возвѣщаетъ Цыпочка рѣшительнымъ тономъ и подходитъ къ Агишеву.—Агишевъ, инстинктивно почуявшій, что его собираются будить, издаетъ дикій полуревъ и сердито отворачивается къ стѣнкѣ. Цыпочка опять машетъ на него рукой и подходитъ къ Гавришеву: «Ну, Генечка, покажи хоть ты примѣръ этому злюкѣ—вставай, дружочекъ!» Генечка не двигается и издаетъ еле слышный, но чрезвычайно непривѣтливый звукъ. Цыпочка останавливается посреди комнаты совершенно обезоруженная: «Что-жъ это такое, сыночки,—спрашиваетъ она,—такъ мы и будемъ спать?» Такъ-мы-и-бу-демъ-спать! — тиликаютъ на стѣнкѣ офицерскіе часики.—Чистое наказаніе—сокрушается во второй разъ Цыпочка, и возвратившись въ корридорикъ, запиваетъ

свое сокрушеніе горячимъ чаемъ. Но добрая старушка спокойно не можетъ допить чашки, мучимая мыслью, чтобъ ея сыночки— «не дай Богъ не опоздали на службу!» — Не обращая вниманія на мяуканіе разлакомившейся Рыжки, Цыпочка наклоняется къ окну спаленки и указательнымъ пальцемъ постукиваетъ въ ...кло. Ни звука.

— «Ну, постой же», думаетъ Лизавета Даниловна, и под...вшись на цыпочки, отворяетъ форточку спаленки: «Ну, дѣтки ...и, можете не вставать», съ напускной серьезностью пред...преждаетъ она:—«Самоваръ потухъ!» — «Чортъ знаетъ... опять, ...-Богу!» огрызается съ просонья Агишевъ. — Цыпочка, видя, ...о угроза ея не подѣйствовала, сердито захлопываетъ фор...тку.—«Просто бѣдствіе!» раздражается она и наливаетъ себѣ ...езъ край вторую чашку. «Мяау!» пищитъ возлѣ нея настой...о Бомбочка.—«Ну, нна, нна, жаднюга!» — раздражительно ...итъ Цыпочка и въ сердцахъ выплескиваетъ изъ молочника ...а столъ цѣлое озеро, чѣмъ Бомбочка остается несказанно до...льна и вся съ головой окунается въ молочное озеро. Но еже...енній страхъ Цыпочки, чтобъ «ея сыночки» не опоздали на ...жбу, не покидаетъ ее. «Өедюкъ,—обращается она къ Анти...у:—ты-бы пошелъ побачилъ, не проснулись ли наши барича?» ...юкъ крахтя подымается съ полу и осторожно тихо, точно ...ая не по полу, а по канату, прокрадывается въ залъ.

— Уже есть, ваше б-іе,—докладываетъ онъ, возвратившись ... путешествія.

— Да что есть, говори толкомъ?

— Проснулись, ваше б-іе!

— Я-же ихъ,—улыбается Цыпочка и подымается съ намѣ...іемъ хорошенько распушить своихъ сыночковъ; но сыночки, ...будь дураки, молча согласились не подавать виду, что они ...нулись, и при входѣ Лизаветы Даниловны, храпятъ какъ ...ящіе боровы.

— Что же это, въ самомъ дѣлѣ, неужто Өедюкъ обознался?.. ...едоумѣваетъ Цыпочка и, потеравъ всякое терпѣніе, обруши...ся съ послѣдней угрозой на свистящихъ и сопящихъ пра...щиковъ: «Долго вы будете дрыхать, я васъ въ послѣдній ... спрашиваю?.. Если вы сейчасъ не встанете—я велю само...ъ убирать... Ей-Богу, велю!»—прапорщики не двигаются.— ...дюкъ, убирай самоваръ!»—съ натянутой суровостью прика...етъ Цыпочка и уже поворачивается, чтобъ уйти, какъ въ самую минуту прапорщики разражаются такимъ оглуши...ымъ смѣхомъ, что старушка съ перепугу присѣдаетъ чуть

не до самаго полу. «Ахъ, проказники, ахъ дурные,—причитываетъ она,—совсѣмъ оконтузили старуху... Я васъ, погодите!» И видя, что прапорщики какъ шальные въ однихъ рубашенкахъ вскакиваютъ съ кроватей, стыдливо заслоняется рукой и возвращается въ «чайную», внутренно довольная, что ея сыночки продрали глаза и слѣдовательно уже ни въ какомъ случаѣ не опоздаютъ на службу. Третья чашка выпивается Цыпочкой въ полномъ душевномъ спокойствіи.

Между тѣмъ, сыночки одѣваются, оправляются, отплевываются и, подъ предлогомъ утренней гимнастики, схватываются и начинаютъ бороться...

— Цыпочка, достаньте мнѣ чистую малороссійскую рубашку! —визжитъ Гаврвшевъ.

— Антипукъ... мыться!!—оретъ благимъ матомъ Агишевъ.

Лизавета Даниловна хлопотливо полѣзетъ въ комодъ, чтобъ достать чистую рубаху, за ней суетливо мечется Бомбочка и непосредственно за Бомбой появляется на порогѣ залы Антипукъ съ умывальникомъ, тазомъ и кувшиномъ свѣжей воды. Съ приходомъ послѣдняго, въ спаленкѣ поднимается фырканье, плесканье, шушушня и топотня—настоящій утренній содомъ.

Господа офицеры изволили проснуться.

Минутъ черезъ десять, они являются въ «чайную» уже совсѣмъ готовые, въ чистенькихъ кителякъ, въ высокихъ сапогахъ съ звонкими стальными шпорами, съ розовыми свѣжевымытыми лицами, съ здорово-счастливымъ видомъ, свидѣтельствующимъ о превосходнѣйшемъ пищевареніи и безпечнѣйшемъ состояніи человѣческаго духа. Оказывается, что Цыпочка по обыкновенію преисправнѣйшимъ манеромъ ихъ надула и они не только не опоздали на службу, но еще нѣтъ восьми часовъ, и они могутъ напиться чаю вволю, даже съ нѣкоторымъ прохладцемъ. Пока они чайничаютъ, заряжая за обѣ щеки румяные, разсыпчатые бублики съ масломъ, Цыпочка подсаживается притупившись къ самоварчику и сообщаетъ, ахая и причитывая, послѣднія базарныя новости: что къ картофели почти приступу нѣтъ и за око картошки запрашиваютъ «вымолвить страшно»—14 копѣекъ, а на говядину совсѣмъ басурманскія цѣны пошли; что знающіе человѣки предсказываютъ большой урожай «гарбузовъ» въ нынѣшнемъ году и что въ городѣ опять побили какого-то жида и т. п. Послѣднія новости, повидимому, мало трогаютъ прапорщиковъ, продолжающихъ съ молчаливою сосредоточенностью уплетать вкусные бублики и не теряющихъ даже аппетита при заключительномъ разсказѣ Цыпочки о привидѣвшемся

ей страшномъ снѣ (ей привидѣлось, будто пропала ея любимая курочка «Линочка!»). Лизавета Даниловна не успѣваетъ высказать своихъ предчувствій по поводу зловѣщаго видѣнья, какъ Агишевъ рѣшительно подымается со стула, прицѣпливаетъ саблю и берется за фуражку.

— Куда ты, сыночекъ; я вѣдь еще не кончила говорить,— вздыхаетъ Цыпочка, разстроенная собственнымъ разсказомъ.

— Некогда, некогда, Цыпуля, сегодня бригадное ученіе... Женька, скоро ли?

Гавришевъ, захлебываясь и обжигаясь, допиваетъ свой третій стаканъ, суетливо пристегиваетъ саблю и все еще съ бубликомъ за щекой цѣлуетъ Цыпочку. Прапорщики молодецки надвигаютъ свои бѣлыя фуражки и, весело звеня саблями, скрываются за калиткой.

Съ уходомъ прапорщиковъ въ домикѣ поднимается обычная предъ-обѣденная хлопотня. Цыпочка снимаетъ свои митенки, снимаетъ свою душегрѣйку и свой чопорной чепецъ и на нѣкоторое время, такъ сказать, «погребаетъ» себя на кухнѣ; Антипукъ, наерзавшись вдоволь на полу коррридора, переѣзжаетъ въ зало уже во всеоружіи своего званія—съ мокрой шваброй, помойной ведерочкой, тряпкой и скоблилкой и, засучивъ елико возможно рукава рубахи, пыхтя и сопя какъ паровозъ, принимается за приведеніе въ порядокъ жилыхъ комнатъ, влагая въ эту неблагодарную работу всю свою деньщичью душу. Бомбочка, какъ вполнѣ практическая кошечка, отнюдь не мѣшается въ хозяйственную суету, предпочитая благоразумно отдохнуть передъ обѣдомъ; она прокрадывается на дворъ и, взобравшись на свое любимое мѣсто, на самый вверхъ сложенныхъ возлѣ сарайчика дровъ, растягивается во всю длину, граціозно нѣжась на солнцѣ и созерцая съ философскимъ спокойствіемъ толпящуюся подъ ней пернатую публику,—бойкую, болтливую «Линочку», осаждаемую безтолковымъ пискомъ своего многочисленнаго потомства, чванно выступающаго по двору «Кузьмича», неприступнаго въ своемъ аристократическомъ одиночествѣ, и двухъ нахальныхъ воробьевъ, чирикающихъ подъ самымъ хвостомъ послѣдняго и жадно подбирающихъ остатки гречневыхъ катышковъ.

А яркое южное солнце поднимается выше, все выше, обдавая нестерпимымъ блескомъ и зноемъ ликующій день...

Ровно въ полдень прапорщики возвращаются домой, запыленные, усталые, голодные, какъ волки... Цыпочка уже съ полчаса поджидаетъ ихъ, поглядывая въ окно... Посреди залы, сіяющей ослѣпительной чистотой, уже красуется въ своемъ полномъ

облаченіи раскрытый ломберный столъ, однимъ своимъ вкусно-опрятнымъ видомъ возбуждая самый злѣйшій аппетитъ.

Обѣдъ подается съ волшебною скоростью, какъ только прапорщики переодѣлись, и почти съ такою же волшебною скоростью уничтожается. Съ свирѣпой поспѣшностью опорожняются тарелки малороссійскаго борща съ жареными ушками, живо и весело истребляется второе блюдо—гордость Цыпочки—фаршированные кабачки въ сметанѣ, и уже совсѣмъ незамѣтно для глазъ отправляются въ желудокъ появляющіеся въ заключеніе вареницы съ вишнями... Проглотивши послѣдній вареникъ, «сыночки» нѣсколько тупѣютъ и нѣкоторое время совершенно безъ мысли, съ унылою сосредоточенностью, созерцаютъ, какъ Бомбочка, напыжившись надъ тарелкой, уплетаетъ подъ столомъ отобѣденные объѣдки. А тамъ «засмаливаются» трубки, прапорщики вольготно разваливаются на турецкомъ диванчикѣ и пускаются въ обсужденіе нѣкоторыхъ экономическихъ вопросовъ, не требующихъ особеннаго напряженія мысли, какъ-то: какой сортъ табаку крѣпче и вмѣстѣ съ тѣмъ дешевле, чѣмъ цѣлесообразнѣе смазывать личные сапоги—рициновымъ масломъ или свинымъ саломъ и т. п.

— На мой взглядъ, самое лучшее предоставить разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ *Нептуну*!—заключаетъ по обыкновенію Агишевъ, повторяя популярное въ бригадѣ искаженіе Морфея. На что Лизавета Даниловна по обыкновенію замѣчаетъ:

— И то, дѣтки, идите съ Богомъ, отдохните... Заморились, поди, на службѣ царской!

Дѣтки лѣниво поднимаются съ дивана, цѣлуютъ Лизавету Даниловну и, зѣвая, удаляются въ спаленку.

— «Поѣлъ казакъ, да и на бокъ—оттого казакъ и гладокъ», морализируетъ Цыпочка и тоже уединяется въ свой куточекъ пошептаться по секрету съ «Нептуномъ»...

Часовъ около четырехъ, старушка сползаетъ съ кровати и выходитъ на крыльцо посмотрѣть по солнцу, не пора ли будить сыночковъ, и съ просонья поохать надъ своимъ вдовьимъ одиночествомъ. Неизмѣнный и точный истолкователь всѣхъ душевныхъ движеній Цыпочки, Ѳедюкъ, какъ-разъ является передъ крыльцомъ и докладываетъ о необходимости поставить самоваръ:

— Ваше благородіе, я желаю самоваръ поставлять.

— Что-жъ, Ѳедюкъ, пора,—соглашается Цыпочка:—скоро барчуки поднимутся.

Антипукъ отправляется наставлять самоваръ, а Лизавета Даниловна остается на крылечной площадкѣ, подперевъ голову

правой ладонью и временно погруженная въ меланхолію по поводу своей вдовьей сущности...

— Можно войти, миленькая? — прерываетъ ея задумчивость довольно пріятный сиповатый голосъ позади калитки.

— Θедосья Минаевна, какъ это вы надумались? — всплескиваетъ руками Лизавета Даниловна и, вся просіявъ, идетъ на встрѣчу гостьѣ.

Въ калиткѣ показывается небольшого роста, круглая и толстая, какъ трамбовка, женщина, вся въ черномъ съ чернымъ платкомъ на головѣ, съ большими хитрыми глазами, необыкновенно мохнатыми бровями и маленькими черненькими усиками на губастомъ подбородкѣ. Это — г-жа Клепикова, тоже вдова «флотскаго», закадычная пріятельница Лизаветы Даниловны. Θедосья Минаевна Клепикова жительствуетъ чуть ли не на концѣ свѣта, на такъ-называемомъ «горищѣ» (возвышенная часть слободки) въ наслѣдственной крохотной изобкѣ на курьихъ ножкахъ; но отдаленность мѣстожительства отнюдь не мѣшаетъ знать Θедосьѣ Минаевнѣ не только то, чтó происходитъ на «горищѣ», но рѣшительно все, чтó происходитъ *за* горищемъ, *подъ* «горищемъ», въ городѣ и пригородѣ. Эта человѣческая слабость, соединенная съ тайной склонностью къ крѣпкимъ напиткамъ, вполнѣ заслоняется неутомимымъ богомольствомъ вдовы, составившимъ ей довольно почетную извѣстность среди женской слободской половины; эта извѣстность впрочемъ основана была преимущественно на знакомствѣ вдовы со всѣмъ мѣстнымъ чернымъ духовенствомъ и даже съ самимъ «владыкой», въ кельѣ котораго она однажды «сподобилась» пить чай. Лизавета Даниловна была одна изъ самыхъ усердныхъ поклонницъ рѣдкихъ достоинствъ Θедосьи Минаевны и появленіе послѣдней на порогѣ бѣленькаго домика получало всегда видъ нѣкотораго событія.

Лизавета Даниловна, послѣ предварительныхъ объятій, ведетъ пріятельницу въ залъ и, усадивъ на самое почетное мѣсто въ комнатѣ — на турецкій диванчикъ, сама на минуту скрывается въ кухню, извинившись лицемѣрно хлопотами по хозяйству.

Черезъ минуту Лизавета Даниловна съ чистою совѣстью и видомъ тихаго хозяйственнаго блаженства возвращается къ оставленной дорогой гостьѣ.

— Ангелочки-то спятъ? — таинственно освѣдомляется Θедосья Минаевна.

— Спятъ, голубчики, — шопотомъ подтверждаетъ Лизавета Даниловна.

Онѣ подсаживаются близко другъ къ дружкѣ и съ аппети-

томъ долго невидавшихся кумушекъ начинаютъ перебирать всякую житейскую дребедень. «Перво-на-перво», Ѳедосья Минаевна сообщаетъ прискорбное событіе изъ экономическаго міра: «розовое варенье, присланное ей изъ Керчи знакомой попадьей, совсѣмъ обсахарилось» и не смотря на всевозможные способы кипяченія потеряло всякую пріятность. Это неутѣшительное обстоятельство располагаетъ Ѳедосью Минаевну перейти отъ розоваго варенья къ далеко не розовой дѣйствительности квартирнаго вопроса—больное мѣсто всѣхъ слободскихъ вдовицъ, единственно существующихъ отдачей въ наймы своихъ мазанокъ. По словамъ Ѳедосьи Минаевны, она находится совсѣмъ «на краю пропасти», такъ какъ ея постоянный жилецъ, пѣхотный капитанъ, вотъ уже второй мѣсяцъ не платитъ за квартиру, пьетъ безъ просыпу. И все грозится съѣхать. Критическое положеніе Ѳедосьи Минаевны производитъ, впрочемъ, не особенно угнетающее впечатлѣніе на Лизавету Даниловну по той естественной причинѣ, что пѣхотный капитанъ квартируетъ у г-жи Клепиковой слишкомъ семь лѣтъ и въ пьяномъ видѣ всегда грозится очистить квартиру. Это во всякомъ случаѣ довольно безпокойное обстоятельство вызываетъ Лизавету Даниловну на сравнительное размышленіе о собственномъ благополучіи и она въ сотый разъ распространяется передъ Ѳедосьей Минаевной,—какихъ Господь послалъ ей рѣдкихъ квартирантовъ, и что хотя она взяла съ нихъ по нынѣшнему времени маловато—всего «по четырнадцати съ полтиной, со столомъ» съ каждаго — но за то они любятъ ее какъ мать, и что она сама расположена къ нимъ «въ родѣ матери» и т. п. Въ результатѣ, Лизавета Даниловна все-таки не можетъ, чтобъ не «пожалиться» на судьбу, которая доставляетъ ей столько хлопотъ по хозяйству, и на то, какъ вообще тяжело жить на свѣтѣ при слабомъ здоровьѣ и нонѣшней дороговизнѣ. На этомъ пунктѣ кумушки вполнѣ сходятся и послѣдняя базарная новость: «14 к. за *око* картофелю» служитъ предметомъ настоящихъ вавилонскихъ воздыханій.

Между тѣмъ прапорщики, разбуженные кудахтаньемъ кумушекъ, просыпаются и громко зѣваютъ. Они по голосу отлично догадываются о присутствіи Ѳедосіи Минаевны, и не заставляя себя долго ждать, появляются въ залѣ, въ коротенькихъ тужуркахъ и обтрепанныхъ туфляхъ, съ всклокоченными волосами и веселыми лицами.

Ѳедосья Минаевна при появленіи «ангелочковъ» подымается церемонно съ дивана и низко, низко присѣдаетъ.

— Здрасьте,родненькіе! — выводитъ она медовымъ голосомъ съ сладчайшей улыбкой, поводя блудливо масляными глазками.

— Здрасьте, ангелочекъ! — подпѣваетъ ей въ тонъ Агишевъ и комически присѣдаетъ. Гавришевъ смѣется и тоже дѣлаетъ книксенъ. Өедосья Минаевна приходитъ въ нѣкоторое не совсѣмъ натуральное волненье и повторяетъ реверансъ...

Цыпочка тѣмъ временемъ все поглядываетъ на дверь...—Что же это Өедюкъ забылъ что ли про самоваръ?—вдругъ разражается она. Но не успѣваетъ договорить заклятья, какъ дверь коррид̲ора отворяется и на порогѣ появляется легкій на поминѣ—Өедюкъ... Но, Боже, въ какомъ видѣ?!

Еще на «пасхѣ», желая въ угоду господамъ немножко «причепуриться» къ празднику, Антипукъ пріобрѣлъ у какого-то жида на базарѣ за восемь гривенъ вицъ-мундиръ министерства финансовъ, правда, жестоко поношенный, но на его деньщицкій вкусъ вполнѣ превосходный, въ коемъ и заблагоразсудилъ теперь явиться для пущаго блеска.

Появленіе его производитъ взрывъ единодушнаго смѣха. Неизмѣнно босой, въ широкомъ волной оттопырившемся мундирѣ, съ остатками прежняго величія — поѣденнымъ молью бархатомъ воротника, тремя уцѣлѣвшими гербовыми пуговицами и несообразно короткими фалдочками—онъ производилъ рѣдкій комическій эффектъ.

— Ваше превосходительство, это по какому случаю? — хохочетъ Агишевъ.

— Это онъ нарочно, чтобъ понравиться Өедосьѣ Минаевнѣ! —хохочетъ Гавришевъ.

— Ахъ, ты, Өедюкъ, Өедюкъ—уморилъ совсѣмъ! — еле можетъ выговорить отъ смѣха Цыпочка.—Ну, какъ есть чиновникъ въ должности.

И всѣ смѣются, и всѣ довольны. И довольнѣе всѣхъ самъ Өедюкъ. Онъ стоитъ на порогѣ залы, вытянувши руки по швамъ, съ чистой скатерткой подъ мышкой и младенчески простодушно ухмыляется.

Въ довершеніе удовольствія въ комнату вбѣгаетъ Бомбочка и, не узнавъ съ послѣобѣденнаго просонья въ чиновникѣ своего благопріятеля Өедюка, сердито отфыркнувшись, бросается къ Лизаветѣ Даниловнѣ. Новый взрывъ смѣха.

Теперь все вниманіе обращается на Бомбочку.

«Здравствуй, Бомбочка, здравствуйте, милая!» —нѣсколько оффиціально привѣтствуетъ г-жа Клепикова. «Ну, что же, Бомбуся, что-жъ ты не здороваешься съ Өедосьей Минаевной?» —

строго выговариваетъ старушка и втаскиваетъ Бомбусю на диванъ. «Хорошая, очень хорошая кошечка!» льстиво приговариваетъ кумушка, равнодушно поглаживая пушистую шерстку Бомбочки, но та спѣсиво пыжится, косясь непріязненно на черные усики Ѳедосьи Минаевны. Точно она желаетъ тѣмъ сказать: «Вотъ вздоръ—усы у васъ совсѣмъ не лучше моихъ и я сама отлично знаю, что я хорошая кошечка и не нуждаюсь въ чужой лести. И потомъ, что за фамильярность: Бомбочка! Для постороннихъ я только «Рыжка»; да-съ, мое настоящее имя Рыжка, а вовсе не Бомбочка!!» И щепетильная кошечка спрыгиваетъ на полъ.

А «чиновникъ» уже накрылъ столъ чистой скатертью и вноситъ самоваръ и подносъ съ разными чайными прилагательными, между которыми выдаются два нарочито назначенныхъ для дорогой гостьи: франзоль съ макомъ и баночка кизильнаго варенья.

Начало чаепитія носитъ нѣкоторый оффиціальный характеръ. Сознаніе Ѳедосьи Минаевны, что при всемъ своемъ фамильярномъ отношеніи къ жильцамъ, она все-таки «въ гостяхъ», и въ свою очередь льстящее молодому самолюбію прапорщиковъ обстоятельство, что у нихъ «гости» и, наконецъ, мундирная напыщенность Антипука, все это располагаетъ находящихся въ залѣ отнестись къ обряду чаепитія съ подобающею чинностью. Но эта свѣтская натянутость скоро надоѣдаетъ Агишеву, расположившемуся у окна съ трубкой и стаканомъ чаю и онъ нарушаетъ наступившую тишину протяжнымъ тоскливымъ воздыханіемъ.

— Что ты бурчишь, сыночекъ,—безпокоится Лизавета Даниловна:—не сладко, что ли?

— Я вовсе не о томъ,—огрызается Агишевъ, на котораго нерѣдко находитъ «моментъ» строптивости.—Просто тоска. Надоѣло быть прапорщикомъ—хочу быть подпоручикомъ. Господи, скоро ли меня произведутъ въ подпоручики!—И мрачно уставившись въ потолокъ, онъ выпускаетъ цѣлую тучу табачнаго дыма.

— Богъ съ тобой, сыночекъ, чего тебѣ недостаетъ? Сытъ, здоровъ, на хорошемъ счету у начальства. Вотъ бери примѣръ съ Генечки. Всѣмъ-то онъ доволенъ, никогда не бурчитъ.

— Ахъ, нѣтъ, Цыпочка,—меланхолически вздыхаетъ Гавришевъ:—я самъ день и ночь вижу какъ бы поскорѣй заполучить вторую звѣздочку.

— Грѣхъ вамъ «задаваться», сыночки, право, грѣхъ. Памятуйте пословицу: «тихо не лихо, а смирнѣе прибыльнѣе».

— Смиренье—молодцу ожерелье!—добавляетъ съ своей стороны Θедосья Минаевна. Но обѣ пословицы пропускаются прапорщиками мимо ушей,—Гавришевъ стонетъ у одного окна, Агишевъ у другого и потомъ оба, уже нарочно, издаютъ настоящій волчій вой: «Господи, скоро ли насъ произведутъ въ под-по-рууучики!!» Цыпочка возвышаетъ голосъ:

— Вотъ, что я вамъ скажу, сыночки, если вы будете продолжать бурчать, Θедосья Минаевна обидится и уйдетъ домой! Ты бы, Геня, чѣмъ «задаваться» по пусту, лучше сыгралъ бы что-нибудь на тринжалкѣ. Θедосья Минаевна очень любитъ твою музыку. Сыграй, дружочекъ.

— Ахъ, *мусье* Гавришевъ, доставьте наслажденіе для души! —лопочетъ Θедосія Минаевна, считая необходимою тонкостью вставить «мусье», когда разговоръ касается возвышенной матеріи. Гавришевъ довольно улыбается и продолжаетъ сосредоточенно прихлебывать чай...

— Ну, не ломайся, садись за «посудину» и валяй твою нѣмецкую антимонію!—командуетъ Агишевъ.

И Гавришевъ подсаживается къ «посудинѣ» и играетъ нѣмецкую «антимонію», иначе говоря извѣстную «Ständchen» Шуберта, любимую свою пьесу.

Дилеттантъ въ фортепіанномъ искусствѣ, Гавришевъ игралъ довольно плохо нѣсколько избитыхъ пьесъ, заученныхъ на память еще въ отрочествѣ у своей петербургской тетушки, къ которой онъ ходилъ по субботамъ въ отпускъ изъ корпуса, но Шубертовскую серенаду онъ игралъ дѣйствительно съ чувствомъ и не безъ поэзіи. Вся эта коротенькая идиллическая пѣсенка, казалось, точно была нарочно написана для его ограниченно-дѣтской души, для этихъ дрябленькихъ однотонно поющихъ клавикордовъ, для всей безхитростной обстановки бѣленькаго домика. Всякій разъ онъ игралъ ее съ особеннымъ удовольствіемъ и всякій разъ она производила впечатлѣніе на слушателей. Вотъ и теперь на всѣхъ лицахъ можно прочесть тихое «серенадное» отраженіе: Агишевъ остановился прихлебывать чай и, отвернувшись задумчиво къ окну, пускаетъ непрерывные, усиленные клубы табачнаго дыму—ясно, что онъ растроганъ, но не хочетъ этого показать; кумушки сидятъ молча, чинно сложивши руки съ непередаваемымъ сіяніемъ существъ, находящихся на «второмъ небѣ»; даже Бомбочка, мывшая возлѣ тринжалки свою мордочку, опустила лапку и глаза ея приняли томное, почти сантиментальное выраженіе. За дверью раздается монотонное прочувствованное сопѣніе Антипука... А тринжалка поетъ и поетъ...

«Нѣмецкая антимонія» прекращается.

Ѳедосья Минаевна приходитъ въ какой-то неестественный экстазъ и вся ея пухлая фигурка трясется какъ растревоженное желе:

— Прекрасно, мусье Гаврищевъ,—кудахтаетъ она,—необыкновенно превосходно... Можно сказать, до слезъ!

— Да, у моего Гени большія способности,—радуется Лизавета Даниловна, польщенная фуроромъ, который произвелъ ея *Геня*. Агишевъ, на котораго созданіе искусства производитъ лишь минутное воздѣйствіе, выдуваетъ трубку и крякая поднимается со стула:

— А что, мусье Гаврищевъ, не пора ли намъ съ тобой «подаваться» на бульваръ?

— И то, отчего-жъ не податься,—соглашается Гаврищевъ, вставая и захлопывая крышку тринжалки. И прапорщики удаляются переодѣться.

Прифрантившись на бульваръ, они уже не позволяютъ себѣ ни одной изъ тѣхъ фамильярныхъ выходокъ, на которыя они были способны четверть часа передъ тѣмъ. Преоблаченіе изъ безцеремонной тужурки въ ловко сшитый мундиръ какъ-то вдругъ ужасно возвышаетъ ихъ передъ г-жею Клепиковой и они раскланиваются съ гостьей радушно, но вполнѣ сохраняя свой офицерскій престижъ.

— Знаю, сыночки, для кого вы такъ причепурились,—грозитъ имъ Цыпочка,—все знаю! «Сыночки» улыбаются и, усиленно гремя распущенными саблями, исчезаютъ изъ бѣленькаго домика. Они спѣшатъ на городской бульваръ—«искать предметъ».

«Исканіе предмета» на первыхъ порахъ составляетъ для прапорщика почти такую же неотложную формальность, какъ для выпускной институтки пополнить свое существованіе усатымъ идеаломъ въ гвардейской формѣ. О серьезной любви тутъ не можетъ быть и рѣчи—тутъ главное «имѣть» какой-нибудь «предметъ», чтобъ постоянно восхищаться имъ, говорить о немъ другимъ и носиться съ своей воображаемой страстью до тѣхъ поръ, пока въ одинъ прекрасный вечеръ «боготворимый идеалъ» не возбудитъ жесточайшей зѣвоты и явнаго удивленія къ своей прапорщичьей глупости. Такой именно формальный «предметъ» нашли Агишевъ съ Гаврищевымъ въ лицѣ одной изъ бульварныхъ барышенъ, извѣстной между молодежью подъ названіемъ «розовой барышни», потому что каждолѣтно она появлялась на бульварѣ всегда въ одномъ и томъ же розовомъ демикотоновомъ платьицѣ.

Агишевъ съ Гавришевымъ какъ-то такъ счастливо устроились, что имъ двумъ оказалось совсѣмъ достаточно одного «предмета». Явившись на бульваръ, они первымъ дѣломъ бросались искать свой розовый предметъ, оцѣпляли его съ обѣихъ сторонъ и принимались плести ту безконечную бульварную канитель, которая почти непередаваема на языкѣ смертныхъ:

— Дайте мнѣ вашъ цвѣтокъ... — говоритъ, положимъ, Агишевъ.

— Нѣтъ, не дамъ.

— Отчего же не дадите?

— Да отъ того.

— Отчего же отъ того?

— Отъ того, что Гавришеву дамъ, а вамъ нельзя!

— Почему же Гавришеву можно, а мнѣ нельзя?

— Потому что вы противный.

— Но позвольте, отчего же противный.

— Нельзя сказать.

— Отчего же нельзя сказать?

— Ну, да ужъ оттого... и т. д. битыхъ три часа, пока совсѣмъ не темнѣло и публика не расходилась съ бульвара.

Первые мѣсяцы, медовые мѣсяцы ихъ сожительства, прапорщики вполнѣ довольствовались этой демикитоновой барышней, своей дружбой, пріятными ощущеніями офицерской самостоятельности. Ихъ не тянуло ни въ «французскую кандитерскую» съ аристократической вывѣской: *входъ въ антрэ* и партіей «тріамболя» на обтрепанномъ билліардѣ, ихъ не прельщала даже знаменитая «бекешка», полуразвалившаяся буточка бульварнаго буфета—тихая пристань угнетеннаго жизнью офицерства,—да что говорить? Ихъ не искушала даже с—ая гетера—рыжая арфянка Фроська, приводившая въ рѣшительный азартъ всю мѣстную холостежь. Стократъ блаженъ, кто довольствуется малымъ!

Съ уходомъ «квартирантовъ» кумушки чувствуютъ себя значительно свободнѣе. Онѣ пересаживаются къ раскрытому окну около тринжалки, откупоривается завѣтная бутылка вишневки и бесѣда принимаетъ самый задушевный характеръ. Лизавета Даниловна не преминетъ, конечно, чтобъ не всплакнуть о своемъ блудномъ сынѣ, который десять лѣтъ не пишетъ съ Кавказа, а Ѳедосья Минаевна, въ свою очередь,—о своемъ покойномъ мужѣ, который «экая напасть» умеръ всего за полторы недѣли до «полной пенсіи» и обѣ незамѣтно переходятъ къ такимъ женскимъ интимностямъ, которыя совершенно не интересны для постороннихъ.

Между тѣмъ, Антипукъ, управившій всѣ дѣла и переодѣвшійся по домашнему, сидитъ на завалинкѣ у воротъ и тоже предается вечернему кейфу. Бомбочка, свернувшись граціознымъ калачикомъ на его заплатанныхъ колѣнкахъ, дремлетъ и громко мурчитъ. «Що ты, кисюкъ, муркотишь?» —освѣдомляется по временамъ Антипукъ и тихо щекощетъ у Бомбочки подъ лѣвымъ ухомъ... Но кисюкъ даже не ведетъ ухомъ и продолжаетъ муркотить въ свое удовольствіе, и самъ Антипукъ понемногу начинаетъ подфыркивать въ тонъ кисюку и, устремивъ мутно-меланхолическій взглядъ на заходящее солнце, предается безобиднымъ мечтамъ въ родѣ: «отчего, кошененку жить слободно, и что вотъ, ежели онъ теперича солдатъ, то солдатъ не могитъ», и что «може, ему удастся справить къ зимѣ теплую куфайку», и что «придетъ ли ему изъ деревни рупь или не придетъ» и т. д.

Философствованіе Антипука прерываетъ скрыпъ отворяющейся калитки. Это уходитъ домой Өедосья Минаевна, сопровождаемая за ворота «барыней». Антипукъ поднимается съ завалинки и спускаетъ на земь полусонную Бомбочку.

— Прощай, Өедюкъ!—ласково обращается къ нему Өедосія Минаевна.

— Счастливо оставаться, ваше б-іе...

Деньщикъ и барыня стоятъ нѣкоторое время молча, слѣдя глазами подымающуюся на гору и все уменьшающуюся шарообразную фигуру Өедосьи Минаевны, созерцая догорающій день, играющій огненными блестками по крышамъ и окнамъ разбросанныхъ по горищу убогихъ мазанокъ и наводящій пестрыя вечернія тѣни на веселую физіономію бѣленькаго домика.

— А что, Өедюкъ, вѣдь время ставни зачинять? — говоритъ, позѣвывая, Лизавета Даниловна и, охая, въ сопровожденіи тоже зѣвающей Бомбочки, ползетъ въ свой куточекъ. Өедюкъ зачиняетъ ставни, запираетъ засовомъ калитку и черезъ минуту въ оконцѣ, что возлѣ кухни, зажигается маленькая свѣтленькая точечка. Это Цыпочка принимаетъ на ночь свой кизиловый декохтъ. Почти одновременно въ другихъ такихъ же халупинкахъ зажигаются такіе-же крошечные свѣтлячки, обозначающіе скромный ужинъ и приготовленіе ко сну мѣстныхъ обывателей и обывательницъ. Понемногу огоньки одинъ за другимъ замираютъ, и только далеко за церковью, на бульварѣ, нѣкоторое время брезжетъ свѣтъ въ «бекешкѣ», гдѣ, вѣроятно, какая-нибудь подгулявшая компанія распиваетъ послѣднюю дюжину пива. Скоро и этотъ свѣтъ исчезаетъ и надъ городомъ опускается мирный покровъ теплой, кротко мерцающей ночи.

Одиннадцатый часъ въ началѣ...

Передъ воротами домика обозначаются въ темнотѣ двѣ бѣлыя фуражки.

«Стукъ... стукъ... стукъ!» раздаются въ калиткѣ три условные удара. Не проходитъ минуты, какъ черезъ дворикъ проносится бѣлый призракъ Антипука. Калитка отворяется, и прапорщики входятъ. «Ужинать», командуетъ Агишевъ, и пока прапорщики раздѣваются въ своей спальнѣ, Антипукъ, сопя и кряхтя, разогрѣваетъ въ кухнѣ отобѣденные остатки «кабачковъ». Сдѣлавши свой ночной туалетъ, прапорщики являются въ корридорчикъ-столовую, гдѣ уже ихъ давно дожидаются два прибора, пучекъ редиски и горшечекъ свѣжаго масла. Одновременно съ ихъ появленіемъ въ походной столовой въ дверяхъ показывается Антипукъ въ своемъ посконномъ дезабилье, съ шипящей сковородкой въ рукахъ. Прапорщики усаживаются ужинать, а Антипукъ, какъ истовый деньщикъ, вытягивается у дверей и сосредоточенно устремляетъ глаза въ потолокъ. Молодой аппетитъ оказывается сильнѣе «розоваго предмета», и юные друзья, всецѣло поглощенные ѣдой, уплетаютъ молча, забывая даже изъ приличія вспомнить о своемъ бульварномъ идеалѣ.

— Ваше благо...—протягиваетъ робко Антипукъ, вскидывая свои буркальцы на окно спаленки.

Прапорщики удивленно поднимаютъ голову: должно быть, произошло какое-нибудь необыкновенное событіе, если Антипукъ рѣшился первый нарушить свою обычную дисциплинарную молчанку.

— Ваше благородіе, — докладываетъ онъ медовымъ голосомъ:—кошененокъ кушать хотитъ!..

Гавришевъ и Агишевъ оборачиваются и видятъ трогательную картину: Бомбочка, ставъ на заднія лапки, высунула голову изъ занавѣски и умильно-печальными глазками созерцаетъ сверху жалкіе остатки кабачковъ.

— Тащи сюда своего кошененка!—командуютъ прапорщики, и Антипукъ кряхтя спѣшитъ въ спаленку и возвращается оттуда, таща подъ мышкой Бомбу, и ужинъ весело заключается въ сообществѣ мурчащей наперсницы. Наконецъ все съѣдомое съѣдено до послѣдней крошки.

— Спать!—вставая изъ-за стола, возвѣщаетъ Агишевъ.

— Спать!—торжественно подтверждаетъ Гавришевъ, обтирая губы салфеткой, и оба подсвистывая, какъ сытые воробьи, въ сопровожденіи Бомбочки, скрываются въ спаленку.

И вотъ они уже въ постеляхъ, растянулись и нѣжатся въ

своихъ рыхлыхъ домашнихъ перинкахъ, совершенно довольные собой, своей судьбой, своей невинной бульварной интрижкой; Бомбочка, отрывшая себѣ въ ногахъ Гаврищева маленькую уютную ямочку, чувствуетъ себя также въ прекраснѣйшемъ состояніи духа и мурчитъ себѣ подъ носъ монотонную, сантиментальную пѣсенку.

— А вѣдь ловко мы устроились, Яша, должно признаться!— ухмыляется Гаврищевъ и томно щуритъ глаза.

— Что и говорить!—зѣвая, соглашается Агишевъ, и отъ избытка счастья задираетъ къ верху правую ногу. Но вдругъ Агишевъ опускаетъ ногу, натягиваетъ на себя одѣяло и лицо его принимаетъ совсѣмъ ему не свойственный мечтательный оттѣнокъ. Происходитъ короткая пауза. Гаврищевъ удивленно оборачивается:

— Чего ты?

— А?

— Чего ты такъ смотришь, точно тебѣ чего-то недостаетъ?

Агишевъ загадочно отмалчивается.

Гаврищевъ хлопаетъ себя торжественно по лбу:

— Пари держу, что ты думаешь о розовой барышнѣ!—Агишевъ меланхолически улыбается.

— Да, я думаю, только вовсе не о розовой барышнѣ.

— Ну, тогда я рѣшительно не могу угадать, о чемъ...

— Я думаю объ усахъ нашего бригаднаго адъютанта. Чортъ побери, какіе славные усы!—вздыхаетъ завистливо прапорщикъ, пощипывая свой крохотный пушокъ.

— Что-жъ, усы ничего,—соглашается товарищъ:—только, право, Яша, это не особенно важно въ смыслѣ прочнаго счастья.

— Ты это такъ говоришь, потому что не знаешь жизни. Усы непремѣнно даютъ тонъ офицеру, — я не говорю уже о дамахъ, а даже солдаты и тѣ какъ-то съ бо́льшимъ уваженіемъ относятся къ офицеру съ усами. Да, наконецъ, просто пріятно имѣть хорошіе усы!—полураздражительно обрываетъ Агишевъ.

Гаврищевъ ничего не возражаетъ, считая за лучшее обойти молчаніемъ щекотливый вопросъ такъ какъ на его верхней губѣ упрямо не появляется ни малѣйшаго намека на растительность, а указать на подобное же обстоятельство Агишеву, хранившему въ секретномъ отдѣленіи чемодана «помадку для усовъ», было бы несогласно съ его товарищескимъ чувствомъ. Наконецъ, Агишевъ взглядываетъ на часы и основательно завертывается въ одѣяло:

— Однако, одиннадцать часовъ—пора спать. Прощай, Женька!

— Да, дѣйствительно пора, Яша. Спокойной ночи.

И прапорщики старательно закрываютъ глаза. Но оба никакъ не могутъ заснуть сразу. Агишеву рѣшительно мѣшаютъ спать адъютантскіе усы, и только послѣ мужественнаго надъ собой усилія, онъ уступаетъ вліянію молодого сна. Галлюцинаціи Гавришева гораздо продолжительнѣе и тревожнѣе. Особенно мучительно отзывается въ его сердцѣ то обстоятельство, что Агишевъ придаетъ такое значеніе усамъ. — Что такое самые роскошные усы, въ сравненіи съ вѣчностью, въ сравненіи съ тѣмъ довольствомъ и миромъ, которымъ они пользуются подъ материнскимъ крылышкомъ Цыпочки!.. О, какъ упрямо-страшно хотѣлось бы ему, чтобъ ихъ дружба продолжалась долго, чтобъ ихъ счастье было прочно, чтобъ ихъ жизнь въ бѣленькомъ домикѣ не нарушалась никакими тревогами и печалями... И въ его сонномъ воображеніи смутно рисуется умилительно-нелѣпая картина ихъ фантастическаго будущаго: прошло десять слишкомъ лѣтъ, они оба постарѣли, оба уже капитаны и оба командуютъ въ С* батареями, но это ничуть не измѣнило ихъ отношеній, они по прежнему любятъ другъ друга и живутъ по прежнему вмѣстѣ съ Цыпочкой въ артиллерійской слободкѣ. Ихъ дружбѣ удивляется весь городъ, солдаты обожаютъ ихъ и самъ начальникъ дивизіи ставитъ ихъ въ примѣръ всѣмъ молодымъ офицерамъ. Слухъ объ ихъ рѣдкомъ сожительствѣ доходитъ окольными путями до государя и ихъ «не въ примѣръ прочимъ» производятъ въ полковники. Но даже эта безпримѣрная награда нисколько не сдѣлала ихъ гордыми, и полковниками они остаются такіе же, какіе были юными прапорщиками, и продолжаютъ жить въ бѣленькомъ домикѣ и съ ними неразлучны—Цыпочка, Бомбочка и Антипукъ. Слезы умиленія навертываются на глазахъ Гавришева и онъ растроганно улыбается. Въ это время въ окнѣ, напротивъ, надъ зеленью олеандровъ, показывается лысая голова мѣсяца, который, случайно заглянувъ въ спаленку бѣленькаго домика, забываетъ все строгое величіе и добродушно морщится... И Гавришеву кажется, что мѣсяцъ—это Антипукъ, и что его физіономія такъ уморительно сморщилась, какъ тогда за чаемъ, въ министерскомъ мундирѣ... И онъ съ улыбкой безпечнѣйшаго въ мірѣ прапорщика засыпаетъ.

Воцаряется благодушная тишина... Едва можно подслушать дыханіе двухъ молодыхъ жизней, чуть слышно тикаютъ на стѣнкѣ офицерскіе часики и однозвучно-четко, какъ выраженіе полнѣйшаго житейскаго благополучія, раздается въ спаленкѣ равномѣрное мурчаніе Бомбочки.

И это ли еще не идиллія?

II.

А «первый балъ» въ *ротондѣ?*—О, Гавришеву онъ памятенъ до мельчайшихъ подробностей! Точно все это произошло не далѣе какъ вчера...

Они еще ни разу не были въ собраньѣ и это ихъ первый выпускъ «въ свѣтъ». По этой причинѣ оба прапорщика дѣлаютъ свой туалетъ на этотъ разъ съ особенной тщательностью. Агишевъ съ такой энергіей мылилъ свое лицо, что даже стеръ кожу въ одномъ мѣстѣ и принужденъ былъ присыпать ссадину пудрой. Гавришевъ тотъ почему-то сосредоточилъ все свое вниманіе на зубахъ: онъ стоитъ передъ зеркаломъ, въ совершенномъ дезабилье и усерднѣйшимъ образомъ работаетъ зубочисткой. Цыпочка сидитъ въ залѣ у окна и чинитъ костюмъ Агишева; Антипукъ въ корридорѣ возится со щеткой надъ другой «парой».

— Яша!—вдругъ восклицаетъ испуганно Гавришевъ, выпуская зубочистку.

— Что такое?

— А вѣдь я позабылъ, какъ ты мнѣ показывалъ польку *о-ребуръ*... Влѣво я теперь отлично знаю... (И Гавришевъ въ подтвержденіе сдѣлалъ «шассе» въ бокъ). Чортъ, а *о-ребуръ*—забылъ!

— Ахъ какой же ты непонятный!—и поспѣшно выплюнувъ полосканье, Агишевъ подхватываетъ своего товарища, и оба, какъ были—Гавришевъ съ зубочисткой въ рукахъ и Агишевъ съ полотенцемъ черезъ плечо—выскакиваютъ въ залю и принимаются выдѣлывать наиискуснѣйшія «па», подпѣвая въ тактъ: ра-та-та, ра-та-та, ля-ля-ля, ля-ля-ля.

— Фу, дурные!—махаетъ на нихъ, смѣясь, Лизавета Даниловна, но они продолжаютъ выплясывать серьезно и сосредоточенно, ни на кого не обращая вниманія, не замѣчая, что Бомбочка тоже кружится около нихъ, играя полотенцемъ Агишева и думая, что съ ней возятся, и Антипукъ стоитъ въ дверяхъ корридора, разиня ротъ.

— Понялъ?

— Понялъ.

И танцующая пара опрометью бросается въ спальню и снова оттуда слышится фырканье и полосканье. Наконецъ двери спальни отворяются, и господа офицеры появляются на порогѣ залы во всемъ блескѣ перваго чина.

— Ай-ай, какіе красавчики!—ахаетъ Цыпочка, любуясь на

своихъ сыночковъ. И дѣйствительно, сыночки выглядываютъ совсѣмъ «амурчиками»: свѣженькіе съ иголочки сюртучки сидятъ на нихъ удивительно, новенькіе эполетцы блестятъ точно золотые крылушки, у каждаго по часовой цѣпочкѣ съ брелоками, и изъ-за шелковыхъ галстуховъ кокетливо выглядываютъ бѣлоснѣжные бортики рубашки; Гавришевъ расчесалъ свои вьющіеся волосы аккуратнымъ проборчикомъ, у Агишева они зачесаны назадъ съ задорнымъ хохолкомъ вверху; и лица у обоихъ такія румяныя и веселыя, точно двѣ свѣжеиспеченныя булки. Агишевъ не утерпѣлъ, чтобъ не подурачиться. Онъ гоголемъ подходитъ къ Цыпочкѣ, и ловко щелкнувъ шпорами, произноситъ оффиціальнымъ тономъ:

— M-lle Цыпочка, позвольте васъ ангажировать на мазурку?..

И, не давая той опомниться, схватываетъ за талью, тащитъ на середину залы и начинаетъ бѣшено скакать съ ней, мотая головой и неистово стуча каблуками. «Яшка, шалявый, чтобъ тебя!»—визжитъ запыхавшаяся старушка,—а Гавришевъ заливается какъ звонокъ, Бомбочка вертится около Цыпочки, а Антипукъ весь совершенно сморщился, что̀ обозначаетъ, что онъ очень доволенъ своими господами.—Мазурка продолжается, однако не долго, такъ какъ уже 8 часовъ, и господамъ офицерамъ надо торопиться, чтобъ не опоздать къ началу танцевъ. И вотъ, они суетливо набрасываютъ пальто, надѣваютъ галоши, Гавришевъ принимаетъ отъ Антипука зажженный фонарь, готовясь открыть шествіе, какъ вдругъ Агишевъ вскрикиваетъ не своимъ голосомъ:

— Женька, сумасшедшій, а духи-то?

— Въ самомъ дѣлѣ, ахъ я оселъ!

И какъ шальные бросаются они въ спальню. Гавришевъ достаетъ изъ чемодана пузырекъ «жасминнаго букета» и оба начинаютъ прыскать себѣ—на платокъ, на сюртукъ, на пальто, на галстухъ, и тутъ же для курьезу, спрыскиваютъ принимающую участіе во всей суетнѣ Бомбочку, которая, сердито отфыркнувшись, убѣгаетъ къ Лизаветѣ Даниловнѣ. Наконецъ, больше уже нечего спрыскивать.

— Пошли!—возвѣщаетъ Агишевъ.

Гавришевъ схватываетъ фонарь—и вотъ они уже за воротами, поспѣшно шагаютъ по пустыннымъ и кочковатымъ проулкамъ съ коротенькими, кособокими домишками по сторонамъ, хозяева которыхъ давно покоятся глубокимъ сномъ; тихо и темно вокругъ, только тамъ далеко на горѣ, за соборомъ, на фонѣ синяго звѣзднаго неба виднѣется узенькая бѣлая полоска

съ шестью свѣтящимися точками—это и есть с-кое благородное собранье или, какъ его обыкновенно называютъ мѣстные жители, «ротонда».

Господи, какъ забилось сердце у юныхъ прапорщиковъ, когда они, наконецъ, почувствовали себя у входа въ «собранье». Имъ, еще не извѣдавшимъ жизни и ея наслажденій, не видавшимъ блеска и пестроты столичнаго бала, какой грандіозной и великолѣпной показалась эта жалкая, деревянная «благородка», съ грязненькимъ и темноватымъ «буфетомъ», дымной и тѣсной «карточной» и узенькой, какъ корридоръ, танцовальной залой, съ выцвѣтшими, закоптѣлыми обоями, съ затѣйливой стеклянной люстрой посреди низенькаго потолка и крашеннымъ навощеннымъ поломъ. Танцы еще не начинались, но въ карточной уже понтировали и изъ залы доносилось трынканье настраиваемыхъ скрыпокъ.

Прапорщикамъ вдругъ показалось, что они опоздали и они принялись другъ другу выговаривать:

— Это все ты, Женька; чистилъ зубы чуть не два часа!

— Ты всегда на меня сваливаешь, а самъ... самъ извелъ цѣлый кусокъ мыла!

— Да вѣдь я лицо мылъ, пойми ты...

— А я развѣ что-нибудь такое...

И оба, робко протѣснившись между ломберными столами и внушительными спинами играющихъ, очутились на порогѣ танцовальной залы. Тутъ ихъ сердчишки подъ стянутыми сюртучками забили настоящую тревогу. Они никого не знали въ клубѣ и остановились какъ вкопанные, суетливо натягивая перчатки и любопытно оглядывая расположенный въ концѣ залы оркестръ изъ шести жидочковъ, изъ которыхъ два были съ подвязанными щеками, небольшое возвышеніе около оркестра, покрытое ковромъ и установленное мягкою мебелью, долженствующее изображать «гостиную» собранья, и двухъ сонливыхъ старыхъ дѣвъ въ совершенно одинаковыхъ коричневыхъ платьяхъ, молчаливо прогуливавшихся по залѣ съ какимъ-то краснорожимъ толстякомъ въ военномъ сюртукѣ.

Вдругъ краснорожій толстякъ бросилъ спящихъ дѣвъ, подбѣжалъ къ подвязаннымъ жидочкамъ и хлопнулъ два раза въ ладоши... Минута—и изъ глубины нѣмой тускло-освѣщенной залы полились раздражительные звуки вальса, унылаго и однообразнаго, одного изъ тѣхъ невѣдомыхъ міру вальсовъ, какіе можно услышать только по далекимъ захолустьямъ невзыскательной провинціи.

Не успѣли прапорщики углядѣть, какъ толстякъ уже кружился съ одной изъ спящихъ дѣвъ, а другую подхватилъ неизвѣстно откуда вдругъ выскочившій маленькій бѣлобрысый адъютантъ. «Позвольте пройти!» —раздается за ними писклывый голосъ. Прапорщики, извиняясь, бросаются въ сторону, и новая пара—толстая какъ кубышка барыня въ гродетуровомъ платьѣ, съ кавалеромъ,—длинноногимъ золотушнымъ штатскимъ, закружилась по залѣ.

Балъ начался...

Что сказать о чувствѣ, которое испытывали юные прапорщики при первыхъ звукахъ разразившагося вальса?—его можно сравнить развѣ съ ощущеніемъ перваго сраженія, когда непріятель уже близко, нѣсколько смѣльчаковъ выскочили впередъ и съ боку слышится вызывающій голосъ аттаки. Гавришевъ и Агишевъ не были, однако, изъ числа этихъ удальцовъ и продолжали переминаться на мѣстѣ, ободрительно подталкивая другъ друга локтемъ и завистливо поглядывая на танцующихъ. Напрасно красновожій толстякъ, оказавшійся маіоромъ Бредихинымъ, добродушнѣйшимъ малымъ и дежурнымъ старшиной собранья, подбѣгалъ къ нимъ и упрашивалъ «поддержать коммерцію», напрасно одна изъ спящихъ дѣвъ бросила на прапорщиковъ пронзительный взглядъ завзятой провинціалки, — прапорщики извинялись и упирались, и вѣроятно продолжали бы долго упираться и извиняться, еслибъ не счастливая идея маіора Бредихина, внезапно перемѣнившаго монотонный вальсъ на польку tremblante! Тутъ ужъ трудно было болѣе выдерживать, въ особенности Агишеву, на котораго контуры «гродетуровой кубышки» сразу произвели неотразимое впечатлѣніе. Онъ откашлянулся, переглянулся съ Гавришевымъ и, съ видомъ человѣка, рѣшившагося броситься внизъ головой въ прорубь, подошелъ къ кубышкѣ, и вдругъ Гавришевъ увидѣлъ своего товарища, прыгающаго среди прочихъ танцующихъ. Это придало храбрости Гавришеву и онъ уже рѣшился попытать счастья, какъ вдругъ само счастье пришло къ нему въ руки...

Какъ вдругъ, позади его, послышался шелестъ шелковаго платья и онъ увидѣлъ,—нѣтъ, онъ не увидѣлъ, а ему приснилось, что передъ нимъ стоитъ маленькая хорошенькая фея съ дивной кудрявой головкой и большими черными, удивленно смотрящими на него глазами. Онъ тотчасъ почувствовалъ, какъ что-то сильно толкнуло его въ сердце, и онъ совершенно невольно для себя раскланялся съ феей. Фея ласково вскинула на него свои бархатные глазки, и не успѣлъ онъ опомниться,

какъ ея кудрявая головка очутилась у него на плечѣ и онъ съ стыдливою робостью касается ея стана. «Крѣпче прижимайтесь»,—пищитъ головка, и онъ обнимаетъ фею, и они вдругъ запрыгали какъ сумасшедшіе по залѣ и все вокругъ нихъ тоже запрыгало—и подвязанные жидочки, и Агишевъ, и спящія дѣвы. Гавришевъ до того увлекся, что сдѣлавъ два тура, рѣшился совратить свою «фею» *о-ребуръ*, но у феи оказался маленькій земной хвостикъ, о который онъ запутался послѣ перваго о-ребурнаго прыжка, и еслибъ на его счастье въ эту минуту не остановилась музыка, смѣлая попытка могла бы кончиться весьма плачевно... «Простите ради Бога!»—бормочетъ онъ умоляюще и, вмѣсто того, чтобъ взять свою даму подъ руку, беретъ ее неловко за руку, держа ужасно далеко отъ себя, и подводитъ къ первому попавшемуся стулу, а самъ поспѣшно, весь пурпуровый, возвращается на прежнее мѣсто къ дверямъ. «Молодецъ, Женька!» поздравляетъ его Агишевъ,—но онъ ничего не слышитъ, кромѣ того, какъ быстро и радостно бьется его сердце, и ничего не видитъ, кромѣ сидящей въ концѣ залы, очаровавшей его зеленой феи.

Появленіе молоденькихъ прапорщиковъ среди тѣснаго кружка с—ой благородки, конечно, не могло пройти незамѣченнымъ. Едва кончилась полька, какъ къ Агишеву подлетѣлъ красноррожій маіоръ и попросилъ сдѣлать ему удовольствіе быть визави на первую кадриль; одновременно и къ Гавришеву подоспѣлъ золотушный штатскій съ тѣмъ же лестнымъ предложеніемъ, и такъ какъ у обоихъ прапорщиковъ не оказалось «дамъ», то ихъ потащили знакомиться. Вслѣдствіе счастливой случайности Агишевъ былъ отрекомендованъ маіоромъ гродетуровой кубышкѣ, а штатскій представилъ Гавришева зеленой феѣ. Бѣлобрысый адъютантъ держалъ себя нѣсколько чванно и, стоя въ академической позѣ около спящихъ дѣвъ, вѣроятно что-нибудь острилъ насчетъ новыхъ гостей, потому что дѣвы то вскидывали глаза въ сторону прапорщиковъ, то съеживали губы сердечкомъ и закрывались вѣеромъ. Очевидно, это былъ мѣстный левъ: усики у него были злодѣйски закручены кверху, какъ у оперного мефистофеля, и огромныя, не по росту, мельхіоровыя шпоры-колокола при каждомъ движеніи адъютанта издавали обольстительный «малиновый» звонъ. При первыхъ звукахъ ритурнеля, въ залѣ появились еще два новыя лица: сердитая рябая старушка въ пестрой шали и уморительно-торчащемъ чепцѣ, дѣлавшими ее похожей на кукушку, и съ ней дѣвочка-подростокъ, смуглая, какъ арапка, въ непристойно-короткомъ платьицѣ и

съ неподвижно-испуганнымъ взглядомъ сомнамбулы. Гавришевъ былъ крайне удивленъ, когда «рябая кукушка» оказалась матерью феи, а черномазый подростокъ—сестрою послѣдней. Ему казалось почти невѣроятнымъ, чтобъ у его «предмета» могли быть такіе странные родственники. M-lle Тарантулова (фамилія «предмета») тоже была смугловата, но какое сравненіе съ сестрой! Талья у ней была такая тоненькая, ножка такая маленькая и ея блестящіе глазки такъ лукаво бѣгали, точно двѣ суетливыя мышки. Въ своемъ шуршащемъ золотисто-зеленомъ платьицѣ, съ своей хохлатой черной головкой, она издали походила на хорошенькаго майскаго жучка, какъ-то нечаянно залетѣвшаго въ с-ую ротонду. По крайней мѣрѣ такъ это представлялось Гавришеву, да и могло ли оно представляться иначе въ восемнадцать лѣтъ! Собственно говоря, m-lle Тарантулова была одна изъ тѣхъ бѣдненькихъ, простенькихъ и глупенькихъ провинціальныхъ барышень, имя которымъ легіонъ, которыя не пропускаютъ ни одного танцовальнаго вечера мѣстной благородки, куда являются круглый годъ въ одномъ и томъ же платьѣ, передѣланномъ изъ матушкина приданаго, съ одними тѣми же ужимками и почти всегда съ одними тѣми же разговорами. Но Гавришевъ не отличался требовательностью современныхъ молодыхъ прапорщиковъ и былъ беззаботно счастливъ своей случайной встрѣчей съ m-lle Тарантуловой, въ которой онъ желалъ видѣть всевозможныя совершенства. Нечего поэтому удивляться, что первая кадриль была протанцована имъ въ состояніи полнѣйшаго одурѣнія. Онъ ничего не слышалъ и не замѣчалъ, кромѣ своей феи, и всѣ необходимыя фигуры, всякія *шассе* и *балансе* продѣлывалъ совершенно машинально, управляемый какой-то сверхъестественной силой, которая двигала его ногами и руками, весьма нетвердыми въ танцовальномъ искусствѣ. Онъ до того былъ взволнованъ неожиданной обстановкой своего перваго дебюта, что во все продолженіе кадрили не нашелся перемолвиться съ своимъ предметомъ ни однимъ, даже самымъ незначительнымъ словечкомъ. Но вотъ послѣдніе звуки контраданса замерли, раздалась заключительная команда бѣлобрысаго адъютантика: «*Мерси* лэ дамъ!» и фея исчезла.—Нѣтъ, *я долженъ съ ней* говорить!—рѣшаетъ про себя Гавришевъ и ищетъ *ее* по залѣ, и вдругъ видитъ—и не вѣритъ: *она* сидитъ скромно въ уголку возлѣ жидочковъ, сидитъ одна, совсѣмъ одна, безъ рябой кукушки и арапки. Онъ подходитъ къ m-lle Тарантуловой и вооружившись храбростью, подсаживается рядышкомъ, и между ними завязывается одинъ изъ тѣхъ пустяшныхъ, но милыхъ, какъ

дѣтскій лепетъ, разговоровъ, который почти непередаваемъ на бумагѣ.

— Я вамъ мѣшаю, вы, кажется, устали?—спрашивалъ *онъ*.

— Зачѣмъ устала? Я только такъ немножко потрусилась,—отвѣчаетъ *она*.

Боже, какъ прелестно это «потрусилась»—восхищается про себя Гавришевъ и не можетъ налюбоваться на свой «предметъ».

Происходитъ краткая, какъ поцѣлуй, пауза.

— Monsieur Гавришевъ, какъ васъ зовутъ?—фамильярно обращается къ нему m-lle Тарантулова и напускаетъ на него свои «мышки».

— Евгеній Васильевичъ,—бормочетъ, вдругъ Богъ знаетъ съ чего вспыхнувшій прапорщикъ.

— А меня Патти...—и, видя его недоумѣніе, добавляетъ: Патти — это значитъ Наташа. Эго мамаша такъ меня всегда зоветъ. Да почти всѣ здѣсь меня иначе не зовутъ.

Эта наивная откровенность сразу располагаетъ Гавришева къ дружеской шутливости и онъ, улыбаясь, спрашиваетъ:

— И маіоръ Бредихинъ васъ такъ зоветъ?

— И «папаша» Бредихинъ. Мы его зовемъ «папашей»,—пояснила она.—У насъ вѣдь здѣсь очень просто, почти каждый имѣетъ свое названіе.

— Скажите, и адъютантъ тоже имѣетъ свою кличку?—полюбопытствовалъ Гавришевъ, въ тайнѣ ревновавшій къ мельхіоровымъ колоколамъ послѣдняго.

— Ахъ, неужели вы не знаете? Его весь городъ зоветъ «шер-амуромъ», потому что онъ ужасно пристаетъ ко всѣмъ дамамъ. Онъ такой противный! Мамаша его терпѣть не можетъ. —И m-lle Тарантулова надула свои розовенькія губки. Гавришевъ въ свою очередь тоже непріязненно надулся, какъ бы выражая тѣмъ свое полнѣйшее презрѣніе всѣмъ «пѣхотнымъ-шерамурамъ». Вдругъ Патти закрылась вѣеромъ и принялась хихикать.

— Чѣмъ я васъ такъ разсмѣшилъ?—освѣдомляется Гавришевъ чуть-чуть обиженнымъ тономъ.

— Нѣтъ, не вы, а я вспомнила, какъ уморительно прозвали monsieur Пингвинова.

— Какого Пингвинова?

— Длиннаго штатскаго, съ которымъ танцовала моя сестра.

— Какъ же его прозвали?—интересуется Гавришевъ, которому, конечно, очень мало дѣла, съ кѣмъ танцовала сестра m-lle Тарантуловой.

— Ужасно смѣшно: Пиквикъ!

— Дѣйствительно, это ужасно смѣшно,—соглашается Гавришевъ и закинувъ голову, заливается короткимъ смѣхомъ.

Въ эту минуту жидочки заиграли какой-то визгливый галопъ и, легкій на поминѣ, Пиквикъ явился передъ m-lle Тарантуловой съ своими услугами.—Та вдругъ всполошилась:

— Ахъ, Боже мой, куда я *запхала* мою перчатку?..—залепетала она, вся зардѣвшись, произнося свое глубоко провинціальное изреченіе.

— Вотъ, вотъ ваша перчатка,—бормочетъ Гавришевъ, подымая завалившуюся за стулъ перчатку и съ тихимъ восторгомъ смотритъ на это простодушное существо, въ устахъ котораго самыя прозаическія словечки дышутъ такой наивной поэзіей.—И весь сіяющій, онъ отыскиваетъ глазами Агишева, чтобъ подѣлиться своимъ блаженствомъ. Агишевъ, тоже не менѣе растрепанный въ своихъ чувствахъ, отыскивалъ въ свою очередь Гавришева, и оба столкнулись въ дверяхъ залы, возбужденные и запыхавшіеся. Лицо Агишева пылало такимъ яркимъ румянцемъ, что Гавришевъ даже испугался.

— Яша, что съ тобой?—освѣдомляется онъ заботливо.

— Чтó со мной?!—Агишевъ молча указываетъ по направленію корсажа гродетуровой барыни, съ которой онъ только-что танцовалъ, и Гавришевъ усматриваетъ на груди толстой барыни такой откровенный вырѣзъ, о какомъ онъ не могъ составить въ корпусѣ даже приблизительнаго понятія.

— Можешь представить себѣ мое положеніе!—поясняетъ Агишевъ, отирая съ лица крупные капли пота.

— Да, дѣйствительно,—соглашается Гавришевъ и, пожимая плечами, восклицаетъ:—удивляюсь, какъ она могла рѣшиться на такой поступокъ! Вотъ «моя»—низачто бы этого не сдѣлала!—И онъ спѣшитъ передать самыя восхитительныя подробности о достоинствахъ m-lle Тарантуловой. Но Агишевъ почти не слушаетъ его и при первыхъ звукахъ ритурнеля начинаетъ лихорадочно натягивать перчатки.

— Ты куда это торопишься—опять къ кубышкѣ?—улыбается Гавришевъ.

— Опять къ кубышкѣ!—хитроумно подмигиваетъ Агишевъ:—съ ней танцую вторую кадриль.

И оба вдругъ, принявъ самый серьезный видъ, тщательно оправляютъ перчатки:

— Такъ ты къ «своей»?

— Да.

— Ну, а я къ «моей»!

И расходятся самымъ джентльменскимъ образомъ.

Началась вторая кадриль... и также незамѣтно промелькнула какъ и первая... А тамъ налетѣлъ и быстро пронесся какъ ураганъ кадриль-монстръ, и вотъ уже визжитъ ритурнель послѣдняго контраданса и восхищенные прапорщики не успѣваютъ очнуться, какъ стѣнные часы карточной бьютъ полночь и на сцену выпархиваетъ царица провинціальнаго бала—мазурка. Вообще было непринужденно весело, какъ это бываетъ часто на беззатѣйныхъ провинціальныхъ вечерахъ, когда соберется небольшая согласная кучка, среди которой найдутся люди, умѣющіе внести оживленіе. А такихъ драгоцѣнныхъ людей оказалось цѣлыхъ двое: пѣхотный «шер-амуръ» и «мистеръ Пикквикъ»; хотя должно признаться,—оживленіе, которое они вносили въ общество, проистекало не изъ совсѣмъ чистаго источника. По крайней мѣрѣ прапорщики не разъ замѣчали, какъ въ антрактахъ между танцами, золотушный штатскій, взявъ подъ руку адъютанта, говорилъ: «Пойдемъ посовѣтуемся съ Савочкой»? (Савва — имя клубнаго буфетчика). На что адъютантъ, не колеблясь, отвѣчалъ: «Пойдемъ, посовѣтуемся»,—и оба направлялись въ буфетъ. Послѣ нѣсколькихъ, вѣроятно, небезполезныхъ совѣтовъ, чванный адъютантъ сдѣлался крайне сообщительнымъ человѣкомъ. Онъ подошелъ къ прапорщикамъ, представился и, устранивъ всякое адъютантское самолюбіе, любезно разболтался. Прежде всего онъ объявилъ имъ, что онъ въ С.—ненадолго, такъ какъ думаетъ хлопотать о переводѣ въ «гвардію», находя здѣшнее общество «невозможнымъ». И онъ обязательно сообщилъ прапорщикамъ, что золотушный штатскій ни болѣе, ни менѣе, какъ «адюльтеръ» кубышки въ гродетуровомъ платьѣ, а сама кубышка, не смотря на то, что корчитъ изъ себя «гранжанръ», не кто иная, какъ купчиха Трегубова и имѣетъ въ С. двѣ овощныя лавки и домъ съ балкономъ въ слободкѣ. Съ неменьшей ядовитостью отрекомендовалъ онъ и остальныхъ.—Спящія дѣвы, сестры Паздѣевы, по его словамъ, первыя сплетницы въ городѣ и отплясываютъ въ «ротондѣ» съ незапамятныхъ временъ; старшая сестра—Харита Паздѣева, можно сказать, «состарилась на вальсѣ» и дѣйствительно до сихъ поръ очень недурно танцуетъ легкіе танцы, —снисходительно добавилъ онъ. M-lle Тарантулова была бы барышня ничего, но ея «мутерхенъ», кукушка въ пестромъ платкѣ, непростительная «язычница» и вообще дама такого дурного тона, что онъ давно пересталъ посѣщать семейство Тарантуловыхъ. «И зачѣмъ она таскаетъ повсюду эту несчастную Сандрильону,

—острилъ онъ, указывая на меньшую Тарантулову: — же мэтонь»! И онъ захохоталъ собственной остротѣ. Что касается маіора Бредихина, то онъ недурной малый, только имѣетъ несчастную слабость свататься ко всѣмъ молоденькимъ барышнямъ, а между тѣмъ ему далеко за шестьдесятъ, онъ красить волосы и страдаетъ ревматизмомъ, не говоря уже о томъ... Тутъ адъютантъ передалъ молодымъ офицерамъ на ухо одну маленькую подробность, весьма компрометирующую человѣка, желающаго вступить въ бракъ. Весьма вѣроятно любезный адъютантъ разболталъ бы своимъ новымъ знакомымъ не одну тайну с—го общежитія, когда вдругъ, по знаку маіора, жидочки грянули ритурнель мазурки, и адъютантъ, точно сорвавшійся съ цѣпи, бросился со всѣхъ ногъ къ спящимъ дѣвамъ и принялся суетливо двигать взадъ и впередъ стулья, что было совсѣмъ излишне, такъ какъ мазуркой дирижировалъ «папаша Бредихинъ» — присяжный дирижеръ мазурки въ С.

И дѣйствительно онъ танцовалъ ее лучше всѣхъ. Съ своей толстенькой и упругой фигуркой, маіоръ, казалось, самой природой былъ предрасположенъ къ глиссадамъ мазурки. Онъ танцовалъ безъ шику и треску задорной молодости, съ тѣмъ умѣреннымъ щегольствомъ, съ тою мягкостью, которая можетъ быть свойственна только испытанному мазуристу. Еле слышно касаясь пола съ видомъ какого-то непередаваемаго благороднаго покровительства, скользилъ онъ по залѣ и, совершивъ обычный променадъ, дѣлалъ свой «туръ-сюръ-пласъ» неуловимо быстро, чуть сгибая колѣна съ такою граціозною легкостью, точно онъ весь былъ изъ гуттаперчи и не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о ревматизмѣ. Онъ танцовалъ въ первой парѣ съ Харитой Паздѣевой. Во второй парѣ, съ сестрой Хариты скакалъ пѣхотный адъютантъ. У того, напротивъ, все было разсчитано на эффектъ. Онъ начиналъ мазурку вяло и небрежно, почти не глядя на свою даму, но дойдя до средины залы, неожиданно-быстро перевертывался и вдругъ весь перерождался: съ страстной стремительностью выдергивалъ онъ изъ кармана не совсѣмъ свѣжій платокъ, дерзко-близко наклонялъ свою голову надъ лицомъ растерявшейся дамы и несся какъ вихрь, граціозно помахивая платкомъ и безпощадно трезвоня въ мельхіоровые колокола... Слѣдомъ за «шер-амуромъ» бѣжали едва успѣвая подпрыгивать — Агишевъ съ кубышкой и Гаврашевъ съ Патти Тарантуловой. Все время «променада» прапорщики держались старательно-прямо, но когда дѣло доходило до туръ-сюръ-пляса, они теряли всякое самообладаніе и, увлеченные примѣромъ адъютанта, неистово стучали каблуками и съ остер-

венѣніемъ совершенно не въ тактъ мотали головой. Мазурку заключалъ Пикквикъ съ Сандрильоной. Онъ перепрыгивалъ съ мѣста на мѣсто безъ всякаго толку, не обращая ни малѣйшаго вниманія на свою бѣдную «даму», измученную до послѣдней крайности и возбуждая кругомъ неудержимый смѣхъ. Въ общемъ мазурка отличалась заразительнымъ одушевленіемъ. Бредихинъ былъ просто неистощимъ въ изобрѣтеніи различныхъ мазурочныхъ неожиданностей, и каждый разъ, оглашая какую-нибудь новую удивительную фигуру, снисходительно пріятно улыбался пораженнымъ парамъ и, весь малиновый отъ блаженства, несся впередъ съ Харитой Паздѣевой, глаза которой зажигались фосфорическимъ блескомъ. — Передъ самымъ концомъ мазурки во время маленькой передышки, когда оркестръ продолжалъ играть, адъютантъ вдругъ подхватилъ подъ руку штатскаго, и оба, отбивая тактъ, проскакали въ буфетъ, откуда черезъ минуту возвратились тоже «мазуркой» и, сдѣлавъ посреди залы «туръ-сюръ-плясъ», братски поцѣловались. Это произвело настоящій фуроръ. Наконецъ, когда маіоръ вскочилъ со стула, возвѣстилъ охрипшимъ голосомъ: «мазурка-финаль», всѣ повскакали съ своихъ мѣстъ, какъ изступленные, и мазурка обратилась въ какую-то сумасшедшую пляску. Ничего нельзя было разобрать: въ воздухѣ вертѣлись растрепанныя прически, мелькали крылышки эполетъ, болталась чья-то лопнувшая штрипка; осатанѣвшіе отъ устали жидочки, вмѣсто мазурки, отхватывали нѣчто сверхъестественное. Вдругъ маіоръ не то слабо вскрикнулъ, не то издалъ соболѣзнующій стонъ и вмѣстѣ съ тѣмъ съ покорной рѣшимостью хлопнулъ въ ладоши. Бѣшеные звуки неожиданно оборвались и черезъ минуту въ залѣ пронесся знакомый голосъ «резервнаго» церемоніальнаго марша, приглашавшаго публику разойтись по домамъ.

Балъ кончился.

Дамы стали тотчасъ же прощаться, такъ какъ были явно измучены: дѣвицы Паздѣевы были блѣдны, какъ привидѣнія, и болѣзненно улыбались; отъ купчихи Трегубовой шелъ паръ, какъ отъ доброй лошади; бѣдный черномазый подростокъ, отвернувшись къ окну, дышалъ учащенно, подобно загнанному скороходу. Одна Патти Тарантулова въ своемъ утомленіи сдѣлалась еще болѣе очаровательной: она опустилась безсильно-томно на стулъ и, чтобъ скрыть маленькій первый зѣвокъ, наклонила голову на бокъ и закрылась вѣеромъ, что вышло необыкновенно мило: точно хорошенькій голубокъ, который чешетъ у себя подъ крылышкомъ. Такъ казалось это Гавришеву, въ сердцѣ котораго m-lle Тарантулова заронила крошечную, но опасную искорку.

«Вы позволите васъ проводить... до передней», — шепчетъ прерывающимся голосомъ не успѣвшій отрезвиться отъ мазурочнаго опьяненія прапорщикъ. M-lle Тарантулова вскидываетъ на него глазки и привѣтливо улыбается. И онъ бѣжитъ за предательскими глазками въ узенькій пыльный чуланчикъ, изображающій изъ себя переднюю благородки, и тутъ происходитъ одно обстоятельство, восхитившее его несказанно. Въ чуланчикѣ-передней была непомѣрная тѣснота, и когда Гавришевъ сталъ помогать одѣваться m-lle Тарантуловой, бѣлая, шелковая кисточка ея вѣера зацѣпилась за пуговку его сюртука, крякнула и полетѣла на полъ. Не успѣла m-lle Тарантулова очнуться, какъ Гавришевъ, воспользовавшись общей суматохой, подхватилъ бездѣлку и быстро сунулъ ее въ карманъ. Разъ драгоцѣнная кисточка очутилась въ карманѣ, ничего не оказалось легче, какъ увѣрить себя, что она попала туда отнюдь не произвольно, а «подарена» прапорщику Гавришеву на память отъ «предмета». Пусть m-lle Тарантулова ни однимъ словомъ не дала понять, что замѣтила и одобряетъ его рыцарскій поступокъ, пусть на его нѣжное: «до свиданія» она довольно громко зѣвнула,—все это конечно былъ одинъ «отводъ» передъ рябой кукушкой, потому что ея «мышки» въ то же время отчетливо говорили. «Вы не думайте, monsieur Гавришевъ, что я не замѣтила, какъ вы положили въ карманъ мою кисточку?—Я отлично все замѣтила, но я васъ люблю и дарю вамъ ее на память!» О, милая, добрая Патти! И онъ бережно перекладывалъ кисточку въ боковой карманъ и, исполненный самыхъ радужныхъ надеждъ, возвращается въ залу.

Тамъ очевидно готовилось какое-то торжество: на самой серединѣ залы воздвигнуто было изъ двухъ сдвинутыхъ столовъ импровизированное укрѣпленіе, судя по цѣлой батареѣ бутылокъ вполнѣ готовое выдержать самую смѣлую атаку; около батареи прохаживался съ воинственнымъ видомъ и штопоромъ въ рукѣ бѣлобрысый адъютантъ и тономъ главнокомандующаго отдавалъ необходимыя приказанія стоявшему тутъ же Савкѣ—небольшому боченкообразному человѣку съ масляной рожей и заплывшими глазами. Гавришевъ съ почтительнымъ удивленіемъ посмотрѣлъ на воинствующаго адъютанта и не безъ внутренняго страха поспѣшилъ отретироваться въ карточную. Въ карточной, гдѣ тоже за ломбернымъ столомъ, накрытымъ скатертью, устраивались ужинать какіе-то два коммерческіе человѣка и лысый старичекъ въ докторской формѣ, онъ встрѣтилъ Агишева, который объявилъ ему, что онъ страшно проголодался и не прочь бы

поужинать.—О, конечно, и они будутъ ужинать, совершенно какъ всѣ. И вотъ прапорщики скромно усаживаются въ уголку за маленькій столикъ, подзываютъ Савку и торжественно заказываютъ «битокъ въ сметанѣ». Въ ожиданіи битка недурно, однако, было бы что-нибудь выпить? Только что бы такое? Они слышатъ какъ сидящіе за большимъ столомъ коммерческіе люди говорятъ: «разопьемъ магарычъ»! Отлично, и мы потребуемъ «магарычъ»,—разсуждаютъ наивно прапорщики и кличутъ Савку.

— Двѣ рюмки «магарыча»,—командуетъ Агишевъ.

Савка смотритъ на прапорщиковъ съ недоумѣніемъ и не двигается.

— Не слышишь, что тебѣ приказываютъ?—повторяетъ Агишевъ, для пущей важности нѣсколько сиповатымъ голосомъ.

Савка наконецъ соображаетъ, что передъ нимъ стоятъ два невиннѣйшія существа, и быстро приноситъ какую-то дребедень. Прапорщики осушаютъ каждый свой «магарычъ» и находятъ его «забористымъ». Это ихъ возбуждаетъ. Они разстегиваютъ сюртуки, раскуриваютъ трубки и, безцеремонно развалившись, пускаются въ откровенность.

— Какъ тебѣ понравилась моя Патти?—спрашиваетъ Гавришевъ.

— Какая Патти?—Ахъ, та чернушка?—Ничего, только на мой вкусъ черезъ-чуръ поджара.

— Что-жъ такое, что поджара, зато какіе, братецъ, у нея глаза—такіе славные, большіе, и точно мышки такъ и бѣгаютъ.

— Глазки глазками, а вотъ что-бы ты запѣлъ, еслибы видѣлъ вблизи, какіе аппетитные «персики» у моей-то, у купчишки?.. Когда пойдешь съ ней вальсъ или польку какъ все это видно—я тебѣ доложу!

Гавришевъ даже взволновался:

— Вотъ сравнилъ... У твоей купчишки явно все основано на разсчетѣ, а тутъ вѣдь «душа»... И какая, братецъ, душа! Ты знаешь, она мнѣ подарила кисточку отъ вѣера?—торжественно признался онъ.

Агишеву показалось, что товарищъ его подъ вліяніемъ «магарыча» заговаривается и онъ съ недовѣріемъ оглядѣлъ его.

— Можешь не вѣрить сколько тебѣ угодно, только я всегда скажу, что какая-нибудь кисточка Патти дороже для меня всякихъ «персиковъ». И потомъ я тебя не понимаю, «у твоей» уже есть... какъ это называется?

— Адюльтеръ?—Слышалъ. Только это клевета, она мнѣ

сама сказала, что предпочитаетъ военныхъ брюнетовъ,—совралъ Агишевъ, самодовольно ероша свой черный хохолъ.

— Она тебѣ сказала, что предпочитаетъ военныхъ брюнетовъ?

— Да, она мнѣ сказала.—Гавришевъ съ худоскрываемой завистью посмотрѣлъ на товарища и воскликнулъ:

— Знаешь-ли что, Яша,—выпьемъ здоровье нашихъ «предметовъ»?—предложилъ онъ великодушно, чтобъ залить маленькій пожаръ ревности, вспыхивающій въ немъ по случаю чужой побѣды.

— Выпьемъ, Женька! И знаешь что: выпьемъ шампанскаго? Ужъ кутить такъ кутить!

— Ахъ, и въ самомъ дѣлѣ выпьемъ «шампанскаго»,—просіялъ Гавришевъ, произнеся это слово какъ-то черезъ-чуръ напыщенно.

— Только, дружище, у меня всего карбованецъ,—а у тебя?

— Вотъ еще—у меня цѣлыхъ два.

— Ого, капиталовъ хватитъ. Человѣкъ, бутылку «цымлянскаго».

И «человѣкъ», только-что поставившій передъ прапорщиками горячіе битки, бѣжитъ сломя голову въ буфетъ и черезъ минуту возвращается съ завѣтной бутылкой... Ппокъ!—пробка весело хлопаетъ въ потолокъ и стаканы наполняются золотистой шипучкой. Чортъ побери, какъ вдругъ имъ сдѣлалось весело!—Какое вкусное вино, какъ хорошо быть офицерами, какія славныя женщины бываютъ на свѣтѣ! Битокъ они находятъ просто «роскошнымъ», и такъ какъ Савка все торчитъ передъ ними, подозрительно щуря свои маленькіе глазки, они рѣшаютъ тотчасъ расплатиться, чтобъ онъ не подумалъ о нихъ чего-нибудь «лишняго» и не связывалъ ихъ своимъ присутствіемъ. Получивъ, кромѣ слѣдуемаго, тридцать копѣекъ на чай, Савка почтительно устраняется, и господа офицеры, такъ сказать, съ чистою совѣстью и сладкимъ сознаніемъ полной независимости наполняютъ вторично свои стаканы рублевымъ «шампанскимъ». Съ непривычки вино бросается имъ въ голову, отъ избытка удовольствія они молча чокаются и улыбаются другъ другу самымъ радушнымъ образомъ... Ихъ зарумянившіяся лица горятъ такимъ искреннимъ счастіемъ, ихъ бѣленькія жилетки выглядываютъ такъ кокетливо изъ-подъ растегнутыхъ сюртучковъ и самый дымъ ихъ коротенькихъ трубочекъ такъ красиво, такими игривыми синенькими струйками вьется передъ ихъ осоловѣвшими глазами. Да, они теперь счастливы, вполнѣ счастливы. Это лучшій день ихъ жизни послѣ дня производства въ офицеры! О, незабвенный день производ-

ства! И прапорщики вспоминаютъ, какъ тотчасъ послѣ «поздравленія» ихъ офицерами, они первымъ дѣломъ отправились въ баню, чтобъ до чиста отмыть все, что еще оставалось въ нихъ «кадетскаго», и какъ они долго потомъ не могли заснуть отъ мысли, что они «офицеры». Гавришевъ началъ-было дремать подъ утро, но Агишевъ, заснувшій ранѣе своего товарища, внезапно просыпается и начинаетъ поспѣшно его расталкивать:

— Женька, ты спишь?—а?..

— Нѣтъ, а что?..

— Женька, вѣдь мы «офицеры», чувствуешь-ли ты это?

— Ахъ, Яша, и въ самомъ дѣлѣ!—протирая радостно глаза, сознается Агишевъ, и оба начинаютъ глупо хихикать, уткнувшись въ подушки... О, незабвенный день!

— А помнишь, Яша, какъ ты отличился на другой день производства?—Тебѣ принесли пальто отъ портного, а ты въ радостяхъ и не замѣтилъ, что пуговицы завернуты въ бумажку, такъ и выскочилъ на улицу съ бумажками?..

— Какъ не помнить. Да и ты тоже хорошъ: пошелъ являться начальству и уходя стащилъ по разсѣянности шинель директора и идешь по лѣстницѣ, какъ ни въ чемъ не бывало.— Эго въ генеральской-то шинели?!

И они весело разболтались «о выпускѣ», о товарищахъ по выпуску, разбросанныхъ теперь по разнымъ угламъ Россіи, о недавнихъ тревогахъ и проказахъ, и не замѣтили, какъ карточная опустѣла и на дворѣ обутрѣло. «Должно быть, поздно?» всполошился Гавришевъ и вынулъ серебряные часики: «батюшки—безъ четверти четыре».

— Однако, мы здорово подкутили!—самодовольно улыбается Агишевъ, и оба, съ пріятной потяготой въ мѣру подгулявшихъ людей, подымаются со стульевъ. Головы ихъ пріятно кружатся, сами они чуть-чуть пошатываются и обоимъ весело до безконечности... Въ карточной никого. Они заглядываютъ въ буфетъ и видятъ пресмѣшную сцену: пресловутый Савка спалъ въ углу стойки, свѣсивъ растрепанную голову надъ тарелкой залежалаго сыра... При каждомъ движеніи, носъ его, издававшій протяжное фырканіе, невольно касался тарелки и это производило видъ, точно онъ нюхаетъ закуску. Въ буфетѣ было темно и пахло водкой, на заплесканномъ полу валялись осколки разбитой рюмки, графинная пробка и обрывокъ штрипки... Тѣмъ не менѣе весь этотъ вздоръ ужасно распотѣшилъ прапорщиковъ и они смѣясь направились въ залу.

Тамъ передъ нимъ открылась картина послѣдняго разгула

музыканты, игравшіе въ началѣ ужина, уже разошлись, свѣчи совсѣмъ догорѣли и слабо боролись своимъ умирающимъ пламенемъ съ лучами трепетавшаго утра; воздвигнутая посреди залы «батарея» была давно «взята» и тутъ же по близости въ различныхъ состояніяхъ и положеніяхъ находились герои «приступа»—маіоръ Бредихинъ, золотушный штатскій и бѣлобрысый адъютантъ: первый, очевидно не привыкшій къ военнымъ подвигамъ, осовѣлъ и сидѣлъ верхомъ на стулѣ съ видомъ совершенно убитаго человѣка; противъ него, не менѣе обалдѣвшій, но все-таки сохранившій нѣкоторую военную выдержку, стоялъ бѣлобрысый адъютантъ и старался изобразить своему визави какія-то балетныя «па», но колѣни его подгибались и вмѣсто граціознаго канкана выходило нѣчто совсѣмъ несвойственное. Самъ почтеннѣйшій дежурный старшина—маіоръ Бредихинъ допился до того, что изъ веселаго малаго, какимъ всѣ его знали, обратился въ мрачнаго нелюдима: Богъ знаетъ съ какой стати онъ повязалъ свою правую ногу, пониже колѣна, носовымъ платкомъ, надвинулъ на глаза фуражку и въ этомъ загадочномъ видѣ, не глядя ни на кого и заложивъ руки за спину, прогуливался нетвердымъ шагомъ взадъ и впередъ около стѣнки.

Появленіе прапорщиковъ ничуть не измѣнило настроенія героевъ; только прогуливавшійся маіоръ, вѣроятно, въ интересахъ достоинства своего званія дежурнаго старшины, сосредоточенно поправилъ бантъ повязки, а золотушный штатскій поднялъ вдругъ голову и, не открывая глазъ, плюнулъ на сапогъ балансирующаго адъютанта. Прапорщикамъ было ужасно весело, слишкомъ весело, чтобъ замѣтить какъ безобразны глупы были «почетные» члены С-ой благородки и какъ невзрачно и пошло выглядывала сама благородка при откровенномъ свѣтѣ наступавшаго дня. Ихъ особенно разсмѣшилъ хитроумный бантъ маіора, и выйдя на улицу, они разразились сумасшедшимъ смѣхомъ...

Собранье стоитъ на горѣ, и отсюда весь С. какъ на ладони. Передъ прапорщиками вдругъ развернулась, точно роскошный букетъ, веселенькая панорама маленькихъ бѣленькихъ съ разноцвѣтными крышами домиковъ, утопающихъ въ зеленомъ морѣ липъ, тополей и акацій; дальніе предметы еще дремали, окутанные синеватой дымкой тумана, но вблизи все уже проснулось и смѣялось въ лучахъ утренняго солнца. Воздухъ былъ свѣжъ и пріятно отрезвляющъ, внизу на бульварѣ пѣли птицы и какой-то смѣльчакъ воробей прыгалъ и задорно чирикалъ передъ самымъ носомъ прапорщиковъ, точно поздравлялъ господъ офи-

церовъ съ прекраснымъ утромъ, недавнимъ производствомъ и первымъ кутежомъ.

Панорама произвела очевидное впечатлѣніе... Господа офицеры затянули совсѣмъ невѣроятный дуэтъ и, подъ акомпаниментъ его, двинулись въ путь. Такимъ образомъ, пріятели благополучно достигли базарной площади. Тутъ хмѣль ихъ окончательно разобралъ и они должны были другъ друга поддерживать. Это сообщило имъ сантиментальное настроеніе:

— Яша, ты меня любишь?—всхлипывая залепеталъ Гавришевъ...

— Люблю, Женька... то есть вотъ какъ!—поклялся коснѣющимъ языкомъ Агишевъ и, въ интересахъ равновѣсія, облобызалъ затылокъ Гавришева.

— Значитъ, мы друзья на... навѣки?

— До... до самаго свѣтопреставленія!—Гавришевъ въ свою очередь благодарно чмокнулъ плечо Агишева, и оба пошатнулись на мѣстѣ.

— И мы никогда не поссоримся,—ни... никогда не разстанемся, Яша?

— Ни въ жисть!

И, потерявъ равновѣсіе, оба товарища упали другъ другу въ объятія. А солнце смѣло и радостно било въ запертыя ставни убогихъ лавченокъ, жадные воробьи неугомонно чирикали по пустымъ прилавкамъ и дырявымъ навѣсамъ, и старая беззубая торговка, всегда спозаранку выползавшая на базаръ со связкой залежалыхъ бубликовъ, съ недоумѣніемъ остановилась передъ умилительной сценой...

Да, это было такъ... тридцать лѣтъ тому назадъ!..

Ему-ли забыть этотъ «балъ»?

Да, но этотъ балъ имѣлъ роковыя послѣдствія. Онъ влюбился въ m-lle Тарантулову, влюбился пылко и безнадежно,— пылко, потому что ему было восемнадцать лѣтъ, а безнадежно, потому что Патти, по желанію рябой кукушки, была помолвлена за маіоромъ Бредихинымъ, и свадьба откладывалась лишь до полученія маіоромъ наслѣдства его тетушки, которая къ досадѣ жениха никакъ не умирала. Съ своей стороны маленькая Патти не могла не вдохнуть въ себя нѣжнаго аромата первой любви неиспорченнаго мальчика, и хотя Гавришевъ счетомъ былъ «восьмой» прапорщикъ, которому она разбивала сердце, но двадцать-три года, скрывавшіеся за ея умильнымъ личикомъ, вѣроятно, подсказали ей, что это послѣдній, и она отнеслась къ этому послѣднему съ кроткимъ простодушіемъ бѣдной про-

винціалки, осужденной на немилый бракъ. Поэтому отношенія между влюбленными установились самыя платоническія: онъ вздыхалъ о томъ, что не можетъ жениться на m-lle Тарантуловой, а она о томъ, что не можетъ выйти замужъ за прапорщика Гавришева, и оба разставались всегда совершенно довольные другъ другомъ.

Свиданья ихъ бывали кратки и безобидны, и происходили по обыкновенію на нижнемъ бульварѣ «ротонды», въ антрактѣ между четвертой и пятой кадрилью. Сядутъ бывало они на низенькую скамеечку подъ навѣсъ душистой липы, онъ сожметъ нѣжно тоненькіе пальчики Патти и оба долго молчатъ, наслаждаясь царящей вокругъ тишиной, любуясь мерцающими звѣздами, прелестью южной ночи... И вдругъ оба разомъ вздохнутъ...

— Патти, о чемъ вы вздыхаете?—спрашиваетъ влюбленный прапорщикъ.

— О томъ же, о чемъ и вы,—отвѣчаетъ ему ласковый голосокъ.

— Я вздыхаю о томъ, зачѣмъ вы выходите замужъ за маіора Бредихина,—говоритъ *онъ*.

— Ахъ, Геня, зачѣмъ вы не маіоръ!—сокрушается *она*,—тогда бы все было иначе...

— Я самъ часто объ этомъ думаю, Патти, зачѣмъ я не маіоръ!..

И опять молчаніе, и опять вздохъ.

— Скоро будетъ ваша свадьба, Патти?—спрашиваетъ грустно Гавришевъ.

— Когда Семенъ Семенычъ получитъ тетушкино наслѣдство,—наивно отвѣчаетъ Патти.

— А скоро онъ его получитъ?

— Онъ его получитъ, когда умретъ тетушка.

— Пошли ей Господи долгой, долгой жизни.—восклицаетъ въ экстазѣ прапорщикъ и осторожно беретъ ее за талію...

— Ай, что вы дѣлаете,—пищитъ Патти:—развѣ это можно?

— Очень можно, потому что я васъ люблю, Патти!—шепчетъ таинственно мальчикъ и тихонько, тихонько цѣлуетъ ее въ плечико. А въ это время нечаянно выходитъ изъ облачка мѣсяцъ и уличаетъ влюбленную парочку. И оба, точно пойманные школьники, улыбаясь, жмутся другъ къ другу, и внизу, въ кустахъ, трещатъ кузнечики и изъ «ротонды» доносятся беззаботные звуки польки-tremblante...

О, чудныя южныя ночи! О, милая, добрая Патти! О, ненавистный маіоръ Бредихинъ!..

Для Агишева первый балъ тоже не обошелся безъ послѣдствій, хотя послѣдствія эти были далеко не такого «роковаго» характера, какимъ отличался романчикъ Гавришева. Какъ и можно было ожидать, вскорѣ послѣ бала Агишевъ познакомился съ купчихою Трегубовой. У вдовицы былъ сынъ гимназистъ, закормленное существо, второй годъ торчавшее въ одномъ классѣ, и заботливая мамаша, разыскивая для него «репетитора», остановилась на Агишевѣ, который ей показался вполнѣ подходящимъ человѣкомъ. Подъ означеннымъ предлогомъ послѣдній проводилъ почти всѣ вечера у гостепріимной вдовицы и разъ даже возвратился совсѣмъ засвѣтло съ замѣтными слѣдами обильнаго угощенья. Цѣломудренному и недальновидному Гавришеву и въ голову не приходило, что за этимъ купеческимъ хлѣбосольствомъ могло скрываться что-нибудь постороннее, тѣмъ болѣе, что Агишевъ хранилъ про себя настоящую причину своихъ позднихъ уроковъ, щадя какъ бы по инстинкту счастливую наивность сожителя. И конечно хорошо дѣлалъ, что хранилъ про себя, потому Гавришевъ никогда бы не оправдалъ его грубаго взгляда на «женскій вопросъ», какъ бы въ свою очередь Агишевъ никакъ не могъ уяснить себѣ чистыхъ восторговъ первой любви. Это разногласіе было первымъ облачкомъ, появившимся на горизонтѣ ихъ безмятежной жизни, и служило поводомъ чуть не ежедневныхъ пререканій между двумя прапорщиками. Пререканія происходили по обыкновенію поздно вечеромъ, въ «койкахъ», и всегда въ родѣ слѣдующаго:

— Гдѣ ты былъ, опять «тамъ»?—пробормочетъ съ обиднымъ равнодушіемъ Агишевъ, отлично замѣтившій по сантиментально-загадочному виду товарища, что тотъ вернулся со «свиданья».

— Ну, положимъ, «тамъ», ну, что-жъ изъ этого? — огрызнется Гавришевъ, глядя мечтательно въ потолокъ.

— Ничего, только я удивляюсь, какъ могутъ занимать офицера подобные пустяки.

— По твоему это пустяки, а по моему это суть жизни.

— Въ томъ-то и дѣло, что у васъ нѣтъ никакой сути, а такъ, какое-то «испареніе при лунѣ»!..

— Вовсе не «испареніе», а только тебѣ этого не понять, потому что ты не любишь природы и не испыталъ, что такое — страсть...

— А ты испыталъ?

— Испыталъ.

— Что-жъ это за штука?

— О, это нѣчто необъяснимое, нѣчто такое неуловимое! — скажетъ фистулой Гаврищевъ.

— Нѣчто такое, что даже невозможно разсказать, — добавитъ насмѣшливо Агишевъ. Тотъ непремѣнно обидится и весь вспыхнетъ.

— Именно нельзя «разсказать», потому что любовь надо «чувствовать»!

Агишевъ въ свою очередь тоже оскорбится:

— Что-жъ ты воображаешь, что я не могу «чувствовать», что я какой-нибудь бурбонъ?!

— Нѣтъ, не бурбонъ, а только для тебя это трудно, потому что ты сошелся съ «кулдыбахами» и рѣжешься въ штосъ.

— Ну, ужъ насчетъ этого оставь, такъ какъ въ картахъ ты ровно ничего не смыслишь. Прощай!

— Такъ же, какъ и ты въ любви! Спокойной ночи!..

Затѣмъ пренія заканчивались и товарищи полусердито отворачивались къ стѣнкѣ. Черезъ десять минутъ въ комнатѣ уже раздавался довольно дружный носовой дуэтъ: со стороны Агишева густой и равномѣрный свистъ человѣка, постигнувшаго житейскую суть, со стороны Гаврищева неровное и тонкое подсвистываніе безнадежно-влюбленнаго.

«Кулдыбахи» — было второе облачко, омрачившее офицерскую идиллію. Кулдыбахами, т.-е. пьяницами, прозвали въ городѣ небольшую кучку пѣхотныхъ и артиллерійскихъ офицеровъ, благодушно устранившихъ, въ общечеловѣческихъ интересахъ выпивки и понтированія, предразсудки своего рода оружія. Со стороны пѣхоты представителемъ благородной компаніи былъ нѣкій капитанъ Дубяга, завзятый охотникъ, собачникъ и «мухобой»; со стороны артиллеріи поручикъ Бржезовскій — артиллеристъ, аферистъ и дуэлистъ, извѣстный въ бригадѣ своимъ неспокойнымъ характеромъ и неаккуратностью въ денежныхъ счетахъ. Объединителемъ обѣихъ партій являлся «папаша Бредихинъ», присяжный разрѣшитель всѣхъ карточныхъ споровъ и незамѣнимый въ холостой компаніи, какъ разсказчикъ наркотическихъ анекдотовъ. Сборнымъ пунктомъ кутильной кучки служила квартира поручика Бржезовскаго или «Бжезини», какъ его звали члены кучки; — тамъ происходили знаменитѣйшія изъ сраженій зеленаго поля, тамъ же приносились обильныя жертвы Бахусу, неизмѣнному вдохновителю зеленыхъ рыцарей. Понти-

ровали сначала всегда по маленькой, потомъ схватывались по большой и когда, въ концѣ сраженья, силы не позволяли играть ни по той, ни по другой, ставилась на карту какая-нибудь собственность партнера. Въ послѣдняго рода ставкѣ чаще всего фигурировали: или знаменитая одесская табачница поручика Бржезовскаго, съ изображеніемъ на наружной сторонѣ крышки купающейся Сусанны, или вывезенная изъ турецкаго похода феска маіора Бредихина, или же, если турецкая феска и купающаяся Сусанна проигрывались — капитанъ Дубяга великодушно предлагалъ въ общую кассу одного изъ своихъ многочисленныхъ собачьихъ сынковъ. Вотъ съ этой-то безпечальной компаніей и сошелся Агишевъ, начинавшій входить во вкусъ армейскихъ жизнерадостей. Къ чести компаніи надо замѣтить, что члены ея въ большинствѣ были не столько азартные игроки, сколько усердные жрецы Бахуса, причемъ, такъ какъ жертвы приносились большею частью на чужой счетъ, на счетъ выигрывавшаго, то Агишевъ, по счастливому обыкновенію терявшій все въ концѣ, чтó получалъ въ началѣ, въ результатѣ оставался всегда нѣкоторымъ образомъ «въ выигрышѣ».

Несмотря на эти два «облачка», несмотря на сѣтованія по этому поводу Цыпочки и ворчаніе Гавришева, въ общемъ «режимъ» идиллической жизни двухъ прапорщиковъ ни мало не измѣнился: попрежнему Цыпочка будила и не могла добудиться своихъ «сыночковъ», попрежнему Антипукъ сопѣлъ и кряхтѣлъ, попрежнему Бомбочка спала съ Гавришевымъ, возилась съ Агишевымъ и, сосредоточивая на себѣ общія симпатіи, служила какъ бы символомъ мира и согласія, царствовавшаго въ бѣломъ домикѣ. Словомъ, какъ говорится въ военныхъ рапортахъ: «все обстояло благополучно и никакихъ происшествій съ людьми не было». Сами прапорщики до того мальчишески безпечно вѣрили въ нерушимость своего прапорщичьяго благополучія, что когда однажды встрѣтившійся имъ на бульварѣ маіоръ Бредихинъ съ своимъ обычнымъ добродушнымъ хохотомъ возгласилъ:

— А, Орестъ и Пиладъ! всегда вмѣстѣ—и до сихъ поръ не поссорились?—и на недоумѣвающія улыбки прапорщиковъ, заключилъ, не переставая хохотать:—Ну, значитъ, скоро поссоритесь!—Гавришевъ и Агишевъ молча оглядѣли другъ друга и, не смущаясь, рѣшили, что маіоръ Бредихинъ «старая дурында» и мелетъ пустяковину.

Имъ и въ голову не приходило, что въ пустяковинныхъ словахъ добродушнаго маіора скрывался случайно-глубокій смыслъ,

и что два года—срокъ слишкомъ продолжительный для человѣческой дружбы; и ужъ, конечно, никакимъ родомъ не могло прійти въ голову, что черезъ какія-нибудь двѣ недѣли они разойдутся, какъ два совершенно незнакомые человѣка и — кто повѣритъ?—разойдутся, чтобъ болѣе никогда не встрѣтиться на жизненномъ поприщѣ.

III.

Разъ какъ-то Агишевъ вернулся домой довольно поздно. Гавришевъ, не заснувшій безъ своего пріятеля, при первомъ стукѣ въ калитку—вылѣзъ изъ-подъ одѣяла и приготовился къ допросу. Агишевъ, войдя въ спаленку, отослалъ деньщика и сталъ молча раздѣваться. Между товарищами произошелъ слѣдующій разговоръ:

— Гдѣ это ты до сихъ поръ пропадалъ?—освѣдомился Гавришевъ.

— У Бжезинни засидѣлся,—отвѣчалъ тотъ, зѣвая и продолжая раздѣваться.

— Что-жъ ты такой кислый?

— Голова трещитъ, здорово *муху врѣзалъ*!

— Это по какому случаю?

— Такъ, собралась компанія, срѣзались въ штосъ, ну и въ заключеніе «урѣзали».

— Разумѣется, продулся?

— Представь себѣ, выигралъ—и угадай что?

— Одесскую табачницу?

— Вовсе нѣтъ.

— Маіорскую ермолку?

— Какой ермолку—Комисара!

— Какого Комисара?

— Не знаешь Комисара—капитанскаго кобеля?

— А!.. ну, выигрышъ, признаюсь...

— А чѣмъ бы и не выигрышъ?

— Сѣрый, глупый кобель, вотъ тоже!

— Во-первыхъ, онъ не сѣрый, а бѣлый, а во-вторыхъ каждую собаку можно выдрессировать.—И какъ бы въ подтвержденіе неопровержимости послѣдняго обстоятельства, Агишевъ рѣшительно скинулъ сапоги и нырнулъ подъ одѣяло. Но Гавришевъ не унимался.

— Что-жъ ты съ нимъ намѣренъ дѣлать?

— Что за вопросъ, — буркнулъ тотъ изъ-подъ одѣяла, — разумѣется, возьму себѣ.

— Да, но... — Гаврешевъ остановился и лицо его недовольно сморщилось. Агишевъ сейчасъ, по тону голоса, сообразилъ, въ чемъ дѣло, и высунулъ голову изъ подъ одѣяла.

— Но что? Твоей нѣмецкой аккуратности это, видно, не по вкусу? Нѣтъ, братъ, дудки—не уступлю! И потомъ я давно хотѣлъ имѣть охотничьяго лягаша.

— А какъ этотъ лягашъ станетъ вдругъ охотиться за нашей Бомбой?—Агишевъ прыснулъ.

— Ну, и пускай его охотится!

— Но вѣдь это же гадко, вѣдь это значитъ дѣлать непріятность Цыпочкѣ?

— Скажите, какія нѣжности! Ахъ ты баба, бабусенька!— Гавришевъ надулся.

— Ты, кажется, очень хорошо знаешь, что я не люблю, когда ты называешь меня бабусенькой?

— Ну, и не люби, чортъ съ тобой,—оборвалъ Агишевъ и, зѣвнувъ во весь ротъ, повернулся къ стѣнѣ и почти тотчасъ же захрапѣлъ.

— Матеріалистъ и кулдыбахъ!—проворчалъ себѣ подъ носъ Гавришевъ и толкнулъ ногой ни въ чемъ неповинную Бомбу. Та, какъ мячикъ, скатилась съ кровати, но тотчасъ же вспрыгнула и улеглась на прежнемъ мѣстѣ. Гавришевъ, смущенный какимъ-то неяснымъ предчувствіемъ, долго не могъ успокоиться. Собственно говоря, на самомъ донышкѣ его души шевелилось не столько опасеніе за спокойствіе Лизаветы Даниловны, терпѣть не могшей большихъ псовъ, сколько какой-то безотчетный страхъ за свое собственное спокойствіе, дѣтскій испугъ, чтобъ этотъ шестой непрошенный гость какъ-нибудь не нарушилъ разъ заведеннаго, счастливаго своимъ однообразіемъ, порядка ихъ нетребовательной жизни. Что касается Агишева, то ему, говоря по совѣсти, рѣшительно было все равно — взять ли на воспитаніе капитанскаго кобеля или обмѣнять его на маіорскую ермолку, но ему главнымъ образомъ не хотѣлось уступить Гавришеву, сердечная назойливость котораго начинала тяготить его болѣе и болѣе.

Проснувшись на другой день, оба товарища молча условились не говорить о вчерашнемъ, и до обѣда все шло своимъ обычнымъ порядкомъ. За обѣдомъ, въ то время, какъ друзья уплетали за обѣ щеки второе блюдо, а Лизавета Даниловна замѣшкалась на кухнѣ за приготовленіемъ какого-то «сюрприза»,

вошелъ Антипукъ и доложилъ Агишеву, что капитанскій вѣстовой привелъ Комисара. — Гавришевъ окинулъ товарища испытующимъ взглядомъ, но тотъ, будто ничего не произошло, пробормоталъ: «ладно... давай его сюда!» и продолжалъ преспокойно уничтожать свою порцію. Гавришевъ вспыхнулъ и съ шумомъ отодвинулъ отъ себя тарелку. Бомбочка, возившаяся подъ столомъ около какой-то дряни, напыжилась и заурчала... Черезъ минуту въ комнату вскочилъ молодой бѣлый сетеръ, съ длинной, тонкой мордой, длиннѣйшими отвислыми ушами и глупыми, красными глазами. Очутившись посреди незнакомаго общества, песъ видимо опалѣлъ и началъ пятиться къ двери... «Комисаръ.., исв!—крикнулъ ему Агишевъ и, услыхавъ свое прозвище и запахъ съѣстного, Комисаръ ринулся къ столу, — но тутъ произошло одно непредвидѣнное событіе: Бомба, мирно потреблявшая подъ столомъ свой скромный обѣдъ, при первомъ скачкѣ лягаша окрысилась и выпустила когти... Еще прыжокъ и кошка, забывши всякое приличіе, въ мгновеніе ока очутилась на плечѣ Гавришева. Тотъ съ перепугу бросился на середину комнаты, собака кинулась за нимъ; тогда кошка, чтобъ избавиться отъ преслѣдователя, перепрыгнула съ плеча на диванъ, съ дивана перелетѣла на комодъ, опровинула по дорогѣ спичечнаго чортика и, вскарабкавшись на самый верхъ книжной полки, вся свернулась въ грозный оборонительный комокъ; Комисаръ остановился передъ комодомъ и, задравъ морду, принялся неистово лаять.

Но вотъ въ дверяхъ появилась Цыпочка съ блюдомъ румяныхъ сырниковъ въ рукахъ. Собака, завидѣвши новое лицо, бросилась къ ней. Та взвизгнула и, чуть живая, опустилась на стулъ, не выпуская, однако, блюда изъ рукъ. Гавришевъ схватилъ со стола стаканъ воды, однимъ энергическимъ толчкомъ ноги выпроводилъ Комисара и сталъ поить перепуганную старушку. — «Видишь, что ты надѣлалъ!» —лепеталъ онъ, обращаясь къ Агишеву, самъ перепуганный не меньше Цыпочки.

— «Бабье!»—рѣшилъ философски Агишевъ и приказалъ прибѣжавшему на шумъ Антипуку не пускать собаку въ комнату.

— Откуда это, сыночки, экое чудовище проявилось?—заговорила, наконецъ, Лизавета Даниловна, когда первый испугъ прошелъ, сырники были поставлены на мѣсто и прерванный обѣдъ возобновился.

— Это моя охотничья собака,—хладнокровно пояснилъ Агишевъ. Цыпочка замахала руками:

— Богъ съ тобой, что ты говоришь такое. — Развѣ можно собаку держать въ комнатѣ; собака—песъ, нечистое животное, тьфу!—Лизавета Даниловна въ подтвержденіе энергически плюнула. Агишевъ махнулъ рукой: «дескать,—ну, пошла!» и, подойдя къ окну, сталъ свистать Комисара. Гавришевъ сидѣлъ молча, мрачно, уткнувшись въ тарелку.

— Да ты что это, въ самомъ дѣлѣ, что ли задумалъ поселить у меня псину, а?—уставилась недоумѣвающе Лизавета Даниловна на Агишева.

— А то какъ же,—проворчалъ Агишевъ, не оборачиваясь отъ окна и продолжая свистать. Старушка не на шутку разсердилась:

— Слышь, перестань свистать, слышь, что я тебѣ скажу,—заторопилась Лизавета Даниловна:—ни въ жизнь не позволю у себя въ домѣ псиный духъ заводить, я не знаю, что̀ со мной будетъ, если я эту погань потерплю.

— Ну, и не терпите, кто васъ проситъ, квартиръ, слава Богу, здѣсь много!—брякнулъ Агишевъ. Онъ находился въ одномъ изъ своихъ «моментовъ» и не успѣлъ сообразить всей рѣзкости отвѣта.

— Яшка!—крикнулъ ему было Гавришевъ, но уже было поздно, роковой намекъ на «пустыя квартиры» попалъ въ самое сердце доброй старушки и она залилась слезами. Гавришевъ вскочилъ сердито со стула и, швырнувъ салфетку, началъ ходить по комнатѣ.

— Вотъ такъ, вотъ спасибо, сыночки,—причитывала Цыпочка,—отплатили мнѣ за мои хлопоты!.. Что-жъ, съѣзжайте, съѣзжайте—удерживать не стану... Только я всегда скажу: я какъ мать старалась вамъ угодить, а не то, чтобъ изъ-за разсчетовъ... Я такъ и принимала васъ, все равно какъ родныхъ, совсѣмъ безъ всякой выгоды... А вы вотъ... псу, нечистому животному предпочетъ даете.—Ну, и съѣзжайте когда такъ, съѣзжайте—Богъ съ вами, сыночки!..

И она встала, и сморкаясь въ платокъ, и всхлипывая, направилась къ себѣ въ спальню. Агишевъ сообразилъ, что дѣло выходитъ совсѣмъ дрянь, и поспѣшилъ его поправить. Когда Агишевъ хотѣлъ, онъ могъ быть ласковъ, даже трогателенъ. Только-что Цыпочка направилась къ дверямъ, онъ бросился къ ней и загородилъ дорогу.

— Лизавета Даниловна, куда вы? Да неужто, и вы на меня сердитесь?—воскликнулъ онъ притворно-испуганнымъ голосомъ. —Да вѣдь я пошутилъ, ну, вотъ вамъ крестъ, милая, погу-

тилъ!.. А вы подумали... Ай, ай, Цыпочка, какъ вамъ не совѣстно!.. Мы васъ съ Женькой такъ любимъ, а вы насъ гоните съ квартиры. И какъ раскипятились, даже Бомбочку вашу забыли. Бомба, Бомбуся... кисъ-кисъ... иди скорѣй къ своей баринѣ! — позвалъ онъ Бомбочку, которую за общей суматохой дѣйствительно всѣ забыли.

Бомбочка жалобно пискнула, боязливо осмотрѣлась и, убѣдившись въ отсутствіи непріятеля, спрыгнула на комодъ. Разсчетъ Агишева оказался вполнѣ вѣрнымъ.—Лизавета Даниловна какъ-то вдругъ совсѣмъ забыла о своихъ слезахъ и вся устремилась на свою потерпѣвшую любимицу:

— Ну, что, моя милая, что моя хорошая?—приговаривала она надъ ней:—напугали тебя, обидѣли, бѣдную! И все это проклятая псина.—Ахъ, она гадкая, смѣетъ пугать мою Бомбочку! Вотъ мы ее сейчасъ прогонимъ, мы ее!..—И Лизавета Даниловна наморщила брови и замахнулась рукой, показывая, будто хочетъ кого-то прогнать, но Агишевъ догадался подставить, на мѣсто воображаемаго врага, свою физіономію и шлепокъ пришелся какъ разъ ему по носу.

— Тьфу, дурной!—не могла не разсмѣяться старушка. Тому только этого и надо было.

— Ура, Цыпочка смѣется, Цыпочка простила!—заоралъ онъ во все горло и обхватилъ Лизавету Даниловну за талью.

— Отстань, экій горластый, отстань, я тебѣ говорю!—отмахивалась она.

— Цыпочка, вы на насъ не сердитесь?—вмѣшался Гавришевъ, обрадованный мирнымъ оборотомъ дѣла.

— Она не сердится, и не можетъ сердиться,—лебезилъ безсовѣстно Агишевъ,—потому что она славная, золотая, брилліантовая, потому что она дѣлаетъ такіе сырники, что я сегодня всѣ пальчики облизалъ... потому что она Цыпа... Цыпуля...

Новоизобрѣтенное имя произвело рѣшительный эффектъ и миръ былъ заключенъ.

Но Агишевъ твердо рѣшилъ про себя не уступать ни на іоту. Собственно говоря, дѣло тутъ было вовсе не въ Комисарѣ, къ которому онъ чувствовалъ трудно скрываемое равнодушіе, а въ чисто практическихъ соображеніяхъ, въ силу которыхъ онъ считалъ себя, во-первыхъ, за свои пять рублей полнымъ хозяиномъ квартиры, и во-вторыхъ, считалъ нѣкоторымъ образомъ унизительнымъ для своего офицерскаго достоинства сдаваться на «бабьи сказки». Кромѣ того, онъ довольно вѣрно разсчиталъ, что отчего же не привыкнуть къ собакѣ, если привыкаютъ къ кошкѣ, и что слѣдо-

вательно къ Комисару всѣ такъ же скоро привыкнутъ, какъ къ Бомбѣ, и все обойдется наилучшимъ образомъ.

Къ Комисару, дѣйствительно, привыкли и объ изгнаніи его больше не поднималось и рѣчи, потому что старушка была слишкомъ добра для рѣшительныхъ дѣйствій, и лягашъ былъ такъ глупъ, что возбуждалъ всеобщее сожалѣніе. Не предвидѣлъ Агишевъ только двухъ обстоятельствъ: войны лягаша съ курами и индюками Цыпочки и чего ужъ онъ никакъ не разсчитывалъ встрѣтить—упрямаго нерасположенія Бомбы къ своему новому сожителю. Лизаветѣ Даниловнѣ къ ея многочисленнымъ хлопотамъ по хозяйству присоединилась еще новая забота: оберегать своихъ куръ и индюковъ отъ набѣговъ Комисара. И не то, чтобы г. Комисаръ приносилъ какой-нибудь убытокъ хозяйству, онъ чуть не пятился отъ цыплятъ, а индюка явно боялся; а такъ—«найдетъ на него эта самая бѣсовщина», какъ выражался Антипукъ, и начнетъ онъ бѣгать по двору изъ угла въ уголъ какъ угорѣлый, лая безъ толку на Антипука, на Лизавету Даниловну, на куръ, мухъ, на развѣшанное бѣлье, на все, что попадетъ ему подъ носъ. Этими набѣгами онъ такъ, наконецъ, надоѣлъ Цыпочкѣ, что она рѣшилась принять «крутыя мѣры». Эти крутыя мѣры заключались въ томъ, что, во-первыхъ, была куплена на базарѣ и передана въ завѣдываніе Антипука толстая плетка, спеціально предназначенная для укрощенія Комисара; во-вторыхъ, на время, пока Агишевъ находился на службѣ, Комисаръ запирался въ пустой амбаръ, и въ третьихъ—онъ былъ рѣшительно и на всегда перекрещенъ съ позоромъ изъ «Комисара» въ «Шалопута». Этими мѣрами водворенъ былъ, повидимому, нѣкоторый порядокъ въ домѣ Цыпочки.

Что касается Бомбы, то ея натянутыя отношенія къ Комисару служили предметомъ постоянныхъ сѣтованій Лизаветы Даниловны. Стоило только показаться Комисару въ дверяхъ, какъ Бомба съ быстротою молніи вскарабкивалась на книжную полку и свертывалась въ оборонительный комокъ, оглашая комнату, хватающимъ за душу, завываніемъ. Комисаръ же принимался бѣгать около комода и неистово лаять, и лаялъ до тѣхъ поръ, пока его наконецъ не выгоняли. На дворѣ повторялась та же исторія съ Бомбой «на дровахъ». Если при этомъ присутствовалъ Агишевъ, то онъ приходилъ въ неописанный восторгъ, кричалъ Комисару: «Проси... проси!» и своими науськиваніями натянутыя отношенія обѣихъ сторонъ разжегъ до явной вражды. На протесты Гавришева и ахи Цыпочки, Агишевъ возражалъ обоимъ, что вражда собаки и кошки вполнѣ естественна на томъ

будто основаніи, что кошка украла у собаки «дворянскую грамоту». И онъ сочинялъ цѣлую исторію, какъ собака, отправившись весной «заводить свадьбу», просила кошку поберечь на время свою «дворянскую грамоту», а кошка заснула и не замѣтила, какъ мыши съѣли собачій документъ. Вотъ собака и лаетъ на кошку: «отдай, дескать, мой пачпортъ!» Эта исторія всѣхъ разсмѣшила, но ничуть не измѣнила положенія враждующихъ сторонъ. Бомба, повидимому, не столько не любила собачьей сущности, сколько никакъ не хотѣла помириться съ этимъ непрошеннымъ сожительствомъ, нарушавшимъ явно ея права долголѣтней полновластной хозяйки во всѣхъ Цыпочкиныхъ владѣніяхъ. Теперь ея прогулка по дому была въ зависимости отъ того, гдѣ находился «Шалопутъ», и она протестовала отчаяннымъ завываніемъ противъ этого ограниченія. Впрочемъ, время и очевидная трусость непріятеля умѣрили враждебные порывы умной Бомбочки; она уже перестала взбираться на книжную полку и перешла постепенно съ полки на комодъ, съ комода на стулъ и потомъ совсѣмъ на полъ, забиваясь только подальше въ уголъ отъ своего взбалмошнаго сосѣда. Со стороны Комисара, горизонтъ котораго былъ весьма недалекъ, не могло быть никакой опредѣленной идеи вражды,—это просто была собачья глупость и выражалась она тоже глупо до смѣшного: утомленный безплоднымъ лаяніемъ, пятясь при каждомъ движеніи сердитаго противника, Комисаръ, наконецъ, вытягивался на полу, неподалеку отъ Бомбы, и пялилъ на нее свои красные глаза до тѣхъ поръ, пока глаза не слипались и онъ не засыпалъ самымъ безпечнымъ сномъ передъ носомъ своей соперницы. Бомбѣ въ свою очередь тоже, вѣроятно, прискучивало ея собственное завываніе, и послѣ нѣкотораго предохранительнаго урчанія, она слѣдовала примѣру своего визави. Картина выходила умилительная и всегда возбуждала громкій хохотъ прапорщиковъ.

Нѣтъ сомнѣнья, что если бы Бомбу и «Шалопута» не стравливать, какъ это дѣлалъ Агишевъ, время и привычка взяли бы свое и отношенія обѣихъ сторонъ приняли бы наконецъ, если не дружескій, то довольно мирный характеръ,—и ужъ, конечно, никогда бы не случилось событія, омрачившаго собой лучезарный день 23-го апрѣля 186* года.

Утромъ означеннаго дня Агишевъ былъ дома одинъ. Антипукъ ушелъ на базаръ, Лизавета Даниловна была у обѣдни, а

Гавришевъ, по случаю батарейнаго праздника (23 апрѣля—день св. Георгія), присутствовалъ въ казармѣ на молебнѣ. Не любитель книгъ и одиночества, Агишевъ отъ скуки вытащилъ на сцену Комисара и вздумалъ его дрессировать. Но всякая дрессировка оказалась выше способностей лягаша. Ни крикъ, ни плетка, ни куски ситника, ничто не могло заставить его проникнуться азбукой собачьей дрессировки. Глупая скотина при крикѣ «тубо» начинала неистово лаять, а по слову «пиль» пятилась къ дверямъ, наконецъ при одной весьма чувствительной порціи плетки, такъ пронзительно завизжала, что Агишевъ приготовился послать ее ко всѣмъ чертямъ. Какъ разъ въ это время вернулся съ базара Антипукъ съ Бомбой и началась новая потѣха. Но такъ какъ потѣха оказалась весьма непродолжительной, потому что при первомъ скачкѣ лягаша кошка очутилась на завѣтной книжной полкѣ,—Агишева озарила, какъ ему показалось, «счастливая» мысль, чтобъ продолжить забаву. Онъ раздобылъ изъ спальни завалявшійся нумеръ «Инвалида», стащилъ Бомбу съ ея священнаго убѣжища, обернулъ газетой, перевязалъ газету веревкой и пустилъ на всѣ четыре стороны. Но Бомба не трогалась съ мѣста: слѣпая теперь на оба глаза и рѣшительно не понимая, чтó съ ней такое сдѣлали, она находилась въ состояніи временнаго умопомраченія. Антипукъ, видѣвшій изъ корридора всѣ приготовленія къ экзекуціи, осмѣлился было доложить: «Что оно... какъ бы не тово, ваше благородіе?»—Но «его благородіе» послало вѣрнаго слугу въ наиотдаленнѣйшее мѣсто россійскаго государства и, какъ бы въ отместку всѣмъ препятствовавшимъ до сихъ поръ его нраву, началъ съ остервененіемъ уськать Комисара... «Проси... проси!!» кричалъ онъ скакавшему лягашу, и лягашъ не заставилъ себя долго ждать; онъ мотнулъ головой, встряхнулъ для храбрости ушами и схватился зубами за бумагу, въ которую была обернута Бомба. Этого маневра было вполнѣ достаточно, чтобы вывести Бомбу изъ оцѣпенѣнія... Она сразу сообразила опасность, собрала силы, высвободила, насколько могла, свою морду и рванулась какъ шальная въ корридоръ, путаясь въ импровизированномъ шлейфѣ, шумя бумагой и такъ жалобно крича, точно звала на помощь. Но помощь не приходила, и Комисаръ преслѣдовалъ ее отчаяннымъ лаемъ, покровительствуемый въ свою очередь громкимъ хохотомъ своего учителя. Наконецъ, послѣ безплодныхъ усилій сорвать съ себя подвязанную шумиху, Бомба отчаянно пискнула и, какъ мячъ, безсильно скатилась по ступенямъ лѣсенки на дворъ. Но тутъ ее ождало новое не-

счастье: во время паденія ея задняя лапа запуталась въ концахъ веревки и бѣдная Бомбочка какъ скатилась, такъ и осталась неподвижна у послѣдней ступеньки въ совершенномъ перепугѣ отъ всего съ ней случившагося. Тогда произошла отвратительная сцена: лягашъ, сбитый съ толку недавними побоями, раздраженный шумомъ газеты и усерднымъ уськаніемъ, кинулся на беззащитную Бомбу и принялся рвать съ остервенѣніемъ бумагу, вырывая вмѣстѣ съ тѣмъ клочки шерсти и мяса... «Ваше благо...» — завопилъ Антипукъ и схватился за стоявшую въ углу швабру, но Агишевъ сильно оттолкнулъ его и самъ бросился съ плетью на Комисара... Но уже было поздно: Бомба, измученная и перепуганная, истрепанная и израненная находилась при послѣднемъ издыханіи... «Бомба... Бомбочка?» — попробовалъ позвать ее Агишевъ... «Бомбуся», — повторилъ онъ нѣжно. — Но Бомбуся не издавала звука. — Ясно было, что она затравлена... Антипукъ, съ мокрой шваброй въ рукахъ, стоялъ вытянувшись на площадкѣ крыльца и крупныя слезы текли по его конопатому лицу. «Болванъ, баба, чего ты хнычешь? — прикрикнулъ на него раздражительно Агишевъ: — убери къ чортовой матери этого осла!» онъ ткнулъ ему на жавшагося трусливо на порогѣ калитки Комисара. «Слышишь, сейчасъ же отведешь его къ капитану Дубягѣ!» — И, какъ только Антипукъ вышелъ, онъ оттолкнулъ ногой съ чувствомъ гадливости жалкіе остатки Бомбы, взялъ фуражку и пошелъ безцѣльно шляться по городу, забывъ, что въ домѣ никого не осталось, что у самаго входа валялась дохлая кошка, раздраженный противъ себя, противъ глупаго кобеля и еще болѣе противъ всѣхъ тѣхъ, кто бы вздумалъ его теперь осыпать упреками.

Когда черезъ четверть часа Антипукъ вернулся домой, онъ уже не нашелъ Бомбочки на прежнемъ мѣстѣ: жалкіе остатки ея еще имѣли послѣднія силы, чтобъ дотащиться до кладки дровъ, и на верху ихъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ она такъ всегда любила грѣться на солнышкѣ, лежалъ теперь ея распластанный трупъ. Антипукъ взялъ лопату, вырылъ тутъ же, около дровъ, небольшую яму и похоронилъ безвременно погибшую Бомбочку. — Все это онъ продѣлалъ совершенно машинально, весь проникнутый одной лишь мыслью, за которой исчезало его собственное горе: «Что скажетъ барыня? — Она сейчасъ вернется отъ обѣдни», думалъ онъ «и спроситъ: гдѣ Бомбочка и...» Дальше Антипукъ уже не въ состояніи былъ напрячь свою мысль и испускалъ такое глубокое и протяжное сопѣніе, которое краснорѣчивѣе всякихъ словъ выдавало всю силу его чувства.

И дѣйствительно не успѣлъ Антипукъ сравнять землю могилы, какъ въ калиткѣ показалась Цыпочка, разряженная по праздничному, въ чепцѣ съ лиловыми лентами и поминаніемъ въ рукахъ.—Первымъ ея дѣломъ было освѣдомиться: «гдѣ Бомбочка»? Зловѣщее сопѣніе Антипука, его разстроенный видъ и сырая лопата въ рукахъ, объяснили ей все лучше всякихъ словъ.— Кто опишетъ ужасъ, горе и негодованіе доброй старушки, когда она узнала всѣ печальныя подробности смерти своей любимицы. Она совершенно вышла изъ себя. Плакала, кричала, замахнулась поминаніемъ на Антипука, поносила совершенно ей несвойственными словами «неблагодарныхъ сыночковъ» и наконецъ рѣшительно объявила, что она ни за что не останется послѣ подобной «шкоды» въ своемъ домѣ и переѣзжаетъ къ Ѳедосьѣ Минаевнѣ. И недолго думая, даже не снявъ своего пышнаго лиловаго чепца, она наскоро связала узелокъ съ бѣльемъ, забрала свой вязанный ридикюль и стклянку съ «кизиловымъ декохтомъ» и, хлопнувъ сердито калиткой, засѣменила своими маленькими шажками по направленію къ «горищу». Антипукъ, какъ былъ съ лопатой въ рукахъ и разинутымъ ртомъ, съ застрявшимъ внутря словомъ оправданія, такъ и остался посреди двора, устремивъ растерянно-тупой взглядъ на захлопнувшуюся калитку...

Не прошло минуты, какъ калитка вновь отворилась и на порогѣ показался Гавришевъ. Лицо его было краснѣе обыкновеннаго, киверъ какъ то ужъ черезъ-чуръ ухарски сдвинутъ на бокъ и по всему видно было, что онъ находился подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ командирской закуски. Нѣкоторое время деньщикъ и баринъ оба смотрѣли другъ на друга молча въ совершенномъ недоумѣніи и оба вдругъ отрезвѣли въ одно время: баринъ потому, что видъ деньщика внушилъ ему недоброе предчувствіе, деньщикъ потому, что видъ барина напоминаетъ ему о требованіяхъ воинской дисциплины. — Первое слово Гавришева было тоже: «Гдѣ Бомба?» —Антипукъ вытянулся по всѣмъ правиламъ одиночнаго ученья.

— Его благородіе, прапорщикъ Агишевъ изволили ихъ затравить,—доложилъ онъ тономъ рапорта.

— Что ты вздоръ мелешь?—накинулся на него Гавришевъ, но сразу осѣкся, инстинктивно почуявъ неопровержимость оффиціальнаго извѣщенія.

— Агишевъ дома?—спросилъ онъ быстро.

— Никакъ нѣтъ, ваше в-діе.

— А... а барыня?

— Барыня крѣпко осерчали и подались до Ѳедосіи Михеевны.

— Она вѣдь скоро возвратится, вѣдь возвратится, да?..

— Они такъ сказывали, ваше в-діе, что располагають тамъ заночевать.

— Заночевать?! — повторилъ машинально Гаврищевъ и добавилъ нерѣшительно:—значитъ, она того... очень разстроена?

— Такъ тошно, ваше в-діе!—при этомъ Антипукъ такъ многозначительно хлопнулъ глазами и подкрѣпилъ свое заключеніе такимъ внушительнымъ сопѣніемъ, что Гаврищеву стало ясно, что дѣло совсѣмъ дрянь.

— Хорошо!—совсѣмъ не кстати пробормоталъ онъ и, войдя къ себѣ, такъ, какъ былъ, въ киверѣ съ султаномъ, въ саблѣ и шарфѣ, бросился на постель.

Его душили горе и злоба. Горе, что его счастье разрушено навсегда — онъ это упрямо предчувствовалъ,—и злоба на человѣка, котораго онъ любилъ, какъ родного брата, и который... Гаврищевъ вскочилъ съ кровати и началъ ходить по залѣ. Собственно говоря, въ его головѣ былъ ужасный кавардакъ: — разстроенная Цыпочка и командирская закуска, затравленная кошка и разбитое счастье—все это вертѣлось въ страшномъ безпорядкѣ... Но вотъ подъ окнами показался Агишевъ въ сопровожденіи поручика Бржезовскаго. Гаврищевъ даже затрясся отъ охватившаго его гнѣвнаго порыва: Бржезовскаго онъ терпѣть не могъ и появленіе этого «шпіона» подлило масла въ огонь. Не успѣлъ Агишевъ переступить порога, какъ Гаврищевъ подлетѣлъ къ нему съ пылающимъ лицомъ, грозно греия волочившейся саблей, съ сердито растрепаннымъ султаномъ на сбитомъ на затылокъ киверѣ.

— Скажи, пожалуйста, какъ тебѣ не стыдно было затравить бѣдную Бомбу? — А! не стыдно, говори... не стыдно?.. — допрашивалъ онъ и султанъ его трясся какъ послѣдняя ветошка.

Агишевъ даже попятился, такъ тотъ на него наступилъ; растерзанный видъ послѣдняго возбуждалъ въ немъ улыбку, но онъ благоразумно разсчиталъ, что улыбка пришлась бы теперь совсѣмъ некстати, и, сдѣлавъ равнодушную мину, процѣдилъ.

— Я и не думалъ затравливать. Такъ какъ-то само собой случилось!..—И, обернувшись къ дверямъ, поспѣшилъ позвать поручика Бржезовскаго (онъ для того и привелъ его, чтобъ избѣжать непріятной сцены).

— Казиміръ Брониславовичъ, что же вы? Милости просимъ!—Въ дверяхъ залы показалась длинная худощавая фигура,

съ помятой нервической физіономіей и тревожными сѣрыми глазами.—Но Гавришевъ, при видѣ поручика Бржезовскаго, даже не кивнулъ головой.

— Врешь,—кипятился онъ:—само собой это не могло случиться... это ты сдѣлалъ нарочно, потому что ты все всегда мнѣ дѣлаешь на-поперекъ, все, съ тѣхъ поръ, какъ ты завелъ этого паршиваго Комисара!

— Ну ты, синьоръ, помягче, я вѣдь не Цыпочка, — предупредилъ Агишевъ, самолюбіе котораго въ присутствіи посторонняго заговорило не на шутку.

— Да, всѣмъ скажу, всему свѣту,—продолжалъ орать тотъ, ничего не слушая,—что ты не умѣешь цѣнить дружбы, что ты забылъ, что я тебѣ подарилъ голубой кисетъ... что Цыпочка любитъ тебя какъ мать... потому что тебѣ все равно, потому что «сѣрый» лягашъ для тебя дороже товарища... потому что ты... *эгоистъ* и *бурбонъ*!!..—Послѣднее слово особенно больно укусило Агишева.

— Повтори, чтó ты сказалъ?—проговорилъ онъ дрогнувшимъ голосомъ.

— Повторю хоть сто разъ, и еще скажу, что въ тебѣ нѣтъ ни чести, ни совѣсти, ничего... такого! — Гавришевъ задыхался отъ волненья и пояснялъ послѣднее слово неопредѣленнымъ жестомъ въ воздухѣ.

— Прапорщикъ Гавришевъ, вы забываете, что вы позволили себѣ оскорбить «офицера!»—крикнулъ Агишевъ и замахнулся... Гавришевъ отступилъ на шагъ, стиснулъ эфесъ сабли и уперся сверкающими глазами на Агишева... Еще секунда — и произошло бы генеральное сраженіе. Но Агишевъ, для котораго прежде всего было сохраненіе его офицерскаго достоинства, быстро сообразилъ всѣ неудобныя послѣдствія столкновенія и, овладѣвъ собой, произнесъ напыщеннымъ голосомъ, обращаясь къ Бржезовскому.

— Поручикъ Бржезовскій, я васъ покорнѣйше попрошу быть свидѣтелемъ тѣхъ незаслуженныхъ оскорбленій, которыя нанесъ мнѣ въ присутствіи вашемъ прапорщикъ Гавришевъ!

Поручикъ Бржезовскій, обиженный еще въ началѣ невниманіемъ къ нему Гавришева, съ достоинствомъ поклонился. Гавришевъ былъ возмущенъ до послѣдней степени:

— Послѣ всего этого, прапорщикъ Агишевъ плевать мнѣ на васъ... вотъ что я вамъ скажу!

— И мнѣ на васъ также!—усмѣхнулся Агишевъ и, взявъ подъ руку поручика Бржезовскаго, вышелъ изъ комнаты. Въ

коридорѣ онъ наткнулся на Антипука, который обметая последніе слѣды роковой травли, обрывки бумажнаго шлейфа покойной Бомбы,—явился невольнымъ свидѣтелемъ происшедшей ссоры. Это былъ удобный поводъ сорвать накипѣвшую злость: «Скотъ, идіотъ и шпіонъ!» выругался Агишевъ и, проходя, такъ захлестнулъ ни въ чемъ неповинную физіономію Антипука, что у того сразу брызнула изъ носу кровь... Затѣмъ онъ вышелъ, стараясь болтать о совершенно постороннихъ вещахъ.

— Прапорщикъ Агишевъ, вы не имѣете права бить моего деньщика!—крикнулъ ему вслѣдъ Гавришевъ. Но Агишевъ былъ уже на концѣ улицы и не слыхалъ обращенныхъ къ нему упрековъ... Слышите, не смѣете! Ушелъ... О, подлецъ!—И Гавришевъ швырнулъ на полъ свой киверъ, сорвалъ съ себя шарфъ и, совершенно не помня себя отъ негодованія, схватилъ съ комода голубой кисетъ и выбросилъ его за окно... Затѣмъ онъ прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, посмотрѣлъ въ окно, посмотрѣлъ на валявшійся киверъ, покосился почему-то враждебно на оловяннаго чертика съ «горбомъ для спичекъ», и безсильно опустился на табуретъ около тринжалки... Душа его разрывалась... Онъ попробовалъ взять нѣсколько аккордовъ, но разстроенная тринжалка зазвучала жалобно и дрянно, какъ больной котенокъ... «Подлецъ!» произнесъ онъ надорваннымъ голосомъ и, уронивъ голову на клавиши, зарыдалъ какъ малое дитя.

Въ этотъ-же вечеръ Агишевъ переѣхалъ на житье къ поручику Бржевовскому, а Гавришевъ, съ помощью Ѳедосьи Минаевны, уговорилъ разстроенную, полубольную Цыпочку перебраться домой.

Черезъ нѣсколько дней въ бригадной канцеляріи собралось офицерство для обсужденія поступка прапорщика Гавришева. Разсматриваемыя съ точки зрѣнія воинской чести прозванія «бурбона» и «подлеца» («въ тебѣ нѣтъ ничего такого!»), брошенныя въ лицо офицеру, были комментированы какъ весьма тяжкое оскорбленіе и Гавришеву было предложено извиниться передъ потерпѣвшимъ. Отъ всякихъ извиненій обвиняемый отказался на отрѣзъ, прося съ своей стороны обратить должное вниманіе на безчеловѣчность «прапорщика Агишева», выразившуюся, во-первыхъ, въ затравленіи бѣднаго животнаго, и во-вторыхъ, въ заушеніи деньщика его—Ѳедора Антипука. Разсказъ о затравленіи Бомбочки былъ выслушанъ господами офицерами съ нескрываемой улыбкой, а протестъ противъ заушенія вызвалъ яв-

ное неудовольствіе батарейныхъ командировъ. Вдобавокъ, поднялся съ своего мѣста поручикъ Бржезовскій и заявилъ, что онъ также считаетъ себя оскорбленнымъ поведеніемъ прапорщика Гавришева, такъ какъ, когда, помянутаго 23 апрѣля, онъ вошелъ въ квартиру прапорщиковъ, то прапорщикъ Гавришевъ не только не подалъ руки, но даже не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на его, *«поручика»* Бржезовскаго, присутствіе. Такое отношеніе прапорщика къ высшему его чиномъ возбудило рѣшительное негодованіе бригаднаго командира, добраго старика, но завзятаго служаки. За отказомъ обѣихъ сторонъ помириться, генералъ постановилъ слѣдующее рѣшеніе: предложить прапорщику Гавришеву, какъ неумѣющему держать себя съ подобающимъ достоинствомъ среди своихъ «полевыхъ» товарищей, перейти въ *крѣпостную* артиллерію. (Переводъ въ крѣпостную артиллерію считается по понятію большинства артиллеристовъ чѣмъ-то въ родѣ ссылки). Генеральская резолюція была встрѣчена господами офицерами, какъ верхъ военной справедливости, хотя ни для кого не было секретомъ, что на дняхъ была получена «секретная» бумага изъ округа, требующая офицера въ К-ую крѣпость, что генералъ уже назначилъ туда поручика Бржезовскаго, какъ замѣченнаго въ нѣкоторыхъ шуллерскихъ продѣлкахъ, и что Бржезовскій, зная все это, «снюхался» съ адъютантомъ и «подвелъ мину». Заявленія о желаніи выйти въ отставку со стороны бѣднаго прапорщика, конечно, не послѣдовало, и на мѣсто Бржезовскаго въ К-ую крѣпость былъ назначенъ Гавришевъ.

Что касается послѣдняго, то его не столько возмущало рѣшеніе офицерскаго суда и козни Казиміра Бржезовскаго, сколько поведеніе на судѣ Агишева. Агишевъ все время держалъ себя совершенно спокойно, даже, какъ показалось Гавришеву, видимо рисовался своимъ хладнокровіемъ. Разъ только,—именно когда Гавришевъ, уходя, обернулся въ его сторону и взгляды ихъ встрѣтились,—въ глазахъ Агишева на мигъ блеснула какая-то неуловимо-грустная искорка, точно жалость о потерянномъ, точно нерѣшительная просьба о примиреніи, но это было только на мигъ,—Бржезовскій что-то сказалъ Агишеву, тотъ повернулъ къ нему голову и отрывисто засмѣялся. О, это былъ нехорошій, дѣланный смѣхъ, пробѣжавшій холодомъ по жиламъ Гавришева... Да, все было кончено,—«Яши Агишева» больше нѣтъ и передъ нимъ стоитъ совсѣмъ чужой человѣкъ... Все это было такъ ясно Гавришеву, что ему оставалось только откланяться и поспѣшить домой, чтобы отвести душу передъ Цыпочкой. Гавришевъ расшаркнулся передъ генераломъ, подобралъ саблю и,

сдѣлавъ господамъ офицерамъ общій поклонъ, вышелъ изъ канцеляріи.

Добрая старушка, любившая, какъ мать, своего «Генечку», совсѣмъ расхворалась, узнавъ, что онъ собирается ее покинуть. Всю недѣлю, до самаго отъѣзда Гавришева, она почти не сомкнула глазъ: то ей представлялось, что кто-то ломится въ комнату и она будила Ѳедюка, чтобъ пойти посмотрѣть: «не Агишевъ-ли это идетъ поджечь домъ»; то ей слышалось, будто на крыльцѣ скребется и плачетъ Бомбочка и, вспомнивъ о своей милой кошечкѣ, она ударялась въ неутѣшимыя слезы.

Гавришевъ тоже захворалъ мучительной безсонницей. Возвращаясь домой поздно вечеромъ (онъ почти всѣ утра послѣ катастрофы проводилъ внѣ дома), онъ долго прохаживался взадъ и впередъ по залѣ, оглашая комнату негодующими монологами: «Конечно, я *тогда* немного погорячился (разсуждалъ онъ самъ съ собой), но онъ, онъ?.. Какъ онъ «тогда» обошелся со мной?.. Если-бы я не схватился за саблю, онъ навѣрно бы меня ударилъ, какъ ударилъ потомъ Антипука... А его поведеніе на судѣ? О, онъ ясно доказалъ всему свѣту, что онъ никогда меня не любилъ! Да что любилъ, — онъ просто преисправнѣйшимъ манеромъ всегда меня эксплуатировалъ... Стоитъ только припомнить, какъ онъ занималъ у меня въ корпусѣ «булки» и никогда ихъ не отдавалъ, а развѣ не то же повторилось здѣсь съ квартирными деньгами! я два раза заплатилъ за него полныя десять рублей... Да что деньги? А полдюжины вязаныхъ «исподничковъ», которые ему прислала саратовская бабушка—онъ попросилъ ихъ примѣрить, да такъ и заносилъ какъ свои собственные!.. Развѣ это не возмутительно, развѣ такъ дѣлаютъ истинные друзья? И какого бѣса онъ связался съ этимъ Агишевымъ!.. А впрочемъ, во всемъ виноватъ не кто иной какъ маіоръ Бредихинъ! Не сдружись Агишевъ съ «кулдыбахами», онъ-бы не рѣзался въ штосъ и, слѣдовательно, никогда-бы не выигралъ «сѣраго кобеля» и, слѣдовательно, все было-бы совсѣмъ иначе... А Патти Тарантулова? Кто укралъ у него его милую Патти? Все онъ, онъ-же, *двукратъ* ненавистный маіоръ Бредихинъ!» Наконецъ усталость брала свое и Гавришевъ сваливался безсильно въ постель въ своей одинокой спаленкѣ,—еще недавно такомъ хорошемъ тепломъ гнѣздышкѣ, а теперь пустынной, непріютной комнатѣ, съ сиротливо торчавшей въ углу саблей, съ валявшимся посреди раскрытымъ чемоданчикомъ, съ безпорядочной кучей дорожныхъ свертковъ на запыленномъ подоконникѣ... Да, увы, «запыленномъ», какъ ни странно, что подобное обстоятельство про-

глядѣлъ бдительный глазъ Антипука. Увы, подъ впечатлѣніемъ катастрофы 23 апрѣля вѣрный слуга какъ-то вдругъ особенно поглупѣлъ:—никакъ не могъ сразу понять, что ему приказывали, забывалъ даже иногда исполнить самыя пустячныя порученія, и разъ, посланный на базаръ за кочаномъ капусты, принесъ, къ великому недоумѣнію Цыпочки, вмѣсто капусты, фунтъ крахмалу. Словомъ, все въ бѣломъ домикѣ пришло въ разстройство.

Но ни монологи Гавришева, ни слезы, ни ахи Цыпочки, конечно, нимало не измѣнили положенія вещей. Въ концѣ недѣли получено было роковое предписаніе объ отправленіи къ мѣсту «новаго служенія» и Гавришевъ долженъ былъ ѣхать. Относительно Агишева онъ поступилъ вполнѣ великодушно: онъ отослалъ ему альбомъ съ Везувіемъ и злополучную полдюжину саратовскихъ исподничковъ, но видѣть его не пожелалъ. Цыпочкѣ онъ подарилъ турецкій диванъ и тринжалку, и на время, пока онъ устроится на новомъ мѣстѣ, оставилъ ей Антипука. Что до Патти Тарантуловой, которая за послѣднее время стала къ нему замѣтно равнодушна, онъ мужественно рѣшилъ обойтись безъ прощальнаго свиданія, но написать ей уже изъ К-ой крѣпости обширное посланіе, гдѣ высказать съ «жестокою» откровенностью, и какъ онъ ее любилъ, и что онъ никогда ее не забудетъ, и что онъ прощаетъ ей ея «равнодушіе» и *позволяетъ* выйти замужъ за маіора Бредихина, но самъ онъ все равно никогда не женится, потому что другой такой-же маленькой Патти ему не найти во всемъ «округѣ», словомъ, все, все.

Обѣдъ въ день отъѣзда, не смотря на то, что приготовленъ былъ съ особенною тщательностью, походилъ скорѣй на послѣпохоронные поминки, чѣмъ на одинъ изъ тѣхъ славныхъ обѣдовъ, оживленныхъ присутствіемъ недавняго друга и Бомбочки... Объ Агишевѣ молча условились не говорить ни слова, онъ былъ дружно вычеркнутъ изъ ихъ сердца. Гавришевъ сидѣлъ мрачный и сосредоточенный, не произнося ни слова, еле притрогиваясь къ любимымъ кушаньямъ. Но когда подъ окнами показалась почтовая телѣжка и болтливые бубенчики возвѣстили, что «пора ѣхать», Гавришевъ вдругъ упалъ на плечо Цыпочки и принялся рыдать долго, горячо, обильно, точно это были его послѣднія слезы, послѣ которыхъ онъ уже никогда больше не будетъ плакать отъ человѣческой обиды.

Еле живая дотащилась Лизавета Даниловна до телѣжки и благословляя своего сыночка на дальній и невѣдомый путь надѣла дрожащими пальцами ему на шею маленькій, кипарисовый образокъ Василія Капельника—завѣтный образокъ во всѣхъ

путешествіяхъ покойнаго Онисифора Цыпина. Антипукъ выпросился сѣсть на облучекъ,—онъ непремѣнно хотѣлъ проводить своего барина до первой станціи, своего добраго, хорошаго барина, подарившаго ему передъ отъѣздомъ старую, теплую фуфайку и рубль денегъ. Лошади тронулись.

Гавришевъ сидѣлъ въ телѣжкѣ молча, съ поникшей головой, провожая потухшимъ взглядомъ мелькавшія мимо знакомыя мѣста и предметы... Вотъ они проѣхали слободку, вотъ они въѣзжаютъ на базарную площадь, а вотъ уже «Жилая» улица съ хитроумной вывѣской моднаго цирюльника и *вмѣстѣ* дамскаго портного: «Парикмахеръ Егоръ Жетонъ, онъ-же и *Мадамъ*», а вотъ далѣе «входъ въ антрэ» французской кондитерской, еще далѣе милый профиль ротонды, завѣтныя липы бульвара,—а вотъ уже городъ скрылся и вокругъ раскинулась зеленѣющая скатерть полей и передъ его глазами, теряясь въ синеватой дали, тянется безконечная лента почтовой дороги унылой и однообразной, какъ уныла и однообразна бѣдная жизнь бѣднаго армейскаго офицера...

Прощай, С**! Прощай все, что было дорого и свято!...

. . . .

Вечеромъ въ день отъѣзда, когда Цыпочка только-что задремала, утомленная безплоднымъ ожиданіемъ Антипука, со двора раздался такой отчаянный стукъ въ калитку, что старушка разомъ очнулась. Накинувъ кацавейку и засвѣтивъ фонарь, она выползла на крыльцо, еле живая отъ страха: «Кто тамъ... ты Ѳедюкъ?» —пробормотала она, творя про себя молитву...

— Я—о-о—, послышался хриплый голосъ Антипука.

Цыпочка поспѣшно сползла съ крылечка и отодвинула засовъ... Передъ ней стоялъ Антипукъ—блѣдный, съ безобразно спутанными волосами, съ съѣхавшей на затылокъ шапкой; глаза его слезились и губы беззвучно всхлипывали. Цыпочка, приподнявъ фонарь, чтобъ удостовѣриться, такъ и ахнула:

Онъ былъ пьянъ, какъ свинья.

...Долго стоялъ *полковникъ* Гавришевъ, согнувшись надъ комодомъ, надъ этими двумя незначительными, только ему понятными фигурками, двухъ незначительныхъ офицериковъ—потомъ вдругъ выпрямился, встряхнулся, точно желая отряхнуть отъ себя всю ноющую грусть воспоминанія, и отодвинулся отъ комода. Но пройдя нѣсколько шаговъ, онъ вздрогнулъ и отшатнулся назадъ... Онъ увидѣлъ, въ висѣвшемъ надъ диваномъ овальномъ зеркалѣ, отраженную въ фантастическомъ полусвѣтѣ сумерекъ, сутулую и

сухощавую фигуру, въ порыжѣломъ, оборванномъ пальто и затрапезныхъ, вылинявшихъ, совсѣмъ короткихъ брюкахъ... Голова фигуры была почти сѣда, рѣдкіе баки висѣли какъ мочалки по бокамъ пожелтѣвшихъ щекъ, глаза смотрѣли тускло и жестко. Случилось какъ-то, что полковникъ долго не смотрѣлся въ зеркало, то-есть и смотрѣлся, но по обыкновенію мимоходомъ, тѣмъ дѣловито-поспѣшнымъ взглядомъ, который не допускаетъ размышленія... Теперь-же, подъ вліяніемъ нахлынувшихъ призраковъ прошлаго, ему точно въ первый разъ открылась во всей ея неприглядности его одинокая безцѣльная старость... Онъ пошатнулся, плюхнулся какъ мѣшокъ въ уголъ дивана и безсильно опустилъ голову... Боже мой, куда-же это все дѣлось? И рыжая Бомба, и добрая Цыпочка, и Антипукъ, и лунныя ночи на бульварѣ съ m-lle Тарантуловой, и привязчивость сердца, и молодость и счастье?!...

На дворѣ совсѣмъ смерклось и изъ надвинувшагося мрака вѣяло зловѣщей, могильной сыростью... Дождь, временно переставшій, точно долго содержанное рыданіе, забрызгалъ съ новою силою въ слезящіяся окна, и какъ-то тоскливо и дрянно звучала доносившаяся съ гауптвахты дробь барабана, выбивавшаго вечернюю зорю.

Ив. Щегловъ.

ВОСПОМИНАНІЯ

о

СЕМЬѢ И. С. ТУРГЕНЕВА.

(*Окончаніе*).

II *).

Въ томъ же 1845 году Варвару Петровну постигло новое горе.

Въ концѣ зимы, она почти окончательно разошлась съ деверемъ своимъ Николаемъ Николаевичемъ Тургеневымъ, который до этого времени жилъ холостякомъ и завѣдывалъ всѣми ея имѣніями. Въ 1846 году онъ женился, слѣдовательно, нашлись у него и свои личные интересы въ жизни, а именно этого Варвара Петровна никогда не допускала въ близкихъ себѣ. Она держала около себя людей, считавшихъ ее одну средоточіемъ всѣхъ своихъ помысловъ.

Они разстались, и несмотря на неоднократныя попытки къ примиренію со стороны деверя, она осталась непреклонна.

Не могу при этомъ не посвятить нѣсколько строкъ памяти этого истинно добраго и прекраснаго человѣка. Всѣ знавшіе его любили его. Мы всѣ звали его дядей, и былъ онъ дядя-баловникъ для насъ всѣхъ. Что касается людей, подвластныхъ ему, какъ-то: мелкіе управляющіе, конторщики, старосты и всѣ слуги, всѣ

---

*) См. выше: нояб., 72 стр.

боготворили его, никто его не боялся, и никому онъ не дѣлалъ зла. Напротивъ, онъ былъ укрывателемъ всѣхъ провинностей, и все, чтó могло возбудить гнѣвъ Варвары Петровны, тщательно имъ скрывалось. Были случаи, что Варвара Петровна приказывала кого-нибудь сослать на поселеніе; видя, что такое жестокое наказаніе незаслужено и есть только слѣдствіе каприза Варвары Петровны, онъ ограничивался высылкою виновнаго въ другое имѣніе—съ глазъ долой, и при этомъ еще заботился о благосостояніи сосланнаго. Такимъ образомъ, многіе несчастные были избавлены имъ отъ горькой участи, и всегда дѣлалось это втайнѣ отъ Варвары Петровны.

Иванъ Сергѣевичъ былъ кумиромъ дяди. Никого не любилъ онъ такъ, какъ этого племянника.

При отъѣздѣ Николая Николаевича я горько плакала, но выговора за это не получила. Мнѣ было даже позволено съ нимъ переписываться. Въ отвѣтъ я получала отъ него самыя ласковыя письма, полныя увѣреній въ томъ, что его новая жизнь и привязанности никогда не изгладятъ изъ сердца его чувства любви и уваженія къ Варварѣ Петровнѣ, и что по одному ея слову онъ готовъ опять быть для нея тѣмъ, чѣмъ былъ и прежде, т.-е. самымъ преданнымъ другомъ и братомъ.

Но Варвара Петровна не позволяла мнѣ даже прочитывать ей его письма—но потомъ вдругъ однажды всѣ ихъ у меня отобрала и продолжать переписку запретила. Изъ всѣхъ его писемъ у меня сохранилось только два: одно, отъ 16 августа, безъ помѣтки года, другое—отъ 17-го апрѣля 1850 года.

Вся эта исторія, поиски новыхъ управляющихъ, занятія по имѣніямъ и другія заботы,—все сложилось такъ, чтобы раздражительно дѣйствовать на характеръ Варвары Петровны и на ея и безъ того крутой нравъ.

Всѣмъ плохо жилось въ этотъ годъ. Я чаще сидѣла подъ наказаніемъ въ зимнемъ саду, примыкавшемъ къ ея кабинету; меня запирали туда иногда на цѣлые дни, но я должна признаться, что въ этотъ годъ я не особенно огорчалась своимъ арестомъ. Лучше было сидѣть одной среди цвѣтовъ и съ чижиками, щеглами и синичками, летавшими по волѣ въ моемъ мѣстѣ заточенія, чѣмъ быть на глазахъ у maman; при этомъ же добрѣйшій буфетчикъ Василій Ивановичъ никогда не забывалъ приносить мнѣ двойную порцію пирожнаго, когда maman послѣ обѣда ложилась спать.

Быть при Варварѣ Петровнѣ сдѣлалось ужасно тяжело.

Сижу я за урокомъ—придетъ сама спрашивать, и гувернантка

дрожитъ, и у меня отъ страха все изъ головы вылетитъ при одномъ ея грозномъ видѣ.

За работой сижу я въ гостиной:—Какъ ты держишь иголку? Что ты все молчишь?

Заговорю,—что ты все болтаешь?

Уроню ножницы:—Maladroite!! И при этомъ у нея является такой испугъ отъ паденія маленькихъ ножницъ, что на помощь нервамъ подавался флаконъ со спиртомъ и начиналась моя пытка.

— Ты неблагодарная! ты знаешь, что я разстроена, больна, что малѣйшій шумъ дѣйствуетъ мнѣ на нервы. Ты ни о чемъ не думаешь! Нѣтъ, это не вѣтренность—нѣтъ, это ты нарочно дѣлаешь! ты убить меня хочешь своимъ поведеніемъ, ты все это нарочно дѣлаешь!

Послѣ такой головомойки, конечно, весело на душѣ не можетъ быть. Я же любила Варвару Петровну, и такой оскорбительный выговоръ мнѣ, готовой все сдѣлать, чтобъ ей угодить, особенно былъ чувствителенъ. И взрослому трудно скрыть печаль, каково же это ребенку! Я сижу печальная. Грозный возгласъ:

— Поди сюда!

Подхожу.

— Что съ тобой? Я тебя спрашиваю? Ну!

На все это я молчу.

— Что съ тобой? Ты больна?

— Нѣтъ, maman, я здорова.

— А, а! теперь понимаю!—отвѣтитъ за меня Варвара Петровна:—это ты губы на меня надула! Этого недоставало!

И опять цѣлый потокъ брани и ссылка или въ залу, или къ моимъ синичкамъ.

На другой день опять за что-нибудь выговоръ.

Тогда я напускаю на себя веселость, чтобы доказать, что я не обидѣлась; опять не угодила...

— Чему ты рада? Тебѣ все равно, браню ли я тебя, хвалю ли я тебя. Ты нечувствительная, неблагодарная тварь!..—И діапазонъ голоса все возвышается.—Какъ? Я только что тебѣ сдѣлала выговоръ, а ты болтаешь, смѣешься! Вонъ!—И вотъ таково было постоянное пиленіе. Не знаешь, какъ себя вести, какъ говорить. Прогонитъ съ глазъ долой—даже вздохнешь свободнѣе, но не на долго. Призывается кто-нибудь изъ прислугъ, опять страданіе!

Ужасно любила она озадачивать и долго томила призваннаго слугу вопросами: — Что такое? Что это значитъ?.. Несчастный

долго стоитъ переминаясь, не зная, даже за что на него барыня гнѣвается.

Такъ, бывало, станетъ Варвара Петровна у одного изъ оконъ гостиной, заставленнаго цвѣтами, и позоветъ садовника.

На вопросъ: что такое? что это значитъ? тотъ молчитъ.

— Что же ты не отвѣчаешь? Что это?

— Не могу знать-съ.

— Молчать! Кому же знать?

Недоумѣніе несчастнаго продолжается.

— Поливалъ ты цвѣты сегодня?

— Поливалъ-съ.

— Врешь! Это что?—При этомъ указывается на одинъ изъ цвѣточныхъ горшковъ:—Какъ ты поливалъ?

Отвѣтить страшно, не отвѣтить тоже.

— Не всѣ поливалъ?

— Я всѣ, сударыня, поливалъ.

— Молчать! Ты мнѣ грубить смѣешь! Вы всѣ взялись меня въ гробъ уложить! Вы забыли, что на васъ поселеніе есть! Всѣхъ сошлю. Полякова позвать!

Является Андрей Ивановичъ; несчастная жена его стоитъ за дверью и дрожитъ за мужа.

Опять тѣ же вопросы: — Что такое? и проч. Натѣшившись недоумѣніемъ Полякова, Варвара Петровна продолжаетъ:

— Какой ты дворецкій? Какой ты мнѣ слуга? если ты не можешь внушить этой челяди, чтобы мнѣ не грубили. Вы всѣ поселенія захотѣли! Всѣхъ, всѣхъ сошлю!

И такъ всякій день.

28-ое октября этого года остается до сихъ поръ въ памяти всѣхъ оставшихся въ живыхъ. Отцы и матери передавали этотъ разсказъ своимъ дѣтямъ; и теперь еще при встрѣчѣ мы вспоминаемъ объ этой замѣчательной выходкѣ Варвары Петровны.

Дни рожденія и именины сыновей и мои всегда справлялись торжественно у насъ, несмотря даже на отсутствіе виновника торжества.

Такъ и въ этотъ годъ 28-ое октября, день рожденія Ивана Сергѣевича, должно было быть отпраздновано въ обыкновенно установленномъ порядкѣ.

Этотъ порядокъ описанъ много разъ во многихъ хроникахъ помѣщичьихъ семействъ. Вездѣ и всегда одно и то же: длинный накрытый столъ, пироги, жареные гуси, поросята, а въ постные дни рыба; все это нарѣзано порціями, а на одномъ концѣ стола

графины съ пѣннымъ виномъ (такъ звали тогда водку въ орловской губерніи).

На женской половинѣ такая же закуска, самоваръ и *красненькое* для прекраснаго пола.

Въ 1882 году я въ послѣдній разъ въ письмѣ поздравляла Ивана Сергѣевича со днемъ его рожденія и напомнила ему торжество этого дня въ домѣ его матери.

Въ Спасскомъ для мужского персонала столъ накрывался въ библіотекѣ, т.-е. въ мѣстожительствѣ почтеннаго Михаила Филипповича. Въ такіе дни старикъ былъ особенно печаленъ: ужъ очень-молъ много барскаго добра поѣдалось!

При входѣ въ длинную галлерею ставилось кресло для Варвары Петровны. Каждый изъ слугъ, по чину и рангу, подходилъ къ ручкѣ, потомъ къ вину, и взявъ стаканъ, вторично отвѣшивалъ поклонъ госпожѣ и пилъ свою порцію.

Первый подходилъ Михаилъ Филипповичъ, за нимъ Поляковъ.

Въ этотъ годъ церемонія прошла какъ всегда; но чело Варвары Петровны было мрачно, чуялось что-то недоброе. Однако день и обѣдъ прошли благополучно; казалось даже, что она повеселѣла.

Въ этотъ же день, день св. Параскевы, была именинница главная кастелянша, Прасковья Михайловна.

Мимоходомъ скажу, что при всемъ своемъ деспотизмѣ Варвара Петровна прекрасно содержала прислугу, кормила отлично; холостые и незамужнія обѣдали въ застольной, а семейные получали обильную *мѣсячину*: муку, крупу, масло, сало, мясо и рыбу, держали коровъ и дворовую птицу на барскомъ корму, получали отвѣсный чай и, кромѣ того, жалованье деньгами.

При такомъ содержаніи понятно, что у прислуги водились деньжонки, на которыя можно было и покутить; а такъ какъ кастелянша была одна изъ аристократокъ дворни, то и справляла свои именины.

Варвара Петровна знала, что у ней къ вечеру соберется компанія; такъ и случилось.

Вдругъ часовъ въ девять вечера, по дому разнеслась ужасная вѣсть:—Барынѣ дурно! Барыня умираетъ! Священника барынѣ!

Когда я въ первый разъ читала знаменитую надгробную рѣчь Боссюэта на смерть Генріэтты англійской: Oh, nuit désastreuse! Madame se meurt! Madame est morte! я тотчасъ вспомнила и теперь вспоминаю нашъ знаменательный день 28 октября 1845 года, когда съ тѣмъ же потрясающимъ ужасомъ разнеслась по всему Спасскому вѣсть:—Барыня умираетъ!

Послали за священникомъ; сама Варвара Петровна потребовала его совершенно угасающимъ голосомъ. Она исповѣдалась, и на предложеніе священника причастить ее, объявила, что прежде желаетъ благословить меня и проститься со всѣми.

Все тѣмъ же умирающимъ голосомъ приказала она Агашенькѣ поставить передъ собою портретъ Ивана Сергѣевича, тотъ самый, копія съ котораго была помѣщена въ январьской книгѣ «Вѣстника Европы» 1884 года, и портретъ Николая Сергѣевича.

— Adieu, Jean! Adieu, Nicolas! Adieu, mes enfants,—твердила Варвара Петровна.

Я стояла на колѣняхъ возлѣ постели ея и такъ горько и громко плакала, что добрый Порфирій Тимоѳеевичъ заставилъ меня проглотить нѣсколько воды, чтобы унять меня. Но когда Варвара Петровна велѣла подать икону Владимірской Божьей Матери [1]) и благословила меня, рыданія мои превратились въ истерическій крикъ; меня увели изъ комнаты, чтобы нѣсколько успокоить.

Порфирій Тимоѳеевичъ невозмутимо продолжалъ стоять въ ногахъ у постели барыни съ своими неизмѣнными каплями; Агашенька же стояла въ головахъ и махала передъ лицомъ своей госпожи салфеткой, намоченной уксусомъ.

Варвара Петровна потребовала, чтобы вся ея домовая прислуга, въ числѣ сорока человѣкъ, и вся контора, въ которой числилось человѣкъ десять, начиная отъ главнаго конторщика, кассира, повѣреннаго по дѣламъ и прочихъ чиновъ, чтобы всѣ пришли съ ней проститься, такъ какъ она чувствуетъ, что умираетъ.

Когда было ей доложено, что всѣ собрались, она приказала всѣмъ по одному входить и прощаться съ нею.

Она лежала съ полуоткрытыми глазами; лѣвая рука была свѣшена съ постели.

Каждый изъ слугъ входилъ, дѣлалъ земной поклонъ барынѣ и поцѣловавъ руку, удалялся, давая мѣсто слѣдующему. Когда очередь дошла до послѣдняго, она спросила:—Всѣ?

— Всѣ, сударыня,—отвѣчалъ Поляковъ, который въ качествѣ дворецкаго стоялъ тоже у постели для наблюденія порядка руко-цѣлованія.

— А... а...—протянула Варвара Петровна.

Я продолжала плакать.

— Перестань,—приласкала меня Варвара Петровна и пол...

[1]) Икона эта и теперь у меня, и помѣчена на оборотѣ этимъ числомъ и год...

жила мнѣ руку на голову,—перестань, Богъ милостивъ, я можетъ быть не умру—мнѣ лучше.

— Агаша! Чаю мнѣ.

Конечно, я, какъ дитя, была убѣждена въ томъ, что теряю свою дорогую благодѣтельницу и долго не могла удержать свои слезы; но докторъ, Агаша и ея мужъ смекнули, что все это была одна комедія, и только недоумѣвали, къ чему все это поведетъ. Развязка не заставила себя долго ждать: Варвара Петровна выпила двѣ чашки чаю; ожидавшему въ залѣ священнику позволено было удалиться, и она успокоилась.

Такъ прошло около часу.

— Полякова!—раздался зычный, наводящій на всѣхъ страхъ, голосъ Варвары Петровны, по которому уже сейчасъ слышно было приближеніе чего-нибудь чрезвычайнаго.

— Бери листокъ! Пиши!

У постели на столикѣ лежала коробка въ формѣ книги, на которой, конечно, по-французски, было написано: «Feuilles volantes». Въ этой коробкѣ лежали листки бумаги, на которыхъ она или сама писала, или приказывала другимъ записывать свои планы, предположенія и проч. для памяти.

Поляковъ взялъ листокъ и тутъ же карандашемъ началъ писать подъ диктовку госпожи слѣдующее:

«Завтра утромъ выгнать мести дворъ и садъ передъ моими окнами провинившихся: Николая Яковлева, Ивана Петрова, Егора Кондратьева», и т. д. Она продиктовала имена всѣхъ отсутствовавшихъ при прощаніи съ нею, а также тѣхъ, кого она замѣтила подъ хмѣлькомъ во время прощанія.

Когда имена всѣхъ были записаны, она только подтвердила: *исполнить*, и подписала приказъ собственноручно.

— Мерзавцы, пьяницы! всѣ напились! рады, что барыня умираетъ!—съ разстановкой говорила она.

Она и забыла, что напились всѣ гораздо прежде страшной вѣсти о ея *якобы* близкой кончинѣ.

— Обрадовались, что я умираю! Пить принялись, именины справлять выдумали, когда барыня кончается!.. И долго продолжала она въ томъ же тонѣ.

На этотъ разъ, мнѣ помнится, я за виновныхъ не особенно сокрушалась. Я очень любила Варвару Петровну, и радость видѣть, что ей лучше, заглушила во мнѣ сожалѣніе къ обреченнымъ на метеніе двора.

На другой день всѣ виновные, не исключая и тузовъ дворни и конторы, въ сѣрыхъ халатахъ, съ кругами и крестами, на-

черчеными мѣломъ на спинахъ, явились съ лопатами и метлами передъ окнами барскаго дома и великолѣпно расчистили дворъ и палисадникъ.

Въ этомъ же году случилось и то, что мы всѣ, все Спасское и весь приходъ остались безъ Святой недѣли. Извѣстно, что пасха считается самымъ великимъ радостнымъ и торжественнымъ праздникомъ. Извѣстно, какъ всѣ ждутъ веселаго звона колоколовъ, послѣ унылаго, протяжнаго великопостнаго звона. А дѣти! Кто, вспоминая свои дѣтскіе годы, не знаетъ, какъ ждется сладкая вкусная пасха, съ какимъ нетерпѣніемъ желаешь увидѣть и съѣсть первое красное яйцо? И вотъ мнѣ въ дѣтствѣ пришлось разъ остаться безъ куличей, безъ пасхи, даже совсѣмъ безъ праздника.

Но прежде, чѣмъ сказать, какъ это было, не могу не вспомнить одного анекдота, который теперь, благодаря введенію школъ по многимъ селамъ, уже не повторится.

Нынѣшнія дѣти всѣхъ сословій знаютъ молитвы, знаютъ церковную службу, и даже какая въ какой праздникъ бываетъ, и знаютъ почти все, чтó поется въ церкви въ извѣстные дни. Тогда было не такъ. У помѣщиковъ, а въ томъ числѣ и у Варвары Петровны, были всегда *дѣвчонки на побѣгушкахъ* (техническій терминъ). У насъ обязанность ихъ состояла въ томъ, чтобы постоянно сидѣть въ барыниной уборной и быть готовой явиться по первому зову. Бывало ихъ по двѣ и по три. Одна изъ нихъ, меньшая, сестра моей Агашеньки, была моимъ первымъ и лучшимъ другомъ. Хотя мнѣ не позволяли даже говорить съ нею, но мы всегда находили возможность и поболтать и пошалить, и подѣлиться своими дѣтскими радостями и печалями.

Любимицу мою звали Лизой. Читать она умѣла, но ни молитвъ, ни церковной службы не знала и не понимала.

Я тоже немногимъ ушла отъ нея. Мнѣ изъ службъ извѣстны были: обѣдня, всенощная и молебенъ. Къ заутренѣ въ торжественные дни Страстной недѣли и Святой меня не пускали, но отъ Лизы и другихъ наслышалась я, что въ особенности хороша служба въ заутрени съ пятницы на субботу Страстной.

Я была очень богомольна, и величайшимъ моимъ желаніемъ сдѣлалось попасть въ церковь въ этотъ день. На мою робкую просьбу объ этомъ, мнѣ было отвѣчено такъ строго, что я уже настаивать не посмѣла, а стремленіе быть въ церкви только еще усилилось. Сначала въ нашемъ общемъ съ Лизой совѣтѣ

сговорились мы, чтобы она меня подождала у крыльца; я же рѣшила не засыпать до самой заутрени и лишь только услышу первый ударъ колокола, встать, и если maman будетъ спать, потихоньку выйти, одѣться и бѣжать въ церковь. Но по зрѣломъ размышленіи планъ этотъ оказался неосуществимымъ, и мы положили оставить всякую попытку на бѣгство. Лиза пойдетъ одна, и я только умоляла ее внимательно слушать и смотрѣть и въ подробности мнѣ послѣ все разсказать.

Лиза обѣщалась. На другой день, т.-е. въ субботу, я съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ждала минуты свиданія съ нею.

— Ну что? разсказывай все до капельки,—торопила я ее.

— Ахъ барышня, какъ хорошо было! Іисуса Христа хоронили! т.-е. плащаницу хоронили!

— Какъ хоронили?—усомнилась я.

— Да такъ и хоронили, понесли изъ церкви прямо на кладбище.

— Ну, а потомъ?

— Ну тамъ и оставили до воскресенія въ часовнѣ.

Я повѣрила.—А что же пѣли?

— Пѣли что? Ахъ какъ хорошо пѣли! весь хоръ, всѣ конторщики пѣли, да такъ хорошо, такъ протяжно!

— Да слова-то какія пѣли?—все хотѣлось мнѣ узнать.

— Слова? Извѣстно какія: со святыми упокой Господа нашего Іисуса Христа!

Я и этому повѣрила, и только еще болѣе жалѣла, что сама не присутствовала при такомъ торжествѣ.

Насталъ и день Свѣтлаго Воскресенья. Обѣдня отошла рано, но звонъ въ колокола начался уже часовъ въ 7 или 8 утра. Начинъ положилъ самъ пономарь, и надо сказать мастеръ своего дѣла. Ни въ одной сельской церкви, ни прежде, ни послѣ, я не слыхала такого искуснаго трезвона. Итакъ, начинъ положилъ онъ, а внизу мальчишки уже съ нетерпѣніемъ вѣрно ждали своей очереди позвонить для великаго праздника.

Я проснулась и съ радостью и умиленіемъ прислушивалась къ какому-то особенному въ моемъ воображеніи переливу колоколовъ; даже подбѣжала къ окну, чтобы хоть сквозь ставни посмотрѣть на Свѣтлый день—каковъ-то онъ?

— Куда ты?—закричала на меня Варвара Петровна.

Чуткое, привычное ухо учуяло грозу. Я поспѣшно юркнула въ постель и даже съ головой одѣяломъ накрылась.

Maman позвонила. Взошла Агашенька.

— Что это за звонъ?—спросила барыня.

Изъ предосторожности и чтобы вникнуть въ смыслъ вопроса, Агашенька молчитъ.

— Я спрашиваю, что это за звонъ?

— Праздникъ, сударыня, Святая недѣля, — былъ робкій отвѣтъ.

— Святая недѣля! Праздникъ! Какой? У меня бы спросили, какая у меня на душѣ Святая недѣля. Я больна, огорчена, колокола меня безпокоятъ. Сейчасъ велѣть перестать! — уже совсѣмъ гнѣвно докончила Варвара Петровна.

— Для меня нѣтъ Святой недѣли, — продолжала она, — и для моихъ, живущихъ у меня, она не должна быть. Сказать священнику, что я больна, что колоколовъ я слышать не могу.

А они все веселѣй и веселѣй гудѣли, и я слушала съ такою жадностью. Вотъ, вотъ умолкнутъ, хотѣлось наслушаться, пока приказаніе еще не приведено въ исполненіе. И вотъ затихли. Прошло болѣе часу въ мертвой тишинѣ.

Въ девять часовъ Варвара Петровна велѣла мнѣ встать и одѣться. Я вышла, на меня надѣли прелестное, вышитое бѣлое платье.

Я ждала, пока у maman откроютъ ставни и подадутъ ей чай; вслѣдъ за этимъ я должна была входить и прочитывать свою главу «Imitation de Jésu Christ».

Но ставни не открывались, барыня больна, внесли чашку чаю, и я взошла.

Я остановилась въ недоумѣніи—христосоваться ли или просто сказать: bonjour, maman?

Она протянула мнѣ руку, и поцѣловала меня какъ всегда въ лобъ.

— Что это тебя такъ нарядили? — спросила она слабымъ голосомъ,—запачкаешь. Переодѣнься и ступай чай пить.

А въ залѣ весь столъ былъ такъ парадно накрытъ! Севрскій фарфоровый сервизъ, подававшійся только въ высокоторжественные дни, стоялъ на подносѣ. Самоваръ какъ-то особенно празднично блестѣлъ, а буфетчикъ, Василій Ивановичъ, во фракѣ, въ бѣлыхъ перчаткахъ, стоялъ на готовѣ, чтобы разливать чай. Пасха такая душистая, яйца ярко-красныя, барашекъ изъ масла лежалъ смиренно на тарелочкѣ, съ вѣткой зелени во рту. Куличъ заглушалъ даже запахъ ванили въ своей сосѣдкѣ пасхѣ, особенно хорошо изготовляемой нашимъ поваромъ Савеліемъ Матвѣевичемъ. Все, кажется, говорило о праздникѣ—а вотъ его-то у насъ и не было.

Я довольно равнодушно разсталась съ своимъ хорошенькимъ

платьицемъ и только спѣшила надѣть другое, чтобы скорѣй идти въ залу. Но, увы! тамъ меня ожидало полнѣйшее разочарованіе!

Тамъ собрался цѣлый совѣтъ, состоящій изъ Андрея Ивановича—дворецкаго, его жены—Агашеньки, моей англичанки miss Blackwood, моего русскаго учителя Михаила Алексѣевича Потапова, экономки Прасковьи Ивановны и буфетчика Василія Ивановича. Рѣшался великій вопросъ: разговляться ли, или просто пить чай?

— Да тебѣ какъ барыня сказала? — приставалъ дворецкій къ женѣ.

— Какъ? сто разъ тебѣ говорила какъ,—съ досадой отвѣтила ему жена:—сказала праздника нѣтъ, вотъ и все!

— Про пасху-то говорила или нѣтъ?—допрашивалъ буфетчикъ.

— Про пасху ничего не говорила, — отвѣтила Агашенька.

— Ну вотъ! — обрадовался Поляковъ, который, по добротѣ своей, хотѣлъ молчаніе барынино о пасхѣ обратить въ разрѣшеніе ее вкушать.

— Ну что, ну вотъ! — строго перебила его жена, которая была осторожнѣе и благоразумнѣе мужа:—ну что? небось понялъ? Ужъ молчи ты! еще попадешься тутъ съ тобой!

Вдругъ всѣ обратились ко мнѣ, какъ бы ожидая отъ меня рѣшенія этого важнаго вопроса.

— Вамъ, барышня, что мамаша сказала?

— Она велѣла мнѣ переодѣться и идти...

— Ну да какъ сказала-то? — перебила Агашенька, — про пасху говорила?

— Нѣтъ,—хотя вѣрно, но весьма нерѣшительно отвѣтила я.

— Ну вотъ!—опять восторжествовалъ добрѣйшій Поляковъ.

— Ахъ, замолчи, пожалуйста,—огрызнулась на него жена. —А я вотъ что скажу: прибрать это все,—благоразумно покончила она всеобщее недоумѣніе.—Вася, прибирай!

— Конечно, лучше такъ-то,—одобрили остальные.

— Можетъ быть, къ завтраку встанутъ и разговѣются сами, —не преминулъ шопотомъ утѣшить меня милый Андрей Ивановичъ.

— Ну какъ же, дожидайся! — безпощадно огорчила меня Агашенька, знавшая лучше насъ всѣхъ нравъ своей барыни.

И не прошло двухъ минутъ, какъ всѣ праздничные аттрибуты были сняты со стола, и мы сѣли чай пить какъ въ будни,

какъ въ обыкновенный день. Въ утѣшеніе былъ только поданъ другой куличъ, *не пятый*.

Должна сознаться, что я глотала не чай, а слезы. Заплакать, избави Богъ! Позоветъ maman, увидитъ красные глаза, бѣда!

Вышли мы изъ-за стола, miss Blackwood взяла свою библію, Михаилъ Алексѣевичъ ушелъ къ себѣ во флигель, и я осталась одна.

Такъ прошелъ завтракъ и обѣдъ. Ходили безъ шума, говорили шопотомъ. Ставни у Варвары Петровны не отворялись, изъ спальни она не выходила, завтракала и обѣдала одна. Приходили священники съ крестомъ, ихъ не приняли: барыня нездорова, когда будетъ лучше, пришлютъ сказать. Даже «Христосъ воскресе» я не слыхала.

Отъ сдерживаемыхъ цѣлый день слезъ у меня заболѣло горло. Не понимая тогда еще причины этой боли, я о ней сказала своей гувернанткѣ, и въ довершеніе всего удовольствія натерли чулокъ мыломъ и саломъ и привязали мнѣ къ шеѣ.

Но пасху я все-таки ѣла: благодѣтельницей моей оказалась та же Лиза, моя тайная пріятельница. Въ карманѣ, въ бумажкѣ, принесла она мнѣ кусочекъ пасхи, безъ сахару, безъ ванили и даже изъ не совсѣмъ свѣжаго творогу; я съѣла ее съ большимъ благоговѣніемъ, предварительно перекрестясь.

Такъ прошли первые дни Святой, въ томъ же безмолвіи. Въ четвергъ или въ среду, въ первый разъ, при входѣ въ спальню барыни, Агашенька услыхала слово: — Ставни!

Но передъ завтракомъ, на вопросъ буфетчика: — Будете ли, сударыня, разговляться пасхой? — Варвара Петровна отвѣтила:

— Къ чему теперь? Праздникъ почти прошелъ, да при томъ же, все вѣрно испортилось.

И остались мы безъ Святой въ этомъ году и въ колокола не звонили.

1846 годъ.

Въ 1846 году Иванъ Сергѣевичъ уѣхалъ за границу, получивъ отъ матери весьма скромную сумму денегъ.

Послѣдніе дни передъ отъѣздомъ своимъ онъ былъ особенно грустенъ, и въ памяти моей, во всѣ послѣдующіе за этимъ годы, образъ его представляется мнѣ не иначе, какъ задумчивымъ и печальнымъ, совершенно противоположнымъ тому, какимъ онъ рисовался мнѣ въ моемъ дѣтскомъ воображеніи.

Въ одномъ изъ его послѣднихъ разговоровъ съ матерью, мнѣ невольно пришлось участвовать и получить строгій выговоръ за неумѣстное мое въ него вмѣшательство.

— ...Не знаю, о чемъ ты говоришь,—услыхала я, взойдя въ смежную комнату, голосъ Варвары Петровны въ разговорѣ, начатомъ уже до моего прихода,—не понимаю.—Моимъ ли людямъ плохо жить?! Чего имъ еще? Кормлены прекрасно, обуты, одѣты, да еще жалованье получаютъ! Скажи ты мнѣ, у многихъ ли крѣпостные на жалованьи?

— Я и не говорю, чтобы они были голодные или не одѣты, —сдержанно, съ нѣкоторой запинкой, началъ Иванъ Сергѣевичъ:—но вѣдь каждый дрожитъ передъ тобой...

— Ну что же!—перебила его мать голосомъ, въ которомъ ясно слышно было:—такъ и должно быть!

— А ты, maman, подумай сама, каково человѣку жить постоянно подъ такимъ страхомъ? Представь себѣ всю жизнь страхъ и одинъ страхъ! Дѣды ихъ, отцы ихъ, сами они всѣ боялись—наконецъ, дѣти ихъ, и тѣ обречены на то же!

— Какой страхъ? Про что ты говоришь?—волновалась Варвара Петровна.

— Страхъ не быть увѣреннымъ ни въ одномъ днѣ, ни въ одномъ часѣ своего существованія; сегодня тутъ, а завтра тамъ, гдѣ ты захочешь! Да это не жизнь!

— Не понимаю тебя...

— Слушай, maman: можешь ты, вотъ сейчасъ, сію минуту, —все больше и больше горячился Иванъ Сергѣевичъ,—можешь ты любого ну хоть на поселеніе отправить?

— Разумѣется, могу.

— Ну, я про что же говорю—можешь?

— Заслужитъ, сошлю.

— А не заслужитъ? Такъ, по своему одному капризу, тоже можешь?

— Конечно, могу.

— Вотъ тебѣ и доказательство того, что я всегда тебѣ говорю... они не люди—они вещь!

— Что же по твоему, ихъ на волю отпустить?

— Нѣтъ, зачѣмъ? Я этого и не говорю, на это еще время не пришло...

— И не придетъ!—рѣшила Варвара Петровна.

— Нѣтъ, придетъ и непремѣнно придетъ,—запальчиво и нѣсколько визгливымъ голосомъ (когда горячился) почти вскрикнулъ Иванъ Сергѣевичъ и быстро заходилъ по комнатѣ.

— Сядь, ты меня безпокоишь своей ходьбой,—уняла его мать.

— Моимъ людямъ дурно,—почти обиженно продолжала она,—отъ кого ты это слышалъ? Да развѣ безъ страха съ ними можно?

— Можно, и многое, все можно! Неужели ты, при своемъ тонкомъ пониманіи людей, не предполагаешь въ нихъ ни любви, ни привязанности, ни чувства...

— Да что ты, Jean, съ ума сошелъ, что ли? Отъ кого ты слышалъ, чтобы я...

Сердце у меня замерло, я не дышала.

Наканунѣ, я сама такъ много разсказывала Ивану Сергѣевичу о всѣхъ мученіяхъ Агаѳьи и ея мужа, и въ эту минуту мысль о томъ, что онъ заговоритъ о нихъ, блеснула у меня въ головѣ.

Невозможно описать, какъ быстро все это пронеслось въ умѣ моемъ и какъ я быстро сообразила, чтó могло отъ этого произойти; я схватила первую попавшуюся книгу со стола,—какъ сейчасъ вижу: карриватуры Гранвиля,—и рѣшилась прервать разговоръ, а потомъ сдѣлать знакъ Ивану Сергѣевичу.

— Maman, puis je prendre ce livre,—стремительно вошла я въ кабинетъ и чувствовала, что сама блѣднѣе смерти.

— Что тебѣ надо?—закричала на меня maman,—что ты мѣшаешь, ты слышишь, мы разговоромъ заняты! Ступай!

Я пошла уже къ двери, вдругъ вслѣдъ за мной:—Воротись! что съ тобой? на тебѣ лица нѣтъ...

— Я, ничего...

— Какъ ничего! Ты все лжешь, ты бѣлѣе платка моего. Ты больна?

— Да, у меня голова болитъ.

— А если голова болитъ, то никакой книги не надо; положи, ступай.

Я вышла и стала за дверью, чтобы обратить на себя вниманіе Ивана Сергѣевича.

Но онъ сидѣлъ нагнувшись, голова его опиралась на руку, видѣть онъ меня не могъ.

Всѣ мои опасенія оказались напрасными. Милый нашъ Иванъ Сергѣевичъ самъ спохватился и понялъ, что зашелъ слишкомъ далеко; потому что, когда мать, желая продолжать разговоръ, спросила:

— Говори же, что ты слышалъ?

Онъ отвѣтилъ:—Разумѣется, я ничего не слыхалъ, я только высказываю свое убѣжденіе вообще... я нахожу, что крѣпостной человѣкъ—не человѣкъ, а предметъ, который можно передвигать... разбивать, уничтожать... ну все... вообще прескверное положеніе!

— Да чѣмъ же?—уже допытывалась Варвара Петровна.

— Какъ тебѣ сказать... ну, да оставимъ это, вѣдь ты...—и онъ опять быстро заходилъ по комнатѣ.

— Къ чему же ты все это говорилъ?—упорно уже хотѣла продолжать мать.

— Да такъ...—и помолчавъ немного, онъ остановился передъ матерью.

— Я на счетъ брата хотѣлъ съ тобою, maman, переговорить. За что ты на него сердишься. Ты знаешь, какъ ему деньги нужны...

— Этого еще недоставало,—вспылила Варвара Петровна:—отъ него зависитъ все опять имѣть, ты это знаешь.

— Но не можетъ же онъ бросить...—началъ-было Иванъ Сергѣевичъ...

— Не прикажешь ли еще мнѣ на его бракъ согласиться?

— А почему же нѣтъ?

— Я вижу, ты совсѣмъ съ ума сошелъ!—И Варвара Петровна разразилась цѣлымъ потокомъ брани и упрековъ на старшаго сына, потомъ досталось и младшему, тутъ она все припомнила и всѣмъ попрекнула.

Иванъ Сергѣевичъ имѣлъ неосторожность вдругъ сказать матери, что на одно изъ его сочиненій написана критика.

Понимала ли Варвара Петровна настоящее значеніе критики, или хотѣла только придраться къ слову, чтобы напасть на сына; но дѣло дошло и до доктора, и до капель.

— Тебя, дворянина, Тургенева!—кричала она,—какой-нибудь поповичъ судитъ!

— Да помилуй, maman, критикуютъ, значитъ, замѣтили, и я этимъ счастливъ! Я не нуль, когда обо мнѣ заговорили...

— Какъ заговорили? Какъ заговорили-то? Осудили! Тебя будутъ дуракомъ звать, а ты будешь кланяться... да? Къ чему ваше воспитаніе, къ чему всѣ гувернеры, профессора, которыми я васъ окружала! Одинъ бросилъ меня изъ-за женщины, ему ни въ чемъ не равной, другой, ты, mon Benjamin, въ писатели пустился...

И пошли тутъ слезы, рыданья и истерика...

Явился докторъ съ каплями. Иванъ Сергѣевичъ перепугался, началъ цѣловать руки матери и старался всячески ее успокоить.

— Ну, перестань же, maman, успокойся, прости меня; я самъ не радъ, что затѣялъ весь этотъ разговоръ...

— Могу ли я успокоиться, могу ли не огорчаться,—съ искрен-

ними слезами продолжала Варвара Петровна,—вотъ ты опять за границу собираешься...

И начались опять упреки и высчитыванія всѣхъ выгодъ службы, женитьбы и жизни въ Россіи возлѣ нея.

Это и были самыя трудныя минуты для Ивана Сергѣевича; чтó могъ онъ отвѣтить на всѣ упреки матери?

Онъ опускалъ голову на руки и молчалъ, или съ выраженіемъ скорби, почти отчаянія на лицѣ, смотрѣлъ въ сторону.

И онъ, и всѣ мы вполнѣ сознавали, что временная доброта и снисходительность Варвары Петровны поддерживались только рѣдкостью и краткостью свиданій съ сыномъ.

Останься онъ при ней, она бы не выдержала долго, и онъ только былъ бы безмолвнымъ и безсильнымъ свидѣтелемъ того, чтó выносить онъ не могъ, а чему помочь былъ не въ силахъ. Легче отъ этого никому бы не было... и онъ уѣхалъ!

Въ ноябрѣ 1846 года и я поступила въ пансіонъ г-жи Кноль, гдѣ, по странному капризу Варвары Петровны, вмѣсто моей настоящей фамиліи: Богдановичъ, я носила фамилію Лутовиновой и подъ этимъ именемъ, до самаго своего замужества, была извѣстна своимъ подругамъ. Аттестаты, выданные мнѣ и подписанные профессорами, преподавателями учебнаго заведенія, даны мнѣ тоже на имя ученицы Варвары Лутовиновой.

Въ іюнѣ 1847 года уѣхали мы въ Спасское, и тамъ безвыѣздно прожила Варвара Петровна до сентября 1849 года. Меня же на учебное время возили въ Москву.

1847 г.

Съ этого года, въ послѣдующихъ разсказахъ мнѣ невольно придется болѣе говорить о себѣ лично. Я вышла уже изъ дѣтскаго возраста и почти перестала быть пассивною свидѣтельницею; на долю мою выпадало все чаще и чаще быть и дѣйствующимъ, и страдающимъ лицомъ; а нѣсколько позже мнѣ даже нерѣдко случалось быть и тайной и явной посредницей между Варварой Петровной и ея сыновьями.

Въ пансіонѣ жила я съ своей гувернанткой Софьей Даниловной Ивановой, приставленной ко мнѣ отъ лица Варвары Петровны. Обязанность Ивановой состояла въ томъ, что она должна была по праздникамъ сопровождать меня въ церковь и ежедневно кататься со мной въ отличномъ экипажѣ, запряженномъ парою или четверней дорогихъ лошадей. У г-жи Кноль жила я на особыхъ правахъ. У меня была своя комната, своя прислуга, свой

прекрасный Мейбомовскій инструментъ, особый учитель музыки, извѣстный тогда Гардорфъ, и т. д.

Я не упомянула бы объ этомъ, какъ касающемся меня лично, еслибы все это происходило и съ сыновьями Варвары Петровны.

Тратя такъ много на мое воспитаніе и на роскошь, безъ которой я положительно могла обойтись, она дѣтямъ своимъ не высылала ни копѣйки, и всѣ ея щедроты тѣмъ тяжелѣе и тяжелѣе ложились какъ бы на совѣсть мою.

Неудовольствіе Варвары Петровны на сыновей даже все усиливалось; порой она, можетъ быть, и огорчалась разлукой съ ними, если вѣрить тому, что́ она писала мнѣ въ письмѣ отъ 18 ноября 1847 года:

«Я никогда не была такъ безпокойна, очень я скучаю по тебѣ. Когда-то я буду жить своею семьею? Когда увижу всѣхъ васъ, моихъ дѣточекъ? изъ трехъ не вижу ни одного»!...

Въ это время ее особенно тревожили еще поиски главнаго управляющаго надъ всѣми имѣніями. Съ Николаемъ Николаевичемъ Тургеневымъ, своимъ деверемъ, она примириться не хотѣла и даже въ одномъ изъ своихъ писемъ требовала, чтобы и я не смотрѣла на него болѣе какъ на человѣка мнѣ близкаго и дорогого.

Совершенно случайно и неожиданно нашла наконецъ Варвара Петровна человѣка, которому можно было довѣрить дѣла. Въ Мценскѣ жилъ тогда Иванъ Михайловичъ Бакунинъ. Онъ пріѣзжалъ довольно часто къ намъ; велись разговоры о хозяйствѣ, о трудностяхъ управленія разбросанными по разнымъ губерніямъ и уѣздамъ имѣніями; дѣло дошло до того, что Варвара Петровна упросила Бакунина взять на себя трудъ быть полновластнымъ правителемъ всѣхъ ея 5,000 душъ, такимъ же, какимъ былъ до этого ея деверь.

Зная нравъ Варвары Петровны, Бакунинъ долго не соглашался, но и согласившись, по правдѣ сказать, не особенно ладилъ съ своей довѣрительницей. Онъ былъ человѣкъ весьма образованный и свѣтскій, а слѣдовательно, рабски подчиняться Варварѣ Петровнѣ не могъ, лавировать же и скрывать не умѣлъ.

Онъ держалъ себя съ нею на равной ногѣ, съ тою только почтительною вѣжливостью, которую обязанъ оказывать каждый порядочный человѣкъ женщинѣ, и притомъ пожилой.

Не надѣясь долго удержать Бакунина при себѣ и желая чѣмъ-нибудь приковать его къ дому (безъ цѣпей ей не жилось), она намекнула Бакунину на возможность брака между нимъ и тогда еще весьма юной, близкой ей особой. Иванъ Михайловичъ под-

дался на это, даже искренно полюбилъ эту дѣвушку и только изъ одной любви къ ней продолжалъ заниматься дѣлами Варвары Петровны до 1849 года. Въ этомъ году, заручившись согласіемъ дѣвушки быть со временемъ его женою, онъ оставилъ домъ Варвары Петровны и поступилъ чиновникомъ особыхъ порученій при графѣ Арсеніѣ Андреевичѣ Закревскомъ.

Гнѣвъ Варвары Петровны былъ великъ, и всякія сношенія съ Бакунинымъ были строжайше воспрещены.

Уважая память Ивана Михайловича и его сестеръ, которыя всегда были такъ ласковы и внимательны ко мнѣ, я пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы исправить ошибку, вкравшуюся въ одномъ разсказѣ о Бакунинѣ, гдѣ онъ, подъ именемъ мнимаго Бенкендорфа, изображенъ приниженнымъ, стоящимъ у притолоки и выносящимъ невозможное обращеніе отъ Варвары Петровны. Онъ былъ слишкомъ *баринъ*, trop gentilhomme, чтобы допустить подобное оскорбленіе. Можетъ быть, и давала Варвара Петровна пощечины своимъ управляющимъ, но если это даже и такъ, то ошибка въ имени несомнѣнна.

Въ сентябрѣ 1847 года пишетъ мнѣ Варвара Петровна о приближающейся холерѣ. Тонъ тѣхъ нѣсколькихъ строкъ, въ которыхъ она говоритъ объ этомъ, скорѣй шутливый и насмѣшливый; далѣе въ своемъ письмѣ она упоминаетъ о предметахъ, вовсе не касающихся холеры, и вообще все письмо веселое, выражающее хорошее расположеніе духа, но никакъ не страхъ.

Между тѣмъ эпидемія, грозившая въ 1847 году, посѣтила насъ въ 1848 г. и дѣйствовала съ неимовѣрной силой и быстротой въ началѣ. Она буквально косила жертву за жертвой: случалось видѣть совершенно здороваго человѣка въ два часа пополудни, а въ пять услыхать, что его уже не стало.

Замѣчательно, что на насъ, молодежь, т.-е. на меня, на племянницу нашей maman Сливицкую и на мою молоденькую гувернантку Вѣру Николаевну Домелункину эта страшная болѣзнь никакого страха не навела.

О Варварѣ Петровнѣ и говорить нечего. Она вообще никого и ничего не боялась; мнѣ даже кажется, что она, въ сознаніи своего величія и недосягаемости, была увѣрена, что холера — и та не посмѣетъ коснуться ея особы. Жили мы какъ всегда, все тѣмъ же порядкомъ, все тѣ же катанья послѣ обѣда, Варвара Петровна въ открытомъ ландо, а мы, молодежь, или верхами или въ кабріолетахъ, все тѣ же десерты, состоявшіе изъ ягодъ и фруктовъ, и при этомъ, какъ бы бравируя болѣзнь, мы всѣ три, разумѣется, потихоньку отъ Варвары Петровны, погл-

щали еще неимовѣрное количество всякой огородной зелени. Чего, чего не поѣдали мы!

Можно подумать, что такое геройство сообщилось намъ отъ Варвары Петровны, которая не удостаивала даже намекнуть о возможности боязни холеры. Часто разсказывала она намъ объ этой эпидеміи, бывшей въ 30-мъ году, и о той скукѣ, какую она вынесла, просидѣвъ сколько-то дней въ карантинѣ.

Все это доказываетъ ясно, какъ еще сильна духомъ была Варвара Петровна, и какъ при этомъ была немыслима въ ней какая-нибудь каррикатурная трусость.

Въ концѣ іюля эпидемія начала ослабѣвать, наступилъ успенскій постъ, maman вздумала говѣть. Службы совершались на дому въ ея моленной. Спасская церковь была довольно прохладна, и Варвара Петровна пожелала причаститься дома. Для этого положено было принести Дары изъ церкви.

6-го августа, послѣ словъ: *Со страхомъ Божіимъ и вѣрою приступите,* раздался торжественный колокольный звонъ, священникъ вышелъ изъ церкви съ Дарами и направился къ дому, гдѣ въ просторной моленной ожидала его Варвара Петровна.

За священникомъ, по заранѣе отданному приказанію, послѣдовалъ народъ, т.-е. вся аристократія дворни и конторы.

Всѣ вошли въ моленную, блестѣвшую множествомъ старинныхъ, богатыхъ фамильныхъ иконъ.

Священникъ поставилъ Дары на приготовленный для нихъ столъ и обратился къ Варварѣ Петровнѣ:

— Къ исповѣди приступимъ, сударыня?

— Исповѣдуйте, батюшка! — и она перекрестилась.

— Выйдите всѣ,—обратился священникъ къ народу.

— Не надо!—твердо сказала Варвара Петровна.

Вышло смятеніе; иные уже направились къ дверямъ, другіе колебались.

— Остаться! всѣмъ остаться! — крикнула Варвара Петровна, обернувшись вся лицомъ къ предстоящимъ.

— По уставу церковному, исповѣдь должна быть одинъ на одинъ съ отцомъ духовнымъ,—мягко протестовалъ священникъ.

— А я хочу при всѣхъ исповѣдоваться...

— Но вѣдь нельзя,—нѣсколько убѣдительнѣе произнесъ духовникъ.

— А я говорю: можно!—еще громче сказала Варвара Петровна, и изъ рукъ священника взяла книгу.

Юный еще тогда, отецъ Алексѣй (не знаю, живъ ли онъ?—тогда онъ только-что вступилъ въ свое званіе) оробѣлъ и за-

молчалъ. Онъ вѣрно сообразилъ, что при силѣ, богатствѣ, связяхъ и знакомствѣ съ архіереемъ, его помѣщица можетъ сильно ему повредить, передавъ фактъ совсѣмъ въ иномъ видѣ,—онъ уступилъ.

Тогда Варвара Петровна громко, отчетливо прочла молитву на сонъ грядущимъ: «Владыко, человѣколюбче», и, окончивъ, стала лицомъ къ народу:—Простите мнѣ,—сказала она, и сдѣлала по поклону на три стороны.

— Теперь причастите меня, батюшка!

Когда священникъ прочелъ причастную молитву, земной поклонъ положили всѣ безъ исключенія.

На дняхъ теперь уже, получила я письмо отъ Агашеньки, которая напомнила мнѣ еще одинъ случай изъ ея многострадальной жизни при Варварѣ Петровнѣ.

Эпизодъ этотъ относится къ 1845-му году, но какъ подходящій и вмѣстѣ съ тѣмъ противуположный предшествующему разсказу, я его помѣщаю въ моихъ воспоминаніяхъ на томъ же мѣстѣ рукописи, на которомъ застало меня письмо отъ жены Полякова.

Послѣ поѣздки своей къ сыну лѣтомъ 1845 года, Варвара Петровна въ декабрѣ того же года опять послала въ Петербургъ Полякова, чтобы достовѣрно узнать, женился ли Николай Сергѣевичъ, или нѣтъ.

Жаль было Полякову своего молодого барина, которому мать не высылала денегъ, и который службою и уроками содержалъ свою семью; онъ скрылъ настоящее положеніе дѣлъ отъ своей госпожи.

Но у Варвары Петровны въ Петербургѣ были родные и знакомые. Въ числѣ ихъ было одно семейство, въ которомъ одна изъ дочерей питала безнадежную любовь къ Николаю Сергѣевичу. Мать дѣвушки ревниво слѣдила за сыномъ *богатой Тургеневой*, разсчитывая черезъ Варвару Петровну добиться разрыва между Николаемъ Сергѣевичемъ и Анной Яковлевной, коихъ бракъ еще не былъ *оффиціально* извѣстенъ. Съ этою цѣлью она написала Варварѣ Петровнѣ письмо, въ которомъ извѣщала ее, что сынъ ея Николай живетъ совершенно maritalement съ Анной Яковлевной, au grand scandale всего своего петербургскаго родства и знакомства.

Письмо это пришло вскорѣ послѣ пріѣзда Полякова, увѣ-

рившаго свою барыню, что Николай Сергѣевичъ живетъ одинъ и на холостую ногу.

Варвара Петровна пришла въ неописанную ярость. Съ письмомъ въ рукѣ выбѣжала она изъ своего кабинета въ смежную комнату, носившую названіе *собственной барыниной конторы*, и громовымъ голосомъ крикнула:

— Полякова!

Блѣднѣе смерти явился бѣдный Андрей Ивановичъ.

— Обманулъ! солгалъ! — хриплымъ голосомъ произнесла Варвара Петровна, и не успѣлъ еще Поляковъ вымолвить слово въ свое оправданіе, какъ она схватила огромный, тяжелый костыль, историческій костыль своего дяди Ивана Ивановича Лутовинова, тотъ самый, которымъ онъ постукивалъ въ кладовой свои мѣшки съ деньгами (см. «Три портрета»). Въ припадкѣ гнѣва Варвара Петровна не почувствовала даже его тяжести и замахнулась уже имъ надъ головой своего дворецкаго. Еще минута, и несчастный Поляковъ, можетъ быть, былъ бы убитъ; но тутъ во время поспѣлъ Николай Николаевичъ, ея деверь, жившій еще въ ту пору въ Спасскомъ.

Онъ стремительно бросился къ своей невѣсткѣ и отвелъ ея руку. Варвара Петровна упала на диванъ. Николай Николаевичъ знакомъ указалъ Полякову на дверь и побѣжалъ за водой.

Когда онъ вернулся, Варвара Петровна взяла стаканъ изъ рукъ, взглянула на него и глухимъ голосомъ произнесла:

— Спасибо тебѣ—ты насъ обоихъ спасъ.

На другой день, приказомъ изъ конторы предписано было сослать Полякова въ дальнюю деревню Топки и изъ дворецкаго переименовать его въ простые писцы.

На этотъ разъ не исполнить приказа было бы даже опасно.

Поляковъ былъ увезенъ, оставивъ свою беременную жену совсѣмъ больною, убитою разлукой съ мужемъ и гнѣвомъ барыни, который могъ выразиться еще и въ большихъ размѣрахъ. Такъ прошла зима. Чаще и чаще видѣла я слезы на глазахъ Агашеньки, обращенныхъ къ иконамъ, у которыхъ, она, казалось, вымаливала конца своихъ мученій.

Молитва ея дошла до Бога.

Но кто объяснитъ, какъ это случилось? Какъ понять Варвару Петровну, которая для того, чтобы узнать, напились ли ея слуги, сказалась умирающей,—Варвару Петровну, которая въ 1848 году исповѣдывалась громко, при всемъ народѣ, заставила молодого своего духовника уступить ея барскому произволу и,

наконецъ,—Варвару Петровну, которая въ этотъ разъ дала такое доказательство доброты и христіанскаго смиренія?

Приближалась Святая недѣля, та самая, которую мы не праздновали. На Страстной Варвара Петровна говѣла, въ великій четвергъ поѣхали мы съ ней въ церковь причащаться. Простояли мы уже почти всю обѣдню, пѣли причастный стихъ; вдругъ Варвара Петровна направилась къ паперти, и изумленные каретные лакеи оба послѣдовали за нею.

— Алексѣй! подавай!—крикнула она сама своему старику кучеру.—Домой!

Подъѣхавъ къ дому, она вышла изъ кареты, и, совсѣмъ одѣтая, въ шубѣ, скорыми шагами прошла въ свою уборную, гдѣ находилась Агашенька.

Варвара Петровна остановилась прямо передъ нею, сдѣлала ей поклонъ, касаясь двумя перстами до земли:

— Прости меня,—громко сказала она,—къ празднику твой мужъ будетъ здѣсь!

Агаѳья Семеновна бросилась передъ своей барыней на колѣни и со слезами радости благодарила ее, а Варвара Петровна возвратилась въ церковь и причастилась съ облегченной совѣстью...

Еще въ маѣ 1848 года, живя въ Москвѣ въ пансіонѣ, получаю я письмо, въ которомъ Варвара Петровна мнѣ пишетъ, что на лѣто ждетъ сыновей въ Спасское. Въ особенности вызывала она Ивана Сергѣевича, на котораго смотрѣла весьма неблагосклонно за то, что онъ оставался во Франціи во время и послѣ февральской революціи. Ожиданія однако ея не сбылись, сыновья не пріѣхали; но одна надежда опять увидать своего любимца благодѣтельно подѣйствовала на Варвара Петровну. Она на нѣкоторое время сдѣлалась снова и добрѣе, и снисходительнѣе. На Полякова и его жену, какъ на любимцевъ Ивана Сергѣевича, посыпались разныя милости; съ нимъ она шутила, совѣтовалась и ласково разговаривала, а жену позвала однажды, освѣдомилась даже о ея здоровьѣ.

На отвѣтъ Агаѳьи:—Я, сударыня, благодаря Бога, здорова,—Варвара Петровна продолжала:

— Я вотъ зачѣмъ тебя позвала: если у тебя теперь опять родится дочь, назови ее Катериной, въ честь моей матушки покойной, и, кромѣ того, я позволяю тебѣ слѣдующаго ребенка кормить самой цѣлый годъ.

Агаѳья едва вѣрила ушамъ своимъ и цѣловала барынины руки за такое неожиданное счастье.

1849 г.

Съ января 1849 года возобновились вызовы сыновей въ Спасское. Я получала отъ Варвары Петровны письма почти по два раза въ недѣлю, и почти въ каждомъ изъ нихъ выражалась надежда на то, что лѣтомъ всѣ соберутся около нея. Бакунинъ, отказавшійся отъ своихъ обязанностей, былъ въ опалѣ. Николаю Сергѣевичу подана была слабая надежда на позволеніе жениться. Ивану Сергѣевичу наконецъ было послано 600 руб. на дорогу.

Въ первыхъ числахъ іюня и меня привезли въ Спасское на вакаціи. Съ мая шли уже большіе толки и приготовленія къ пріѣзду молодыхъ господъ.

Флигель отдѣлывался заново, цвѣтники передъ домомъ обѣщали самые разнообразные оттѣнки зелени и цвѣтовъ; уже распустившіяся померанцовыя деревья были разставлены вокругъ балкона въ огромныхъ зеленыхъ кадкахъ; съ другой стороны дома, испанскія вишни и сливныя деревья reine-claude были перенесены изъ грунтовыхъ сараевъ, покрыты громадной сѣткой, защищавшей ихъ отъ воробьевъ.

— Пусть они здѣсь около дома стоятъ,—говаривала Варвара Петровна,—Ваничка ужасно всякіе фрукты любитъ, а я изъ окна буду любоваться, какъ онъ ихъ кушаетъ.

А въ фруктовыхъ, грунтовыхъ сараяхъ обильныя завязи на громадныхъ персиковыхъ деревьяхъ готовились къ концу августа замѣнить и сливы, и вишни.

На домѣ развѣвался флагъ съ Тургеневскимъ гербомъ съ одной стороны, и съ Лутовиновскимъ съ другой, и возвѣщалъ о томъ, что Варвара Петровна дома, принимаетъ и рада гостямъ. Когда флагъ былъ спускаемъ, это значило, что она никого принимать не желаетъ.

Разъ какъ-то, катаясь, Варвара Петровна вспомнила мѣсто, гдѣ былъ когда-то прудъ, на которомъ дѣти ея, тогда еще маленькіе, имѣли свой ботикъ, доставлявшій имъ не малое удовольствіе; прудъ былъ мелокъ, и имъ позволено было однимъ на немъ кататься.

Мѣсто это въ 1849 году представляло уже большой сухой оврагъ, заросшій травою и окаймленный серебристыми тополями.

Немедленно велѣно было расчистить этотъ оврагъ, и на сторонѣ, обращенной къ большой дорогѣ, приказано было водрузить столбъ, на которомъ доморощенный живописецъ, Николай Ѳедосѣевъ, онъ же и малярь, по приказанію барыни, изобразилъ съ одной стороны руку съ протянутымъ указательнымъ перстомъ, а на другой надпись, конечно французскую: «Ils reviendront».

Все было въ точности исполнено, исключая несбывшагося: «Ils reviendront». Николай Сергѣевичъ въ самыхъ нѣжныхъ и почтительныхъ выраженіяхъ писалъ матери, что готовъ посвятить ея спокойствію всю свою жизнь и силы, если она только согласится на его бракъ. Иванъ Сергѣевичъ писалъ тоже умоляющее письмо, говоря, что онъ готовъ пріѣхать, если ему только мать вышлетъ еще денегъ на дорогу, потому что полученныхъ имъ отъ нея 600 руб. даже недостало на уплату его долговъ за эти три года, въ которые онъ отъ матери ничего не получалъ.

Варвара Петровна ни тому, ни другому не отвѣтила.

Воспоминанія мои приближаются къ концу 1849 года, весьма знаменательному въ семьѣ Тургеневыхъ.

Мнѣ было уже шестнадцать лѣтъ. Дѣтская безпечность и жизнь au jour le jour—смѣнились многими горькими днями и размышленіями, уже не покидавшими меня до дня кончины maman.

Я начала сознавать все глубже и глубже свое странное положеніе въ домѣ Варвары Петровны. Я пользовалась всѣми удобствами, всею роскошью, а ея родные дѣти далеко отъ нея и только-что не въ нищетѣ.

На мои личные расходы, кромѣ того, что̀ тратилось на мое воспитаніе, опредѣленъ былъ доходъ съ цѣлаго имѣнія, а именно съ Холодова, которое по конторскимъ книгамъ значилось такъ: *Имѣніе барышни Варвары Николаевны Богдановичъ-Лутовиновой*.

Не мало все это меня мучило и впослѣдствіи повліяло на мои отношенія къ сыновьямъ Варвары Петровны.

Кромѣ того, я уже не такъ терпѣливо и безропотно смотрѣла на многіе поступки maman, и если еще ничего не рѣшалась сказать, то въ глазахъ моихъ она читала тотъ протестъ, который я еле-еле была въ силахъ сдерживать.

Замѣтила Варвара Петровна тоже ту любовь, которую питали ко мнѣ всѣ ея слуги; она стала постоянно придираться къ кому-нибудь изъ-за меня, дѣлать выговоры, стараясь, вѣроятно, этимъ возстановить ихъ противъ меня.

Все вмѣстѣ взятое сдѣлало жизнь мою почти мучительною. Конечно, молодость и свойственное ей легкомысліе брали иногда свое, нападали минуты безпечнаго веселья — но какое-нибудь слово, взглядъ—и опять возвращалась вся горечь безсильнаго, безпомощнаго положенія и невозможность чему-либо помочь.

Былъ у насъ старикъ поваръ, которымъ сама Варвара Петровна дорожила; никто не умѣлъ ей такъ угодить и все сдѣлать ей по вкусу, какъ онъ. Пріѣхавши разъ изъ пансіона домой, я сѣла обѣдать одна съ Александрой Михайловной Медвѣдевой, сидѣлкой и экономкой; maman была нездорова, спала и заказала себѣ обѣдъ къ шести часамъ.

Когда ей подали кушать и я взошла къ ней:

— Ну, а у васъ какой сегодня былъ обѣдъ? — спросила Варвара Петровна.

Я разсказала, и на бѣду расхвалила лѣнивые щи.

— Принесите мнѣ отвѣдать, — приказала она.

Когда ей подали тарелку съ злосчастными щами, она поднесла ложку къ губамъ и вдругъ съ отвращеніемъ отбросила ее на полъ.

— Что это за гадость! Позвать Савелья!

Взошелъ поваръ во всей своей, ослѣпительной бѣлизны, поварской аммуниціи.

Послѣдовалъ обычный допросъ: что это? что это значитъ? на который бѣдный старикъ стоялъ, переминаясь, не зная, что отвѣчать. Потомъ пошла брань, угрозы и цѣлый потокъ соболѣзнованій обо мнѣ:

— Бѣдная ты моя дѣвочка! — нѣжно начала Варвара Петровна, — учится, трудится, пріѣдетъ голодная домой, и ей подаютъ всякую дрянь! Да отъ такой гадости заболѣть можно! И опять шумъ.

Я выбѣжала въ другую комнату.

Подобная сцена была не первая. Чаша горечи переполнилась, рыданія подступили къ горлу:

— Господи! за что такое мученіе! — вырвалось у меня.

— Варинька! — послышалось изъ спальни.

Я взошла; устремленный на меня грозный взглядъ точно притягивалъ меня къ столу; но не успѣла я подойти, какъ въ меня брошена была, прямо въ лицо, большая хрустальная кружка.

Я отшатнулась, миновавъ меня, кружка разбилась въ дребезги, и только одинъ отлетѣвшій осколокъ слегка ударилъ меня въ косу.

— Карету! — закричала Варвара Петровна; — везите ее въ пансіонъ!

Пока запрягали лошадей, я стояла передъ нею вся въ слезахъ и выслушивала обычные упреки въ неблагодарности, и за заступничество за *холопьевъ*, которые мнѣ дороже ея, по ея словамъ.

Когда доложили, что карета готова, я сдѣлала шагъ, чтобы подойти къ ней и попросить прощенія, но она грозно остановила меня словомъ: вонъ! и послѣ этого я цѣлую недѣлю домой не пріѣзжала и на глаза maman не допускалась.

Прежнія ссылки мои въ оранжерею или въ зимній садъ замѣнились пансіономъ.

Какъ ни любила я Варвару Петровну, какъ ни мучило меня ея неудовольствіе противъ меня, но тамъ за уроками, съ подругами своими, я отдыхала душой отъ постояннаго страха и давящаго гнёта.

Въ началѣ сентября пріѣхалъ Николай Сергѣевичъ, и, наконецъ, мать ему разрѣшила жениться, но съ тѣмъ, чтобы онъ бросилъ службу, переселился въ Москву и принялся за управленіе всѣми имѣніями. За это ему опять обѣщаны были всевозможныя блага.

Александрѣ Михайловнѣ Медвѣдевой, сидѣлкѣ и экономкѣ Варвары Петровны, поручено было отыскать по близости къ Остоженкѣ продающійся домъ, который Варвара Петровна намѣревалась купить на имя сына, чтобы поселить его тамъ съ женой.

На Пречистенкѣ, рядомъ съ депо, найденъ былъ такой домъ.

Совершили запродажную запись, Николай Сергѣевичъ указалъ Медвѣдевой нѣкоторыя поправки и передѣлки, необходимыя сдѣлать въ новомъ домѣ, и получивъ благословеніе матери и небольшую сумму денегъ на дорогу, поспѣшилъ въ Петербургъ обрадовать свою жену.

Онъ вышелъ въ отставку и ждалъ только вѣсти изъ Москвы, чтобы двинуться въ новое жилье. Но по отъѣздѣ сына, Варвара Петровна все дѣлалась мрачнѣе и мрачнѣе, а про сына и про домъ совсѣмъ замолчала. Медвѣдева разъ было заикнулась сказать, что владѣтельница дома требуетъ совершенія купчей и уплаты всей суммы. На это Варвара Петровна помолчавши отвѣтила:

— Успѣется.

Между тѣмъ, отъ Николая Сергѣевича Медвѣдевой письмо за письмомъ; онъ спрашиваетъ. что дѣлается? скоро ли все будетъ готово? Чтобы не огорчить Николая Сергѣевича, и въ надеждѣ на болѣе благопріятный оборотъ дѣла, Медвѣдева не отвѣтила въ Петербургъ ни слова.

А мнѣ, въ то же время, все шились новые наряды у m-me Ladrague. Купили мнѣ, еще лучшій, второй инструментъ Тишнера за 800 руб.; для выѣздовъ моихъ пріобрѣтена прекрасная

двухмѣстная откидная карета, а чтобы сопутствовать мнѣ всюду, такъ какъ сама Варвара Петровна никуда не выѣзжала, нанята была уже не гувернантка, à dame de compagnie, Софья Николаевна Шрёдеръ, особа весьма свѣтская и представительная, которой платилось весьма приличное жалованье въ виду того, что туалеты ея должны были соотвѣтствовать моимъ. Опять мнѣ все баловство и роскошь, а Николай Сергѣевичъ, въ Петербургѣ, напрасно ждетъ изо дня въ день извѣстія о домѣ, который даже и не купленъ.

Для нѣкоторыхъ уроковъ я продолжала ѣздить въ пансіонъ. Возвращаясь разъ вечеромъ домой въ послѣднихъ числахъ октября, я была крайне изумлена таинственнымъ видомъ высаживавшаго меня изъ кареты лакея.

— Барышня!—шепнулъ онъ мнѣ,—залучите минуточку и зайдите въ контору, тамъ у Леона Ивановича есть къ вамъ письмо.

Что могло это быть? Я не имѣла никакой тайной отъ Варвары Петровны переписки. Любопытство и страхъ чего-то необычайнаго, все смѣшалось у меня въ головѣ, а все-таки надо было прежде всего явиться къ maman, отдать отчетъ въ уроказъ и сказать, что̀ задано на другой день.

На бѣду задано было французское сочиненіе, которое я обязана была писать всегда въ ея же кабинетѣ и черновое прочитывать ей.—Chez une femme un style élégant est une qualité essentielle [1]), говаривала она.

Но до злосчастнаго сочиненія я должна была еще играть свои гаммы, «Днѣпровскіе пороги» и прочіе ноктюрны.

А письмо все лежало, и догадки мои о томъ, отъ кого бы оно могло быть, настолько заняли всѣ мои мысли, что я ни о чемъ другомъ не могла думать.

Принялась я за свое сочиненіе, тэмы его не помню, но въ то время барышни обыкновенно изощряли свой слогъ надъ: le coucher du soleil, le soleil et la lune, или l'amitié. На этотъ разъ желаніе скорѣе его кончить сдѣлало то, что я изорвала нѣсколько листовъ и все-таки написала очень дурно, за что и получила два выговора, первый отъ Варвары Петровны, другой отъ учителя, который мнѣ сказалъ:—Voilà une composition bien négligée.

Но всякимъ мученіямъ бываетъ конецъ; я попала въ контору, и Леонъ Ивановичъ вручилъ мнѣ письмо—оно было отъ Николая Сергѣевича.

---

[1]) Для женщины красивый слогъ есть необходимое качество.

Не подозрѣвая ничего для себя неблагопріятнаго, онъ удивляется тому, что не получаетъ отъ Медвѣдевой никакого отвѣта; весьма заботливо спрашиваетъ о здоровьѣ матери, проситъ меня сдѣлать нѣкоторыя распоряженія по дому и принять на себя всѣ почтовыя издержки до его пріѣзда.

Николай Сергѣевичъ вообще былъ всегда очень холоденъ ко мнѣ. Онъ меня ласкалъ рѣдко въ дѣтствѣ, и то только при матери. А въ послѣдній свой пріѣздъ, т.-е. недѣли за три до этого письма, онъ даже нѣсколько жестко и насмѣшливо относился ко мнѣ. Но прежнія непріятныя отношенія между нами впослѣдствіи совершенно прекратились, стали самыми искренними и дружескими, и оставались такими до самой его кончины. Когда я бывало пріѣзжала въ Москву, его домъ всегда былъ моимъ роднымъ домомъ.

Но въ то время, такъ какъ мы разстались далеко не друзьями, то его секретное письмо, и то довѣріе, которое онъ имъ мнѣ оказалъ, мнѣ были весьма пріятны.

Чтó было отвѣтить? чтó сказать?

Maman молчитъ, домъ не купленъ; вотъ что я ему могла написать, прибавивъ въ утѣшеніе, что, можетъ быть, все обойдется хорошо, что maman положитъ гнѣвъ на милость; совѣтовала ему потерпѣть еще и не раздражать мать какимъ-нибудь непріятнымъ для нея письмомъ: Николай Сергѣевичъ былъ очень вспыльчивъ.

Но кромѣ меня нашелся кто-то еще, чтобы ему сообщать все, чтó у насъ творилось; продавщица дома грозила продать домъ въ другія руки, потому что Варвара Петровна не платитъ денегъ и купчей не совершаетъ. Вѣроятно, при этомъ не упустили случая написать о покупкѣ рояли и кареты для меня. Я заключаю это изъ того, что въ скоромъ времени я получила отъ Николая Сергѣевича на французскомъ языкѣ второе тайное посланіе, но желчное, отчаянное и съ прежними насмѣшливыми колкими намеками мнѣ на мой счетъ:

2 novembre 1849.

Mademoiselle!

Vous remerciant bien de vos aimables épitres et de la grâce que vous mettez à remplir ponctuellement mes petites commissions—je me hâte de vous dire que l'empêchement produit par

«Благодаря васъ за доброту и любезность, съ которыми вы мнѣ отвѣчаете и исполняете мои маленькія порученія, я спѣшу сказать вамъ, что препятствія г-жи Сессаревской къ работамъ

m-me Sessarewsky aux travaux dans la nouvelle acquisition non acquittée, m'a plongé dans un morne désespoir. Sans toutefois changer mon plan de conduite, je me vois cruellement obligé de le modifier, c.-à-d. que je viendrai seul à Moscou me loger dans mon grenier et sitôt les papiers [1]) en mains je vais à la campagne — non pas à Spaskoe dont l'abord m'est défendu—non pas à Holodowo qui vous appartient, non plus dans les biens de maman—tout cela ne serait pas chez moi—mais j'irai planter ma tente à *Tourguenevo*, où, nouveau Don Quichotte, je me bâtirai une masure et où je végéterai du moins chez moi — *home*. Comme je viens de le dire à m-me Alexandre, je remercie Dieu de n'avoir pas bougé de Pétersbourg.

Figurez-vous quelque chose de plus burlesque, quelque chose de plus à la K... Mes meubles pêle-mêle sur le pavé de Moscou; l'exclue et proscrite moitié, seule à Pétersbourg dans un logement vide — moi — partout et nulle part, sans le sou à la B... logeant à B... dans un isba! N'est ce pas que ce jet du cha-

въ *не* пріобрѣтенномъ пріобрѣтеніи повергли меня въ мрачное отчаяніе. Не отмѣняя однако свой планъ дѣйствій, я вижу себя жестоко принужденнымъ его измѣнить, т.-е. я пріѣду одинъ въ Москву, поселюсь на своемъ чердакѣ, и какъ только получу всѣ бумаги [1]), я ѣду въ деревню—не въ Спасское, куда въѣздъ мнѣ запрещенъ—не въ Холодово, которое принадлежитъ вамъ, и не въ одно изъ имѣній маменьки, —все это не было бы быть *у себя;* но я поѣду поселиться въ *Тургенево*, гдѣ, какъ новый Донъ-Кихотъ, я построю себѣ хату и тамъ буду хотя и прозябать—но у себя—*дома*. Какъ я сейчасъ это сказалъ и Александрѣ Михайловнѣ, я благодарю Бога, что не двинулся изъ Петербурга.

Представьте себѣ что-нибудь болѣе смѣшное, что-нибудь болѣе по К—ски. Вся моя мебель, разбросанная на московской мостовой; не принятая и изгнанная моя дражайшая половина, одна въ Петербургѣ въ опустѣлой квартирѣ; я вездѣ и нигдѣ, безъ гроша по Б—ски, живущему въ Б... въ избѣ! Не

---

[1]) *Бумаги*: когда умеръ отецъ Тургеневыхъ, имѣніе его, село Тургенево, тульской губ. чернскаго уѣзда, оставалось во владѣніи Варвары Петровны, какъ матери и опекунши. Дѣти ея, всегда къ ней почтительные и покорные, не смотря на то, что она ихъ оставляла безъ всякихъ средствъ, никогда не вступали въ свои законныя права на имѣніе отца, и только въ 1850 году, когда Варв. Петр. заставила сына выйти въ отставку, и опять намѣревалась лишить его всего, вынужденъ былъ Николай Сергѣевичъ выправить всѣ нужныя бумаги, чтобы хоть чѣмъ-нибудь обезпечить содержаніе своей семьи и свое.

[illegible] что [illegible]
[illegible] более [illegible]
[illegible] гусарского [illegible]
[illegible] опека[illegible]
[illegible] вид[illegible] къ ней [illegible]
[illegible] ¹)

[illegible] дѣлалось [illegible]
[illegible] быть [illegible]
[illegible] его дни рожд[illegible]
[illegible] и стиды [illegible]
[illegible] (если [illegible]
[illegible] желаете [illegible]

[illegible] Тургеневъ.

[illegible] Чистосерде[illegible]
[illegible] сочувствіемъ въ [illegible]
[illegible], котор[illegible]

[illegible] Хо[illegible]
[illegible] числи[illegible]
[illegible] моим[illegible]
[illegible] всѣ свои слез[illegible]
[illegible] памятникъ,
[illegible] вмѣстѣ [illegible]
[illegible] постоянно
[illegible] матери!
[illegible] полночь,
[illegible] рисунокъ,
[illegible] утромъ
[illegible], вмѣсто
[illegible] Варвары Петровны — Аннѣ [illegible] [illegible] пись-[illegible] пріятельницѣ [illegible].

Изъ всѣхъ [illegible], можно сказать, что единственную [illegible] Варвара Петровна нѣ-

---

¹) Послѣдняя часть письма и не [illegible] относятся къ ней. И [illegible] одной понятно [illegible] и оскорбительное, слышное тутъ между строкъ.

...олько любила и уважала; она считала ее чуть-ли не равной ...ѣ.

Много зависѣло это отъ необыкновеннаго ума Анны Ивановны и отъ ея свободнаго обращенія съ Варварой Петровной, ... часто встрѣчавшей, въ числѣ своихъ знакомыхъ людей, не ...ддающихся ея авторитету.

Анна Ивановна Кирѣевская, хотя и была расположена къ Варварѣ Петровнѣ, но держала себя съ нею съ полнымъ достоинствомъ; она умно и ловко умѣла избѣгать столкновеній, ...о умѣла подъ-часъ, если не подчинить свою гордую и несговорчивую кузину, то заставить ее въ иномъ и согласиться съ тобою. А это было уже много.

Къ ней-то мы съ Медвѣдевой и прибѣгли за совѣтомъ. Устроили цѣлое совѣщаніе, чтобы склонить какъ-нибудь Варвару Петровну покончить дѣло съ покупкой дома.

Дня черезъ два послѣ нашего тайнаго къ ней визита, Кирѣевская пріѣхала къ намъ вечеромъ.

Долго говорили онѣ съ Варварой Петровной о разныхъ предметахъ, перебрали кое-какія nouvelles du jour; вдругъ, среди самаго разговора, Анна Ивановна громко расхохоталась...

Изумленная Варвара Петровна вопросительно смотрѣла на нее.

— Pensez donc, cousine,—все не переставая смѣяться, начала Кирѣевская (весь разговоръ шелъ по-французски).—Подумайте только, кузина, какіе вздоры и сплетни распространяются по Москвѣ! Вдругъ слышу въ одномъ знакомомъ мнѣ домѣ, что Сессаревская продаетъ свой домъ кому-то... (тутъ Анна Ивановна сдѣлала видъ, что припоминаетъ кому)... забыла кому... однимъ словомъ, кому-то, а не вамъ, и подумайте только, по какой ни съ чѣмъ не сообразной причинѣ: мнѣ говорятъ, что вы отказались совершить купчую! Я, конечно, спорю, а мнѣ только и говорятъ, что вы отказались платить деньги!.. Мнѣ даже досадно стало за васъ, слушать такія нелѣпости! Une absurdité semblable! Я очень горячо за васъ вступилась! Способны-ли вы сдѣлать что-нибудь подобное? Обѣщать — подарить сыну домъ, желать его ближе къ себѣ устроить и потомъ отъ всего отказаться. Отказаться отъ обѣщанія—отъ даннаго слова! Похоже-ли это на васъ?

Варвара Петровна выслушала все это, и сама пришла въ негодованіе отъ подобныхъ сплетней.

Урокъ Анны Ивановны подѣйствовалъ. Немедленно была призвана Медвѣдева.

peau pardessus les moulins, ce laisser-aller milord'qu'importe, ces allures de colonel de hussards d'opéra comique vont à mon physique comme un gant [1])?

Décidément je deviens fou tout à fait après l'avoir été à demi depuis ma naissance. C'est avec la mort et la honte dans l'âme que je vous dis, mademoiselle, (si vous en voulez, encore toutefois) bonjour et amitié.

N. Tourguenieff.

правда ли, что такая безпечность, такое *какъ-нибудь*, такія выходки гусарскаго полковника изъ комической оперетки, необыкновенно идутъ къ моей наружности?... [1])

Рѣшительно я дѣлаюсь безумнымъ совершенно, бывъ имъ вполовину со дня рожденія.

Со скорбію и стыдомъ въ душѣ остаюсь—(если вы, впрочемъ, еще этого желаете) вашъ

Ник. Тургеневъ.

Прочитавъ это письмо, я залилась слезами. Чистосердечно сознаюсь, что слезы эти были вызваны не сочувствіемъ къ Николаю Сергѣевичу, а тѣми оскорбленіями и колкостями, которыя я прочла и въ строкахъ, и между строкъ.

Чѣмъ была я виновата? За что было мнѣ попрекать *Холодовымъ*, котораго я и не желала, и не просила; оно числилось моимъ по произволу Варвары Петровны, безъ всякихъ моихъ на то законныхъ правъ.

Когда я нѣсколько успокоилась и выплакала всѣ свои слезы за незаслуженныя оскорбленія и мнѣ одной въ письмѣ понятныя, мнѣ стало опять жаль Николая Сергѣевича, а съ нимъ вмѣстѣ и дорогого Ивана Сергѣевича, о которомъ и я, и всѣ мы постоянно горевали: и тотъ на чужбинѣ, и также ни гроша отъ матери!

Начали мы съ Медвѣдевой обсуждать, какъ бы дѣлу помочь, и надумали слѣдующее.

На другой день Медвѣдева, подъ предлогомъ покупокъ, получила отъ Варвары Петровны позволеніе отлучиться утромъ часа на два. Я должна была ѣхать въ пансіонъ; но, вмѣсто пансіона и покупокъ, мы съ ней отправились, вооружась письмами Николая Сергѣевича, къ родственницѣ и пріятельницѣ Варвары Петровны—Аннѣ Ивановнѣ Кирѣевской.

Изъ всѣхъ своихъ родныхъ и знакомыхъ, можно сказать, что единственно одну г-жу Кирѣевскую Варвара Петровна нѣ-

[1]) Послѣдняя часть письма и не выставленныя имена относятся ко мнѣ. И мнѣ одной понятно все насмѣшливое и оскорбительное, сказанное тутъ между строкъ.

сколько любила и уважала; она считала ее чуть-ли не равной себѣ.

Много зависѣло это отъ необыкновеннаго ума Анны Ивановны и отъ ея свободнаго обращенія съ Варварой Петровной, не часто встрѣчавшей, въ числѣ своихъ знакомыхъ людей, не поддающихся ея авторитету.

Анна Ивановна Кирѣевская, хотя и была расположена къ Варварѣ Петровнѣ, но держала себя съ нею съ полнымъ достоинствомъ; она умно и ловко умѣла избѣгать столкновеній, но умѣла подъ-часъ, если не подчинить свою гордую и несговорчивую кузину, то заставить ее въ иномъ и согласиться съ собою. А это было уже много.

Къ ней-то мы съ Медвѣдевой и прибѣгли за совѣтомъ. Устроили цѣлое совѣщаніе, чтобы склонить какъ-нибудь Варвару Петровну покончить дѣло съ покупкой дома.

Дня черезъ два послѣ нашего тайнаго къ ней визита, Кирѣевская пріѣхала къ намъ вечеромъ.

Долго говорили онѣ съ Варварой Петровной о разныхъ предметахъ, перебрали кое-какія nouvelles du jour; вдругъ, среди самаго разговора, Анна Ивановна громко расхохоталась...

Изумленная Варвара Петровна вопросительно смотрѣла на нее.

— Pensez donc, cousine,—все не переставая смѣяться, начала Кирѣевская (весь разговоръ шелъ по-французски).—Подумайте только, кузина, какіе вздоры и сплетни распространяются по Москвѣ! Вдругъ слышу въ одномъ знакомомъ мнѣ домѣ, что Сессаревская продаетъ свой домъ кому-то... (тутъ Анна Ивановна сдѣлала видъ, что припоминаетъ кому)... забыла кому... однимъ словомъ, кому-то, а не вамъ, и подумайте только, по какой ни съ чѣмъ не сообразной причинѣ: мнѣ говорятъ, что вы отказались совершить купчую! Я, конечно, спорю, а мнѣ только и говорятъ, что вы отказались платить деньги!.. Мнѣ даже досадно стало за васъ, слушать такія нелѣпости! Une absurdité semblable! Я очень горячо за васъ вступилась! Способны-ли вы сдѣлать что-нибудь подобное? Обѣщать — подарить сыну домъ, желать его ближе къ себѣ устроить и потомъ отъ всего отказаться. Отказаться отъ обѣщанія—отъ даннаго слова! Похоже-ли это на васъ?

Варвара Петровна выслушала все это, и сама пришла въ негодованіе отъ подобныхъ сплетней.

Урокъ Анны Ивановны подѣйствовалъ. Немедленно была призвана Медвѣдева.

— Скажи, пожалуйста, Саша,—вопрошала будто бы удивленная и обиженная Варвара Петровна,—когда я говорила, что отказывалась заплатить за Николушкинъ домъ? Говорила-ли я что-нибудь подобное? Правда, я нѣсколько замѣшкала, но вѣдь у меня столько заботъ и горя!.. и при этомъ она поднесла платокъ къ глазамъ.

— Завтра же утромъ,—продолжала она,—ступай къ г-жѣ Сессаревской и скажи, что на этой же недѣлѣ я все съ ней покончу. Мой повѣренный будетъ у нея и внесетъ всѣ деньги.

Тутъ ужъ всѣ и старались ковать желѣзо, пока горячо: черезъ два дня всѣ формальности были исполнены, домъ былъ пріобрѣтенъ и по дарственной отданъ Николаю Сергѣевичу.

Я поспѣшила объ этомъ его увѣдомить весьма сухимъ и церемоннымъ письмомъ.

Но вся происшедшая при этомъ внутренняя ломка въ Варварѣ Петровнѣ не прошла ей даромъ. Она дѣйствительно немного заболѣла и сама писать не могла. Подъ ея диктовку и за ея только подписью, послала я Николаю Сергѣевичу, отъ ея имени, самое нѣжное письмо, въ которомъ она его приглашаетъ: Venez vous loger dans votre nouveau domicile, dans ce nid que vous a bâti votre tendre mère [1]). Но въ серединѣ письма было одно приказаніе: «если нужно—найми француженку, жена Тургенева должна хорошо говорить по-французски».

Въ послѣднихъ числахъ ноября Николай Сергѣевичъ съ женой, свояченицей Катериной Яковлевной, молодой еще дѣвушкой, и француженкой m-me Chevalier переселился въ Москву.

На другой день своего пріѣзда, утромъ, пришелъ онъ къ намъ. Со мной онъ встрѣтился и ласково, и дружески, и съ этой минуты до самой кончины своей былъ всегда ко мнѣ внимателенъ и добръ.

Мать приняла его довольно сухо, о женѣ не спросила и ни слова не сказала. Сначала она не особенно спѣшила устроить сына и невѣстку на приличную ногу, но потомъ послала имъ и мужскую, и женскую прислугу, и лошадей, и экипажи, и кучера, и у насъ завелся новый терминъ: *тотъ домъ*, *въ томъ домѣ*, *изъ того дома*.

Разъ кто-то имѣлъ неосторожность сказать про Николая Сергѣевича и его жену: *молодые господа*.

---

[1]) Пріѣзжай поселиться въ твоемъ новомъ жильѣ — въ гнѣздѣ, которое свила тебѣ твоя нѣжная мать.

— Кто это молодые господа? — строго спросила Варвара Петровна. — Развѣ мой второй сынъ Иванъ Сергѣевичъ пріѣхалъ? У васъ есть одинъ здѣсь *молодой баринъ*, мой сынъ Николай.

Варвара Петровна не любила невѣстки, не принимала ее, но никогда ни при комъ не выражалась о ней оскорбительно. Она была слишкомъ горда, чтобы допускать постороннихъ въ свои семейныя дѣла. Интимная же сторона врядъ-ли кому извѣстна, кромѣ меня, Агаѳьи Семеновны и Медвѣдевой.

Приближалось 4-е декабря — день нашихъ общихъ именинъ съ Варварой Петровной. По случаю моего шестнадцатилѣтія мнѣ обѣщанъ былъ танцовальный вечеръ. Особенно подчеркивала Варвара Петровна сыну, что она будетъ звать *всѣхъ*. Она вообще и послѣ любила его питать ложными надеждами. Званы были всѣ, да *не всѣ*. Николаю Сергѣевичу приказано было придти пораньше, такъ какъ, послѣ матери, онъ главный хозяинъ.

Горько было Николаю Сергѣевичу быть у своей матери, при многолюдномъ обществѣ, одному, безъ жены, но повиноваться надо было.

Хозяиномъ онъ, конечно, и не держалъ себя. Онъ вообще былъ великій дикарь въ обществѣ, а тутъ, при нѣсколько фальшивомъ положеніи женатаго безъ жены, онъ еще болѣе былъ смущенъ.

А мы, молодежь, кружились, танцовали и никому точно дѣла не было до того, что среди насъ, при нашемъ общемъ весельѣ, есть человѣкъ глубоко огорченный, и что этотъ человѣкъ именно хозяинъ дома.

Въ самомъ разгарѣ вечера Николай Сергѣевичъ вырвался, наконецъ, изъ гостиной, гдѣ былъ прикованъ нѣмымъ повелѣніемъ матери, которое онъ прочелъ въ ея острыхъ, выразительныхъ глазахъ.

Вышелъ онъ въ залу и стоялъ, скрестивъ руки на груди, между двухъ колоннъ. Какъ сейчасъ вижу передъ собой всю его изящную фигуру. Онъ былъ во фракѣ, очень тщательно одѣтъ и очень красивъ, т.-е. замѣчательно порядоченъ, именно gentleman-like. Почти злобно-саркастическая улыбка не сходила съ лица его, когда онъ смотрѣлъ на кружащіяся передъ его глазами пáры.

Многія барышни обратили на него вниманіе, иныя даже очаровались имъ и дали ему прозвище Рочестера, тогда современнаго героя и идеала.

Прошли святки — и ни Рождество, ни Новый годъ, эти тор-

жественные дни, въ которые семьи и дружатся, и соединяются, не принесли никакой перемѣны въ непріязненныхъ отношеніяхъ Варвары Петровны къ невѣсткѣ.

Анна Яковлевна, вступившая въ кругъ родства и знакомства, выѣзжала часто, и Варварѣ Петровнѣ пріятно было слышать, что она хорошо одѣта, и что о ней шли хорошіе отзывы.

Но сына она продолжала мучить и озадачивать.

Она требовала, чтобы онъ каждый день въ 11 часовъ утра приходилъ къ ней, держала его у себя до трехъ или четырехъ часовъ за дѣлами или за разговорами. Кромѣ того, требовала, чтобы онъ приходилъ и вечеромъ. Часто при этомъ говорила ему: «Потерпи немного, придетъ время, я сдѣлаю для тебя все, что̀ ты желаешь», — подавала ему надежды и безжалостно разбивала ихъ немедленно.

Случайно уцѣлѣвшая у меня, моя же къ Николаю Сергѣевичу записка, съ его отвѣтомъ на оборотѣ, напомнила мнѣ объ одной изъ подобныхъ выходокъ Варвары Петровны.

Было это, вѣроятно, во время Рождественскихъ праздниковъ; я пишу ему, по приказанію его матери, что она зоветъ его въ два часа, а не въ одиннадцать. Онъ отвѣчаетъ мнѣ по-англійски: очень хорошо! я сказала maman, что отвѣтъ получила.

— Гдѣ записка? — спросила она меня.

Я подала.

Пиши тутъ же, и она продиктовала мнѣ слѣдующее:

«Сегодня вечеромъ у насъ будетъ кое-кто, между шестью и одиннадцатью. Maman принимаетъ *всѣхъ*».

Послѣднее было подчеркнуто самой Варварой Петровной.

На эту приписку я получила уже секретный отвѣтъ отъ Николая Сергѣевича. Онъ пишетъ мнѣ по-англійски: «*Я не понимаю этого и прошу васъ объяснить*».

А какъ объяснить? Недоумѣніе полнѣйшее! Какъ болѣе знавшая Варвару Петровну, я посовѣтовала въ тайномъ же письмѣ не выводить изъ этого особенно благопріятнаго заключенія и подождать до вечера, не будетъ ли еще новаго распоряженія.

Я не ошиблась: распоряженіе послѣдовало. Въ пять часовъ Варвара Петровна призвала одного изъ мальчишекъ, стоявшихъ у ея дверей, и приказала:

— Ступай въ тотъ домъ и проси сейчасъ ко мнѣ барина Николая Сергѣевича.

Мальчишка ринулся, но я успѣла ему сунуть въ руку записку, на которой написала: Venez seul (приходите одни). И хорошо сдѣлала, потому что разговоръ Варвары Петровны, въ

этотъ же вечеръ, съ Медвѣдевой, вполнѣ намъ доказалъ, что поступи Николай Сергѣевичъ иначе—было бы очень плохо.

А положеніе его въ Москвѣ начало становиться довольно критическимъ. Данъ былъ матерью домъ и прислуга, а на содержаніе всей семьи и всего люда, и лошадей, опять не давалось денегъ. Сначала Николай Сергѣевичъ жилъ на вырученные въ Петербургѣ отъ продажи кое-какого имущества; но содержаніе экипажей, лошадей, все это стоило очень дорого, и его скромной суммы стало не надолго. Разъ онъ матери сказалъ, что у него нѣтъ денегъ, она ему отвѣтила:

— Погоди, вотъ пріѣдетъ братъ Иванъ, я вамъ обоимъ раздѣлю имѣнье, и все будетъ ваше.

Настаивать Николай Сергѣевичъ не посмѣлъ и принужденъ былъ занимать.

А меня она все больше и больше наряжала и даже подарены мнѣ были бриллiанты: крестъ и ожерелье, все изъ солитеровъ, оцѣненные въ 28 тысячъ.

Въ одинъ прекрасный день Варвара Петровна захотѣла на мнѣ примѣрить все это богатство, и сама надѣла на меня эти украшенія.

— Въ этомъ ты будешь вѣнчаться, а теперь запри въ свою шкатулку и ключъ отъ нея носи на шеѣ,—сказала она.

А Ивану Сергѣевичу на его просьбы отвѣчала, что теперь денегъ нѣтъ,—со временемъ пришлетъ.

Какая цѣль была у Варвары Петровны дѣйствовать такъ, и до сихъ поръ осталось для всѣхъ насъ загадкой. Она любила меня, хотя и по-своему, въ этомъ я теперь вполнѣ увѣрена; достаточно прочесть одно изъ ея писемъ ко мнѣ, чтобы въ этомъ убѣдиться; но дѣтей своихъ и въ особенности Ивана Сергѣевича любила она гораздо больше.

Съ начала февраля она почти каждый день говорила: «надо Ваничкѣ денегъ послать», и это все откладывалось день за день, по разнымъ нисколько не уважительнымъ причинамъ; а то бывало и такъ, что на нѣсколько дней Варварѣ Петровнѣ угодно было даже совсѣмъ забывать объ этомъ и потомъ сказать:—Ахъ! вотъ опять забыла! завтра надо за границу деньги посылать.

Въ самомъ началѣ весны Варвара Петровна довольно серьезно заболѣла. Иноземцевъ ѣздилъ къ намъ каждый день. Александра Михайловна не выходила почти изъ спальни.

Въ одно утро maman позвала меня передъ моимъ отъѣздомъ въ пансіонъ.

— Сегодня ты учиться не поѣдешь,—сказала она мнѣ,—Сашу

я отпустить не могу, ты одна поѣдешь въ контору Ценкера и отвезешь туда деньги для пересылки ихъ Ивану. Помни, что ты поѣдешь одна, не вѣтреничай, не потеряй, будь осторожна, получи тамъ квитанцію и привези мнѣ показать ее.

А у меня ужъ съ начала нравоученія сердце билось отъ радости. Наконецъ-то!—думала я.

Пока запрягали карету, у меня былъ одинъ страхъ, какъ бы опять Варвара Петровна не отдумала.

Карета подана, я взошла въ спальню, и мнѣ врученъ былъ пакетъ. Не знаю, какъ удержалась я, чтобы съ нимъ не бѣжать на крыльцо. Къ счастію я помнила, что, въ глазахъ maman, я должна теперь быть положительною особою, которой ввѣрена большая сумма денегъ, а не семнадцатилѣтней дѣвочкой, готовой отъ радости безъ ума бѣжать.

Отъ Остоженки до банкирской конторы Ценкера было довольно далеко. Всю дорогу я смотрѣла изъ окна кареты и все боялась, нѣтъ ли за мной погони, не отмѣнила ли опять Варвара Петровна свое рѣшеніе.

Кучеръ, которому я безпрестанно кричала: скорѣй, пожалуйста, скорѣй! даже обидѣлся:

— Что это вы, барышня? Неужели я самъ не знаю, какъ ѣхать? Чай не на пожаръ!

Сильно настроенное воображеніе сдѣлало то, что чувство страха меня не покинуло и тогда, когда, взойдя въ контору, я дрожащими руками подала пакетъ какому-то господину:

— Für den Herrn Tourguenieff, nach Paris. Bitte nur schneller, schneller!.. [1])

Господинъ удивленно посмотрѣлъ на меня и предложилъ мнѣ стулъ.

Наконецъ, я благополучно привезла квитанцію домой и даже получила незаслуженное поощреніе:

— Привыкай, привыкай,—сказала Варвара Петровна,—я становлюсь съ каждымъ днемъ все слабѣй и слабѣй, скоро придется тебѣ совсѣмъ быть моимъ секретаремъ, и переписку мою ты поведешь, и порученія мои исполнять будешь.

Въ промежуткѣ времени между отсылкой денегъ и пріѣздомъ Ивана Сергѣевича, съ Николаемъ Сергѣевичемъ и его женой случилось ужасное происшествіе.

Они поѣхали кататься въ Петровскій паркъ, лошади понесли, и коляска разбилась въ дребезги объ кучу мелкихъ камней,

---

[1]) Господину Тургеневу, въ Парижъ. Но прошу васъ скорѣй, скорѣй!..

насыпанныхъ на шоссе. Николай Сергѣевичъ поплатился значительными ушибами плеча и ногъ, Анна же Яковлевна попала головой и лицомъ о камни и получила весьма опасную рану на головѣ. Ихъ замертво перенесли на чью-то дачу.

Поздно вечеромъ, когда ихъ привезли домой, вѣсть объ этомъ несчастіи немедленно дошла до Варвары Петровны.

Порфирію Тимоѳеевичу приказано было скорѣй бѣжать въ тотъ домъ. Всю ночь мы не спали, и безпрестанно посылались гонцы, чтобы узнать, что сказалъ Ѳедоръ Ивановичъ Иноземцевъ? Нѣтъ ли большой опасности? Уснули ли больные? Варвара Петровна ужасно безпокоилась, тѣмъ болѣе, что сама была на столько нездорова, что выѣзжать не могла.

Когда ей стало нѣсколько лучше, она послала сказать сыну, что сама пріѣдетъ его навѣстить, при этомъ велѣла ему дать понять, что желаетъ видѣть его *одного*.

Довольно долго просидѣла она у сына, и уходя, подошла къ затворенной двери смежной комнаты, гдѣ лежала Анна Яковлевна, и довольно громко сказала своей невѣсткѣ: Je vous souhaite de vous remettre au plus vite, (желаю вамъ какъ можно скорѣе поправиться).

А между тѣмъ, мы все ждали Ивана Сергѣевича со дня на день, ожидая, что его доброта и любовь благотворно подѣйствуютъ на его мать.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ, онъ выражалъ ей радость свою опять свидѣться съ нею, съ братомъ, теперь уже женатымъ, со всѣми близкими ей, и сожалѣлъ о томъ, что лишенъ будетъ удовольствія видѣть дядю Николая Николаевича, и что его отсутствіе въ домѣ матери для него будетъ замѣтно и грустно. Когда Иванъ Сергѣевичъ уѣзжалъ за границу въ 1846 г., Николай Николаевичъ еще не окончательно разошелся съ невѣсткою.

Сама Варвара Петровна не стала писать деверю, а предоставила мнѣ извѣстить его о пріѣздѣ любимаго племянника, при этомъ не дала мнѣ никакихъ инструкцій относительно *тона* моего письма. Я приняла это за разрѣшеніе писать Николаю Николаевичу съ тѣми же выраженіями любви, уваженія и благодарности, которыми были всегда наполнены мои письма къ нему.

Вскорѣ получила я его отвѣтъ. Самое его письмо лучше всего даетъ понятіе о необыкновенной добротѣ этого человѣка, о его любви къ Ивану Сергѣевичу и о его безграничной привязанности и преданности Варварѣ Петровнѣ, которая такъ жестоко отвергла его за его новую семейную жизнь.

«Христосъ Воскресе!

«Поздравляю тебя, мой милый дружокъ Варинька. Душевно желаю всѣхъ благъ Господнихъ. Благодарю тебя, мой ангелъ, за пріятное увѣдомленіе о возвращеніи Ивана Сергѣевича. Съ той минуты какъ я получилъ твое письмо, чувствую возвращеніе къ жизни. Я не умѣю тебѣ описать своей радости, я никакъ не ожидалъ получить столь дорогой сердцу подарокъ. Очень радъ возвращенію Ивана Сергѣевича; но вдвое радъ твоему письму, которое, вѣроятно, писано съ позволенія мамаши, и потому полагаю, что еще не совсѣмъ исчезла память обо мнѣ. Я не смѣю ее своимъ письмомъ тревожить. Прошу тебя, мой милый другъ, передать искреннія чувства моей дружбы. Я во многомъ нахожу себя виновнымъ. Быть можетъ, что я своимъ поступкомъ навлекъ неудовольствіе и даже огорченіе, что терзаетъ мою душу; не имѣя другого способа къ излеченію сердечной моей язвы, я прибѣгаю къ торжественному воскресенію Христа Спасителя нашего. Въ сіи дни священные, всѣ враждующіе да примирятся и во имя Спасителя другъ друга обнимутъ. Успокой мою скорбь душевную, возьми на себя трудъ поздравить отъ меня мамашу. Поцѣлуй ея руку и испроси мнѣ прощеніе. Ты своимъ послѣднимъ письмомъ возвратила мнѣ жизнь; не лишите меня послѣдняго, возвратите спокойствіе душевное. Жизнь наша столь скоротечна, что не успѣешь изгладить слѣды своего преступленія. Въ особенности моя жизнь по обстоятельствамъ столь отяготительна, что я лишенъ всѣхъ средствъ когда либо лично васъ видѣть.

Буду съ нетерпѣніемъ ждать твоего отвѣта. Остаюсь искренно тебя любящій—

Н. Тургеневъ.

1850 года, апрѣль 17-е. Село Юшки.

Но и это письмо со всѣми его выраженіями любви и надеждами на примиреніе не тронуло Варвару Петровну. Отвѣчала на него опять я же. Я писала, что и maman, и всѣ мы лѣтомъ, вѣроятно, будемъ въ Спасскомъ, и тамъ *можетъ быть* увидимся; но ни приглашенія отъ Варвары Петровны и ни слова отъ нея лично въ моемъ письмѣ Николаю Николаевичу не было.

Нашему общему всѣмъ свиданію въ Спасскомъ не суждено было совершиться. Лѣто это было для всѣхъ насъ самымъ тяжелымъ и горестнымъ. Ни радостныхъ свиданій, ни семейнаго согласія!

Въ домѣ Тургеневыхъ разъигралась семейная драма, кото-

рая осталась и теперь въ памяти живыхъ, и тяжелымъ гнетомъ лежала на сердцѣ умершихъ до ихъ послѣдней минуты.

Весною Иванъ Сергѣевичъ былъ уже въ Петербургѣ. По разнымъ обстоятельствамъ, онъ былъ тамъ довольно долго задержанъ, что внушало серьёзное безпокойство его матери.

Но вотъ пріѣхалъ ея Веніаминъ! Слезамъ радости и восклицаніямъ не было конца! Тутъ я встрѣтилась съ Иваномъ Сергѣевичемъ уже не ребенкомъ, а семнадцати-лѣтней дѣвушкой. При первой встрѣчѣ мы обнялись съ нимъ какъ и прежде, но тѣхъ дружески-дѣтскихъ отношеній, конечно, быть не могло—мы отвыкли другъ отъ друга, и притомъ лѣта наши уже не допускали прежней интимности.

Первые дни свиданія—постоянные разспросы со стороны матери и постоянные разсказы со стороны сына. Иванъ Сергѣевичъ былъ веселъ и разговорчивъ. Съ особеннымъ удовольствіемъ говорилъ онъ о графѣ В.....комъ и о *тѣхъ лицахъ*, которые сдѣлали то, что довольно снисходительно посмотрѣли на его слишкомъ долгое отсутствіе изъ Россіи.

Сначала все шло у насъ хорошо. Варвара Петровна была въ восторгѣ, весь домъ принялъ праздничный видъ. Говорилось объ общей поѣздкѣ въ Спасское. Ивану Сегѣевичу хотѣлось ѣхать туда въ первыхъ числахъ іюля, когда настанетъ время охоты. Мать и на это согласилась и рѣшила сама пробыть въ Москвѣ до этого срока.

Въ этотъ годъ кругъ знакомства Ивана Сергѣевича значительно расширился. Онъ уже былъ *извѣстенъ*. (Надо впрочемъ замѣтить, что какъ писатель онъ былъ извѣстенъ въ Москвѣ, но не у насъ въ домѣ; у насъ его не читали). Приглашенія сыпались ему со всѣхъ сторонъ, онъ рѣдко даже обѣдалъ дома. Но всѣ свои утра, почти до двухъ часовъ, проводилъ онъ съ матерью.

Нельзя было и требовать большаго; сама Варвара Петровна не удерживала долѣе сына при себѣ, она довольствовалась своими утрами, которыя всецѣло принадлежали ей, потому что здоровье ея не позволяло ей имѣть пріемовъ, и у насъ, по-правдѣ сказать, было довольно скучно.

Но постоянное почти отсутствіе Ивана Сергѣевича изъ дому особенно непріятнымъ показалось одной весьма милой дамѣ, бывшей когда-то, даже еще чуть ли не дѣвушкой, предметомъ юношеской, пылкой, но безнадежной любви Ивана Сергѣевича. Это было очень давно, онъ былъ тогда что называется *мальчикъ*, лю-

бовь его даже не польстила самолюбію красавицы; она не обратила вниманія на воздыхающаго по ней юношу. Когда же Иванъ Сергѣевичъ возвратился нынѣшній разъ изъ-за границы, онъ былъ во всемъ блескѣ своей зрѣлой красоты и начинающейся славы. Просѣдь, проглядывавшая тогда уже въ его волосахъ и бородѣ, придавала еще болѣе интереса его прекрасному лицу. О немъ говорили—онъ уже значилъ, и его вниманіе и свѣтское ухаживаніе могли быть лестны для всякой женщины. Красавица, отвергнувшая мальчика, вспомнила, что этотъ самый, теперь уже *Тургеневъ*, юношей вздыхалъ по ней.

А какой женщинѣ не пріятно провѣрить—все такъ же ли дѣйствуютъ чары ея красоты? Впрочемъ, можетъ быть и не съ цѣлью возбудить прежнюю любовь, можетъ быть изъ одного любопытства, или даже изъ желанія только увидать Ивана Сергѣевича и пригласить его бывать у ней, чтобы имѣть возможность сказать: «Тургеневъ былъ у меня»—точно опредѣлить не берусь—но видно было, что для этой дамы знакомство съ Варварой Петровной, ограничивавшееся въ послѣднее время двумя-тремя визитами въ годъ, стало должно быть однимъ изъ пріятнѣйшихъ, потому что карета ея все чаще и чаще стояла у подъѣзда нашего дома и все продолжительнѣе и продолжительнѣе были ея визиты, увы! не приносившіе ей того, что́ она желала.

Когда она пріѣзжала утромъ, Иванъ Сергѣевичъ, сидѣвшій у матери въ широкомъ сюртукѣ или пальто, убѣгалъ немедленно къ себѣ на верхъ и не показывался; если же она пріѣзжала вечеромъ часовъ въ восемь, его не было дома.

Послѣ нѣсколькихъ неудачъ, дама рѣшила пріѣхать, подъ благовиднымъ предлогомъ, въ неуказанное по свѣтскому кодексу время—между 6 и 7 часами вечера, разсчитывая, вѣроятно, что если Иванъ Сергѣевичъ обѣдалъ дома, то въ это время еще не успѣлъ уѣхать.

Несмотря на свои безъ малаго сорокъ лѣтъ, дама эта сохранила слѣды замѣчательной красоты. Ея туалетъ,—нѣсколько ей не по лѣтамъ: бѣлое кисейное платье, розовый поясъ, дорогая черная кружевная накидка на плечахъ и такая же косынка, надѣтая à l'espagnole, на головѣ,—такъ шелъ къ ней, что ею можно было любоваться. При матовой блѣдности ея лица, утратившаго уже румянецъ молодости, еще болѣе выигрывали ея прелестные черные глаза, про рѣсницы которыхъ Варвара Петровна говаривала: это не рѣсницы, а маркизы!

— Я заѣхала узнать о вашемъ здоровьѣ, Варвара Петровна,—сказала она, входя.—Vous me pardonnez cette toilette

champêtre. Je vais passer la soirée chez ma soeur au parc. Et puis il fait si chaud, je n'ai pu mettre que cela [1]).

Варвара Петровна сдѣлала видъ, что повѣрила, хотя отъ ея проницательности не ускользнуло, что «toilette champêtre» вполнѣ разсчитанъ, и отвѣтила весьма тонко: Vous n'en êtes que plus belle, vous me rappelez vos dix-sept ans [2]).

Но къ несчастью и тутъ ее постигло грустное разочарование! Въ этотъ вечеръ Иванъ Сергѣевичъ и я уже совсѣмъ приготовились ѣхать верхами на бѣгъ и въ паркъ. Лошади были уже осѣдланы, и моя Софья Николаевна Шрёдеръ уже въ шляпѣ и перчаткахъ готовилась садиться въ карету, чтобы сопровождать насъ.

Иванъ Сергѣевичъ сошелъ съ верха тоже уже одѣтый для катанья и со шляпой въ рукѣ. Посидѣлъ онъ съ четверть часа, сказалъ нѣсколько свѣтскихъ привѣтствій и любезностей гостьѣ своей матери и обратился ко мнѣ:

— Ну что же, Вариньва, ѣдемъ? Скоро семь часовъ.

И мы поднялись.

На другой день утромъ мать начала подшучивать надъ Иваномъ Сергѣевичемъ и, смѣясь, укорять его въ равнодушіи къ красотѣ гостьи: Pour une femme qui frise la quarantaine elle est très belle encore. Elle a fait tant de frais pour vous, et vous avez été fort peu aimable [3]).

Иванъ Сергѣевичъ сидѣлъ у письменнаго стола матери и что-то чертилъ карандашомъ.

— Да!—сказалъ онъ,—я былъ тогда мальчишкой, а я вѣдь страдалъ! Помню, она бывало мимо меня пройдетъ, такъ сердце вырваться хочетъ. Прошло это золотое время! Теперь ужъ такъ не любишь. Того юношескаго жару нѣтъ—нѣтъ той любви, которая довольствуется взглядомъ—цвѣткомъ, упавшимъ съ головы! Поднимешь этотъ цвѣтокъ и счастливъ!—и больше ничего не надо.

Я подошла къ столу, у котораго онъ сидѣлъ. Передъ нимъ лежалъ исписанный и исчерченный листъ бумаги. Я нагнулась, чтобы прочесть, и ничего разобрать не могла. Онъ самъ, видя мое затрудненіе, прочелъ мнѣ, но только послѣднія четыре строчки:

---

[1]) Вы мнѣ простите мой деревенскій туалетъ, я ѣду къ сестрѣ въ паркъ. И притомъ же такъ жарко. Я только это могла надѣть.

[2]) Отъ этого вы только еще лучше. Вы мнѣ напоминаете себя въ ваши семнадцать лѣтъ.

[3]) Для женщины, которой безъ малаго сорокъ, она прекрасна. Она такъ старалась объ этомъ, а ты весьма нелюбезенъ былъ къ своему бывшему предмету любви.

Скажи мнѣ: могъ ли я предвидѣть,
Что намъ обоимъ суждено
И разойтись, и ненавидѣть
Любовь погибшую давно.

Какъ всѣ барышни того времени, я была любительницей всякихъ стиховъ; очень понятно, что я и эти хотѣла сберечь; но *каллиграфія* Ивана Сергѣевича, всегда не отличавшаяся особенною четкостью, а тутъ еще карандашомъ и на листѣ, испещренномъ разными причудливыми фигурами и проч., еще менѣе мнѣ понравилась, и я предпочла эти стихи имѣть списанными; съ этою цѣлью я побѣжала въ контору и упросила конторщика Леона Ивановича мнѣ ихъ списать, чтó онъ и исполнилъ самымъ четкимъ красивымъ почеркомъ. Въ такомъ видѣ стихи эти сохраняются у меня и теперь.

Стихи эти не относились къ этой дамѣ. Они только, вѣроятно, пришли на умъ Ивану Сергѣевичу въ это утро. Они были въ печати еще въ 1846 году и подписаны: Т. Л.

Этимъ эпизодомъ, оканчивается все, чтó было не печальнаго въ послѣдніе мѣсяцы моей жизни у Варвары Петровны.

Тяжело и грустно вспоминать и разсказывать все, чтó совершилось затѣмъ въ послѣдующіе дни; единственная отрадная сторона въ этой драмѣ и надъ которой невольно умиляешься—это воспоминаніе о рѣдкой сыновней почтительности Николая и Ивана Сергѣевичей къ матери. Несмотря на ея жестокое глумленіе надъ ними, они остались все тѣми же покорными сыновьями, готовыми даже быть и нѣжными, еслибы она сама ихъ не оттолкнула.

Наступилъ іюль мѣсяцъ. Николай Сергѣевичъ все болѣе и болѣе находился въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ.

Его болѣзнь и болѣзнь жены, вслѣдствіе происшествія въ паркѣ, стоили ему большихъ денегъ.

Иванъ Сергѣевичъ тоже, бывая съ пріятелями и знакомыми, не имѣлъ даже возможности отвѣтить бутылкой вина на ихъ угощеніе. Не разъ бралъ онъ у Леона Иванова или Порфирія Тимоѳеевича по 30 и 50 коп., чтобы заплатить извощику, привозившему его домой.

Такое безденежье у Ивана Сергѣевича и такая насущная потребность въ деньгахъ у Николая Сергѣевича вынудили братьевъ заговорить объ этомъ съ матерью.

Въ самыхъ нѣжныхъ и почтительныхъ выраженіяхъ просили

они мать опредѣлить имъ хотя небольшой доходъ, чтобы знать, сколько они могутъ тратить, а не безпокоить ее изъ-за каждой необходимой бездѣлицы.

Варвара Петровна выслушала сыновей безъ гнѣва и совершенно согласилась съ необходимостью опредѣлить имъ извѣстный доходъ.

А между тѣмъ, дни проходили за днями и никакихъ распоряженій—полнѣйшее молчаніе.

Иванъ Сергѣевичъ возобновилъ разговоръ:

— Я не столько тебя прошу за себя, какъ за брата,—говорилъ онъ матери.—Я какъ нибудь проживу сочиненіями и переводами; а у него ничего нѣтъ!—ему скоро ѣсть нечего будетъ!

— Все, все сдѣлаю,—отвѣтила Варвара Петровна,—оба вы будете мною довольны.

Дѣйствительно, въ одно утро главному конторщику Леону Иванову отданъ былъ приказъ написать на простой бумагѣ двѣ *дарственныя*, по которымъ Варвара Петровна имѣнье *Сычево* [1]) отдаетъ въ распоряженіе сына Николая, а *Кадное*—сыну Ивану.

Дарственныя эти написаны дома безъ соблюденія законныхъ формъ.

По ея требованію пришли сыновья однажды утромъ; она имъ прочла черновыя и спросила:

— Довольны ли вы теперь мною?

Николай Сергѣевичъ молчалъ, а Иванъ Сергѣевичъ отвѣтилъ:

— Конечно, maman, будемъ довольны и будемъ благодарить тебя, если ты все *такъ* сдѣлаешь и все *оформишь*.

— То-есть, *какъ* оформишь?—переспросила Варвара Петровна.

— Что мнѣ тебѣ объяснять, maman, ты сама знаешь, что значитъ оформить; и если ты дѣйствительно хочешь что-нибудь сдѣлать для насъ, то и знаешь *какъ* сдѣлать надо.

— Я просто тебя не понимаю, Jean, чего ты еще отъ меня хочешь? чего еще? Я отдаю каждому изъ васъ по имѣнію—*я не понимаю*...

Варвара Петровна любила часто употреблять это выраженіе: *не понимаю*, именно тогда, когда очень хорошо понимала, чего отъ нея хотятъ.

Николай Сергѣевичъ продолжалъ молчать.

[1]) Сычево, принадлежащее теперь г-жѣ Маляревской, племянницѣ жены Николая Сергѣевича.

Иванъ Сергѣевичъ прошелся раза два по комнатѣ и, не сказавъ ни слова, вышелъ.

— Nicolas! Что все это значитъ,—уже обиженно обратилась Варвара Петровна къ старшему сыну.

Николай Сергѣевичъ всталъ, хотѣлъ что-то отвѣтить и бросился вонъ изъ комнаты.

Сыновья имѣли основаніе быть не только недовольными, но и оскорбленными поступками матери.

Леонъ Ивановъ сообщилъ имъ, разумѣется тайно отъ своей барыни, что въ это же утро старостамъ обоихъ имѣній по почтѣ былъ посланъ приказъ, немедленно и не *останавливаясь дешевизною* цѣнъ, продать въ даренныхъ имѣніяхъ весь хлѣбъ, имѣющійся на гумнахъ и на корню. Спасскому же главному управляющему другой приказъ: наблюсти за скорѣйшей продажей хлѣба въ вышесказанныхъ имѣніяхъ, и вырученныя отъ продажи деньги немедленно выслать въ Москву на имя самой Варвары Петровны.

Что же оставалось въ даренныхъ барщинныхъ имѣніяхъ?

Ни одного даже зерна для будущаго посѣва.

Оба брата, понуривъ головы, вышли изъ дома. Иванъ Сергѣевичъ къ обѣду не вернулся.

Всему передаваемому мною прошло уже 33 года. Память могла бы мнѣ измѣнить, еслибы все видѣнное и слышанное мною я сотни разъ не разсказывала своимъ друзьямъ и своей семьѣ, и еслибы всѣ послѣдующія сцены, еще раньше, не были мною въ подробности описаны въ перепискѣ моей съ племянницей Варвары Петровны, Сливицкою. Поэтому только каждое слово, даже жестъ, все живо сохранилось въ моей памяти.

Впрочемъ, такого рода сцены никогда не забываются. Тѣ, кто имѣлъ когда-либо несчастіе пережить семейную драму, тѣ знаютъ по опыту, какими неизгладимыми чертами остаются на вѣки, самыя даже пустыя, мельчайшія подробности въ умѣ испытавшаго на себѣ всю горечь семейной ссоры.

Я же была и дѣйствующимъ лицомъ, и свидѣтельницей въ этой драмѣ, въ томъ возрастѣ, въ которомъ всякое впечатлѣніе воспринимается необыкновенно живо; и на мнѣ тогда все это отозвалось настолько сильно, что я даже сдѣлалась больна.

Когда сыновья ушли, Варвара Петровна заперлась въ своемъ кабинетѣ съ своимъ конторщикомъ: дарственныя переписывались на бѣло. Въ пять часовъ этого же дня я получила приказаніе отправиться въ *тотъ домъ* и объявить сыновьямъ, что она ихъ ждетъ къ себѣ въ 8 часовъ вечера.

Я застала все семейство за обѣдомъ; но по разстроеннымъ лицамъ братьевъ и по заплаканнымъ глазамъ жены Николая Сергѣевича и его свояченицы, видно было, что обѣдъ былъ поданъ больше для порядка. Блюда уносились почти нетронутыми. Иванъ Сергѣевичъ былъ грустенъ, но спокоенъ. Николай Сергѣевичъ, волновавшійся всегда во всемъ сильно, чуть не рвалъ на себѣ волосы, говоря о своей участи.

Когда я имъ объявила цѣль моего прихода, Иванъ Сергѣевичъ спросилъ меня, есть ли перемѣна въ формѣ дарственныхъ и былъ ли стряпчій?

Я отвѣтила правду: дарственныя переписаны на бѣло, подписаны Варварою Петровною, стряпчій не былъ, и, на замѣчаніе ея домашняго повѣреннаго по дѣламъ, что подобнаго рода бумаги законной силы не имѣютъ, Варвара Петровна отвѣтила:

— Пустяки!

— Все такъ же осталось какъ и было, — почти про себя сказалъ Иванъ Сергѣевичъ и озаботился спросить меня, не догадалась ли maman о томъ, что они знаютъ о ея распоряженіи насчетъ продажи хлѣбовъ. Онъ, конечно, опасался за Леона Иванова, котораго постигла бы горькая участь, еслибъ его барыня узнала, что онъ сообщилъ сыновьямъ о ея приказахъ, посланныхъ по почтѣ.

Изъ словъ моихъ сыновья поняли, что перемѣны къ лучшему ожидать нечего. Ясно было, что мать ничего не желаетъ имъ удѣлить законнымъ порядкомъ.

Болѣе страдающимъ лицомъ при этомъ былъ Николай Сергѣевичъ.

Ломая руки и со слезами на глазахъ, заговорилъ онъ о томъ, что вынужденъ наконецъ переселиться въ Тургенево [1]), имѣніе отца. Пречистенскій домъ онъ не считалъ своимъ; а на наслѣдство послѣ отца признавалъ за собою законныя и нравственныя права. Онъ предполагалъ доходы дѣлить пополамъ съ братомъ...

— Мнѣ ничего не нужно, — перебилъ его Иванъ Сергѣевичъ, — тебѣ самому едва будетъ чѣмъ жить, я и безъ этого обойдусь.

Тутъ Николай Сергѣевичъ зарыдалъ... — Не то горько, — говорилъ онъ, — что я бросилъ службу и остался безъ куска хлѣба... горько то, что, предъявляя свои права на это наслѣдство, я долженъ идти противъ матери! Это будетъ равняться жалобѣ на мать, которая до сихъ поръ одна, безъ насъ владѣла этимъ

---

[1]) Имѣніе отца Тургеневыхъ, тульской губ. чернскаго уѣзда, принадлежащее теперь г-жѣ Маляревской, племянницѣ жены Николая Сергѣевича.

имѣніемъ. Кто такимъ образомъ не пойметъ это?.. А того ли мы съ братомъ хотѣли?.. Вернуться въ Петербургъ!—продолжалъ онъ, все съ большимъ отчаяніемъ,—опять поступить на службу! Стыдъ, стыдъ! Что я скажу? Что скажутъ? Мать обман...

И онъ не договорилъ, бросился на стулъ и закрылъ лицо руками.

Водворилось тяжелое молчаніе, прерываемое всхлипываніями Анны Яковлевны, съ которой сдѣлался чуть не нервный припадокъ.

— Ну что же, братъ, все же пойдемъ туда?—послышался мягкій голосъ Ивана Сергѣевича.

— Я не знаю...—какъ-то безнадежно произнесъ Николай Сергѣевичъ.

Я подала свой робкій совѣтъ непремѣнно идти въ восемь часовъ къ maman, и выразила даже надежду на то, что, можетъ быть, все будетъ измѣнено къ лучшему, хотя въ душѣ я этого не сознавала, но я боялась крупной ссоры между матерью и сыновьями, если они не исполнятъ ея приказанія.

Оба обѣщались придти въ назначенный часъ.

— Ну что?—встрѣтила меня Варвара Петровна, когда я взошла къ ней.

— Они придутъ,—отвѣтила я.

— Ну что они тамъ?

— Ничего, они обѣдали, когда я пришла.

— Говорили же они о чемъ-нибудь?—И Варвара Петровна смотрѣла на меня такъ, что я не могла вынести ея грознаго, испытующаго взгляда. Я опустила глаза.

— Что же ты молчишь? Что съ тобой?—замѣтила она мой растерянный видъ.—Что съ тобой?

Этого послѣдняго вопроса было достаточно. Тяжелая сцена у сыновей, во время которой я сдерживала слезы, чтобы не пріѣхать домой съ заплаканными глазами, этотъ мучительный, предстоящій допросъ тутъ, отъ maman... нервы не выдержали... Я почувствовала горло точно въ тискахъ, что-то горячее подступило къ нему... дыханіе вырвалось съ такимъ ужаснымъ крикомъ, что Варвара Петровна въ испугѣ почти подбѣжала ко мнѣ...

Я схватила ея руку, хотѣла что-то сказать... и у меня хлынула кровь горломъ!

— Порфирій!.. Кто тамъ! Что съ ней!—кричала Варвара Петровна.

Прибѣжали m-me Шрёдеръ и Медвѣдева, и меня положили на диванъ.

Тутъ и мнѣ пришлось отвѣдать знаменитыхъ лавровишневыхъ капель; но этотъ нервный припадокъ спасъ меня отъ дальнѣйшаго допроса. Пожалѣла ли меня Варвара Петровна, или видѣла, что въ положеніи, въ которомъ я нахожусь, она едва ли чего-нибудь отъ меня добьется,—но она свою досаду перенесла на бѣдную m-me Шредеръ.

— Что такое опять съ Варинькой?—обратилась она къ ней.— Съ ней давно уже этого не повторялось. Вы должны знать! Вы къ ней приставлены; было при васъ что-нибудь подобное?

На отрицательный отвѣтъ, она продолжала съ тѣмъ же неудовольствіемъ въ голосѣ.

— Не можетъ быть! Какая же сегодня причина? Она была совсѣмъ здорова! Это все быстрая верховая ѣзда! Вы ее не останавливаете, вы за ней не смотрите, это ваша обязанность... И тому подобные обидные выговоры сыпались на бѣдную m-me Шредеръ.

А между тѣмъ мы всѣ совершенно были убѣждены въ томъ, что Варвара Петровна догадывается, что припадокъ мой вызванъ чѣмъ-нибудь случившимся въ *томъ домѣ*; она очень хорошо помнила, что была минута, въ которую я была уже готова ей что-то высказать.

Нападая на m-me Шредеръ, она своимъ несправедливымъ выговоромъ ей, вѣроятно, хотѣла вызвать меня сказать ей всю правду, и не знаю чѣмъ бы это все кончилось, еслибы не вошелъ Порфирій Тимоѳеевичъ и не настоялъ бы на томъ, чтобы я была на воздухѣ.

— Ступайте на балконъ! — приказала maman. Я вышла и m-me Шредеръ послѣдовала за мною.

Въ восемь часовъ пришли сыновья; но я была на-сторожѣ. Мнѣ было бы крайне непріятно, еслибы сыновья заподозрили меня въ томъ, что я передала Варварѣ Петровнѣ ихъ разговоръ при мнѣ; а что такъ или иначе, Варвара Петровна постарается узнать настоящую причину моего внезапнаго нездоровья, я въ этомъ была увѣрена и не ошиблась.

— Что у васъ тамъ такое произошло?—встрѣтила ихъ Варвара Петровна.—Варинька пріѣхала отъ васъ на себя не похожа... съ ней какой-то припадокъ, кровь горломъ пошла... Что у васъ тамъ было? Я ничего не понимаю...

— Ничего, maman, тамъ не было, тамъ было очень весело,— вставила я свое слово, прежде чѣмъ кто-либо изъ нихъ успѣлъ отвѣтить на вопросъ матери. (Я стояла въ дверяхъ балкона, выходящаго въ гостиную, гдѣ сидѣла Варвара Петровна).

— Молчать! — закричала она мнѣ, — тебя не спрашиваютъ. Вонъ!

Я вышла въ залу, значительно успокоенная. Теперь оба брата поняли, что мать ихъ разговора и рѣшенія не знаетъ.

Иванъ Сергѣевичъ немедленно послѣдовалъ за мною. На лицѣ его выразилось столько доброты и участья! Онъ взялъ меня за руку и вопросительно смотрѣлъ мнѣ въ глаза.

Едва слышно шепнула я ему: послѣ, послѣ!.. указала ему на дверь гостиной и онъ вернулся туда.

Въ залѣ накрытъ былъ столъ для чая.

Медвѣдева понесла Варварѣ Петровнѣ чашку; лакей подалъ сыновьямъ стаканы. Изъ гостиной слышалось размѣшиваніе сахара ложечкой и стукъ колоды картъ, которую Варвара Петровна тасовала для пасьянса. Нѣсколько времени длилось молчаніе.

Все, чтó я видѣла и выстрадала въ эти дни, такъ живо сохранилось въ моей памяти и такъ сильно подѣйствовало на всю мою жизнь, что нѣтъ возможности что-либо забыть.

Первая заговорила Варвара Петровна, распространяясь о разныхъ сортахъ чая, какіе она любитъ и какіе ей не по вкусу; потомъ перешла она на какой-то весьма незначительный разговоръ; сыновья отвѣчали отрывочными фразами. Чувствовалось, что всѣ трое нисколько не думали о томъ, чтó говорили; какія-то неестественныя ноты звучали въ голосѣ каждаго изъ говорящихъ.

М-мъ Шрёдеръ, Медвѣдева и я сидѣли въ залѣ. Почти не шевелясь, прислушивались мы къ тому, чтó говорилось въ гостиной, часть которой отражалась въ громадномъ зеркалѣ; это позволяло намъ видѣть только бѣлыя, изящныя руки Варвары Петровны, двигавшіяся по столу съ картами, которыя она раскладывала въ кучки, всего Николая Сергѣевича, сидѣвшаго направо отъ нея и всего Ивана Сергѣевича, сидѣвшаго у стола же, противъ матери.

«Вотъ, вотъ сейчасъ начнется», думалось каждый изъ насъ. А если бы спросить, чтó начнется? Мы не могли бы даже отвѣтить, чтó именно, но что-то ужасное!

Еслибы въ эту минуту въ залу вошелъ совершенно посторонній человѣкъ, взглянувъ бы на насъ, онъ, по одному выраженію лицъ нашихъ, по нашимъ глазамъ, напряженно устремленнымъ въ отражавшуюся въ зеркалѣ картину, понялъ бы, что тамъ творится что-то необычайное, чего мы всѣ страшимся.

Наконецъ, Варвара Петровна позвонила:

— Позвать Леона Иванова,—приказала она вошедшему слугѣ.

— Принеси! — коротко сказала она показавшемуся въ дверяхъ конторщику.

Черезъ нѣсколько минутъ Леонъ Ивановъ принесъ два пакета и на подносѣ подалъ ихъ своей госпожѣ.

Варвара Петровна посмотрѣла надписи и одинъ изъ нихъ подала Николаю Сергѣевичу, другой—Ивану Сергѣевичу.

Прошло нѣсколько секундъ; оба держали пакеты въ рукахъ. Иванъ Сергѣевичъ пересѣлъ нѣсколько дальше отъ стола.

— Прочтите же!—нетерпѣливо произнесла Варвара Петровна.

Сыновья повиновались. Слышенъ былъ шелестъ бумаги при мертвой тишинѣ, царившей въ домѣ.

— Что же, благодарите меня...—и мать протянула правую руку Николаю Сергѣевичу и лѣвую Ивану Сергѣевичу; Николай Сергѣевичъ какъ-то машинально, молча поцѣловалъ руку матери.

Видѣлъ ли, нѣтъ ли, Иванъ Сергѣевичъ протянутую руку—не знаю; онъ сидѣлъ, низко опустивъ голову.

Черезъ нѣсколько секундъ онъ всталъ, подошелъ къ отворенной двери балкона, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ обратно въ комнату, опять вышелъ на балконъ, и точно рѣшившись на что-то, быстро подошелъ къ матери.

— Bonne nuit, maman!—сказалъ онъ тихо, такъ же, какъ говорилъ это дитятей, какъ говорилъ юношей, какъ всегда, ни словомъ, ни взглядомъ, не выразивъ той скорби, которую выносилъ онъ этимъ глумленіемъ матери надъ ними, нагнулся и поцѣловалъ ея руку.

Мать перекрестила его такъ, какъ дѣлала это всегда со всѣми нами каждый вечеръ, и онъ вышелъ, быстро прошелъ черезъ всю залу, не взглянувъ ни на кого изъ насъ, и скоро мы услышали его шаги на лѣстницѣ—онъ поднимался въ занимаемыя имъ комнаты наверхъ.

Николай Сергѣевичъ еще не опомнился, онъ сидѣлъ съ какимъ-то тупымъ выраженіемъ лица, когда я вошла проститься съ maman. Варвара Петровна продолжала раскладывать свой пасьянсъ, но руки ея замѣтно дрожали, сдвинутые брови, глаза, упорно смотрѣвшіе на разложенныя кучки картъ, свидѣтельствовали о сдерживаемомъ пока гнѣвѣ. Обыкновенно заботливая къ моему здоровью, она на этотъ разъ не взглянула даже на меня, и это было въ первый разъ во всю мою жизнь у ней.

Вслѣдъ за мной всталъ и Николай Сергѣевичъ, произнеся обычное: bonne nuit, maman! получилъ благословеніе и ушелъ, но не домой—а наверхъ къ брату.

Въ домѣ погасили огни, Варвара Петровна удалилась въ свою спальню, и когда Медвѣдева вошла, чтобы по обыкновенію растереть ей ноги, Варвара Петровна сказала: не надо! и махнула ей на дверь.

Сыновья, въ комнатѣ Ивана Сергѣевича и въ присутствіи Порфирія Тимоѳеевича, отъ котораго я это и узнала, рѣшили: предъявить свои права на наслѣдство имѣніемъ отца; съ матерью же ни въ какіе ни споры, ни объясненія не входить, и ни въ какія увѣщанія и упрашиванья не пускаться; но понятно, въ подаренныя *на бумагѣ* имѣнія не ѣздить. Они рисковали или не быть принятыми тамъ, какъ владѣльцами, или подвергнуть жестокой отвѣтственности тѣхъ, кто ихъ таковыми тамъ приметъ.

Тѣмъ бы все и кончилось; сыновья, не упрекая мать ни въ чемъ, остались бы все тѣми же, еслибы сама Варвара Петровна не заставила, наконецъ, и кроткаго Ивана Сергѣевича высказать ей все, что̀ долгіе годы копилось у него на душѣ.

На слѣдующее утро Иванъ Сергѣевичъ пришелъ къ матери, все такъ же, какъ и всегда, поздоровался съ нею и объявилъ ей, что онъ ѣдетъ въ деревню, что время охоты наступило, и что и ей тоже пора выѣхать изъ душной Москвы.

Разговоръ шелъ въ гостиной, и я, сидя въ залѣ, въ душѣ уже радовалась, что все обойдется благополучно безъ бурныхъ сценъ. Торжество Варвары Петровны было полное. Власть ея надъ сыновьями не поколебалась. Она обѣщала имъ многое, ничего не исполнила, и ни одинъ изъ нихъ не высказалъ ей никакого неудовольствія; покорно перенесли они ея злую насмѣшку надъ ними и даже ея любимецъ пришелъ ее уговаривать, ради ея же здоровья, ѣхать изъ Москвы. При всей ея страсти испытывать границы терпѣнія, она могла бы быть удовлетворена, но ей хотѣлось еще большаго—и власть ея сломилась не передъ негодующимъ за себя сыномъ, а передъ ея незлобивымъ, правдолюбивымъ Веніаминомъ, который умѣлъ кротко и терпѣливо молчать, когда мщеніе и обида касались его одного, но который въ защиту брата и другихъ не выдержалъ и высказалъ то, что̀ ради самого себя никогда бы не сказалъ. Варварѣ Петровнѣ пришлось разъ въ жизни выслушать правду, и эту горькую правду выслушала она отъ любимаго сына.

Повидимому, Иванъ Сергѣевичъ избѣгалъ всякаго намека на вчерашній вечеръ; онъ отмалчивался на многіе вопросы матери, но она вдругъ обратилась къ нему, такъ сказать, въ упоръ:

— Скажи мнѣ, Jean, отчего вчера, когда я тебѣ сдѣлала такой подарокъ, ты даже не захотѣлъ благодарить меня?

Иванъ Сергѣевичъ молчалъ.

— Неужели ты опять мною недоволенъ?

— Послушай, maman, — началъ, наконецъ, Иванъ Сергѣевичъ,—оставимъ этотъ разговоръ и все это... зачѣмъ ты возобновляешь эту...

— Что же ты не договариваешь?

— Maman, еще разъ, прошу тебя, оставимъ это... Я умѣю молчать, но лгать и притворяться не могу.... воля твоя, не могу... не заставляй меня говорить... это слишкомъ тяжело...

— Не знаю, что тебѣ тяжело, — неумолимо продолжала Варвара Петровна,—а мнѣ обидно... Я все дѣлаю для васъ... вы же мною недовольны.

— Не дѣлай для насъ ничего. Мы теперь у тебя ничего не просимъ... пожалуйста оставь, будемъ жить, какъ жили...

— Нѣтъ не такъ, какъ жили! У васъ теперь свое есть,— неумолимо продолжала пытать Варвара Петровна.

— Ну зачѣмъ, скажи, зачѣмъ ты это говоришь?—не вытерпѣлъ, наконецъ, Иванъ Сергѣевичъ,—у насъ вчера ничего не было, и сегодня ничего нѣтъ... и ты сама это хорошо знаешь.

— Какъ ничего!—вскрикнула Варвара Петровна,—у брата домъ, имѣнье, у тебя имѣнье!

— Домъ!.. А знаешь ли ты, что братъ слишкомъ честенъ, чтобы считать этотъ домъ своимъ! Онъ не можетъ исполнить тѣхъ условій, при которыхъ онъ тобою данъ... Ты требуешь, чтобы онъ жилъ въ немъ, а ему жить нечѣмъ, ѣсть нечего!..

— Какъ? а имѣнье!

— Никакого имѣнья нѣтъ, и ничего ты намъ не дала и ничего не дашь! Твои дарственныя, какъ ты ихъ называешь, никакой силы не имѣютъ; завтра же ты можешь у насъ отнять то, что подарила намъ сегодня... Да и къ чему все это? Имѣнія твои, все твое... скажи намъ просто: не хочу ничего вамъ дать— и ты слова отъ насъ не услышишь... зачѣмъ вся эта комедія?..

— Ты съ ума сошелъ!—закричала Варвара Петровна:—ты забываешь, съ кѣмъ ты говоришь!..

— Да я и не хотѣлъ ничего говорить, я желалъ молчать— развѣ мнѣ легко все это тебѣ говорить, я просилъ тебя оставить.

И въ голосѣ его слышалась такая тоска, казалось, слезы душили его...

— Мнѣ брата жаль,—продолжалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія,—за что ты его сгубила? Ты позволила ему жениться, заставила его бросить службу, переѣхать сюда съ семьей—но вѣдь онъ тамъ жилъ, жилъ своими трудами, у тебя ничего не

просилъ и былъ сравнительно покоенъ... а тутъ, со дня его пріѣзда, ты его на муку обрекла, ты постоянно его мучаешь не тѣмъ, такъ другимъ...

— Чѣмъ? скажи чѣмъ?—волновалась Варвара Петровна.

— Всѣмъ!—уже съ отчаяніемъ и не сдерживаясь воскликнулъ Иванъ Сергѣевичъ:—да кого ты не мучаешь? Всѣхъ! кто возлѣ тебя свободно дышетъ?—и онъ крупными шагами заходилъ по комнатѣ.—Я чувствую, что не долженъ тебѣ это говорить... прошу тебя, оставимъ...

— Такъ вотъ ваша благодарность за все...

— Опять ты, maman, опять ты не хочешь понять, что мы не дѣти, что для насъ твой поступокъ оскорбителенъ! Ты боишься намъ дать что-нибудь! ты этимъ боишься утратить свою власть надъ нами! Мы были тебѣ всегда почтительными сыновьями, а у тебя въ насъ вѣры нѣтъ, да и ни въ кого и ни во что въ тебѣ вѣры нѣтъ... Ты только вѣришь въ свою власть!.. А что она тебѣ дала?.. Право мучить всѣхъ.

— Да что я за злодѣйка такая!..

— Ты не злодѣйка, я самъ не знаю, ни что ты, ни что у у тебя творится? Провѣрь сама, вспомни все.

— Что такое? Какое я кому зло дѣлаю?

— Какъ кому? Да кто возлѣ тебя счастливъ? Вспомни только Полякова, Агаѳью... всѣхъ, кого ты преслѣдовала, ссылала, всѣ они могли бы любить тебя, всѣ бы готовы были жизнь за тебя отдать, еслибы... а ты всѣхъ дѣлаешь несчастными;—да я самъ полъ-жизни бы отдалъ, чтобы всего этого не знать и всего этого тебѣ не говорить... Тебя всѣ страшатся, а между тѣмъ, тебя бы могли любить.

— Никто меня никогда не любилъ и не любитъ и даже дѣти мои, и тѣ противъ меня...

— Не говори этого, maman, всѣ мы, и мы первые твои дѣти готовы...

— Нѣтъ у меня дѣтей! — вдругъ закричала Варвара Петровна.—Ступай!

— Maman!—бросился къ ней Иванъ Сергѣевичъ.

— Ступай!—еще громче повторила ему мать, и съ этимъ словомъ, она сама вышла и захлопнула за собою дверь!

Проходя черезъ залу, Иванъ Сергѣевичъ увидалъ меня; я платкомъ старалась заглушить крикъ и рыданія, готовые вырваться изъ груди; онъ положилъ мнѣ руку на плечо.

— Перестань, ты опять заболѣешь... что дѣлать! я не могъ! —и слезы текли по щекамъ его.

Черезъ нѣсколько минутъ я изъ окна увидала его; онъ шелъ по переулку по направленію къ дому брата.

И теперь его высокая стройная фигура передъ моими глазами. Кто бы его встрѣтилъ въ эту минуту, не усумнился бы въ томъ, что это идетъ человѣкъ глубоко несчастный, такъ вся его походка и осанка выражали полное отсутствіе сознанія чего-либо окружающаго. Онъ шелъ, опустивъ голову, казалось, что она склонилась подъ тяжестью безъисходнаго, тяжкаго горя!

Но и Варварѣ Петровнѣ было не легко. Она только сдерживала себя, пока сынъ уйдетъ. Представить себѣ можно, какъ на нее подѣйствовали его слова.

Съ ней сдѣлался нервный припадокъ. Долго не могла она успокоиться; кромѣ Порфирія Тимоѳеевича и Медвѣдевой съ ней никого не было. Что происходило при этомъ во всемъ домѣ, легко понять. Настолько ужасенъ былъ у насъ этотъ день, что кромѣ тяжелой сцены утромъ, я ни о чемъ думать не могла. Я перебирала въ умѣ своемъ все слышанное, въ ушахъ моихъ звучали то слова Ивана Сергѣевича, то отрывочныя фразы Варвары Петровны. Много лѣтъ прошло, и ничто не забыто мною.

Вечеромъ maman позвала меня.

— Ступай *туда*!—и на мое недоумѣніе и нѣмой вопросъ, она нетерпѣливо повторила:—*туда*, *туда*, вели запречь.

Я поѣхала къ Николаю Сергѣевичу, для чего? зачѣмъ? сама не знаю.

Первое, что̀ мнѣ бросилось въ глаза въ Пречистенскомъ домѣ, это повсюду разставленные сундуки, ящики и чемоданы, свидѣтельствующіе о сборахъ въ дорогу: укладывались, чтобы ѣхать въ Тургенево.

Николай Сергѣевичъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ и что-то писалъ; Иванъ Сергѣевичъ тутъ же ходилъ взадъ и впередъ.

Я взошла, бросилась на первый попавшійся стулъ и горько заплакала. Иванъ Сергѣевичъ принесъ мнѣ воды.

Когда я нѣсколько успокоилась, первый со мной заговорилъ Николай Сергѣевичъ.

— Васъ маменька прислала?

— Да.

— Что же, она поручила вамъ что-нибудь сказать?

— Нѣтъ; она велѣла мнѣ ѣхать сюда—я не знаю зачѣмъ.

— Что мнѣ ей сказать?

Николай Сергѣевичъ съ видомъ отчаянія схватился за голову.

— Правду и правду надо сказать!—рѣзко вступился Иванъ

Сергѣевичъ.—Скажи, что мы собираемся въ Тургенево и завтра же ѣдемъ.

Я наотрѣзъ отказалась это передать.

— Скажите маменькѣ,—началъ Николай Сергѣевичъ,—что я умоляю ее прочесть вотъ это письмо, и онъ указалъ на недописанный еще листъ бумаги, лежащій на столѣ; это письмо я пришлю ей завтра утромъ; сегодня она уже и такъ слишкомъ разстроена,—я не хочу ее безпокоить.

— Что маменька?—спросилъ Иванъ Сергѣевичъ.

Я разсказала все, чтó у насъ происходило.

Иванъ Сергѣевичъ слушалъ меня, стоя у окна и прислонившись головою къ стеклу;—лица я его не видала, но видѣла, что онъ поднесъ платокъ къ глазамъ.

— Я завтра приду,—сказалъ онъ, не оборачиваясь.

Я уѣхала, донесла Варварѣ Петровнѣ о письмѣ и о просьбѣ Николая Сергѣевича, и ждала допроса какъ смерти. Но она махнула мнѣ рукой уйти.

На другое утро ей подали письмо Николая Сергѣевича. Всѣмъ намъ было извѣстно содержаніе этого письма: онъ писалъ, что ѣдетъ въ Тургенево съ намѣреніемъ, вмѣстѣ съ братомъ, ввестись во владѣніе этимъ имѣніемъ, увѣрялъ мать въ любви своей и готовности служить ей, и просилъ только простить ему этотъ поступокъ, который онъ вынужденъ сдѣлать ради существованія своего и своей семьи.

Иванъ Сергѣевичъ пришелъ самъ.

Безъ доклада къ Варварѣ Петровнѣ сыновья входить не смѣли. Я постучалась въ дверь.

— Взойди,—былъ мнѣ отвѣтъ.

— Jean est venu, maman, peut il entrer [1])?

Тогда вмѣсто отвѣта, Варвара Петровна подошла къ своему письменному столу, схватила юношескій портретъ Ивана Сергѣевича и бросила его объ полъ. Стекло разбилось въ дребезги, а портретъ отлетѣлъ далеко къ стѣнѣ.

Когда взошла горничная и хотѣла его поднять, Варвара Петровна закричала: оставь! и такъ портретъ пролежалъ отъ первыхъ чиселъ іюля до первыхъ чиселъ сентября.

Ивана Сергѣевича она не захотѣла принять, и онъ, собравъ кое-что изъ своихъ вещей наверху, велѣлъ ихъ отнесть къ брату на Пречистенку. Онъ сдѣлалъ еще попытку быть принятымъ матерью и, получивъ отказъ, ушелъ.

---

[1]) Иванъ Сергѣевичъ пришелъ, можетъ ли онъ войти?

Я провожала его на крыльцо. Онъ простился со мною.

— ...Я не могъ... что дѣлать!.. были послѣднія его мнѣ слова, высказывавшія его сожалѣніе о вчерашней сценѣ.

На слѣдующій день, часовъ въ двѣнадцать, на отданное мнѣ приказаніе *ѣхать туда* я уже безъ затрудненія поняла, что это значитъ.

Когда я подъѣхала къ Пречистенскому дому, ворота были затворены. Вышелъ оставшійся еще при домѣ кучеръ и объявилъ мнѣ, что молодые господа сегодня утромъ выѣхали на почтовыхъ по тульскому тракту.

Тяжело переживаются такіе дни! и теперь еще чувствую ту страшную внутреннюю дрожь, которую я испытала тогда, входя къ Варварѣ Петровнѣ съ извѣстіемъ объ отъѣздѣ ея сыновей.

— Какъ, уѣхали?—казалось, не вѣрила она.

Я должна была повторить. Тутъ произошла такая сцена, которую я даже не въ состояніи описать. Съ Варварой Петровной сдѣлался точно припадокъ безумія. Она смѣялась, плакала, произносила какія-то безсвязныя слова, обнимала меня и кричала: ты одна! ты одна теперь! Кромѣ меня съ ней никого не было въ комнатѣ, мнѣ было страшно, я закричала:

— M-me Шрёдеръ! M-me Шрёдеръ!

M-me Шрёдеръ вбѣжала.

Мгновенно стихла Варвара Петровна, сурово посмотрѣла на вошедшую и сдавленнымъ голосомъ сказала ей:

— Ступайте!

Мы опять остались однѣ.

— Comment osez vous appeler des étrangers, quand votre mère est presque en démence [1],—грозно крикнула она мнѣ.

Но прерванный припадокъ не возобновлялся. Я продолжала стоять, руки и ноги дрожали, я готова была упасть. По знаку Варвары Петровны, я подала ей стаканъ воды. Стаканъ выпалъ у ней изъ рукъ и вода пролилась на ея капотъ.

Она позвонила.

— Оботри,—сказала она вошедшей горничной.

— Который часъ?—спросила она уже совсѣмъ твердымъ, спокойнымъ голосомъ.

Было около двухъ часовъ дня. Варвара Петровна велѣла позвать Медвѣдеву.

— Саша!—съ нѣкоторой разстановкой заговорила Варвара Пе-

---

[1]) Какъ смѣешь ты звать постороннихъ, когда твоя мать почти въ безуміи!

тровна.—Ступай къ Андрееву, прикажи заготовить все, чтó нужно взять въ деревню, мы ѣдемъ въ Спасское. Со мной ѣдешь ты, Варинька и Порфирій, въ одной каретѣ, на почтовыхъ... Шредерша и всѣ остальные пріѣдутъ послѣ... со мной уложить только самое необходимое для меня и Вариньки... одну каретную важу...

И съ этимъ послѣднимъ словомъ, все у насъ замолкло. Ни слова, кромѣ короткихъ приказаній, не произнесла Варвара Петровна въ послѣдующіе дни. Всѣ мы говорили шопотомъ или даже объяснялись знаками.

Большая каретная важа внесена была въ уборную. Горничная старалась неслышно отворять шкафы и отодвигать ящики комодовъ, изъ которыхъ она вынимала платье и бѣлье, которые она укладывала, чтобы не загремѣть ключами, завертывала ихъ въ носовой платокъ и весьма осторожно поворачивала ими въ замкáхъ, потому что Варвару Петровну, когда она бывала разстроена или больна, всякій стукъ особенно раздражалъ. Въ такихъ случаяхъ она обыкновенно грозно произносила:

— Я слышу ключи!

Или:—Я слышу тарелки или ложки! И тогда все замирало. Люди (т.-е. прислуга), двигались какъ тѣни.

Когда у насъ въ домѣ наступали такіе дни, мнѣ случалось даже съ свойственной дѣтству и юности способностью во всемъ найти веселую или смѣшную сторону, смѣяться потихоньку надъ этими двигающимися тѣнями; но на этотъ разъ вся эта тишина приняла такой грустный, тяжелый оттѣнокъ, казалось, дѣйствительно кто-то, или, вѣрнѣе, что-то умерло въ домѣ.

Всѣ мы сознавали, что на этотъ разъ мы не подчинялись ни капризу, ни произволу Варвары Петровны, что не власть ея насъ давитъ, но что она подавлена сама подъ тяжестью ею же самою вызванныхъ обстоятельствъ.

Черезъ нѣсколько дней мы уѣхали въ Спасское.

На крыльцѣ Спасскаго дома встрѣтили насъ Поляковъ и его жена. Они прожили весь этотъ годъ въ деревнѣ, онъ по дѣламъ, жена по болѣзни. Агашенька со страхомъ и грустью (такова была ея преданность) взглянула на свою барыню. Варвара Петровна была не та! Что за перемѣна? въ чемъ она состояла? уяснить она себѣ этого не могла, но ея, несмотря ни на что, преданное сердце болѣзненно сжалось.

Ей стало жаль своей барыни!

Когда же я разсказала Агашенькѣ все, чтó произошло у насъ въ Москвѣ, она сказала только:

— Ну! теперь всѣмъ намъ бѣда будетъ!

Но и въ Спасскомъ было все то же. Та же тишина, то же молчаніе, и только односложные вопросы и приказанія со стороны Варвары Петровны.

Прошло дня три или четыре, и мнѣ позволено было прокатиться верхомъ, съ цѣлью навѣстить старушекъ въ Петровскомъ. Совсѣмъ уже одѣтая и съ хлыстикомъ въ рукѣ вошла я къ Варварѣ Петровнѣ. Я застала ее въ страшномъ гнѣвѣ. Передъ ней стоялъ Поляковъ весь блѣдный и съ дрожащими губами.

Отъ кого и какъ узнала Варвара Петровна, вѣрнѣе всего отъ какого-нибудь мальчишки садовника, не посвященнаго въ семейную драму, что за день до нашего пріѣзда въ Спасское *молодые господа и молодая барыня* (Анна Яковлевна) пріѣзжали въ Спасское, осматривали домъ, сады, оранжереи и грунтовые сараи.

Дѣйствительно, Николай Сергѣевичъ и Иванъ Сергѣевичъ, предвидя, что при текущихъ обстоятельствахъ въѣздъ въ Спасское будетъ имъ воспрещенъ, воспользовались отсутствіемъ матери, чтобы посѣтить свое родное гнѣздо.

— Какъ ты смѣлъ пустить ихъ сюда?—кричала она Полякову.

— Я не посмѣлъ имъ отказать, сударыня,—довольно твердо отвѣтилъ Поляковъ,—они наши господа...

— Господа! Господа! Я твоя госпожа и больше никто!—И съ этими словами она вырвала изъ рукъ моихъ хлыстикъ и ударила имъ въ лицо Полякова!

И это былъ послѣдній припадокъ гнѣва Варвары Петровны.

Съ этого дня здоровье ея все слабѣло. Водяная дѣлала быстрые успѣхи. Одышка становилась все сильнѣй, и по утрамъ опухоль лица и въ особенности глазъ все дѣлалась замѣтнѣе.

Дни шли за днями, однообразно, и жилось далеко не весело. Варвара Петровна, однако, ни на кого не гнѣвалась, никого не преслѣдовала. Съ физическими силами, казалось, угасала и власть ея. Она уже не проявлялась ни въ какихъ рѣзкихъ поступкахъ.

Дѣти ея жили въ Тургеневѣ за 15 верстъ; они писали ей письма, не получая отъ нея отвѣта. Иванъ Сергѣевичъ пріѣзжалъ иногда тайно освѣдомиться о здоровьѣ матери, и я даже ни разу не видала его. Порфирій Тимоѳеевичъ все менѣе подавалъ надеждъ на улучшеніе состоянія здоровья своей барыни. Въ особенности безпокоило его дыханіе Варвары Петровны, оно доказывало присутствіе водяной въ груди. Онъ началъ поговаривать объ обратной поѣздкѣ въ Москву, гдѣ совѣты и помощь Ѳедора Ивановича Иноземцева могли бы принесть ей облегченіе.

Въ одно утро Варвара Петровна почувствовала себя очень

дурно. Въ нѣсколько часовъ собралась она и уѣхала въ Москву, взявъ съ собою только доктора и Медвѣдеву. Она даже меня оставила въ Спасскомъ и велѣла намъ съ m-me Шрёдеръ послѣдовать за ней какъ только все будетъ приведено въ порядокъ и уложено.

Дня черезъ два послѣ ея отъѣзда, вечеромъ, часовъ въ 11-ть я услыхала стукъ въ стекло балконной двери. M-me Шрёдеръ испугалась и кричала мнѣ не отворять; но я подошла къ двери и отворила: передо мной стоялъ Иванъ Сергѣевичъ, весь промокшій, прямо съ охоты, съ ружьемъ и сумкой.

— Какъ маменька? Что ея здоровье?—были первыя слова его,—я слышалъ, она очень больна. Опасна она?

Я его успокоила на счетъ того, что видимой еще особенной опасности нѣтъ, и что страха за очень быстрый исходъ Порфирій Тимоѳеевичъ не высказывалъ.

Иванъ Сергѣевичъ взошелъ въ залу, гдѣ горѣла единственная сальная свѣча въ мѣдномъ подсвѣчникѣ. Разсчетливый Михаилъ Филипповичъ находилъ, что для одной барышни и *мадамы* (т.-е. г-жи Шрёдеръ) въ залѣ и одной свѣчи достаточно, и упорно стоялъ на этомъ, несмотря на наши требованія.

Мы кончили ужинъ раньше, Ивану Сергѣевичу накрыли на столъ одному. Онъ пригласилъ насъ съ m-me Шрёдеръ сѣсть возлѣ него и разсказать ему, какъ мы жили, какъ провели лѣто.

Разсказывать было нечего. Да и самъ Иванъ Сергѣевичъ былъ скученъ и озабоченъ; я тоже не весела; разлука съ больной Варварой Петровной меня мучила. Разговоръ не клеился. Въ комнатѣ стало еще темнѣе отъ нагорѣвшей свѣчи, да и все это мое свиданіе съ Иваномъ Сергѣевичемъ было какое-то темное: ни радости при встрѣчѣ, ни надеждъ на лучшее будущее. Какимъ-то мрачнымъ пятномъ такъ и осталось оно въ памяти моей.

— Я скоро пріѣду въ Москву и опять постараюсь сойтись съ маменькой, — сказалъ онъ мнѣ прощаясь, чтобы идти въ свой флигель.

Наконецъ, m-me Шрёдеръ, понявъ, что ему неловко при ней затрогивать самыя интимныя стороны его отношеній къ матери, оставила насъ однихъ.

— Что дѣлаетъ маменька съ нашими письмами,—спросилъ онъ меня вполголоса.

— Она ихъ читаетъ,—отвѣтила я.

— Ужасно тяжело мнѣ... Меня постоянно мучитъ то, что я тогда не выдержалъ и все это сказалъ,—тихо продолжалъ онъ, —лучше было бы ужъ молчать до конца...

— Прощай!—и онъ быстро вышелъ.

Наступилъ и день моего отъѣзда въ Москву. Я покинула Спасское, и мнѣ даже и въ голову не приходило, что я вижу его въ послѣдній разъ.

Пріѣхавъ въ Москву, я узнала, что Иноземцевъ опредѣлилъ положеніе Варвары Петровны безнадежнымъ. Къ водяной присоединился маразмъ, полнѣйшее отсутствіе аппетита. Она питалась исключительно виноградомъ и позже фруктовыми морожеными. Было ли то предписаніе докторовъ или ея собственная прихоть, сказать не могу.

Знаю только, что это длилось почти два мѣсяца, и что Иноземцевъ весьма восторженно говорилъ о необыкновенной силѣ ея организма и объ этой замѣчательной натурѣ, живущей и мыслящей все такъ же здраво на 70-мъ году жизни, при такой ничтожной поддержкѣ. По цѣлымъ часамъ просиживалъ онъ при постели Варвары Петровны и въ разговорахъ съ нею не замѣчалъ времени.

Но Варвара Петровна чувствовала приближеніе смерти и часто объ этомъ со мной говорила.

Характеръ ея значительно измѣнился. Но перемѣна эта ничѣмъ противуположнымъ прежнему рѣзко не высказалась. Не было ни капризовъ, ни выговоровъ, ни гнѣва; но не было ни кротости, ни смиренія, ни особенной нѣжности. Она смолкла.

Съ домашними говорила вообще мало, и если говорила или приказывала что, то такимъ ровнымъ, негромкимъ голосомъ, изъ котораго даже мое привычное ухо не могло вывести никакого заключенія о состояніи ея духа.

Къ любимцу ея Ивану Сергѣевичу ея прежнее чувство высказалось слѣдующимъ: портретъ, брошенный въ минуту гнѣва, былъ возстановленъ и стоялъ опять на столикѣ возлѣ нея.

Вдоль ея кровати краснаго дерева, на которой она и скончалась, придѣлана была полочка такого же дерева, на которой лежала все та же знаменитая коробка въ формѣ книги и съ надписью: Feuilles volantes. На этихъ-то Feuilles volantes писала Варвара Петровна каждый день что-то карандашомъ.

Впослѣдствіи, послѣ ея кончины, читали мы эти исписанные листки; то былъ дневникъ или, точнѣе, исповѣдь.

О сыновьяхъ своихъ во время болѣзни своей она не говорила, а мы боялись начать. Обо мнѣ она очень заботилась.

На векселѣ, данномъ до моего совершеннолѣтія на имя Андрея Евстафьевича Берса, по требованію Варвары Петровны

сдѣлана была передаточная надпись на мое имя, по которой я должна была получить отъ ея наслѣдниковъ 15,000 сер.

Шкатулка моя съ мѣдной досчечкой и вырѣзаннымъ на ней моимъ именемъ была приведена въ порядокъ и извѣстность.

Рукою Леона Иванова составленъ былъ полный и подробный списокъ того, чтó въ ней содержалось, а ключъ хранился у меня.

Мнѣ продиктовано было слѣдующее письмо.

«Милые мои дѣти, Николай и Иванъ!

«Приказываю вамъ по смерти моей выдать вольную Полякову и всему его семейству и выдать ему 1,000 руб. награжденія; а также и доктору моему Порфирію Тимоѳееву вольную и 500 руб. награжденія».

Подписано ея рукою: «Любящая васъ мать Варвара Тургенева».

Подписавъ это письмо, она отдала его мнѣ.

— Береги это письмо у себя,—сказала она,—и когда я умру, отдай его имъ, и скажи, что я требую, чтобы они исполнили мою послѣднюю волю.

Въ двадцатыхъ числахъ октября Николай Сергѣевичъ, извѣщенный о близости кончины матери, время которой Иноземцовъ почти опредѣлилъ, пріѣхалъ съ семействомъ своимъ въ Москву, въ свой пречистенскій домъ.

Какъ ни старались мы наводить Варвару Петровну на разговоръ о сыновьяхъ, она упорно о нихъ молчала.

28 октября утромъ взошла я по обыкновенію въ спальню Варвары Петровны, и сказавши: Bonjour, maman! громко, хотя и съ дрожью въ голосѣ, прибавила: Je vous félicite, c'est aujourd'hui le jour de naissance de Jean [1]).

— Развѣ сегодня уже 28?—сказала она чуть дрогнувшимъ голосомъ, и взглянула на передвижной календарь, висѣвшій на стѣнѣ.

Вдругъ глаза ея наполнились слезами... я схватила ея руку и покрыла ее слезами и поцѣлуями, еще бы минута, и я бы заговорила съ нею о ея сыновьяхъ, которые тщетно выражали ей въ письмахъ желаніе видѣть ее; но она вдругъ выдернула свою руку изъ моихъ:—Иди! Иди!—и своимъ носовымъ платкомъ, которымъ она утирала слезы, она мнѣ махнула на дверь.

Настаивать я не посмѣла и вышла.

---

[1]) Поздравляю васъ, maman, сегодня рожденіе Ивана Сергѣевича.

По нѣскольку разъ въ день, тайно отъ матери, прибѣгалъ Николай Сергѣевичъ узнать объ ея здоровьѣ. Гнѣвъ матери невыразимо мучилъ его. Онъ плакалъ и совершенно искренно каялся въ томъ, что далъ поводъ къ разладу съ матерью; хотя послѣ, когда острое горе утихло, ни одинъ изъ нихъ не долженъ былъ, по совѣсти, въ чемъ-либо себя упрекать.

Виноваты они противъ матери не были. Да она ихъ и не считала виновными—изъ ея дневника мы это ясно видѣли, когда прочли тѣ строки, которыя относились къ сыновьямъ ея. Глубоко въ сердцѣ хранила она къ нимъ любовь. Призвать ихъ, значило бы уступить—а въ ней текла все та же лутовиновская кровь. Видно было, что въ ней происходила жестокая борьба, и этому тоже нашли мы доказательство въ ея предсмертномъ дневникѣ. Позволяю себѣ привести здѣсь нѣсколько словъ изъ него. Вотъ что прочли мы на одномъ изъ листковъ:

«Ma mère, mes enfants! Pardonnez moi. Et vous, Seigneur, pardonnez moi aussi—car l'orgueil, ce pêché mortel, fut toujours mon pêché» [1])!

Долго выжидали мы и не находили удобнаго случая сказать Варварѣ Петровнѣ, что ея сынъ Николай въ Москвѣ.

4-го ноября, день рожденія Николая Сергѣевича, я опять вошла утромъ къ ней и послѣ словъ:—Je vous félicite, maman, c'est le jour de naissance de Nicolas [2]),—я тутъ же залпомъ, не переводя духъ, прибавила:

— Nicolas est à Moscou [3]).

Варвара Петровна взглянула на меня своими все еще блестящими, выразительными, прекрасными глазами, точно хотѣла сказать что-то, но быстро отвернулась, передвинула съ мѣста на мѣсто стоявшіе на полочкѣ флакончики, долго особенно внимательно разглядывала одинъ изъ нихъ и сказала: — Почитай мнѣ.

Я взяла какой-то французскій романъ и съ легкою дрожью въ голосѣ начала читать. Но и это утомляло ее. Я прочла нѣсколько страницъ и услыхала:

— Довольно!

Какого именно числа, не помню, но дня за четыре или за пять до кончины своей, она пожелала исполнить христіанскій долгъ. Приглашенъ былъ приходскій нашъ священникъ о. Павелъ

1) Мать моя! дѣти мои! простите меня! И ты, о, Боже, прости меня, ибо гордость, этотъ смертный грѣхъ, была всегда моимъ грѣхомъ.

2) Поздравляю васъ, сегодня рожденіе Николая Сергѣевича.

3) Николай Сергѣевичъ въ Москвѣ.

отъ Успенья на Остоженкѣ. Варвара Петровна исповѣдывалась и причастилась.

Слова ли духовника на нее подѣйствовали, или по собственному побужденію, но за день до кончины своей она вдругъ мнѣ сказала:

— Николая Сергѣевича!—И мнѣ послышался прежній ея суровый, повелительный голосъ.

Вскорѣ вошелъ Николай Сергѣевичъ. Онъ бросился на колѣни возлѣ кровати матери.

Она притянула его къ себѣ слабой уже очень рукой, обняла его, поцѣловала и точно умоляющимъ шопотомъ произнесла:

— Ваню! Ваню!

— Я сейчасъ пошлю эстафету, maman,—отвѣтилъ ей сынъ.

Ни упрековъ, ни объясненій не было между матерью и сыномъ. Онъ сѣлъ на креслѣ въ ногахъ ея, я же на скамеечку, поближе къ ней.

Раза два Варвара Петровна клала руку свою мнѣ на голову:

—Не брось ее,—говорила она сыну.

Но свиданію ея съ ея любимцемъ Иваномъ Сергѣевичемъ не суждено было состояться. Иванъ Сергѣевичъ своей матери въ живыхъ не засталъ.

Какъ это случилось? Почему это случилось?—осталось для меня загадкой; еще до выраженнаго матерью желанія видѣть его, времени было достаточно, чтобы извѣстить его о предстоящей ея кончинѣ. Дано же объ этомъ было знать Николаю Сергѣевичу.

Когда въ 1880 году за нѣсколько дней до Пушкинскаго праздника, я въ послѣдній разъ видѣла Ивана Сергѣевича, онъ горько жаловался мнѣ на это:

— Грустно мнѣ, очень грустно, — говорилъ онъ мнѣ,—что *сдѣлано* было такъ, что я не былъ ни при кончинѣ матери, ни при кончинѣ брата [1])!

Въ самый день смерти своей, утромъ въ 11 часовъ, Варвара Петровна пригласила къ себѣ Анну Ивановну Кирѣевскую и деверя своего Петра Николаевича Тургенева, и въ ихъ присутствіи высказала и подписала свои послѣднія заботы обо мнѣ.

Въ 8 часовъ вечера Порфирій Тимоѳеевичъ далъ знать въ *тотъ домъ*, что часъ кончины Варвары Петровны близокъ. Съ утра еще дыханіе все было громче и рѣже.

Николай Сергѣевичъ пріѣхалъ, но уже съ женой своей.

---

[1]) Подлинныя слова.

Между 11-ю и 12-ю вечера онъ, его жена и я сидѣли въ залѣ. Вдругъ поспѣшные шаги раздались въ корридорѣ.

— Кончается! священника!—сказалъ кто-то.

Мы съ Николаемъ Сергѣевичемъ бросились въ спальню.

Варвара Петровна взглянула на насъ; но мгновенно потускнѣли ея глаза, и началась агонія. Священникъ успѣлъ прочесть отходную, и Варвары Петровны не стало.

Это было безъ десяти минутъ двѣнадцать, 16-го ноября 1850 года.

Миръ праху ея!

Повторяю опять: то было время, то были и нравы.

Когда Агашенька пожелала ознакомиться съ моими воспоминаніями, я нарочно ѣздила къ ней. Выслушавъ все, а также и разсказъ о ея собственныхъ страданіяхъ, добрая старушка вздохнула:

— Да!—сказала она сквозь слезы,—много видѣла я отъ нея горя, а все-таки любила я покойницу! Барыня настоящая была!

В. Житова.

Егорьевскъ, 1884.

МОРМОНЫ и МОРМОНИЗМЪ.

ОЧЕРКИ.

I.

Исторія возникновенія мормонизма. Содержаніе „Книги Мормона“, объясненіе мормонами ея цѣли и доказательства правдивости.

«Церковь Мормоновъ», какъ ихъ неправильно называютъ, или «Церковь Іисуса Христа и Святыхъ Послѣднихъ Дней»,— какъ они зовутъ себя сами, вѣруя въ то, что мы переживаемъ послѣдніе дни нашего земного существованія, и въ отличіе отъ святыхъ церкви первыхъ дней, обязана своимъ основаніемъ и существованіемъ Іосифу Смису, убитому толпой въ іюнѣ 1844 года, а своимъ настоящимъ положеніемъ и процвѣтаніемъ, какъ энергіи ея послѣдователей, такъ особенно личности послѣдняго ея президента Брайама Юнга, умершаго въ 1877 году. Вотъ что самъ Смисъ говоритъ про откровенія, полученныя имъ будто отъ Бога и положившія основаніе двумъ книгамъ, заключающимъ въ себѣ главные принципы мормонизма: «Книгѣ Мормона» и книгѣ «Ученій и Повелѣній».

«Я родился въ 1805 году. Мой отецъ былъ фермеромъ и обучалъ меня землепашеству. Лѣтъ около 14 отъ роду, я началъ раздумывать о необходимости быть всегда готовымъ къ будущей жизни и, ища пути къ спасенію, я нашелъ, что въ религіозныхъ вѣрованіяхъ царитъ полное смятеніе. Каждое религіозное общество указывало мнѣ на путь, выбранный имъ самимъ, какъ на самый вѣрный, совершенный. Принимая во вниманіе, что всѣ не могли быть правыми и что Богъ не могъ быть источникомъ такого смятенія, я рѣшился изслѣдовать этотъ предметъ глубже, вѣруя, что если Богъ имѣетъ свою церковь, она не можетъ быть

разбита на части и что если Онъ наставилъ одно общество слѣдовать одному извѣстному пути, онъ не могъ направить другое общество на путь діаметрально противуположный. Вѣруя въ слово Господне, я уповалъ въ слова апостола Іакова, который говорить: «Если у кого изъ васъ недостаетъ мудрости, да проситъ у Бога и будетъ ему дано», я уединился въ сокрытое мѣсто въ лѣсу и началъ призывать Господа. Въ то время, когда я усердно погруженъ былъ въ моленіе, мой умъ былъ отвлеченъ отъ окружающихъ меня предметовъ, я былъ охваченъ небеснымъ видѣніемъ и увидѣлъ два существа въ славѣ, удивительно похожихъ одинъ на другого и окруженныхъ блестящимъ свѣтомъ, который затемнялъ полуденный свѣтъ солнца; они открыли мнѣ, что всѣ церкви идутъ по неправильному пути и что ни одна изъ нихъ не признана Богомъ какъ его церковь, его царствіе, повелѣли не идти по ихъ слѣдамъ и обѣщали въ недалекомъ будущемъ открыть настоящее слово Господне. Вечеромъ, 21 сентября 1823 года, когда я вновь молился и пробовалъ укрѣплять свою вѣру въ данное мнѣ дорогое обѣщаніе, внезапно какъ бы дневной свѣтъ ворвался въ комнату и освѣтилъ ее, какъ будто весь домъ былъ въ огнѣ. Явленіе это произвело сотрясеніе во всемъ моемъ тѣлѣ и я палъ ницъ. Когда я поднялъ глаза, передо мной стояло существо, окруженное еще большей славой, чѣмъ въ первомъ моемъ явленіи. Оно объявило себя ангеломъ отъ Бога, посланнымъ принести радостную вѣсть, что договоръ, который Господь заключилъ съ своимъ народомъ Израилевымъ, подлежитъ близкому исполненію, что предуготовительныя дѣянія для второго пришествія Мессіи должны скоро начаться, что настало время проповѣдовать народамъ Евангеліе во всемъ его могуществѣ и полнотѣ и что народъ долженъ быть приготовленъ къ тысячелѣтнему царствованію. Мнѣ было сказано, что я былъ выбранъ орудіемъ въ рукахъ Господнихъ для передачи его славныхъ намѣреній, и вмѣстѣ съ тѣмъ была открыта древнѣйшая исторія страны, ея первыхъ обитателей, кто они были и откуда пришли, ихъ происхожденія, успѣхи, цивилизація, законы, правленіе, ихъ добро и зло и наконецъ то, какъ Господь лишилъ этотъ народъ своего благословенія. Мнѣ тоже было открыто мѣстонахожденіе металлическихъ досокъ, гдѣ были вырѣзаны сокращенные архивы прежнихъ дней и вся исторія древности; затѣмъ ангелъ неоднократно и послѣ этого являлся ко мнѣ и наконецъ послѣ нѣсколькихъ его посѣщеній и откровеній о славѣ тѣхъ событій, которыя произойдутъ въ послѣдніе дни, через четыре года послѣ перваго откровенія 22-го сентября 1827 года онъ вручилъ мнѣ упомянутые архивы.

«Они были вырѣзаны на металлическихъ доскахъ, имѣвшихъ видъ золотыхъ, каждая доска была шести дюймовъ ширины, восьми длины и почти съ обыкновенный металлическій листъ толщины. Доски были полны вырѣзанными знаками, въ родѣ египетскихъ, и переплетены въ томъ, какъ листья книги, съ тремя кольцами, обвивающими весь томъ. Самый томъ былъ около шести дюймовъ ширины и часть его была запечатана. Знаки на незапечатанной половинѣ были маленькіе и сдѣланы были весьма искусно, вся книга носила на себѣ ясные знаки глубокой древности. Къ этимъ архивамъ было приложено замѣчательное орудіе, которое древніе называли Уримъ и Сумимъ, состоявшее изъ двухъ прозрачныхъ какъ хрусталь камней, приставленныхъ къ двумъ концамъ дуги, прикрѣпленной къ металлическому нагруднику.

«По Божьей волѣ и силѣ, при помощи Урима и Сумима, я перевелъ архивы; въ нихъ заключается вся исторія древней Америки, съ первыхъ ея обитателей».

Этотъ предполагаемый переводъ Смиса и составилъ такъ называемую Книгу Мормона. Вотъ что въ ней говорится о первобытномъ будто населеніи страны:

При разрушеніи Вавилонской башни, смѣшеніи языковъ и разселеніи народовъ по всѣмъ частямъ земли, одинъ праведникъ по имени Іаредъ [1]) и его братъ ходатайствовали передъ Богомъ за себя, свои семьи и потомство. Долго ихъ молитвы не были услышаны Господомъ, наконецъ имъ было объявлено, что Божьимъ могуществомъ они поведутся въ необитаемыя равнины и дикія мѣста, гдѣ еще не было человѣческой ноги. Послѣ долгихъ странствованій, они пришли къ морю, которое раздѣляетъ земли, и здѣсь, разбивъ палатки, прожили на берегу морскомъ четыре года. По прошествіи этого времени, они построили корабли, руководимые въ работахъ Всемогущимъ, и войдя въ нихъ въ количествѣ 22-хъ человѣкъ, со стадами и кормомъ для людей и животныхъ черезъ триста-сорокъ-четыре дня были приведены могущественнымъ вѣтромъ къ обѣщанной землѣ, которая и была Америка. Здѣсь народъ началъ процвѣтать, сдѣлался великимъ и могучимъ и принялъ названіе іаредитовъ. Но впослѣдствіи между ними начали возникать раздоры, смуты, несогласія, за которыми послѣдовали кровныя многолѣтнія войны. Эти войны особенно были жестоки въ послѣднее время существованія народа, около шестнадцати вѣковъ послѣ разрушенія Вавилонской башни и переселенія ихъ въ обѣщанную землю. Около этого времени вожди

[1]) Іареду впослѣдствіи и былъ данъ Богомъ инструментъ Уримъ и Сумимъ.

воюющихъ племенъ, Коріантумръ и Шицъ, собравъ около себя весь свой народъ, дали большое сраженіе, въ которомъ эти племена и вожди ихъ истребили другъ друга до послѣдняго. Остался на землѣ одинъ лишь пророкъ Эсеръ, который написалъ въ состоящую изъ металлическихъ досокъ книгу всю исторію событій и народа и книгу запечаталъ и закопалъ.

Вслѣдъ за этимъ уничтоженіемъ всѣхъ іаредитовъ, Америка была вновь захвачена и населена другимъ племенемъ, тоже пришедшимъ съ Востока. Вотъ какимъ образомъ новое племя утвердилось на той же землѣ.

Въ царствованіе Седекіи, царя іудейскаго, около 600 лѣтъ до Рождества Христова, въ Іерусалимѣ жилъ человѣкъ, по имени Лехи. Онъ, видя много зла и пороковъ въ народѣ и будучи вдохновленъ Всемогущимъ, предрекъ разрушеніе великаго города и плѣнъ его обитателей, если они не принесутъ покаянія въ грѣхахъ своихъ. За это народъ искалъ его убить. Онъ, по повелѣнію Бога, взялъ всю свою семью и отправилъ въ дикія необитаемыя мѣста, около Краснаго моря. Здѣсь пробыли они нѣкоторое время, въ продолженіе котораго самъ Лехи и его сынъ Нефи имѣли неоднократныя откровенія и бесѣды съ Богомъ. Наконецъ Господь велѣлъ Нефи выстроить корабли и сѣсть въ нихъ съ чадами и домочадцами, обѣщая направить ихъ въ обѣтованную землю. Нефи повиновался повелѣнію Господню, и послѣ нѣсколькихъ лѣтъ скитаній и многочисленныхъ избѣгнутыхъ опасностей, они приплыли къ западному берегу южной Америки и положили здѣсь основаніе великому племени. Съ этихъ поръ Нефи, по повелѣнію Божьему, началъ записывать на металлическихъ доскахъ исторію своего народа, откровенія и разныя пророчества о пришествіи Мессіи, необходимости покаянія, будущности церкви и т. д. Многія изъ нихъ были весьма схожи съ библейскими. Между полученными имъ видѣніями, особенно замѣчательно описываемое въ главѣ тринадцатой его книги: «Однажды,—говоритъ Нефи,—явился ко мнѣ ангелъ, посланный отъ Бога, показать мнѣ всю далекую будущность. И увидѣлъ я могучія царства и богатые народы язычниковъ [1]); и ихъ вѣра и церковь были невѣрныя, и положилъ основаніе имъ Сатана. И былъ между нимъ человѣкъ [2]), который былъ отдѣленъ отъ потомства моего широкимъ моремъ, и сошелъ на него духъ Божій, и переплылъ онъ море, и прибылъ въ землю потомства моего,

---

[1]) Такъ называютъ мормоны всѣхъ не-мормоновъ.

[2]) Колумбъ.

тоже сдѣлали и другіе люди [1]) и всѣ тѣ люди, которые волею Божьей перешли въ эту землю, были благословлены отъ Бога и избавились отъ ига другихъ людей [2]). И показалъ мнѣ ангелъ книгу [3])—въ большомъ почетѣ у язычниковъ—которую получили они отъ евреевъ, во всей своей полнотѣ, но изуродовали, отвинувъ изъ нея самое простое и дорогое. И показаны были мнѣ другія книги [4]), которыя снова возстановятъ правду и дополнятъ библію. И сказалъ мнѣ Ангелъ, что Богъ не потерпитъ, чтобы язычники окончательно бы уничтожили потомство мое [5]) и что язычники не всегда останутся въ той нравственной слѣпотѣ, въ которой находятся, что Богъ засвидѣтельствуетъ себя черезъ мое потомство».

Черезъ нѣсколько времени послѣ переселенія народа умираетъ Лехи, вождь его, и главенство переходитъ по волѣ Бога къ сыну его, Нефи. Старшіе братья молодого вождя Ламанъ и Лэмуэль, завидуя избранію брата, возмутили противъ него часть племени и покушались его убить. Богъ повелѣлъ Нефи съ его семействомъ и племенемъ отдѣлиться отъ братьевъ, а Ламанъ и Лэмуэль за злыя дѣянія и непослушаніе были прокляты Богомъ и наложенъ былъ на нихъ и на ихъ племя особый знакъ—въ отличіе отъ нефитовъ, послѣдователей Нефи, бѣлаго народа, Ламаниты, послѣдователи Ламана, получили цвѣтъ кожи темный. Отдѣлившись, эти два народа начали вести совершенно различный образъ жизни. Ламаниты, большей частью, жили грабежомъ и подъ конецъ отказались даже отъ вѣры отцовъ и сдѣлались идолопоклонниками. У нефитовъ же правленіе было въ родѣ республиканскаго и долгое время, они разумно управлялись судьями изъ народа. Ихъ вожди получали частыя откровенія отъ Бога и по Его повелѣнію начали каждый записывать на металлическихъ доскахъ исторію своего времени. Въ ихъ средѣ появлялись пророки, предрекавшіе пришествіе Христа, проповѣдывавшіе покаяніе и, между прочимъ, объявившіе, что прійдетъ время, когда почти всѣ нефиты погибнутъ въ войнѣ съ ламанитами, немногіе же, оставшіеся въ живыхъ, смѣшаются съ ламанитами, но и эти впослѣдствіи побѣждены будутъ пришлыми завоевателями. Это было время процвѣтанія народа, появились

---

[1]) Пилигримы.

[2]) Соединенные Штаты.

[3]) Библія.

[4]) Книга Мормона и Ученій и Повелѣній.

[5]) Индѣйцы потомки Ламанитовъ.—Все это примѣчанія Орсона Пратта, раздѣлившаго книгу Мормона на главы и стихи.

храмы, города, накопились богатства и т. д. Наконецъ, оба народа такъ размножились, что принуждены были распространиться далѣе на сѣверъ. Здѣсь опять, въ средѣ нефитовъ, появлялись пророки, которые предвѣщали уже близкое пришествіе Мессіи, сопровождаемое особыми небесными явленіями; они пророчествовали и въ средѣ ламанитовъ, причемъ обратили на путь истинный восемь тысячъ ламанитовъ, которые, соединившись съ нефитами, сдѣлались, какъ они, бѣлыми.

Послѣ вознесенія І. Х. въ Іерусалимѣ, начали появляться предреченныя явленія и въ землѣ нефитовъ; такъ, два дня и двѣ ночи не прерывался дневной свѣтъ, появилась новая звѣзда, землетрясеніе и т. д. Наконецъ съ неба сошелъ къ нимъ Спаситель и жилъ между ними нѣкоторое время, проповѣдуя Евангеліе, творя чудеса, совершая съ апостолами Тайную Вечерю, благословляя дѣтей, подобно тому, какъ онъ дѣлалъ въ Іерусалимѣ. Его двѣнадцать апостоловъ, выбранные имъ въ средѣ нефитовъ, тоже проповѣдовали слово Божіе и крестили вѣрующихъ. Между прочими пророчествами І. Х. предрекъ, что пріидетъ время, когда язычники захватятъ весь свѣтъ, будутъ въ славѣ и могуществѣ, что между ними разовьются грѣхи и ложь, что они забудутъ слово Божіе, но что оно будетъ вновь возстановлено во всей его полнотѣ. Проживъ нѣкоторое время съ нефитами, Спаситель вновь вознесся на небо. Долгіе годы послѣ этого нефиты жили въ правдѣ и вѣрѣ, но затѣмъ, возгордившись своимъ процвѣтаніемъ и богатствомъ, они мало-по-малу начали забывать заповѣди Божьи; появились между ними раздоры, смуты, преступленія и начались жестокія войны съ ламанитами. Долго продолжались эти войны, разоряя города и истребляя много народа. Наконецъ, около 400 лѣтъ послѣ Р. Х., т.-е. черезъ тысячу лѣтъ послѣ ихъ переселенія въ Америку, произошло рѣшающее событіе. Послѣ многихъ сраженій благопріятныхъ то для тѣхъ, то для другихъ, предводитель нефитовъ, пророкъ отъ Господа, по имени Мормонъ, предложилъ королю ламанитовъ собрать оба племени въ полномъ составѣ и дать рѣшительное сраженіе. Черезъ годъ дано было это сраженіе около холма Кумора [1]), и на томъ же мѣстѣ, которое было свидѣтелемъ гибели іаредитовъ, уничтожены были всѣ нефиты. Тамъ, гдѣ прежде былъ процвѣтавшій народъ, основатель храмовъ, городовъ и мудраго правленія, остались одни кочевники ламаниты, которые захватили всю землю и владѣли ею, распростра-

---

1) Въ настоящемъ штатѣ Нью-Іорка.

няясь на сѣверъ и на югъ, пока въ свою очередь не принуждены были уступить ея пришлымъ завоевателямъ. Послѣдній изъ нефитовъ Мормонъ, по повелѣнію Бога, составилъ изъ архивовъ, записанныхъ на металлическихъ доскахъ Нефи и всего его нисходящаго потомства, исторію своихъ предковъ и племени и къ этому прибавилъ описаніе и своего времени. По его смерти, его книга перешла къ сыну его Морони, который ее дополнилъ и, умирая въ 420 году по Р. Х., закопалъ ее въ холмѣ Кумора. Здѣсь-то она и была найдена Смисомъ, и тотъ Ангелъ, который выдалъ ему эту книгу для перевода, и былъ самъ Морони.

Вся книга Мормона написана тяжелымъ библейскимъ слогомъ и заключаетъ въ себѣ, кромѣ книгъ Нефи, и его нисходящаго потомства и собственной книги Мормона и его сына, еще книгу пророка Эсера, найденную когда-то тоже въ землѣ нефитами и содержащую исторію перваго племени іаредитовъ.

При появленіи своемъ на свѣтъ, книга Мормона встрѣтила сильное недовѣріе и критику. Иные осуждали ее за слишкомъ большое сходство съ библіей, другіе, напротивъ, за слишкомъ большую разницу, третьи считали ее просто выдумкой, отчасти списанной съ рукописи одного авантюриста Спаульдинга, который, послѣ нѣсколькихъ неудавшихся ремеслъ, попробовалъ написать историческій романъ, подъ заглавіемъ: «Исторія потерянныхъ колѣнъ Израилевыхъ». Эта рукопись и была, говорятъ, куплена Смисомъ, по смерти автора у его вдовы.

Въ доказательство противнаго мормоны ссылаются на помѣщенное на первой страницѣ книги свидѣтельство одиннадцати свидѣтелей, обращенное ко всѣмъ народамъ и языкамъ міра о томъ, что они, свидѣтели, видѣли подлинныя металлическія доски [2]), которыя имъ, по повелѣнію Бога, показалъ Смисъ. Что же касается до достовѣрности дѣйствительнаго переселенія части евреевъ въ Америку и происхожденія отъ нихъ настоящихъ индѣйцевъ, то это доказывается мормонами изъ преданій дикарей, открытій при раскопкахъ и изъ Библіи, причемъ послѣднія доказательства отличаются особой натянутостью.

Посмотрите, говорятъ они, на преданія индѣйцевъ, которыя мы знаемъ изъ устъ людей, проведшихъ у нихъ нѣсколько лѣтъ въ плѣну. Они вѣрятъ, что въ далекомъ прошломъ, небожители часто посѣщали ихъ предковъ, поучая ихъ и пророчествуя, что предки ихъ имѣли когда-то святую книгу, которую передавали

---

[1]) Отсутствіе этихъ досокъ въ настоящее время объясняется тѣмъ, что тотъ ангелъ, который далъ ихъ Смису, взялъ ихъ обратно.

изъ поколѣнія въ поколѣніе и затѣмъ закопали ее въ землѣ; что въ то время, когда они имѣли эту книгу, они процвѣтали и были счастливы, и что нѣкоторые изъ ихъ предковъ обладали тоже даромъ пророчества. Самый языкъ индѣйцевъ по корнямъ своимъ и построенію, весьма напоминаетъ языкъ древнихъ евреевъ. Затѣмъ, не свидѣтельствуютъ ли еще болѣе, какъ случайно, такъ и спеціально предпринимаемыя раскопки о существованіи когда-то въ Америкѣ народа, стоявшаго на высокой степени развитія. Въ Гватемалѣ найденъ былъ цѣлый городъ съ остатками домовъ, построенныхъ изъ кирпича, правильными улицами, памятниками и надписями. Такія же развалины открыты были у Бѣлой рѣки въ территоріи Арканзаса [1]), не говоря уже о постоянно находимыхъ въ землѣ осколкахъ и остаткахъ вещей, какъ металлическихъ, такъ и другихъ. Въ 1815 г. нѣкто Іосифъ Мэррикъ при копаніи колодца нашелъ не только такія вещи, но и четыре пергамента, написанные на старинномъ еврейскомъ языкѣ и отправленные въ Англію, въ кэмбриджскій университетъ. Почему же, если Мэррикъ могъ найти такіе пергаменты, Смисъ не могъ найти металлическія доски съ вырѣзанными на нихъ знаками? Кромѣ всего этого, изъ самой Библіи можно прійти къ заключенію, что Америка и есть та страна, которая обѣщана была сѣмени Іосифа. Въ Кн. Быт. XLVIII, Іаковъ, благословляя двухъ сыновей Іосифа, говоритъ: «да возрастутъ они во множествѣ посреди земли», затѣмъ далѣе про Ефрема: «изъ его сѣмени произойдетъ множество народовъ». Изъ этого видно, что сѣмени Ефрема суждено было произвести множество народовъ въ серединѣ земли. Въ той же Кн. Быт. XLIX, Іаковъ благословляетъ Іосифа «благословеніемъ, которое превышаетъ благословеніе горъ древнихъ и пріятности холмовъ вѣчныхъ». Предками Іакова были Авраамъ и Исаакъ, и земля Ханаана было то благословеніе, которое получилъ отъ нихъ Іаковъ. Онъ же, въ свою очередь, обѣщаетъ Іосифу землю гораздо бо́льшую, чѣмъ земля Ханаана, такъ какъ говоритъ, что его благословеніе превышаетъ благословеніе горъ древнихъ. Іаковъ былъ въ то время въ Египтѣ; если изъ Египта искать то мѣсто въ серединѣ земли, гдѣ бы могло расплодиться сѣмя Ефрема, то это мѣсто можетъ быть лишь въ Америкѣ, населенной людьми того же происхожденія, вмѣстѣ съ тѣмъ расплодившимися во множество племенъ, такъ какъ другія части свѣта

---

[1]) Описаніе этихъ раскопокъ находится въ двухъ журналахъ „Priest's American Antiquities“ 1827 и „Family Magazine“ 1838.

населены разными расами, происходящими изъ разныхъ источниковъ. Изъ Библіи же видно, что Богъ свидѣтельствовалъ себя потомству Ефрема, такъ какъ пророкъ Осія VIII, 12, говоритъ въ пророческомъ духѣ о его потомствѣ: «и написалъ я ему важныя вещи закона моего и онѣ сочтены имъ были какъ чужія». Что же касается до объясненія мормонами цѣли самой книги, то она, по ихъ словамъ, во-первыхъ, описываетъ важную исторію, до сихъ поръ неизвѣстную, во-вторыхъ, открываетъ происхожденіе индѣйцевъ, въ-третьихъ, содержитъ пророчества, еще подлежащія исполненію, и, въ-четвертыхъ, излагаетъ слово Божіе въ простой и понятной формѣ. Книга Мормона не замѣняетъ у нихъ Библіи, такъ какъ и Евангеліе, и Библія въ такомъ же почетѣ въ ихъ общинѣ, какъ и въ другихъ христіанскихъ церквахъ; она лишь служитъ дополненіемъ ея, или, какъ говоритъ Нефи въ своемъ видѣніи, замѣной того «простого и дорогого», которое изъ нея выкинули «язычники».

II.

Книга ученій и повелѣній.—Символы вѣры.—Откровеніе относительно крещенія вообще, крещенія живыхъ за мертвыхъ, будущей жизни и десятинной платы.—Нѣкоторыя другія откровенія.—Вѣчный небесный бракъ.

Какъ книга Мормона заключаетъ въ себѣ историческую часть религіи, такъ книга ученій и повелѣній содержитъ часть догматическую. Она состоитъ изъ догматовъ и повелѣній, открытыхъ Богомъ въ Его бесѣдахъ съ Іосифомъ Смисомъ, которые, хотя и не взяты изъ Библіи, говорятъ мормоны, тѣмъ не менѣе въ полномъ съ ней согласіи. Вѣра, какъ въ откровенія, полученныя Смисомъ, такъ и въ другія откровенія, могущія быть данными членамъ церкви, какъ въ настоящее, такъ и въ ближайшее будущее время, и составляетъ одно изъ отличій мормонизма отъ прочихъ христіанскихъ исповѣданій. Эта религія является такимъ образомъ какъ бы прогрессивной, т.-е. могущей подлежать измѣненіямъ и прибавленіямъ сообразно съ нуждами и положеніемъ церкви. Каждый ея членъ можетъ получать откровенія отъ Бога, но только касающіяся его самого или его семьи. Откровенія же, относящіяся до всей церкви, могутъ быть даны лишь черезъ президента, какъ ея главу, держащую въ своихъ рукахъ ключи отъ Царствія Господня.

Означенныя бесѣды и откровенія Смису вошли въ составъ второй части книги ученій и повелѣній, подъ названіемъ до-

говоровъ и повелѣній; первая ея часть заключаетъ въ себѣ простыя чтенія о вѣрѣ. Всего Смисъ получилъ до полутораста откровеній, изъ которыхъ первое было 21 сентября 1823 года, а послѣднія незадолго до его смерти въ концѣ 1843 года. Къ описанію одного изъ нихъ, именно того, въ которомъ онъ получилъ отъ ангела Морони металлическія доски, Смисъ прибавляетъ тринадцать пунктовъ вѣры, заключающихъ въ себѣ общія основанія мормонизма. Вотъ ихъ содержаніе:

1. Мы вѣруемъ,—говоритъ Смисъ,—въ Бога Отца, Сына и Святого Духа.

2. Въ то, что люди будутъ наказаны за ихъ собственные грѣхи, а не за грѣхъ Адама.

3. Въ то, что черезъ искупленіе І. Х. все человѣчество можетъ быть спасено посредствомъ послушанія законамъ и повелѣніямъ Евангелія.

4. Мы вѣруемъ въ то, что эти повелѣнія заключаются въ слѣдующемъ: во-первыхъ, вѣра въ І. Х., во-вторыхъ, покаяніе, въ-третьихъ, крещеніе посредствомъ погруженія въ воду для искупленія грѣховъ, и въ-четвертыхъ, возложеніе рукъ для дара Духа Святого.

5. Мы вѣруемъ въ то, что человѣкъ долженъ быть призванъ къ истинному Богу посредствомъ возложенія на него рукъ лицами, велѣніе на то имѣющими.

6. Мы вѣруемъ и слѣдуемъ управленію церкви первоначальной, какъ-то: апостолы, пророки, священники, наставники и т. д.

7. Мы вѣруемъ въ возможность полученія дара говорить на языкахъ, пророчествовать, исцѣлять больныхъ, въ откровенія, видѣнія и т. п.

8. Мы вѣруемъ въ то, что Библія есть слово Господне, настолько, насколько она истолкована правильно; мы тоже вѣруемъ, что книга Мормона есть Слово Господне.

9. Мы вѣруемъ въ то, что̀ Богъ открылъ, что̀ Онъ открываетъ людямъ въ настоящее время и въ то, что̀ Онъ откроетъ еще многія вещи, касающіяся Его царства.

10. Мы вѣруемъ въ буквальное собраніе Израиля и возстановленіе его десяти колѣнъ, въ то, что Сіонъ будетъ выстроенъ на этомъ континентѣ, что Христосъ будетъ царствовать на землѣ и что земля будетъ возобновлена и получитъ славу, подобную райской.

11. Мы признаемъ за собой право воздавать поклоненіе Всемогущему Богу, согласно съ голосомъ нашей совѣсти; такое же право признаемъ за всѣми людьми, какъ, гдѣ и кто бы они ни были.

12. Мы признаемъ себя подчиненными королямъ, президентамъ, правителямъ, судьямъ, воздавая имъ должную честь, послушаніе и поддерживая законъ.

13. Мы вѣруемъ въ честность, правду, добродѣтель, ищемъ дѣлать добро всѣмъ людямъ безъ различія. Мы перетерпѣли многое и надѣемся быть способными перетерпѣть все. Мы стремимся къ добродѣтели и ко всему достойному похвалы.

Такимъ образомъ мормонизмъ является въ этихъ общихъ основаніяхъ сходнымъ съ другими христіанскими религіями. Поэтому, разбирая сущность бесѣдъ и откровеній, полученныхъ Смисомъ и составившихъ книгу договоровъ и повелѣній, я коснусь только тѣхъ, которыя положили основаніе догматамъ, отличающимъ это вѣроисповѣданіе отъ прочихъ. Къ числу такихъ догматовъ принадлежитъ крещеніе.

Крещеніе, посредствомъ погруженія въ воду, повелѣвается для очищенія отъ грѣховъ. Кающійся вѣрующій, умершій для грѣха, хоронится въ водѣ лицомъ, власть на то отъ Бога имѣющимъ, во имя Отца и Сына и Святого Духа и, выходя изъ воды, вновь рождается для новой жизни. Въ этомъ положеніи, на человѣка, очищеннаго отъ грѣха, посредствомъ возложенія рукъ призываются дары Духа Святого, которые могутъ быть даны въ разномъ количествѣ; одинъ можетъ получить нѣсколько заразъ, другой ни одного. Состоятъ они изъ дара пророчества, говорить на языкахъ, исцѣлять больныхъ, дѣлать чудеса и получать откровенія. Дѣти, не достигшія еще возраста отвѣтственности, не могутъ быть крещаемы, — для крещенія необходимы вѣра и покаяніе. Они не могутъ еще вѣрить и имъ не въ чемъ каяться. При рожденіи ихъ несутъ къ старѣйшинамъ, которые ихъ благословляютъ и даютъ имя, восьми же лѣтъ отъ роду, они поучаются правиламъ церкви и получаютъ крещеніе.

Затѣмъ, такъ какъ со временъ апостольскихъ до времени возстановленія церкви и ея управленія пророкомъ Іосифомъ Смисомъ, въ средѣ людей не было никого, могущаго преподавать таинства и исполнять повелѣнія Евангелія, то всѣ крещенія, сдѣланныя за это время, недѣйствительны. Управленіе церковью, какъ бы хорошо и искренно оно ни было, если оно не поручено божественнымъ промысломъ, не можетъ быть признано на небесахъ. Богъ принимаетъ только то, чтò сдѣлано въ Его Имя, подъ Его властью и по пути Имъ самимъ указанному. Если церковь «святыхъ послѣднихъ дней» есть единственная истинная церковь и если міръ былъ такъ долго въ заблужденіи, то что же сталось съ тѣми милліонами людей, которые получили

крещеніе недѣйствительное и не были такимъ образомъ вновь рождены отъ воды и Духа, какъ это повелѣно въ Евангеліи? Или всѣ они должны погибнуть, или для нихъ существуетъ какой-нибудь другой путь къ спасенію. Этотъ-то путь къ спасенію и былъ указанъ Богомъ пророку Смису и заключается въ томъ, что всѣ истины евангельскія могутъ быть проповѣдуемы душамъ тѣхъ людей, которые не слышали ихъ при своемъ земномъ существованіи. Подобно тому какъ І. Х. «умерщвленъ былъ во плоти, но, оживъ духомъ, находящимся въ темницѣ духомъ проповѣдовалъ нѣкогда непокорнымъ ожидавшему ихъ долготерпѣнію въ дни Ноя», можетъ быть проповѣдуемо Евангеліе душамъ упомянутыхъ людей, «чтобы они подвергшись суду по человѣку плотью жили по Богу духомъ» (Первое соборное посланіе апостола Петра, главы 3 и 4). Точно также и люди, которые получили при жизни крещеніе недѣйствительное, могутъ получить истинное крещеніе; но въ этомъ случаѣ, они должны быть замѣнены живущими на землѣ ихъ родственниками и друзьями, такъ какъ это таинство требуетъ погруженія въ воду крещающагося, а слѣдовательно личное его присутствіе. Такое крещеніе можетъ получить лишь мужчина за мужчину и женщина за женщину, причемъ оно должно быть произведено въ особомъ, для этого предназначенномъ мѣстѣ и правильно засвидѣтельствовано и записано [1]). О немъ, между прочимъ, упоминаетъ и апостолъ Павелъ, говоря о воскресеніи мертвыхъ: «иначе что дѣлаютъ крестящіеся для мертвыхъ; если мертвые совсѣмъ не воскресаютъ, то для чего и креститься для мертвыхъ?» (Посланіе къ коринѳянамъ, глава XV, ст. 29).

Только человѣкъ, получившій правильное крещеніе, можетъ сдѣлаться членомъ церкви и разсчитывать въ будущей жизни на высшую славу. Какъ І. Х., будучи похороненъ, черезъ три дня воскресъ, принявъ прежнее свое тѣло, такъ воскреснутъ и всѣ мертвые, возвратившись въ прежнюю свою тѣлесную оболочку. Всѣ земныя связи останутся неприкосновенными, съ той только разницей, что свойства существъ, какъ духовныя, такъ и тѣлесныя будутъ улучшены до полнаго безсмертнаго совершенства. Праведники, которые принадлежали къ числу святыхъ [2]),

---

1) Это ученіе ведетъ иногда къ весьма оригинальнымъ замѣнамъ. Такъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, одна француженка съ сыномъ, принявшіе мормонизмъ, желая спасти императрицу Жозефину и Наполеона I, приняли за нихъ такое крещеніе посредствомъ представительства. Подобно крещенію представительствомъ живыхъ за мертвыхъ, могутъ быть совершены и другія таинства.

2) Церкви первыхъ и послѣднихъ дней.

получатъ первую степень славы; тѣ, которые не принадлежали къ ихъ числу—вторую степень; даже тѣ, которые преслѣдовали святыхъ, могутъ при раскаяніи быть спасены, но получать лишь третью степень славы [1]). Только тѣмъ закрытъ путь къ спасенію, которые совершили непростительный грѣхъ противъ Духа Святого.

Затѣмъ, на каждомъ добромъ членѣ церкви лежать извѣстныя обязанности, между которыми одна изъ главныхъ есть опредѣленная однимъ изъ божественныхъ откровеній, такъ-называемая десятинная плата. Она состоитъ въ отдачѣ церкви всего излишка собственности и кромѣ того десятой части ежегоднаго дохода или заработка. Эта плата хотя и не принудительна, но, какъ нравственная обязанность, производится всѣми, не исключая и президента. Она идетъ на всѣ нужды церкви, какъ-то: на помощь бѣднымъ, вдовамъ, сирымъ, на эмиграціонный фондъ, постройку храмовъ и на плату исполнителямъ такихъ обязанностей при церковномъ управленіи, которыя требуютъ постояннаго регулярнаго занятія, препятствуя имъ такимъ образомъ отдаваться личнымъ дѣламъ. Всѣ же остальные члены управленія церковнаго вознагражденія не получаютъ. Въ особо опредѣленные дни каждый мормонъ приноситъ своему епископу десятую часть какого бы то ни было дохода, который можетъ заключаться какъ въ деньгахъ, такъ и въ сырыхъ продуктахъ. Количество и свойство жертвуемаго, а также и семья жертвователя записывается въ книгу, причемъ выдается росписка.

Кромѣ вышеуказанныхъ откровеній въ книгѣ договоровъ и повелѣній есть еще масса второстепенныхъ, какъ-то, относительно названія всей церкви, направленія дѣятельности святыхъ, назначенія ихъ на ту или другую должность въ церковномъ управленіи, разныя пророчества о вторичномъ пришествіи І. Х., предшествуемое разными знаками [2]) пророчество о томъ, что если Смисъ доживетъ до 85 лѣтъ, то онъ увидитъ Сына Господня, обѣщаніе одарить святыхъ даромъ творить чудеса, откровеніе, называемое «Словомъ мудрости», содержащее въ себѣ повелѣніе употреблять въ таинствѣ чистое вино изъ собственныхъ виноградниковъ и совѣтъ не злоупотреблять горячительными напитками, ѣдой и табакомъ [3]) и т. п. откровенія и бесѣды.

---

[1]) Эти степени славы называются небесной, земной и звѣздной. Сообразно съ ними обѣщаются и разныя степени могущества.

[2]) Между прочимъ, будетъ пролито много крови въ Южной Каролинѣ, быть можетъ, по причинѣ вопроса о рабахъ.

[3]) Поэтому мормоны, имѣя въ территоріи лишь весьма незначительные вино-

Черезъ нѣсколько времени послѣ откровенія о добрыхъ и злыхъ духахъ Смисъ получилъ послѣднее и вмѣстѣ съ тѣмъ важнѣйшее откровеніе о вѣчномъ небесномъ бракѣ, положившее основаніе полигаміи, т.-е. главному отличію церкви «святыхъ послѣднихъ дней» отъ другихъ церквей и вмѣстѣ съ тѣмъ, предмету главнаго преслѣдованія какъ въ прошломъ, такъ и въ настоящемъ времени.

Руководящій принципъ брака у мормоновъ есть тотъ, что мужчина и женщина не совершенны одинъ безъ другого и хотя могутъ спастись, но не могутъ достичь высшей небесной славы. Чтобы получить такую славу, они должны быть соединены бракомъ и притомъ заключеннымъ по открытому Богомъ повелѣнію и по правиламъ церкви святыхъ. Только такой бракъ, называемый небеснымъ, и признанъ Богомъ, какъ въ этой жизни, такъ и въ будущей. Онъ вѣченъ и не можетъ быть разрушенъ ни властью людей, ни смертью. Всякій другой бракъ, заключенный людьми безъ такого повелѣнія, дѣйствителенъ лишь до смерти одной изъ сторонъ. Вотъ нѣкоторыя выдержки изъ откровенія о небесномъ бракѣ, полученнаго Смисомъ 12-го іюля 1843 года:

«Я, Господь Богъ, открываю вамъ новый вѣчный законъ и кто его не послушаетъ, тотъ да будетъ осужденъ. Всѣ договоры людскіе, не связанные Моимъ именемъ, при посредствѣ человѣка, имѣющаго на то власть (а такимъ человѣкомъ является рабъ Мой, Іосифъ Смисъ), не дѣйствительны въ Моемъ царствіи. Поэтому, если человѣкъ беретъ себѣ жену и заключаетъ съ ней договоръ не именемъ Моимъ, этотъ договоръ по ихъ смерти разрушается. И не связаны они никакимъ договоромъ внѣ міра сего, ибо въ воскресеніе не женятся и не выходятъ замужъ, но пребываютъ, какъ ангелы божіи, на небесахъ. И не могутъ они быть возвеличены въ вѣчную славу, они могутъ получить лишь славу ангельскую. Если же человѣкъ беретъ себѣ жену по закону Моему и захочетъ взять вторую жену, при согласіи первой, то такой бракъ вѣченъ и скрѣпленъ на небѣ и на землѣ. И если у человѣка и десять женъ, то всѣ онѣ его законныя жены. И послушные закону Моему будутъ какъ боги на небѣ и прислуживать имъ будутъ ангелы. Авраамъ, Іаковъ, Соломонъ, Моисей и другіе имѣли многихъ женъ. Они были возвеличены въ славѣ. Дѣлайте дѣла Авраама и будете спасены».

градники, употребляютъ въ таинствѣ вмѣсто вина чистую воду. Каждый добрый мормонъ вслѣдствіе этого откровенія воздерживается отъ куренія и употребленія крѣпкихъ напитковъ.

Какъ въ этомъ откровеніи, такъ и во всѣхъ доводахъ въ защиту полигамической формы брака, мормоны ссылаются на примѣры уважаемыхъ патріарховъ Библіи, которые почти всѣ были полигамистами, причемъ брали себѣ нѣсколькихъ женъ съ согласія, а иногда и по повелѣнію самого Бога. Мормоны, по ихъ словамъ, въ этомъ лишь слѣдуютъ законамъ библейскимъ. Не приводя многочисленныхъ ссылокъ на законы и бытъ древнихъ евреевъ, стремящихся оправдать многоженство, я ограничусь указаніемъ лишь на то, что дѣйствительно всякому знакомому съ Библіей и съ писаніями позднѣйшихъ отцовъ церкви [1]), извѣстно, что полигамія, если и не была облечена въ законную форму, во всякомъ случаѣ, никогда не считалась въ тѣ времена malum in se. Въ Новомъ Завѣтѣ, говорятъ мормоны, хотя и не встрѣчается упоминанія о многоженствѣ, но нигдѣ оно и не запрещается. І. Х., запрещая разводъ, прелюбодѣяніе, не говоритъ ни слова продивъ полигаміи, напротивъ того, онъ объявляетъ, что Онъ пришелъ «не нарушить древніе законы или пророковъ, а исполнить», затѣмъ ставитъ Авраама, который былъ многоженцемъ, въ примѣръ и, наконецъ, Самъ происходитъ изъ сѣмени Давида, тоже многоженца.

Заканчивая разборъ откровенія о небесномъ бракѣ, я считаю не лишнимъ привести нѣкоторыя выдержки изъ рѣчей главнѣйшихъ представителей мормонизма, могущихъ познакомить со взглядомъ мормоновъ на этотъ вопросъ.

Если человѣкъ беретъ себѣ жену,— говоритъ Орсонъ Праттъ, одинъ изъ извѣстныхъ старѣйшинъ,—и жена его умираетъ раньше его, онъ можетъ жениться на другой, если и эта умираетъ—на третьей и т. д. При всеобщемъ воскресеніи, нѣтъ причинъ, чтобы одна изъ нихъ имѣла болѣе права на своего мужа, чѣмъ другія. Всѣ они имѣютъ равныя права на него и станутъ равнымъ образомъ его женами. Такимъ образомъ, человѣкъ можетъ явиться на небѣ обладателемъ нѣсколькихъ женъ, подобно святымъ отцамъ церкви: Аврааму, Іакову, Соломону и др. Если это возможно на небѣ, то подавно это является возможнымъ на землѣ. Въ обратномъ случаѣ, т.-е. при послѣдовательной смерти нѣсколькихъ мужей, жена можетъ выйти замужъ за другого, но этотъ второй бракъ уже не является вѣчнымъ, а лишь временнымъ до смерти одной изъ сторонъ. При всеобщемъ воскресеніи жена вновь возвращается къ своему первому мужу.

Такой бракъ, говорится въ другой изъ рѣчей Пратта, пове-

[1]) Св. Амвросій, Августинъ и нѣкот. друг.

лѣнъ самимъ Богомъ, который сказалъ: «берите себѣ больше женъ подобно Аврааму и другимъ патріархамъ, которые возвеличены были за послушаніе повелѣніямъ Моимъ и кто не повинуется этому закону, тотъ да будетъ осужденъ».

Предположите,—говоритъ Брайамъ Юнгъ,—что я имѣлъ бы право имѣть лишь одну мою первую жену,—у меня было бы только три сына, между тѣмъ, какъ при настоящихъ условіяхъ я уже похоронилъ пять сыновей и у меня осталось еще тринадцать. При одной женѣ, я бы никогда не имѣлъ такого семейства и слѣдовательно лишенъ былъ бы возможности выростить праведное потомство [1]). Затѣмъ далѣе онъ прибавляетъ:—Если женщины не будутъ повиноваться повелѣнію Божію [2]), я испрошу для нихъ у Всемогущаго осужденіе и проклятіе на всю ихъ жизнь и будутъ онѣ осуждены. Тѣ же, кто послѣдуютъ небесному закону, будутъ возвеличены въ вѣчную славу и станутъ королевами и правительницами на небѣ.

Многоженство, говорится тоже въ одной изъ рѣчей вышеупомянутаго Орсона Пратта, есть для женщинъ одно изъ самыхъ великихъ благословеній Божіихъ. Оно даетъ имъ громадное преимущество быть соединенными съ праведниками и воспитывать семью по повелѣнію Бога. Вмѣсто того, чтобы остаться незамужней или выйти замужъ за недостойнаго человѣка, она входитъ въ семью, гдѣ царятъ миръ, спокойствіе и справедливость, гдѣ глава семьи есть патріархъ, князь и спаситель всего домашняго очага, гдѣ она связана съ несказаннымъ вѣчнымъ блаженствомъ и гдѣ ея слава и радость вѣчны. Радуйтесь, дочери Сіона, жить въ такое славное время!

Тотъ же Орсонъ Праттъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ:

При громадномъ количествѣ женскаго населенія, превышающимъ мужское, и при моногамической формѣ брака, одна лишь часть женщинъ можетъ воспользоваться брачной жизнью. Всѣ же остальныя или вѣчно остаются въ дѣвичествѣ, или обращаются къ проституціи. При полигаміи, это зло избѣгнуто; каждая дѣвушка можетъ разсчитывать выйти замужъ и ни одна изъ нихъ не лишена великаго счастія быть матерью и женой. Нѣтъ уже женщинѣ нужды прибѣгать къ низкому разврату для поддержки существованія, она находитъ такую поддержку въ своемъ мужѣ— въ будущей же жизни ее ожидаетъ вѣчная слава!

---

[1]) Послѣднее, по объясненію мормоновъ, есть одна изъ цѣлей откровенія о полигаміи.

[2]) Т.-е. многоженству.

III.

Полигамія. — Ея недалекое прошлое и настоящее. — Внѣшняя обрядность. — Причины развитія многоженства. — Внутренняя жизнь полигамической семьи. — Тайно практикуемое ученіе объ искупленіи кровью.

Съ 1843 года, т.-е. со времени полученія Смисомъ откровенія о небесномъ бракѣ, полигамія практиковалась открыто вплоть до 1862 года. Съ этихъ поръ конгрессъ началъ издавать рядъ законовъ, объявлявшихъ всякаго полигамиста преступникомъ и ограничивавшихъ ихъ право голоса въ выборахъ. Тѣмъ не менѣе, многоженство существуетъ и до настоящаго времени, хотя практикуется далеко не въ тѣхъ размѣрахъ, какъ во времена покойнаго Брайама Юнга. Это уменьшеніе многоженства объясняется не изданіемъ упомянутыхъ законовъ, а скорѣе соединеніемъ территоріи желѣзными дорогами съ прочими штатами и посѣщеніемъ ея массой иностранцевъ. Какъ прежнее уединеніе и отдаленность страны способствовали развитію полигаміи, такъ настоящее ея положеніе на главномъ пути между Востокомъ и Западомъ Соединенныхъ Штатовъ, служитъ ей препятствіемъ. Брайамъ Юнгъ, умирая, оставилъ 19 женъ и сорокъ дѣтей; назначенный на его мѣсто, настоящій президентъ Джонъ Тэйлоръ, имѣетъ лишь четыре жены и, по всей вѣроятности, во всей территоріи найдется лишь немного мормоновъ, обладающихъ большимъ ихъ количествомъ. Это хотя и сравнительно незначительное существованіе полигаміи, несмотря на строгіе изданные законы, объясняется трудностью доказательства многоженства на судѣ. Трудность же возникаетъ потому, что, когда въ числѣ присяжныхъ преобладаютъ мормоны, они никогда не обвинятъ въ полигаміи единовѣрца; присяжные же не-мормоны лишены возможности обвиненія, за недостаткомъ уликъ, такъ какъ ни одна мормонка не рѣшится свидѣтельствовать противъ мужа и признать на судѣ отца своихъ дѣтей.

Внѣшняя обрядность брака весьма проста и хотя онъ совершается тайно, какъ другіе обряды и нѣкоторыя непризнаваемыя мормонами открыто ученія, всѣ они сдѣлались извѣстны отъ апостатовъ, т.-е. людей, отступившихъ отъ мормонизма [1]. Эти апостаты, отвергая всѣ вообще откровенія Смиса, говорятъ, между прочимъ, что откровеніе о небесномъ бракѣ есть выдумка, къ

[1]) Къ числу такихъ апостатовъ принадлежитъ, между прочимъ, нѣсколько бывшихъ старѣйшинъ и трое изъ упомянутыхъ выше одиннадцати свидѣтелей, подписавшихся на книгѣ Мормона.

которой онъ долженъ былъ прибѣгнуть, чтобы извинить свои поступки передъ женой, такъ какъ онъ самъ началъ практиковать полигамію и до откровенія. Дѣйствительно, въ немъ найдутся неоднократныя обращенія, будто бы отъ Бога, къ Эммѣ Смисъ и увѣщанія признать всѣхъ остальныхъ женъ ея мужа. Самъ же Смисъ говорилъ потомъ, что онъ получилъ это откровеніе гораздо ранѣе, но ему позволено было сдѣлать его общеизвѣстнымъ лишь въ 1843 году. Затѣмъ жизнь полигамической семьи, по разсказамъ апостатовъ, является далеко не такой отрадной, какъ открыто ее признаютъ мормоны. Женщина вступаетъ въ семью, гдѣ царитъ не миръ и спокойствіе, какъ говорится въ рѣчи Пратта, а въ настоящій гаремъ со всѣми его пороками и развратомъ, гдѣ она связывается съ праведникомъ лишь для того, чтобы быть его наложницей и рабой. На женахъ по большей части лежитъ вся черная работа, отъ которой избавляются однѣ лишь любимыя жены, при чемъ эти послѣднія получаютъ всѣ милости владыки, держа остальныхъ въ черномъ тѣлѣ. Между всѣми женами постоянныя ссоры и зависть, такіе же раздоры и между ихъ дѣтьми. Кромѣ этого легкость вступленія въ бракъ и отсутствіе почти всякаго запрещенія по этому поводу, порождаютъ многочисленныя злоупотребленія. Такъ, напримѣръ, неоднократно случалось, что тотъ же человѣкъ въ одинъ день бралъ себѣ въ жены мать и дочь или двухъ сестеръ. Достаточно было старѣйшинѣ, производящему брачную церемонію, если ему нравилась данная женщина, объявить жениху, что онъ получилъ откровеніе отъ Бога, что его невѣста должна быть возвеличена въ вѣчную славу черезъ него самого, чтобы бракъ тотчасъ же разрушался и она становилась его женой. Противорѣчіе или сопротивленіе было связано съ отлученіемъ отъ церкви, а иногда и съ убіеніемъ виновнаго. Затѣмъ, хотя при вступленіи во второй, третій, и т. д. браки и требуется по книгѣ Договоровъ и Повелѣній согласія первой жены, но это согласіе только фиктивно и добрая ея воля замѣняется весьма часто принужденіемъ. Самая брачная церемонія крайне несложна. Первая и новая жена вмѣстѣ съ мужемъ являются къ старѣйшинѣ и на вопросъ послѣдняго: «Хотите ли дать эту женщину въ законную вѣчную жену вашему мужу? Если да, то положите вашу правую руку въ руку мужа»; первая жена повинуется и вторая тѣмъ самымъ становится его второй законной женой.

Сообразно съ легкостью заключенія брака, легокъ и разводъ, съ той только разницей, что иниціатива послѣдняго принадлежитъ женщинѣ. Одна лишь первая жена, какъ признанная об-

щими законами, можетъ искать развода и просить обезпеченія у оффиціальной власти; остальныя же жены, какъ связанныя брачными договорами членомъ церкви, могутъ обратиться только къ нимъ и отъ нихъ только и зависитъ дать или не дать разводъ. Самыя ничтожныя причины, какъ-то: дурное обращеніе мужа, пренебреженіе или особое вниманіе къ какой-либо одной женѣ, даютъ право искать развода. При этомъ первый вѣчный и небесный бракъ разрушается, и женщина можетъ вступить во второй такой же вѣчный и такой же небесный брачный договоръ. Бывали случаи, что одна и та же женщина вступала въ такіе договоры раза три, четыре и кончала тѣмъ, что возвращалась къ первому мужу.

Развитіе полигаміи, кромѣ указанной выше причины, т.-е довольно долгаго уединеннаго положенія территоріи, объясняется еще двумя проповѣдуемыми ученіями о томъ, что чѣмъ болѣе женъ у человѣка, тѣмъ лучше, такъ какъ такимъ образомъ онъ можетъ себѣ подготовить много потомковъ, которые составятъ въ будущей жизни его царство, причемъ имѣющій менѣе трехъ женъ можетъ спастись лишь съ трудомъ, и, во-вторыхъ, ученіемъ о представительствѣ. Первое ученіе, вѣроятно, возникло изъ желанія вождей мормонизма закрѣплять новаго члена церкви къ территоріи, такъ какъ, ставъ полигамистомъ, человѣкъ волей-неволей долженъ или оставить свою семью или оставаться въ странѣ въ виду того, что только тутъ онъ можетъ найти защиту и признаніе своихъ правъ и поддержку въ случаѣ судебнаго преслѣдованія. Второе ученіе о представительствѣ состоитъ въ томъ, что бракъ, какъ и крещеніе, можетъ быть совершенъ живыми за мертвыхъ, по представительству. Если отецъ или предокъ какого-либо мормона не принадлежалъ при жизни къ церкви святыхъ, то его бракъ въ будущей жизни недѣйствителенъ. Чтобы сдѣлать его дѣйствительнымъ, сынъ его или потомокъ вторично женится на своей женѣ и тѣмъ скрѣпляетъ бракъ своего предка, но такъ какъ одной жены для спасенія мало, то добрый потомокъ, чтобы возвеличить своего предка въ вѣчную славу, можетъ взять за него нѣсколько женъ. Эти уже жены принадлежатъ ему только до его смерти, въ будущей же жизни онѣ становятся женами его предка. Чтобы показать, до какой нелѣпости доводитъ мормоновъ это ученіе, я приведу лишь одинъ слѣдующій случай. При жизни Брайама Юнга, который, между прочимъ, изъ девятнадцати своихъ женъ, имѣлъ пять, взятыхъ имъ по представительству, одна мормонка англичанка, по имени Августа Коббъ, обратилась къ нему съ просьбой скрѣпить ее вѣчными брачными

договорами на будущую жизнь съ Іисусомъ Христомъ. Брайамъ отвѣтилъ, что онъ этого сдѣлать не можетъ, но чтобы ее утѣшить, онъ предложилъ скрѣпить ее такимъ же договоромъ съ Іосифомъ Смисомъ, чтó и было сдѣлано посредствомъ представительства, при чемъ самъ президентъ замѣнилъ покойнаго пророка. Такимъ образомъ Коббъ на эту жизнь становилась женой Брайама Юнга, а на будущую—Іосифа Смиса.

Что касается до внутренней жизни и домашняго устройства полигамической семьи, то вотъ что объ этомъ говоритъ одна извѣстная отступница, исповѣдывавшая мормонизмъ въ впродолженіе двадцати лѣтъ. «Внутренняя жизнь вполнѣ зависитъ отъ богатства даннаго лица. Иные при небольшомъ количествѣ женъ имѣютъ для каждой жены отдѣльный домъ, другіе же живутъ всѣ подъ одной крышей. Если семья живетъ мирно, то первая жена имѣетъ извѣстныя преимущества передъ остальными, такъ напримѣръ, она большей частью освобождена отъ работъ. Во всякомъ случаѣ въ достаточной семьѣ каждая изъ женъ имѣетъ свою комнату. Въ такомъ домѣ есть общая столовая съ большимъ столомъ для всѣхъ женъ и дѣтей. Если такой столъ не можетъ помѣстить около себя всю семью, то жены старшія и младшія дѣти располагаются у большого стола, для остальныхъ же ставится второй столъ поменьше. Въ очень большомъ домѣ со многими женами болѣе шансовъ на миръ и спокойствіе, чѣмъ въ маленькомъ домѣ съ двумя женами. Если въ домѣ только два помѣщенія, то мужъ предполагается или въ той, или въ другой комнатѣ, и если жены живутъ нехорошо между собой, то занятая мужемъ комната подвергается всевозможнымъ нападеніемъ со стороны комнаты пустой. Въ большомъ же домѣ со многими женами то преимущество, что какая-либо ревнивая жена не такъ легко можетъ открыть мѣстопребываніе мужа и то, на кого изъ соперницъ онъ обращаетъ особое вниманіе. Какъ ни странно сказать, но это, между прочимъ, одна изъ причинъ, заставляющихъ многихъ предпочитать полигамію бигаміи. Многоженецъ обыкновенно раздѣляетъ свое время между женами, проводя одинъ день съ одной изъ нихъ, другой день съ другой и т. д., пока не перебываетъ у всѣхъ и затѣмъ вновь начинаетъ съ первой. Когда количество женъ не болѣе трехъ, каждая имѣетъ два дня въ недѣлю, при чемъ первая жена, которая обыкновенно имѣетъ большій почетъ, пользуется присутствіемъ мужа однимъ днемъ болѣе, чѣмъ остальныя. Одинъ извѣстный старѣйшина, имѣвшій шесть женъ, проводилъ свое время такъ. что первая недѣля при-

надлежала его первой женѣ, вторая—второй, третья опять первой, четвертая—третьей, пятая опять вновь первой и т. д., такъ что всѣ жены, кромѣ первой, посѣщаемы были приблизительно одну недѣлю изъ одиннадцати. Но такое болѣе или менѣе равномѣрное распредѣленіе времени мужа бываетъ не всегда; очень часто его исключительное вниманіе обращается на какую-нибудь вновь взятую жену, моложе и красивѣе, и тогда она становится предметомъ общей зависти и преслѣдованія».

Въ бѣдныхъ полигамическихъ семьяхъ всѣ жены принуждены спать въ одной комнатѣ и иногда одно и то же брачное ложе служитъ имъ всѣмъ постелью.

Всѣ упомянутые обряды, ученія, отчасти и внутренняя жизнь практикуются и до сихъ поръ, хотя при уменьшеніи, какъ количества полигамистовъ, такъ и количества ихъ женъ; сообразно уменьшились злоупотребленія, къ которымъ вела полигамія, и та по истинѣ восточная роскошь, которой себя окружали богатые старѣйшины мормоновъ. Примѣромъ такой роскоши можетъ служить полигамическая жизнь покойнаго президента. Часть его женъ имѣла собственные дома, при чемъ его фаворитка Амалія жила въ великолѣпномъ дворцѣ, такъ называемомъ Amelia Palace, напротивъ его собственнаго дома. Въ этомъ послѣднемъ жили вмѣстѣ съ нимъ остальныя его жены. Въ мѣстномъ театрѣ были отведены для избранныхъ женъ три ложи, остальныя имѣли свои мѣста въ партерѣ. Какъ всѣ онѣ, такъ и всѣ ихъ дѣти были всегда одѣты лучше всѣхъ, и по смерти Брайама остались вполнѣ обезпеченными, такъ какъ онъ оставилъ послѣ себя около семи милліоновъ долларовъ состоянія. Вся его семья, управляемая желѣзной волей ея владыки, жила, по исключенію, въ полномъ согласіи.

Кромѣ полигаміи, къ числу ученій, послужившихъ тоже къ немалому количеству злоупотребленій, принадлежитъ тайно проповѣдуемое ученіе объ искупленіи кровью. Оно заключается въ томъ, что хотя Спаситель и пролилъ кровь за человѣчество, но есть такіе грѣхи, которые все-таки не могутъ быть прощены или искуплены иначе, какъ пролитіемъ крови виновнаго, крови человѣческой. «Если бы такіе грѣшники знали,—говоритъ Брайамъ Юнгъ въ одной изъ своихъ рѣчей,—единственное условіе ихъ спасенія, они бы сами пришли, прося искупить ихъ грѣхи въ ихъ крови. Я скажу болѣе, ко мнѣ неоднократно являлись такіе люди предлагая свою жизнь въ искупленіе грѣховъ». Это ученіе, не указанное ни въ книгѣ Мормона, ни въ книгѣ Догон-

воровъ и Повелѣній [1]), возникло, повидимому, лишь для того, чтобы оправдать въ глазахъ самихъ мормоновъ часто совершавшіяся въ прежнее время убійства какъ людей, отступившихъ отъ мормонизма, такъ и не-мормоновъ, могущихъ чѣмъ-либо препятствовать намѣреніямъ «церкви». Изъ такихъ убійствъ я приведу два наиболѣе выдающихся случая, сдѣлавшихся извѣстными послѣ процесса Джона Ли.

Джонъ Ли былъ казненъ въ 1877 году за главное участіе въ убійствѣ 120 эмигрантовъ, сдѣланномъ мормонами, въ совокупности съ индѣйцами, за то будто, что означенные эмигранты оскорбляли женщинъ, нападали на мормоновъ и грозили убить самого Брайама Юнга. Впрочемъ, это убійство такъ и осталось въ точности неразслѣдованнымъ.

Ли былъ выдающимся дѣятелемъ церкви святыхъ и передъ смертью открылъ своему адвокату все, что зналъ о многихъ преступленіяхъ ея членовъ. По его словамъ, въ упомянутомъ убійствѣ онъ явился лишь слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ старѣйшинъ и, главнымъ образомъ, Брайама Юнга, выданъ же былъ мормонами какъ главный зачинщикъ, чтобы спасти остальныхъ виновныхъ. Онъ говорилъ далѣе, что не одно убійство лежитъ на душѣ самого Брайама. Покойный президентъ имѣлъ безпрекословныхъ исполнителей своей воли такъ называемыхъ «ангеловъ-разрушителей» или Данитовъ. Этотъ отрядъ составлялъ особую корпорацію, при чемъ они узнавали другъ друга по извѣстному опредѣленному знаку. Достаточно было президенту приказать искупить грѣхъ даннаго человѣка въ его крови, чтобы это приказаніе было немедленно исполнено, несмотря ни на какія препятствія и на то, кто былъ виновникомъ. Слѣдующіе два случая подобнаго искупленія особенно характеристичны.

Одинъ датчанинъ, по имени Андерсонъ, поселившись въ территоріи и принявъ мормонство, сдѣлался фанатическимъ его послѣдователемъ. Будучи женатъ на женщинѣ старой и некрасивой, онъ влюбился въ свою падчерицу, которая отвѣтила ему взаимностью, и, вслѣдствіе этого, отказала въ своей рукѣ одному изъ старѣйшинъ, по имени Клингенсмису. Черезъ нѣсколько времени на совѣтѣ старѣйшинъ, Андерсонъ публично сознается въ своей связи съ падчерицей, въ надеждѣ на то, что ему будетъ позволено взять ее во вторыя жены. Такой бракъ былъ ему запрещенъ

[1]) Въ книгѣ Договоровъ и Повелѣній есть лишь запрещеніе проливать невинную кровь, но такъ какъ кровь „язычниковъ“ и отступниковъ не можетъ считаться невинной, то этотъ законъ какъ бы не ставитъ въ грѣхъ всякое пролитіе не-мормонской крови, ученіе же объ искупленіи кровью идетъ дальше и повелѣваетъ такое пролитіе.

и кромѣ того ему объяснили что на этотъ разъ его грѣхъ прощенъ, но что если онъ повторитъ его, то будетъ преданъ смерти. Черезъ нѣсколько времени Андерсонъ, уже не по сознанію, а по доносу, вновь обвиняется въ продолженіи этой связи. Его вновь призываютъ на совѣтъ и здѣсь, почти не давъ ему возможности оправдаться, его приговорили къ искупленію грѣха его въ крови. Этотъ фанатикъ спокойно выслушалъ приговоръ, въ полной увѣренности, что устами старѣйшинъ говоритъ самъ Богъ, и просилъ дать ему лишь полдня, чтобы привести дѣла въ порядокъ. По истеченіи означеннаго срока, ночью, къ нему являются старѣйшины, присутствуютъ при прощаніи его съ семьей и затѣмъ ведутъ его за городъ, гдѣ, надъ вырытой могилой, самъ Клингенсмисъ рѣжетъ ему горло, при этомъ держа его тѣло такъ, чтобы кровь падала въ могилу. Женѣ его и семьѣ приказано было говорить, что Андерсонъ уѣхалъ на нѣсколько лѣтъ въ Калифорнію, а упомянутая дѣвушка черезъ нѣсколько времени принуждена была выйти замужъ за палача ея вотчима.

Другой случай еще болѣе возмутителенъ. Одинъ молодой человѣкъ былъ женихомъ весьма красивой дѣвушки, при чемъ они давно уже любили другъ друга. Мѣстный старый епископъ Варренъ Сно, имѣвшій самъ нѣсколько женъ, влюбился въ дѣвушку и захотѣлъ прибавить и ее къ ихъ числу. Онъ объявилъ и жениху и невѣстѣ, что онъ получилъ откровеніе отъ Бога, что она должна быть возвеличена въ вѣчную славу черезъ него самого и что она должна, слѣдовательно, стать его женой. Но женихъ не повѣрилъ и не хотѣлъ повиноваться откровенію. Тщетны были обѣщанія небесной награды, угрозы, увѣщанія другихъ старѣйшинъ, даже родителей самой дѣвушки; онъ твердо объявилъ, что никогда и ни за что не отдастъ своей невѣсты. Это сопротивленіе еще болѣе усиливало желаніе стараго епископа обладать предметомъ своей страсти. Наконецъ видя, что всѣ усилія его напрасны, онъ прибѣгнулъ къ другому способу. Молодой человѣкъ былъ позванъ на митингъ; ничего не подозрѣвая, онъ явился въ назначенное мѣсто и здѣсь былъ схваченъ, связанъ и грубо кастрированъ самимъ его соперникомъ. На слѣдующій день тотъ же епископъ произнесъ въ церкви длинную рѣчь объ обязанности каждаго члена церкви безусловно повиноваться священству и объ опасности непослушанія. Невѣста несчастнаго молодого человѣка должна была черезъ нѣсколько времени выйти замужъ за епископа, прежній ея женихъ сошелъ съума. Брайамъ Юнгъ, говорилъ Ли, хотя и былъ возмущенъ этимъ случаемъ,

но тѣмъ не менѣе оставилъ епископа на прежнемъ мѣстѣ и приказалъ не давать дальнѣйшаго хода всей исторіи.

Такія убійства и кастраціи производились нерѣдко, при чемъ ихъ жертвами являлись не только «язычники», съ которыми всякое общеніе женщинамъ было строго запрещено, но и члены «церкви», такъ или иначе становившіеся въ разрѣзъ съ намѣреніями или похотливыми желаніями старѣйшинъ или другихъ представителей высшаго церковнаго управленія.

Ученіе объ искупленіи кровью тайно проповѣдуется и до сихъ поръ, но, повидимому, не ведетъ уже болѣе къ такимъ вопіющимъ злоупотребленіямъ.

Къ числу тайно проповѣдуемыхъ обязанностей относится также обязательная клятва каждаго вновь вступающаго члена «церкви», отомстить за пролитіе невинной крови святого пророка, Іосифа Смиса.

IV.

Ранняя исторія мормонизма. Преслѣдованіе мормоновъ. Эмиграція на западъ. Территоріальное и церковное управленіе Юты. Миссіонерство. Настоящее положеніе территоріи.

Когда немногіе первые послѣдователи мормонизма, съ ихъ новымъ пророкомъ во главѣ, начали проповѣдывать свое ученіе, они встрѣтили въ толпѣ крайне недовѣріе, недоброжелательство и насмѣшки, перешедшія весьма скоро въ угрозы, нападеніе и побои, отъ которыхъ «святые» неоднократно принуждены были спасаться бѣгствомъ. Только черезъ нѣсколько лѣтъ, а именно 6-го апрѣля 1830 года, имъ удалось впервые положить основаніе новой церкви, подъ названіемъ церкви Іисуса Христа и святыхъ послѣднихъ дней, въ городѣ Файеттѣ, графствѣ Сенека, штатѣ Нью Іорка. Здѣсь они начали дѣйствовать болѣе смѣло, крестили вѣрующихъ погруженіемъ въ воду и возложеніемъ рукъ призывали на нихъ дары Духа Святого. Вдохновленные будто Богомъ, они пророчествовами, исцѣляли больныхъ, изгоняли нечистыхъ духовъ и получали неоднократныя откровенія и видѣнія. «Первые послѣдователи мормонства,—говоритъ одинъ изъ извѣстныхъ американскихъ писателей,—были замѣчательные фанатики. Они твердо вѣровали во все то, что̀ проповѣдывали и, безъ всякихъ средствъ къ существованію, ходили изъ деревни въ деревню, не зная препятствій, пренебрегая нищетой и лишеніями, своей крѣпкой вѣрой и даромъ слова обращали многихъ».

Съ этихъ поръ ихъ ученіе начало распространяться съ уди-

вительной быстротой; число вѣрующихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ и средства новой церкви постоянно увеличивались, они начали скупать землю, держать фермы, основывать церкви въ сосѣднихъ штатахъ и достигли особеннаго благогосостоянія въ графствѣ Джаксонъ, штатѣ Миссури. Но вмѣстѣ съ увеличеніемъ матеріальныхъ средствъ церкви и количества вѣрующихъ, увеличивались и преслѣдованія. Недолго имъ удалось пользоваться сравнительнымъ благоденствіемъ; вновь посыпались со стороны невѣрующихъ разныя оскорбленія и насмѣшки, которыя, по всей вѣроятности, мормоны переносили не всегда терпѣливо; отношенія обострялись, наконецъ, въ 1832 г., мормоны были прогнаны какъ изъ графства Джаксонъ, такъ и изъ всѣхъ мѣстъ, гдѣ они успѣли установиться, при чемъ большинство имущества было разграблено и сами они не избѣгли побоевъ. Съ тѣхъ поръ они начали постепенно удаляться все болѣе и болѣе на западъ, пока въ 1847 году не дошли до настоящаго ихъ мѣстопребыванія въ территоріи Юта (Utah). Не разъ останавливаясь то въ томъ, то въ другомъ штатѣ, они всюду встрѣчали тотъ же враждебный пріемъ. Такъ въ 1839 году, они вновь попробовали установиться въ штатѣ Иллинойсѣ. Здѣсь сначала ихъ дѣла опять будто пошли хорошо—количество вѣрующихъ начало прибавляться отъ наплыва европейскихъ эмигрантовъ, привозимыхъ миссіонерами; они вновь принялись основывать новыя церкви и города и пользовались одно время спокойной и мирной жизнью. Но такое положеніе долго не продержалось; преслѣдованія возобновились и въ іюнѣ 1844 года, былъ даже убитъ пророкъ Смисъ толпой, ворвавшейся въ его тюрьму. Избранный на его мѣсто президентомъ Брайамъ Юнгъ рѣшился покинуть и эту негостепріимную землю и искать убѣжища далѣе на западѣ.

Вдохновленные надеждой найти обѣщанную имъ въ одномъ изъ божественныхъ откровеній страну, имѣя передъ собой примѣръ замѣчательной энергіи ихъ президента и вождя, мормоны, черезъ восемь мѣсяцевъ, перешли тысячу миль преріи, и въ котловинѣ, образуемой Скалистыми горами, положили основаніе городу, который сталъ впослѣдствіи ихъ столицей и центромъ мормонства. Этотъ переходъ ихъ дѣйствительно замѣчателенъ. Прерія—то же что наши южныя степи—и теперь населена весьма рѣдко, а въ то время по ней бродили лишь шайки дикихъ индѣйцевъ, да стада буйволовъ. Въ постоянной борьбѣ съ голодомъ и холодомъ, находя хорошую воду весьма рѣдко, несчастные эмигранты должны были, кромѣ этого, быть всегда на-готовѣ защищать свою жизнь отъ нападеній индѣйцевъ, которые убивали людей и отбивали скотъ.

Среди такихъ-то, почти непреодолимыхъ трудностей, съ женами, дѣтьми и 700 повозками, странствовали мормоны, пока не пришли къ обѣтованной землѣ. Эта земля оказалась не лучше прерій; котловина, въ которой они расположились, была со всѣхъ сторонъ окружена голыми скалами и почти вѣчнымъ на нихъ снѣгомъ, такъ какъ сама котловина находится на высотѣ болѣе 5,000 футовъ надъ уровнемъ моря. На сотни миль кругомъ была такая же безотрадная пустыня, безъ малѣйшаго признака растительности и возможности обработки. Но препятствія, казалось, возбуждали еще болѣе энергію мормоновъ; здѣсь, по крайней мѣрѣ, они разсчитывали быть избавленными отъ нападковъ и оскорбленій враговъ ихъ вѣры. Первые годы поселенія прошли трудно; саранча съѣла весь хлѣбъ, который имъ удалось посѣять, имъ часто приходилось голодать; сверхъ того, они неоднократно подвергались нападеніямъ кочующихъ индѣйцевъ. Но вскорѣ дѣла ихъ начали поправляться, они могли предпринять правильную обработку земли, съ индѣйцами же начали жить въ мирѣ, слѣдуя принципу Брайама Юнга, что лучше ихъ кормить, чѣмъ съ ними имѣть постоянныя стычки.

Въ 1850 году Юта вошла въ число Соединенныхъ Штатовъ и сдѣлана была территоріей, при чемъ ея губернаторомъ былъ назначенъ самъ Брайамъ Юнгъ. Съ тѣхъ поръ ея заселеніе пошло съ удвоенной быстротой. Всѣ энергически принялись за работу, не боясь лишеній и труда, и не прошло полвѣка, какъ суровая необитаемая пустыня обратилась въ оживленную страну, покрытую мѣстечками и городами, появилась торговля, завелись фабрики, заводы, желѣзныя дороги, телеграфы; многія изъ этихъ учрежденій были сдѣланы по иниціативѣ покойнаго президента, и территорія перегнала всѣхъ своихъ сосѣдей, которые, при лучшихъ условіяхъ, не могли достигнуть такихъ блестящихъ результатовъ. Всѣмъ своимъ благосостояніемъ мормоны обязаны лишь самимъ себѣ, такъ какъ во всѣхъ ихъ предпріятіяхъ они встрѣчали скорѣе отпоръ отъ правительства, чѣмъ поддержку. Въ 1857 году, вслѣдствіе ложныхъ донесеній о желаніи мормоновъ отдѣлиться отъ конфедераціи и стать независимыми, противъ нихъ была послана армія для утвержденія авторитета центральнаго правительства. Вновь собрались мормоны оставить и эту страну и уйти далѣе въ горы и были удержаны отъ этого лишь вліяніемъ Юнга. Въ слѣдующемъ году армія, посланная правительствомъ, не встрѣчая сопротивленія, мирно вошла въ Salt Lake City и вскорѣ удалилась, оставивъ лишь постоянный наблюдательный постъ.

Въ 1862 году изданъ былъ упомянутый въ предъидущей главѣ законъ, объявляющій преступникомъ всякаго человѣка, имѣющаго болѣе чѣмъ одну жену; въ 1874 г. этотъ законъ былъ вновь подтвержденъ и, наконецъ, въ 1882 прошелъ въ конгрессѣ такъ называемый Эдмундсъ-билль, предложенный сенаторомъ этого имени, по которому всякій мормонъ-бигамистъ или полигамистъ объявляется лишеннымъ права голоса и выбора, какъ въ выборахъ общихъ, такъ и въ мѣстныхъ [1]). Онъ, конечно, возбудилъ въ себѣ всеобщее неудовольствіе и былъ объявленъ противнымъ основнымъ законамъ о конституціи [2]). Въ томъ же году мормоны обратились въ конгрессъ съ просьбой включить территорію Юты въ число прочихъ штатовъ и наравнѣ съ ними, представивъ для новаго штата конституціонный проектъ, но въ этой просьбѣ имъ было отказано [3]).

Нѣкоторыя статьи изъ этого проекта могутъ показать взглядъ мормоновъ на политическіе, религіозные и соціальные вопросы.

Предположено было не стѣснять свободу вѣроисповѣданія, какое бы оно ни было, причемъ каждый гражданинъ, безразлично отъ его религіи, имѣетъ право участвовать во всѣхъ выборахъ и занимать всѣ общественныя должности.

Право голоса дается гражданину совершеннолѣтнему, т.-е. имѣющему 21 годъ. Одинаковыя права и привилегіи, и образованіе предоставляются всѣмъ лицамъ, какого бы ни было племени и представители всѣхъ религій имѣютъ одинаковое право пользоваться общественными суммами, предназначенными для цѣлей образованія. Женщины имѣютъ право не только голоса, но и могутъ быть выбранными членами сената и палаты представителей, для нихъ закрыты лишь должности судьи, членовъ исполнительнаго правительства и онѣ не могутъ быть присяжными.

Въ настоящее время территорія Юты, какъ и всѣ прочія территоріи, имѣетъ лишь право посылать своего делегата (ко-

---

[1]) Такимъ образомъ бигамистъ или полигимистъ не можетъ быть выбранъ присяжнымъ. Этотъ законъ назначенъ еще къ пересмотру въ высшемъ совѣтѣ.

[2]) Дѣйствительно, въ законахъ о конституціи есть параграфъ, гласящій, что конгрессъ не будетъ препятствовать свободному исповѣданію какой-либо религіи, но рядомъ съ этимъ есть другой законъ, преслѣдующій всякое безнравственное дѣяніе, поэтому преслѣдованіе полигаміи можетъ быть отнесено скорѣе къ этому послѣднему закону.

[3]) Когда территорія достигнетъ стотысячнаго населенія, она имѣетъ право просить о зачисленіи ее штатомъ. Между штатомъ и территоріей большая разница въ правахъ, напримѣръ, территорія не участвуетъ даже въ президентскихъ выборахъ. Каждый штатъ управляется своими законами, подъ условіемъ, чтобы они не противорѣчили общимъ законамъ о конституціи.

нечно, не полигамиста) въ конгрессъ. Что же касается до территоріальнаго управленія, то губернаторъ и главные представители судебной власти назначаются президентомъ Соединенныхъ Штатовъ. Губернаторъ имѣетъ абсолютное veto во всѣхъ могущихъ возникать законодательныхъ и административныхъ вопросахъ. Федеральные суды имѣютъ главнаго судью и двухъ помощниковъ; ихъ разбору подлежатъ всѣ уголовныя дѣла, влекущія за собой денежный штрафъ болѣе 100 долларовъ, и всѣ гражданскія правонарушенія, со штрафомъ болѣе 500 долларовъ. Такимъ образомъ мѣстные суды имѣютъ лишь весьма ограниченную юрисдикцію. Во многихъ дистриктахъ, даже лица, на которыхъ лежитъ предварительное слѣдствіе, назначаются тоже отъ центральнаго правительства.

Что же касается до церковнаго управленія, то оно опредѣлено въ одномъ изъ божественныхъ откровеній, полученныхъ Смисомъ. Все управленіе раздѣляется на два священства, высшее, по чину Мельхиседека, и низшее, по чину Аарона. Ключи перваго получилъ Смисъ отъ апостоловъ Петра, Іакова и Іоанна, а второго отъ Іоанна Крестителя.

Главная власть сосредоточивается въ рукахъ президентства, состоящаго изъ самого президента, который считается пророкомъ, ясновидцемъ и передателемъ воли Господней, и двухъ его совѣтниковъ; затѣмъ слѣдуютъ двѣнадцать апостоловъ, имѣющихъ почти равную власть съ президентомъ,—на нихъ лежитъ управленіе и предсѣдательство въ церкви, совѣты семидесяти для проповѣдыванія Евангелія по всему міру, совѣты старѣйшинъ, для проповѣди крещенія, назначенія низшихъ должностей въ управленіи церковномъ, преподаванія таинствъ, возложенія рукъ для призыванія даровъ Духа Святого, благословенія дѣтей и веденія митинговъ. За ними идутъ представители священства по чину Аарона: епископы, совѣты священниковъ, состоящіе изъ 48 членовъ, наставниковъ 24 и дьяконовъ 12, на которыхъ лежатъ менѣе важныя обязанности, какъ-то: наблюденіе за церковью, посѣщеніе ея членовъ, проповѣди и т. п. Такъ какъ вся территорія раздѣлена на 22 части, имѣющія свои совѣты семидесяти, старѣйшинъ, священниковъ, наставниковъ и дьяконовъ, и каждая часть дѣлится еще на епархіи съ епископомъ и двумя совѣтниками во главѣ, то каждый членъ церкви, имѣющій какой-либо вѣсъ или положеніе, занимаетъ ту или другую должность въ церковномъ управленіи.

Всѣ выбираются ежегодно, при чемъ, главные представители церковной власти избираются на полугодичныхъ конференціяхъ

въ «табернаклѣ» Salt-Lake Caty, На этихъ же конференціяхъ назначаются миссіонеры. Они не только ничего за миссіонерство не получаютъ, но даже должны сами нести путевыя издержки. Если миссіонеръ не имѣетъ возможности уплатить эти издержки, то онъ долженъ по дорогѣ зарабатывать свой хлѣбъ и расходы на путешествіе. Они отправляются во всѣ части свѣта и ихъ путешествія длятся иногда два-три года, при чемъ, несмотря на ихъ трудныя обязанности [1]), не было почти примѣра отказа отъ миссіонерства. Результатомъ ихъ странствованій являются отъ двухъ до трехъ тысячъ европейскихъ эмигрантовъ, прибывающихъ ежегодно въ территоріи и дѣлающихся мормонами. Эмигранты, какъ правило, должны по меньшей мѣрѣ заплатить часть пути, остальная часть ссужается имъ изъ эмиграціоннаго фонда. Главное европейское эмигрантское управленіе мормоновъ находится въ Ливерпулѣ. Наибольшій контингентъ эмигрантовъ даетъ Англія (преимущественно Ирландія), Данія, Швеція, Норвегія, Швейцарія, Германія и Канада. По свѣденіямъ за 1880 годъ, около трети всѣхъ мормоновъ—иностранцы, т.-е. не рождены въ Соединенныхъ Штатахъ. Все населеніе территоріи, по переписи того же года, состояло изъ 143,963 человѣкъ, изъ которыхъ около 122 тысячъ мормоновъ [2]), 14 тысячъ «язычниковъ», 7 тысячъ «отступниковъ» и около тысячи іозефитовъ, т.-е. мормоновъ, не признающихъ полигаміи, секты, возникшей вслѣдствіе того, что первая жена Смиса, Эмма, сожгла оригиналъ откровенія о небесномъ бракѣ, записаннаго будто бы ея мужемъ со словъ Бога.— Изъ этого населенія, около 35 тысячъ составляетъ постоянно число учащейся молодежи.

Съ тѣхъ поръ, какъ превратилась почти двадцатилѣтняя борьба мормоновъ за существованіе, школьное дѣло пошло быстро впередъ. Въ настоящее время существуетъ около 360 дистриктныхъ школъ, сорока частныхъ, нѣсколько высшихъ учебныхъ заведеній, основанныхъ Брайамомъ Юнгомъ, и университетъ [3]) съ общей программой, доступной какъ для мормоновъ, такъ и для «язычниковъ». Наравнѣ съ школьнымъ дѣломъ быстро подвинулись и всѣ другія отрасли и условія народнаго благосостоянія. Земля, которая, по разсказамъ давнихъ странниковъ, бывавшихъ

---

[1]) Иногда сопряженныя даже съ опасностью для жизни, такъ напр. въ мое пребываніе въ территоріи въ сосѣднемъ штатѣ были убиты оскорбленными мужьями, за совращеніе женъ къ полигаміи, пять мормонскихъ старѣйшинъ.

[2]) Между ними только около трети полигамисты.

[3]) Этотъ университетъ подходитъ по программѣ къ нашимъ средне-учебнымъ заведеніямъ.

здѣсь до мормоновъ, не представляла никакой возможности обработки, при посредствѣ искусственной поливки, артезіанскихъ колодцевъ и удобренія, начала съ успѣхомъ производить всевозможные сорта злаковъ, овощей и фруктовъ. Вмѣстѣ съ развитіемъ обработки земли, шло и развитіе скотоводства. Затѣмъ всѣ предметы для удовлетворенія жизненныхъ потребностей, первоначально служившіе предметами ввоза, начали производиться на мѣстѣ, при чемъ громадное, такъ называемое кооперативное, торговое учрежденіе Сіона, основанное Юнгомъ, ворочающее въ настоящее время милліонами долларовъ, снабжаетъ потребителей предметами, по качеству и дешевизнѣ превосходящими ввозные продукты. Нѣсколько подобныхъ учрежденій меньшихъ размѣровъ, сотни фабрикъ и другихъ мануфактурныхъ заведеній, банки, фермы, покрывающіе всю территорію, способствуютъ быстрому обращенію капитала къ общему благосостоянію.

Кромѣ этого, лѣтъ десять тому назадъ, открылся еще одинъ источникъ богатства, которому, по всѣмъ вѣроятіямъ, предназначено играть большую роль въ промышленномъ значеніи территоріи,—это разнообразныя руды, находимыя въ горахъ. Онѣ состоятъ изъ золота, серебра, свинца, мѣди, антимонія, желѣза, угля, сѣры, гипса, охры, мрамора, гранита и графеля. Въ настоящее время, цѣна ежегодно добываемыхъ металловъ превосходитъ десять милліоновъ долларовъ.

Главный торговый центръ и вмѣстѣ съ тѣмъ и столица мормоновъ есть Salt Lake City, красивый городокъ въ 25,000 жителей, расположенный въ громадной котловинѣ, образуемой Скалистыми горами около двухъ озеръ, одного соленаго, отъ котораго городъ и получилъ свое названіе, и другого прѣснаго. Онъ покрытъ садами и бульварами, имѣетъ правильныя широкія улицы и нѣсколько выдающихся зданій. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ упомянутое кооперативное учрежденіе Сіона, Табернакль, большое зданіе эллиптической формы, служащее для воскресныхъ службъ [1]) и полугодичныхъ совѣщаній, громадный, вновь строющійся храмъ въ готическомъ вкусѣ, резиденція покойнаго Брайама Юнга, дворецъ его фаворитки и нѣкоторые другіе дома и зданія [2]). Кромѣ столицы въ территоріи есть еще нѣсколько

[1]) Подобно другимъ обрядамъ, богослуженіе отличается крайней простотой. Оно состоитъ изъ пѣнія нѣсколькихъ молитвъ или псалмъ, подъ звуки органа, проповѣдей старѣйшинъ, и раздачи присутствующимъ хлѣба и воды.

[2]) Между прочимъ, довольно оригинальный музей, гдѣ рядомъ съ вещами, принадлежавшими Іосифу Смису, чучелами животныхъ, индѣйскими скальпами и разными произведеніями мѣстной флоры и фауны, находится подъ стекломъ, неизвѣстно

городовъ меньшихъ размѣровъ, сотни поселеній и мѣстечекъ. Народъ живетъ вполнѣ безбѣдно, не зная недостатка работы, не обремененный налогами, доведенными въ территоріи до минимума, составляя одну семью, связанную равными правами и обязанностями. Изъ послѣднихъ главныя заключаются въ десятинной платѣ церкви, помощи нуждающимся и безусловномъ повиновеніи старѣйшинамъ. Народная нравственность тоже, повидимому, въ блестящемъ состояніи. Справки о судимости за нѣсколько лѣтъ краснорѣчиво гласятъ, что изъ всего населенія, въ которомъ 83 процента мормоновъ, лишь одна восьмая часть преступниковъ —мормоны, и изъ нихъ еще многіе подверглись судебному преслѣдованію за полигамію.

Это-то благосостояніе и процвѣтаніе страны въ сравненіи съ ея недавнимъ печальнымъ прошлымъ, благосостояніе, котораго мормоны достигли послѣ долголѣтней тяжелой борьбы со всевозможнаго рода препятствіями и которымъ они обязаны лишь самимъ себѣ, своему уму и неутомимой энергіи, и составляетъ предметъ ихъ гордости и одинъ изъ доводовъ защиты противъ тѣхъ многочисленныхъ нападеній, которымъ они подвергаются и до сихъ поръ. Въ настоящее время колоніи мормоновъ становятся все болѣе и болѣе многочисленны въ сосѣднихъ съ территоріей штатахъ и, повидимому, мормонству за исключеніемъ полигаміи, которая является лишь временнымъ эксцессомъ, суждено когда-нибудь быть господствующей религіей на всемъ американскомъ далекомъ западѣ.

В. Верещагинъ.

С.-Франциско.

какъ попавшая, русская икона Николая Чудотворца и семь большихъ фотографическихъ видовъ Петербурга и Москвы.

ПЕСТРЫЯ ПИСЬМА

Такъ какъ вы, вѣроятно, позабыли о происшествіи, которое, въ іюлѣ 1883 года, взволновало весь петербургскій чиновничій міръ, то постараюсь вкратцѣ возстановить его въ вашей памяти. Пропалъ статскій совѣтникъ Никодимъ Лукичъ Передрягинъ. Жилъ онъ на дачѣ, на Сиверской станціи варшавской желѣзной дороги, и утромъ, въ воскресный день, пошелъ въ лѣсъ по грибы. Ушелъ и не возвращался. На другой день, охотникъ изъ мѣстныхъ крестьянъ нашелъ въ лѣсу трехъ-угольную шляпу и лукошко, до половины наполненное подосиновиками, и представилъ свою находку мѣстному уряднику. Оказалось, что эти вещи принадлежали Передрягину...

Такова голая фабула загадочной драмы, столь неожиданно омрачившей мирное теченіе дачной жизни. Я помню удручающее впечатлѣніе, которое произвело это происшествіе на сиверскихъ дачниковъ. Мѣсто это и сейчасъ довольно дикое. Нѣтъ въ немъ ни Аркадій, ни Ливадій, и вообще никакихъ распутствъ, которыми знаменуетъ себя вступившая въ свои права цивилизація. По всему правому берегу излучистой рѣчки, на далекое пространство, тянется сплошной хвойный лѣсъ, и, покуда, только самая незначительная его часть подверглась захвату подъ дачи. Въ этомъ лѣсу великое изобиліе ягодъ, грибовъ, пернатыхъ и... звѣрей. Звѣрей множество, а ни городовыхъ, ни подчасковъ нѣтъ. Одинъ урядникъ на всю палестину—спрашивается, какую онъ можетъ предоставить защиту? Стало быть, ежели даже зайцы составятъ злоумышленное общество съ цѣлью пожиранія статскихъ совѣтниковъ, то и они имѣютъ возможность свое мерзкое намѣреніе привести въ исполненіе безпрепятственно.

До тѣхъ поръ, никто не сознавалъ возможности такой перспективы, но послѣ исчезновенія Передрягина, она представилась до того явною и въ то-же время унизительною, что все лѣто прошло въ неописанной тоскѣ. Ночныя прогулки при лунѣ прекратились; дѣвицы перестали ходить на станцію на-встрѣчу женихамъ; дѣтямъ позволяли рѣзвиться только въ виду дачныхъ балконовъ; и, тутъ же, по какой-то странной ассоціаціи идей, мясникъ началъ поставлять провизію очень сомнительнаго качества. Но когда, въ довершеніе всего, узнали, что у крестьянъ во ржахъ залегъ бѣглый солдатъ, то наняли по подпискѣ отрядъ калѣкъ, вооружили ихъ дубинками и приказали, за восемь желтенькихъ бумажекъ въ мѣсяцъ, защищать жизнь и достояніе дачниковъ, такъ точно, какъ въ томъ передъ страшнымъ судомъ отвѣтъ дать надлежитъ. Но и за всѣмъ тѣмъ, какъ только дождались половины августа, такъ тотчасъ же всѣ разомъ потянулись въ городъ.

Въ Петербургѣ, между чиновниками, переполохъ оказался еще рѣшительнѣе. Прежде всего, вопросъ ставился принципіально: ежели стали пропадать статскіе совѣтники, то чего же могутъ ожидать совѣтники титулярные и другіе?—Очевидно, имъ предстоитъ исчезать поминутно, и притомъ безъ всякой обстановки, открыто, на виду у всѣхъ. Влѣзъ, напримѣръ, титулярный совѣтникъ въ вагонъ конки — и поминай какъ звали! Или: встрѣтился титулярный совѣтникъ на улицѣ, и только-что вы протянули ему руку—глядь, а его ужъ нѣтъ.

Кто же будетъ дѣла вершать? кто будетъ смазывать и пускать въ ходъ эту машину, которая, подобно громадному головоногу, присасывается ко всему, къ чему ни прикоснутся ея всепроникающія щупальцы? Ахъ, господа, господа! куда мы идемъ? гдѣ мы живемъ?

Но, помимо принципіальной постановки вопроса, въ чиновническихъ волненіяхъ очень важную роль играла и самая личность пропавшаго статскаго совѣтника. Передрягина любили, потому что онъ былъ малый на всѣ руки и имѣлъ бойкое перо. Когда требовалось мыслить либерально—онъ мыслилъ либерально; когда нужно было мыслить консервативно—онъ мыслилъ консервативно. Однажды, онъ, по порученію, написалъ проектъ «О расширеніи, на случай надобности, области компетенцій»; а въ другой разъ, тоже по порученію, написалъ другой проектъ: «Или наоборотъ». А можетъ быть, и оба проекта разомъ написалъ: какъ вашему превосходительству угодно? Сверхъ того, Никодимъ Лукичъ и въ частной жизни всѣмъ съумѣлъ угодить:

былъ привѣтливъ, гостепріименъ, любилъ угостить. И жена у него была бѣлая и разсыпчатая, и называлась Акулиной Ивановной. Каждое воскресенье, утромъ, бывали у нихъ пироги, а вечеромъ на шести столахъ играли въ винтъ. На одномъ столѣ— тайные совѣтники, на двухъ—дѣйствительные статскіе, на трехъ— статскіе. Прочіе же чины, собравшись въ гостиной, говорили Акулинѣ Ивановнѣ комплименты. И въ заключеніе: милости просимъ на дорожку закусить! Разумѣется, эти jours fixes начинались только съ открытіемъ осенняго сезона, такъ что, собственно говоря, исчезновеніе Передрягина до половины сентября было бы, пожалуй, и не очень чувствительно; но кто же можетъ поручиться, что къ сентябрю онъ отыщется? Въ виду такой невзгоды, кровь застывала въ жилахъ чиновниковъ, и они, позабывъ стыдъ, открыто обвиняли начальство въ бездѣйствіи. Такъ что не было во всемъ Петербургѣ того статскаго совѣтника, который бы, при встрѣчѣ съ другимъ статскимъ совѣтникомъ, не вопіялъ во всеуслышаніе: куда же мы, однако, идемъ?—и въ отвѣтъ на этотъ вопль не услышалъ бы: да, батюшка, идемъ! Идемъ, сударь, идемъ!

Съ своей стороны, и публицистъ Скомороховъ не преминулъ подкинуть угольковъ въ разгорѣвшуюся сумятоху. Въ длинной передовицѣ «Куда мы идемъ?» (этотъ вопросъ нынѣ сдѣлался чѣмъ-то въ родѣ кошмара), онъ доводилъ до свѣденія публики о новомъ дерзкомъ подвигѣ враговъ порядка, и приписывалъ исчезновеніе Передрягина интригамъ газеты «Чего изволите». Возникла полемика. Газета «Чего изволите?» на первый разъ отвѣтила довольно игриво. Съ одной стороны, она категорически отрицалась отъ всякаго участія въ столь преступномъ дѣлѣ; но, съ другой стороны, ей, видимо, было лестно, что на нее возводятъ именно *такую* напраслину. Стало быть, и она не лыкомъ шита, стало быть, и она свою лепту... не въ этомъ дѣлѣ, конечно, но вообще... Это малодушное стремленіе за одинъ разъ поймать двухъ зайцевъ очень ловко подмѣтила газета «Нюхайте на здоровье», и ни мало не медля обострила формулированное Скоморохомымъ обвиненіе, снабдивъ его нѣкоторыми ядовитыми выдержками, изъ которыхъ половину, впрочемъ, выдумала сама. Тогда «Чего изволите» обидѣлась и сказала, что это, наконецъ, подло; а «Нюхайте на здоровье» отвѣчала: и я знаю, что подло,—давно ужъ мнѣ всѣ говорятъ, что я подлая,—да вѣдь это къ дѣлу не относится; а вотъ какъ-то вы на счетъ статскаго совѣтника Передрягина отвѣтите? кто его предательски выкралъ? и гдѣ онъ въ настоящую минуту находится? Ась?

и былъ выкраденъ, три недѣли тому назадъ, ночью прямо съ постели. Прелестниковъ же проводилъ лѣто въ окрестностяхъ Луги и, назадъ тому съ мѣсяцъ, взятъ съ прогулки въ глазахъ урядника и уведенъ въ плѣнъ. Но такъ какъ оба они числились въ отпуску, то въ Петербургѣ до сихъ поръ ихъ исчезновеніе не было извѣстно.

— Здѣшніе медвѣди совсѣмъ особенные,—сказалъ Неослабный послѣ первыхъ радостныхъ изліяній: — много они нашего брата въ плѣну держатъ. А двѣ недѣли тому назадъ даже полковницкую вдову Волшебнову, да не одну, а съ племянницей Клеопатринькой, прямо съ поѣзда сняли и привели.

— Для чего же мы имъ занадобились?—полюбопытствовалъ Передрягинъ.

— Для реформъ. Народъ молодой; на волѣ жить захотѣли— вотъ и скучно показалось въ скотскомъ видѣ оставаться; реформъ захотѣлось. А сами собой свершить не умѣютъ.

— Какія же такія реформы они затѣваютъ?

— Да какъ вамъ сказать... всего хочется! А что именно для нихъ полезнѣе — это ужъ *мы* должны опредѣлить. Вотъ я—полицію реформирую, а коллега мой—по части юстиціи реформы, какъ блины печетъ. Помаленьку да понемножку, — можетъ быть, со временемъ и польза выйдетъ. Три недѣли тому назадъ объ огнѣ въ здѣшнемъ мѣстѣ и не слыхать было, а теперь, смотрите, какіе костры горятъ!

— Но какіе же вы имѣете виды... напримѣръ, по части юстиціи?

— На счетъ юстиціи мнѣнія въ здѣшнемъ лѣсу раздѣлились. Одни говорятъ: для насъ и палокъ достаточно; другіе: надо завести настоящіе суды, какъ на Литейной. Вотъ Петръ Самойлычъ и смекаетъ: палки—само собой, а судъ—само собой. Чтобы всѣмъ было хорошо.

— А по финансовой части они статскаго совѣтника Печатникова залучили,—перебилъ Прелестниковъ:—этотъ имъ деньги съ картинками печатаетъ. И экономистъ у нихъ есть. Этотъ говоритъ: прежде всего нужно, чтобъ торговый балансъ былъ. Да спросъ, да предложеніе, да раздѣленіе труда, да накопленіе богатствъ, а объ распредѣленіи мы въ слѣдующій разъ поговоримъ. Когда все это у васъ будетъ, тогда, молъ, вы будете жить по благородному!

— Къ сухопутной части они капитана Пѣшедралова приспособили, а къ морской—лейтенанта Жевакина. Жевакинъ надѣнетъ мѣшокъ съ козой, а Пѣшедраловъ въ барабанъ бьетъ, а они представляютъ, какъ малые ребята въ полѣ горохъ во-

руютъ. Это, изволите видѣть, они до непріятеля ползкомъ добираются, врасплохъ его хотятъ застать.

— И для дамъ у нихъ дѣло нашлось: полковница молодыхъ медвѣдицъ жеманиться учитъ, а Клеопатринька «науку о женихахъ» преподаетъ.

— Ну, а я-то зачѣмъ понадобился?

— Должно полагать, что конституціи писать заставятъ. Давненько они по департаментамъ человѣчка для конституцій ищутъ, сеймъ у нихъ на всякій случай ужъ заведенъ. Сеймъ-то есть, а конституцій нѣтъ — вотъ и выходитъ, что всѣ ихъ рѣшенія какъ будто не законныя...

Вспомнилъ Никодимъ Лукичъ свои департаментскіе труды по части конституцій и мысленно сказалъ себѣ: «Ну, это еще не ахти что! дѣло знакомое, я его въ одинъ часъ кругомъ пальца обведу!» Однако, дальнѣйшія свѣденія, полученныя отъ друзей, заставили его задуматься. Во-первыхъ, конституцію предстояло писать на двое: лѣтнюю, какъ медвѣди должны поступать, когда на волѣ по лѣсу ходятъ, и зимнюю, какіе они сны должны видѣть, когда въ берлогѣ лапу сосутъ. Во-вторыхъ, и правительства настоящаго у этихъ новоявленныхъ реформаторовъ не было: ни президента, ни отвѣтственныхъ министровъ. Вмѣсто всего этого, существовала какая-то самочинная юнта, состоявшая изъ пяти самыхъ проказливыхъ медвѣдей, которые по вопросу о пользѣ конституцій не только разноголосили, но каждый, съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ, нарочно мычалъ по своему въ пику остальнымъ.

Всю эту разноголосицу предстояло уладить. Однимъ — вторить въ тонъ, другихъ — ловкимъ образомъ провести, остальныхъ — «обломать». Всѣ эти «штуки» были извѣстны Передрягину, по департаментской практикѣ, какъ свои пять пальцевъ; но онъ уже не скрывалъ отъ себя, что труда предстоитъ много, труда серьезнаго, упорнаго.

Я не буду подробно разсказывать о ходѣ занятій статскаго совѣтника Передрягина. Во-первыхъ, это привело бы меня къ оцѣнкѣ конституцій, что, по моему убѣжденію, неблаговременно и щекотливо. Во-вторыхъ, сколько мнѣ извѣстно, Никодимъ Лукичъ самъ приготовляетъ къ выпуску въ свѣтъ обширное сочиненіе подъ названіемъ «Годъ въ плѣну въ странѣ Топтыгиныхъ», и я не желалъ бы, чтобы этотъ почтенный трудъ, благодаря моей нескромности, утратилъ интересъ новизны.

Тѣмъ не менѣе, отъ нѣкоторыхъ позаимствованій я все-таки воздержаться не могу.

Прежде всего, я долженъ засвидѣтельствовать, что Передрягинъ велъ свое дѣло крайне осторожно и умно, и подъ конецъ даже проявилъ не совсѣмъ обыкновенную твердость души. Какъ человѣку опытному и проницательному, ему неоднократно представлялся вопросъ: что̀, въ сущности, означаетъ его внезапное, почти волшебное появленіе въ странѣ Топтыгиныхъ? Игра ли это простого случая, или же тутъ слѣдуетъ видѣть косвенную командировку, устроенную съ вѣдома начальства и даже по иниціативѣ его? Нерѣдко начальство задается цѣлями, опубликованіе которыхъ считается неблаговременнымъ, и потому для достиженія ихъ прибѣгаетъ къ косвеннымъ командировкамъ... Ежели это такъ, — а Передрягинъ все больше и больше склонялся къ убѣжденію, что это *именно* такъ, — то, очевидно, ему предстоитъ сообщить своимъ дѣйствіямъ такое направленіе, чтобы, впослѣдствіи, давая объ нихъ отчетъ, онъ могъ ожидать не порицанія, а одобренія своего начальства. Однимъ словомъ, онъ рѣшился дѣйствовать, *не забѣгая впередъ, но и не отступая назадъ*. Ни тпру, ни ну.

Въ этихъ видахъ, онъ первоначально внесъ въ сеймъ свой проектъ: «Или наоборотъ», какъ уже бывшій въ разсмотрѣніи и неприведенный въ дѣйствіе лишь за ненаступленіемъ благопріятной минуты. Впечатлѣніе, произведенное проектомъ, было очень хорошее. Онъ приходился какъ-разъ въ пору Топтыгинымъ, такъ что еслибы при этомъ еще влѣпить членамъ сейма по десятку горяченькихъ, то навѣрное они приняли бы «Передрягинскую конституцію» par acclamation. Но тутъ вмѣшалась полковница Волшебнова, поддержанная Жевакинымъ, и стала доказывать, что предложеніе Передрягина находится въ прямомъ противорѣчіи съ «Наукой о женихахъ»...

Говоря по совѣсти, никакихъ особенныхъ противорѣчій не было, и оппозиція Волшебновой имѣла совсѣмъ другую подкладку, весьма неказистую. Дѣло въ томъ, что на первыхъ порахъ Передрягинъ имѣлъ неосторожность повздорить съ Жевакинымъ, а Волшебнова, между тѣмъ, разсчитывала выдать за послѣдняго Клеопатриньку. Въ сущности, пререканіе вышло изъ пустяковъ, такъ что еслибъ Никодимъ Лукичъ могъ предвидѣть послѣдствія, то, конечно, сдержалъ бы себя. Рѣчь шла о предстоящей постройкѣ кораблей. Для Топтыгиныхъ это дѣло было совершенно новое, да, признаться сказать, едвали и нужное, однако, такъ какъ имъ брюхомъ захотѣлось флотовъ, то Жева-

гину было поручено представить необходимыя къ осуществленію сего предположенія. Но когда Жевакинскій докладъ поступилъ въ сеймъ, то произошли весьма важныя разногласія. Передрягинъ доказывалъ, что корабли, ради прочности, нужно строить изъ картона съ небольшимъ лишь прибавленіемъ хорошей бумаги (докладной); Жевакинъ же, ища популярности и желая какъ можно скорѣе стать во главѣ флота, утверждалъ, что предлагаемый Передрягинымъ способъ слишкомъ медленъ и обременителенъ для казны, и что на первый разъ можно удовольствоваться кораблями изъ старой афишечной бумаги. «Но будутъ ли таковые для супостатовъ вредительны?» не безъ ядовитости спросилъ Передрягинъ, и однимъ этимъ вопросомъ сразу «провалилъ» Жевакинскій проектъ...

Эту неудачу Волшебнова приняла къ сердцу и поклялась отомстить. И въ данную минуту исполнила свою клятву. Съ помощью искусныхъ діалектическихъ пріемовъ и нѣсколькихъ ловкихъ передержекъ, она сорвала сеймъ и провалила Передрягинскую затѣю навсегда.

Тогда Никодимъ Лукичъ сдѣлалъ очень ловкій ходъ. До ноября онъ провелъ время въ экивокахъ, но какъ только на землю палъ первый снѣгъ, онъ тотчасъ же изготовилъ «зимнюю конституцію» и внесъ ее въ сеймъ. Конституція заключала только одну статью: «Съ наступленіемъ зимы всякій да заляжетъ въ берлогу и да сосетъ лапу». Разумѣется, интрига и тутъ съ обычною наглостью начала доказывать, что предложенный Передрягинымъ проектъ есть не что иное какъ подвохъ, пущенный съ цѣлью окончательно похоронить конституціонный вопросъ; но было уже поздно. Берлоги стояли уже совсѣмъ готовыя, и большинство Топтыгиныхъ ходило сонное, мечтая единственно объ удовольствіяхъ предстоящей спячки. Благодаря этому вѣянію, «зимняя конституція» прошла громаднымъ большинствомъ и принятіе ея ознаменовалось обычными празднествами. Выкатили народу нѣсколько бочекъ краденнаго вина и наняли хоръ снигирей пѣть пѣсни. Но соловьевъ, за суровымъ временемъ, добыть не могли.

Зима прошла благополучно. Охотничьихъ облавъ въ этой мѣстности не бываетъ, и Топтыгины наслаждаются такою обезпеченностью, какая и людямъ не всегда достается въ удѣлъ. Но, что всего замѣчательнѣе, и статскіе совѣтники, увидѣвъ себя среди этого соннаго царства, не выдержали.

«Сначала, мнѣ сіе удивительнымъ казалось, пишетъ по этому поводу Передрягинъ: какъ это живыя существа почти половину

года во снѣ проводятъ; но такъ велико было обаяніе внезапно обступившей насъ тишины, что и мы съ товарищами, какъ ни крѣпились, но недѣли черезъ двѣ тоже вынуждены были общему примѣру послѣдовать. А въ томъ числѣ и госпожа Волшебнова съ родственницею».

Тѣмъ не менѣе, съ наступленіемъ весны, конституціонный вопросъ, силою обстоятельствъ, настойчивѣе прежняго выступилъ на очередь. Топтыгины вышли изъ берлогъ и не знали, какъ поступать. Ибо зимняя конституція предвидѣла только сосаніе лапы, а такой конституціи, которая бы о прочихъ поступкахъ упоминала, припасено не было. Приступили къ Передрягину, но послѣдній, освѣжившись четырехмѣсячнымъ отдыхомъ, понялъ, что почва, на которую ему предстоитъ вступить, далеко не безопасна. Сверхъ того, онъ вспомнилъ, что, будучи уже однажды призванъ къ отвѣту по поводу проекта о расширеніи компетенцій, онъ и тогда избѣгнулъ отвѣтственности единственно потому, что далъ начальству клятву ни о какихъ компетенціяхъ впредь не помышлять. Сообразивъ все это, онъ принялъ безповоротное рѣшеніе. Безъ запальчивости, но твердо онъ заявилъ, что для существъ, которыя для реформъ отыскиваютъ по департаментамъ статскихъ совѣтниковъ, совершенно достаточно одной зимней конституціи. «Есть народы и почище васъ, сказалъ онъ, но и тѣ довольствуются зимней конституціей, и подъ сѣнію ея благополучно почиваютъ». Словомъ сказать, на всѣ топтыгинскія настоянія отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ.

Услышавъ это, Топтыгины совсѣмъ ошалѣли. Произошли волненія и даже неистовства, въ которыхъ, къ сожалѣнію, не послѣднюю роль играла полковница Волшебнова. Никодимъ Лукичъ пострадалъ.

Нужно прочитать въ подлинникѣ скорбную повѣсть этихъ страданій, чтобы получить понятіе о томъ запасѣ нравственной чистоты, которымъ долженъ былъ обладать безвѣстный статскій совѣтникъ, вознамѣрившійся лучше пожертвовать своей популярностью, нежели нарушить данную клятву. Но пусть читатель узнаетъ объ этомъ изъ сочиненія самого Передрягина. Я же скажу здѣсь кратко: все лѣто прошло въ поступкахъ самаго безумнаго свойства. Топтыгины, не получивъ удовлетворенія въ главномъ своемъ домогательствѣ, и къ прочимъ реформамъ сдѣлались равнодушны; они твердили одно: зачѣмъ намъ суды, зачѣмъ кутузка, зачѣмъ балансъ, коль скоро мы не понимаемъ, по какой причинѣ и на какой предметъ?

Вообще, я долженъ сознаться, что вся эта исторія пред-

ставлялась бы очень странною и исполненною всякаго рода загадочностей, еслибы Передрягину не удалось, наконецъ, выяснить, въ чемъ собственно заключался ея секретъ. Съ теченіемъ времени, все болѣе и болѣе всматриваясь въ окружающую его среду, онъ сдѣлалъ открытіе чрезвычайной важности. А именно, убѣдился и неопровержимыми фактами доказалъ, что существа, державшія его въ плѣну, совсѣмъ не медвѣди, а особаго рода «братўшки», которые еще въ древности самочинно развелись въ глухой мѣстности лужскаго уѣзда, и доднесь тамъ жуируютъ, уклоняясь отъ выполненія рекрутской повинности и платежа податей. Многіе вѣка они жили въ дикомъ состояніи, не имѣя прочныхъ жилищъ, не заводя ни полиціи, ни юстиціи, ни народнаго просвѣщенія и не подавая о себѣ ревизскихъ сказокъ, какъ вдругъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, очнулись. Очнулись безъ повода и даже безъ надобности, сами не зная зачѣмъ. И, узнавъ, что въ Петербургѣ есть статскіе совѣтники, которые умѣютъ для братўшекъ конституціи писать, стали подыскивать и для себя таковыхъ.

Я не буду перечислять здѣсь факты, приводимые Передрягинымъ въ доказательство справедливости сдѣланныхъ имъ открытій. По мнѣнію моему, эта справедливость всего лучше подтверждается катастрофою, которою, въ концѣ-концовъ, разрѣшилась эта суматоха.

Извѣстно, что когда жизнь начинаетъ предъявлять требованія, то вмѣстѣ съ тѣмъ въ обществѣ обнаруживается броженіе. Броженіе это преимущественно выражается въ появленіи безчисленнаго множества разномастныхъ политическихъ партій, которыя не пренебрегаютъ никакими средствами, чтобы подсидѣть другъ друга. Въ особенности же ожесточенно и даже безчестно дѣйствуетъ въ этихъ случаяхъ партія старыхъ, отживающихъ порядковъ. Составленная изъ людей мелко-самолюбивыхъ, съ потухшими сердцами, воспитанная въ дурныхъ привычкахъ ябеды, своекорыстія и любоначалія, растерявшая, въ теченіе продолжительной и безплодной житейской суматохи, всякій жизненный смыслъ и всѣ человѣческія побужденія, кромѣ одного: злобы—эта партія, на первыхъ порахъ, лицемѣрно подлаживается къ заставшему ее врасплохъ движенію, и затѣмъ коварно подстерегаетъ всякое колебаніе, всякій ошибочный шагъ, чтобы броситься на своихъ противниковъ и моментально ихъ задушить.

Такого рода старовѣрческая партія существовала и среди братўшекъ лужскаго уѣзда.

Топтыгинское возрожденіе изумило старовѣровъ своею не-

ожиданностью, и испугало крайнею живостью своихъ первыхъ проявленій. Тѣмъ не менѣе, они притворились подчинившимися, и даже старались выказать самихъ себя въ возможно смирномъ и даже презрѣнномъ видѣ. Но въ дѣйствительности, они только выжидали благопріятнаго момента, и постепенно переходя отъ одного коварства къ другому, то подстрекая, то сѣя вражду, вошли, наконецъ, въ секретные переговоры съ мѣстнымъ урядникомъ.

И,—увы!—я не могу скрыть, что душою и руководителемъ этого предательства былъ статскій совѣтникъ Никодимъ Лукичъ Передрягинъ...

Времена созрѣли.

Въ концѣ минувшаго сентября, ровно черезъ четырнадцать мѣсяцевъ послѣ плѣненія Передрягина, въ ту минуту, когда неурядица среди Топтыгинскаго племени достигла размѣровъ по истинѣ нетерпимыхъ, до веселой поляны, обитаемой братушками, донеслись звуки приближающагося колокольчика. Топтыгины тотчасъ же догадались, что эти звуки возвѣщаютъ пріѣздъ изъ Луги начальства...

Переборка пошла очень быстро. Зачинщики сейчасъ же были отдѣлены и препровождены; прочіе братушки—тщательно переписаны и внесены въ ревизскія сказки. Затѣмъ, имуществу Топтыгиныхъ была произведена опись и оцѣнка, причемъ открытъ складъ воровскихъ вещей, изъ коихъ нѣкоторыя, какъ, напримѣръ, двадцать дюжинъ дамскихъ кальсоновъ, очевидно, были украдены по недоразумѣнію. Оцѣненъ былъ и громадный запасъ еловыхъ шишекъ, между которыми оказалось и нѣсколько геморроидальныхъ. Этотъ плодъ многолѣтняго труда цѣлаго племени былъ опечатанъ и сданъ подъ росписку старѣйшинѣ, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи найти для него сбытъ на иностранныхъ рынкахъ. Что касается до статскихъ совѣтниковъ и прочихъ инструкторовъ, то ихъ съ первымъ же поѣздомъ отправили въ Петербургъ для распредѣленія по подлежащимъ вѣдомствамъ. И въ заключеніе, съ полковницей Волшебновой и ея родственницей было поступлено по произволенію.

Замѣчательно, что при этой переборкѣ всего больше пострадали вожаки изъ партіи старовѣровъ. Хотя нельзя было отрицать, что казенный интересъ, столь продолжительное время поруганный, лишь благодаря ихъ рвенію вступилъ, наконецъ, въ свои права, но, съ другой стороны, чувство справедливости убѣждало, что старовѣры дѣйствовали въ этомъ случаѣ не столько за совѣсть, сколько за страхъ. Въ сущности, вѣдь они-то, по преимуществу, и поддерживали, въ теченіе столѣтій, тотъ порядокъ вещей, ко-

торый помогалъ Топтыгинымъ уклоняться отъ рекрутства и отъ платежа податей. Стало быть, совсѣмъ не усердіе, а только злоба, вызванная утратой привилегированнаго положенія, сдѣлала ихъ поборниками казеннаго интереса.

— Сегодня вы усердіе и покорность выказываете,—сказалъ имъ урядникъ Справедливый, на котораго были возложены всѣ труды по возсоединенію заблудшихъ братушекъ: — а завтра вы опять начнете кляузничать и отвиливать отъ узаконенныхъ властей!

Однимъ словомъ, воздаяніе было полное и справедливое. А черезъ мѣсяцъ, къ братушкамъ была проведена столбовая дорога, и на каждую берлогу выданъ отдѣльный окладной листъ. Такъ что въ настоящее время, ни урядникъ, ни сборщикъ податей уже не встрѣчаютъ больше препятствій при исполненіи своихъ обязанностей.

И живутъ-себѣ Топтыгины какъ у Христа за пазушкой. Смирно, благородно, безъ конституцій.

Что же сталось съ Передрягинымъ?—получилъ ли онъ за свою твердость соотвѣтственную награду? спросятъ меня читатели.

Какъ это ни прискорбно, но на послѣдній вопросъ я могу отвѣтить только отрицательно. Почтеннѣйшій Никодимъ Лукичъ не только не получилъ награды, но даже вынужденъ былъ подать въ отставку.

Причиною всему было слово «конституція».

Хотя и Прелестниковъ, и Неослабный, по совѣсти, засвидѣтельствовали о неуклонной борьбѣ Передрягина съ конституціоналистами, но они не могли скрыть, что въ первое время своего плѣна Никодимъ Лукичъ довольно-таки ходко пошелъ на-встрѣчу топтыгинскимъ затѣямъ, и что во всякомъ случаѣ онъ, а не кто другой, былъ авторомъ пресловутой «зимней конституціи», которая на цѣлыхъ полгода отдалила раскрытіе злонамѣренныхъ укрывательствъ, грозившихъ казнѣ безвременнымъ оскудѣніемъ.

Разумѣется, распоряженіе не замедлило.

Теперь, Передрягинъ скромно живетъ съ своею Акулиной Ивановной и довольствуется обществомъ титулярныхъ совѣтниковъ. Статскіе совѣтники его опасаются; дѣйствительные статскіе совѣтники хотя и не выказываютъ явной боязни, но дѣйствуютъ нà-двое. Что же касается тайныхъ совѣтниковъ, то они просто-на-просто дразнятся: конституціоналистъ! конституціоналистъ!

Тѣмъ не менѣе, Передрягинъ не унываетъ, и даже, повиди-

мому, совсѣмъ примирился съ своимъ новымъ званіемъ. На-днях я его встрѣтилъ идущимъ въ контору «Полицейскихъ Вѣдомостей», куда онъ несъ, для опубликованія, объявленіе. Объявленіе это гласило:

НОВОСТЬ!! СТАТСКІЙ СОВѢТНИКЪ ПЕРЕДРЯГИНЪ!!!
(Знаменская, Гусевъ переулокъ, 29).

Изготовляетъ КОНСТИТУЦІИ для всѣхъ странъ и во всѣхъ смыслахъ. Проектируетъ реформы судебныя, земскія и иныя, а равно ходатайствуетъ объ упраздненіи таковыхъ. Имѣетъ аттестаты. Вознагражденіе умѣренное. Согласенъ въ отъѣздъ.

И вы увидите, что объявленіе это, чего добраго, возъимѣетъ дѣйствіе, и Передрягинъ получитъ заказъ.

Н. Щедринъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

ПОДЪ НЕБОМЪ ГОЛУБЫМЪ.

Опять я здѣсь, подъ вашей тихой сѣнью,
Подъ сѣнью ласковой, душистой и живой;
Опять хочу, съ обычной южной лѣнью
Здѣсь отдохнуть и тѣломъ и душой.
Всѣ злобы дня, тревоги и волненья
Хочу хоть здѣсь на время позабыть;
Отдавшись вновь замолкшимъ пѣснопѣньямъ
Хочу свой духъ унылый оживить...
Но риѳмы нѣтъ; нѣтъ прежнихъ вдохновеній,
Усталъ мой умъ, угасъ свѣтильникъ мой
И скорби всѣ, заботы и волненья
Мнѣ не забыть озлобленной душой!
Подъ говоръ волнъ, подъ темныхъ сосенъ шопотъ,
Я буду все носить знакомую печаль,
Все будетъ слышенъ мнѣ знакомый, скорбный ропотъ,
Все будетъ мысль нестись въ ту сѣверную даль,—
Суровый край, обиженный природой,
Край заколдованный волшебницею злой,—
Забытый и тепломъ, и свѣтомъ, и свободой...
Край и унынія, и горести нѣмой.
Мнѣ-ль позабыть тебя, край долгаго терпѣнья,
Безпечно погрузясь въ изнѣженную лѣнь?
И мнѣ-ль, предавшись вновь бывалымъ пѣснопѣньямъ,
Безпечно воспѣвать долинъ роскошныхъ сѣнь?..

Нѣтъ, муза,—замолчи! Твой стихъ слезами полонъ,
Такъ не темни-жъ ты имъ ликующихъ небесъ!
Пускай вокругъ меня шумятъ безпечно волны,
И тихо шепчется сосновый, темный лѣсъ...

ОПЯТЬ НА РОДИНѢ...

Тянутся болотныя, грустныя поля.
Вотъ она—родимая, бѣдная земля!
Вотъ кустарникъ рѣдкій, пожелтѣлый лѣсъ,
Вотъ онъ, отблескъ тусклый, сѣренькихъ небесъ.
Темныя избенки, съёжившись, стоятъ;—
Подъ гнилой соломой не красно глядятъ...
Хлѣбушко неубранный, сложенный снопомъ,
Низко, будто жалуясь, бьетъ землѣ челомъ.
Черный воронъ каркая, тяжело летитъ,
Низко небо сѣрое надъ землей виситъ,—
И все тѣ же тянутся грустныя поля...
Да!—Это родимая, бѣдная земля!..

С. Л.

ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКІЯ МОНАРХІИ

ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ.

Замѣчается ли упадокъ монархическаго начала въ западной Европѣ? Лѣтъ тридцать-сорокъ тому назадъ можно было отвѣчать на этотъ вопросъ утвердительно. Государственные люди находились еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ революціонныхъ движеній и взрывовъ, угрожавшихъ всему политическому строю Запада. Глухая внутренняя борьба не прекращалась въ европейскихъ обществахъ, съ начала текущаго столѣтія; министры и дипломаты были всецѣло поглощены заботами объ охранѣ престоловъ и алтарей, среди взволнованныхъ общественныхъ теченій, скрывавшихъ въ себѣ невѣдомыя опасности. «Превратныя» идеи и «тлетворныя» вліянія прорывались наружу во множествѣ мелкихъ и крупныхъ событій, бросавшихъ тѣнь на будущее. Могущественные троны колебались отъ неожиданныхъ толчковъ, разносившихся ураганомъ по Европѣ. Въ одинъ лѣтній іюльскій день погибла во Франціи старая королевская власть, казавшаяся еще наканунѣ прочною и крѣпкою, въ лицѣ энергическаго Карла X; такая же судьба постигла и новое, болѣе либеральное, правительство Луи-Филиппа. Причины этихъ внезапныхъ паденій были не всегда ясны для современниковъ. «Февральская революція, — какъ говоритъ одинъ изъ очевидцевъ и дѣятелей ея, Жюль Симонъ,—возникла изъ недоразумѣнія, существовала недоразумѣніемъ и сама сдѣлалась жертвою недоразумѣнія». Ясно было только одно,—что историческая почва

западно-европейскихъ монархій расшатана въ конецъ. Число республиканцевъ возрастало повсюду; къ нимъ принадлежали лучшіе патріоты Италіи. Тайныя общества карбонаріевъ, масоновъ и всякаго рода революціонеровъ, получили небывалое развитіе и значеніе, несмотря на жестокія карательныя и предупредительныя мѣры правительствъ. Дѣятельность «короля-бомбы» въ Неаполѣ не могла, конечно, способствовать укрѣпленію монархіи, а вмѣшательство великихъ державъ въ защиту подданныхъ Фердинанда II указывало уже на существованіе серьезнаго кризиса въ области консервативныхъ традицій.

Совершенно въ другомъ видѣ представляется положеніе дѣлъ въ настоящее время. Опасенія монархистовъ и надежды республиканцевъ одинаково не оправдались. Монархія утвердилась тамъ, гдѣ корни ея были наиболѣе подорваны; приверженцы республики въ Италіи, какъ Кайроли, Занарделли, дѣлаются министрами короля Гумберта, и республиканская партія почти исчезла въ итальянскомъ народѣ. Въ Испаніи спокойно царствуетъ сынъ королевы Изабеллы, потерявшей престолъ въ 1867 году, и бывшіе республиканцы примиряются съ правленіемъ донъ-Альфонса. Австрійская имперія свободна теперь отъ смутъ, возобновлявшихся въ ней періодически, и императоръ Францъ-Іосифъ, принявшій власть послѣ вынужденнаго отреченія своего дяди, Фердинанда I, успѣшно вывелъ страну изъ того состоянія, когда реакція чередовалась съ революціею. Прежніе противники монархіи являются ея вѣрными слугами; одинъ изъ талантливыхъ руководителей вѣнскаго кабинета, графъ Андраши, имѣлъ за собою такое же прошлое, какъ и нынѣшній президентъ австрійскаго парламента, Смолка. Чувство «лойяльности» никогда еще не было такъ твердо и единодушно въ Австріи, какъ нынѣ. Мы не говоримъ уже объ Англіи, гдѣ впечатлѣнія послѣднихъ лѣтъ Георга III, удрученнаго душевною болѣзнью, изгладились окончательно въ правленіе королевы Викторіи. Кризисъ, который переживали монархіи Запада въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ, не коснулся самой сущности монархическаго устройства; точно также и новѣйшій кризисъ парламентаризма, какъ мы указывали въ другомъ мѣстѣ [1]), вызывается лишь неправильнымъ примѣненіемъ основныхъ началъ народнаго самоуправленія.

Современная роль монархіи въ западной Европѣ придаетъ

---

[1]) См. „Вѣстникъ Европы“ за текущій годъ, сентябрь, стр. 337 и слѣд.

особый интересъ изученію ея роли и характера въ прошедшемъ. Мы остановимся преимущественно на тѣхъ общихъ метаморфозахъ, которымъ подвергалась политическая власть въ государствахъ, развившихся подъ вліяніемъ односторонняго антагонизма между властью и народомъ.

I.

Внутренняя исторія народная представляетъ какъ бы изнанку внѣшней, политической; она имѣетъ свой особый ходъ, часто противоположный тому, который видится историку на поверхности. Наружное движеніе впередъ можетъ сопровождаться обратнымъ теченіемъ въ глубинахъ народныхъ; процвѣтаніе господствующихъ элементовъ общества, ихъ шумные успѣхи, политическіе и культурные, скрываютъ нерѣдко отъ взоровъ наблюдателя полный упадокъ матеріальныхъ и нравственныхъ силъ большинства населенія. Въ то время, какъ вся передняя часть исторической сцены занята горстью предпріимчивыхъ героевъ съ ихъ дружинами,—народы оставались гдѣ-то въ туманѣ, на заднемъ дворѣ исторіи, подвергаясь періодическимъ набѣгамъ и вымогательствамъ. Нѣтъ задачи болѣе благодарной для историка и публициста, какъ прослѣдить эту печальную цѣпь закулисныхъ историческихъ картинъ, на темномъ фонѣ которыхъ столь ярко обрисовывается блескъ предводителей, слава ихъ подвиговъ и похожденій. Начнемъ съ исторіи человѣческихъ обществъ въ ихъ зародышѣ.

Народы долгое время управляются, въ теченіе многихъ поколѣній, родовыми старѣйшинами, временными или пожизненными начальниками общинъ, и, наконецъ, военными вождями, избираемыми на время войны. Только столкновенія между членами сосѣднихъ общинъ привели къ необходимости внѣ-общинной судебной власти; споры между самими общинами и племенами выдвигали полководцевъ. Значеніе вождей возрастало вмѣстѣ съ образованіемъ союзовъ между родственными общинами; общественныя дѣла все болѣе удалялись отъ гражданъ отдѣльныхъ селеній и становились какъ бы частнымъ достояніемъ вождей. Политическія полномочія дѣлаются мало-по-малу предметомъ собственности. То, что нѣкогда было средствомъ, превращается въ цѣль; интересы общежитія поглощаются порядкомъ, предназначеннымъ для ихъ удовлетворенія и защиты.

Эта коренная перемѣна приводила часто къ уродливымъ отношеніямъ и обычаямъ, непонятнымъ для постороннихъ наблюдателей. Во многихъ странахъ Азіи и Африки бывшіе старѣйшины или ихъ потомки оказываются уже не правителями, а владѣльцами человѣческаго стада. У племени ніамъ-ніамъ въ центральной Африкѣ «король», отъ времени до времени, бросается на кого-либо изъ своихъ подданныхъ и рубитъ ему голову топоромъ, чтобы подтвердить свое право распоряжаться своею собственностью. У ашантіевъ «король имѣетъ 3,333 жены—обязательное мистическое число; онъ окруженъ мальчиками, которые имѣютъ право отбирать у населенія все, чтó имъ понравится; всякій плевокъ короля тщательно вытирается ими и покрывается пескомъ, а когда король чихнетъ, всѣ присутствующіе мгновенно принимаютъ молитвенную позу». Въ долинѣ Нигера, у племени катунга, когда король даетъ аудіенцію, евнухи, придворные и всѣ окружающіе ложатся на землю и усердно барахтаются головами въ пыли; чѣмъ сильнѣе окажется кто запачканнымъ, тѣмъ болѣе гордится онъ предъ соперниками. Въ странѣ Мтезы, близъ озеръ верхняго Нила, всякое нарушеніе придворнаго церемоніала немедленно наказывается смертью; люди приближаются къ королю не иначе, какъ ползая на четверенькахъ, и рѣшеніе его, каково бы оно ни было, принимается виновнымъ съ криками радости и съ восторженными движеніями тѣла на землѣ; молодыя дѣвушки благоговѣйно предлагаются королю родителями для его гарема, гдѣ одалискамъ грозитъ смертная казнь за неумѣнье нравиться повелителю. Въ сіамскомъ королевствѣ каждый называетъ себя ругательными или уменьшительными именами, обращаясь къ человѣку высшему по положенію: «я собака, я животное»,—это обычныя формулы въ разговорахъ между подчиненными и начальствомъ. У нѣкоторыхъ племенъ принято прятать драгоцѣнности при приближеніи короля, такъ какъ послѣдній можетъ присвоить ихъ себѣ [1]. Очевидно, фактическая власть, которою пользовались вожди и старѣйшины, послужила источникомъ злоупотребленій и произвола, а эти злоупотребленія были со временемъ возведены въ общее правило и заставили людей забыть ту цѣль, для которой назначались предводители.

Слѣды прежнихъ отношеній къ общественнымъ дѣламъ обнаруживаются еще въ болѣе важныхъ вопросахъ о войнѣ или

---

[1]) Charles *Letourneau*, La Sociologie d'après l'ethnographie (Paris, 1880), стр. 439—460.

мирѣ. У тѣхъ же ашантіевъ, которые отличаются такимъ низкопоклонствомъ относительно вождей, существуютъ совѣщательныя собранія для обсужденія общихъ дѣлъ, при участіи представителей племени. У кафровъ король, облеченный верховною властью, не принимаетъ никакихъ серьезныхъ рѣшеній безъ созыва народнаго собранія; на этихъ сходкахъ люди не стѣсняются говорить совершенно свободно, и король обязанъ выслушивать всякія мнѣнія, какъ бы непріятны они ни были ему лично. У мандинговъ король всегда обращается къ совѣту стариковъ и начальниковъ, прежде чѣмъ заключить миръ или рѣшить какое-либо важное дѣло; этотъ обычай сохранился въ большей части Африки. Старинныя права общинъ перепутываются съ продуктами новаго рабства, въ самыхъ разнообразныхъ сочетаніяхъ. При выборѣ или утвержденіи короля у племени бамбарасовъ представители народа напоминаютъ новому вождю его полномочія и обязанности въ слѣдующихъ словахъ: «прежде чѣмъ принять власть, ты долженъ знать четыре вещи, —во-первыхъ, что ты нашъ повелитель и что наши головы принадлежатъ тебѣ; во-вторыхъ, что ты долженъ обращаться съ нами, какъ обращались съ нами твои предшественники; въ третьихъ, что ты долженъ заставить уважать законы и заботиться о народѣ; въ четвертыхъ, что ты долженъ заслужить честь, выпавшую на твою долю, и отличиться на войнѣ». Простодушные дикари не видятъ противорѣчія между отдачею своихъ головъ въ распоряженіе вождя и требованіемъ отъ него заботливости о соблюденіи общихъ интересовъ и законовъ; это противорѣчіе можетъ долго оставаться въ скрытомъ состояніи, пока не явятся благопріятныя обстоятельства для превращенія фразы о головахъ въ печальную дѣйствительность.

Само собою разумѣется, что примѣнять къ быту дикихъ народовъ европейскія понятія и названія было бы крайне ошибочно; слово: «король» или «монархія» довольно преждевременно, когда рѣчь идетъ о первобытномъ политическомъ устройствѣ человѣческихъ обществъ. Въ этомъ отношеніи сильно грѣшатъ европейскіе путешественники и этнографы; они постоянно провозглашаютъ «королями» простыхъ старѣйшинъ и предводителей, весьма далекихъ еще отъ мысли о наслѣдственной власти. Много ошибокъ въ этомъ родѣ содержится въ книгѣ Летурно, упомянутой нами выше; авторъ повсюду ищетъ и находитъ монархію, феодализмъ, вассаловъ и сюзереновъ, хотя эти названія вовсе не соотвѣтствуютъ условіямъ жизни описываемыхъ племенъ. Столь же произвольны взгляды Спенсера, основанные на пред-

положеніи цѣлесообразности въ ходѣ развитія народовъ. Идея «развитія» даетъ невѣрное освѣщеніе фактамъ, въ которыхъ нѣтъ ни разумной цѣли, ни сознательной общественной основы, — фактамъ, возникшимъ путемъ извращенія, насильственнаго или добровольнаго.

Герберть Спенсеръ различаетъ два типа обществъ — высшій типъ, промышленный, и низшій, воинственный; подъ эти двѣ формы онъ подводитъ всѣ разнообразные виды общежитія. Ему кажется несомнѣннымъ, что путь совершенствованія ведетъ отъ военнаго режима къ господству промышленности; свободная Англія, какъ промышленное общество, противопоставляется имъ Германіи, какъ обществу военному, съ характеромъ государственной централизаціи. Не трудно замѣтить, что Англія есть такая же воинственная держава, какъ и Пруссія, съ тою только разницею, что ея боевыя силы дѣйствуютъ на моряхъ и не отражаются замѣтно на внутреннемъ устройствѣ страны. Англичане гораздо чаще прибѣгаютъ къ оружію, чѣмъ германцы; для индійцевъ, афганцевъ, зулусовъ, египтянъ и для многихъ другихъ народовъ Англія представляется самой воинственной и беззощадною державою въ мірѣ, тогда какъ нѣмцы вездѣ остаются элементомъ миролюбивымъ и умѣреннымъ. Не говоримъ уже о томъ, что націю философскую по преимуществу несправедливо причислять къ одностороннему военному типу; нѣтъ также основанія думать, что развитіе промышленности есть признакъ высшей культуры и что оно имѣетъ преимущество передъ развитіемъ умственнымъ и научнымъ, отличающимъ Германію.

Спенсеръ отыскиваетъ правильную послѣдовательность тамъ, гдѣ ея нѣтъ; онъ предполагаетъ теоретическій смыслъ въ явленіяхъ, порождаемыхъ массою произвольныхъ и случайныхъ вліяній. «Несомнѣнно,—говоритъ онъ,—что въ началѣ власть старѣйшины есть въ извѣстныхъ отношеніяхъ власть личная: его большая сила, мужество или знанія даютъ возможность поддерживать свою индивидуальную волю. Но очевидность убѣждаетъ насъ, что его индивидуальная воля является лишь маловажнымъ факторомъ и что власть, которою онъ пользуется, пропорціональна тому, въ какой мѣрѣ находятъ въ ней свое выраженіе желанія остального народа». Скорѣе можно сказать наоборотъ: воля старѣйшины въ началѣ выражаетъ собою волю цѣлаго племени, а потомъ подавляетъ эту общую волю и замѣняетъ ее личнымъ владычествомъ. По мнѣнію Спенсера, главную роль въ устройствѣ общежитія играютъ традиціонные обычаи, переходящіе отъ поколѣнія къ поколѣнію; настоящее подчиняется прошедшему,

живые управляются мертвыми. «Правительственное чувство населенія есть накопленное и организованное чувство прошлаго... Правитель, являющійся отчасти органомъ окружающихъ его воль, еще въ большей мѣрѣ есть органъ воль отошедшихъ, и его собственная воля, сильно сдерживаемая первыми, еще въ большей степени сдерживается послѣдними... Правитель—это агентъ, черезъ котораго чувства мертвыхъ контролируютъ дѣйствія живыхъ» [1]). Между тѣмъ, старѣйшины стоятъ нисколько не ближе къ прошлому, чѣмъ остальное населеніе, и завѣты предковъ для нихъ не болѣе священны, чѣмъ для большинства: часто воля мертвыхъ служитъ лишь удобнымъ прикрытіемъ для перемѣнъ, желательныхъ правителямъ. Оптимизмъ Спенсера сказывается во многихъ отдѣльныхъ его замѣчаніяхъ и выводахъ. «Крѣпостное состояніе,—по его словамъ,—возникаетъ вмѣстѣ съ завоеваніемъ и присоединеніемъ цѣлыхъ областей»; но каждый знаетъ, что крѣпостное право устанавливалось также помимо всякихъ завоеваній, въ средѣ однороднаго населенія, и что наши помѣщики не были побѣдителями по отношенію къ крестьянству. «Очевидно,—замѣчаетъ Спенсеръ, — что на низшихъ ступеняхъ соціальнаго развитія, когда связь слишкомъ незначительна, а потребность въ сплоченіи громадна, принципъ наслѣдственности необходимо получаетъ преобладаніе надъ принципомъ способности, особенно по отношенію къ политическому главенству». Извѣстно, однако, что наслѣдственная власть и опредѣленный порядокъ ея преемства вырабатываются уже въ позднѣйшее время, а вовсе не «на низшихъ ступеняхъ» общественнаго быта; въ азіатскихъ монархіяхъ понынѣ еще не утвердилась передача престоловъ по наслѣдству, и смѣна правителей не обходится безъ сильныхъ споровъ, иногда убійствъ и междоусобій. «Обыкновенно,—говоритъ еще Спенсеръ,—въ обществахъ, гдѣ ниспровергается король, возбудившій неудовольствіе, на его мѣсто избирается другой король; это объясняется тѣмъ, что общественное чувство въ среднемъ выводѣ не только не тяготится самодержавіемъ, а напротивъ, желаетъ его, создаетъ абсолютныхъ правителей и даетъ имъ ту власть, которою они располагаютъ»; при этомъ упущено только изъ виду, что общественное чувство можетъ вовсе не существовать въ организованномъ видѣ, оставаясь пассивнымъ и подавленнымъ даже при выборѣ новыхъ королей. Одностороннимъ слѣдуетъ признать и то мнѣніе Спенсера, что

---

[1]) Гербертъ Спенсеръ, „Развитіе политическихъ учрежденій", рус. перев., стр. 103—6.

«подчиненность народовъ деспотизму правителей значительно содѣйствовала движенію цивилизаціи впередъ», такъ какъ «въ борьбѣ обществъ за существованіе побѣждали тѣ, которые при равенствѣ другихъ условій больше подчинялись вождямъ и королямъ» [1]). Турки мало помогли успѣхамъ цивилизаціи, такъ же точно какъ и персы, и китайцы,—не смотря на деспотизмъ ихъ правительствъ; древнія деспотіи разгромлены были войсками республикъ Греціи и Рима, и классическій міръ достигъ своего высшаго развитія подъ властью народа, который не имѣлъ королей. Крѣпкая форма сама по себѣ не служитъ еще гарантіею силы и жизненности содержанія.

II.

Королевская власть образовалась изъ двоякаго рода функцій —военной и судебной. Эти двѣ категоріи общественнаго служенія съ самыхъ раннихъ временъ соединяются съ званіемъ короля. Въ древности всѣ короли были полководцами или судьями; законодательство въ настоящемъ смыслѣ этого слова не входило въ обычный кругъ ихъ могущества. Сильнѣйшіе цари Востока оставляли неприкосновеннымъ внутренній бытъ народа, съ его правовыми воззрѣніями и обычаями. Много монархій пронеслось надъ старинными народными учрежденіями Индіи, не коснувшись ихъ; только просвѣщенное владычество англичанъ подорвало ихъ въ корнѣ. Судебныя и военныя занятія исчерпывали собою полномочія древнихъ королей.

Что основателями династій были большею частью полководцы, располагавшіе преданнымъ войскомъ,—это фактъ, настолько извѣстный и понятный, что распространяться о немъ нѣтъ надобности. Гораздо интереснѣе вопросъ о короляхъ-судьяхъ.

Любопытный примѣръ превращенія судьи въ короля разсказанъ у Геродота. «Между мидянами,—говоритъ Геродотъ,—находился умный человѣкъ, по имени Дейокъ. Мидяне жили въ разрозненныхъ селеніяхъ. Дейокъ, который и ранѣе былъ уважаемъ въ своемъ селеніи, старался всегда поддерживать справедливость и дѣлалъ это тѣмъ охотнѣе, что много беззаконія господствовало тогда во всей Мидіи. Мидяне изъ того-же села оцѣнили характеръ человѣка и избрали его судьею; а онъ былъ справедливъ и прямодушенъ, и этимъ способомъ дѣйствій пріобрѣлъ немалую похвалу

[1]) Тамъ же, стр. 70, 110, 130, 151—2 и др.

отъ своихъ согражданъ (односельцевъ), такъ-что люди, жившіе въ другихъ селеніяхъ, узнавъ, что Дейокъ — единственный человѣкъ, разрѣшающій дѣла по праву, стали охотно обращаться къ нему, чтобы онъ судилъ ихъ. Число людей, приходившихъ къ нему для суда, все болѣе увеличивалось, ибо они видѣли, что рѣшенія давались правильныя; а Дейокъ убѣдился, что всѣ на него надѣются и потому не хотѣлъ болѣе творить судъ и расправу, говоря, что ему это не приноситъ никакой пользы, и что онъ не можетъ оставлять свои собственныя дѣла для суда надъ чужими въ теченіе цѣлаго дня. Между тѣмъ, беззаконія и грабежи происходили въ селеніяхъ гораздо чаще прежняго. Мидяне собрались и совѣщались между собою о томъ, что предпринять. Друзья Дейока говорили такъ: «мы болѣе не въ состояніи жить въ странѣ, оставаясь въ такомъ положеніи, мы желаемъ поэтому выбрать себѣ короля; тогда въ странѣ водворится законный порядокъ, и мы займемся спокойно своими дѣлами». Такими разсужденіями они убѣдили прочихъ выбрать себѣ короля; а когда былъ поставленъ вопросъ, кого именно выбрать, то предложили Дейока, и каждый его хвалилъ, послѣ чего онъ былъ провозглашенъ королемъ единогласно. Тогда онъ потребовалъ, чтобы ему построили соотвѣтственное королевскому сану жилище и чтобы дали ему вооруженную стражу. Эю исполнили мидяне; они воздвигли ему большой и крѣпкій дворецъ на томъ мѣстѣ, которое онъ самъ указалъ, и предоставили ему выбрать отрядъ тѣлохранителей изъ всѣхъ мидянъ. Потомъ, достигнувъ власти, онъ заставилъ мидянъ построить городъ и обратить на это дѣло всѣ заботы. И въ этомъ подчинились ему мидяне, и построена была большая и сильная крѣпость, называемая нынѣ Экбатана, съ семью окружными стѣнами, внутри которыхъ помѣщался зáмокъ короля съ его казнохранилищемъ. Окончивъ постройку крѣпости для своего жилища, Дейокъ постановилъ, что никто не допускается къ королю, — все должно дѣлаться черезъ посланцевъ, и король остается невидимымъ для всѣхъ. Онъ окружилъ себя такимъ блескомъ потому, что его товарищи, выросшіе вмѣстѣ съ нимъ и не уступавшіе ему ни по происхожденію, ни по храбрости, могли бы раздражаться при видѣ его; теперь же онъ долженъ былъ казаться имъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ, сдѣлавшись недоступнымъ для ихъ глазъ» [1]). Такимъ образомъ, праведный сельскій судья превратился въ короля и передалъ свою власть потомкамъ, которые были плохими судьями. На-

[1]) Геродотъ, кн. I, гл. 96—102.

чавъ свою карьеру общественною службою, Дейокъ кончилъ подчиненіемъ всего общества своимъ личнымъ видамъ честолюбія и корысти. Мидяне могли имѣть въ виду сознательную общенародную цѣль, призывая Дейока въ качествѣ судьи и миротворца; но дальнѣйшія перемѣны и событія вызывались уже спеціальными интересами и свойствами тѣхъ дѣятелей, которымъ дана была власть для устраненія неурядицъ въ странѣ.

Типъ королей-судей преобладаетъ въ мирныхъ обществахъ или въ періоды сравнительнаго мира. Король или подобное лицо, — говоритъ сэръ Генри Мэнъ, — занимаетъ всегда положеніе судьи въ раннихъ политическихъ организаціяхъ. Въ древнѣйшихъ индійскихъ преданіяхъ король изображается сидящимъ на тронѣ юстиціи, передъ книгою закона, съ учеными браминами по сторонамъ. Эти традиціи живутъ въ Индіи до сихъ поръ; онѣ существуютъ также въ старыхъ законахъ Ирландіи. Великіе «брегоны», объявлявшіе право въ древней Ирландіи, были королями или сыновьями королей; они напоминаютъ индійскихъ браминовъ, по духовному авторитету. Будучи необходимо судьею, король долженъ имѣть при себѣ законника, въ качествѣ засѣдателя. У другихъ народовъ роль королей-старѣйшинъ обставлена нѣсколько иначе. Короли, описанные Гомеромъ, суть прежде всего полководцы; они также—судьи, но безъ помощниковъ, и произносятъ приговоры по непосредственному личному вдохновенію свыше. Позднѣе, вдохновеніе получается отъ законника или отъ книги законовъ; но и ранѣе королевскія рѣшенія основывались на существующихъ въ народѣ обычаяхъ и понятіяхъ. У древнихъ евреевъ короли были судьями по преимуществу. Евреи требовали себѣ «короля, который бы ихъ судилъ и шелъ бы впереди ихъ, когда они идутъ на войну». Судебныя функціи, отошедшія у нихъ на задній планъ въ эпоху войнъ, выдвигаются вновь въ лицѣ Соломона.

Первобытное представленіе о короляхъ-судьяхъ не исчезаетъ даже при существованіи особыхъ независимыхъ судовъ; всегда сохраняется еще убѣжденіе, что королю принадлежитъ дополнительная юрисдикція, исправляющая и контролирующая судебную практику. Короли-судьи, какъ объясняетъ Мэнъ, представляли важное удобство для тяжущихся; они разъѣзжали по странѣ отъ одного поселенія до другого, повсюду разрѣшая споры одновременно съ собираніемъ дани. Древніе короли рѣдко сидѣли на мѣстѣ; они постоянно были въ разъѣздахъ, вслѣдствіе своихъ судебныхъ обязанностей, требовавшихъ ихъ присутствія поочередно въ различныхъ пунктахъ страны. Короли были вообще стран-

ствующими лицами; постоянныя передвиженія были для нихъ обязательны, если они хотѣли избѣгнуть судьбы «праздныхъ королей» у франковъ. Мэнъ приводитъ любопытныя свѣдѣнія о переѣздахъ короля Іоанна, за время съ 1200 до 1216 года; этотъ король, имѣющій репутацію изнѣженнаго правителя, бывалъ въ теченіе одного мѣсяца въ шестнадцати городахъ и мѣстечкахъ Англіи, совершая свои путешествія верхомъ по странѣ, лишенной удобныхъ дорогъ. Такая кочевая жизнь продолжалась непрерывно во все его царствованіе, хотя онъ далеко не былъ образцомъ добросовѣстности въ дѣлѣ отправленія правосудія. Ни одинъ торговый агентъ не разъѣзжаетъ такъ много и неустанно по желѣзнымъ дорогамъ, какъ эти старинные короли, не имѣвшіе въ своемъ распоряженіи правильныхъ путей сообщенія. Впослѣдствіи, вмѣсто самихъ королей, страну объѣзжали ихъ «посланные»; такимъ образомъ произошли періодическіе разъѣзды судей по округамъ для разбора мѣстныхъ судебныхъ дѣлъ. Въ одной изъ статей «великой хартіи» 1215 года постановлено, что «судъ общихъ тяжбъ», которому подсудны всѣ важнѣйшіе гражданскіе споры, не долженъ болѣе слѣдовать за королемъ; съ тѣхъ поръ этотъ судъ засѣдалъ неизмѣнно въ Вестминстерскомъ дворцѣ, вплоть до послѣдней судебной реформы. Отправленіе правосудія не только отдѣлилось отъ королевской власти, но считалось оплотомъ противъ чрезмѣрныхъ ея притязаній; а между тѣмъ судъ отправлялся еще отъ имени короля [1]).

Когда судебная власть соединялась въ одномъ лицѣ съ должностью военачальника, то почва для монархіи могла считаться вполнѣ подготовленною. Спартанскіе цари начальствовали неограниченно только надъ войскомъ; они каждый мѣсяцъ присягали, что будутъ соблюдать законы отечества: они еще носили на себѣ слѣды должностныхъ лицъ или старѣйшинъ прежняго времени. Будучи президентами сената, они фактически подчинялись всемогущимъ «эфорамъ», выборнымъ представителямъ народа; были даже примѣры, что за дурное исполненіе своихъ обязанностей короли присуждались къ тяжелымъ штрафамъ, по приговору сената. Въ Эпирѣ, по словамъ Плутарха, существовалъ издавна обычай взаимной клятвы между королемъ и народомъ; король присягалъ, что будетъ управлять согласно законамъ

---

[1]) См. этюдъ Мэна „о королѣ въ его отношеніяхъ къ первоначальной гражданской юстиціи", въ „Fortnightly Review", 1881, pp. 603—617. Этотъ интересный этюдъ вошелъ въ книгу „Early law and custom", переведенную недавно на русскій языкъ подъ редакціею проф. Максима Ковалевскаго („Древній законъ и обычай" М., 1884).

страны, а подданные въ свою очередь обязывались поддерживать его власть. Толпы королей, изображаемыхъ въ «Иліадѣ» и «Одиссеѣ», совсѣмъ не оправдываютъ тѣхъ громкихъ и напыщенныхъ названій, которыя присвоиваются имъ поэзіею Гомера. Короли древняго Рима также не были монархами въ современномъ смыслѣ; это были полководцы, выдвинутые своими военными способностями и частою необходимостью войнъ. Власть римскихъ королей не имѣла ничего общаго ни съ патріархальнымъ началомъ, ни съ деспотіею; это была власть военная выборная, не связанная съ однимъ какимъ-либо семействомъ, безъ всякихъ правъ на имущество гражданъ; даже для внѣшнихъ сношеній выбирался особый представитель народа, причемъ въ договорныхъ актахъ не упоминалось вовсе о королѣ, а только о совѣтѣ старѣйшинъ; но когда война объявлена сенатомъ, на сцену выступаетъ король-полководецъ. Остальныя права королей вытекали изъ потребностей военной организаціи, обнимавшей все мужское населеніе; карательная юстиція имѣла также военный отпечатокъ. Въ качествѣ предводителя войска, король созывалъ вооруженныхъ гражданъ и отъ ихъ имени приносилъ жертвы богамъ; онъ могъ поэтому дѣйствовать по божественнымъ указаніямъ въ предѣлахъ своихъ широкихъ полномочій. Такъ какъ весь народъ находился постоянно на военномъ положеніи, то и достоинство военачальника было постояннымъ, пожизненнымъ, — а пожизненный полководецъ, не имѣющій никого надъ собою, долженъ чувствовать въ себѣ задатки полнаго властелина. Попытка превратить этотъ порядокъ вещей въ окончательную наслѣдственную монархію не имѣла успѣха, и званіе короля сдѣлалось предметомъ ненависти и страха.

Римъ охотно подчинялся, въ случаѣ надобности, неограниченнымъ диктаторамъ; но вѣрнѣйшимъ способомъ погубить человѣка было — приписать ему отдаленную мысль о коронѣ. Народъ восторженно рукоплескалъ Цезарю, когда онъ публично отклонилъ предложеніе Антонія возложить на себя королевскій вѣнецъ. Удивительно, — замѣчаетъ по этому поводу Плутархъ, — что люди, допускавшіе надъ собою самую деспотическую власть, опасались одного титула короля, видя въ немъ гибель для своей свободы. Цезарь могъ бы властвовать долго, еслибы не обнаружилъ намѣренія возстановить королевское достоинство въ той или другой формѣ. Августъ свободно пользовался неограниченною властью, подъ именемъ «императора» и главы сената. Любопытна судьба этихъ званій, имѣющихъ столь высокій смыслъ въ настоящее время. Въ письмѣ къ Цицерону, Цезарь называетъ его «императоромъ», — ибо Ц

церонъ былъ правителемъ провинціи, а всякій самостоятельный начальникъ войска или области имѣлъ право на этотъ титулъ. Почетное званіе императора давалось также полководцу самимъ войскомъ; тогда оно сохранялось и послѣ сложенія имъ командованія, хотя и безъ всякаго практическаго значенія. Право давать этотъ титулъ осталось за войскомъ и послѣ того какъ слово «императоръ» стало означать верховнаго правителя. Слово «princeps», означавшее должность первоприсутствующаго въ сенатѣ, получило впослѣдствіи новый смыслъ: оно обозначало уже государя и превратилось въ наслѣдственный титулъ членовъ царствующихъ фамилій. Званія «перваго въ сенатѣ» и «повелителя» надъ войскомъ соединились вмѣстѣ для обозначенія высшей власти и могущества; имя Цезаря, побѣдившаго свое отечество, сдѣлалось нарицательнымъ именемъ, верховнымъ титуломъ для правителей, символомъ величія и славы. Власть, возникшая незаконно, путемъ насилія и произвола, принята была за образецъ для позднѣйшихъ законныхъ правительствъ; то, что для современниковъ было захватомъ и преступленіемъ, оказалось для потомковъ предметомъ гордости и подражанія. Катонъ младшій требовалъ суда надъ Помпеемъ за произвольное распоряженіе силами и средствами государства. «Помпей,—говорилъ онъ въ сенатѣ, — беретъ себѣ провинціи въ управленіе и раздаетъ ихъ своимъ друзьямъ. Онъ одолжилъ Цезарю шеститысячную армію безъ спроса и согласія сената. Итакъ, отдѣльныя лица даютъ другъ другу и распредѣляютъ между собою наши войска, наши оружія, нашихъ солдатъ и лошадей. И Помпей при этомъ настолько великодушенъ, что, довольствуясь только званіемъ императора и полководца, онъ охотно отдаетъ наши арміи и провинціи другимъ, а самъ остается въ городѣ для поддержанія постоянныхъ волненій съ цѣлью подготовленія монархіи». Однако тотъ же Катонъ принялъ сторону Помпея, когда противъ Рима восталъ болѣе опасный врагъ сената и республики, Цезарь. Присвоеніе публичныхъ правъ въ пользу отдѣльныхъ лицъ сдѣлало быстрые успѣхи, но оно никогда не доходило до смѣшенія государственныхъ полномочій съ частными правами правителей, и никому не приходило въ голову смотрѣть на имперію, какъ на вотчину. Имперія оставалась «публичнымъ дѣломъ» — res publica; только управленіе ею ввѣрялось императорамъ, каждый разъ по особому указу сената, существовавшаго еще только по имени. Власть императоровъ была по прежнему выборная; а для избѣжанія междуцарствія назначался преемникъ при жизни правителя, обыкновенно изъ членовъ его семейства или близкихъ ему лицъ,

подъ общимъ именемъ Цезаря. Принципъ семейнаго наслѣдованія не имѣлъ вообще прочнаго примѣненія въ древнихъ монархіяхъ; государство еще не подлежало дѣйствію частнаго права, которое овладѣло имъ только въ теченіе среднихъ вѣковъ [1].

Основныя политическія учрежденія подвергались метаморфозамъ, въ которыхъ общественные мотивы играли лишь мимолетную, второстепенную роль. Сила, разъ вызванная къ жизни, не зависитъ уже отъ своего первоначальнаго назначенія,—она существуетъ самостоятельно, слѣдуя своимъ собственнымъ инстинктамъ, создавая для себя новыя основанія, взамѣнъ прежнихъ, и выдвигая частныя цѣли, на мѣсто общихъ. Характеръ явленія мало-по-малу перерождается до неузнаваемости, логическія причины его исчезаютъ изъ памяти людей, и старыя слова получаютъ совершенно иной смыслъ, который невольно переносится на факты далекаго прошлаго.

Остатки первоначальныхъ судебныхъ и военныхъ функцій королей выражаются нынѣ въ томъ, что изъ всѣхъ отраслей государственнаго управленія только правосудіе и военное дѣло поставлены въ непосредственную связь съ именемъ монарха, какъ высшаго судьи и полководца. Ни въ дѣлахъ законодательныхъ, ни въ общей администраціи, ни въ экономическихъ и финансовыхъ вопросахъ, роль государя не является столь близкою и явною, какъ въ исполненіи актовъ милосердія и въ заботахъ о военномъ дѣлѣ. Стоя во главѣ арміи и облекаясь въ военный мундиръ даже у самыхъ мирныхъ народовъ, короли отдаютъ лишь дань справедливости главнѣйшему источнику возвышенія своихъ предковъ и предшественниковъ.

III.

Происхожденіе королевской власти «теряется въ туманѣ вѣковъ». Исторія застаетъ ее почти у всѣхъ древнѣйшихъ народовъ въ болѣе или менѣе установившемся видѣ. Можно думать различно о характерѣ миѳическихъ королей; поэзія украшаетъ ихъ божественными чертами, но эти боги кажутся иногда подозрительными по своей чрезмѣрной многочисленности и по слишкомъ мелкому объему своихъ владѣній. Когда евреи вступили

[1]) О формахъ государственной власти у разныхъ народовъ см. сочиненія: Hippolite *Passy*, Des formes de gouvernement, P. 1876; Alfred *Sudre*, Histoire de la souveraineté; Эд. *Фриманъ*, „Сравнительная политика“ (р. перев.); *Мэнъ*, „Древняя исторія учрежденій“ (р. перев.) и др.

въ землю Ханаанъ, они встрѣтили противъ себя цѣлое сборище королей, счетомъ болѣе тридцати; каждый стоялъ во главѣ своихъ войскъ. Въ эпоху осады Трои, Греція имѣла болѣе пятидесяти главныхъ вождей и сто или двѣсти второстепенныхъ. Весьма вѣроятно, что это были просто старѣйшины или начальники общинъ, разрисованные и возвеличенные позднѣйшею фантазіею поэтовъ. Тотъ длинный путь, которымъ люди дошли до образованія дѣйствительной монархіи, представляется намъ въ болѣе ясныхъ чертахъ, которыя можно возстановить приблизительно, по аналогіи съ позднѣйшими явленіями этого рода. Для нашей цѣли достаточно будетъ намѣтить основные переходные моменты той великой метаморфозы, около которой вертится вся политическая исторія европейскихъ государствъ до новѣйшихъ временъ.

Исходнымъ пунктомъ является положеніе германскихъ и славянскихъ племенъ до образованія ими прочныхъ государствъ. Юлій Цезарь находилъ, что германцы въ мирное время не имѣютъ надъ собою общей власти, а въ отдѣльныхъ областяхъ старѣйшины завѣдуютъ мѣстными дѣлами и разбираютъ судебные споры. Тацитъ говоритъ уже о «короляхъ», которые ставятся рядомъ съ начальниками общинъ; но значеніе этихъ королей видно изъ того, что они или старѣйшины, «смотря по возрасту, происхожденію, военной славѣ и краснорѣчію, выслушиваются народнымъ собраніемъ, болѣе въ силу способности убѣждать, чѣмъ въ силу права повелѣвать». Начальники общинъ рѣшаютъ маловажныя дѣла, о болѣе важныхъ совѣщаются всѣ; однако и тѣ дѣла, рѣшеніе которыхъ зависитъ отъ народа, обсуждаются предварительно старѣйшинами. Въ народныхъ собраніяхъ избираются также начальники, которые творятъ судъ и расправу въ округахъ и селахъ (Germania, гл. XI—XII). Подобныя же свѣденія существуютъ относительно славянъ. Византійскіе историки утверждаютъ, что славяне искони имѣли управленіе народное, о пользахъ и нуждахъ своихъ совѣщались сообща, въ народныхъ собраніяхъ; руководителями ихъ были князья, которыхъ было много, что́ и давало поводъ къ раздорамъ и несогласіямъ. Этихъ князей историки иногда называли королями, царьками, хотя они несомнѣнно были только старостами, выборными судьями, не имѣвшими самостоятельнаго значенія; каждое село, родъ или племя имѣли своихъ старшинъ, а обиліе ихъ смущало иноземныхъ писателей, которые непремѣнно желали видѣть въ нихъ королей. Такъ и въ настоящее время путешественники принимаютъ вождей дикихъ племенъ за независимыхъ государей. «Проходили долгіе вѣка,— замѣчаетъ г. Забѣлинъ въ своей «Исторіи русской жизни»,—

поколѣнія выростали и смѣнялись другими, а положеніе дѣлъ оставалось одно и то же. Исторія нисколько не измѣняла своего хода и только въ иное время выдвигала впередъ какого-либо героя-предводителя, котораго римляне и греки по своимъ понятіямъ обыкновенно считали царемъ, а онъ въ сущности, въ кругу своего положенія и своихъ дѣйствій, бывалъ только Богданомъ Хмельницкимъ или Сагайдачнымъ» [1]. Главная должность князя-старѣйшины заключалась въ судебной расправѣ; еще гораздо позднѣе народъ, по словамъ лѣтописи, говорилъ: «поищемъ себѣ князя, который судилъ бы по правдѣ, рядилъ бы по ряду». Кто пріобрѣлъ себѣ репутацію умнаго и справедливаго судьи, тотъ имѣлъ наиболѣе шансовъ сдѣлаться начальникомъ племени; при ловкости и честолюбіи избранный воевода легко утверждалъ свою власть, принимая разнообразные титулы—жупановъ, князей, бановъ, владыкъ, господарей. Славянскіе вожди имѣли предъ собою готовые образцы у сосѣднихъ нѣмецкихъ племенъ и византійцевъ, а нѣмцы въ свою очередь подражали римлянамъ временъ имперіи.

Въ четвертомъ вѣкѣ у алеманновъ было 17 областныхъ начальниковъ, а черезъ полтораста лѣтъ ихъ всѣхъ замѣнилъ одинъ общій король. У франковъ одинъ изъ мѣстныхъ правителей, Хлодвигъ, умертвилъ всѣхъ прочихъ вождей и такимъ способомъ подчинилъ себѣ всѣ земли салическихъ и прибрежныхъ франковъ, въ качествѣ единаго франкскаго короля. Помощникамъ и слугамъ короля давались государственныя земли во временное пользованіе; но это условное владѣніе становится скоро наслѣдственнымъ, ибо гораздо легче давать, чѣмъ отнимать обратно. Военные командиры, правители областей и городовъ, присвоиваютъ себѣ въ собственность свои должности и дѣлаются полными обладателями тѣхъ провинцій, которыя отданы были имъ для управленія. Они перестаютъ отдавать государству собираемые ими налоги и превращаютъ ихъ въ личный свой доходъ; въ ихъ частные сунду[illegible] поступаютъ государственныя подати, которыя раньше вноси[illegible] населеніемъ въ казну. Политическія права и функціи смѣша[illegible] съ частнымъ имуществомъ; званія командировъ и чиновнико[illegible] герцоговъ и графовъ, стали переходить по наслѣдству. Двор[illegible] вые мэры превратились въ потомственныхъ опекуновъ королей [illegible] предпочли сами занять ихъ мѣсто. Всеобщая система захвато[illegible] утверждена была торжественно въ концѣ IX вѣка, когда Кар[illegible] Лысый призналъ наслѣдственность должностей и бенефицій. Г[illegible]

---

[1]) Забѣлинъ, ч. I, стр. 410—456; см. также Владиміра Дычана, Участіе наро[illegible] въ верховной власти въ славянскихъ государствахъ (Варшава, 1882, стр. 22—3 и д[illegible]

сударство было раздѣлено, какъ добыча, между прежними его органами и служителями. Образовалось двадцать-девять большихъ герцогствъ и графствъ, въ видѣ самостоятельныхъ мѣстныхъ правительствъ, отпавшихъ отъ центральной власти. Черезъ сто лѣтъ ихъ было уже пятьдесятъ-пять въ нынѣшней Франціи, и они составляли отдѣльныя маленькія государства, принадлежавшія владѣльцамъ на правѣ собственности. Общественные интересы народовъ потонули въ этомъ хаосѣ личныхъ цѣлей и страстей правящаго класса. Разбирая подобныя явленія, можно говорить только о метаморфозахъ, а никакъ не о цѣлесообразномъ развитіи политическихъ формъ.

Подобнымъ же образомъ, какъ во Франціи, совершилось распаденіе государства и въ Германіи. Различныя области имперіи управлялись такъ хорошо, что очутились въ положеніи частнаго имущества правителей. При избраніи Рудольфа Габсбурга, Германія была уже раздроблена на 219 самостоятельныхъ владѣній; въ началѣ XVII вѣка ихъ было уже 370. Новое германское устройство 1815 года застало уже только 39 государствъ, изъ которыхъ иныя были въ сущности небольшими помѣстьями. Поглощеніе публичныхъ правъ частными интересами даетъ повсюду одинаковые результаты.

Чѣмъ же объяснить переходъ германскихъ племенъ отъ первобытнаго народнаго управленія къ такому невозможному порядку вещей? Какъ могли народы отдать себя въ собственность лицамъ, поставленнымъ для ихъ защиты и охраны? Легкость, съ какою осуществляются подобныя метаморфозы, имѣетъ свои вѣскія причины. Люди стремятся прежде всего къ ближайшимъ, эгоистическимъ цѣлямъ; общее для всѣхъ оказывается часто ничьимъ, безхозяйнымъ, доступнымъ произвольному завладѣнію. Сфера общихъ интересовъ есть какъ бы пустое пространство, въ которомъ всякая сила можетъ дѣйствовать свободно, не встрѣчая реальныхъ преградъ. Народъ легко уступаетъ то, что выходитъ за предѣлы его повседневныхъ житейскихъ заботъ; онъ охотно жертвуетъ отдаленнымъ ради ближайшаго, общимъ—ради частнаго, будущимъ—ради настоящаго. Каждое поколѣніе готово распоряжаться участью потомковъ, чтобы обезпечить себѣ временный миръ и спокойствіе; а потомки, быть можетъ, съ благоговѣніемъ примутъ наслѣдіе, въ идеяхъ котораго выросли, не отдавая себѣ яснаго отчета въ его происхожденіи и характерѣ. Такъ возникаютъ и измѣняются учрежденія, въ которыхъ историки и соціологи отыскиваютъ впослѣдствіи глубокіе общенародные мотивы.

Отдѣльныя племена имѣли когда-то своихъ князей, герцоговъ,

которые или возвышаются на степень самостоятельныхъ государей, или подчиняются болѣе могущественной центральной власти; въ томъ и другомъ случаѣ рѣшающее значеніе имѣли внѣшнія связи, сношенія съ правителями сосѣднихъ странъ, союзы и столкновенія съ чужими народами. Для сосѣдей было всегда выгоднѣе имѣть дѣло съ опредѣленною личностью, чѣмъ съ цѣлымъ племенемъ; чтобы пріобрѣсть расположеніе и поддержку выборныхъ вождей чужого племени, имъ предлагалось наслѣдственное владычество,—и такого рода предложенія рѣдко отклонялись. Такъ, франкскіе короли признали за семействомъ Агилольфинговъ исключительное право на управленіе Баваріею, съ титуломъ герцоговъ. Въ балтійскомъ Поморьѣ мѣстные князья получили отъ польскихъ королей вотчинныя права цѣною подчиненія Польшѣ (въ XII вѣкѣ) [1]. Фридрихъ II Гогенштауфенъ предлагалъ нѣмецкимъ князьямъ признать неограниченную наслѣдственность ихъ владѣній съ тѣмъ, чтобы и престолъ священной римской имперіи пересталъ быть избирательнымъ; князья не пошли на эту сдѣлку только потому, что не нуждались уже въ формальномъ признаніи своего фактическаго господства. Государство отдѣляется отъ народной жизни и существуетъ уже независимо отъ ея интересовъ; оно утрачиваетъ характеръ публичнаго права и всецѣло проникается частнымъ, вотчиннымъ духомъ. Новая форма пускаетъ крѣпкіе корни, опираясь на организованную силу, находящуюся въ ея распоряженіи, и на многочисленныя группы, ищущія ея покровительства. Государственная территорія разсматривается какъ помѣстье; она дѣлится между дѣтьми правителя, отчуждается, отдается въ приданое. Расхищеніе государства сановниками возводится въ стройную систему, подъ именемъ феодализма; факты кажутся менѣе грубыми, когда для нихъ установлено особое благозвучное названіе. Метаморфоза завершается лишь послѣ энергической борьбы съ общественнымъ чувствомъ, которое со временемъ подавляется и глохнетъ отъ долгаго неупотребленія.

Государства соединялись между собою посредствомъ женитьбы, на правахъ имущества супруговъ; такимъ способомъ особенно расширилась Австрія, что и выражено въ извѣстной поговоркѣ: «tu, felix Austria, nube» («ты, счастливая Австрія, заключай браки»). Семейные союзы правителей измѣняли судьбу народовъ, безъ всякаго отношенія къ желаніямъ и интересамъ послѣднихъ.

---

[1]) Maciejowski, Historya prawodawstw slowianskich, т. I, стр. 61 и слѣд.; Wilhelm Sickel, das Wesen des Volksherzogthums (Hist. Zeitschr., 1884).

Такъ соединилась Венгрія съ Польшею въ XIV столѣтіи; въ свою очередь, дочь короля венгерскаго и польскаго, Ядвига, вышла за-мужъ за литовскаго великаго князя, Ягелло, и принесла ему въ приданое польскую націю. Иногда въ устройствѣ браковъ участвуютъ и народныя собранія, имѣя въ виду политическія цѣли; такъ, малолѣтняя дочь Болеслава Кривоустаго, Агнѣшка, выдана была по постановленію вѣча за русскаго князя, противъ воли матери. Чехія досталась сыну польскаго короля Казиміра, Владиславу, на томъ основаніи, что Казиміръ былъ женатъ на дочери Альбрехта чешскаго. Этотъ Владиславъ, соединивши въ своемъ лицѣ двѣ короны — венгерскую и чешскую (1491—1516), отдалъ свои народы Фердинанду австрійскому въ приданое за своею дочерью [1]). Австрійскіе государи старательно снабжали польскихъ королей своими принцессами, въ разсчетѣ на возможность унаслѣдованія польскаго королевства. Государства и народы служили предметомъ споровъ о наслѣдствѣ. Правила о частной поземельной собственности примѣняются къ владѣнію государствомъ; извѣстный «салическій законъ», — сборникъ уголовныхъ и гражданскихъ постановленій, въ которомъ ни слова не говорится о государственныхъ дѣлахъ,— пріобрѣтаетъ важное политическое значеніе, такъ какъ статья о владѣніи землею принята за законъ для перехода королевскаго трона во Франціи. Жестокія войны велись между королями англійскими и французскими для опредѣленія правъ на обладаніе французскимъ народомъ и его территоріею; предполагаемые наслѣдники безпощадно разоряли страну, на которую заявляли притязаніе. Путемъ насильственныхъ и добровольныхъ союзовъ, возникаютъ тѣ обширныя европейскія монархіи, въ которыхъ «солнце никогда не заходитъ». Какъ темныя народныя массы подчиняются мелкимъ феодаламъ, такъ послѣдніе поглощаются крупными, которые, въ свою очередь, поглощаются королями болѣе сильными по имени и традиціи. Недаромъ существовала пословица: «соломенный властелинъ съѣдаетъ желѣзнаго вассала» («seigneur de paille mange vassal d'acier»).

IV.

Время наибольшаго развитія феодальной монархіи было періодомъ сильнѣйшаго упадка и истощенія народныхъ массъ. «Ни-

[1]) Вл. Дьячанъ, „Участіе народа въ верховной власти въ славянскихъ государствахъ“, стр. 76; Maciejowski, т. I, стр. 68—81.

когда, насколько помнятъ люди, населеніе не было такъ нищенски бѣдно и несчастно, какъ теперь,—писалъ одинъ изъ современниковъ блистательнаго царствованія Людовика XIV:—поселяне кажутся вышедшими изъ гробовъ скелетами; пища звѣрей служитъ имъ кормомъ. Половина крестьянъ питается травою, и вдоль проселочныхъ дорогъ лежатъ мертвыя тѣла. Женщины и дѣти умираютъ въ поляхъ, съ полными ртами травы. Остающіеся въ хижинахъ бѣдные сидятъ безъ одежды, безъ бѣлья, безъ ложа, безъ всего. Многія деревни совершенно опустѣли, и волки бродили по домамъ, отыскивая человѣческое мясо; нѣтъ другой пищи для крестьянства, кромѣ желудей и древесной коры». По признанію министра Кольбера, «бѣдность народа достигла крайней степени; всѣ свѣденія изъ провинцій свидѣтельствуютъ объ этомъ общемъ фактѣ». Епископъ Фенелонъ писалъ королю-солнцу: «ваши народы умираютъ съ голоду. Обработка земли покинута, города обезлюдились, ремесла не даютъ пропитанія рабочимъ. Вмѣсто того, чтобы вытягивать деньги изъ этого народа, надо дать ему милостыню и накормить его. Франція есть не что иное какъ обширный госпиталь безъ провизіи и безъ утѣшенія». Но правительству нужны были деньги, деньги и деньги,—надо было добывать ихъ такъ или иначе. Людовику XV необходимо было издерживать на свои личныя потребности болѣе ста милліоновъ ливровъ въ годъ; одна маркиза де-Помпадуръ стоила 36 милліоновъ, не считая десятка милліоновъ, розданныхъ ея родственникамъ. Экономный преемникъ этого расточительнаго властелина расходовалъ только 45 милліоновъ на содержаніе двора, сверхъ ста милліоновъ на экстренные расходы. Для Маріи-Антуанетты купленъ былъ казною замокъ Сенъ-Клу за восемь милліоновъ; «это—колечко на палецъ королевы,—замѣчаетъ придворный лѣтописецъ:—король можетъ себѣ позволить подобный подарокъ, имѣя 477 милліоновъ ежегоднаго дохода съ своего королевства». Свита королевы одаряется съ обычною щедростью. Графиня Полиньякъ получаетъ полтора милліона, для себя съ дочерью, а для любовника своего—пенсію въ тридцать тысячъ; впослѣдствіи этому почтенному семейству назначена еще пенсія въ 700 тысячъ ливровъ и пожаловано помѣстье, приносящее тридцать тысячъ ежегодной ренты. Принцессѣ Ламбаль выдается сто тысячъ ливровъ жалованья въ годъ. Какимъ-то братьямъ Геменэй, объявленнымъ несостоятельными должниками, выдано изъ казны восемь милліоновъ, въ видѣ королевскаго подарка, и кромѣ того положено уплачивать имъ по 35 тысячъ

въ годъ [1]). Сборщикамъ податей приходилось поневолѣ распродавать съ молотка имущество крестьянъ, отбирать у нихъ рабочій скотъ и земледѣльческія орудія, вынимать двери и окна въ домахъ, для понужденія къ немедленной уплатѣ налоговъ. Люди бросали свои земли и дома, чтобы избавиться отъ непосильныхъ платежей и экзекуцій. Изъ заработковъ поселянина около половины идетъ въ королевскую казну, пятая доля—духовенству, и пятая часть—помѣщику; для самого работника не остается почти ничего. Зато богатые привилегированные классы были совершенно свободны отъ податей и повинностей. Дворяне и духовные, числомъ въ триста тысячъ человѣкъ, имѣли въ своихъ рукахъ двѣ третьихъ всего національнаго достоянія, и три четверти всего количества доходовъ; только четвертая доля оставалась для 26 милліоновъ жителей, которые уплачивали всѣ налоги и принуждены были держать на своихъ плечахъ все зданіе государства.

Большинство населенія постепенно и систематически разорялось, —сначала подъ руководствомъ самостоятельныхъ феодальныхъ сеньоровъ, а потомъ при участіи тѣхъ же сеньоровъ, превращенныхъ въ гражданскую и военную армію короля. Изрѣдка принимались отдѣльныя мѣры для облегченія народа и для противодѣйствія злоупотребленіямъ администраціи; но исполненіе этихъ мѣръ зависѣло отъ тѣхъ же элементовъ, противъ которыхъ онѣ были направлены. Самая сильная и просвѣщенная воля одного человѣка не могла замѣнить того, чего недоставало старому режиму,—свѣта и воздуха, правды и честности, общественнаго контроля и участія, знанія народныхъ потребностей и способности удовлетворить ихъ. Монархія возвысилась и укрѣпилась во Франціи потому, что приняла на себя роль защитницы народа отъ гнета феодаловъ; но, разъ утвердившись при помощи народа, она воспользовалась паденіемъ феодализма для своихъ собственныхъ цѣлей и соединила въ грандіозную систему тѣ разрозненныя узурпаціи, противъ которыхъ народъ ждалъ спасенія отъ королей. Присвоеніе публичныхъ правъ въ частную собственность, начатое преемниками мѣстныхъ правителей галло-римской эпохи, было возведено на степень общаго правила. Послѣ того, какъ отдѣльныя области превратились въ частныя владѣнія управлявшихъ ими должностныхъ лицъ, цѣлая нація превращается въ такую же частную вотчину. Потребовалась широкая общественная философія XVIII вѣка, чтобы напомнить объ элементарныхъ условіяхъ человѣческаго общежитія и управленія.

---

[1]) Villard, Histoire du prolétariat (P. 1882), p. 315 и слѣд.

Наиболѣе смѣлые публицисты въ западной Европѣ должны были еще въ новѣйшія времена доказывать, что короли—правители, а не владѣльцы государствъ, что они не могутъ продавать и закладывать свои провинціи, а тѣмъ менѣе продавать своихъ подданныхъ въ чужія войска, какъ это дѣлали мелкіе германскіе государи еще въ концѣ прошлаго столѣтія. Особенно поучительна въ этомъ отношеніи книга, приписываемая Губерту Ланге и изданная въ концѣ XVI вѣка; по своему характеру и содержанію она можетъ считаться противовѣсомъ знаменитому сочиненію Маккіавелли [1]). Насколько крѣпко держалась чисто-владѣльческая точка зрѣнія на государство даже въ эпоху философскаго свободомыслія во Франціи, можно видѣть изъ разсужденій Мерсьеръ де-ла-Ривьера, писавшаго не за долго до революціи. Этотъ писатель выводитъ превосходство монархіи изъ преимуществъ права собственности предъ временнымъ пользованіемъ. «Всякій пожизненный правитель,—по его мнѣнію,—есть только пользовладѣлецъ, а не собственникъ. Онъ имѣетъ интересъ въ томъ, чтобы воспользоваться владѣніемъ для обогащенія себя и своей фамиліи, ибо онъ знаетъ, что наступитъ моментъ, когда онъ не будетъ болѣе располагать общественнымъ достояніемъ. Это относится одинаково къ выборному монарху, какъ и къ республиканскому правителю. Напротивъ, наслѣдственный суверенъ является собственникомъ по отношенію къ своимъ землямъ; онъ самъ, на свой рискъ, завѣдуетъ этими владѣніями; онъ не имѣетъ другого интереса, какъ увеличить доходность ихъ, тогда какъ всякій иной управитель есть только экономъ, дѣйствующій ради цѣлей, которымъ онъ лично чуждъ. Кто получаетъ жалованье или содержаніе, тотъ естественно старается увеличить его; а это дѣлается только на счетъ платящихъ. Между тѣмъ, доходы государя возрастаютъ только при увеличеніи благосостоянія подданныхъ. Суверенъ, интересы котораго столь тѣсно связаны съ интересами націи, долженъ неизбѣжно заботиться о доставленіи ей всякаго рода выгодъ. Наилучшее положеніе монарха можетъ быть основано только на наилучшемъ состояніи народа». По этимъ причинамъ хорошее правительство должно быть непремѣнно наслѣдственнымъ [2]). Вмѣсто того чтобы основывать этотъ выводъ на соображеніяхъ прямой общественной пользы, Мерсьеръ де-ла

---

[1]) Hubert Languet, Ueber die gesetzliche Macht der Fürsten etc., Lpz, 18.. (нѣмецкій переводъ 3-ей части, по изд. 1589 г., съ обширнымъ введеніемъ).

[2]) Mercière de la Rivière, De l'ordre naturel et essentiel des sociétés politiques, 1767, p. 149 (См. Paul Janet, Histoire de la science politique, v. II, p. 698).

Ривьеръ разсуждаетъ такимъ образомъ, точно дѣло идетъ о торговомъ или хозяйственномъ предпріятіи, гдѣ главное значеніе придается количеству дохода; очевидно, что такъ смотрѣть на управленіе государствомъ — значитъ оскорблять правителей, приписывая имъ мотивы слишкомъ низменные и вовсе не соотвѣтствующіе ихъ высокой политической роли. Денежные разсчеты рѣже всего занимаютъ людей, стоящихъ во главѣ націй; ими могутъ руководить побужденія совершенно иныя — желаніе славы и блеска, надежда на благодарность современниковъ и потомства.

V.

Съ образованіемъ большихъ монархій на развалинахъ феодализма, государственность возносится до заоблачныхъ высотъ, откуда не видно уже будничныхъ дѣлъ и нуждъ населенія; народъ представляется матеріаломъ для внѣшняго величія, пушечнымъ мясомъ, радостно идущимъ на закланіе. Но въ трудные критическіе моменты раздвоеніе между властью и народомъ какъ-будто исчезаетъ: правители проникаются сознаніемъ, что, витая въ заоблачныхъ сферахъ могущества, можно очутиться безъ почвы подъ ногами и что толпа рабовъ не служитъ оплотомъ власти. Общественное чувство никогда не умираетъ вполнѣ; оно перерождается вмѣстѣ съ обстоятельствами, приспособляется къ нимъ и заставляетъ служить себѣ даже тѣхъ, которые, повидимому, конфисковали его въ свою пользу. Все сильнѣе и настойчивѣе заявляется требованіе о возсоединеніи государства съ народомъ, о сліяніи правительственныхъ цѣлей съ общенародными. По мѣрѣ умственнаго и политическаго развитія націи, власть постепенно подвергается обратной метаморфозѣ: изъ круга вотчиннаго владѣнія она переходитъ вновь на почву общественной службы, изъ которой она нѣкогда возникла. Монархическое начало все болѣе очищается отъ прежнихъ воззрѣній и приближается къ типу чисто-національнаго управленія, подъ покровомъ твердыхъ политическихъ традицій. Публичные интересы постепенно выдѣляются изъ области частнаго права и опять завоевываютъ себѣ свое исконное общенародное значеніе. Монархія теряетъ свой владѣльческій обликъ и принимаетъ формы настоящаго правительства, ставящаго, себѣ цѣлью добросовѣстное удовлетвореніе потребностей страны, согласно нуждамъ и желаніямъ населенія.

Фридрихъ Великій называлъ себя «первымъ слугою народа»; прусскіе короли стали впереди національнаго движенія въ Гер-

манія, заботились о матеріальномъ и культурномъ ростѣ общества, и умѣли окружать себя выдающимися людьми, въ родѣ Штейна, Гумбольдта, Бисмарка. Викторъ-Эммануилъ явился исполнителемъ завѣтныхъ идеаловъ Италіи, при помощи такихъ дѣятелей, какъ Кавуръ и Гарибальди. Королева Викторія занимаетъ престолъ почти цѣлое полустолѣтіе, оставаясь неизмѣнно выше всякихъ партій и внѣ всякихъ кризисовъ; она пережила многихъ знаменитыхъ министровъ, дѣйствовавшихъ отъ ея имени, но выдвинутыхъ народнымъ представительствомъ,—начиная съ сэра Роберта Пиля и кончая Биконсфильдомъ. Теорія «крѣпкой» власти, призванной укрощать живыя силы общества, остается теперь достояніемъ небольшой горсти бонапартистовъ, процвѣтающихъ понынѣ въ разныхъ европейскихъ столицахъ [1]). Достоинствомъ власти считается уже не столько прямолинейная крѣпость, сколько цѣлесообразность дѣйствій, благоразуміе и справедливость.

Старыя привилегіи короны примиряются съ древними правами и новыми стремленіями народовъ. Въ Англіи, гдѣ господство принадлежитъ фактически палатѣ общинъ и ея органу—министерству, королева сохраняетъ за собою всѣ права верховнаго авторитета въ государствѣ; она распоряжается всѣми военными силами, сухопутными и морскими, объявляетъ войну и заключаетъ миръ, назначаетъ на всѣ должности, военныя и гражданскія, признается главою церкви, замѣщаетъ каѳедры епископовъ и архіепископовъ, даетъ титулы пэровъ и всякія почетныя званія. Отъ одной только заботы свободна королева—отъ распоряженія казенными деньгами. «Англійскій король,—говоритъ Делольмъ,—можетъ собирать войска и снаряжать флоты, но онъ не могъ-бы содержать ихъ безъ содѣйствія парламента. Онъ даетъ мѣста и званія, но не можетъ оплачивать ихъ безъ парламента. Онъ можетъ объявить войну, но безъ парламента не имѣетъ возможности вести ее. Королевская власть, лишенная права взимать налоги, при всѣхъ своихъ великихъ полномочіяхъ, представляетъ большое тѣло, не имѣющее въ самомъ себѣ движущаго начала; это вполнѣ снаряженный корабль, у котораго парламентъ можетъ отнять воду, оставивъ его на сушѣ, какъ можетъ и спустить его въ море посредствомъ назначенія субсидій». Другимъ

[1]) Любопытно, что отголоски этого бонапартизма, считающаго обязательнымъ для правительства относиться къ обществу какъ къ враждебному лагерю, находятъ себѣ мѣсто и въ нѣкоторыхъ органахъ русской печати, особенно въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", причемъ выдаются однако за нѣчто самобытное. Многія „горячія" статьи названной газеты буквально воспроизводятъ разсужденія и возгласы парижскаго „Pays" или „Figaro" въ періодъ ихъ процвѣтанія.

словами, въ каждомъ данномъ случаѣ требуется дѣйствительное единеніе и согласіе между правительствомъ королевы и выборными отъ народа. Номинально королевѣ приписывается высшее право собственности на всѣ земли, которыми владѣютъ ея подданные, а на практикѣ она не располагаетъ даже своими особыми королевскими помѣстьями. Частныя владѣнія короны довольно обширны; кромѣ Виндзорскаго парка, пространствомъ въ 14 тысячъ акровъ, ей принадлежатъ 70 тысячъ акровъ земли, отдаваемой въ аренду фермерамъ, болѣе 100 тысячъ лѣса, и наконецъ дома и земли въ Лондонѣ. Доходъ съ этихъ имѣній, въ размѣрѣ 470,000 ф. ст., поступаетъ однако не въ кассу королевы, а въ государственное казначейство, которое даетъ взамѣнъ постоянную ежегодную сумму на содержаніе двора, въ силу соглашенія, возобновляемаго при каждомъ восшествіи на престолъ, начиная съ 1688 года. Бюджетъ королевы и ея двора опредѣленъ въ 385,000 ф. ст., такъ-что государство даетъ гораздо меньше, чѣмъ получаетъ съ королевскихъ имѣній. «Замѣчательный примѣръ великаго монарха, котораго содержаніе и королевское достоинство поддерживается безъ обложенія подданныхъ налогами»,—восклицаетъ англійскій писатель, у котораго мы заимствуемъ эти данныя. Королевская власть такъ обставлена у англичанъ, что между нею и націею не можетъ быть никакого противорѣчія или столкновенія интересовъ. Монархизмъ ни въ чемъ не теряетъ своего обаянія, если онъ опирается на свободное общественное движеніе самоуправляющагося народа. «Кажущееся удаленіе отъ дѣлъ, по словамъ Бэджгота, устраняетъ отъ королевы всякую профанацію, окружаетъ ее прелестью таинственности и позволяетъ ей пользоваться одновременно любовью всѣхъ партій, служить видимымъ символомъ государственнаго единства». [1]) Феодальныя черты сохранились еще въ Англіи, въ ея политическомъ и поземельномъ устройствѣ; но онѣ совсѣмъ не отражаются на отношеніяхъ власти къ странѣ. Англичане твердо держатся правила, которымъ такъ восхищался когда-то графъ Монталамберъ,—что «публичныя дѣла Англіи суть частныя дѣла каждаго англійскаго гражданина». Нигдѣ не высказывается уже принципъ, что публичные интересы суть частныя дѣла управляющихъ ими лицъ. Такъ какъ самый могущественный министръ не можетъ претендовать на непогрѣшимость, то оппозиція

---

[1]) Constitution de l' Angleterre, par De Lolme (P. 1822), v. I, p. 114—120; La constitution anglaise, par W. Bagehot (L., 1869), p. 83; James Caird, The landed interest and supply of food (L .1878), p. 138.

противъ мнѣній кабинета столь-же законна, какъ и поддержка ихъ. Свободная общественная критика вноситъ духъ жизни въ замкнутую дѣятельность канцелярій, предупреждаетъ односторонность и ошибки, облегчаетъ совѣсть министровъ и вытѣсняетъ собою элементы глухого броженія, столь вредно отзывающагося на внутреннемъ состояніи государствъ.

Современныя западно-европейскія монархіи имѣютъ еще не мало особенностей, вытекающихъ изъ смѣшенія частныхъ отношеній съ публичными; эти особенности проявляются по временамъ и въ международной дипломатіи. Между прочимъ, брачные проекты составляли важную статью въ политикѣ великихъ державъ; изъ простыхъ семейныхъ союзовъ они возведены были на степень политическихъ орудій, о которыхъ государственные люди Европы спорили и разсуждали безъ всякаго вниманія къ личнымъ чувствамъ заинтересованныхъ сторонъ. Нельзя теперь безъ улыбки читать серьезные отчеты о шумныхъ переговорахъ и пререканіяхъ, вызванныхъ такъ-называемымъ «вопросомъ объ испанскихъ бракахъ», въ началѣ сороковыхъ годовъ. Молодая королева Изабелла и ея сестра, донна Фернанда, должны были выбрать себѣ мужей; Франція, въ лицѣ своихъ тогдашнихъ правителей, усиленно занялась сватовствомъ и чуть не поссорилась изъ-за этого съ Англіею. Тьеръ и Гизо не спали ночей, придумывая разныя комбинаціи для успѣшнаго разрѣшенія столь важной политической задачи; въ палатахъ говорились длинныя рѣчи о правахъ претендентовъ на руку и сердце испанскихъ принцессъ, дипломаты переписывались и совѣщались между собою, составлялись проекты соглашеній и взаимныхъ уступокъ,—и все это дѣлалось съ озабоченною дѣловитостью, какъ-будто не могло быть сомнѣнія объ обязанности Европы пріискать жениховъ для двухъ прекрасныхъ дамъ. Король Луи-Филиппъ заявилъ, что его сынъ, герцогъ Монпансье, имѣетъ преимущественное право на донну Фернанду, но что онъ великодушно откладываетъ осуществленіе своего права до выхода замужъ королевы Изабеллы и до рожденія у нея дѣтей; если же возникнетъ опасность союза съ иностраннымъ принцемъ, не принадлежащимъ къ дому Бурбоновъ, то Франція тотчасъ освобождается отъ своихъ обязательствъ и немедленно потребуетъ руки королевы или инфанты для герцога Монпансье. Захочетъ ли сама принцесса взять навязываемаго ей претендента, не вздумаетъ ли она воспользоваться своимъ естественнымъ правомъ выбора, принадлежащимъ каждой женщинѣ,—это вовсе не принималось въ разсчетъ серьезными политическими дѣятелями Франціи. Глава англійскаго кабинета,

сэръ Робертъ Пиль, высказалъ въ палатѣ общинъ, что «испанская нація, черезъ своихъ законныхъ представителей, имѣетъ исключительное право и власть заключать матримоніальные союзы, какіе она найдетъ удобными», — точно замужъ должна выйти сама нація, а не донна Изабелла или Фернанда. Министръ Гизо писалъ французскому посланнику въ Лондонѣ: «съ того момента, какъ я занялся этимъ вопросомъ о замужествѣ королевы Изабеллы, я поставилъ себѣ за правило соблюдать полную искренность во всемъ, что я сдѣлаю и скажу по этому предмету. Я зналъ предубѣжденія и недовѣріе, которыя встрѣтятъ меня на моемъ пути, я старался сразу отнять у нихъ почву... Принципъ, усвоенный нами и одобренный Англіею, въ качествѣ основы нашей политики (!) по данному вопросу, становится трудно примѣнимымъ на практикѣ... Мы сердечно желаемъ, чтобы дѣло не дошло до предположенной крайности (т.-е. до требованія руки королевы для герцога Монпансье). Мы видимъ только одинъ способъ уладить дѣло, а именно, чтобы Англія дѣятельно соединилась съ нами для исполненія слѣдующаго плана: пустить въ ходъ (remettre à flot) одного изъ потомковъ Филиппа V, все равно какого (!), герцога Севильскаго или герцога Кадикскаго или же графа Трапани, и подготовить его бракъ съ королевою Изабеллою, а пока воспрепятствовать союзу инфанты съ принцемъ Леопольдомъ Кобургскимъ или съ другимъ принцемъ не изъ дома Бурбоновъ». Бѣдныя принцессы и жалкая дипломатія! И такими дѣлами занимались великія державы въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, съ напряженнымъ вниманіемъ, угрожавшимъ даже одно время европейскому миру!

Гизо съ торжествомъ разсказываетъ о своихъ дѣйствіяхъ, послѣ неудачи предложенныхъ имъ примирительныхъ проектовъ. «Я не колебался болѣе, — говоритъ онъ въ своей книгѣ о сэрѣ Робертѣ Пилѣ: — я далъ королю совѣтъ, а послу въ Мадридѣ приказаніе, поторопиться немедленнымъ заключеніемъ двойного брака — испанской королевы съ инфантомъ донъ-Франсискомъ д'Ассизъ и инфанты Фернанды съ герцогомъ Монпансье. Я глубоко презираю и никогда не пытался практиковать тотъ родъ ловкости, который заставляетъ побѣдителя улыбаться при видѣ удивленія побѣжденнаго; но изъ всѣхъ слабостей въ великихъ дѣлахъ (!) самыми худшими я считаю нерѣшительность и непредусмотрительность», и такъ далѣе, въ такомъ же высокомъ тонѣ [1]).

---

[1]) Sir Robert Peel, par M. Guizot (P. 1858), стр. 309—315.

Какъ сильно измѣнились воззрѣнія за послѣднія тридцать-сорокъ лѣтъ, это видно лучше всего изъ обстоятельствъ, которыми сопровождалось заключеніе родственныхъ союзовъ между царствующими фамиліями Россіи и Греціи въ 1867 году и Россіи и Англіи въ 1874 году. Вмѣшательство европейской дипломатіи въ подобныя чисто-личныя и семейныя связи, кажется уже теперь совершенно неумѣстнымъ, а попытка какого-либо кабинета навязать жениха иностранной принцессѣ—попытка, которою такъ гордился Гизо,—представляется немыслимою въ настоящее время. Политика европейскихъ монархій движется уже въ болѣе широкихъ общенародныхъ рамкахъ; она не зависитъ отъ соображеній частныхъ, семейныхъ, которыя прежде играли такую видную роль. Англія была враждебна Россіи при лордѣ Биконсфильдѣ, не смотря на родственныя узы государей; Греція дѣйствуетъ самостоятельно, и въ направленіи ея дипломатіи незамѣтно русскаго вліянія. Очевидно, взглядъ на государство теперь уже далеко не тотъ, какой существовалъ въ Европѣ еще въ недавнія времена, при либеральномъ королѣ Луи-Филиппѣ и при такихъ просвѣщенныхъ дѣятеляхъ, какъ Гизо, Тьеръ и сэръ Робертъ Пиль. Ничто не остается неподвижнымъ въ мірѣ соціальномъ, какъ и въ мірѣ физическомъ: форма, застывшая въ принятыхъ разъ очертаніяхъ, не выдержала бы напора измѣнившихся условій,—или она задушила бы самую общественную жизнь въ своей окаменѣлости.

Л. Слонимскій.

ПРОСТАЯ ИСТОРІЯ

SINGLEHEART AND DOUBLEFACE.

Повѣсть Чарльза Рида.

Окончаніе.

V *).

За первымъ взрывомъ отчаянія послѣдовала мука неизвѣстности: въ продолженіе нѣсколькихъ дней, по просьбѣ Сары, доброжелательная полиція слѣдила за пароходами, чтобы дать ей возможность умилостивить своего грабителя. И въ продолженіе всего этого времени глаза ея вѣчно устремлены были на улицу, а уши были насторожѣ: не услышитъ ли она звукъ любимыхъ шаговъ? Она надѣялась на его отеческія чувства: за что онъ броситъ Люси? *Она* вѣдь ничѣмъ его не оскорбила.

Но, наконецъ, ей сообщили навѣрное, что онъ отплылъ на пароходѣ въ Нью-Іоркъ.

Я не занимаюсь вивисекціей, а потому не стану описывать страданій покинутой жены,—страданій тѣмъ сильнѣйшихъ, что она была очень умная и добродѣтельная женщина, и ея красотой и добрыми качествами всѣ восхищались, за исключеніемъ мужа. Общественныя симпатіи были на ея сторонѣ: одна ливерпульская газета, узнавъ объ этомъ эпизодѣ отъ полиціи, отвела ему пара-

---

*) См. выше: ноябр., 204 стр.

графъ съ слѣдующимъ заглавіемъ: *Человѣкъ ограбившій самою себя*. Авторъ статьи, съ свойственной его собратьямъ манерой, приправилъ блюдо пряностями собственной кухни. Другъ жены прицѣливался въ грабителя изъ пистолета, но жена обезоружила его,—обстоятельство, которое авторъ оплакивалъ, высказывая надежду, что еслибы попытка къ грабежу повторилась, что супружеская привязанность уважитъ интересы общества и предоставитъ пулѣ найти виноватаго.

Пиндеръ прочиталъ эту замѣтку и перевелъ ее на простой языкъ.

Дебора пришла въ восторгъ, но Сара была въ отчаяніи отъ этой огласки и негодовала на то, что газеты вмѣшиваются въ семейныя дѣла. Послушать ее, такъ выходило, что если какой-нибудь негодяй укокошитъ жену, то никому до этого нѣтъ дѣла, что это должно остаться между мужемъ и женой и всякое вмѣшательство постороннихъ есть дерзость и неделикатность.

Я пишу эту исторію не затѣмъ, чтобы доказывать ту или другую истину; но по мѣрѣ того, какъ ея различные эпизоды развертываются передо мной, меня поражаетъ одно обстоятельство: какъ часто зло влечетъ за собой неожиданныя хорошія послѣдствія.

За примѣрами ходить не далеко. Во-первыхъ, до той поры, какъ Сару Манселъ постигла такая великая бѣда, м-ръ Джозефъ Пиндеръ относился съ естественнымъ, но несправедливымъ пренебреженіемъ къ м-съ Деборѣ Смортъ. Онъ видѣлъ, что эта шестимѣсячная вдова безъ зазрѣнія совѣсти пріискивала себѣ мужа. Выражаясь на его собственномъ грубоватомъ, но характерномъ языкѣ, она гонялась по городу за № 2. Но когда горе постигло Сару, онъ увидѣлъ, что эта небезукоризненная вдова отложила всѣ свои матримоніальныя попеченія и употребляла всѣ усилія, чтобы утѣшить сестру. Онъ никакъ не ожидалъ встрѣтить такую нѣжную симпатію въ такой грубоватой, деревенской бабѣ. Вслѣдствіе этого Пиндеръ и Дебора подружились и вдвоемъ ухаживали за Сарой.

Второе хорошее послѣдствіе было оцѣнено самой Сарой, такъ какъ она была мать и не могла не думать о будущемъ.

Видя ее покинутой и безпомощной, Джозефъ Пиндеръ сталъ ея слугой и вмѣстѣ съ тѣмъ компаньономъ. За хорошее жалованье онъ взялся за дѣло и вскорѣ усовершенствовалъ и расширилъ его. Мясные и бульонные консервы и фрукты только-что начинали осаду желудковъ предубѣжденныхъ бриттовъ. Джозефъ уговорилъ сестеръ испробовать ихъ и выбрать тѣ, которые го-

дятся. Онѣ вскорѣ нашли, что въ числѣ дряни были и весьма цѣнные припасы, какъ, напр., бостонскіе сухари, австралійское сушеное мясо и американскій бульонъ.

Пиндеръ, бывшій, подобно многимъ ремесленникамъ, весьма находчивымъ малымъ, употребилъ всѣ свои сбереженія на напечатаніе объявленій, которыми наводнилъ всѣ трактиры и частныя кухни, и въ которыхъ выхвалялъ эти товары. И даже пригласилъ многихъ поваровъ, кухарокъ и небогатыхъ хозяекъ отвѣдать дешеваго американскаго бульона. Какой смыслъ, говорилъ онъ, вываривать на бульонъ бычачьи ноги, когда вотъ тутъ вамъ предлагаютъ болѣе дешевый и уже готовый бульонъ, съ которымъ вамъ не приходится возиться.

Однажды Сара съ печальной гордостью показала ему такъ называемые «панели» Джемса Мансела. Этотъ человѣкъ, прежде нежели стать пьяницей, съ энтузіазмомъ относился къ своему искусству и приготовилъ около пятнадцати образчиковъ панелей. Они были дѣйствительно великолѣпны. Джозефъ отчистилъ и отлакировалъ, нанялъ подмастерья и затѣмъ выставилъ панели въ окнѣ съ подписью: «Лакировка подъ дерево ученика Джемса Мансела».

Торговцы обратили на нихъ вниманіе и стали дѣлать заказы. Ученикъ Джо Пиндера, хотя и не былъ такъ искусенъ какъ Джемсъ Манселъ, однако, благодаря оставленнымъ образцамъ и руководству Пиндера, мало-по-малу нашелъ кліентовъ, и миссисъ Манселъ, кромѣ своей торговли, получила возможность продолжать также и дѣло своего мужа. Деньги приливали двумя каналами и некому было пропивать ихъ. Плата Пиндеру не составляла и одной десятой прибыли, которую его усердіе и хорошее управленіе доставляли Сарѣ, и вдобавокъ въ семьѣ не было больше пьяницы и вора, чтобы обирать выручку.

Въ три года, что длились эти событія, которыхъ я рѣшилъ не передавать подробно, покинутая жена купила лавку и домъ въ Зеленой улицѣ и помѣстила 400 фунтовъ въ банкъ, такъ какъ Пиндеръ убѣдилъ ее, что Лондонскій банкъ болѣе безопасное мѣсто для храненія денегъ, нежели желѣзный сундукъ.

Люси Манселъ было теперь слишкомъ семь лѣтъ и она была развита не по лѣтамъ, частію отъ природы (не даромъ у нея былъ умный отецъ и разсудительная мать), частію отъ того, что постоянно находилась въ обществѣ взрослыхъ, а не дѣтей. Такъ какъ она унаслѣдовала материнскую внимательность и отличалась врожденной способностью къ мимикѣ, то казалась посторроннимъ даже умнѣе, чѣмъ была на самомъ дѣлѣ. Живость и рѣчистость

тетушки Деборы естественно восхищали ее и она старалась подражать ей и ловила всѣ ея поговорки и словечки.

Теперь, передавъ, хотя кратко, но правдиво событія трехъ лѣтъ, я перехожу къ описанію одного знаменательнаго дня.

Сара сидѣла за прилавкомъ и шила, готовая каждую минуту вскочить, чтобы прислужиться покупателямъ. Люси сидѣла у ея ногъ, и тоже шила, готовясь бѣжать, куда ее пошлютъ. Дебора пришла изъ кухни съ сырымъ бифштексомъ и почками въ корзинкѣ, съ какой она ходила на рынокъ, и поднесла провизію подъ самый носъ сестры. Дебора была знатокомъ сырого мяса, къ счастью для дома, и восхищалась имъ, когда оно было хорошо. Сара же не любила сырого мяса и потому сказала: — Я вѣрю тебѣ на слово, что оно хорошо.

— Да понюхай же его,—настаивала Дебора.

Но Сара только отвернула голову.

Дебора разгорячилась.

— Подожди, вотъ ужо какъ я подамъ его на столъ, ты запоешь другое. Я намѣрена приготовить сегодня пуддингъ изъ говядины и почекъ.

— О! какъ вкусно!—закричала Люси, хлопая въ ладоши.

— Ну, слава Богу, хоть одна разсудительная душа нашлась въ нашемъ домѣ, — замѣтила Дебора,—и если твоей мамашѣ не понравится мой пуддингъ, то я откажусь отъ стряпни.

— Я постараюсь угодить тебѣ, сестра, — кротко отвѣчала Сара.—Но вѣдь ты знаешь, что пустой хозяйскій стулъ за столомъ отнимаетъ аппетитъ.

— Правда, моя бѣдная Салли. Но, дорогая моя, неужели ты никогда не перестанешь тосковать о человѣкѣ, который бросилъ тебя и никогда ни строчки даже не напишетъ.

— Въ этомъ-то все мое и горе. Я боюсь, что онъ умеръ.

— Ну, нѣтъ. Онъ еще много бѣдъ причинитъ тебѣ. Я боюсь, что ты возненавидишь меня, но я не въ силахъ молчать. Правда глаза колетъ, но шила въ мѣшкѣ не утаишь. Самымъ большимъ счастіемъ для тебя было то, что онъ оставилъ тебя и ты нашла добраго слугу, вмѣсто злого господина.

— Еслибы только я знала, что онъ живъ,—настаивала Сара, поглощенная одной мыслью.

Терпѣніе Деборы лопнуло и она высказала то, что думала. Она молчала цѣлыхъ полтора года и, наконецъ, не выдержала. Она подперлась руками въ бокъ — поза, которую она рѣдко принимала, говоря съ Сарой.

— Если тебѣ надоѣли тишина и спокойствіе и карманъ,

биткомъ набитые деньгами, то объяви въ газетахъ, что купила этотъ домъ и отложила въ банкъ 400 фунтовъ и попомни мое слово: Джемми Манселъ появится черезъ какой-нибудь мѣсяцъ; но онъ пріѣдетъ ради денегъ, а не ради тебя и ребенка.

Эти горькія истины произвели на Сару болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ ожидала Дебора. Обыкновенно Сара изо всѣхъ силъ защищала мужа, но теперь она только сильно взволновалась, и когда Дебора пришла къ своему безотрадному заключенію, она выпрямилась во весь ростъ и сказала: — Еслибы я это думала, то вырвала бы его изъ своего сердца, хотя бы мнѣ пришлось вмѣстѣ съ тѣмъ вырвать сердце изъ груди. Быть можетъ, ты считаешь меня слабой потому, что я привязчива и когда люблю, то люблю. Но ты меня не знаешь. Если я разлюблю, то стану жестка, какъ камень.

Съ этими словами лицо ея приняло очень жесткое, почти злое выраженіе и такъ сильно поблѣднѣло, что въ самомъ дѣлѣ стало какъ каменное, и кроткая Сара была неузнаваема. Даже Дебора, знавшая ее съ дѣтства, вытаращила на нее глаза и подумала, что она не вполнѣ поняла ея характеръ. Люси придала иное направленіе разговору. Она находила, что слишкомъ много шуму изъ пустяковъ.

— Не сердитесь, мамаша,—замѣтила она:—если папаша не вернется, то выходите замужъ за дядюшку Джо.

Миссисъ Манселъ остановила дочь.

— Люси, милая, какъ тебѣ не стыдно.

— Выходите за него. Вотъ и онъ самъ.

— Тсъ!—и Сара вспыхнула, какъ огонь.

Пиндеръ отворилъ дверь лавки; онъ пришелъ по дѣлу.

— Здравствуйте, Сара; здравствуйте, Дебора; здравствуйте, маленькая красавица. Пожалуйста откройте вашу приходорасходную книгу и занесите въ нее слѣдующія уплаты, въ алфавитномъ порядкѣ. Б.—Беннетъ, новая гостинница, уплатилъ 3 фунта 13 шиллинговъ 6 пенсовъ. Вотъ и деньги.

Сара занесла эту сумму въ счетъ Беннета.

Пиндеръ продолжалъ перечислять уплаты: Чёрчъ—1 фунтъ, 5 шиллинговъ. М-ръ Дрекъ—7 фунтовъ, 9 шиллинговъ.

— Это селезень [1],—спросила Люси.

— Сами вы утка,—возразилъ Пиндеръ.—А теперь перейдемъ къ М... Миссисъ Меръ.

[1]) „Drake"—значитъ утка. Игра словъ.

— Кобыла [1])?—поспѣшила освѣдомиться Люси.

Пиндеръ опровергъ это и заявилъ, что это самая крупная муниципальная власть въ городѣ и въ доказательство привелъ значительность уплаченной суммы: 17 фунтовъ, 4 шиллинга. А теперь что у васъ новенькаго?—освѣдомился онъ въ свою очередь.

— Я скажу вамъ,—отвѣчала миссъ Люси съ обязательнымъ видомъ;—мама и тетя Дебъ повздорили.

— О, фи! — вскричала Дебора. — Откуда ты берешь такія выраженія.

— У тебя подхватываетъ, — замѣтила мать.—Она во всемъ тебѣ подражаетъ. Мы только не сошлись во мнѣніи.

— И поругались,—подсказала Люси.

Дебора вскричала:

— Какъ тебѣ не стыдно говорить это!

Но неумолимый ребенокъ объявилъ:

— Правда глаза колетъ, но шила въ мѣшкѣ не утаишь. Вѣдь вы знаете, что вы поссорились.

— Какъ это страшно слышать, — замѣтилъ сухо Пиндеръ. — Надо васъ скорѣй помирить. Изъ-за чего вышла ссора? — съ недовѣрчивымъ видомъ спросилъ онъ.

— А вотъ изъ-за чего,—отвѣчала Люси, не обращая вниманія на знаки, которые ей дѣлала мать украдкой. — Мамаша горевала, что папаша не пишетъ, а *она* (и Люси, вопреки всѣмъ правиламъ хорошаго воспитанія, указала пальцемъ на Дебору) бранила ее за то, что она огорчается и сказала:—напечатай въ газетахъ, какая ты стала богатая и онъ тотчасъ же вернется. Тогда мамаша вышла изъ себя и расплакалась. Всегда вѣдь кончится тѣмъ, что бѣдная мамаша расплачется.

И Люси охватила руками шею матери, а Пиндеръ проговорилъ:

— Ангелочекъ!

Сара нѣжно поцѣловала свою дочку и сказала:

— Нѣтъ, нѣтъ, мы не будемъ ссориться. И только докажите мнѣ, что онъ живъ, я обѣщаюсь вамъ, что больше не пророню ни слезинки.

— По рукамъ,—сказалъ Пиндеръ.

— Хорошо.

И она подала ему руку, съ оживленіемъ глядя ему въ лицо.

Онъ тотчасъ же вышелъ изъ лавки, не отвѣчая на градъ вопросовъ, немедленно посыпавшихся на него. Дѣло въ томъ, что въ настоящую минуту онъ ничего не могъ сказать навѣрное.

[1]) „Mare"—кобыла, та же игра словъ.

но зналъ, что Дикъ Варней ѣздилъ въ Нью-Іоркъ три мѣсяца тому назадъ и сегодня какъ разъ его видѣли въ кабакѣ, по сосѣдству съ Зеленой улицей. Пиндеръ забралъ себѣ въ голову, что Варней долженъ знать, живъ или нѣтъ Манселъ. Не безъ труда нашелъ онъ Варнея. Этотъ достойный человѣкъ былъ въ нищенскомъ видѣ, а потому согласился за соверенъ явиться къ миссисъ Манселъ и сообщить ей все, что знаетъ объ ея супругѣ. Хитрый Варней не хотѣлъ сообщить своихъ свѣденій Пиндеру, прежде нежели ему не заплатятъ, и попросилъ задатка. Но Пиндеръ самъ былъ не промахъ и наотрѣзъ отказалъ въ задаткѣ, но показалъ ему деньги.

И вотъ, не довѣряя другъ другу, они направились въ Зеленую улицу. Но подойдя къ двери, Варней припомнилъ сцену ночного грабежа и отчаянія жены Мансела; ему вдругъ стало страшно и онъ хотѣлъ убѣжать.

— Нѣтъ, нѣтъ, —сказалъ Пиндеръ:—я принимаю на себя всѣ послѣдствія вашего посѣщенія,—и почти насильно втащилъ его.

Семья все еще сидѣла въ лавкѣ, и Дебора находилась около сестры. Хотя Сара видѣла Варнея только разъ въ жизни, но лицо его и фигура запечатлѣлись въ ея памяти навѣки и при видѣ его она слегка вскрикнула, закрыла лицо обѣими руками и вдобавокъ отвернула голову.

— О! опять этотъ человѣкъ!—вскричала она.

— Видите!—замѣтилъ Варней,—она не можетъ меня видѣть, да и немудрено.

И съ этими словами, самыми разумными, какія онъ когда-либо произносилъ, онъ собирался удрать. Но Пиндеръ взялъ его за шиворотъ и удержалъ желѣзною рукой и впервые въ продолженіе этихъ трехъ лѣтъ позволилъ себѣ упрекнуть Сару:

— Ну, благоразумно ли съ вашей стороны застращивать этого человѣка и замазывать ему такимъ образомъ ротъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, — поспѣшно вмѣшалась Дебора, — если вы можете что-нибудь сообщить ей о ея мужѣ, то будьте увѣрены въ хорошемъ пріемѣ. Забудемъ старое.

— Я готовъ отвѣчать на все, что *она* спроситъ.

— А я готовъ дать вамъ вотъ это, если вы это сдѣлаете, — сказалъ Пиндеръ. — А пока Дебора его подержитъ, — и онъ передалъ соверенъ Деборѣ. Она крѣпко зажала золотую монету въ рукѣ, и было очевидно, что даромъ она ее не выпуститъ.

Въ это время глаза Сары устремились на Варнея и теперь, казалось, пронизывали его насквозь.

— Вы были въ Нью-Іоркѣ?
— Да.

VI.

— Вы видѣли моего мужа?
— Разумѣется, и повѣрьте, что мнѣ не легко было разыскать его.
— Разыскать его? Онъ живъ?
— Живъ ли онъ? разумѣется.
— Слава Богу, слава Богу!
Она такъ взволновалась, что Пиндеръ и Дебора бросились къ ней на помощь. Но она отстранила ихъ.
— Нѣтъ,—говорила она,—радость не убьетъ меня. Значитъ, онъ живъ и здоровъ?
— Вполнѣ.
— И счастливъ?
— Веселъ, какъ полишинель.
— Полишинель?—переспросила Люси.
Слѣдующій свой вопросъ Сара произнесла робко и жалостно:
— Онъ про насъ не спрашивалъ?
Дебора со страхомъ взглянула на Пиндера. Она жалѣла, что сестра спросила это, и ждала непріятнаго для нея отвѣта.
— Еще бы!—отвѣчалъ Варней.—Первымъ его словомъ было: какъ поживаетъ Сара и цыпленокъ.
— Боже благослови его!—вскричала Сара.
Люси объявила компаніи, что цыпленокъ это маленькая курочка.
Но ея наивность не вызвала даже улыбки. Всѣ смотрѣли на Дика Варнея.
— А что вы ему сказали про насъ?
— О! я сказалъ ему то, чтó всѣ про васъ говорятъ, что вы ведете его дѣло, такъ же какъ и свое. Что Джо Пиндеръ— вашъ фактотумъ. Что вы богаты какъ жидъ и пользуетесь всеобщимъ уваженіемъ.
— Вы сказали ему это?—спросила Дебора проницательно.
— Этими самыми словами.
— И онъ не вернулся вмѣстѣ съ вами?
— Нѣтъ.
— Значитъ, дѣла его хорошо идутъ.
— Должно быть; онъ былъ одѣтъ какъ джентльменъ.

— И навѣрное былъ похожъ на джентльмена, — замѣтила преданная жена.

— Онъ велъ себя, однако, не какъ джентльменъ, потому что холодно встрѣтилъ стараго пріятеля.

— Какая жалость! — замѣтила Дебора, — а вы-то всегда подавали ему такой прекрасный примѣръ.

Пиндеръ сказалъ, что это недобросовѣстно, такъ какъ Варней говоритъ имъ все, что знаетъ. Дебора согласилась съ этимъ и объявила, что если м-ръ Варней желаетъ пойти съ ней въ кухню, она зажаритъ ему кусочекъ бифштекса.

Варней объявилъ, что будетъ очень радъ.

— Но помните, что водки въ нашемъ домѣ не полагается. Не желаете ли выпить элю домашняго приготовленія.

— Я пью все, что угодно, — былъ поспѣшный отвѣтъ.

Она провела его въ кухню и затѣмъ вернулась на минутку въ лавку.

— Онъ не все передалъ намъ, — сказала она. — Я намѣрена выжать его, какъ лимонъ.

И убѣжала съ этимъ намѣреніемъ въ кухню. Она была вполнѣ способна на это, и какъ кошка, которая крадется за добычей, не сразу набросилась на свою жертву, но сперва хорошенько накормила Варнея и напоила его домашнимъ элемъ, очень невиннымъ на вкусъ, но тѣмъ не менѣе очень крѣпкимъ. Этотъ маневръ ея возбудилъ неопредѣленныя ожиданія въ умѣ взрослыхъ; но вниманіе Люси, по обыкновенію, устремилось на незнакомое слово.

— Выжимать его, какъ лимонъ? — обратилась она къ Пиндеру. — Какъ она это сдѣлаетъ, Фактотумъ?

— Не знаю, не могу сказать, — отвѣчалъ Фактотумъ.

— Вотъ такъ что ли, Фактотумъ.

И она взяла его за руку и принялась тискать.

— Прощайте, Фактотумъ, — заключила она. Для нея всякое новое слово было точно новая игрушка. — Я побѣгу посмотрѣть, какъ она его выжимаетъ.

Пиндеръ засмѣялся и поглядѣлъ на Сару; но та не улыбнулась.

— Какъ? вы опять за старое? А вѣдь вы обѣщали, что будете счастливы и довольны, если узнаете, что онъ живъ?

— Я такъ думала въ то время. Но теперь, когда я узнала, что онъ живъ, я знаю также, что онъ умеръ для меня. Живъ и ни словечка мнѣ не написалъ! Я оскорбила его и онъ меня возненавидѣлъ. Я — покинутая жена.

— А я—безполезный другъ. Все, что я ни дѣлаю, ни къ чему не служитъ.

Онъ пришелъ въ отчаяніе и ушелъ изъ лавки, чтобы пройтись и разсѣять досаду, овладѣвшую имъ.

Она поглядѣла ему вслѣдъ и подумала, что онъ совсѣмъ ушелъ отъ нея. Она чувствовала, что должна казаться неблагодарной и можетъ вывести изъ терпѣнія самаго вѣрнаго друга.

«Но я не виновата,—говорила она самой себѣ.—Я люблю только одного человѣка въ мірѣ и его-то какъ-разъ никогда больше въ жизни не увижу».

Никогда еще не чувствовала она себя такой покинутой и одинокой. Она прислонилась лбомъ къ прилавку и слезы медленно, но безостановочно покатились по ея щекамъ.

Она просидѣла такъ нѣкоторое время, какъ вдругъ чей-то голосъ робко произнесъ:—Салли.

Она подняла голову, но не взглянула въ ту сторону, откуда слышался голосъ. Ей казалось, что она слышитъ его во снѣ.

— Это я,—сказалъ какой-то человѣкъ и подошелъ къ ней.

Она взглянула и крикъ восторга вырвался у нея изъ груди. Черезъ минуту мужъ и жена были въ объятіяхъ другъ друга.

Въ эту самую минуту, Пиндеръ, мимолетная досада котораго смѣнилась жалостью и состраданіемъ, вернулся, чтобы загладить усиленнымъ вниманіемъ свое нетерпѣливое движеніе. А Дебора, услышавъ радостный крикъ сестры, прибѣжала изъ кухни. Но въ первомъ порывѣ радости отъ свиданія и примиренія, ни мужъ, ни жена не замѣчали этихъ удивленныхъ свидѣтелей.

— Мой Джемми! мой милый, милый Джемми!

— Моя милая жена, ты простила меня.

— Мнѣ слѣдуетъ просить у тебя прощенія.

— Нѣтъ, нѣтъ! это полиція меня свела съ ума.

— И ты бросилъ меня на цѣлыхъ три года!

— Неужели ты думаешь, что я пробылъ бы вдали отъ тебя три недѣли, еслибы былъ увѣренъ въ такой радушной встрѣчѣ?

— Какъ? неужели ты не зналъ, какъ я тебя люблю?

И послѣдовали новыя объятія и поцѣлуи, пока Сара не спохватилась, что по обѣ стороны ея стоятъ свидѣтели и эти свидѣтели не питаютъ особеннаго пристрастія къ ея вновь обрѣтенному сокровищу.

— Пойдемъ, милый,—сказала она,—радость вещь священная, —и обѣими руками потащила его въ пріемную жестомъ, исполненнымъ нѣжности и граціи, и заперла за собою дверь.

Пиндеръ и Дебора поглядѣли другъ на друга продолжитель-

нимъ и выразительнымъ взглядомъ и инстинктивно зашли за прилавокъ, когда дверь пріемной затворилась, Дебора, вся красная, съ сверкающими глазами, а Пиндеръ блѣдный, какъ смерть.

— Ну что, м-ръ Пиндеръ, — начала она съ напускнымъ спокойствіемъ, но плохо скрытой горечью,—насъ съ вами теперь не нужно больше. Три года любви и вниманія съ нашей стороны не идутъ въ счетъ и три года невниманія съ его стороны не ставятся ему въ вину. Я слыхала, что разлука усиливаетъ любовь и вотъ теперь мы это видимъ на дѣлѣ.

Пиндеръ сталъ оправдывать своего идола.

— Она не виновата, — говорилъ онъ.—Но что я испыталъ, когда увидѣлъ ихъ встрѣчу послѣ того какъ онъ цѣлыхъ три года забылъ и думать о ней—этого я не забуду во всю жизнь. Я не останусь глядѣть на нихъ, точно діаволъ на Адама съ Евой; я не стану дожидаться, чтобы онъ говорилъ, что дѣло, которое я расширилъ, есть *его* дѣло, что эта женщина—*его*, и ребенокъ—*его* и деньги, которыя мы скопили, тоже *его*. Нѣтъ, Дебора, я уйду, пожелавъ имъ всякаго благополучія, и вы меня больше здѣсь не увидите.

— Какъ? неужели же вы ее бросите?

— Брошу ее? Это не совсѣмъ подходящее слово. Я оставлю ее теперь, когда она счастлива. Я ей нуженъ только въ несчастіи.

— А въ бѣдѣ вы ей не другъ?

— Я не вижу, какая ей грозитъ теперь бѣда.

— Ахъ, подумайте хорошенько, что̀ его привело домой? Отвѣчайте мнѣ на это?

— Нетрудно отвѣтить. Домъ у него такой привлекательный, что надо быть глухимъ, слѣпымъ идіотомъ, чтобы этого не видѣть.

— Ахъ! это вы такъ на нее смотрите, но я желала бы, чтобы вы вникли въ его чувства къ ней. Подумайте, вѣдь ужъ три года прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ ее бросилъ, и всего только одинъ мѣсяцъ съ тѣхъ поръ, какъ Варней сообщилъ ему, что она стала богатой женщиной, и вотъ онъ ужъ здѣсь.

— О!—проговорилъ честный Джо Пиндеръ.—Я вижу, куда вы гнете, но вѣдь это могло быть совпаденіе обстоятельствъ. Вѣдь и это тоже бываетъ. Не будемъ слишкомъ подозрительны. Неужели онъ все такой же низкій человѣкъ?

— Онъ не хуже того, чѣмъ былъ, и не лучше, повѣрьте. Человѣкъ не перемѣнится отъ того, что побываетъ за моремъ, и я увѣряю васъ, что онъ явился сюда переодѣтый джентльменомъ за тѣмъ самымъ, за чѣмъ являлся переодѣтый воромъ.

Тутъ она постучала въ сундукъ ключемъ отъ кухонной двери, который держала въ рукахъ, и звонъ металла какъ бы подкрѣпилъ ея разсужденія. Она воспользовалась своими преимуществами и стала убѣждать Пиндера, что если онъ не окажетъ поддержки Сарѣ, то ее скорехонько оберутъ и опять бросятъ.

— Если онъ это сдѣлаетъ, я убью его, вотъ и все,—объявилъ Пиндеръ.

— На здоровье,—отвѣтила Дебора.—Но не бросайте *ее*. Да и *меня* также,—прибавила она.—Неужели вы, такой добрый человѣкъ, бросите меня имъ на съѣденіе. Конечно, я кухарка, и кухня у меня наводнена крысами, и на какой-нибудь пенни мышьяку можно освободить меня и отъ четвероногой, и отъ двуногой нечести.

Пиндеръ пришелъ въ ужасъ и заставилъ ее поклясться, что она будетъ отгонять отъ себя такія мысли.

— Ну такъ не оставляйте меня наединѣ *съ моими мыслями*,—сказала она,—потому что я ненавижу его отъ всего сердца и отъ всей души.

На этомъ споръ не окончился и, короче сказать, Дебора одержала въ немъ верхъ. Пиндеръ сдѣлалъ уступку и согласился не оставлять Ливерпуля и время отъ времени навѣдываться и слѣдить за тѣмъ, чтобы Сару не ограбили.

— Но,—прибавилъ онъ,—если вамъ все равно, то я буду приходить къ вамъ въ кухню, а не въ лавку.

У Деборы въ буквальномъ смыслѣ и безъ всякой метафоры потекли слюнки при такомъ предложеніи, до такой степени ей улыбался tête-a-tête въ кухнѣ съ Джорджемъ Пиндеромъ. Онъ ей понравился съ перваго взгляда. Она отвѣчала:

— Хорошо, приходите. Чего не видишь, то не раздражаетъ. Предоставьте въ его вѣденіе лавку и приходите въ кухню.

Послѣ этого соглашенія Пиндеръ ушелъ, съ удрученнымъ сердцемъ. Дебора хотѣла остаться въ кухнѣ, до того ей противенъ былъ видъ зятя и, кромѣ того, она ревновала сестру. Однако у ней не хватило смѣлости. Она побоялась объявить сразу войну своимъ домашнимъ, не имѣя вдобавокъ союзника. Поэтому она пошла на компромиссъ и повела Люси въ пріемную здороваться съ отцемъ.

Ребенокъ сказалъ:—Какъ вы поживаете, папа?—и былъ покрытъ поцѣлуями.

Но Люси не отвѣчала на поцѣлуи и принялась немедленно засыпать вопросами:—Почему вы были такъ долго въ отсутствіи

и оставили мамашу горевать? Почему вы не писали ей, если не могли сами пріѣхать?

Сара прекратила поскорѣй этотъ допросъ и сказала Люси, что не ея дѣло допрашивать отца. Дебора глазомъ не мигнула, но внутри вся тряслась отъ злости.

— Что прикажете изготовить вамъ на ужинъ?—спросила она съ притворной любезностью.

— Что хотите,—отвѣчалъ Джемсъ вѣжливо.—Пожалуйста, не относитесь ко мнѣ, какъ къ гостю.

Вечеръ соединившаяся вновь чета провела въ сладкихъ воспоминаніяхъ и усиленной супружеской нѣжности.

Но къ утру они уже переговорили обо всемъ, по крайней мѣрѣ Сара все разсказала и изъ благодарности къ Пиндеру, желая, чтобы ея благодѣтель и мужъ были дружны между собой, сообщила о результатахъ вѣрныхъ услугъ Джорджа и о томъ, что лавка куплена, а въ банкѣ отложено 400 фунт. стерл.

— На какой процентъ?—спросилъ Джемсъ.

— О! безъ всякихъ процентовъ. Я жду, пока найду случай купить землю или хорошій домъ.

Джемсъ засмѣялся и сказалъ, что это совсѣмъ въ англійскомъ духѣ оставлять деньги безъ всякаго прироста, тогда какъ въ Соединенныхъ Штатахъ можно получать на нихъ десять процентовъ безъ всякаго риска.

Заговоривъ объ этомъ предметѣ, онъ сталъ необыкновенно краснорѣчивъ, распространялся о широкомъ полѣ дѣятельности, какъ для промышленности, такъ и для капитала, представляющемся въ Соединенныхъ Штатахъ, и замѣтилъ ей, что и самъ онъ поправилъ свои обстоятельства только путемъ одной промышленности.

— Но съ капиталомъ,—прибавилъ онъ,—я скоро сдѣлалъ бы изъ тебя лэди.

— Сдѣлай лэди изъ Люси,—отвѣчала она, — а я жила и умру простой женщиной.

Видя, что она слушаетъ его, онъ нѣсколько разъ заговаривалъ объ этомъ предмѣтѣ, но я не нахожу нужнымъ передавать ихъ разговоръ «in extenso». Краснорѣчіе спекуляторовъ отличается извѣстной монотонностью, равно какъ и разумныя возраженія осторожныхъ людей. Я избавляю читателя отъ всего этого, такъ какъ не давалъ клятвы написать во что бы то ни стало три тома.

На слѣдующій день около полудня, Пиндеръ, которому больше нечего было дѣлать, какъ скучать и тосковать, пришелъ въ кухню

къ Деборѣ, чтобы поболтать съ нею. Онъ заглянулъ въ кухню, но Деборы тамъ не было. Тогда онъ робко поглядѣлъ въ окно лавки и увидѣлъ тамъ Дебору за прилавкомъ. Ея искусство, как продавщицы, было такъ же хорошо извѣстно ему, какъ и чи телямъ, а потому онъ нѣсколько удивился.

— А гдѣ же остальные? —спросилъ онъ.

— Въ бесѣдкѣ купидона,—отвѣчала Дебора, вычитавши эту фразу въ какой-то газетѣ.—Воркованье и милованье пріят нѣе, нежели дѣло.

— А гдѣ же Люси?

— Вы—первый человѣкъ, который освѣдомился о ней. Он должно быть на верху и спитъ. Миледи впервые въ продолжені трехъ лѣтъ увидѣла, что ею пренебрегаютъ, и пришла ко м вся въ слезахъ. Я взяла ее на руки, снесла наверхъ и уложи спать, теперь она успокоилась. Жаль, что взрослые не могут спать, когда вздумается, и позабыть свое горе.

Въ эту минуту дверь пріемной отворилась, и Сара Мансел которая цѣлыхъ три года ничего не носила, кромѣ черна появилась въ хорошенькомъ голубомъ платьѣ съ бѣлыми кр пинками и нарядной шляпкѣ. Это свѣтлое явленіе сразу ра сѣяло досаду въ сердцѣ Деборы.

— Ты похожа на картинку, —объявила она.

Сара остановилась передъ ней, охорашиваясь и улыбаясь.

— Ну,—сказала Дебора,—онъ нашелъ средство примир всѣхъ насъ съ его возвращеніемъ домой.

Сара любовно улыбнулась ей и сказала, что единственное желаніе, это сдѣлать всѣхъ такими же счастливыми, какъ она са

— Мы всѣ счастливы, —отвѣчала Дебора, разыгрывая ц дворца, чтобы угодить сестрѣ.—А куда это ты такъ разряди

— Я ѣду въ банкъ, вынуть свои деньги,—отвѣчала весе Сара.

Пиндеръ и Дебора переглянулись.

— А сколько именно?—спросила Дебора.

— Четыреста фунтовъ стерлинговъ, —безмятежно объя Сара.

Пиндеръ крякнулъ, но не сказалъ ни слова. Дебора вс снула руками.

— О, Сара, —жалобно начала она, —подумай, какъ до пришлось копить ихъ и не растрачивай ихъ въ одну минуту.

Сара улыбнулась съ видомъ превосходства.

— Я поссорилась съ нимъ изъ-за денегъ три года то назадъ и вы видѣли, что̀ изъ этого вышло.

Она небрежно направилась къ двери, не сердясь и нисколько не волнуясь отъ оппозиціи своихъ друзей, но Пиндеръ вставилъ серьезное слово.

— Удѣлите ему добрую половину,—сказалъ онъ,—но оставьте немножко и для Люси. Вы не только жена, но и мать.

Она повернулась къ нему у двери съ внезапнымъ яростнымъ желаніемъ оборвать его за то, что онъ смѣетъ напоминать ей про материнскія обязанности, но вспомнивъ все, чѣмъ ему обязана, удержалась. Но какимъ взглядомъ подарила она его за то. И кровь хлынула къ ея щекамъ.

Пиндеръ содрогнулся отъ этого взгляда, и Дебора покачала головой. Они оба почувствовали, что они нуль, а Джемсъ Мансель снова господинъ. Онъ и не преминулъ показать имъ это. Само собою разумѣется, что онъ слышалъ съ лѣстницы каждое слово, сказанное его женѣ, и войдя въ лавку, принялъ повелительную позу около прилавка, напротивъ Пиндера и Деборы. Они стояли за прилавкомъ неподалеку другъ отъ друга.

Онъ прежде всего аттаковалъ Пиндера.

— Неужели вы хотите путаться въ дѣла мужа и жены,— спокойно сказалъ онъ. — Вѣдь хорошаго изъ этого, помните, ничего не вышло.

Пиндеръ не счелъ удобнымъ ссориться съ нимъ, а потому не отвѣчалъ ни слова.

Но Дебора не была такъ осторожна.

— Вотъ еще! вѣдь вы же сами предоставляли ему цѣлыхъ три года путаться въ эти дѣла. *Вы* ограбили и бросили ее; *онъ* впутался въ это дѣло и обогатилъ ее. Его вмѣшательство ей не вредно.

Тогда заговорилъ Пиндеръ, но въ болѣе миролюбивомъ духѣ.

— Я вовсе не желаю вмѣшиваться,—объявилъ онъ,—но мы съ Деборой старались сколько могли быть вамъ обоимъ полезны, и мнѣ кажется, что друзьямъ вашей жены можно позволить высказать свое мнѣніе на счетъ того, какъ распорядиться съ сбереженіями, которыя пришлось копить цѣлыхъ три года.

Не успѣлъ онъ договорить этихъ словъ, какъ Мансель поклялся въ душѣ избавиться отъ него и отъ Деборы.

Онъ отвѣчалъ съ намѣреніемъ вывести ихъ изъ себя.

— Прекрасно; но я не слыхалъ, чтобы хозяинъ былъ обязанъ отдавать отчетъ своимъ слугамъ въ томъ, какъ онъ намѣренъ распорядиться съ своими деньгами.

— *Вашими* деньгами?—усмѣхнулась Дебора.

— Ахъ!—отвѣчалъ этотъ нахалъ:—деньги моей жены—*мои*

деньги. Кажется, что я далъ вамъ понять это въ прошлый разъ. Ну вотъ я собираюсь помѣстить мои деньги въ американскія бумаги и получать на нихъ десять процентовъ, вмѣсто того, чтобы держать ихъ въ банкѣ мертвымъ капиталомъ.

— О!—отвѣчала Дебора.—Это та сказка, которую вы сплели ей? Ну, а я скажу правду, какъ она есть. Вы собираетесь подтибрить ея деньги и уѣхать съ ними въ Америку. Варней былъ здѣсь и извѣстилъ васъ обо всемъ. Вы пріѣхали сюда не для жены, а для денегъ.

Она съ такой силой бросила ему эти слова въ лицо, что даже его мѣдный лобъ покраснѣлъ, точно она ударила его по лицу. Но прежде нежели онъ успѣлъ отвѣтить, Сара появилась въ смущеніи въ дверяхъ.

— О, Боже мой! уже бранятся!

Тутъ Джемсъ Манселъ, который въ своемъ родѣ, былъ умнѣе ихъ всѣхъ, моментально собралъ все свое хладнокровіе и спокойно сказалъ ей:

— Не я бранюсь съ ними, увѣряю тебя. Но вотъ эта молодая женщина говоритъ, что я пріѣхалъ не для тебя, а для денегъ. Развѣ хорошо кричать такія вещи на всю улицу. Послушай, Сара, я не бранюсь съ ней, но спокойно спрашиваю тебя: могу ли я оставаться въ одномъ домѣ съ людьми, которые ненавидятъ меня и стараются поссорить меня съ женой?

VII.

Пиндеръ и Дебора оба почувствовали, что имъ не справиться съ Манселомъ. Пиндеръ оставался спокойнымъ; но Дебора этого не могла. Ея губы дрожали, но она до послѣднихъ силъ сражалась съ нимъ.

— Я оставлю этотъ домъ только по приказанію моей сестры, а не по приглашенію посторонняго человѣка, который сегодня здѣсь, а завтра его и слѣдъ простылъ, какъ скоро онъ успѣетъ выдоить корову и зарѣзать теленка.

И жестомъ руки она показала на Сару, при словѣ корова, и на Люси, при словѣ теленокъ.

Рѣзкія слова и вульгарный, но выразительный жестъ, съ какимъ она ихъ произнесла, заставили даже Пиндера произнести:—О!

Что касается Мансела, то хладнокровіе оставило его и онъ яростно бросился къ ней.

Но Сара остановила его.

— Нѣтъ, не отвѣчай ей, Джемсъ. Посиди съ дочерью, а я переговорю съ ними обоими.

Она сказала это такъ серьезно и съ такимъ чувствомъ собственнаго достоинства, что никто ей не противорѣчилъ.

Манселъ взялъ Люси и пошелъ съ ней на верхъ.

Когда онъ ушелъ, Сара протянула обѣ руки и кротко сказала:

— Подойдите ко мнѣ оба.

Они взяли протянутыя имъ руки и глаза ихъ заблестѣли.

Она заговорила мягкимъ и ласковымъ голосомъ, который подѣйствовалъ на нихъ необыкновенно успокоительно.

— Вы оба искренно любите меня. Ну, такъ пожалѣйте меня и не доводите до крайности. Не заставляйте меня выбирать между мужемъ и вами; вы знаете, кого я *должна* выбрать. Боже мой, еслибы я издержала свои деньги на наряды, вы бы не пожалѣли ихъ. Ну, такъ позвольте же мнѣ распорядиться ими такъ, какъ пріятно моему сердцу, и отдать деньги человѣку, котораго я люблю; вѣдь любовь моя дороже 400 фунтовъ стерлинговъ, какъ вы думаете?

Они оба покорно выслушали ее. Но Дебора сказала, жалобно обращаясь къ Пиндеру:

— Она насъ не понимаетъ.

— Мы хотимъ сказать, что выпустить изъ рукъ деньги, значитъ лишиться мужа; пока деньги въ вашихъ рукахъ, онъ васъ не покинетъ, а мы оба видѣли, какъ вы по немъ горевали, и боимся, чтобы онъ опять не покинулъ васъ.

— Ахъ! — сказала Сара съ благородствомъ и безъ всякой досады, — вы желаете мнѣ добра; но вы сомнѣваетесь, не довѣряете и подозрѣваете. Я не хочу васъ обидѣть, но у меня другой характеръ, нежели у васъ. Я прямодушна, я не умѣю любить и не довѣрять. Я не могла бы также не довѣрять и любить.

Красота ея души и кротость ея сильныхъ и трезвыхъ словъ побѣдили ея бывшаго поклонника и нѣжнаго друга.

— Не приставайте больше къ ней, — сказалъ онъ.—Она слишкомъ хороша для здѣшняго міра. Она ангелъ.

Дебора улыбнулась и, бросивъ добрый взглядъ на сестру, хладнокровно отвѣтила:

— Она—отличная женщина; всякій, кто взглянетъ на нее, пойметъ это; но она такая же *женщина*, какъ и всѣ остальныя, будьте въ этомъ увѣрены. Сара, безполезно долѣе играть въ прятки. Пріятно ли тебѣ будетъ, если твои 400 фунтовъ пойдутъ къ другой женщинѣ.

— Къ другой женщинѣ?—закричалъ предполагаемый ангелъ, немедленно выходя изъ себя.—Что ты хочешь этимъ сказать? какая другая женщина?

— Дикъ Варней видѣлъ его съ другой женщиной и очень красивой.

— Что-жъ это доказываетъ?

— Само по себѣ ничего; но когда человѣкъ его лѣтъ на цѣлыхъ три года бросаетъ жену, то можно быть увѣреннымъ, что онъ найдетъ другую.

— О!—вскричала Сара,—не говори мнѣ этого.

Но Дебору не легко было сбить. Она продолжала:

— Все это весьма таинственно и неестественно, если въ дѣлѣ не замѣшана другая женщина; но если замѣшана, то все ясно, какъ бѣлый день. Три года пренебреженія и молчанія—другая женщина — ты изнываешь въ Англіи — нѣтъ другого мужчины (м-ръ Пиндеръ только другъ тебѣ)—онъ веселъ какъ полишинель въ Нью-Іоркѣ—другая женщина—*она* нуждается въ деньгахъ (другія женщины всегда въ нихъ нуждаются)—Дикъ Варней говоритъ *ему*, что ты много денегъ припасла здѣсь—и вотъ онъ здѣсь черезъ мѣсяцъ и въ тотъ же день принимается доить корову. Американскія бумаги! Хорошенькая дѣвчонка изъ породы янки.

На этотъ разъ ея простодушное краснорѣчіе и неподкупный здравый смыслъ оказались побѣдителями. Сара, лицо которой измѣнилось подъ вліяніемъ яда ревности, утратила свое спокойствіе Мадонны. Лицо ея исказилось конвульсіями и она громко простонала:—если это такъ, спаси меня Богъ!—Она поднесла руку къ груди и ея прекрасные темные глаза закатились и видны были одни только бѣлки.

— О, сестра! ты подпустила змѣю къ моей груди—сомнѣніе. Она изгрызетъ мое сердце.

— Спаси Богъ!—воскликнула Дебора, устрашенная словами своей сестры и еще болѣе ея страннымъ взглядомъ. Она стала бранить свой женскій длинный языкъ и просить Сару оставить свои подозрѣнія. Но Сара отвѣчала на это тоже въ своемъ родѣ удивительно:

— Нѣтъ,—сказала она, твердо,—я бы не могла любить, сомнѣваться и жить. Я испытаю его.

Дебора съ удивленіемъ поглядѣла на нее. Сара подошла къ двери пріемной и позвала:

— Джемсъ, милый, сойди сюда.

— Что такое она собирается сказать или сдѣлать?—пробормотала Дебора, содрогаясь.

Сара подошла къ ней и сказала какимъ-то свистящимъ шопотомъ:

— Теперь, когда ты научила меня подозрѣвать, и недовѣрять, и сомнѣваться, ты должна докончить свое дѣло. Я поручаю тебѣ слѣдить за моимъ мужемъ, за его лицомъ и всѣми движеніями, пока я, его жена, стану играть съ нимъ комедію.

Джемсъ Манселъ вошелъ и хитро огляделся кругомъ. Лицо Деборы ничего ему не сказало. На немъ было написано безусловное равнодушіе, Пиндеръ стоялъ повѣся носъ.

Манселъ очутился между двумя замаскированными баттареями; глаза жены впились въ него, а Дебора исподтишка, какъ кошка, наблюдала за нимъ, пока Сара испытывала мужа.

— Милый Джемсъ, я очень люблю свою сестру и искренно уважаю Пиндера и обоимъ имъ многимъ обязана.

Лицо Джемса омрачилось при этихъ словахъ.

— Но я люблю тебя больше всѣхъ на свѣтѣ, я не могу выгнать этихъ вѣрныхъ друзей изъ дому, они утѣшали меня, когда я была одинока.

Манселъ опять омрачился.

— И однако я не могу принести тебя въ жертву никому. Поэтому, если я тебѣ такъ же дорога, какъ и мои деньги, то возьми меня съ собой въ Америку.

Пиндеръ и Дебора вскрикнули отъ удивленія и огорченія, но глаза Деборы такъ и впились въ Джемса. Онъ былъ пораженъ, но не выказалъ неудовольствія. Онъ только сказалъ:

— Ты это только такъ говоришь?

— Нѣтъ; я готова ѣхать съ тобой; но, можетъ быть, ты этого не хочешь. Тебѣ пріятнѣе уѣхать одному?

Двѣ пары глазъ слѣдили за Джемсомъ.

— Нисколько,—сказалъ онъ:—мы и безъ этого слишкомъ долго были въ разлукѣ. Но неужели ты въ самомъ дѣлѣ поѣдешь со мной за-море?

— Такъ же охотно какъ перейду черезъ эту комнату, если я въ самомъ дѣлѣ нужна тебѣ.

— Конечно, ты нужна мнѣ, если мы не можемъ жить здѣсь, гдѣ твои друзья меня ненавидятъ. Но, Салли, если ты готова эмигрировать со мной, то къ чему дробить имущество? Продадимъ лавку и реализируемъ все имущество и переселимся совсѣмъ въ Соединенные Штаты. У меня здѣсь нѣтъ друзей, а ты не пожелаешь больше вернуться въ Англію, побывавъ въ Нью-Іоркѣ.

Стрѣла была ядовитая. Дебора жалостно всплеснула руками и воскликнула:

— О, Сара!

Сара сдѣлала ей знакъ рукой успокоиться.

— Нѣтъ,—отрѣзала она коротко и сухо,—я не пущу своей сестры по міру, да и не хочу рисковать всѣмъ имуществомъ Люси. Я готова рискнуть только 400 фунтами стерлинговъ, и ни копѣйкой больше. Я вовсе не ожидаю, что улицы Нью-Іорка вымощены золотомъ. Деньги и тамъ не валяются на улицахъ, а люди навѣрное смышленѣе и хитрѣе насъ, англичанъ. Многіе ѣдутъ туда за деньгами и возвращаются нищими. Эта маленькая лавка будетъ для насъ тихой пристанью на случай крушенія. А наши добрые друзья сберегутъ ее для насъ. Кстати, мнѣ припоминается, какъ будто сегодня вечеромъ долженъ отплыть пароходъ въ Нью-Іоркъ.

— Сегодня вечеромъ!—вскричали Пиндеръ и Дебора въ одинъ голосъ.

— Ну да, сегодня вечеромъ,—прежде нежели привязанность будетъ убита ссорами, а любовь отравлена ревностью.

Послѣ этого она попросила Джемса пойти узнать, въ который часъ отходитъ пароходъ. Люси и она будутъ готовы; съ помощью Деборы она въ полчаса уложитъ свой гардеробъ. И такимъ образомъ великій характеръ этой женщины высказался еще разъ. Она съ женской смѣтливостью увидѣла, что настоящее положеніе дѣлъ невозможно и съ мужской рѣшимостью разрубила Гордіевъ узелъ. Съ этой минуты она стала главой семьи.

Дебора ломала руки и вопила:

— О! что я надѣлала! что я надѣлала.—Сара спокойно замѣтила:

— Время покажетъ. Пожалуйста, пойдемъ со мной и помоги мнѣ уложиться. А Джорджъ запретъ ставни. Сегодня я больше торговать не буду. Ахъ! никогда мнѣ и въ голову не приходило разставаться съ своимъ роднымъ гнѣздомъ. Ну, чтожъ дѣлать! Мѣсто жены возлѣ мужа.

Въ то время какъ онѣ укладывались, и Дебора принималась время отъ времени плакать, Сара сказала ей, немного надменно:

— Ну что?—выдержалъ онъ испытаніе?

— Да,—отвѣчала Дебора, смиренно.

— Какъ ты думаешь, онъ взялъ бы меня съ собой въ Нью-Іоркъ, еслибы тамъ его ждала другая женщина?

— Нѣтъ,—былъ смиренный отвѣтъ.

— Ну вотъ видишь, что значитъ возбуждать недовѣріе,—замѣтила она печально.—Я зашью банковые билеты въ его воскрес-

ный жилетъ, но не отдамъ ему ихъ до тѣхъ поръ, пока мы не будемъ уже въ открытомъ морѣ.

Дебора начала-было:

— Ахъ! зачѣмъ...—но не продолжала, и закончила словами:— я боюсь говорить.

Послѣ этого онѣ вынули изъ комода воскресный жилетъ мужа и проворные пальцы ихъ вскорѣ прорѣзали подкладку подъ однимъ изъ кармановъ, и зашили туда банковые билеты. Послѣ того онѣ до поры, до времени уложили жилетъ въ дорожный сундукъ Сары.

Укладка вещей была окончена за два часа до отхода парохода.

Вся партія снова сошлась въ пріемной. Пиндеръ хотѣлъ уже тутъ распрощаться, но Манселъ, желая, вѣроятно, угодить женѣ, вѣжливо сказалъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, проводите насъ на пароходъ. Разстанемся друзьями; можетъ быть, мы больше никогда не увидимся.

Эти слова точно громомъ поразили вѣрныя сердца, которыя Сара Манселъ оставляла за собой.

Пиндеръ и Дебора проводили Манселовъ на пароходъ и грустно вернулись въ домъ, изъ котораго ушелъ ихъ солнечный свѣтъ.

Въ этотъ вечеръ Дебора вся въ слезахъ попросила Пиндера не оставлять ее одну въ домѣ. Она не могла ни о чемъ говорить, кромѣ какъ о Сарѣ. Еслибы она пошла къ знакомымъ, то они непремѣнно стали бы сплетничать о томъ и о семъ, а ей этого не хотѣлось.

Пиндеръ былъ того же мнѣнія, и охотно согласился на ея предложеніе. Она предоставила ему выбирать между комнатой Люси и спальней супруговъ. Онъ, конечно, избралъ комнату Люси. Теперь онъ сталъ хозяиномъ дома и лавки и у него было много дѣла. Онъ училъ Дебору цѣнамъ товаровъ и какъ ихъ взвѣшивать и заворачивать въ бумагу, а это цѣлое искусство. По вечерамъ онъ читалъ ей газету или книгу и они говорили о Сарѣ, безъ конца дивясь и ломая голову о томъ, какова-то будетъ ея судьба. Дебора полагала, что она вернется черезъ годъ, 400 фунтовъ стерлинговъ не хватитъ долѣе въ рукахъ у Мансела, а онъ навѣрное заберетъ ихъ въ свои руки. Но Пиндеръ думалъ, что она совсѣмъ не вернется, такъ какъ Джемсъ Манселъ очевидно ревнуетъ ее къ друзьямъ и хочетъ разлучить ихъ съ нею.

Послѣ нея остался хорошій фотографическій портретъ въ размѣрѣ кабинетной карточки. Онъ снесъ его къ Ферранти и

этотъ артистъ увеличилъ, ретушировалъ и раскрасилъ его. Ферранти, заставлявшій ретушировать подобные портреты подъ своимъ личнымъ наблюденіемъ, создалъ художественное произведеніе. Оно было прочно и отчетливо, какъ мраморное произведеніе.

Они просили только слегка раскрасить портретъ, главнымъ образомъ глаза и волосы, такъ, чтобы не испортить прозрачныхъ тоновъ фотографіи, и передъ ними была теперь Сара Мансель во весь ростъ, только-что не живая.

Когда портретъ принесли поздно вечеромъ, Пиндера не было дома; но по своемъ возвращеніи онъ раскрылъ ящикъ и вынулъ портретъ, и ни онъ, ни Дебора не могли достаточно наглядѣться на него и не ложились спать.

— Я и не подозрѣвала до сихъ поръ, какая она красавица,—говорила Дебора.

Они просидѣли до двухъ часовъ ночи, глядя на изображеніе этого добраго и красиваго лица и изливались въ похвалахъ ея добродѣтелямъ; Дебора разсказывала различные эпизоды изъ ея дѣтства, а Пиндеръ припоминалъ всѣ умные и разсудительные отвѣты, какіе отъ нея слышалъ.

Теперь Пиндеръ постепенно изъ холостяка превратился въ полу-женатаго человѣка. Его обѣдъ былъ всегда поданъ во-время и на чистой скатерти; и пріятной наружности женщина, годомъ моложе его самого, стряпала этотъ обѣдъ и надѣвала чистый фартукъ и чепецъ, чтобы съѣдать его вмѣстѣ съ нимъ. Они также вмѣстѣ ужинали. Она оставила свои ночныя скитанія въ поискахъ за мужемъ и всегда была готова къ его услугамъ, готова разговаривать съ нимъ или выслушивать его. Когда онъ читалъ вслухъ разные полицейскіе случаи или другія вещи, въ которыхъ мужчины и женщины обнаруживаютъ свои характеры и общія черты человѣческой натуры, ея замѣчанія—въ особенности въ томъ, что касалось ея собственнаго пола—были такъ же премудры, какъ еслибы она всю жизнь изучала философію.

Порою также въ ней что-то напоминало ея сестру. Онъ уже больше не надѣялся когда-нибудь увидѣть Сару и примирился съ этимъ и былъ на томъ пути, который зачастую приводитъ жертву романической привязанности къ спокойному дружескому союзу.

Когда пароходъ вышелъ въ открытое море, Сара принесла Джемсу его жилетъ и показала, какимъ образомъ она зашила въ него банковые билеты.

— Ты храни билеты у себя,—сказала она,—а я буду хранить нумера.

Алчные глаза Мансела засверкали.

— Ты дѣловая женщина,—замѣтилъ онъ:—мы вдвоемъ не пропадемъ.

Вода была какъ зеркало въ продолженіе восьми дней, но затѣмъ налетѣла буря, и Манселъ заболѣлъ морской болѣзнью. Море опять успокоилось, когда они доѣхали до цѣли ихъ путешествія, но Манселъ не поправлялся. Когда они прибыли въ Нью-Іоркъ, онъ былъ блѣденъ, слабъ и измученъ.

Они высадились на берегъ и оставили свои сундуки въ таможнѣ, и Джемсъ Манселъ сказалъ Сарѣ и Люси, чтобы онѣ подождали его здѣсь, пока онъ сбѣгаетъ въ сосѣднюю улицу поглядѣть: свободна ли его прежняя квартира, которой онъ былъ очень доволенъ.

Она просила его поскорѣй возвращаться назадъ:

— Помни, что вѣдь я здѣсь чужая,—говорила она.

— Онъ скоро вернется, навѣрное,—сказалъ вѣжливый таможенный чиновникъ, стоявшій возлѣ и принесъ два стула.

— Покорнѣйше васъ благодарю, сэръ,—отвѣчала она,—Люси, милая, поблагодари этого джентльмена.

Люси отступила на два шага, какъ ей предписывалъ ея танцовальный учитель, и затѣмъ присѣла по всѣмъ правиламъ искусства, говоря:

— Благодарю васъ, сэръ.

Джентльменъ, высокій, сухопарый гражданинъ Иллинойса ухмыльнулся и отвѣсилъ поклонъ подъ прямымъ угломъ, держа шляпу въ рукахъ.

Сара видѣла, какъ ея мужъ повернулъ въ улицу направо и исчезъ. Послѣ того она взяла работу, чтобы не сидѣть сложа руки, а Люси болтала, какъ сорока въ восторгѣ отъ всего, что видѣла. Никогда еще блестящій городъ Нью-Іоркъ не находилъ такого восторженнаго критика. Конечно, она еще не научилась убійственной манерѣ все унижать, благодаря которой намъ ничто не нравится и мы ничѣмъ не увлекаемся.

Прошелъ часъ, прошло два... Джемсъ не возвращался. Сара была сначала обижена, потомъ смущена, наконецъ встревожена. Что если онъ напился пьянъ? Онъ казался совсѣмъ истощенъ отъ путешествія! Когда разъ этотъ страхъ овладѣлъ ею, ей показалось нестерпимымъ дожидаться его здѣсь, сложа руки. Она попросила чиновника отставить въ сторонкѣ ихъ сундуки, взяла Люси за руку и пошла въ томъ направленіи, въ какомъ скрылся

ея мужъ. Но такъ какъ ей пришлось проходить цѣлые долгіе часы, прежде нежели найти свое сокровище, то я прошу позволенія побывать до нея въ нѣкоторой улицѣ.

VIII.

Саломонъ Гресъ, человѣкъ, который былъ такъ вѣжливъ съ Сарой Манселъ въ таможнѣ, былъ второй Пиндеръ, хотя солидный и грубоватый. Идя въ таможню и возвращаясь изъ нея, онъ имѣлъ обыкновеніе постоять минуты двѣ и поглазѣть въ окна одного дома въ улицѣ сто-четвертой, принадлежавшаго нѣкоей Елизаветѣ Гайнесъ. Двѣ минуты не слишкомъ долгій срокъ для того, чтобы имъ не пожертвовать воспоминаніямъ прошлаго, и Саломона никогда еще не ловили на этой слабости. Но сегодня Елизавета Гайнесъ увидала его въ зеркало, передъ которымъ надѣвала шляпку, и надѣвъ ее, подошла къ двери и увидала, что онъ смотритъ въ ея окно.

Миссисъ Гайнесъ была красивая, веселая молодая женщина, очень отъ природы умная. Она отлично знала, чего Саломону нужно, но ни къ чему не ведущія чувства были не въ ея характерѣ.

— Эге!—сказала она, притворяясь удивленной,—это вы, м-ръ Гресъ, стоите тутъ, точно окаменѣлый полисменъ?

Саломонъ былъ слишкомъ сконфуженъ, чтобы отвѣтить.

— Быть можетъ, вамъ угодно нанять комнату?—и она указала на билетики, прибитые къ окнамъ.

— Быть можетъ, мнѣ нужно поглядѣть на лэди, которая ихъ сдаетъ.

— Почему же въ такомъ случаѣ не постучаться въ дверь и не узнать, дома ли она?

— Потому что я подозрѣваю, что отвергнутые женихи не желанные гости.

— Почему нѣтъ? Если они прилично ведутъ себя, то неужели же вы думаете, что женщинѣ непріятно видѣть человѣка, который былъ къ ней неравнодушенъ? Въ слѣдующій разъ не стойте на улицѣ, но приходите прямо ко мнѣ и сообщите всѣ новости съ запада.

— Видите ли,—отвѣчалъ онъ, запинаясь,—я боюсь ссоры. Теперь въ этомъ домѣ поселился человѣкъ, на котораго я сердитъ. Ему досталось сокровище, а онъ его не цѣнитъ. Онъ проигрываетъ всѣ ваши деньги и никогда не бываетъ дома. Вы

были замужемъ за уроженцемъ Иллинойса и онъ уважалъ и любилъ васъ; и кой чортъ толкалъ васъ выйти замужъ за иностранца? Вы могли выбрать кого угодно изъ цѣлаго штата.

— А въ особенности м-ра Саломона Греса! Вы забываете, что я сама иностранка. Я не присоединена къ вашему штату.

Саломонъ согласился съ этимъ, но сказалъ, что это оплошность со стороны конституціи.

— И вотъ почему отвергнутые женихи не желанные гости для осторожныхъ женщинъ и добрыхъ женъ. Они большею частію ругаютъ человѣка, котораго онѣ выбрали и притомъ за его спиной.

— О! это низость,—большая низость.

Эта уступка дѣлала ему такую честь, что она пригласила его проводить ее на рынокъ.

Саломонъ не повѣрилъ своему счастію. Она посмѣялась надъ нимъ и объяснила ему:

— Какой вы смѣшной, неужели же вы не понимаете, что веселѣе гулять въ обществѣ приличнаго человѣка, нежели одной? Какъ вы плохо знаете женщинъ! Я полагаю, что джентльменъ, о которомъ вы говорили, знаетъ ихъ гораздо лучше. У него, впрочемъ, навѣрное было много учительницъ, у бѣдняжки!

— Я бы охотно помѣнялся съ нимъ судьбой.

— Саломонъ,—строго произнесла миссисъ Гайнесъ,—лесть—ядъ, поэтому идемъ скорѣй. Я не хочу стоять тутъ и пить подносимую вами отраву.

И вотъ она отправилась по лавкамъ и ходила еще долго послѣ того, какъ разсталась съ Саломономъ Гресъ.

Миссисъ Манселъ бродила по улицамъ безъ цѣли, Люси весело болтала и почти раздражала ее этимъ, пока наконецъ не проголодалась. Тогда мать купила ей кусокъ пирога, но сама не могла ѣсть. Наступилъ вечеръ, зажгли фонари; отбивъ себѣ ноги, съ удрученнымъ сердцемъ, она едва двигалась и начала горько спрашивать себя: неужели же она опять брошена и всѣми покинута? Но на самомъ дѣлѣ она не была покинута; мудрый и справедливый Промыслъ руководилъ каждымъ ея шагомъ. Наконецъ она остановилась въ отчаяніи и стала высказывать свое мнѣніе Люси, такъ какъ никого другого у ней не было.

— Это невнимательно, это жестоко,—говорила она,—бросать меня, совсѣмъ здѣсь чужую, въ этомъ большомъ городѣ. Почему онъ не взялъ меня съ собой взглянуть на квартиру?—О, Люси, у меня умъ заходитъ за разумъ!

— Присядьте, мамаша, на эти ступеньки, — сказала Люси съ нѣжной лаской.

— Въ самомъ дѣлѣ, мнѣ надо немножко отдохнуть.

Она усѣлась на ступенькахъ лѣстницы и ее мучили мысли, какихъ она не могла сообщить Люси. Его опять видно осилилъ ея старый врагъ: пьянство. Онъ казался такимъ блѣднымъ и истощеннымъ. Да! это такъ навѣрное!

О, горе! разъ онъ втянется опять въ эту привычку, послѣ столь долгаго воздержанія, то кончено. Онъ никогда отъ нея больше не отстанетъ. Какая ужасная жизнь предстоитъ ей и это въ чужой странѣ, гдѣ у нея нѣтъ ни друзей, ни опоры. И если онъ напьется, то его навѣрное ограбятъ. Какъ хорошо, что она зашила банковые билеты въ его жилетъ! А деньги! И снова ужасъ оледенилъ ея члены. Къ чему она разсталась съ ними? Ее вѣдь предупреждали, что пока она удерживаетъ деньги въ своихъ рукахъ, мужъ ее не броситъ. Но это былъ лишь минутный страхъ. Она прогнала это подозрѣніе, какъ чудовищное и недостойное ея, и устыдилась самой себя, что могла питать такой низкій страхъ.

Люси увидѣла перемѣну на ея измученномъ лицѣ и пришла къ простому и весьма естественному заключенію:

— Мамаша, онъ дурной человѣкъ.

Сара сначала пришла въ ужасъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, дитя мое, онъ хорошій человѣкъ и твой отецъ.

— Ну такъ, значитъ, отцы меньше любятъ насъ, нежели дяди. Дядя Джо не бросилъ бы насъ такимъ образомъ. Я бы желала, чтобы мы не уѣзжали изъ нашего дома.

Сара не хотѣла сказать этого, но глубоко вздохнула и сидѣла, раскачиваясь, на деревенскій манеръ.

Миссисъ Гайнесъ вернулась домой къ чаю и нашла ее въ этомъ состояніи, между тѣмъ какъ Люси стояла возлѣ, широко раскрывъ глаза съ грустнымъ удивленіемъ. Въ первую минуту миссисъ Гайнесъ подумала, что они нищіе, но затѣмъ одумалась, увидя ихъ чистый и приличный нарядъ и сережки въ ушахъ Люси, золотые съ жемчугомъ.

Она вѣжливо спросила миссисъ Мансель, что съ ней такое, не устала ли она?

Миссисъ Мансель взглянула на нее и печально сказала, что она въ большомъ горѣ. Она потеряла своего мужа.

— Онъ умеръ?

— Боже упаси! но мы разстались на набережной. Онъ по-

шелъ поглядѣть квартиру и не вернулся назадъ. Я не знаю, что думать и что дѣлать.

— Боже мой,—повторила та,—и вы здѣсь пріѣзжая!

Сара вздохнула.

— Ребенку нездорово быть на улицѣ въ такой поздній часъ.

Сара съ материнской благодарностью взглянула на нее и прижала дѣвочку къ себѣ, подъ вліяніемъ мысли, что съ ней можетъ что-нибудь случиться дурное.

Миссисъ Гайнесъ пристально вглядывалась въ обѣихъ и ихъ лица понравились ей даже больше ихъ костюма. Она ласково сказала:

— Войдите лучше ко мнѣ и отдохните, а тамъ увидимъ, что дѣлать.

— Благодарю васъ отъ всего сердца; вы очень добры.

Миссисъ Гайнесъ отворила дверь ключемъ и ввела ихъ въ комнату смѣшаннаго характера. Въ ней находилась французская кровать съ пологомъ. Тамъ былъ также шкафъ съ полками, кресло, довольно истасканное, и круглый столъ, накрытый бѣлой скатертью; словомъ, комната была тѣсная и плохо меблированная.

— Снимите шляпки и отдохните,—сказала миссисъ Гайнесъ. И пока онѣ исполняли это, шепнула какое-то приказаніе своей служанкѣ, по имени Миллисентъ. Послѣ того вынула чашки и блюдечки изъ буфета и сама вытерла ихъ. Все это время она разговаривала съ миссисъ Манселъ.

Тщеславіе хозяйки легко возбуждается, если она заподозритъ присутствіе соперницы: такъ какъ миссисъ Манселъ, судя по виду, имѣла собственный домъ, миссисъ Гайнесъ сказала:

— Вы не должны судить о моемъ домѣ по этой комнатѣ; у меня прекрасный домъ, но я беру жильцовъ и онъ такъ полонъ, что нѣтъ ни одного угла свободнаго. Но бѣда невелика, знаете, когда мужа дома нѣтъ.

Люси слушала и не безъ удивленія сообщила матери, что молодая лэди замужемъ.

— Милое дитя мое, я два раза была замужемъ. Въ первый разъ за уроженцемъ Иллинойса. Ахъ! что за чудесный онъ былъ мужъ! Теперь я замужемъ за англичаниномъ, Матью Гайнесомъ. Я не могу представить вамъ его, потому что онъ уѣхалъ въ Англію получать наслѣдство и это должно отнять довольно много времени.

Она умолкла на минуту, чтобы заварить чай.

— А вы сами родились въ Нью-Іоркѣ?—спросила Сара.

Миссисъ Гайнесъ, махая чайникомъ въ воздухѣ, улыбнулась ея простотѣ.

— Нѣтъ,—сказала она,—я такъ же, какъ и *вы*, не здѣшняя. Развѣ вы не замѣчаете, что я говорю по-англійски не хуже васъ. Помилуйте, я узнала въ васъ соотечественницу, какъ только вы раскрыли ротъ, и нисколько не удивляюсь, если мы землячки. Я изъ Уильтшира.

— А я изъ Баркшира.

— Ну, не говорила ли я вамъ?

Тутъ вошла Миллисентъ съ большимъ блюдомъ вареныхъ устрицъ.

— Вы не достанете такихъ большихъ устрицъ въ Баркширѣ.

— Нѣтъ; я никогда не видывала такъ много устрицъ заразъ.

Хлѣбосольная хозяйка угощала странницъ и онѣ насытились, глаза ихъ заблестѣли, румянецъ снова заигралъ на щекахъ, и тогда, какъ истая жена, миссисъ Гайнесъ сказала:

— Ну, теперь разскажите мнѣ про вашего мужа.

Миссисъ Манселъ была съ ней откровеннѣе, чѣмъ съ болѣе старой знакомой.

— О, мой мужъ—отличный человѣкъ,—сказала она.—У него только одинъ недостатокъ, что иногда онъ выпиваетъ лишнее.

— О! это, кажется, случается со всѣми ими, — безпечно замѣтила миссисъ Гейнесъ.

— И даже отъ этого онъ исправился въ послѣднее время, —серьезно прибавила Сара,—но онъ такъ былъ боленъ во время плаванія и такъ истощенъ. Какъ объяснить иначе его отсутствіе, я и ума не приложу. Вы знаете, что иногда имъ нужно выпить рюмочку просто какъ лекарство.

— Ну да, это ихъ обычная манера такъ говорить; а за рюмочкой слѣдуетъ другая. Ну, не огорчайтесь. Вы все-таки увидите своего мужа гораздо раньше, нежели я увижу своего.

Тутъ она замѣтила, что у Люси глаза слипаются. Она рѣшилась пойти дальше, чѣмъ располагала сначала, и оставить ихъ ночевать у себя.

— Снимите ваши шляпки,—сказала она,—и идите за мной.

Она отворила дверь и провела ихъ въ пріемную, гдѣ стояла односпальная кровать. Коверъ былъ снятъ съ пола и свернутъ, но все остальное было въ порядкѣ.

Эта комната сдана, но будетъ занята только завтра въ двѣнадцать часовъ. Извините, что она не совсѣмъ въ порядкѣ.

Уложите милую крошку спать, а мы съ вами поболтаемъ. Ахъ! —прибавила она измѣнившимся голосомъ, который вдругъ сталъ кроткимъ и трогателенъ.—У меня была маленькая дѣвочка отъ моего перваго мужа; она была бы почти однихъ лѣтъ съ вашей, еслибы осталась въ живыхъ. Поэтому мое сердце сразу было тронуто, когда я увидѣла вашу дочку, какъ она стояла возлѣ васъ съ испуганными и ласковыми глазами.

Миссисъ Гайнесъ поплакала немножко при этомъ воспоминаніи, и счастливая мать поцѣловала несчастливую и та отдала ей поцѣлуй. Послѣ того миссисъ Гайнесъ ушла и позвала свою служанку, та вынесла приборы и онѣ стали мыть чашки и блюдечки и болтать другъ съ другомъ, такъ какъ миссисъ Гайнесъ необходимо было съ кѣмъ-нибудь поболтать. Она была хорошо воспитана, не такъ какъ Дебора Сморть, но тѣмъ не менѣе никогда не читала книгъ; а кто не любитъ чтенія, тотъ любитъ болтовню. Дверь была тонка и не плотно затворялась; новое дерево ссохлось, и Сара, противъ воли, слышала частію ихъ разговоръ, но не обращала вниманія. Первымъ дѣломъ заботливой матери было осмотрѣть постель и она тутъ же рѣшила, что не положитъ въ ней дочки. Она сказала ей, чтобы та не раздѣвалась. Люси стала на колѣни и начала молиться. Прочитавъ молитву, она спросила:—можетъ ли она помолиться за добрую лэди.

— Конечно, душа моя, и я помолюсь за нее. Это все, что мы можемъ для нея сдѣлать.

Она отбросила покрывало, положила Люси и прикрыла ее шалью. Все это время она думала и теперь мысли ея просились наружу.

— Не странно ли, моя милочка, что тѣ, кто долженъ о насъ заботиться, а мы о нихъ, забываютъ о насъ; а лэди, которая никогда насъ въ глаза не видѣла, пустила насъ въ свой домъ и приласкала насъ, оттого, что мы чужіе люди въ чужой странѣ. Боже ее благослови!

Въ это время раздался сильный стукъ у входной двери. За нимъ послѣдовало громкое восклицаніе въ сосѣдней комнатѣ.— О! Милли! это стучитъ мой мужъ! навѣрное.

— О! я надѣюсь, что да,—вскричала также и Сара, въ то время какъ Миллисентъ и ея госпожа бросились отпирать дверь.

— Люси, это ея мужъ; какъ я рада!—вскричала Сара.

— И я также, мама.

— Сюда! сюда! — кричала миссисъ Гайнесъ, вталкивая въ свою маленькую комнату мужа, который показался Сарѣ весьма неласковымъ. Я хочу на тебя наглядѣться!

И затѣмъ послѣдовалъ долгій и жаркій поцѣлуй.

Сара инстинктивно чувствовала что происходить, и сидя около Люси, печально проговорила:—Ахъ! они счастливы теперь.

Потомъ прибавила веселѣе: — Ну чтожъ, придетъ и мой чередъ.

Сара Мансель не слышала отчетливо того, что говорилось въ сосѣдней комнатѣ, но я скажу это читателямъ.

Миссисъ Гайнесъ, зажегшая газъ, была поражена видомъ мужа.

— Ой,—сказала она,—какъ ты блѣденъ! Сядь въ кресло.

Онъ, шатаясь, добрелъ до стула.

— Я сдѣлаю тебѣ чашку чая.

— Провались съ своимъ чаемъ!—былъ грубый отвѣтъ.

Сара услышала его съ того мѣста, гдѣ сидѣла, приложивъ свою щеку къ щекѣ Люси. Она отскочила отъ нея, не то испуганная, не то удивленная.

— Джину... капельку водки,—произнесъ голосъ еще громче.

Сара прыгнула на средину комнаты и тамъ остановилась, задыхаясь. Даже Люси приподнялась на рукахъ въ кровати и широко раскрыла глаза.

— Мнѣ кажется, что ты и такъ хорошъ, — послышался отвѣтъ въ сосѣдней комнатѣ.—Кстати, какъ я сообразила это теперь, ты, должно быть, прибылъ на пароходѣ восемь часовъ тому назадъ. Сколько водки выпилъ ты, прежде нежели вспомнилъ про жену?

— Не знаю,—отвѣчалъ онъ, точно пролаялъ, громко, рѣзко и сердито.

Люси услышала, выпрыгнула изъ постели и подбѣжала къ матери, вся пылая любопытствомъ.

— Мамаша,—сказала она,—да вѣдь это...

Но дальше не могла продолжать, Сара зажала рукой ротъ ребенку почти съ яростью и затѣмъ прижала лицо испуганной дѣвочки къ себѣ.

Нервы ея были такъ возбуждены, что она все слышала сквозь двери точно онѣ были изъ картона. И вотъ, что она услышала отъ человѣка, который былъ ея мужемъ и мужемъ женщины, пріютившей ея.

— Если хочешь знать, то я былъ нездоровъ и разстроенъ и выпилъ только одну рюмочку, чтобы освѣжиться и ободриться, а за одной послѣдовала другая. Но не сердись. Я—хорошій мужъ *тебѣ*, лучшаго не найти во всей Англіи, ни въ Нью-Іоркѣ, ни въ цѣломъ свѣтѣ, слышишь?

— Слышу, слышу, — отвѣчала другая жена,—это хорошія вѣсти, только не кричи такъ громко.

И она что-то ему прошептала.

Сара схватила свою дочку, точно маленькаго ребенка, на руки, въ одно мгновеніе уложила ее въ постель и такимъ грознымъ жестомъ и взглядомъ приказала ей молчать и не шевелиться, какихъ еще не знавала у ней испуганная дѣвочка. Затѣмъ прошипѣвъ:—Я узнаю все, хотя бы это меня убило,—скользнула какъ змѣя къ дверямъ. И приложила ухо къ замочной скважинѣ.

Матью Гайнесъ, иначе Джемсъ Манселъ, понизилъ голосъ.

— Ты не знаешь, какую жертву я тебѣ принесъ,—проваляться бы мнѣ. Ради Бога одну капельку водки.

— Но только одну, слышишь.

Она подала ему рюмку. Онъ залпомъ ее выпилъ.

— Ахъ! къ чему перекоряться; я не хотѣлъ напиться. Но это случилось нечаянно. Я былъ въ чертовскомъ положеніи.

— Что такое онъ мелетъ?—проговорила Елизавета.— Чортъ бы побралъ эту водку!

Она возвысила голосъ и онъ тотчасъ же заговорилъ громче:

— Что? ты хочешь со мной ругаться? Тебѣ совсѣмъ не пристало ворчать на меня! Я *для тебя* постарался. *Я добылъ четыреста фунтовъ, которые тебѣ обѣщалъ.*

Онъ произнесъ эти слова не громко, но очень выразительно и раздѣльно.

И они впились въ душу Сары Манселъ, точно ледяныя стрѣлы. Бѣдное созданіе сначала вся съежилась, какъ бы подъ вліяніемъ острой боли. Затѣмъ съ нею сдѣлались конвульсіи, руки вытянулись и искривились, а все тѣло приняло такое положеніе, точно ее распяли на крестѣ не только нравственно, но и физически. И когда послѣ нѣсколькихъ ничего не значущихъ словъ, другая женщина произнесла:

— Ну ладно, ты добрый мужъ, я тебя поцѣлую,—ослабѣвшее тѣло и поникшая голова настоящей жены безпомощно навалились на дверь, произведя странный шумъ, слабый, но тяжелый, точно отъ паденія мертваго тѣла.

IX.

Лицемѣръ Манселъ, какъ и всѣ, у кого совѣсть нечиста, былъ испуганъ непонятнымъ для него звукомъ. Онъ оттолкнулъ свою подругу и спросилъ:

— Это что такое?

— Моя жилица,—отвѣчала Елизавета.—Я пойду и погляжу, чтó съ нею.

Она направилась къ двери, о которую опиралась Сара. Она не была безъ чувствъ, но не могла двинуть ни однимъ членомъ и чувствовала, что упадетъ со всѣхъ ногъ, если только пошевелится.

Но тутъ двоедушнымъ Манселомъ вдругъ овладѣла дикая ревность.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—чортъ побери твоихъ жильцовъ. Я хозяинъ. Уложи сначала меня. Помоги снять жилетъ и сюртукъ. Теперь подай халатъ.—Теперь подай туфли.

И, наконецъ, онъ улегся въ постель. Между тѣмъ, Елизавета Гайнесъ заподозрила, что ея жилица подслушиваетъ у дверей, и подумала, что это слишкомъ дурно съ ея стороны. Она рѣшила поймать ее на мѣстѣ преступленія.

Она сняла башмаки и на цыпочкахъ подкралась отъ постели къ двери. Но въ эту самую минуту Сара Манселъ, узнавъ все, чтó ей было нужно, попыталась сойти съ своего мучительнаго поста. Она оперлась рукой въ дверь и кое-какъ добралась до кресла, за которое зацѣпилась, и какъ разъ въ ту минуту, какъ Елизавета Гайнесъ повернула ручку двери, она упала на колѣни передъ кроватью, конвульсивно вытянувъ руки впередъ. Елизавета заглянула въ комнату, подумала, что она молится и отложила слѣдствіе до слѣдующаго утра.

Она не совсѣмъ ошиблась, такъ какъ первымъ дѣломъ обманутой жены, когда она пришла въ себя, было помолиться надъ своимъ ребенкомъ, у котораго не было больше отца. Она долго, долго молилась Богу и Онъ услышалъ ее.

Сначала это не было замѣтно. Въ эту ужасную ночь она пережила цѣлую вѣчность муки. Она припоминала все, чтó она сдѣлала и выстрадала ради этого человѣка, и все-таки онъ глядѣлъ на нее только какъ на дойную корову, а настоящая жена была за дверью.

Она была за три тысячи миль отъ дому и... брошенная жена. Если когда-либо женщина мучилась, такъ это она. Мука до того истомила ея тѣло, что она даже соснула съ полчаса.

Ей снились событія послѣднихъ лѣтъ, но въ концѣ-концовъ въ калейдоскопѣ сновъ выдѣлилось передъ ней одно видѣніе.

Она увидѣла себя въ своей собственной маленькой пріемной. Въ ней сидѣли Дебора и Пиндеръ, и глядѣли на какой-то портретъ. Портретъ она не могла видѣть, но лица Деборы и Пин-

дера она отчетливо видѣла и они горѣли любовью къ ней. Они говорили, что это ея портретъ, и что онъ такъ же хорошъ, какъ и она сама и что они боятся, что никогда больше ее не увидятъ. Ей снилось, что ей хочется утѣшить ихъ и сказать:—нѣтъ, увидите, увидите! но языкъ ей не повиновался. Оба лица просвѣтлѣли, какъ ангельскіе лики, подъ вліяніемъ чувства любви, и затѣмъ исчезли.

Она проснулась. Постепенно ей припоминается ея настоящее бѣдственное положеніе. Но какъ это странно! Горе, глодавшее ее, все еще живетъ въ ней, но больше не рветъ, не терзаетъ ей душу, не доводитъ до безумія. Оно пережито и сердце ея словно окаменѣло.

— Негодяй, пьяница, воръ и измѣнникъ,—сказала она самой себѣ.—И все это время, всѣ это знали, кромѣ меня. Кончено, я больше не пролью по немъ ни слезинки. Я его больше не люблю. Я—каменная.

Она повернула газовый рожокъ и поглядѣла на Люси. И въ эту минуту почувствовала, что въ ея сердцѣ нѣтъ больше ей соперника.

Она рѣшила немедленно уйти изъ этого дома.

Вдругъ она вспомнила про деньги, которыя негодяй взялъ у нея, чтобы составить счастіе Люси, какъ онъ говорилъ. Она наклонилась надъ Люси и поцѣловала ее, но тихонько, чтобы не разбудить.

— Нѣтъ, моя бѣдная сиротка,—подумала она,—деньги не имѣютъ больше цѣны въ моихъ глазахъ, но они не обкрадутъ *тебя*. Ты получишь свое обратно, хотя бы они убили меня.

Она сѣла и стала думать, какъ ей всего лучше поступить теперь. И не всякій изъ насъ былъ бы такъ догадливъ и смышленъ, въ данномъ случаѣ. Она прежде всего приготовила въ своей комнатѣ все, что̀ нужно къ предстоящему дѣлу. Она пододвинула небольшой столикъ къ газовому рожку, положила на него ножницы, вдѣла нитку въ иголку и воткнула ее въ рукавъ.

Затѣмъ встала тихонько и, отворивъ одну половинку двери, удостовѣрилась, что негодяй и его другая жена спятъ. Потомъ прокралась въ ихъ комнату, уменьшила свѣтъ газа и отыскала его панталоны и подъ ними жилетъ, унесла его въ свою комнату и оставила дверь открытой.

Она поднесла жилетъ къ столу, распорола то мѣсто, гдѣ положены были банковые билеты, и спрятала ихъ на груди, и все это дѣлала какъ только можно хладнокровнѣе.

Потомъ присѣла къ столу и опять зашила подпоротое мѣсто въ жилетѣ, по возможности по прежнимъ же стежкамъ.

Послѣ того взяла жилетъ, снесла его въ сосѣднюю комнату и положила на прежнее мѣсто на стулъ и по прежнему накрыла панталонами.

Затѣмъ, вернувъ свое и не заботясь больше о томъ, будетъ или нѣтъ она накрыта человѣкомъ, котораго можетъ упрятать въ тюрьму за двоеженство, она отдернула пологъ кровати, и сложивъ руки, уставила пристальный взглядъ на спящую чету,—такой взглядъ, какой рѣдко можно встрѣтить въ человѣческихъ глазахъ. Мужъ лежалъ на спинѣ и громко храпѣлъ, какъ это съ нимъ всегда бывало послѣ попойки. Другая, обманутая имъ женщина лежала съ нимъ рядомъ и, невинная, какъ дитя, спала дѣтскимъ сномъ.

Рѣшительная женщина, глядѣвшая на нихъ, рѣшила, что не отведетъ глазъ до тѣхъ поръ, пока не излечится или не умретъ. Сначала душа ея ныла и болѣла, но она стиснула зубы и стояла, добровольно казнясь этимъ зрѣлищемъ, чтобы никогда больше не забыть и не простить его.

Вскорѣ затѣмъ начало разсвѣтать, и служанка отперла наружную дверь.

Тогда Сара потихоньку разбудила и одѣла Люси; обѣ надѣли свои шляпки, она провела дѣвочку черезъ сосѣднюю комнату, стараясь загородить ей собою кровать, такъ, чтобы ей ничего не было видно, и обѣ молча оставили домъ.

Поздно утромъ Джемсъ Мансель проснулся отъ тяжелаго сна и увидѣлъ, что онъ одинъ въ постелѣ. Онъ вскорѣ сообразилъ, въ какое безвыходное положеніе поставилъ себя тѣмъ, что напился вчера, и испугался.

Мысли его были горькія. Какъ вино насмѣялось надъ всѣми его хитрыми соображеніями!

Въ трезвомъ состояніи онъ рѣшилъ провести за носъ обѣихъ женщинъ; не видѣться съ Елизаветой въ Нью-Іоркѣ до тѣхъ поръ, пока не поселитъ Сару въ Бостонѣ и не проживетъ съ нею по крайней мѣрѣ мѣсяцъ. Что теперь дѣлать? Одно только: перекусивши, бѣжать отыскивать Сару, наврать ей съ три короба и поскорѣй отправиться съ ней въ Бостонъ, а оттуда написать Елизаветѣ тоже какую-нибудь ложь въ поясненіе своего внезапнаго отъѣзда.

Онъ подошелъ къ дверямъ и распахнулъ ихъ настежь, чтобы дать доступъ воздуху. Въ сосѣдней комнатѣ его разстроенное лицо уставилось на Елизавету, улыбающуюся и приготовляющую

ему чай и завтракъ. Ея чуткое ухо услышало, что онъ ворочается въ постелѣ.

— Вотъ это хорошо,—сказалъ онъ,—дай мнѣ поскорѣй поѣсть. Я долженъ сейчасъ идти въ таможню за своимъ багажемъ.

— Какъ неужели и деньги твои и вещи въ таможнѣ?

— Только не деньги. Я не разстаюсь съ ними ни днемъ, ни ночью.

— Ого! такъ ты, значитъ, можешь показать ихъ мнѣ?—спросила она.

— Ты, можетъ быть, не вѣришь, что у меня есть деньги.

— Вотъ идея! разумѣется, я тебѣ вѣрю на слово.

Она налила чашку чая и не сказала больше ни слова. Онъ первый заговорилъ объ этомъ.

— Послушай, тебѣ пріятно было бы увидѣть ихъ и удостовѣриться, что они есть.

— Что-жъ, Матью,—отвѣчала она,—какой же женщинѣ это не было бы пріятно.

— Ну такъ погляди сюда, и онъ снялъ сюртукъ.

— Какъ? они у тебя въ карманѣ? О, Боже мой! какая неосторожность!

— Угадай,—замѣтилъ онъ.

И потомъ разстегнувъ жилетъ, показалъ ей на внутренній карманъ въ немъ.

Она поглядѣла черезъ столъ и одобрила.

— Вижу,—сказала она.—Кто могъ бы ожидать отъ мужчины столько догадливости.

Но послѣ нѣкотораго размышленія, нахмурилась.

— Кто зашивалъ деньги?—рѣзко спросила она. — Я вижу стежки отсюда. Это женская работа.

— Пускай женщина и распоретъ,—былъ презрительный отвѣтъ, и онъ протянулъ ей жилетъ и принялся за завтракъ.

Она взяла жилетъ на колѣни, вынула изъ кармана ножницы и осторожно распорола стежки и засунула пальцы въ карманъ.

— Прекрасно,—сказала она,—но вѣдь никакихъ денегъ тутъ нѣтъ.

— Вздоръ,—проговорилъ онъ съ набитымъ ртомъ.

Она вывернула карманъ наизнанку.

— Говорю тебѣ, что никакихъ денегъ тутъ нѣтъ.

— Не лги. Дай мнѣ жилетъ.

Она подала ему жилетъ и зорко, почти подозрительно слѣдила за нимъ.

Онъ ощупалъ карманъ, вывернулъ его: въ немъ ничего не было.

— Господи! чтожъ это такое?—завопилъ онъ.—Неужели я съума сошелъ? Или я брежу? Но вѣдь это невозможно. Разрѣжь жилетъ на куски! разорви его на клочки! Украли! украли! Я пойду въ полицію! Я обыщу каждую женщину въ этомъ домѣ!

И онъ яростно вскочилъ на ноги.

Но Елизавета тоже встала и сказала очень твердо:

— Ничего такого ты не сдѣлаешь; здѣсь нѣтъ воровъ. Садись и хорошенько подумай.

— Не могу; у меня голова идетъ кругомъ.

— Ты долженъ овладѣть собой. Скажи мнѣ названія всѣхъ кабаковъ, гдѣ ты пилъ, прежде нежели придти сюда.

Онъ заворчалъ, но назвалъ нѣсколько кабаковъ.

— Были тамъ женщины?

— Толпа.

— Ты снималъ сюртукъ?

— Не думаю. Да говорю же тебѣ, что я ощупалъ карманъ прежде, чѣмъ легъ спать, и билеты тамъ были.

— То-есть тебѣ такъ показалось. Говори теперь, кто зашивалъ ихъ?

— Не все ли равно.

— Кто зашивалъ ихъ?

— Портной.

— Нѣтъ, Матью, женщина зашивала ихъ и женщина зашивала пустой карманъ. Это не мужская работа, да въ тому же мужчины и не такъ догадливы. Ты не всю правду сказалъ мнѣ.

И она нахмурилась.

Обманщикъ въ одну минуту составилъ планъ. Онъ отправится въ таможню, подождетъ, пока Сара придетъ за багажемъ и скажетъ ей, что его ограбили. Затѣмъ ѣдетъ съ ней на мѣсяцъ и будетъ работать, пока она не получитъ еще денегъ изъ Англіи.

Поэтому онъ сказалъ Елизаветѣ, что поведетъ полицію по всѣмъ кабакамъ, гдѣ пилъ, и поспѣшно ушелъ.

Она не противорѣчила, и, сидя, размышляла объ этой странной и таинственной исторіи.

Неожиданно къ ней пришелъ гость, съ которымъ ей можно было откровеннѣе поговорить, чѣмъ съ мужемъ.

Сара Мансель, выйдя изъ дому, спросила, какъ пройти въ таможню. Къ ея удивленію оказалось очень близко. Все ея желаніе теперь было уѣхать домой. Сердце ея, прямолинейное, какъ всегда, рвалось къ своимъ. Ревность слишкомъ замучила ее. Мука, которая убиваетъ чувства, вмѣстѣ съ тѣмъ и изнашиваетъ самое себя; любовь ея пропала, вмѣстѣ съ болью. Кромѣ того, у ней былъ особенный характеръ, такъ какъ женщины такъ же бываютъ различны, какъ и мужчины: въ иныхъ ревность беретъ верхъ надо всѣмъ и онѣ не могутъ уступать недостойнаго человѣка, принадлежащаго имъ, другой женщинѣ; въ другихъ ревность, хотя страшно сильная, подчиняется гордости и самоуваженію. Эти гордыя женщины хотятъ нераздѣльной любви или никакой, и замѣтьте, что чѣмъ сильнѣе онѣ любятъ человѣка, тѣмъ болѣе хотятъ онѣ, чтобы онъ принадлежалъ имъ нераздѣльно, или же вырываютъ его съ корнемъ вонъ изъ сердца: ничѣмъ нельзя поколебать въ нихъ этого рѣшенія. Эти любящія, но энергическія женщины не принадлежатъ къ одному какому-нибудь классу общества, но находятся во всѣхъ. Книги, газеты, образованіе, невѣжество не создаютъ и не передѣлываютъ ихъ. Это законъ ихъ природы, хотя и не общій законъ.

Сара узнала, что въ этотъ самый день пароходъ отходитъ въ Англію. Она немедленно заняла каюту для себя и Люси, а пока увезла свой багажъ въ кэбѣ, опасаясь, что Джемсъ Мансель придетъ и будетъ ее дожидаться. Она нисколько не боялась его, но ей было противно его видѣть.

Она велѣла кэбману отвезти ее въ какую-нибудь большую гостинницу, но только подальше.

Джемсъ Мансель пришелъ въ таможню и освѣдомился, гдѣ багажъ жены, такъ какъ узналъ, что она переѣхала въ гостинницу.

Извощикъ, отвозившій ее, еще не вернулся, но человѣкъ, которому Джемсъ обѣщалъ дать на водку, взялся спросить у извощика, въ какую гостинницу онъ отвезъ эту даму. Послѣ того Мансель вернулся домой, чтобы попросить денегъ у Елизаветы, такъ какъ всѣ свои карманныя деньги онъ пропилъ наканунѣ.

Гость, который тѣмъ временемъ пришелъ къ его женѣ, былъ не кто иной какъ Саломонъ Гресъ. Онъ вошелъ робко и принялся-было извиняться, но она коротко и рѣзко перебила его.

— Вы пришли какъ нельзя болѣе кстати. У меня украли 400 фунтовъ.

И она разсказала ему все, чтó произошло между нею и Матью, и Саломонъ представилъ свою теорію, то-есть, что банковые билеты никогда не существовали.

— Нѣтъ, знаете, я думаю, что это не такъ,—отвѣчала Елизавета.—И въ этомъ-то мое горе. Есть даже лицо, которое я подозрѣваю, но только не хотѣла ему говорить, потому что онъ сталъ бы меня бранить за то, что я пустила ночевать незнакомую женщину, да и въ самомъ дѣлѣ это было довольно безразсудно съ моей стороны. Я пріютила нынѣшней ночью одну англичанку съ дочкой. Она сказала мнѣ, что пріѣхала на пароходѣ и потеряла мужа. Я боюсь, что у нея его никогда не было. Какъ бы то ни было, она ночевала въ этой самой комнатѣ, и знаете, Саломонъ, въ то самое время какъ мужъ сообщалъ мнѣ, что онъ досталъ мнѣ 400 фунтовъ, она подошла къ двери и мнѣ показалось, что она подслушиваетъ.

— Ну, значитъ, это ея дѣло и ничье больше, — заключилъ Саломонъ.

Но для полной увѣренности спросилъ: сообщалъ ли ей м-ръ Гайнесъ о томъ, что билеты зашиты въ жилетѣ, въ то время, какъ женщина подслушивала.

— Должно быть,—отвѣчала Елизавета.

Потомъ подумала немного.

— Нѣтъ, онъ этого не говорилъ, она, конечно, не могла услышать того, чего я не слыхала, а этого я не слыхала, и онъ сказалъ мнѣ объ этомъ только сегодня утромъ за завтракомъ. Нѣтъ, она не могла объ этомъ знать, если только сама не зашивала ихъ, а это совсѣмъ невѣроятно. Нѣтъ, это какая-то тайна, я тутъ ничего не понимаю.

Саломонъ подивился въ свою очередь. Онъ сказалъ, что очень красивая женщина дожидалась своего мужа битыхъ два часа въ таможнѣ и съ ней былъ ребенокъ.

— Дѣвочка?

— Да; дѣвочка.

— Какъ она была одѣта?

— Не замѣтилъ.

— Какая наружность у дѣвочки?

— Брюнетка... чудные черные глаза... настоящая картинка.

— Это онѣ, нѣтъ сомнѣнія. Вы, конечно, никакого мужа не видѣли?

— Ай, нѣтъ, видѣлъ, правда, только спину. Но эта женщина не похожа на воровку, она приличная честная женщина. Она и съ лица похожа не то на теленка, не то на ангела.

— Да, правда,—отвѣчала Елизавета,—она казалась честной, и если ея разсказъ справедливъ, то несправедливо было бы ее подозрѣвать. Я рѣшительно теряюсь во всемъ этомъ.

Тогда Саломонъ Гресъ сталъ сопоставлять факты:

— Онъ пьяница и игрокъ. Одного изъ этихъ качествъ достаточно, чтобы потерять 400 фунтовъ въ такомъ городѣ какъ Нью-Іоркъ. Я видалъ много людей, которыхъ здѣсь обчищали до послѣдней полушки, но никогда не слыхивалъ про такого дурака, у котораго бы украли изъ внутренняго кармана зашитые тамъ банковые билеты. Готовъ побожиться, что это чистая ложь.

Послѣднія слова были услышаны м-ромъ Манселомъ изъ пріемной, куда онъ прошелъ черезъ черный ходъ.

Онъ вошелъ въ комнату и спросилъ:

— А слыхали вы, чтобы честные люди прокрадывались въ домъ и за спиной мужа ругали его при женѣ.

Саломонъ покраснѣлъ отъ гнѣва и стыда, потому что его положеніе было не изъ красивыхъ.

— Не могу сказать, чтобы слыхалъ, но знавалъ людей, для которыхъ правда была чистый ядъ.

— А правда та, что вы неудачный поклонникъ моей жены и проклятый лицемѣръ.

Елизавета испугалась, потому что знала, что Саломонъ можетъ въ одну минуту свернуть шею ея задорному пѣтуху и не питала слѣпой вѣры въ его миролюбивыя наклонности, хотя онъ и хвалился ими.

— Увы! Матью, неужели ты хочешь, чтобы тебѣ переломали всѣ кости? А вы, Саломонъ, извините его ради меня, онъ въ большомъ горѣ. Я васъ больше не задерживаю.

— Вотъ что значитъ путаться не въ свое дѣло,—сказалъ бѣдный Саломонъ.—Я миролюбивый человѣкъ,—прибавилъ онъ, чуть не плача отъ досады.—Я, конечно, уйду, мнѣ лучше уйти. Но британскій...

— Что, старый Огапо?

— Одно только слово на прощанье.

— По чикагски?

— Будетъ и на нашей улицѣ праздникъ, это, думаю, по-англійски.

Когда онъ ушелъ, Елизавета постаралась успокоить Джемса. Она сказала ему, что совсѣмъ не вѣритъ, чтобы онъ пропилъ или проигралъ 400 фунтовъ. — Но, — прибавила она, — безполезно сердиться на Саломона Греса за то, что онъ повторяетъ то, что весь свѣтъ говоритъ.

Потомъ, помолчавъ немного, пустилась въ философскія разсужденія.

— Еслибы ты предложилъ мнѣ на выборъ 400 фунтовъ или трезваго, работящаго мужа, неужели ты думаешь, что я бы выбрала деньги? никогда. Поэтому не будемъ ныть о томъ, чего не воротить, но брось игру — ты теперь меньше сталъ пить, чѣмъ прежде — и мы отлично заживемъ. Комнаты у меня всѣ заняты и жильцы любятъ меня. Теперь комнаты никогда больше не будутъ пустовать. Трудно было только начать. Я буду содержать тебя, если ты согласишься проводить со мной хоть вечера.

Джемсъ Манселъ притворился, что согласенъ на эти условія, и Елизавета пригласила его прогуляться съ ней.

Онъ и на это согласился съ притворнымъ удовольствіемъ, она принарядилась для этого случая, и они отправились подъ руку, она веселая, какъ жаворонокъ, онъ же мрачный и разсѣянно слушавшій ея болтовню.

Тѣмъ временемъ миссисъ Манселъ и Люси отлично вымылись и хорошо позавтракали и имъ подали экипажъ, чтобы отвезти ихъ и багажъ къ пароходу.

Но Люси не хотѣлось уѣзжать.

— О, мама! — говорила она, — мы только что пріѣхали.

— Что-жъ дѣлать, — угрюмо отвѣчала мать.

— Но здѣсь все такъ прекрасно и люди такъ добры: они называютъ меня «миссъ!»

— Дитя мое, — сказала мать, — я должна ѣхать домой. Раненые всѣ уѣзжаютъ домой, а я ранена въ самое сердце. У меня больше никого нѣтъ, кромѣ тебя. Будь же добра ко мнѣ.

Люси обняла руками шею матери и объявила:

— Ахъ, мамаша! я поѣду съ вами въ Іерихонъ.

X.

Казалось, что теперь все улажено для ихъ возвращенія въ Англію. Въ таможнѣ они встрѣтили Саломона Греса, и Сара обратилась къ нему и спросила, какимъ образомъ ей доставить свой багажъ на пароходъ.

— Какъ? вы уже уѣзжаете? и безъ мужа?

— Сэръ, мой мужъ бросилъ меня.

— Какъ, совсѣмъ?

— Да; меня и моего ребенка.

— Какой негодяй!

Облегчивъ такимъ образомъ свою душу, онъ объявилъ, что готовъ къ ея услугамъ и что не можетъ уйти изъ таможни, но что если она отдастъ ему свой билетъ, то его товарищъ перенесетъ ея вещи въ ея каюту. Такъ оно и сдѣлалось. Тѣмъ временемъ онъ попросилъ позволенія задать ей одинъ вопросъ.

— Сколько угодно,—спокойно отвѣчала она.

— Гдѣ вы ночевали прошлую ночь?

— У одной леди, которая сказала мнѣ, что ее зовутъ миссисъ Гайнесъ.

— Въ улицѣ № 104?

— Не знаю, къ несчастію. Но такъ какъ вы объ этомъ спрашиваете, то, можетъ быть, вы сами знаете миссисъ Гайнесъ?

— Думаю, что знаю.

— Какъ это странно.

— Вовсе нѣтъ. Я знаю ее уже девять лѣтъ. Ея первый мужъ былъ мой двоюродный братъ. Когда онъ умеръ, я желалъ быть его преемникомъ, но не рѣшился сдѣлать ей предложеніе на кладбищѣ. А красивый англичанинъ не поцеремонился и перебилъ мнѣ дорогу.

Сара взглянула на него съ участіемъ.

— Я васъ прекрасно понимаю,—сказала она.—Вы уважали ее больше, потому что сильнѣе любили.

Саломонъ вытаращилъ на нее глаза. Онъ былъ крайне удивленъ и вмѣстѣ съ тѣмъ очарованъ, что эта пріятная незнакомка такъ хорошо поняла его и въ такомъ лестномъ смыслѣ. Онъ попросилъ позволенія пожать ей руку.

— Сдѣлайте одолженіе,—съ спокойной улыбкой отвѣчала она.

— Я скажу вамъ всю правду, хотя она и не служитъ къ моей чести. Я все еще люблю ее; я никакъ не могу выбросить ее изъ головы.

— Да и не къ чему,—замѣтила она.

Саломонъ опять вытаращилъ глаза.

— Вы точно бѣдный Джо Пиндеръ,—сказала она, больше про себя.

— Не могу знать, никогда не слыхивалъ этой фамиліи.

Сара задумалась. Потомъ пристально взглянувъ на него, медленно проговорила:

— Мнѣ кажется, что мнѣ слѣдуетъ написать письмо миссисъ Гайнесъ.

— О томъ, что она пріютила васъ на ночь?

— Объ этомъ и о другомъ. Вы знаете и уважаете ее; вы передадите письмо?

— Разумѣется.

— Въ ея собственныя руки?

— Съ удовольствіемъ.

— Не въ руки мужа?

— Ея мужа? какъ бы не такъ! чортъ бы его побралъ!

Успокоившись на этотъ счетъ, Сара сказала, что пойдетъ и напишетъ письмо въ каютѣ, гдѣ не такъ шумно. Саломонъ перевелъ ее и Люси на пароходъ. Сара вынула изъ мѣшка листъ бумаги и конвертъ: она хотѣла-было писать своей сестрѣ. Теперь она сѣла и написала другой женѣ Джемса Мансела. Саломону Гресу оставалось только глядѣть, какъ она писала и онъ дивился про себя, о чемъ могла писать своей бѣлой ручкой эта тихая женщина къ той, которую онъ все еще любилъ.

Дѣло было затруднительно. Англичанкѣ нелегко было сочинить письмо. Она задумывалась надъ каждой строчкой. Лицо ея было торжественно, серьезно и внушительно. Такъ что удивленіе Саломона все усиливалось. Онъ видѣлъ, что эта женщина пишетъ не простое заявленіе благодарности за оказанное ей гостепріимство. Когда она кончила писать, она сложила письмо, запечатала его и подозвала Саломона Греса.

— Вы передадите это письмо ей прямо въ руки и она при васъ прочитаетъ его.

— Хорошо; отъ чьего имени передать его?

— Отъ Сары Мансель.

— О! отъ Сары Мансель. Значитъ, вы Сара Мансель?

— Я — Сара Мансель.

Затѣмъ прибавила внушительно:

— Вы вѣдь искренно любите миссисъ Гайнесъ?

— Я по ея милости холостякъ, — отвѣчалъ онъ уныло.

Она устремила на него внимательный взглядъ.

— Быть можетъ, когда-нибудь вы будете женатымъ человѣкомъ по ея милости.

Саломонъ покачалъ головой.

— Что это, загадка?

— Да; будущее вообще — загадка. И то, что я теперь дѣлаю, доказываетъ это. Кто знаетъ? Вы были очень добры ко мнѣ. Блаженны тѣ, кто дѣлаетъ добро чужеземцамъ, сиротамъ и вдовамъ. Мое дитя сегодня осиротѣло, а я покинутая жена и одна одинешенька пускаюсь по этому большому океану и со мной никого нѣтъ, кромѣ моего ребенка и Господа Бога.

Бѣдный Саломонъ могъ бы отвѣтить ей, что эти два спутника предпочтительнѣе семидесяти-семи дурнымъ мужьямъ, но она совсѣмъ растрогала нѣжное сердце, бившееся въ его мужественной груди.

— Полноте, полноте, —захныкалъ онъ,—вы заставите меня разревѣться въ три ручья. Вы не одиноки, вы не можете быть одиноки. Подите-ка сюда, красавица, и утѣшьте маманю. Я не оставлю васъ, пока пароходъ не отчалитъ, а затѣмъ думайте о тѣхъ, кто васъ ждетъ дома. Вѣдь у васъ есть друзья дома?

— Есть.

— Они васъ любятъ?

— Да, сэръ.

— Ну вотъ видите. Они васъ ждутъ, они думаютъ о васъ

— Да. Я видѣла ихъ сегодня ночью во снѣ.

— Сомнѣнья нѣтъ. Вы рождены за тѣмъ, чтобы быть любимой.

— И я когда-то такъ думала, сэръ.

— А я и теперь такъ думаю. Вы обаятельная женщина. Я готовъ дать себя на куски разрѣзать ради васъ.

Оставимъ эту добрую душу утѣшать Сару Мансель, пока съ парохода не удалили всѣхъ постороннихъ лицъ, и поспѣшимъ навстрѣчу менѣе интересной четѣ, направляющейся въ эту сторону.

Такъ какъ Джемсъ пошелъ гулять только затѣмъ, чтобы угодить Елизаветѣ, онъ шелъ куда ей было угодно. Они отправились въ лавку съѣстныхъ припасовъ и купили такія вещи, какія онъ любилъ. Елизавета была хороша собой и хорошо одѣта и много восхищенныхъ взглядовъ устремлялось на нее. Тщеславіе ея спутника было пріятно этимъ польщено. Одно только отравляло ему прогулку, это, нетерпѣніе идти разыскивать Сару.

Когда они подошли къ набережной, нетерпѣніе Джемса усилилось. Ему хотѣлось бѣжать узнать отъ своего агента, разыскалъ ли онъ Сару, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ боялся наткнуться на нее на улицѣ. Сара могла издали увидѣть его подъ-руку съ Елизаветой. Его волненіе не укрылось отъ этой послѣдней.

— Ну, что это съ тобой дѣлается?—спросила она.—У тебя такой видъ, точно у тебя совѣсть не покойна и ты боишься, что полицейскій арестуетъ тебя.

— Ты сама не была бы спокойна, еслибы потеряла 400 фунтовъ и не знала бы, какъ это случилось.

— Нѣтъ, была бы спокойна, еслибы умѣла безъ нихъ обойтись. Вѣдь эти деньги должны были мнѣ достаться, однако, я не горюю объ нихъ. Да и къ чему, милый, попусту горевать.

Въ эту минуту прозвонилъ пароходный колоколъ.

— Постоимъ тутъ, — ласково сказала Елизавета, — и поглядимъ, какъ отходитъ пароходъ.

— Дай мнѣ нѣсколько долларовъ, пожалуйста, — попросилъ онъ.

Она немедленно исполнила его желаніе.

— Подожди меня тутъ, — сказалъ онъ, и Елизавета усѣлась въ хорошенькой пріемной близъ главнаго входа на пристань и стала ждать.

Онъ побѣжалъ въ лавку и наполнилъ свою фляжку водкой. Затѣмъ бросился къ своему агенту и отъ него узналъ названіе отеля, куда переѣхала Сара Манселъ. Ему хотѣлось сейчасъ же отправиться туда, но онъ не посмѣлъ. У Елизаветы характеръ былъ не изъ покладливыхъ. Лицемѣръ попался между двухъ огней. Но какъ бы то ни было, а свиданіе было только отложено на часъ, не болѣе. Елизавета, у которой домъ биткомъ былъ набитъ жильцами, должна будетъ скоро вернуться, и тогда онъ полетитъ на крыльяхъ раскаянія къ Сарѣ и не оставитъ ее до тѣхъ поръ, пока не проведетъ окончательно и не вырветъ съ корнемъ всякія подозрѣнія.

Итакъ онъ вернулся къ Елизаветѣ. Она спокойно разсѣлась и, повидимому, не собиралась уходить.

«Чортъ бы ее побралъ, — подумалъ онъ, — ее необходимо спровадить домой».

Но вотъ канаты были убраны и сдѣланы всѣ другія приготовленія къ отходу парохода. Это превосходно устроено въ Нью-Іоркѣ. Самый большой пароходъ проходитъ въ Атлантическій океанъ такъ же легко, какъ рѣчная лодка плыветъ по Темзѣ.

«Ахъ! — сказалъ самому себѣ лицемѣръ, терзаемый положеніемъ, которое онъ самъ создалъ, — я бы желалъ, чтобы могъ отплыть на этомъ пароходѣ и... одинъ. Онъ продвинулся впередъ и глядѣлъ ему вслѣдъ.

Въ эту минуту женщина, замѣтившая раньше Джемса Мансела, но скрывавшаяся до сихъ поръ, бросилась на палубу, въ сопровожденіи маленькой дѣвочки. Она вынула пачку банковыхъ билетовъ и высоко махнула ими въ воздухѣ въ его сторону, затѣмъ прижала головку дѣвочки къ своей груди.

Вотъ, что она сдѣлала. Но слова безсильны передать величіе и мягкость ея страстныхъ жестовъ, и краснорѣчивую повѣсть, которую они повѣдали негодяю и дураку, обладавшему ею, мучившему ее долгіе годы и съумѣвшему, наконецъ, оттолкнуть отъ себя.

Онъ отскочилъ назадъ удивленный, испуганный, пораженный и глядѣлъ ей вслѣдъ съ тупымъ ужасомъ.

Въ то время какъ онъ стоялъ такимъ образомъ, точно окаменѣлый, чей-то голосъ проговорилъ ему на ухо:

— Ты знаешь теперь... куда дѣвались... твои банковые билеты...

То была Елизавета, стоявшая позади его. Лицемѣръ медленно оглянулся, подавленный этой новой опасностью. Онъ тяжело перевелъ духъ, но не могъ проговорить ни единаго слова.

Елизавета положила правую руку на его плечо, а лѣвою указала на Сару:

— Почему эта женщина махаетъ ими подъ самымъ твоимъ носомъ?—И потряся его за плечи, обернула его лицомъ къ себѣ.

— Твое лицо блѣднѣе полотна! Что такое произошло между этой женщиной и тобой? Она взяла твои деньги и однако нисколько не боится. Она хвастается этимъ, а ты дрожишь. О! что все это значитъ?

Въ волненіи она такъ крѣпко уцѣпилась за него, что ногтями оцарапала его сквозь платье, но вдругъ она выпустила его и, ослабѣвъ, только повторяла:—О! что все это значитъ!

Лицемѣръ, привыкшій лгать, и теперь пытался выпутаться изъ бѣды, какъ это ни было трудно. Онъ пролепеталъ:—не знаю. Я видѣлъ женщину, которая чѣмъ-то махала мнѣ... но почемъ знать, что именно мнѣ.

— Кому же другому?

— Мнѣ показалось, что она кого-то видитъ за моей спиной. Гдѣ ты была?

— Позади тебя.

— Не тебѣ ли, значитъ, она махала?—Отчаянный негодяй самъ не зналъ, чтó говорилъ, но къ его удивленію это нахальное предположеніе не было отвергнуто.

— Да, конечно, можетъ быть, и мнѣ.

Онъ ловко воспользовался этой уступкой.

— Вѣроятнѣе, что ни тебѣ, ни мнѣ,—сказалъ онъ,—но я все-таки не знаю, чтó мнѣ думать. Съ тѣхъ поръ какъ я вернулся домой, все вокругъ меня стало таинственно.

— Это правда и я думаю, что никогда не узнаю, чтó все это значитъ.

— Я такъ же мало объ этомъ знаю, какъ и ты, хочешь вѣрь, хочешь нѣтъ.—И онъ отошелъ отъ нея, показывая этимъ, что намѣренъ съ нею поссориться. Это часто бываетъ выгодно, когда человѣкъ не правъ.

Но этотъ дипломатическій маневръ дозволилъ третьему лицу

стать между ними, и это лицо было не кто иной какъ Саломонъ Гресъ.

— Письмо отъ Сары Мансель.

Лицемѣръ повернулся къ нему съ крикомъ и хотѣлъ схватить письмо. Но Саломонъ, державшій его въ правой рукѣ, лѣвою удержалъ его и не допустилъ завладѣть письмомъ.

— Нѣтъ, — сказалъ добросовѣстный великанъ,—я обѣщалъ миссисъ Сарѣ Мансель доставить ея письмо прямо въ руки миссисъ Гайнесъ, которая должна прочитать его при мнѣ.

Елизавета вытаращила глаза, но не рѣшалась раздражать мужа при Саломонѣ Гресѣ.

— Я ее совсѣмъ не знаю,—говорила она, глядя на письмо въ рукѣ Саломона.

— Нѣтъ знаете, это—та самая лэди, которая ночевала въ вашемъ домѣ прошлой ночью.

Елизавета вскрикнула и задрожала. Она почти вырвала письмо, говоря:

— Ну если такъ, то она подслушивала у дверей.

— Безъ сомнѣнія, — замѣтилъ Джемсъ, — и теперь знаетъ, какъ поссорить насъ.

— Да; но она знаетъ больше того, что̀ ты сказалъ мнѣ прошлой ночью. Она знала, гдѣ найти банковые билеты. Ай, ай! только тотъ можетъ найти спрятанное, кто самъ его пряталъ. Мои руки дрожатъ. Распечатайте письмо за меня, Саломонъ.

Онъ распечаталъ письмо и подалъ его Елизаветѣ и держалъ Джемса Мансела на почтительномъ разстояніи. Елизавета читала письмо очень медленно и съ передышкой. Да и какъ могла она его иначе читать: наступилъ ея чередъ испытать, что̀ значитъ разбитое сердце.

«Сударыня, вы и я—двѣ несчастныхъ женщины. Вы одурачены и я обманута. Если я скажу правду, я огорчу васъ; если я скрою ее, онъ будетъ продолжать васъ обманывать».— О! что будетъ дальше!—проговорила бѣдная Елизавета. «Человѣкъ, который выдаетъ себя за Матью Гайнеса»—она остановилась и поглядѣла на него, затѣмъ продолжала—«выдаетъ себя за Матью Гайнеса, есть Джемсъ Мансель, мой мужъ!» (Елизавета жалобно протянула руку Саломону Гресу; онъ поддержалъ ее и ей стало какъ-то легче читать, опираясь на его руку). «Мы были обвѣнчаны въ церкви св. Маріи въ Глостерѣ 13 іюля 1873 г.»

— Это ложь!—сказалъ Джемсъ.

— Не похоже,—былъ угрюмый отвѣтъ.

«Въ 1878 г. онъ укралъ у меня мои сбереженія и отпра-

вился въ Америку. Въ прошломъ мѣсяцѣ нѣкто Варней изъ Ливерпуля сказалъ ему, что у меня есть деньги. Онъ немедленно пріѣхалъ ко мнѣ и взялъ меня съ собой и деньги—ихъ было 400 фунтовъ—такъ какъ желалъ во что бы то ни стало получить ихъ. Дорогая моя, я не могла дозволить ограбить моего ребенка».—Я такъ и знала, что она взяла то, что ей принадлежало.—«Но Джемса Мансела предоставляю вамъ, если вы находите, что за него стоитъ держаться».—Стоишь ли ты этого?—«Моего порога онъ больше никогда не переступитъ. Но если когда-нибудь *вы* будете такъ же одиноки и несчастны, какъ я была, когда сидѣла на порогѣ вашего дома въ ту горькую для меня ночь, мой домъ къ вашимъ услугамъ. Боже, спаси насъ обѣихъ!

«Сара Манселъ.
13, Зеленая улица, въ Ливерпулѣ».

— Это самая наглая ложь, на какую только способна женщина, —сказалъ Джемсъ Манселъ.

Елизавета отвѣчала:

— Это истинная правда! Это ясно, какъ божій день. Итакъ, у меня былъ по настоящему только одинъ мужъ.

И она закрыла лице обѣими руками и покраснѣла до ушей. —Вы были его другомъ, отведите меня домой.

Она жалобно уцѣпилась за Саломона. Затѣмъ обратясь къ лицемѣру, объявила:

— Черезъ часъ служанка передастъ вамъ ваше платье у дверей моего дома. Не смѣйте больше переступать за его порогъ.

— Слышите!—подтвердилъ уроженецъ Иллинойса.—Я буду смотрѣть за тѣмъ, чтобы вы не пробрались туда. Насталъ и на моей улицѣ праздникъ.

Съ этими словами онъ предложилъ руку непреклонной, но дрожащей Елизаветѣ, и повелъ ее домой.

Лицемѣръ послалъ имъ вслѣдъ проклятіе. Затѣмъ бросился къ водѣ, на которой пароходъ былъ отчетливо видѣнъ, а на немъ Сара Манселъ, стоявшая на палубѣ съ своимъ ребенкомъ, поднявъ глаза къ небу.

И вотъ тутъ негодяй и дуракъ принялся бѣсноваться въ виду двухъ хорошихъ женщинъ, которыхъ онъ обманулъ и лишился. Обѣ были слишкомъ для него хороши и онъ это наконецъ понялъ—обѣ были у него на глазахъ, но уходили отъ него навѣки и онъ это тоже понялъ. Онъ злился, ругался и побѣжалъ

на край воды. Но нѣтъ, у него не хватало духу умереть. Онъ вынулъ фляжку и прибѣгъ за утѣшеніемъ къ водкѣ.

Она огнемъ разлилась по его жиламъ и отъ сердца какъ будто отлегло. Онъ выпилъ еще. Ага! чортъ бы ихъ всѣхъ побралъ! Наплевать на нихъ! Онъ пилъ за здоровье обѣихъ! И клялся, что найдетъ другихъ, да еще получше ихъ двухъ! Онъ пилъ до тѣхъ поръ, пока не повалился безъ чувствъ на мостовую. Тамъ нашли его полицейскіе мертвецки пьянымъ и у нихъ произошло краткое совѣщаніе.

— Въ полицію отвезти его?

— Нѣтъ, въ госпиталь.

XI.

Джоржъ Пиндеръ и Дебора Смортъ смотрѣли за домомъ и за лавкой и были въ дружескихъ отношеніяхъ, которыя часто приводятъ къ болѣе нѣжному чувству, когда сильная привязанность устранена съ пути.

По прошествіи мѣсяца ихъ стало тревожить отсутствіе извѣстій отъ Сары, и однажды вечеромъ Пиндеръ сказалъ, что еслибы она написала въ тотъ день, какъ пріѣхала или даже на другой день, они должны бы получить сегодня письмо.

— О! — отвѣчала Дебора, — онъ не позволитъ ей намъ писать. Это-то меня и мучитъ; мы теперь никогда не узнаемъ, жива она или умерла.

Пиндеръ не могъ этому повѣрить и у нихъ вышелъ споръ. Онъ былъ прерванъ стукомъ кэба, подъѣхавшаго къ дверямъ. Въ ихъ домъ рѣдко кто пріѣзжалъ въ экипажѣ. Дебора подумала, что извощикъ ошибся дверью; Пиндеръ же сказалъ, что пойдетъ и посмотритъ; стукъ въ дверь рѣшилъ вопросъ. Пиндеръ отворилъ ее, и вотъ на порогѣ, при яркомъ свѣтѣ газа, показались Сара Мансель и Люси. Пиндеръ громко вскрикнулъ. Она вздохнула съ облегченіемъ и положила обѣ руки ему на плечи.

— Да, мой добрый Джоржъ, мы здѣсь, слава Богу! О! сестра!

И она остановила восклицанія удивленія и восторга Деборы, бросившись ей на шею. Съ извощикомъ разсчитались, сундуки внесли въ пріемную, и затѣмъ Сара и Люси были опять заключены въ объятія.

Послѣ того послѣдовалъ градъ вопросовъ.

— Но отчего вы такъ скоро вернулись? Онъ вѣрно передумалъ? Я никакъ не ожидалъ, что онъ позволитъ вамъ вернуться. И ты свѣжа, какъ роза; то-есть, собственно говоря, ты очень загорѣла, но это къ тебѣ идетъ. Все идетъ моей сестрицѣ. Вотъ твой портретъ. Онъ былъ намъ единственнымъ утѣшеніемъ. Ты не голодна съ дороги?

— Очень голодна.

— Вотъ и чудесно! И я готова расцѣловать его за то, что ты вернулась такой здоровой и веселой. Иди на верхъ и переодѣнься; ужинъ будетъ готовъ черезъ десять минутъ. Охъ! я себя не помню отъ радости!

Скоро накрытъ былъ столъ на пятерыхъ и поданъ ужинъ.

— Онъ будетъ съ нами ужинать? — спросила Дебора, значительно понизивъ голосъ.

— Нѣтъ.

— Какъ странно. Но, конечно, ночевать будетъ дома?

— Нѣтъ.

При этихъ словахъ Дебора и Пиндеръ разинули рты и не вѣрили своимъ ушамъ. Сара сіяетъ здоровьемъ и весельемъ, не смотря на то, что при ней нѣтъ мужа. Онъ, конечно, недалеко, —подумала Дебора.

— Онъ въ Ливерпулѣ?

— Нѣтъ.

— Значитъ, онъ прибудетъ съ слѣдующимъ пароходомъ?

— Нѣтъ.

— Ничего не понимаю.

— Не приставайте къ ней съ вопросами; будемъ рады тому, что она вернулась; она сама сообщитъ намъ все, что нужно, когда ей вздумается. Я счастливъ уже тѣмъ, что вижу ее здоровой и довольной.

— Я довольна потому, что успокоилась душой и вернулась къ двумъ дорогимъ друзьямъ. Ахъ! я видѣла васъ обоихъ во снѣ, что вы сидите около этого портрета и говорите:—мы никогда ее больше не увидимъ.

— Господи!—вѣдь это такъ и было!—закричала Дебора.

— Я была въ этомъ увѣрена, видѣніе было такъ отчетливо.

Дебора сгорала отъ любопытства и не могла удержаться отъ прямыхъ и косвенныхъ вопросовъ. Сара спокойно отвѣчала на нихъ. Затѣмъ пришлось рѣшить практическій и нѣсколько щекотливый вопросъ. Дебора косвенно подошла къ нему.

— Со времени твоего отъѣзда, такъ какъ я боялась оставаться одна въ домѣ, м-ръ Пиндеръ ночевалъ въ спальнѣ Люси.

Сара тотчасъ же поняла, въ чемъ дѣло, и отвѣчала:

— Пожалуйста, не дѣлайте никакихъ перемѣнъ изъ-за меня. Люси будетъ спать въ моей спальнѣ. Намъ обѣимъ это будетъ пріятнѣе, неправда ли?

— О, да, мамаша! я бы желала никогда съ вами не разставаться, ни днемъ, ни ночью.

Дебора была въ восторгѣ отъ такого устройства, а также и Пиндеръ, который ожидалъ, что его вѣжливо попросятъ поискать себѣ другой квартиры. Но Дебора и тутъ не могла успокоиться.

— Это восхитительный порядокъ дѣлъ, но я боюсь, что онъ слишкомъ хорошъ, чтобы долго продлиться. Онъ свалится къ намъ на голову въ одинъ прекрасный день и перевернетъ по своему.

Сара ни слова на это не отвѣтила и пребывала хладнокровной, какъ будто эти слова ея вовсе не касались. Надо сознаться, что это могло только подстрекнуть любопытство.

— Хорошо,—сказала Дебора въ отчаяніи,—отвѣть мнѣ только на одинъ вопросъ:—поддѣпилъ онъ твои денежки?

Сара вытащила пачку банковыхъ билетовъ.

— Вотъ онѣ въ цѣлости и сохранности; я истратила изъ нихъ только то, чего мнѣ стоили дорожныя издержки,—спокойно отвѣчала она.

— Я радъ этому,—замѣтилъ Пиндеръ,—и ради Бога не приставайте больше къ ней съ вопросами.

Сара улыбнулась.

— Вы слишкомъ многаго отъ нея требуете, Джозефъ; она не можетъ не спрашивать, потому что она женщина и любитъ меня. Но вѣдь я не обязана отвѣчать.

— Если она не хочетъ, чтобы ее спрашивали, то пускай идетъ спать, потому что я умираю отъ любопытства, а вы развѣ нѣтъ, м-ръ Пиндеръ?—скажите правду.

— Если говорить правду, то, конечно, да. Но я готовъ и подождать. По мнѣ лучше ничего не знать и видѣть, что она здѣсь, нежели знать все и не видѣть ее.

Дебора лицемѣрно согласилась съ этимъ, потому что вдругъ вспомнила, что можетъ все вывѣдать отъ Люси. Эта юная дѣвица казалась утомленной и маленькая компанія разошлась спать.

— Одно слово,—сказала Дебора, прежде нежели проститься съ Сарой,—только одно слово, чтобы я могла уснуть спокойно. Ты счастлива?

— Сестра, я довольна.

Дебора разспрашивала Люси. Но Люси, къ ея великому удивленію, точно набрала воды въ ротъ и не сказала ни слова.

Мать взяла съ нея торжественное обѣщаніе никому и ничего не говорить о томъ, что съ ними было въ Нью-Іоркѣ.

Дебора терзалась отъ этой неизвѣстности, но Пиндеръ легко относился къ ней, и дѣйствительно можно было утѣшиться въ недостаткѣ свѣденій, когда сама Сара была на лицо. Она опять стала заниматься своимъ дѣломъ и его ревность затихла.

Мужа не было съ ней и онъ больше не занималъ ея мыслей. Она нисколько по немъ не горевала; мало того: она какъ будто позабыла объ его существованіи. Это явленіе было ново и непонятно, но несомнѣнно. Джозефъ Пиндеръ съ бо̀льшимъ рвеніемъ, чѣмъ когда-либо, принялся ей услуживать и убѣдилъ ее воспользоваться случаемъ и нанять болѣе просторное и лучше обставленное помѣщеніе на хорошей улицѣ. Здѣсь вскорѣ дѣла пошли такъ шибко, что Сара Мансель буквально стала богатѣть. Но вдругъ Люси начала хирѣть. Сейчасъ явился на помощь Пиндеръ. Онъ нанялъ небольшую виллу съ садомъ за чертой города и поселилъ тамъ Дебору и Люси съ служанкой. Сара ѣздила туда на ночь. У Пиндера тоже была тамъ комната, но онъ обыкновенно ночевалъ на старой квартирѣ.

Все это время Сара Мансель явно благоволила къ нему. Мало того: эта прямодушная женщина и не скрывала своего расположенія. Эту перемѣну можно было уже замѣтить въ самый вечеръ ея пріѣзда, но теперь, по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, ея невинная привязанность и нѣжность къ другу, который страдалъ за нее и любилъ ее впродолженіе цѣлыхъ десяти лѣтъ, все усиливались. Дебора видѣла это. Видѣла это и Люси. Послѣдній замѣтилъ это самъ Джозефъ; но и онъ, наконецъ, открылъ это, съ помощью Деборы. Въ сущности, это была вовсе не тайна. Единственный секретъ тутъ заключался въ томъ, какъ примирить это съ ея положеніемъ: вѣдь она была замужняя женщина и необыкновенно осторожна. Зачѣмъ же въ такомъ случаѣ показывать Джозефу Пиндеру, что она любитъ его и только его одного? Однако счастливый Джозефъ нашелъ, что для ея любви есть границы. Въ увлеченіи своей привязанностью онъ дошелъ до того, что поцѣловалъ ее. Она тотчасъ же отступила назадъ, говоря: — пожалуйста, не забывайте, что я жена Джемса Мансела. И дня два послѣ того ея манеры были сдержанны и строги. Это должно было служить предостереженіемъ м-ру Джозефу Пиндеру. Ему предлагалась безусловная и нѣжная дружба, но страсть отвергалась, безъ всякаго колебанія.

Джозефъ былъ охлажденъ и разочарованъ на минуту, но то, чтб онъ вытерпѣлъ изъ-за нея въ менѣе счастливыя времена, примирило его съ наложеннымъ ею теперь ограниченіемъ. Положеніе его было блаженнѣйшее сравнительно съ тѣмъ, чтб предшествовало, и кромѣ того ему не къ кому было ее ревновать. Ему служила также утѣшеніемъ привязанность Люси и Деборы. Эти двѣ особы, такъ же какъ и Сара, любили, баловали его и ухаживали за нимъ.

Какъ бы долго продлились это спокойная дружба и мирное довольство — величайшее счастіе, какое только возможно для человѣка, хотя къ несчастію онъ этого не понимаетъ—не могу сказать, потому что черезъ десять мѣсяцевъ послѣ возвращенія Сары оно было внезапно нарушено открытіемъ, возбудившимъ страсти и нарушившимъ миръ и спокойствіе.

Они вели теперь оживленныя торговыя дѣла съ Соединенными Штатами и однажды вечеромъ къ нимъ пріѣхалъ изъ Нью Іорка новый агентъ съ очень выгодными предложеніями. Этотъ человѣкъ оказался сплетникъ и пріятель Соломона Греса.

— Манселъ!—сказалъ онъ (прочитавъ имя на вывѣскѣ),—я могъ бы разсказать вамъ диковинную исторію по поводу этого имени.

— Это довольно обыкновенное имя, — отвѣчалъ Пиндеръ. —Чтò, ваша исторія не про Джемса Мансела?

— Нѣтъ, моя исторія про женщину, нѣкую миссисъ Манселъ. Жена моего пріятеля Греса—по крайней мѣрѣ теперь она за нимъ замужемъ—нашла ее сидящей на порогѣ своего дома съ маленькой дѣвочкой; она ей сказала, что потеряла своего мужа. Миссисъ Гресъ—то-есть тогда она была миссисъ Гайнесъ—пригласила ее къ себѣ, и она такъ ей понравилась, что она оставила ее ужинать и ночевать. Тѣмъ временемъ вернулся мистеръ Гайнесъ, ея мужъ, совершенно неожиданно. Они потолковали о своихъ семейныхъ дѣлахъ. И вдругъ оказалось, что эта миссисъ Манселъ подслушала ихъ, потому что на другой день этотъ Гайнесъ, какъ онъ себя называлъ, хватился 400 фунтовъ стерлинговъ, которые были зашиты у него во внутреннемъ карманѣ жилета. Ну, конечно, поднялась кутерьма; одинъ говоритъ одно, другой другое. Затѣмъ... постойте... что же было затѣмъ? О! вспомнилъ! какъ вы думаете? М-ръ и м-съ Гайнесъ пошли поглядѣть на пароходъ, отплывавшій въ Англію. И вдругъ видятъ, что миссисъ Манселъ появилась на палубѣ и машетъ пропавшими банковыми билетами у нихъ подъ самымъ носомъ...

— Отлично! — заревѣлъ Пиндеръ. — Продолжайте, продолжайте!

— И оказалось, что она только взяла назадъ свое собственное, потому что Гайнесъ былъ вовсе не Гайнесъ, а Манселъ и, представьте себѣ, затѣялъ двоеженство.

— Негодяй! Теперь я понимаю все.

— Но ему это не удалось. Обѣ женщины отвернулись отъ него, а друзья миссисъ Гайнесъ хотѣли посадить его въ тюрьму. Но Соломонъ Гресъ сказалъ: — не заводите исторіи. Выходите за меня замужъ. Онъ, замѣтьте, давно уже былъ влюбленъ въ нее. И такимъ образомъ она вышла за него замужъ. Э! да какъ вы взволновались. Развѣ вы знаете этихъ людей?

— Знаю. Эта лавка какъ разъ принадлежитъ миссисъ Манселъ. Разсказывайте, что-жъ дальше?

— Но вы, конечно, уже знаете эту исторію?

— Нѣтъ, не знаю. Она никогда про него ни словомъ не упоминаетъ.

— Немудрено. Предметъ невеселый.

— Гдѣ же теперь этотъ негодяй? Что съ нимъ сдѣлалось? Можно ждать, что онъ сюда пріѣдетъ?

— Почемъ я знаю.

Можете себѣ представить, какой эффектъ произвела эта исторія на Пиндера. Онъ отправился на виллу совсѣмъ взбудораженный ею, горя любовью и жалостью къ Сарѣ и негодованіемъ къ ея мужу. Но дорогой нѣсколько поостылъ и сталъ даже вопрошать самого себя: слѣдуетъ ли ему идти и выболтать о томъ, что̀ узналъ?

У Сары была, вѣроятно, какая-нибудь причина молчать объ этомъ такъ долго. Разумѣется, ей обидна была вся эта исторія и она не поблагодаритъ его за то, что онъ ее разгласитъ.

Въ этомъ отношеніи онъ не понялъ мотивовъ Сары: они были болѣе глубоки и были результатомъ долгихъ соображеній и размышленій. Но пускай она сама намъ ихъ сообщитъ.

Что касается Пиндера, то онъ избралъ средній путь: онъ открылся Деборѣ, разсчитывая, что она съумѣетъ вывѣдать отъ Сары, что̀ нужно.

Дебора поступила согласно его инструкціямъ. Но Сара тотчасъ же поняла, въ чемъ дѣло, и высказала всю правду.

На другой день утромъ она завела конфиденціальный разговоръ съ Пиндеромъ.

— Итакъ, вы слышали о томъ, что̀ разлучило меня съ Джемсомъ Манселомъ навсегда?

Она сразу угадала, что Дебора узнала объ этомъ отъ Пиндера.

— Да, Сара, говоря по правдѣ, слышалъ.

— Хорошо, Дебора разскажетъ вамъ всю исторію подробно. Мнѣ самой непріятно говорить объ этомъ.

— Я бы охотнѣе выслушалъ ее отъ васъ, чѣмъ отъ посторонняго лица. Неужели вы сомнѣваетесь, чью сторону я приму?

— Нѣтъ, Джозефъ, ни на одну минуту. Если хотите знать, то я ради васъ самихъ молчала такъ долго.

— Ради меня? Ну что-жъ я только еще сильнѣе буду васъ за это любить. Подумать, что такого ангела, какъ вы, обманули и ограбили!

— И вылечили. Хотите вѣрьте, хотите нѣтъ, но я довольна тѣмъ, что̀ случилось, и почти благодарна человѣку, выведшему меня изъ заблужденія прежде, нежели я потратила еще больше любви на такую дрянь. Нѣтъ, Джозефъ. Я прямолинейный человѣкъ, и всегда была такой, и мое сердце было ваше, прежде нежели мы свидѣлись съ вами въ этотъ разъ. И если я затаила эту жестокую исторію въ душѣ, то ради васъ. Увы! мнѣ помѣшали въ этомъ дѣлѣ. Вы знаете теперь, что я такое: ни дѣвушка, ни жена, ни вдова... и я боюсь, что это будетъ смущать васъ и мы не будемъ больше такъ счастливы, какъ были до сихъ поръ.

Она вздохнула, говоря это. Онъ улыбнулся надъ ея дикими предположеніями. Но она была разумная женщина и хорошо знала сердце мужчины и была предусмотрительна.

XII.

Единственная разница, происшедшая вначалѣ, выразилась только въ усиленной симпатіи и уваженіи со стороны Джозефа Пиндера. Но за этимъ послѣдовали болѣе пламенныя выраженія преданности и, наконецъ, открытое ухаживаніе.

Сара нашла, что ея собственное достоинство и ея положеніе обязываютъ ее обуздывать его. И дѣлала это превосходно, когда шутливо, когда холодно, порою очень твердо, но всегда ласково. И все-таки, не смотря на весь ея тактъ и постоянный отпоръ, Пиндеръ не унимался.

Она была огорчена, но изъ осторожности не хотѣла этого показывать. Дѣло всегда оканчивалось тѣмъ, что онъ просилъ прощенія, а она говорила ему, что не сердится на него. Это было естественнымъ послѣдствіемъ ея двусмысленнаго положенія, теперь, когда оно обнаружилось.

Но такъ какъ ничто и никогда не остается въ одномъ и

томъ же положеніи, то произошло то, что Сара предвидѣла. Мужчина, послѣ стольких лѣтъ самообладанія и стольких услугъ, видѣлъ себя вознагражденнымъ за все это только дружбой. *Это* было пріятно, но вмѣсто того, чтобы удовлетворять его, только раздражало. Онъ стремился обладать ею и спрашивалъ себя, почему бы и нѣтъ. Это не было ни невозможно, ни безнравственно. Онъ умолялъ ее развестись съ Джемсомъ Манселомъ и выйти за него замужъ. Она съ ужасомъ услышала это предложеніе.—О! какой позоръ!—воскликнула она, повернулась къ нему спиной и нѣкоторое время не хотѣла даже съ нимъ разговаривать.

Онъ сначала довольно смиренно принялъ этотъ отпоръ. Но затѣмъ посовѣтовался съ друзьями и они подзадорили его; онъ опять стал приставать къ Сарѣ. Онъ убѣждалъ, упрашивалъ ее, сердился, но все напрасно. Она не сдавалась и досаднѣе всего было то, что она не спорила. Ея старомодная религія и старомодная щекотливость не позволяли ей разсуждать о такомъ вопросѣ. Онъ могъ бы съ такимъ же успѣхомъ предлагать ей двоеженство. Она была предубѣждена и глуха къ логикѣ. Въ первый же разъ, какъ онъ завелъ объ этомъ рѣчь, она выказала большое смущеніе.

— Ахъ! — сказала она, — я это предвидѣла. Теперь вы узнаете, почему я держала про себя свою печальную исторію. Я очень дорожу спокойствіемъ и чистой привязанностью и знала, что вы, какъ и всякій другой мужчина, запросите больше, чѣмъ я могу дать. Я не ставлю вамъ это въ упрекъ, милый, но вы мнѣ не простите моего отказа, этого быть не можетъ.

Ея слезы, первыя, которыя онъ заставилъ ее пролить, смягчили его. Онъ поцѣловалъ ее и просилъ простить его. Она вздохнула и сказала:

— Я думаю, что безполезно говорить вамъ, какъ мнѣ тяжело отказывать вамъ. Вы теперь не будете знать покоя, но это не перемѣнитъ *моего* взгляда. Я тутъ безсильна и должна возложить всю надежду на Бога.

Джозефъ Пиндеръ объявилъ пріятелямъ, что безполезно настаивать. Ее не переубѣдишь и онъ только мучитъ себя и ее. Тогда одинъ изъ нихъ разсмѣялся ему въ лицо и сказалъ, что онъ любитъ женщину какъ теленокъ, а не какъ мужчина. Если она дѣйствительно его любитъ, то онъ можетъ ею командовать. Она тѣмъ сильнѣе будетъ любить, хотя и станетъ притворяться въ противномъ. Нужно показать женщинѣ свою силу, чтобы она оцѣнила человѣка, какъ слѣдуетъ.

Другой сказалъ ему, что онъ разыгралъ дурака и что его водятъ за носъ. Женщина эта тайно надѣется, что мужъ вернется и попроситъ прощенія. И вотъ подъ вліяніемъ страсти, сознанія своихъ долголѣтнихъ услугъ, подозрѣній, зароненныхъ ему въ душу, и оскорбленнаго самолюбія, Джозефъ Пиндеръ, тщетно промучивъ себя и Сару цѣлыхъ полгода, рѣшилъ произвести перемѣну въ ихъ жизни. Въ одинъ прекрасный вечеръ онъ уложилъ свой саквояжъ и возвѣстилъ, что отправляется на слѣдующее утро въ Манчестеръ, а оттуда въ Лондонъ.

— Надолго ли?—спросила тревожно Сара.

— Да что, Сара, собираюсь совсѣмъ переѣхать отъ васъ, если ничего не произойдетъ.

Сара ничего не сказала; она въ одну минуту поняла, что онъ дѣлаетъ послѣднюю попытку, чтобы убѣдить ее измѣнить свое рѣшеніе.

На слѣдующее утро она отправилась въ церковь по обыкновенію, а Джо Пиндеръ дожидался ея возвращенія, чтобы объявить ей свой ультиматумъ.

Однако его чувства подверглись довольно чувствительному испытанію прежде нежели она вернулась.

День былъ славный.

Люси и Дебора сидѣли въ маленькомъ садикѣ. Онъ окончилъ укладку своихъ вещей и пришелъ къ нимъ. Онъ нашелъ Дебору съ заплаканными глазами и молчаливую—вещь совершенно для нея необычную. Она и Люси очевидно толковали про его отъѣздъ, такъ какъ Люси безъ церемоніи спросила у него, почему мамаша не хочетъ выйти за него замужъ.

Онъ сердито отвѣчалъ:

— Потому что я этого, вѣроятно, не стою.

— Какія глупости,—строго замѣтила Люси.—Если она не хочетъ, то женитесь на мнѣ. Все лучше чѣмъ сердиться.

— Ты должна еще сперва вырости,—сказала ей Дебора.

— Или я помолодѣть,—отвѣчалъ Пиндеръ. Онъ посадилъ Люси къ себѣ на колѣни и такъ какъ не былъ расположенъ шутить, то серьезно сказалъ:

— Я хотѣлъ, чтобы ты была мнѣ дочерью. Жену-то я всегда найду, но не такую дочь какъ ты, любящую меня, настоящій розовый бутонъ! Увы! увы!

Люси, чувствительная не по лѣтамъ, немедленно растрогалась.

— Найдешь, найдешь. И, знаешь, я подумала, что мнѣ и мнѣ нуженъ отецъ. Я никогда не любила того, другого.

Но я люблю тебя, дядя Джо... я хочу сказать папа Джо. Я люблю, обожаю тебя.

И она съ восторгомъ обняла его обѣими руками за шею.

— Ангелочекъ!—сказалъ растроганный Пиндеръ.—Ну, Люси, я еще попытаюсь ради тебя, но думаю, что это безполезно. Да, Дебора, — прибавилъ онъ, — я пойду за своимъ мѣшкомъ и черезъ нѣсколько минутъ все дѣло будетъ рѣшено.

Дебора не могла порицать его, потому что знала, что, будь она мужчина, она бы не была такъ терпѣлива, какъ Джо Пиндеръ. Въ саду была калитка; она теперь отворилась и въ ней показалась Сара. Общественное положеніе ея повысилось. И она и Дебора обѣ были одѣты въ черныхъ шелковыхъ платьяхъ, но безъ всякой отдѣлки или оборокъ. Обѣ были высоки ростомъ, а потому экономничали на матеріи. На Сарѣ была надѣта бѣлая французская шляпка и хорошенькія перчатки; но въ рукахъ она держала, въ знакъ смиренія, молитвенникъ.

Дебора отослала Люси въ домъ и поспѣшила навстрѣчу сестрѣ.

— О, Сара,—торопливо заговорила она,—подумай о томъ, что́ дѣлаешь. Джо Пиндеръ потерялъ всякое терпѣніе. Я думаю, что это пріятели подстрекаютъ его.

Сара вздохнула.

— Что-жъ я могу сдѣлать?

— Ты ничего не можешь сдѣлать, но можешь многое сказать. Господи, да на что же женщинѣ данъ языкъ? Поговори съ нимъ, обѣщай ему все, что́ онъ хочетъ. Эхъ! была бы я на твоемъ мѣстѣ, онъ бы меня ни за что не оставилъ.

Прежде нежели Сара успѣла отвѣтить, показался Пиндеръ въ дверяхъ съ большимъ саквояжемъ въ рукахъ. Онъ поставилъ его на порогъ. Дебора подбѣжала къ нему.

— О, Джозефъ,—сказала она патетически,—что́ мы будемъ безъ тебя дѣлать? И погляди на этотъ садъ, каждый цвѣтокъ въ немъ посаженъ тобой и ты самъ обложилъ его дерномъ. Джо, милый, повѣрь, что она любитъ тебя всѣмъ сердцемъ. Она никогда не умѣла любить двоихъ и теперь ты единственный человѣкъ, который ей по душѣ.

— Пусть она это докажетъ,—отвѣчалъ Пиндеръ. Онъ былъ такъ блѣденъ и угрюмъ, что Дебора потеряла всякую надежду на то, что онъ уступитъ. Онъ подошелъ къ Сарѣ; она сидѣла на садовой скамейкѣ и храбро дожидалась его. Онъ сталъ прямо передъ ней.

— Я пришелъ узнать ваше мнѣніе окончательно.

— Я думаю, что вы его знаете,—кротко отвѣчала она,— и знаете мое сердце.

— Нѣтъ, Сара, не знаю.

— Можетъ быть, и нѣтъ, впрочемъ. Мужчины никогда не понимаютъ женщинъ. Нужды нѣтъ. Выскажите свое мнѣніе, милый Джозефъ.

Пиндеръ отвѣчалъ, что затѣмъ только и пришелъ.

— Сначала я долженъ однако задать вамъ одинъ вопросъ, хотя мнѣ почти стыдно это спрашивать.

— Теперь не время бояться или стыдиться,—отвѣчала она торжественно.—Дайте мнѣ узнать все, все, чтó таится въ вашемъ сердцѣ, котораго я должна лишиться.

— Нѣтъ, нѣтъ,—отвѣчалъ Пиндеръ,—если считаете, что оно стóитъ того, чтобы вы его удержали. Вотъ что я хочу спросить васъ, Сара: можетъ ли человѣкъ больше стараться, нежели я, чтобы заслужить любовь женщины? Я честно любилъ васъ впродолженіе десяти лѣтъ. Я былъ вѣренъ вамъ, когда вы мнѣ не принадлежали. Я старался ради васъ оказывать услуги вашему мужу, человѣку, котораго я всегда не любилъ и не уважалъ. Вы поняли его наконецъ и разстались съ нимъ. Тогда я открылъ вамъ свою душу.

— Она никогда не была для меня закрыта.

— Съ тѣхъ поръ какъ вы вернулись одна, безъ мужа, я открыто ухаживалъ за вами. Вы мнѣ этого не запрещали. Вы какъ будто сами меня любили.

— Какъ будто любила! Я люблю васъ всѣмъ сердцемъ и всей душой. Я никогда такъ не любила мужа, какъ васъ люблю, потому что никогда его не уважала.

— Ахъ! еслибы только я могъ этому повѣрить!

— Повѣрьте. Я никогда не лгала. Мое сердце обратилось къ вамъ, когда я увидѣла васъ во снѣ и подумала о вашей вѣрной и безкорыстной любви. Мой бѣдный Джозефъ, сердце мое все сильнѣе и сильнѣе рвалось къ вамъ по мѣрѣ того какъ корабль все ближе подплывалъ къ англійскимъ берегамъ и только мысль о васъ скрашивала мнѣ возвращеніе домой. Гдѣ ваши глаза? Съ тѣхъ поръ какъ я вернулась, развѣ я хоть разъ пожалѣла о твари, которую когда-то такъ любила?

Она покраснѣла и закрыла лицо своими бѣлыми руками.

— Женщины не ухаживаютъ за тѣми кого любятъ, какъ мужчины, но онѣ на тысячу ладовъ выражаютъ свою любовь, и мужчинѣ стоитъ только захотѣть, чтобы ее увидѣть.

— Если такъ, то докажите, что меня любите... истинно любите. Выходите за меня замужъ!

— Какъ я могу?

— Очень просто. Разведитесь съ этимъ негодяемъ и обвѣнчайтесь со мной. Дѣло ясное; разводъ легко получить, потому что мужъ бросилъ и измѣнилъ вамъ. Васъ разведутъ какъ только вы объ этомъ попросите.

— Какъ! идти въ судъ?

— Ну такъ что-жъ такое? это каждый день дѣлается людьми, которые лучше васъ.

Она слегка покраснѣла и съ кроткой важностью отвѣчала:

— Вы хотите сказать, которые выше меня поставлены въ свѣтѣ. Они многое дѣлаютъ, чего я не умѣю, они, напримѣръ, бѣлятся и румянятся. Какъ я пойду въ судъ просить, чтобы разлучили тѣхъ, кого церковь соединила до смерти? Этого я ни за что не сдѣлаю.

Пиндеръ разсердился. Онъ принадлежалъ къ либеральному клубу и сталъ убѣждать ее въ его духѣ.

— Все это одни предразсудки. Попы привыкли увѣрять невѣжественный народъ, что бракъ таинство и что только папа римскій можетъ расторгнуть его. Но въ наше время мы больше не рабы суевѣрія и поповъ. Бракъ не таинство; это контрактъ, ни болѣе, ни менѣе. Вашъ мужъ нарушилъ его по закону и вамъ остается только порвать его, тоже на основаніи закона. Неужели же я бы не развелся для васъ съ невѣрной женой? И неужели же вы не сдѣлаете для меня то, чтб я для васъ сдѣлалъ бы, если любите меня такъ, какъ я васъ люблю.

— Я сильнѣе люблю васъ,—отвѣчала она.—Я бы не могла сердиться на васъ, какъ вы на меня сердитесь. О! пожалуйста не просите меня идти въ судъ и объявить тамъ, что я хочу, чтобы меня развели съ дурнымъ мужемъ, потому что другой мужчина хочетъ на мнѣ жениться. Ахъ! еслибы вы уважали меня такъ, какъ я васъ уважаю, вы бы не могли...

— Я уважалъ васъ цѣлыхъ десять лѣтъ и доказалъ это. Теперь пора показать, что я себя уважаю. Я сталъ посмѣшищемъ своихъ пріятелей за свою баранью любовь.

— Ахъ!—вскричала она въ унынія,—если они задѣли ваше самолюбіе, все кончено. Любовь мужчины не можетъ устоять передъ его самолюбіемъ. Но, Боже мой! еслибы они знали, какъ васъ любятъ и уважаютъ, они бы постыдились вооружать васъ противъ меня. Милый Джозефъ, потерпите, какъ я терплю. Повѣрьте, что я люблю васъ сильнѣе, чѣмъ вы или какой другой

мужчина можетъ любить меня. Вы такъ взволнованы и такъ сердиты, я васъ просто боюсь. Но поразмыслите спокойно, что всего цѣннѣе въ бракѣ? развѣ не уваженіе и не нѣжная привязанность и дружба? Какой мужъ любитъ и уважаетъ больше, чѣмъ вы? Сестра моя любитъ васъ, дочь моя любитъ васъ; я васъ искренно люблю. Еслибы вы могли видѣть насъ, когда васъ нѣтъ дома, какъ мы всѣ унылы, и какимъ мертвымъ кажется домъ, но только что вы появляетесь, всѣ становятся веселы и разговорчивы. Вы нашъ хозяинъ, наша радость и утѣшеніе, и неужели же *это* ничего не стоитъ?

Джозефъ Пиндеръ пилъ медъ ея рѣчей съ блестящими глазами, но не могъ вполнѣ переварить ихъ. Онъ сказалъ, что все это хорошія слова и что было время, когда они могли бы очаровать его и закрыть ему глаза на печальную истину. Но теперь онъ сталъ опытнѣе и знаетъ, какую цѣну слѣдуетъ придавать словамъ женщины. Только по ея поступкамъ можно узнать ея истинныя чувства.

— Джемсъ Манселъ,—говорилъ онъ,—человѣкъ моихъ лѣтъ. Совсѣмъ невѣроятно, чтобы мы оба пережили его. Поэтому, когда вы говорите, что не хотите развестись съ нимъ, то это все равно, какъ еслибы вы сказали, что до тѣхъ поръ не согласитесь стать моей женой, пока онъ не окажетъ намъ любезности умереть. Но развѣ это не значитъ обращаться со мной, какъ съ бараномъ? Я не согласенъ оставаться всю жизнь холостякомъ въ угоду Джемсу Манселу или женщинѣ, которая хочетъ быть по гробъ вѣрной ему. Я уѣду отъ васъ и убью въ себѣ любовь къ вамъ или умру.

Но на это Сара твердо возразила:

— Нѣтъ, Джозефъ, если мы должны разстаться, то мнѣ слѣдуетъ уѣхать, а вамъ оставаться. Этотъ хорошенькій домикъ и садъ, которыми я такъ наслаждалась, плоды вашего трудолюбія, искусства и вашей привязанности, а такъ какъ я не могу вознаградить васъ такъ, какъ вы того желаете, то вы со временемъ назовете меня неблагодарной и этимъ окончательно разобьете мое сердце. Вы должны оказать мнѣ одну милость: останьтесь жить въ этомъ домѣ и отошлите меня назадъ въ мою лавку. А вы живите богато и осчастливьте какую-нибудь женщину, которая съумѣетъ любить васъ лучше, нежели я. Вы любили меня всего сильнѣе, когда я стояла за прилавкомъ въ Зеленой улицѣ и не корчила изъ себя леди.

Она начала довольно храбро, но кончила слезами.

— Нѣтъ, Сара, я не намѣренъ вѣчно плясать по вашей

дудкѣ. Люси любитъ меня и согласилась бы стать моей дочерью хоть завтра. Я не хочу обидѣть ее и не могу позволить вамъ вернуться назадъ въ Зеленую улицу. Я ничего съ собой не возьму, кромѣ саквояжа и своего сердца, которое вы истомили.

Тутъ Сара принялась плакать навзрыдъ.

— О, Джозефъ,—сказала она, такимъ голосомъ, который могъ бы тронуть камень: — неужели мало горя, что мы разстаемся? неужели вы можете сердиться на меня? я бы не разсердилась *на васъ*, еслибы вы меня убили.

— Сердиться на васъ?—повторилъ онъ.—Упаси Богъ! простите меня, милая, если я сказалъ рѣзкое слово и дайте мнѣ руку на прощанье.

Онъ протянулъ ей руку, она схватила ее, страстно поцѣловала. Онъ также нѣжно поцѣловалъ ее, ихъ слезы смѣшались. Но онъ былъ мужчина и сказалъ, что уйдетъ. Поэтому оторвался отъ нея, схватилъ саквояжъ и шмыгнулъ въ калитку. И такъ велики были его мужественная рѣшимость и оскорбленное самолюбіе, что онъ прошелъ тридцать или по меньшей мѣрѣ двадцать пять шаговъ, прежде нежели пожелалъ вернуться назадъ во что бы то ни стало. До сихъ поръ онъ не зналъ, какъ сильно она его любила.

Что касается Сары, то она даже не пыталась обмануть себя или другихъ. Она прислонилась лбомъ къ столику и горько рыдала. Дебора подбѣжала къ ней, сняла съ нее первымъ долгомъ шляпку, потому что, къ чему же испортить и шляпку, мало развѣ, что сердце ея разбито? Но, спасая дорогую шляпку, она старалась, вмѣстѣ съ тѣмъ, успокоить и ея сердце.

— Какъ могъ онъ уйти? зачѣмъ ты его отпустила? это убьетъ тебя.

— Можетъ быть, и нѣтъ. Я надѣюсь на Бога.

— Не плачь, милая; онъ вернется черезъ мѣсяцъ или два и тогда ты уступишь его желанію.

— Нѣтъ. Я могу только плакать и надѣюсь только на Бога, какъ и тогда, когда эта гадина бросилъ меня съ ребенкомъ. Моя вѣра не была обманута. Приведи ко мнѣ Люси.

Дебора посадила Люси къ ней на колѣни и Сара принялась ласкать ее и плакать надъ ней. Но вдругъ Дебора увидѣла Джозефа Пиндера съ саквояжемъ въ рукахъ у калитки. Она подбѣжала къ нему и шепнула:

— Не теперь, глупый человѣкъ; вернитесь не раньше недѣли и тогда она станетъ шелковая.

— Я вовсе не вернулся,—отвѣчалъ Пиндеръ громко и за-

дорно.—Я пришелъ изъ вѣжливости. Какая-то лэди и какой-то джентльменъ изъ Америки разыскиваютъ ее.

И онъ отворилъ калитку и пригласилъ въ нее войти прибывшихъ.

Сара навострила уши, какъ заяцъ. Соломонъ Гресъ важно прошелъ черезъ садъ и церемонно протянулъ ей руку. Миссисъ Гресъ тоже направилась къ Сарѣ, но остановилась позади мужа. Оба имѣли весьма торжественный видъ. Пиндеръ, вмѣсто того, чтобы уйти, продвинулся впередъ съ своимъ мѣшкомъ и между нимъ и Деборой немедленно началась перестрѣлка.

— Вы вернулись изъ вѣжливости, а что же заставляетъ васъ оставаться здѣсь?

— Любопытство,—огрызнулся Пиндеръ.

Какъ только миссисъ Манселъ увидѣла Саломона Греса, она живо сказала:

— Какъ? это вы мой добрый другъ? Добро пожаловать.

И протянула ему обѣ руки.

Онъ взялъ ихъ и серьезно сказалъ:

— Мы привезли вамъ важныя вѣсти.

При словѣ «мы», Сара обернулась и увидѣла миссисъ Гресъ. Она привѣтствовала ее такъ же радушно, какъ и ея мужа. Люси низко присѣла обоимъ. Наступила минута замѣшательства, Гресъ и его жена переглядывались между собой.

— Ты можешь сказать ей,—замѣтила Елизавета.

Сара Манселъ пристально поглядѣла на нихъ.

— Да; вы можете сказать мнѣ: кто обманулъ меня, тотъ для меня все равно, что умеръ.

Она догадалась объ истинѣ. Нѣкоторыя женщины умѣютъ понимать лица, манеры, всякія мелочи и это въ одно мгновеніе. Сара была изъ ихъ числа.

— Да,—отвѣчала Елизавета,—я рада, что вы къ этому готовы, Джемса Мансела нѣтъ больше въ живыхъ.

И тутъ Гресъ протянулъ ей свидѣтельство о смерти Мансела.

Миссисъ Гресъ продолжала:

— Онъ умеръ въ больницѣ и передъ смертью раскаялся и просилъ прощенія у всѣхъ, кого обидѣлъ. Миссисъ Манселъ, я стояла у его постели и простила ему.

— И я ему прощаю отъ всего сердца,—сказала миссисъ Манселъ.

Пока все это происходило, Дебора подошла къ Пиндеру, серьезно прислушивавшемуся къ каждому слову, и спокойно взяла у него изъ рукъ саквояжъ и приказала служанкѣ убрать его.

Когда по прошествіи нѣкотораго времени Пиндеръ робко высказалъ, что надѣется въ не очень долгомъ времени назвать Сару своей женой, она широко раскрыла глаза и сказала:

— Когда вамъ будетъ угодно. Я жду вашего приказанія.

Онъ въ свою очередь удивился. Но это не помѣшало ему съ восторгомъ обнять ее.

Онъ признался ей, что боялся, что она потребуетъ годичнаго срока.

— Нѣтъ,—отвѣчала она,—ни единаго мѣсяца. У меня свои понятія о приличіяхъ, но этикетовъ я не знаю. Я вѣдь не какая-нибудь лэди.

И, такимъ образомъ, они повѣнчались и она вскорѣ доказала Пиндеру: любитъ она его или нѣтъ. Всѣ мечты его о любви были превзойдены. Счастіе его безгранично и тѣмъ цѣннѣе, что далось ему трудно и не сразу.

Въ глазахъ свѣта они простые торговцы, дѣловитые и расторопные, и притомъ добрые люди; но ихъ судьба гораздо романичнѣе, чѣмъ жизнь девятнадцати поэтовъ изъ двадцати.

Дебора усердно ищетъ себѣ мужа. Однажды въ воскресенье Люси, зѣвавшая за хорошей книгой, чтб не мѣшало ей зорко наблюдать за происходящимъ вокругъ нея, увидѣла, что за Деборой ухаживаютъ цѣлыхъ три поклонника. Тогда Люси спросила у нея, за котораго она выйдетъ замужъ.

— Почемъ я знаю,—отвѣчала та.

— Развѣ всѣ они трое такіе милые?—робко спросила Люси.

— Трое лучше, чѣмъ ни одного,—отвѣчала Дебора.

— Тетя Дебъ, я не думаю, чтобы ты вышла замужъ.

— Пріятная для меня новость. Но почему же?

— Потому что браки составляются въ небесахъ.

Теперь хотя и не мое дѣло предсказывать будущее, но изъ моихъ наблюденій надъ Люси Манселъ, я вывелъ, что эта юная дѣвица, достигнувъ семнадцати-лѣтняго возраста, будетъ скромна и застѣнчива, но глупа, какъ сова.

А. Э.

ОБЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ СКЛАДѢ

РУССКОЙ НАРОДНОСТИ

Историко-критическія замѣтки.

Окончаніе.

XI *).

До сихъ поръ мы встрѣтили въ исторіи русской народности цѣлый рядъ весьма существенныхъ вопросовъ, которые въ настоящую минуту далеко еще не поддаются точному рѣшенію и которые, однако, требовали бы рѣшенія для того, чтобы исторія народнаго характера для насъ выяснилась. Не мало такихъ вопросовъ встрѣтится и въ среднемъ періодѣ нашей исторіи. Какъ и прежде, мы не беремъ на себя рѣшенія, часто невозможнаго при данномъ состояніи исторической разработки, и указываемъ только положеніе вещей и необходимость новыхъ поисковъ.

Въ XIII вѣкѣ совершилось событіе, которое несомнѣнно оказало обширное вліяніе на судьбу русскаго народа и которое опять стояло совершенно внѣ обычнаго теченія исторической жизни, не имѣло никакой связи съ органическимъ развитіемъ народа и, напротивъ, врывалось въ него насильственнымъ и истребительнымъ ударомъ. Это было татарское нашествіе, первое

---

*) См. выше: ноябрь, 248 стр.

(1224) и второе (1237), за которымъ послѣдовало на два съ половиной вѣка «татарское иго».

Для древней Руси татарское нашествіе было совершенной неожиданностью. Лѣтописецъ говоритъ о немъ слѣдующими словами: «Въ томъ же году [1]) явились народы, которыхъ никто хорошенько не вѣдаетъ, кто они и откуда изошли, и какой ихъ языкъ, и какого они племени, и какая ихъ вѣра; а зовутъ ихъ татары, а другіе говорятъ—таурмены, а иные—печенѣги; иные говорятъ, что это объ нихъ свидѣтельствуетъ Меѳодій, патарскій епископъ: что они изошли изъ Етріевской пустыни, находящейся между востокомъ и сѣверомъ. Меѳодій говоритъ именно такъ: что къ скончанію временъ явятся тѣ, которыхъ загналъ Гедеонъ, и они поплѣнятъ всю землю отъ востока до Евфрата и отъ Тигра до Понтскаго моря. Богъ же одинъ вѣдаетъ ихъ, кто они и откуда изошли; премудрые мужи хорошо ихъ знаютъ, кто разумно умѣетъ книги; мы же ихъ не знаемъ, кто они, но вписали здѣсь о нихъ ради памяти бѣды русскихъ князей, которая была отъ нихъ». «Пришла неслыханная рать», говоритъ другая лѣтопись, — приступая къ разсказу о татарскомъ нашествіи. — Затѣмъ, проходитъ нѣсколько лѣтъ и лѣтопись молчитъ о татарахъ; только изрѣдка доходили вѣсти о татарскихъ побоищахъ на Яикѣ, о взятіи татарами «Великаго города» болгарскаго и о плѣненіи всей болгарской земли. Подъ 1237 годомъ лѣтописцу пришлось занести въ свою повѣсть страшные факты второго нашествія безбожныхъ татаръ, которые на этотъ разъ явились именно для покоренія русской земли: они прошли и опустошили рязанскую землю, потомъ истребили Коломну, Москву, Владиміръ, дальше «не было мѣста, гдѣ бы они не воевали на суздальской землѣ», потомъ разбили русскихъ князей на рѣкѣ Сити и т. д. Наконецъ, дошла очередь до Кіева: «пришелъ Батый къ Кіеву въ силѣ тяжкой,—говоритъ волынскій лѣтописецъ,—со многимъ множествомъ своей силы; и окружила городъ и остолпила сила татарская, и былъ городъ въ великомъ обдержаніи (осадѣ). И былъ Батый у города, и отроки его окружали городъ, и нельзя было ничего слышать отъ скрыпа множества его телѣгъ, отъ рева его верблюдовъ, отъ ржанія стадъ его коней; и русская земля была наполнена ратными людьми».

Вскорѣ затѣмъ лѣтописецъ уже разсказываетъ о поѣздкахъ

---

[1]) Въ Лаврентьевской лѣтописи эта запись поставлена подъ 6731, т.-е. 1223 годомъ; въ дѣйствительности событіе произошло въ 1224, какъ и отмѣчено въ другихъ лѣтописяхъ, напр., Ипатьевской.

князей въ орду, о томъ, какъ они должны были поклоняться огню и «болванамъ татарскимъ», о пріѣздѣ татарскихъ баскаковъ, о татарскихъ даняхъ и выходахъ. Началось татарское иго.

Лѣтописный разсказъ даетъ впечатлѣніе внезапности страшнаго бѣдствія, постигшаго народную жизнь; оно свалилось съ неба неожиданно, но ему пришлось надолго тяготѣть надъ русскимъ народомъ.

Что же такое было татарское иго, имѣло ли оно историческое дѣйствіе на русскую жизнь, и если имѣло, въ чемъ оно заключалось?—Этотъ вопросъ представляется такъ естественно, что историки, повидимому, давно должны были бы заняться его рѣшеніемъ и выяснить, чѣмъ отразилось во внѣшнихъ и внутреннихъ отношеніяхъ народа это страшное вмѣшательство посторонней силы—столь страшное, что, по мнѣнію нѣкоторыхъ историковъ, въ первыя нашествія отъ самаго населенія древней Руси осталась едва одна десятая часть, а по другимъ, цѣлая южная вѣтвь народа была уничтожена, и южная Русь впослѣдствіи была заселена вновь уже другими людьми, выходцами изъ-за Карпатъ... Между тѣмъ, въ нашей литературѣ до сихъ поръ нѣтъ спеціальнаго изслѣдованія, которое обняло бы предметъ со всѣхъ сторонъ или даже намѣтило различныя стороны этого вопроса. Изслѣдованія до сихъ поръ ограничились одной политической стороной событій, и здѣсь, какъ увидимъ, въ рукахъ лучшихъ ученыхъ приходятъ къ совершенно противоположнымъ выводамъ, не примиреннымъ и до сей минуты. Уже это противорѣчіе указываетъ однако, что предметъ заслуживаетъ серьезнаго вниманія.

Впечатлѣніе первыхъ нашествій было недоумѣніе и ужасъ: пришелъ какой-то народъ страшный и невѣдомый; видимо, до Руси не доходили свѣденія о громадномъ движеніи народовъ въ средней Азіи и о завоеваніяхъ Чингизъ-хана; первые татары пришли изъ-за Кавказа, гдѣ были также нежданнымъ врагомъ; первые удары пали на половцевъ, давнишнихъ непріятелей Руси, которые теперь къ ней же прибѣжали за помощью... Прежнія войны съ южными кочевниками становились мелочью передъ страшнымъ нашествіемъ новаго врага, которое на цѣлые вѣка поставило народъ въ небывалое рабство и отбило память о прежнихъ отношеніяхъ. Народная поэзія совершенно забыла о старинныхъ обрахъ, печенѣгахъ, половцахъ: древнимъ богатырямъ пришлось воевать съ татарами, съ ихъ «мурзами и улановьями»; все старое «поганство», противъ котораго негодовало христіанское чувство древняго русича, сосредоточивалось теперь

въ образѣ татаръ; они стали олицетворяться въ образѣ «поганаго идолища»; Тугаринъ Змѣевичъ является съ татарскими чертами, гнѣздомъ непріятелей Руси становятся «улусы загорскіе» или иные; когда Илья Муромецъ далъ волю своей богатырской силѣ и побиваетъ поганыя полчища, ухвативъ самого татарина и махая имъ какъ палицей, то и здѣсь народный поэтъ не могъ обойтись безъ подробности, которая указываетъ на представленіе о физической силѣ татаръ: татаринъ оказывается очень крѣпкимъ и сильнымъ: «а и крѣпокъ татаринъ— не ломится, а и жиловатъ, собака—не изорвется». Въ былинѣ о Калинѣ царѣ осталась память о татарскомъ нашествіи—не знаемъ, была ли это непосредственная память о событіи или подновленная лѣтописнымъ преданіемъ. Калинъ царь, какъ Батый, обступилъ Кіевъ:

„Зачѣмъ мать сыра-земля не погнется?
Зачѣмъ не разступится?
А отъ пару было отъ кониного
А и мѣсяцъ, солнце померкнуло,
Не видать луча свѣта бѣлаго,
А отъ духу татарскаго
Не можно крещенымъ намъ живымъ быть“.

Затѣмъ онъ посылаетъ къ князю ярлыки:

„И выбралъ татарина выше всѣхъ:
А мѣрою тотъ татаринъ трехъ саженъ,
Голова на татаринѣ съ пивной котелъ,
Который котелъ сорока ведеръ;
Промежъ плечами косая сажень,
Бѣжитъ онъ во гридню, во свѣтлую,
А Спасову образу не молится,
Владиміру князю не кланяется,
И во Кіевѣ людей ничѣмъ зоветъ;
Бросилъ ярлыки на круглый столъ,
Предъ великаго князя Владиміра“.

Ненависть къ татарскому поганству провожаетъ насъ на всемъ пространствѣ древней былинной поэзіи; она провожаетъ насъ въ народныхъ пословицахъ, передающихъ впечатлѣнія обыденной жизни, и татаринъ вездѣ является послѣднимъ человѣкомъ, къ которому приравнивается все злое, скучное, надоѣдливое. Съ этимъ совершенно согласно и представленіе старыхъ русскихъ людей: «злѣе зла честь татарская»,—замѣчаетъ лѣтописецъ о чести, которую русскіе князья получали въ ордѣ.

Таковъ былъ элементъ, съ которымъ русскому народу пришлось вѣдаться болѣе двухъ столѣтій: народъ отталкивалъ его

отъ себя, но долженъ былъ повиноваться чужому, ненавистному, «поганому» народу, исполнять его волю. Что же произошло изъ этихъ отношеній?

Первые русскіе историки считали татарское иго великимъ несчастіемъ и не думали уменьшать размѣровъ его дѣйствія. Карамзинъ считаетъ нужнымъ по поводу татарскаго ига сдѣлать слѣдующее замѣчаніе: «Исторія не терпитъ оптимизма и не должна въ происшествіяхъ искать доказательствъ, что все дѣлается къ лучшему: ибо сіе мудрованіе несвойственно обыкновенному здравому смыслу человѣческому, для коего она пишется». Онъ ни мало не скрываетъ отъ себя тѣхъ бѣдствій, которыя сопровождали иго: разореніе, долговременное рабство представляются ему какъ «одно изъ величайшихъ бѣдствій, извѣстныхъ намъ по лѣтописямъ государствъ»; иго сдѣлало наши нравы болѣе грубыми, хотя не передало намъ обычаевъ татарскихъ; «сѣнь варварства, омрачивъ горизонтъ Россіи, сокрыла отъ насъ Европу въ то самое время, когда благодѣтельныя свѣденія и навыки болѣе и болѣе въ ней размножались, народъ освобождался отъ рабства»; во внутренней жизни «все, что имѣло видъ свободы и древнихъ гражданскихъ правъ, стѣснилось, исчезало». Но къ счастью зло не обошлось и безъ добра: иго скрѣпило Россію и паденіе внутренней свободы обезпечило успѣхи единодержавія, безъ котораго прежней Руси могло бы грозить полное распаденіе. Таковъ въ общихъ чертахъ взглядъ Карамзина. Мнѣнія послѣдующихъ историковъ раздѣлились. Одни,—и именно такой авторитетный писатель какъ Соловьевъ, къ которому примыкаютъ въ этомъ случаѣ Кавелинъ, Забѣлинъ и другіе,—совершенно отвергаютъ вліяніе татарскаго ига на ходъ нашей исторіи, приравнивая татаръ не болѣе какъ къ половцамъ; другіе, какъ напр., Костомаровъ, напротивъ приписываютъ татарскому игу чрезвычайно обширное вліяніе, находя въ немъ первую причину того историческаго поворота, который произошелъ въ русской національной жизни съ XIII-го вѣка и который характеризуется совершеннымъ паденіемъ древнихъ федеративно-вѣчевыхъ учрежденій и возникновеніемъ единодержавія, получившаго оттѣнокъ восточнаго абсолютизма.

Точка зрѣнія Соловьева объясняется историческимъ пріемомъ, проникающимъ весь его трудъ. Соловьевъ вообще исходитъ изъ представленія объ органическомъ развитіи государственныхъ формъ изъ общихъ условій народнаго быта и характера. Онъ старается найти объясненіе событій въ тѣхъ основныхъ чертахъ быта, съ какими народъ является при первомъ вступленіи въ исторію; въ

этихъ данныхъ лежитъ источникъ всего развитія, которое можетъ замедляться или ускоряться, но не измѣняется внѣшними случайностями: послѣднія безсильны остановить внутренній ростъ историческаго начала. Такой внѣшней случайностью было и татарское нашествіе: князья должны были покориться ему; страна должна была вынести много тягостей, но это не измѣнило развитія между-княжескихъ отношеній, въ которыхъ самъ собою явился новый фазисъ и возникло новое начало, разрѣшившееся образованіемъ московскаго единодержавія.

Съ вопросомъ о вліяніи татарскаго ига связывается именно вопросъ о первыхъ проявленіяхъ стремленій къ единодержавію. Историки, отвергающіе татарское вліяніе, принимаютъ обыкновенно, что стремленіе къ единовластію начинается еще въ древней Руси, особливо во второй половинѣ XII вѣка, въ Суздалѣ и Владимірѣ, такъ что усиленіе Москвы было только естественнымъ продолженіемъ процесса, начавшагося ранѣе; они принимаютъ также, что идея о новомъ государственномъ порядкѣ находила себѣ опору въ особомъ характерѣ сѣверо-восточнаго русскаго племени и быта [1]), несходномъ съ характеромъ южной Руси и Новгорода. Такимъ образомъ объединеніе русской земли, совершавшееся впослѣдствіи Москвою, и новое единовластіе, возникали естественно изъ начатковъ, задолго предшествовавшихъ татарскому игу.

Костомаровъ ставитъ весь вопросъ совершенно иначе. Онъ не думаетъ, во-первыхъ, чтобы сѣверо-восточный бытъ чѣмъ-либо отличался отъ вѣчевого быта Кіева и Новгорода. Мы не должны вообще обманываться скудостью лѣтописныхъ извѣстій: недостатокъ упоминаній вовсе не означаетъ отсутствія фактовъ, и собравъ существующіе намеки лѣтописи, мы должны убѣдиться, что относительно вѣчевыхъ учрежденій не было никакого различія между сѣверо-востокомъ и юго-западомъ древней Руси. Вѣче было не чѣмъ инымъ какъ выраженіемъ верховной власти земли. «Это понятіе о самоуправленіи земли,—говоритъ Костомаровъ,—является еще въ глубокой древности, переживаетъ многіе вѣка, противныя обстоятельства и невзгоды, уцѣлѣваетъ при иномъ государственномъ строѣ страны. Такъ какъ въ глубокой древности древлянскіе послы говорили Ольгѣ, что ихъ послала земля, такъ въ смутное время Московскаго государства, въ началѣ XVII вѣка, московскіе послы подъ Смоленскомъ говорили

---

1) На этомъ настаивалъ въ особенности Кавелинъ.

полякамъ, что ихъ послала земля съ своимъ приговоромъ и они сами могутъ быть только слѣпыми исполнителями ея воли» [1]).

Это понятіе о верховномъ правѣ земли существовало, по мнѣнію Костомарова, въ ростовско-суздальскойземлѣ точно такъ же какъ въ землѣ кіевской и новгородской: и здѣсь князь по отношенію къ землѣ былъ не владѣлецъ или вотчинникъ, а правитель. Костомаровъ отвергаетъ также и то мнѣніе, что въ ростовско-суздальскомъ краѣ пришлый славянскій элементъ смѣшался съ туземными финно-тюркскими племенами и тѣмъ положилъ начало новому оттѣнку русской народности—племени великорусскому, болѣе терпѣливому, устойчивому и болѣе способному къ монархической власти, чѣмъ было у другихъ славянъ [2]). На дѣлѣ сѣверо-восточная Русь представляетъ тотъ же общій удѣльно-вѣчевой строй даже въ то время, къ которому относятъ начатки единодержавныхъ стремленій; а что касается этнографическихъ отличій сѣверо-восточной Руси, то Костомаровъ, не отвергая смѣшенія племенъ, не придаетъ ему такого значенія, чтобы оно могло видоизмѣнить племенныя славянскія свойства русскаго корня. Славянская колонизація началась на сѣверо-востокѣ издавна; съ XI—XII вѣка русское населеніе еще умножается здѣсь переселенцами съ юга, и лѣтопись, разсказывая о событіяхъ этого края, нигдѣ не упоминаетъ о какихъ-нибудь инородцахъ и вездѣ говоритъ объ одномъ русскомъ народѣ; есть возможность думать, что туземные инородцы оставили даже эту землю при размноженіи русскихъ. Словомъ, въ до-татарскій періодъ Русь не представляла никакихъ данныхъ для развитія единодержавія и жизнь ея шла въ обычномъ раздѣленіи власти между землей и княземъ [3]). Съ татарскимъ нашествіемъ начинается, по взгляду Костомарова, рѣшительный переворотъ. Русская земля, раздѣленная междоусобіями, не могла противопоставить нашествію никакого отпора: отдѣльныя земли съ своими князьями защищались отчаянно, но этихъ одинокихъ силъ было мало, чтобы противостать громадной ордѣ.—Замѣтимъ, впрочемъ, что, быть можетъ, и тѣсно сплоченная тогдашняя Русь была бы все-таки не въ силахъ задержать нашествіе: «орда» не была вовсе безпорядочной толпой

---

1) „Начало единодержавія въ древней Руси“ въ В. Евр., 1870, ноябрь, стр. 31.

2) Тамъ-же, стр. 48.

3) Отмѣтимъ еще мысль Костомарова, что удѣлы вовсе не такъ раздѣляли Русь, какъ это думаютъ; напротивъ, князья—изъ одного только рода—именно связывали ее въ одно цѣлое, и понятіе о цѣлой и единой русской землѣ не терялось.—Ср. Соловьева, Ист. Росс. XIII, 1863; стр. 10; Градовскаго, Исторія мѣстн. управленія въ Россіи, Спб. 1868, I, стр. 3—4.

и, напротивъ, была руководима цѣлой выработанной системой военнаго искусства, безъ сомнѣнія, во многомъ превосходившей тогдашнее военное искуство русскихъ. Татары являлись не только замѣчательно выносливымъ коннымъ войскомъ, но вооруженные инженернымъ искусствомъ, съ громадными стѣнобитными орудіями и даже съ знаніемъ григоріанскаго или греческаго огня и т. п. [1]) Если армія Батыя и его сподвижниковъ въ состояніи была проникнуть черезъ Польшу, Венгрію, Хорватію до Адріатическаго моря, то можно предположить, что ее въ началѣ похода не могли бы одолѣть даже соединенныя силы всѣхъ русскихъ князей.— Результатъ нашествія былъ подавляющій. «Дорожившіе свободой,—говоритъ Костомаровъ,—предпочли рабству смерть: лучше быть потяту, чѣмъ полонену, говорилъ не даромъ древній пѣвецъ... Меньшинство, оставшееся въ живыхъ, уже не въ силахъ было помышлять о возстаніи: приходилось дрожать за жалкую жизнь, приходилось сживаться съ новыми условіями. Поколѣнія, смѣняя одно другое, возрастали и старѣлись въ этихъ условіяхъ. Измѣнялись понятія, измѣнялся строй общественной жизни и самый *народный характеръ*. Конечно, безъ колебанія не обходилось; старыя начала не разъ высказывались, но всегда были подавляемы и послѣ каждаго подавленія слабѣли и таяли. Вѣча умолкли. Только въ Новгородѣ и Псковѣ долго еще раздавался ихъ звонъ, но и тамъ старыя жизненныя начала только прозябали, а уже не развивались, и не давали новыхъ формъ» [2]).

Таково было, по мнѣнію историка, настроеніе, въ которомъ съ тѣхъ поръ совершалась народная жизнь—складывались княжескія отношенія, бытъ и нравы народа. Изъ приведенныхъ образчиковъ лѣтописи и былины мы видѣли отголосокъ этого подавленнаго настроенія. Новые изслѣдователи съ большой вѣроятностью доказываютъ, что сказанія о гибели русскихъ богатырей относятся именно къ пораженію при Калкѣ (или къ обоимъ первымъ нашествіямъ): «сила нездѣшняя», о которой туманно говорятъ былины, была именно сила татарская; припомнимъ, что лѣтописное извѣстіе о первомъ нападеніи татаръ предполагаетъ въ нихъ именно тотъ миѳическій народъ, о которомъ разсказывалъ Меѳодій Патарскій: это былъ таинственный и страшный Гогъ и Магогъ, нечестивое племя, уцѣлѣвшее отъ пораженія Гедеономъ, а впослѣдствіи (по другому миѳическому преданію)

[1]) См. книгу генерала Иванина: „О военномъ искусствѣ и завоеваніяхъ монголо-татаръ и средне-азіатскихъ народовъ при Чингисъ-Ханѣ и Тамерланѣ“. Спб. 1875.

[2]) В. Евр. 1870, дек. стр. 496.

заключенное въ горахъ Александромъ Македонскимъ, откуда оно должно было выйти передъ скончаніемъ міра [1])...

Періодъ монгольскаго ига Костомаровъ дѣлитъ, по внутреннему состоянію Россіи, на двѣ половины: въ первой изъ нихъ, «земли» съ ихъ вѣчевымъ правомъ обращаются въ княжескія владѣнія, съ великимъ княземъ во главѣ, но всѣ въ полной зависимости отъ хана, «истиннаго собственника русской земли»; во-второй, власть великаго князя возрастаетъ, по мѣрѣ ослабленія власти ханской и, наконецъ, старѣйшій князь «замѣняетъ собою хана со всѣми его аттрибутами верховнаго государя и собственника русской земли» [2]). Тотъ и другой процессъ совершался именно въ силу тѣхъ условій, какія возникали съ татарскимъ владычествомъ. По завоеваніи, русская земля стала, въ глазахъ татаръ, «земля Батыева и Ханова»—такъ они и говорили это русскимъ князьямъ. Эта ханова земля должна была платить дань: сначала ее и собирали прямо татарскіе баскаки, потомъ сборъ ея отдавался на откупъ, затѣмъ къ концу XIII-го вѣка ее собирали и представляли уже сами князья, которые являлись отвѣтчиками за полноту взносовъ. Но тѣмъ самымъ князья пріобрѣтали безконтрольную власть надъ «землей», до которой ханамъ не было уже никакого дѣла и которая потеряла всякое политическое значеніе. Князь получалъ свое утвержденіе отъ хана, и это становилось единственнымъ источникомъ его власти. Для болѣе удобнаго надзора за страной, ханы воспользовались готовымъ обычаемъ—существованіемъ «великаго князя»; они подняли значеніе этого, прежде весьма неопредѣленнаго, сана, и такъ какъ въ ордѣ наиболѣе успѣвалъ тотъ, кто умѣлъ угождать и больше платилъ, то званіе великаго князя пріобрѣталось не какими-либо родовыми преданіями или мѣстными условіями, а личной ловкостью, искусствомъ устроивать свои дѣла въ ордѣ. Великокняжеское достоинство достается то одному, то другому княженію, и, наконецъ, утверждается за Москвой, потому что ея князья всего лучше умѣли ладить съ ханами, и разъ добившись выгоднаго положенія, съумѣли раздавить противниковъ и мало-по-малу забрать ихъ земли.

При новомъ порядкѣ вещей значеніе старой «земли», какъ

---

[1]) Въ Лаврент. лѣт. подъ 1096 г. (стр. 99, 107) и подъ 1223. О сказаніяхъ Меѳодія Патарскаго, у Сухомлинова, О древн. рус. лѣтописи, Спб. 1857. стр. 106—114. и Веселовскаго, „Опыты по исторіи развитія христіанской легенды" (I, Откровенія Меѳодія).

[2]) Подобный взглядъ принимается и Неволинымъ; см. Исторію россійск. гражд. закон., т. II, стр. 136 и слѣд.

политической силы, должно было неминуемо пасть. Князь, являясь довѣреннымъ и уполномоченнымъ хана, собирая для него дань, являлся въ землѣ полнымъ распорядителемъ и хозяиномъ; вѣче теряло всякій авторитетъ; отъ него уже не зависѣли больше ни выборъ князя, ни распоряженіе внутренними дѣлами. Попытки сопротивленія народа татарской власти кончались страшнымъ мщеніемъ, — татары приходили и разоряли землю; для князей становилось дѣломъ благоразумія жестокими мѣрами внушать населенію покорность, чтобы отвратить бóльшую бѣду и въ концѣ концовъ строгая, безконтрольная власть дѣлалась привычкой князя и принималась безропотно народомъ. Воспротивиться князю было нельзя: опорою его власти являлись татары. Вопросъ о политическомъ правѣ «земли» и вѣча устранялся: князья становились уже не только правителями, но настоящими владѣльцами, собственниками своихъ княженій, и во второмъ періодѣ ига дѣло шло уже только о томъ, кто изъ группы князей получитъ окончательно верхъ и расширитъ свою отчину до объединеннаго государства.

Это внутреннее состояніе русской жизни въ первомъ періодѣ ига Костомаровъ изображаетъ такимъ образомъ: «Князьямъ стали нужны татары, потому что, въ случаѣ столкновенія съ прежними вѣчевыми началами, могли подать имъ помощь противъ народа. Князья входили въ дружескія сношенія съ завоевателями, женились на ханскихъ дочеряхъ, служили ханамъ противъ ихъ непріятелей и испрашивали татарской помощи въ своихъ междоусобіяхъ. Въ Ордѣ все можно было купить, иногда и отъ всего откупиться... Бояре опирались на князя, какъ князь на Орду; какъ князь получалъ свое княжество отъ хана, такъ и владѣніе имѣніями бояръ обезпечивалось милостію князя; бояринъ пріучался въ случаѣ нужды ползать передъ княземъ, какъ князь передъ ханомъ, и за то могъ распоряжаться съ произволомъ надъ низшимъ или чернымъ народомъ... Послѣ нижегородскаго возмущенія, бывшій тогда въ Ордѣ нижегородскій князь воротился домой съ татарами и перебилъ «вѣчниковъ». Слово «вѣче» потеряло прежнее священное значеніе совѣщательнаго собранія свободной земли: оно стало синонимомъ скопища, заговора, бунта и слово «вѣчникъ» значило то же, что бунтовщикъ. Исчезло чувство свободы, чести, сознанія личнаго достоинства; раболѣпство предъ высшими, деспотизмъ надъ низшими — стали качествами русской души. Паденію свободнаго духа и отупѣнію народа способствовало то, что Русь постоянно была въ разореніи, нищетѣ и малолюдствѣ. Князья, сдѣлавшись государями своихъ волостей,

продолжали вести усобицы, но онѣ отзывались гораздо тяжелѣе для русскаго народа, чѣмъ въ прежнія времена, потому что у князей входило въ обычай приглашать татарскія полчища на земли своихъ противниковъ» [1])...

Московскіе князья выказали несомнѣнное искусство, когда въ этихъ условіяхъ умѣли привлечь къ себѣ ханскую милость и затѣмъ съ ея помощью сосредоточить въ своихъ рукахъ разными средствами большинство русскихъ княженій. Разъ основаніе было положено—обстоятельства благопріятствовали постепенному усиленію московскаго княжества. Сильное княженіе представляло наибольшую защиту для сословныхъ интересовъ, и Москва уже вскорѣ пріобрѣтаетъ важныхъ союзниковъ въ духовенствѣ и боярствѣ. Давно уже (именно въ изслѣдованія В. А. Милютина о церковныхъ имуществахъ, 1859—61) замѣчено было, что, принимая сторону московскаго княжества и доставляя ему все вліяніе своего авторитета, духовенство руководилось и своими собственными выгодами: въ московскомъ княжествѣ оно предвидѣло, и не безъ основанія, наиболѣе дѣйствительную защиту своихъ имущественныхъ интересовъ. Боярство еще сохраняло за собой старую свободу выбора князя, которому хотѣло служить; но и для него наиболѣе выгодна была служба у сильнаго князя; московскіе князья съ великой охотой принимали являвшихся бояръ, но затѣмъ, когда московское первенство было обезпечено, начинають все болѣе ограничивать боярское право отъѣзда, представляя его несправедливымъ и превратнымъ.—Сословіе крестьянское сначала сохраняло право перехода отъ одного землевладѣльца къ другому, но теперь это право стало подвергаться все большимъ стѣсненіямъ. Прежде всего князья отняли право перехода у крестьянъ, жившихъ на тяглыхъ княжескихъ земляхъ: въ тягло могли прибывать новые люди, но убывать не могли; давая грамоты на земли монастырямъ и частнымъ владѣльцамъ, князья ставили условіе, чтобъ на эти земли не принимались княжескіе тяглые люди; иногда запрещался переходъ и съ этихъ монастырскихъ или частныхъ владѣльческихъ земель,—такъ что еще во время существованія крестьянскихъ переходовъ, это право было уже отнято у извѣстныхъ разрядовъ крестьянъ и они были прикрѣплены къ землѣ, по закону и на дѣлѣ. Кромѣ этихъ прикрѣпленныхъ крестьянъ было много людей, уже совершенно лишенныхъ свободы: полные холопы (рожденные отъ рабовъ), люди купленные и люди кабальные (сами себя продавшіе въ кабалу),

[1]) Вѣстн. Евр. 1870, дек., стр. 501—502.

Церковь оказывала свое благотворное вліяніе, и многіе владѣльцы, для спасенія души, отпускали на волю своихъ рабовъ, но это мало помогало общему положенію вещей: «состояніе свободнаго человѣка,—говоритъ Костомаровъ,—нерѣдко было до того несносно, что онъ, для своего облегченія, шелъ въ рабство, и чувство свободы до такой степени изсякло, что отпущенные на волю пользовались милостію господина для того только, чтобы снова продать себя въ холопы».

Древніе города также не имѣли никакого самостоятельнаго значенія; новыя условія политической жизни подъ татарскимъ игомъ не оставляли имъ никакой возможности свободныхъ дѣйствій, такъ что князья оставались одни распорядителями народной судьбы, а подъ конецъ такимъ распорядителемъ былъ одинъ великій князь московскій [1]).

Таковы въ немногихъ словахъ условія, въ которыхъ, по мнѣнію Костомарова, совершалось развитіе московскаго единодержавія и которыя даны были единственно татарскимъ нашествіемъ. Этотъ взглядъ былъ радикально противоположенъ взгляду Соловьева.—Новые изслѣдователи уже не считаютъ возможнымъ принимать исключительный взглядъ Соловьева, обходятъ этнографическія соображенія г. Кавелина, и чаще примиряютъ обѣ точки зрѣнія: признавая, до извѣстной степени, тотъ элементъ органическаго развитія, на которомъ настаивалъ Соловьевъ, но болѣе или менѣе ограничивая размѣры татарскаго вліянія, указываемые Костомаровымъ, они прибавляютъ новыя объясненія. Такъ, напр., г. Загоскинъ въ своей «Исторіи русскаго права» [2]) даетъ особенное значеніе вліянію тѣхъ византійскихъ воззрѣній, которыя стали распространяться у насъ съ первыхъ вѣковъ христіанства: онѣ сказываются уже въ стремленіи князей къ единодержавію задолго до татаръ (напр., дѣятельность Андрея Боголюбскаго), а впослѣдствіи съ особенной силой заявлены были въ правленіе Ивана III послѣ брака его съ греческой царевной. Византія, по мнѣнію того же автора, является источникомъ, изъ котораго въ русскую жизнь приносима была издавна идея объ единодержавіи и царственной власти. Эта идея должна была бы развиваться и безъ вмѣшательства татаръ, хотя борьба княжеской власти противъ народной автономіи потребовала бы многихъ и тяжелыхъ жертвъ; но татарское иго играло здѣсь все-

[1]) О тяжести посадскаго тягла см. замѣчанія Дитятина: Устройство и управленіе городовъ Россіи, Спб. 1875, стр. 125—137.

[2]) Ист. права моск. государства. Казань, 1877, I, стр. 12 и слѣд.

таки значительную роль,—оно устранило, хотя съ другими тяжкими пожертвованіями, необходимость этой борьбы. Имѣя дѣло съ одними князьями, ставя ихъ однихъ отвѣтчиками за всю землю, татарское иго тѣмъ самымъ подавляло народную автономію, а вѣковая практика служенія князей ордѣ окончательно убила эту автономію. Подъ татарскимъ игомъ удѣльно-вѣчевая Русь преобразовалась въ самодержавное государство. Этому явленію содѣйствовали и другія причины, работавшія въ томъ же смыслѣ. Такова была (указываемая всѣми историками) ловкая изворотливость московскихъ князей; таково было содѣйствіе духовенства, руководившагося и теоретическими церковными воззрѣніями, и указаннымъ выше практическимъ разсчетомъ; таково было, наконецъ, содѣйствіе другихъ сословій—служилаго класса, котораго собственная выгода побуждала приставать къ сильнѣйшей сторонѣ и собирала именно около московскаго князя и, наконецъ, самихъ земщинъ, т.-е. городскихъ, посадскихъ и сельскихъ людей. Эти послѣдніе сами также поддерживали московское единодержавіе, какъ по разсчету, что ихъ интересы, страдавшіе въ въ княжескихъ междоусобіяхъ, могутъ быть ограждены только съ водвореніемъ мирнаго положенія вещей, т.-е. съ установленіемъ единой власти, такъ и въ надеждѣ на защиту отъ татарскихъ насилій и грабежа, которую они надѣялись найти въ московскомъ княженіи, наиболѣе безопасномъ отъ татарскаго разоренія; наконецъ, земскіе люди руководились стремленіемъ сохранить въ неприкосновенности національность и православную вѣру, какъ, напр., московская партія въ Новгородѣ, которая, опасаясь связей своихъ соотечественниковъ съ Литвою, предпочитала передаться московскому князю и тѣмъ много содѣйствовала покоренію Новгорода.

Таковы главныя мнѣнія, составившіяся въ нашей исторической литературѣ по чрезвычайно важному вопросу о характерѣ и размѣрахъ татарскаго ига [1]). Дальше мы возвратимся еще къ положенію вещей, сложившемуся въ московскомъ великомъ княжествѣ и царствѣ и остановимся пока въ частности на вопросѣ о татарскомъ вліяніи.

Обѣ крайнія точки зрѣнія, выше указанныя, представляютъ свои справедливыя стороны, но послѣдняя, намъ кажется, всетаки не нашла достаточнаго вниманія. Въ общихъ чертахъ ея

---

[1]) Укажемъ еще Сергѣевича: Лекціи и изслѣдованія. Спб. 1883, стр. 578 и далѣе. О взглядѣ Соловьева см. также въ статьѣ: „Соврем. состояніе русской исторіи, какъ науки", въ Моск. Обозр., 1859, кн. I, стр. 60—62, 95—96.

поправка, какую дѣлаютъ г. Загоскинъ и Сергѣевичъ, вѣрно совмѣщаетъ историческія обстоятельства московскаго объединенія; но дѣло въ томъ, что кромѣ явленій политическихъ здѣсь совершался поворотъ въ народномъ характерѣ, и нашими историками недостаточно оцѣнивается то общее нравственно-общественное настроеніе, которое, съ точки зрѣнія Костомарова, создано было въ русской жизни татарскимъ игомъ. Въ самомъ дѣлѣ очень вѣроятно, что первыя идеи о единодержавіи возникли въ древней Руси еще до татаръ: онѣ появляются такъ естественно при всякомъ возникновеніи государственныхъ организмовъ, такъ легко соединяются съ обычными побужденіями духа завоеванія и властолюбія у сильныхъ владѣтелей, что они и для древней Руси не представили бы ничего необыкновеннаго, особливо когда уже въ первые вѣка нашей исторіи къ нимъ присоединялось несомнѣнное чувство народнаго единства, отмѣченное начальнымъ лѣтописцемъ, который живо чувствовалъ единство «языка», и усиленное христіанскимъ сознаніемъ, которое рѣзко отдѣлило русскій народъ отъ «поганыхъ» сосѣдей. Но съ другой стороны то настроеніе народнаго духа, которое произведено было татарскимъ игомъ, было совершенно ново и столь исключительно и тяжело, что его нельзя не принять въ особенное соображеніе при оцѣнкѣ событій. Утверждаютъ, что татары имѣли значеніе въ нашихъ внутреннихъ дѣлахъ не больше половцевъ. Натянутость этого мнѣнія очевидна: никогда половцы не производили такого страшнаго разоренія всей русской земли; никогда князья, главы народа, не были ими поставлены въ такое рабское, унизительное положеніе; никогда народъ не подвергался оскорбительному перечисленію для чужеземной дани; никогда князья не имѣли такихъ безконтрольныхъ полномочій при сборѣ этой дани и не подавляли народныхъ учрежденій съ помощью «поганыхъ» полчищъ. Напротивъ, русская жизнь никогда раньше не испытывала такой матеріальной и нравственной тягости, какъ та, какая нанесена была татарами: это было не только матеріальное разореніе, которое одно въ состояніи было произвести упадокъ народнаго духа; это было еще униженіе и оскорбленіе нравственное и національное,—тѣ поганые, къ которымъ христіанскій народъ привыкалъ уже питать ненависть и пренебреженіе, на глазахъ у всего народа являлись полными хозяевами его земли и наглыми оскорбителями національнаго достоинства. Нѣтъ сомнѣнія, что отсюда, съ XIII-го вѣка, начинается извѣстное паденіе народнаго характера. Соловьевъ, какъ основаніе государства относитъ къ «внутреннимъ движе-

ніямъ» [1]), такъ и неблагопріятное состояніе нравовъ средняго періода приписываетъ «внутреннему болѣзненному переходу отъ одного порядка вещей къ другому» [2]),—какъ будто этотъ болѣзненный переходъ былъ въ самомъ дѣлѣ чисто внутреннимъ процессомъ, совсѣмъ независимымъ отъ вліянія внѣшнихъ обстоятельствъ. Но присутствіе послѣдняго во многихъ случаяхъ такъ явно, что нѣтъ возможности подвергать его сомнѣнію. Это вліяніе оказывало свое дѣйствіе и на отношенія государственныя, и на нравы. Хотя бы и было преувеличеніе въ мысли Костомарова, что московскій князь являлся простымъ замѣстителемъ хана, и получилъ *ту самую* власть, какая практиковалась Ордой, но несомнѣнно, что, не будь татаръ, московская власть сложилась бы въ другой оттѣнокъ; борьба единовластія съ вѣчевыми учрежденіями, вѣроятно, также кончилась бы упадкомъ послѣднихъ, но безъ вмѣшательства посторонняго насилія вѣчевые нравы и дружинно-боярскіе обычаи отозвались бы, напр., въ извѣстной долѣ общественнаго самоуправленія; теперь эта народная старина разрушалась просто насиліемъ чужихъ варваровъ и въ новой центральной власти не могли не отравиться свойства той власти ордынской, которая являлась практическимъ образцомъ новаго веденія дѣлъ. Указываютъ обыкновенно, что татары потому уже не могли оказывать вліянія на русскую жизнь, что были дикой ордой, когда Русь имѣла уже значительные задатки цивилизаціи; но страшное разореніе не только истребило много плодовъ этой цивилизаціи, но тѣмъ самымъ понизило и цѣлый уровень просвѣщенія, ослабило его инстинкты и уменьшило средства; вліяніе татаръ не могло подѣйствовать на содержаніе нашего просвѣщенія, но имѣло большую силу отрицательную, разрушающую и подавляющую. Это вѣрно замѣчалъ еще Карамзинъ, и позднѣйшіе историки не приблизились къ истинѣ, когда упустили изъ виду эту отрицательную сторону вліянія татарскаго ига. Карамзинъ, разсуждая объ этомъ, не задавался никакими предвзятыми теоріями и живѣе принялъ историческое впечатлѣніе. Съ нашествіемъ татаръ, въ Россіи наступилъ «новый порядокъ вещей, *горестный для человѣчества*»; владычество татаръ представляется ему національнымъ бѣдствіемъ, которое и оставило свои слѣды: «внутренній государственный порядокъ измѣнился: все, что имѣло видъ свободы и древнихъ гражданскихъ правъ, стѣснилось, исчезало. Князья, смиренные

[1]) Исторія Россіи, IV, изд. 2-е, стр. 189 и др.
[2]) Тамъ же, стр. 370.

пресмыкаясь въ ордѣ, *возвращались* оттуда *грозными властелинами*: ибо повелѣвали именемъ царя верховнаго... умолкъ вѣчевый колоколъ, столь часто мятежный, но любезный потомству славяноросcовъ... надлежало или повиноваться государю, или быть измѣнникомъ, бунтовщикомъ: не оставалось средины и никакого законнаго способа противиться князю. Однимъ словомъ, рождалось самодержавіе» [1]), и пр. Это—тотъ же взглядъ, который въ болѣе полной аргументаціи является у Костомарова и который гораздо ближе къ исторической дѣйствительности, чѣмъ взглядъ, настаивающій на мнимомъ исключительно органическомъ развитіи новаго положенія вещей. Государственный порядокъ средняго періода совершенно не похожъ на политическій бытъ древности, и въ самыхъ нравахъ народа появляются черты видимо новаго происхожденія, источникомъ которыхъ было татарское вліяніе, или отрицательное, какъ слѣдствіе подавленности народной жизни, или положительное, какъ заимствованіе у татаръ.

Къ сожалѣнію, этотъ вопросъ о судьбѣ народнаго быта и нравовъ въ эту эпоху не вызвалъ доселѣ спеціальнаго изысканія, которое, однако, было бы исполнено величайшаго интереса. Татарская эпоха именно положила замѣтную грань въ складѣ самого народнаго характера. Къ концу вѣковъ рабства народъ утратилъ прежніе инстинкты свободы, и его суевѣрная покорность пріобрѣтаетъ несомнѣнно восточный, фаталистическій оттѣнокъ, который бросается въ глаза, если сравнить его съ характеромъ старыхъ временъ или даже другихъ оттѣнковъ русскаго племени.

При недостаткѣ частныхъ изслѣдованій еще трудно нарисовать картину этого измѣненія въ народныхъ нравахъ, и мы ограничимся немногими указаніями. Начать съ того, что разстояніе между восточнымъ бытомъ завоевателей и бытомъ покоренныхъ, не было непереходимой пропастью, устраняющей возможность вліянія первыхъ. Мы упоминали выше, что, напр., военное искусство монголовъ и татаръ представляло по времени значительную степень совершенства; они имѣли также немалую промышленную и торговую культуру: уже вскорѣ послѣ покоренія Руси они осѣдаютъ въ постоянныхъ жилищахъ, и въ ордынской столицѣ собираются промышленныя богатства востока; въ татарской столицѣ находитъ себѣ мѣсто христіанство, которое пріобрѣтаетъ послѣдователей даже въ ханской семьѣ и русская церковь еще въ вѣка рабства причисляетъ къ лику святыхъ ордынскаго царевича; въ развалинахъ татарскихъ столицъ (донынѣ

---

[1]) Истор. Госуд. Рос., т. V, гл. IV.

еще не вполнѣ изслѣдованныхъ) сохранились остатки обширныхъ каменныхъ построекъ и т. п. Русскіе князья роднились съ ханами и, вѣроятно, уже съ этихъ поръ, съ конца XIII и начала XIV вѣка, начинается проникновеніе татарской стихіи въ среду высшихъ классовъ, которая приняла такіе обширные размѣры къ концу ига и въ XVI столѣтіи, когда цѣлая масса татарскихъ князей и мурзъ, не только крещеныхъ, но и не крещеныхъ (и крестившихся только впослѣдствіи), входила въ русское боярство и служилое сословіе. Можно предполагать a priori, и историческіе факты подтверждають, что вступленіе этой стихіи не осталось безразлично, что напротивъ она вносила съ собой болѣе низкій уровень общественныхъ нравовъ и понятій (вспомнимъ дѣянія татарскаго придворнаго вельможества временъ Грознаго)... Надо думать,—и это опять вопросъ почти совсѣмъ нетронутый,— что подобнымъ образомъ со временъ ига, и опять особливо послѣ его сверженія, восточная этнологическая стихія входитъ и въ народную массу. Нѣкоторые успѣхи христіанской проповѣди были успѣхами обрусѣнія; но и независимо отъ того, распространеніе русскихъ поселеній въ татарскихъ краяхъ въ Поволжьѣ приводило, безъ сомнѣнія, къ племенному взаимодѣйствію, которое не осталось безъ вліянія на мѣстный русскій типъ, физическій и нравственный. Восточное сосѣдство оставило несомнѣнный донынѣ слѣдъ на казачествѣ — донскомъ, уральскомъ, сибирскомъ и нѣкогда—запорожскомъ. Выше мы указывали на первое возникновеніе этихъ тюркскихъ вліяній на русскомъ югѣ еще въ древнемъ періодѣ; они продолжались въ южномъ казачествѣ, когда торковъ и половцевъ смѣнили татары золотой, крымской и ногайской орды. На нашемъ востокѣ надо также предположить нѣчто подобное, — хотя вопросъ о племенномъ взаимодѣйствіи въ этихъ краяхъ остается пока очень мало разработаннымъ. Какъ мѣста прежнихъ поселеній финскаго племени къ сѣверу и юго-востоку отъ Москвы донынѣ сохранили много финскихъ топографическихъ названій, такъ средняя и нижняя Волга переполнены мѣстными названіями татарскими.

Любопытнымъ свидѣтельствомъ восточныхъ связей — въ особенности съ татарами, и также съ другими народами, особенно чрезъ ихъ посредство—остались многочисленныя восточныя, особливо татарскія слова, вошедшія въ русскій языкъ со времени татарскаго ига. Присутствіе ихъ замѣчено давно, но наши историки придавали ему мало значенія [1]). Дѣйствительно, народ-

[1]) „Въ языкѣ нашемъ, — говоритъ Карамзинъ, — довольно словъ восточныхъ: не ихъ находимъ и въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ; а нѣкоторыя особенно ...

гражданскій не могъ многому научаться отъ народа кочующаго; но у самихъ русскихъ простой бытъ въ тѣ вѣка стоялъ не высоко, и при этомъ невысокомъ уровнѣ заимствованія у татаръ были возможны, и дѣйствительно происходили—въ бытовомъ обиходѣ и нравахъ. Эти заимствованія не были многочисленны, но не лишены историческаго интереса.

Восточныя слова въ русскомъ языкѣ начинаютъ появляться уже съ древняго періода. Это были частію слова арійскія (иранскія), а въ особенности тюркскія — приходившія отъ южныхъ тюркскихъ кочевниковъ; но главнымъ образомъ они заимствованы были въ среднемъ періодѣ отъ татаръ или отъ другихъ восточныхъ народовъ черезъ татарское посредство (таковы слова монгольскія, персидскія, арабскія). Какъ мы сказали, объемъ этихъ словъ заключается въ бытовомъ обиходѣ и восточныя заимствованія русскаго языка были довольно широкія и своеобразныя [1]). Остановимся на нѣсколькихъ примѣрахъ, относящихся большею частью именно къ среднему періоду.

Таковы названія тканей, особливо драгоцѣнныхъ, которыя шли на одежды царей и бояръ и вообще людей богатыхъ: *алтабасъ*, ткань по золотной или серебряной землѣ съ узорами (названіе арабское или тюркское); *зарбафъ*, золотная или серебряная ткань съ узорами, или парча (персидское); *камка*, шелковая, цвѣтная ткань (слово персидское или арабское); *кармазинъ*, ткань темно-краснаго цвѣта (араб.); *кутня*, ткань изъ шелка и бумаги (араб.); *объяръ*, плотная шелковая волнистая ткань съ золотыми и серебряными струями и узорами (перс.); *тафта*, шелковая ткань (перс.). Изъ болѣе простыхъ матерій: *бязь*, бумажная ткань

быть заимствованы нами отъ козаровъ, печенѣговъ, ясовъ, половцевъ, даже отъ сарматовъ и скиѳовъ: напрасно считаютъ оныя татарскими, коихъ едва ли отыщется 40 или 50 въ словарѣ россійскомъ. Новыя понятія, новыя вещи требуютъ новыхъ словъ: что народъ гражданскій могъ узнать отъ кочующаго?" Исторія госуд. росс., т. V, глава IV. Подобнымъ образомъ говоритъ Кавелинъ, „Мысли и замѣтки о русской исторіи", „Вѣстн. Евр.", 1866, т. II, стр. 355—356.

[1]) Наши ученые давно обращали на нихъ вниманіе и давали объясненія восточнымъ словамъ русскаго языка. Укажемъ, кромѣ старыхъ, многочисленные опыты этого рода, сдѣланные В. Григорьевымъ, Березинымъ, Казембекомъ, П. Я. Петровымъ (у двухъ послѣднихъ часто очень странные) въ „Извѣстіяхъ" II Отд. Акад. Наукъ, т. I—II; далѣе, очень обстоятельныя объясненія собраны въ книгѣ Савваитова: „Описаніе старинныхъ царскихъ утварей, одеждъ, оружія, ратныхъ доспѣховъ и конскаго прибора, извлеченное изъ рукописей архива московской оружейной палаты". Спб. 1865. См. еще статью: „О вліяніи монгольскаго владычества на древнее русское вооруженіе", Н. Бранденбурга, въ „Оружейномъ Сборникѣ". Спб. 1871, особливо двѣ послѣднія статьи, № 3—4; наконецъ старыя сочиненія Вельтмана, Висковатова и проч.

(названіе татарское); *зуфь*, шерстяная ткань (араб.). Вѣроятно съ востока шла и *куфтерь*, родъ камки.

Въ старыхъ описяхъ царскихъ одѣяній встрѣчаемъ слѣдующіе предметы, которые частію были и въ общенародномъ употребленіи: *армякъ* (татарское); *емурлукъ*, дождевая одежда (тат.); *зипунъ*, у царей узкая комнатная одежда въ родѣ кафтана, на которую надѣвали верхній кафтанъ или ферязь (тат.); *кафтанъ*, между прочимъ «турскій» (тюрк.); *сарафанъ* (перс.); *терликъ*, узкій кафтанъ съ короткими рукавами (тат.); *ферязь*, верхняя длинная комнатная одежда, безъ перехвата и воротника, съ длинными съуживающимися къ запястью рукавами, застегивалась пуговицами съ длинными петлицами, или завязками, — теплая и холодная, мужская и женская (тюрк.). Кромѣ того, въ народномъ употребленіи остаются: *жупанъ* или *чепанъ* (тат., изъ перс.), *азямъ* (тюрк. и перс.), *чекмень* (перс.), *шаровары* (перс.), *бешметъ*, *ергакъ* (тат.) и друг. Для головного убора служили, между прочимъ: *колпакъ*, шапка и шлемъ (тат.) и *тафья*, родъ скуфьи, шапочка, закрывающая плотно макушку головы и которая дѣлалась изъ сафьяна, сукна, атласа, тафты, бархата, парчи, украшалась золотомъ, серебромъ, жемчугомъ, драгоцѣнными каменьями (тат. «такія», «тюбатай»,—что называется по просту «тюбетейка»). Въ простонародномъ употребленіи донынѣ извѣстенъ *малахай*, шапка съ наушниками (тат.). Для обуви служили: *башмаки* (тюрк.); *ичеготы* (ичитыги, теперь сокращенно: ичиги), сафьянные мягкіе сапоги, какъ донынѣ носятъ татары, всегда съ калошами-башмаками (тат.). Въ числѣ принадлежностей одежды: *аламъ*, накладное ожерелье (названіе, вѣроятно, татарское); *кушакъ* (тюрк.); *татауръ*, ременный поясъ съ металлическими наконечниками (монг.); *капторга*, металлическое украшеніе у пояса (калм.); и вѣроятно также восточный *тузлукъ*, такое же украшеніе; *фараузъ*, оборка (перс.). Арабскимъ словомъ объясняется *фата*, женское покрывало [1]); далѣе, донынѣ употребляемый *гайтанъ*, снурокъ для шейнаго креста (слово тюркское); наконецъ даже *калита*, мѣшокъ, привязываемый на поясѣ, тюркское слово, послужившее прозваніемъ для московскаго князя Ивана Даниловича.

Далѣе, въ числѣ царскихъ вещей (и въ дѣйствительномъ вооруженіи стараго русскаго войска) мы находимъ такіе предметы: *байдана*, доспѣхъ въ видѣ рубахи, кольчуга (названіе

---

[1]) По другимъ, это слово—скандинавское; см. Грота, Филол. Разысканія, изд. 2-е. Спб. 1876, II, 325.

арабское); *бахтерецъ*, доспѣхъ изъ металлическихъ пластинокъ (монг., перс.); *куякъ*, досчатый металлическій доспѣхъ на бархатѣ, сукнѣ и пр. (монг.), *юмшанъ* или юшманъ, родъ брони (тат.); названія шлемовъ: *ерихонка, мисюрка*, объясняемыя восточными словами; *еловъ, еловецъ*, значекъ на вершинѣ шлема (тат.); *кончаръ*, родъ кинжала (ханджаръ, тат.); *саадакъ*, сагайдакъ, сагодакъ, сайдакъ—полный приборъ вооруженія конныхъ воиновъ лукомъ и стрѣлами (монг., тат.); *тохтуй*, тоже что саадакъ (монг.); *арчакъ*, сѣдельный приборъ (тат.); *буздыханъ*, родъ булавы (тюрко-тат.); далѣе: *набатъ*, огромный мѣдный барабанъ, который помѣщался на помостѣ, везомомъ четырьмя лошадьми въ рядъ (араб.); самый *барабанъ* (перс.); *тулумбасъ*, небольшой бубенъ (тюрк.); *накры*, родъ литавръ (перс.),—люди, ударявшіе въ нихъ, назывались «накрачеи», слово, образованное по турецкой или татарской формѣ; *сурна*, зурна, узкая, прямая трубка съ загнутымъ въ сторону широкимъ раструбомъ, —игравшій на ней назывался зурначей (слово, извѣстное монголамъ, тюркамъ, персамъ, арабамъ). Далѣе, отъ монголовъ и татаръ взяты слова: *хомутъ*, *чепракъ*, *вьюкъ* и др.

Предметы вооруженія, извѣстные ранѣе, какъ луки и стрѣлы, сабли, ножи, сѣдла и проч. получаютъ теперь восточный фасонъ: луки были бухарскіе, крымскіе, черкасскіе, мешетцкіе [1]; сабли—турскія, кизылбашскія, т.-е. персидскія (и также угорскія, нѣмецкія); ножи—бухарскіе, турскіе (и также литовскіе); стрѣлы—черкасскія, кизылбашскія, крымскія, калмыцкія и по образцу монгольскому (*томара*—съ шишкой на концѣ вмѣсто острея); сѣдла—крымскаго, бухарскаго, арабскаго, турскаго, кизылбашскаго дѣла. Извѣстны, наконецъ, слова, удержавшіяся донынѣ въ казацкомъ войскѣ; *кошъ*, *кошевой* атаманъ, *есаулъ* (тат.: уставщикъ); *бунчукъ*; въ старомъ языкѣ: *ясырь*, плѣнникъ (перс., тюрк.); общеупотребительное: *караулъ*, стража, дозоръ (тюрк.), и друг. Заимствовалось даже огнестрѣльное оружіе, какъ показываетъ слово *тюфякъ* (туфякъ, съ тюрк. туфенкъ, ружье), орудіе, изъ котораго стрѣляли дробомъ, т.-е. по нынѣшнему картечью, и которое упоминается еще въ концѣ XIV столѣтія.

Затѣмъ, восточныя, особенно татарскія слова были заимствованы въ другой области, торговой и бытовой. Мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ словъ для обозначенія торга, денегъ, почты,

---

[1]) По объясненію г. Саввантова—мцхетскіе (въ Грузіи), но вѣрнѣе просто по городу Мешеду, въ Персіи.

построекъ, бытовыхъ предметовъ: *базаръ* (перс.), *казна* (араб. хазине, хазне), *товаръ* (тюрк., домашній скотъ, товаръ), *сарай* (перс., хоромина, дворецъ), *амбаръ* (араб., перс.), *чердакъ* (перс.), *майданъ* (араб., площадь), *киса* (перс., мѣшокъ), *контарь* (араб., тюрко-тат., вѣсъ въ 120 фунтовъ), *магарычъ* (араб. махариджъ, «издержки»), *тамга* (пошлина), *алтынъ* (тюрк., золото), *деньга*, *пай* (тюрко-тат., часть, доля), *толмачъ* (монг., тюрк., глашатай, переводчикъ), *тарханъ* (перс., освобожденный отъ уплаты податей), и др. Отъ татаръ перешли названія огородныхъ растеній: *арбузъ* (тат. харпузъ), *кавунъ* (тюрк.), самая *бакча* (перс. и тат.), *чигирь* (въ областномъ языкѣ, колодезь съ подъемнымъ колесомъ и проведенными отъ него жолобами для поливанія садовъ); названіе яствъ: *саламата* (монг., тат.), *левашникъ* (перс., тюрк. левашъ, «блинъ») и под. Наконецъ, слова бытовыя: *ханжа* (отъ араб. хаджи), *каштанъ* (тюрк. тат., ябедникъ, клеветникъ; въ областномъ языкѣ синонимъ міроѣда); *якшаться* (отъ тюрк. яхши, хорошо); мы упоминали раньше о словѣ *богатырь* (тат. багадыръ, «храбрецъ, силачъ»); иные полагаютъ, что самое слово *артель*, обозначающее столь характерный обычай общинности, происходитъ отъ тюркскаго: орта, «община», и т. д. Наконецъ, рядъ другихъ словъ, какъ *арканъ*, *буранъ*, *буеракъ*, *басма* и проч. Въ областномъ приволжскомъ и уральскомъ народномъ языкѣ обращается донынѣ немало татарскихъ словъ и выраженій, сохраняемыхъ близкимъ сосѣдствомъ съ восточными инородцами.

Такимъ образомъ, слова, вошедшія къ намъ съ востока, и особливо отъ татаръ и черезъ нихъ, представляютъ не случайное заимствованіе безразличныхъ предметовъ, а напротивъ рисуютъ весьма опредѣленныя бытовыя связи, гдѣ народъ кочующій въ состояніи былъ передать народу гражданскому многія немаловажныя знанія, обычаи и предметы. Дѣло въ томъ, что татары со времени покоренія Руси переставали быть народомъ кочевымъ; у нихъ складывалась своеобразная культура (та самая, которая продолжалась потомъ у тюркскихъ народовъ средней Азіи), шла обширная торговля, развивалась восточная роскошь и служившіе ей промыслы и т. д. Когда, напротивъ, въ русскомъ быту наступилъ перерывъ или во всякомъ случаѣ ослабленіе связей съ европейскимъ югомъ и западомъ, когда самая Византія подпала игу турецкому, когда Крымъ былъ занятъ татарскою ордою, то открылся притокъ восточныхъ заимствованій, очень сильный во время ига и, повидимому, продолжавшійся послѣ его паденія и завоеванія татарскихъ царствъ: мы вспоминали, что

татарскіе вельможи еще во времена ордынской силы выѣзжали на житье въ Россію, а теперь тѣмъ болѣе спѣшили на службу къ побѣдителю, чтобы сохранить свое значеніе, и на первый разъ вносили въ русскую среду цѣликомъ свои татарскіе нравы и обычаи. Эти обычаи до того прививались къ русскому быту, что мы находимъ ихъ при самомъ царскомъ дворѣ. Царская обстановка XVI—XVII вѣка была исполнена именно восточной роскоши, царь былъ одѣтъ на полу-византійскій, полу-азіатскій ладъ, надѣвалъ турскія, бухарскія, черкасскія одежды, вооруженія и украшенія; дворцовый распорядокъ напоминалъ обычаи восточнаго деспотизма и обрядности. Начало этихъ татарскихъ вліяній восходитъ ко временамъ ига. Припомнимъ, что когда великій князь Василій Васильевичъ (Темный) захваченъ былъ своими противниками, княземъ Шемякой и князьями тверскимъ и можайскимъ, противъ него было поставлено такое характеристическое обвиненіе: «чему еси татаръ привелъ на рускую землю и городы далъ еси имъ и волости подавалъ еси въ кормленіе? а *татаръ любишь и рѣчь ихъ паче мѣры* (!), а крестьянъ томишь паче мѣры безъ милости, а злато и сребро и имѣніе даешь татаромъ» [1]).

Трудно услѣдить, какъ восточная складка проникала въ русскій обычай, но любопытно, напримѣръ, что наконецъ сама церковь сочла нужнымъ вооружиться противъ тѣхъ, которые даже въ церковь приходили въ шапкахъ и тафьяхъ, т.-е. въ татарскихъ тюбетейкахъ [2]).

Въ прежнее время не разъ поднимался вопросъ о происхожденіи *терема*, введеніе котораго приписывалось также татарскому вліянію. Извѣстно теперь, что самое слово является задолго до татаръ и происходитъ, вѣроятно, отъ слова греческаго; но обычай заключенія женщинъ развился несомнѣнно подъ прямымъ или косвеннымъ вліяніемъ ига. Съ одной стороны это было естественное охраненіе дома въ пору крайняго упадка общественной безопасности; но съ другой стороны обычай могъ

---

[1]) Новгор. лѣт. подъ 1447. Собр. Лѣт. IV, стр. 125.

[2]) Правило 39-е Стоглаваго собора „о тафьяхъ безбожнаго Махмета“:.. „стояли бы на молитвѣ со страхомъ и трепетомъ откровенною главою, по божественному апостолу, а тафей бы отнюдь на главы въ церкви не клали, и попраны бы были тафьи до конца, зане чуже есть православнымъ таковая носити, то—преданіе проклятаго и безбожнаго Махмета; о таковыхъ бо священныя правила возбраняютъ и не повелѣваютъ православныхъ поганскихъ обычаевъ вводити“ и пр. Эта статья часто встрѣчается отдѣльно въ сборникахъ. безъ сомнѣнія потому, что обычай вызывалъ къ ея напоминанію.

проникать съ востока такимъ же образомъ, какъ привилось много другихъ бытовыхъ привычекъ [1]). Настоящее затворничество было, конечно, возможно только для людей богатыхъ, и размѣры его, описываемые Котошихинымъ и извѣстные также по затворничеству женщинъ царской семьи, едва ли могутъ быть объяснены русской стариной [2]).

XII.

Возвращаемся къ вопросу о московскомъ единодержавіи.

Опредѣленіе его, какъ мы видѣли, связано съ пониманіемъ вопроса о татарскомъ вліяніи. Чѣмъ сильнѣе допускается это послѣднее, тѣмъ больше признается присутствіе въ московскомъ государственномъ характерѣ чуждаго азіатскаго элемента; чѣмъ ниже оцѣнивается татарское вліяніе, тѣмъ больше московскій періодъ признается самостоятельнымъ порожденіемъ русской жизни, вышедшимъ изъ чисто народнаго источника. Не вдаваясь въ подробности, довольно указать образчики послѣдняго взгляда у трехъ замѣчательныхъ изслѣдователей нашей старой исторіи— Соловьева, Кавелина, Забѣлина. Первый выводилъ развитіе великокняжеской московской власти изъ естественнаго органическаго развитія между-княжескихъ отношеній. Послѣдніе прибавляютъ къ тому въ особенности народный взглядъ на власть, перенесенный отъ частнаго быта и развитый въ представленіе о государѣ, какъ высшемъ и единственномъ хозяинѣ и распорядителѣ [3]).

Первобытный начальный типъ осѣдлаго общежитія, домъ или дворъ,—говоритъ Кавелинъ,—лежитъ въ основѣ великорусской общественности до самаго Петра Великаго. Гдѣ было завоева-

[1]) Ссылка на свидѣтельство Ибнъ-Батуты объ отсутствіи затворничества женщинъ у татаръ (Б.-Рюминъ, Р. Ист. стр. 279 второй пагинаціи) опровергается указаніями Герберштейна: „женщины (у татаръ) покрываютъ головы льнянымъ покрываломъ...; ихъ царицы обыкновенно закрываютъ лицо, выходя въ публику“ и извѣстнымъ мусульманскимъ обычаемъ.

[2]) Вопросъ о ближайшемъ вліяніи татарскаго ига на старое русское право остается едва поставленнымъ. Ср. напр. изслѣдованіе г. Леонтовича: „Къ исторіи права русскихъ инородцевъ“ и пр. Одесса, 1879; критическую статью о немъ г. Владимірскаго-Буданова, въ кіевскихъ „Университ. Извѣстіяхъ“ 1879, и наконецъ книжку г. Голстунскаго: „Монголо-ойратскіе законы 1640 года“ и проч. Спб. 1880.

[3]) См. Кавелина, „Мысли и замѣтки“, стр. 361 и слѣд.; Забѣлина, „Домашній бытъ русскихъ царей“. М. 1862, стр. 1—14; его же „Опыты изученія рус. древностей и исторіи“. М. 1873, ч. II, стр. 40—47; „召Мининъ и Пожарскій“, М. 1883, стр. 3 и далѣе; и друг.

ніе и являлась отдѣльная отъ народа дружина, тамъ образовывалась аристократія; гдѣ въ городахъ развивалась сильная промышленность и торговля, тамъ являлась крѣпкая муниципальная свобода; у насъ не было ни того, ни другого, народъ слагался изъ своихъ первобытныхъ племенъ, не имѣлъ образованности, и формы общежитія сложились изъ первобытнаго типа дома или двора.—Такъ это было въ Великороссіи, т.-е. сѣверо-восточномъ краѣ русской земли и народа, которую г. Кавелинъ выдѣляетъ въ особую племенную группу, ставшую затѣмъ центромъ національнаго развитія: отсюда упомянутыя бытовыя начала возобладали впослѣдствіи на всемъ пространствѣ русской земли. Въ той соціальной единицѣ, какую представлялъ домъ или дворъ, заключались уже, какъ въ зародышѣ, всѣ элементы послѣдующихъ общественныхъ отношеній: и семья, и рабство, и гражданское общество, и государство. Когда на великорусскую почву занесены были переселенцами западно-русскія представленія о княжеской власти и дружинныхъ отношеніяхъ, эти представленія уже вскорѣ стали переработываться на велико-русскій ладъ. «Княжеская дружина преобразуется въ княжескій дворъ, который состоитъ изъ князя, членовъ его семьи и дворянъ, слугъ княжихъ. Княжество принадлежитъ князю, есть его наслѣдственный удѣлъ; князь—дѣдичъ и отчичъ княженія. Типъ этотъ лежитъ и въ основаніи московскаго государства: онъ только раздвинулся, принялъ громадные размѣры. Точно такъ же, какъ прежде князь, такъ теперь московскій государь есть отчичъ и дѣдичъ московскаго государства. Царскій домъ или дворъ состоитъ изъ членовъ царскаго семейства. Слуги царя или холопи окружаютъ его, нисходя по степенямъ, отъ высшихъ, приближенныхъ, до низшихъ. Прибавляется только къ прежнимъ составнымъ элементамъ двора или дома—народъ, «сироты царскія», т.-е. состоящіе подъ защитой, охраной и попеченіемъ государя» [1]). Переходъ отъ удѣльной системы къ государственному единству былъ, въ государственной сферѣ, возвращеніемъ къ первоначальному типу дома или двора. Во время удѣловъ княжества стали имуществомъ князей; съ Дмитрія Донского начинаетъ вырабатываться представленіе о государственномъ единствѣ, и съ Ивана III всѣ владѣнія, за исключеніемъ ничтожныхъ удѣловъ, переходятъ въ руки великаго князя, т.-е. великорусскій бытовой типъ возстановляется во всей своей первоначальной чистотѣ и остается господствующимъ до Петра Великаго. Новый порядокъ представ-

---

[1]) Мысли и замѣтки, стр. 363—364

лялъ уже громадную разницу сравнительно съ прежнимъ. «Западно-русскій великій князь есть старшій изъ князей, глава княжескаго рода; въ Великороссіи онъ перерождается въ территоріальнаго владѣльца. Великое княженіе, изъ власти, становится областью. При помощи великаго княженія, старшій, великій князь дѣлается матеріально сильнѣе прочихъ князей и это, мало-по-малу, ведетъ къ объединенію всей Великороссіи, подъ властію великокняжескаго двора или дома. Иванъ III усвоиваетъ туземному, великорусскому типу внѣшнія формы византійской царской власти. Такимъ образомъ, западно-русская форма замѣнилась иною, греческой; но самый типъ власти, въ сущности, остался тотъ же самый, какимъ былъ и вытекалъ изъ самыхъ основъ великорусской жизни» [1]).

Г. Забѣлинъ указываетъ на то же бытовое воззрѣніе о домѣ и власти домохозяина, который былъ уже «государемъ»,—какъ на источникъ понятія о государственной власти, возобладавшаго въ московскій періодъ. Существенная разница со взглядомъ г. Кавелина въ томъ, что г. Забѣлинъ не считаетъ этого воззрѣнія исключительной принадлежностью одного великорусскаго племени, а напротивъ считаетъ его взглядомъ всей древней русской жизни вообще. Такимъ же государемъ, какъ князь, могъ быть и городъ, когда на немъ сосредоточивалось значеніе хозяина. Таковъ былъ Новгородъ, который былъ «господиномъ» самому себѣ; Новгородъ былъ собирательный и притомъ аристократическій типъ «государя», когда московскій князь былъ типъ единичный, такъ что борьба Новгорода съ Москвою была въ этомъ смыслѣ какъ бы споромъ двухъ типовъ одного начала, а не споромъ двухъ совершенно разнородныхъ принциповъ. Московскій типъ одержалъ верхъ; онъ стремился распространиться на всю русскую землю и успѣлъ въ этомъ, и типъ единичный съ органической постепенностью переходитъ въ политическій, государственный въ нынѣшнемъ значеніи слова. Г. Забѣлинъ отвергаетъ въ образованіи этого государственнаго типа всякое чужое вліяніе и татарское и византійское: первое было только случайнымъ обстоятельствомъ, благопріятнымъ для совершенія процесса; второе было также внѣшнее и книжное и ничего не измѣняло въ ходѣ вещей. «Кто дѣйствительно всматривался въ стихіи народной жизни, — говоритъ Забѣлинъ, — и кто знакомъ съ тою упругостью, которою отличается вообще всякая народность въ отношеніи принятія чуждыхъ элементовъ, тотъ едва ли согла-

1) Тамъ же, стр. 364—365.

сится съ мнѣніемъ о татарскомъ или византійскомъ вліяніи и съ отрицаніемъ туземнаго происхожденія этого государственнаго типа... Притомъ, заимствованныя формы недолговѣчны и никогда не бываютъ крѣпки, особенно, если онѣ не соотвѣтствуютъ народнымъ элементамъ, какъ многіе думаютъ, говоря объ историческомъ значеніи Москвы. Нѣтъ, типъ государя, вотчинника и хозяина, есть типъ туземный, сложившійся органически, самъ собою, изъ готовыхъ элементовъ народной жизни; онъ существовалъ сначала въ частномъ быту, а потомъ, развившись въ политическое тѣло, охватилъ бытъ всего народа, ставъ его вершиною. Не должно забывать, что никакой другой оболочки не можетъ создать себѣ народный духъ, какъ именно такую, какая у него существуетъ и какая, слѣдовательно, отвѣчаетъ требованіямъ его природы и свойству его силъ. Все, что̀ совершается въ механизмѣ этой оболочки, въ механизмѣ государства, все есть только продуктъ или потребность тѣхъ силъ и элементовъ, которые господствуютъ въ самой жизни народа. Все несродное этимъ элементамъ тотчасъ же извергается или остается бездѣйствующимъ, не входитъ въ жизненное кругообращеніе организма и умираетъ» [1]). Когда наконецъ, въ московскомъ царствѣ этотъ государственный типъ вполнѣ сформировался, московскій царь остался тѣмъ же типическимъ «господаремъ», хозяиномъ. «Это былъ помѣщикъ съ широкими царственными размѣрами жизни, которые явились почти незамѣтно, сами собою, какъ необходимое, совершенно неизбѣжное условіе новыхъ политическихъ отношеній и потребностей... Эти новыя потребности и отношенія развились по преимуществу на почвѣ иноземныхъ сношеній, на почвѣ жизни съ сосѣдями. Дома въ отношеніи къ землѣ они никогда не могли бы выростн съ такою силою и въ такомъ просторѣ... Лишь для чужихъ только нужно было представлять это необыкновенное величіе сана, обставлять азіатскими декораціями, торжественностью, блескомъ, каждый шагъ, особенно въ пріемахъ и проводахъ иноземныхъ пословъ и гостей»... Напротивъ, дома, царскій бытъ «былъ простой деревенскій, слѣдовательно, чисто русскій бытъ, нисколько не отличавшійся въ основныхъ чертахъ отъ быта крестьянскаго, сохранявшій свято всѣ обычаи и преданья, весь строй и всѣ начала древней русской жизни... Сквозь великолѣпныя по-азіатски, ослѣплявшія блескомъ и богатствомъ, декораціи царственнаго сана, виднѣлась до крайности простая и наивная, общая всему народу, дѣйствительность, раз-

---

[1]) Опыты, II, стр. 45—47.

нявшая, въ этомъ смыслѣ, особу государя съ послѣднимъ *сиротою* его государства, т.-е. со всякимъ хозяиномъ-домовладыкой... Самая такъ-называемая государственная служба, въ простомъ смыслѣ, представляла только видъ службы вотчиннику, службы *лицу*, а не отвлеченному понятію отечества или государства. Быстрое развитіе вотчиннаго типа на московской почвѣ втянуло въ себя и древнее дружинное начало, пользовавшееся до того времени равнымъ правомъ самобытности и самостоятельности. Друзья-товарищи походовъ и думы очень скоро обратились въ *слугъ*, и имя *слуги* сдѣлалось самою высшею наградою за службу вообще»[1]. Общій составъ русскаго стараго общества составился изъ трехъ слоевъ населенія: духовенства, служилаго сословія и земскихъ людей. Они понимались съ государевой и государственной точки зрѣнія, и сами себя называли, одни—богомольцами, другіе—холопами, третьи—сиротами...

Мы укажемъ дальше, съ какимъ характеромъ представляется московское единодержавіе историкамъ другого взгляда, которымъ самое его происхожденіе является совсѣмъ въ другомъ видѣ. Замѣтимъ прежде всего, что теорія органическаго развитія изъ одного начала имѣетъ свои предѣлы, за которыми она становится произвольной натяжкой: какъ личность единичная выростаетъ не только въ силу своихъ врожденныхъ свойствъ, но и въ силу благопріятныхъ или неблагопріятныхъ воздѣйствій внѣшнихъ, отъ нея не зависящихъ, но потомъ получающихъ роль ея органическаго элемента, такъ и собирательная личность народа. Воздѣйствія Византіи и татарскаго ига, отвергаемыя, напр., г. Забѣлинымъ, принадлежали именно къ числу внѣшнихъ условій, дѣйствіе которыхъ было неизбѣжно. Татарское иго,—не говоря о томъ угнетенномъ состояніи народа, какое было имъ произведено и которое такъ способствовало нравственному упадку и порабощенію, — дало образчики власти абсолютной, безконтрольной, которая на самомъ фактѣ отражалась во власти князей, дѣйствовавшихъ авторитетомъ хановъ, и нерѣдко ихъ войскомъ; а впослѣдствіи эта власть возвеличена была представленіями о царѣ византійскомъ, о томъ, что Москва осталась преемницей павшей Византіи, третьимъ Римомъ (за которымъ четвертаго уже не будетъ), наконецъ понятіемъ объ исхожденіи власти изъ божественнаго установленія. При всей отрывочности лѣтописныхъ разсказовъ ясно, что люди того времени не были слѣпы къ фактамъ, которыми проявлялось уси-

---

[1] Домашній бытъ царей, ч. I, стр. 9—11.

леніе московскаго единовластія: они вѣрно чувствовали, что въ этихъ фактахъ являлся новый элементъ, а не развивалось старое начало... Другая ошибка, проистекающая отъ усиленнаго старанія объяснять исторію органически, заключается въ томъ, что подъ извѣстное явленіе, считаемое органическимъ, натягивается и прошедшее, и послѣдующее, и совершившійся фактъ освящается какъ органически (а не по стеченію обстоятельствъ) необходимый, логически и нравственно правый: въ прошломъ осуждается то, чтó несродно съ этимъ явленіемъ; отъ послѣдующаго требуется неизмѣнное сохраненіе его. Такъ удѣльно-вѣчевой бытъ, Новгородъ осуждаются во имя растущей Москвы, въ которой признается исключительно органическое явленіе; или такъ осуждается Петровская реформа во имя нравовъ и обычаевъ Москвы отживающей. Въ первомъ случаѣ забывается, что въ исторической жизни успѣхъ не всегда совпадаетъ съ правомъ или національной пользой и гибнутъ иногда здоровые элементы жизни; во второмъ забывается различіе эпохъ, наростающія вновь понятія и потребности времени.

По поводу этихъ фаталистическихъ объясненій нашей старой исторіи напомнимъ справедливыя замѣчанія одного изъ нашихъ историковъ (кажется, г. Б.-Рюмина), которыя именно примѣняются къ данному вопросу. «Нѣтъ ничего хуже историческихъ гаданій, предположеній о томъ чего не было, но чтó могло быть,—говорилъ этотъ изслѣдователь. — Но справедливое отвращеніе отъ этихъ маниловскихъ мечтаній не даетъ историку права стать въ открыто, или даже и скрыто враждебное отношеніе ко всему, что пало. Восклицаніе: горе побѣжденнымъ! прилично дикому вождю галловъ, но странно звучитъ въ устахъ историка, хотя бы и облеченное въ болѣе благообразную форму. Уваженіе къ падшему должно насъ заставить съ бóльшимъ вниманіемъ остановиться надъ причинами его гибели, и кто знаетъ, быть можетъ, то, чтó мы считали умершимъ, окажется, по крайней мѣрѣ до нѣкоторой степени, способнымъ къ жизни. Вообще ученіе о томъ, что всякая побѣда есть право, остатокъ древнихъ судовъ Божіихъ, весьма спокойно для человѣка: оно подставляетъ готовое рѣшеніе на задачи, неотвязно требующія отъ насъ разрѣшенія; но согласно ли оно съ величіемъ науки, призванной къ безпристрастному разбору дѣла, это другой вопросъ. Каждое общество вполнѣ достойно того устройства, которое въ немъ существуетъ. Положеніе это считается аксіомою и оно дѣйствительно справедливо въ данный моментъ времени, но можно ли поручиться, что завтра не понадобятся именно тѣ общественные эле-

менты, которые вчера сданы за негодностію въ архивъ? Обязанность историка указывать эти элементы, преслѣдовать судьбу ихъ до тѣхъ поръ, пока не исчезаютъ ихъ послѣдніе слѣды» [1])...

Было добыто политическое единство, — результатъ счастливый, но это не значило, чтобы употребленныя средства были непремѣнно наилучшія, чтобы они составляли органическую потребность народа (именно этими средствами результатъ и былъ пріобрѣтенъ). Далѣе, форма жизни, общественная или политическая, разъ возникнувъ, имѣетъ наклонность развиваться въ силу своей новой сущности, совсѣмъ забывая о прошедшемъ, которымъ она была порождена. Вопросъ историческаго развитія усложняется вмѣшательствомъ вліяній данной минуты и лично-эгоистическихъ мотивовъ и соображеній [2]). Поколѣнія, воспитавшіяся въ угнетеніи и страхѣ, пріобрѣтали иное чувство своего положенія, прежде неизвѣстное: въ татарскую эпоху пропало именно чувство политической самостоятельности, и чѣмъ сильнѣе была потомъ московская власть, тѣмъ больше она пріобрѣтала въ глазахъ новыхъ поколѣній мистическія подавляющія очертанія. Сама власть чѣмъ дальше, тѣмъ больше руководилась уже не какимъ-нибудь старымъ преданіемъ, а просто соображеніями данной минуты о томъ, что она можетъ сдѣлать и себѣ позволить. Въ самомъ дѣлѣ, на какомъ чисто русскомъ началѣ или преданіи могъ основаться Иванъ Грозный въ неслыханномъ употребленіи своей власти? Говорятъ объ отсутствіи византійскаго и татарскаго вліянія: но эта безграничная свирѣпость могла развиться только на почвѣ страшной подавленности общества и народа и на примѣрахъ недавняго прошлаго; своего права Иванъ Грозный ищетъ не въ русскомъ преданіи, а именно въ византійскихъ представленіяхъ, и даже своихъ предковъ не желаетъ видѣть въ русской землѣ, а ведетъ свою воображаемую генеалогію отъ Августа Кесаря. Эти и подобные, весьма реальные факты не совсѣмъ вяжутся съ картиной органическаго развитія московскаго домохозяйства изъ исконнаго народнаго начала. Историки, видящіе въ немъ явленіе органическое, обыкновенно не только оправдываютъ свирѣпости Грознаго противъ боярства необходимостью сокрушить аристокра-

---

[1]) Моск. Обозрѣніе, 1859, кн. 1, стр. 5 (статья неподписанная). Авторъ говоритъ далѣе о господствующемъ мнѣніи, что въ Россіи нѣтъ „провинціализма", что московское государство все сгладило; онъ не совсѣмъ согласенъ съ этимъ мнѣніемъ, и не говоря уже о Малороссіи, Бѣлоруссіи, Сибири, указываетъ замѣтныя отличія по языку, нравамъ и пр. въ самомъ великорусскомъ племени.

[2]) Подобный примѣръ приведенъ самимъ г. Забѣлинымъ изъ нашей древней исторіи; „Мининъ и Пожарскій", стр. 176.

тическую крамолу, но видятъ въ его правленіи особенно величественный періодъ нашей старой исторіи. Можно позавидовать крѣпкимъ нервамъ этихъ изслѣдователей; но трудно представить себѣ, чтобы способъ дѣйствій Ивана Грознаго представлялъ органическую необходимость; исторія не знаетъ крамолы, которая требовала бы *такихъ* средствъ для ея уничтоженія. До насъ не дошли голоса этихъ сотенъ и тысячъ убитыхъ и замученныхъ людей; но воображеніе отказывается вѣрить, чтобы это были только враги русскаго государства и народа, чтобы ихъ страшный конецъ былъ общественной необходимостью, а не результатомъ безграничнаго озлобленія или настоящаго безумія, какъ думаютъ Карамзинъ и Костомаровъ [1]). Одинъ изъ такихъ людей, которыхъ истреблялъ Грозный, уцѣлѣлъ въ Курбскомъ: онъ дѣйствительно былъ защитникомъ боярской старины; но когда онъ бѣжалъ изъ Москвы и велъ знаменитую полемику съ Грознымъ, онъ едва ли защищалъ одни боярскія права; не защищалъ ли онъ при этомъ отчасти также простое человѣческое достоинство?

Съ другой стороны, въ понятіе органическаго развитія мало укладываются самые способы объединенія земель. Извѣстно, какими средствами достигалось преобладаніе Москвы надъ другими княжествами. Когда разъ Москва достигла такой силы, что съ ней не могло уже равняться ни одно изъ остальныхъ княженій, естественно было ожидать, что мелкія княженія будутъ поглощены сильнѣйшимъ. Обыкновенно представляютъ, что этого поглощенія желалъ самъ народъ; это частью и справедливо, потому что народъ разныхъ земель и княженій давно ощущалъ свое національное единство, и опытъ, инстинктивно чувствуемый народомъ, научалъ, что тѣсное сплоченіе есть единственное средство защиты отъ иноземнаго нападенія. Но и здѣсь не должно преувеличивать. Сліяніе съ Москвой, какъ оно совершалось на дѣлѣ, не было вовсе добровольнымъ сознательнымъ союзомъ и во всѣхъ крупныхъ случаяхъ совершалось не только насильственно, но съ несомнѣннымъ нравственно-общественнымъ ущербомъ. Такъ напр., нельзя ставить на счетъ національнаго чувства тѣхъ эгоистическихъ побужденій, которыя дѣлали союзниками Москвы высшее духовенство, оберегавшее свои недвижимыя владѣнія и иныя привилегіи, или бояръ, искавшихъ только болѣе выгодной службы и при этомъ даже измѣннически предававшихъ своихъ прежнихъ князей. Исторія присоединенія княжествъ есть обыкновенно пе-

---

[1]) Ср. Чистовича, Исторія первыхъ медиц. школъ въ Россіи. Спб. 1883, приложенія, стр. LV—LX: „Душевная болѣзнь царя Ивана Васильевича IV, Грознаго“.

чальная исторія разгрома и нерѣдко предательства; такова исторія паденія Твери, Новгорода, Пскова, Рязани и пр. Лѣтопись мало сохранила намъ черты этихъ событій: лѣтописцы отчасти не умѣли, а отчасти уже и боялись рисовать полную картину происшествій, и ихъ не легко возстановлять теперь по намекамъ и параллельнымъ фактамъ. Паденіе Новгорода вызывало сожалѣнія Карамзина, которыя не были одной сентиментальностью, а напротивъ угадывали прискорбныя стороны совершавшагося факта. Извѣстны слова Герберштейна о Новгородѣ до его покоренія: «народъ былъ здѣсь самыхъ добрыхъ нравовъ и честный (gens humanissima et honesta), но теперь сталъ самый испорченный, безъ сомнѣнія отъ московской заразы, которую занесли приходящіе туда москвичи». Противъ этихъ словъ приводили иногда отзывы самой лѣтописи о неурядицахъ новгородской жизни, о притѣсненіяхъ народа; но это не опровергаетъ присутствія тѣхъ лучшихъ элементовъ, о которыхъ говоритъ правдивый иноземный наблюдатель, а во-вторыхъ, неурядица и притѣсненія стали еще сильнѣе подъ властью московскихъ намѣстниковъ, которые явились водворять въ Новгородѣ новый порядокъ вещей. Въ другомъ мѣстѣ [1]) мы приводили факты изъ литературной исторіи, свидѣтельствующіе о степени просвѣщенія въ тогдашнемъ Новгородѣ и въ Москвѣ: по духу времени политическая вражда отозвалась церковными легендами, въ созданіи которыхъ участвовалъ конечно самъ народъ. Легенды даютъ ясно чувствовать тяжелое настроеніе покореннаго Новгорода и глубокую антипатію къ Москвѣ, нарушавшей самыя религіозныя святыни древняго города. Лучшимъ знатокамъ нашей народной старины, какъ г. Буслаевъ, несомнѣнно превосходство стараго Новгорода въ дѣлѣ просвѣщенія надъ Москвой, которая, въ XIV-XV вѣкѣ, представляется нашему ученому «татарскимъ станомъ». Такую же, какъ въ Новгородѣ, картину разгрома видимъ въ присоединеніи Пскова. И здѣсь со стороны Москвы для достиженія цѣли употребляются въ дѣло тѣ средства, какія употреблялъ волкъ противъ ягненка. И здѣсь опять Герберштейнъ разсказываетъ: «Встарину Псковъ былъ весьма обширенъ и независимъ, но наконецъ въ 1509 г. Василій Ивановичъ овладѣлъ имъ вслѣдствіе измѣны нѣкоторыхъ священниковъ и обратилъ его въ рабство, также увезъ колоколъ, звономъ котораго созывался сенатъ для совѣщанія о государственныхъ дѣлахъ (senatus ad rempublicam constituendam cogebatur). Онъ совершенно уничтожилъ ихъ свободу, выведя ихъ коло-

[1]) Вѣстн. Евр. 1877, февр. стр. 684 и далѣе.

ніями въ другія мѣста и водворивъ на ихъ мѣсто москвичей. По этой-то причинѣ образованность и мягкіе нравы псковичей замѣнились московскими нравами, которыя почти во всемъ хуже. Ибо въ своихъ купеческихъ сдѣлкахъ псковитяне показывали такую честность, чистосердечіе и простоту, что цѣна товара у нихъ показывалась безъ запроса и безъ всякаго многословія ради обмана покупателя». Историки новые, вовсе не пристрастные къ Пскову, не могутъ не признать, что Москва въ отношеніяхъ къ Пскову обнаруживала вообще «крайнюю искусственность» (т.-е. фальшивость), стремленіе сохранить за собой «внѣшнюю справедливость», намѣренно затягивая слабую жертву въ невозможныя положенія, не брезгала подлогомъ, прежде чѣмъ употребляла прямое насиліе. Любопытно, что когда великій князь Василій Ивановичъ зазвалъ въ Новгородъ, какъ въ западню, псковскихъ посадниковъ и лучшихъ людей, будто бы для праваго разбора ихъ дѣлъ и жалобъ, московскіе бояре, захвативъ ихъ на владычнемъ дворѣ, прямо сказали имъ: «*поимани есте* Богомъ (?!) и великимъ княземъ Васильемъ Ивановичемъ всея Россіи». Псковская лѣтопись съ негодованіемъ и горькимъ юморомъ говоритъ о послѣдовавшемъ хозяйничаньѣ московскихъ намѣстниковъ во Псковѣ. Паденіе своей независимости псковичи считали уже божіимъ наказаніемъ за свои внутренніе раздоры; еще горшимъ наказаніемъ были новые московскіе порядки и ихъ исполнители. Мало было того, что страна была разорена такъ называемымъ «разводомъ» или «выводомъ», т.-е. насильственнымъ выселеніемъ лучшей части жителей въ московскій край («и бысть во Псковѣ плачъ и скорбь велика разлученія ради»), и «рубежомъ», т.-е. отнятіемъ недвижимой собственности, которая раздана была московскимъ боярамъ и присланнымъ москвичамъ,— оставшіеся жители подверглись невыносимому гнету намѣстниковъ, которые не только всѣми способами грабили псковичей, но и нагло смѣялись надъ ихъ ссылками на велико-княжескую уставную грамоту. Намѣстничьи приставы били жалующихся и приговаривали: «то тебѣ, смердъ, великаго князя грамота». Отъ насильствъ правителей много народа разбѣжалось по чужимъ городамъ, «пометавъ женъ и дѣтей»; торговые иноземцы убрались во свояси: «ано не мочно во Псковѣ жити, толко одны псковичи осташа — ано земля не разступится, а вверхъ не взлетѣть» [1]). Такому же притѣсненію и грабежу подверглась псковская область,

---

[1]) См. вообще Псковскую лѣтопись подъ 1510 г. (Собр. лѣтоп. IV, стр. 282—288) и здѣсь—плачъ псковской земли послѣ паденія независимости.

пригороды: «и тые намѣстники и ихъ тіуны и люди паша изо псковичъ крови много» [1]). Черезъ нѣсколько лѣтъ, подъ 1528 годомъ, лѣтописецъ замѣчаетъ по поводу смерти во Псковѣ дьяка Мисюря, прожившаго тамъ семнадцать лѣтъ: «и быша по Мисюри дьяки частые (т.-е. часто перемѣнялись) — *милосердый Богъ милостивъ до своего созданія* — и быша дьяки мудры, а земля пуста (т.-е. разорена, опустошена); и нача казна великого князя множитися во Псковѣ, а сами (дьяки) ни одинъ не съѣхаша поздорову со Пскова къ Москвѣ, другъ на друга воюя» [2]).

Относительно другихъ краевъ мы не имѣемъ такихъ выразительныхъ извѣстій о водвореніи московскаго владычества, какія сохранились о Новгородѣ и Псковѣ; но по намекамъ лѣтописи и самымъ событіямъ очевидно, что отношенія присоединяемыхъ къ Москвѣ и Москвы къ нимъ не были особенно дружелюбны. Наступившая московская власть, въ видѣ намѣстниковъ, воеводъ, дьяковъ также не внушала большихъ сочувствій, и это совершенно понятно по тому, что̀ извѣстно о свойствахъ старой московской администраціи. Память о тѣхъ давнихъ временахъ сохранилась въ пословицахъ, уцѣлѣвшихъ частію и до нашего времени. Москва не оставила доброй памяти: пословицы говорятъ о ея обширности и богатствѣ, поражавшихъ простую народную массу, но пословицы объ ея управленіи указываютъ только на тягости и безсердечную суровость ея порядковъ, на лживость московскихъ людей. «Москва слезамъ не вѣритъ»; «Москва по нашимъ бѣдамъ не плачетъ»; «московская грязь не марается» (т.-е. вѣроятно, что съ ней надо мириться); «въ Москвѣ деньгу беречь, себя не стеречь» (т.-е. не надо жалѣть денегъ на взятки, чтобъ остаться цѣлымъ); «московскіе люди землю сѣютъ рожью, а живутъ ложью» и т. п. — «Московская правда» — по объясненію Даля—есть ложь, обманъ, и это изреченіе придано ей, когда она впервые сдѣлалась главою государства [3]). «Московская волокита» вошла въ пословицу для обозначенія кляузнаго затягиванья дѣлъ и приказной эксплуатаціи. Длинный рядъ пословицъ,

---

[1]) Тамъ же, стр. 208, варіанты.

[2]) Тамъ же, стр. 297. Ср. Никитскаго, Очеркъ внутренней исторіи Пскова, гл. III (Журн. мин. пр., ч. CXLV, стр. 201, 227, 234—237, 249).

[3]) См. Даля, Пословицы русскаго народа, М. 1862, стр. 345—347. Даль приводитъ напротивъ поговорки: „новгородская честь", „новгородская душа", указывающія на честность въ древней торговлѣ. Поговорка: „Хоть Софія и пуста, да не Крутицкимъ верста", напоминаетъ о нежеланіи новгородскаго духовенства подчиняться московскимъ митрополитамъ, жившимъ на Крутицкомъ подворьѣ.

рисующихъ неправый судъ, взятки и всякія вымогательства, ведетъ начало именно со временъ московскаго суда...

Итакъ, если исторія говоритъ о цѣломъ рядѣ насилій, какими совершалось округленіе московскаго велико-княженія, если для присоединеныхъ подчиненіе Москвѣ казалось божьимъ наказаніемъ, и на дѣлѣ было причиной разоренія цѣлыхъ краевъ, то становится слишкомъ искусственно и натянуто говорить объ органическомъ развитіи въ московскихъ порядкахъ исконнаго русскаго политическаго начала. Г. Кавелинъ въ этомъ случаѣ послѣдовательнѣе другихъ по крайней мѣрѣ тѣмъ, что московскую политическую форму считаетъ именно и исключительно созданіемъ *одного* оттѣнка русскаго народа,—племени великорусскаго, — и чуждымъ для другихъ вѣтвей народа.

Историкамъ, которые объясняли происхожденіе московскаго единовластія результатами татарскаго ига, иначе представляется и картина внутренней жизни новаго политическаго тѣла. И здѣсь они видятъ не органически развившееся устройство, а напротивъ постепенное скопленіе владѣній, пріобрѣтенныхъ благодаря счастливымъ, но не нормальнымъ обстоятельствамъ, вслѣдствіе ловкой, но себялюбивой политики, въ началѣ даже не имѣвшей объединительныхъ государственныхъ цѣлей. Съ самаго начала, «права за московскими князьями не было никакого,—говоритъ Костомаровъ,—кромѣ ханскаго произвола, и они именно тѣмъ пріобрѣтали благосклонность хановъ, что не искали великаго княженія на основаніи какихъ бы то ни было правъ и преданій, а просили только ханской милости, и кромѣ этой верховной милости никакого права и знать не хотѣли» [1]). Рѣзкій примѣръ этого рода явился еще около половины XV вѣка, въ спорѣ московскаго князя Василья Васильевича съ Шемякой. По мнѣнію Костомарова, московскіе князья, хотя уже усиливались болѣе и болѣе, долго не имѣли яснаго сознанія о созданіи единодержавнаго государства. По старымъ понятіямъ они продолжали смотрѣть на свои владѣнія какъ на вотчину; покупали, а иной разъ просто отнимали у другихъ волости, потомъ снова дѣлили ихъ между сыновьями. Сознательная мысль объ основаніи монархіи принадлежитъ Ивану III. Этотъ умный владѣтель очень искусно пользовался обстоятельствами для того, чтобы окончательно освободиться отъ орды, присоединить къ Москвѣ остававшіеся удѣлы, обезоружить Новгородъ и Псковъ; и послѣ него дѣло монархіи могло считаться обезпеченнымъ. Во внутреннемъ устройствѣ го-

---

[1]) Вѣстн. Евр. 1870, декабрь, стр. 514.

сударства не представлялось также никакой помѣхи единовластію. Выше было говорено, какъ Москва, въ качествѣ сильнѣйшаго изъ княженій, стала притягательнымъ центромъ, куда переходило и населеніе, искавшее безопасности, и боярство, находившее болѣе выгоднымъ служить сильному и богатому князю. Въ первое время нашего средняго періода боярство еще сохраняло старыя преданія дружины и право свободнаго перехода отъ князя къ князю. Переходя къ Москвѣ, бояре дѣлались естественными пособниками князя, съ которымъ связаны были ихъ сословныя выгоды; князья отплачивали имъ тѣмъ, что все дѣлали съ ихъ совѣта; они оставались, какъ бывало, «думцами» своего князя и важными людьми. Но дѣло совершенно измѣнилось, когда объединеніе было закончено: старое право перехода потеряло свой смыслъ, потому что переходить было некуда — оставалось идти только въ чужую землю, какъ Курбскій ушелъ въ Литву въ XVI столѣтіи, но тогда и самое право было уже отвергаемо московскими князьями. Бояре очутились слугами государя, его «холопами», какъ именно назывались всѣ служилые люди въ московскомъ государствѣ; иного положенія для нихъ и не оставалось. Боярство не представляло никакой опредѣленной корпораціи, вышедшей изъ одного историческаго корня; напротивъ, это были выходцы изъ всѣхъ краевъ Россіи, даже изъ чужихъ земель и самой орды, люди, совершенно чуждые другъ другу, руководимые только личнымъ интересомъ, иногда измѣннически покидавшіе своихъ прежнихъ князей. На московской службѣ они хлопотали только о томъ, чтобы при новомъ наплывѣ пріѣзжихъ бояръ сохранить свою родовую честь, свои «мѣста», чтобы кто-нибудь другой не «заѣхалъ» ихъ или не «пересѣлъ». Князья не только не противодѣйствовали явившемуся отсюда мѣстничеству, но даже поддерживали его. Сначала они, безъ сомнѣнія, сами раздѣляли его интересъ, когда дорожили поддержкой бояръ, потомъ видѣли въ мѣстничествѣ полезное политическое средство разъединенія бояръ; наконецъ, мѣстничество было уничтожено, когда боярскіе споры потеряли для правительства и этотъ смыслъ и были только помѣхой службѣ...

Костомаровъ припоминаетъ старое русское понятіе, записанное въ «Русской Правдѣ», что кто привяжетъ себѣ ключъ безъ ряда, того считать холопомъ, т.-е., другими словами, кто пойдетъ въ службу безъ договора, оберегающаго его свободу, тотъ тѣмъ самымъ становится холопомъ, человѣкомъ несвободнымъ. Какъ крестьянинъ, имѣвшій право перехода, становился холопомъ, если по своимъ стѣсненнымъ обстоятельствамъ отказывался отъ этого

права,—такъ въ подобномъ положеніи оказалось теперь боярство. Когда прекратилось для него право и возможность «отъѣзда», бояре стали холопами князя. «Бояре стали крѣпки князю, его государству, крѣпки не только сами лично, но и со всѣмъ своимъ потомствомъ. Не только бояре и служилые князья, но самые родные братья великаго князя стали именоваться его холопами. Въ частномъ быту издавна хозяинъ, по отношенію къ своему невольному человѣку, назывался государемъ, а тотъ—его холопомъ; тоже сдѣлалось и въ быту государственномъ: великій князь, называвшійся прежде господиномъ или господаремъ, сталъ называться государемъ, а его служилые люди—его холопами. Но слово холопъ, нераздѣльное съ понятіемъ о службѣ, по отношенію къ государю, осталось только принадлежностію служилаго человѣка; духовное лицо не было холопомъ государя, а богомольцемъ; посадскій или волостной человѣкъ не былъ также холопъ, а сирота» [1]).

Положеніе «сиротъ», въ особенности крестьянства въ новомъ государствѣ, какъ мы выше упоминали, было весьма тяжелое. Татарское иго наложило на нихъ тягости, какихъ они раньше не знали, и по сверженіи ига татарская дань прекратилась, но поборы не уменьшились, а шли уже въ княжескую казну. Крестьяне сохраняли право перехода, но оно уже подвергалось ограниченіямъ. И что означали самое переходы? «Принявъ въ соображеніе тогдашнюю многоземельность и сравнительное малолюдство,—говоритъ Костомаровъ, — что можно усматривать въ такомъ явленіи, каково шатаніе безземельнаго народа изъ одного чужого владѣнія въ другое чужое же? Конечно, нищету, утѣсненія, всеобщую тягость, ничѣмъ не огражденное горькое положеніе народа» [2]). Отчего бы этимъ бродячимъ земледѣльцамъ не поселяться на пустыхъ земляхъ, которыхъ было много, общинами или мелкими собственниками? Но свободныхъ земель уже не было, потому что земля, прежде «Батыева и ханова», теперь была княжеская, и какъ только крестьянинъ садился на ней, онъ попадалъ въ тягло или зачислялся за монастыремъ или помѣщикомъ. «Сирота», по словамъ Костомарова, лично былъ всетаки свободнѣе тяглаго человѣка, а тягло въ старину было «истинное подобіе той неволи, которую впослѣдствіи называли крѣпостнымъ правомъ, и во многомъ было тяжелѣе послѣдняго, испытаннаго народомъ при другихъ условіяхъ жизни и нравовъ».

---

[1]) Тамъ же, стр. 526.
[2]) Тамъ же, стр. 506.

Стѣсненное положеніе крестьянства, какъ замѣчаетъ изслѣдователь другого историческаго взгляда, отразилось въ языкѣ употребленіемъ уменьшительныхъ именъ: Ѳедьки, Ваньки и т. п. и это уменьшеніе имени распространилось потомъ на всѣ служилые классы общества до княжескаго дома, гдѣ уменьшенія не было (въ духовномъ сословіи было возвышеніе имени, напр., попъ Иванище и т. п.). Уменьшеніе имени означало именно служебную подчиненность и вѣроятно тогда уже стало пріобрѣтать и оттѣнокъ уничижительный: въ равныхъ отношеніяхъ, напр., въ актахъ о выборахъ въ должности, даже между крестьянами уменьшенія не было. Старинное понятіе смерда распространяется на крестьянъ княжескихъ и государственныхъ, и старое названіе замѣняется новымъ—«черныхъ» людей, «тяглыхъ», «письменныхъ», наконецъ, «крестьянъ», *по терминологіи явно монгольской* [1]).

Церковь, въ лицѣ духовенства, была сильнымъ союзникомъ московскаго единодержавія. Московскіе князья пріобрѣли себѣ великую опору, когда успѣли привлечь въ Москву митрополита, который былъ тогда единственнымъ представителемъ всероссійскаго единства—въ дѣлѣ вѣры. Съ тѣхъ поръ духовная власть не разъ оказывала важныя услуги московской гегемоніи, присоединяя къ усиліямъ князей авторитетъ церковнаго ободренія, а также церковной угрозы и строгости къ противникамъ великаго князя. Съ своей стороны церковь пріобрѣтала богатыя поземельныя имущества. Какъ мы упоминали, борьба новаго политическаго порядка съ удѣльно-вѣчевымъ отражалась въ области церковной — въ фактическихъ столкновеніяхъ мѣстныхъ церковныхъ властей съ московскою, и въ самой народно-церковной легендѣ. Были въ церковной средѣ лица, съ высокимъ достоинствомъ представлявшія авторитетъ церкви; но убійство митрополита Филиппа и другія событія временъ Грознаго показывали, что самъ по себѣ церковный авторитетъ уже не стѣснялъ московскаго единовластія. Когда Иванъ Грозный задумалъ вступить въ четвертый бракъ, онъ не усумнился собрать соборъ и велѣть разрѣшить ему то, чего не разрѣшали церковныя правила. «Соборъ корыстолюбивыхъ и трусливыхъ пастырей,—говоритъ Костомаровъ,—былъ руководимъ новгородскимъ архіепископомъ Леонидомъ, котораго, какъ бы въ благодарность за раболѣпство, тотъ

1) Такъ говоритъ Лешковъ; см. „Русскій народъ и государство", М. 1858, стр. 228, 288, 290. Лешковъ указываетъ, что до XV вѣка слово „крестьянинъ" означаетъ только христіанина въ противоположность „поганому" и „татарину". Древн. Росс. Вивліоѳика, I, 47 и слѣд.

же царь Иванъ Васильевичъ приказалъ впослѣдствіи обшить въ медвѣжью шкуру и затравить собаками». Царь уже не стѣснялся церковными правилами и какими-нибудь мнѣніями духовенства. Вообще,—прибавляетъ Костомаровъ,—«русская церковь доведена была до такого нравственнаго униженія, до какого она еще никогда не доходила, а самодержавіе вознеслось до такой высоты, что уже восходить было некуда болѣе: самъ божественный законъ не смѣлъ поставить ему предѣловъ; въ московскомъ государствѣ царь сталъ какъ бы выше самого Бога, церковь Божія дозволяла ему то, чтó для всѣхъ остальныхъ смертныхъ было, по ея ученію и правиламъ, нравственное преступленіе» [1]).

Г. Костомаровъ, какъ и многіе другіе историки, не придаетъ особеннаго значенія византійскому вліянію, въ частности вліянію греческой царевны Софьи, жены Ивана III, хотя современники именно этому вліянію царевны и пріѣзжихъ грековъ приписывали усиленіе самодержавія. Царевна могла только укрѣпить единодержавные помыслы Ивана III, но не создавала ихъ. Важнѣйшимъ обстоятельствомъ было то, что Иванъ III, сочетавшись бракомъ съ греческой царевной, «сталъ воображать себя преемникомъ славы и величія православныхъ византійскихъ царей» [2]): онъ уже титуловался царемъ и вѣнчалъ на царство своего внука, которому, однако, не удалось царствовать...

«Такимъ образомъ,—по словамъ Костомарова,—образовалось государство съ единодержавнымъ главою, состоявшее изъ холоповъ (служилыхъ людей), сиротъ (горожанъ и крестьянства) и богомольцевъ (духовенства); тѣ же, которые по разнымъ условіямъ теченія общественной жизни не принадлежали ни къ тѣмъ, ни къ другимъ, ни къ третьимъ—назывались гулящіе люди, и составляли важнѣйшій элементъ народнаго историческаго движенія».

Эти термины означали дѣйствительныя отношенія, и ихъ едва ли можно сравнивать (какъ хотѣли иные) съ тѣми преувеличенными выраженіями, которыя господствуютъ донынѣ въ условной вѣжливости. Въ самомъ дѣлѣ, слово «холопъ» указывало настоящее положеніе служилаго человѣка, который въ своихъ отношеніяхъ къ власти не могъ опереться ни на какое право, и былъ только слѣпымъ, рабскимъ исполнителемъ ея воли или произвола. Въ такомъ же положеніи были «сироты». Бытъ имѣлъ свои преданія, и власть признавала ихъ, какъ готовыя формы жизни,—но лишь до тѣхъ поръ, пока «пошлина» была удобна,

---

[1]) Тамъ же, стр. 554.
[2]) Тамъ же, стр. 528.

или болѣе или менѣе безразлична для интересовъ власти. Общее стремленіе власти состояло въ томъ подчиненіи служилыхъ и рабочихъ силъ страны, которое развивалось чѣмъ дальше, тѣмъ больше и кончилось настоящимъ ихъ закрѣпощеніемъ [1]; оно централизировало страну и народъ, довело до высшаго предѣла авторитетъ власти, но вмѣстѣ связало ростъ не только образовательныхъ, но и матеріально-культурныхъ силъ народа.

Новѣйшіе изслѣдователи русской жизни московскаго періода указываютъ въ ея внутреннемъ устройствѣ великій рычагъ объединенія національнаго. Въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ населеніе пользовалось широкой долей самоуправленія—путемъ выборныхъ должностей и прямыхъ связей съ Москвою. Мѣстное населеніе, не исключая и крѣпостныхъ, говорятъ, само принадлежало къ правительственному организму: каждый классъ тянулъ свое тягло непосредственно въ пользу центральнаго правительства, и благодаря сословной организаціи всѣ граждане могли прямо сноситься съ правительственнымъ центромъ, съ государемъ; поэтому каждый «чинъ» московскихъ людей проникался необыкновеннымъ гражданскимъ чувствомъ, ощущая близость свою къ царю. Сила царя была не въ воеводахъ и приказныхъ, а въ народѣ, который съ своей стороны привыкъ вѣрить и надѣяться на царя, дѣйствительно вникавшаго въ его нужды и не разъ каравшаго его притѣснителей бояръ и воеводъ. Правда, «широкая натура» иногда разгуливалась; бунты принимали страшные размѣры, но въ рѣшительную минуту идея царя преодолѣвала: самые мятежники не разъ прикрывались именемъ царя, возставая будто только противъ «бояръ». Въ концѣ концовъ этотъ порядокъ вещей создалъ цѣльное московское государство и русскій народъ; не вина московскаго государства, что не могла сложиться мѣстная жизнь [2].

Съ другой точки зрѣнія получается гораздо менѣе удовлетворяющая картина старой народной жизни—картина порабощенія и приказнаго самовластія [3].

Будущимъ изслѣдователямъ сложнаго вопроса остается еще свести историческую статистику и поставить выводы...

---

[1]) Ср. Градовскаго, Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи. Спб. 1868, I, стр. 5, 28—30 и т. д.; Дитятина, Устройство и управленіе городовъ Россіи. Спб. 1875, I, стр. 133, и др.

[2]) См. Градовскаго, тамъ же, стр. 376—380.

[3]) Ср. Костомарова, тамъ же, о временахъ Грознаго и объ управленіи дьяковъ (стр. 556—560).

Для точнаго опредѣленія временъ татарскаго ига и исторической эпохи, наступившей по его сверженіи, необходимо принять въ соображеніе не какую-либо одну сторону, одинъ интересъ государства или національности, а всю ихъ сложность, насколько она доступна изслѣдованію. Намъ кажется, что наступавшіе порядки народной жизни едва ли даютъ мѣсто для той идеализаціи, какая не однажды доставалась на ихъ долю въ нашей литературѣ. Очевидно, что объединеніе земли и народа было необходимо для освобожденія отъ страшнаго и вмѣстѣ нелѣпаго ига, для обезпеченія на будущее время національной независимости; но исторія должна дать правдивую оцѣнку средствъ, какими достигалось объединеніе, не прикрывать ихъ цѣлью, если они не всегда были достойны, не скрывать жертвъ, какихъ стоило объединеніе. Извѣстно, что средства часто были недостойныя въ глазахъ самихъ современниковъ, и жертвы были велики, и матеріальныя, и нравственныя. Присоединяемыя земли, въ томъ числѣ богатѣйшіе края, какъ Новгородъ, Псковъ, были разорены присоединеніемъ—грабежомъ жителей, уничтоженіемъ промысловъ, упадкомъ торговли. Еще глубже былъ вредъ нравственный: интрига и насиліе, которыя были такимъ обычнымъ пріемомъ московской политики — и привычка къ которымъ была именно развита вѣковымъ игомъ—дѣйствовали на нравы разлагающимъ образомъ: нравы грубѣли, исчезала правдивость, сила становилась предметомъ поклоненія, каждая власть не знала сдержки и смѣялась надъ самымъ закономъ, подвластные жили страхомъ и—лицемѣріемъ; задатки просвѣщенія, какіе бывали, напр., въ Новгородѣ, упали и слились съ болѣе низкимъ уровнемъ побѣдителей. Говорятъ, что не Москва была виновата въ недостаткѣ мѣстнаго развитія и мѣстной жизни, но что же какъ не истребительные пріемы московскаго объединенія было виной того, что падали мѣстныя автономіи, богатства, нравы, преданія, и подавлялась та любовь къ мѣстной родинѣ, которая бываетъ крѣпчайшимъ основаніемъ разумнаго развитія народныхъ силъ и истинной любви къ отечеству... Въ московскую эпоху національное чувство пріобрѣтаетъ особенный складъ, непохожій на предыдущія времена и послужившій основаніемъ для его дальнѣйшихъ видоизмѣненій. Времена ига, подъ вліяніемъ все болѣе распространявшихся церковныхъ воззрѣній, внушили еще болѣе, чѣмъ прежде, острую ненависть къ татарскому поганству: при всемъ господствѣ ига, русскій человѣкъ въ качествѣ христіанина всегда чувствовалъ свое превосходство надъ поганымъ татариномъ. Затѣмъ, наступившее при этомъ (для Москвы и сѣверо-восточной Руси) удаленіе отъ запада, и столкновенія съ католицизмомъ распространили религіозную

нетерпимость, вражду и даже ненависть и на всякихъ другихъ, именно христіанскихъ иновѣрцевъ: вскорѣ и «латына» получила тотъ же эпитетъ «поганой». Сношенія съ западомъ, и безъ сомнѣнія бóльшая вѣротерпимость продолжались еще въ Новгородѣ и Псковѣ, но имъ уже вскорѣ, съ XV-го вѣка, придана была изъ Москвы неблаговидная репутація противниковъ московскаго единовластія, ненадежныхъ даже и въ церковномъ отношеніи, а съ ихъ паденіемъ исчезли и самый фактъ сношеній съ западомъ и всѣ слѣды ихъ вліянія. Сама Москва съ XV-го вѣка почувствовала необходимость въ западныхъ знаніяхъ и знающихъ людяхъ; иностранцевъ выписывали для необходимыхъ практическихъ дѣлъ, но продолжали относиться къ нимъ какъ къ еретикамъ или поганымъ, ближайшихъ связей не возникало и не могло возникнуть по религіознымъ соображеніямъ: они мало-по-малу образовали въ Москвѣ цѣлую колонію, которая, однако, ни мало не примирила съ ними русскихъ и отъ которой русскіе не могли усвоить никакихъ самостоятельныхъ знаній. Національное чувство стало неразлучно съ крайней отчужденностью отъ другихъ народовъ и съ обычнымъ при этомъ самомнѣніемъ и презрительнымъ отношеніемъ къ другимъ (въ томъ числѣ и западнымъ) народамъ, которое къ сожалѣнію нимало не оправдывалось, и напротивъ совершенно опровергалось низкимъ уровнемъ или полнымъ отсутствіемъ знаній, даже элементарно-практическихъ, не говоря объ отсутствіи какого-либо подобія науки. Національное чувство сливалось съ совершенно китайской исключительностью и неподвижностью; религіозная нетерпимость стала распространяться даже на южно-русское православіе, которое именно тогда мужественно начинало трудную борьбу противъ католичества и уніи, и, наконецъ, на самихъ грековъ... Вмѣстѣ съ иновѣрцами подверглось осужденію и то знаніе, образчики котораго видѣли у иновѣрцевъ и иноземцевъ. Невѣжество и всегда ему свойственная ненависть къ незнаемой наукѣ,—которая была дьявольскимъ наученіемъ и хитростью, — были правиломъ этой жизни. Иниціатива образованія въ томъ порядкѣ вещей могла исходить только отъ церкви и государства, которыя стали единственными владыками и представителями національной жизни, — но до основанія славяно-греко-латинской академіи (которая сама была довольно страннымъ схоластическимъ учрежденіемъ) для науки не было сдѣлано совершенно ничего.—Немудрено, что въ XVI—XVII-мъ столѣтіи Россія становилась предметомъ промышленной и торговой эксплуатаціи иноземцевъ, виною которой было не что иное какъ домашнее невѣжество: оно не умѣло (какъ иногда и до сихъ поръ) не только справиться самостоятельно съ

дѣломъ по иноземной торговлѣ, но и воспользоваться природными богатствами собственной страны, не умѣло ни добывать ихъ, ни воспользоваться ими для промышленности; наконецъ, само не умѣло усвоить появившихся въ Европѣ новыхъ пріемовъ войны и военнаго устройства и т. д.

Съ другой стороны, для «широкой натуры» въ обычномъ порядкѣ вещей не находилось дѣла, и ей оставался лишь выходъ въ бунтахъ и казачествѣ; въ обществѣ существовалъ завѣдомый классъ «гулящихъ людей», занимавшихся «воровскимъ дѣломъ». Особыя географическія условія страны, не имѣвшей опредѣленной границы кромѣ западной, и болѣе или менѣе открытой на югѣ, востокѣ и сѣверѣ, дѣлали то, что недовольные и притѣсненные имѣли возможность бѣжать, и дѣйствительно бѣжали тысячами — на югъ, на востокъ и на сѣверъ... Можно было бы ожидать, что политическая форма, изображаемая какъ единая національная, съумѣетъ направить «широкую натуру», доставить какія-нибудь средства бытія этимъ элементамъ силы; — но здѣсь они просто тысячами покидали родину въ качествѣ бездомныхъ «воровскихъ людей», которые, наконецъ, приставали къ старымъ казацкимъ общинамъ или основывали новыя, или просто собирались въ разбойничьи шайки... Говорятъ, въ извѣстную защиту московскихъ порядковъ, что даже бунты прикрывались царскимъ именемъ или самозванствомъ, что государственная сила шла слѣдомъ за казацкой колонизаціей и захватами гулящихъ людей; но измѣняется ли сущность дѣла тѣмъ, что бунты, — не касаясь царскаго авторитета, единственнаго доступнаго массамъ представленія о верховной власти, — объявляли войну боярамъ, которые были, однако, орудіями этой самой власти, и разоряли собственную землю? Народное, не политическое, чувство связывало этихъ людей съ родиной, и ихъ колонизація и завоеванія въ концѣ-концовъ слились съ народнымъ цѣлымъ; но если государство вынуждалось пользоваться дѣлами этихъ «гулящихъ людей», то говоритъ ли это о нормальности положенія, — которое хотятъ представлять даже идеальнымъ?

Такова была оборотная сторона московскаго порядка вещей. Контингентъ людей, бѣжавшихъ отъ этого порядка, бывалъ такъ великъ, что въ Смутное время и во времена Стеньки Разина они становились бѣдствіемъ для народа и государства. Это бѣдствіе, къ сожалѣнію, имѣло свои органическія причины.

А. Пыпинъ.

ШЕСТОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ СЪѢЗДЪ
ВЪ ОДЕССѢ.

Письма въ Редакцію.

I.

Труды отдѣла первобытныхъ и языческихъ древностей, и общій обзоръ дѣятельности съѣзда.

Значеніе и польза ученыхъ съѣздовъ уже давно сознаны на западѣ, гдѣ они бываютъ каждый годъ по нѣскольку и составляютъ, такъ сказать, заурядное явленіе. Легкость и удобство сообщеній, изобиліе ученыхъ силъ, полная свобода собраній—значительно облегчаютъ тамъ устройство подобныхъ съѣздовъ, которые встрѣчаются всегда радушно мѣстнымъ обществомъ, сочувствующимъ наукѣ и интересующимся ея успѣхами. У насъ въ Россіи условія жизни были нѣсколько иныя; и наука у насъ не такъ поставлена, да и общество не настолько просвѣщенно и развито. Громадныя разстоянія способны остановить иногда самыхъ ревностныхъ поборниковъ науки, большинство коихъ у насъ къ тому же не принадлежитъ къ состоятельному классу. Если прибавить ко всему еще малое число спеціалистовъ, ихъ разрозненность, обособленность, а нерѣдко и взаимное нерасположеніе,—равнодушіе и даже недовѣріе кругомъ, то станетъ понятнымъ, почему съѣзды ученыхъ развиты у насъ сравнительно такъ слабо. Успѣшнѣе могли они привиться только въ тѣхъ случаяхъ, когда за организацію ихъ взялись лица вліятельныя и популярныя, которыя въ состояніи были привлечь къ общему дѣлу сво-

ціалистовъ, дать направленіе ихъ коллективной дѣятельности и въ то же время заручиться необходимымъ для того покровительствомъ.

Въ ряду такихъ съѣздовъ, успѣвшихъ въ короткое время обратить на себя вниманіе, видное мѣсто занимаютъ съѣзды археологовъ, организованные пятнадцать лѣтъ тому назадъ графомъ А. С. Уваровымъ и повторяющіеся съ тѣхъ поръ, чрезъ каждые три года. Начавшись въ Москвѣ, они обошли затѣмъ Петербургъ, Кіевъ, Казань, Тифлисъ, и наконецъ, въ нынѣшнемъ году, очередь дошла до Одессы. Каждый изъ этихъ съѣздовъ возбуждалъ извѣстное умственное движеніе въ болѣе образованномъ классѣ мѣстнаго общества и вызывалъ новые вопросы и труды со стороны изслѣдователей русскихъ древностей. Доказательствомъ тому могутъ служить вышедшіе „Труды“ съѣздовъ, заключающіе въ себѣ не мало цѣннаго матеріала для русской археологіи, а также нѣкоторыя отдѣльныя изслѣдованія, прямо или косвенно вызванныя съѣздами. Но кромѣ того съѣзды приносятъ еще существенную пользу въ томъ отношеніи, что даютъ возможность сближенія и обмѣна мыслей между археологами, ознакомленія съ мѣстными коллекціями и памятниками древностей, и ближайшаго уясненія того положенія, въ которомъ находятся тѣ или другіе вопросы науки. Кромѣ вопросовъ общихъ или неимѣющихъ прямого отношенія къ мѣсту съѣзда, каждый съѣздъ выдвигаетъ еще рядъ частныхъ, мѣстныхъ вопросовъ, тѣсно связанныхъ съ тою областью, въ которой онъ происходитъ, и потому представляющихъ въ данномъ случаѣ особый интересъ. Такъ, въ Казани—видное мѣсто заняли изслѣдованія по пермскимъ и восточнымъ древностямъ; въ Тифлисѣ—можно было обратить особенное вниманіе на древности Кавказа; въ Одессѣ—наконецъ, предстояла возможность подвергнуть пересмотру вопросы о мѣстныхъ или ближайшихъ древностяхъ,—скиѳскихъ, классическихъ, византійскихъ, крымскихъ, запорожскихъ, малорусскихъ и иныхъ,—въ такомъ изобиліи здѣсь встрѣчающихся или по крайней мѣрѣ болѣе доступныхъ здѣсь для изученія.

Мы говоримъ: предстояла возможность, —но разумѣется, пользованіе этою возможностью по необходимости должно было обусловливаться имѣвшимися силами, средствами и обстоятельствами. Нужно было поставить рядъ вопросовъ, позаботиться о собраніи матеріаловъ для ихъ разъясненія, возбудить къ нимъ возможно большій интересъ, принять вообще всѣ мѣры къ возможно лучшему и полному осуществленію задачъ съѣзда въ данной мѣстности. Все это, однако, дѣло не такое легкое, если не считать постановки вопросовъ, которыхъ можетъ быть, конечно, предложено много, но въ большинствѣ случаевъ безъ надежды получить на нихъ отвѣтъ. По заведенному обычаю, каждый археологическій съѣздъ подготовляется особымъ коми-

тетомъ изъ мѣстныхъ ученыхъ, при участіи гр. Уварова и депутатовъ отъ университетовъ и другихъ учрежденій. Подобный подготовительный комитетъ былъ составленъ и въ виду одесскаго съѣзда, и засѣданія его происходили въ 1882 г. въ Москвѣ, гдѣ и были предложены многіе вопросы, а также избранъ предсѣдатель комитета,—Н. Н. Мурзакевичъ. Затѣмъ дѣятельность комитета была перенесена въ Одессу, гдѣ, однако, она проявлялась первое время довольно медленно, отчасти вслѣдствіе свойственной вообще русскимъ дѣятелямъ медлительности, а отчасти и потому еще, что мѣстное „Одесское общество исторіи и древностей" (предсѣдатель котораго былъ избранъ и предсѣдателемъ комитета) находилось, повидимому, въ нѣсколько натянутыхъ отношеніяхъ къ нѣкоторымъ профессорамъ мѣстнаго университета. Большее оживленіе въ дѣятельности комитета послѣдовало съ того времени, когда послѣ смерти Н. Мурзакевича главную инициативу принялъ на себя профессоръ Н. П. Кондаковъ, организовавшій, между прочимъ, археологическую поѣздку въ Константинополь и принявшій другія мѣры для подготовки и организаціи съѣзда. Къ сожалѣнію, г. Кондакову пришлось работать почти одному, такъ какъ гр. Уваровъ, уѣхавъ по болѣзни за границу, не могъ принять ближайшаго участія въ дѣлѣ подготовки съѣзда (хотя присутствовалъ на засѣданіяхъ его), а другихъ помощниковъ, особенно въ мѣстной средѣ, удалось найти не много. Два-три профессора, нѣсколько молодыхъ людей, заинтересовавшихся задачами съѣзда, и два-три землевладѣльца, изъявившихъ готовность выставить свои коллекціи,—вотъ тѣ дѣятели, на содѣйствіе которыхъ можно было разсчитывать, въ ожиданіи прибытія ученыхъ депутатовъ и другихъ гостей, способныхъ придать съѣзду бо̀льшую полноту и разнообразіе. Отъ мѣстнаго городского общества ожидать какого-либо содѣйствія было трудно, въ виду преобладанія въ немъ исключительно коммерческихъ интересовъ. Городъ заявилъ себя относительно съѣзда только тѣмъ, что оказалъ ему пособіе въ размѣрѣ 2,000 р., да пригласилъ еще членовъ его на завтракъ, устроенный для разныхъ лицъ по случаю ежегодно празднуемаго дня основанія Одессы (22 августа). Вообще же одесситы отнеслись къ съѣзду довольно холодно, съ гораздо меньшимъ сочувствіемъ, чѣмъ, напримѣръ, грузины и армяне къ V съѣзду 1881 года въ Тифлисѣ. Объясняется это отчасти тѣмъ, что тамъ, въ Тифлисѣ, вопросы о мѣстныхъ древностяхъ были до извѣстной степени вопросами національными, затрогивавшими исторію родной культуры, тогда какъ для одесскаго общества—разысканія о древностяхъ Новороссійскаго края не представляли никакого особеннаго и ближайшаго интереса.

Всѣхъ членовъ на съѣздъ записалось около 500, но прибыло

меньше; въ числѣ ихъ было около 50 депутатовъ отъ разныхъ ученыхъ учрежденій, въ томъ числѣ пять отъ иностранныхъ и нѣсколько дамъ. Западные славяне были представлены гг. Рачки и Любичемъ отъ юго-славянской академіи въ Загребѣ, д-ромъ Ванкелемъ—отъ славянскаго музея въ Ольмюцѣ, и г. Оссовскимъ—хранителемъ археологическаго музея въ Краковѣ; кромѣ славянъ, изъ иностранцевъ участвовалъ еще г. Попадопуло-Керамевсъ, депутатъ греческаго литературнаго общества въ Константинополѣ.

Засѣданія съѣзда происходили въ актовомъ залѣ университета, а въ случаѣ одновременности двухъ засѣданій секцій и въ одной изъ аудиторій. Одесскій съѣздъ отличался вообще такимъ количествомъ рефератовъ (болѣе 120), что для прочтенія всѣхъ ихъ понадобилось устраивать по 3 и по 4 засѣданія въ день. И не смотря на такую усиленную дѣятельность, все-таки нѣсколько присланныхъ рефератовъ остались не прочитанными, и нѣкоторые изъ присутствовавшихъ членовъ вынуждены были отказаться отъ части своихъ сообщеній. Труды съѣзда составятъ, вѣроятно, не менѣе двухъ большихъ томовъ in 4°, судя по тому, сколько составили труды 1-го и 3-го съѣздовъ, на которыхъ число рефератовъ было, однако, значительно меньше. Правда, въ числѣ трудовъ, представленныхъ на одесскій съѣздъ, не было столь обширныхъ, какъ, напримѣръ, трудъ гр. Уварова—„О мерянскихъ курганахъ“ на первомъ съѣздѣ, но зато общее число рефератовъ было вдвое больше. Къ сожалѣнію, покуда еще нельзя даже приблизительно опредѣлить, когда выйдутъ въ свѣтъ труды одесскаго съѣзда, если принять во вниманіе, что до сихъ поръ еще не напечатаны труды предшествовавшаго, тифлисскаго, и что только недавно вышелъ первый томъ казанскаго, бывшаго въ 1878 году. Скудость средствъ, которыми располагаютъ археологи для изданія подобныхъ трудовъ, требующихъ значительныхъ затратъ, а также затрудненія въ организаціи редакціи,—по необходимости изъ лицъ, занятыхъ массою другихъ ученыхъ работъ,—до извѣстной степени извиняютъ такое замедленіе, которое, однако, не можетъ не отражаться неблагопріятно на своевременности и научномъ значеніи издаваемыхъ изслѣдованій.

По примѣру предъидущихъ съѣздовъ и на одесскомъ была организована выставка—изъ тѣхъ предметовъ и коллекцій, которые были доставлены участниками съѣзда. Эта выставка, размѣщенная въ двухъ залахъ университетскаго зданія, была не особенно значительна, тѣмъ не менѣе представляла болѣе достойнаго вниманія, чѣмъ, напримѣръ, выставка при тифлисскомъ съѣздѣ. Одна зала была занята сплошь калькамн съ фресокъ на стѣнахъ Михайловскаго монастыря и Кирилловской церкви въ Кіевѣ, а также—съ мозаикъ, недавно откры

тыхъ, подъ толстымъ слоемъ штукатурки, въ куполѣ кіево-софійскаго собора. Кальки эти, исполненныя А. В. Праховымъ, давали вполнѣ точное понятіе о замѣчательныхъ оригиналахъ, относимыхъ, какъ извѣстно, къ XI—XII вѣкамъ, и представляющихъ значительный интересъ для исторіи нашей церковной живописи. Другая зала была занята коллекціями до-историческихъ, классическихъ и иныхъ древностей, найденныхъ въ южной Россіи и преимущественно въ херсонской и екатеринославской губерніяхъ. Изъ этихъ коллекцій особенное вниманіе обращали на себя, выставленныя херсонскимъ землевладѣльцемъ, И. И. Курисомъ, и екатеринославскимъ—А. Н. Полемъ. Въ коллекціи г. Куриса можно было видѣть образцы различныхъ пантикапейскихъ древностей, также предметы изъ кургановъ миргородскаго у. и отдѣльныя древности различныхъ вѣковъ, между прочимъ, евангеліе на бомбицинѣ XV вѣка и любопытный портретъ Петра Великаго (англійская гравюра съ надписью, въ которой говорится, что царь подъ Нарвою потерялъ 100,000 войска). Коллекція г. Поля также весьма разнообразна, такъ какъ она составилась изъ всевозможныхъ древностей, найденныхъ въ екатеринославскомъ и сосѣднихъ уѣздахъ и бо́льшей частью пріобрѣтенныхъ у крестьянъ. На выставкѣ фигурировала, впрочемъ, только часть этой коллекціи, помѣщающейся отчасти въ г. Екатеринославѣ, отчасти въ имѣніи владѣльца. Наряду со многими издѣліями каменнаго вѣка, въ коллекціи имѣются интересныя бронзовыя (кельты, серпы, наконечники копій и т. д.), а также вещи скиѳской эпохи и греческаго искусства (золотыя украшенія, статуэтки и т. п.), вещи изъ позднѣйшихъ кургановъ (Верхне-Днѣпровскаго у.) и любопытныя запорожскія древности (въ томъ числѣ курьезная бронзовая статуэтка сидящаго запорожца, вѣроятно польской работы). Въ обѣихъ коллекціяхъ, однако, (какъ и вообще на выставкѣ) почти не видно было босфорскихъ монетъ, представляющихъ, какъ извѣстно, большую важность для исторіи греческихъ черноморскихъ поселеній. Нельзя также не пожалѣть, что на выставку не попали нѣкоторыя другія частныя коллекціи босфорскихъ древностей, въ особенности коллекція г-на Лемме въ Одессѣ. Мы имѣли возможность ее осмотрѣть и были удивлены богатствомъ находящихся въ ней вещей, особенно золотыхъ украшеній (ожерелій, серегъ, рѣзныхъ бляхъ и т. д.), часто поражающихъ своимъ художественнымъ стилемъ и замѣчательнымъ изяществомъ отдѣлки.

Интересныя коллекціи были доставлены еще на выставку гг. Антоновичемъ, Агапитовымъ, гр. А. А. Бобринскимъ, Долинскимъ, Залѣсскимъ, Крыловымъ, кн. Путятинымъ, Самоквасовымъ, Сизовымъ, Пренделемъ, Эварницкимъ и др. Упомянемъ еще о массѣ фотографій съ древнихъ русскихъ архитектурныхъ памятниковъ, выставлен-

ной проф. Султановымъ, о коллекціи фотографій съ деревянныхъ церквей сѣверной Россіи, доставленной акад. Сусловымъ, и о большомъ собраніи фотографій, акварелей, плановъ, составляющихъ результатъ экспедиціи въ Константинополь, совершенной профессорами Кондаковымъ, Васильевскимъ, Успенскимъ, художниками Вилье и Красовскимъ, фотографомъ Раулемъ и архитекторомъ Люиксіемъ. Нѣсколько любопытныхъ предметовъ было выставлено еще елизаветградскимъ реальнымъ училищемъ (особенно большая бронзовая ручка отъ греческой вазы съ рельефнымъ изображеніемъ бѣгущей Горгоны, замѣчательный фрагментъ, найденный въ курганѣ близъ с. Мартоношъ, Елизаветградскаго уѣзда); зоологическимъ музеемъ университета (деформированные черепа (макрокефалы) изъ Керчи и черепа изъ древняго готскаго кладбища при с. Біа-Сала); елизаветградскою покровскою единовѣрческою церковью (рукописное евангеліе XV вѣка, на пергаментѣ, съ любопытными миніатюрами); г-жей Фадѣевой и др. Къ сожалѣнію, недостатокъ времени (нѣкоторыя коллекціи были выставлены только къ концу съѣзда) не позволилъ составить каталога выставки, а недостатокъ средствъ у комитета помѣшалъ снятію фотографій съ болѣе любопытныхъ предметовъ. Обо всемъ этомъ нельзя не пожалѣть, такъ какъ многія изъ выставленныхъ коллекцій въ обыкновенное время труднодоступны и вообще слишкомъ разсѣяны—для ихъ сравнительнаго изученія.

Переходя къ читаннымъ на съѣздѣ рефератамъ, упомянемъ прежде всего о тѣхъ, которые касались общихъ археологическихъ вопросовъ. Въ ряду ихъ можно поставить на первомъ планѣ—вопросъ о сохраненіи древностей и затѣмъ—вопросъ о нанесеніи археологическихъ находокъ на карты. По первому вопросу говорили: протоіерей Свирѣлинъ и г. Турчаковскій. О. Свирѣлинъ выразилъ желаніе, чтобы въ каждой губерніи и даже въ каждомъ уѣздѣ былъ хотя бы одинъ членъ археологическаго общества, подъ предсѣдательствомъ котораго можно было бы составить, изъ учителей и другихъ лицъ, мѣстный археологическій совѣтъ; этому совѣту могло бы быть поручено приведеніе въ извѣстность и описаніе всѣхъ памятниковъ старины данной мѣстности. Но—продолжалъ референтъ—насколько способны сами члены археологическихъ обществъ для этихъ работъ? „Большинство членовъ попали въ общества только потому, что доставляли случайно попадавшіе имъ вещественные и письменные памятники старины. Поэтому желательно обставить поступленіе въ члены обществъ болѣе строгими гарантіями“, а также выработать инструкцію для опредѣленія того, какой памятникъ считать древнимъ, какія предосторожности принимать при исправленіи его и т. д. Гр. Уваровъ совершенно справедливо замѣтилъ референту, что, вѣроятно

онъ мало знакомъ съ условіями избранія въ члены археологическихъ обществъ, и что, съ другой стороны, совершенно невозможно выработать общій шаблонъ для охраненія и исправленія всѣхъ памятниковъ древности. Г. Турчаковскій представилъ рядъ фактовъ, доказывающихъ, съ какою небрежностью относятся у насъ къ древностямъ и какъ равнодушно смотрятъ на ихъ разрушеніе. Такъ, храмъ, выстроенный Өедоромъ Острожскимъ въ г. Острогѣ—близокъ къ разрушенію; храмъ въ Переяславлѣ-Полтавскомъ, гдѣ въ 1654 г. Богданъ Хмельницкій присягалъ царю Алексѣю Михайловичу, доведенъ до запустѣнія; въ Почаевской лаврѣ еще недавно была замѣчательная коллекція историческихъ портретовъ, теперь уже исчезнувшая и т. д. Съ цѣлью охраненія и описанія подобныхъ памятниковъ референтъ выразилъ желаніе, чтобы было основано „всероссійское общество сбереженія историческихъ памятниковъ", съ отдѣленіями во всѣхъ главныхъ городахъ, причемъ члены этого общества заботились бы о приведеніи въ извѣстность и охранѣ памятниковъ, а также ходатайствовали бы передъ мѣстной администраціей и общественными учрежденіями объ оказаніи съ ихъ стороны содѣйствія въ тѣхъ случаяхъ, когда таковая будетъ необходима для сбереженія памятника или извлеченія его изъ-подъ спуда для опубликованія. Референтъ выразилъ готовность составить подробный проектъ устава подобнаго общества. По этому поводу г. Линниченко замѣтилъ, что слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на сохраненіе памятниковъ писанныхъ и вообще бумажныхъ, такъ какъ они всего скорѣе подвергаются разрушенію, особенно у насъ въ Россіи, гдѣ безслѣдно исчезаютъ даже цѣлые архивы. Такъ, недавно исчезъ архивъ бывшей гетманской канцеляріи (хранившійся въ уѣздномъ судѣ г. Переяславлѣ, Полтавской губерніи); часть его сгорѣла еще въ 1848 году, а остальныя дѣла чиновники, не желая приводить ихъ въ порядокъ, понемногу выносили въ поле и тамъ жгли, а когда это вызвало толки, то остальную часть свезли ночью въ усадьбу одного мелкаго чиновника и закопали тамъ въ вырытую для картофеля яму. Узнавъ о мѣстонахожденіи этой могилы архива, г. Линниченко пытался сдѣлать ея раскопку, но нашелъ въ ней только одну бумажную труху. Такихъ архивныхъ могилъ, по словамъ Линниченко, въ Переяславлѣ не одна, въ томъ числѣ и—межевого архива.

По вопросу о нанесеніи древностей на карты, пишущимъ эти строки была представлена замѣтка „къ вопросу о составленіи легенды для археологической карты Россіи (по доисторической археологіи). Вопросъ этотъ былъ поднятъ на предъидущемъ, тифлисскомъ съѣздѣ, причемъ была избрана коммиссія изъ гг. Тизенгаузена, Ан-

тоновича и Анучина—для составленія проекта подобной легенды. Изъ нихъ г. Тизенгаузенъ первый набросалъ рядъ замѣчаній по затронутому вопросу, которыя, по дополненіи ихъ нѣсколькими другими, и составили содержаніе упомянутой замѣтки, отпечатанной нынѣшнимъ лѣтомъ, на счетъ московскаго археологическаго общества. По прочтеніи ея въ послѣднемъ общемъ собраніи VI съѣзда, къ ней сдѣлано было нѣсколько дополнительныхъ замѣчаній гр. Уваровымъ и г. Бранденбургомъ, послѣ чего собраніе постановило: 1) просить моск. археологическое общество о разсылкѣ отпечатанной брошюры всѣмъ его членамъ и другимъ археологическимъ обществамъ съ просьбой принять участіе въ ея обсужденіи, и 2) просить редакціонный комитетъ „Трудовъ" съѣзда сдѣлать попытку приложенія проектированной легенды къ археологической картѣ южной Россіи, съ нанесеніемъ на нее находокъ древностей, сдѣлавшихся извѣстными ко времени съѣзда. Попытку этого рода предполагалъ сдѣлать А. А. Матвѣевъ, молодой ученый, оставленный при новороссійскомъ университетѣ по каѳедрѣ исторіи искусствъ, и которымъ были напечатаны ко времени открытія съѣзда три брошюры: „Къ вопросу объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ южной Россіи: I. Этнографія. II. Программа историко-географическихъ свѣденій и III. Археологія",—весьма полезныя по приведеннымъ въ нихъ библіографическимъ указаніямъ. Здѣсь кстати сказать, что редакціонный комитетъ „Трудовъ" съѣзда избранъ изъ слѣдующихъ лицъ: профессоровъ Кондакова, Леонтовича, Успенскаго и г. Матвѣева, съ предоставленіемъ имъ права приглашать другихъ лицъ по ихъ усмотрѣнію.

Обращаясь къ спеціальнымъ рефератамъ по различнымъ отдѣламъ археологіи, начнемъ прежде всего съ рефератовъ по первобытнымъ древностямъ, которыя были размѣщены, довольно произвольно, по двумъ отдѣленіямъ: „памятниковъ первобытныхъ" и „языческихъ", а отчасти докладывались и въ отдѣленіи „исторической географіи и этнографіи". Это раздѣленіе на секціи, числомъ 10, вообще представляетъ многія неудобства, и нельзя не пожелать, чтобы въ будущему съѣзду оно было замѣнено болѣе логичнымъ и цѣлесообразнымъ, причемъ число секцій могло бы быть сокращено до шести, или семи. Изъ сообщеній по каменному вѣку слѣдуетъ прежде всего остановиться на сообщеніи проф. Антоновича, этого извѣстнаго знатока южно-русской исторіи и древностей: „о скальныхъ пещерахъ въ бассейнѣ Днѣстра" (названіе: „скальныя", по нашему мнѣнію, не совсѣмъ удачно). Всѣхъ пещеръ въ среднемъ теченіи Днѣстра (въ силурійскихъ известнякахъ) до 40, но многія изъ нихъ недоступны, такъ что референтъ могъ осмотрѣть ихъ только 14. Однѣ изъ нихъ

—естественныя, другія искусственныя, т.-е. высѣченныя человѣкомъ; послѣднія относятся къ позднѣйшей эпохѣ, и ими пользовались особенно въ средніе вѣка, въ цѣляхъ пустынножительства. Референтъ описалъ нѣсколько типичныхъ пещеръ и представилъ фотографіи и найденныя вещи. Въ окрестностяхъ м. Студеницы имѣется семь пещеръ, образующихъ рядъ залъ; въ самихъ пещерахъ ничего не найдено, но въ окрестностяхъ попадается много кремневыхъ осколковъ, а въ одномъ изъ сосѣднихъ овраговъ, въ случайно образовавшейся промоинѣ, были найдены часть бивня и нѣсколько реберъ мамонта и около нихъ—нѣсколько оббитыхъ кремней. Эта находка дала г-ну Антоновичу поводъ заключить, что человѣкъ жилъ въ бассейнѣ Днѣстра еще въ древнѣйшій, палеолитическій періодъ каменнаго вѣка и уже тогда пользовался для своего жилья естественными пещерами. Возможность существованія здѣсь человѣка въ періодъ мамонта представляетъ несомнѣнно много вѣроятнаго, тѣмъ болѣе, что слѣды такого совмѣстнаго существованія были найдены въ полтавской, кѣлецкой губер. и даже въ пещерахъ Крыма (г. Мережковскимъ). Тѣмъ не менѣе, данныхъ г. Антоновича, по нашему мнѣнію, еще недостаточно для того, чтобы признать доказаннымъ нахожденіе въ пещерахъ Днѣстра слѣдовъ палеолитическаго человѣка. Но зато здѣсь несомнѣнны слѣды позднѣйшаго, неолитическаго періода, въ виду довольно частыхъ находокъ каменныхъ полированныхъ топоровъ и другихъ орудій. Такія орудія были выставлены въ коллекціяхъ гг. Поля, Антоновича, елизаветградскаго реальнаго училища и др., а коллекція г. Долинскаго—съ р. Норынь, овручскаго уѣзда, волынской губерніи, доказывала даже существованіе фабрикъ т.-е. мѣстъ производства кремневыхъ издѣлій. Верстахъ въ 25 отъ Каменца, на р. Смотричъ, г-ну Антоновичу удалось встрѣтить пещеры, представляющія рядъ извилистыхъ корридоровъ и еще недавно почти сплошь наполненныя человѣческими костями. Но лѣтъ двадцать тому назадъ мѣстный ксендзъ распорядился большую часть ихъ вынести и похоронить, а года два тому назадъ и остальныя кости были похоронены начальникомъ воинской команды. Нѣсколько костей, впрочемъ, г. Антоновичъ успѣлъ подобрать, причемъ могъ констатировать на нихъ нѣкоторые признаки, характеристичные для костей неолитическаго періода на западѣ (напр. частое прободеніе плечевыхъ костей надъ нижнимъ блоковиднымъ суставнымъ концомъ, сплющенность тибій и т. п.). Другихъ предметовъ, кромѣ костей, въ пещерахъ найдено не было, но у подножія заключающихъ ихъ скалъ г. Антоновичъ нашелъ нѣсколько полированныхъ топориковъ, повидимому, упавшихъ туда сверху. Вѣроятность обитанія этихъ пещеръ въ неолитическій періодъ подтверждается еще тѣмъ фактомъ, что

выше по Днѣстру, за предѣлами Россіи, въ Галиціи, именно въ дачѣ Дуйной, южнѣе Галича, гр. Дзѣдушицкій и г. Оссовскій нашли дѣйствительно одинъ гротъ съ слѣдами очаговъ и съ многочисленными остатками неолитическаго періода.

Всѣ эти находки однако далеко не такъ характеристичны, какъ сдѣланныя въ пещерахъ Запада, или въ сосѣднемъ съ Россіей краковскомъ округѣ и въ нашей кѣлецкой губерніи. Въ послѣдней еще въ 60-хъ годахъ, графу Завишѣ удалось открыть пещеру съ несомнѣнными слѣдами палеолитическаго человѣка, состоящими изъ каменныхъ и костяныхъ орудій, въ одномъ и томъ же слоѣ съ остатками мамонта, пещернаго медвѣдя, сѣвернаго оленя и другихъ животныхъ, характеристичныхъ для послѣледниковаго періода. Въ новѣйшее время, болѣе систематическія изслѣдованія кѣлецкихъ и краковскихъ пещеръ были предприняты Краковскою академіею наукъ, которая уже нѣсколько лѣтъ какъ издаетъ „Zbior Wiadomosci do Antropologii krajowéj", заключающій въ себѣ массу цѣнныхъ матеріаловъ по антропологіи, доисторической археологіи и этнографіи Галиціи. Руководство раскопками было поручено г. Оссовскому, занимавшемуся ранѣе изслѣдованіемъ древнихъ могилъ въ восточной Пруссіи. Г. Оссовскій сталъ изслѣдовать пещеры систематично, раскапывая ихъ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ и достигъ замѣчательныхъ результатовъ. Въ Машицкой пещерѣ имъ были найдены,—въ одномъ слоѣ съ костями мамонта, носорога, пещернаго медвѣдя и различныя издѣлія изъ кремня, кости и рога, отчасти совершенно сходныя съ подобными изъ пещеръ деп. Дордони и Пиринеевъ, въ томъ числѣ и характерныя „batons de commandement", родъ палицъ изъ оленьяго рога съ продырявленнымъ въ нихъ отверстіемъ. Съ другой стороны, въ мниховской пещерѣ близъ Кракова—онъ нашелъ характеристичные остатки позднѣйшаго каменнаго вѣка, именно полированные молотки и топоры, глиняную посуду, разныя костяныя издѣлія и кремневые ножи—вмѣстѣ съ кухонными остатками изъ костей домашнихъ животныхъ. Въ числѣ этихъ предметовъ, особенно любопытны многочисленныя мелкія костяныя издѣлія, имѣющія отчасти видъ ножичковъ, пилокъ, лопаточекъ, вилокъ, чашечекъ и т. п., а отчасти представляющія собою круглыя, продолговатыя или звѣздчатыя бляшки со сквозными отверстіями, или изображенія птицъ, звѣрей и человѣка. Подобныхъ костяныхъ издѣлій до сихъ поръ не находили въ отложеніяхъ каменнаго вѣка, поэтому нѣкоторые археологи относятся къ нимъ скептически; съ своей стороны, не имѣвъ возможности видѣть оригиналовъ (а только фотографіи), мы не можемъ вполнѣ судить объ ихъ автентичности, хотя свидѣтельство кенигс-

бергскаго профессора, д-ра Тишлера, говоритъ, повидимому, убѣдительно, въ ея пользу.

Любопытныя данныя по каменному вѣку были представлены еще на съѣздѣ д-ромъ Ванкелемъ, имѣвшимъ возможность произвести раскопки въ одномъ холмѣ близъ Прерау, у села Пшедмоста, въ Моравіи. Д-ръ Ванкель—не новичекъ въ доисторической археологіи и не въ первый разъ посѣщаетъ Россію. Еще въ шестидесятыхъ годахъ онъ занимался изслѣдованіемъ моравскихъ пещеръ близъ Бланско, при чемъ ему удалось найти многочисленные остатки дилювіальной фауны и любопытные слѣды каменнаго и бронзоваго періодовъ. Богатыя коллекціи, собранныя имъ, дали матеріалъ для многихъ мемуаровъ и въ недавнее время были пріобрѣтены у него императорско-королевскимъ музеемъ въ Вѣнѣ. Въ Россіи д-ръ Ванкель былъ въ первый разъ на кіевскомъ археологическомъ съѣздѣ въ 1875 году, за тѣмъ—во время московской антропологической выставки 1879 г., и наконецъ собрался въ третій разъ на съѣздъ въ Одессу. Сдѣланное имъ здѣсь (на нѣмецкомъ языкѣ) сообщеніе представило значительный интересъ, познакомивъ съ одной типичной стоянкой человѣка въ палеолитическій періодъ. Близъ Прерау, на двухъ метрахъ глубины, случайно былъ найденъ обширный слой, толщиною въ треть метра, состоящій почти сплошь изъ разбитыхъ и обгорѣлыхъ костей мамонта, пещернаго медвѣдя, льва, лося, оленя, дикой лошади и разныхъ мелкихъ звѣрей и птицъ. Много пудовъ этого слоя пошло на удобреніе полей, прежде нежели узналъ о томъ Ванкель и произвелъ здѣсь систематическую раскопку на пространствѣ приблизительно въ 400 квадр. метровъ; раскопка показала, что на этомъ мѣстѣ была стоянка охотниковъ древнѣйшаго каменнаго вѣка, стаскивавшихъ сюда свою добычу, здѣсь же утилизировавшихъ ее и изготовлявшихъ свои каменныя и костяныя орудія. Изъ издѣлій здѣсь были найдены: родъ костяной гири изъ мамонтоваго бивня (по всей вѣроятности—отъ лассо), топоръ изъ бедряной кости мамонта, кинжалъ изъ локтевой кости лося, мамонтовое ребро съ различнымъ на нихъ орнаментомъ, а также многочисленныя орудія и оружія изъ кремня, морскія раковины (отъ ожерелій) и куски красной охры, употреблявшейся, вѣроятно, для окраски тѣла. Любопытно распредѣленіе мамонтовыхъ костей: клыки сложены отдѣльно отъ другихъ зубовъ, и встрѣчаются цѣлыя груды собранныхъ вмѣстѣ длинныхъ костей конечностей, лопатокъ, реберъ и т. д., большей частью со слѣдами расколки ихъ каменными топорами. Рядомъ съ костями настоящаго мамонта (разныхъ возрастовъ, отъ состоянія зародыша и дѣтеныша до старческаго), были найдены еще зубы другого, малорослаго вида ископаемыхъ слоновъ (El. pygmaeus), а также часть нижней челюсти

человѣка, при чемъ замѣчательно, что послѣдняя не отличается ничѣмъ особеннымъ отъ современной и не представляетъ вовсе тѣхъ крупныхъ размѣровъ и признаковъ низшаго типа, какъ найденные ранѣе фрагменты нижнихъ челюстей въ соотвѣтственныхъ отложеніяхъ пещеры Шипка въ Моравіи и грота Ла-Ноллетъ въ Бельгіи.

Изслѣдованіе Днѣстровскихъ пещеръ г. Антоновичемъ привело, между прочимъ, этого неутомимаго изслѣдователя къ открытію искусственныхъ повидимому гротовъ, служившихъ въ средніе вѣка для религіозныхъ цѣлей. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ имъ найдены слѣды келій, въ другихъ—изображенія крестовъ, а въ одномъ гранитномъ гротѣ на р. Муравѣ (въ ямпольскомъ у.) онъ открылъ замѣчательный горельефъ, представляющій дерево, съ пѣтухомъ на немъ, стоящую на колѣняхъ человѣческую фигуру и сзади ея—оленя. По мнѣнію г. Антоновича, этотъ горельефъ — дохристіанской эпохи и вызванъ языческими представленіями, съ чѣмъ согласился и проф. Кондаковъ, признавъ въ памятникѣ варварскій стиль и отсутствіе всякихъ слѣдовъ византійскаго вліянія. По каменному вѣку были сдѣланы еще сообщенія кн. Путятинымъ—о постепенномъ развитіи орнаментаціи на глиняныхъ сосудахъ, и пищущимъ эти строки—„къ древнѣйшей исторіи домашнихъ животныхъ въ Россіи“ и „по поводу нѣкоторыхъ оригинальныхъ каменныхъ орудій и изображеній рыбъ изъ восточной сибири, доставленныхъ на выставку г. Агапитовымъ“.

Г-жа Мельникъ сообщила объ интересныхъ скопленіяхъ гранитныхъ глыбъ, встрѣченныхъ ею по рр. Ингульцу и Днѣстру, въ той мѣстности, гдѣ проходитъ вѣтвь Карпатовъ, образующая, между прочимъ, и извѣстные Днѣпровскіе пороги. На высокой равнинѣ, прорѣзанной глубокими балками, здѣсь (въ сѣверной части Александровскаго у.) выступаютъ гранитныя обнаженія, которыя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ имѣютъ видъ искусственныхъ сооруженій, напоминающихъ мегалитическія постройки. Иногда видны стоящіе камни, какъ бы менгиры, мѣстами каменные столы, дольмены; въ другихъ случаяхъ каменныя глыбы расположены кругами и напоминаютъ кромлехи. Описывая и представляя рисунки этихъ сооруженій, г-жа Мельникъ не настаивала на ихъ несомнѣнной искусственности,—въ виду того, что порода гранита, изъ которой они сдѣланы, довольно легко раскалывается сама на глыбы, вслѣдствіе атмосферныхъ вліяній,—но указывая на особенности ихъ формы, часто правильной и какъ-бы со слѣдами обтесыванія, обращала на нихъ вниманіе спеціалистовъ, какъ на образованія, заслуживающія подробнаго изученія. Если находка г-жи Мельникъ подтвердится, т.-е. если описанныя ею сооруженія окажутся дѣйствительно искусственными, то это будетъ весьма любопытнымъ открытіемъ, пополняющимъ тотъ пробѣлъ, который суще-

ствуетъ между мегалитическими постройками западной Европы (Франціи, Англіи, сѣверной Германіи, Даніи) съ одной стороны—и дольменами Крыма и Кавказа—съ другой. Къ сожалѣнію, г-жа Мельникъ не могла найти подъ открытыми ею сооруженіями никакихъ костей и издѣлій, а потому и нельзя судить, были ли это дѣйствительно могилы, и если—да, то къ какой приблизительно эпохѣ онѣ относятся. Извѣстно что западные дольмены относятся къ концу каменнаго вѣка и къ началу мегалитическаго, тогда какъ дольмены Крыма и Кавказа были воздвигнуты народами, достаточно знакомыми съ употребленіемъ бронзы и желѣза.

Наиболѣе данныхъ по доисторической археологіи Россіи было представлено на съѣздѣ, какъ и можно было ожидать, о курганахъ и городищахъ. Такъ, г. Браунеръ, статистикъ херсонскаго земства, сообщилъ о распространеніи въ губерніи городищъ, причемъ представилъ рядъ рисунковъ ихъ и нѣкоторыя, впрочемъ довольно скудныя, свѣденія объ ихъ раскопкахъ; г. Залѣсскій доставилъ свѣденія о курганахъ и другихъ древностяхъ Кубанской области; г. Гейдукъ о дольменахъ, курганахъ и „могилахъ горцевъ" въ окрестностяхъ г. Новороссійска; г. Крыловъ—нѣкоторыя свѣденія о древнихъ памятникахъ Донской области; гр. Бобринскій—результаты раскопокъ кургановъ близъ мѣстечка Смѣлы, кіевской губ.; проф. Антоновичъ—о раскопкахъ кургановъ въ порѣчьяхъ Днѣстра, Буга и Ингула; проф. Самоквасовъ—о курганахъ въ александровскомъ у., на правомъ берегу р. Конки. Что касается городищъ, то слѣдуетъ отмѣтить еще сообщеніе гр. Уварова объ итальянскихъ террамарахъ, въ которыхъ графъ склоненъ видѣть скорѣе остатки укрѣпленій и городищъ, чѣмъ свайныхъ построекъ, съ чѣмъ согласился и проф. Антоновичъ.—Послѣдній нашелъ, въ указанной выше мѣстности, нѣсколько типовъ кургановъ, въ томъ числѣ нѣкоторые весьма оригинальные. Такъ, напримѣръ, въ елизаветградскомъ у., у д. Лозоватой, ему встрѣтились коллективныя могилы, иногда въ нѣсколько этажей, и при остовахъ остатки лошади, и именно только черепъ, съ уздой на немъ, и 4 копыта, безъ прочихъ костей; при остовахъ, положенныхъ на камышевую подстилку, глиняные сосуды и другія вещи: ножницы, кольца, различныя украшенія, а при мужскихъ еще оружіе: колчанъ изъ березовой коры, остатки лука, желѣзныя стрѣлы и др. Проф. Самоквасовъ (производившій нынѣшнимъ лѣтомъ раскопки по порученію императорскаго эрмитажа) нашелъ тоже нѣсколько типовъ кургановъ. Одинъ изъ нихъ, самый древній, представленъ большими курганами, съ коллективными погребеніями въ материкѣ и насыпи, съ остовами въ сидячемъ или скорченномъ положеніи и съ предметами исключительно изъ камня, кости, глины и бронзы (нѣтъ желѣзныхъ). Подоб-

ные курганы были находимы въ новороссійскомъ краѣ г. Забѣлинымъ и референтомъ—въ Крыму (около Эвпаторіи) и на Кавказѣ (близь Пятигорска). Второй типъ—могилы скиѳской эпохи, съ погребенными остовами и съ находящимися при нихъ бронзовыми наконечниками стрѣлъ, характеристичными бронзовыми сосудами (на ножкѣ), бронзовыми удилами, орнаментами желѣзныхъ панцырей и остаткомъ желѣзнаго оружія. Третій типъ—особенно интересенъ и представляетъ могилы съ трупосожженіемъ, съ остатками обугленныхъ костей—человѣка и лошади. Содержаніе этихъ могилъ богато и отчасти напоминаетъ скиѳскія могилы, отчасти—совершенно своеобразно. Между предметами—попадается много золотыхъ бляхъ, обыкновенно наложенныхъ на желѣзныя пластины и служившихъ для украшенія одежды поясовъ, ноженъ мечей, конской сбруи и т. п. Многія бляхи украшены сердоликами, другія—сдѣланы, повидимому, изъ сплава золота съ серебромъ. Оружіе—исключительно желѣзное: длинные прямые мечи и желѣзныя трехгранныя стрѣлы; удила тоже желѣзныя. Между сосудами попадаются обломки терракотовыхъ вазъ (какъ и въ скиѳскихъ курганахъ), но оружіе и многія привѣски—походятъ на такія же позднѣйшей славянской эпохи. Основываясь на этихъ и другихъ данныхъ, (и руководясь своею теоріей—о которой далѣе), г. Самоквасовъ относитъ эти могилы съ трупосожженіемъ—къ эпохѣ промежуточной между скиѳскою и славянскою, но болѣе близкой къ послѣдней, и именно къ IX столѣтію. Четвертый типъ могилъ—погребенія въ ямахъ, въ стѣнкѣ могилы (въ нишѣ), вырытой въ материкѣ; по всѣмъ признакамъ онѣ относятся уже къ позднѣйшей эпохѣ и заключаютъ въ себѣ останки какого-то тюркскаго народа. Такимъ образомъ, на основаніи раскопокъ кургановъ г. Самоквасовъ могъ до извѣстной степени прослѣдить послѣдовательныя этнографическія наслоенія въ предѣлахъ одной и той же ограниченной мѣстности.

Г. Самоквасовъ занимается, какъ извѣстно, раскопками уже много лѣтъ и, составивъ обширныя и цѣнныя археологическія коллекціи, пріобрѣлъ вполнѣ заслуженную извѣстность опытнаго и счастливаго археолога-практика. Въ послѣднее время, однако, г. Самоквасовъ выступилъ и съ теоріями, и притомъ весьма любопытными, хотя и довольно смѣлыми. Во 2-мъ выпускѣ своей „Исторіи русскаго права" (Варшава, 1884) онъ устанавливаетъ „единство происхожденія скиѳовъ эпохи Геродота и позднѣйшихъ славянъ" и доказываетъ, что славяне (а также германцы и литовцы) были прямыми потомками скиѳовъ, бывшихъ, по всѣмъ признакамъ, племенемъ индо-европейскимъ. Эта теорія г. Самоквасова, въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ, не можетъ считаться совершенно новою. Обособленіе германцевъ, славянъ и литовцевъ изъ одной вѣтви было доказываемо еще

Я. Гриммомъ и многими лингвистами (напр., Шлейхеромъ); образованіе германской народности въ Европѣ, а не въ Азіи, предполагается, какъ весьма вѣроятное, Линденшмитомъ; наконецъ, тождество или родство галловъ, германцевъ, кимвровъ, гетовъ, сарматовъ со скиѳами утверждалъ недавно Лемьеръ (Etude sur les Celtes et les Gaulois, par Lemière. 1881). Г. Самоквасовъ новаторъ только въ томъ отношеніи, что относить опредѣленно обособленіе славянъ изъ скиѳовъ ко II-му вѣку по Р. Х., при чемъ однако не считаетъ нужнымъ входить въ разсмотрѣніе теоріи о принадлежности скиѳовъ къ иранской вѣтви,— теоріи, однако, довольно вѣской и которую доказывали Мюлленгофъ, д'Арбуа де-Жюбенвилль и др. Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что скиѳы не принадлежали къ монгольской расѣ и, судя по краніологическимъ даннымъ (изученнымъ особенно проф. А. П. Богдановымъ), приходится признать, что типъ ихъ представлялъ нѣкоторыя общія черты съ типомъ древняго населенія средней Россіи эпохи кургановъ. Но это сходство въ физическихъ признакахъ говоритъ только въ пользу принадлежности къ одному общему расовому типу и оставляетъ открытымъ вопросъ о племенномъ или этническомъ родствѣ славянъ и германцевъ со скиѳами. По теоріи г. Самоквасова, „предками русскихъ и польскихъ славянъ были гето-дакійскія племена, оставившія придунайскую прародину въ эпоху владычества римлянъ въ Дакіи, составлявшей западную половину древней Скиѳіи"; перейдя въ центральную Европу, эти гето-дакійскіе колонисты получили новое общее имя славянъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ положили начало — славянской, и въ частности, русской и польской исторіи. Доказательство тому г. Самоквасовъ видитъ въ извѣстіяхъ классическихъ писателей о выселеніи даковъ, въ свидѣтельствѣ Нестора о нашествіи на дунайскихъ славянъ волоховъ, но главнымъ образомъ—въ находкахъ кладовъ, состоящихъ изъ римскихъ монетъ I и II столѣтій, именно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ, по сказанію лѣтописи, поселились первоначально славянскія племена, оставившія ихъ придунайскую прародину. Эти находки монетъ до послѣдняго времени объясняли сношеніями римлянъ съ балтійскимъ поморьемъ ради торговли янтаремъ. Такъ думали Крузе, Крашевскій („Sztuka и Slowian") и особенно—Садовскій („Drogi handlowe greckie i rzymskie"), причемъ послѣдній привелъ данныя, доказывающія, что наиболѣе многочисленные клады состоятъ изъ монетъ тѣхъ императоровъ, при которыхъ торговыя сношенія съ балтійскимъ побережьемъ были всего болѣе оживлены, особенно, когда съ завоеваніемъ Дакіи римскія владѣнія отодвинулись на сѣверовостокъ, за Карпаты. Но, по мнѣнію г. Самоквасова, торговлею янтаремъ нельзя объяснить такое распространеніе римскихъ монетъ и притомъ преимущественно

двухъ вѣковъ. Клады этихъ монетъ находятъ только въ земляхъ польскихъ и русскихъ славянъ, что указываетъ на какую-то связь ихъ съ славянами. Связь же эта, по мнѣнію г. Самоквасова, разъясняется, если принять во вниманіе, что въ теченіе этого времени должно было происходить выселеніе гето-дакійскихъ племенъ въ центральныя области Европы,—выселеніе, которое, въ свою очередь, можетъ быть опредѣляемо кладами, выказывающими преобладаніе монетъ отъ эпохи Траяна до Септимія Севера, т.-е. указывающими на выселеніе именно въ этотъ періодъ. „Очевидно,—говоритъ г. Самоквасовъ,—гето-дакійскія или славянскія племена, оставляя прародину, продали свое громоздкое, тяжелое имущество римлянамъ, переведеннымъ и переселившимся изъ другихъ областей римской имперіи въ Дакію, а деньги римскія унесли съ собою на берега Одера, Вислы, Буга, Нѣмана, Припети, Днѣпра, Десны, Сулы, Сейма, Сожи и Оки", гдѣ впослѣдствіи отчасти зарыли ихъ въ землю, а отчасти утилизировали, переливъ въ слитки и украшенія, чѣмъ и можно объяснить богатство и разнообразіе серебрянныхъ предметовъ въ могилахъ славянской эпохи, сравнительно съ ихъ рѣдкостью въ могилахъ эпохи скиѳской.

Изложенная теорія г. Самоквасова представляется весьма оригинальною и естественною, но ея основанія нуждаются еще въ обстоятельной провѣркѣ. Одно изъ главныхъ ея основаній состоитъ въ принятіи, что геты или даки были скиѳскимъ племенемъ и въ то же время родоначальниками польскихъ и русскихъ славянъ. Однако Геродотъ причисляетъ гетовъ къ ѳракійцамъ, а ѳракійцы всегда обособлялись отъ скиѳовъ. Съ другой стороны, необходимо еще доказать, что клады римскихъ монетъ указанной эпохи встрѣчаются только на древней славянской территоріи. Самоквасовъ это утверждаетъ и говоритъ, что „въ Новороссіи, восточныхъ и сѣверныхъ губерніяхъ Россіи и въ прибалтійскихъ областяхъ находки кладовъ изъ римскихъ монетъ неизвѣстны". Однако изъ археологической литературы мы знаемъ, что въ Швеціи были находимы римскія монеты періода съ 50 по 235 г. (Гильдебрандтъ); на о-вѣ Готландѣ извѣстно болѣе 20 находокъ кладовъ изъ римскихъ монетъ 69—196 г.; на о-вѣ Зеландѣ (Данія) нѣсколько кладовъ—съ монетами 14—218 г. и еще болѣе на южномъ побережьи Балтійскаго моря. Съ другой стороны, недавно мы случайно узнали, что одинъ кладъ римскихъ монетъ тѣхъ же вѣковъ былъ найденъ въ южной части Крыма; самъ г. Самоквасовъ получилъ свѣденіе о находкѣ подобнаго клада въ Нижнемъ Новгородѣ; наконецъ, есть извѣстія о находкахъ монетъ той же эпохи во Франціи. Если, какъ предполагаетъ г. Самоквасовъ, выселеніе славянъ началось особенно при Траянѣ, то почему монеты

Траяна и Адріана встрѣчаются въ Германіи преимущественно на западѣ, тогда какъ въ восточной ея части и въ Скандинавіи—находятъ чаще монеты Антониновъ (Моммзенъ). Притомъ вообще трудно себѣ представить, какъ выселявшіеся отъ римскихъ насилій славяне могли унести съ собою массы римскихъ монетъ, распространеніе которыхъ, во всякомъ случаѣ, объясняется легче развитіемъ мирныхъ торговыхъ сношеній. Тѣмъ не менѣе мы считаемъ высказанную г. Самоквасовымъ теорію — вполнѣ заслуживающею вниманія, такъ какъ она вноситъ новыя воззрѣнія и вопросы—въ одинъ изъ наименѣе разъясненныхъ отдѣловъ археологической науки.

Вопросъ о скиѳахъ, ихъ сродствѣ съ чудью и ихъ распространеніи вызвалъ на съѣздѣ сообщенія гг. Лихачева, Мищенко, Андріевскаго и др., имѣвшія цѣлью разъяснить тѣ или другія его стороны. Изъ предметовъ, выставленныхъ на выставкѣ, можно было убѣдиться, что нѣкоторыя оружія скиѳской эпохи представляютъ большое сходство по формѣ съ пермскими и сибирскими; таковы, напримѣръ, кинжалы съ ручкою, оканчивающеюся двумя завитками, бронзовые кельты и др. Съ другой стороны, въ скиѳскомъ курганѣ Нимфеона, въ 17 вер. отъ Керчи, былъ найденъ желѣзный мечъ съ рукояткою, напоминающею нѣкоторыя формы мечей изъ Ла-Тень и Галльштадтскаго могильника. Здѣсь кстати упомянуть, что древнѣйшія формы русскихъ мечей послужили тэмою для спеціальнаго небольшого сообщенія пишущаго эти строки, имѣвшаго цѣлью, на основаніи данныхъ раскопокъ кургановъ, сдѣлать нѣкоторые выводы относительно различія формъ древнѣйшихъ мечей на западѣ и востокѣ Россіи, въ связи съ вліяніемъ культуръ сосѣднихъ странъ, и въ частности — германцевъ и азіатскихъ народовъ. Подобный же и еще болѣе спеціальный характеръ имѣли: сообщеніе г. Бранденбурга—о фибулахъ, встрѣчающихся въ курганахъ Петербургской губерніи, и гр. Уварова — о металлическихъ коробочкахъ, носимыхъ женщинами древнихъ руссовъ—по описанію Ибнъ-Фодлана. Наконецъ, къ этому же отдѣлу первобытныхъ древностей слѣдуетъ отнести сообщеніе проф. Мѣржинскаго „о Прусскомъ Ромове", представлявшее критику извѣстія Симона Грунау. Между прочимъ, г. Мѣржинскій доказывалъ, что у литовцевъ не было истукановъ (самыя названія коихъ — balvanas, stulpas—не литовскія), а были только священные камни и священные лѣса, рощи и деревья.

Обратимся теперь къ классическимъ древностямъ, столь распространеннымъ на нашемъ черноморскомъ побережьи. Эти древности заключаются, какъ извѣстно, въ гробницахъ, въ статуяхъ и барельефахъ, вазахъ и другихъ издѣліяхъ, въ монетахъ и въ надписяхъ. О гробницахъ на съѣздѣ ничего не сообщалось, за исключеніемъ

свѣденій, собранныхъ г. Дюбрюксомъ о различныхъ видахъ гробницъ въ окрестностяхъ Керчи. Статуи, барельефы, вазы, также не вызвали никакихъ сообщеній, если не считать реферата г. Суругана объ одномъ поддѣльномъ горельефѣ, представляющемъ „Ноктулія, мнимаго бриксійскаго бога“. Монеты и надписи дали болѣе матерьяла, и въ этомъ отношеніи слѣдуетъ отмѣтить сообщеніе г. Подшивалова (молодого нумизмата изъ Москвы, владѣющаго одною изъ лучшихъ коллекцій босфорскихъ монетъ): „Нѣкоторыя данныя для историческаго изслѣдованія о правителяхъ Босфора Киммерійскаго“. Указавъ на значеніе новыхъ лапидарныхъ и нумизматическихъ находокъ для разъясненія времени смѣны республиканской формы правленія на Босфорѣ (съ V-го до конца III-го в. до Р. Х.) и монархической (съ начала II-го ст. до Р. Х. по 342 г. по Р. Х.), референтъ остановился особенно на данныхъ, разъясняющихъ правленіе архонтовъ-царей—Перисада I и Спартака II, сыновей Левкана I, и объясняющихъ конецъ династіи Перисадовъ и начало династіи ахаменидовъ. Греческія надписи южной Россіи издаются теперь императорскимъ археологическимъ обществомъ, причемъ трудъ этотъ принялъ на себя проф. спб. филолог. инст. Д. В. Латышевъ, уже пріобрѣвшій почетную извѣстность своими эпиграфическими изслѣдованіями въ Греціи. На съѣздѣ г. Латышевъ ознакомилъ подробно съ ходомъ работъ по изданію этого „Corpus Inscriptionum“, который будетъ заключать въ себѣ до 500 босфорскихъ надписей и до 150 ольвійскихъ, съ передачей самаго характера начертаній, русскаго перевода и необходимыхъ комментарій на латинскомъ языкѣ; кромѣ того г. Латышевъ сдѣлалъ еще сообщенія о государственномъ устройствѣ Херсониса Таврическаго и „о календаряхъ Ольвіи, Тираса и Херсониса“ —на основаніи надписей; проф. Помяловскій сообщилъ „о надписяхъ танаитскихъ коллегій“, дающихъ возможность всмотрѣться нѣсколько глубже во внутреннюю жизнь этого города во II и III в. по Р. Х., и г. Керамевсъ—о нѣкоторыхъ надписяхъ изъ Халкедоніи и Эпира.

Изслѣдованіе надписей должно было затронуть вопросъ объ ихъ переводѣ и въ особенности о передачѣ порусски греческихъ собственныхъ именъ. По мнѣнію, высказанному г. Модестовымъ, нужно было бы слѣдовать въ произношеніи и правописаніи греческихъ словъ римскимъ грамматикамъ, съ нѣкоторыми только исключеніями, обусловленными духомъ греческаго языка и особенностями русскаго, и принимая также во вниманіе установившійся обычай. Сообщеніе г. Модестова вызвало довольно оживленныя пренія, причемъ проф. Помяловскій, признавъ вѣрность основныхъ принциповъ г. Модестова, заявилъ однако, что практическое значеніе ихъ можетъ быть установлено только примѣненіемъ ихъ ко всей суммѣ извѣстныхъ намъ

именъ изъ колоній Понта Эвксинскаго. Въ заключеніе, по этому же отдѣлу упомянемъ еще о сообщеніяхъ проф. Воеводскаго и проф. Цвѣтаева. Первый говорилъ о названіи Чернаго моря и доказывалъ, что названіе это происходитъ не отъ цвѣта воды и не отъ сильныхъ бурь, а отъ примѣненія къ морю миѳическаго термина, отъ перенесенія на него эпитета сѣвернаго, мрачнаго моря, за которымъ находилась страна ночи. Проф. Цвѣтаевъ сдѣлалъ обстоятельный очеркъ жизни и трудовъ знаменитаго германскаго филолога Велькера, столѣтній юбилей котораго имѣлъ праздноваться 22-го октября нынѣшняго года.

Рефераты по отдѣленію „Византійскихъ древностей" были вызваны, главнымъ образомъ, послѣднею поѣздкою проф. Кондакова съ товарищами—въ Константинополь. Такъ, проф. Успенскій говорилъ „о нѣкоторыхъ рукописяхъ въ библіотекѣ о-ва Халки и въ святоградскомъ подворьѣ въ Константинополѣ" и о землевладѣніи въ Византіи по византійскимъ писцовымъ книгамъ"; г. Лювксъ—объ архитектурномъ планѣ древней церкви, нынѣ мечети Федхіе-джами въ Константинополѣ; проф. Кондаковъ—о нѣкоторыхъ результатахъ послѣдней константинопольской экспедиціи и—къ вопросу о вліяніи византійскаго искусства. Въ этомъ послѣднемъ рефератѣ г. Кондаковъ выступилъ противникомъ воззрѣній нѣкоторыхъ западныхъ ученыхъ, принимающихъ, что византійское искусство, будучи чуждымъ западу своей догматической стороной, вліяло только изрѣдка формою, не касаясь содержанія. По мнѣнію г. Кондакова, византійское искусство не только оставило свои памятники въ южной Италіи и Венеціи, но продолжало оказывать вліяніе, какъ со стороны формы, такъ и идеи, и на позднѣйшее итальянское искусство, какъ то мы видимъ, напримѣръ, въ школахъ Сіены и Умбріи. Другое сообщеніе г. Кондакова было посвящено древнимъ византійскимъ церквамъ, превращеннымъ теперь въ мечети. Несмотря на работы Дюканжа и Зальценберга, топографія, планы и орнаментація этихъ зданій представляютъ еще много неизученнаго и въ состояніи служить еще долго цѣннымъ матерьяломъ для будущихъ изслѣдователей. Для историко-археологическаго изученія Константинополя г. Кондаковъ воспользовался, между прочимъ, описаніемъ путешествія новгородскаго архіепископа Антонія въ XII в., которое, какъ онъ убѣдился, весьма обстоятельно и точно, если только съумѣть въ немъ оріентироваться. Говоря о различныхъ церквахъ, референтъ указывалъ на ихъ художественный стиль и на различныя, послѣдовательныя, накопившіяся въ нихъ наслоенія.

Изъ другихъ рефератовъ по этому отдѣлу укажемъ на сообщеніе проф. Успенскаго—объ одномъ неизданномъ греческомъ текстѣ въ

Ватиканскомъ кодексѣ № 483, имѣющемъ отношеніе къ русскимъ князьямъ, Святославу и Владиміру. Это отношеніе, впрочемъ, еще довольно сомнительно, такъ какъ указанный текстъ, представляющій церковное слово, сказанное въ Цареградской Софіи, не упоминаетъ именъ, а содержитъ только разные туманные намеки на какія-то войны и междуусобицы, упоминая въ то же время о болгарахъ. Проф. Васильевскій сообщилъ о пріобрѣтенномъ публичной библіотекой, отъ арх. Порфирія Успенскаго, греческомъ сборникѣ Месопотамита, содержащемъ въ себѣ интересныя письма и рѣчи византійскихъ и болгарскихъ іерарховъ XI, XII и XIII вѣковъ—о политическомъ, общественномъ и домашнемъ бытѣ тогдашней Византіи и Болгаріи. Г. Брунъ (М. И.), занимавшійся изученіемъ южно-итальянскихъ хроникъ, привелъ рядъ хронологическихъ данныхъ, доказывающихъ, что война Святослава въ Болгаріи съ Никифоромъ Фокой (967—968) имѣла рѣшающее значеніе для политики Византіи, относительно Оттона Великаго, стремившагося къ упроченію своей власти въ Италіи. Г. Троицкій говорилъ—„о значеніи символическихъ изображеній на древней епископской палицѣ",—рефератъ, который въ болѣе полномъ видѣ помѣщенъ въ іюльской книжкѣ „Православнаго Обозрѣнія" за нынѣшній годъ. Проф. Покровскій сдѣлалъ сообщеніе—„о изображеніяхъ страшнаго суда", причемъ представилъ цѣлый рядъ такихъ изображеній различныхъ эпохъ. Идея страшнаго суда явилась съ первыхъ вѣковъ христіанства, но развивалась медленно. Первоначальная форма выраженія ея въ искусствѣ была символическая, напр. въ видѣ отдѣленія овецъ отъ козлищъ (изображеніе въ храмѣ св. Феликса, IV в., и мозаика цер. св. Аполлинарія въ Равеннѣ). Но исторія современныхъ изображеній страшнаго суда ведетъ начало не отсюда. Начало ихъ надо искать въ отдѣльныхъ сценахъ, созданныхъ подъ библейскимъ вліяніемъ въ V вѣкѣ, получившихъ значительное развитіе въ VIII-мъ, въ эпоху иконоборства, и сложившихся, наконецъ, въ сложную картину—въ XII-мъ, въ изображеніи страшнаго суда въ Торчельской мозаикѣ. Въ Россіи древнѣйшія фресковыя изображенія на ту же тэму извѣстны въ Староладожской церкви, Спасо-Нередицкой близъ Новгорода, въ Дмитріевскомъ и Успенскомъ соборахъ въ Владимирѣ на Клязмѣ и въ Кіево-Кирилловской церкви; они отличаются тѣмъ, что изображенія адскихъ мученій въ нихъ не развиты такъ, какъ въ позднѣйшихъ, когда они становятся болѣе сложны и разнообразны, и указываютъ на послѣдовательное вліяніе византійской богословской и народной русской литературы, (легендъ, духовныхъ стиховъ и т. д.). Это разнообразіе было, однако, не достигнуто путемъ свободнаго художественнаго

творчества, а посредствомъ постепеннаго наращенія подробностей, подъ вліяніемъ богословской мысли.

Нѣсколько любопытныхъ рефератовъ было сдѣлано также по вопросу о развитіи на русской почвѣ типовъ церквей, первоначально сложившихся въ Византіи. Такъ, протоіерей І. Чепуринъ, старожилъ Крыма, сообщилъ о крымскихъ пещерныхъ церквахъ—въ Инкерманѣ, Черкесъ-Керменѣ, Мангупѣ и другихъ мѣстностяхъ. Такихъ церквей извѣстно до 30; господствующій типъ ихъ—сокращенная базилика. Даты сохранились только въ Инкерманѣ и Эски-Керменѣ, и относятся къ XIII в., но несомнѣнно, что нѣкоторыя церкви гораздо древнѣе; стѣнная живопись сохранилась наилучше въ Мангупѣ, гдѣ можно видѣть изображенія въ алтарной раковинѣ и нижнемъ алтарномъ поясѣ. По мнѣнію о. Чепурина, появленіе пещерныхъ церквей въ Крыму можно отнести къ концу III вѣка, когда этотъ способъ сооруженія былъ занесенъ сюда плѣнными каппадокійцами. Акад. Сусловъ—прочиталъ рефератъ „о древнихъ деревянныхъ церквахъ въ вологодской и частью въ архангельской губ.", причемъ сдѣлалъ краткій очеркъ исторіи здѣшняго церковнаго зодчества и указалъ на различныя формы церквей, иллюстрируя свое изложеніе множествомъ рисунковъ, плановъ и фотографій. Проф. Султановъ сдѣлалъ мастерской обзоръ развитія типа русскихъ колоколенъ, начиная съ деревянныхъ—на столбахъ или козлахъ, и съ одно-пролетной каменной, и кончая сложными и столпообразными формами. Однопролетная стѣнка развилась мало-по-малу въ двухъ, трехъ и четырехъ-пролетную, получила форму галерейки, покрытой сводомъ, съ двухскатной крышей—или башни, покрытой шатровымъ верхомъ, въ которомъ для бо́льшей звучности, стали дѣлать отверстія, „слухи". Наконецъ, въ XVI вѣкѣ получилъ начало столпообразный стиль, достигшій особеннаго развитія въ XVII в.

Послѣ византійскихъ древностей для русской археологіи представляютъ большую важность древности восточныя. Референтами по этому отдѣлу выступили гг. Гаркави, Смирновъ, Веселовскій и Лашковъ. Г. Гаркави сообщилъ извлеченіе изъ напечатаннаго имъ изслѣдованія „о новооткрытыхъ рукописяхъ Ветхаго Завѣта", именно о 51 фрагментѣ ветхозавѣтныхъ книгъ, полученныхъ отъ одного матроса, которому они, будто-бы, достались отъ его отца, нашедшаго ихъ здѣсь послѣ одного большого пожара. Начертаніе еврейскихъ буквъ въ этихъ рукописяхъ приближается къ арамейскому, что, по мнѣнію Гаркави, указываетъ на ихъ относительную древность, которая можетъ быть приблизительно опредѣлена VIII—IX вѣками по Р. Х. Онъ же, г. Гаркави, говорилъ „о названіи Крыма", появившемся не ранѣе шестидесятыхъ годовъ" XIII вѣка и перешедшемъ

въ восьмидесятыхъ годахъ того же столѣтія монеты хановъ крымской орды. Уже это обстоятельство указываетъ на татарское происхожденіе названія, и дѣйствительно его можно объяснить переносомъ на страну названія города, именно Солхата, одного изъ первыхъ городовъ, занятыхъ татарами, и который былъ обнесенъ рвомъ, по татарски—„кырымъ", столь глубокимъ, что онъ получилъ у татаръ большую извѣстность и далъ названіе самому завоеванному городу. Г. Смирновъ сообщилъ о значеніи изображенія льва и солнца на монетахъ сельджукскаго султана Кей-Хозроу-Денъ-Кей-Кабази" (1237—1256) и „о гробницѣ Ненеке-Джанъ-Ханымъ въ Чуфутъ-Кале". Г. Веселовскій говорилъ—„о великомъ сѣверномъ Хаканѣ, которому подчинялся въ VII вѣкѣ повелитель хазаръ" и который былъ, по мнѣнію референта, не кто другой, какъ хазарскій хаканъ, такъ какъ у хазаровъ было двоевластіе: высшій, духовный властитель—хаканъ, и свѣтскій, онъ же и военный, бекъ,—и „о времени принятія киргизами ислама", именно уже при русскомъ владычествѣ, во второй половинѣ XVIII в., и косвеннымъ образомъ при содѣйствіи русской же администраціи, которая заботилась о возведеніи киргизамъ мечетей и объ отвращеніи ихъ отъ шаманства, подобно тому, какъ и у бурятъ буддизмъ усилился подъ вліяніемъ русскаго управленія, предпочитавшаго имѣть дѣло съ ламаитами, чѣмъ съ шаманистами, хотя послѣдніе, при первобытности своей религіи, скорѣе могли бы сдѣлаться христіанами, чѣмъ буддисты съ ихъ сложной и строго-организованной религіей, опирающейся на обширную тибетскую литературу. Сообщеніе г. Лашкова имѣло предметомъ: „Архивныя данныя о бейлыкахъ въ крымскомъ ханствѣ", т.-е. о майоратныхъ владѣніяхъ дворянскихъ татарскихъ родовъ, причемъ референтъ выказалъ обстоятельное знакомство съ непочатыми еще документами въ мѣстныхъ архивахъ.

Къ восточнымъ же древностямъ могло бы быть отнесено и сообщеніе г. Сизова—„о раскопкахъ на Дону" съ цѣлью отысканія хазарской столицы, Саркела, если только можно было бы признать несомнѣннымъ, что разрытое имъ городище близъ Цимлянской станицы, на лѣвомъ берегу Дона, было дѣйствительно хазарскимъ городомъ. Раскопки г. Сизова были, впрочемъ, скорѣе развѣдками, предпринятыми на счетъ московскаго археологическаго общества. Г. Сизовъ нашелъ здѣсь остатки каменныхъ стѣнъ различной кладки и эпохъ (изъ кирпичей византійскаго издѣлья) и разныя вещи: сосуды, стеклянные браслеты, бусы, желѣзныя стрѣлы, бронзовыя украшенія, византійскіе кресты и византійскія монеты IX и X вѣковъ. На основаніи этихъ данныхъ, референтъ могъ сдѣлать заключеніе, что разрытое имъ городище было однимъ изъ центровъ кирпичнаго

дѣла въ Придонской области въ IX и X вѣкахъ, и что въ это время городъ находился въ оживленныхъ сношеніяхъ съ Византіей. По поводу этого реферата г. Антоновичъ выразилъ мнѣніе, что изслѣдованное г. Сизовымъ городище, по найденнымъ въ немъ вещамъ, весьма похоже на другія сооруженія того же типа, относящіяся къ кіевскому великокняжескому періоду; однако, повидимому, онъ не принялъ во вниманіе особенностей въ устройствѣ стѣнъ, и многія издѣлья чисто восточнаго характера. Отдѣленіе „языка и письменности“ имѣло три засѣданія, на которыхъ было доложено восемь или девять рефератовъ. Проф. Некрасовъ говорилъ „о древне-пермской письменности“, причемъ представилъ пять рукописей XV вѣка, писанныхъ пермскими буквами, которыя, по его мнѣнію, произошли не „изъ мѣстныхъ чертъ“, а составляли искусственный алфавитъ, придуманный св. Стефаномъ для пермяковъ, чуждавшихся всего русскаго, но основанный все-таки на кириллицѣ, отдѣльныя буквы которой были только нѣсколько измѣнены. Онъ же представилъ данныя, что зырянскій рѣзной календарь, изданный г. Савваитовымъ, не зырянскаго, а сѣверно-русскаго и первоначально, вѣроятно, новгородскаго происхожденія. Проф. Флоринскій сообщилъ о неизвѣстномъ доселѣ памятникѣ болгарской литературы XIV в., именно — о похвальномъ словѣ царю Іоанну-Александру, содержащемъ въ себѣ нѣкоторыя интересныя данныя для исторіи боларскаго быта и языка. Г. Головацкій представилъ образцы юридической письменности литовскаго русскаго княжества, начиная съ XV в., издаваемые виленскою археологическою коммиссіей, состоящею подъ его предсѣдательствомъ. Проф. Воскресенскій—сдѣлалъ обзоръ славянскихъ переводовъ евангелія; проф. Первольфъ высказалъ нѣсколько замѣчаній о червонорусскомъ переводѣ Вилицкаго статута; наконецъ, г. Гаркави—сдѣлалъ сообщеніе „о древнѣйшемъ русскомъ словарѣ“ для объясненія непонятныхъ и чужестранныхъ словъ, приложенномъ къ новгородской кормчей книгѣ 1282 г. и изданномъ, но плохо, Калайдовичемъ. Гаркави разобралъ всѣ 174 слова этого словаря и нашелъ между ними—120 еврейскихъ, 20 греческихъ, 12 славянскихъ, 2 латинскихъ и остальныя—неизвѣстнаго языка, объясненіе коихъ онъ и предложилъ гг. филологамъ.

Д. Анучинъ.

II.

Труды отдѣла юридическихъ древностей, памятниковъ общественнаго и частнаго быта, исторической географіи и этнографіи.

Совершенной новинкой на одесскомъ съѣздѣ былъ отдѣлъ юридическихъ древностей. Археологія права, которая еще со временъ Гримма получила и опредѣленныя рамки, и богатое содержаніе, почему-то до послѣдняго времени игнорировалось любителями старины, произвольно ограничивавшими свою задачу изученіемъ однихъ лишь вещественныхъ памятниковъ быта. Между тѣмъ, довольно быстрые успѣхи историко-сравнительной юриспруденціи въ Россіи, еще такъ недавно получившей оффиціальное признаніе въ университетскомъ уставѣ 1863 года и нынѣ устраненной изъ преподаванія новымъ уставомъ, потребность во взаимномъ обмѣнѣ мыслей, какую не могло не почувствовать рано или поздно быстро растущее число представителей,—все это, вмѣстѣ взятое, стало наводить на мысль о положительной необходимости какого-либо, посвященнаго вопросамъ археологіи права, съѣзда. Потребность эта чувствовалась тѣмъ сильнѣе, что общіе юридическіе съѣзды, какъ доказалъ примѣръ московскаго, вопросами дѣйствующаго права ни мало не удовлетворяютъ чисто археологическимъ вкусамъ историковъ-правовѣдовъ. Не удивительно послѣ этого, если предложеніе профессора Леонтовича—открыть на археологическомъ съѣздѣ особое отдѣленіе правовыхъ древностей встрѣтило дружную поддержку со стороны тѣхъ немногихъ юристовъ, какихъ считаетъ въ своей средѣ московское археологическое общество. Работы съѣзда, прочитанные въ немъ рефераты и сопровождавшія ихъ пренія, вполнѣ убѣдили въ томъ, что вопросы по древней исторіи права всего удобнѣе обсуждать на археологическихъ съѣздахъ: самый характеръ этихъ вопросовъ требуетъ для своего рѣшенія одновременно филологическихъ, культурно - историческихъ и чисто-археологическихъ знаній. Причина тому, что собраніе самыхъ разнохарактерныхъ по своей спеціальности любителей старины—а такимъ именно является археологическій съѣздъ,—наиболѣе удобное мѣсто для ихъ всесторонняго разъясненія. Не требуя спеціальныхъ юридическихъ познаній, эти вопросы съ удобствомъ могутъ обсуждаться людьми, стоящими довольно далеко отъ практическаго правовѣдѣнія и обладающими въ то же время недостающимъ большинству юристовъ знаніемъ въ области сравнительной грамматики, сравнительной миѳологіи и исторіи изящныхъ искусствъ. Безъ содѣйствія съ ихъ стороны многіе вопросы, подымаемые исто-

риками, правовѣдами, или совсѣмъ останутся безъ отвѣта, или получать одно лишь одностороннее съ своей стороны объясненіе. Считая весьма желательнымъ взаимный обмѣнъ мыслей между филологами, историками и юристами по археологическимъ вопросамъ, я счелъ нужнымъ предложить съѣзду въ одномъ отдѣлѣ изученіе какъ юридическихъ древностей, такъ и древностей домашняго и общественнаго быта.—Предложеніе это было принято, а участіе, которое съ такою пользою для науки приняли въ обсужденіи юридическихъ вопросовъ представители другихъ спеціальностей, кажется, вполнѣ убѣдило всѣхъ въ желательности такихъ соединенныхъ сессій. Большое число прочитанныхъ на нихъ рефератовъ, новизна взглядовъ, и богатство свѣжихъ матеріаловъ, отличавшее собою представленныя отдѣлу сообщенія, въ значительной степени объясняется тѣмъ соображеніемъ, что изученіе памятниковъ невещественныхъ не входило, какъ сказано досслѣ въ задачу археологическихъ съѣздовъ, и что поэтому лица, занимающіяся этой отраслью археологіи, сообщали въ Одессѣ не результаты работъ, сдѣланныхъ ими лишь за послѣдніе три года, но нерѣдко—зрѣлый продуктъ десятилѣтняго изслѣдованія.

Къ числу такихъ именно рефератовъ должны быть отнесены оба реферата кіевскаго профессора Лучицкаго по исторіи и общинному землевладѣнію въ Малороссіи. Всякому, знакомому съ литературными трудами и преподавательской дѣятельностью кіевскаго ученаго, небезъизвѣстно, что вопросы землевладѣнія принадлежатъ издавна къ числу его излюбленныхъ тэмъ. Читаете ли вы тѣ ученыя главы объ общественномъ строѣ Европы въ концѣ среднихъ вѣковъ, какія приложены имъ къ русскому переводу новой исторіи Зеворта, или проглядываете рядъ статей, помѣщенныхъ имъ же въ разное время въ „Отечеств. Запискахъ" и даже въ изданіяхъ полтавского земства, вы безъ труда убѣждаетесь въ томъ, что въ лицѣ профессора Лучицкаго читатель имѣетъ дѣло съ человѣкомъ, понимающимъ, что краеугольнымъ камнемъ при изученіи взаимныхъ отношеній сословій и классовъ и самаго строя государственной жизни, является знакомство съ земельнымъ правомъ. Кропотливый изслѣдователь провинціальныхъ архивовъ Франціи и сѣверной Испаніи, съумѣвшій открыть въ нихъ такъ много новаго и для исторіи религіозныхъ движеній, и для исторіи экономической жизни, профессоръ Лучицкій обратилъ въ послѣднее время свое вниманіе на изученіе болѣе близкаго къ намъ по характеру предмета,—нашихъ собственныхъ земельныхъ порядковъ. Та смѣлость мысли, съ которой и въ предшествовавшихъ работахъ онъ пытался доказывать, вопреки господствующимъ мнѣніямъ, и аристократическій характеръ кальвинизма

скихъ движеній во Франціи, и примѣнимость къ Испаніи теоріи Маурера о происхожденіи частной собственности изъ общинной,— позволили ему и въ этой новой для него области не подпасть подъ вліяніе прочно, повидимому, обоснованнаго ученія о томъ, что сельская община составляетъ особенность великорусскаго племени, и что ничего подобнаго ей нельзя найти въ быту малороссійскаго народа, издавна отличавшагося стремленіемъ къ индивидуализму.

Открытіе Румянцевской описи, или, вѣрнѣе говоря, значительной части ея, среди прочихъ неразобранныхъ еще рукописей кіевской университетской библіотеки, доставило ему главный матеріалъ для построенія совершенно новой теоріи происхожденія современныхъ намъ земельныхъ порядковъ въ Украйнѣ. Эти матеріалы были наполнены цѣлою массою другихъ, въ разное время открытыхъ имъ же въ губернскихъ правленіяхъ, въ уѣздныхъ и волостныхъ архивахъ, а въ настоящее время изданныхъ особымъ сборникомъ. Прибавимъ къ этому продолжительныя наблюденія во время частныхъ прогулокъ пѣшкомъ и поѣздокъ съ ученой цѣлью на протяженіи всей полтавской губерніи, наблюденія, результатомъ которыхъ было накопленіе цѣлаго ряда фактовъ перехода изъ области земельнаго права, пополняющихъ собою скудныя свидѣтельства историческихъ памятниковъ и разъясняющихъ ихъ всегда казенный, и потому подчасъ неясный языкъ. Члены съѣзда могли только пожалѣть о томъ, что накопленіе матеріала и вызванная тѣмъ ограниченность времени, предоставленнаго въ распоряженіе отдѣльныхъ референтовъ, не позволили профессору Лучицкому войти во всѣ подробности такъ обстоятельно изученнаго имъ вопроса и ограничиться сообщеніемъ однихъ лишь главныхъ выводовъ. Но и изъ представленнаго имъ очерка видна вся важность предпринятаго изслѣдователемъ труда и то всеопредѣляющее значеніе, какое трудъ этотъ призванъ будетъ оказать на послѣдующую разработку исторіи земельнаго права на всемъ югѣ Россіи. Для примѣра можно указать на вполнѣ обоснованный имъ фактъ существованія въ малороссійскихъ селахъ XVII и XVIII вѣка помірковъ или общинныхъ надѣловъ, на которые дѣлилось общее всѣмъ казакамъ поле, или „выпустъ", а также и на то, что рядомъ съ этой формой сельской общины въ названныя столѣтія можно было встрѣтить подчасъ другую еще болѣе древнюю и, по своему характеру, напоминающую древне-германскую марку. По словамъ референта, цѣлая группа селъ нерѣдко пользовалась сообща общеволостною землею безраздѣлочно, причемъ каждый дворъ занималъ извѣстный участокъ въ облюбованномъ имъ мѣстѣ. Порядокъ вещей, который несовсѣмъ удачно обозначается референтомъ терминомъ „захватной формы владѣнія", и примѣры которой доселѣ

встрѣчаются, по его словамъ, въ лубенскомъ уѣздѣ и нѣкоторыхъ волостяхъ—кременчугскаго, переяславскаго и золотоношскаго уѣздовъ, не говоря уже о земляхъ черноморскихъ казаковъ или терскаго казачьяго войска (какъ въ этомъ я имѣлъ случай убѣдиться лично въ мою прошлогоднюю поѣздку на Кавказъ). При такомъ порядкѣ земельнаго пользованія, каждый захватываетъ себѣ столько земли, сколько въ силахъ вспахать или обкосить. Владѣніе каждаго обозначается имъ же самимъ съ помощью извѣстныхъ знаковъ тычками или обкосомъ. Неравномѣрность владѣнія—характерная особенность такихъ поземельныхъ порядковъ и причина ихъ позднѣйшаго вымиранія по мѣрѣ возрастанія густоты населенія. Не останавливаясь на болѣе позднихъ по времени формахъ коллективнаго землевладѣнія въ Малороссіи, отмѣтимъ въ частности одну, которая представляется наиболѣе оригинальной, и объясненія которой слѣдуетъ искать въ военно-дружинной организаціи самого казачества,—это-та форма общины, при которой имѣетъ мѣсто дѣленіе земельной площади села на сотни и десятки. Каждая сотня получаетъ землю по жребію и распоряжается ею по своему усмотрѣнію, т.-е. дѣлитъ ее на десятки или участки, порѣзанные на десять душъ, или же обрабатываетъ и скашиваетъ ее, сообща, артелью.

Къ реферату проф. Лучицкаго примыкаетъ по своему содержанію, рефератъ еще молодого историка юго-западной Руси, доцента харьковскаго университета, г. Багалѣя. Не въ первый разъ выступаетъ этотъ изслѣдователь съ попыткой примиренія высказываемой И. В. Лучицкимъ новой теоріи съ господствующимъ ученіемъ о возникновеніи въ Малороссіи частной собственности путемъ частныхъ заимокъ. Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ помѣщена была имъ (въ „Кіевской Старинѣ") любопытная статья по исторіи старозаимочнаго землевладѣнія въ Слободской Украйнѣ, нынѣшней харьковской губ. Жаркіе дебаты, какъ мы слышали, вызвало прочтеніе этой статьи въ Обществѣ лѣтописца Нестора. Г. Багалѣй склоненъ былъ, повидимому, отрицать совершенно фактъ существованія въ Малороссіи общинной собственности. Матеріалы, изданные въ послѣднее время г. Лучицкимъ, повидимому, повліяли на нѣкоторое измѣненіе его первоначальныхъ взглядовъ; онъ не только не отрицаетъ болѣе существованіе общественныхъ земель между казаками, но и видитъ въ позднѣйшемъ раздѣлѣ ихъ одну изъ причинъ возникновенія частной собственности на землю. Рядомъ съ этой причиной онъ указываетъ и двѣ другихъ: выдѣлъ извѣстныхъ земель частному лицу въ силу пожалованія или покупки, и—частную заимку. Первая причина, очевидно, позднѣйшаго происхожденія; что касается послѣдней, то для насъ является не вполнѣ выясненнымъ — происходила ли частная

заимка въ Слободской Украйнѣ, съ вѣдома и согласія казачьихъ обществъ, подобно тому, какъ на Западѣ Европы съ вѣдома и согласія сельскихъ общинъ возникали однохарактерные съ заимкой „exsarta“ или „assarta“, „emprin“ и „neübrüche“, или же г. Багалѣй полагаетъ, что до момента ея занятія, входившая въ заимку земля никому не принадлежала, была „res nullius“ и, какъ таковая, могла быть свободно захвачена каждымъ.

Интересными сообщеніями гг. Лучицкаго и Багалѣя не оканчивается списокъ тѣхъ рефератовъ, какіе были прочитаны на одесскомъ съѣздѣ по вопросамъ исторіи землевладѣнія. Не говоря уже о сообщеніяхъ извѣстнаго историка Болгаріи, проф. Успенскаго: „О писцовыхъ книгахъ“, какъ важнѣйшемъ матеріалѣ для исторіи поземельныхъ отношеній въ Византіи, и о трудѣ г. Лашкова, „О землевладѣніи въ Крыму до и послѣ присоединенія его къ Россіи“,—рефератахъ тѣмъ болѣе интересныхъ, что въ нихъ новизна выводовъ соединялась съ новизною самаго матеріала изслѣдованія,—упомяну о крайне важномъ, по своей конечной цѣли, сообщеніи проф. Энгельмана, этого образцоваго знатока древнихъ памятниковъ нашего права. Рефератъ проф. Энгельмана вызванъ былъ недавнимъ трудомъ г-жи Ефименко: „О землевладѣніи на нашемъ крайнемъ сѣверѣ“. Оцѣнивая по достоинству этотъ замѣчательный трудъ неутомимой и талантливой изслѣдовательницы нашего народнаго быта и характеризующихъ его юридическихъ обычаевъ, профессоръ Энгельманъ высказывалъ ту мысль, что описанная госпожей Ефименко форма долевого землевладѣнія не составляетъ особенность одного нашего сѣвера, а должна быть признана общимъ типомъ древне-русскаго землевладѣнія. Сравнивая этотъ типъ съ римскимъ „condominium“, референтъ пытался установить тотъ взглядъ, что долевая форма землевладѣнія есть видъ частной, а не общинной собственности. Не соглашаясь съ этимъ основнымъ положеніемъ, докторъ лейпцигскаго университета А. М. Евреинова представила въ своихъ возраженіяхъ горячую защиту теоріи „общины-волости“, навсегда связанной съ именами проф. Бѣляева и Лешкова. Въ этотъ споръ вмѣшался и я, пытаясь доказать сравненіемъ признаковъ долевой общины и римскаго „condominium“, что то сходство, которое между ними допускаетъ проф. Энгельманъ, на самомъ дѣлѣ не существовало, и что долевое землевладѣніе есть не болѣе, какъ своеобразный и архаическій типъ общиннаго землевладѣнія.

Упомяну еще о томъ пріятномъ впечатлѣніи, какое вызвало въ средѣ присутствующихъ юристовъ и историковъ сообщеніе еще весьма молодого ученаго, г. Блюменфельда: „О значеніи писцовыхъ книгъ для характеристики хозяйственнаго быта русскаго народа“.

Отдавая полную справедливость новизнѣ того статистическаго пріема, какой приложенъ былъ референтомъ къ изученію древне-русскаго землевладѣнія на основаніи писцовыхъ книгъ, мы не можемъ не пожалѣть о томъ, что недостаточное число дошедшихъ до насъ памятниковъ этого рода и неравномѣрное распредѣленіе ихъ между отдѣльными частями Россіи не позволяютъ намъ полагаться вполнѣ на достовѣрность тѣхъ общихъ заключеній, къ какимъ приводитъ въ этомъ случаѣ статистическая выкладка.

За вопросами земельнаго права, сословныя отношенія, преимущественно въ средѣ горскихъ народностей нашего Кавказа, подвергнуты были съѣздомъ многостороннему обсужденію. Первымъ референтомъ по этому предмету выступилъ проф. Леонтовичъ; ученый издатель „Адатовъ кавказскихъ горцевъ“ старался въ своемъ рефератѣ о кавдассардахъ или побочныхъ дѣтяхъ осетинскихъ старшинъ провести аналогію между этимъ служебно-родовымъ классомъ и древне-русскими отроками и дѣтьми боярскими. Возражая на этотъ рефератъ, я позволилъ себѣ обратить вниманіе референта на ту характерную черту осетинскихъ порядковъ, которая встрѣчается только въ древне-индусскомъ правѣ и совершенно неизвѣстна древнерусскому, именно ту, что кавдассарды—дѣти, прижитыя женщиной низшаго состоянія, не только при сожитіи съ старшиною, но и при сожитіи съ постороннимъ лицомъ, каждый разъ съ вѣдома и согласія старшины.

Второй рефератъ по тому же вопросу—о сословныхъ отношеніяхъ горцевъ—былъ представленъ г. Кулишеромъ, извѣстнымъ сотрудникомъ нѣмецкаго ученаго Бастіана и авторомъ многихъ статей по этнографіи, этнологіи и сравнительной исторіи права. Рефератъ этотъ всецѣло былъ направленъ противъ меня и той теоріи господства въ средѣ кабардинцевъ, горскихъ татаръ, кумыковъ и нѣкоторой части осетинъ, общественныхъ отношеній, близкихъ по характеру къ феодальнымъ, которая высказана была мною въ двухъ журнальныхъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ „Русской Мысли“ и „Вѣстникѣ Европы“. Остановившись съ подробностью на характеристикѣ права собственности у черкесовъ, г. Кулишеръ на основаніи, между прочимъ, свидѣтельствъ Коха и Беля, приходилъ къ тому заключенію, что у черкесовъ земля составляла собственность народа, а не властителей и отдѣльныхъ лицъ и что поэтому о феодальномъ режимѣ въ ихъ средѣ не можетъ быть и рѣчи. Въ протоколахъ съѣзда, составленныхъ въ большинствѣ случаевъ по запискамъ самихъ референтовъ, я нахожу, что г. Кулишеръ указалъ затѣмъ, что у осетинъ и кумыковъ также не могъ существовать феодальный строй, что у нихъ были различія только между тѣми, которые владѣли лошадью и вооруже-

ніемъ, и тѣми, которые этими доспѣхами не владѣли. Рядомъ съ этой причиной возникновенія сословныхъ различій, г. Кулишеръ указываетъ на образованіе союзовъ между братствами одного и того же племени. Нѣсколько братствъ, для успѣшной борьбы съ врагами, соединялись въ союзъ, состоявшій подъ главенствомъ князя: отсюда разница между старшинами отдѣльныхъ мѣстъ, отдѣльныхъ братствъ и общимъ союзнымъ княземъ. Отношенія всего союзнаго населенія къ князю основаны, по мнѣнію г. Кулишера, не на томъ, что онъ въ своемъ лицѣ соединяетъ, вмѣстѣ съ политической властью, верховную собственность надъ землею, а на томъ, что онъ политическій представитель данной группы общинъ и предводитель дружины. У кабардинцевъ, въ частности, отношеніе князя и узденей обусловливается, по мнѣнію референта, отчасти общественнымъ положеніемъ этихъ лицъ, т.-е. тѣмъ, что князья и извѣстная часть узденей были должностными лицами, получавшими слѣдовательно извѣстное вознагражденіе отъ населенія за отправляемыя ими общественныя обязанности, отчасти же эти отношенія обусловливаются нравами горцевъ и ихъ обычаями.

Защищая высказанный мною взглядъ на феодальный характеръ сословныхъ отношеній горцевъ сѣвернаго Кавказа, я прежде всего обратилъ вниманіе референта на слѣдующую, существенную въ моихъ глазахъ, ошибку, какая вкралась въ его интересное сообщеніе. Онъ полагаетъ, что я приписываю черкесамъ феодальный строй жизни, и думая такъ, онъ приводитъ противъ меня свидѣтельства Коха и Беля; на самомъ же дѣлѣ, я говорю не только о черкесахъ, но и о большей части осетинъ, какъ о народахъ, живущихъ еще родовой демократіей. Феодальные порядки приписываются мною только кабардинцамъ, кумыкамъ, горскимъ татарамъ и незначительной части осетинъ, подпавшей подъ непосредственное вліяніе Кабарды. Происхожденіе такой сложной сословной системы, какъ напр. та, какую представляютъ собою кабардинцы съ своими одиннадцатью сословіями, едва ли можетъ быть объяснено одними лишь различіями въ характерѣ должностей, занимаемыхъ отдѣльными лицами группъ; къ тому же наслѣдственное занятіе должности и есть одинъ изъ признаковъ феодальныхъ порядковъ. Возраженіе, что земля оставалась въ общинномъ владѣніи кабардинскаго народа, потому уже не кажется мнѣ существеннымъ, что общинное владѣніе крестьянъ въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ продолжало держаться на ряду съ феодальными помѣстьями и при томъ на земляхъ самихъ феодальныхъ сеньоровъ. Сравненіе же личныхъ службъ и натуральныхъ сборовъ, производимыхъ въ пользу горскихъ феодаловъ членами зависимыхъ отъ нихъ сословій, съ тѣмъ, какія согласно, напр., реймскому по-

липтику IX-го вѣка, несутъ въ пользу сеньоровъ свободные поселенцы и крѣпостные крестьяне, приводитъ къ заключенію объ однохарактерности горскихъ порядковъ съ средне-вѣковыми феодальными.

Сословными отношеніями и, въ частности, общественнымъ положеніемъ рабовъ занимается также и сдѣланное мною сообщеніе о православныхъ и въ томъ числѣ русскихъ рабахъ въ Испаніи.

Древній процессъ также не былъ оставленъ безъ вниманія собравшимися на съѣздъ юристами. Суды божіе, поединокъ, присяга, древнѣйшіе способы взиманія долговъ, все это сдѣлалось предметомъ нерѣдко горячихъ споровъ, въ которыхъ принимали участіе, кромѣ самихъ референтовъ, лучшіе знатоки древне-русскаго права, этнографы и спеціалисты по инородческому быту и языку. Общею характеристикой всего прочитаннаго по правовымъ древностямъ могутъ служить слѣдующія черты: оригинальность и новизна сообщеннаго референтами матеріала и преобладающій мѣстный характеръ послѣдняго. Первый по времени южно-русскій съѣздъ археологовъ занялся по преимуществу вопросами южно-русскихъ древностей. Малороссія и Украйна, Кавказъ и Крымъ — вотъ тѣ области Россіи, изученіе которыхъ по преимуществу имѣли въ виду лица, участвовавшія въ отдѣлѣ юридическихъ древностей,

Тотъ же мѣстный колоритъ носили и сообщенія, сдѣланныя по вопросамъ общественнаго и домашняго быта. Достаточно указать напр. на такіе рефераты, какъ рефератъ г. Орлова — Историческій очеркъ г. Одессы съ 1794 г. по 1803 годъ, г. Маркевича — Одесса въ народной поэзіи, и оба сообщенія г. Эварницкаго, одно озаглавленное — „Поѣздка въ Запорожье", другое — „Изслѣдованіе о Сѣчѣ", чтобы убѣдиться въ томъ, какое значеніе придано было на съѣздѣ изученію и всестороннему разслѣдованію такъ мало извѣстной еще южно-русской исторіи. Названныя сообщенія сами по себѣ такъ любопытны, что стоило бы остановиться на каждомъ изъ нихъ въ подробности, но за недостаткомъ мѣста мы позволимъ себѣ сказать только два слова еще о рефератахъ г. Эварницкаго. Намъ рѣдко приходилось видѣть изслѣдователя, который бы такъ сжился съ предметомъ своей работы, такъ облюбовалъ его, какъ сдѣлалъ это начинающій свою научную карьеру харьковскій историкъ Эварницкій. Его сообщенія—результатъ неоднократныхъ поѣздокъ по Запорожью, въ которомъ онъ не оставилъ безъ вниманія ни народныхъ сказаній, ни пѣсенъ, ни предметовъ древностей, кое-гдѣ уцѣлѣвшихъ въ городскихъ церквахъ, плановъ крѣпостей и портретовъ историческихъ дѣятелей. Особый интересъ его сообщенію придавала обширная иллюстрація всего сказаннаго предъявленіемъ снимковъ нерѣдко даже и оригиналовъ оставшихся отъ времени Запорожья вещест-

венныхъ памятниковъ. Памятники эти доставлены были на съѣздъ самимъ референтомъ и составили немаловажное украшеніе открытой при съѣздѣ археологической выставки. Чтобы дать нѣкоторое понятіе о томъ искреннемъ жарѣ, съ которымъ г. Эварницкій относится къ своимъ научнымъ занятіямъ, мы позволимъ себѣ привести на основаніи протоколовъ съѣзда заключительныя слова послѣдняго изъ его рефератовъ. Изложивши разныя стороны быта запорожскаго казачества, г. Эварницкій закончилъ свое сообщеніе слѣдующими словами: „Вотъ она Запорожская Сѣчь, откуда разливалась слава по всей Украйнѣ, которой имя гремѣло на востокѣ и западѣ, Сѣчь, бывшая твердымъ оплотомъ русской народности и православной вѣры противъ всѣхъ хитросплетеній іезуитовъ, Сѣчь, окончательно обезсилившая то злое племя татаръ, которое, какъ Дамокловъ мечъ, тяготѣло надъ нашей многострадальной Украйной, — Сѣчь, откуда вылетали такіе мощные богатыри, какъ Иванъ Подкова, такіе неустрашимые рыцари, гроза турокъ и татаръ, какъ Иванъ Сѣрко, Василій Сычъ, такіе крѣпкіе духомъ люди, сильные умомъ и твердые въ вѣрѣ, какъ Петръ Конашевичъ Сагайдачный, такіе мученики правды, какъ Головатый, Глаба и Петръ Кальнишевскій! Вотъ та Сѣчь, гдѣ свято исполнялись дѣдовскіе обычаи, гдѣ никогда не умирала казачья удаль, гдѣ складывались сотни глубокопрочувствованныхъ думъ, истинно-сатирическихъ пословицъ, гдѣ распѣвались и до послѣднихъ дней въ высшей степени художественныя пѣсни".

Преимущественное занятіе памятниками южно - русской старины не помѣшало однако нѣкоторымъ референтамъ привлечь вниманіе съѣзда и къ вопросамъ сѣверно-русской археологіи. Извѣстный знатокъ нашихъ сѣверно-русскихъ народоправствъ, проф. Никитскій, заинтересовалъ довольно полную въ этотъ день аудиторію своимъ сообщеніемъ о мѣстѣ Петербурга въ XV вѣкѣ. Устье Невы имѣло по его словамъ выдающееся торговое значеніе задолго до основанія Петербурга. Обыкновенное названіе для него въ нѣмецкихъ памятникахъ Nu, Nü, т.-е. Нева. Подъ Невою въ XIV и XV столѣтіи разумѣлась не рѣка Нева, а Васильевскій Островъ и сосѣдніе къ нему острова. Изъ иноземныхъ гостей, часто посѣщавшихъ устье Невы, первое мѣсто занимаютъ граждане прусскихъ городовъ и въ частности Данцига. Торговыя сдѣлки главнымъ образомъ производились на сельди и сукна, но особенно видную роль играла торговля солью, въ которой такъ нуждалась въ древности русская земля и въ частности новгородское населеніе, занятое по преимуществу рыболовствомъ. Съ подчиненіемъ Новгорода московскимъ царямъ, падаетъ торговое значеніе невскаго устья. Торговля принимаетъ иное направленіе, и самое устье въ скоромъ времени отходитъ отъ Россіи. Когда, въ началѣ

XVIII вѣка, Петру удалось возсоединить его снова съ нею, благопріятное стеченіе обстоятельствъ выдвигаетъ его опять на историческую арену. Петру Великому нечего было, слѣд., сочинять Петербурга; онъ данъ былъ ему и природными и историческими условіями. „Конечно, такъ закончилъ референтъ свое сообщеніе, было бы несогласно съ истиной утверждать, что, основывая Петербургъ, Петръ Великій имѣлъ въ виду преемства исторической жизни. Но въ число качествъ, присущихъ сильнымъ умамъ, нужно включать и то, что, дѣйствуя подъ вліяніемъ современныхъ имъ потребностей, они часто попадаютъ въ истинный потокъ исторической народной жизни". Новгородской же старинѣ посвященъ былъ рефератъ, или, вѣрнѣе сказать чтеніе, извѣстнаго московскаго историка Д. И. Иловайскаго. Уступая настоятельнымъ просьбамъ постояннаго предсѣдателя отдѣла и не имѣя подъ рукою спеціально написаннаго для съѣзда реферата, г. Иловайскій согласился прочесть отрывокъ изъ подготовляемаго имъ къ изданію 3-го тома „Исторіи Россіи". Отрывокъ этотъ касается секты жидовствующихъ, которая, какъ г. Иловайскій старается доказать, не имѣетъ въ себѣ ничего еврейскаго, вопреки общепринятому мнѣнію на этотъ счетъ. Въ защиту этого общепринятаго мнѣнія и выступилъ проф. Павловъ, издатель новыхъ матеріаловъ, по затронутому г. Иловайскимъ вопросу. Настаивая на знакомствѣ жидовствующихъ съ еврейскимъ календаремъ, на другихъ фактахъ, свидѣтельствующихъ о близости ихъ къ гебраизму, проф. Павловъ въ то же время соглашался, что ученіе жидовствующихъ проникнуто несравненно болѣе раціоналистическими началами, чѣмъ тѣ, какія составляютъ сущность ортодоксальнаго, по крайней мѣрѣ, еврейства. Онъ полагалъ поэтому, что жидовствующіе заимствовали свое ученіе у одной изъ передовыхъ гебраическихъ сектъ. Къ мнѣнію проф. Павлова поспѣшили присоединиться такіе спеціалисты по древней русской, по преимуществу, духовной литературѣ, какъ профессора Некрасовъ и Петровъ. На сторонѣ г. Иловайскаго оказался однако нашъ извѣстный гебраистъ, г. Гаркави, приведшій въ его пользу слѣдующее соображеніе: историки еврейства въ Россіи и Польшѣ, въ томъ числѣ г. Бершадскій, нигдѣ не указываютъ на существованіе въ средѣ евреевъ какихъ-либо раціоналистическихъ теченій ранѣе второй половины XVIII-го вѣка. Оживленность и убѣдительность, съ которой каждая изъ спорящихъ сторонъ отстаивала свои воззрѣнія, побудили присутствующую публику отнестись съ одинаковымъ сочувствіемъ къ обоимъ мнѣніямъ и наградить и референта и оппонента дружными рукоплесканіями.

Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ остановиться на передачѣ, даже въ общихъ чертахъ, содержанія другого весьма инте-

реснаго сообщенія — „О колонизаціи оренбургской губерніи“, надъ составленіемъ котораго, повидимому, потрудился немало почтенный представитель русской историографіи въ Одессѣ, г. Перетятковичъ. Лица, знакомыя съ первыми трудами по исторіи колонизаціи Поволжья, нашли въ этомъ сообщеніи ту же обстоятельность и то же непосредственное знакомство съ источниками, какія составляютъ неотъемлемыя достоинства всего, что̀ ни выходитъ изъ подъ пера г. Перетятковича.

Мы такъ много отвели мѣста сообщенію научныхъ результатовъ съѣзда, что не знаемъ, можемъ ли еще навремя остановить вниманіе читателя на общественномъ его значеніи. Не давая подробнаго развитія нашей мысли, мы позволимъ себѣ только высказать увѣренность въ томъ, что мѣсто для съѣзда было избрано весьма удачно, не потому, чтобы Одесса имѣла особенное расположеніе къ археологіи, а потому именно, что до этой археологіи въ ней, повидимому, до сихъ поръ никому не было дѣла. Привитіе вкуса къ археологическимъ изслѣдованіямъ и составляетъ одну изъ прямыхъ задачъ археологическихъ съѣздовъ. Участники послѣдняго съѣзда съ интересомъ слѣдили поэтому, какъ пустыя на первыхъ порахъ аудиторіи постепенно стали наполняться публикой, какъ безмолвное отношеніе ко всему, что ни говорилось и ни читалось на первыхъ засѣданіяхъ, уступило затѣмъ мѣсто чисто-южному увлеченію, выразившемуся въ щедрыхъ рукоплесканіяхъ и референтамъ, и оппонентамъ, всего же болѣе ближайшимъ устроителямъ съѣзда: гр. Уварову и проф. Кондакову. Имя графа Уварова, въ частности, такъ тѣсно сплелось съ судьбами русской археологіи и съ исторіей археологическихъ съѣздовъ, что всякій, сколько-нибудь полный докладъ о нихъ по необходимости долженъ начаться и заканчиваться выраженіемъ ему искренней признательности, какъ энергическому организатору коллективныхъ предпріятій, на пользу отечественной археологіи. На этотъ разъ къ числу прочихъ голосовъ, охотно сливающихся въ дружный хоръ для его прославленія присоединяется и голосъ историковъ-юристовъ, впервые получившихъ доступъ къ археологическимъ съѣздамъ. Посѣщая засѣданія юридическаго отдѣла, всегда переполненнаго публикой, гр. Уваровъ несомнѣнно вынесъ то убѣжденіе, что археологіей легко заинтересовать лишь тогда, если понимать ее въ возможно широкомъ смыслѣ, внося въ ея задачи изученіе не однихъ лишь вещественныхъ памятниковъ, но и всѣхъ вообще бытовыхъ особенностей, выразились ли онѣ въ языкѣ и литературѣ, въ нравахъ, обычаяхъ или привычкахъ народовъ.

М. Ковалевскій.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е декабря, 1884.

Новый шагъ впередъ въ пересмотрѣ нашихъ уголовныхъ законовъ.—Проектъ постановленій о лишеніи жизни, тѣлесныхъ поврежденіяхъ и поединкахъ. — Необходимость ускорить изданіе уголовнаго кодекса.—Рѣчь г. министра юстиціи въ Москвѣ.

Два года тому назадъ мы говорили на этомъ мѣстѣ о проектѣ общей части новаго уголовнаго уложенія, составленномъ редакціонною коммиссіею, подъ предсѣдательствомъ Э. В. Фриша. Теперь передъ нами лежитъ новый трудъ той же коммиссіи—проектъ восьми главъ особенной части, обнимающихъ собою преступленія противъ личности. Не входя въ техническія детали, мы остановимся преимущественно на томъ, что этотъ проектъ представляетъ общедоступнаго и общеинтереснаго. Какъ и проектъ общей части, онъ отличается прежде всего сжатостью, отсутствіемъ излишней регламентаціи; раздѣленія и подраздѣленія, которыми такъ богато дѣйствующее уложеніе, почти вездѣ уступаютъ мѣсто немногимъ общимъ правиламъ, въ примѣненіи которыхъ суду предоставляется широкая, сравнительно, свобода дѣйствій. Число статей сокращено чуть не на половину, объемъ ихъ подвергся еще болѣе значительному уменьшенію. Въ первой же статьѣ первой главы мы встрѣчаемся съ нововведеніемъ, заслуживающимъ большого вниманія. Не только наше уложеніе о наказаніяхъ, но и многіе западно-европейскіе кодексы различаютъ убійство предумышленное, заранѣе обдуманное, отъ убійства непредумышленнаго, совершеннаго по внезапному побужденію. Для того и другого выработались даже особыя наименованія: для перваго — assassinat, Mord, murder, для второго — meurtre, Todtschlag, manslaughter. Первое, конечно, наказывается строже, чѣмъ второе; уложенія французское и германское, англійскій законъ, угрожаютъ за него смертною казнью. На самомъ дѣлѣ, однако, различіе между преду-

мышленіемъ и простымъ умысломъ, между заранѣе обдуманнымъ и внезапно явившимся намѣреніемъ, вовсе не такъ ярко и очевидно, чтобы служить основаніемъ для разграниченія двухъ видовъ убійства, чтобы укрѣпить за однимъ изъ нихъ, безусловно и безповоротно, бо́льшую наказуемость сравнительно съ другимъ. Есть множество промежуточныхъ состояній, которыя одинаково легко могутъ быть подведены подъ ту или другую степень умышленности; есть множество случаевъ, въ которыхъ бо́льшая умышленность не равносильна еще бо́льшей виновности, и наоборотъ. Мнѣнія юристовъ о признакахъ и свойствахъ предумышленія далеко расходятся между собою; одни считаютъ достаточнымъ, чтобы замыселъ предшествовалъ дѣйствію, другіе требуютъ, чтобы обдуманность продолжалась и во все время совершенія преступленія. Весьма различно опредѣляется и промежутокъ времени, отдѣляющій, при предумышленности, намѣреніе отъ исполненія; въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, напримѣръ, судебная практика установила для него минимумъ въ полъминуты, возводя, такимъ образомъ, почти каждое убійство на степень убійства предумышленнаго. Если дѣленіе убійства на предумышленное и непредумышленное является весьма распространеннымъ, то отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы оно имѣло глубокіе корни въ исторіи. Слова: „Mord, assassinat“, означали первоначально вовсе не предумышленное убійство, а убійство совершенное въ тайнѣ или подъ вліяніемъ низкихъ побужденій. Въ наше уголовное право различіе между предумышленнымъ и непредумышленнымъ убійствомъ введено лишь уложеніемъ 1845 г. Рѣшившись вычеркнуть его изъ проекта, редакціонная коммиссія поступила, по нашему мнѣнію, совершенно правильно—и послѣдовательно, такъ какъ уже и въ общей части ея труда мы не встрѣчаемъ дѣленія преступленій по степени или продолжительности умысла. При томъ просторѣ, который предполагается предоставить суду въ выборѣ мѣры наказанія, степень обдуманности убійства будетъ вліять на участь убійцы наравнѣ съ другими обстоятельствами, увеличивающими или уменьшающими вину. По статьѣ первой проекта, виновный въ убійствѣ наказывается каторгою на срокъ не ниже восьми лѣтъ. Высшій срокъ срочной каторги, по общей части проекта — пятнадцать лѣтъ. Между наименьшимъ и наибольшимъ наказаніемъ за убійство существуетъ, слѣдовательно, значительная разница, увеличивающаяся еще больше, если подсудимый признанъ заслуживающимъ снисхожденія; въ такомъ случаѣ отъ суда зависитъ спуститься до самаго низшаго срока срочной каторги, т.-е. до пяти лѣтъ.

Статья первая проекта относится только къ обыкновенному, не квалифицированному убійству; статья вторая перечисляетъ особо

тяжкія формы убійства, назначая за нихъ безсрочную каторгу или каторгу на срокъ не ниже десяти лѣтъ (въ случаѣ признанія подсудимаго заслуживающимъ снисхожденія, наказаніе и здѣсь можетъ быть понижено до пяти лѣтъ каторги). Сравнительно съ дѣйствующими законами, число обстоятельствъ, увеличивающихъ наказаніе за убійство, значительно уменьшено. Уложеніе о наказаніяхъ разсматриваетъ отце- и матереубійство какъ самую тяжкую форму преступленія, наказуемую, независимо отъ степени умысла и побужденій убійцы, безсрочною каторгою, безъ перевода въ разрядъ исправляющихся; проектъ признаетъ его однимъ изъ видовъ квалифицированнаго убійства, не отличающимся отъ остальныхъ. Другія родственныя отношенія, а также отношенія супружескія, вовсе не причисляются проектомъ къ обстоятельствамъ, квалифицирующимъ убійство. По справедливому замѣчанію редакціонной коммиссіи, значеніе супружеской связи, порванной убійствомъ, парализуется почти всегда условіями и обстановкой убійствъ этого рода; поводомъ къ нимъ всего чаще являются пьянство, развратная жизнь, жестокое обращеніе съ дѣтьми, вслѣдствіе чего они въ дѣйствительности не только не влекутъ усиленной репрессіи, но наоборотъ, вызываютъ снисхожденіе къ виновному. Съ бóльшимъ еще основаніемъ исключены проектомъ изъ числа обстоятельствъ, квалифицирующихъ убійство, отношенія подчиненнаго къ начальнику, слуги къ господину, ученика или рабочаго къ хозяину или мастеру, воспитанника или облагодѣтельствованнаго къ воспитателю или благодѣтелю. Отношенія этого рода *могутъ*, при извѣстныхъ условіяхъ, имѣть вліяніе на *мѣру* наказанія, но не измѣняютъ самаго характера преступленія, не дѣлаютъ его, ipso facto, ни болѣе опаснымъ, ни болѣе безнравственнымъ. Вполнѣ правильнымъ кажется намъ также взглядъ коммиссіи на отравленіе, которое она, вопреки нашему дѣйствующему уложенію и нѣсколькимъ западно-европейскимъ кодексамъ, не считаетъ квалифицированнымъ убійствомъ. Предумышленность далеко не всегда составляетъ необходимую принадлежность отравленія, а вѣроломство встрѣчается сплошь и рядомъ и въ другихъ формахъ убійства. *По объекту преступленія* коммиссія признаетъ квалифицированнымъ, кромѣ убійства матери и законнаго отца [1]), еще убійство главы иностраннаго государства, священнослужителя при совершеніи богослуженія или духовной требы, должностного лица при отправленіи или по поводу

[1]) Признавая отцеубійствомъ только убійство *законнаго* отца, коммиссія руководствуется какъ трудностью доказать кровную связь между незаконнорожденнымъ и его отцемъ, такъ и въ особенности тѣмъ, что не имѣя по отношенію къ отцу никакихъ особыхъ правъ, незаконнорожденный не можетъ имѣть по отношенію къ нему и никакихъ особыхъ обязанностей.

отправленія имъ служебной обязанности, а также убійство двухъ или болѣе лицъ; *по способамъ исполненія преступнаго намѣренія* — убійство, совершенное способомъ особо мучительнымъ для убитаго или опаснымъ для жизни или здоровья многихъ лицъ; по *цѣли преступленія* — убійство, совершенное изъ корыстныхъ видовъ или для того, чтобы облегчить совершеніе другого преступленія.

Обстоятельствомъ, особо уменьшающимъ наказаніе за убійство, коммиссія считаетъ прежде всего, согласно съ закономъ 1871 г., состояніе аффекта. Статья третья проекта предусматриваетъ убійство, *задуманное и выполненное въ состояніи страсти или раздраженія*. Это опредѣленіе полнѣе и точнѣе принятаго дѣйствующимъ уложеніемъ о наказаніяхъ (убійство, учиненное въ запальчивости или раздраженіи), такъ какъ съ одной стороны понятіе о страсти гораздо шире, чѣмъ понятіе о запальчивости, а съ другой стороны—выраженіе: *задуманное и выполненное*, устраняетъ возможность примѣненія статьи 3-ей къ убійству, заранѣе преднамѣренному и хладнокровно взвѣшенному, хотя бы оно и было *совершено* въ состояніи аффекта. Дальнѣйшее пониженіе отвѣтственности становится возможнымъ, если состояніе страсти или раздраженія, въ которомъ находился убійца, было вызвано насиліемъ или оскорбленіемъ со стороны убитаго. При наличности этого условія виновному грозитъ заточеніе на срокъ отъ двухъ недѣль до шести лѣтъ, безъ него—исправительный домъ на срокъ не ниже трехъ лѣтъ (а въ случаѣ признанія подсудимаго заслуживающимъ снисхожденія — на срокъ не ниже одного года). Если въ состояніи страсти или раздраженія совершено убійство квалифицированное, то наказаніе возвышается, при отсутствіи вызова со стороны убитаго, до каторги на срокъ не свыше восьми лѣтъ (въ случаѣ признанія за подсудимымъ права на снисхожденіе, возможенъ переходъ отъ каторги къ исправительному дому), при наличности вызова—до заключенія въ исправительномъ домѣ (отъ котораго, въ случаѣ снисхожденія, возможенъ переходъ къ тюрьмѣ). Просторъ въ выборѣ наказанія и здѣсь, такимъ образомъ, предоставляется суду весьма широкій. Мы сдѣлаемъ по этому поводу только одно замѣчаніе. Заточеніе, по мысли составителей проекта, отличается отъ другихъ видовъ лишенія свободы тѣмъ, что не имѣетъ опозоривающаго характера, налагаетъ на заключеннаго возможно меньшую мѣру стѣсненій и лишеній, и назначается, сообразно съ этимъ, за преступленія, въ которыхъ нѣтъ ничего безчестнаго; это нѣчто въ родѣ теперешняго заключенія въ крѣпости. Если убійство въ состояніи страсти или раздраженія, вызванное насиліемъ или оскорбленіемъ со стороны убитаго, признается коммиссіею — и признается совершенно справедливо—именно однимъ изъ тѣхъ преступ-

леній, которымъ всего больше соотвѣтствуетъ заточеніе, то всегда ли оно теряетъ этотъ характеръ вслѣдствіе наличности обстоятельствъ, квалифицирующихъ убійство? Всегда ли, въ такихъ случаяхъ, является основаніе для замѣны заточенія исправительнымъ домомъ? Конечно, если человѣкъ, раздраженный оскорбленіемъ, подвергаетъ оскорбителя, съ цѣлью лишить его жизни, мученіямъ и истязаніямъ, то возмездіемъ за такой позорный образъ дѣйствій по праву можетъ и должно служить опозоривающее наказаніе; но можно ли сказать то же самое объ убійствѣ, относимомъ къ числу особенно тяжкихъ только въ силу объекта преступленія? Справедливо ли переходить отъ заточенія къ исправительному дому только потому, что оскорбленный нѣсколько разъ выстрѣлилъ въ оскорбителя на улицѣ, въ толпѣ, рискуя поранить или убить нѣсколькихъ постороннихъ лицъ? Намъ казалось бы болѣе правильнымъ предоставить суду—по отношенію къ квалифицированному убійству, совершенному въ состояніи страсти или раздраженія, вслѣдствіе насилія или оскорбленія со стороны убитаго—*выборъ* между заточеніемъ и исправительнымъ домомъ, смотря по обстоятельствамъ каждаго отдѣльнаго случая; достаточно было бы увеличить, для преступленій этого рода, *срокъ* заточенія, назначенный второю частью ст. 3-й за неквалифицированное убійство въ состояніи аффекта. Скажемъ болѣе: мы думаемъ, что къ наказаніямъ за убійство въ состояніи страсти или раздраженія, хотя бы оно и было совершено безъ вызова со стороны убитаго, слѣдовало бы присоединить заточеніе, съ тѣмъ, чтобы судъ имѣлъ право назначать его при наличности условій, вообще оправдывающихъ переходъ отъ каторги или исправительнаго дома къ заточенію. Только этимъ путемъ можно было бы достигнуть полнаго равновѣсія между виною и наказаніемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и уменьшенія числа оправдательныхъ приговоровъ, часто произносимыхъ присяжными именно въ виду несоразмѣрно-высокой кары за преступленіе, не свидѣтельствующее объ испорченности преступника. Наибольшій срокъ заточенія, на основаніи проекта—десять лѣтъ; такое продолжительное лишеніе свободы представляется вполнѣ достаточнымъ наказаніемъ даже за самые тяжкіе виды убійства, совершеннаго въ состояніи аффекта, если въ побужденіяхъ, которыми оно было вызвано, и въ обстоятельствахъ, которыми оно сопровождалось, нѣтъ ничего позорнаго для обвиняемаго.

Кромѣ убійства въ состояніи аффекта, проектъ признаетъ еще слѣдующіе виды менѣе наказуемаго, хотя и умышленнаго убійства: 1) убійство, учиненное при превышеніи предѣловъ необходимой обороны, если оборона была направлена не къ защитѣ жизни (при наличности послѣдняго условія убійство является вовсе не наказуе-

нимъ, хотя бы оно и было совершено съ превышеніемъ предѣловъ необходимой обороны); 2) убійство, учиненное по настоянію убитаго и изъ состраданія къ нему; 3) убійство незаконно прижитаго ребенка матерью, при самомъ его рожденіи. Въ первомъ изъ этихъ случаевъ убійство наказывается тюрьмою (а при снисхожденіи—арестомъ); во второмъ—заточеніемъ на срокъ не свыше шести лѣтъ; въ третьемъ—исправительнымъ домомъ (а при снисхожденіи—тюрьмою). По соображеніямъ, приведеннымъ нами выше, намъ казалось бы возможнымъ разрѣшить суду присужденіе за дѣтоубійство (въ спеціальномъ смыслѣ этого слова) *либо* къ исправительному дому, *либо* къ заточенію. Дѣтоубійство совершается, большею частью, въ состояніи аффекта и далеко не всегда предполагаетъ нравственную испорченность обвиняемой. Особенно справедливой замѣна исправительнаго дома заточеніемъ была бы тогда, когда виновницей дѣтоубійства является очень молодая женщина, рожающая въ первый разъ, покинутая своимъ соблазнителемъ и доведенная до преступленія исключительно стыдомъ, отчаяніемъ и полною безпомощностью. Смягчая наказаніе за дѣтоубійство, редакціонная коммиссія осталась вѣрной началамъ дѣйствующаго права; выдѣленіе изъ общаго понятія объ убійствѣ тѣхъ случаевъ, когда оно совершено по настоянію убитаго, изъ состраданія къ нему, составляетъ нововведеніе, вполнѣ разумное и цѣлесообразное. По справедливому замѣчанію коммиссіи, различіе между убійствомъ по желанію и соучастіемъ въ самоубійствѣ имѣетъ характеръ преимущественно-формальный, почти вовсе исчезая при нѣкоторыхъ способахъ лишенія жизни, напримѣръ, при отравленіи; добыть отраву для самоубійцы или приготовить ее и поднести ему—почти одно и то же. Виновный въ доставленіи средствъ къ самоубійству подлежитъ, на основаніи проекта, заточенію на срокъ не свыше трехъ лѣтъ, между тѣмъ какъ по дѣйствующему закону это преступленіе приравнивается къ обыкновенному соучастію въ убійствѣ и наказывается каторжною работой. Гораздо строже — каторгой на срокъ не свыше восьми лѣтъ (или, при снисхожденіи, исправительнымъ домомъ)—карается проектомъ пособничество самоубійству, а также подговоръ къ нему, если самоубійца не достигъ семнадцати лѣтъ или находился въ состояніи неполной вмѣняемости [1]). Рядомъ съ этими постановленіями мы ожидали найти, по примѣру дѣйствующаго права, особую статью о тѣхъ случаяхъ, когда кто-либо былъ доведенъ до самоубійства преслѣдованіями, оскорбленіями, дурнымъ обращеніемъ дру-

[1]) Уложеніе о наказаніяхъ разсматриваетъ самоубійство и покушеніе на самоубійство *какъ преступное дѣяніе самого самоубійцы*. Въ проектѣ коммиссіи мы не встрѣчаемъ ничего подобнаго: лишеніе церковнаго погребенія и недѣйствительность завѣщанія исчезаютъ, наконецъ, изъ числа уголовныхъ наказаній.

гого лица, особенно при зависимости перваго отъ послѣдняго; но такой статьи проектъ въ себѣ не содержитъ. „Подстрекательство къ самоубійству“, читаемъ мы въ объяснительной запискѣ къ проекту, „должно быть отличаемо отъ принужденія, физическаго или моральнаго, къ лишенію жизни, такъ какъ въ случаѣ подобнаго принужденія виновный будетъ отвѣчать какъ за обыкновенное убійство“. Физическое принужденіе къ самоубійству, безъ сомнѣнія, равносильно убійству; но всегда ли можно сказать то же самое о *моральномъ* принужденіи? Слѣдуетъ ли, притомъ, считать моральнымъ принужденіемъ къ самоубійству только такое давленіе на волю другого лица, которое *прямо* направлено къ возбужденію въ послѣднемъ намѣренія лишить себя жизни? Если да, то многія дѣянія, наказуемыя по дѣйствующему уложенію и вполнѣ заслуживающія наказанія, потеряютъ этотъ характеръ при дѣйствіи новаго кодекса. Отецъ, унижающій и оскорбляющій на каждомъ шагу своего несовершеннолѣтняго сына, можетъ вовсе не имѣть въ виду довести его до самоубійства—и все-таки между дѣйствіями отца и самоубійствомъ сына можетъ существовать вполнѣ реальная причинная связь. Моральнаго принужденія къ самоубійству здѣсь не будетъ, но виновникомъ самоубійства все-таки можетъ явиться отецъ. Наказывать его какъ за убійство было бы несправедливо — но не менѣе несправедливо было бы оставленіе его безнаказаннымъ. Или, можетъ быть, составители проекта признавали достаточнымъ установить, въ другихъ отдѣлахъ своего труда, спеціальныя правила о жестокомъ обращеніи родителей съ дѣтьми, мужа съ женою, хозяевъ съ учениками и т. п.? Но, во-первыхъ, жестокое обращеніе, сдѣлавшееся причиной самоубійства, должно быть караемо съ особенною строгостью; во-вторыхъ, рядъ дѣяній, повлекшихъ за собою самоубійство, можетъ быть не наказуемымъ самъ по себѣ и становиться наказуемымъ именно въ виду своего результата. Дурное обращеніе и жестокое обращеніе—не одно и то же; *самостоятельнымъ* преступленіемъ можетъ считаться только послѣднее—но преступнымъ, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ сдѣлаться и первое, если оно довело преслѣдуемаго до рѣшимости лишить себя жизни. Въ нашемъ общественномъ быту такъ много еще уголковъ, гдѣ ютится необузданное самодурство, что охрана слабыхъ, зависимыхъ, подчиненныхъ должна оставаться въ полной силѣ; а въ составъ этой охраны входитъ законъ, опредѣляющій наказаніе за доведеніе до самоубійства.

Послѣднія статьи главы о лишеніи жизни предусматриваютъ: 1) приготовленіе къ убійству или составленіе сообщества для совершенія убійства; 2) неосторожное причиненіе смерти, и 3) умерщвленіе плода. Первое изъ этихъ преступленій наказывается тюрьмою, а при

снисхожденіи—арестомъ. Максимумъ тюремнаго заключенія—одинъ годъ; не будетъ ли это наказаніе слишкомъ слабымъ для нѣкоторыхъ случаевъ составленія сообщества, цѣлью котораго было совершеніе убійства?—Статья, относящаяся къ неосторожному лишенію жизни, принадлежитъ къ числу тѣхъ частей проекта, въ которыхъ всего ярче отражается его превосходство передъ дѣйствующимъ законодательствомъ. Множество разнообразныхъ, казуистичныхъ, сбивчивыхъ постановленій, разбросанныхъ въ разныхъ отдѣлахъ уложенія и устава о наказаніяхъ, замѣняется здѣсь однимъ яснымъ и простымъ правиломъ, обнимающимъ всѣ случаи неосторожнаго убійства. „Виновный въ неосторожномъ лишеніи жизни", сказано въ ст. 10-ой проекта, „наказывается тюрьмою (а при снисхожденіи—арестомъ). Если причиненіе смерти было послѣдствіемъ несоблюденія той особой осмотрительности, къ коей виновный былъ обязанъ по званію, должности или роду его дѣятельности, то онъ наказывается исправительнымъ домомъ или тюрьмою (при снисхожденіи и здѣсь, впрочемъ, возможенъ арестъ). Сверхъ сего судъ можетъ воспретить виновному дѣятельность, при осуществленіи коей онъ причинилъ смерть, на срокъ отъ шести мѣсяцевъ до двухъ лѣтъ по отбытіи имъ наказанія, а равно опубликовать свой приговоръ въ порядкѣ, опредѣленномъ общею частью проекта". Чтобы составить себѣ понятіе о сферѣ дѣйствій этой статьи, достаточно замѣтить, что подъ первую ея половину подойдетъ, между прочимъ, убійство въ дракѣ (конечно, если оно не было умышленное, и если самое участіе въ дракѣ, въ виду сопровождавшихъ ее обстоятельствъ, не подлежитъ болѣе строгому наказанію), а подъ вторую ея половину—и неосторожность служащихъ на желѣзной дорогѣ, имѣвшая послѣдствіемъ крушеніе поѣзда, и неосторожность фабриканта, имѣвшая послѣдствіемъ взрывъ котла, и неосторожность врача, имѣвшая послѣдствіемъ смерть больного. —Что касается, наконецъ, до умерщвленія плода, то оно наказывается снисходительнѣе, если совершено самою матерью (въ особенности при беременности, происшедшей вслѣдствіе незаконной связи), строже —если совершено постороннимъ лицомъ, въ особенности безъ согласія самой беременной. Maximum наказанія — исправительный домъ, minimum (при снисхожденіи)—арестъ. Если умерщвленіе плода совершено врачемъ или повивальною бабкою, то судъ можетъ воспретить виновному врачебную практику на срокъ отъ одного года до пяти лѣтъ по отбытіи имъ наказанія.

Мы изложили довольно подробно содержаніе первой главы проекта, какъ въ виду особенной важности ея, такъ и для того, чтобы познакомить читателей съ внѣшней стороной новой законодательной работы, съ особенностями ея редакціи, съ отношеніемъ ея къ дѣй-

ствующему уголовному законодательству и къ иностраннымъ кодексамъ. Вторая глава проекта посвящена тѣлеснымъ поврежденіямъ. Дѣйствующія постановленія по этому предмету принадлежатъ къ числу наиболѣе спутанныхъ и сбивчивыхъ; достаточно припомнить, что уложеніе различаетъ тѣлесныя поврежденія по свойству ихъ и способу нанесенія (увѣчья, раны, побои, истязанія и мученія, разстройство здоровья ядовитыми или иными вредными веществами), по тяжести (тяжкія и легкія), и по степени умысла (заранѣе обдуманное намѣреніе и запальчивость или раздраженіе). Въ проектѣ всѣ эти различія замѣнены однимъ: тѣлесныя поврежденія, чѣмъ и какъ они бы ни были нанесены, раздѣлены на три группы—поврежденія тяжкія, менѣе тяжкія и легкія. Каждой группѣ соотвѣтствуетъ особое наказаніе, уменьшающееся, для поврежденій перваго и второго рода, если первичное поврежденіе было менѣе серьезнаго свойства и усложнилось лишь вслѣдствіе постороннихъ обстоятельствъ. Наказаніе за тѣлесныя поврежденія увеличивается либо по послѣдствіямъ ихъ — если они причинили смерть или выкидышъ; либо по *способу совершенія*—если онъ былъ особенно мучительнымъ для потерпѣвшаго; либо по *субъекту преступленія*—если виновный въ нанесеніи поврежденія совершилъ его при исполненіи служебной обязанности; либо *по объекту преступленія*, въ тѣхъ же, приблизительно, случаяхъ, въ которыхъ становится квалифицированнымъ убійство; только наряду съ должностными лицами поставлены здѣсь и *лица, исполняющія общественную обязанность* (предполагая, конечно, что поврежденіе нанесено имъ при отправленіи или по поводу отправленія этой обязанности). Такими лицами объяснительная къ проекту записка признаетъ, въ видѣ примѣра, свидѣтелей, присяжныхъ засѣдателей, исполнителей санитарныхъ предписаній или правилъ о торговлѣ; мы едва ли ошибемся, если отнесемъ сюда же присяжныхъ повѣренныхъ—по крайней мѣрѣ при защитѣ по назначенію суда, — гласныхъ думы или земскаго собранія, членовъ земскихъ и городскихъ управъ. При настоящемъ состояніи нашихъ нравовъ, лица, исполняющія общественныя обязанности, нуждаются въ законной охранѣ во всякомъ случаѣ не меньше, чѣмъ правительственные чиновники; не трудно себѣ представить, къ чему могутъ повести часто повторяющіяся преступленія противъ присяжныхъ защитниковъ, свидѣтелей, экспертовъ, вызванныя рѣшеніями, объясненіями или показаніями ихъ на судѣ. Гражданское мужество и безъ того развито у насъ не особенно сильно; достаточно нѣсколькихъ случаевъ кровавой расправы, чтобы вызвать панику, послѣдствія которой не могутъ не отразиться на всей дѣятельности суда. То же самое слѣдуетъ сказать и о нашихъ совѣщательныхъ учрежденіяхъ. Намъ могутъ возразить, что из-

лишняя заботливость о неприкосновенности общественныхъ дѣятелей повлечетъ за собою, пожалуй, злоупотребленіе предоставленными имъ правами или занимаемымъ ими положеніемъ, что разсчитывая на усиленную охрану закона, они станутъ относиться съ пренебреженіемъ къ чужой личности, къ чужому праву. Это возраженіе примѣнимо вполнѣ и къ должностнымъ лицамъ, которыя, однако, вездѣ пользуются особымъ покровительствомъ закона. Достаточной гарантіей противъ злоупотребленій представляется, притомъ, право суда оцѣнять мотивы, вызвавшіе преступленіе, и уменьшать наказаніе преступника, если побужденіемъ къ нанесенію тѣлеснаго поврежденія послужилъ неправильный, вызывающій образъ дѣйствій должностного лица или общественнаго дѣятеля. При томъ просторѣ въ выборѣ наказаній, который предоставляется суду проектомъ, квалифицированное тѣлесное поврежденіе можетъ повлечь за собою отвѣтственность менѣе тяжкую, чѣмъ обыкновенное тѣлесное поврежденіе того же рода. Такъ, напримѣръ, за тяжкое тѣлесное поврежденіе проектъ угрожаетъ каторгой на срокъ не свыше восьми лѣтъ, за такое же поврежденіе, если оно принадлежитъ къ числу квалифицированныхъ —каторгой на срокъ не свыше десяти лѣтъ. Различенъ здѣсь только высшій предѣлъ наказанія; низшій его предѣлъ, и въ томъ, и въ другомъ случаѣ—пять лѣтъ каторги или (при снисхожденіи) одинъ годъ исправительнаго дома. Система, принятая проектомъ, тѣмъ и хороша, что даетъ суду только *право* увеличивать наказаніе за квалифицированное преступленіе, не вмѣняя ему этого въ *обязанность*. Замѣтимъ, чтобы покончить съ затронутымъ нами вопросомъ, что въ главѣ объ оскорбленіяхъ лица, исполняющія общественную обязанность также поставлены на одинъ уровень съ должностными лицами, т.-е. оскорбленіе, нанесенное какъ тѣмъ, такъ и другимъ, отнесено къ разряду оскорбленій квалифицированныхъ, могущихъ повлечь за собою болѣе строгое наказаніе. Отступленіе отъ общаго начала допущено только по отношенію къ убійству; здѣсь, какъ мы уже видѣли, охрана, даруемая должностнымъ лицамъ, не распространяется на общественныхъ дѣятелей. Оправданій для этого изъятія мы въ объяснительной запискѣ не нашли; послѣдовательнѣе было бы, кажется, не установлять никакой разницы между случаями, съ занимающей насъ точки зрѣнія совершенно аналогичными. Есть ли основаніе, напримѣръ, считать квалифицированнымъ убійство судьи и не квалифицированнымъ—убійство присяжнаго засѣдателя, если и то, и другое совершено съ цѣлью мщенія за обвинительный приговоръ, и если виновный въ нанесеніи присяжному, въ тѣхъ же видахъ, тѣлеснаго поврежденія подлежитъ одинаковому наказанію съ нанесшимъ такое же поврежденіе коронному судьѣ?

Состояніе аффекта признается обстоятельствомъ, уменьшающимъ наказаніе за тѣлесное поврежденіе, только въ такомъ случаѣ, если оно было вызвано провокаціей, т.-е. насиліемъ или оскорбленіемъ со стороны потерпѣвшаго. Коммиссія мотивируетъ это постановленіе значительнымъ просторомъ, предоставленнымъ суду въ выборѣ наказанія за тѣлесныя поврежденія. Едвали, однако, такой мотивъ достаточенъ для того, чтобы оправдать отступленіе отъ системы, принятой и дѣйствующимъ правомъ, и самимъ проектомъ по отношенію къ убійству. Если постановленія проекта останутся безъ перемѣны, то на практикѣ будетъ возможна слѣдующая несообразность: за убійство (неквалифицированное), совершенное въ состояніи аффекта (хотя бы и безъ провокаціи), судъ не будетъ имѣть права назначить каторгу, а за тяжкое (также неквалифицированное) тѣлесное поврежденіе, совершенное въ такомъ же состояніи, будетъ имѣть право присудить къ каторгѣ. Ужъ если нужно ограничить, въ видахъ достиженія наибольшей простоты и краткости закона, число обстоятельствъ, особо уменьшающихъ наказаніе за тѣлесное поврежденіе, то лучше исключить изъ нихъ провокацію, чѣмъ состояніе аффекта, такъ какъ первая, по отношенію къ послѣднему—только одна изъ причинъ, и не всегда самая важная, самая интенсивная. Совершенно правильнымъ кажется намъ, зато, предоставленіе суду, въ дѣлахъ о легкомъ тѣлесномъ поврежденіи, вовсе освобождать виновнаго отъ наказанія, если потерпѣвшій отмстилъ ему, причинивъ тѣлесное поврежденіе или оскорбленіе. Такое постановленіе является тѣмъ болѣе необходимымъ, что по мысли проекта оскорбленіе дѣйствіемъ, въ большинствѣ случаевъ, должно быть разсматриваемо какъ легкое тѣлесное поврежденіе. Къ этой особенности проекта мы еще возвратимся, при разборѣ главы объ оскорбленіяхъ.

Дѣленіе поврежденій на тяжкія, менѣе тяжкія и легкія, установлено коммиссіею по выслушаніи мнѣнія общества русскихъ врачей, и почти во всемъ согласно съ этимъ мнѣніемъ. Мы позволимъ себѣ, поэтому, только два замѣчанія, вовсе не касающіяся тѣхъ научныхъ данныхъ, которыми руководствовалось общество врачей. Къ числу тяжкихъ поврежденій отнесено, между прочимъ, постоянное общее разстройство здоровья, опасное для жизни, къ числу менѣе тяжкихъ поврежденій—разстройство здоровья временно угрожавшее жизни, и постоянное разстройство здоровья, неопасное для жизни [1]). Съ медицинской точки зрѣнія опасность для жизни безспорно является

[1]) Если въ послѣднемъ случаѣ къ эпитету: *постоянное*, не прибавленъ эпитетъ: *общее*, то мы не видимъ основанія прибавлять его и въ первомъ случаѣ, т.-е. тамъ, гдѣ идетъ рѣчь о разстройствѣ, опасномъ для жизни.

такимъ признакомъ, который рѣзко оттѣняетъ поврежденіе, выдѣляетъ его въ особую, особо-важную группу; но съ юридической — или, что въ данномъ случаѣ одно и то же, съ практической—точки зрѣнія не трудно представить себѣ случаи, въ которыхъ разстройство здоровья, не опасное для жизни, должно быть поставлено на одинъ уровень съ разстройствомъ, прямо угрожающимъ жизни. Представимъ себѣ, напримѣръ, что въ одномъ случаѣ поврежденіе повлекло за собою болѣзнь сердца, которая можетъ продолжаться много лѣтъ, но можетъ и весьма быстро окончиться смертью; въ другомъ случаѣ, —нервную болѣзнь, не опасную для жизни, но отравляющую существованіе больного, лишающую его спокойствія и счастья, отнимающую у него способность и возможность заниматься любимымъ дѣломъ, принимать участіе въ общественной жизни. Неужели второе поврежденіе не должно быть признано болѣе тяжкимъ, чѣмъ первое, или по крайней мѣрѣ одинаково тяжелымъ? Намъ кажется, поэтому, что къ тяжкимъ поврежденіямъ слѣдовало бы отнести, наравнѣ съ постояннымъ разстройствомъ здоровья, опаснымъ для жизни, и такое постоянное разстройство здоровья, которое сопряжено съ тяжелыми страданіями, непрерывными или періодически возвращающимися. Второе замѣчаніе наше касается причисленія къ менѣе тяжкимъ поврежденіямъ ранъ, проникающихъ въ черепнопозвоночную, грудную или брюшную полости (если онѣ не произвели постояннаго разстройства здоровья, опаснаго для жизни). Одно изъ двухъ: или онѣ повлекли за собою такое разстройство здоровья, которое уже само по себѣ возводитъ поврежденіе на степень „менѣе тяжкаго", или онѣ не имѣли такихъ серьёзныхъ послѣдствій. Въ послѣднемъ случаѣ правильнѣе было бы, кажется, относить ихъ къ группѣ легкихъ поврежденій.

По дѣйствующему закону уголовное преслѣдованіе за нанесеніе легкой раны или легкаго увѣчья возбуждается не иначе, какъ по жалобѣ потерпѣвшаго. Редакціонная коммиссія предполагаетъ примѣнить этотъ порядокъ преслѣдованія не только къ легкимъ, но и къ „менѣе тяжкимъ" поврежденіямъ. Между тѣмъ, къ этой послѣдней группѣ отнесены проектомъ и такія поврежденія, которыя имѣютъ весьма серьезное значеніе (помимо постояннаго разстройства здоровья, не опаснаго для жизни — ослабленіе зрѣнія и слуха, затрудненіе рѣчи, обезображеніе лица и т. п.). Едва ли можно допустить, чтобы наказуемость или ненаказуемость подобныхъ поврежденій зависѣла отъ усмотрѣнія частнаго лица. И по послѣдствіямъ своимъ, и по степени преступности, они настолько важны, что государственная власть не должна относиться къ нимъ безразлично, не должна выжидать, для возбужденія преслѣдованія, жалобы потер-

пѣвшаго. Справедливымъ основаніемъ къ изъятію изъ общаго правила, въ силу котораго уголовныя обвиненія возбуждаются и поддерживаются публичною властью, можетъ служить либо незначительность преступленія, либо важность неудобствъ, сопряженныхъ съ оглашеніемъ его помимо воли пострадавшаго лица (напримѣръ, въ дѣлахъ объ изнасилованіи). По отношенію къ „менѣе тяжкимъ“ тѣлеснымъ поврежденіямъ ни то, ни другое основаніе не существуетъ, —не существуетъ, по нашему убѣжденію, даже тогда, когда объектомъ преступленія было лицо близкое къ преступнику. При нашемъ общественномъ и семейномъ строѣ жена далеко не всегда рѣшится принести жалобу на мужа, дѣти—на родителей, нанесшихъ „менѣе тяжкое“ поврежденіе; но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы безнаказанность лица, совершившаго такое преступленіе, была желательна и нормальна. Для возбужденія дѣлъ о *неосторожномъ* тѣлесномъ поврежденіи проектъ совершенно правильно требуетъ жалобы потерпѣвшаго только въ такомъ случаѣ, если неосторожность не была квалифицированною; разъ что поврежденіе было послѣдствіемъ несоблюденія „той особой осмотрительности, къ коей виновный былъ обязанъ по званію, должности или роду дѣятельности“, оно преслѣдуется помимо частной жалобы—и наказывается гораздо строже (вмѣсто ареста или денежной пени—тюрьмою на срокъ не свыше шести мѣсяцевъ, причемъ снисхожденіе даетъ, впрочемъ, возможность перехода къ аресту). Какъ и при неосторожномъ лишеніи жизни, суду предоставляется здѣсь право опубликованія приговора и воспрещенія виновному дѣятельности, при осуществленіи которой онъ причинилъ тѣлесное поврежденіе (на срокъ до одного года по отбытіи имъ наказанія).

Третья глава проекта, о поединкахъ, отличается отъ дѣйствующаго уложенія о наказаніяхъ не такъ рѣзко, какъ другія, потому что снисходительность къ дуэли давно уже усвоена нашимъ законодательствомъ. Наказаніемъ за поединокъ по уложенію служитъ, большею частью, заключеніе въ крѣпости, мѣсто котораго въ проектѣ занимаетъ заточеніе. Главныя нововведенія, установляемыя здѣсь проектомъ, состоятъ въ слѣдующемъ: вызовъ на поединокъ перестаетъ быть наказуемымъ, за исключеніемъ того случая, когда онъ обращенъ къ должностному лицу, по поводу отправленія послѣднимъ обязанностей службы; передатчики вызова и секунданты не подвергаются наказанію, развѣ еслибы они подошли подъ дѣйствіе статьи, карающей всѣхъ допустившихъ завѣдомое и злонамѣренное отступленіе отъ правилъ поединка; предусматривается, наконецъ, такъ-называемая американская дуэль. По ст. 29-й проекта, виновный „въ соглашеніи съ противникомъ поставить самоубійство одного изъ

нихъ въ зависимость отъ жребія или иного условленнаго случая, если вслѣдствіе такого соглашенія послѣдовало самоубійство противника, наказывается каторгою на срокъ не свыше восьми лѣтъ, а если послѣдовало только покушеніе противника на самоубійство, то исправительнымъ домомъ". Строгость этого постановленія оправдывается вполнѣ соображеніями, приведенными въ объяснительной запискѣ къ проекту. „Изъ всѣхъ видовъ дуэли—такъ разсуждаетъ редакціонная коммиссія — эта форма (т.-е. американская дуэль) является и наиболѣе безнравственною, безчеловѣчною и наиболѣе опасною для государства. Въ дуэли обыкновенной всегда есть вѣроятность благополучнаго исхода; въ дуэли американской роковой жребій влечетъ неминуемо смерть одного изъ противниковъ, всякая неудачная попытка лишить себя жизни представляетъ только отсрочку исполненія. Далѣе, погибнуть отъ руки другого лица, храбро и хладнокровно выстоять подъ выстрѣломъ противника, въ присутствіи другихъ лицъ, хотя и требуетъ самообладанія, хотя и можетъ доставить извѣстнаго рода нравственную пытку, но такая пытка не можетъ сравниться съ тѣмъ мученіемъ, которое причиняетъ дуэль американская: самому наложить на себя руки, самому сдѣлать всѣ необходимыя приготовленія, и притомъ въ полномъ сознаніи, что нѣтъ иного выхода, какъ или неминуемая смерть, или позоръ невыполненія слова, позоръ трусости. Также очевидна и бо̀льшая опасность подобной дуэли для государства: преступное дѣйствіе скрыто подъ видомъ дѣянія непреступнаго—самоубійства, дающаго возможность оставшемуся въ живыхъ участнику дуэли избѣгнуть всякой отвѣтственности".

Отлагая до другого раза разборъ остальныхъ пяти главъ проекта, мы не можемъ не повторить замѣчанія, сдѣланнаго нами два года тому назадъ по поводу общей части новаго уложенія; работа редакціонной коммиссіи подвигается впередъ слишкомъ медленно. Мы далеки отъ мысли измѣрять эту работу числомъ статей, изготовленныхъ коммиссіею; мы знаемъ, что для составленія хотя бы того отдѣла, который теперь лежитъ передъ нами, понадобилась масса труда, нагляднымъ, хотя и неполнымъ выраженіемъ котораго служитъ громадная объяснительная записка, обнимающая собою болѣе 500 печатныхъ страницъ in-folio; мы не упускаемъ изъ виду и того, что весь этотъ трудъ совершенъ однимъ изъ членовъ коммиссіи—тѣмъ самымъ, если мы не ошибаемся, перу котораго принадлежитъ и общая часть. Не заключается ли одна изъ причинъ медленности именно въ томъ, что коммиссія сосредоточиваетъ всю свою дѣятельность, въ каждый данный періодъ работы, на одномъ отдѣлѣ проекта, становясь, такимъ образомъ, въ зависимость отъ количества труда, по-

сильнаго для одного лица? Не пошло ли бы дѣло успѣшнѣе и быстрѣе, еслибы коммисія разсматривала параллельно два или три отдѣла, составленные разными ея членами? Какъ бы то ни было, нельзя не пожелать скорѣйшаго окончанія работы, безъ сомнѣнія, нелегкой, но несравненно менѣе сложной, чѣмъ составленіе новаго гражданскаго уложенія или даже новой системы мѣстнаго управленія и самоуправленія. Значительная часть оправдательныхъ приговоровъ, подающихъ поводъ къ нареканіямъ противъ суда присяжныхъ и заставляющихъ иногда опасаться за его участь, имѣетъ своимъ источникомъ несовершенства дѣйствующаго уголовнаго уложенія; до устраненія причины нельзя ожидать и устраненія послѣдствій. Весьма любопытно было бы узнать, какое направленіе дано проекту общей части будущаго уголовнаго кодекса, составленному редакціонною коммиссіею и бывшему предметомъ публичнаго обсужденія зимою 1882—83 г.? Многочисленныя замѣчанія, сдѣланныя въ это время, не прошли безслѣдно; они послужили основаніемъ для измѣненія нѣкоторыхъ постановленій проекта. Отсюда можно заключить, что редакція общей части установлена коммиссіею окончательно; не получила ли она, затѣмъ, дальнѣйшій ходъ, внесена ли она въ Государственный Совѣтъ? Разсмотрѣніе ея отдѣльно отъ особенной части, въ видахъ возможно скораго ея утвержденія, было бы весьма желательно, такъ какъ всякое коренное измѣненіе въ общей части должно отразиться на всѣхъ остальныхъ отдѣлахъ кодекса. Нетрудно себѣ представить, насколько замедлится и затруднится реформа, если вслѣдъ за окончаніемъ особенной части придется приступить къ ея ломкѣ, сообразно съ новыми началами, положенными въ основаніе общей части. Еще болѣе важнымъ было бы заблаговременное осуществленіе или приготовленіе тѣхъ преобразованій въ устройствѣ мѣстъ заключенія, которыхъ потребуетъ новый уголовный кодексъ. Судя по разобранному нами отдѣлу особенной части, каторга, къ сожалѣнію, не исключена изъ системы уголовныхъ наказаній. Мы имѣли уже случай объяснить, на сколько это усложняетъ и затрудняетъ реформу; большая разница—устроить мѣста заключенія четырехъ разрядовъ (исправительный домъ, заточеніе, тюрьма и арестъ) или пяти (то же, съ прибавленіемъ каторги), разъ что одновременное существованіе каторги и исправительнаго дома влечетъ за собою необходимость особыхъ приспособленій въ организаціи и управленіи каторжныхъ тюремъ. Время еще не упущено; ничто не мѣшаетъ слить каторгу и исправительный домъ въ одно учрежденіе, подобно тому, какъ это сдѣлано общею частью проекта для женщинъ. Помимо всѣхъ другихъ хорошихъ сторонъ такого сліянія, оно значительно облегчитъ переходъ отъ стараго порядка къ новому и поло-

жить конецъ тѣмъ сдѣлкамъ между дѣйствительностью и закономъ, безъ которыхъ не могло и не можетъ обходиться примѣненіе нынѣ дѣйствующаго уложенія о наказаніяхъ.

За отсутствіемъ другихъ, болѣе важныхъ новостей, „событіемъ дня", въ половинѣ истекшаго мѣсяца, сдѣлалась рѣчь, произнесенная г. министромъ юстиціи въ Москвѣ, при осмотрѣ зданія судебныхъ установленій. Особенную важность она пріобрѣла въ виду тѣхъ комментаріевъ, которыми щедро снабдили ее органы реакціонной печати. Въ самомъ дѣлѣ, возможно ли было для этихъ органовъ равнодушное отношеніе къ словамъ оффиціальнаго, высоко поставленнаго лица, засвидѣтельствовавшаго, по окончаніи служебной поѣздки въ разные концы Россіи, что въ судебномъ вѣдомствѣ „все обстоитъ благополучно"? Министръ юстиціи пришелъ къ убѣжденію, что въ средѣ судебнаго вѣдомства господствуетъ „общее глубокое сознаніе долга, общее единодушное стремленіе поддерживать власть во всѣхъ проявленіяхъ ея призванія и дѣятельности". Такое убѣжденіе, „*расходящееся съ нерѣдко возникающими нападками и общими нареканіями на судебное вѣдомство*", почерпнуто министромъ „не только изъ общаго обозрѣнія судебныхъ учрежденій, но изъ отзывовъ начальниковъ и главныхъ начальниковъ посѣщенныхъ имъ губерній". Эти послѣднія слова пришлись особенно не по вкусу нашимъ реакціонерамъ, не перестающимъ твердить старую пѣсню о систематической, *обязательной* (sic!) враждѣ судебныхъ учрежденій къ административной власти. До крайности забавны тѣ извороты, съ помощью которыхъ „Московскія Вѣдомости" стараются ослабить впечатлѣніе министерской рѣчи. „Какой же отзывъ,—спрашиваютъ онѣ,—могли дать губернаторы и даже генералъ-губернаторы о судебныхъ чинахъ, какое отношеніе имѣютъ они къ дѣламъ производящимся въ судѣ? Какимъ образомъ судебные чины могли бы, при исполненіи своихъ обязанностей, *угодить* (!) губернскимъ властямъ?" Не ясно ли, что всѣ эти вопросы равносильны отреченію отъ одного изъ главныхъ обвиненій, взводимыхъ на судъ органами реакціонной прессы? Если губернаторы и генералъ-губернаторы не могутъ дать министру юстиціи никакого отзыва о дѣятельности судовъ, то это значитъ, что суды не заводятъ напрасныхъ пререканій съ администраціей, не мѣшаютъ ей въ исполненіи ея законныхъ обязанностей. Было бы „систематическое противодѣйствіе" — были бы, очевидно, и жалобы на него; отсутствіе послѣдствій ясно свидѣтельствуетъ объ отсутствіи причины. Московская газета смѣшиваетъ два совершенно различныя понятія—право адми-

нистраціи оффиціально „аттестовать“ судей, и право ея высказывать свое мнѣніе объ общемъ характерѣ дѣятельности суда, насколько эта дѣятельность соприкасается съ сферой дѣйствій административной власти. Чтобы пользоваться вторымъ изъ названныхъ нами правъ, ненужно обладать первымъ—и вотъ почему отзывы губернаторовъ и генералъ-губернаторовъ, выслушанные министромъ юстиціи, должны положить конецъ, по крайней мѣрѣ на время, легендѣ объ антагонизмѣ властей, этому „боевому коню“ рыцарей произвола. Но, можетъ быть, губернаторы и генералъ-губернаторы *боялись* сказать правду, можетъ быть, они скрыли законные поводы къ жалобамъ, изъ страха передъ судомъ? Какъ ни нелѣпо подобное предположеніе, фанатики реакціи не отступаютъ и передъ нимъ, чтобы какъ-нибудь удержать за собою потерянную позицію. Они указываютъ на *анимадверсіи*, получаемыя губернаторами отъ сената за „вѣрное исполненіе своего долга“ (!) по отношенію къ земскимъ собраніямъ и городскимъ думамъ; они даютъ понять, что если бывшій казанскій губернаторъ былъ привлеченъ къ уголовной отвѣтственности, то разгадку этой напасти слѣдуетъ искать въ „не совсѣмъ скромныхъ отзывахъ его о чинахъ судебнаго вѣдомства“. Итакъ, покойный М. Е. Ковалевскій явился въ Казань мстителемъ за своихъ поруганныхъ собратій?.. Знаменитая „судебная корпорація“, существующая только въ воображеніи г. Каткова, возводится теперь, новымъ усиліемъ фантазіи, на степень какого-то Vehmgericht, какого-то тайнаго судилища, карающаго не только дѣло, но и слово. Однимъ изъ исполнительныхъ агентовъ этого судилища является первый департаментъ сената, хотя онъ и не принадлежитъ къ числу судебныхъ учрежденій... Такъ ли страшны, съ другой стороны, сенатскія *анимадверсіи*, чтобы одно ожиданіе ихъ, одна ихъ возможность наводила панику на высшихъ представителей мѣстной административной власти? Былъ ли хоть одинъ случай, когда бы отмѣна сенатомъ губернаторскаго распоряженія по земскому или городскому дѣлу отразилась невыгодно на служебной карьерѣ губернатора? Скажемъ болѣе — былъ ли хоть одинъ случай, когда бы этой карьерѣ повредило даже *замѣчаніе*, сдѣланное сенатомъ? Въ такомъ ли авантажѣ обрѣтается теперь судъ, чтобы кто-либо могъ чѣмъ-либо стѣсняться въ непріязненныхъ отзывахъ о судахъ?... Положимъ, что начальники губерній не могли сообщить министру юстиціи свѣдѣній, *положительно* благопріятныхъ для суда; одно несообщеніе ими свѣдѣній противоположнаго свойства составляетъ уже, при условіяхъ настоящей минуты, фактъ существенно важный, не поддающійся ни эскамотажу, ни тому, что нѣмцы называютъ непереводимымъ словомъ wegexpliciren.

Никакая ревизія судебныхъ учрежденій не можетъ, по словамъ „Московскихъ Вѣдостей“, уничтожить впечатлѣніе всѣмъ извѣстныхъ процессовъ, доказывающихъ наглядно, что есть нѣчто неладное въ судебномъ мірѣ. Слишкомъ усердные обвинители суда упускаютъ изъ виду, что изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ фактовъ, хотя бы и правильно освѣщенныхъ, нельзя выводить общаго заключенія, что ревизія, затрогивающая по необходимости *множество* дѣлъ, выслушивающая множество заявленій, имѣетъ уже поэтому одному нѣкоторое преимущество передъ отрывочными, тенденціозными сообщеніями. Какъ вѣрно передаютъ „Московскія Вѣдомости“ смыслъ процессовъ, даже излагаемыхъ ими подробно—это мы видѣли еще недавно, по поводу дѣла Зографа [1]). Бумага все терпитъ—терпитъ и фразы о *массѣ дѣлъ*, изъ которыхъ „воры, грабители, убійцы выходили обѣленными, а пострадавшіе — осрамленными“; но разъ что вопросъ касается массы дѣлъ, на сцену выступаетъ самый нелицепріятный свидѣтель—выступаютъ статистическія данныя, давно опровергнувшія миѳъ о чрезмѣрной наклонности присяжныхъ къ оправдательнымъ приговорамъ. Во время пребыванія министра юстиціи въ Москвѣ, московскій окружной судъ разсматривалъ дѣло о поддѣлкѣ купоновъ московскаго земельнаго банка, затянувшееся на много лѣтъ вслѣдствіе преступныхъ злоупотребленій судебнаго слѣдователя (понесшаго уже заслуженное наказаніе). Выставлять такое дѣло мѣриломъ и образцомъ „положенія, въ которомъ находится наша юстиція“—это пріемъ, несостоятельность котораго не требуетъ доказательствъ. Только ненавистью, потерявшею всякое чутье, отказавшеюся отъ всякой разборчивости въ выборѣ средствъ, можно объяснить слѣдующія слова „Московскихъ Вѣдомостей“: „Кстати слѣдуетъ замѣтить, что *облыжную* (!) экспертизу почерка Сороковакова (одного изъ подсудимыхъ по дѣлу о поддѣлкѣ купоновъ) производили, во время слѣдствія, секретари окружнаго суда, которые, при другихъ экспертахъ на судѣ, должны были отречься отъ своего прежняго показанія“. Ненужно быть большимъ знатокомъ уголовнаго процесса, чтобы понимать, до какой степени шатки и недостовѣрны выводы, получаемые путемъ сличенія почерковъ. *Экспертизой* это сличеніе именуется только за недостаткомъ другого, болѣе подходящаго выраженія; свѣдущихъ людей, экспертовъ въ истинномъ смыслѣ слова здѣсь нѣтъ и быть не можетъ, потому что нѣтъ науки и нѣтъ искусства, которыя научали бы сличенію почерковъ, давали бы прочныя, твердыя основы для признанія или непризнанія ихъ тождества или сходства. Лучшимъ доказательствомъ этому служитъ

---

[1]) См. Обществ. Хронику въ № 3 нашего журнала за текущій годъ.

то, что для сличенія почерковъ приглашаются либо учителя чистописанія, либо секретари судебныхъ мѣстъ,—т.-е. такія лица, профессія которыхъ вовсе не приготовляетъ и не имѣетъ въ виду приготовлять къ сравненію буквъ, штриховъ и линій. Удивительно ли, послѣ того, что эти лица сплошь и рядомъ колеблются въ своихъ заключеніяхъ, противорѣчатъ сами себѣ, отступаютъ отъ прежде высказаннаго ими взгляда? Самому придирчивому обвинителю, самому безцеремонному защитнику едва-ли приходило когда-либо въ голову называть за то ихъ экспертизу *обманной*; честь примѣненія этого термина къ скромнымъ труженикамъ судебнаго вѣдомства принадлежитъ всецѣло „Московскимъ Вѣдомостямъ". Эксперты по дѣлу о поддѣлкѣ купоновъ виноваты уже тѣмъ, что они—секретари суда.

„Никакая ревизія судебной палаты — таковъ заключительный выводъ „Московскихъ Вѣдомостей — не разубѣдитъ насъ въ томъ, чтобы генералъ-прокуроръ, по самому разуму своей должности и по силѣ ея происхожденія у насъ, не былъ обязанъ служить *окомъ Царевымъ* въ дѣлѣ правосудія, чтобы на немъ не должна была лежать закономъ установленная отвѣтственность за судебныя рѣшенія, чтобы онъ не долженъ былъ слѣдить за ходомъ судебныхъ дѣлъ по существу и давать свои заключенія, а въ случая несогласія съ высшею судебною инстанціею возводить дѣла, не апелляціоннымъ, конечно, но законодательнымъ порядкомъ, какъ было прежде, черезъ государственный совѣтъ, на рѣшеніе верховной власти. Мы не повѣримъ, чтобы русскіе подданные были вовсе лишены права искать прибѣжища у престола въ крайнихъ случаяхъ неправосудія". Поразительно въ этой тирадѣ не превозвесеніе лица надъ коллегіей, административнаго элемента надъ судебнымъ, генералъ-прокурора надъ сенатомъ—къ этому мы уже привыкли, это идіосинкразія особаго рода, не уступающая никакому леченью; поразительно игнорированіе самыхъ очевидныхъ фактовъ, извращеніе смысла самыхъ простыхъ и ясныхъ законовъ. Порядокъ вещей, о которомъ мечтаетъ московская газета, существовалъ еще недавно; его отмѣна, до сихъ поръ не вполнѣ законченная, происходила медленно и постепенно. И что же? Много-ли слезъ сожалѣнія пролито надъ старымъ судебнымъ строемъ? Считали-ли себя несчастными тѣ мѣстности, въ которыхъ вводились новые суды, счастливыми—тѣ, въ которыхъ еще удерживалось на время старое судопроизводство? Было-ли введеніе новыхъ судебныхъ уставовъ предметомъ желаній или опасеній, сочувствія или противодѣйствія? Мы говоримъ не о медовомъ мѣсяцѣ реформы, когда еще не начинались разочарованія, когда все представлялось въ розовомъ свѣтѣ; мы имѣемъ въ виду хотя бы открытіе новыхъ судовъ въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ, совершившееся не дальше какъ въ про-

шедшемъ году. Могло ли оно быть привѣтствуемо цѣлымъ краемъ, еслибы изъятіе судебныхъ дѣлъ изъ-подъ контроля генералъ-прокурора и изъ юрисдикціи государственнаго совѣта было равносильно потерѣ самыхъ существенныхъ гарантій для тяжущихся и подсудимыхъ—потерѣ, значеніе которой было бы доказано съ достаточною яркостью опытомъ другихъ мѣстностей Россіи? Въ томъ-то и дѣло, что ни о какихъ гарантіяхъ здѣсь не можетъ быть и рѣчи. При старомъ судопроизводствѣ дѣла шли черезъ руки генералъ-прокурора, восходили на разсмотрѣніе государственнаго совѣта—и рѣшались, вслѣдствіе этого, во всякомъ случаѣ не лучше, чѣмъ въ настоящее время. Жалобы на высшую инстанцію въ другую, еще болѣе высокую, иногда приводили къ возстановленію права, иногда къ его нарушенію. Это и не могло быть иначе, потому что ошибки неизбѣжны на всѣхъ ступеняхъ судебной лѣстницы. Говорить объ *окѣ Царевѣ* можно было, съ нѣкоторымъ основаніемъ, въ началѣ XVIII вѣка, когда процессовъ было немного и содержаніе ихъ было сравнительно просто; теперь масса и сложность дѣлъ, достигающихъ высшей инстанціи, устраняютъ всякую мысль о единоличной отвѣтственности за ихъ рѣшеніе. О степени знакомства „Московскихъ Вѣдомостей" съ трактуемымъ ими предметомъ можно судить всего лучше по увѣренію ихъ, что судебныя дѣла восходили въ государственный совѣтъ въ *законодательномъ порядкѣ*. Справедливо здѣсь только то, что они шли въ то самое учрежденіе, въ которое вносились и вносятся законопроекты—но разсматривались они въ этомъ учрежденіи какъ въ судѣ (стараго устройства), разрѣшались на основаніи дѣйствующихъ законовъ, и только въ исключительныхъ случаяхъ служили поводомъ къ акту законодательной власти, т.-е. къ дополненію или разъясненію закона, которое не сливалось съ судебнымъ рѣшеніемъ по данному, частному дѣлу. Повторяемъ, государственный совѣтъ для дѣлъ судебныхъ былъ и инстанціей судебной—и для того, чтобы оцѣнить по достоинству сѣтованія поклонниковъ старины, нужно разрѣшить только одинъ вопросъ: какое учрежденіе обладаетъ въ большей степени условіями, необходимыми для суда—государственный совѣтъ или кассаціонные департаменты сената? Такъ поставить вопросъ, значитъ разрѣшить его—по той простой причинѣ, что отъ членовъ Государственнаго Совѣта требуются совершенно другія качества, чѣмъ отъ судей.

ЗАМѢТКА О ЗЕМСКИХЪ НАЧАЛЬНЫХЪ ШКОЛАХЪ.

Въ обществѣ довольно распространено ничѣмъ необъяснимое предубѣжденіе противъ земскихъ начальныхъ училищъ. Многія лица, достаточно образованныя и притомъ невыдающіяся какими-нибудь узкими тенденціями, не признаютъ за этими училищами того благотворнаго вліянія на нравственность и развитіе народныхъ массъ, которое школы несомнѣнно пріобрѣтаютъ съ каждымъ годомъ все въ большей степени. Не разъ слышанныя мною нападки на неудовлетворительность хода народнаго образованія путемъ земскихъ школъ, съ указаніями даже на вредъ, происходящій отъ нихъ, сводятся, въ главныхъ чертахъ, къ слѣдующему:

1) Ученики, по окончаніи 3-хъ годичнаго курса въ начальныхъ земскихъ училищахъ, большею частью, не остаются въ крестьянской средѣ и становятся непригодными сначала къ крестьянскимъ работамъ, а впослѣдствіи—къ веденію крестьянскаго хозяйства. Нахватавшись кое-какихъ поверхностныхъ знаній, они уже недовольствуются сельскою жизнью и убогою ея обстановкою, а стремятся поступить въ волостные писаря, опредѣлиться въ гимназію, или въ реальное училище, или идти на заработки въ большіе города, или же, наконецъ, ничего не дѣлать.

2) Нравственность ихъ не возвышается, а падаетъ вслѣдствіе школьнаго образованія: они ведутъ нетрезвую жизнь, становятся непочтительными къ родителямъ и вообще къ старшимъ, признавая себя болѣе, чѣмъ они, развитыми и свѣдущими; дѣлаются грубыми въ обращеніи съ лицами, стоящими выше ихъ по общественному положенію.

3) Все, чему они научились въ школахъ, скоро ими забывается, такъ какъ, по окончаніи курса, они бросаютъ свои книги и тетради, ничего не читаютъ и стараются изгладить въ себѣ самое воспоминаніе о школьныхъ годахъ, какъ о времени тяжеломъ, сопряженномъ съ лишеніями и подневольнымъ трудомъ.

4) Окончившіе курсъ ученики, если и занимаются еще писаніемъ, то только для составленія кляузныхъ прошеній и жалобъ по просьбамъ крестьянъ-односельцевъ.

5) Курсъ преподаванія въ земскихъ школахъ слишкомъ обширенъ. Кромѣ чтенія, письма и ариѳметики, школьниковъ учатъ еще исторіи, географіи и естественнымъ наукамъ. Эти предметы безпо-

лезны для крестьянскаго быта и только отнимаютъ время отъ болѣе основательныхъ занятій главными, необходимыми предметами.

Всѣ эти пункты обвиненій были бы очень важны, еслибы оказались справедливыми.

Поставленный близко къ земскому дѣлу, и особенно къ дѣлу школьнаго образованія въ псковскомъ уѣздѣ, я имѣлъ возможность собрать неоспоримыя и отчасти оффиціальныя данныя, вполнѣ опровергающія такія заключенія людей, въ добросовѣстности которыхъ и въ способности отличить добро отъ зла я не имѣю права и повода сомнѣваться. Мнѣній этихъ-то именно противниковъ земскихъ школъ я и не могу не принять къ сердцу; я не могу примириться съ ихъ нареканіями и оставить ихъ безъ опроверженія именно потому, что они истекаютъ изъ добросовѣстнаго, хотя и ложнаго убѣжденія. Поколебать его не голословными увѣреніями въ противномъ, а достовѣрными данными—есть цѣль настоящей замѣтки.

Попытаюсь опровергнуть обвиненія по порядку приведенныхъ выше пунктовъ, оговорившись предварительно, что собранныя мною свѣденія относятся только до псковского уѣзда.

Свѣденія эти получены мною отъ учителей пяти школъ, находящихся въ разныхъ мѣстностяхъ уѣзда, отъ волостныхъ правленій, ближайшихъ къ тѣмъ мѣстностямъ, и отъ псковской земской управы.

Данныя, почерпнутыя изъ этихъ трехъ источниковъ, нисколько одни другимъ не противорѣчатъ, въ достовѣрности же свѣденій, идущихъ отъ учителей, уже и потому трудно сомнѣваться, что учителя представили ихъ въ формѣ именныхъ списковъ окончившихъ курсъ учениковъ, по каждой школѣ отдѣльно. Изъ этихъ списковъ оказывается слѣдующее:

1) Относительно *постояннаго мѣста жительства и занятій*:

По *Преображенской* земской школѣ:

Изъ окончившихъ, въ теченіе 10 лѣтъ, курсъ ученія 89 учениковъ:

Живутъ въ своихъ селеніяхъ и домахъ и занимаются хлѣбопашествомъ (а тѣ, которые еще малы, помогаютъ семьѣ въ работахъ)	67
Поступили въ военную службу	8
Состоятъ учителями въ земскихъ школахъ уѣзда, по окончаніи курса въ псковской учительской семинаріи	5
Состоятъ волостными писарями	2
Живутъ въ городѣ	6
Служитъ приказчикомъ у сосѣдней съ его деревней помѣщицы	1
	89

По *Великопустынской* земской школѣ:

Изъ окончившихъ курсъ, въ теченіе 10 лѣтъ, 53-хъ учениковъ:

Живутъ въ своихъ селеніяхъ и домахъ, и занимаются сельскими работами	45
Учатся въ духовной семинаріи (сыновья духовныхъ лицъ)	4

Серебряныхъ дѣлъ мастеръ	1
Живетъ мальчикомъ у купца, при лавкѣ	1
Живетъ въ Петербургѣ	1
Свѣденій не имѣется объ	1
	53

По *Заборовской* земской школѣ:

Изъ окончившихъ курсъ, въ продолженіе 10 лѣтъ, 78 учениковъ:

Живутъ въ своихъ селеніяхъ и домахъ и занимаются земледѣльческими работами	60
Живетъ дома, но ничѣмъ не занимается	1
Занимаются письмоводствомъ въ волостномъ правленіи	2
Состоитъ земскимъ фельдшеромъ	1
Живутъ въ городѣ на заработкахъ	3
Въ военной службѣ	5
Учатся въ духовной семинаріи (изъ духовнаго званія)	2
Живутъ въ работникахъ, въ своей волости	2
Живетъ и учится въ пріютѣ св. Ольги (дѣвочка)	1
На заработкахъ (дѣвочка)	1
	78

По *Запсковской* земской школѣ:

Изъ окончившихъ курсъ, въ продолженіе 4-хъ лѣтъ, 69 учениковъ:

Живутъ въ своихъ селеніяхъ и домахъ и занимаются хлѣбопашествомъ (а дѣвочки—домашними работами)	16
Занимаются рыбнымъ промысломъ на островѣ Талабскѣ, при своихъ отцахъ	2
Обучаются разнымъ ремесламъ	13
Продолжаютъ ученіе въ учебныхъ заведеніяхъ	12
Занимаются торговлей въ городѣ	14
Служатъ въ городѣ писцами и наборщиками въ типографіяхъ	6
Учатся въ учительской семинаріи, приготовляясь къ учительскому званію (стипендіаты земства)	2
Занимаются ремеслами въ городѣ	4
	69

Это послѣднее училище находится въ г. Псковѣ, и $^2/_3$ его учениковъ — горожане. Отсюда понятно малое, сравнительно, число окончившихъ въ немъ курсъ учениковъ, живущихъ въ деревнѣ и занимающихся сельскими работами. Сыновья купцовъ и мѣщанъ живутъ при своихъ отцахъ и помогаютъ имъ, состоя сидѣльцами въ лавкахъ. Нѣкоторые завели свои собственныя мастерства; продолжающіе обучаться въ городскомъ 3-хъ классномъ и въ реальномъ училищахъ—также сыновья купцовъ и мѣщанъ.

По *Каменской* земской школѣ, всѣ безъ исключенія окончившіе курсъ, въ теченіе 4-хъ лѣтъ, 39 учениковъ живутъ въ деревняхъ и занимаются хлѣбопашествомъ или домашними по хозяйству работами.

2) Относительно *нравственности* бывшихъ въ земскихъ школахъ учениковъ оказывается, что изъ поименованныхъ въ спискахъ, до-

ставленныхъ изъ 4-хъ школъ (въ спискѣ 5-го, запсковскаго училища свѣденій о поведеніи не показано):

Отличнаго поведенія	89
Хорошаго	154
Посредственнаго	17
Дурного	11

О поведеніи и нравственности состоящихъ въ военной службѣ, а также находящихся въ заработкахъ въ городахъ и продолжающихъ образованіе въ учебныхъ заведеніяхъ, свѣденій не имѣется.

3) Относительно *грамотности* окончившихъ курсъ учениковъ, по тѣмъ же спискамъ, представленнымъ учителями, видно, что изъ учившихся въ школахъ берутъ въ училищахъ книги для чтенія и продолжаютъ заниматься—80. Свѣденіе это имѣется только отъ трехъ школъ и потому очень не полно; притомъ же о грамотности всѣхъ состоящихъ на военной службѣ и вообще почему-либо выбывшихъ изъ селеній—не имѣется свѣденій.

Но къ числу продолжающихъ заниматься грамотою слѣдуетъ причислить всѣхъ тѣхъ, которые продолжаютъ учиться въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, состоятъ въ разныхъ должностяхъ, занимаются торговлею, требующею также знанія грамоты и особенно счета, и, наконецъ, тѣхъ, которые состоятъ учителями въ земскихъ школахъ. Такихъ насчитывается въ упомянутыхъ 4-хъ училищахъ 44, итого 124.

Изъ свѣденій, полученныхъ отъ учителя Каменской школы, видно, что въ продолженіе 4-хъ лѣтъ бывшими у него учениками взято *было* изъ училищной библіотеки около 250 экземпляровъ книгъ для чтенія, и кромѣ того, по просьбамъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, изъ училища отпускались, по возможности, бумага, карандаши, перья и чернила для занятій ихъ дома письмомъ.

Въ земской управѣ бывшіе ученики часто покупаютъ книги и письменныя принадлежности изъ ея склада.

По воскресеньямъ нѣкоторые учителя устраиваютъ въ своихъ школахъ бесѣды съ бывшими учениками, причемъ провѣряютъ ихъ знанія; въ нѣкоторыхъ же училищахъ были организованы народныя *чтенія* съ волшебнымъ фонаремъ, на которыя собирались не только бывшіе школьники, но и много неграмотныхъ крестьянъ.

Подневольнаго труда вовсе нѣтъ въ псковскихъ училищахъ, напротивъ, каждую осень бываетъ огромный наплывъ дѣтей, желающихъ учиться: они, можно сказать, рвутся въ школу, и не разъ случалось видѣть плачущихъ мальчиковъ и дѣвочекъ, которыхъ не могли принять, за недостаткомъ мѣста.

4) По поводу обвиненія въ составленіи бывшими учениками кляузныхъ жалобъ и прошеній для крестьянъ, трудно сказать что-нибудь

положительное. Очень можетъ быть, что при частыхъ между собою ссорахъ и пререканіяхъ крестьянъ, тотъ или другой изъ нихъ обращался къ молодому парню-грамотѣю съ просьбою написать жалобу въ уѣздное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе на рѣшеніе волостного суда. Но что же изъ этого слѣдуетъ? Во-первыхъ, гдѣ основаніе—называть иски крестьянъ непремѣнно или въ большинствѣ кляузными? Во-вторыхъ, редактируя, со словъ просителя, его жалобу, грамотѣй, бывшій школьный ученикъ, избавляетъ своего односельца отъ платы денегъ, за написаніе прошенія, какому-нибудь полуграмотному писакѣ въ городѣ. Да, наконецъ, и сомнительно, чтобъ подобные случаи встрѣчались часто: чтобъ написать прошеніе въ присутственное мѣсто, нуженъ нѣкоторый навыкъ, знакомство съ формами, съ статьями закона и проч. Школа къ этому непричастна.

5) Наконецъ, относительно указываемой *обширности*, будто бы, *школьнаго курса* (порицатели школъ называютъ ихъ даже въ шутку, сельскими университетами), существуетъ, очевидно, недоразумѣніе. Обязательные предметы школы суть: главнѣйшія молитвы, съ объясненіемъ ихъ смысла, краткое понятіе священной исторіи, ветхаго и новаго завѣта, и о порядкѣ богослуженія; затѣмъ, чтеніе, съ объясненіемъ прочитаннаго, письмо и четыре правила ариѳметики. Все это проходится въ теченіе 3-хъ лѣтъ, въ трехъ школьныхъ отдѣленіяхъ. Ни исторія, ни географія, ни естественныя науки не составляютъ предметовъ курса. При объяснительномъ чтеніи, учитель, по необходимости, *касается* только этихъ предметовъ, чтобы ученики ясно понимали прочитанное. Въ большинствѣ земскихъ школъ уѣзда ученики старшаго отдѣленія имѣютъ общія понятія о россійской исторіи, присматривались къ картѣ Россіи, знаютъ въ какой мѣстности живутъ, понимаютъ нѣкоторыя явленія природы, знакомятся, въ главныхъ чертахъ, съ царствомъ животныхъ и растеній и проч. Передача всѣхъ этихъ свѣденій, при объяснительномъ чтеніи, и усвоеніе ихъ дѣтьми, въ большей или меньшей степени, обусловливаются талантомъ учителя и понятливостью учениковъ, но отнюдь не обязательны. Этимъ путемъ хорошій учитель идетъ къ главной цѣли своего преподаванія—*развитію* учениковъ. Но независимо отъ такого краткаго ознакомленія съ отчизновѣденіемъ и природою, въ практику школьнаго дѣла въ псковскомъ уѣздѣ, сверхъ обязательной программы, вошла еще передача ученикамъ общихъ понятій о крестьянскомъ самоуправленіи, о земствѣ и объ администраціи уѣздной и губернской. Едва ли даже самый ярый порицатель земскихъ школъ рѣшился бы утверждать, что эти понятія—лишнія при обученіи крестьянскихъ дѣтей. Вся совокупность преподаванія въ школѣ открываетъ имъ глаза на Божій міръ и на окружающую ихъ среду:

они перестаютъ только быть слѣпыми. Ко всему этому, въ большинствѣ училищъ, присоединяются хоровое пѣніе молитвъ и народныхъ пѣсенъ и гимнастики, а при нѣкоторыхъ школахъ заведены и заводятся питомники и огороды, въ которыхъ ученики, подъ руководствомъ учителя, весною и осенью, работаютъ съ большимъ усердіемъ. Наконецъ, въ тѣхъ училищахъ, гдѣ преподаютъ учительницы, начинаютъ вводиться послѣобѣденные классы рукодѣлія для дѣвочекъ. Всѣ эти необязательныя занятія очень нравятся какъ самимъ дѣтямъ, такъ и крестьянамъ-отцамъ и матерямъ ихъ, которые приходятъ иногда въ школу послушать хоровое пѣніе дѣтей и посмотрѣть на ихъ гимнастическія упражненія, а во многихъ приходскихъ церквахъ, сосѣднихъ съ школами, ученики поютъ хоромъ на клиросѣ.

Я упомянулъ выше о свѣденіяхъ, полученныхъ изъ волостныхъ правленій и отъ псковской уѣздной земской управы. Вотъ, для примѣра, сущность трехъ отвѣтовъ волостныхъ правленій на запросы, сдѣланные земскою управою:

Изъ Псковоградскаго волостного правленія, отъ 18 августа 1884 года:

„Самая незначительная часть бывшихъ учениковъ расходится изъ деревень, отыскивая себѣ болѣе легкія, въ сравненіи съ землепашествомъ, работы. Они почти всегда—*сыновья бобылей*, не пользующихся земельными надѣлами, или такихъ крестьянъ, у которыхъ и безъ нихъ есть въ семьѣ довольно работниковъ, а земельные надѣлы слишкомъ малы. Выгоды всей семьи заставляютъ отцовъ въ этихъ рѣдкихъ случаяхъ посылать бывшихъ въ школѣ сыновей на заработки; они знаютъ, что грамотный скорѣе найдетъ себѣ работу и заработаетъ болѣе, чѣмъ безграмотный. Относительно нравственности бывшихъ учениковъ должно сказать, что наибольшій контингентъ пьяницъ, воровъ, озорниковъ и сутягъ составляется не изъ ихъ среды, а изъ совершенно неграмотной молодежи; если же въ число ихъ и замѣшается, изрѣдка, бывшій ученикъ, то обыкновенно изъ тѣхъ, которые еще въ школѣ отличались дурнымъ поведеніемъ и жили до и послѣ школы въ семействахъ, пользующихся сомнительной репутаціей. Вообще же поведеніе бывшихъ учениковъ, въ настоящее время, не оставляетъ желать ничего лучшаго, доказательствомъ чему служатъ *частныя ходатайства крестьянъ объ открытіи новыхъ школъ*. Еслибы изъ школъ выходила молодежъ съ дурными наклонностями, то, вѣроятно, крестьяне не стали бы хлопотать о новыхъ школахъ, а скорѣе всего просили бы о закрытіи существующихъ".

Изъ Сидоровскаго волостного правленія, отъ 24 августа 1884 года:

„Вліяніе грамотности бывшихъ учениковъ земскихъ школъ на крестьянское населеніе—самое лучшее. Сельская школа не даетъ

еще такого образованія, чтобъ окончившій въ ней курсъ могъ отыскивать себѣ письменныя занятія въ городахъ, тѣмъ болѣе, что изъ нея выпускаются, большею частію, 13—14-лѣтнія дѣти и только въ рѣдкихъ случаяхъ 16-лѣтніе мальчики. Слѣдовательно, какъ самое образованіе, такъ и возрастъ учениковъ исключаютъ для нихъ возможность, вскорѣ послѣ окончанія школы, искать другихъ занятій, кромѣ какъ при своихъ семьяхъ, по крестьянскому хозяйству. Что же касается нравственности ихъ, то безъ преувеличенія можно сказать, что только съ наукою молодое поколѣніе получаетъ лучшую нравственность. Нельзя того же сказать о крестьянскихъ дѣтяхъ, окончившихъ курсъ въ болѣе высшихъ учебныхъ заведеніяхъ: городская жизнь часто портитъ ихъ. Притомъ же, освоившись съ своимъ новымъ призваніемъ, благодаря полученному ими образованію, они, конечно, не могутъ быть такими работниками въ семьѣ, какъ тѣ, которые, во время ученія, *ни на одинъ день не отрывались отъ семьи*. Вообще, за малыми исключеніями, изъ сельскихъ школъ до сихъ поръ ничего не исходило, кромѣ хорошаго".

Отъ Печерскаго волостного старшины, отъ 25 августа 1884 г.:

„Большинство изъ обучавшихся въ земскихъ школахъ занимаются крестьянскими работами, наравнѣ съ прочими крестьянами, и проживаютъ въ своихъ семействахъ. Исключеніе составляютъ нѣсколько мальчиковъ, которые, послѣ выхода изъ училища, поступили въ учительскую семинарію и, по окончаніи въ ней курса, занимаютъ теперь должности земскихъ учителей въ псковскомъ уѣздѣ. Это объясняется скорѣе желаніемъ ихъ избѣгнуть отбытія воинской повинности, а не тяжелаго крестьянскаго труда, къ которому съ дѣтства они пріучаются. Относительно нравственности и поведенія, не замѣчается особенной разницы между окончившими курсъ учениками и другими молодыми крестьянами. Правда, изъ бывшихъ учениковъ есть нѣкоторые, ведущіе себя дурно, но школа здѣсь не причемъ, и не данное имъ образованіе причина этому, а та среда, въ которой они проживаютъ дома, заражаясь дурнымъ примѣромъ и привычками".

Наконецъ, вотъ выдержка изъ отпечатаннаго и прочтеннаго въ псковскомъ уѣздномъ собраніи, въ октябрьскую сессію настоящаго года, доклада псковской уѣздной управы о народномъ образованіи, въ опроверженіе того, что ученики скоро забываютъ то, чему научились въ школѣ:

„Въ одномъ изъ засѣданій уѣзднаго училищнаго совѣта, по поводу появившихся въ печати сообщеній, хотя въ общихъ фразахъ, о томъ, что обучающіяся въ земскихъ школахъ дѣти, получившія свидѣтельства объ окончаніи курса, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ пребыванія дома, въ безграмотной семьѣ, забываютъ окончательно все прой-

денное ими въ школѣ, между прочимъ постановлено: просить экзаменаторовъ, при испытаніи въ школахъ учащихся, проэкзаменовать молодыхъ людей, призываемыхъ нынѣ къ жеребью для исполненія воинской повинности, получившихъ свидѣтельство объ окончаніи курса въ земскихъ школахъ. Вслѣдствіе сего, шестью экзаменаторами, въ разныхъ школахъ уѣзда, было проэкзаменовано 25 молодыхъ людей, причемъ оказалось, что они не только не забыли того, чему ихъ научила школа, но много прибавили къ этому, читая книги, получаемыя ими изъ училищныхъ библіотекъ. Одинъ экзаменаторъ въ своемъ отзывѣ пишетъ, что всѣ испытанные имъ молодые люди, около 6—7 лѣтъ окончившіе курсъ въ земскихъ школахъ, очень хорошо отвѣтили по всѣмъ предметамъ, толково написали сочиненіе на заданную тэму, хорошо разрѣшили ариѳметическія задачи, объяснили заповѣди и символъ вѣры. Одинъ только изъ 8 оказался слабымъ въ письмѣ, потому что, какъ онѣ объяснилъ, неудавалось ему дома писать, по неимѣнію бумаги и чернилъ, книжки же для прочтенія получалъ изъ училищной библіотеки. Другой экзаменаторъ, въ заключеніе своего отзыва, пишетъ, что обученіе въ школѣ видимо оставило свой неизгладимый слѣдъ на проэкзаменованныхъ имъ молодыхъ людяхъ: они какъ по внѣшнему своему виду, такъ и въ своей домашней жизни, по отзывамъ волостного старшины, отличаются порядочностью. Третій экзаменаторъ указываетъ на то обстоятельство, что испытанные имъ, призываемые въ этомъ году къ отправленію воинской повинности шесть молодыхъ крестьянъ не только не забыли пройденнаго въ школѣ, не смотря на свои занятія по крестьянскому хозяйству, но еще усовершенствовались въ чтеніи, пользуясь книгами изъ училищной библіотеки и на сторонѣ".

Остальные экзаменаторы сообщили то же самое.

„Вышеизложенное укрѣпляетъ въ томъ убѣжденіи, что затрачиваемыя земствомъ суммы на содержаніе земскихъ школъ тратятся вполнѣ производительно, что школы несомнѣнно имѣютъ громадное вліяніе на улучшеніе нравственности и на развитіе умственныхъ способностей крестьянъ, сообщая населенію, чрезъ учащихся, полезныя свѣдѣнія въ обыденной жизни. Конечно, польза эта не поддается, пока, вычисленіямъ въ матеріальномъ отношеніи, ее нельзя переложить на деньги, но она несомнѣнна и безспорно ведетъ къ улучшенію благосостоянія народа".

Въ другомъ отдѣлѣ доклада управы сказано, что въ настоящее время поступили ходатайства объ открытіи новыхъ школъ грамотности отъ 4-хъ крестьянскихъ обществъ разныхъ волостей.

Въ заключеніе, не лишнимъ считаю позаимствовать изъ этого же доклада земской управы нѣкоторыя данныя, знакомящія, въ общихъ чертахъ, съ состояніемъ и ходомъ школьнаго дѣла въ псковскомъ уѣздѣ.

Въ отчетномъ $18^{83}/_{84}$ учебномъ году въ псковскомъ уѣздѣ состояло:

Начальныхъ училищъ, содержимыхъ земствомъ		44
Земскихъ школъ грамотности съ однимъ отдѣленіемъ		16
Частная школа г. Фанъ-деръ-Флита	подъ наблюденіемъ Училищнаго Совѣта	2
Частная школа г. Кондратьева.		
Итого		62

Во всѣхъ этихъ школахъ, кромѣ частной школы г. Кондратьева, свѣденій о которой въ докладѣ не имѣется, въ $18^{83}/_{84}$ году обучалось дѣтей:

Мальчиковъ	1917
Дѣвочекъ	405
Итого	2322

Окончили курсъ въ томъ же году и получили о томъ свидѣтельства:

Мальчиковъ	330
Дѣвочекъ	78
Итого	408

Сверхъ того, въ школахъ грамотности съ однимъ отдѣленіемъ обучается мальчиковъ и дѣвочекъ 465, какъ видно изъ смѣты управы на 1885 годъ.

Содержаніе земскихъ школъ и школъ грамотности обошлось въ истекшемъ учебномъ году въ 36,301 р. 98 к.

Всѣ расходы по народному образованію, внесенные въ смѣту на 1885 годъ, составляютъ 41,000 рублей.

За малыми исключеніями, всѣ учителя и учительницы земскихъ школъ опредѣлены изъ окончившихъ курсъ въ псковской учительской семинаріи и въ 8-мъ дополнительномъ (педагогическомъ) курсѣ псковской женской гимназіи, съ жалованьемъ по 350 р. въ годъ.

По успѣхамъ обученія, земскія школы, на основаніи отзывовъ экзаменаторовъ, распредѣлены училищнымъ совѣтомъ слѣдующимъ образомъ:

Отличныхъ и очень хорошихъ	22 школы
Хорошихъ	8 „
Удовлетворительныхъ	9 „
Не вполнѣ удовлетворительныхъ	5 „
	44 школы

Сверхъ того, частная школа г. Фанъ-деръ-Флита считается одною изъ лучшихъ.

Всѣ эти оффиціальныя свѣденія показываютъ, что на школьное дѣло въ псковскомъ уѣздѣ обращено земствомъ особое вниманіе, и что обученіе народа идетъ успѣшно. Несомнѣнными признаками популярности земскихъ школъ служатъ: ежегодныя ходатайства крестьянскихъ сельскихъ обществъ объ открытіи новыхъ школъ, постоянный наплывъ учениковъ въ училища, до такой степени, что часто приходится отказывать въ пріемѣ многимъ желающимъ учиться,—за недостаткомъ для нихъ мѣста въ классной комнатѣ того или другого училища; наконецъ и то обстоятельство, что на годичныхъ весеннихъ испытаніяхъ учениковъ въ большинствѣ школъ постоянно присутствуютъ многіе изъ родителей и родственниковъ учащихся.

Но до возможности *обязательнаго* обученія грамотности еще очень далеко! По приблизительному исчисленію, въ псковскомъ уѣздѣ состоитъ дѣтей школьнаго возраста (отъ 9 до 14 лѣтъ) около 18,000, слѣдовательно, не обучается грамотѣ въ школахъ около 15,700 дѣтей, для обученія которыхъ потребовалось бы открыть еще до 300 новыхъ школъ. Къ сожалѣнію, не только псковское, но, вѣроятно, ни одно уѣздное земство въ Россіи для содержанія подобнаго количества школъ, для преподаванія въ нихъ и для наблюденія за ними не имѣетъ ни денежныхъ средствъ, ни достаточнаго персонала.

По прочтеніи этой замѣтки, многіе изъ противниковъ земскихъ школъ скажутъ, можетъ быть: все это, положимъ, и вѣрно относительно одного уѣзда, но будетъ ли вѣрно вообще?

На это можно сказать только одно: псковская губернія считается одною изъ бѣдныхъ: въ столицѣ псковскихъ крестьянъ называютъ даже *мякинниками*. Какое же основаніе предположить, что псковской уѣздъ составляетъ какое-то счастливое исключеніе, что онъ выходитъ изъ общаго уровня всѣхъ уѣздовъ Россіи?

А. Яхонтовъ.

ПИСЬМА ИЗЪ ПРОВИНЦІИ.

Тифлисъ.—Ноябрь, 1884 г.

Въ истекающемъ году у насъ очень много толковъ возбуждали разные поземельные вопросы, остающіеся безъ разрѣшенія нѣсколько десятковъ лѣтъ и даже чуть не со времени водворенія здѣсь русскихъ.

Крестьянская реформа коснулась главнымъ образомъ крѣпостныхъ людей. Между тѣмъ, они являлись въ общей массѣ кавказскихъ крестьянъ лишь меньшинствомъ. Большинство же составляютъ государственные крестьяне, водворенные на земляхъ частныхъ лицъ и учрежденій, и устройство быта многихъ изъ этихъ крестьянъ вовсе не начато, въ отношеніи же нѣкоторыхъ изъ нихъ приняты пока только полумѣры.

Тѣмъ легче было, казалось бы, устроить бытъ этихъ крестьянъ, что большинство ихъ не было стѣснено крѣпостною зависимостью и для своего благоденствія не требовало, такимъ образомъ, никакихъ жертвъ со стороны остальныхъ сословій. Тѣмъ не менѣе неразрѣшенныхъ крупныхъ поземельныхъ вопросовъ, касающихся интересовъ государственныхъ крестьянъ, накопилось у кавказскаго начальства такъ много, что одно голое перечисленіе ихъ заняло-бъ добрую половину настоящаго письма.

Главными препятствіями къ своевременному разрѣшенію названныхъ дѣлъ служили, во-первыхъ, органическій порокъ всякой бюрократіи вообще, и тѣмъ болѣе кавказской, составленной изъ пришлаго элемента,—а именно, полное равнодушіе къ живой дѣйствительности и полное незнакомство съ прошлою и современною жизнью населенія, съ его обычаями и экономическимъ положеніемъ, и, во-вторыхъ, естественное стремленіе лицъ привилегированнаго сословія пользоваться этою слабостью начальствующихъ лицъ, для своихъ выгодъ,—для установленія, за отсутствіемъ закона, полнаго произвола въ своихъ отношеніяхъ къ крестьянамъ, живущимъ на ихъ землѣ.

Въ виду этого, достойно вниманія, что если и не всѣ, то многія изъ вышеозначенныхъ дѣлъ были въ этомъ году предметомъ особой заботливости кавказскаго начальства. Ими занимались и мѣстныя губернскія по крестьянскимъ и поселянскимъ дѣламъ присутствія, и совѣтъ главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ, и особыя коммиссіи, съ участіемъ свѣдущихъ лицъ изъ землевла-

дѣльцевъ. Можно, конечно, пожалѣть, что ни одинъ изъ поднятыхъ вопросовъ разрѣшенія не получилъ и, вѣроятно, не скоро еще и получитъ его, но несомнѣнно, что вопросы эти, касающіеся важнѣйшихъ интересовъ производительнѣйшаго класса кавказскаго населенія, настолько выяснились, благодаря трудамъ вышеназванныхъ учрежденій, что теперь есть возможность сколько-нибудь точно опредѣлить ихъ сущность и значеніе какъ для государства, такъ и для лично заинтересованныхъ въ нихъ землевладѣльцевъ и крестьянъ.

Результатъ этихъ трудовъ также въ высшей степени интересенъ въ смыслѣ характеристики упомянутыхъ выше препятствій къ разрѣшенію нашихъ поземельныхъ дѣлъ. Сущность этихъ дѣлъ такъ незамысловата, что, зная ее, не трудно разыскать справедливые и законные пути къ ихъ разрѣшенію. А если они такъ долго оставались не рѣшенными, то, это, очевидно, благодаря отчужденности нашей бюрократіи отъ центра экономической жизни населенія и благодаря, вслѣдствіе этого, неумѣнію этой бюрократіи бороться съ крѣпостническими стремленіями мѣстныхъ землевладѣльцевъ.

Въ этомъ отношеніи особенно поучительна исторія „хизанскаго" вопроса. „Хизане" въ воображеніи нашихъ губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій являлись до сихъ поръ настоящими enfants terribles, неподдающимися никакому опредѣленію. Этотъ разрядъ крестьянъ и по настоящее время живетъ на земляхъ частныхъ лицъ и отбываетъ имъ повинности въ томъ порядкѣ и размѣрѣ, какіе опредѣлены *обычаемъ*; законъ же объ нихъ упоминаетъ лишь въ одной статьѣ мѣстнаго крестьянскаго положенія, какъ о крестьянахъ, отношенія которыхъ къ землевладѣльцамъ установляются обычаями. Лишь въ нынѣшнемъ году приступлено къ проектированію правилъ о поземельномъ устройствѣ хизанъ; до сихъ же поръ собирались только свѣденія для установленія понятія о хизанствѣ. Трудно ли такъ было, однако, составить понятіе объ этомъ предметѣ? Хизанство опредѣляется самимъ названіемъ его. Хизанъ (что значитъ по-грузински пріютившійся) это—свободный человѣкъ или же крестьянинъ казенный, помѣщичій или церковный, который, будучи гонимъ изъ своего постояннаго мѣстожительства малоземельемъ, голодомъ и другими бѣдствіями, или какимъ-нибудь случайнымъ обстоятельствомъ, находилъ пріютъ, на сторонѣ, у помѣщика, казеннаго или частнаго учрежденія, оставаясь или не оставаясь въ крѣпостной зависимости отъ прежняго помѣщика. Хизанъ отъ своего новаго покровителя получалъ въ пользованіе всѣ тѣ земельныя угодья, какими обыкновенно пользовались крѣпостные, но отбывалъ ему только поземельныя повинности. Повинностей же личныхъ, истекающихъ изъ крѣпостной зависимости, какъ-то: денежнаго сбора по раскладкамъ

помѣщика, домашней у него службы, повинностей, взимавшихся за раздѣлъ, на свадьбу, крестины, похороны и различныхъ, установленныхъ обычаемъ приношеній, хизанъ въ пользу владѣльца земли не отбывалъ и не отбываетъ иначе, какъ по собственному побужденію. Такимъ образомъ, хизанъ былъ свободенъ отъ повинностей, истекающихъ не изъ пользованія землею, а изъ личной зависимости, и, кромѣ того, не могъ быть подвергнутъ владѣльцемъ земли никакимъ наказаніямъ. Но съ теченіемъ времени, понемногу, хизанъ, оставаясь долго на землѣ одного и того же помѣщика, уравнивался по своимъ обязанностямъ съ крѣпостными людьми и записывался въ разрядъ послѣднихъ. По законамъ царя Вахтанга, хизанъ, по истеченіи тридцати лѣтъ своего хизанства, переходилъ въ крѣпостное состояніе. Такимъ образомъ, хизанство было переходное состояніе отъ свободнаго въ крѣпостное.

Въ такомъ переходномъ состояніи крестьянская реформа застала въ грузинскихъ провинціяхъ, гдѣ хизанство исключительно существовало, довольно большое число крестьянъ: въ тифлисской губерніи—4,685 домовъ (что составляло 27% общаго числа временнообязанныхъ крестьянъ въ этой губерніи), и въ кутаисской—1,169 дымовъ. Затѣмъ, и по освобожденіи крестьянъ, перешло въ хизанское состояніе: въ тифлисской губ.—1,468 домовъ, а въ кутаисской—1,025 домовъ. Итого, въ обѣихъ губерніяхъ въ настоящее время насчитывается хизанъ свыше 8 тыс. домовъ или до 40 тыс. душъ, и это число крестьянъ послѣ реформы, и до настоящаго времени, остает въ томъ состояніи, которое прежде считалось лишь переходнымъ, отношенія ихъ къ землевладѣльцамъ опредѣляются не закономъ, обычаемъ. Но такъ какъ обычаи хизанскаго пользованія землею кѣмъ серьезно не были изслѣдованы, и самое понятіе о хизанст не было закономъ опредѣлено, то иски къ хизанамъ предъявлял не въ крестьянскихъ учрежденіяхъ, какъ это требовалось закон а въ общихъ судахъ, и хизанскія дѣла разрѣшались здѣсь на о ваніи законовъ объ арендѣ, т.-е. землевладѣльцамъ предоставлял хизанъ, не заключившихъ съ ними общеустановленнымъ поряд условія, сгонять съ обработанныхъ ими полей и лишать заведенн ими хозяйствъ. Такія несправедливо-жестокія послѣдствія имѣл данномъ случаѣ отсутствіе закона.

Въ настоящемъ году, наконецъ, тифлисскимъ и кутаисским бернскими крестьянскими присутствіями приступлено было къ про рованію положенія о хизанахъ, на основаніи свѣденій, собиравш отъ мировыхъ посредниковъ и землевладѣльцевъ почти въ пр женіе 20 лѣтъ. Законопроектамъ этимъ, однако, едва ли можно сказать какой-нибудь успѣхъ, такъ какъ свѣденія, послужившія

основаніемъ, хотя и собирались слишкомъ долго, но ихъ трудно назвать полными. Свѣденія эти добыты у мировыхъ посредниковъ, которые у насъ баснословно лаконичны по самымъ важнымъ поземельнымъ вопросамъ и не считаютъ разработки такихъ вопросовъ прямою своею обязанностью, и отъ землевладѣльцевъ, которые заинтересованы въ разрѣшеніи хизанскаго вопроса лишь въ крѣпостническомъ духѣ.

Въ хизанскомъ дѣлѣ самыми существенными вопросами являются слѣдующіе: имѣли ли право землевладѣльцы произвольно увеличивать повинности хизанъ и выселять послѣднихъ съ занимаемыхъ ими земель. При утвердительномъ отвѣтѣ, хизане приравниваются къ арендаторамъ, въ противномъ же случаѣ ихъ нынѣшнее положеніе можетъ быть сравнено съ положеніемъ бывшихъ крѣпостныхъ, нынѣ временно-обязанныхъ крестьянъ. Представители дворянства, участвовавшіе въ разсмотрѣніи начальствомъ хизанскаго дѣла, почти единогласно дали утвердительные отвѣты на вышеприведенные вопросы и тѣмъ какъ бы признали хизанъ обыкновенными арендаторами.

Губернскія присутствія, выслушавъ одну лишь заинтересованную сторону, не могли, конечно, не рѣшить вопроса односторонне. Они отказались, въ своемъ проектѣ, обезпечить бытъ хизанъ даже настолько, насколько обезпечиваются временно-обязанные крестьяне, которые, какъ извѣстно, получили въ постоянное пользованіе опредѣленный надѣлъ и отбываютъ разъ-навсегда опредѣленныя повинности. Присутствія признали хизанъ простыми арендаторами. Кутаисское присутствіе, впрочемъ, уравниваетъ съ временно-обязанными крестьянами тѣхъ хизанъ, которые не имѣютъ собственной усадебной осѣдлости. Но тифлисское присутствіе пошло гораздо дальше и признало всѣхъ хизанъ обыкновенными арендаторами, причемъ предоставило землевладѣльцамъ лишать ихъ искони обрабатывавшихся ими земель, если въ продолженіе трехъ лѣтъ они не заключатъ съ ними арендного договора.

Такимъ образомъ, учрежденія, созданныя для улучшенія поземельнаго быта крестьянъ, высказались въ данномъ случаѣ за его ухудшеніе. Придавать хизанству характеръ аренды—значитъ уничтожать исконныя права хизанъ на землю,—права, которыя имѣютъ даже временно-обязанные крестьяне, находившіеся до крестьянской реформы въ худшемъ положеніи, чѣмъ хизаны. Хизанское положеніе, какъ заявляется и въ журналѣ бывшаго закавказскаго центральнаго комитета по устройству быта помѣщичьихъ крестьянъ, считалось „одною изъ счастливыхъ особенностей свободныхъ поземельныхъ отношеній владѣльцевъ земли и живущихъ на ней поселянъ, въ здѣшнемъ краѣ". Вопросъ, постановленный въ такомъ видѣ: составляло-ли хизанское положеніе улучшеніе быта крѣпостного сословія,—конечно, не можетъ

быть разрѣшенъ иначе, какъ въ смыслѣ утвердительномъ, ибо несомнѣнно, что крѣпостные люди, получая безвозмездно право лицъ свободнаго состоянія, не могутъ требовать отъ помѣщика дарованія имъ болѣе выгоднаго положенія, чѣмъ то, въ которое ставятъ себя добровольно лица свободныхъ сословій. Итакъ, положенія теперь перемѣняются: хизане, состояніе которыхъ было завидно для бывшихъ крѣпостныхъ нѣсколько лѣтъ назадъ, теперь могутъ позавидовать въ свою очередь поземельной обезпеченности послѣднихъ, если только осуществятся предположенія нашихъ крестьянскихъ присутствій. Какъ же не назвать послѣ этого мѣру, предположенную присутствіями,—ухудшеніемъ быта хизанъ.

Еслибы мѣстное начальство пригласило къ участью въ своихъ трудахъ дѣйствительно свѣдущихъ лицъ, а не лишь одну изъ заинтересованныхъ сторонъ, то сразу обнаружилась бы вся разница между хизанами и арендаторами. Для этого слѣдовало бы послушать землевладѣльцевъ, неимѣющихъ хизанъ, а также другихъ крестьянъ, живущихъ по сосѣдству съ хизанами. Не было бы излишнимъ принять къ свѣденію и тѣ небольшія замѣтки, какія по временамъ являлись въ мѣстной печати. Такъ, напримѣръ, въ грузинской газетѣ „Дроэба" рѣзко проведена была черта между понятіями о хизанствѣ и арендаторствѣ, слѣдующею замѣткой.

„Для того, чтобы арендовать имѣніе, необходимы три условія: 1) арендуемое имѣніе должно имѣть вѣрныя, ясно опредѣленныя границы; 2) арендаторъ обязанъ платить извѣстную сумму за право аренды, и 3) срокъ аренды долженъ быть опредѣленъ въ точности, а по истеченіи срока, условія аренды прекращаются и земля остается въ полномъ владѣніи землевладѣльца. Между тѣмъ, трудно или почти невозможно указать хоть одного хизана, который удовлетворялъ бы этимъ тремъ условіямъ. Большинство хизанъ живетъ въ неразмежеванныхъ мѣстахъ, на спорной землѣ, охраняя права землевладѣльца на эту землю противъ притязаній сосѣдей, чего не сдѣлалъ бы ни одинъ арендаторъ, изъ опасенія поплатиться имуществомъ и даже жизнью, при столкновеніяхъ землевладѣльцевъ. Другое условіе—взиманія опредѣленной арендной платы—также нигдѣ не практикуется. Доходъ отъ хизанъ почти ежегодно измѣняется, смотря или потому, во-первыхъ, каковъ былъ урожай, или же, во-вторыхъ, насколько добросовѣстными оказались сами хизаны, и насколько взыскателенъ землевладѣлецъ. Третье условіе — опредѣленный срокъ пользованія землею—уже совсѣмъ неслыханная новость какъ для хизанъ, такъ и для самихъ землевладѣльцевъ. Хизанъ беретъ землю, чаще лѣсъ, вырубаетъ его, очищаетъ и обрабатываетъ, разводитъ фруктовыя деревья, строитъ себѣ домъ, хлѣва для

скотины;—словомъ, обзаводится всѣмъ, что необходимо для добраго хозяина. Все это дѣлается имъ, конечно, не для временнаго житья, не на семь или на десять лѣтъ, а навсегда, и ни хизаны, ни сами землевладѣльцы никогда и не думали о томъ, чтобы когда-нибудь хизанамъ пришлось бросать насиженныя ими мѣста. Даже если случалось, что хизанъ не по-хозяйски обращался съ господскою землею, вырубалъ безпощадно лѣсъ и т. д., при всемъ своемъ желаніи, землевладѣлецъ рѣдко бывалъ въ силахъ ограничить его произволъ или вообще выказать передъ нимъ свои хозяйскія права. Словомъ, отношенія хизанъ къ землевладѣльцамъ не имѣютъ ничего общаго съ отношеніями арендаторовъ, и если, несмотря на то, гг. землевладѣльцы въ послѣднее время величаютъ хизанъ арендаторами, то, конечно, потому, что согнать послѣднихъ съ земли—легко, а хизанъ—нѣтъ".

Въ этомъ же смыслѣ высказалась и мѣстная русская газета „Новое обозрѣніе", устами одного изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ. Наконецъ, достаточно было внимательнѣе прислушаться къ ламентаціямъ приглашенныхъ въ засѣданіе присутствія землевладѣльцевъ, чтобы понять всю шаткость ихъ доводовъ. Они не категорически ссылались на существующіе обычаи, когда рѣчь заходила о правѣ землевладѣльца выслать хизана изъ занимаемой имъ земли, а распространялись о значеніи права собственности, и изъ отвлеченнаго понятія объ этомѣ правѣ выводили и понятіе о своемъ правѣ на выселеніе хизанъ. Эти ораторы, очевидно, забывали о существованіи въ дѣйствительности такихъ ограниченій права собственности, какъ, напримѣръ, права временно-обязанныхъ крестьянъ на земли своихъ бывшихъ помѣщиковъ, вѣчно-чиншевое право, или право государственныхъ поселянъ, живущихъ въ имѣніяхъ высшаго мусульманскаго и армянскаго сословій, вѣчно пользоваться занимаемыми ими землями и выкупать ихъ, по ихъ-же, поселянъ, усмотрѣнію.

Изъ разсказанной нами вкратцѣ исторіи хизанскаго дѣла видно, что мѣстныя спеціальныя по крестьянскимъ дѣламъ учрежденія, для разъясненія такого простого понятія, какъ хизанство, употребили чуть не двадцать лѣтъ и, принявшись, наконецъ, послѣ такой повидимому, основательной подготовки, за устройство хизанскаго быта, проектировали мѣры, способныя лишь разстроить этотъ бытъ.

Такое же безсиліе обнаружили эти учрежденія и въ другомъ, еще болѣе крупномъ поземельномъ вопросѣ,—въ вопросѣ о выкупѣ крестьянами отведенныхъ имъ надѣловъ. Въ то время, какъ во внутреннихъ губерніяхъ, и временно-обязанные, и государственные

крестьяне давно уже перешли въ разрядъ „крестьянъ-собственниковъ“, — на Кавказѣ этотъ разрядъ крестьянъ образовался, можно сказать, въ одной лишь кутаисской губерніи, да и то безъ всякаго особаго содѣйствія названныхъ учрежденій и даже безъ правительственнаго кредита. Въ тифлисской губерніи только самая незначительная часть крестьянства воспользовалась правомъ выкупа (въ продолженіе 10 лѣтъ 1220 крестьянъ). Объ ускореніи здѣсь выкупного дѣла мѣстное начальство вспомнило лишь въ нынѣшнемъ году, да и то ограничилось выраженіемъ платоническихъ пожеланій.

Въ мусульманскихъ провинціяхъ, т.-е. въ бакинской, эриванской и елисаветпольской губерніяхъ совсѣмъ еще неизвѣстны случаи выкупа. Точно такъ же эти случаи не имѣли мѣста въ другихъ мѣстностяхъ Кавказа, среди крестьянъ, живущихъ на казенныхъ земляхъ, такъ-какъ вопросъ о выкупѣ этихъ земель и не поднимался вовсе.

Участіе мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій въ выкупномъ дѣлѣ особенно важно на Кавказѣ. Выкупной наказъ у насъ предъявляетъ къ этимъ учрежденіямъ больше требованій, чѣмъ во внутреннихъ губерніяхъ. Въ то время, какъ въ послѣднихъ губерніяхъ выкупная сумма опредѣляется очень просто, капитализаціею изъ 6% ежегоднаго, указаннаго въ уставной грамотѣ оброка, сумма эта у насъ, въ виду существованія натуральной повинности, въ извѣстной части урожая, непереложенной еще въ оброкъ, опредѣляется добровольнымъ соглашеніемъ крестьянъ съ владѣльцами. Поэтому важнѣйшею обязанностью мирового посредника и является установленіе этого добровольнаго соглашенія. Между тѣмъ у насъ, на практикѣ не только не принимались серьезныя мѣры къ подобнымъ соглашеніямъ, но не было серьезно приступлено даже къ разцѣнкѣ натуральной повинности крестьянъ на деньги, чѣмъ значительно и облегчилось бы и опредѣленіе выкупной суммы. Несмотря ни на указанія закона, ни на неоднократныя требованія высшаго кавказскаго начальства, вопросъ о разцѣнкѣ въ рукахъ мѣстныхъ крестьянскихъ учрежденій постоянно стушовывался, и въ томъ имъ не мало помогали мѣстные землевладѣльцы, интересы которыхъ требуютъ какъ возможной продолжительности обязательныхъ къ нимъ отношеній крестьянъ, такъ и возможно поздней оцѣнки земель, съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе подымающихся въ стоимости. Это послѣднее обстоятельство, а именно увеличеніе цѣнности земель, можетъ, благодаря апатіи руководителей крестьянскаго дѣла, сдѣлать конечную цѣль крестьянской реформы—выкупъ крестьянскихъ надѣловъ—почти недостижимой.

Замедленіе выкупного дѣла принято обыкновенно объяснять не-

достатками мѣстныхъ крестьянскихъ положеній, а именно, недостаточностью опредѣляемой ими правительственной ссуды, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и полнымъ отсутствіемъ такой ссуды (напр., въ тифлисской и кутаисской губерніяхъ, садовыя угодья и отрѣзныя, сверхъ установленнаго надѣла, земли, а въ мусульманскихъ провинціяхъ, всѣ земельныя угодія выкупаются крестьянами исключительно своими средствами). Пожалуй можно было бы указать еще и на многіе другіе недостатки дѣйствующихъ у насъ крестьянскихъ законоположеній, но они нисколько не оправдываютъ бездѣятельности мѣстныхъ учрежденій. Кому, какъ не имъ, мѣстнымъ учрежденіямъ, нужно было замѣтить во-время эти недостатки и выработать, для устраненія ихъ, новые законопроекты.

Какъ примѣръ образцовой медленности въ движеніи дѣлъ, ввѣренныхъ нашимъ крестьянскимъ учрежденіямъ, можно указать на фактъ существованія крѣпостного права, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Кавказа, и по настоящее время. Въ обширныхъ имѣніяхъ (въ тифлисской и кутаисской губерніяхъ), принадлежащихъ иностраннымъ греческимъ монастырямъ, крестьяне, числомъ, по однимъ свѣденіямъ, до 4 тыс. домовъ, а по другимъ свѣденіямъ нѣсколько меньше, и до сихъ поръ пребываютъ въ крѣпостной зависимости отъ означенныхъ монастырей.

Вопросъ о поземельномъ устройствѣ этихъ крестьянъ хотя и былъ поднятъ вскорѣ послѣ освобожденія крестьянъ помѣщичьихъ, но долго не разрѣшался. Происходило это вслѣдствіе колебаній мѣстнаго начальства, незнавшаго съ кѣмъ уравнить ихъ въ правахъ, съ бывшими ли помѣщичьими крестьянами, или же съ крестьянами, живущими на земляхъ разныхъ учрежденій. Положеніе послѣднихъ было болѣе льготно и для нихъ, и для государства, и поэтому, наконецъ, въ 1876 г., бывшій комитетъ объ устройствѣ закавказскихъ крестьянъ рѣшилъ примѣнить къ вышеупомянутымъ монастырскимъ крестьянамъ положеніе объ „имѣніяхъ разныхъ учрежденій". Крестьянамъ оставалось радоваться, потому что этимъ гуманнымъ положеніемъ не только отмѣнялись всѣ личныя ихъ повинности, вытекавшія изъ крѣпостной зависимости, особенно тяжелыя отъ злоупотребленій монаховъ, но и предоставлялось крестьянамъ пользоваться всѣми тѣми угодьями,—какъ бы они велики ни были,—которыми пользовались раньше, и отбывать, однако, за нихъ повинности не свыше повинностей другихъ временно-обязанныхъ крестьянъ.

Но года шли за годами, а уставныя грамоты на названныя монастырскія имѣнія все не составлялись, и это гуманное положеніе оставалось для крестьянъ лишь мертвой буквой. Введеніе реформы замедлялось возбужденіемъ разныхъ праздныхъ вопросовъ, въ родѣ

того, какъ, не нужно ли прежде всего перевести натуральныя повинности монастырскихъ крестьянъ на деньги, между тѣмъ какъ этого не дѣлалось въ отношеніи другихъ крестьянъ, или, не нужно ли назначить мировымъ посредникамъ особое вознагражденіе, сверхъ положеннаго имъ жалованья, — за тотъ якобы особенно тяжелый трудъ, какой они понесутъ при составленіи уставныхъ грамотъ на означенныя имѣнія, и пр. Въ этомъ отношеніи особенно усердствовали чины управленія государственными имуществами и мировые посредники, на которыхъ возложено было введеніе означенной реформы.

Такимъ образомъ, и въ настоящее время продолжаютъ царить въ имѣніяхъ заграничныхъ греческихъ монастырей прадѣдовскіе, суровые крѣпостные порядки, давно уже отмѣненные по всей остальной Россіи. Впрочемъ, слѣдуетъ оговориться, что изъ всѣхъ мѣръ, вызванныхъ крестьянской реформой 1861 г., къ названнымъ имѣніямъ примѣнена одна: по распоряженію кавказскаго начальства, въ 1881 г., безземельные монастырскіе крестьяне уравнены съ дворовыми людьми и освобождены отъ всякихъ повинностей, въ пользу монастырей. Да и эта мѣра была принята, благодаря простому случаю. Извѣстный тифлисскій милліонеръ І. Алеловъ оказался безземельнымъ крестьяниномъ одного изъ греческихъ монастырей, и только благодаря его докучливымъ прошеніямъ объ освобожденіи его отъ повинностей, появилось вышеприведенное распоряженіе.

Приведенные въ этомъ письмѣ отрывочныя свѣденія, мнѣ кажется, достаточны, чтобы читатель могъ замѣтить, какими черепашьими шагами подвигалось на Кавказѣ крестьянское дѣло, какъ сильно было стремленіе къ обезземеленію крестьянъ (хизанскій вопросъ) даже въ тѣхъ лицахъ, на которыхъ была возложена властью особая заботливость объ улучшеніи быта крестьянъ, и что тамъ же, гдѣ крестьяне были надѣлены землею, осуществленію выкупного дѣла поставлены были такія серьезныя преграды, какъ неоцѣненность натуральныхъ повинностей. Очевидно, что руководители крестьянскаго дѣла у насъ не сочувствовали духу крестьянской реформы, а ограничивались лишь исполненіемъ буквы закона, не заботясь нисколько объ его смыслѣ. Только устранивъ эти причины, кавказское начальство можетъ надѣяться вывести крестьянское дѣло изъ его настоящаго паралитическаго состоянія. Только въ такомъ случаѣ можно предсказать успѣхъ трудамъ лицъ и учрежденій, разрабатывавшихъ въ этомъ году важнѣйшіе вопросы поземельнаго устройства кавказскихъ крестьянъ [1]).

---

[1]) Размѣры настоящаго письма не позволяютъ коснуться здѣсь исторіи образованія у насъ того крупнаго землевладѣнія, которое создалось посредствомъ расхи-

Что крѣпостническій духъ далеко еще не исчезъ на Кавказѣ, это чуть не на каждомъ шагу подтверждается фактами повседневной жизни. Крѣпостничество проявляется въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. О немъ невольно вспомнилось и на дняхъ, по случаю разныхъ возмутительныхъ подвиговъ нашихъ захолустныхъ Сквозникъ-Дмухановскихъ.

Говоря о плачевныхъ послѣдствіяхъ всемогущества уѣздной полиціи, въ прошломъ письмѣ, я привелъ нѣсколько случаевъ возмутительной эксплуатаціи ею самой несчастной части населенія. То же подтверждаютъ недавно обнаруженные факты такой же эксплуатаціи. Здѣсь очень много шуму надѣлала внезапная отставка шушинскаго уѣзднаго начальника Ганзіели, уволеннаго безъ прошенія. Поводомъ къ такой суровой мѣрѣ послужили побои, нанесенные имъ одному изъ мѣстныхъ заслужившихъ награду сельскихъ старшинъ. Бывшій тіонетскій, въ настоящее время боргалинскій уѣздный начальникъ, кн. Абхази, привлеченъ къ судебному слѣдствію *за растрату имъ суммъ, отпущенныхъ казной для оказанія помощи голодающему населенію*, и податныхъ денегъ, собранныхъ съ крестьянъ и невнесенныхъ въ казначейство.

Нельзя, конечно, не порадоваться, что новое кавказское центральное начальство отступило отъ принципа своихъ предшественниковъ —не трогать ни въ какомъ случаѣ уѣздныхъ начальниковъ, во избѣжаніе будто потрясенія авторитета власти. Но пока не будетъ измѣнена *система* мѣстнаго управленія, т.-е. пока существуетъ всемогущество полицейской власти, подчиняющее себѣ власть и судебную, и административно-общественную, пока отсутствуетъ общественный контроль, замѣняемый теперь мнимымъ контролемъ отдаленныхъ центральныхъ учрежденій, до тѣхъ поръ всѣ мѣры строгости, принимаемыя высшимъ кавказскимъ начальствомъ въ отношеніи того или другого провинившагося представителя полиціи, будутъ носить характеръ простой случайности.

Въ самомъ дѣлѣ, нельзя было не обратить вниманія, что оба вышеназванные пострадавшіе уѣздные начальники пользовались всегда наибольшими симпатіями мѣстнаго общества, и едва ли какой-нибудь безпристрастный житель того или другого кавказскаго захолустья рѣшится поставить своего мѣстнаго уѣзднаго начальника выше гг. Ганзіели и Абхази. Г. Ганзіели, пользующійся репутаціею безкорыстнаго чиновника, незаконно избилъ старшину, вѣроятно, только въ силу весьма распространеннаго среди полицейскихъ чиновниковъ

щенія богатѣйшихъ государственныхъ земель. Параллель между этимъ и крестьянскимъ землевладѣніемъ была-бъ интересна, и контрастъ вышелъ бы полный въ результатѣ отъ бездѣятельности мѣстнаго начальства и въ той, и въ другой сферѣ.

правила безпощадно строго относиться къ каждому татарину, такъ какъ онъ навѣрное или воръ, или разбойникъ и убійца. Нѣтъ сомнѣнія, что другіе уѣздные начальники еще болѣе незаконно обращаются съ населеніемъ, и, слѣдовательно, въ фактѣ избіенія г-номъ Ганзіели старшины виноватъ нестолько онъ, Ганзіели, сколько общій полицейскій взглядъ на мѣстное населеніе. Пока этотъ взглядъ раздѣляется начальниками г-на Ганзіели, до тѣхъ поръ этотъ послѣдній не перестанетъ считаться жертвой простого случая, и даже произвола.

Точно также и обнаруженіе злоупотребленій тіонетскаго уѣзднаго начальника носитъ, повидимому, случайный характеръ. Начальникъ этотъ былъ переведенъ изъ тіонетскаго уѣзда въ боргалинскій, и тогда только голодающіе и вдвойнѣ обложенные податью крестьяне посмѣли поднять голосъ противъ своего бывшаго царька. Оставайся этотъ паша на своемъ прежнемъ мѣстѣ, пострадавшіе едва ли и заикнулись бы о своемъ несчастіи, изъ боязни административной высылки и другихъ строгихъ мѣръ, находящихся въ распоряженіи кавказскихъ администраторовъ.

Нужно ограничить закономъ всемогущество и произволъ вообще всей мѣстной полицейской власти, даровать населенію мѣстное самоуправленіе, и тогда только, при установленіи общественнаго контроля, населеніе заговоритъ безбоязненно о гораздо бо́льшихъ злоупотребленіяхъ, чѣмъ вышеприведенныя.

Т.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е декабря, 1884.

Новый составъ германскаго парламента. — Успѣхи соціальной демократіи и упадокъ прогрессистовъ.—Характеръ нѣмецкихъ партій.—Общая политика Германіи и князь Бисмаркъ.—Мнимо-либеральный проектъ о вознагражденіи народныхъ представителей.—Военная предпріимчивость во Франціи и въ Англіи.—Англійскія реформы.— Избраніе президента въ Соединенныхъ-штатахъ.

Нѣмецкая соціальная демократія вступаетъ въ новый періодъ своего существованія: она впервые составила особую партію въ имперскомъ парламентѣ, съ правомъ самостоятельнаго внесенія своихъ предложеній, и такимъ образомъ получила возможность непосредственно вліять на законодательство имперіи, не нуждаясь въ предварительномъ согласіи членовъ другихъ партій. Въ 1878 году, когда обсуждались репрессивныя мѣры противъ соціалистовъ, послѣдніе имѣли въ палатѣ только нѣсколькихъ представителей; при слѣдующихъ выборахъ, въ 1881 году, они успѣли провести тринадцать кандидатовъ, а въ настоящее время они фигурируютъ въ рейхстагѣ въ видѣ цѣлой фракціи, состоящей изъ 24 человѣкъ и могущей уже играть серьезную практическую роль при разрозненномъ составѣ нынѣшняго нѣмецкаго представительства. Успѣхъ соціалистовъ кажется тѣмъ болѣе удивительнымъ, что противъ нихъ направлены были всѣ разнообразныя средства административнаго контроля и стѣсненія; они не могли дѣйствовать оружіемъ, которымъ свободно пользовались противники; не могли созывать избирательныя сходки, распространять свои воззрѣнія путемъ печати, произносить обычныя рѣчи и вступать въ прямыя отношенія между собою и съ народными массами. Они не могли отвѣчать на обвиненія и нападки враждебныхъ имъ газетъ, должны были заочно и издали руководить избирательнымъ движеніемъ, совѣщались о своемъ образѣ дѣйствій внѣ границъ отечества, на съѣздахъ въ замкѣ Виденъ въ Швейцаріи и въ Копенгагенѣ, подвергаясь неусыпному полицейскому надзору въ качествѣ людей подозрительныхъ и опасныхъ. И несмотря на все это, они достигли результатовъ, которымъ могутъ позавидовать дѣятели прусскаго консерватизма. Въ столицѣ Пруссіи они оказались наиболѣе внушительною силою, послѣ прогрессистовъ; изъ шести избирательныхъ округовъ Берлина они въ двухъ одержали побѣду, а въ остальныхъ содѣйствовали неудачѣ оффиціозныхъ кандида-

товъ—Вагнера, Штекера и другихъ. Нѣкоторые вожди ихъ избраны одновременно въ двухъ мѣстахъ,—Газенклеверъ въ Берлинѣ и въ Бреславлѣ, Блосъ—въ Брауншвейгѣ и въ Грейцѣ. За соціалистами стали открыто ухаживать недавніе ихъ враги и обличители, ибо во многихъ мѣстностяхъ исходъ перебаллотировокъ между консерваторами и либералами зависѣлъ отъ того, въ чью сторону подадутъ свои голоса приверженцы рабочаго класса. Въ четырехъ берлинскихъ округахъ они въ послѣднюю минуту пришли на помощь прогрессистамъ, которые согласились принять ихъ условія, и консерваторы-антисемиты, проповѣдники христіанскаго соціализма, не попали въ число депутатовъ отъ Берлина, не смотря на всѣ свои старанія пріобрѣсть расположеніе соціалистовъ. Самъ имперскій канцлеръ, князь Бисмаркъ, подавалъ голосъ въ качествѣ простого избирателя, вмѣстѣ съ своимъ сыномъ графомъ Гербертомъ, чтобы поддержать кандидатуру профессора Адольфа Вагнера, — и Вагнеръ не былъ выбранъ. Странное дѣйствіе имѣлъ законъ противъ соціалистовъ въ Германіи: со времени его изданія соціализмъ тамъ крѣпнетъ и организуется, становится на почву легальнаго общественнаго движенія, распространяется въ народѣ съ необычайною быстротою и ускользаетъ отъ контроля государственной власти, которая только во время выборовъ узнаетъ о степени развитія новой партіи. Правительство убѣдилось теперь, что запрещеніе свободной пропаганды извѣстныхъ идей ослабляетъ лишь возможность слѣдить за ихъ дѣйствительнымъ ростомъ въ тѣхъ или другихъ слояхъ общества. Движеніе, совершающееся въ глубинѣ и изрѣдка только доходящее до поверхности, не теряетъ своей силы отъ того, что оно дѣлается менѣе доступнымъ для наблюдателя, болѣе скрытымъ и таинственнымъ по своимъ цѣлямъ и способамъ дѣйствія. Очевидно, соціальная демократія имѣетъ сильные корни въ современной Германіи, и послѣдніе парламентскіе выборы освѣтили этотъ фактъ съ неожиданною наглядностью.

Рядомъ съ усиленіемъ соціалистовъ въ нѣмецкомъ парламентѣ, обращаетъ на себя вниманіе значительный упадокъ передовой либеральной партіи, такъ называемой „свободномыслящей". Эта партія, имѣющая въ своемъ составѣ такихъ неутомимыхъ ораторовъ, какъ Евгеній Рихтеръ, и такихъ ученыхъ, какъ Вирховъ, сократилась почти на половину; въ прежнемъ рейхстагѣ она состояла изъ 107 членовъ, а теперь въ ней числится около 60 человѣкъ. Многіе видные дѣятели ея были забаллотированы,—между прочимъ берлинскій городской голова, фонъ-Форкенбекъ; даже Рихтеръ и Вирховъ прошли только съ трудомъ. Никто не ожидалъ такого рѣшительнаго пораженія прогрессистовъ; всего менѣе ожидали этого они сами. Князю Бисмарку приписываютъ замѣчаніе, что „неудача прогресси-

стовъ для него гораздо важнѣе, чѣмъ успѣхъ соціалистовъ". Передовые либералы вели постоянную борьбу противъ канцлера, и враждебное отношеніе къ нимъ правительства вполнѣ понятно. Но либеральное нѣмецкое общество должно было, повидимому, поддерживать своихъ усердныхъ защитниковъ, которые и разсчитывали на эту поддержку и заранѣе торжествовали побѣду надъ противниками. На самомъ дѣлѣ вышло совсѣмъ другое: народъ отсталъ отъ прогрессистовъ, не обѣщавшихъ ему ничего положительнаго, и пошелъ за дѣятелями болѣе практическаго, реальнаго направленія. Партія „свободномыслящихъ" сохраняла традиціи либерализма въ старомъ смыслѣ этого слова; она не выходила за предѣлы чисто-политическихъ споровъ и относилась отрицательно къ важнымъ соціальнымъ задачамъ, выдвинутымъ на первый планъ экономическими нуждами и требованіями большинства населенія. Либеральные принципы могли увлекать собою общество только до тѣхъ поръ, пока нужно было добиваться общественныхъ вольностей, необходимыхъ для правильнаго теченія государственной жизни,—пока не было еще тѣхъ элементарныхъ „свободъ", которыя считаются гарантіями хорошаго управленія. Но что могутъ „свободномыслящіе" предложить странѣ, гдѣ каждый имѣетъ право мыслить свободно? Печать пользуется въ Германіи широкимъ просторомъ; въ ней проводятся какія угодно мнѣнія, не исключая и самыхъ крайнихъ: одни только революціонные элементы стѣснены отчасти въ распространеніи своихъ идей. Всякій нѣмецъ можетъ публично критиковать дѣйствія правительства, осуждать ту или другую мѣру администраціи, разбирать политику князя Бисмарка и предлагать свои собственные проекты законовъ;—оппозиція никому не возбраняется. Если и остается что-либо желать нѣмецкимъ либераламъ—въ области свободы мнѣній и публичнаго слова,—то эта доля неудовлетворенности слишкомъ незначительна, чтобы оправдывать существованіе особой „свободномыслящей" партіи. Нѣмцы имѣютъ не только право свободной критики и контроля по отношенію къ текущей политикѣ, но обладаютъ также правомъ дѣйствовать на эту политику чрезъ своихъ представителей, безъ согласія которыхъ не могутъ быть расходуемы государственныя средства. Значительная часть либеральной программы давно уже осуществлена въ Германіи, и нѣмецкіе либералы не могутъ довольствоваться повтореніемъ старыхъ девизовъ, утратившихъ живой смыслъ и ничего не говорящихъ народу. Люди, стоящіе на одномъ мѣстѣ и не замѣчающіе общаго движенія впередъ, всего менѣе могутъ быть названы прогрессистами. Единственное основаніе, на которое опираются „свободномыслящіе", и которое даетъ имъ значеніе самостоятельной политической партіи,—это твердая и неуклонная проповѣдь парламентскаго управле-

нія, съ отвѣтственностью министровъ предъ палатами. Но къ чему сводится эта проповѣдь въ настоящее время? При господствѣ парламентскаго большинства, князь Висмаркъ долженъ былъ бы немедленно выйти въ отставку, а этого не хотятъ даже личные враги канцлера, не говоря уже о массѣ народа. Князь Висмаркъ занимаетъ совершенно исключительное положеніе, къ которому оказываются непримѣнимыми начала строгаго парламентаризма; одна изъ величайшихъ фигуръ текущаго столѣтія не можетъ сойти съ своего мѣста по случайному рѣшенію парламентскихъ партій, и пока живетъ князь Висмаркъ, онъ неизбѣжно будетъ стоять во главѣ политическаго зданія, воздвигнутаго подъ его руководствомъ. Онъ не просто первый министръ, въ родѣ Гладстона или Жюля Ферри; онъ объединитель великой націи, творецъ могущественной имперіи, любимый герой молвы, живое воплощеніе національнаго и политическаго духа Германіи. Князь Висмаркъ не случайный баловень фортуны, а идеальный для нѣмцевъ государственный человѣкъ, оказавшій и продолжающій оказывать громадныя услуги своей родинѣ. Самый послѣдовательный нѣмецкій либералъ отступаетъ предъ мыслью, что князь Висмаркъ можетъ быть замѣненъ Евгеніемъ Рихтеромъ или кѣмъ-либо другимъ изъ выдающихся парламентскихъ дѣятелей, въ случаѣ односторонняго примѣненія парламентскихъ принциповъ. Всѣ понимаютъ, что правильный парламентаризмъ невозможенъ при такомъ подавляющемъ авторитетѣ руководящаго министра, и нѣмецкое общество поневолѣ примирилось съ фактомъ, не имѣющимъ въ себѣ въ сущности ничего непріятнаго. Требованія прогрессистовъ являются теперь невыполнимыми и преждевременными; вопросъ о парламентскомъ режимѣ возникнетъ только тогда, когда не станетъ князя Висмарка и когда мѣсто его займутъ люди обыкновенные, предъ которыми, быть можетъ, и Евгеній Рихтеръ покажется образцовымъ кандидатомъ въ министры. Прогрессисты ослабѣли еще и по другой причинѣ; они стоятъ какъ будто за народовластіе, а между тѣмъ, упорно пренебрегаютъ наиболѣе энергическими стремленіями народа въ сферѣ хозяйственныхъ и промышленныхъ интересовъ. Они защищаютъ свободу торговли и сдѣлокъ, въ то время какъ рабочій классъ все сильнѣе и все съ большимъ успѣхомъ домогается государственнаго вмѣшательства для ограниченія этой свободы, дающей оружіе сильнымъ противъ слабыхъ. „Свободномыслящіе" упустили изъ виду первую обязанность истинныхъ либераловъ —отстаивать права народнаго мнѣнія въ общественныхъ дѣлахъ; они отрицаютъ въ экономической области тó, что проповѣдуютъ въ политикѣ, и въ концѣ-концовъ потеряли подъ собою почву въ об-

ихъ областяхъ, столь тѣсно связанныхъ между собою въ настоящее время.

Въ германскомъ парламентѣ существуетъ не менѣе семи политическихъ партій; но только одна изъ нихъ могла бы служить ядромъ правительственнаго большинства,—католическая партія центра, наиболѣе значительная по числу членовъ (болѣе ста) и самая устойчивая по организаціи. Остальныя консервативныя группы безсильны сами по себѣ; чистые „консерваторы" не во всемъ согласны съ „имперцами" и едва ли могутъ сойтись съ частью націоналъ-либераловъ, примкнувшихъ къ политикѣ князя Бисмарка. На сторонѣ оппозиціи такой же разбродъ: самая маленькая группа (изъ 7 человѣкъ) присвоила себѣ громкое названіе—„народной партіи"; свободномыслящіе и соціалъ-демократы воюютъ между собою и съ націоналъ-либералами. Эти различныя партіи получили отъ всеобщей подачи голосовъ весьма чувствительные уроки. Консерваторы вернулись въ палату безъ своихъ бойкихъ ораторовъ; націоналъ-либералы остались безъ своихъ вождей, которые или забаллотированы, или устранились сами отъ борьбы; „народная партія" очутилась безъ своего единственнаго предводителя и организатора. Народъ осудилъ мелочное раздробленіе партій, въ лицѣ ихъ головъ, и нельзя не видѣть основательности этого приговора въ странѣ, гдѣ политическая рознь составляетъ лишь остатокъ прошлаго, мѣшающій нормальному дѣйствію общаго народнаго представительства.

Группировка партій въ германскомъ парламентѣ объясняется общимъ переходнымъ состояніемъ имперіи и находится въ тѣсной связи съ политикою князя Бисмарка. Вліятельная партія центра заключаетъ въ себѣ элементы, недовѣрчиво относящіеся къ Пруссіи вообще и къ ея протестантскимъ тенденціямъ въ особенности; еслибы не начата была правительствомъ въ семидесятыхъ годахъ такъ-называемая культурная борьба противъ католическаго духовенства, то и центръ не былъ бы, вѣроятно, оппозиціонною партіею. Различные оттѣнки между консерваторами соотвѣтствуютъ различію между прусскимъ юнкерствомъ и поземельнымъ дворянствомъ другихъ нѣмецкихъ государствъ; эти особенности должны также потерять свое значеніе, когда консервативная политика выйдетъ изъ области смутныхъ традицій и точнѣе установитъ свои основныя практическія задачи. Чисто-оппозиціонная партія „свободномыслящихъ" окажется излишнею, съ перемѣною правительственной системы; она держится только княземъ Бисмаркомъ и его реакціонными исполнительными органами, исчезновеніе которыхъ заставитъ прогрессистовъ выработать новую самостоятельную программу. Мы не говоримъ уже о мелкихъ парламентскихъ группахъ, имѣющихъ чисто-національный

характеръ, о польскихъ автономистахъ, эльзасскихъ патріотахъ и сторонникахъ независимости Ганновера; эти мелкія группы, стоящія въ сторонѣ отъ другихъ болѣе крупныхъ партій, считають въ своихъ рядахъ 42 члена. Общій составъ новой палаты даетъ намъ крайне пеструю картину, довольно неутѣшительную съ точки зрѣнія парламентаризма. Оппозиція, принужденная ограничиваться критикою и отрицаніемъ, перестала служить вѣрнымъ отраженіемъ дѣйствительныхъ потребностей страны. Консервативныя и умѣренно либеральныя силы остаются въ совершенномъ разладѣ; а союзы между партіями, устраиваемые княземъ Бисмаркомъ, не всегда удаются или оказываются лишь эфемерными комбинаціями, лишенными прочной основы. Долгое личное управленіе знаменитаго канцлера не было удобною школою для нормальнаго политическаго самоуправленія; полагаясь—и вполнѣ основательно—на испытанную мудрость князя Бисмарка, нѣмцы какъ будто отвыкли отъ дѣятельной заботы о своихъ политическихъ интересахъ и направили главное вниманіе на вопросы хозяйственные и промышленные. Въ этомъ именно и коренится причина общаго шатанія политическихъ партій въ современной Германіи.

Имперскій сеймъ открытъ былъ 8-го ноября тронною рѣчью, прочитанною лично императоромъ Вильгельмомъ. Императоръ заявилъ свое удовольствіе по поводу того, что соціальная программа, возвѣщенная въ посланіи 17-го ноября 1881 года, находится на пути къ постепенному осуществленію; это даетъ императору увѣренность, что „начатое зданіе реформы будетъ успѣшно завершено, и внутренній миръ имперіи будетъ обставленъ ручательствами, какія только возможны при нашемъ человѣческомъ несовершенствѣ". Въ тронной рѣчи указывается, между прочимъ, что „по соглашенію съ французскимъ правительствомъ" императоръ пригласилъ въ Берлинъ представителей большей части морскихъ державъ для участія въ конференціи по африканскимъ дѣламъ. Эта фраза—„по соглашенію съ французскимъ правительствомъ"—произвела повсюду большой эффектъ; она въ первый разъ встрѣчается въ такомъ торжественно-оффиціальномъ документѣ, и серьезный смыслъ ея въ устахъ императора Вильгельма былъ замѣченъ всею европейскою печатью. Сближеніе съ Франціею на почвѣ колоніальной политики завершаетъ собою многолѣтнія осторожныя усилія сохранить миръ для Германіи, и императоръ Вильгельмъ имѣлъ полное основаніе сказать, что „общее довѣріе европейскихъ государствъ вытекаетъ изъ того факта, что военные успѣхи, достигнутые нѣмцами, не отвлекли правительство отъ путей благодѣтельнаго мира". Не поддаваться соблазнамъ военнаго честолюбія въ теченіе цѣлыхъ четырнадцати лѣтъ — это без-

спорная заслуга со стороны Германіи при шаткомъ международномъ положеніи въ Европѣ до конца семидесятыхъ годовъ, особенно послѣ продолжительнаго развращающаго вліянія наполеоновскаго режима, съ его частыми и ничѣмъ не вызванными войнами. Достигнувъ своихъ національныхъ цѣлей, Германія занялась все-цѣло упроченіемъ добытыхъ результатовъ и не ставила себѣ никакихъ громкихъ задачъ во внѣшней политикѣ; она или довольствовалась ролью „честнаго маклера", или охраняла лишь интересы мира, посредствомъ дружескихъ соглашеній съ сосѣдними державами. Мирный и сравнительно скромный характеръ этой политики подтверждается совѣщаніями международной конференціи, засѣдающей нынѣ въ Берлинѣ. Нѣмецкіе дипломаты углубились въ подробности торговыхъ и колоніальныхъ отношеній въ Африкѣ, по рѣкамъ Конго и Нигера; всякіе спорные вопросы, какъ, напримѣръ, о правахъ Португаліи на территорію у устьевъ Конго или о правахъ новой „международной африканской ассоціаціи",—устранены заранѣе для избѣжанія недоразумѣній между заинтересованными кабинетами. При такихъ условіяхъ, въ конференціи могла принять участіе и Англія. Регулированіе отношеній къ отдаленнымъ краямъ послужитъ началомъ болѣе разумной колоніальной системы, которая основывалась до сихъ поръ на элементахъ грубаго произвола и соперничества. О результатахъ конференціи судить еще трудно; но уже первыя засѣданія ея замѣтно содѣйствовали смягченію антагонизма между интересами Англіи и другихъ державъ по вопросу о колоніяхъ.

Германскій парламентъ очень рѣдко касается вопросовъ иностранной политики; эта область признается исключительною спеціальностью князя Бисмарка. Депутаты по обыкновенію поглощены внутренними дѣлами и партійными счетами. Прогрессисты внесли свой старый проектъ о назначеніи денежныхъ выдачъ депутатамъ на путевые расходы и на содержаніе во время парламентской сессіи. Мысль прогрессистовъ была когда-то общимъ мѣстомъ между нѣмецкими либералами; въ настоящее время она можетъ только повредить „свободномыслящей" партіи въ глазахъ населенія. Какимъ образомъ можно связывать съ либерализмомъ попытку обремененія государственнаго бюджета новыми платежами въ пользу народныхъ представителей? Особенно странною кажется эта попытка въ настоящее время, когда и безъ того съ различныхъ сторонъ оспаривается польза парламентскихъ учрежденій. Званіе народнаго представителя можетъ только понизиться въ общественномъ мнѣніи, если оно будетъ оплачиваться наравнѣ съ службою чиновника; депутаты добиваются избранія ради почета, для открытія себѣ политической карьеры, для пріобрѣтенія извѣстности или славы, и наконецъ, для

практическаго проведенія своихъ завѣтныхъ идеаловъ и стремленій: съ какой стати примѣшивать еще денежные разсчеты, ненужные для однихъ, щекотливые и тягостные для другихъ, обременительные для всѣхъ плательщиковъ податей?

Говорятъ, что люди даровитые, но лишенные средства, не могутъ посвящать свои силы парламентской дѣятельности при отсутствіи вознагражденія, и что эта дѣятельность становится такимъ образомъ привилегіею состоятельныхъ классовъ общества. Это совершенно невѣрно. Бѣдность никогда не помѣшаетъ талантливому и энергическому человѣку служить безкорыстно народу; многіе выдающіеся парламентскіе бойцы обладали весьма скудными матеріальными средствами, и самая готовность приносить личныя жертвы на пользу общую можетъ считаться мѣриломъ общественнаго чувства, которымъ долженъ быть всецѣло проникнутъ всякій кандидатъ въ народные представители. Извѣстный Эдуардъ Ласкеръ былъ бѣденъ и велъ скромную студенческую жизнь въ то время, когда имя его принадлежало уже къ числу самыхъ почтенныхъ и популярныхъ въ Германіи; онъ отдавалъ свой трудъ и свои силы парламенту просто потому, что таково было его призваніе. Вожди соціалъ-демократіи суть въ большинствѣ люди крайне недостаточные, — ремесленники, хозяева мелкихъ промышленныхъ заведеній, журналисты; они бросаютъ свои занятія, скитаются по чужимъ краямъ, живутъ иногда впроголодь и направляютъ всѣ свои помыслы на улучшеніе быта рабочихъ. Предложить этимъ людямъ жалованье за ихъ хлопоты и издержки—и притомъ жалованье на счетъ тѣхъ же рабочихъ—было бы горькою и обидною насмѣшкою. Кто не можетъ или не хочетъ хлопотать о народѣ безкорыстно, тотъ не годится для общественнаго служенія и для парламентской дѣятельности. Если даже допустить исключительные случаи, когда дѣльный человѣкъ, пользующійся довѣріемъ населенія, не можетъ быть избранъ въ депутаты по совершенному отсутствію средствъ и по неимѣнію правильныхъ заработковъ, — то изъ этихъ случаевъ нелѣпо было бы выводить общее правило, обязательное и для имущихъ; достаточно было бы разрѣшить самимъ избирательнымъ общинамъ назначать извѣстное вознагражденіе своимъ нуждающимся уполномоченнымъ. Но это было бы отступленіемъ отъ идеи равенства, по мнѣнію прогрессистовъ; депутатъ, состоящій на жалованьи, чувствовалъ бы себя приниженнымъ передъ своими богатыми товарищами по палатѣ, а потому всѣ, и богатые, и бѣдные, должны получать одинаковую плату, отъ которой никто не имѣетъ права отказываться (эта оговорка прямо выражена въ проектѣ закона, внесенномъ прогрессистами). Не оригинально ли тратить государственныя средства завѣдомо ненужнымъ

образомъ ради мнимаго поддержанія несуществующаго равенства? Насколько значительны были бы эти напрасныя траты, можно видѣть изъ того, что въ Германіи, кромѣ имперскаго сейма изъ 397 человѣкъ, существуютъ еще палаты представителей въ отдѣльныхъ государствахъ—Пруссіи, Баваріи, Саксоніи, Виртембергѣ и пр.; въ Австріи система палатъ представляется гораздо болѣе сложною, и принципъ вознагражденія депутатовъ обошелся бы тамъ еще дороже. Наконецъ, принявъ этотъ принципъ для парламента, не было бы основанія отвергать его въ примѣненіи къ мѣстнымъ выборнымъ учрежденіямъ, земскимъ и городскимъ; гласные этихъ мѣстныхъ собраній могли бы также требовать платы за свои труды, и въ результатѣ получилось бы нѣчто безсмысленное — обирательство народа подъ предлогомъ самоуправленія. Нѣмецкіе прогрессисты разумѣется не имѣютъ въ виду ничего подобнаго; они выходятъ изъ общихъ положеній, на первый взглядъ вполнѣ логическихъ, и забываютъ о мотивахъ практическихъ и житейскихъ, въ силу которыхъ весь проектъ является по меньшей мѣрѣ неумѣстнымъ. Тотчасъ послѣ выборовъ предлагать законъ въ пользу самихъ депутатовъ, въ ущербъ плательщикамъ податей,—это шагъ довольно странный и едва ли способный возвысить поколебленную репутацію „свободномыслящихъ".

Болѣе тактично поступила партія центра, руководимая Виндгорстомъ: отъ ея имени внесено предложеніе о дальнѣйшихъ мѣрахъ въ пользу рабочаго класса, а именно, объ ограниченіи женскаго и дѣтскаго труда на фабрикахъ и заводахъ, объ установленіи нормальнаго рабочаго дня и о запрещеніи работы въ праздничные и воскресные дни. Партія центра разсчитываетъ своимъ проектомъ поставить правительство въ затрудненіе и въ то же время заслужить симпатіи трудящихся народныхъ массъ. Всѣ стараются теперь объ улучшеніи быта рабочихъ, по крайней мѣрѣ на словахъ, если не на дѣлѣ. Это трогательное единодушіе нарушается, однако, когда дѣло идетъ объ охранѣ болѣе могущественныхъ интересовъ средняго сословія. Въ парламентъ внесена любопытная петиція, покрытая тридцатью тысячами подписей и весьма наивно излагающая нужды хлѣбныхъ торговцевъ и сельскихъ хозяевъ: „Проникнутые,— сказано въ этой просьбѣ,—твердымъ убѣжденіемъ, что низкія цѣны на хлѣбъ, установившіяся въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ, составляютъ національное несчастіе (?!) для Германіи, и т. д.—мы просимъ палату представить правительству о необходимости возвысить пошлину на ввозъ русскаго и американскаго хлѣба". Что дешевизна хлѣба, которымъ питается рабочій людъ, есть національное несчастіе, — до этого могутъ договариваться только ослѣпленные протекціонисты,

привыкшіе выдавать свои корыстныя желанія за потребности цѣлой націи. Подобныя стремленія обнаруживаются теперь одновременно въ различныхъ государствахъ, подъ вліяніемъ общаго экономическаго кризиса, имѣющаго свои глубокія причины. Повсюду дѣлаются попытки частныхъ лицъ поправить свои дѣла насчетъ „податныхъ сословій", подъ видомъ охраны національнаго труда отъ иноземной конкурренціи. Патріотизмъ фигурируетъ очень часто въ соображеніяхъ промышленныхъ дѣятелей, и проекты ихъ поддерживаются даже вполнѣ добросовѣстными газетами, не только консервативными, но и либеральными. Это, впрочемъ, явленіе общее, существующее далеко не въ одной только Германіи.

Франція не покончила еще съ своими тонкинскими и китайскими затрудненіями. Разрушеніе нѣкоторыхъ прибрежныхъ пунктовъ Китая оказалось недостаточнымъ для надлежащаго миролюбиваго воздѣйствія на пекинское правительство; не помогла также блокада береговъ Формозы. Французамъ пришлось отступить отъ первоначальнаго рѣшенія—ограничиться этими репрессивными мѣрами, въ ожиданіи дальнѣйшихъ событій. Китайцы продолжаютъ безпокоить французскую армію въ Тонкинѣ; генералъ Бріеръ де Лиль и адмиралъ Курбе постоянно требуютъ подкрѣпленій, военныя издержки увеличиваются въ угрожающихъ размѣрахъ, и публика начинаетъ обнаруживать нетерпѣніе. Жюль-Ферри, говорятъ, не сдержалъ своихъ обѣщаній; онъ вовлекъ страну въ разорительныя и ненужныя предпріятія, вмѣсто того, чтобы слѣдовать благоразумному примѣру своихъ предшественниковъ, избѣгавшихъ всякихъ внѣшнихъ усложненій.

Нѣкоторые ставятъ даже вопросъ, должна ли Франція вообще имѣть самостоятельную иностранную политику; между прочимъ, этотъ вопросъ обсуждается и въ помѣщаемомъ ниже письмѣ нашего почтеннаго сотрудника, Г. Н. Вырубова, въ которомъ мы должны видѣть вѣрное отраженіе того, что волнуетъ французское общество въ настоящую минуту. Конечно, было бы гораздо полезнѣе обходиться безъ содержанія милліонной арміи и безъ столкновеній съ далекими или близкими сосѣдями; но французская республика не можетъ, еслибы даже и желала, дѣйствовать иначе, среди окружающихъ ее государствъ, вооруженныхъ съ головы до ногъ. Быть можетъ, Германія не была бы столь миролюбива, еслибы Франція была менѣе сильна. При современномъ строѣ государствъ, народы столь же мало могутъ уклоняться отъ международныхъ отношеній, правъ и обязанностей, какъ и частныя лица—отъ сношеній и связей съ другими людьми; а гдѣ существуютъ связи, тамъ возможны

споры, которые въ свою очередь могутъ вести къ непріятнымъ случайностямъ. Начавъ дѣло въ Тонкинѣ, для защиты своихъ колоніальныхъ владѣній, Франція не могла примириться съ фактомъ китайскихъ набѣговъ на французскіе отряды, а отсюда мало-по-малу возникла опасность войны съ Китаемъ, независимо отъ доброй воли французской дипломатіи. Такъ смотритъ на дѣло и французская палата депутатовъ: она приняла энергическую резолюцію, противъ которой возражалъ Жюль-Ферри, относительно настойчивой охраны правъ и договоровъ, нарушаемыхъ китайскою имперіею.

Что предпріимчивость во внѣшней политикѣ становится иногда неизбѣжною даже для самыхъ миролюбивыхъ государственныхъ людей—это яснѣе всего видно на примѣрѣ Гладстона. Нѣтъ болѣе рѣшительнаго и искренняго приверженца мира, чѣмъ англійскій первый министръ; онъ проповѣдывалъ свободное самоуправленіе даже для арабовъ Судана и пользовался всякимъ случаемъ, чтобы доказать возмутительную несправедливость какихъ бы то ни было международныхъ насилій. И однако этотъ либеральный министръ вынужденъ посылать войска въ Египетъ противъ арабскихъ полчищъ; одна экспедиція влечетъ за собою другую, и Англія вовлечена въ кровопролитное предпріятіе, крайне нежелательное для большинства англичанъ. Англійское правительство не можетъ никакимъ образомъ отказаться отъ принятыхъ на себя обязательствъ относительно Египта; а обязательства приняты были потому, что черезъ Египетъ идетъ морская дорога въ Остъ-Индію, и нельзя было эту дорогу передать въ чужія руки, французскія или турецкія. Забота о безопасности Египта и связанныхъ съ нимъ англійскихъ интересовъ должна была сопровождаться необходимыми военными мѣрами; нападенія и успѣхи суданскаго „махди", угрожая Египту, заставили дѣйствовать и Англію. Личныя чувства и желанія Гладстона оказались безсильными предъ напоромъ обстоятельствъ, и въ концѣ концовъ пришлось организовать экспедицію для очищенія южныхъ предѣловъ Египта отъ воинственныхъ арабовъ. Недавняя гибель англійскихъ офицеровъ, отправленныхъ генераломъ Гордономъ изъ Хартума въ Берберъ, не можетъ остаться безнаказанною, съ общепринятой человѣческой точки зрѣнія; и еслибы Гладстонъ все еще упорствовалъ въ своемъ миролюбіи, онъ не былъ бы болѣе министромъ, подобно тому, какъ давно уже не состоитъ министромъ строго-послѣдовательный товарищъ его, Джонъ Брайтъ, вышедшій въ отставку наканунѣ бомбардированія Александріи. Гладстона обвиняютъ теперь въ измѣнѣ своимъ принципамъ; но оставаясь миролюбцемъ до конца, онъ нисколько не облегчилъ бы Англію и не избавилъ бы Египетъ отъ англійской опеки,—ибо власть перешла бы въ руки болѣе пред-

пріимчиваго и смѣлаго лорда Салисбёри. Гладстонъ выбралъ меньшее зло,—онъ предпочелъ дѣйствовать оружіемъ, вопреки своимъ лучшимъ убѣжденіямъ, чтобы покончить съ египетскимъ кризисомъ безъ значительнаго ущерба для Англіи.

Также точно и во внутреннихъ вопросахъ не всегда возможно выполненіе того, что казалось бы справедливымъ въ теоріи. Народное движеніе противъ верхней палаты, разроставшееся все болѣе и болѣе, обѣщало весьма радикальные плоды; не только министръ торговли Чамберленъ, но и самъ Гладстонъ, высказывались прямо противъ института наслѣдственныхъ законодателей, въ лицѣ лордовъ. Въ этомъ смыслѣ составлялись грозныя рѣшенія на многолюдныхъ митингахъ, изъ которыхъ послѣдній, въ лондонскомъ Гайдъпаркѣ, состоялъ изъ 80 тысячъ человѣкъ. И что же? Министерство, опираясь на общественное мнѣніе, провело свой билль о реформѣ цѣною нѣкоторой уступки палатѣ лордовъ. Маркизъ Салисбёри добился того, что будущій законъ о распредѣленіи избирательныхъ округовъ предложенъ на предварительное его разсмотрѣніе, и интересы консерваторовъ ограждены отъ „либеральнаго произвола". Движеніе противъ лордовъ прекратилось, такъ какъ ближайшая цѣль его была достигнута; въ свою очередь и лорды сохранили свое достоинство, а народъ несомнѣнно выигралъ. Избирательныя права населенія расширены согласно проекту Гладстона, и конституція осталась въ цѣлости. Верхняя палата будетъ по прежнему задерживать ходъ законодательства, и противъ этихъ задержекъ будутъ вновь устраиваться митинги, до тѣхъ поръ пока наконецъ сами лорды не вздумаютъ преобразовать себя для предупрежденія рокового шага со стороны „радикаловъ". Извѣстно, что въ принципѣ противъ такого преобразованія не имѣетъ ничего и самъ предводитель консервативной партіи въ палатѣ лордовъ, маркизъ Салисбёри.

Старинныя учрежденія не легко реформируются въ Англіи; общество терпѣливо переноситъ всякія неудобства, лишь бы не нарушать традиціонныхъ обычаевъ, иногда довольно причудливыхъ и непонятныхъ. Давно уже выдвинутъ былъ вопросъ о реформѣ городского управленія Лондона, гдѣ большинство жителей считается какъ бы внѣ города, и отъ имени послѣдняго дѣйствуетъ незначительная горсть привилегированныхъ гражданъ, ревниво охраняющихъ средневѣковые порядки. Внесеніе надлежащаго билля по этому предмету предполагалось еще въ прошломъ году и должно состояться уже въ близкомъ будущемъ. Какъ бы въ видѣ протеста противъ замышляемой Гладстономъ реформы, населеніе Лондона съ необычайною роскошью праздновало недавно вступленіе во власть новаго лордъ-мэра. Громадная процессія, двигавшаяся по улицамъ города,

изображала, между прочимъ, наиболѣе интересные историческіе моменты прошедшей жизни Лондона; рыцари въ древнихъ костюмахъ носили знамена и хартіи, данныя городу королями, начиная съ XI столѣтія; сами эти короли представлялись верхомъ, съ точнымъ соблюденіемъ историческихъ особенностей; въ процессіи фигурировали также популярные вожди и лордъ-мэры прежняго времени, въ соотвѣтственныхъ парадныхъ одѣяніяхъ. Судя по газетнымъ описаніямъ, зрѣлище было необычайное, и весь Лондонъ былъ на ногахъ. Городъ какъ будто прощался съ остатками дорогой старины, въ ожиданіи безпощадной руки реформатора. Скоро-ли поднимется рука на эти „дорогіе остатки"—сказать трудно; по всей вѣроятности, реформа не коснется ихъ, чтобы не вызвать непріятнаго чувства въ народѣ. Жизнь можетъ развиваться съ полною свободою, подъ прикрытіемъ тѣхъ же обычаевъ и обрядовъ, поддерживающихъ видимую связь настоящаго съ отдаленнымъ прошедшимъ.

Исходъ президентскихъ выборовъ въ Соединенныхъ Штатахъ подтверждаетъ старую истину, что „гласъ народа—гласъ Божій". Предъ лицомъ населенія стояли два кандидата въ правители: одинъ имѣлъ за себя всѣ вліятельнѣйшіе элементы общества, всѣхъ милліонеровъ, желѣзно-дорожниковъ, капиталистовъ и ихъ рабочіе баталіоны, а также массу преданныхъ газетъ и добровольныхъ агентовъ; другой опирался на лучшую часть американскаго народа, на его интеллигенцію и здравый смыслъ, на общее сознаніе необходимости реформъ и на свою личную репутацію безупречной честности. Шансы побѣды склонялись долго на сторону перваго; Блэнъ работалъ неутомимо и не щадилъ себя, произносилъ сотни рѣчей и бросалъ деньгами своихъ союзниковъ, въ полной увѣренности, что затраты вернутся сторицею. На пути изъ Нью-Іорка въ штатъ Огайо онъ говорилъ не менѣе 75 разъ; въ этомъ штатѣ въ теченіе цѣлаго мѣсяца до выборовъ произносилось въ разныхъ пунктахъ болѣе 300 рѣчей ежедневно, со стороны обоихъ лагерей. Блэнъ успѣлъ постарѣть за этотъ короткій періодъ лихорадочныхъ усилій. Онъ побѣжденъ былъ противникомъ, который не покидалъ своего поста и не прибѣгалъ ни къ какимъ экстраординарнымъ средствамъ для своего торжества. Нью-іоркскій губернаторъ, Гроверъ Кливлендъ, признается лучшимъ выразителемъ практическихъ реформаторскихъ стремленій; на него смотрятъ съ надеждою всѣ честные и независимые республиканцы, возмущенные циническимъ господствомъ кулачества въ области администраціи и управленія. Народное избраніе остановилось на человѣкѣ съ твердою волею и съ неподкупнымъ характеромъ; такой пре-

зидентъ и нуженъ великой республикѣ, находившейся слишкомъ долго въ рукахъ хищниковъ и карьеристовъ. Развращеніе республиканской партіи началось съ генерала Гранта, побѣдителя южныхъ штатовъ. Такъ какъ онъ умѣлъ командовать на войнѣ, то его сочли способнымъ управлять мирнымъ государствомъ; онъ и ввелъ въ употребленіе военные пріемы борьбы, причемъ выставилъ правило, что „побѣдителямъ — добыча". Добившись второго президентства, онъ аккуратно примѣнилъ этотъ принципъ на практикѣ, и всѣ публичныя должности предоставлены были въ распоряженіе республиканцевъ, содѣйствовавшихъ успѣху его кандидатуры. Зло укоренилось и нашло благодарную почву въ коммерческомъ духѣ американцевъ; преемники Гранта не могли смягчить этотъ недугъ, такъ какъ они сами принадлежали къ той же партіи, которая смотрѣла на доходныя мѣста какъ на свою законную добычу. Гроверъ Кливлендъ свободенъ отъ этихъ компрометирующихъ связей; онъ числится въ рядахъ демократовъ, хотя и имѣетъ множество приверженцевъ среди добросовѣстныхъ республиканцевъ. Одинъ изъ видныхъ дѣятелей этой послѣдней партіи, Карлъ Шурцъ, усердно агитировалъ за Кливленда и съ этою цѣлью объѣзжалъ страну, чтобы оказать хоть нѣкоторый противовѣсъ необычайной агитаціи Блэна. Побѣда Кливленда окончательно отнимаетъ власть отъ монополистовъ и передаетъ ее въ руки людей, способныхъ, по общему мнѣнію, уничтожить великое зло, которое принесло столько нравственнаго и матеріальнаго вреда Соединеннымъ Штатамъ.

ВНѢШНЯЯ ПОЛИТИКА ФРАНЦІИ.

Письмо въ Редакцію *).

Внѣшняя политика Франціи, на которую съ 1871 года никто не обращалъ вниманія, снова начинаетъ возбуждать интересъ въ Европѣ. Военныя дѣйствія въ Китаѣ, мадагаскарская экспедиція, египетскій вопросъ, столь близко стоящій къ вопросу восточному, слухи сближенія французскаго кабинета съ кабинетомъ германскимъ—все это ясно показываетъ, что Франція, послѣ десятилѣтняго уединенія, снова входитъ въ общій круговоротъ европейскихъ дѣлъ.

Вслѣдствіе какихъ соображеній или какихъ новыхъ потребностей выходитъ Франція изъ своего осторожнаго, выжидательнаго положенія? какой новый элементъ можетъ она принести въ область европейской политики? какую выгоду можетъ она извлечь для себя изъ дѣятельнаго вмѣшательства въ международныя распри? Всѣ эти вопросы ставятся сами собой, и точное рѣшеніе ихъ, если оно можетъ быть найдено, представляетъ, безъ сомнѣнія, не малый интересъ. Но подобные вопросы кажутся съ перваго взгляда принадлежащими къ сферѣ чистыхъ гипотезъ и гаданій; неопредѣленность ихъ характера, отсутствіе положительныхъ, такъ сказать, матеріальныхъ данныхъ, бросаются въ глаза. Необычайная сложность самыхъ простыхъ общественныхъ явленій, ихъ крайняя измѣнчивость, подъ вліяніемъ мелкихъ, а иногда совершенно скрытыхъ причинъ, дѣлаютъ предсказанія, даже краткосрочныя, необыкновенно обманчивыми; сверхъ того, дипломатическія предпріятія принадлежатъ, какъ извѣстно, къ числу самыхъ запутанныхъ, самыхъ сложныхъ и самыхъ деликатныхъ проявленій жизни государства. Кто посмѣлъ бы предвидѣть въ 1858 году, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ будетъ заключенъ виллафранкскій миръ и положено основаніе единству Италіи? Какому разумному человѣку пришло бы въ голову, что изъ-за кандидатуры

---

*) Въ «Иностранномъ Обозрѣніи», выше, на стр. 896, нашъ журналъ коснулся, между прочимъ, и предмета настоящаго письма; мы не вполнѣ раздѣляемъ, по указаннымъ у насъ причинамъ, взглядъ почтеннаго автора, безусловно отрицающаго для нынѣшней Франціи какой бы то ни было «политическій интересъ» въ Европѣ, а слѣдовательно и необходимость какого бы то ни было участія ея въ общей европейской политикѣ; но независимо отъ того, мы не могли бы не признать справедливою его критику общаго положенія дѣлъ во Франціи, носящую на себѣ очевидные слѣды близкаго знакомства автора съ дѣломъ, которое онъ изучалъ на мѣстѣ въ теченіе многихъ лѣтъ.—*Ред.*

безвѣстнаго нѣмецкаго принца на испанскій престолъ выйдетъ грандіозная война, революція, въ концѣ-концовъ, измѣненіе чуть ли не всей европейской карты? Все это весьма вѣрно, и трудность правильной оцѣнки непосредственнаго будущаго во всемъ, что касается международныхъ отношеній, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Но трудность не есть еще невозможность, да, притомъ, и трудность тутъ болѣе кажущаяся, чѣмъ дѣйствительная. Соціальныя задачи, какъ и всякія вообще задачи, начиная съ элементарныхъ алгебраическихъ уравненій, требуютъ прежде всего тщательнаго выбора условій, которыми они должны быть обставлены; безъ этой предварительной операціи немыслимо самое простое ариѳметическое вычисленіе, потому что абсолютной истины нѣтъ даже въ математикѣ. Опредѣливъ условія, надо идти дальше и искать связь между извѣстнымъ и искомымъ, между прошедшимъ, настоящимъ и будущимъ, между общимъ состояніемъ данной среды и частными фактами, между тѣмъ, что сравнительно постоянно, и тѣмъ, что очевидно измѣнчиво. Если все это сдѣлано, если отстранены подобныя обстоятельства и главныя черты приведены въ общую формулу, судьба внѣшней политики не только настоящей Франціи, но и всей современной Европы представляются какъ необходимыя послѣдствія дѣйствія непреложныхъ законовъ, какъ неизбѣжный результатъ опредѣленнаго ряда историческихъ событій.

Къ несчастію, не такъ на нихъ смотрятъ обыкновенно. Взоръ обращенъ на двѣ-три личности, выходящія изъ ряда вонъ; отъ ихъ воли, отъ ихъ произвола зависитъ какъ-будто все совершающееся, и стоитъ ихъ смѣнить, чтобы внезапно измѣнился ходъ вещей.—Что думаетъ Бисмаркъ, о чемъ помышляетъ Ферри, что затѣваетъ Гладстонъ?—вотъ о чемъ всѣ заботятся, вотъ чѣмъ всѣ заняты, забывая, что и Гладстонъ, и Ферри, и Бисмаркъ—не случайности, замѣнимыя другими случайностями, а продуктъ своей страны, своего времени. Развѣ вы думаете, что со смертію знаменитаго канцлера прекратится политика „германскаго единства“; что съ замѣщеніемъ теперешняго „премьера“ явится въ Англіи другой взглядъ на колоніальныя дѣла и морское владычество; что послѣ ниспроверженія нынѣ благополучно-дѣйствующаго кабинета, французскій флотъ перестанетъ бомбардировать китайскіе порты и французское войско возвратится изъ Туниса и изъ Аннама въ свои казармы? На колоссальной шахматной доскѣ всемірной политики, государственные люди, какъ бы талантливы, какъ бы велики они ни были, являются не игроками, а фигурами, которыми двигаетъ то всемогущее, безграничное и безотвѣтственное нѣчто, которое весьма мѣтко называютъ „духомъ времени“. Безъ сомнѣнія, въ каждую данную минуту, передъ всякимъ

правительствомъ лежитъ нѣсколько направленій, которымъ оно можетъ слѣдовать и между которыми ему предстоитъ выборъ; но, во-первыхъ, число такихъ направленій всегда очень ограничено, а во-вторыхъ, вглядываясь ближе, нетрудно замѣтить, что и самый выборъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ вовсе не зависитъ ни отъ случайности, ни отъ произвола.

I.

Современное состояніе Франціи представляетъ намъ въ этомъ отношеніи весьма убѣдительный примѣръ. Состояніе это, въ общемъ, можно назвать вполнѣ неудовлетворительнымъ. Внутри переливаніе изъ пустого въ порожнее, отсутствіе всякой опредѣленной программы, жизнь изо-дня въ день, постоянное откладываніе на какое-то невѣдомое будущее самыхъ необходимыхъ реформъ, безцѣльная борьба партій, отличающаяся между собой болѣе на словахъ, чѣмъ на дѣлѣ; во внѣшнихъ предпріятіяхъ постоянное метаніе изъ стороны въ сторону, грубыя ошибки, горькія разочарованія, вѣчное завязываніе и развязываніе ненужныхъ дипломатическихъ узловъ, безцѣльное исканіе союзовъ во всѣхъ углахъ европейскаго материка. Казалось бы, что въ этихъ безпорядочныхъ колебаніяхъ, въ этихъ, безъ толку потраченныхъ, усиліяхъ, нѣтъ рѣшительно никакой причинности, а между тѣмъ они имѣютъ свой смыслъ и свою законность, если не останавливаться на одной внѣшности и проникнуть въ самую суть явленій.

Вотъ уже четырнадцать лѣтъ, какъ Франція живетъ въ республикѣ и все болѣе и болѣе сживается съ нею, привыкаетъ къ ней; монархія дѣлается все болѣе и болѣе невѣроятной и невозможной, буржуазія и народъ перестаютъ мало-по-малу бояться революцій, этого камня преткновенія всѣхъ французскихъ республикъ, и начинаетъ смотрѣть на республиканскую форму, какъ на форму прочно установленную. Таковы дѣла на поверхности, а въ сущности они совсѣмъ не таковы. Республика во Франціи, до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, не болѣе, какъ красивый ярлыкъ, какъ блестящая вывѣска, прикрывающая весьма скудный матеріалъ; всѣ обычаи, привычки, традиціи, правительственные пріемы остались тѣми, чѣмъ были пятнадцать лѣтъ тому назадъ, т.-е. бонапартистскими. Всмотритесь ближе во всѣ подробности управленія, во всѣ детали каждодневной жизни всѣхъ классовъ общества, и вы легко убѣдитесь, что почва, на которой выросла республика, вся пропитана враждебными ей элементами. Смѣнились *люди*, но *учрежденія* остались; они какъ-будто еще усилились, а въ дѣлѣ общественнаго устройства, учрежденія

неизмѣримо интереснѣе и важнѣе людей. Иначе, впрочемъ, и быть не могло. Развѣ можно вдругъ, однимъ почеркомъ пера, однимъ словомъ изгладить изъ памяти народа многовѣковую исторію, уничтожить, наслѣдствомъ переданный и неутомимымъ трудомъ сбереженный, умственный капиталъ? Развѣ можно декретомъ, или даже всеобщимъ голосованіемъ, сдѣлать изъ поколѣнія, воспитаннаго второй имперіей, поколѣніе республиканцевъ? Да и сама вторая имперія, которая хвасталась своимъ революціоннымъ происхожденіемъ и своими ультра-демократическими тенденціями, которая безпрестанно напоминала о „великихъ принципахъ 1789 года", чѣмъ она отличалась отъ буржуазнаго царствованія Людовика-Филиппа, и гдѣ разница между этимъ послѣднимъ и „легитимными" монархіями Карла X, Лудовика XVIII, цезаризмомъ Наполеона I-го и терроризмомъ Робеспьера? Тѣ же пріемы, тѣ же государственные принципы, на лицо или на изнанку, та же общая политическая формула, которую такъ ловко выразилъ однажды Людовикъ XIV въ своемъ знаменитомъ восклицаніи: l'Etat — c'est moi! Подъ какимъ бы именемъ ни скрывался, какой бы ни былъ цвѣтъ знамени, бѣлый, синій или красный, французскій деспотизмъ все-таки остается деспотизмомъ съ его достоинствами и недостатками, съ его силой и его слабостями. Онъ царствуетъ вездѣ: въ семействѣ, гдѣ отецъ пользуется если не de jure, то de facto, чуть не безграничной властью; въ сословныхъ отношеніяхъ, гдѣ все-таки закона нѣтъ никакого, даже приблизительнаго равенства между имущими и неимущими, собственниками и пролетаріями, правительствующими и управляемыми; наконецъ, въ сферахъ высшей политики, гдѣ власть законодательная и власть судебная остаются по-прежнему вполнѣ подчиненными власти исполнительной. Это до такой степени бросается въ глаза, что не требуетъ особыхъ доказательствъ: стóитъ слѣдить за парижскими газетами, чтобъ убѣдиться, что любой изъ двухъ конкуррирующихъ монархій, еслибъ это было возможно, стоило бы, въ день своего водворенія, измѣнить только нѣсколько словъ и смѣнить нѣсколькихъ лицъ, не трогая ни одного изъ основныхъ существующихъ учрежденій.

По правдѣ сказать, тутъ нечему удивляться и нечему печалиться— это лежитъ въ природѣ вещей, въ необходимой медленности всякаго серьезнаго прогресса; но изъ этого слѣдуетъ вывести заключеніе, которое небезъинтересно въ соціологическомъ отношеніи, и которое позволитъ намъ ближе вникнуть въ разсматриваемый нами вопросъ. Если республика не пустое слово, предназначенное для украшенія публичныхъ зданій, то она должна быть полной политической функціей; но всякой функціи, какъ въ организмѣ индивидуальномъ, такъ и въ организмѣ общественномъ, необходимо соотвѣтствуетъ приспособлен-

ный къ ней органъ. Такой органъ существуетъ во Франціи съ 1848 г., подъ названіемъ „всеобщаго голосованія"; только между органомъ и функціей—и въ этомъ-то главный корень всего зла—нѣтъ рѣшительно никакого соотношенія. Поголовная подача голосовъ въ дѣлахъ политическихъ не можетъ служить опорой центральной власти, точно такъ же какъ центральная власть не можетъ быть устойчивой, если она зависитъ отъ капризныхъ теченій народной воли. Этимъ объясняется отсутствіе равновѣсія во всемъ механизмѣ, и отсюда вытекаетъ весьма простая дилемма: либо политическое единство, управленіе меньшинствомъ, централизація, а въ такомъ случаѣ народные выборы составляютъ лишь помѣху, и республика представляется лишь блѣдной и совершенно ненужной копіей съ прежнихъ монархій; либо всеобщее голосованіе, какъ первое, незыблемое основаніе современнаго общественнаго строя Франціи,—и тогда уничтоженіе якобинства и необходимость новыхъ политическихъ методовъ. Въ этой дилеммѣ нѣтъ ничего парадоксальнаго; она представляетъ результатъ опыта — во всѣхъ странахъ, гдѣ введена всеобщая подача голосовъ; въ Швейцаріи, въ Соединенныхъ-Штатахъ Америки, политическое единство само собою, неизбѣжнымъ ходомъ событій, замѣнилось федеративнымъ устройствомъ, заключающимъ политику въ узкую рамку спеціальныхъ, практическихъ задачъ. При всеобщемъ голосованіи оно иначе и немыслимо. Совершенно безсмысленно обращаться къ народнымъ массамъ для разрѣшенія метафизическихъ формулъ политики, въ которыхъ они не имѣютъ рѣшительно никакого понятія; ихъ настоящая и весьма серьезная компетентность ограничивается мѣстными вопросами, которые, въ концѣ-концовъ, составляютъ, въ жизни современныхъ западныхъ народовъ, главный и самый существенный вопросъ.

Всѣ существовавшія и существующія политическія конституціи, не исключая и восточныхъ деспотическихъ монархій, не исключая даже и парижской коммуны, несмотря на всѣ ихъ кажущіяся различія, сводятся къ двумъ совершенно опредѣленнымъ типамъ. Правленіе принадлежитъ либо образованному меньшинству — это система *качественная*, въ которой все зависитъ отъ достоинства господствующихъ идей; либо необразованной массѣ—это система *количественная*, которая вся зиждется на удовлетвореніи существующихъ интересовъ и потребностей. Само собою разумѣется, что обѣ системы вполнѣ раціональны, законны, полезны, смотря по обстоятельствамъ времени и мѣстности, но при одномъ только условіи: онѣ должны быть послѣдовательны и исключительны. Качественная политика такъ же трудно можетъ ужиться съ безпрестанно мѣняющимися выраженіями народной воли, какъ и политика количественная съ тѣми или другими произвольными теоріями государственныхъ людей; смѣсь обѣихъ

системъ неминуемо приводитъ къ недоразумѣніямъ и неурядицѣ. Въ этомъ-то смѣшеніи двухъ несовмѣстныхъ, принципіально-противоположныхъ политическихъ организацій и слѣдуетъ искать причину слабости и шаткости современнаго строя Франціи. Государственные люди управляютъ такъ, какъ будто бы не было всеобщей подачи голосовъ, тѣмъ же способомъ и пріемами, какими пользовалась и злоупотребляла вторая имперія; народъ вотируетъ такъ, какъ будто это вотированіе составляло совершенно второстепенную, неважную вещь. Общій результатъ подобной непослѣдовательности можно формулировать такъ: наверху — правительство безъ всякаго авторитета; внизу—народъ безъ всякой иниціативы; а съ этимъ, очевидно, далеко не уйдешь.

Здѣсь слѣдуетъ обратить вниманіе на весьма важную сторону этого вопроса. Правительство, слѣдуя прежнимъ традиціямъ, употребляя прежніе способы, стремится неизбѣжно быть какъ можно болѣе *сильнымъ*; безъ силы, дѣйствительно, немыслимо управленіе большинства меньшинствомъ. Подъ силой разумѣю я, конечно, не грубую матеріальную силу—она въ образованномъ государствѣ немыслима— а ту совокупность уловокъ, хитростей, угрозъ, наградъ, административныхъ комбинацій, которыя парализируютъ оппозицію, пугаютъ однихъ, привлекаютъ другихъ и внушаютъ почтеніе всѣмъ. Въ республикѣ, построенной на всеобщемъ голосованіи, такого рода способы, совершенно естественные и понятные въ монархіи, совсѣмъ не пригодны; со дня на день министерская программа, съ какой бы „силой" она ни была навязана странѣ, можетъ разбиться въ прахъ передъ избирательными урнами. А между тѣмъ, другихъ способовъ правленія нѣтъ у *качественной* политики, которая ни въ какомъ случаѣ не можетъ мириться съ „слабымъ" правительствомъ, съ правительствомъ бездѣйствующимъ и индифферентнымъ. Если мы припомнимъ при этомъ, что политическая сила трудно совмѣстима съ политической свободой, въ томъ широкомъ смыслѣ, въ какомъ эта свобода понимается и всѣми требуется въ современной Франціи, то станетъ яснымъ, что, съ этой точки зрѣнія, республиканское правительство неизмѣримо ниже второй имперіи, которая прямо и не колеблясь подчинила себѣ всеобщее голосованіе, какъ свою неотъемлемую собственность.

Изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что республика въ близкомъ или какомъ-нибудь болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ можетъ замѣниться во Франціи одною изъ формъ существовавшихъ въ ней монархій,—изъ этого только слѣдуетъ, что республика должна рано или поздно основаться на федеративномъ началѣ, на принципѣ не только административной, но и политической децентрализаціи, потому что республиканскій строй, по самому своему существу, по самому своему

опредѣленію, зиждется на твердомъ фундаментѣ *народнаго управленія.* До тѣхъ поръ мы будемъ видѣть плачевную картину личныхъ колебаній и общаго безсилія, изъ которыхъ не выведутъ Францію ни великія идеи прошлаго столѣтія, ни великіе люди, если таковые найдутся до конца нынѣшняго. Борьба противъ неумолимой логики вещей всегда безплодна, и Франція борется противъ нея въ настоящую минуту, теряя на эту безполезную, безцѣльную борьбу драгоцѣнное время и, быть можетъ, свои лучшія умственныя и нравственныя силы. Все это можетъ продлиться еще многіе годы, потому что въ политикѣ есть масса приспособленій, позволяющихъ самымъ несомнѣнно умершимъ вещамъ существовать со всѣми внѣшними признаками жизни, но все это даетъ внутреннимъ дѣламъ Франціи какой-то странный, ненормальный ходъ.

II.

Эту сторону вопроса необходимо было ясно указать, прежде чѣмъ говорить о внѣшней политикѣ. Между внутренними и внѣшними дѣлами Франціи, между предпріятіями національными и предпріятіями международными—самая тѣсная, самая непосредственная связь; тѣ самыя причины, которыя объясняютъ безплодность всѣхъ административныхъ и политическихъ мѣропріятій, объясняютъ и очевидную немощь французской дипломатіи. Точно такъ же какъ нельзя навязывать сверху какія бы то ни было идеи народу, пользующемуся легальнымъ правомъ не только платонически высказывать свое мнѣніе, но и матеріально его заявлять,—нельзя вмѣшиваться въ чужія дѣла, не имѣя въ нихъ никакого дѣйствительнаго, живого интереса. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ, одинаковое непониманіе—со стороны людей, стоящихъ во главѣ правленія—условій жизни и развитія французской республики. Въ самомъ дѣлѣ, одно изъ двухъ: либо французская демократическая республика не что иное какъ нѣсколько измѣненная, съ декоративной стороны, монархія; въ такомъ случаѣ, она должна въ дѣлѣ иностранныхъ сношеній продолжать монархическія традиціи, искать союзовъ, зорко слѣдить за сосѣдями, пользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ для территоріальныхъ пріобрѣтеній, мѣшать усиленію одного, препятствовать ослабленію другого, словомъ, играть въ ту, иногда выгодную, всегда опасную игру, которая обыкновенно кончается болѣе или менѣе значительнымъ измѣненіемъ географической карты Европы. Либо она что-то совсѣмъ новое, радикально отличное отъ какой бы то ни было монархіи,—въ такомъ случаѣ она очевидно должна принять относительно другихъ державъ совершенно

исключительное, своеобразное положеніе. Такова раціональная дилемма, въ которую заключена внѣшняя политика Франціи, и изъ которой, повидимому, нѣтъ никакого выхода. На дѣлѣ же оказывается, что выходъ найденъ; онъ заключается опять-таки въ смѣшанной системѣ, сохраняющей прежніе способы и отстраняющей прежнія цѣли. Французскіе государственные люди всѣхъ партій очень хорошо поняли, что всякія попытки завоеваній, всякія дѣятельныя вмѣшательства въ споры и распри сосѣдей, всякія неосторожныя столкновенія съ чужими интересами—могутъ неожиданно вовлечь страну въ безконечный рядъ самыхъ непредвидѣнныхъ и самыхъ грозныхъ осложненій. Раны, полученныя въ „страшную годину", еще слишкомъ свѣжи, боязнь войны слишкомъ сильна въ народѣ, чтобы можно было помышлять о чемъ либо, даже издалека напоминающемъ громкія отомщенія—пришлось, слѣдовательно, сидѣть пока, сложа руки, и ждать какихъ нибудь, съ какой нибудь точки горизонта являющихся благопріятныхъ обстоятельствъ. Такое выжидательное положеніе, вызванное крайнею необходимостью, можетъ быть полезно и выгодно только при двухъ противоположныхъ условіяхъ: медленнаго, упорнаго преслѣдованія разъ установленной опредѣленной цѣли, постепеннаго приготовленія къ исполненію заранѣе обдуманнаго плана, или окончательнаго, безусловнаго отказа отъ всякихъ претензій на возвращеніе къ прежнему, войной потерянному, положенію. Ни то, ни другое условіе не было выполнено. Быстро смѣнявшіяся министерства, не исключая и министерства Гамбетты, шли ощупью какими-то невѣроятными зигзагами, не имѣя ни малѣйшаго понятія о томъ, куда они идутъ и къ чему все это ихъ приведетъ; съ другой стороны, хотя, повидимому, и отклоняясь отъ участія въ общихъ европейскихъ дѣлахъ, они все-таки, прямо или косвенно, иногда слишкомъ смѣло, иногда слишкомъ осторожно, вмѣшивались во всѣ возникавшіе международные вопросы, какъ бы въ ожиданіи, что авось изъ этихъ вопросовъ выйдетъ что-нибудь новое и неожиданное. Разумѣется, изъ этихъ безсвязныхъ попытокъ ничего не вышло и выйдти не могло, кромѣ грубыхъ ошибокъ, постоянныхъ промаховъ и безпрестанныхъ разочарованій. Сохранивъ прежній дипломатическій аппаратъ и желая стоять въ ряду такъ называемыхъ „первоклассныхъ державъ", Франція должна была, конечно, что нибудь предпринимать—не даромъ же у министерствъ иностранныхъ дѣлъ многочисленные послы и посланники; но предпріятія эти не имѣютъ рѣшительно никакой реальной почвы, и вотъ уже тринадцать лѣтъ какъ внѣшняя ея политика оперируетъ въ совершенно пустомъ пространствѣ. Всѣ эти „желтыя книги", всѣ эти ноты, депеши и инструкціи—не что иное какъ искусство для искусства, риторическое упражненіе, метафизика въ самомъ дурномъ значеніи этого слова.

Въ самомъ дѣлѣ, не трудно доказать, что у республиканской, демократической Франціи, даже при теперешнемъ, совершенно неудовлетворительномъ, состояніи ея республики и ея демократіи, нѣтъ абсолютно никакихъ *политическихъ* интересовъ въ Европѣ. Интересы внѣшней политики могутъ имѣть только двоякій характеръ: либо упроченіе извѣстной династіи, либо торжество извѣстнаго принципа, увлекающаго, въ данную минуту, общественное мнѣніе всего цивилизованнаго міра. О династическихъ интересахъ здѣсь говорить нечего—они вполнѣ ясны, совершенно естественны и часто благодѣтельны въ монархіяхъ, но они, очевидно, не могутъ существовать въ современной Франціи, и необходимо нѣсколько остановиться на тѣхъ общихъ началахъ, которыя лежатъ въ основаніи международныхъ сношеній. Начиная отъ вестфальскаго мира и до конца пятидесятыхъ годовъ нашего столѣтія, торжествовала, какъ извѣстно, знаменитая теорія „равновѣсія"; во имя ея обновлялись войны, подписывались договоры, присоединялись провинціи и требовались контрибуціи—всѣ были одинаково убѣждены, что равномѣрное распредѣленіе военныхъ силъ и богатства рѣшало самымъ выгоднымъ образомъ европейскій вопросъ. Здѣсь, разумѣется, не мѣсто разбирать эту химеру равенства, оцѣнка котораго оставалась принадлежностью самыхъ сильныхъ и самыхъ алчныхъ, но нельзя не замѣтить, что послѣ нескончаемаго ряда столкновеній, завоеваній, нарушенныхъ трактатовъ, послѣ потоковъ крови и колоссальныхъ опустошеній она разбилась въ дребезги о стѣны Севастополя. Безумная крымская война была послѣднимъ проявленіемъ метафизики „равновѣсія", послѣднимъ и непреложнымъ доказательствомъ ея полной и неисправимой несостоятельности; необходимость новаго международнаго „credo" бросалась въ глаза, и, дѣйствительно, не прошло трехъ лѣтъ послѣ заключенія парижскаго трактата, какъ возникла неожиданно новая идея, вокругъ которой до сихъ поръ вращается внѣшняя политика всѣхъ европейскихъ державъ. Итальянская война 1859 года вдругъ поставила вопросъ „національностей", о которомъ прежде никто не думалъ, и который скоро занялъ первое мѣсто въ политическихъ комбинаціяхъ Европы. Событія слѣдуютъ быстро одно за другимъ: шлезвигъ-голштинскій походъ, австрійскій погромъ 1866 года, франко-прусская война, возстаніе Сербіи и Черногоріи, война съ Турціей 1877—78 годовъ—все это выраженія всеобщаго стремленія создать вездѣ крѣпкія этническія единицы. О принципѣ національностей много было писано, много еще можно писать „pro и contra,—несомнѣнно однако то, что онъ представляетъ огромный прогрессъ относительно смутной, произвольной и абстрактной концепціи идеальнаго равновѣсія; съ нимъ мы входимъ, по крайней

мѣрѣ, въ сферу реальностей, расширяемъ политическія міровоззрѣнія введеніемъ важнаго элемента народныхъ потребностей и стремленій. Конечно на практикѣ никто не спрашивалъ у эльзасцевъ, хотятъ ли они сдѣлаться нѣмцами, или у болгаръ, желаютъ ли они быть независимыми подъ тѣмъ или другимъ управленіемъ; но дѣло тутъ вовсе не въ практическомъ примѣненіи, которое можетъ со временемъ измѣниться, а въ сущности идеи, руководящей въ настоящую минуту европейской политикой. Несомнѣнность повсемѣстнаго господства идеи національностей не требуетъ, мнѣ кажется, дальнѣйшихъ доказательствъ. Стòитъ припомнить событія послѣднихъ 20-ти лѣтъ и взглянуть на карту Европы, чтобъ въ этомъ убѣдиться. Эквилибристика вѣнскаго трактата—этого священнаго кодекса дипломаціи — давно забыта, о ней упоминаютъ только въ учебникахъ международнаго права; взамѣнъ того, возникаютъ со всѣхъ сторонъ новыя группы народностей. Италія дѣлается королевствомъ, Германія дѣлается имперіей, Болгарія дѣлается княжествомъ, румынскій и сербскій правители возвышаются на степень королевскаго достоинства—во всемъ этомъ нѣтъ никакого равновѣсія, но во всемъ этомъ воплощеніе одного и того же начала народности.

Но если это справедливо, если въ самомъ дѣлѣ принципъ національностей безспорно и исключительно управляетъ международной политикой, то несомнѣнно, что у Франціи нѣтъ и не можетъ быть никакихъ международныхъ политическихъ интересовъ. Французское единство до того установилось и окрѣпло, оно до такой степени закончено, что всякое прибавленіе новыхъ элементовъ, даже близко родственныхъ по нравамъ и языку, было бы обузой и лишнимъ, ничѣмъ не вознагражденнымъ затрудненіемъ. Съ этимъ всѣ согласны, и никто изъ государственныхъ людей Франціи, не исключая и бездарнаго, вѣчно о чемъ-то неисполнимомъ мечтавшаго Наполеона III, не помышлялъ о завоеваніи Бельгіи. Положеніе Франціи, слѣдовательно, въ этомъ отношеніи совершенно исключительное въ средѣ крупныхъ европейскихъ державъ. Германіи нужны австрійскія провинціи, прибалтійскій край, быть можетъ Голландія; Италія стремится занять Тріестъ и далмацкіе берега; Испанія хочетъ занять весь пиренейскій полуостровъ; Россія преслѣдуетъ цѣль объединенія славянскихъ племенъ—одной Франціи нечего брать у сосѣдей, потому что въ ней вопросъ національности, столь занимающій въ настоящую минуту всѣ континентальныя государства, не только давно поставленъ, но и рѣшенъ со временъ Людовика XIV. Передъ ней, правда, лежитъ вопросъ потерянныхъ провинцій Эльзаса и Лотарингіи, Страсбурга и Меца; но вопросъ этотъ чисто платоническій, о

которомъ принято говорить при всякомъ удобномъ случаѣ, но о которомъ никто серьезно не думаетъ. Желаніе „отомщенія“ все болѣе ослабляется по мѣрѣ того, какъ мы удаляемся отъ грустныхъ событій 1870 года; бывало, крикъ ненависти и воинственные возгласы были на устахъ всѣхъ, даже самыхъ умѣренныхъ политическихъ людей, теперь они сдѣлались спеціальностью нѣсколькихъ крикуновъ, которые подъ предводительствомъ Деруледа тщетно пытаются обратить на себя вниманіе публики. О берегахъ Рейна, конечно, мечтаютъ, быть можетъ, даже и законодатели, и министры, но какъ о чемъ-то чрезвычайно смутномъ, лежащемъ въ необыкновенно отдаленномъ и необыкновенно темномъ будущемъ; слѣдовательно, они не входятъ ни въ какія реальныя, практическія комбинаціи высшей политики. Скажу больше. Еслибъ завтра, вслѣдствіе какихъ-нибудь непредвидѣнныхъ хотя и возможныхъ обстоятельствъ, представился случай заключить союзъ съ двумя или тремя державами и вести войну противъ Германіи со всевозможными шансами успѣха, то и при столь благопріятныхъ условіяхъ во Франціи не нашлось бы палаты, которая рѣшилась бы объявить войну,—до такой степени война противна французскому народу и матеріальному благосостоянію страны.

Эти два крупные факта: настоятельная необходимость въ прочномъ, продолжительномъ мирѣ и отсутствіе всѣхъ тѣхъ высшихъ интересовъ, которыми живетъ теперь и развивается международная политика, выключаютъ совершенно Францію изъ европейскаго „согласія“. Всѣ ея интересы находятся дома, ей нѣтъ никакой надобности выходить за предѣлы своихъ границъ. Но есть и другое обстоятельство, которое должно бы было заставить ее отказаться, разъ на всегда, отъ всякихъ дипломатическихъ предпріятій. По своему внутреннему строю, по формѣ своего правленія, Франція не можетъ быть симпатична монархическимъ правительствамъ; ее терпятъ, пока она держится смирно и не заявляетъ никакихъ претензій; ею могутъ пользоваться, въ данномъ случаѣ, если обстоятельства того требуютъ, но съ ней никто дружиться не станетъ по одному чувству симпатіи и уваженія. Какія бы уступки она ни дѣлала, какія бы ни давала доказательства своей благонамѣренности, она все же остается представительницей идей 1789 года, на которыя монархіи не могутъ не смотрѣть подозрительно, и съ которыми онѣ ни въ какомъ случаѣ мириться не могутъ. Слѣдовательно, и съ этой точки зрѣнія положеніе ея въ Европѣ совершенно исключительное, напоминающее положеніе Швейцаріи, съ тою только разницею, что неприкосновенность ея ничѣмъ и никѣмъ не гарантирована.

Такимъ образомъ, внѣшняя политика Франціи представляется намъ окруженной самыми невыгодными условіями. У нея нѣтъ никакой

твердой почвы, никакихъ притязаній, ни династическихъ, ни племенныхъ, у нея вездѣ, во всѣхъ углахъ Европы, если не враги, то по крайней мѣрѣ недруги. Какое вывести изъ этого заключеніе? очевидно то, что она должна окончательно отказаться отъ всякой внѣшней политики, отъ всякихъ дипломатическихъ предпріятій, имѣющихъ цѣлью какія бы то ни было политическія программы. Съ перваго взгляда это кажется парадоксальнымъ и, очевидно, невозможнымъ. Какимъ образомъ тридцати-семи милліонное государство, роль котораго была до сихъ поръ первенствующей, и голосъ которой считался еще такъ недавно рѣшающимъ во всѣхъ общихъ дѣлахъ Европы, вдругъ сойдетъ со сцены и прерветъ всякія сношенія съ близкими и дальними сосѣдями? Но вопросъ ставится совсѣмъ не въ этой рѣзкой, абсолютной формѣ,—нѣтъ никакой надобности, чтобы французское правительство вызвало вдругъ всѣхъ своихъ дипломатовъ и отослало всѣхъ аккредитованныхъ при немъ представителей иностранныхъ державъ. Напротивъ того, въ высшей степени желательно, чтобы сношенія сдѣлались многочисленнѣе и чаще, чтобы связи были интимнѣе и тѣснѣе; только характеръ ихъ долженъ измѣниться—онъ былъ *политическимъ*, онъ долженъ сдѣлаться *экономическимъ*. Высказанное въ такой формѣ, положеніе объясняется само собою; оно не только выражаетъ desideratum, исходящій изъ логики вещей, но и резюмируетъ, въ извѣстной степени, уже существующіе положительные факты. Въ самомъ дѣлѣ, не трудно убѣдиться, что въ современномъ состояніи Франціи, интересы экономическіе стоятъ на первомъ планѣ и отодвигаютъ далеко назадъ интересы, не говорю уже внѣшней, но и внутренней политики,—съ этимъ всѣ согласны, даже тѣ, исключительная спеціальность которыхъ заниматься политическими вопросами. Урожаи и налоги, положеніе мануфактурной промышленности и рабочіе кризисы, иностранная конкурренція и свобода торговли—все это занимаетъ общественное мнѣніе неизмѣримо больше всякихъ интерпелляцій и министерскихъ программъ, потому что все это составляетъ необходимыя условія жизни и развитія большой и цивилизованной страны. Въ этомъ полномъ подчиненіи задачъ политическихъ, до сихъ поръ такъ плохо рѣшенныхъ, несмотря на всѣ революціи и всѣ измѣненія въ формѣ правленія,—задачамъ экономическимъ, съ такимъ успѣхомъ рѣшающимся каждый день, и заключается главный прогрессъ, совершённый Франціей за послѣднія пятнадцать лѣтъ. Она была прежде классической страной отвлеченныхъ теорій и общихъ идей, она занималась безкорыстно увеличеніемъ своего умственнаго капитала; теперь она сдѣлалась страной золота и добыванія матеріальныхъ доходовъ. Конечно, въ такомъ всеобщемъ стремленіи къ обогащенію, въ такомъ

повсемѣстномъ торжествѣ денежной силы, есть свои невыгоды и свои печальныя стороны, но не о нихъ здѣсь рѣчь, потому что не съ нравственной точки зрѣнія смотрю я здѣсь на дѣла Франціи. Для меня важенъ фактъ, а фактъ этотъ, не подлежащій ни спору, ни сомнѣнію, каковъ бы ни былъ его этическій характеръ, представляетъ, въ общественномъ смыслѣ, важный шагъ впередъ. Наши политическія теоріи и наши взгляды на ходъ историческихъ событій могутъ быть какіе угодно, все же надо признать, что, при современныхъ условіяхъ, жить одними общими мѣстами, въ родѣ „безсмертныхъ принциповъ 1789 года", и красивымъ девизомъ, въ родѣ „равенство братство и свобода", никакъ нельзя; а Франція жила ими, еще не такъ давно, падая безпрестанно, совершенно изнуренная такимъ постнымъ режимомъ, изъ Харибды въ Сциллу, изъ революцій въ государственный переворотъ, изъ междоусобныхъ распрей въ междоусобныя войны. Въ организмѣ общественномъ, какъ и въ организмѣ индивидуальномъ, нервная, мозговая дѣятельность, конечно, самая выдающаяся, самая благородная, но для правильности нервныхъ отправленій необходимо правильное питаніе, гигіеническое содержаніе самыхъ грубыхъ и вульгарныхъ органовъ. Только въ полномъ равновѣсіи всѣхъ функцій можетъ встрѣтиться здоровье—это идеалъ, въ настоящую минуту нигдѣ недостижимый; и тѣмъ надо довольствоваться, что атрофированныя части начинаютъ усиленно дѣйствовать, если бы дѣйствія эти и переходили временно далеко за предѣлы необходимаго и полезнаго. Не надо никогда забывать, что преобладаніе положительныхъ, практическихъ элементовъ, даже въ томъ нѣсколько уродливомъ видѣ, въ которомъ оно представляется, надъ соображеніями революціонной, консервативной или ретроградной метафизики, является такимъ же характернымъ событіемъ, какимъ явилось, напримѣръ, торжество первыхъ, ничтожныхъ, подъчасъ безобразныхъ зачатковъ астрономіи надъ прежними фаталистическими міровоззрѣніями. Астрономія тоже, какъ извѣстно, прошла черезъ астрологію, черезъ цѣлый рядъ самыхъ смѣшныхъ ошибокъ, самыхъ грустныхъ преувеличеній, прежде чѣмъ занять то скромное, но весьма опредѣленное мѣсто, какое оно теперь занимаетъ въ области человѣческихъ знаній.

Но главенство въ экономическихъ интересахъ замѣчается не въ однихъ внутреннихъ дѣлахъ, оно очевидно и во всемъ, что касается международныхъ сношеній. Торговые трактаты, тарифы, биржевыя спекуляціи, предложенія и спросы, свободная конкурренція и протекціонизмъ, стоятъ постепенно, на очереди и нужны какія-нибудь важныя европейскія катастрофы, чтобы заставить забыть ихъ хоть бы на одинъ день. Для того, кто близко знакомъ съ современнымъ со-

стояніемъ Франціи, совершенно ясно, что знаніе секретныхъ плановъ и тайныхъ замысловъ тѣхъ и другихъ иностранныхъ державъ гораздо менѣе важно, чѣмъ точное опредѣленіе положенія иностранныхъ рынковъ и вѣрныя свѣденія о спросѣ на тѣ и другіе продукты. Лучшимъ доказательствомъ этому служитъ столь модная за послѣднее время „колоніальная политика". Что значитъ эта экспедиція въ Тунисъ, въ Тонкинъ, на западный берегъ Африки, на Мадагаскаръ, зачѣмъ тратятся въ этихъ далекихъ и едва французамъ извѣстныхъ странахъ десятки и, пожалуй, и сотни милліоновъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ слышали мы не разъ изъ устъ министровъ, говорящихъ съ высоты парламентской трибуны: Франціи нужны новые рынки для сбыта своихъ произведеній, ей необходимы новыя пространства для эвакуаціи излишка своего населенія. Положимъ, что подобныя утвержденія далеко не вѣрны и даже не совсѣмъ откровенны; всѣмъ хорошо извѣстно, что въ исходной точкѣ каждой изъ этихъ дальнихъ экспедицій стоитъ какой-нибудь авантюристъ, за которымъ можно всегда найти нѣсколько финансовыхъ, болѣе или менѣе частныхъ компаній; спорно тоже, чтобы Франція нуждалася въ эмиграціи, имѣя подъ рукой обширную и до сихъ поръ одними испанцами заселенную Алжирію; чтобы она могла сбывать свои издѣлія на другомъ краю свѣта въ средѣ полудикихъ или совсѣмъ дикихъ народовъ. Но все это второстепенно и доказываетъ только, что французское правительство дѣлаетъ на каждомъ шагу промахи и ошибки; важно то, что во всѣхъ этихъ, болѣе или менѣе удачныхъ походахъ за тридевять земель, невозможно найти, при самомъ внимательномъ разсмотрѣніи, тѣни какихъ бы то ни было политическихъ интересовъ. Огромныя суммы тратятся, люди мрутъ тамъ отъ всевозможныхъ болѣзней, въ надеждѣ на какія-то неслыханныя пріобрѣтенія, которыя не принесутъ рѣшительно никакой выгоды Франціи, какъ государству, но могутъ обогатить нѣкоторые классы французскаго населенія,—слѣдовательно, тутъ преслѣдуется интересъ чисто экономическій.

Такимъ образомъ, многочисленные частные факты ясно показываютъ, что характеръ внутреннихъ дѣлъ Франціи и ея внѣшнихъ сношеній мало-по-малу и самъ собою измѣняется. Къ несчастью, французскимъ государственнымъ людямъ недостаетъ точнаго пониманія неизбѣжности этого превращенія, и, быть можетъ, смѣлости ускорить его, довести до конца, сводя всѣ дипломатическія сношенія на тотъ типъ, который съ такимъ успѣхомъ уже практикуется относительно Швейцаріи и сѣверо-американской республики. Они не хотятъ видѣть, а еще менѣе откровенно признать, что, въ политическомъ смыслѣ, Франція занимаетъ, въ настоящую минуту, между

европейскими державами чуть не третьестепенное мѣсто, гдѣ-нибудь на ряду съ Испаніей; что первокласна она по своему богатству, по своей колоссальной продуктивности, по своей неустанной дѣятельности во всѣхъ родахъ промышленности. Имъ все кажется, что идя на берлинскій конгрессъ, гдѣ имъ рѣшительно нечего было дѣлать, вмѣшиваясь въ греческія дѣла, которыя до нихъ вовсе не касаются, впутываясь, безъ всякой разумной цѣли, въ хитросплетенный египетскій вопросъ,—они тѣмъ самымъ подымаютъ престижъ Франціи; опытъ показалъ, что они ставятъ ее только въ самое жалкое и, подчасъ, самое смѣшное положеніе. Чтобы пользоваться авторитетомъ въ общихъ дѣлахъ Европы, недостаточно однихъ словъ, какъ бы ловки и красивы они ни были, необходимо еще вообще убѣжденіе, что за этими словами лежитъ непосредственно „ultima ratio" всякихъ экономическихъ столкновеній—военная сила; а всѣ знаютъ въ Европѣ, что война во Франціи въ высшей степени не популярна и, слѣдовательно, при существующемъ республиканскомъ строѣ, весьма невѣроятна. При этомъ нельзя не обратить вниманія на всѣ невыгоды и на всю опасность подобнаго положенія. Занимаясь чужимъ дѣломъ съ задней мыслью, останавливаясь всякій разъ на той чертѣ, за которой неизбѣжно слѣдуетъ военное вмѣшательство, французская дипломатія вовсе не уничтожаетъ возможности войны, она только лишаетъ себя всѣхъ шансовъ выбрать для нея удобную минуту и обставить ее выгодными обстоятельствами. Въ такой нервной, раздражительной странѣ какъ Франція, несмотря на самое искреннее миролюбивое ея настроеніе, война можетъ вспыхнуть вдругъ, совершенно неожиданно изъ-за самаго мелкаго событія, изъ-за какого-нибудь неудовлетвореннаго оскорбленія „знамени" или другого символа столь щекотливой французской національной „чести". Политическіе люди, носящіе на себѣ отвѣтственность управленія, должны бы были знать, что Франція переживаетъ переходный кризисъ, что къ новымъ, практическимъ стремленіямъ и серьезной любви мира въ ней примѣшаны еще, въ значительной пропорціи, всѣ старые предразсудки, всѣ воспоминанія прежнихъ режимовъ, потерявшія способность *управлять* обществомъ, но могущія *увлечь* его, въ данную минуту, въ самыя безумныя предпріятія. Они какъ будто шутятъ съ этимъ опаснымъ и плохо потухшимъ огнемъ задорнаго патріотизма, вмѣсто того, чтобы отнять у него всякій горючій матеріалъ, всякую возможность воспламененія.

Правда сказать—и это еще разъ подтверждаетъ мысль, высказанную мною въ началѣ моей статьи,—французскіе политическіе люди заражены въ большей или меньшей степени тѣми же недостатками умственнаго равновѣсія, какимъ страдаетъ общественная среда, изъ которой они вышли, и на которую они хотятъ дѣйствовать. Они

тоже безпрестанно колеблятся между давно отжившими формулами и вновь нарождающимися условіями жизни, между отвлеченными, ничему болѣе не соотвѣтствующими понятіями и все болѣе и болѣе гнетущими реальностями общественнаго развитія, между боязнью потерять свое достоинство и боязнью компрометтировать свое существованіе.

Быть можетъ, кто-нибудь увидитъ въ предъидущихъ страницахъ выраженіе крайне пессимистическаго взгляда на будущее Франціи; спѣшу увѣрить всякаго, что такой взглядъ весьма далекъ отъ меня. Констатированіе слабыхъ сторонъ даннаго общества не есть его осужденіе, точно такъ же какъ діагностика извѣстной болѣзни не есть обвиненіе одержимаго ею человѣка; но въ организмѣ индивидуальномъ, а еще менѣе въ организмѣ соціальномъ, нѣтъ совершенства, да и быть его не можетъ, потому что совершенство исключаетъ возможность прогресса. Но я не довольствуюсь однимъ констатированіемъ недостатковъ, я указываю средства ихъ исправленія: полная политическая децентрализація внутри, дающая большинству не только отвлеченное и ничѣмъ не гарантированное *право*, но и дѣйствительную *возможность* дѣятельнаго вмѣшательства въ общія дѣла, и ограниченіе внѣшнихъ сношеній одними вопросами чисто экономическаго свойства. Эти двѣ мѣры, тѣсно между собою связанныя, одинаково необходимы и одинаково логично истекаютъ изъ того непоколебимаго основанія, на которомъ зиждется современный строй Франціи, —всеобщемъ голосованіи; обѣ онѣ дадутъ французской политикѣ недостающій ей устой и отстранятъ окончательно всѣ шансы внутреннихъ междоусобій и внѣшнихъ войнъ.

Быть можетъ, пройдетъ еще много времени, пока цѣлесообразность и своевременность этихъ мѣръ будетъ понята и оцѣнена политическими людьми Франціи; быть можетъ, нужны еще нѣсколько поколѣній для того, чтобы передѣлать общественное воспитаніе и освободить республику отъ всѣхъ тормазящихъ ее бонапартистскихъ традицій. Историческое развитіе не то, что человѣческая жизнь,—оно медленно и безпредѣльно. Одно только можно сказать достовѣрно: зачатки эволюціи уже ясно обозначаются, признаки излеченія отъ политической горячки, такъ долго пугавшей Францію, бросаются въ глаза. Они вездѣ—въ развитіи провинціальной жизни, въ исключительномъ преслѣдованіи матеріальныхъ цѣлей, все болѣе и болѣе несовмѣстномъ съ военными предпріятіями, наконецъ, въ самой трудности управленія при теперешней усиленной централизаціи. Вопросъ поставленъ силою обстоятельствъ; остается его выяснить и рѣшить.

Парижъ.

Г. Вырубовъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-е декабря, 1884.

—*М. О. Кояловичъ.* Исторія русскаго самосознанія, по историческимъ памятникамъ и научнымъ сочиненіямъ. С.-Петербургъ, 1884.

Книга г. Кояловича любопытна во многихъ отношеніяхъ. Авторъ принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ людей, которые имѣютъ исключительную привилегію на обладаніе „чисто-русскими“ чувствами, воззрѣніями и особенностями, и съ первыхъ-же страницъ книги рекомендуетъ себя истинно-русскимъ человѣкомъ.

Всякій разъ, когда является на сцену писатель съ претензіями не просто русскаго, а „истинно-русскаго человѣка“, мы невольно задаемъ себѣ вопросъ: изъ какой страны выходятъ эти люди, къ какой публикѣ они обращаются и передъ кѣмъ хвастаютъ они своими національными качествами? Неужели русская народность составляетъ въ Россіи такую рѣдкость, что ее нужно выставлять на-показъ, въ качествѣ особой принадлежности къ ней немногихъ лицъ и кружковъ?

Мы понимаемъ отношеніе настоящихъ англичанъ къ англо-индійцамъ, отношеніе чисто-французскихъ гражданъ къ поселенцамъ Канады, отношеніе чешскихъ патріотовъ къ своимъ онѣмеченнымъ собратьямъ; но какъ понять притязаніе людей, подобныхъ г. Кояловичу, на воплощеніе истинно-русскихъ свойствъ и взглядовъ, передъ лицомъ такой-же русской публики и среди громадной массы чисто-рускаго народа? Или „истинно русское“ есть не просто русское, а нѣчто такое, что пріобрѣтается лишь въ славянскомъ комитетѣ и что недоступно или неизвѣстно большинству русскаго общества? Почему гг. Аксаковъ, и Кояловичъ считаютъ себя болѣе настоящими русскими, чѣмъ многіе другіе дѣятели русской литературы, столь-же несомнѣнно русскіе по происхожденію и образованію? Эти вопросы чрезвычайно интересны съ точки зрѣнія психологической; любопытно прослѣдить, какъ люди съ здравымъ смысломъ и даже нерѣдко съ обширными по-

знаніями могутъ дойти до такого наивнаго самообольщенія. Конечно, никому не было-бы дѣла до того, что думаютъ о себѣ названныя лица; но свои мнѣнія о самихъ себѣ они навязываютъ русскому обществу, и нельзя поэтому молча проходить мимо этихъ самозванныхъ патріотическихъ самолюбій.

Особенно интересно встрѣтиться съ притязаніями славянофильства, когда оно выступаетъ въ простой и отчасти грубой формѣ, безъ всякихъ туманныхъ прикрасъ. Убѣжденіе, что настоящее русское самосознаніе живетъ только въ людахъ, подобныхъ г. Кояловичу, высказывается тутъ во всей своей наглядной простотѣ. Критика чужихъ взглядовъ упрощается до небывалой еще степени; всякія возраженія и доказательства становятся излишними, когда можно замѣнять ихъ раздачею безъискусственныхъ кличекъ: „русскій", „западническій", „патріотическій", „модный" и т. п. У автора не возникаетъ даже сомнѣнія о томъ, что взглядъ, называемый имъ западническимъ или моднымъ, можетъ быть, однако, вполнѣ основательнымъ, и что не все, выдаваемое за патріотизмъ, есть истина. Названія и слова играютъ тутъ роль рѣшающихъ доводовъ. Привычка смотрѣть на себя, какъ на избранные сосуды благонамѣренности, выражается у этихъ патріотовъ въ огульномъ отрицаніи и заподозриваніи чувствъ людей, несогласныхъ съ ними. Пріемы дурной полемики, съ полицейскимъ оттѣнкомъ, переносятся въ литературу и даже въ науку.

Оригинальнѣе всего то обстоятельство, что проповѣдники „чисторусскихъ" воззрѣній рисуютъ предъ нами народный характеръ въ совершенно извращенномъ видѣ; они выдвигаютъ на первый планъ такія черты, которыя вовсе не свойственны народу и даже прямо противоположны его дѣйствительнымъ качествамъ,—крайнюю нетерпимость къ чужимъ мнѣніямъ и вѣрованіямъ, ненависть ко всему иноземному, узкую національную замкнутость, хвастливое самодовольство, стремленіе залѣзать въ чуждую душу и отыскивать повсюду тайныя интриги. Эти черты присутствуютъ несомнѣнно въ разсужденіяхъ г. Кояловича, но не имѣютъ ничего общаго съ „чисто-русскими" особенностями и идеалами, о которыхъ толкуетъ авторъ.

Г-нъ Кояловичъ задумалъ составить сборникъ свѣдeній о литературѣ русской исторіи, начиная съ разработки лѣтописей и кончая новѣйшими научными сочиненіями. Мысль сама по себѣ—очень хорошая; но авторъ припуталъ къ своему обстоятельному обзору массу посторонняго и придалъ своей работѣ какое-то мелкое тенденціозное значеніе. „Съ самаго начала моей профессорской дѣятельности (въ духовной академіи),—говоритъ г. Кояловичъ,—я считалъ первѣйшею своею обязанностью вводить моихъ (?) студентовъ прежде всего въ область литературы русской исторіи". Рядомъ съ этою

разумною задачею, является вслѣдъ затѣмъ еще другая цѣль—выяснить особенности русской самобытной науки вообще. Даже въ нашемъ изученіи естественныхъ наукъ авторъ находитъ нѣчто „чисто-русское", а „въ исторіи русской математики могли бы быть предметомъ любопытнаго изслѣдованія четвертое и даже больше четвертаго измѣренія (?!)"; поучительны также для автора „теоріи нашего русскаго (?) спиритизма, въ связи съ теоріями указанныхъ наукъ и съ разнаго рода явленіями въ нашей русской жизни". Въ какомъ смыслѣ характерны и самобытны для русской науки эти развившіяся за границею теоріи спиритизма, четвертаго измѣренія и т. п.,—это остается для насъ загадкою.

Бросивъ мимоходомъ нѣсколько смутныхъ фразъ въ родѣ приведенныхъ, г. Кояловичъ сразу обрушивается на иноземную интригу въ лицѣ „всѣхъ этихъ Байеровъ, Миллеровъ, Шлецеровъ", и прямо ставитъ вопросъ: „больше ли произошло пользы или вреда отъ вмѣшательства иноземцевъ въ разработку русской исторіи?" Въ этомъ пунктѣ авторъ расходится даже съ г. Бестужевымъ-Рюминымъ, который признаетъ нѣмца Миллера отцомъ русской исторической науки. Г-нъ Кояловичъ не отрицаетъ, что труды ученыхъ нѣмцевъ ознакомили русскихъ изслѣдователей съ общими научными пріемами, что Миллеръ принесъ большую пользу русской наукѣ, что онъ „оказался русскимъ дѣятелемъ, издавалъ русскіе памятники и русскія историческія сочиненія", и что онъ „всегда у насъ будетъ вспоминаться съ уваженіемъ, какъ неутомимый труженикъ въ области русской исторіи". Но Миллеръ былъ все-таки нѣмецъ, и этимъ уже все сказано съ точки зрѣнія „чисто-русскихъ" людей, олицетворяемыхъ г. Кояловичемъ.

„Русскою исторіею, — скорбитъ авторъ, — какъ и всею русскою жизнью, овладѣвали болѣе и болѣе иноземцы"; въ ихъ работахъ выражались „нѣмецкія національныя вожделѣнія относительно Россіи", и результатъ этихъ работъ „былъ даже крайне вреденъ наукѣ русской исторіи, потому что авторитетно отрѣзывалъ путь (?) къ изученію того же предмета съ русской точки зрѣнія" (стр. 100 и др.). Авторъ говоритъ о завладѣніи наукою, точно дѣло идетъ о казенномъ имуществѣ, попавшемъ не въ надлежащія руки. До сихъ поръ привыкли думать, что наука доступна всѣмъ желающимъ, и что въ этой области не можетъ быть произвольнаго захвата со стороны отдѣльныхъ частныхъ лицъ. Иначе думаетъ г. Кояловичъ. Онъ громитъ ученыхъ нѣмцевъ за неудачи русскихъ трудовъ и даже за отсутствіе ихъ. Былъ у насъ Татищевъ, человѣкъ чисто-русскій; онъ „постепенно смирялся и проникался русскимъ духомъ (!) и по мѣрѣ этого все больше изучалъ родное прошедшее", но его преслѣдовала

судьба: „на всѣхъ мѣстахъ своего служенія онъ неизмѣнно попадалъ подъ судъ", вслѣдствіе страннаго убѣжденія, что „не дурно принимать благодарность за усиленные труды въ пользу праваго дѣла", а также вслѣдствіе крайне неуживчиваго характера. Нѣмецъ Миллеръ „усердно и безнадежно хлопоталъ о спасеніи для потомства сокровищъ татищевскаго собранія рукописей и книгъ" (стр. 109); только уже при Екатеринѣ, „по настойчивости того-же Миллера, сочиненія Татищева стали появляться въ свѣтъ". Кто-же виноватъ въ утратѣ многихъ драгоцѣнныхъ рукописей, собранныхъ Татищевымъ? Разумѣется, виноваты ученые нѣмцы, хлопотавшіе объ ихъ сохраненіи: „нѣмецкая научность затормазила русскую научную разработку нашей исторіи" (стр. 108). Такова логика чисто-русскаго автора.

Главное преступленіе Миллера, какъ и Байера, заключалось въ теоріи норманскаго происхожденія первыхъ русскихъ князей; этимъ заявлялась опасная рѣшимость завоевать первобытную Русь для нѣмцевъ (такъ какъ норманны и нѣмцы — одно и то-же для г. Кояловича). Къ счастью, русская честь спасена была Ломоносовымъ, который ясно доказалъ, что нѣмецкіе ученые должны быть изгнаны изъ предѣловъ Россіи. Для большаго пораженія Миллера, — замѣчаетъ г. Кояловичъ,—Ломоносовъ прибѣгъ даже къ орудіямъ своей спеціальности—химіи (!!). По тому поводу, что Миллеръ заподозриваетъ сказаніе лѣтописей о проповѣди у насъ апостола Андрея, Ломоносовъ говоритъ, что это оскорбленіе Петру, учредившему орденъ Андрея Первозваннаго (хорошъ доводъ!), и прибавляетъ: жаль, что въ то время, когда Байеръ писалъ свой трактатъ, не было такого человѣка, который-бы поднесъ ему къ носу такой химическій проницательный составъ, отъ чего-бы онъ могъ очнуться. Порошокъ этотъ и почувствовалъ Миллеръ. Диссертація его была запрещена, и печатные экземпляры ея почти всѣ уничтожены (!). Самъ Миллеръ въ значительной степени дѣйствительно очнулся. Въ этой борьбѣ онъ какъ-бы получилъ *русское крещеніе* (!!) и т. д.".

Г. Кояловичъ торжествуетъ теперь по поводу столь легкой и блестящей побѣды надъ диссертаціею ученаго нѣмца; онъ ошибается только, принимая сожженіе книгъ за „самобытный" русскій способъ научнаго спора: этотъ способъ гораздо ранѣе и въ болѣе крупныхъ размѣрахъ практиковался іезуитами на Западѣ. Извѣстно, что норманская теорія не была, однако, истреблена вмѣстѣ съ экземплярами труда Миллера; она нашла позднѣе даже такихъ чисто-русскихъ истолкователей, какъ Погодинъ. Непонятно, почему г. Кояловичъ не только не упрекаетъ Погодина въ отсутствіи патріотизма и въ поддержкѣ „нѣмецкихъ узко-національныхъ вожделѣній", но даже признаетъ его горячимъ и благонадежнымъ патріотомъ. Что пре-

ступно и опасно въ рукахъ нѣмца, то патріотично въ рукахъ Погодина,—ибо такова уже самобытная особенность „чисто-русскаго" ума г. Кояловича.

Еще болѣе, чѣмъ Миллеру, достается отъ автора другому ученому нѣмцу, Шлецеру. Торопясь побѣдить этого новаго врага, г. Кояловичъ впопыхахъ дѣлаетъ нѣсколько странныхъ ошибокъ, —напримѣръ, выводитъ Екатерину II изъ „разбитой Россіею Пруссіи" (стр. 118). Миллеръ имѣлъ неосторожность высказать мысль, что „все, сообщаемое историкомъ, должно быть истинно, и никогда онъ не долженъ давать поводъ къ возбужденію противъ себя подозрѣнія въ лести". Нашъ авторъ подхватываетъ эту опасную мысль и восклицаетъ: „кто же, кромѣ нѣмца, могъ быть такимъ историкомъ и преемникомъ Миллера, т.-е. безъ отечества, безъ вѣры, безъ государя? „На трудолюбиваго Шлецера, автора обширнаго и цѣннаго понынѣ труда о Несторѣ, г. Кояловичъ сыплетъ всевозможныя обвиненія и ругательства; тутъ и „необузданное самопоклоненіе", и „невыносимое самохвальство", и „невѣроятная напыщенность", и „корыстолюбіе", и „истинно-нѣмецкая наглость" и „предательство", а наконецъ, и „крайняя политическая неблагонадежность". Это ожесточеніе автора противъ писателя, жившаго сто лѣтъ тому назадъ, должно, вѣроятно, служить доказательствомъ чисто-русской кротости г. Кояловича. Если Шлецеръ имѣлъ какую-нибудь „прекрасную мысль", то и она была „самозванная" (?) съ его стороны (стр. 123),—ибо имѣть прекрасныя мысли позволительно только русскимъ патріотамъ во вкусѣ г. Кояловича. Оказывается, что „одна корысть руководила Шлецеромъ, что онъ не намѣренъ служить Россіи, а вредить ей очень способенъ,—онъ соберетъ ея памятники, увезетъ за-границу и тамъ будетъ наживать деньги и славу". Дѣло въ томъ, что „Шлецеръ уже доказалъ свое предательство: онъ тайно послалъ за-границу напечатать рѣчь Миллера, позорящую Россію" (т.-е. Россію временъ Рюрика!); онъ совершилъ еще другое болѣе ужасное преступленіе: „передъ отпускомъ за-границу Шлецера, у него было много рукописей, и когда вслѣдствіе доноса Ломоносова, Таубертъ, спасая Шлецера, забралъ у него до обыска бывшія у него рукописи, то Шлецеръ, по собственному его признанію, успѣлъ припрятать въ пергаментный переплетъ арабскаго лексикона таблицы о народонаселеніи Россіи, о привозныхъ и вывозныхъ товарахъ, о рекрутскомъ наборѣ и т. п." (стр. 124). Дѣйствительно, небывалая и преступная дерзость: спасать свои рукописи и работы отъ гибели! Самая мысль—увезти собранные памятники за-границу — находитъ свое полное оправданіе въ судьбѣ татищевскихъ бумагъ и книгъ; но, какъ истый патріотъ, г. Кояловичъ возмущается болѣе планомъ

обнародованія древнихъ бумагъ за-границею, чѣмъ истребленіемъ ихъ на родинѣ. Такимъ образомъ, — разсуждаетъ авторъ, — „возникалъ вопросъ не только о научной несостоятельности Шлецера, но и объ его крайней политической неблагонадежности". Что касается его корыстныхъ разсчетовъ, то они несомнѣнны: одно время „онъ сталъ соображать, что въ Россіи выгоды не отвѣчаютъ его трудамъ и заслугамъ, тогда какъ за-границею ему будетъ гораздо выгоднѣе, — и профессорствовать лучше, и книги издавать удобнѣе". Извѣстно, что подобные низменные разсчеты чужды настоящимъ патріотамъ: истинно русскіе люди, въ родѣ г. Кояловича, работаютъ даромъ и не думаютъ ни о какихъ научныхъ удобствахъ. Совершенно неожиданно для читателя авторъ тѣмъ не менѣе совѣтуетъ „всякому молодому спеціалисту" ознакомиться съ вредными сочиненіями Шлецера. Ради курьеза слѣдуетъ еще упомянуть о параллели, проводимой между Шлецеромъ и Бирономъ (!). Въ числѣ прочихъ обвиненій, авторъ выставляетъ одно довольно забавное,—а именно, что русскіе иноземцы больше занимались будто бы дѣлами Сибири, а не внутренней Россіи (стр. 149). Очевидно, г. Кояловичъ самъ уже не знаетъ, какія вины взвалить на ненавистныхъ ему нѣмецкихъ ученыхъ.

Съ громкими и напыщенными предварительными похвалами авторъ обращается къ чисто-русскимъ изслѣдователямъ древней нашей исторіи. Здѣсь насъ встрѣчаетъ цѣлый рядъ сожалѣній. Ломоносовъ „бросилъ мозольную работу и надѣялся проникнуться сразу (!) духомъ" лѣтописей, а историческія сочиненія его утрачены по неизвѣстной причинѣ; князю Щербатову мѣшали „небольшая даровитость и недостатокъ зрѣлой подготовленности", а также „необыкновенно тяжелый слогъ"; Болтинъ „не додумался до истиннаго пониманія простого русскаго народа и его упованій"; самъ Карамзинъ принялъ враждебную норманскую теорію, и у него во многихъ мѣстахъ „высшія нравственныя начала остаются въ тѣни и едва видна (!) любовь къ Россіи" (стр. 183). Г. Кояловичъ, привлекающій къ своему суду патріотизмъ Карамзина, — это картина, достойная стать въ уровень съ нелѣпымъ походомъ его противъ личностей нѣмецкихъ ученыхъ, давно истлѣвшихъ въ могилѣ. Чтобы объяснить мнѣнія Карамзина и его противниковъ, авторъ слегка затрогиваетъ пагубную дѣятельность „коварнаго поляка Чарторыйскаго, съ тайною (sic!) еще болѣе коварныхъ поляковъ, какъ Чацкій, Лелевель". Крѣпкія слова прикрываютъ вообще безсиліе и пустоту мысли. Но и безпощадный г. Кояловичъ проговаривается иногда весьма сомнительнымъ образомъ, какъ будто въ духѣ новѣйшихъ либераловъ; онъ лепечетъ что-то такое о „строгой законности, широкой гражданской свободѣ

и въ особенности свободѣ мнѣнія, слова". Тутъ есть какая-то коренная ошибка со стороны автора: онъ вообразилъ, что ратовать „за свободу мнѣній и живое общественное участіе въ дѣлахъ" — значитъ „очень приближаться къ славянофиламъ" (стр. 183), тогда какъ правильнѣе было бы сказать: къ либераламъ. Авторъ, повидимому, плохо понялъ „научное озареніе, вышедшее изъ среды такъ называемыхъ славистовъ и выразившееся у насъ въ такъ называемомъ славянофильствѣ".

Далѣе, г. Кояловичу опять мерещится „національный *нѣмецкій* патріотизмъ" въ разсужденіяхъ Полевого (!); ему кажется даже, что эти именно *нѣмецкіе* толки „подорвали чистоту и силу славянскаго элемента въ Россіи", т.-е. что нѣмцы не только изслѣдовали, но и сами умышленно измѣнили составъ населенія древней Руси. Въ этомъ случаѣ имъ, вѣроятно, помогъ упоминаемый въ началѣ книги спиритизмъ, — иначе нельзя понять курьезныхъ замѣчаній автора. Въ нѣмцы попалъ и Погодинъ, утверждавшій, что „русская народность—это была вода и даже очень тихая, спокойная"; еще хуже нѣмцевъ оказался „извѣстный полякъ Сеньковскій" (стр. 234), которому авторъ измѣнилъ даже фамилію для болѣе нагляднаго убѣжденія читателей въ принадлежности его къ польской интригѣ (баронъ Брамбеусъ писался „Сенковскій", безъ мягкаго знака, прибавленнаго г. Кояловичемъ).

Критическіе пріемы г. Кояловича, какъ мы уже замѣтили, необычайно просты. Встрѣчаясь съ какимъ либо мнѣніемъ, онъ не разбираетъ его сущности, а заботится только о томъ, куда бы отнести его—къ западничеству или славянофильству, къ иноземщинѣ или къ россійскому патріотизму. Нѣкоторыя изслѣдованія не подходятъ ни къ одной изъ этихъ рубрикъ; тогда они помѣщаются „между славянофильствомъ и западничествомъ" (какъ напр., сочиненія проф. Сергѣевича), или же объявляются „странными по общимъ взглядамъ", безъ всякихъ комментаріевъ (какъ напр., книга В. И. Семевскаго о крестьянахъ при Екатеринѣ II). „Странность" этого послѣдняго труда, въ глазахъ г. Кояловича, можетъ заключаться только въ сочувствіи къ судьбамъ русскаго крестьянства, хотя авторъ благоразумно не договариваетъ своей мысли (стр. 280). Съ наибольшею рѣшительностью г. Кояловичъ критикуетъ то̀, чего нѣтъ у разбираемыхъ писателей. Онъ осуждаетъ „Исторію славянскихъ литературъ" за то, что въ нее не вошла еще исторія русской литературы; въ этомъ недоконченномъ видѣ сочиненіе гг. Пыпина и Спасовича „производитъ самое тяжелое впечатлѣніе и способно порождать чудовищныя понятія, которыя въ ней отчасти и прямо проповѣдуются (?!)", такъ какъ „русская литература вообще и литера-

тура русской исторіи въ особенности отсутствуютъ въ этомъ изданіи не только физически, но и нравственно" и т. д. (стр. 4 и сл.). Затѣмъ подробно разбирается будущая, не написанная еще исторія русской литературы г. Пыпина. Еще оригинальнѣе поступаетъ авторъ въ другомъ случаѣ: онъ открылъ явные слѣды польской измѣны въ предпринятомъ Вольфомъ изданіи „Живописной Россіи", выходящемъ подъ редакціею П. П. Семенова, при участіи гг. Иловайскаго, Забѣлина и другихъ. Измѣна видна уже изъ того, что окраины Россіи описаны ранѣе ея внутренности, чѣмъ „отвлекается вниманіе отъ русскаго средоточія, отъ центра тяжести русской исторической жизни"; такъ дѣлали съ Россіею только иноземцы и инородцы (стр. 449). При описаніи Литвы и Бѣлоруссіи допущены „польскія и вообще инородческія поползновенія на уразумѣніе Россіи", благодаря участію г. Киркора; главный редакторъ, г. Семеновъ, дошелъ до того, что самъ „призналъ культурнымъ элементомъ Литвы польскую народность", и „даже г. Максимовъ пойманъ былъ на одной слабости и невольно послужилъ цѣлямъ изданія". Въ своемъ обвинительномъ усердіи г. Кояловичъ тутъ же забываетъ, кѣмъ редактируется все изданіе, и говоритъ о П. П. Семеновѣ, что въ другихъ отдѣлахъ онъ „освободился отъ воззрѣній редакціи (?) этого изданія". По обыкновенію, высказываются также „мысли" о будущихъ, не вышедшихъ еще, томахъ измѣнническаго предпріятія Вольфа,— въ тонѣ болѣзненно-патріотическомъ, однообразномъ и утомительномъ для читателя.

Въ общемъ, книга г. Кояловича не соотвѣтствуетъ своему назначенію, если даже оставить въ сторонѣ всѣ ея курьезныя претензіи и особенности; она изложена тяжелымъ, часто неправильнымъ языкомъ; въ ней нѣтъ системы и порядка, и есть пропуски довольно значительные. Напримѣръ, забыта книга Н. Я. Данилевскаго: „Россія и Европа"; о ней только упоминается со словъ г. Бестужева-Рюмина, причемъ авторъ названъ почему-то П. Е. Данилевскимъ (стр. 476 и 595). Сносно и обстоятельно написаны только главы, посвященныя „Исторіи Россіи" Соловьева, сочиненіямъ К. Д. Кавелина и г. Ключевскаго. Здѣсь меньше и того назойливаго патріотизма, которымъ авторъ положительно преслѣдуетъ читателя на всемъ пространствѣ своей книги.

Никакихъ самостоятельныхъ воззрѣній не проводится въ сочиненіи г. Кояловича, но въ немъ особенно наглядно отражается пустота и сбивчивость такъ называемыхъ славянофильскихъ теорій. Выдавая себя за усерднаго славянофила, авторъ вынужденъ ограничиваться лишь безпорядочными вылазками противъ иноземцевъ и либераловъ;

а когда приходится касаться положительной стороны славянофильскаго ученія, то выходитъ какой-то сумбуръ и совершенная путаница понятій. По словамъ г. Кояловича, славянофилы, „давая полную свободу государственной власти, отвергли западно-европейское пониманіе государства, какъ источника всѣхъ (?) благъ человѣка, дали ему значеніе внѣшней правды, внѣшняго наряда, а всю силу внутренней, нравственной правды сосредоточили въ русскомъ земствѣ, которое, не стѣсняя государственной власти, живетъ полною внутреннею свободою“ (стр. 278).

Любопытно-бы знать, гдѣ это въ Европѣ государство считается „источникомъ *всѣхъ* благъ человѣка“,—слѣдовательно и благъ нравственныхъ, умственныхъ и духовныхъ. Неизвѣстно также, гдѣ и когда осуществлялась идиллія свободнаго земства при полномъ просторѣ власти,—идиллія мечтательнаго единенія между внѣшнею силою и внутреннею правдою. У насъ, какъ повторяетъ и г. Кояловичъ, земская сила яснѣе всего выражается въ крестьянствѣ (стр. 289), а упомянутое единеніе въ московской Руси выразилось только въ закрѣпощеніи этого крестьянскаго земства. Какъ примирить единеніе съ закрѣпощеніемъ? Авторъ пытается, правда, взвалить на иноземцевъ даже установленіе у насъ крѣпостного права; но это ужъ слишкомъ хитро. Смѣшно представлять Россію какимъ-то безформеннымъ тѣстомъ, изъ котораго любой иноземецъ лѣпилъ какія угодно фигуры; это гораздо болѣе обидно для русскаго чувства, чѣмъ всякіе „нѣмецкіе толки“ о призваніи варяговъ.

Если-же народъ былъ закрѣпощенъ въ московскій періодъ, то какой смыслъ могутъ имѣть разсужденія о разрывѣ Петра съ народомъ? Мы не понимаемъ также, какъ уживается славянофильская теорія съ указаніями на то, что „Петръ, какъ и Іоаннъ IV, не зналъ никакой сдержки“ (стр. 359 и др.), что Іоаннъ Грозный былъ ужаснымъ „тираномъ“ (стр. 335 и др.), что въ строительныхъ силахъ Россіи существовалъ „величайшій разладъ“ (стр. 352), и т. п. Другими словами мнимое идеальное „единеніе“ разбивалось когда угодно и зависѣло отъ множества случайностей, такъ что вся теорія славянофиловъ есть только пустая фразеологія, не имѣющая никакого практическаго значенія.

„Пора сознать,—говоритъ въ одномъ мѣстѣ тотъ же г. Кояловичъ, —что московское объединеніе Руси сопровождалось страшною неразборчивостью въ средствахъ и немалымъ развращеніемъ русскаго общества; что та дивная гармонія доблести и смиреннаго, для блага народа, признанія неодолимой силы татаръ, какая сказалась въ дѣлахъ Александра Невскаго, у московскихъ князей рѣже всего встрѣчалась и

замѣнялась черствымъ служеніемъ практическимъ интересамъ" (стр. 485).—Л. С.

Л. Бржесскій, Государственные долги Россіи. Историко-статистическое изслѣдованіе. Спб. 1884.

Книга г. Бржесскаго—первый опытъ начинающаго писателя, но въ лицѣ ея автора русская финансовая наука пріобрѣтаетъ новаго дѣятеля, очень прилежнаго, талантливаго и уже весьма свѣдущаго. Первая глава книги, о чрезвычайныхъ рессурсахъ въ до-петровской Россіи, убѣждаетъ, что авторъ успѣлъ усвоить всѣ пріемы даже для самостоятельнаго изслѣдованія. Собственно по тому предмету, которому книга посвящена, она представляетъ весьма обширный сводъ историко-статистическихъ свѣденій, появляющійся весьма кстати. Интересъ къ финансамъ возбужденъ въ настоящее время въ высшей степени, и бѣдность нашей финансовой литературы трудами о различныхъ частяхъ отечественныхъ финансовъ чувствуется очень сильно. Не у всякаго имѣется доступъ для того, чтобы рыться въ библіографическихъ указателяхъ и собирать разбросанныя по разнымъ изданіямъ разновременно появлявшіяся монографіи; а между тѣмъ очень многіе матеріалы по исторіи и статистикѣ русскихъ финансовъ вполнѣ заслуживали бы, чтобъ и большая публика была съ ними знакома. Къ сожалѣнію, очень многіе изъ матеріаловъ слишкомъ долго должны дожидаться научной разработки. Когда же наконецъ для нихъ оказывается изслѣдователь, то иногда это бываетъ связано съ довольно странными случайностями. Любопытный примѣръ представляетъ именно книга г. Бржесскаго. Какъ молодой, начинающій писатель, которому вмѣстѣ приходилось работать надъ тэмою, заданною факультетомъ, авторъ естественно нуждался въ руководствѣ; руководителя онъ и нашелъ въ лицѣ университетскаго наставника по финансовой наукѣ, которому „въ знакъ признательности" и посвящена книга. Изъ того, что г. Бржесскій весьма старательно изучилъ всѣ источники, которые ему были извѣстны, нужно заключить, что если онъ, съ другой стороны, нѣкоторыми изъ нихъ пренебрегъ, то это значитъ, что они ему были совсѣмъ не указаны, или ему не объяснено было ихъ значеніе. А отъ этого книга г. Бржесскаго иногда очень сильно страдаетъ. Такъ, по какой-то необъяснимой странности онъ зналъ только о существованіи первыхъ трехъ томовъ „Архива государственнаго совѣта", въ которыхъ какъ-разъ очень мало финансово-историческихъ матеріаловъ. Напротивъ, изданный Н. В. Калачевымъ четвертый томъ, въ двухъ большихъ частяхъ, содержащій весьма важные документы перваго періода дѣятельности департамента экономіи государствен-

наго совѣта, остался для г. Бржесскаго совершенно неизвѣстнымъ. Такая же странность обнаруживается въ способѣ, которымъ авторъ пользуется составленнымъ въ государственномъ контролѣ и напечатаннымъ въ „Статистическомъ Временникѣ“ 1866 года сводомъ исполненныхъ бюджетовъ въ 1832 по 1861 годъ, а также отчетами государственнаго контроля и государственнаго банка. По непонятной причинѣ, г. Бржесскій воспользовался этими матеріалами очень отрывочно и большую ихъ часть оставилъ совсѣмъ въ сторонѣ. Такъ, изъ свѣденій о бюджетахъ за время съ 1832 года, онъ воспользовался только данными о 1848—52 годахъ, умолчавъ объ остальныхъ, хотя они столь же важны, какъ и та небольшая часть данныхъ, которою онъ воспользовался. Существуетъ опубликованный, весьма обширный матеріалъ для изслѣдованія взаимныхъ отношеній между государственнымъ банкомъ и казначействомъ, которыя особенно въ шестидесятыхъ годахъ непосредственно связаны со всѣмъ тѣмъ, что̀ должно входить въ исторію государственнаго долга: но и этотъ матеріалъ г. Бржесскому остался неизвѣстнымъ. Отъ указанныхъ недостатковъ книгѣ г. Бржесскаго недостаетъ полноты и цѣльности: въ ней дана груда матеріала, и видно большое стараніе связно расположить излагаемые факты; но такъ какъ автору недоставало весьма существенныхъ промежуточныхъ звеньевъ, то многіе матеріалы такъ у него и остались въ сыромъ видѣ, безъ надлежащихъ объясненій, многіе факты изложены отрывочно. Нѣкоторые недостатки тѣмъ болѣе странно встрѣтить въ книгѣ г. Бржесскаго, что „руководство“ не оставляло его даже во время печатанія, и въ книгу вошли особыя примѣчанія „руководителя“. Къ сожалѣнію, всѣ эти примѣчанія не отличаются особенною важностью; а между тѣмъ мѣста книги, которыя очень настоятельно требовали оговорки, такъ и остались безъ исправленія. Напримѣръ, г. Бржесскій, желалъ исчислить итогъ государственныхъ долговъ по окончаніи наполеоновскихъ войнъ, и вздумалъ почему-то перевести всѣ суммы въ металлическіе рубли; а такъ какъ ассигнаціонный рубль тогда стоилъ лишь 25 металлическихъ копѣекъ, то естественно получилась очень небольшая сумма, скромности которой г. Бржесскій и поспѣшилъ выразить свое удивленіе. Между тѣмъ, тутъ-то и умѣстно было напомнить, что такъ всего менѣе подобало поступить историку-изслѣдователю: „перечисленіе“ только смыло съ фактовъ ту окраску, которую они имѣли въ свое время. Кромѣ того, и по самому своему существу образъ дѣйствій автора былъ неправильный, и самъ онъ придерживается противуположнаго образа дѣйствій, когда подходитъ къ новѣйшему времени. Г-нъ Бржесскій отлично понимаетъ, конечно, что еслибъ нынѣшній нашъ государственный долгъ былъ перечисленъ въ металлическіе рубли, то онъ тоже ока-

зался бы весьма скромнымъ: всякая сотня милліоновъ рублей государственнаго долга до послѣдней войны представляла собою 85.000,000 металлическихъ рублей, и послѣ войны отъ упадка кредитнаго рубля представляетъ уже только съ небольшимъ 63.000,000 металлическихъ рублей; но это, конечно, не значитъ, что послѣ восточной войны у насъ всякая сотня милліоновъ рублей государственнаго долга уменьшилась на 23.000,000 рублей. Правильнѣе перечислять металлическія суммы въ кредитные рубли, какъ и дѣлаютъ обыкновенно, какъ поступаетъ и г. Бржесскій, трактуя о новѣйшемъ времени. Впрочемъ, даже и сумму Екатерининскаго долга онъ даетъ безъ перечисленія ассигнаціонныхъ рублей въ металлическіе. Очевидно, авторъ просто сбился при опредѣленіи долга послѣ-наполеоновскихъ войнъ, но и руководитель его почему-то не замѣтилъ того. Также точно безъ оговорки осталось увѣреніе г. Бржесскаго, что послѣ Канкриновской реформы ассигнацій и ихъ замѣны кредитными билетами, „первоначально предполагалось выпустить кредитные билеты лишь на замѣну ассигнацій и депозитныхъ билетовъ, но вскорѣ выпуски превзошли предположенную норму“ (стр. 101). Въ серьезномъ изслѣдованіи совсѣмъ не должна была бы быть оказана поддержка легендѣ, совершенно лишенной всякаго историческаго основанія. Слова г. Бржесскаго противорѣчатъ и фактамъ, и манифесту о кредитныхъ билетахъ. Факты доказываютъ, что вплоть до крымской (а не только не „вскорѣ“) совсѣмъ не было выпусковъ кредитныхъ билетовъ для нуждъ казначейства. По манифесту же о кредитныхъ билетахъ (и по постановленіямъ, вошедшимъ въ сводъ законовъ), сверхъ замѣны ассигнацій кредитные билеты могли выпускаться неограниченно, но съ обезпеченіемъ звонкою монетою рубль за рубль. Въ этомъ и заключалось сходство Канкриновской реформы съ Пилевскимъ закономъ 1844 года: для *непокрытыхъ* звонкою монетою билетовъ была установлена норма, а сверхъ этой нормы выпуски были совершенно свободны, но должны были *сполна* обезпечиваться размѣннымъ фондомъ, какая бы ни была ихъ и его цифра.—Подобныхъ промаховъ можно было бы указать въ книгѣ г. Бржесскаго довольно много, и о нихъ тѣмъ болѣе нужно пожалѣть, что „руководство“ имѣло полную возможность исправить ихъ во-время. Отмѣтить слѣдуетъ и несправедливость отношеній г. Бржесскаго къ нѣкоторымъ его предшественникамъ по разработкѣ статистическаго матеріала, особенно къ г. Ламанскому. Собственно говоря, г-ну Ламанскому принадлежитъ добрая часть таблицъ, приложенныхъ къ книгѣ г. Бржесскаго, которому пришлось продолжать начатое до него дѣло, и который „продолжалъ“ трудъ г. Ламанскаго довольно механически, хотя это и не безусловно требовалось. Тѣмъ не менѣе о

долѣ авторскаго права г. Ламанскаго на таблицы въ книгѣ г. Бржесскаго почему-то нигдѣ не упоминается. И вообще авторъ очень скупъ при цитированіи источниковъ, удовлетворяясь часто только названіемъ источника, изъ котораго взяты излагаемые факты, но безъ ближайшаго указанія, гдѣ именно въ названномъ источникѣ находятся сообщенные факты. Оттого провѣрить автора не всегда легко. Конечно, желательно было бы, чтобъ авторъ въ будущихъ своихъ изслѣдованіяхъ къ такому пріему лучше не прибѣгалъ.—И. К—нъ.

— *Біографическій Словарь* профессоровъ и преподавателей Императорскаго университета св. Владиміра (1834 — 1884). Составленъ и изданъ подъ редакціей ордин. проф. В. С. Иконникова. Кіевъ, 1884.

Печальный юбилей кіевскаго университета отозвался по крайней мѣрѣ въ литературѣ появленіемъ цѣлаго ряда историческихъ изданій, къ числу которыхъ принадлежитъ настоящая книга, представляющая важный вкладъ не только въ исторію кіевскаго университета, но и вообще русской науки. Изъ предисловія мы узнаёмъ, что вопросъ о праздновaніи юбилея возникъ въ университетѣ еще въ 1879 году, и въ совѣщаніяхъ учрежденной тогда коммиссіи изъ нѣсколькихъ профессоровъ и ректора постановлено было издать къ юбилею, между прочимъ, біографическій словарь профессоровъ университета и воспитанниковъ его, пріобрѣвшихъ почетную извѣстность на разныхъ поприщахъ общественной дѣятельности. Въ исполненіи, послѣднее предположеніе, кажется, отпало, и вышедшій теперь словарь заключаетъ только біографіи профессоровъ и преподавателей.

Для исполненія этого труда предлежалъ огромный матеріалъ въ оффиціальныхъ бумагахъ университета, кіевскаго учебнаго округа, въ массѣ біографическихъ и библіографическихъ свѣденій, разбросанныхъ въ различныхъ ученыхъ журналахъ и другихъ изданіяхъ, каталогахъ, указателяхъ и т. п. Біографическіе очерки наличныхъ членовъ университета составлялись ими самими, а біографическія свѣденія о прежнихъ преподавателяхъ, передавались на просмотръ ихъ преемниковъ по каѳедрѣ или вполнѣ были составлены послѣдними, и только въ тѣхъ случаяхъ, когда представлялось затрудненіе въ этомъ отношеніи, редакція „Словаря" пользовалась находившимися въ ея распоряженіи архивными и библіографическими данными. Біографіи нѣкоторыхъ лицъ уже существовали въ литературѣ, и составленіе очерковъ для словаря не представляло трудностей; другія біографіи (напр., проф. Даниловича) были составлены по рукописнымъ матеріаламъ. Нѣкоторые изъ прежнихъ профессоровъ (напр. Ор. Новицкій, Ходецкій) сообщили весьма обширныя автобіографическія записки,

и редакція воспользовалась ими въ болѣе или менѣе полномъ видѣ. Нѣкоторыя изъ приглашеній редакціи о доставленіи статей остались безъ отвѣта. „Біографическіе очерки,—говорится въ предисловіи,—обыкновенно сопровождаются указаніемъ на источники и, по возможности, отличаются строго фактическимъ изложеніемъ; только относительно лицъ, сошедшихъ съ жизненнаго поприща или давно оставившихъ университетъ, допущены нѣкоторыя подробности и оцѣнка ихъ научной, преподавательской и служебной дѣятельности. Само собою понятно, что біографіи, составленныя разными лицами, и факты, вошедшіе въ нихъ, не могли быть освѣщены съ одинаковыхъ точекъ зрѣнія; но редакція не считала возможнымъ касаться этой стороны труда, полагая, что изображеніе прошедшей жизни университета съ возможною полнотою и съ разныхъ точекъ зрѣнія можетъ принести только пользу“. Конечно, эти біографіи и слѣдовало оставить въ ихъ первоначальномъ видѣ; въ нихъ сохранятся оригинальныя черты, а общую историческую точку зрѣнія должна доставить исторія университета. Одной изъ любопытнѣйшихъ статей этого рода является автобіографія умершаго недавно кіевскаго профессора, Ор. Новицкаго.

Біографіи и автобіографическія записки составлены вообще весьма обстоятельно и снабжены обильными библіографическими указаніями; такъ что „Словарь“ займетъ важное мѣсто въ ряду подобныхъ справочныхъ изданій по исторіи русской науки. Изъ біографій отмѣтимъ въ особенности тѣ, которыя составлены гг. Дашкевичемъ, Иконниковымъ, Романовичемъ-Славутинскимъ, Соболевскимъ. — Словарю предшествуетъ алфавитный списокъ біографическихъ статей, съ указаніемъ ихъ авторовъ; далѣе, списокъ профессоровъ и преподавателей по времени ихъ пребыванія въ кіевскомъ университетѣ, наконецъ, распредѣленіе профессоровъ и преподавателей по предметамъ ихъ преподаванія — оба послѣдніе списка даютъ наглядный обзоръ ученыхъ силъ университета съ его основанія донынѣ и по различнымъ отдѣламъ науки.

„Словарь“ составилъ крупный томъ, болѣе 800 страницъ.

— *Пугачевъ и его сообщники.* Эпизодъ изъ исторіи царствованія императрицы Екатерины II. 1773—1774 г. По неизданнымъ источникамъ. *Н. Дубровина.* Три тома. Спб. 1884.

Къ многочисленнымъ историческимъ трудамъ г. Дубровина присоединяется въ настоящей книгѣ новая замѣчательная работа. Пугачевскій бунтъ, который остался такимъ страшнымъ преданіемъ отъ XVIII вѣка, давно привлекаетъ вниманіе нашихъ историковъ, а также и беллетристовъ. Г. Дубровинъ собралъ въ особомъ указателѣ

обширную литературу о Пугачевѣ (томъ III, стр. 379—403), которая стала особливо возрастать со второй половины пятидесятыхъ годовъ, когда снята была печать историческаго молчанія, лежавшая на цѣлыхъ періодахъ нашей исторіи, между прочимъ, и на этихъ событіяхъ. Съ этихъ поръ появляется множество частныхъ работъ о Пугачевскомъ бунтѣ,—описаній отдѣльныхъ его эпизодовъ и историческихъ матеріаловъ, напримѣръ, изъ мѣстныхъ провинціальныхъ архивовъ. Стали болѣе доступны и архивы государственные, но предметъ все еще изслѣдовался только по частямъ, между прочимъ потому, что самое дѣло о Пугачевѣ оставалось недоступнымъ для большинства изслѣдователей. Г-нъ Дубровинъ предпринялъ, наконецъ, полный пересмотръ матеріала; онъ получилъ разрѣшеніе пользоваться подлиннымъ дѣломъ о Пугачевѣ и его сообщникахъ, собиралъ другіе матеріалы въ разныхъ архивахъ Петербурга и Москвы, наконецъ, внимательно пересмотрѣлъ прежнюю литературу предмета. Послѣдняя послужила ему главнымъ образомъ архивными свѣдѣніями о временахъ Пугачева; но собственно историческія работы оказывались по большей части весьма неудовлетворительными, такъ какъ основывались на очень неполномъ матеріалѣ, а иной разъ недостатокъ источниковъ пополняли фантазіей.

Г-нъ Дубровинъ въ своемъ изложеніи прямо вступаетъ in medias res, и начинаетъ съ разсказа о безпорядкахъ въ яицкомъ казачьемъ войскѣ, которые подготовляли послѣдующее броженіе; о появленіи перваго самозванца, Богомолова, съ именемъ императора Петра III; о волненіяхъ въ донскомъ войскѣ; затѣмъ, авторъ переходитъ къ біографіи Пугачева и къ началу бунта. Для объясненія событій, авторъ въ концѣ перваго тома посвящаетъ нѣсколько любопытныхъ главъ описанію положенія края, гдѣ происходили первыя дѣянія Пугачева, и особливо характеристикѣ русскаго общества за это время: онъ говоритъ о воспитаніи, нравахъ дворянства, объ его распущенности, своеволіи и самоуправствѣ, объ отсутствіи правосудія, о положеніи помѣщичьихъ и заводскихъ крестьянъ, о нравственномъ состояніи духовенства,—указывая во всемъ этомъ условія, создававшія народное недовольство. Дальнѣйшія событія, разсказанныя множество разъ, авторъ передаетъ почти исключительно на основаніи оффиціальныхъ архивныхъ документовъ, очень часто впервые имъ собранныхъ и употребленныхъ въ дѣло. Отмѣтимъ, между прочимъ, что г. Дубровинъ (т. III, гл. XI) по поводу дѣятельности Державина во время пугачевскаго бунта разрѣшаетъ недоумѣніе его біографовъ (см. Біографію г. Грота, гл. VI) положительно противъ Державина: г. Дубровинъ винитъ его въ „вѣтренности, заносчивости, наклонности къ превышенію власти и желаніи играть роль“, и при-

писываетъ взятіе Саратова Пугачевымъ именно „интригамъ" Ладыженскаго и Державина.

Къ книгѣ приложена очень обстоятельно составленная карта мѣста дѣйствій пугачевскаго бунта.

Вообще, новый трудъ г. Дубровина составляетъ весьма полезное пріобрѣтеніе нашей исторической литературы, какъ первое достаточно полное изложеніе событій Пугачевскаго бунта по достовѣрнымъ архивнымъ документамъ, и съ обзоромъ всей предшествующей литературы предмета. Книга, несмотря на обиліе документовъ, помѣщаемыхъ иногда авторомъ въ самый текстъ, читается довольно легко; текстъ сопровожденъ множествомъ указаній на подлинныя дѣла, служащія основаніемъ разсказа.—А. Н.

НЕКРОЛОГЪ.

В. М. Жемчужниковъ.

11 апрѣля 1830 г. род.—6 (18) ноября 1884 г. †

Владиміръ Михайловичъ Жемчужниковъ принадлежалъ къ числу людей, которые живутъ, безъ заботы о томъ, что̀ о нихъ говорятъ; но знавшіе покойнаго лично всегда хорошо знали цѣну ему, и только смерть дала имъ теперь право громко свидѣтельствовать о новой утратѣ, какую понесло наше общество: еще однимъ меньше изъ юношей сороковыхъ годовъ! Его современникъ и близкій другъ, Н. Ѳ. фонъ-Крузе, охарактеризовалъ покойнаго въ немногихъ словахъ, но вполнѣ вѣрно: „В. Жемчужниковъ,—говоритъ онъ,—былъ личностью замѣчательною, необыкновенною. Богато одаренный отъ природы, пылкій и отзывчивый, увлекающійся и увлекательный, онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и трудолюбивый дѣятель, способный на всякую сложную и усидчивую работу. Чистота его помысловъ и стремленій, его честность и правдивость, его вполнѣ рыцарскій характеръ доходили до идеальности, часто даже до суровости. Никогда и нигдѣ, ни передъ кѣмъ и ни передъ чѣмъ онъ не измѣнялъ своимъ принципамъ, убѣжденіямъ и идеаламъ, никогда не отступалъ отъ того, что̀ считалъ долгомъ своей совѣсти, хотя бы это стоило ему величайшихъ жертвъ. Надѣленный красивой наружностью, обладавшій

тонкой, поэтической и въ высшей степени художественной и обаятельной натурой, онъ привлекалъ къ себѣ всѣхъ и каждаго, кто сталкивался съ нимъ въ жизни. Но при этихъ богатыхъ дарахъ и качествахъ, онъ никогда не рисовался, не эффектничалъ, не становился на ходули; напротивъ, онъ всегда и во всемъ былъ простъ и глубоко искрененъ" [1]).

Владиміръ Михайловичъ не занималъ на службѣ такого мѣста, на которомъ его личность могла бы оказывать широкое вліяніе на дѣла и на людей; вообще онъ своей дѣятельности никогда не спеціализировалъ, никогда не сосредоточивалъ на какомъ-либо одномъ поприщѣ всего своего трудолюбія, которое было дѣйствительно однимъ изъ отличительныхъ его свойствъ; и тѣмъ не менѣе жизнь его не прошла безслѣдно. Правда, онъ безпрерывно переходилъ отъ одного занятія къ другому, такъ сказать, перекочевывалъ отъ одной дѣятельности къ другой, все перемѣнялось около него,—но во всякой обстановкѣ онъ одинъ оставался неизмѣннымъ, всегда одинаково горячо и убѣжденно преданнымъ всякому дѣлу, какое только попадалось въ его руки. Такого человѣка, какъ Владиміръ Михайловичъ, французы охарактеризовали бы названіемъ: un chercheur; но его страстные поиски за дѣятельностью и его увлеченія объясняются тѣми свойствами души, которыя одинъ изъ нашихъ поэтовъ назвалъ „святымъ безпокойствомъ". Это-то святое безпокойство и бросало его изъ стороны въ сторону, никогда не позволяя ему почить и бросить якорь въ какой-нибудь мирной пристани. Въ перемѣнахъ своихъ стремленій онъ увлекался не капризомъ, и не личные расчеты входили при этомъ въ его соображенія; не лѣность и не равнодушіе къ дѣлу руководили имъ, когда онъ оставлялъ одно дѣло для другого; притомъ онъ исполнялъ всякое дѣло вовсе, не какъ дилеттантъ, а работалъ неутомимо и добросовѣстно. Стремленіе быть полезнымъ составляло сущность всей его натуры и главный смыслъ его жизни. Щедрость его была бы безпредѣльна, еслибы не ограничивалась недостаткомъ средствъ. У него была страсть къ рѣдкимъ, стариннымъ и художественнымъ вещамъ, и говорятъ, его квартира была настоящимъ музеемъ; но при жизни ему случалось не разъ разставаться съ любимыми предметами и продавать ихъ для оказанія кому-либо денежной помощи. Зато и горячо его любили всѣ знавшіе его близко.

Болѣзнь его только въ въ послѣднее время приняла внезапно безнадежный характеръ и, по выраженію одного изъ Ментонскихъ писемъ, направила его къ смерти съ „безумною быстротою". Въ то время, когда нѣкоторые изъ его родныхъ, узнавъ объ опасномъ

[1]) „Рус. Вѣд.", № 320.

положеніи больного, собрались, было ѣхать къ нему въ Ментону, получена была депеша о его кончинѣ. Онъ похороненъ на русскомъ кладбищѣ въ Ниццѣ, гдѣ три года тому назадъ погребенъ дядя его графъ Борисъ Алексѣевичъ Перовскій, котораго онъ горячо любилъ и уважалъ. Тотчасъ по полученіи извѣстія объ опасномъ положеніи дяди, покойный, бросивъ тогда всѣ свои дѣла въ Петербургѣ, отправился въ Каннъ, и здѣсь съ 28-го октября до дня кончины графа Перовскаго, 25-го ноября, посвятилъ всѣ свои силы и заботы на уходъ за больнымъ съ искренне сыновнею нѣжностью, пренебрегая при этомъ собственнымъ здоровьемъ, уже разстроеннымъ въ ту пору отъ развивавшейся въ немъ болѣзни. Съ свойственнымъ ему самоотверженіемъ и преданностью, онъ остался и послѣ того вѣрнымъ другомъ и нравственной поддержкой родной ему семьи.

Вотъ нѣсколько фактическихъ данныхъ изъ жизни покойнаго. Будучи студентомъ с.-петербургскаго университета, онъ занимался сперва на юридическомъ факультетѣ, а потомъ перешелъ въ филологи; началъ службу въ Тобольскѣ, когда тамъ былъ губернаторомъ В. А. Арцимовичъ, нынѣ сенаторъ. Лишь только началась восточная война, онъ поспѣшилъ записаться и поступилъ въ стрѣлковый батальонъ императорской фамиліи, вмѣстѣ съ двоюроднымъ своимъ братомъ, графомъ А. К. Толстымъ. Въ Крыму оба они занемогли тифомъ, заразившись при уходѣ за больными. Съ окончаніемъ войны В. М. Жемчужниковъ покинулъ военную службу и вступилъ вновь въ гражданскую; онъ пробовалъ свои силы въ разныхъ вѣдомствахъ, перебывалъ въ короткое время въ министерствахъ: морскомъ, финансовъ, внутреннихъ дѣлъ и юстиціи. Наконецъ, за послѣднее время онъ служилъ въ министерствѣ путей сообщенія, гдѣ занималъ должность директора департамента общихъ дѣлъ, и оставилъ тамъ по себѣ память какъ главный руководитель съѣзда представителей, начальниковъ и правительственныхъ наблюдателей техническихъ желѣзнодорожныхъ училищъ. Его иниціативѣ и настойчивости надобно приписать то развитіе этого важнаго дѣла, какого оно достигло въ настоящее время; уже къ 1881 г. у насъ имѣлось болѣе 30 желѣзнодорожныхъ училищъ, съ 2,700 учащихся, и съ запаснымъ капиталомъ почти въ полмилліона рублей.

Еще прежде В. М. дѣятельно занимался вопросами торговли и промышленности, и съ этою цѣлью совершилъ путешествіе по Сиріи, Палестинѣ и Египту, которое подало ему поводъ къ составленію интересныхъ записокъ. Въ извѣстномъ возрожденіи нашего черноморскаго флота подъ торговымъ флагомъ, онъ былъ ближайшимъ сотрудникомъ главныхъ основателей русскаго общества пароходства и тор-

говли; никто такъ много не поработалъ для этого дѣла, и никто менѣе покойнаго не заботился о томъ, чтобы пожать плоды своихъ трудовъ: этотъ трудъ онъ всегда предоставлялъ другимъ — такова уже была основная черта всей его жизни: въ дѣлѣ онъ любилъ, такъ сказать, процессъ самаго дѣла, процессъ труда,—а все остальное, что именно для другихъ и составляетъ въ дѣлѣ интересъ, его не занимало вовсе, и онъ, окончивъ одно дѣло, искалъ себѣ новаго, опять настоящаго дѣла. Это было именно какое-то „святое безпокойство"; одна тяжкая болѣзнь могла положить предѣлъ его вѣчнымъ стремленіямъ и преждевременно свела его въ могилу, на 55-мъ году отъ роду, къ великому горю всѣхъ искренне любившихъ его друзей.

М.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1-е декабря, 1884.

Двадцатипятилѣтіе литературнаго фонда. Характеристическія черты его исторіи, и не исполненная до сихъ поръ обязанность русскаго общества.—Политика или культура?—Отходная прежнимъ „толстымъ" журналамъ, и „отрѣшеніе отъ нравственныхъ путъ" новой журналистики.

Почти незамѣченнымъ прошло, въ началѣ истекшаго мѣсяца, двадцатипятилѣтіе общества литературнаго фонда. О немъ напомнилъ только сборникъ, изданный комитетомъ общества—но и въ этомъ сборникѣ мало кто обратилъ вниманіе на лѣтопись фонда; ее затмило сосѣдство „Декабристовъ„ гр. Л. Н. Толстого и сказокъ М. Е. Салтыкова. А между тѣмъ, эта скромная лѣтопись далеко не лишена интереса. Правда, она даетъ только небольшую часть того, что хранится въ архивахъ общества; она едва касается главныхъ, существенныхъ вопросовъ—*кому* помогало общество, *чѣмъ* вызвана была помощь, къ какимъ результатамъ она привела. Исторія общества, разсказанная съ этой точки зрѣнія, была бы настоящимъ мартирологомъ нашей литературы—или лучше сказать, мартирологомъ отдѣльныхъ дѣятелей ея; списокъ потерь и испытаній, вынесенныхъ ею *какъ однимъ цѣлымъ*, долженъ быть составленъ на основаніи данныхъ другого рода. *Личный* характеръ свѣдѣній, содержащихся въ журналахъ и подлинныхъ бумагахъ общества, служитъ главнымъ препятствіемъ къ ихъ оглашенію, по крайней мѣрѣ до поры до времени.

Безспорно, помощь оказываемая литературнымъ фондомъ, не можетъ и не должна быть разсматриваема какъ благодѣяніе, какъ милостыня или подачка; она вытекаетъ изъ признанія, съ одной стороны, *обязанностей* читающей публики передъ литературой, съ другой стороны— *права* литератора или ученаго на поддержку общества. Вполнѣ понятны, однако, тѣ мотивы, которые заставляютъ сохранять въ тайнѣ имена лицъ, получающихъ пенсіи или пособія отъ фонда. Нарушеніе этой тайны удержало бы многихъ отъ обращенія къ фонду— удержало бы уже потому, что нельзя было бы предупредить какъ въ средѣ общества, такъ и въ печати, толки о соразмѣрности или несоразмѣрности между помощью и заслугой, о достаточности или недостаточности основаній къ удовлетворенію просьбы того или другого лица. Составители устава фонда были совершенно правы, допустивъ полную гласность распоряженій комитета только въ видѣ исключенія [1]); комитетъ общества былъ совершенно правъ, неуклонно поддерживая это основное правило противъ нападеній, которымъ оно отъ времени до времени подвергалось. Необходимость тайны падаетъ лишь тогда, когда сходитъ со сцены лицо, заинтересованное въ ея сохраненіи. По справедливому замѣчанію одного изъ лѣтописцевъ общества, въ историческомъ очеркѣ нѣтъ причины скрывать имена умершихъ пенсіонеровъ фонда. Нельзя не пожалѣть, что правомъ, провозглашеннымъ въ принципѣ, лѣтопись на самомъ дѣлѣ воспользовалась весьма мало; болѣе широкое примѣненіе его подняло бы, въ глазахъ публики, дѣятельность фонда, доказавъ наглядно, что она проникаетъ въ самыя различныя области литературы, распространяется на людей, заслуги которыхъ передъ русскимъ обществомъ стоятъ внѣ всякаго сомнѣнія и спора. Весьма вѣскими представляются, съ этой точки зрѣнія, и тѣ немногія имена, которыя названы въ лѣтописи. На первомъ планѣ между ними стоитъ имя Щапова, неутомимаго труженика и оригинальнаго мыслителя, вся жизнь котораго была борьбою съ тяжелой обстановкой, съ бѣдами и напастями всякаго рода. Невелика была поддержка, оказанная ему въ этой борьбѣ обществомъ литературнаго фонда; онъ получилъ, въ теченіе десяти слишкомъ лѣтъ, менѣе полуторы тысячи рублей, и постоянная пенсія была назначена ему лишь за нѣсколько мѣсяцевъ до его смерти. Было время, когда за это винили комитетъ общества, но несправедливо было бы упускать изъ виду, что все-таки литературный фондъ былъ однимъ изъ немногихъ источниковъ

[1]) На основаніи § 29 устава, въ отчетахъ общества могутъ быть называемы по имени только лица, получившія пособіе на изданіе своихъ литературныхъ и ученыхъ трудовъ; а также молодые люди, которымъ назначено вспомоществованіе для окончанія ихъ образованія.

(если не единственнымъ), откуда могъ черпать заброшенный въ глушь и даль, полу-забытый историкъ. Есть что-то трогательное въ одной изъ цифръ, приводимыхъ въ лѣтописи: въ 1871 г. комитетомъ было назначено Щапову 183 р. 50 коп., *включая сюда стоимость купленныхъ по его просьбѣ и высланныхъ ему книгъ*. Не отразилось ли здѣсь со всею яркостью положеніе писателя, лишеннаго орудій своей профессіи—орудій, одинаково необходимыхъ для матеріальной и для умственной его жизни,—и вмѣстѣ съ тѣмъ не служитъ ли это указаніемъ на громадное значеніе помощи, ничтожной по своему размѣру, но оказанной во время и, что всего важнѣе, не унизительной, не оскорбительной по своему свойству? Не ясно ли, что, исполняя просьбу или, лучше сказать, порученіе Щапова, комитетъ дѣйствовалъ просто какъ уполномоченный, какъ представитель русскаго образованнаго общества, въ свою очередь представляющаго собою, при данныхъ условіяхъ, весь русскій народъ? Такіе люди, какъ Щаповъ, работаютъ именно для всего народа; всякая поддержка, имъ оказываемая—небольшая уплата въ счетъ большого долга, лежащаго на обществѣ по отношенію къ народу.

Другое имя, занесенное въ лѣтопись фонда—это имя В. Ѳ. Корша. Нужно ли напоминать заслуги человѣка, въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ съ такою честью занимавшаго одинъ изъ передовыхъ постовъ русской литературы? Той роли, которая принадлежала съ 1863 по 1874 г. „С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ" не пріобрѣла или не удержала за собой съ тѣхъ поръ ни одна русская газета. Здоровье В. Ѳ. Корша, потрясенное уже давно, не выдержало цѣлаго ряда неудачъ, тѣсно связанныхъ именно съ лучшими сторонами его натуры. Больной, почти умирающій, онъ очутился безъ всякихъ средствъ, безъ постоянныхъ занятій. Литературный фондъ, многимъ обязанный В. Ѳ. Коршу [1]), могъ, къ счастію, успокоить его послѣднія минуты; поѣздка за границу, во время которой онъ и скончался, была предпринята имъ на средства фонда. Весьма жаль, что мы не въ правѣ назвать другихъ именъ, еще болѣе громкихъ; но для нашей цѣли достаточно указанія на Щапова и Корша. Одинъ изъ нихъ представляетъ собою русскую науку, другой—русскую періодическую печать, т.-е. тѣ двѣ силы, которыя играютъ выдающуюся роль въ исторіи русской мысли, русскаго общественнаго развитія. Между образованными людьми не найдется ни одного, которому не сослу-

---

[1]) Помимо личныхъ трудовъ В. Ѳ. Корша, какъ члена комитета (онъ исполнялъ эти обязанности четырнадцать лѣтъ), уваженіе къ его дѣятельности обогатило общество капиталомъ въ 2000 руб., пожертвованнымъ разными лицами въ память изданія имъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей".

жила бы службу та или другая,—ни одного, слѣдовательно, который не былъ бы должникомъ литературнаго фонда. Совершенный недостатокъ средствъ—вотъ, собственно говоря, единственное законное оправданіе для неуплаты подобнаго долга. Лицъ, подходящихъ подъ это оправданіе, много, слишкомъ много,—но должниковъ состоятельныхъ все-таки наберется не одинъ десятокъ тысячъ, между тѣмъ, какъ число членовъ общества до сихъ поръ не дошло еще и до одной тысячи. Къ 1-му января текущаго *двадцать пятаго* года существованія общества ихъ было около 800; въ продолженіе года это число не возрасло, кажется, и до восьмисотъ пятидесяти. Чтобы понять вполнѣ, какъ ничтожна послѣдняя цифра, необходимо вспомнить, что черезъ восемь лѣтъ послѣ учрежденія общества число его членовъ было почти такое же (745); почти весь приростъ за семнадцать лѣтъ пошелъ на пополненіе убыли, особенно сильной въ средніе, наиболѣе критическіе годы закончившагося двадцати-пятилѣтія. Въ 1868 г., послѣ повѣрки списковъ, настоящихъ, т.-е. платящихъ членовъ общества, оказалось только 302! Теперешній составъ общества представляется болѣе прочнымъ; кто вступаетъ теперь въ его среду, тотъ дѣйствуетъ, бо̀льшею частью не подъ вліяніемъ мимолетнаго увлеченія, поддерживающаго у насъ всякое новое предпріятіе, а въ силу сознательной, твердой готовности служить цѣлямъ фонда. И все-таки далеко не всѣ члены исполняютъ свои обязанности передъ фондомъ; не говоря уже о незначительномъ числѣ лицъ, посѣщающихъ общія собранія, неисправно поступаютъ въ кассу общества и членскіе взносы. Число членовъ, единовременно уплатившихъ или иначе доставившихъ обществу не менѣе ста рублей и свободныхъ, вслѣдствіе этого, отъ обязанности ежегоднаго взноса, равняется, по отчету за 1883 г., 126. Еслибы всѣ остальные члены общества вносили ежегодно хоть по десяти рублей (minimum членскаго взноса), то этотъ источникъ дохода долженъ былъ бы давать обществу не менѣе $6^1/_2$ тысячъ рублей; между тѣмъ, членскихъ взносовъ поступило въ 1880 г.—4248, въ 1881 г.—4017; въ 1882 г.—3187; въ 1883 г.—3472 руб. Такъ какъ многіе члены платятъ болѣе десяти рублей, такъ какъ свободой отъ ежегодныхъ взносовъ на самомъ дѣлѣ пользуются далеко не всѣ, имѣющіе на нее право, то мы едва ли ошибемся, если назовемъ аккуратными плательщиками только половину членовъ общества. Членскіе взносы, вмѣстѣ съ процентами на капиталъ общества, едва покрываютъ сумму пожизненныхъ пенсій, производимыхъ фондомъ. Въ 1883 г., напримѣръ, расходъ на пенсіи составлялъ 7257 рублей, а проценты на капиталъ, вмѣстѣ съ членскими взносами—8203 рубля; но при этомъ нужно принять въ соображеніе, что значительная часть про-

центовъ на капиталъ—около 700 рублей,—имѣетъ спеціальное назначеніе и не можетъ быть обращаема на уплату пенсій. Понятно, до какой степени это затрудняетъ дѣятельность комитета. Правда, въ распоряженіи его находится еще постоянный доходъ въ 2700 руб., слагающійся изъ пожалованій отъ особъ Императорской фамиліи и изъ субсидій отъ министерства народнаго просвѣщенія [1]); но такую же, приблизительно, сумму составляютъ пособія на воспитаніе, прекращеніе или уменьшеніе которыхъ крайне нежелательно, да и не всегда зависитъ отъ комитета. Весь расходъ по единовременнымъ пособіямъ, превышающій—если взять среднее число за послѣдніе четыре года—$7\frac{1}{2}$ тысячъ рублей—долженъ быть покрываемъ затѣмъ изъ экстраординарныхъ рессурсовъ: пожертвованій, сбора съ спектаклей, съ публичныхъ чтеній и т. п. Такое положеніе дѣлъ, разъ что оно продолжается цѣлую четверть вѣка, крайне ненормально. Ненормаленъ, далѣе, и самый размѣръ пособій, въ большинствѣ случаевъ очень невысокій, именно вслѣдствіе недостаточности средствъ, которыми располагаетъ общество. Такъ, напримѣръ, изъ числа семидесяти шести пособій, выданныхъ въ 1883 г., только *двадцать одно* было назначено въ суммѣ болѣе ста, *двѣнадцать*—въ суммѣ ста рублей; всѣ остальныя составляли отъ 25 до 75 рублей. Бѣдность въ литературной средѣ распространена столь сильно, что и такія пособія далеко не лишены значенія; но само собою разумѣется, что они почти никого не могутъ вывести изъ бѣды, поставить на ноги. Цѣль общества достигается, такимъ образомъ, далеко не вполнѣ, дѣятельность его парализуется на каждомъ шагу опасеніемъ выйти изъ тѣсныхъ рамокъ, установляемыхъ его бюджетомъ. Въ случаѣ надобности, комитетъ не отступаетъ даже передъ заимствованіями изъ капитала; но широко пользоваться этимъ средствомъ онъ, очевидно, не можетъ, потому что рисковалъ бы иначе подорвать единственное обезпеченіе исправнаго платежа пенсій. Замѣтимъ кстати, что высшій размѣръ пенсій, производимыхъ фондомъ — 300 рублей въ годъ. Двадцать пять лѣтъ тому назадъ эта сумма не могла считаться совершенно ничтожной—но теперь она не гарантируетъ даже противъ крайней нужды, если у пенсіонера есть семейство.

Чѣмъ же объяснить медленный ростъ общества литературнаго фонда? Просматривая его исторію, мы видимъ, что оно испытывало кризисы, подвергалось разнообразнымъ нападеніямъ, нѣсколько разъ казалось близкимъ къ рѣшительному упадку. Повредило ему, въ

[1]) Былъ, однако, одинъ годъ (1877-й), когда комитетъ напрасно ожидалъ полученія этой послѣдней субсидіи.

началѣ шестидесятыхъ годовъ, учрежденіе при немъ отдѣленія для пособія молодымъ людямъ, учащимся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ; отдѣленіе это существовало недолго, но возбудило подозрѣнія и нареканія, повлекшія за собою, въ свою очередь, уменьшеніе числа членовъ общества. Отражались на немъ, далѣе, всѣ тяжелыя эпохи, пережитыя Россіей—1866-й годъ, время восточной войны, время внутренней смуты. Характеристично, съ этой точки зрѣнія, заявленіе одного просителя, которому было отказано въ выдачѣ пособія. Иронически благодаря комитетъ за присылку увѣдомленія объ отказѣ, онъ доводилъ до его свѣденія, что это увѣдомленіе „послужитъ необходимымъ приложеніемъ къ всеподданнѣйшей его просьбѣ о выдачѣ ему, изъ отпускаемыхъ обществу кабинетомъ Е. И. В. 1,000 рублей, суммы, необходимой на изданіе его сочиненій, и яснымъ доказательствомъ причины застоя литературы полезной и ученой". Комитетъ, такимъ образомъ, признавался отвѣтственнымъ за застой *полезной* литературы—а въ какомъ смыслѣ здѣсь было употреблено слово: *полезная*, объ этомъ догадаться нетрудно, особенно если припомнить, что дѣло происходило въ 1866 г. Инсинуаціи, а, можетъ быть, и болѣе прямыя обвиненія, не навлекали на общество административныхъ невзгодъ, но отдаляли отъ него черезчуръ осторожныхъ людей, приходящихъ въ ужасъ отъ одного слова: неблагонадежность. Нѣчто подобное совершается и теперь, на нашихъ глазахъ; еще недавно намъ пришлось прочесть, что помощь фонда выпадаетъ преимущественно на долю людей, находящихся „въ мѣстахъ отдаленныхъ или не столь отдаленныхъ". Другой ходячей тэмой нападеній противъ общества была и продолжаетъ быть его тенденціозность, выражающаяся будто бы съ одной стороны въ раздачѣ пособій, съ другой—въ выборѣ членовъ комитета. Доказать, что пособія доставались и достаются членамъ самыхъ различныхъ, самыхъ противоположныхъ литературныхъ группъ, можно было бы, къ сожалѣнію, только путемъ раскрытія тайны, окружающей дѣятельность фонда; но чтобы убѣдиться въ неосновательности второго упрека, стоитъ только раскрыть послѣднюю страницу лѣтописи, на которой напечатаны имена всѣхъ членовъ комитета. Самое число этихъ именъ—55—удостовѣряетъ, что управленіе дѣлами общества не остается постоянно въ рукахъ одного небольшого кружка, одной литературной партіи. Далеко не всѣ лица, входившія въ составъ комитета, могутъ быть даже названы литераторами въ тѣсномъ смыслѣ слова; для многихъ изъ нихъ главнымъ занятіемъ была государственная служба, другіе посвящали бóльшую часть своей дѣятельности академіи наукъ или университету. Нѣтъ такого „толстаго" петербургскаго журнала, такой большой петербургской газеты, кото-

рые не имѣли бы своихъ представителей въ комитетѣ—если только редакторы и сотрудники ихъ не уклонялись систематически отъ всякаго участія въ обществѣ. Уже въ первомъ комитетѣ, избранномъ въ 1859 г. изъ числа учредителей общества, сидѣли одинъ возлѣ другого редакторы трехъ журналовъ, ожесточенно споривших между собою („Отечественныхъ Записокъ", „Современника", „Библіотеки для чтенія"); такой составъ комитета сдѣлался традиціей, которой до сихъ поръ остается вѣрнымъ общество литературнаго фонда. Не его вина, что къ нему не примыкаютъ нѣкоторыя группы, что въ его средѣ вовсе, если мы не ошибаемся, не представлены реакціонные или ультра-консервативные органы петербургской и московской прессы. Просмотрите списокъ членовъ общества—вы встрѣтите въ немъ очень мало именъ, принадлежащихъ славянофильскому направленію; а между тѣмъ, членами комитета представители этого направленія бывали неоднократно. Предположимъ, наконецъ, что составъ и дѣятельность комитета не были, до сихъ поръ, свободны отъ односторонности; кто же мѣшаетъ позаботиться объ устраненіи этого недостатка? Вмѣсто того, чтобы безплодно и злобно ворчать, не лучше ли поступить въ члены общества, усердно посѣщать его собранія, открыто агитировать противъ комитета, стремиться—какъ это допускаетъ уставъ—къ радикальному, одновременному измѣненію его состава? Если содѣйствіе цѣлямъ фонда составляетъ, какъ мы старались доказать, нравственную обязанность всякаго читателя, то оно тѣмъ болѣе обязательно для всякаго писателя, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока литературный фондъ у насъ только одинъ, пока его средства служатъ единственнымъ источникомъ для пособія пишущей братіи, къ какому бы литературному оттѣнку она ни принадлежала.

Лучшая форма содѣйствія фонду—это, безъ сомнѣнія, вступленіе въ его члены; но рядомъ съ нею существуютъ и другія. Весьма можетъ быть, что многихъ останавливаютъ формальности, сопряженныя съ запиской въ члены общества, пугаетъ мысль объ обязательныхъ платежахъ, объ исключеніи, въ случаѣ неисправнаго ихъ взноса, изъ списка членовъ общества. На самомъ дѣлѣ, формальности при вступленіи весьма просты — стоитъ только заявить о своемъ желаніи одному изъ членовъ комитета, адресы которыхъ отъ времени до времени публикуются въ газетахъ; опасность исключенія вовсе не велика, такъ какъ комитетъ только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ пользуется правомъ, предоставленнымъ ему § 19 устава [1]). Какъ бы то

---

[1]) На основаніи этого параграфа членъ общества, два года сряду не сдѣлавшій взноса, считается выбывшимъ изъ общества.

ни было, нежеланіе принимать на себя опредѣленныя, постоянныя обязательства является фактомъ, съ которымъ слѣдуетъ считаться. Для всѣхъ тѣхъ, кого оно удерживаетъ отъ вступленія въ члены фонда, открытъ другой путь—путь единовременныхъ пожертвованій, ни къ чему не обязывающихъ и ничего не предрѣшающихъ. Еслибы каждый подписчикъ на газеты и журналы прибавлялъ ежедневно къ издержкамъ подписки небольшую сумму въ пользу фонда, незначительность каждаго отдѣльнаго взноса уравновѣшивалась бы ихъ массой, и въ распоряженіи фонда скоро оказались бы суммы, необходимыя для достиженія всѣхъ его цѣлей. Тогда комитету незачѣмъ было бы ждать заявленій отъ нуждающихся писателей; онъ самъ могъ бы идти имъ на встрѣчу, предупреждая такія бѣдствія, какими была переполнена, напримѣръ, жизнь Достоевскаго. Въ кругъ дѣйствій комитета могла бы быть включена тогда и та задача, для исполненія которой у него никогда еще не хватало средствъ—изданіе на счетъ фонда литературныхъ и ученыхъ трудовъ, остающихся теперь въ портфеляхъ авторовъ или попадающихъ за безцѣнокъ въ руки издателей-спекулянтовъ.

Своевременно ли, однако, мы завели рѣчь о необходимости помогать литературному фонду? Не слѣдуетъ ли признать, что его судьба неразрывно связана съ судьбой литературы, что упадокъ послѣдней не можетъ не отражаться и на первомъ, и что для обоихъ наступилъ теперь именно періодъ упадка? Прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо опредѣлить точнѣе, что такое упадокъ литературы. Онъ можетъ зависѣть отъ двухъ причинъ: внѣшнихъ и внутреннихъ. Послѣдствіемъ первыхъ бываетъ уменьшеніе числа литературныхъ органовъ, вынужденное молчаніе однихъ писателей, удвоенная сдержанность другихъ, выражающаяся какъ въ выборѣ тэмъ, такъ и въ способѣ ихъ обсужденія. Все это, вмѣстѣ взятое, приводитъ къ возрастанію матеріальной нужды въ литературномъ мірѣ, къ увеличенію числа лицъ, остающихся безъ работы или пріискивающихъ ее съ большимъ трудомъ. Отсюда, въ свою очередь, усиленная потребность въ помощи, въ временной поддержкѣ. Отворачиваться, въ такое время, отъ литературнаго фонда, значитъ идти прямо на перекоръ его призванію, его основной мысли, значитъ забывать услуги, оказанныя литературой въ другія, болѣе счастливыя для нея, минуты. Внутреннія причины упадка литературы — оскудѣніе талантовъ, отвлеченіе ихъ въ другія стороны, появленіе въ обществѣ новыхъ интересовъ, далекихъ отъ литературы, новыхъ взглядовъ, не предусмотрѣнныхъ и не усвоенныхъ ею—могутъ поколебать значеніе литера-

туры въ настоящемъ, но не въ прошедшемъ; а между ветеранами и инвалидами литературнаго труда прошедшее всегда имѣетъ больше представителей, чѣмъ настоящее. Упадокъ литературы, происходящій отъ внутреннихъ причинъ—понятіе, во всякомъ случаѣ, относительное; онъ никогда не доходитъ до совершеннаго ничтожества, литература никогда не измѣняетъ вполнѣ своему назначенію. Попробуйте представить себѣ современное общество вовсе безъ литературы — и вы поймете всю важность, всю незамѣнимость ея роли. Въ литературѣ могутъ существовать, даже господствовать, нежелательныя, несимпатичныя теченія, но она ни въ какомъ случаѣ не подчиняется имъ вполнѣ, не приводится ими къ одному общему знаменателю. Сквозь наносные слои всегда пробивается свѣтлая струя, рядомъ съ отживающими формами всегда слагаются другія, имѣющія будущность и служащія залогомъ обновленія. Для насъ немыслимъ, поэтому, такой моментъ, когда образованный человѣкъ, сознающій свою связь съ духовнымъ развитіемъ своей страны, могъ бы сказать, съ спокойной совѣстью: литература для меня болѣе не существуетъ, я ничѣмъ ей не обязанъ, или она сама сняла съ меня мои обязательства передъ нею. Нѣтъ, этихъ обязательствъ никто и ничто съ насъ снять не можетъ; мы приняли ихъ по наслѣдству отъ нашихъ предковъ, увеличили ихъ сумму въ дѣтствѣ, на школьной скамьѣ, и увеличиваемъ ее ежедневно, пока въ насъ живетъ интересъ къ движенію человѣческой мысли.

Экономическіе кризисы поражаютъ обыкновенно съ особенною силой тѣ отрасли промышленности, которыя получили передъ тѣмъ наиболѣе широкое развитіе. Нѣчто подобное мы видимъ и въ кризисахъ литературныхъ; больше всего отъ нихъ страдаетъ періодическая пресса, особенно тамъ, гдѣ она рѣшительно преобладаетъ надъ книгой. Критическимъ по преимуществу ея положеніе становится тогда, когда къ ограниченію ея, идущему извнѣ, присоединяется въ ея собственной средѣ проповѣдь *самоограниченія*. Лѣтъ пятнадцать тому назадъ первые признаки такой проповѣди навлекли на себя громы сатиры, преслѣдовавшей на всѣ лады знаменитый принципъ: „Наше время—не время широкихъ задачъ". Въ этомъ преслѣдованіи была большая доля увлеченія; принципъ, противъ котораго ратовала сатира, былъ не столько поставленъ печатью, сколько выведенъ изъ ея недомолвокъ и оговорокъ. Теперь времена перемѣнились; призывъ свернуть знамя, спрятать его въ футляръ до наступленія болѣе благопріятной погоды, раздается съ разныхъ сторонъ и звучитъ гораздо опредѣленнѣе, гораздо откровеннѣе, чѣмъ прежде. Высказывается даже и такая мысль, что можно обойтись вовсе безъ знамени. Новая журналистика ставитъ, наконецъ, вопросъ такъ, какъ

будто бы предстоитъ выборъ между „политикой и культурой"—и вѣсы наклоняются, конечно, на сторону культуры. Ничего подобнаго, сколько мы припомнимъ, не предлагалось въ самые тяжелые моменты двухъ послѣднихъ десятилѣтій. Политическій элементъ, долго проникавшій въ періодическую печать только подъ маской, въ видѣ контрабанды, получилъ у насъ право гражданства, благодаря закону 6 апрѣля 1865 г. Размѣръ этого права подвергался частымъ и сильнымъ колебаніямъ, далеко не одинаковъ былъ и способъ пользованія имъ—но о добровольномъ отреченіи отъ него не было и рѣчи. Такъ ли слаба, притомъ, связь между политикой и культурой, что бы можно было заниматься исключительно послѣднею, не думая о первой? Экскурсія изъ одной области въ другую были неизбѣжны даже тогда, когда политическіе вопросы находились подъ запретомъ; мысль невольно вращалась около нихъ и затрогивала ихъ то здѣсь, то тамъ, находя тысячи путей для обхода демаркаціонной черты, какъ бы тщательна ни была ея охрана. Дѣло сводилось, собственно говоря, къ пріисканію формы, достаточно осторожной и вмѣстѣ съ тѣмъ достаточно прозрачной — и кто же не знаетъ, какъ легко подобные поиски приводили къ желанной цѣли? Къ этому ли порядку хотятъ возвратить насъ новѣйшіе журналисты теперь? Но вѣдь возможность открытаго, прямого выраженія мысли утрачена еще не вполнѣ—а насколько оно возможно, настолько же и обязательно. Или, можетъ быть, имѣется въ виду чистосердечное, добросовѣстное игнорированіе всѣхъ сюжетовъ смѣшаннаго свойства, въ которыхъ изъ-за культуры виднѣется политика? Это значило бы отодвинуться назадъ за ту линію, на которой стояла русская періодическая печать чуть не пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Можно утверждать, что современная пресса не обращаетъ достаточнаго вниманія на тѣ или другія стороны культуры; можно желать, чтобы она раздвинула свои рамки, включила въ свой кругозоръ все совершающееся въ наукѣ, въ искусствѣ, въ общественной жизни—это мы понимаемъ; но отсюда еще не вытекаетъ veto на политическія темы —veto, которое можетъ быть положено на печать только внѣшнею силой. Вопросу: *политика или культура?* печать, помнящая свое назначеніе, должна противопоставлять, пока это для нея возможно, отвѣтъ: *и политика, и культура*.

И въ самомъ дѣлѣ, разъединить политику и культуру—это все равно, что разъединить средство и цѣли. Въ область культуры входитъ все поднимающее уровень благосостоянія и развитія, все способствующее росту народныхъ силъ, матеріальныхъ и духовныхъ. Къ числу условій этого роста принадлежитъ, прежде всего, государственный строй, не только охраняющій мирную работу народа надъ самимъ собою, но и опредѣляющій, въ большей или меньшей степени, ея направленіе и содержаніе. Отъ такъ называемой политики

зависитъ, на каждомъ шагу, прогрессъ или регрессъ культуры, ея
распространеніе или ограниченіе. Не много найдется мѣръ, больше
сдѣлавшихъ для русской культуры, чѣмъ освобожденіе крестьянъ—
а это была мѣра преимущественно политическаго свойства. Какой
стороны культуры мы бы ни коснулись, встрѣча съ политикой везд
представляется неизбѣжной. Она даетъ себя чувствовать, прямо и
косвенно, даже въ такихъ, повидимому, отдаленныхъ отъ нея с
рахъ, какъ живопись, музыка, театръ, фабричная промышленно
Въ стремленіи къ культурнымъ цѣлямъ важно не только то,
имѣется въ виду, но и то, *какъ* оно достигается. Съ этой по
ней точки зрѣнія вліяніе политики становится особенно очеви
есть способы дѣйствій, возможность которыхъ, въ данную
она совершенно устраняетъ, есть другіе, которые она дѣла
зательными. Призывъ къ изученію *одной* культуры можно
съ такимъ пріемомъ въ сферѣ естествознанія, который бы
растеніе или животное отъ его природной среды, разсма
его внѣ пространства, какъ нѣчто зависящее только
себя. Далеко ли ушла бы наука при господствѣ подоб

Одновременно съ толками о добровольномъ упразднен
печати, на сцену выдвинулся другой вопросъ — объ уп
называемаго *толстаго* журнала, по крайней мѣрѣ, въ т
комъ онъ существовалъ и до сихъ поръ существуетъ.
журналъ, говорятъ намъ, сдѣлалъ свое дѣло, и сд
тельно, особенно въ сороковыхъ и шестидесяты
знаніе его прошедшихъ заслугъ не мѣшаетъ ви
уже проходитъ. „Русская мысль окрѣпла и не
особенно заботливомъ обереганіи. Русскій чи
росъ и считается уже сотнями тысячъ. Онъ в
и сдѣлался взрослымъ. Вслѣдствіе этого, тре
другія, и если русскій традиціонный журна
тельную здоровую пищу, то форма, въ кот
носится, уже не отвѣчаетъ ни его вкусам
Если мы попробуемъ возразить противъ
ли намъ читатели: „vous êtes orfèvre, mo
нѣтъ, потому что рѣчь идетъ не объ одно
журналѣ, а о всѣхъ,—не о томъ, выпо
ніе, а о томъ, *могутъ ли они выполнит*
нѣкоторую неясность въ самой пост
ложенія, что *время русскаго толсто*
статьи, о которой мы говоримъ, з
рѣлость *формы*, въ которую обле
нала. Это, очевидно, не одно и
гихъ измѣненій въ формѣ журна

нальнымъ матеріаломъ—и все-таки находить, что время для журналовъ еще не прошло и не проходитъ, что они не исполнили еще своей задачи. Насъ интересуетъ, поэтому, только исходная точка автора. Итакъ, толстый журналъ—это нѣчто соотвѣтствующее одному лишь юношескому періоду общества и литературы? Разъ что „мысль окрѣпла", разъ что „читатель воспитался", толстый журналъ становится излишнимъ? Но какъ же объяснить, въ такомъ случаѣ, процвѣтаніе его въ Англіи, гдѣ всѣ эти условія осуществлены, безъ сомнѣнія, въ гораздо бо̀льшей мѣрѣ, чѣмъ у насъ? Журнальная литература въ Англіи постоянно растетъ. Лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ она вся состояла только изъ двухъ органовъ, по числу тогдашнихъ партій (Quarterly Review, органъ тори, и Edinburgh Review, органъ виговъ); появленіе на сцену третьей, радикальной партіи повлекло за собою основаніе третьяго большого обозрѣнія—Westminster Review, а затѣмъ, уже на нашихъ глазахъ, возникли такія вліятельныя и распространенныя изданія, какъ „Contemporary Review", „Fortnightly Review", „Nineteenth Century". Въ Германіи журнальная литература также идетъ скорѣе впередъ, чѣмъ клонится къ упадку; „Nord und Süd", „Gegenwart", „Westermann's Monatshefte", „Deutsche Rundschau", „Das neue Reich" — все это порожденія новѣйшаго времени. Во Франціи журналы не играли и не играютъ большой роли; прочно основаться удалось только одной „Revue des deux Mondes"—но это объясняется не политическою зрѣлостью французскаго общества, а особенностями французской натуры, давно уже способствовавшими громадному развитію ежедневной, газетной прессы. Примѣръ Германіи и Англіи вполнѣ достаточенъ, чтобы доказать, что призваніе журнала не исчерпывается „особенно заботливымъ обереганіемъ" только-что возникающей общественной мысли, что потребность въ журналахъ могутъ чувствовать и „взрослые, воспитанные, образованные читатели". Или, можетъ быть, англійскіе и нѣмецкіе журналы существенно отличаются отъ русскихъ по способу веденія дѣла, по содержанію, по формѣ? Различіе, конечно, есть, но не коренное. Если срокъ изданія у насъ бо̀льшею частью мѣсячный, а въ Англіи—двухнедѣльный или трехмѣсячный, то это не имѣетъ большого значенія; трехмѣсячное изданіе все же сохраняетъ характеръ журнальный, а не книжный; двухнедѣльное изданіе все же преслѣдуетъ другія цѣли, чѣмъ газета. Беллетристика нигдѣ не играетъ такой роли, какъ въ нашихъ журналахъ — но это вопросъ количества, а не качества; романы или повѣсти появляются и въ нѣмецкихъ журналахъ, и въ французскихъ, и даже въ англійскихъ. Главныя черты журналовъ вездѣ болѣе или менѣе однѣ и тѣ же. Оставаясь вѣрными первоначальному англійскому названію (review), они служатъ прежде всего *обозрѣніемъ* современной жизни,

стремящимся не къ безусловной полнотѣ, не къ немедленному оглашенію и комментированію каждаго совершившагося факта—это задача газетъ, — а къ освѣщенію цѣлой полосы, къ группировкѣ цѣлаго ряда явленій. Они даютъ мѣсто, затѣмъ, такимъ трудамъ, которые, не достигая въ большинствѣ случаевъ размѣровъ книги, составляютъ, однако, законченное цѣлое. Разбить подобный трудъ на множество газетныхъ статей, значило бы уничтожить его цѣльность, ослабить производимое имъ впечатлѣніе, измѣнить самый его характеръ, потому что требованія отъ газеты, по справедливости, другія, чѣмъ отъ журнала: въ первой все разсчитано на быстрое, ничѣмъ незатрудняемое чтеніе, послѣдній вправѣ ожидать отъ своихъ читателей бо̀льшаго вниманія и бо̀льшей сосредоточенности. Кто-то сказалъ, что журналъ—это сборникъ небольшихъ брошюръ, переплетенныхъ въ одну большую книгу. Такое опредѣленіе не лишено основанія—но не повторяется ли здѣсь нѣчто въ родѣ старой басни о прутьяхъ, легко ломающихся по одиночкѣ, но вмѣстѣ обладающихъ большою силою сопротивленія? Брошюры, за рѣдкими исключеніями, никогда не найдутъ для себя обширнаго и—главное—постояннаго круга читателей; его обезпечиваетъ за ними лишь соединеніе ихъ въ видѣ журнала. Само собою разумѣется, что для прочности соединенія необходима связь не только внѣшняя, но и внутренняя; отсюда значеніе, всегда и вездѣ принадлежавшее и принадлежащее *направленію* журнала. Во всѣхъ особенностяхъ журнала, только-что перечисленныхъ нами, нѣтъ ничего эфемернаго, скоропреходящаго. Измѣняться могутъ требованія, предъявляемыя къ *журналамъ*, но требованіе *на журналы* остается въ силѣ, и трудно представить себѣ, *покамѣстъ*, такую комбинацію условій, при которой оно могло бы до крайности ослабѣть или вовсе исчезнуть. Журналъ — не только *способъ воспитанія* общественной мысли; это *способъ выраженія* ея, нелегко замѣнимый. Въ западной Европѣ существуетъ множество другихъ путей къ достиженію той же цѣли, и все-таки издаются, читаются, размножаются журналы; у насъ общественное мнѣніе говоритъ почти исключительно устами печати — а насъ хотятъ увѣрить, что одна изъ основныхъ ея формъ сдѣлала свое дѣло, отжила свое время! Эта странная мысль не доведена, къ счастію, до своего логическаго конца; вслѣдъ за общей формулой: „время толстаго журнала проходитъ“ мы встрѣчаемъ, въ той же газетной статьѣ, привѣтъ одному изъ вновь основанныхъ толстыхъ журналовъ. Заключеніе оказывается болѣе вѣрнымъ, чѣмъ посылка—и это примиряетъ насъ съ противорѣчіемъ между ними. Минувшій годъ былъ особенно неблагопріятенъ для русскихъ журналовъ; изъ небольшой ихъ группы исчезли два изданія, имѣвшія за собою и давность, и значительный кругъ читателей. Пускай же

основываются новые журналы, пускай расширяются рамки, дополняется программа существующихъ; но всего этого можно достигнуть безъ отступленія отъ тѣхъ традицій, которыя составили силу русскаго „толстаго“ журнала, сдѣлали его однимъ изъ двигателей нашего общественнаго развитія. Пусть однако при этомъ новые журналы не объявляютъ этихъ традицій „шаблонами“, и пусть они не возвѣщаютъ торжественно о необходимости для нашей журналистики развязаться наконецъ съ тѣми стѣсненіями, какія она до сихъ поръ налагала на себя во имя нравственности; а между тѣмъ, въ новой толстой журналистикѣ сдѣлано, по адрессу старыхъ „толстыхъ“ журналовъ, слѣдующее обращеніе: „Очевидно, что русская журналистика должна стряхнуть съ себя шаблоны *и отрѣшиться отъ тѣхъ нравственныхъ путъ*, которыми она сама же себя опутала, съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго примѣненія“. Подобное, проповѣдуемое наконецъ вслухъ, „отрѣшеніе отъ нравственныхъ путъ“ возможно развѣ для литературы, вступившей въ область Содома и Гоморры. Пусть новые люди, отрѣшившись отъ нравственныхъ путъ, примѣняютъ свое усердіе къ достиженію своихъ цѣлей,—но мы не посовѣтуемъ прежней толстой журналистикѣ ни стряхивать съ себя „шаблоновъ“, ни отрѣшаться отъ „нравственныхъ путъ“.

ПОПРАВКИ.

— Въ ноябрьской книжкѣ, въ воспоминаніяхъ В. Н. Житовой о семьѣ И. С. Тургенева, 108 стран. 6 строк. св., по ошибкѣ, напечатано: *Карташевъ*, вмѣсто: Кудряшовъ.

— Въ той же книжкѣ журнала, въ статьѣ: „Пестрыя письма“, Н. Щедрина, стр. 319, строк. 8 св., вслѣдствіе пропуска нѣсколькихъ словъ, напечатано: „По моему мнѣнію, стыдъ есть вывороченная на изнанку наглость“ и т. д. Это мѣсто слѣдуетъ читать такъ: „Предложите этотъ вопросъ любому прихвостню современности, и онъ, не обинуясь, отвѣтитъ: по моему мнѣнію, стыдъ“, и т. д.

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

МАТЕРІАЛЫ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

въ 1884 году.

Въ 1884-мъ году экземпляры «Вѣстника Европы» распредѣлялись слѣдующимъ образомъ по мѣсту подписки:

I. Въ губерніяхъ:

		экз.			экз.			экз.
1.	Херсонск. .	238	23.	Рязанская .	54	45.	Гродненская	34
2.	Кіевская. .	213	24.	Владимірск.	53	46.	Симбирская.	33
3.	Екатеринос.	159	25.	Новгородск.	53	47.	Астраханск.	31
4.	Харьковск..	140	26.	Нижегород.	52	48.	Уфимская .	31
5.	Полтавская.	106	27.	Волынская .	51	49.	Витебская .	30
6.	Таврическ..	101	28.	Оренбургск.	48	50.	Кутаисская.	29
7.	Тифлисская.	100	29.	Виленская .	46	51.	Лифляндск.	27
8.	Варшавск. .	96	30.	Минская. .	44	52.	Бакинская .	26
9.	Подольская.	93	31.	Сыръ-Д. об.	44	53.	Забайк. об.	26
10.	Пермская. .	86	32.	Терская об.	44	54.	Томская . .	25
11.	Черниговск.	83	33.	Обл. В. Дон.	42	55.	Вологодская	23
12.	Бессарабск.	80	34.	Псковская .	41	56.	Примор. об.	23
13.	Казанская .	80	35.	Тверская. .	41	57.	Акмол. об.	22
14.	Тамбовская.	79	36.	Костромская	40	58.	Люблинская	22
15.	Саратовск. .	77	37.	Пензенская.	38	59.	Олонецкая .	20
16.	С.-Петерб. .	75	38.	Калужская .	37	60.	Петроковск.	20
17.	Воронежск..	70	39.	Московская.	37	61.	Карская. об.	19
18.	Орловская .	69	40.	Самарская .	37	62.	Могилевск..	19
19.	Смоленская.	67	41.	Ярославская	37	63.	Сувалкская.	19
20.	Курская . .	66	42.	Кубанск. об.	36	64.	Ставропол. .	18
21.	Иркутская .	62	43.	Ковенская .	35	65.	Амурск. об.	17
22.	Тульская. .	55	44.	Вятская .	34	66.	Архангельс.	17

67.	Дагест. обл.	17	77.	Калишская .	12	87.	Плоцкая . .	8
68.	Елисаветпол.	17	78.	Курляндск.	12	88.	Якутск. об.	8
69.	Енисейская .	17	79.	Сѣдлецкая .	12	89.	Черном. ок.	6
70.	Радомская .	17	80.	Эстляндская	12	90.	Батумская .	5
71.	Тобольская .	17	81.	Заравш. окр.	10	91.	Сухумск. ок.	2
72.	Ферганская .	17	82.	Кѣлецкая. .	10	92.	Закат. окр.	1
73.	Нюландская	16	83.	Семипал. об.	9	93.	С.-Михельск.	1
74.	Семирѣченс.	15	84.	Уральск. об.	9	94.	Тургайск. об.	1
75.	Эриванская .	15	85.	Выборгская.	8			
76.	Ломжинская.	14	86.	Закасп. об.	8			3966

II. Въ С.-Петербургѣ. 1105

III. Въ Москвѣ 426

IV. За границей 144

Всего: экз. 5641

А. Хомиховскій

Управл. конторою.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

АВТОРОВЪ И СТАТЕЙ,

ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ «ВѢСТНИКѢ ЕВРОПЫ»

въ 1884 году.

Хроника.

I. Внутреннее Обозрѣніе.—„Политическіе будни", какъ девизъ минувшаго года.—Движеніе въ экономической сферѣ. — Полемика о государственномъ соціализмѣ; отношеніе ея къ старому вопросу о либеральной партіи.—Наша консервативная печать.—Ученыя общества о вопросахъ дня.— Исполненіе росписи 1882 г. —Министерство финансовъ и его противники.—Судебная развязка кукуевской катастрофы (*Январь*, *365*).—Московское дворянское собраніе.—Затишье или регрессъ? — Государственная роспись на 1884 годъ: цифры ожидаемыхъ доходовъ; обѣщаемое упорядоченіе сверхсмѣтныхъ расходовъ; предположенія относительно ближайшаго будущаго. — Вопросъ о способѣ погашенія восточныхъ займовъ и о сбереженіяхъ изъ остатковъ отъ ассигновокъ по системѣ государственнаго кредита.—Смѣта города Петербурга.—Проектируемое ограниченіе крестьянскихъ семейныхъ раздѣловъ.—Первые шаги крестьянскаго поземельнаго банка (*Февраль*, *784*).—Мелкіе починки въ земскомъ Положеніи, и крупныя земскія неурядицы.— Земская избирательная система, какъ главный ихъ источникъ.—Сословное прожектёрство, и его судьба. — Петербургское дворянское собраніе. — Сессіи губернскихъ земскихъ собраній.—Новѣйшія законодательныя мѣры.—М. Е. Ковалевскій † (*Мартъ*, *327*).—Предостереженіе, данное предсѣдателямъ общественныхъ собраній.—Временныя правила о публичныхъ библіотекахъ и кабинетахъ для чтенія.—Новый фазисъ полемики о судѣ присяжныхъ. — Заключеніе оберъ-прокурора по дѣлу Мельницкихъ въ сенатѣ.— Проектъ новыхъ правилъ о питейной торговлѣ. — С.-Петербургское юридическое общество (*Апрѣль*, *775*).—Газетные слухи о новой почтовой таксѣ для русскихъ періодическихъ изданій.—Настоящее положеніе школы грамотности.—Отношеніе ея къ нормальной земской школѣ. — Необходимость всесторонняго ея изслѣдованія. — Мировой судъ въ Петербургѣ (*Май*, *357*). — Совершеннолѣтіе Государя Наслѣдника.—Правительственное сообщеніе о ходѣ занятій Кахановской коммиссіи. — Вопросъ о совмѣстительствѣ государственной службы съ веденіемъ дѣлъ частныхъ обществъ.—Первый отчетъ крестьянскаго поземельнаго банка (*Іюнь*, *770*).—Училищные совѣты и отношеніе ихъ къ учебному вѣдомству. —Уголовная статистика за 1879 г.; отношеніе оправдательныхъ приговоровъ къ обвинительнымъ; зависимость преступности отъ возраста, степени образованія, времени и мѣста; число лицъ, подвергнутыхъ предварительному аресту. — Новая редакція нѣкоторыхъ постановленій о раскольникахъ (*Іюль*, *357*).—Новыя законодательныя мѣры.—Законъ о присяжныхъ засѣдателяхъ. — Упраздненіе коммиссіи прошеній. — Разъясненія сената относительно земскихъ ходатайствъ и выборовъ. — Измѣненіе наказанія за растрату. — Судьбы проекта о промысловомъ подоходномъ налогѣ.—Еще о „совмѣстительствѣ". — Графъ Э. И. Тотлебенъ † (*Августъ*, *774*).—Правила о церковно-приходскихъ школахъ; способъ изданія ихъ.—Обособленіе церковно-приходской школы; организація ея, срокъ и программа ея учебнаго курса, отношеніе ея къ крестьянской школѣ грамотности, вѣроятные ея результаты.—Списокъ запрещенныхъ книгъ.— Признаки времени (*Сентябрь*, *363*). — Новый университетскій уставъ и главныя его особенности.—Ожидаемыя дополненія къ нему.—Газетный обвинительный актъ противъ устава 1863 г.—Еще о церковно-приходской школѣ.—Полезныя нововведенія въ желѣзно-дорожной политикѣ.— Отвѣтъ экономисту „Руси" (*Октябрь*, *807*).—Возобновленіе засѣданій Кахановской коммиссіи.—Предположенія ея относительно сельскаго общества и волости. —Отчетъ фабричнаго инспектора московскаго округа.—Необходимость дальнѣйшаго развитія фабричнаго законодательства.—Нападенія на крестьянскій поземельный банкъ. — Отчеты департамента неокладныхъ сборовъ и оберъ-прокурора св. синода (*Ноябрь*, *363*).—Новый шагъ впередъ въ пересмотрѣ нашихъ уголовныхъ законовъ.—Проектъ постановленій о лишеніи жизни, тѣлесныхъ поврежденіяхъ и поединкахъ. — Необходимость ускорить изданіе уголовнаго кодекса.— Рѣчь г. министра юстиціи въ Москвѣ (*Декабрь*, *846*).

тревскаго.—Очерки Крыма, Евг. Маркова. —А. Н. — Шекспиръ, въ перев. А. Л, Соколовскаго: Гамлетъ.—К. К.—*Январь*, *415*). — Основаніе философіи, П. Милославскаго. — Л. Галенбаха: Индивидуализмъ въ свѣтѣ біологіи, перев. съ нѣм., съ предисл. В. Соловьева.—К. Головина: Наше мѣстное управленіе и наше представительство.—С. А. Приклонскій: Народная жизнь на сѣверѣ.—А. Малышинскій: Народное благосостояніе по демографическимъ даннымъ.—Г. М. Герценштейнъ: Страница изъ исторіи медицинскаго образованія въ Россіи. — Д. М. Львовъ: Налогъ съ наслѣдства, по современному ученію финансовой науки.—Л. Владиміровъ: Ученіе объ уголовныхъ доказательствахъ. — Л. Н. Нисселовичъ: Исторія заводско-фабричнаго законодательства россійской имперіи.—Д. Сентсбери: Краткая исторія французской литературы. — Письмо въ редакцію по поводу книги „Жизнь европейскихъ народовъ", Е. Водовозовой (*Февраль*, *884*).— Сочиненія кн. П. А. Вяземскаго, т. IX.— Сочиненія Козьмы Пруткова.—Географическій словарь, Як. Головацкаго,—А. Н. —О плебисцитѣ въ международномъ правѣ, Л. Лодыженскаго.—О происхожденіи и сущности вѣчно - чиншевого права, Л. В Гантовера, в. I. — Л. С. — Описаніе славяно-русскихъ книгъ, И. Каратаева. — М. П-ій. — Понятіе о власти и народѣ въ наказахъ 1789 г., В. Герье.— В. Александровъ, Задача и организація школьнаго дѣла въ уѣздѣ, кн. III.—Отчетъ о первомъ съѣздѣ учительницъ въ Твери, Д. Тихоміровa.—К. К. (*Мартъ*, *386*).— Основаніе классификаціи государствъ, Н. Звѣрева.—Теорія денежнаго обращенія, Н. Н. Коссовскаго.—Л. С.—Живописная Россія, пер. П. П. Семенова, т. XI.— Очеркъ изъ исторіи Тамбовскаго края, И. Н. Дубасова. — Похвала глупости, Эразма Роттердамскаго, перев. А. Кирпичникова. — А. Н. (*Апрѣль*, *847*). — А. Д. Ушинскій, О причинахъ появленія раціоналистическихъ ученій штунды.— В. С. Пругавинъ, Сельская община и т. д., юрьевскаго у., владимірской губерніи. —Статистическій Ежегодникъ С.-Петербурга на 1882 г. — К. К.—А. И. Кельсіевъ, Записка объ основаніяхъ дѣятельности и проектъ устава истор.-этнограф. музея въ Ростовѣ. — Н. Гиббенетъ, Историческое изслѣдованіе дѣла патр. Никона. — А. Н. (*Май*, *397*). — Изслѣдованіе народной жизни, вып. 1-ый, А. Ефименко. — Цѣнность жизни, изслѣд. П. В. Мокіевскаго.—О научномъ значеніи пессимизма и оптимизма, пр. Н. Е. Грота.—Психологія великихъ людей, Г. Жоли, пер. съ франц.—Т. Рибо: 1) Наслѣдственность душевныхъ свойствъ; 2) Болѣзни воли, перев. съ франц.—Л. С.— Шабельская А., Наброски карандашемъ. — Повѣсти, разсказы, И. А. Салова. — Д. Голохвастовъ: Письма изъ деревни.— Д. Дараганъ: Мысли сельскаго хозяина по разнымъ земскимъ вопросамъ.—К. К. (*Іюнь*, *840*). — Мѣстное управленіе въ Россіи, П. Подлигайлова.—Наше учебное вѣдомство и начальная школа, Н. Дебольскаго. — Популярныя медицинскія брошюры гг. Л. Бразоля, Д. Ахшарумова и М. Чистякова.—Въ Америку, І. Петриковскаго.—Закулисная жизнь аптеки, І. Немировскаго. — Что читать народу? — критическій указатель книгъ для народнаго и дѣтскаго чтенія.—У моря, стих. М. Самойлова.—Замѣтки присяжнаго засѣдателя.—К. К.—Peter the Great, by E. Schuyler. — А. Н. (*Іюль*, *426*). — Афанасьевъ, Главные моменты министерской дѣятельности Тюрго.—Ходскій, Краткій курсъ политической экономіи въ связи съ финансами.—С. Цвѣтъ, Прогрессъ и бѣдность, по Генри Джорджу. — Ивановскій, Женевская конвенція 1864 года. — Никольскій, О выдачѣ преступниковъ по началамъ международнаго права.—Л. С. —Алексѣй Поповъ, Вліяніе церковнаго ученія на міросозерцаніе русскаго народа.—Н. Поповъ, Исторія импер. моск. общества и древностей россійскихъ. Ч. I.—Петровъ, Очерки исторіи украинской литературы XIX столѣтія.—А. Н. (*Августъ*, *821*).—Герберштейнъ и его историко-географическія извѣстія о Россіи, Е. Замысловскаго. — Печенѣги, торки и половцы до нашествія татаръ, П. Голубовскаго.—Этюды изъ области новой чешской литературы. Горные разсказы, А. Ираска. А. Степовича. — Владиміръ Соловьевъ, Религіозныя основы жизни. — Пессимизмъ и quasi-научная критика, А. И. Холмскаго.—Переходъ отъ сознанія къ самосознанію, Н. Алферова. (*Сентябрь*, *410*).—Труды четвертаго археологическаго съѣзда въ Россіи. — Сказки и преданія Самарскаго края, Д. Н. Садовникова. — Земля и люди. Всеобщая географія, Элизе Реклю. Дополненіе къ II выпуску V тома. — А. Пузыревскій, Исторія военнаго искусства въ средніе вѣка (*Октябрь*, *863*). — Древній законъ и обычай, Г. Мэна, пер. п. р. М. Ковалевскаго.—Моимъ критикамъ, Н. Карѣева. —О формахъ землевладѣнія въ древней Россіи, Г. Блюменфельда.—Л. С.—Генералиссимусъ князь Суворовъ, А. Петрушевскаго.—А. Н.—Грядущее рабство, Г. Спенсера.—Очерки и изслѣдованія, И. И. Янжула. — Фабричное законодательство цивилизованныхъ государствъ, А. Ѳедорова. — Eugène Onéghine, trad. par W.

тревскаго.—Очерки Крыма, Евг. Маркова.—А. Н.—Шекспиръ, въ перев. А. Л, Соколовскаго: Гамлетъ.—К. К.—*Январь, 415*).—Основаніе философіи, П. Милославскаго.—Л. Галенбаха: Индивидуализмъ въ свѣтѣ біологіи, перев. съ нѣм., съ предисл. В. Соловьева.—К. Головина: Наше мѣстное управленіе и наше представительство.—С. А. Приклонскій: Народная жизнь на сѣверѣ.—А. Мальшинскій: Народное благосостояніе по демографическимъ даннымъ.—Г. М. Герценштейнъ: Страница изъ исторіи медицинскаго образованія въ Россіи.—Д. М. Львовъ: Налогъ съ наслѣдства, по современному ученію финансовой науки.—Л. Владиміровъ: Ученіе объ уголовныхъ доказательствахъ.—Л. Н. Нисселовичъ: Исторія заводско-фабричнаго законодательства россійской имперіи.—Д. Сентсбери: Краткая исторія французской литературы.—Письмо въ редакцію по поводу книги „Жизнь европейскихъ народовъ", Е. Водовозовой (*Февраль, 884*).—Сочиненія кн. П. А. Вяземскаго, т. IX.—Сочиненія Козьмы Пруткова.—Географическій словарь, Як. Головацкаго.—А. Н.—О плебисцитѣ въ международномъ правѣ, Л. Лодыженскаго.—О происхожденіи и сущности вѣчно-чиншевого права, Л. В Гантовера, в. I.—Л. С.—Описаніе славяно-русскихъ книгъ, И. Каратаева.—М. П-ій.—Понятіе о власти и народѣ въ наказахъ 1789 г., В. Герье.—В. Александровъ, Задача и организація школьнаго дѣла въ уѣздѣ, кн. III.—Отчетъ о первомъ съѣздѣ учительницъ въ Твери, Д. Тихомірова.—К. К. (*Мартъ, 386*).—Основаніе классификаціи государствъ, Н. Звѣрева.—Теорія денежнаго обращенія, Н. Н. Коссовскаго.—Л. С.—Живописная Россія, пер. П. П. Семенова, т. XI.—Очеркъ изъ исторіи Тамбовскаго края, И. Н. Дубасова.—Похвала глупости, Эразма Роттердамскаго, перев. А. Кирпичникова.—А. Н. (*Апрѣль, 847*).—А. Д. Ушинскій, О причинахъ появленія раціоналистическихъ ученій штунды.—В. С. Пругавинъ, Сельская община и т. д., юрьевскаго у., владимірской губерніи.—Статистическій Ежегодникъ С.-Петербурга на 1882 г.—К. К.—А. И. Кельсіевъ, Записка объ основаніяхъ дѣятельности и проектъ устава истор.-этнограф. музея въ Ростовѣ.—Н. Гиббенетъ, Историческое изслѣдованіе дѣла патр. Никона.—А. Н. (*Май, 397*).—Изслѣдованіе народной жизни, вып. 1-ый, А. Ефименко.—Цѣнность жи[illegible] П. В. Мокіевскаго.—О нау[illegible]ченіи пессимизма и оптимизма[illegible] Е. Грота.—Психологія великих[illegible] Г. Жоли, пер. съ франц.—Т. Р[illegible]

слѣдственность душевныхъ свойствъ; 2) Болѣзни воли, перев. съ франц.—Л. С.—Шабельская А., Наброски карандашемъ.—Повѣсти, разсказы, И. А. Салова.—Д. Голохвастовъ: Письма изъ деревни.—Д. Дараганъ: Мысли сельскаго хозяина по разнымъ земскимъ вопросамъ.—К. К. (*Іюнь, 840*).—Мѣстное управленіе въ Россіи, П. Подлигайлова.—Наше учебное вѣдомство и начальная школа, Н. Дебольскаго.—Популярныя медицинскія брошюры гг. Л. Бразоля, Д. Ахшарумова и М. Чистякова.—Въ Америку, I. Петраковскаго.—Закулисная жизнь аптеки, I. Немировскаго.—Что читать народу?—критическій указатель книгъ для народнаго и дѣтскаго чтенія.—У моря, стих. М. Самойлова.—Замѣтки присяжнаго засѣдателя.—К. К.—Peter the Great, by E. Schuyler.—А. Н. (*Іюль, 426*).—Афанасьевъ, Главные моменты министерской дѣятельности Тюрго.—Ходскій, Краткій курсъ политической экономіи въ связи съ финансами.—С. Цвѣтъ, Прогрессъ и бѣдность, по Генри Джорджу.—Ивановскій, Женевская конвенція 1864 года.—Никольскій, О выдачѣ преступниковъ по началамъ международнаго права.—Л. С.—Алексѣй Поповъ, Вліяніе церковнаго ученія на міросозерцаніе русскаго народа.—Н. Поповъ, Исторія импер. мос[illegible] общества и древностей россійскихъ. [illegible] I.—Петровъ, Очерки исторіи украинско[illegible] литературы XIX столѣтія.—А. Н. (*Августъ, 821*).—Герберштейнъ и его исторvíко-географическія извѣстія о Росс[illegible] Е. Замысловскаго.—Печенѣги, торки [illegible] половцы до нашествія татаръ, П. Го[illegible]бовскаго.—Этюды изъ области новой че[illegible]ской литературы. Горные разсказы [illegible] Ираска. А. Степовича.—Владиміръ С[illegible]ловьевъ, Религіозныя основы жизни. [illegible] Пессимизмъ и quasi-научная крити[illegible] А. И. Холмскаго.—Переходъ отъ со[illegible]нія къ самосознанію, Н. Алферова. (*Сентябрь, 410*).—Труды четвертаго арх[illegible]логическаго съѣзда въ Россіи.—Ска[illegible] и преданія Самарскаго края, Д. Н. [illegible]довникова.—Земля и люди[illegible] географі[illegible] Элизе Рекл[illegible] II [illegible] тома.—[illegible] Истор[illegible] искус[illegible] вѣка [illegible] 863).—[illegible] и об[illegible]на, [illegible] [illegible] крити[illegible] —О [illegible] Рос[illegible]

ственнаго хозяйства и управленія городовъ, М. П. Щепкина. — Жизнь дѣтей, выпускъ III.—Исторія XIX-го вѣка, Мишле, т. II, перев. М. Цебриковой (*Февраль*). — Хроника петербургскихъ театровъ, ч. III, А. И. Вольфа. — Очерки исторіи украинской литературы XIX стол., Н. И. Петрова.—Иллюстрація къ „Запискамъ сумасшедшаго“, К. Шапиро. — Соціальный недугъ, Г. Дальтона.—Хлѣбъ насущный, Н. Неплюева. — Война въ Туркменіи, т. III, Н. И. Гродекова (*Мартъ*).—Полное собраніе стихотвореній Н. А. Некрасова, въ одномъ томѣ.— —Реальный словарь классической древности, Фр. Любкера, пер. В. Модестова. — Исторія реформаціи въ Польшѣ, Н. Любовича. — Устройство плотинъ, Д. Д. Неелова.—По вопросу о мѣрахъ противъ пьянства, О. Н. Половникова.—Законы о гражданскихъ договорахъ, В. И. Фармаковскаго (*Апрѣль*). — М. Д. Скобелевъ, Г. К. Градовскаго. — Уставъ торговый, ремесленный и фабричный, состав. Д. А. Носенко.—Египетъ, В. Андреевскаго.—Панамскій морской каналъ, Н. Латкина. — Н. И. Уткинъ, Д. А. Ровинскаго. — Сокровище, чтеніе и разговоръ. Вып. I (*Май*). — Сборникъ Русскаго Историч. Общества, тт. 39 и 40.—Силуэты Крыма. А. Н. Нелидина.—Русскій Якобинецъ, М. А. Загуляева (*Іюнь*).—Дидро въ Петербургѣ, В. А. Бильбасова. — Главные моменты министерской дѣятельности Тюрго, Д. Е. Аѳанасьева. — Муравьи, пчелы и осы, Дж. Леббока, перев. Д. В. Аверкіева.—Путеводитель по Балтійской жел. дорогѣ, И. II. Золотницкаго.—Путеводитель по западной Сибири, Н. Левитова (*Іюль*).—Кавказъ. Географическій очеркъ. Сергѣй Мечъ. — Князь В. Ѳ. Одоевскій, Н. Ѳ. Сумцова.—О народномъ хозяйствѣ, Г. Д.—Письма русскаго путешественника, Н. М. Карамзина.—Иліада Гомера, Н. И. Гнѣдича (*Августъ*).—Странствованія Василья Григоровича Барскаго по святымъ мѣстамъ Востока, Николая Барсукова.— Судебные уставы Императора Александра II, съ комментаріями и разъясненіями, С. Г. Щегловитова и Л. П. Рошковскаго. —Великое зерцало, П. В. Владимірова.— Карлъ Эльце, Лордъ Байронъ. Переводъ Цацкина (*Сентябрь*).—Исторія русской словесности. И. Порфирьева.—Въ помощь учащимся. Родная старина, В. Д. Сиповскаго.—Словарь практическихъ свѣдѣній, Л. Симонова (*Октябрь*).—Государственные долги, Н. Бржескаго.—Очеркъ морскихъ сношеній и войнъ европейцевъ съ Китаемъ по 1850 г., Д. Мертваго.—Недоконченныя бесѣды (Между дѣломъ), М. Е. Салтыкова (Щедрина). — Курсъ уголовнаго судопроизводства, И. Я. Фойницкаго *Ноябрь*).—Первое собраніе писемъ И. С. Тургенева.—Сборникъ Общества для пособія нужд. лит. и ученымъ.—Полное собраніе сочиненій Козьмы Пруткова.—Малолѣтніе и преступники, Д. Дриля.—Минеральныя воды въ Россіи и за-границею, Л. Бертенсона и Н. Воронихина.—Къ Животворящему Гробу Господню, разсказъ стараго паломника (*Декабрь*)

VI. Извѣстія.—Подписка на памятникъ И. С. Тургеневу (*янв. 448; авг. 870*). — Отъ „Кружка учредителей школьной дачи“ (*май, 435*).—Объявленіе о пожертвованіи въ пользу Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ (*окт., 886*).—О преміи, имени князя А. И. Васильчикова, отъ Спб. Отдѣленія Комитета о сельскихъ ссудосберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ (*нояб., 467*).

СОДЕРЖАНІЕ

ШЕСТОГО ТОМА.

НОЯБРЬ — ДЕКАБРЬ, 1884.

Книга одиннадцатая.—Ноябрь.

Книга двѣнадцатая.—Декабрь.

стр.

БИБЛIОГРАФИЧЕСКIЙ ЛИСТОКЪ.

Первое собранiе писемъ И. С. Тургенева. 1840—1883 гг. Спб. 1884. стр. 564. Ц. 2 р. 50 к., съ пересылкою.

Мысль собранiя писемъ Тургенева принадлежитъ комитету общества для пособiя нуждающимся литераторамъ и ученымъ, и сборъ отъ изданiя предназначается для усиленiя средствъ общества учрежденiемъ неприкосновеннаго капитала имени покойнаго, какъ одного изъ основателей общества, притомъ послужившаго ему не мало при жизни. Едва ли кто оставилъ послѣ себя столь обширную переписку, какъ Тургеневъ, именно вслѣдствiе того, что онъ съ 1864 г. жилъ чаще въ Баденѣ, а въ послѣднiя 10 лѣтъ, съ 1874 г., окончательно поселился въ Парижѣ; такое, почти постоянное, отсутствiе и было причиною усиленной переписки; собранная вмѣстѣ и расположенная въ хронологическомъ порядкѣ, такая переписка прiобрѣтаетъ значенiе почти дневника. Литературное и общественное значенiе, конечно, имѣютъ преимущественно только тѣ письма, которыми обмѣнивался Тургеневъ, напримѣръ, съ современными ему корифеями нашей литературы, съ гр. Л. Н. Толстымъ, М. Е. Салтыковымъ; хотя нельзя отказать въ значенiи и той перепискѣ, въ основанiи которой лежали случайныя встрѣчи или отношенiя вполнѣ частнаго характера: и тамъ можно найти не мало матерiаловъ для бiографiи покойнаго и его характеристики. Судя по отсутствiю въ первомъ собранiи писемъ Тургенева къ такимъ близкимъ къ нему лицамъ, какъ, напр., П. В. Анненковъ (помѣщено всего два письма, уже прежде напечатанныя), это первое собранiе не заключаетъ въ себѣ многаго, наиболѣе замѣчательнаго, а потому желательно было бы, чтобы современемъ это первое изданiе съ одной стороны пополнилось, а съ другой - было бы очищено отъ всего, что не имѣетъ литературнаго и чисто-общественнаго значенiя.

Сборникъ общества для пособiя нуждающимся литераторамъ и ученымъ. XXV лѣтъ. Спб. 1884. Стр. 592. Ц. 3 руб., съ пер. 3 р. 50 к.

Сборникъ изданъ въ память исполнившагося 25-лѣтiя общества, съ такою же благотворительною цѣлью, какъ и письма И. С. Тургенева. Во главѣ его помѣщена лѣтопись самаго общества, составленная Г. К. Рѣпинскимъ и А. М. Скабичевскимъ; около 25 лицъ пожертвовали на это дѣло своими трудами: гр. Л. Н. Толстой уступилъ первыя главы изъ давно ожидаемаго романа „Декабристы"; Н. Щедринъ (М. Е. Салтыковъ)—три сказки; Д. В. Григоровичъ – новый очеркъ. Одно появленiе гр. Л. Н. Толстого дѣлаетъ этотъ сборникъ цѣлымъ литературнымъ событiемъ: авторъ „Войны и Мира", въ этомъ отрывкѣ, является во всей прежней силѣ и съ тѣмъ же обаянiемъ таланта, который такъ хорошо знакомъ нашей публикѣ. Къ сборнику приложены 5 портретовъ умершихъ основателей общества.

Полное собранiе сочиненiй Козьмы Пруткова, съ портретомъ, fac-simile и бiографическими свѣденiями. Изданiе второе. Спб. 1885. Стр. 253. Ц. 2 р. въ папкѣ.

Первое изданiе, явившееся въ началѣ нынѣшняго, года давно уже разошлось. Новое изданiе было пересмотрѣно и исправлено В. М. Жемчужниковымъ, незадолго до его смерти, и является теперь какъ бы посмертнымъ: покойный вмѣстѣ съ гр. А. К. Толстымъ, какъ извѣстно, создали въ 50-хъ годахъ Козьму Пруткова, имя, сдѣлавшееся, благодаря ихъ таланту, популярнымъ въ средѣ нашего общества.

Малолѣтнiе преступники. Соч. Д. Дриля. Вып. I-ый. Москва, 1884. Стр. 318. Ц. 2 р. 50 к.

Начало обширнаго труда, предположеннаго авторомъ, съ цѣлью изученiя важнаго вопроса о преступности человѣка, ея факторахъ и средствахъ борьбы съ нею,—посвящено пока изложенiю основныхъ положенiй и руководящихъ началъ. Слѣдующiй выпускъ предназначается спецiально изслѣдованiю вопроса о малолѣтнихъ преступникахъ; такой же вопросъ о взрослыхъ послужитъ содержанiемъ второго тома. Появившiйся въ печати первый выпускъ, благодаря обширному знакомству автора съ литературой избраннаго имъ предмета, заключаетъ въ себѣ массу свѣденiй, въ высшей степени интересныхъ для психiатра и криминалиста, какъ тщательный очеркъ развитiя ученiя новой позитивной школы уголовнаго права.

Минеральныя воды, грязи и морскiя купанья въ Россiи и за границею. Л. Бертенсона и Н. Воронихина. Спб. 1884. Стр. 425.

Десять лѣтъ тому назадъ этотъ, въ настоящее время объемистый, трудъ явился въ видѣ небольшой брошюры, какъ опытъ; новое его изданiе, вполнѣ переработанное и весьма значительно расширенное, вышло не болѣе двухъ лѣтъ тому назадъ, и разошлось такъ скоро, что авторы получили возможность приступить къ третьему изданiю, заново обработанному и вновь значительно дополненному. Такой обработкѣ подверглись преимущественно глава о физiологическомъ дѣйствiи минеральной воды и статья о морскихъ купаньяхъ и грязяхъ. Сверхъ части медицинской, въ концѣ изданiя помѣщенъ краткiй „Путеводитель" по лечебнымъ мѣстностямъ, съ извѣстiями, полезными для предпринимающихъ путешествiе.

Къ животворящему гробу Господню. Изданiе православнаго Палестинскаго общества. Спб. 1884. 12°. 121 стр.

Книжка имѣетъ и другое заглавiе: „Разсказъ стараго паломника". Предметъ разсказа —описанiе путешествiя ко святымъ мѣстамъ отъ лица благочестиваго мужичка, написанное въ простонародномъ тонѣ, конечно, съ цѣлями популярнаго изложенiя предмета. Для читателей того же круга, къ какому принадлежитъ прилагаемый разсказчикъ, подобныя поддѣлки вообще мало достигаютъ своей цѣли, а простонародный читатель не нуждается въ прилаживанiи слога къ его предполагаемой простотѣ и предпочитаетъ простой серьезный разсказъ. Вообще говоря, цѣль изданiя была бы лучше достигнута, еслибы книжка имѣла просто характеръ обыкновеннаго путеводителя, написаннаго простымъ, доступнымъ языкомъ и заключающаго необходимыя справочныя свѣденiя, такъ какъ паломникъ получилъ бы въ такой книгѣ дѣйствительно полезные и практическiе совѣты для своего странствiя.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ
НА 1885 Г.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ.

	Годъ:	Полгода:	Четверть:		Годъ:	Полгода:	Ч
Безъ доставки	15 р. 50 к.	8 р.	4 р.	Съ пересылкою	17 » — »	10 »	
Съ доставкою	16 » — »	9 »	5 »	За-границей	19 » — »	11 »	

Нумеръ журнала отдѣльно, съ доставкою и пересылкою, въ Россіи — 2 р. 50 за-границей — 3 руб.

Книжные магазины пользуются при подпискѣ обычною уступкою.

ПОДПИСКА принимается—въ Петербургѣ: въ Главной Конторѣ жу «Вѣстникъ Европы» въ С.-Петербургѣ, на Вас. Остр., 2-я лин., 7, ея Отдѣленіи, при книжномъ магазинѣ Э. Меллье, на Невскомъ пектѣ;—въ Москвѣ: при книжныхъ магазинахъ Н. И. Мамонтова, на Ку комъ Мосту; Н. П. Карбасникова, на Моховой, д. Коха, и въ Конторѣ Н. ковской, Петровскія линіи.—Иногородные обращаются по почтѣ въ реда журнала: Спб., Галерная, 20, а лично—въ Главную Контору. Тамъ же нимаются частныя извѣщенія и ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ жур

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція отвѣчаетъ вполнѣ за точную и своевременную доставку городскимъ подписч Главной Конторы и ея Отдѣленій, и тѣмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которые вы подписную сумму *по почтѣ* въ Редакцію «Вѣстника Европы», въ Спб., Галерная, 20, съ со ніемъ подробнаго адресса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ *допущена* выдача журналовъ

О перемѣнѣ адресса просятъ извѣщать своевременно и съ указаніемъ пре мѣстожительства; при перемѣнѣ адресса изъ городскихъ въ иногородные доплачивается 1 р. изъ иногородныхъ въ городскіе—50 коп.; и изъ городскихъ или иногородныхъ въ иностран недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію, если подписка была сдѣлана въ указанныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже, какъ лученіи слѣдующаго нумера журнала.

Билеты на полученіе журнала высылаются особо тѣмъ изъ иногородныхъ, ко приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ":
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА
Вас. Остр., 2 л., 7.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Академ. пер., 7.

ИСКѢ

ЫЫ"

ЛИТЕРАТУРЫ.

Годъ: Полгода: Четверть:
. 17 » — » 10 » 6 »
. 19 » — » 11 » 7 »
въ Россіи — 2 р. 50 к.,

чною уступкою.

ной Конторѣ журнала
р., 2-я лин., 7, и въ
, на Невскомъ прос-
Мамонтова, на Кузнец-
я въ Конторѣ Н. Печ-
по почтѣ въ редакцію
Контору. Тамъ же при-
чатанія въ журналѣ.

городскимъ подписчикамъ
ранныхъ, которые выслали
Галерная, 20, съ сообще-
вое учрежденіе, гдѣ (NB)

съ указаніемъ прежняго
доплачивается 1 р. 50 к.;
дныхъ въ иностранные—

была сдѣлана въ выше-
, не позже, какъ по по-

иногороднихъ, которые

ичъ.

ОРА ЖУРНАЛА:
2 л., 7.

